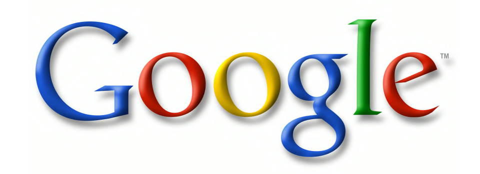
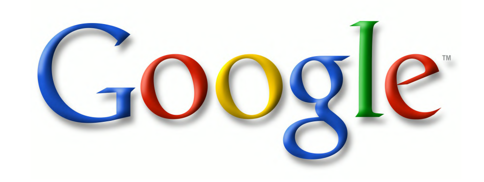
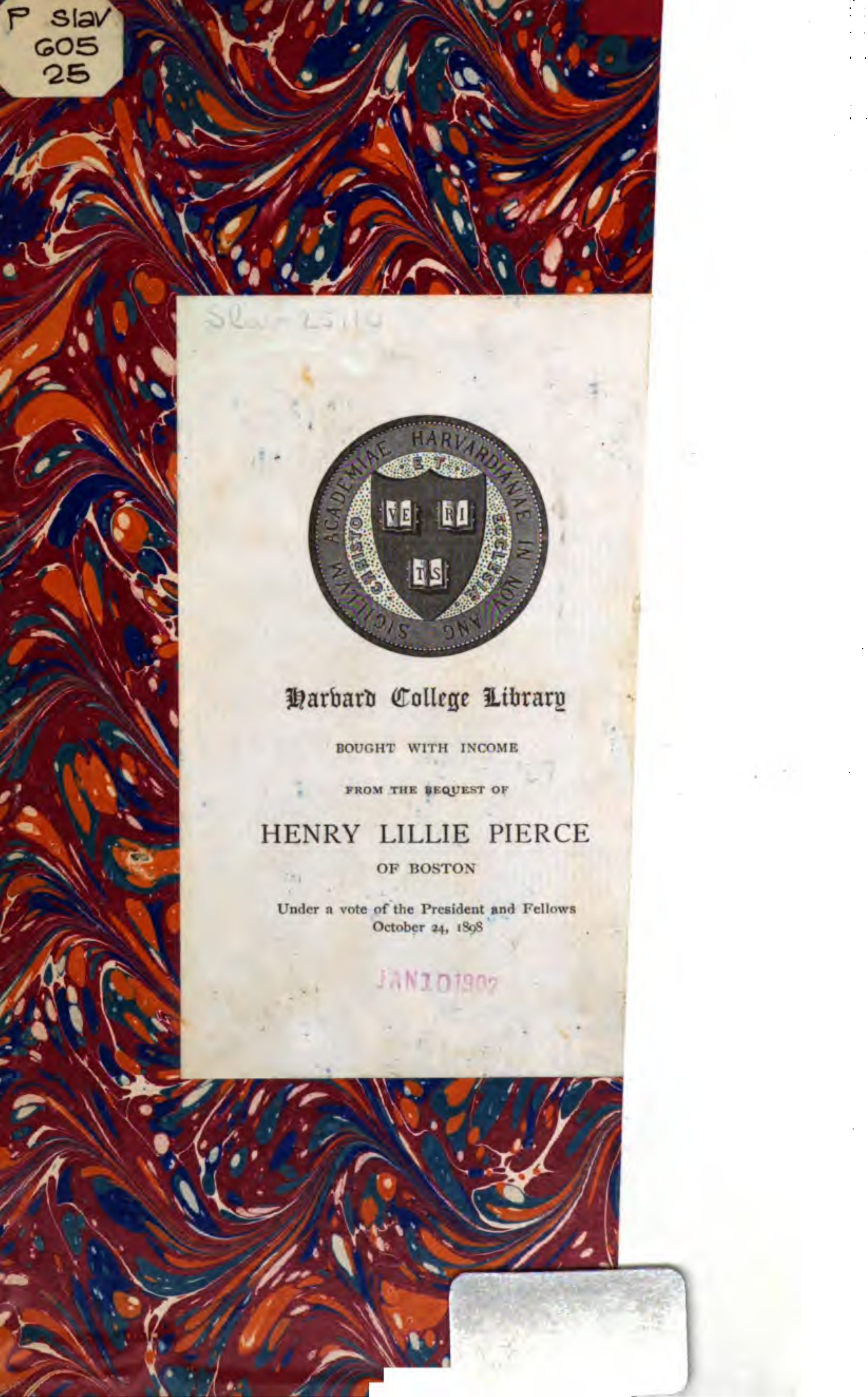





ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
SIGILLVM
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1878

[девятый годъ].

РУССКАЯ СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВѢЕВЪ
БОР. ГОЛИЦЫНЪ
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВЪ
МАКАРОВЪ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНIЕ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
ТОМЪ ХХ
1878.
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК.
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753
Состав. А. Шарлемань.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

6

Годъ девятый. ЯНВАРЬ. 1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Представители державной власти въ Россіи, заглавная виньетка. Рисовали гг. **Шарлемань** и **Брожъ**, гравировалъ Акад. **Л. А. Сѣряковъ**. — II. Знакъ масонской ложи: «Соединенныхъ Славянъ», 1818—1822 г. III. **Рисунки:** землянки, шалаши и бараки на позиціяхъ подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

НОВЫХЪ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ИСТОРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Кіевъ, 1876 г. 847. Ц. 4 р. Т. II. Отдѣлы историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Кіевъ, 1877 г. 524. Ц. 3 р.

Почти одновременно съ изданіемъ сочиненій Н. Д. Иванишева, появилось въ свѣтъ, въ Кіевѣ же, и собраніе другаго дѣятеля, подвизавшагося на поприщѣ науки въ Кіевскомъ университетѣ—М. А. Максимовича. Мысль объ изданіи трудовъ послѣдняго возникла еще въ октябрѣ 1875 г., въ Юго-западномъ отдѣлѣ Русскаго географическаго общества, вскорѣ послѣ того прекратившемъ свое существованіе. Тѣмъ не менѣе, первый томъ изданія вышелъ еще при участіи членовъ этого общества.

Сочиненія Максимовича такъ многочисленны и разнообразны, что пришлось раздѣлить ихъ на нѣсколько отдѣловъ, какъ-то: статьи по русской исторіи, исторической географіи, этнографіи, археологіи, словесности, библіографіи, статьи филологическаго содержанія, переписка, рѣчи, беллетристика, наконецъ, сочиненія по естественнымъ наукамъ. Кромѣ того, въ это собраніе не войдутъ сборники пѣсенъ, популярно-педагогическія сочиненія, статьи по естественнымъ наукамъ, потерявшія, въ настоящее время, свое значеніе, замѣтки, имѣвшія только временный, случайный характеръ. Въ интересѣ большаго удобства, при пользованіи научными статьями Максимовича, издатели предпочли такое раздѣленіе ихъ—изданію въ хронологическомъ порядкѣ, предполагая, впрочемъ, возстановить хронологическую связь между ними въ опытѣ біографіи автора. Редакція двухъ первыхъ томовъ принадлежитъ В. Б. Антоновичу.

Распредѣленныя по отдѣламъ, сочиненія Максимовича представляютъ довольно полныя группы и по своему содержанію. Въ первый томъ вошли статьи: 1) относящіяся къ исторіи Руси съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія (откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ; о происхожденіи варяго-руссовъ; Волынь XI вѣка; о древней епархіи переяславской; переяславскій отрокъ Янъ Усмошвецъ; вел. кн. кіевскій Святославъ Ярославичъ; въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ; замѣтка о пѣвцѣ Митусѣ; о мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ); 2) статьи, относящіяся къ исторіи Литовской Руси (нѣчто о землѣ Кіевской; память о кіевскомъ воеводѣ Григоріѣ Ходкевичѣ; замѣтка о землѣ Волынской; письмо о князьяхъ Острожскихъ; о памятникахъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства; родословныя записи Кіевлянина); 3) статьи, относящіяся къ исторіи казачества (извѣстіе о лѣтописи Григорія Грибянки; о южнорусскихъ лѣтописяхъ, изданныхъ Н. Бѣлозерскимъ; о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ; историческія письма о казакахъ приднѣпровскихъ; замѣтки о казацкихъ гетманахъ, полковникахъ прилуцкихъ; о Никифорѣ Турѣ, архим. печерскомъ; о времени основанія кіевской академіи; изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ; актъ избранія Петра Могилы въ митрополиты кіевскіе; письма о Богданѣ Хмельницкомъ; драма «Милость Божія»; о памятной книгѣ Михайловскаго; о Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ и его запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи; извѣстія о гайдамакахъ; объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсенъ; сказаніе о Коліевщинѣ; обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со времени Богдана Хмельницкаго). Въ приложеніи къ этому тому помѣщены мелкія историческія замѣтки.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

1779—1831.

XX [1]).

Въ предъидущихъ главахъ намъ приходилоcь говорить гораздо болѣе о занятіяхъ цесаревича Константина по военной части, нежели объ его управленіи въ Царствѣ Польскомъ, при чемъ официальное его тамъ положеніе какъ бы исключалось пребываніемъ намѣстника, князя Зайончека, какъ непосредственнаго представителя особы государя. Со смерти Зайончека, послѣдовавшей въ 1826 году, цесаревичъ безусловно распоряжался и всѣми отраслями управленія въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ новаго намѣстника назначено не было, а при немъ состояла канцелярія по гражданской части. Главнымъ своимъ призваніемъ онъ, какъ мы уже замѣтили, считалъ взаимное примиреніе обѣихъ націoнальностей — русской и польской, и надѣялся, достигнувъ этого, оставить по себѣ благодарную память въ потомствѣ. Между тѣмъ, не смотря на многія хорошія качества, цесаревичъ не былъ призванъ, по самому своему характеру и привычкамъ, къ роли примирителя, тѣмъ болѣе, что вся его дѣятельность и всѣ его заботы постоянно и даже исключительно сосредоточивались на одномъ только предметѣ—на польской арміи.

Г. Максимовичъ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 года", разсказываетъ, что всякое рас-

---

[1]) Первыя девятнадцать главъ этого историко-біографическаго очерка напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388; 539—557. Томъ XX, стр. 77—100; 367—392.

поряженіе было на глазахъ у цесаревича и не ускользало отъ его личнаго контроля. Онъ входилъ во всѣ подробности службы и солдатскаго быта. Цесаревичъ всегда прочитывалъ даже дневные рапорты и дѣлалъ на нихъ карандашомъ помѣтки, имѣвшія послѣдствіемъ какое нибудь практическое улучшеніе въ быту войскъ. При постоянныхъ занятіяхъ по военной части, онъ не имѣлъ возможности, даже если бы и желалъ, посвящать достаточно времени на дѣла гражданскаго управленія. О томъ же, что занятія эти были хотя и не всегда важны, но тѣмъ не менѣе продолжительны, можно заключить изъ того, что, напримѣръ, подписываніе и провѣрка паспортовъ нижнимъ чинамъ, увольняемымъ отъ службы, брала въ началѣ каждаго года у цесаревича — какъ это видно изъ одного его письма къ Ѳ. П. Опочинину—иногда 34 дня сряду, а между тѣмъ онъ не хотѣлъ никому передавать эту утомительную, чисто-канцелярскую работу. Ему приходилось также употреблять много времени и на просмотръ поступавшихъ къ нему лично просьбъ, а ихъ оказывалось у него не мало по самымъ разнороднымъ предметамъ. Такихъ просьбъ было подано ему въ 1827 году 1,148, а въ слѣдующемъ, 1828 году—1,318.

Замѣтимъ прежде всего, что въ то время, когда великій князь смотрѣлъ на безусловную покорность военныхъ какъ на первое условіе ихъ службы, онъ проводилъ нѣсколько иные взгляды на отношенія внѣ военно-служебныхъ сферъ. Еще будучи женихомъ, онъ, въ разговорѣ съ матерью своей невѣсты, высказывалъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ презрѣніе къ тѣмъ людямъ, которые гоняются за милостями высокихъ особъ, и выражалъ опасеніе, чтобы старшій братъ его не подпалъ подъ ихъ вліяніе. Онъ обнаруживалъ свое неудовольствіе при видѣ оказываемыхъ ему личныхъ услугъ, и однажды, во время ужина у герцогини Саксенъ-Кобургской, когда дежурный пажъ захотѣлъ служить ему, цесаревичъ сказалъ пажу по французски: „прошу, сударь, васъ не безпокоиться; мнѣ непріятно думать, что дворянинъ, который мнѣ будетъ послѣ товарищемъ, стоитъ у меня за стуломъ“.

Такое понятіе о различіи взаимныхъ отношеній по службѣ и внѣ ея сохранилъ цесаревичъ во всю свою жизнь: ни гражданскіе чиновники, ни обыватели Царства Польскаго вообще, не имѣли никакого повода жаловаться на его строгое или надменное съ ними обращеніе, тогда какъ вся его суровость была направлена на войско. Поэтому если войско было раздражено имъ, то вообще населеніе Царства, хотя и недовольное господствующими порядками, не питало лично къ великому князю непріязни, и скорѣе сочувственно, нежели враждебно, относилось къ нему.

Для общей характеристики политическихъ взглядовъ цесаревича

мы приведемъ нѣкоторые высказанные имъ самимъ мнѣнія и понятія.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Лагарпу онъ говорилъ: „я дѣлаю себѣ столько же чести и славы, дѣйствуя вопреки моему мнѣнію, какъ если бы я дѣйствовалъ согласно съ онымъ. Недовольные никогда не найдутъ поддержки и сборнаго пункта около меня. Напротивъ, я всячески буду стараться обратить ихъ къ слѣпому повиновенію своему государю". Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ Лагарпу же, но нѣсколько позднѣе, онъ, по поводу возстанія грековъ, сообщалъ такое съ своей стороны мнѣніе: „сожалѣя объ участи грековъ, я не нахожу ихъ дѣло справедливымъ, и не могу допустить въ моихъ принципахъ эманципацію народа посредствомъ возмущенія у сосѣда или ближняго, и поддерживать ее, не вызывая подобныхъ событій у себя, гдѣ, конечно, ихъ даже не потерпѣли бы и гдѣ употребили бы самыя энергическія средства, чтобы подавить ихъ. Съ которыхъ поръ великіе поборники греческаго дѣла и либералы—какъ ихъ нынѣ называютъ—сдѣлались такими христіанами, что съ такою ревностью защищаютъ дѣло св. креста? Начните прежде у себя и эманципируйте прежде своихъ, чѣмъ поддерживать эманципацію другихъ".

Относительно правъ печати—Константинъ Павловичъ высказывалъ слѣдующее мнѣніе: „печатайте что̀ угодно, но скажите тому, про кого вы печатаете, источники, откуда вы почерпнули, дабы онъ могъ найти удовлетвореніе, если оскорбленъ или обиженъ. Всякій безъимянный авторъ подлъ, ибо онъ скрывается за тайною, чтобы дѣлать зло и вредить, а затронутые имъ принуждены прибѣгать къ личному и непозволенному мщенію и поставлены въ необходимость личной защиты". Само собою разумѣется, что такой взглядъ относится исключительно къ личнымъ оскорбленіямъ въ печати, но не къ той свободѣ, при которой она получаетъ вліяніе на политическіе вопросы. Намъ не пришлось встрѣтить мнѣнія цесаревича собственно по этому предмету, но надобно полагать, что онъ, любя покорность безъ разсужденій и привыкнувъ самъ къ пассивному повиновенію, невыносливо бы смотрѣлъ на вмѣшательство печати въ дѣла политическаго свойства. Вообще же онъ отличалъ слова отъ поступковъ и по поводу обвиненія подполковника Лунина, вызывавшаго его нѣкогда на дуэль, писалъ въ Петербургъ: „статься могло, что онъ (Лунинъ), находясь въ неудовольствіи противу правительства, могъ что либо на счетъ онаго говорить, какъ сіе случается не съ однимъ имъ—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что мы иногда сами между собою, сгоряча, неодумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда въ рѣчахъ умѣренными,—но это еще не означаетъ какаго либо вреднаго намѣренія".

Константинъ Павловичъ былъ отъявленнымъ врагомъ всякихъ безъимянныхъ доносовъ и писемъ, говоря, что если вѣрить имъ, то пойдутъ большія непріятности и несправедливости, „ибо самая ракалья можетъ очернить и сдѣлать вредъ невиннымъ или честнымъ людямъ".

Не смотря на свои принципы, во многихъ и даже въ большинствѣ случаевъ не слишкомъ подходившіе къ либеральнымъ воззрѣніямъ, Константинъ Павловичъ, слѣдуя духу времени, принадлежалъ къ масонамъ, но, какъ онъ самъ писалъ Лагарпу, сдѣлалъ это съ разрѣшенія императора Александра Павловича, и прибавлялъ, что въ послѣдствіи, когда вышло запрещеніе принадлежать къ какимъ либо тайнымъ обществамъ, онъ тотчасъ оставилъ масонство.

Послѣ всего, что мы сказали вообще о политическихъ взглядахъ великаго князя, любопытно будетъ посмотрѣть на примѣненіе имъ этихъ общихъ взглядовъ къ положенію Польши.

Прежде всего онъ въ этомъ отношеніи дѣлалъ различіе между мечтами поляковъ и попытками осуществить эти мечты. „Полякамъ,— писалъ онъ Опочинину,—желать все, что̀ содѣйствуетъ ихъ возстановленію, можно, и сіе желаніе ихъ признать должно естественнымъ; но дѣйствовать имъ, въ какомъ бы то видѣ ни было, не позволительно, ибо такое дѣйствіе есть преступленіе".

Цесаревичъ былъ увѣренъ, что „дѣйствія среди поляковъ не предпринимается" и что если они хотятъ присоединенія къ Царству прежнихъ областей королевства Польскаго, то это потому, что они видятъ уже подобный примѣръ. По поводу этого Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину для доклада государю слѣдующее: „всѣ они (поляки) однѣхъ мыслей и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе отошедшихъ провинцій; но чтобы предпринимать какія для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній, а, напротивъ, весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ, ибо сіе могло быть мыслію только какого нибудь князя Яблоновскаго и ему подобныхъ; но поводы, данные имъ, и наиболѣе примѣръ утверждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи и сдѣлано было, подобно Царству Польскому, Великое Княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой, слѣдовательно, и они питаютъ такую же надежду. Я совсѣмъ далекъ выводить на счетъ сего какое либо мое собственное заключеніе, но только, когда таковой примѣръ мнѣ выставляютъ на видъ, прошу разрѣшить меня, что̀ мнѣ на оное отвѣчать?"

Оправдывая съ своей точки зрѣнія мечтанія поляковъ, Константинъ Павловичъ въ частности высказывалъ большое нерасположеніе

къ римско-католическому духовенству, но собственно за то только, что оно, какъ онъ полагалъ, хотѣло составить въ Польшѣ, по выраженію его, „status in statu“. Когда въ виду дряхлости и недуговъ митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевича, государь просилъ великаго князя Константина Павловича указать преемника митрополиту, то цесаревичъ сообщилъ, что, кромѣ луцкаго епископа, 70-ти лѣтняго старца, Цецишевскаго, человѣка почтеннѣйшаго и отлично уважаемаго не только своимъ духовенствомъ и католиками, но и русскими,—онъ не знаетъ никого даже въ Варшавѣ изъ католическихъ духовныхъ, кромѣ военныхъ священниковъ, и что всегда старался держать себя подальше отъ католическаго духовенства и не имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Особенное сочувствіе цесаревичъ питалъ къ польской арміи, полагаясь преимущественно на вѣрность и преданность ея главныхъ представителей. Въ 1826 году онъ отзывался объ нихъ предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ слѣдующихъ словахъ: „я ручаюсь за польскихъ начальниковъ; они умѣютъ чувствовать милость государя. Дай Богъ только, чтобъ другіе умѣли это чувствовать какъ они!“ Другой разъ онъ выразился такъ: „совершенно увѣренъ во всѣхъ войскахъ и начальникахъ частей, подъ командою моею состоящихъ; имъ нечѣмъ другимъ заниматься какъ только службою“.

Между тѣмъ, положеніе цесаревича, какъ неофиціальнаго правителя Царствомъ Польскимъ, „облеченнаго властью вполнѣ диктаторскою и неограниченною“, по собственнымъ словамъ его въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину, 7-го (19) февраля 1830 г., „становилось весьма щекотливымъ и труднымъ“. Въ этомъ письмѣ, по поводу князя Антона Яблоновскаго, замѣшаннаго въ вредныхъ замыслахъ противъ правительства, цесаревичъ писалъ слѣдующее: „желая только повиноваться и примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ благодѣтелемъ моимъ на счетъ этой страны и возможнаго образа дѣйствій, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную коммисію, наблюденіе и направленіе которой останется подъ моимъ надзоромъ“. Упоминая о томъ, что въ составъ этой коммисіи вошли: Новосильцевъ, Курута, Кривцовъ, Колзаковъ, Моренгеймъ—какъ русскіе, а Замойскій, Соболевскій, Гауке, двое Грабовскихъ и Розенштраухъ—какъ поляки, и замѣтивъ, что это люди различныхъ цвѣтовъ и убѣжденій, прибавлялъ, „что слѣдствію должна быть дана наибóльшая гласность“ и что „всѣ подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени; а такъ какъ мы,—заключилъ цесаревичъ,—подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго прав-

ленія и болѣе входить въ строй". Составленіе предположенной коммисіи было разрѣшено государемъ.

Въ такомъ поддержаніи законности Константинъ Павловичъ не былъ однако устойчивъ. Въ 1830 году, онъ требовалъ безусловно строгихъ мѣръ противъ „интригановъ", дѣйствующихъ въ Петербургѣ, причисляя ихъ къ тѣмъ людямъ, которые стремятся къ тому, чтобы соединить Литву съ Царствомъ Польскимъ. Императоръ Николай Павловичъ не удовольствовался однако такимъ голословнымъ обвиненіемъ и „желая имѣть что либо положительное, которое доказывало бы подобный замыселъ, и кто именно тѣ лица, дабы учинить наказаніе достойное и съ тѣмъ вмѣстѣ справедливое и согласное съ закономъ". Сообщая объ этомъ цесаревичу, Опочининъ, 4-го февраля 1830 года, писалъ ему: „я бы на вашемъ мѣстѣ поступалъ болѣе, нежели когда нибудь, осторожно, дабы самымъ видомъ показывать истину, отчуждая всякаго рода предположенія. Симъ способомъ отымите у людей неблагонамѣренныхъ всѣ средства къ кознямъ, ибо законное веденіе и сужденіе дѣлъ докажетъ истину и лишитъ средствъ людей тѣхъ распространять, что вы поступаете „арбитрарно". Опочининъ старался выяснить Константину Павловичу, что если онъ предполагаетъ, что интриганы имѣютъ въ Петербургѣ такое сильное вліяніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ надобно предположить, что правительство допускаетъ это по своей слабости. „Сіе,—писалъ Опочининъ,—неминуемо должно огорчить государя, который—какъ и вы—увѣренъ, что труды его неусыпны, и что мѣры, имъ принимаемыя, суть самыя дѣятельныя. Изъ сего слѣдуетъ неминуемо, что таковыя предположенія, когда они не основаны на ясныхъ доказательствахъ, пользы не приносятъ и умножаютъ искру между вами неудовольствій къ совершенному торжеству людей неблагонамѣренныхъ".

Въ Запискахъ своихъ („Рус. Ар." 1875 г.) графиня А. Д. Блудова замѣтила: „положеніе великаго князя и отношенія къ нему государя были такія особенныя, такія ненормальныя, что уступка желаніямъ старшаго брата была необходима". Одна изъ такихъ уступокъ была особенно важна: императоръ Николай Павловичъ желалъ, чтобы польская армія приняла участіе въ турецкой войнѣ. Безъ сомнѣнія, такое участіе произвело бы на поляковъ самое благопріятное впечатлѣніе, польстивъ ихъ національному чувству, напомнивъ времена Собѣсскаго, и сблизило бы ихъ съ русскими въ сраженіяхъ подъ одними знаменами. Кромѣ того, походъ польской арміи въ Турцію отвлекъ бы польскую молодежь отъ ихъ тайныхъ обществъ, среди которыхъ составлялись планы будущаго возстанія. Но Константинъ Павловичъ желая сохранить въ цѣлости польскую армію, находилъ,

что война портитъ войско, и, въ виду его противорѣчія этому предположенію, государь вынужденъ былъ уступить его желанію.

Другимъ поводомъ къ разномыслію между братьями было слѣдующее обстоятельство: императоръ Николай Павловичъ, уѣзжая изъ Москвы въ мартѣ 1830 года, оставилъ тамъ для разсмотрѣнія со стороны нѣкоторыхъ лицъ проектъ государственныхъ преобразованій, цѣль которыхъ, какъ писалъ А. С. Пушкинъ къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, клонилась къ тому, чтобъ оградить дворянъ отъ произвола чиновниковъ и предоставить новыя права мѣщанамъ и крестьянамъ. Этотъ проектъ, однако, не состоялся, вслѣдствіе несогласія со стороны Константина Павловича, которому государь, изъ братской любви и изъ уваженія къ старшинству, посылалъ на предварительный просмотръ всѣ важнѣйшія государственныя бумаги. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, кромѣ того, еще при Александрѣ Павловичѣ было заведено, чтобы всѣ русскія посольства и миссіи, находящіяся при иностранныхъ дворахъ, посылали въ Варшаву для свѣдѣнія къ Константину Павловичу копіи со всѣхъ ихъ депешъ. По отъѣздѣ великаго князя изъ Варшавы, поляки завладѣли этою перепискою, которая и была издана въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: „Portfolio".

Отрекшійся отъ престола цесаревичъ сталъ въ отношеніи своего младшаго брата въ положеніе вѣрноподданнаго и, соотвѣтственно этому, выражалъ государю чувства полной покорности и безпредѣльной преданности. Онъ изъявлялъ почтительную благодарность императору за дозволеніе употреблять присланную ему на память печать покойнаго государя; почтительно благодарилъ за присылку доставшихся ему, при раздѣлѣ, восьми лошадей, изъ числа принадлежавшихъ императору Александру Павловичу, и за тѣ объясненія, которыя относительно его хотѣлъ внести императоръ Николай Павловичъ въ свой манифестъ на случай своей кончины. Въ письмахъ своихъ къ Ѳ. П. Опочинину цесаревичъ просилъ повергнуть его къ стопамъ государя, что̀ со стороны этого послѣдняго вызвало наконецъ слѣдующія слова, обращенныя къ Опочинину: „сдѣлай одолженіе— упроси брата, чтобы онъ не повергалъ себя къ моимъ стопамъ".

Между тѣмъ, великій князь началъ подозрѣвать, что находятся люди, которые хотѣли разстроить доброе согласіе между обоими братьями. Въ Петербургѣ стали на счетъ его ходить разные слухи, и отъ 29-го января 1826 года Опочининъ писалъ объ этомъ, на что цесаревичъ отвѣчалъ: „все, что̀ вы сообщили мнѣ о неясныхъ слухахъ, распространяемыхъ на мой счетъ въ Петербургѣ, мало меня безпокоитъ: поведеніе мое слишкомъ безукоризненно, чтобы кто нибудь могъ его запятнать", и просилъ Опочинина письмо это показать го-

сударю. Къ слухамъ этимъ, враждебнымъ цесаревичу, прибавилось еще какое-то письмо тайнаго совѣтника Арсеньева, котораго, какъ писалъ цесаревичъ Опочинину—онъ не зналъ. Видно однако, что въ этомъ письмѣ говорилось о томъ, что будто-бы покойный императоръ съ цесаревичемъ „яко бы были въ общемъ заговорѣ". „На сіе,—писалъ Константинъ Павловичъ,—надобно обратить вниманіе: не съ умысломъ ли пущено сіе письмо; ибо что касается до государя императора, такъ какъ онъ скончался, то и дѣло кончено, а я какъ живъ, то не хотятъ ли подать нѣкоторое сомнѣніе его величеству въ искренности моей, дабы вселить подозрѣніе; но я совершенно увѣренъ, что никому въ семъ не удастся". Свою подозрительность въ этомъ отношеніи онъ выразилъ и въ другомъ письмѣ къ Опочинину, замѣчая, что Опочининъ съ нѣкотораго времени сдѣлался чрезвычайно осмотрителенъ въ своей съ нимъ перепискѣ, и доискивался тому причины. На письмо это Опочининъ самымъ положительнымъ образомъ отвѣчалъ, что прежнее расположеніе государя къ цесаревичу не измѣнилось нисколько.

Изъ дальнѣйшей переписки Константина Павловича съ Опочининымъ открывается, что причиною его неудовольствій были не личныя отношенія къ нему государя, но тѣ новые порядки, которые тогда стали заводиться въ Петербургѣ. По поводу этого онъ, 25-го декабря 1829 года, писалъ: „мудрено быть дѣятельнымъ и тянуться съ молодыми, коихъ правила и разумѣнія о вещахъ противны старымъ правиламъ и старымъ привычкамъ, а можетъ быть, и грубой закоснѣлости и грубымъ предубѣжденіямъ, вкоренившимся въ продолженіе полустолѣтія". Въ другомъ письмѣ, отъ $^{9}/_{21}$-го января 1830 года, онъ выражался такъ: „пускай новые будутъ дѣлать новое такъ, какъ мы дѣлали старое. Намъ, старикамъ, не догнать въ ловкости новыхъ". Послѣ того, въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ, онъ писалъ: „не привыкать мнѣ, въ мои годы и послѣ 30-ти лѣтней службы, къ новымъ порядкамъ, быть можетъ и великолѣпнымъ, но для меня непонятнымъ". Въ этихъ письмахъ слышится брюзгливое ворчаніе старѣющагося человѣка, привыкшаго къ стародавнимъ порядкамъ и находившаго, какъ это всегда водится, старое житье-бытье лучше новаго....

Помимо однако этого, были еще особые случаи, раздражавшіе цесаревича. Такъ, онъ выражалъ негодованіе на то, что въ Петербургѣ обнаруживается какое-то покровительство лицамъ, которымъ удалось заручиться покровительствомъ генерала Бенкендорфа и князя Ливена. Лица эти были тѣ, которыхъ цесаревичъ, въ административномъ порядкѣ, удалилъ изъ мѣстъ ихъ жительства со времени

своего управленія западными губерніями. Они, какъ полагалъ цесаревичъ, выдавали себя въ Петербургѣ жертвами произвола и такъ находили себѣ покровителя въ лицѣ князя Любецкаго — „человѣка—по отзыву цесаревича—тщеславнаго, способнаго на всякія подлости и униженія, чтобъ достигнуть своихъ цѣлей и личныхъ выгодъ". Въ такомъ положеніи дѣлъ онъ видѣлъ „интригу и заговоръ" и находилъ, что „трудно будетъ подобрать однажды распущенныя возжи". „Къ тому же,—добавлялъ цесаревичъ,—я слишкомъ хорошо вижу, что болѣе ужъ не пользуюсь прежнимъ довѣріемъ государя; недоумѣваю, чѣмъ могъ его лишиться: совѣсть моя чиста передъ Богомъ и людьми". Подозрительность его въ это время доходила до того, что онъ видѣлъ „всѣ придирки и ловушки, чтобъ вывести его изъ терпѣнія и, если можно, выжить его". Къ этому онъ прибавлялъ, что скоро будетъ восемь мѣсяцевъ, какъ онъ не получалъ, въ противность прежняго порядка, ни одной бумаги отъ нашихъ заграничныхъ посольствъ и миссій. „Это, — заключилъ онъ, — болѣе чѣмъ явное доказательство утраченнаго довѣрія". Его волновало также и то обстоятельство, что теперь поднялись высоко тѣ люди, которые были ничтожны въ предшествовавшее царствованіе, но особенно сильное неудовольствіе возбудило въ немъ дѣло какого-то мелкаго чиновника Згерскаго-Кашà, котораго онъ, какъ человѣка опаснаго, преслѣдовалъ въ Петербургѣ, но котораго императоръ Николай Павловичъ не признавалъ справедливымъ удалить оттуда со службы въ виду того, что Згерскій велъ себя въ Петербургѣ весьма скромно, а потому государь повелѣлъ только: „имѣть за нимъ строгое наблюденіе".

По поводу всего этого Опочининъ писалъ цесаревичу слѣдующее: .... „Я нахожу, что положеніе ваше и братца вашего не естественно. Исторія ничего подобнаго намъ не представляетъ; слѣдовательно, и обоюдныя ваши соотношенія должны быть необыкновенныя. Они должны быть основаны на любви самой чистѣйшей и душевной; отсюда проистекать должны неминуемо уваженіе, дружба, довѣренность и всѣ тѣ хорошія послѣдствія, которыя содѣлываютъ семейное благополучіе. Если же вы обоюдно будете токмо критиковать дѣйствія другъ друга, сіе не породитъ вышеизложеннаго, напротивъ того, расторгнетъ современемъ всѣ связанныя между вами существующія узы ко вреду даже государства. Вы полагаете, что вы потеряли довѣренность; братецъ также можетъ полагать, что всѣ его усилія, клонящіяся къ добру, не получаютъ вашу апробацію."

„Если нынѣ существующій ходъ дѣла не измѣнится, ядъ раздора, который теперь еще не ощутителенъ, постепенно ощутителенъ будетъ, изліетъ желчь свою на васъ и на братца вашего къ совершенному

торжеству неблагонамѣренныхъ людей, буде таковые изверги подъ сводомъ неба за грѣхи наши существуютъ".

Все это прямодушный Ѳ. П. Опочининъ передалъ и государю, хотя и могъ навлечь на себя гнѣвъ съ обѣихъ сторонъ. „Я страшусь, конечно, сего письма,—писалъ онъ Константину Павловичу,—но еще болѣе боюсь гнѣва Божія, который поставилъ меня въ сіе положеніе, а потому говорю неуклонительно правду".

13-го (25-го) февраля 1830 года, цесаревичъ благодарилъ Опочинина за эти совѣты, „которые онъ—по словамъ его—умѣлъ цѣнить въ полной силѣ". „Въ отвѣтъ я ничего не имѣю сказать,—писалъ Константинъ Павловичъ,—какъ только то, что молчать и повиноваться не стать мнѣ учиться въ 51-й годъ отъ роду, пріобыкнувъ къ оному съ самыхъ юныхъ годовъ жизни моей. Я даю слово, что впередъ ни словесно, ни письменно жаловаться не буду ни о чемъ. Оправдываться мнѣ несовмѣстно и пусть молчаніе мое послужитъ удостовѣреніемъ, что я не подыскивался ни къ кому, но излагалъ правду, какъ разумѣлъ. Впредь мнѣ наука".

Недовольный своимъ положеніемъ, цесаревичъ напустилъ на себя такую старость, какая пока къ нему еще не приближалась, хотя съ годами онъ дѣйствительно становился уже не тѣмъ молодцомъ, какимъ былъ прежде. Въ былое время онъ цѣлый день не выходилъ изъ мундира, а теперь просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ спальнѣ, въ халатѣ и въ туфляхъ, и, страдая ногами, онъ, когда-то лихой наѣздникъ, теперь съ трудомъ садился на коня.

Подхвативъ ходившую тогда между военными своеобразную поговорку князя П. И. Багратіона, составленную имъ на складъ грузинской рѣчи и примѣненную къ самому себѣ: „молода была—янычаръ была; стара стала—..... стала", онъ безпрестанно, и на словахъ и въ письмахъ къ Ѳ. П. Опочинину, повторялъ ее. Ссылка на старость была у него съ 1826-го года постоянною темою. Въ февралѣ этого года онъ писалъ Опочинину: „старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора мнѣ въ какую нибудь Цуруханскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты". Цесаревичъ теперь безпрестанно твердилъ, что онъ ни на что не годенъ, что ему „пора убраться по-добру, по-здорову", и однажды, коснувшись выхода въ отставку рижскаго генералъ-губернатора, маркиза Паулуччи, писалъ Опочинину: „онъ показалъ мнѣ примѣръ, что надобно дѣлать, и предупредилъ меня тогда, когда мнѣ бы слѣдовало показать ему оный". Константинъ Павловичъ сбирался уѣхать за границу и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Мысль удалиться изъ Варшавы онъ высказывалъ постоянно и—какъ сообщаетъ Д. В. Давыдовъ—хотѣлъ

просить у государя мѣсто военнаго губернатора въ Твери, въ память долголѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ великой княгини Екатерины Павловны. Когда же онъ узналъ о найденномъ въ бумагахъ польскаго генерала Князевича проектѣ: соединить Польшу въ прежнемъ составѣ подъ властью саксонской династіи; Пруссіи, въ замѣнъ отошедшей отъ нея при этомъ территоріи, дать Саксонію, а чтобъ вознаградить Россію — сдѣлать Константина Павловича восточнымъ императоромъ,—когда онъ узналъ объ этомъ, то сказалъ: „пускай меня не считаютъ и оставятъ въ покоѣ, мое мѣсто—развѣ въ хлѣбопашцы".

XXI.

Ко времени воцаренія императора Николая Павловича поляки были уже достаточно подготовлены къ возстанію. Не даромъ намѣстникъ царства, князь Зайончекъ, писалъ императору Александру Павловичу, что партія Чарторижскаго похожа на заговоръ, хотя она и не заслуживаетъ этого названія, и что махинаціи ея могутъ разразиться не въ царствованіе его величества, но при его преемникахъ. Кромѣ партіи Адама Чарторижскаго и дѣятельности тайныхъ обществъ, предполагавшемуся въ Польшѣ возстанію содѣйствовали и другія еще обстоятельства. Заговоръ декабристовъ подавалъ полякамъ надежду, что они найдутъ поддержку и въ самой Россіи, среди проявившихся тамъ революціонныхъ элементовъ. Затѣмъ, война Россіи съ Турціею, отвлекшая значительныя наши силы за Балканы, внушала имъ надежду на болѣе вѣрный успѣхъ вооруженнаго возстанія. Но особенно вскружила имъ головы революція, происшедшая, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, въ Парижѣ и отозвавшаяся въ Бельгіи, поднявшей оружіе противъ господства голландцевъ. Всѣ ожидали общей европейской войны, при которой легко могъ быть поднятъ вопросъ и о Польшѣ. Вліяніе всѣхъ этихъ событій на поляковъ ускользнуло, однако, на первый разъ отъ вниманія цесаревича и онъ полагалъ, что въ Царствѣ Польскомъ не можетъ произойти ничего подобнаго народному возстанію. Отъ 29-го августа (10-го сентября) 1830 года онъ писалъ Опочинину: „слава Богу, у насъ все смирно и, скажу, надежно къ воздержанію порядка. Рѣчи нѣтъ ни о чемъ—по всѣмъ свѣдѣніямъ, и все старое по старому и вновь ничего. Въ войскѣ духъ хорошъ и генерально насмѣхающійся надъ легкомысліемъ и вѣтренностію французовъ со товарищами". Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ,

онъ, сообщая Опочинину, что „весьма непріятныя продолжаются происшествія не только въ Нидерландіи, но и въ Германіи“, добавлялъ: „у насъ же, благодаря Бога, все хорошо и покойно“. То же самое, и притомъ буквально, повторялъ и въ послѣдующихъ своихъ письмахъ отъ 11-го (23-го) сентября и 21-го сентября (3-го октября), присовокупляя въ послѣднемъ письмѣ, что рекрутскій наборъ произведенъ въ Царствѣ замѣчательно быстро и что всѣ рекруты поспѣшали на службу съ полною готовностью. Въ виду этого, цесаревичъ „былъ радъ проявившемуся хорошему, разумному и разсудительному настроенію въ краѣ“.

Мѣряя это настроеніе предпочтительно по ходу дѣлъ въ военномъ вѣдомствѣ и видя себя окруженнаго отлично дисциплинированнымъ польскимъ войскомъ, Константинъ Павловичъ былъ совершенно далекъ отъ мысли, что вѣрность этого войска давно уже подточена въ корнѣ, и никакъ не предполагалъ, что польскіе рекруты являлись къ набору „съ полною готовностью“ не для того, чтобъ служить подъ его начальствомъ, но для того, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ освободиться отъ него.

Не предчувствуя собиравшейся грозы, цесаревичъ продолжалъ писать Опочинину въ самомъ успокоительномъ тонѣ. Такъ, 28-го сентября (10-го октября) онъ сообщалъ ему: „у насъ все тихо и покойно“. То же повторялъ онъ въ письмахъ своихъ отъ 5-го (17-го) и 19-го (31-го) октября, прибавляя, впрочемъ, въ послѣдующихъ изъ нихъ слабую догадку о вліяніи на поляковъ западно-революціонныхъ движеній; „идетъ лишь болтовня, послѣдствія нынѣшняго общаго моральнаго настроенія“,—писалъ онъ и надѣялся, что „по милосердію Божію въ Польшѣ избѣгнутъ всего дурнаго“. Вообще цесаревичъ весьма легко и даже шутливо относился къ тому сильному впечатлѣнію, какое производили на поляковъ „тревожныя“ бельгійскія событія. Въ числѣ придворныхъ чиновниковъ цесаревича состоялъ гофъ-фурьеръ Бѣляевъ, служившій постоянною мишенью его остротъ и насмѣшекъ, и исправлявшій при немъ, кромѣ гофъ-фурьерской должности, еще и должность шута. Въ этомъ Бѣляевѣ—человѣкѣ чрезвычайно тупомъ и безтолковомъ — цесаревичъ олицетворялъ, съ своей точки зрѣнія, карикатуру тогдашнихъ либеральныхъ доктринъ. Онъ пускался съ Бѣляевымъ въ разсужденія о „пагубномъ“ настроеніи умовъ въ Европѣ, и къ глупостямъ, высказываемымъ по этой части гофъ-фурьеромъ, примѣшивалъ свои собственныя остроты и насмѣшки, направленныя противъ стремленій къ политической свободѣ, забавляясь тѣмъ, что „принципіумы Бѣляева распространяются во всей Европѣ“.

Въ то время, когда великій князь подшучивалъ надъ своимъ простоватымъ гофъ-фурьеромъ, настроеніе умовъ въ Польшѣ, непріязненное Россіи, дѣлалось все замѣтнѣе и оно наконецъ становилось ясно и для Константина Павловича. Такъ надобно полагать, судя по двумъ его письмамъ къ Опочинину, въ которыхъ онъ уже не пишетъ, что „у насъ все тихо и спокойно", но и не сообщаетъ, впрочемъ, ничего зловѣщаго. Въ письмѣ же отъ 10-го ноября нов. стиля 1830 г. онъ снова повторяетъ, что все тихо и по старому, но въ приписке къ этому письму находятся слѣдующія строки: „вы узнаете, быть можетъ, отъ государя или отъ брата Михаила объ открытіи, которое мы здѣсь сдѣлали и въ которомъ десница Божья очевидна". Рѣчь здѣсь, конечно, шла о томъ покушеніи, которое предпринималось-было на жизнь цесаревича. Заговорщики намѣревались убить его на разводѣ, но онъ на этотъ разъ не явился на Саксонскую площадь и планъ злоумышленниковъ разстроился. По поводу этого случая—какъ писалъ Константинъ Павловичъ Опочинину—„приняты мѣры къ открытію нити заговора".

Сынъ Ѳ. П. Опочинина, Константинъ Ѳедоровичъ [1]), въ ту пору 22-хъ лѣтній юноша, служившій въ конной гвардіи и находившійся при цесаревичѣ въ Варшавѣ, оставилъ Записки [2]) о времени, предшествовавшемъ такъ называвшемуся у поляковъ ноябрьскому возстанію (powstanie listopadowe). Въ октябрѣ 1830 года онъ писалъ: „постоянно увѣряютъ, что возстаніе въ Варшавѣ пока не возможно, однако, какъ кажется, спокойствіе было нарушено въ послѣднее время. Принимаютъ мѣры предосторожности, но все дѣлается сколь возможно скрытнѣе. Любовидзскаго призывали въ Бельведеръ, чтобы былъ осмотрительнѣе. Каждый день какія-то странныя, непонятныя приказанія. Появились возмутительныя прокламаціи, писанныя женскимъ почеркомъ; въ арсеналѣ развинчивались ружья; дѣлались тревоги въ полной походной аму-

---

[1]) Константинъ Ѳедоровичъ, по матери внукъ фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего поколѣнія (род. въ 1808 г.). Онъ составилъ обширную библіотеку, и съ чрезвычайной готовностью давалъ изъ нея своимъ знакомымъ дорогія и рѣдкія книги. Онъ, съ разрѣшенія покойнаго государя, пользовался правомъ получать заграничныя сочиненія безъ цензурныхъ исключеній. Вторая его дочь, Дарья Константиновна, графиня Богарне, нынѣ покойная, была въ супружествѣ съ е. и. в. княземъ Евгеніемъ Максиміліановичемъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Е. К.

[2]) Предоставленныя его сыномъ, Ѳ. К. Опочининымъ—въ числѣ другихъ драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ—редакціи «Русской Старины» для напечатанія на страницахъ этого изданія. Ред.

ниціи; приказано было наблюдать за толпами, шумомъ и пожаромъ, и при каждомъ кабакѣ поставленъ караулъ".

Приближеніе бури чувствовалось какъ-то безсознательно. По разсказамъ молодаго Опочинина, тайная полиція въ Варшавѣ обходилась ежегодно до 400,000 рублей, но она не открывала заговорщиковъ, а доносила только цесаревичу объ офицерахъ, носившихъ шляпы не по формѣ или ходившихъ по улицамъ разстегнутыми. Полагали, что Рожницкій слухами о возстаніи только пугалъ великаго князя и дѣлалъ изъ мухи слона. Между тѣмъ, Константинъ Павловичъ получалъ анонимныя письма, предваряющія его объ опасности, но онъ не вѣрилъ этимъ письмамъ. 31-го окт. (11-го ноября) задержано въ Варшавѣ 6 заговорщиковъ, но великій князь былъ спокоенъ и продолжалъ разъѣзжать одинъ по городу. 6-го (18-го) ноября запретили давать оперу „Фенелла", приводившую публику въ неописанный восторгъ.

16-го (28-го) ноября 1830 года—значитъ, наканунѣ самаго возстанія—цесаревичъ отправилъ къ своему другу, Ѳ. П. Опочинину, последнее письмо изъ Варшавы. Въ письмѣ этомъ не говорится ровно ничего о положеніи дѣлъ въ Польшѣ и оно касается только отвѣта на просьбу Опочинина объ увольненіи его сына въ отпускъ. Затѣмъ, слѣдующее письмо великаго князя, отъ 8-го января нов. ст. 1831 года, Опочинину пришлось получить изъ Великой Бжостовицы, на пути отступленія цесаревича изъ Варшавы къ границамъ имперіи....

XXII.

Еще при слѣдствіи по дѣлу о декабристахъ обнаружилось соединеніе польскаго патріотическаго союза, существовавшаго въ Варшавѣ, съ заговорщиками русскаго южнаго общества, и такъ какъ участники союза принадлежали къ военно-служащимъ, то Константинъ Павловичъ и предложилъ учредить надъ ними военный судъ. Государь хотѣлъ, однако, сохранить въ Царствѣ Польскомъ общій установленный законами порядокъ и поручилъ судить виновныхъ варшавскому сенату, какъ высшему государственному судилищу. Предметомъ обвиненія было—оскорбленіе величества. Сенатъ, однако, оправдалъ подсудимыхъ. Тогда дѣло объ обвиняемыхъ было передано въ совѣтъ управленія Царствомъ Польскимъ, и въ совѣтѣ состоялось опредѣленіе, гласившее, что, по несовершенству законовъ, сенатъ не могъ произнести никакого другаго, кромѣ оправдательнаго приговора.

Главнымъ руководителемъ втайнѣ подготовляемаго возстанія былъ подпоручикъ польскаго гвардейскаго егерскаго полка Петръ Высоцкій.

Составленное имъ тайное общество соединилось съ такимъ же обществомъ военной молодежи, при чемъ самымъ дѣятельнымъ пособникомъ Высоцкаго былъ учитель школы плаванія Юзефъ Заливскій. Къ упомянутымъ тайнымъ обществамъ примкнули составленные студентами варшавскаго университета тайные патріотическіе союзы, число которыхъ было очень велико. Они то создавались, то упразднялись, то являлись вновь, принимая при этомъ новую организацію и новыя болѣе и болѣе вычурныя названія. Высоцкій не ограничился тѣмъ, что общество его состояло изъ военной молодежи и студентовъ, но онъ привлекъ въ составъ этого общества сперва горожанъ, а потомъ присоединилъ къ нему и представителей магнатской партіи, въ числѣ которыхъ былъ на этотъ разъ и князь Адамъ Чарторижскій. Война съ Турціею ободрила заговорщиковъ, а послѣдовавшія затѣмъ революціонныя потрясенія во Франціи и въ особенности въ Бельгіи оживили ихъ пылкими надеждами. Они теперь со дня на день ожидали общей европейской войны. Высоцкій не дремалъ, его агенты дѣйствовали энергически не только среди польской арміи, но и среди литовскаго корпуса, а между тѣмъ Константинъ Павловичъ не подозрѣвалъ еще ничего и надѣясь, что, при милости Божіей, все обойдется тихо и спокойно, твердо расчитывалъ на вѣрность и преданность подчиненной ему арміи. Впрочемъ, не одинъ цесаревичъ, но и вообще всѣ русскіе полагали невозможнымъ, чтобы польскія войска, даже въ случаѣ народнаго возстанія въ краѣ, измѣнили своему знамени.

Желая, съ одной стороны, подкрѣпить свою верховную власть религіознымъ обрядомъ, а съ другой стороны, показать полякамъ въ Царствѣ Польскомъ, что они, находясь въ династическомъ соединеніи съ Россіею, пользуются политическою обособленностію, императоръ Николай Павловичъ, въ мартѣ 1829 года, поѣхалъ въ Варшаву, чтобъ короноваться королемъ или царемъ польскимъ [1]). Передъ нимъ, 1-го мая, пріѣхалъ туда великій князь Михаилъ Павловичъ, а 4-го мая, въ день именинъ княгини Ловичъ, послѣ обѣдни, Константинъ и Михаилъ Павловичи поѣхали на встрѣчу государю, остановившемуся на ночлегѣ въ Яблони. Они возвратились въ тотъ же день въ Варшаву, а на другой день императоръ и императрица имѣли торжественный въѣздъ въ столицу Польши; съ ними находился и Наслѣдникъ престола. Государь со свитою, въ числѣ которой состоялъ и цесаревичъ, ѣхалъ верхомъ среди войска, разставленнаго на всемъ пути отъ заставы двойною шпалерою. Въ $12^1/_2$ часовъ государь въѣхалъ

---

[1]) Подробности описанія этой коронаціи находятся въ «Воспоминаніяхъ К. П. Колзакова», помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 года, томъ VII.

въ Королевскій зàмокъ, и когда всѣ сопутствовавшія ему лица разъѣхались, онъ отправился съ визитомъ къ цесаревичу и его супругѣ въ Брюлевскій дворецъ. Обѣдъ былъ въ этотъ день въ зàмкѣ; за обѣдомъ находились цесаревичъ, княгиня Ловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Вечеромъ государь заѣхалъ снова въ Брюлевскій дворецъ, а императрица посѣтила княгиню.

6-го, 7-го и 8-го мая были разводы на Саксонскомъ плацу. Главнокомандующій польскою арміей не безъ чувства самодовольства показывалъ ее государю. Въ оба послѣдніе дня княгиня Ловичъ была нездорова. 9-го мая былъ большой парадъ русскому и польскому войску. Парадомъ этимъ командовалъ цесаревичъ, и государь остался чрезвычайно доволенъ.

Въ этотъ же день, въ 1-мъ часу, собрались передъ Брюлевскимъ дворцомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя отъ польскаго конноегерскаго полка, герольды и отсюда они поѣхали сперва къ Королевскому зàмку, а потомъ по всему городу, и читали на площадяхъ манифестъ о предстоящей коронаціи. 10-го мая повторилось то же самое. Между тѣмъ, императоръ и императрица каждый день посѣщали княгиню, здоровье которой начало поправляться.

12-го мая происходило коронованіе и когда государь, въ порфирѣ и коронѣ, шелъ изъ зàмка въ каѳедральный костелъ, за нимъ слѣдовалъ цесаревичъ рядомъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Императрица шла послѣ нихъ подъ балдахиномъ, а за нею княгиня Ловичъ съ Наслѣдникомъ престола. За обѣдомъ, между прочими тостами, былъ провозглашенъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ, тостъ за польскій народъ. Въ этотъ день было роздано много наградъ, но замѣчательно, что ихъ не было пожаловано никому изъ лицъ, состоявшихъ въ свитѣ цесаревича.

13-го мая былъ балъ во дворцѣ. Государь, по случаю простуды, не присутствовалъ, а императрица вышла въ бальную залу въ сопровожденіи цесаревича, его супруги, Наслѣдника и великаго князя Михаила Павловича. Балъ открыла государыня полонезомъ съ Константиномъ Павловичемъ. Въ слѣдующіе дни были обѣды и балы и продолжались обычнымъ порядкомъ разводы. 23-го мая государь уѣхалъ изъ Варшавы.

Въ слѣдующемъ году императоръ намѣревался созвать польскій сеймъ. Константинъ Павловичъ отклонялъ его отъ этого. Побудительныя къ тому для цесаревича причины не разъясняются прямо имѣющимися у насъ въ рукахъ источниками, но о нихъ не трудно догадаться по тому пренебреженію, съ какимъ Цесаревичъ относился къ представительнымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ Польшѣ, и по

той насмѣшливой угрозѣ, съ какою онъ обыкновенно обращался къ офицерамъ, обѣщая имъ „задать конституцію". Важныхъ политическихъ послѣдствій отъ созванія сейма онъ, конечно, опасаться не могъ, если онъ даже предъ самымъ возмущеніемъ былъ увѣренъ, что въ Польшѣ все будетъ тихо и спокойно. Цесаревичъ зналъ, впрочемъ, что на сей мѣготовится сильная оппозиція правительству, и, не желая слушать предстоящія пренія, говорилъ, что просилъ бы у Бога глухоты на то время, пока будетъ продолжаться сеймъ, добавляя, что „не мѣшало бы сейму отрѣзать языкъ". Образовавшуюся оппозицію онъ приписывалъ главнымъ образомъ вліянію женщинъ, вмѣшивающихся не кстати въ государственныя дѣла.

Совершенно иначе относился къ предстоящему сейму императоръ Николай Павловичъ. Онъ не только не намѣревался отложить сеймъ, но даже предоставилъ полную свободу преній. Министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Мостовскій, счелъ однако нужнымъ довести до свѣдѣнія государя о составившейся среди депутатовъ сильной оппозиціи. Въ такомъ же смыслѣ докладывалъ государю и уполномоченный императорскій коммисаръ, Новосильцевъ, намекнувъ при этомъ, что разными способами можно было бы, если и не совершенно уничтожить, то хотя значительно ослабить оппозицію. Императоръ съ сильнымъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, и замѣтилъ, что онъ признаётъ возможность существованія только двухъ видовъ правленія—самодержавіе и республику. Къ этому онъ прибавилъ, что чувствуетъ сильное отвращеніе къ конституціонному образу правленія, потому именно, что, при его существованіи, правительства прибѣгаютъ къ подкупу. Въ заключеніе государь заявилъ, что онъ желаетъ остаться въ сторонѣ отъ подобныхъ недостойныхъ его средствъ. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи сейма, императоръ съ большимъ тактомъ объяснилъ бездѣйствіе польской арміи во время турецкой войны, происшедшее единственно по сопротивленію цесаревича. „Польская армія,—сказалъ императоръ,—не участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ довѣріе мое къ ней возложило на нее другую обязанность: она составляла передовое войско, которое охраняло безопасность государства".

Поводомъ къ тому, что Константинъ Павловичъ не желалъ открытія сейма, могло главнымъ образомъ послужить и слѣдующее, довольно щекотливое для него обстоятельство. Обсужденію предстоящаго сейма, въ числѣ разныхъ законопроектовъ, подлежалъ между прочимъ законъ о разводѣ супруговъ. Оппозиція расчитывала на то, чтобы провести на сеймѣ законодательный объ этомъ проектъ въ либеральномъ смыслѣ, такъ какъ на практикѣ разводы въ Польшѣ

были въ большомъ обычаѣ. Между тѣмъ, императоръ Николай Павловичъ былъ противнаго мнѣнія и не желалъ, по вопросу о разводахъ, допускать какихъ либо облегченій противъ тѣхъ правилъ, какія на этотъ случай установлены каноническимъ правомъ римской церкви. Въ разговорѣ по этому вопросу, происходившемъ въ присутствіи министра духовныхъ дѣлъ, графа Соболевскаго, государь, безъ малѣйшаго намѣренія затронуть цесаревича, получившаго разводъ съ первой своей супругой, выражался, съ свойственною ему прямотою, не слишкомъ сочувственно о такомъ способѣ расторженія брака.

— „Я никакъ не могу,—сказалъ государь,—представить себѣ брака, при которомъ былъ бы возможенъ разводъ".—Онъ, однако, тотчасъ замѣтилъ, что затронулъ этимъ лично цесаревича, и поспѣшилъ прекратить начатый разговоръ самымъ дружескимъ объясненіемъ.—„Я думаю,—сказалъ онъ, обращаясь къ Константину,—что и ты раздѣлишь мое мнѣніе, потому что ты теперь счастливъ въ супружествѣ, какъ и я. Спросимъ у нашихъ женъ: что̀ онѣ думаютъ о разводѣ?"

Въ засѣданіяхъ сейма вопросъ о разводахъ былъ предметомъ самыхъ горячихъ споровъ, и всѣмъ былъ извѣстенъ различный взглядъ на этотъ вопросъ, съ одной стороны, императора, а съ другой—цесаревича, такъ что, по видимому, оппозиція на сеймѣ была поддержкою мнѣнія Константина Павловича о необходимости какъ можно болѣе облегчить супружескіе разводы.

Государь былъ чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ въ Варшавѣ, не смотря на тотъ непріязненный правительству оттѣнокъ, какой принялъ сеймъ, окончившій свои засѣданія обвиненіемъ министровъ. Въ рѣчи, сказанной при закрытіи сейма, государь выразилъ сожалѣніе, что палата депутатовъ отвергла проектъ закона о разводахъ. Онъ постоянно былъ привѣтливъ и веселъ, между тѣмъ какъ Константинъ Павловичъ былъ, наоборотъ, сердитъ и мраченъ.

— „Я чувствую,—сказалъ императоръ Константину Павловичу,—что я государь Польши, и предвижу, что рано или поздно я привлеку къ себѣ поляковъ благодѣяніями".

Цесаревичъ не отвѣчалъ ничего на эти слова, и мрачное расположеніе его духа общественная молва объясняла тѣмъ, что онъ какъ будто ревновалъ поляковъ къ государю, такъ какъ ему были непріятны тѣ знаки преданности, которые поляки выражали теперь императору, довольные какъ его пребываніемъ въ Варшавѣ, такъ и тѣмъ сдержаннымъ положеніемъ, какое онъ принялъ въ отношеніи сейма.

Недовольство цесаревича своимъ настоящимъ положеніемъ, какъ разсказываютъ, выразилось съ его стороны довольно ясно. Возвра-

щаясь однажды вмѣстѣ съ государемъ въ Варшаву съ бывшаго за городомъ смотра войскамъ, великій князь спросилъ государя: „знаете ли, государь, о чемъ я мечтаю?" и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: „я хочу уѣхать на постоянное житье во Франкфуртъ-на-Майнѣ и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Такое моё желаніе раздѣляетъ и княгиня. Я хочу только отбыть на службѣ полные сорокъ лѣтъ". Такое желаніе, если не самая точность выраженія, заслуживаетъ полнаго вѣроятія: въ послѣдніе годы своего правленія въ Польшѣ цесаревичъ, какъ мы уже видѣли, тяготился своимъ постомъ и очень часто выражалъ желаніе „уйти на покой".

При этомъ пріѣздѣ императора Николая Павловича въ Варшаву цесаревичъ видѣлся съ нимъ послѣдній разъ въ жизни.

XXIII.

28-го ноября ст. стиля 1830 года, позднимъ вечеромъ, подъѣхалъ къ дому прусскаго посольства въ Петербургѣ измученный курьеръ. Онъ привезъ съ собой, вмѣсто депешъ, лоскутокъ бумаги, чуть-чуть запечатанный воскомъ. На этомъ лоскуткѣ, неразборчивымъ почеркомъ, было написано:

„Варшава, 30-го ноября, нов. стил. (18-го нояб. ст. ст.), 2 часа утра. Общее возстаніе; заговорщики овладѣли городомъ. Его И. В. цесаревичъ живъ и здоровъ; онъ въ безопасности посреди русскихъ войскъ". Эта депеша или записка была подписана: „Шмидтъ, прусскій консулъ".

Такъ какъ въ посольствѣ очень хорошо былъ извѣстенъ почеркъ консула, то относительно подлинности этого извѣстія не возникло никакого сомнѣнія. Стали разспрашивать курьера, но онъ рѣшительно ничего не могъ сказать, такъ какъ поскакалъ въ Петербургъ прямо изъ Познани, гдѣ вручена была ему эта записка генераломъ Дицемъ. Посланникъ отправился немедленно къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу К. В. Нессельроде, и передалъ ему привезенную курьеромъ записку.

Въ то время давно уже не было въ Петербургѣ никакихъ извѣстій изъ Варшавы, но обстоятельствомъ этимъ никто не тревожился при дворѣ и вовсе не предвидѣли, что-бы въ Польшѣ могли произойти какіе нибудь важные безпорядки. Было, правда, извѣстно господствующее тамъ возбужденіе умовъ, особенно среди молодежи, но на это не обращали особаго вниманія, полагая, что такое возбужденіе—ничего болѣе какъ только отголосокъ іюльской революціи, происходившей въ Парижѣ и отразившейся въ сосѣднихъ государствахъ.

Графъ Нессельроде чрезвычайно изумился такому неожиданному извѣстію и даже заподозрилъ его подлинность. Однако онъ тотчасъ до-

велъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, который, къ крайнему удивленію вице-канцлера, не былъ особенно пораженъ этою новостью, какъ будто относительно ея онъ былъ уже предваренъ заранѣе. Дѣйствительно, самъ императоръ предвидѣлъ могущіе возникнуть въ Варшавѣ безпорядки, такъ какъ министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Любецкій, постоянно въ своихъ конфиденціальныхъ донесеніяхъ сообщалъ ему откровенно о положеніи дѣлъ, предвѣщавшемъ мало хорошаго въ самомъ близкомъ будущемъ.

Затѣмъ, въ ночь на 1-е декабря ст. стиля прибылъ въ Петербургъ къ государю другой курьеръ, посланный изъ Берлина находившимся тамъ въ это время фельдмаршаломъ графомъ Дибичемъ. Но Дибичъ не сообщалъ о возстаніи въ Варшавѣ прямыхъ извѣстій, а прислалъ только тѣ польскія и нѣмецкія газеты, въ которыхъ говорилось о революціи въ Варшавѣ, присовокупивъ къ этому и то, что̀ онъ слышалъ отъ короля Фридриха-Вильгельма, который самъ узналъ объ этомъ изъ полученной записки или коротенькой записочки, присланной черезъ Познань, отъ прусскаго консула, находившагося въ Варшавѣ. На другой день въ конторы берлинскихъ банкирскихъ и торговыхъ домовъ были доставлены газеты, въ которыхъ сообщалось о возстаніи въ Варшавѣ и которыя фельдмаршалъ немедленно отправилъ къ императору Николаю съ нарочнымъ курьеромъ. Только вечеромъ 2-го декабря государь получилъ офиціальныя донесенія о варшавскихъ событіяхъ. Онъ поспѣшилъ извѣстить объ этомъ иностранные дворы и тотчасъ же вызвалъ Дибича изъ Берлина, и отправилъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ цесаревичу съ словесными распоряженіями.

По Петербургу пошелъ смутный говоръ о томъ, что въ Варшавѣ что-то не ладно, но никто обстоятельно не зналъ что́ именно тамъ произошло и только 3-го декабря, при выходѣ съ развода, бывшаго въ Михайловскомъ манежѣ, государь, сохраняя полное спокойствіе, объявилъ собравшимся около него генераламъ и офицерамъ о прискорбныхъ событіяхъ, случившихся въ Варшавѣ, и о той опасности, какой подвергался цесаревичъ.

Между тѣмъ, до начала открытаго возстанія въ Польшѣ, были уже тамъ признаки приближающагося волненія. Такъ, при полученіи въ Варшавѣ извѣстія объ іюльской революціи, тамъ произошло нѣсколько уличныхъ демонстрацій: стали появляться возмутительныя прокламаціи къ польскому народу, мелькать національныя кокарды, раздаваться на улицахъ революціонныя пѣсни, а на рѣшеткѣ Бельведерскаго дворца появилось объявленіе, что дворецъ этотъ будетъ скоро отдаваться въ наймы. Вслѣдствіе этого было произведено множество арестовъ, но самые тщательные розыски не открыли никакихъ слѣдовъ заговора и

казалось, что эти промелькнувшіе уличные безпорядки останутся безъ всякихъ послѣдствій. Около того же времени стали ходить между поляками слухи будто бы Россія вступила въ переговоры съ Австріею и Пруссіею о возстановленіи королевства Польскаго въ границахъ 1772 года, съ тѣмъ однако, чтобы возстановленное королевство не было государствомъ независимымъ, но состояло бы подъ протекторатомъ Россіи. Проектъ этотъ приписывали великому князю Константину и разсказывали, что такое предположеніе согласовалось съ видами императора Николая. Разумѣется, все это была выдумка, первоначально пущенная въ ходъ англійскими газетами, но она имѣла однако сильное вліяніе на умы поляковъ, которые думали, что подобный проектъ непремѣнно долженъ осуществиться и что государь уже заранѣе готовится къ уступкамъ въ виду того, что поляки легко могутъ воспользоваться бурнымъ временемъ. Собственно же вожаки революціоннаго движенія старались достигнуть не только этого, но и полной независимости Польши и при томъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она существовала до перваго ея раздѣла. Первымъ шагомъ къ возстановленію ея въ такомъ видѣ должно было служить исполненіе слѣдующаго плана: когда тайное общество почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы дѣйствовать, то сорокъ рѣшительныхъ и вооруженныхъ молодыхъ людей явятся по одиночкѣ, въ плащахъ, на Саксонскую площадь, на которой цесаревичъ производилъ обыкновенно смотры и разводы. Тамъ они смѣшаются съ зрителями и останутся въ толпѣ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ на площадь цесаревичъ. Когда же онъ покажется, то они нападутъ на него и на русскихъ генераловъ, а собранныя на площади войска, провозгласивъ независимость Польши, немедленно устремятся въ казармы русскихъ полковъ и обезоружатъ ихъ. Планъ этотъ думали привести въ исполненіе 20-го октября н. с., но сдѣлать этого не удалось, такъ какъ въ этотъ день цесаревичъ, противъ обыкновенія, не прибылъ на площадь къ разводу.

Еще болѣе возбудило партію дѣйствія къ принятію рѣшительныхъ мѣръ повелѣніе императора Николая о постановкѣ русской арміи на военное положеніе и о движеніи ея къ западнымъ границамъ государства. Принялись толковать, что польская армія выступитъ какъ авангардъ, такъ какъ походъ въ Бельгію рѣшенъ и остается только ожидать приказа о выступленіи. Поляки стали опасаться, что русская армія, расположившись въ Царствѣ, пресѣчетъ всякую возможность къ возстанію и, кромѣ того, между поляками пошелъ слухъ, что русская армія предназначается собственно не для того, чтобы смирить Бельгію, но для того, чтобы поддержать порядокъ въ Царствѣ Польскомъ. Мѣру эту дѣйствительно, но нѣсколько позднѣе, предложилъ

императору князь Любецкій, сообщивъ его величеству о томъ, какое вліяніе и какую силу пріобрѣли въ Польшѣ тайныя общества, и указавъ на то, что въ случаѣ если тамъ возникнутъ волненія, то русскому правительству никакъ не слѣдуетъ полагаться на литовскій корпусъ, въ которомъ почти всѣ офицеры состоятъ членами тайныхъ обществъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, угрожавшихъ подавить попытки злоумышленниковъ, эти послѣдніе рѣшились привести свои замыслы въ исполненіе 29-го (17-го) ноября. Предвѣстіемъ близкаго возстанія были, между тѣмъ, продолжавшееся наклеиваніе на стѣнахъ казенныхъ и общественныхъ зданій и распространеніе повсюду возмутительныхъ прокламацій; писанныя женскимъ почеркомъ анонимныя письма великому князю то въ угрожающемъ, то въ остерегающемъ смыслѣ; все чаще и чаще появлялись національныя кокарды и раздавались революціонныя пѣсни, а порою мятежные крики. Чернь сдѣлалась на улицахъ дерзка и нахальна; поляки задѣвали русскихъ солдатъ и заводили съ ними драки. Подбивали народъ и тѣмъ еще, что руская армія, вступивъ въ предѣлы Царства, занесетъ холеру, почему и предлагали возстать всѣмъ поголовно какъ одному человѣку.

По Варшавѣ прошелъ слухъ, что возстаніе произойдетъ 28-го (16-го) ноября, и потому великимъ княземъ въ этотъ день приняты были особыя мѣры предосторожности и между прочимъ польскіе караулы были повсюду замѣнены русскими и это обстоятельство заставило заговорщиковъ отложить исполненіе ихъ намѣренія до завтра. Но такъ какъ роковой срокъ миновалъ благополучно, то цесаревичъ считалъ говоръ о близкомъ возстаніи однимъ изъ тѣхъ вздорныхъ слуховъ, которые часто и совершенно напрасно тревожили какъ его самого, такъ и русскія власти, охранявшія порядокъ и спокойствіе въ столицѣ Царства Польскаго. Вслѣдствіе этого принятыя 28-го (16-го) числа мѣры на слѣдующій день возобновлены не были. Тѣмъ не менѣе, русскіе чуяли что-то недоброе: они старались не быть въ разбродѣ и имѣли при себѣ заряженные пистолеты. Съ своей стороны и цесаревичъ распорядился, чтобы ночью по городу ходили сильные патрули отъ русскихъ полковъ; иногда онъ самъ рано по утру отправлялся повѣрять эти патрули и внушалъ какъ офицерамъ, такъ и солдатамъ, чтобъ они исполняли свои служебныя обязанности какъ можно рачительнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на случай тревоги, онъ назначилъ русскимъ полкамъ сборные пункты по близости Бельведера.

Въ то время, какъ со стороны русскихъ принимались такія мѣры, руководители возстанія собрались на совѣщаніе и рѣшились начать съ того, чтобы умертвить цесаревича. На необходимости этого злодѣйства на-

ставалъ въ особенности Лелевель, высказывая опасеніе, что если великій князь останется въ живыхъ, то весьма вѣроятно, что нѣкоторые польскіе полки или начнутъ колебаться, или прямо станутъ на его сторону. Въ свою очередь и Константинъ Павловичъ расчитывалъ по прежнему на вѣрность и преданность польскихъ войскъ.

Присутствовавшій на упомянутомъ совѣщаніи одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Заливскій, предложилъ отложить возстаніе по той причинѣ, о которой было уже сказано прежде, и 16-го (28-го) ноября рано утромъ послалъ въ польскіе полки, расположенные въ окрестностяхъ Варшавы, своихъ соучастниковъ извѣстить офицеровъ, что возстаніе начнется 17-го (29-го) ноября вечеромъ, и что сигналомъ возстанія послужитъ пожаръ пивоварни, находившейся въ предмѣстьи Варшавы, Сольцы. Общій планъ возстанія заключался въ томъ, чтобъ: 1) убить великаго князя; 2) взять арсеналъ и хранившееся тамъ оружіе раздать народу, и 3) обезоружить русскія войска и захватить въ плѣнъ русскихъ генераловъ, умертвивъ тѣхъ изъ нихъ, которые окажутъ сопротивленіе. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Людвигъ Набѣлякъ, принялъ присягу 32-хъ студентовъ, назначенныхъ напасть на Бельведерскій дворецъ, чтобы покончить тамъ съ великимъ княземъ.

Утромъ 17-го (29-го) ноября, въ понедѣльникъ, въ Варшавѣ было замѣтно особенно сильное движеніе: заговорщики сновали то въ ту, то въ другую сторону, но, послѣ благополучно прошедшаго дня, полиція не обращала на это особеннаго вниманія. Въ 6 часовъ вечера Высоцкій явился въ школу подпрапорщиковъ, въ которой находилось 200 учениковъ не моложе 20-ти лѣтъ, поступившихъ въ школу изъ польской шляхты. Вооруживъ ихъ, онъ повелъ ихъ за собою съ криками: „niech żyje Polska!" Двое же изъ подпрапорщиковъ направились къ Бельведеру, чтобы принять начальство надъ ожидавшими около этого дворца молодыми людьми, назначенными умертвить великаго князя. Незамѣтно подкрались они къ незапертой желѣзной рѣшеткѣ Бельведерскаго дворца, въ которомъ вовсе не было даже военнаго караула, а находились только два или три безоружныхъ сторожа изъ инвалидовъ. Справиться съ ними было не трудно и заговорщики безъ труда забрались въ комнаты, занимаемыя великимъ княземъ, и тамъ они съ криками: „niech żyje Polska!" принялись бить стекла, зеркала, люстры и ломать мебель. Высоцкій между тѣмъ направился къ казармамъ уланскаго его высочества полка и своимъ внезапнымъ появленіемъ произвелъ тамъ сильный переполохъ.

Въ то время, когда заговорщики готовились напасть на цесаревича, онъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровымъ, легъ спать у себя въ кабинетѣ и тамъ заснулъ.

Въ эту пору своей жизни онъ отсталъ отъ своей прежней привычки—не снимать мундира въ теченіе цѣлаго дня. Придя въ кабинетъ, онъ надѣлъ, по обыкновенію, бѣлый холстинный халатъ, и когда заговорщики забрались во дворецъ, онъ спалъ на софѣ послѣобѣденнымъ „сладчайшимъ", какъ онъ выражался, сномъ. Въ пріемной комнатѣ, отдаленной отъ кабинета, ожидалъ его пробужденія вице-президентъ города и начальникъ варшавской полиціи, Любовидзскій, явившійся во дворецъ съ тѣмъ, чтобы доложить великому князу о готовившемся возстаніи. Заговорщики знали, что Любовидзскій не былъ вовсе ихъ доброжелателемъ и, увидя его, кинулись на него; онъ побѣжалъ, а они съ угрожающими криками стали преслѣдовать его изъ комнаты въ комнату. Любовидзскій успѣлъ, однако, черезъ корридоръ добѣжать до дверей кабинета, растворилъ ихъ и громко крикнулъ попольски: „ваше высочество, спасайтесь! Васъ хотятъ убить!" Заговорщики нагнали Любовидзскаго въ концѣ корридора и нанесли ему двѣнадцать штыковыхъ ранъ.

Вскочивъ съ софы, великій князь бросился въ просонкахъ къ двери. къ тому направленію, откуда слышались шумъ и крики, но вбѣжавшій въ это время въ кабинетъ камердинеръ его — по разсказамъ однихъ Фризе, а по разсказамъ другихъ Коханскій—оттолкнулъ цесаревича отъ двери и заперъ ее на двѣ задвижки. Константинъ Павловичъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ убійцъ, которые ломились въ дверь и усиливались выбить ее бѣшенными ударами ружейныхъ прикладовъ. Дверь однако твердо выдерживала и натискъ и удары: она была сдѣлана изъ дубоваго дерева и обита желѣзомъ.

Озадаченный внезапною тревогою, великій князь прежде всего подумалъ о женѣ, безпрестанно повторяя: „надобно спасать княгиню!" Камердинеръ успокаивалъ его, говоря, что княгиня находится въ безопасности, а онъ, сообразивъ, что присутствіе его около нея не только не предохранитъ ее отъ бѣды, но, напротивъ, усилитъ опасность, рѣшился выбраться изъ дворца, въ которомъ уже распоряжались мятежные пришельцы. Великій князь,—какъ разсказываетъ Лакруа,—остался въ халатѣ какъ былъ, и, только схвативъ пистолеты и саблю, кинулся въ потаенный ходъ, который одинъ только онъ умѣлъ отпереть и запереть.

Между тѣмъ заговорщики шарили во всѣхъ углахъ дворца, отыскивая исчезнувшаго великаго князя. Одинъ изъ нихъ закричалъ, что цесаревичъ, вѣроятно, убѣжалъ къ княгинѣ Ловичъ и скрывается у нея, но они не рѣшались вторгнуться въ покои княгини, которая, узнавъ объ опасности, постигшей ея мужа, рвалась къ нему на помощь. Когда же окружавшія ее женщины не допустили ея до этого

она, въ изнеможеніи упавъ на полъ, безсвязно молилась о спасеніи любимаго ею человѣка. Обыскавъ понапрасну весь дворецъ, заговорщики кинулись въ садъ, и тамъ продолжали нѣкоторое время свои поиски безъ всякаго успѣха.

При выходѣ изъ дворца, они встрѣтили во дворѣ состоявшаго при великомъ князѣ генерала Жандра, который спѣшилъ въ Бельведеръ, чтобы вывести оттуда цесаревича къ русскимъ войскамъ. По словамъ однихъ, заговорщики приняли Жандра въ темнотѣ за великаго князя и, не пускаясь съ нимъ въ разговоръ, одинъ изъ нихъ, Кучневскій, прокололъ его штыкомъ насквозь. По словамъ другихъ, Жандръ назвалъ себя и они потребовали, чтобъ онъ выдалъ имъ великаго князя, но прежде чѣмъ Жандръ успѣлъ произнесть хоть одно слово въ отвѣтъ на это требованіе, ему былъ нанесенъ смертельный ударъ. Убѣдившись, что поиски за великимъ княземъ будутъ напрасны, заговорщики явились къ Высоцкому и объявили ему, что цесаревичъ ускользнулъ изъ ихъ рукъ.

О спасеніи великаго князя имѣются у насъ въ виду два главныхъ, не совсѣмъ сходящихся между собою съ перваго взгляда разсказа. Поль Лакруа (Bibliophyle Jacob), въ исторіи жизни и царствованія императора Николая, передаетъ, что цесаревичъ черезъ потаенный ходъ спустился въ подземелье съ своимъ камердинеромъ Коханскимъ и, блуждая въ потемкахъ по подземнымъ ходамъ, выбрался наконецъ на Сольцы, къ казармамъ уланскаго полка, но увидѣлъ, что казармы пусты, и, опасаясь попасть въ руки мятежниковъ, сталъ пробираться черезъ поле, мѣстность совершенно пустынную, прислушиваясь къ доходившему до него изъ Варшавы шуму, покрываемому порою ружейными выстрѣлами и ревомъ набата. Вдругъ онъ увидѣлъ человѣка, который внимательно слѣдилъ за нимъ и, какъ казалось, дѣлалъ это не съ добрыми намѣреніями. Великій князь смѣло подошелъ къ нему и окликнулъ его громкимъ, повелительнымъ голосомъ.

— „Неужели это—вы, ваше высочество?“ съ изумленіемъ спросилъ незнакомецъ, въ которомъ цесаревичъ тотчасъ узналъ консула Шмидта.

Затѣмъ у Лакруа приводится подробный разговоръ двухъ этихъ, столь неожиданно встрѣтившихся лицъ. Во время разговора консулъ подвелъ великаго князя къ дому какого-то нѣмца, которому и отрекомендовалъ его высочество какъ русскаго вельможу, захваченнаго врасплохъ напавшими на него мятежниками и едва ускользнувшаго отъ ихъ ярости. Изъ этого дома и въ присутствіи великаго князя Шмидтъ отправилъ тѣ двѣ депеши, изъ которыхъ одна была доставлена черезъ Познань въ Берлинъ, а другая тѣмъ же путемъ пошла въ Петербургъ. Цесаревичъ же, не зная ничего, что̀ дѣлается въ

Варшавѣ, не пожелалъ сообщить отъ себя императору какихъ-либо извѣстій. Побѣжавшій въ Бельведеръ камердинеръ великаго князя возвратился оттуда съ частью придворной прислуги, со многими адъютантами, и привелъ достаточный конвой для прикрытія особы цесаревича. Какъ только Константинъ Павловичъ вернулся во дворецъ, онъ поспѣшилъ къ своей супругѣ, благодаря присутствію которой въ Бельведерѣ заговорщики удалились изъ дворца, не произведя вторичнаго на него нападенія.

— Ваше высочество,—закричала княгиня, увидавъ своего мужа,— простите меня за то, что я полька!... Слава Богу, что вы не погибли отъ рукъ моихъ соотечественниковъ!

— Успокойся, дорогая моя Жанета! Не мучь себя, убійцы мои, вѣроятно, не были поляки, — проговорилъ растроганный цесаревичъ, обнимая княгиню.

Онъ одобрилъ вполнѣ тѣ распоряженія, какія въ отсутствіе его она сдѣлала, повелѣвъ начальникамъ войскъ, обратившихся къ ней за приказаніями, не нападать самимъ на заговорщиковъ, но только отражать ихъ нападенія, и не заводить въ городѣ общаго боя, дабы опровергнуть злобную выдумку, будто не поляки напали на русскихъ, но русскіе на поляковъ, желая грабить мирныхъ жителей Варшавы.

Въ „Воспоминаніяхъ“ вице-адмирала П. А. Колзакова—служившаго во время возстанія адъютантомъ при великомъ князѣ, - напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (томъ VII, изд. 1873 г.), находится замѣтка сына покойнаго адмирала Колзакова, Константина Павловича Колзакова, въ которой говорится, что великій князь, „какъ извѣстно, былъ спасенъ присутствіемъ духа своего камердинера Фризе“. Далѣе изъ этого разсказа видно, что когда партія повстанцевъ, назначенная для нападенія на Бельведеръ, собралась въ Лазенковской рощѣ, у моста Собѣсскаго, гдѣ они должны были ожидать условленнаго сигнала: поджога пивоварни на Сольцахъ,—то предводители шайки, Набѣлякъ и Гощинскій, раздѣлили своихъ соучастниковъ на два отряда. Первый, въ бо̀льшемъ составѣ, долженъ былъ, подъ начальствомъ Тшасковскаго, идти на Бельведеръ, ворваться вовнутрь дворца и убить великаго князя; а другой — стать съ задняго фаса дворца, чтобы воспрепятствовать отступленію великаго князя, въ случаѣ неудачи покушенія, произведеннаго противъ него во дворцѣ. Условленный сигналъ долго не показывался, но когда заговорщики услышали выстрѣлы со стороны казармъ гвардейскихъ уланъ, на которыя долженъ былъ напасть Высоцкій съ главнымъ отрядомъ, то они рѣшились сдѣлать нападеніе на Бельведеръ. Они ворвались во дворецъ въ то время, когда великій князь спалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда, а въ сосѣдней

съ кабинетомъ комнатѣ были генералы Жандръ и вице-президентъ Любовидзскій, ожидавшіе пробужденія его высочества.

„Услышавъ крики и шумъ въ такое время, когда все молчало во дворцѣ, оба, и Любовидзскій и Жандръ, — пишетъ К. П. Колзаковъ, — подбѣжали къ стеклянной двери, ведущей на лѣстницу, и, увидѣвъ вооруженныхъ подпрапорщиковъ, поспѣшили назадъ, дабы предупредить великаго князя, но не успѣли они добѣжать до комнаты камердинера, какъ убійцы были уже на ихъ пятахъ. Великій князь, услышавъ шумъ, проснулся, вскочилъ съ дивана, растворилъ дверь въ комнату камердинера и такимъ образомъ на одну секунду былъ лицомъ къ лицу со своими убійцами. Любовидзскій успѣлъ только сказать ему: „Zle, moscie xieże—плохо, ваше высочество!“ и, будучи пронзенъ штыкомъ въ бокъ, свалился какъ снопъ. Камердинеръ, бросившись на встрѣчу къ великому князю, втиснулъ его снова въ кабинетъ почти силою и захлопнулъ за собою дверь, заперевъ ее на задвижку; затѣмъ повлекъ его въ чуланчикъ подъ крышу, гдѣ и помогъ на́-скоро ему одѣться“.

Мы полагаемъ, что разсказъ г. Колзакова болѣе достовѣренъ, нежели разсказъ, помѣщенный въ книгѣ Лакруа. Разсказъ К. П. Колзакова основанъ на словахъ лицъ, самыхъ близкихъ къ великому князю, отъ которыхъ не могло бы скрыться его странствованіе по подземельямъ и отправка конвоя для его прикрытія при переѣздѣ изъ дома какого-то нѣмца въ Бельведерскій дворецъ. Кромѣ того, представляется не совсѣмъ вѣроятнымъ, чтобы великій князь, какъ военный человѣкъ, привыкшій къ тревогамъ, не успѣлъ даже, удаляясь изъ дворца, накинуть на себя шинель. Страннымъ представляется также и блужданіе прусскаго консула въ пустынномъ полѣ въ вечернихъ потемкахъ и, наконецъ, въ самомъ разсказѣ, о которомъ теперь рѣчь, встрѣчается противорѣчіе, которое болѣе всего подрываетъ кредитъ разсказщика. Такъ, на страницѣ 180-й тома V-го, Лакруа разсказываетъ, что великій князь, убѣгая изъ своего кабинета, не успѣлъ переодѣться, но захватилъ съ собою пистолеты и шпагу, а между тѣмъ далѣе, на страницѣ 187-й, говорится, что онъ при встрѣчѣ съ Шмидтомъ „позабылъ, что у него нѣтъ оружія“. Между тѣмъ невѣроятно, чтобы великій князь, окруженный опасностями, бросилъ по дорогѣ и пистолеты и шпагу. Наконецъ, въ разсказѣ г. Лакруа встрѣчается еще нѣкоторая несообразность: Шмидтъ нашелъ цесаревича въ полѣ одного, безъ камердинера; Шмидтъ повелъ его къ „группѣ домовъ, которые составляли что-то въ родѣ колоніи нѣмецкихъ ремесленниковъ“; затѣмъ тутъ же оказывается камердинеръ, отправившійся въ Бельведеръ за платьемъ великаго князя и за конвоемъ. Въ томъ же разсказѣ Лакруа

встрѣчается еще одна несообразность. Онъ говоритъ, что консулъ написалъ отправленную имъ въ Петербургъ записку при великомъ князѣ, въ то время, когда они оба находились въ домѣ нѣмца-колониста. Записка эта помѣчена „два часа утра", а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ за шесть часовъ до этого времени, Константинъ Павловичъ былъ уже предъ Бельведеромъ, съ окружавшими его войсками.

Такимъ образомъ, прогулка по подземельямъ, блужданіе въ полѣ и неожиданная встрѣча—ничего болѣе какъ произведеніе фантазіи, появившееся первый разъ въ печати въ 1833 году въ „Запискахъ" знатной польской дамы, о которыхъ мы уже имѣли случай упоминать.

По всему этому приходится предполагать, что великій князь не убѣгалъ изъ Бельведера подземными ходами, но скрылся въ чердачномъ чуланѣ или башенкѣ; тамъ онъ одѣлся и вышелъ на площадку дворца, по прибытіи къ Бельведеру войска. Точно также представляется болѣе вѣроятнымъ разсказъ К. П. Колзакова, что заговорщики, убившіе генерала Жандра, приняли его за цесаревича и потому крикнули снизу своимъ товарищамъ: „выходите, онъ убитъ!" Этою ошибкою всего вѣрнѣе объясняется прекращеніе заговорщиками ихъ поисковъ великаго князя въ Бельведерскомъ дворцѣ.

Въ письмахъ великаго князя къ Ѳ. П. Опочинину, находящихся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины", не встрѣчается разсказа о событіи 17-го ноября, по которому можно было бы провѣрить болѣе или менѣе разнорѣчивыя извѣстія о первыхъ часахъ варшавскаго возстанія; но въ журналѣ К. Ѳ. Опочинина находится короткій разсказъ объ уходѣ великаго князя изъ Бельведера, сходный во всемъ съ разсказами К. П. Колзакова.

Когда вице-адмиралъ Колзаковъ, захваченный въ Варшавѣ возстаніемъ, добрался до великаго князя и подъѣхалъ къ нему, то Константинъ Павловичъ сказалъ ему:

— „Ступай, отыщи княгиню на ея половинѣ, я тебѣ поручаю—вези ее куда хочешь, но чтобъ она была въ безопасности". Колзаковъ поспѣшилъ исполнить приказаніе цесаревича. Онъ нашелъ княгиню Ловичъ въ одной изъ залъ дворца, окруженную нѣсколькими дамами; она была блѣдна, какъ мертвая, губы ея дрожали—вообще на лицѣ ея выражались ужасъ и отчаяніе. Когда Колзаковъ передалъ княгинѣ волю цесаревича, она рѣшительно объявила, что ни за что не рѣшится разстаться съ великимъ княземъ. Напрасно Колзаковъ убѣждалъ княгиню уѣхать изъ дворца, она на-отрѣзъ отказалась и Колзаковъ доложилъ объ этомъ великому князю. При этомъ онъ высказалъ предложеніе, чтобъ и самъ цесаревичъ не оставался въ Бельведерѣ, около котораго войскамъ, на стѣсненной вокругъ мѣстности, не возможно было сосредоточиваться. Въ виду этого, Колзаковъ упрашивалъ цесаревича уѣхать на дачу тестя Колзакова, Миттона, Вежбу, противъ которой на обширномъ Мокотовомъ полѣ могли расположиться войска съ такимъ удобствомъ, что были бы въ состояніи дать отпоръ мятежникамъ, если бы эти послѣдніе вздумали напасть на нихъ. Предложеніе это было поддержано и другими генералами, такъ что великій князь, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился принять его.

Е. П. Карновичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРІѢЗДЪ ПОЛЬСКАГО ДЕПУТАТА

КЪ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

24-го и 25-го нояб. ст. стиля 1830 г.

А. А. Л.....нъ обязательно сообщилъ намъ старыя бумаги, принадлежавшія его родителю, служившему въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, съ дозволеніемъ ихъ напечатать по нашему усмотрѣнію [1]). Наше вниманіе было въ особенности остановлено на черновой французской запискѣ, озаглавленной: «Rélation d'une entrevue qui a eu lieu entre S. A. I. Le Grand Duc Césarévitch et Wolicki le 5 et le 6 Décembre 1830». Эта «Реляція», заключая въ себѣ обстоятельное и весьма подробное изложеніе о свиданіи и разговорѣ между великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и польскимъ патріотомъ Валицкимъ, вполнѣ любопытна и весьма живо рисуетъ нравственное настроеніе цесаревича въ то время, когда, оставивъ Варшаву послѣ бельведерской катастрофы, вслѣдствіе своего, такъ сказать, идеальнаго пониманія чувства благодарности, которое ожидалъ встрѣтить въ полякахъ, онъ еще колебался признать существовавшее положеніе въ Царствѣ Польскомъ за революцію. Его прямой и честный взглядъ на дѣло поляковъ не допускаетъ на первое время мысли о возмущеніи, чтó ясно и постоянно сказывается въ каждомъ его словѣ. Такъ, передавая польскому патріоту свое желаніе получить обратно одежду и амуницію русскихъ нижнихъ чиновъ, оставленныя въ сумятицѣ и попыхахъ въ казармахъ Варшавы, и разсуждая о возможности для главнокомандующаго Хлопицкаго исполнить это желаніе черезъ пересылку этихъ вещей къ нему, Великій Князь прибавляетъ: «вѣдь мы не находимся въ войнѣ!»—Повторяемъ, что черновая записка реляціи, о которой мы говоримъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Эта реляція имѣетъ безспорное историческое значеніе какъ документъ, писанный польскимъ патріотомъ, враждебно расположеннымъ ко всему русскому и тѣмъ не менѣе блистательно высказавшимъ отъ начала до конца своего разсказа тотъ честный, благородный и гуманный взглядъ великаго князя на патріотическое увлеченіе поляковъ, которымъ онъ, вслѣдствіе своего великодушнаго къ нимъ расположенія, извинялъ многое. Чтеніе этого документа производитъ впечатлѣніе интереснаго и живо-изложеннаго отрывка мемуаровъ того времени.

Н. П. Варышниковъ.

24-го февраля 1875 года.—Г. Орелъ.

---

[1]) За что считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить ему нашу глубокую и искреннюю признательность. Н. В.

[Переводъ]. Реляція о бывшемъ свиданіи между Е. И. В. Великимъ Княземъ Цесаревичемъ и Валицкимъ, 5-го и 6-го декабря нов. ст. 1830 года.

I.

Въ пятницу, 3-го декабря (нов. ст.), въ 12 часовъ ночи, я получилъ приказанія отъ главнокомандующаго, которыя долженъ былъ передать войскамъ, расположеннымъ на другой сторонѣ Вислы. Исполнивъ ихъ, я возвратился чрезъ Люблинъ, гдѣ нашелъ все въ движеніи. Однакожъ ни генералъ Вейсенгофъ, ни положительно еще никто не зналъ о направленіи, принятомъ корпусомъ, подъ предводительствомъ самого цесаревича, что узнать было крайнею важностью, какъ для своевременнаго вывода польскихъ полковъ, такъ и для принятія необходимыхъ мѣръ, чтобы избѣгнуть замѣшательствъ въ недостаткѣ провіанта въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить великій князь. При такихъ-то обстоятельствахъ у меня блеснула мысль, поддержанная полковникомъ Каменскимъ, слѣдовать, при моемъ возвращеніи, лѣвымъ берегомъ рѣки и передать установленнымъ властямъ тѣ извѣстія, которыя мнѣ удалось бы собрать на самомъ мѣстѣ и на пути. И такъ, я поспѣшилъ переплыть Вислу въ Пулавахъ и рѣшился добиться извѣстій отъ лица самого цесаревича. Кромѣ того, я надѣялся этимъ способомъ имѣть случай, при разговорѣ съ нимъ, коснуться дѣлъ самаго края.

5-го числа (декабря), въ 7 часовъ вечера, я встрѣтился съ аванпостами русскаго корпуса, въ двухъ миляхъ отъ Пулавъ. Я ѣхалъ на почтовыхъ, никто меня не останавливалъ и не спрашивалъ, но около Сцишковскаго монастыря я долженъ былъ остановиться предъ пѣхотнымъ полкомъ, который стоялъ на дорогѣ, собираясь разойтиться по квартирамъ сосѣднихъ деревень.

Моя карета была окружена офицерами, справлявшимися о цѣли моего путешествія, и когда узнали, что этой цѣлью была Варшава, каждый изъ нихъ спѣшилъ выразить мнѣ просьбу о передачѣ извѣстій—кто своимъ пріятелямъ, кто своимъ роднымъ, оставшимся въ столицѣ. Большинство изъ нихъ состояло изъ поляковъ; они описали мнѣ горестное положеніе, въ которомъ они находились въ теченіе нѣсколькихъ дней, и кромѣ того объявили, что цесаревичъ будетъ ночевать въ монастырѣ, куда я и прибылъ въ тотъ же вечеръ въ 8 часовъ.

Встрѣтивъ г-на Безобразова, я справился о возможности видѣть его императорское высочество и затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, узналъ, что онъ удостоилъ принять меня. Введенный въ его комнату

я увидѣлъ цесаревича, въ бѣломъ сюртукѣ, стоящаго передъ большимъ каминомъ. Разговоръ между нами происходилъ по французски; я помѣщаю его здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомъ позволяетъ мнѣ это сдѣлать память, такъ какъ онъ продолжался съ 8-ми до 11-ти часовъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

Прошу извиненія за такой пріемъ, г-нъ Валицкій. Я лишь въ первый разъ по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы раздѣлся, чтобы хоть немного отдохнуть.

ВАЛИЦКІЙ.

Мнѣ, напротивъ, слѣдуетъ просить извиненія вашего императорскаго высочества въ смѣлости моей просьбы о благосклонномъ позволеніи представиться въ эту минуту; но такъ какъ я сдѣлалъ это съ единственнымъ намѣреніемъ—предложить, насколько позволяютъ обстоятельства, мои услуги, то смѣю надѣяться, что ваше высочество извините мою попытку.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

Откуда вы ѣдете и что имѣете мнѣ сказать?.

ВАЛИЦКІЙ.

Я ѣду съ того берега Вислы, куда возилъ польскимъ полкамъ, тамъ расположеннымъ, приказанія главнокомандующаго Хлопицкаго, имѣя въ виду, чтобы, согласно прокламаціи совѣта, которая находится у меня въ рукахъ (тутъ я представилъ ее), эти войска безпрепятственно пропустили корпусъ (colonne) вашего императорскаго высочества. Но до сей минуты еще неизвѣстно то направленіе, которое онъ изберетъ, что̀ знать однако же необходимо, для расположенія полковъ и доставленія продовольствія. Я рѣшился прибыть къ вашему императорскому высочеству отъ моего начальства, чтобы получить это извѣстіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ предложить и мои услуги, насколько я смогу употребить ихъ въ дѣло. Въ этомъ случаѣ я не только слѣдую моему собственному влеченію быть полезнымъ, но полагаю даже, что исполняю предписаніе прокламаціи совѣта, которая приглашаетъ каждаго жителя стараться сглаживать могущія встрѣтиться затрудненія вашему императорскому высочеству на походѣ. Вотъ почему я буду ожидать вашихъ приказаній и, получивъ ихъ, немедленно уѣду, чтобы сообщить ихъ содержаніе какъ военнымъ и гражданскимъ властямъ Люблина, такъ и главнокомандующему.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

У меня есть уже прокламація, о которой вы говорите; мнѣ доставили ее съ неподписаннымъ извѣщеніемъ, что переходу войскъ не будетъ дѣлано никакихъ препятствій;—благодарю за вниманіе. Мое намѣреніе было сначала направиться на Гóру и Карцевъ, чтобы выйти на большую дорогу; но не найдя тамъ барокъ, я теперь рѣшился переправиться чрезъ рѣку въ Пулавахъ, и, не останавливаясь, чрезъ Мнишовъ, Кокъ и Бадзинъ, буду направляться на Брестъ-Литовскъ. Что новаго въ этой сторонѣ?

ВАЛИЦКІЙ.

Что касается слуховъ, то они безчисленны: говорятъ о возстаніи въ Познани и Галиціи, разсказываютъ даже о безпорядкахъ въ Пруссіи и Россіи. Время укажетъ справедливость этихъ слуховъ. Во всякомъ случаѣ, происшествія, возникшія въ Царствѣ, настолько важны, что поглощаютъ собой всѣ прочія мысли. Теперь занимаются исправленіемъ послѣдствій безпорядковъ, неразлучныхъ съ первыми минутами такого быстраго переворота, и всякій думаетъ, какъ-бы упрочить свою будущность. Что касается приказаній о переходѣ войскъ вашего императорскаго высочества, которыя я передалъ, то они будутъ свято исполнены, не смотря на то, что было бы весьма не трудно какъ задержать заложникомъ ваше императорское высочество, такъ и остановить весь его корпусъ. Вообще безпокойство и волненіе умовъ замѣтно бы уменьшились, если бы декларація вашего высочества заключала въ себѣ нѣсколько обѣщаній и примирительныхъ словъ, которыя, быть можетъ, было бы не безполезно высказать во всеуслышаніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

Чего хотятъ отъ меня? (Онъ вынимаетъ изъ кармана прокламацію совѣта, заключающую и его декларацію, и читаетъ ее, дѣлая ударенія на мѣста, въ которыхъ говорится о его стараніи забвенія прошлаго и о присоединеніи польскихъ губерній). Вотъ, чтó я сказалъ. Что же я могу сдѣлать болѣе? Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, давать обѣщаній за другаго; я могу только принять на себя роль посредника.

ВАЛИЦКІЙ.

Все это совершенно справедливо, ваше высочество, но всѣмъ однако же извѣстно ваше вліяніе надъ сердцемъ брата, который до сего времени вамъ еще ни въ чемъ не отказывалъ. Если бы это обѣщаніе посредничества было всѣмъ извѣстно, оно во многомъ способствовало

бы къ успокоенію умовъ, и я просилъ бы позволенія вашего высочества извѣстить о немъ войска, находящіяся на той сторонѣ Вислы, такъ какъ они не получали еще прокламаціи, которую ваше высочество соизволили мнѣ прочесть.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Объявите имъ ее. Пусть мнѣ довѣряютъ; я человѣкъ прямой и, разумѣется, меня нельзя заподозрить въ двуличности. Помимо всего этого, что̀ лично до меня касается, несмотря на неслыханное оскорбленіе, мнѣ нанесенное въ моемъ собственномъ домѣ,—я все предалъ забвенію. (Тутъ великій князь съ самыми мельчайшими подробностями разсказалъ, что̀ произошло въ Бельведерѣ; затѣмъ онъ продолжалъ:) Несмотря на это, повторяю, что я все позабылъ, потому что, въ сущности, я лучшій полякъ, нежели вы всѣ, господа; я женатъ на полькѣ; нахожусь посреди васъ; я такъ давно говорю на вашемъ языкѣ, что теперь затрудняюсь выражаться по русски; наконецъ, я далъ вамъ доказательства моего расположенія, воспретивъ императорскимъ войскамъ стрѣлять по васъ. Если бы я захотѣлъ,—васъ въ первую минуту всѣхъ бы уничтожили; я былъ единственнымъ лицомъ въ моемъ штабѣ, которое не хотѣло, чтобы по васъ стрѣляли, потому что я подумалъ, что русскимъ въ польскую распрю (Klotnia polska) не зачѣмъ вмѣшиваться. При началѣ безпорядковъ во Франціи я говорилъ Шмидту, что нужно бы было отстранить швейцарцевъ и уладить французскія дѣла съ помощію лишь однихъ французовъ. Я полагаю, что наше теперешнее положеніе такое же, какъ и швейцарцевъ, вотъ почему я поставилъ русскихъ въ сторонѣ отъ дѣла; я воспретилъ имъ какъ вмѣшиваться въ него, такъ и не позволилъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Теперь мы спокойно отступаемъ и употребимъ наше оружіе лишь только въ случаѣ необходимости защищаться.

ВАЛИЦКІЙ.

Я полагаю, что ваше высочество можете быть совершенно спокойнымъ съ той минуты, какъ отдали себя подъ защиту народа.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы мы имѣли возможность остаться посреди васъ; у насъ у всѣхъ дорогія связи съ Варшавой, но ваше правительство (тутъ онъ сдѣлалъ наклоненіе головой) чрезъ депутацію передало мнѣ, что я долженъ или оставить вашъ край, или стать во главѣ польскихъ войскъ, чтобы вновь возвратиться въ столицу. Отъ такого предложенія я отказался, чтобы не стать мятежникомъ противъ своего государя; я никогда не стану играть роль принца Оранскаго; мои права ясно опредѣлены и я останусь имъ вѣренъ.

ВАЛИЦКІЙ.

Такія чувства, разумѣется, дѣлаютъ честь вашему императорскому высочеству, но осмѣлюсь обратить вниманіе на то, что революція, бывъ стеченіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, не могущихъ согласоваться съ высокимъ положеніемъ вашего высочества, быть можетъ, должна бы была вызвать мысль о пользѣ уклоненія съ протоптанной уже тропы общепринятыхъ правилъ. Если бы, напримѣръ, принцъ Оранскій немедленно сталъ во главѣ движенія, если бы онъ началъ съ того, чѣмъ кончилъ,—позволительно предположить, что такимъ путемъ онъ достигъ бы общаго спокойствія; потоки крови не пролились бы; тысячи семействъ избѣгли бы разоренія, и Бельгія была бы сохранена для своего государя. Наше положеніе весьма сходно съ положеніемъ Бельгіи. Я вполнѣ счастливъ услышавъ изъ самыхъ устъ вашего императорскаго высочества выраженія благосклонности къ полякамъ; такія рѣчи—драгоцѣнный залогъ надежды, что вамъ угодно будетъ снизойти къ устройству нашихъ дѣлъ безъ пролитія крови и руководствуясь желаніемъ воинственнаго и несчастнаго народа. Такимъ дѣйствіемъ ваше высочество прибавите новую благородную страницу къ своей исторіи. Потомство, съ одной стороны, усмотритъ въ вашемъ высочествѣ царственную отрасль, которая отказывается отъ могущественнаго престола Европы, съ другой—оно увидитъ въ васъ то же августѣйшее лицо, возстановляющее значеніе притѣсненнаго народа, который оно лишь одну минуту упрекнуло въ излишней запальчивости. Если бы даже ваше высочество не осчастливили насъ своей благосклонностью и посмотрѣли бы на насъ враждебно,—преданность, питаемая нами къ его величеству, была бы всетаки достаточнымъ ручательствомъ, чтобы порѣшить его посредничество, потому что—когда уже перчатка такимъ образомъ брошена—надо, чтобы или существовала Польша или чтобы мы всѣ погибли. Въ этомъ случаѣ голосъ здравой политики согласуется съ голосомъ человѣколюбія. Надо полагать, что если мы будемъ вынуждены взяться за оружіе,—многія государства поспѣшатъ подать нашимъ усиліямъ руку помощи. Австрія и Пруссія въ этомъ случаѣ не будутъ послѣдними. Если на минуту онѣ и удержаны связями дружбы и родства, тѣмъ не менѣе онѣ должны сознавать, что сѣверному колоссу нужно противопоставить предѣлъ и что Польша, возстановленная ихъ руками, и станетъ этой враждебной преградой. Напротивъ, если независимое политическое положеніе намъ даруется самой Россіей,—мы навсегда останемся друзьями и союзниками народа, намъ соплеменнаго, которому въ настоящую минуту мы должны отказать въ нашихъ симпатіяхъ—не въ силу національной ненависти, которой и не существуетъ, но вслѣдствіе необходимости сохранить наши учрежденія и наше благосостояніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я уже сказалъ вамъ, что я все позабылъ; но признаюсь, мое сердце надорвано и меня еще болѣе печалитъ мысль, что эта революція запятналась кровью и дѣйствіями грабительства. Потомство обвинитъ въ жестокостяхъ эту армію и польскій народъ, которыхъ я такъ любилъ, и омрачитъ ихъ память этимъ несмываемымъ пятномъ.

ВАЛИЦКІЙ.

Никто, безъ сомнѣнія, ваше высочество, не сожалѣетъ болѣе меня о нѣкоторыхъ, такъ сказать, неизбѣжныхъ крайностяхъ въ подобной сумятицѣ, большинство которыхъ было невольнымъ дѣйствіемъ; тѣмъ не менѣе, я далекъ отъ мысли, чтобы исторія приписала ихъ польскому народу. Всякому изъ насъ, въ настоящую минуту, присуще памяти происшествіе гораздо болѣе трагическое, которое случилось въ другомъ государствѣ Европы: тамъ совершено было преступленіе, не имѣвшее въ свое оправданіе необходимости защищенія народныхъ правъ, такъ какъ дѣло шло только о личной перемѣнѣ главы правительства. Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣлится приписать это преступленіе всему народу и весь его ужасъ падаетъ на главу тѣхъ дѣйствующихъ личностей, которыя принимали въ немъ участіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Посмотрите, однако же, до чего мы дошли: солдаты, переходя съ одного мѣста на другое, въ теченіе восьми дней, бивакируютъ безъ одежды и пищи; чтобы не умереть съ голоду и холоду, мы принуждены были завладѣть силой нѣкоторымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, сжечь кое-гдѣ ставни,—чѣмъ на первое время я хотя и очень возмущался,—но въ этомъ была сила обстоятельствъ.

(Въ эту минуту въ комнату вошла принцесса Ловичъ и цесаревичъ, представивъ меня, продолжалъ по ея уходѣ:)

— Вотъ женщина въ лагерѣ, имѣющая при себѣ только три рубашки; она терпѣливо страдаетъ вмѣстѣ съ нами! Императору Александру говорили правду, что онъ напрасно далъ полякамъ разрѣшеніе на вооруженіе и что, долго-ли, коротко-ли, оно послужитъ противъ него. Это предсказаніе оправдалось на дѣлѣ! Если возстаніе сдѣлано во имя принципа, то объясните, почему не уважается болѣе собственность частныхъ лицъ, зачѣмъ, наконецъ, употребляютъ въ дѣло въ настоящую минуту ружья, пушки, сабли и пистолеты, принадлежащіе императору?

ВАЛИЦКІЙ.

Для насъ случилось то же съ оружіемъ, какъ для войскъ вашего высочества съ съѣстными припасами и ставнями, которые они были вынуждены силой взять у жителей: это дѣйствіе было вызвано за-

труднительностью обстоятельствъ; но повѣрьте, что весь народъ поспѣшитъ возвратить оружіе на мѣсто въ тотъ же день, въ который его права будутъ признаны и упрочены.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я не могу глубоко не чувствовать неблагодарности 4-го линейнаго и сапернаго баталіоновъ, которые пользовались моимъ расположеніемъ; они доказали мнѣ, что благодарность—слово лишенное смысла.

ВАЛИЦКІЙ.

По крайней мѣрѣ, ваше высочество, чувство это очень рѣдкое, и Наполеонъ, покинутый своими генералами и преслѣдуемый владѣтельными особами, дѣлу которыхъ онъ оказалъ такъ много услугъ, могъ бы быть тому подтвержденіемъ. Положеніе же поляковъ, я полагаю, исключаетъ возможность сравненія ихъ обстоятельствъ съ обстоятельствами вышеназванныхъ лицъ. Какъ люди частные, офицеры и солдаты чувствуютъ, я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, привязанность къ вашему императорскому высочеству, но какъ поляки—они обязаны слѣдовать по пути, который ведетъ къ достиженію народной независимости. Такимъ точно образомъ, ваше высочество въ 1812 году съумѣли бы принесть въ жертву для счастья имперіи всѣ свои сочувствія, которыя могли бы проявиться къ людямъ, сражавшимся въ рядахъ непріятеля.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Чтобы вамъ доказать, насколько я былъ расположенъ забыть все случившееся, — вотъ, прочтите дневной приказъ, который я передалъ Сцембеку; въ немъ говорится, что я прощаю всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, которые явились бы ко мнѣ. (Онъ вынимаетъ этотъ приказъ изъ кармана и приказываетъ мнѣ прочесть его). Никто однако же не явился и даже самъ Сцембекъ, давшій мнѣ клятву привести свою бригаду,—не исполнилъ своего обѣщанія.

ВАЛИЦКІЙ.

Что касается до Сцембека — онъ обѣщалъ вашему императорскому высочеству невозможное, потому что на возвратномъ пути онъ встрѣтилъ свой полкъ уже въ походѣ на Варшаву, слѣдовательно, ему оставалось сдѣлать выборъ между своими обязанностями подчиненнаго и долгомъ поляка: голосъ родины былъ для него и для всѣхъ польскихъ войскъ сильнѣе привычки къ дисциплинѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Только одни егеря остались на своихъ мѣстахъ и я сохраню о нихъ вѣчное воспоминаніе, не смотря на то, что и они позднѣе меня покинули. Поэтому-то я и прошу васъ хорошенько объяснить имъ,

что я позволилъ присоединиться имъ къ своимъ, чтобы не оставить повода стыдиться, въ случаѣ покинутія меня. Сдѣлайте для нихъ понятнѣе различіе словъ: „позволить", которое даже не значитъ „соизволять", а „соизволять" — не имѣетъ ничего общаго со словомъ „приказывать". Я позволилъ — и они меня покинули, — они и мой адъютантъ, г. Замойскій.

ВАЛИЦКІЙ.

Я обратилъ вниманіе вашего высочества, что никто, находясь въ радостномъ настроеніи, подъ впечатлѣніемъ прочитанной деклараціи вашего императорскаго высочества, не дѣлалъ такого разграниченія. Въ вашей деклараціи была усмотрѣна великая и благородная мысль, ставившая преграду пролитію крови и препятствующая рѣзнѣ между народами-братьями.

(Нашъ разговоръ на этомъ мѣстѣ былъ прерванъ стонами принцессы Ловичъ, съ которой въ сосѣдней комнатѣ сдѣлалось дурно. Великій князь порывисто устремился къ ней и трогательное участіе, услуги и ласки, которыя выразились имъ къ особѣ принцессы, подтвердили мнѣ, что великій князь способенъ быть нѣжнымъ въ своемъ семействѣ. Когда принцесса пришла въ себя, цесаревичъ возвратился ко мнѣ и у насъ снова завязался разговоръ въ такой формѣ, какъ ниже слѣдуетъ):

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Когда вы обратно возвратитесь изъ Пулавъ, у меня еще будетъ порученіе, которое я вамъ дамъ къ генералу Хлопицкому. Какъ старый солдатъ, онъ легко пойметъ, что̀ такое „войско, всего лишенное". Скажите ему, что мы оставили въ казармахъ всю обмундировку и я былъ бы ему признателенъ, если бы онъ доставилъ мнѣ солдатское платье и амуницію (approvisionnements). Пусть онъ все это вышлетъ безъ описи и на мой счетъ въ Брестъ, или передастъ русскому коммисару Колошову, находящемуся въ плѣну въ Варшавѣ. Я полагаю, что ему будетъ возможно это исполнить, какъ потому, что я отдалъ русскія власти подъ ваше покровительство, такъ и потому, что не находимся въ войнѣ. Если бы почему либо это не могло быть исполнено — увѣдомьте меня, чтобы дать мнѣ возможность изъ другаго источника получить обмундировку".

Я отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ исполню приказанія, которыми угодно будетъ его высочеству снабдить меня, и, послѣ глубокаго поклона, я вышелъ, чтобы отправиться въ Пулавы.

Въ передней я нашелъ всѣхъ адъютантовъ, которые, окруживъ меня, старались добиться новостей. Между ними находился храбрый

полковникъ Тюрно, изъ чувства благодарности обязанный сопровождать до границы его высочество. Я встрѣтился съ нимъ какъ всегда должно встрѣчаться съ человѣкомъ настолько во всѣхъ отношеніяхъ уважаемымъ. Что касается генерала Босницкаго (Bosniecki)—съ нимъ я ограничился предѣлами ледяной вѣжливости; всѣмъ остальнымъ офицерамъ я далъ обѣщаніе доставить ихъ письма въ Варшаву, но съ оговоркой—передать ихъ въ руки главнокомандующаго.

II.

Прибывъ въ полночь въ Пулавы, я въ лодкѣ, не безъ опасности, переѣхалъ Вислу въ минуту, когда шелъ довольно сильный ледъ. Я немедленно отправился къ генералу Моравскому, которому передалъ отчетъ о моемъ разговорѣ съ его императорскимъ высочествомъ, прося его съ тѣмъ вмѣстѣ довесть о немъ до свѣдѣнія генерала Вейсенгофа и всего его корпуса. Затѣмъ я сообщилъ о томъ же предметѣ по эстафетѣ полковнику Генриху Каменскому, имѣвшему порученіе организировать вооруженіе Люблина, рекомендуя ему пригласить совѣтъ палатината сдѣлать распоряженіе о посылкѣ къ его высочеству депутата, съ обязанностью озаботиться продовольствіемъ.

Когда все было улажено, я вновь переѣхалъ обратно Вислу и, около 9-ти часовъ утра, уже снова былъ у великаго князя, котораго поспѣшилъ увѣдомить:

1) Что генералъ Моравскій получилъ сообщенія, которыя я долженъ былъ передать ему, касающіяся движенія русскихъ войскъ.

2) Что польскіе командиры отдѣльныхъ частей поставятъ себѣ за удовольствіе раздѣлить съ русскими войсками наличное продовольствіе.

3) Что кромѣ того прибудетъ депутація совѣта палатината, чтобы озаботиться тѣмъ же предметомъ.

4) Что, наконецъ, госпиталямъ приказано принимать больныхъ корпуса.

Великій князь сказалъ, что онъ благодаритъ генерала за три первые пункта; что же касается послѣдняго, то раненые предпочитаютъ оставаться во фронтѣ, при своихъ полкахъ. Затѣмъ, онъ пожелалъ узнать: какіе видимые знаки возставшихъ поляковъ? — и такъ какъ я указалъ на національную кокарду и малиновую шапочку, называемую „конфедератка“,—его императорское высочество замѣтилъ, что все это точно такъ же, какъ было во Франціи, къ чему я прибавилъ, что у насъ нѣтъ даже недостатка въ Лафайэттѣ, потому что мы имѣемъ Ніемцевича.

Затѣмъ великій князь разсказалъ, что, распечатавъ одну эстафету изъ Варшавы, онъ усмотрѣлъ, что въ ней говорится о созывѣ сейма,

почему и прибавилъ: „зачѣмъ это и чьимъ именемъ онъ созывается?“ Я отвѣтилъ, что важныя современныя обстоятельства достаточно объясняютъ необходимость собранія народныхъ представителей; что же касается имени, которымъ оно созывается, то полагаю, что—именемъ короля, если только отказъ его величества не рѣшитъ иначе этого дѣла.

Вслѣдствіе этого разговора, его императорское высочество далъ мнѣ смѣлость высказать ему откровенно мой взглядъ на причины нашей революціи, почему мы и продолжали начатый разговоръ такимъ образомъ:

ВАЛИЦКІЙ.

Никогда въ теченіе моей жизни я не былъ ни клеветникомъ, ни возмутителемъ; но такъ какъ ваше императорское высочество мнѣ благосклонно позволили высказать мое мнѣніе, — я осмѣлился бы въ настоящую минуту обратить ваше вниманіе на предметъ, о которомъ я до сей минуты умалчивалъ изъ чувства деликатности

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ (*взявъ меня крѣпко за руку*).

— Говорите! говорите! Будьте увѣрены въ моей скромности.

ВАЛИЦКІЙ.

Волненіе въ арміи и въ народѣ поддерживается присутствіемъ около особы вашего императорскаго высочества личности, которую всѣ обвиняютъ въ причиненіи безчисленныхъ золъ своими полицейскими пріемами; личность эта — генералъ Босницкій. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ съ такимъ характеромъ или другія лица, ему подобныя, будутъ окружать ваше высочество, — они будутъ постоянной преградой ко всякому чистосердечному примиренію.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ (*холодно*).

— „Генералъ Босницкій не причемъ во всемъ этомъ дѣлѣ“.

При такомъ отвѣтѣ не трудно было замѣтить по выраженію лица великаго князя, что онъ былъ недоволенъ моей откровенностью. Разговоръ перешелъ затѣмъ на различныхъ особъ, играющихъ въ настоящее время роль въ нашей революціи, и я уже готовился раскланяться, какъ, взявъ крѣпко меня за руку, его высочество сказалъ мнѣ, что я не уѣду и что онъ оставляетъ меня заложникомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ требовалъ отъ меня, чтобы я послалъ отъ себя эстафету польскому правительству, чтобы получить обратно русскія амуничныя вещи, оставленныя въ казармахъ. Я обратилъ его вниманіе, что не только такая попытка, исходящая изъ русскаго лагеря, навлечетъ мнѣ много непріятелей въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, которые стали бы смотрѣть на меня какъ на измѣн-

ника, но что и самое желаніе его высочества, чрезъ таковое дѣйствіе съ моей стороны, подверглось бы неудачѣ, почему я и находилъ, что все, что могу сдѣлать по этому поводу — это отправиться самому лично, давъ честное слово возвратиться обратно. Предложеніе это не было принято и тогда я сказалъ великому князю, что хотя и не ожидалъ быть арестованнымъ, потому что мое свиданіе съ нимъ было вызвано однимъ лишь желаніемъ быть ему полезнымъ, но тѣмъ не менѣе я подчиняюсь его волѣ.

Въ эту самую минуту, принцесса Ловичъ отправлялась въ путь. Смотря на ея отъѣздъ, великій князь, перекрестивъ ее, проговорилъ:

— „Отличная женщина! Да сохранитъ ее Богъ!.... Мой предокъ, Петръ Великій, при Прутѣ находился въ менѣе плачевномъ положеніи, нежели я въ настоящую минуту; онъ былъ спасенъ своей женой; надѣюсь, что и моя спасетъ меня!“

Въ эту минуту вошелъ полковникъ Тюрно, для передачи мнѣ писемъ офицеровъ. Чтобы избѣжать для великаго князя смущенія, которое могло бы причинить ему упоминаніе вслухъ о насиліи, мнѣ дѣлаемомъ, я сказалъ полковнику, что его высочество соблаговолилъ меня пригласить сопровождать его до Гòры и, по принятіи писемъ, я послѣдовалъ за войскомъ. Во всякомъ случаѣ, это задержаніе меня тѣмъ болѣе представляло мнѣ затрудненій, что мнѣ были поручены депеши для передачи главнокомандующему. Не усматривая никакого другаго выхода изъ моего положенія, какъ одно лишь бѣгство, я только и помышлялъ о томъ, какъ бы найти или возродить къ тому удобный случай.

Мы прибыли въ маленькій городокъ Границу, гдѣ войска расположились на отдыхъ. Я сидѣлъ въ своей каретѣ, когда Провидѣніе ниспослало мнѣ еврея, который, кланяясь, спросилъ меня: „остановимся ли мы тутъ?“—„Что же,—сказалъ я ему,—вы любите русскихъ, слѣдовательно должны быть имъ рады“. — „Сохрани Богъ! — отвѣтилъ онъ,—мы любимъ тѣхъ, которые далеко“.—„Если такъ,— продолжалъ я, — эти также могутъ удалиться. Вотъ, на-возьми этотъ рубль, сядь верхомъ и подымай тревогу, кричи, что наступаютъ поляки“. — Едва послѣ этого истекло пять минутъ, какъ уже прискакалъ адъютантъ Монроэ съ извѣстіемъ, что поляки атакуютъ аріергардъ и что уже захватили плѣнныхъ. Въ одинъ мигъ — артиллерія пустилась рысью, кирасиры поспѣшили за ней, страшное замѣшательство воцарилось повсюду, — я же пользуюсь имъ, чтобы бѣжать, для чего скрываюсь въ лѣсъ, откуда достигаю Радома и возвращаюсь въ Варшаву съ депешами.

Перев. и сообщ. **Н. П. Варыпниковъ.**

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

V [1]).

Корнетъ Магометъ-Шафи прибылъ въ Калугу въ отпускъ, на мѣсяцъ. Письма его съ вѣстью объ отставкѣ были слѣдствіемъ того, что командиръ конвоя оказалъ будто-бы ему, Шафи, невниманіе, и однажды, вмѣсто руки, подалъ ему съ пренебреженіемъ одинъ только указательный палецъ. Не ручаюсь за истину, но такъ говорилось въ домѣ имама.

— Въ конвоѣ Его Величества,—сказалъ мнѣ однажды Магометъ-Шафи,—служитъ поручикомъ сынъ одного персидскаго принца. Онъ, подобно мнѣ, получалъ отъ отца своего, изъ суммы, отпускаемой ему правительствомъ, 1,500 руб. въ годъ. Денегъ этихъ оказалось недостаточно; поручикъ сталъ просить отца выдавать ему ежегодно 2 т., но скупой отецъ отказалъ. Поручику осталось обратиться съ жалобою къ военному министру, и, вслѣдствіе этого, онъ получилъ отъ отца просимую прибавку.

— Если ты поступишь такъ же со своимъ отцомъ, то онъ очень огорчится этимъ,—замѣтилъ я Магомету-Шафи.

— То-то и есть! отвѣчалъ онъ мнѣ чисто по русски.

Шамиль и его сынъ Кази-Магометъ очень были бы рады если-бы Магометъ-Шафи не служилъ въ рядахъ невѣрныхъ и не грѣшилъ бы этимъ противу правилъ «мюридизма», но они

[1]) Первыя четыре главы напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 253—276; 471—506. Тамъ же смотр. гравирован. портретъ Шамиля, томъ XVIII.

сознаютъ, что, въ настоящее время безпорядковъ въ Польшѣ, движенія на Кавказѣ, по случаю Джаро-Белоканскихъ событій и переселенія горцевъ въ Турцію,—выходъ Шафи изъ службы повредилъ бы имъ въ мнѣніи правительства. Вотъ именно почему, опасаясь, чтобы Магометъ-Шафи не привелъ въ исполненіе своего желанія, не было отказано ему при выѣздѣ въ Петербургъ ни въ деньгахъ, ни въ оставленіи Аминатъ въ Калугѣ. Если Магометъ-Шафи и похитрилъ, угрожая отцу и брату фиктивною отставкою—то хитрость эта принесла для его интересовъ хорошіе результаты.

Вопросъ о пріисканіи жены для Кази-Магомета не забывается, но исполненіе его, по причинамъ, о которыхъ говорилось выше, затруднительно. Магометъ-Шафи, познакомившись въ Петербургѣ съ какою-то вдовою маіоршею, изъ литовскихъ татарокъ, сообщилъ брату, что она готова отдать ему въ замужство свою 16-ти-лѣтнюю дочь, получившую порядочное европейское воспитаніе. Кромѣ взноса условленныхъ за невѣсту денегъ, цифра которыхъ еще неизвѣстна, мать ставитъ въ непремѣнное условіе—жить при дочери. Послѣ длинныхъ совѣщаній, Кази-Магометъ высказалъ со своей стороны слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы мать невѣсты оставалась въ Петербургѣ, и во вторыхъ, чтобы невѣста скинула европейское платье, скрыла лицо подъ покрываломъ, перемѣнила противныя корану привычки, однимъ словомъ, съ ногъ до головы превратилась въ правовѣрную мусульманку-мюридку. Хотя Кази-Магометъ сердечно желаетъ соединиться (на своихъ фанатическихъ условіяхъ) съ предлагаемою дѣвицею, но, вслѣдствіе обыкновенной нерѣшительности и надежды скоро уѣхать въ Мекку, дѣло не подвигается. Независимо отъ этого, прекрасный полъ семейства Шамиля не желаетъ принять въ свой кругъ цивилизованныхъ мусульманокъ, съ которыми онѣ едва-ли бы могли ужиться!.. Корнетъ Шафи, называвшій невѣсту «хорошенькою», по требованію брата, прислалъ ему фотографическую ея карточку: личико не дурное, но типъ монгольскій. Кази-Магометъ прибѣжалъ ко мнѣ съ карточкою невѣсты.

— Ну, какъ она тебѣ нравится?—спросилъ я его.

— Тсс! сердце мое испортилось! Она вовсе не хорошень-

кая,—отвѣчалъ нашъ женихъ, вѣроятно, не одну ночь мечтавшій, что у него будетъ жена первая въ свѣтѣ красавица.

— Она, право, недурна и, вѣроятно, покажется тебѣ красивѣе, когда сброситъ европейское и надѣнетъ мусульманское платье,—замѣтилъ я Кази-Магомету.

— Да, это совершенная правда, — согласился онъ, и спряталъ портретъ въ карманъ своего архалука.

Мусульманамъ снимать портреты коранъ не дозволяетъ; Кази-Магометъ, потребовавъ портретъ, сдѣлалъ прогрессъ!

Магометъ-Шафи, поддерживающій планъ женитьбы Кази-Магомета, восхвалявшій въ своихъ письмахъ пріисканную имъ невѣсту, по прибытіи въ Калугу запѣлъ другую пѣсню, утверждая, что дочь маіорши, будучи избалована свѣтскою жизнію и капризна, въ жены его брату не годится...

— Изъ чего же ты заключаешь, что эта дѣвушка избалована и капризна?—спросилъ я корнета.

— Вотъ изъ чего: однажды она просила меня поѣхать съ нею на вечеръ, гдѣ будутъ танцовать, и хотя я обѣщалъ исполнить ея желаніе, но неожиданное служебное дѣло задержало меня въ казармахъ. Такимъ образомъ, разодѣтая на балъ дѣвица, вмѣсто того, чтобы танцовать и веселиться, въ тревожномъ ожиданіи моего пріѣзда, весь вечеръ просидѣла дома! На другой день, когда я явился къ ней съ цѣлью извиниться, она стала упрекать меня въ невѣжливости, сердиться и плакать!... О, она очень капризна и жениться на ней Кази-Магомету не слѣдуетъ,—заключилъ Шафи.

— Полагаю, что она имѣла полное право быть на тебя въ претензіи,—засмѣявшись, сказалъ я корнету.—Подумай, сколько непріятныхъ часовъ ожиданія черезъ тебя выпало на ея долю.

— Ей не нужно было затѣвать поѣздки на вечеръ!—сказалъ Шафи.

— Если ты считалъ эту поѣздку ненужною или неприличною,—заключилъ я,—то слѣдовало сказать ей прямо, что будущей женѣ бывшаго дагестанскаго мудира, сына имама, ѣздить въ Шато-де-флеръ, Эльдорадо или танцъ-классы не подобаетъ, и она, вѣроятно, для великой чести быть твоею невѣсткою, пожертвовала бы всѣми удовольствіями свѣта, а въ томъ числѣ и желаніемъ попрыгать...

При одномъ изъ посѣщеній меня зятьями Шамиля, Абдурахманомъ и Абдурагимомъ, первый изъ нихъ, подъ вліяніемъ неудовольствія къ имаму, за то, что онъ содержитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, завелъ рѣчь о бывшихъ при имамѣ порядкахъ управленія Дагестаномъ и Чечнею. Рѣчь его была полна ироніи и желчи въ смыслѣ, что тамъ не было общей власти, которая поддерживала бы права и давала судъ и правду угнетенному тиранствомъ народу. Правосудіе руководилось корыстолюбіемъ, судьи только и умѣли извлекать выгоды изъ своихъ должностей. «Это былъ судья—разсуждалъ Абдурахманъ,—который, по обстоятельствамъ, помогалъ другу, или вредилъ недругу; рѣшенія его основаны были на родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, и нельзя предположить его неприступнымъ къ лихоимству! Въ правленіе имамовъ, кошелекъ богатаго всегда и вездѣ перевѣшивалъ права бѣднаго...»

Во время этого разсказа, Абдурагимъ, взявъ съ этажерки книжку «Военный Сборникъ», сталъ читать статью мою: «Нравы и обычаи въ Дагестанѣ» [1]).

— Не правда-ли, что хорошо знать русскій языкъ? — спросилъ я Абдурагима.

— Конечно, хорошо,—отвѣчалъ онъ,—впрочемъ, нашъ имамъ другаго мнѣнія: онъ говорилъ мнѣ однажды, что если бы я былъ добрымъ мусульманиномъ, то не долженъ бы знать читать и писать по русски...

— Старику имаму непріятно, когда правовѣрные мусульмане просвѣщаются! - вмѣшался желчный Абдурахманъ.—Пророки и халифы не знали другаго языка, кромѣ арабскаго, на которомъ написанъ коранъ! Если бы ты въ Чечнѣ и Дагестанѣ высказался прогрессистомъ, то по «шаріату», введенному тамъ Шамилемъ, тебѣ бы сняли голову!

— Въ Чечнѣ и Дагестанѣ при имамахъ не было «шаріата», а былъ только «зульма» (терорь),—отвѣчалъ Абдурагимъ [2]), находившійся въ кусательномъ расположеніи духа.

— Да, нечего сказать, славное было тамъ управленіе!—замѣтилъ я: наушничество, шпіонство, доносы, интриги, взяточ-

---

[1]) «Военный Сборникъ» 1862 года, № 4.

[2]) Имамы допускали терорь потому, что, согласно III-й гл. 129-го стиха корана, по совершеніи дѣла безчестнаго или несправедливаго, вспомнить стоитъ о Богѣ—и все это будетъ прощено.

ничество и казни!... Ужъ если теперь вашъ народъ будетъ недоволенъ нашею администраціей, то онъ по-истиннѣ можетъ назваться дикимъ, неразумнымъ народомъ...

— Дѣйствительно, русское управленіе отличное,—сказалъ Абдурагимъ,—одно жаль, что у васъ нѣтъ быстроты въ дѣлопроизводствѣ; въ Дагестанѣ есть поговорка: «русскіе даже и зайца догоняютъ на арбѣ» (въ повозкѣ). Вотъ, напримѣръ, и ты дѣло объ моемъ опредѣленіи на службу везешь въ арбѣ: два почти года промчалось, а хвостъ этого дѣла не пойманъ!...

— И не будетъ пойманъ, потому что Шамиль не согласенъ отпустить тебя изъ Калуги, и опредѣленіе тебя на службу огорчитъ его,—отвѣчалъ я.

— «Тамаша!» (удивительно),—сказалъ Абдурагимъ,—этакъ, пожалуй, ради того, чтобы не огорчить имама, ты готовъ допустить, чтобы я здѣсь умеръ!...

— Сто разъ я тебѣ совѣтовалъ отбросить свою гордость, хотя бы притворную; преклони голову передъ имамомъ, передъ Заидатъ, передъ Кази-Магометомъ, не убѣгай отъ нихъ, какъ отъ чумы, и потомъ, примирившись, проси увольненія на службу.

— Пробовалъ —не помогаетъ! отвѣчалъ Абдурагимъ;—теперь я далъ себѣ слово ничего не просить у имама и, божусь Богомъ, сдержу свое слово.

— Но для тебя нужны же деньги, чтобы купить обувь, одежду; мнѣ, право, стыдно встрѣчаться съ тобою въ обществѣ, ты смотришь такимъ засаленнымъ, общипаннымъ!...

— Стыдно должно быть не вамъ и не мнѣ, а имаму, который изъ 15,000 р., получаемыхъ ежегодно отъ правительства, не хочетъ удѣлить малой частицы для своихъ зятьевъ, и дозволяетъ, чтобы они ходили въ смазанныхъ дегтемъ сапогахъ...

— Изъ какихъ же денегъ ты сдѣлаешь себѣ черкеску, если та, которая на тебѣ, окончательно порвется?—спросилъ я.

— Продамъ кой-что изъ прежнихъ вещицъ (вѣроятно, пріобрѣтенныхъ въ добычу при плѣненіи княгинь Орбельяни и Чавчевадзе въ Цинондалахъ) и куплю сукна на черкеску,—отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Попробуй, на мое счастье, попросить у имама денегъ, поклонись ему хорошенько, и онъ не откажетъ.

— Нѣтъ, я просить не стану; они всѣ до единаго ужасные скряги, и за копѣйку готовы удавиться!..

— Будто бы?

— Конечно, скряги!... Вотъ однажды у Заидатъ заболѣлъ зубъ и она рѣшилась его вырвать. Чтобы не употребить въ дѣло тѣхъ щипцовъ, которые уже дергали зубы «гяуровъ», имамъ поручилъ мнѣ купить въ лавкѣ новые, и я заплатилъ за нихъ 3 рубля. Когда щипцы я принесъ, то у Заидатъ зубная боль прошла. Дней черезъ пять, имамъ, отдавая мнѣ ненужный инструментъ, приказалъ возвратить его въ лавку. Купецъ, разумѣется, не соглашался взять обратно однажды уже проданную вещь, а имамъ и слышать не хотѣлъ, чтобы они остались за нимъ! Такимъ образомъ, я потерялъ собственные три рубля, и сдѣлался владѣльцемъ вовсе ненужнаго для меня инструмента! — заключилъ Абдурагимъ, махнувъ рукою.

— «Тамаша!» — сказалъ я въ свою очередь.

Въ торжественные дни, или въ дни имянинъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, Шамиль дѣлалъ визиты въ коляскѣ, подаренной ему Государемъ Императоромъ. Другихъ порядочныхъ экипажей у него не было, потому что покупка ихъ требовала расходовъ. Въ коляску обыкновенно садился имамъ, я и впереди Кази-Магометъ. Зятья и переводчикъ тряслись сзади на биржевыхъ дрожкахъ,—послѣднiй долженъ былъ платить извощику свои собственныя деньги, потому что расхода этого Шамиль на себя не принималъ. Каждый нашъ выѣздъ сопровождался скандаломъ: непривыкшiя къ частой ѣздѣ, почтенныхъ лѣтъ лошади (тоже купленныя на казенный счетъ, еще въ 1860 году) на половинѣ дороги останавливались, и, въ явное нарушенiе устава Россiйскаго общества покровительства животнымъ, подвергались бичеванiю кучера, такъ что нерѣдко намъ приходилось, среди грязи, выходить изъ экипажа.

Въ день св. Александры Шамиль пожелалъ поздравить лично знакомую имянинницу, супругу губернскаго предводителя дворянства, А. Ѳ. Щукину.

— Имамъ проситъ васъ выѣхать въ 2 часа,—доложилъ мнѣ переводчикъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ я ему.

— А корнетъ Магометъ-Шафи проситъ, нельзя-ли поѣхать съ вами къ имянинницѣ въ 12 часовъ, чтобы сдѣлать визитъ прежде имама...

— Это еще что за извѣстіе?

— Имамъ не знаетъ, или же притворяется незнающимъ, что Шафи бываетъ въ обществѣ безъ папахи и носитъ длинные волосы: ему будетъ неловко оставаться въ папахѣ тамъ, гдѣ всегда бывалъ безъ нея...

— Но вѣдь и мнѣ же неловко быть въ одномъ и томъ же домѣ, въ одинъ день, два раза съ визитами! Впрочемъ, скажите Шафи, чтобы онъ не безпокоился: я устрою такъ, что имамъ не замѣтитъ въ папахѣ-ли онъ или безъ папахи.

Магометъ-Шафи поѣхалъ съ нами вмѣстѣ. У имянинницы было множество гостей. При входѣ въ залу, я оставилъ сына бесѣдовать съ прекраснымъ поломъ безъ папахи, а старика—въ папахѣ и чалмѣ—отвелъ въ гостиную для бесѣды съ хозяиномъ и хозяйкою, такъ что отсутствія Шафи онъ не примѣтилъ.

— — -

Срокъ отпуска корнету Магометъ-Шафи кончился. Онъ ни одного дня не захотѣлъ просрочить, говоря мнѣ откровенно, что ему у насъ скучно. Угроза выйти въ отставку подѣйствовала отлично: при выдачѣ денегъ, при оставленіи жены въ Калугѣ, Шафи не встрѣтилъ затрудненій,—все обошлось мирно, и посредничества моего не потребовалось.—Шамиль и Кази-Магометъ ужасно боялись, чтобы выходъ Шафи со службы не помѣшалъ ихъ ожидаемому выѣзду въ Мекку.

Въ 9 часовъ утра, корнетъ Шафи собрался въ дорогу. Когда тарантасъ былъ поданъ, я пришелъ съ нимъ еще разъ проститься; этимъ вниманіемъ вся семья осталась очень довольною.

— По русскому обычаю, выпьемъ на прощанье!—весело сказалъ Магометъ-Шафи, подавая знакъ лакею.

— Выпьемъ! отвѣчалъ я засмѣявшись,—«брудершафтовъ» не нужно, мы и безъ нихъ всѣ на ты....

Подали стаканы, пробки взлетѣли къ потолку, запѣнилась бѣлая влага, и мы дружески чокнулись стаканами, наполненными черезъ край.... лимонадъ-газесомъ!

Давая Шафи возможность проститься съ женщинами, я со-

шелъ внизъ къ тарантасу. Пять минутъ спустя, появилась тамъ и вся мужская семья, за исключеніемъ Абдурахмана, всегда враждовавшаго съ корнетомъ.

— И такъ, пожелаемъ добраго пути нашему дорогому сыну! сказалъ я Шамилю.

— Каждому изъ насъ подобаетъ быть на своемъ мѣстѣ, — отвѣчалъ онъ съ пріятною улыбкою.

Тарантасъ тронулся, колокольчикъ задребезжалъ. Кази-Магометъ — въ дрожкахъ, а Омаръ — верхомъ на водовозкѣ, поѣхали провожать Шафи до той дачи, въ которой они, по милости правительства, выгодно и пріятно провели лѣто.

Невниманіе Абдурахмана, не желавшаго проститься и проводить Шафи, огорчило старика имама и взбѣсило Кази-Магомета.

— Посмотрите на этого человѣка,—говорили они переводчику. Полковникъ нашъ—уллу, гюрмстли-киши (большой, почетный человѣкъ), да и то пришелъ проститься съ Шафи, а онъ, мальчишка, не хотѣлъ ему кивнуть головою!...

— Гдѣ Абдурахманъ? спросилъ я провожавшаго меня до квартиры Абдурагима.

— Не знаю! отвѣчалъ спрошенный.

— Не у Заидатъ-ли на верху?—быть можетъ, онъ тамъ простился съ Шафи?...

— Не знаю: у Заидатъ его не было....

— Такъ гдѣ же онъ?...

— Право не знаю, кажется, спитъ еще!...

— А жена его, Написатъ, была на верху при прощаньи?

— Была. Всѣ женщины прощались вмѣстѣ, — заключилъ Абдурагимъ.

При укладкѣ вещей отъѣзжавшаго, всѣ столпились въ передней около комнаты Абдурахмана; шумѣли и мы, громко разговаривая, шумѣли еще болѣе люди, выносившіе чемоданы, но Абдурахману не заблагоразсудилось проснуться; — когда же тарантасъ тронулся съ мѣста и зазвенѣлъ колокольчикъ, то онъ, будто бы сей часъ проснувшись, сталъ такъ громко звать лакея, чтобы голосъ его былъ слышенъ на верху: «Иванъ, Иванъ! подавай мнѣ одѣваться; Иванъ, подавай мнѣ воду!...»

Когда я, на другой день, позвалъ Абдурахмана, чтобы сдѣлать выговоръ за его выходку, то онъ, посредствомъ своей се-

стрицы Заидатъ, уже успѣлъ оправдать себя передъ старикомъ имамомъ, ссылаясь на крѣпкій сонъ и недогадливость жены разбудить его.

— Достань мнѣ изъ библіотеки имама книгу: «Харидатуль-эжданбъ», то есть: «Сумка чудеснаго»,—сказалъ я Абдурагиму.

Абдурагимъ отправился въ кабинетъ Шамиля, попросилъ, будто бы для себя, названную книгу, и принесъ ее ко мнѣ. Положивъ книгу на окошко, гдѣ помѣщался стаканъ съ папиросами и пепельница, я просилъ Абдурагима придти завтра, чтобы вмѣстѣ прочесть главу: «о будущемъ пришествіи на свѣтъ антихриста». Если мнѣ бывало понадобится сдѣлать извлеченіе изъ какой-нибудь арабской книги, то я, чаще всего, заставлялъ Абдурахмана или Абдурагима читать, а самъ набрасывалъ переводъ.

На слѣдующее утро, пришелъ ко мнѣ Кази-Магометъ и попросилъ свести его въ рекрутское присутствіе, чтобы прослѣдить порядокъ пріема рекрутъ. Подали экипажъ, и мы поѣхали.

Въ сумерки прибѣжалъ ко мнѣ встревоженный Абдурагимъ.

— «Не хабаръ?» (что новаго?), — спросилъ я.

— «Валла тамаша!» (ей-Богу, удивительно). У васъ былъ кто-нибудь сегодня изъ нашихъ? спросилъ онъ.

— Былъ Кази-Магометъ! отвѣчалъ я.

— Такъ и есть! Шамиль разсердился, зачѣмъ я отдаю его ученыя книги гяурамъ, у которыхъ онѣ валяются между папиросами и оскверняются табачнымъ дымомъ! Пожалуйста, отдай мнѣ «Сумку чудеснаго».

— Можешь взять, она уже мнѣ не нужна,—сказалъ я Абдурагиму, отъ души смѣясь надъ его кислымъ лицомъ. У васъ ни одного дня не пройдетъ безъ фанатическихъ выходокъ, безъ кляузъ, безъ сплетенъ! Поблагодари имама за книгу и скажи, что какъ Харидатуль-эджаибъ, по моему мнѣнію, ничто иное, какъ собраніе большею частью нелѣпыхъ басенъ, то я не считалъ грѣхомъ оставить ее въ сосѣдствѣ пепельницы и папиросъ!... Коранъ, какъ ты самъ видишь, я держу у себя такъ, какъ его держатъ правовѣрные мусульмане: онъ обернутъ въ чистый платокъ, и покоится на особой полкѣ этажерки, хотя я увѣренъ, что этотъ почетъ ни увеличитъ, ни уменьшитъ достоинства книги....

— Покуда «Сумка чудеснаго» возвратится въ библіотеку имама, ее теперь будутъ провѣтривать и протирать нѣсколько дней, и за этотъ трудъ пилить меня!.. Нерасположеніе ко мнѣ Кази-Магомета такъ велико,—продолжалъ Абдурагимъ,—что каждый мой шагъ, каждый поступокъ, онъ ставитъ мнѣ въ вину: пойду ли я съ визитами - виноватъ, забѣгу въ клубъ—виноватъ, посѣщу театръ—виноватъ! Теперь взялъ для васъ книгу, которую не однажды вручалъ вамъ Кази-Магометъ—опять виноватъ!..«Джаны-чихсынъ!» (да выскочитъ душа),—заключилъ Абдурагимъ, вѣроятно относя это доброе желаніе къ своимъ притѣснителямъ, и закуривая папиросу.

— Не думаю, чтобы на тебя сердились за посѣщеніе театра; вчера же былъ Кази-Магометъ на представленіи Ольриджа,—сказалъ я.

— Онъ что̀ дѣлаетъ, то ему можно, а мнѣ, по ихъ мнѣнію, нельзя! Вчера, отправляясь въ театръ, будто бы по принужденію, онъ свалилъ это прегрѣшеніе на васъ: «Полковникъ», сказалъ онъ отцу, «прислалъ за мною, чтобы я былъ непремѣнно въ театрѣ, потому что неловко не посмотрѣть на игру такой европейской знаменитости, какъ Ольриджъ!» Если ужъ я грѣшу противу религіи и мюридскихъ обычаевъ, посѣщая иногда гостинницу, чтобы встрѣтить тамъ добрыхъ знакомыхъ, то Кази-Магометъ болѣе грѣшитъ, секретно отъ имама играя по нѣсколько часовъ въ сутки на билліардѣ у Кулона.

Дѣйствительно, Абдурагимъ говорилъ правду. По плану Кази-Магомета обмануть отца, около 7-ми часовъ вечера, когда онъ былъ въ кабинетѣ для совершенія вечерняго «намаза», явился туда, заранѣе подученный, переводчикъ Мустафа.

— Полковникъ прислалъ просить васъ и Кази-Магомета въ театръ,—доложилъ онъ.

— Поблагодари,—вѣжливо отвѣчалъ старикъ,—я не поѣду, а ты, Кази-Магометъ, поѣзжай; потомъ и мнѣ разскажешь что̀ слышалъ и видѣлъ.

Кази-Магометъ, какъ бы неохотно, сошелъ внизъ, гдѣ его ожидали уже приготовленныя, по его же приказанію, дрожки.

— Что̀ говоритъ Кази-Магометъ объ игрѣ Ольриджа? спросилъ я на другой день переводчика.

— Говорить, что смотрѣть это представленіе не стоило и за пять копѣекъ...

Нельзя было и ожидать другой оцѣнки! Во первыхъ, потому, что мусульманинъ, сдѣлавшійся христіаниномъ и явившійся на сцену, никогда не удостоится похвалы ни одного фанатика; а во вторыхъ, Ольриджъ игралъ на англійскомъ языкѣ и Кази-Магометъ ничего не понималъ.

За два дня до представленія «Отелло», Кази-Магометъ спросилъ меня, чтò онъ увидитъ на сценѣ?

— Ольриджъ совершитъ убійство,—отвѣчалъ я.

— Кого онъ убьетъ?

— С......ву! отвѣчалъ я улыбаясь.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ ее убьетъ?

— О, нѣтъ; она останется живою!

— Жалко!—отвѣчалъ сынъ Шамиля;—ее бы нужно убить не шутя.

Кази-Магомету было извѣстно, что эта миловидная актриса бѣжала отъ мужа, лежавшаго на смертномъ одрѣ, и возвратилась на сцену по смерти благовѣрнаго супруга, оставя своего похитителя...

Абдурагимъ также былъ въ театрѣ. Въ день постановки на сцену «Отелло», онъ находился въ гостяхъ, гдѣ знакомыя дамы заявили желаніе видѣть его въ театрѣ. Бѣдный молодой человѣкъ занялъ у кого-то два рубля и вѣжливо исполнилъ желаніе прекраснаго пола. Ни Шамиль, ни Кази-Магометъ никогда почти не догадывались дать своимъ родственникамъ денегъ на билеты.

VI.

— Кази-Магометъ прислалъ спросить, не возьмете ли вы его съ собою куда нибудь къ знакомымъ, провести вечеръ,—доложилъ мнѣ однажды переводчикъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ я;—скажите, чтобы послѣ вечерняго «намаза» пришелъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ поѣдемъ къ нашему кавказскому другу, капитану де-Лазари [1]).

Въ сумерки отправились. Кази-Магометъ хотя понимаетъ

[1]) Нынѣ полковникъ корпуса жандармовъ.

много, но, просто изъ фанатизма не желая говорить по русски. въ гостяхъ бо̀льшею частію держится около меня; на этотъ разъ, онъ завелъ со мною разговоръ объ Абдурагимѣ.

— Пожалуйста перестанемте говорить о предметѣ, которому не предвидится конца и котораго, по вашему выраженію, нельзя поймать за хвостъ! Удивляюсь, зачѣмъ вы насильно удерживаете при себѣ этого молодаго человѣка? Раньше или позже, онъ надѣлаетъ вамъ много хлопотъ! Всѣ эти странныя сцены, которыми вы отвѣчаете ему на просьбы о дозволеніи опредѣлиться на службу, сдѣлавшись извѣстны всему городу, возбудятъ смѣхъ и порицаніе, возбудятъ вопросъ и убѣжденіе, что имамъ, осыпанный милостями правительства, изъ фанатизма не желаетъ пустить зятя на царскую службу!.. Вотъ уже почти два года, какъ Абдурагимъ каждый день безпокоитъ меня своими просьбами объ опредѣленіи его на службу въ Россіи или на Кавказѣ.

— Имамъ вовсе его не держитъ! Пускай онъ проситъ позволенія ѣхать на Кавказъ, и позволеніе получитъ,—сказалъ Кази-Магометъ, въ душѣ нежелавшій, чтобы Абдурагимъ служилъ въ Россіи.

— Но Абдурагимъ безъ жены на Кавказъ не поѣдетъ,—замѣтилъ я.

— Имамъ отпуститъ съ нимъ и его жену,—сказалъ Кази-Магометъ, и затѣмъ прибавилъ: если она сама захочетъ послѣдовать за мужемъ!...

— Другой на моемъ мѣстѣ человѣкъ и подумалъ бы, что дѣло Абдурагима благополучно покончено, но я ясно вижу, что мы цѣлый часъ толкли воду. Абдурагимъ, готовый ѣхать и на Кавказъ—не поѣдетъ туда безъ жены, а жена его, само собою разумѣется, сдѣлаетъ то, что̀ угодно имаму. Ей стоитъ только шепнуть: не соглашайся разстаться съ отцомъ, и она оставитъ мужа въ трубѣ... И ты, мой другъ, и Шафи, рады бы сбыть съ рукъ обоихъ нелюбимыхъ зятьевъ, но тутъ есть запятыя: имаму не хочется разстаться съ дочерьми, вамъ съ сестрами, а имамшѣ Заидатъ не хочется разстаться съ братьями. Я не говорю уже о томъ, что вы всѣ, кромѣ корнета Магомета-Шафи, по извѣстной мнѣ причинѣ, не желаете, чтобы кто нибудь изъ вашихъ родственниковъ, даже изъ вашихъ единовѣрцевъ, служилъ въ рядахъ христіанъ.

— Заидатъ помѣшаетъ выѣзду братьевъ изъ Калуги, — замѣтилъ Кази-Магометъ, какъ бы отвѣчая на свою мысль сбыть ихъ съ рукъ.

На слѣдующее утро, разговоръ нашъ, переданный Кази-Магометомъ—Шамилю, Шамилемъ—Заидатъ, а Заидатъ—братьямъ, варьированъ на разныя темы, и настоящій смыслъ его, по обыкновенію, исказился. Вся семья, жадная до хабаровъ (новостей) и сплетень, обрадовалась, что нашелся предметъ для толковъ. Шамиль потребовалъ къ себѣ Абдурагима и, вслѣдствіе будто бы моей жалобы, что онъ до смерти мнѣ надоѣдаетъ своими посѣщеніями, распекъ его ужасно. Заидатъ обидѣлась сказаннымъ мною, что если бы не она, то Абдурагимъ давно бы былъ на службѣ, и такъ далѣе.

Въ полдень Абдурагимъ прибѣжалъ ко мнѣ чуть не со слезами на глазахъ, и объявилъ, что имамъ наконецъ согласился отпустить его изъ Калуги, и желаетъ о томъ переговорить со мною. Я отправился тотчасъ къ старику, предполагая заодно сдѣлать съ нимъ визитъ пріѣзжему въ Калугу флигель-адъютанту. Кази-Магометъ и Абдурагимъ встрѣтили меня въ залѣ; минуту спустя, пришелъ къ намъ Шамиль. Поздоровавшись, онъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ на диванѣ.

— Мнѣ нужно сказать тебѣ пару словъ, — сказалъ онъ.

— Я слушаю!...

— Кази-Магометъ сообщилъ мнѣ, что стоящій здѣсь Абдурагимъ ужасно надоѣдаетъ тебѣ своими посѣщеніями и жалобами поступить на службу!..

— Вовсе не такъ! я всегда радъ видѣть каждаго изъ васъ въ моемъ домѣ: выслушивать ваши жалобы, ваши просьбы, давать вамъ добрые совѣты—это моя обязанность!.. Я, точно, говорилъ твоему сыну, что Абдурагимъ постоянно безпокоитъ меня извѣстными просьбами, но вовсе не въ томъ смыслѣ, что онъ мнѣ надоѣдаетъ посѣщеніями.

— Такъ ты не приносилъ полковнику жалобы, чтобы тебя отпустить изъ Калуги? спросилъ Шамиль Абдурагима.

— Я вовсе не жаловался, но просилъ, да и то просилъ только всего одинъ разъ, — отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Да, точно, ты просилъ одинъ разъ, но потомъ, въ каждый приходъ ко мнѣ, заводилъ разговоръ о предметѣ своего до-

могательства. Развѣ это не одно и то же, что повтореніе первоначально заявленной просьбы? замѣтилъ я зятю Шамиля.

— «Белѣ!» (точно такъ),—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Однимъ словомъ, безъ увертокъ, выскажи намъ свое желаніе.

— Мое желаніе—желаніе неизмѣнное, моя просьба—усерднѣйшая просьба, состоитъ въ томъ, чтобы имамъ позволилъ мнѣ поступить на службу! отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Я вовсе не удерживаю его. Пускай ѣдетъ и беретъ съ собою свою жену, но писать военному министру объ его опредѣленіи я не возьму пера въ руки, потому что это не мое дѣло. У него есть отецъ Джамалъ-Эддинъ, отъ распоряженій котораго должна зависѣть его участь!... По нашимъ постановленіямъ, сынъ обязанъ подчиняться волѣ отца, братъ—старшаго брата, и такъ далѣе,—заключилъ Шамиль, кривя душою противу «Суннета», въ которомъ сказано, что достигнувшій 15-ти-лѣтняго возраста юноша уже выходитъ изъ-подъ опеки.

— Коляска подана,—доложилъ лакей.

— Ѣдемте, имамъ,—сказалъ я, и мы отправились съ визитами.

Вечеромъ того же дня, пришелъ ко мнѣ Абдурагимъ.

— «Кара боссе!» (добрый вечеръ),—сказалъ онъ весело.

— «Саолъ, ходоука!» (спасибо, садись),—отвѣтилъ я.

— Слава Богу! наконецъ-то имамъ далъ мнѣ согласіе поступить въ службу...

— Ты такъ думаешь?...

— Разумѣется!... Я пришелъ просить васъ, чтобы вы съ завтрашнею почтою сдѣлали о томъ представленіе военному министру. Ради самого Аллаха, развяжите меня,—умолялъ Абдурагимъ.

— Не могу, хотя бы и хотѣлъ... Согласіе Шамиля такъ же сомнительно, какъ и прежде, и имѣетъ свое: но. Завтра я еще разъ спрошу имама—какъ мнѣ понимать отвѣтъ его по твоему дѣлу.

Спрошенный имамъ отозвался, что онъ и ни запрещаетъ, и ни позволяетъ своему зятю Абдурагиму поступить въ службу—болѣе этого я ничего не могъ добиться.

Затѣмъ, съ первою почтою, я отправилъ къ докладу воен-

ному министру представленіе[1]), въ которомъ, между прочимъ, выразилъ:

«Абдурагимъ, весьма справедливо считая 4-хъ-лѣтнее пребываніе въ Калугѣ (куда онъ прибылъ за Шамилемъ добровольно) временемъ для себя безполезно потеряннымъ, и требуемое отъ него соблюденіе правилъ мюридской жизни— правилъ, по его словамъ, хорошихъ въ Дарго, но не въ Калугѣ, стѣснительнымъ, потерявъ надежду, чтобы Шамиль далъ ему согласіе поступить на службу, принялъ методу вести себя самостоятельно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нерасположеніе къ нему Шамиля и Кази-Магомета. Какъ добрый мусульманинъ, Абдурагимъ аккуратно исполняетъ пять установленныхъ «намазовъ», не ѣстъ и не пьетъ запрещеннаго кораномъ, но положительно не признаетъ тѣхъ обрядовъ и обычаевъ (составляющихъ «Суннетъ» и «Гадисъ»), которые имѣютъ характеръ фанатизма. Гордый и настойчивый, онъ не хочетъ преклонить своей головы ни передъ Шамилемъ, ни передъ его старшимъ сыномъ, и, нерѣдко оставаясь безъ обуви, не проситъ у нихъ ни копѣйки, потому что каждая выдача ему денегъ на покупку необходимѣйшаго сопровождалась выговорами, даже ругательствами, за несоблюденіе строгихъ адатовъ.

«Въ прошлые годы, Шамиль выдавалъ зятьямъ своимъ по 20—30 рублей въ треть; теперь же не отпускаетъ имъ на карманные расходы ничего, полагая, что этимъ заставитъ ихъ прекратить знакомства и безвыходно сидѣть дома, за намазами и книгами; мѣра эта оказалась безуспѣшною, вызвала обоюдное охлажденіе, похожее на ненависть, и зятья, въ особенности Абдурагимъ, совершенно вышли изъ повиновенія своихъ родственниковъ, стараются избѣгать съ ними встрѣчи, чему способствуетъ учрежденіе для нихъ особаго экономическаго обѣденнаго стола, и, постоянно жалуясь на притѣсненіе Шамиля, насильно удерживающаго ихъ при себѣ, остаются при мысли выѣхать изъ Калуги.

«Весьма много я потерялъ времени и словъ на совѣты Шамилю: отпустить зятя на службу, и Абдурагиму: подчиниться волѣ старика. Первый, по обыкновенію, отвѣчаетъ уклончиво, второй—настойчиво остается при прежнемъ желаніи. Наконецъ, два дня сряду, Шамиль самъ заводилъ со мною разговоръ объ Абдурагимѣ, объявляя, что, въ дѣлѣ опредѣленія его на службу, считаетъ себя лицомъ постороннимъ, не желаетъ препятствовать осуществленію намѣренія зятя, но и не намѣренъ ходатайствовать объ немъ передъ военнымъ министромъ. Мнѣніе Шамиля, что домогательство зятя можетъ быть разрѣшено только согласіемъ его отца, ефендія Джамалъ-Эддина, Абду-

---

[1]) Вся переписка моя, по должности пристава при Шамилѣ, велась конфиденціально, и докладывалась военному министру чрезъ начальника управленія иррегулярныхъ войскъ, генералъ-лейтенанта Карлгофа.

рагимъ не признаетъ правильнымъ, какъ потому, что онъ совершеннолѣтенъ, такъ и по той причинѣ, что отецъ, бросивъ его давно на произволъ судьбы, самъ переселился въ другое государство.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что опредѣленіе на службу Абдурагима было бы для Шамиля и части его семейства непріятнымъ событіемъ, но оно положило бы конецъ семейнымъ сценамъ, которыя повторяются ежедневно вслѣдствіе настойчивости называемаго молодаго человѣка—какими бы то ни было путями достигнуть своей цѣли.

«Въ заключеніе честь имѣю доложить. что Абдурагимъ, зная весьма порядочно читать и писать по русски, въ такомъ случаѣ, если не удостоится счастія быть опредѣленнымъ въ конвой Е. И. Величества, заявляетъ готовность служить въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, внутри имперіи расположенныхъ, и носить установленную форму, а также оставить до времени свою жену при семействѣ Шамиля».

Абдурагимъ пришелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ утреннимъ визитомъ и вслѣдъ за нимъ появился Абдурахманъ, дувшійся на меня нѣсколько дней и испытавшій, что я мало на это обращаю вниманія. Оба брата были очень веселы и это убѣдило меня въ мысли, что они единодушно стремятся къ одной цѣли, именно: разстаться съ Шамилемъ и почтенною Заидатъ, не умѣвшею отстоять, чтобы въ глазахъ имама зятья занимали мѣсто выше сыновей. Я говорилъ уже, что, за годъ до того, какъ пишу я эти строки, домъ Шамиля раздѣлялся на двѣ партіи; теперь обстановка измѣнилась, въ ущербъ Заидатъ—братья ея составили особую партію. Право менторства надъ старикомъ осталось въ рукахъ Заидатъ и Кази-Магомета: что̀ присовѣтуетъ сынъ, то разстроитъ жена, что̀ присовѣтуетъ жена—то разстроитъ сынъ... Абдурахманъ тайно, а Абдурагимъ явно, стали преслѣдовать одну цѣль—выбиться изъ тяжкой опеки и оставить семью, въ которой они ничего не значатъ, содержатся какъ лакеи, и встрѣчаютъ одни лишь оскорбленія.

Въ первый разъ при братѣ, Абдурагимъ закурилъ папироску,—до этого дня онъ скрывалъ отъ него свою противу-коранную страстишку.

— Ты рѣшаешься курить при старшемъ братѣ и въ одно время грѣшить противу адата и противу корана? Смотри, онъ на тебя разсердится! сказалъ я шутя Абдурагиму.

— Чего мнѣ сердиться,—отвѣчалъ Абдурахманъ.—Каждый

воленъ дѣлать что ему угодно[1]); онъ давно перестaлъ быть «мюридомъ» и превратился въ «мунафика»!

— Какая польза имаму держать при себѣ мунафика, отвергающаго «шаріатъ»? Давно бы пора пристроиться ему на службу, въ ряды наши,—сказалъ я.

— Имамъ, по-истиннѣ, добрѣйшій старикъ, и не препятствовалъ бы пользамъ зятя, если бы не эти поганые совѣтники! Черезъ совѣтниковъ же, въ родѣ Амиръ-хана, Юнуса и другихъ, онъ потерялъ Чечню и Дагестанъ. Совѣтчики ворочаютъ его на всѣ стороны, подобно тому, какъ собаки ворочаютъ падаль («мурдаръ»),—сказалъ Абдурахманъ язвительно.

Квартировавшій въ Калугѣ, Колыванскаго полка капитанъ Мулачиханъ (до крещенія Гасанъ Гаджіовъ), уроженецъ Дагестана, изъ селенія Ашильты, выступая въ походъ въ Царство Польское, оставилъ своего 15-ти-лѣтняго племянника, Нурича, у помѣщицы Калужской губерніи княгини Оболенской, принявшей на себя доброе дѣло воспитать молодаго дикаря въ европейскомъ духѣ.

На-дняхъ пріѣхалъ въ городъ съ кучеромъ княгини молодой Нуричъ и остановился въ домѣ Шамиля. Капитанъ Мулачиханъ былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ имама; оставляя Калугу, онъ даже не счелъ нужнымъ проститься съ ними, и племянника своего ихъ попеченіямъ не поручалъ. Когда полкъ стоялъ около Калуги лагеремъ и Шамиль посѣщалъ ученья, то я замѣтилъ, что Нуричъ, подзываемый къ коляскѣ имама, послѣ разговора съ нимъ на аварскомъ нарѣчіи, всегда отходилъ со слезами на глазахъ. Какъ истый кавказецъ, привыкшій смотрѣть во всѣ стороны—нѣтъ-ли гдѣ непріятеля въ засадѣ, я заподозрилъ—не внушается ли молодому горцу мысль, что ему грѣшно жить у невѣрныхъ и отставать отъ мусульманскихъ намазовъ и обычаевъ.

— Кази-Магометъ желаетъ, чтобы Нуричъ остался у нихъ на жительство,—доложилъ мнѣ вошедшій переводчикъ Мустафа.

— Передайте Кази-Магомету, что онъ не имѣетъ никакого

---

[1]) Это изреченіе заключается въ 46-мъ стихѣ 41-й главы корана.

права распоряжаться этимъ молодымъ человѣкомъ и вмѣшиваться въ дѣла Мулачихана,—сказалъ я переводчику.

Мустафа ушелъ, но вскорѣ возвратился.

— Кази-Магометъ говоритъ, что Нуричъ напишетъ къ княгинѣ Оболенской письмо, увѣдомитъ, что пожелалъ остаться въ домѣ имама, и попроситъ прислать сюда его вещи,—сказалъ переводчикъ.

Я отправилъ однако Нурича обратно въ деревню княгини Оболенской, которую просилъ не отпускать впредь молодаго человѣка къ военно-плѣннымъ, потому что эти посѣщенія могутъ его фанатизировать. Въ тотъ же день зашелъ я къ Шамилю, принимавшему визитъ Ольриджа.

— Извините, имамъ, что я воспротивился оставленію здѣсь Нурича.

— И прекрасно сдѣлалъ! отвѣчалъ старикъ.

— Если бы вы оставили у себя этого мальчика, непрошенные вмѣшались въ дѣла Мулачихана, то онъ имѣлъ бы право васъ обвинить въ томъ, что вы, ради того—лишь бы вырвать мусульманина изъ рукъ христіанъ, помѣшали воспитанію его племянника.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ Шамиль.

— Я приказалъ Нуричу испросить отъ Гасанъ Гаджіова (Мулачихана) позволеніе жить у насъ,—сказалъ Кази-Магометъ.

— А я постараюсь помѣшать этому,—подумалъ я, зная, что желаніе это есть дѣло фанатизма, а не человѣколюбія.

— Скажите Кази-Магомету,—приказалъ я вошедшему ко мнѣ переводчику,—что, по корану, за вѣжливость должно платить вѣжливостью. Вмѣсто визита Ольриджу, который теперь занятъ репетиціями, пускай онъ ѣдетъ въ театръ, на представленіе драмы: «Шейлокъ».

— А я затѣмъ и присланъ,—отвѣтилъ переводчикъ;—Кази-Магометъ хочетъ взять ложу..... Онъ проситъ, чтобы вы взяли съ нимъ ложу п о п о л а м ъ а ложа стоитъ 15 р у б л е й!..

— Имамъ васъ приглашаетъ, желая кой о чемъ переговорить,— сказалъ мнѣ однажды Кази-Магометъ, встрѣтившійся на гуляньи.

— Опять что нибудь новое? спросилъ я торопливо.

— Нѣтъ, это все старое! отвѣчалъ спрошенный.

Въ полдень слѣдующаго дня, собралась конференція.

— Ты поставленъ при мнѣ правительствомъ для того,—началъ Шамиль рѣчь докторальнымъ тономъ,—чтобы быть мнѣ полезнымъ совѣтами, быть ходатаемъ въ моихъ нуждахъ и просьбахъ!—Сегодня я пригласилъ тебя съ тою цѣлью, чтобы покончить дѣло Абдурагима, не отступающаго отъ желанія выѣхать изъ Калуги и поступить на службу......

Изъ залы въ гостиную вошли Абдурахманъ и Абдурагимъ. Первый, въ противность мусульманскаго этикета, увидѣвъ, что Кази-Магометъ сидитъ при отцѣ и желая показать, что онъ ему равный, безъ приглашенія помѣстился въ кресла, и шопотомъ, на кази-кумухскомъ нарѣчіи, для всѣхъ присутствующихъ непонятномъ, два раза повторилъ брату: «и ты садись», но Абдурагимъ до конца совѣщанія оставался на ногахъ, и вообще держалъ себя съ тактомъ и должнымъ, по обычаю, къ старшимъ уваженіемъ.

— Совершенно отъ тебя зависитъ разрѣшить этотъ длинный, безпокоющій всѣхъ насъ вопросъ,—сказалъ я Шамилю.—Зачѣмъ насильно держать Абдурагима и Абдурахмана, когда вы на нихъ, а они на васъ, смотрите врагами?..

— Насильно я никого не удерживаю—отвѣчалъ старикъ. Сколько присутствіе ихъ въ моемъ домѣ не приноситъ радости, столько и отсутствіе не причинитъ печали! Въ началѣ, я ихъ содержалъ точно такъ же, какъ родныхъ сыновей: кормилъ, одѣвалъ, давалъ нѣсколько денегъ, но когда они стали вести себя очень дурно, неприлично, однимъ словомъ—не такъ, какъ слѣдуетъ вести себя дѣтямъ благочестиваго ефендія, я, истощивъ всѣ средства направить ихъ на путь истинный, заставить, чтобы они сидѣли дома, читали религіозныя книги, дѣлали «намазы», держали посты,—вотъ уже болѣе года, махнулъ на нихъ рукою, не сталъ давать ни копѣйки, но и эта мѣра не останавливаетъ ихъ отъ неприличной жизни!.. Они продолжаютъ посѣщать своихъ знакомыхъ, бывать на гуляньяхъ и въ театрахъ, смотрѣть

на женщинъ и говорить съ ними, тогда какъ все это запрещено правовѣрнымъ мусульманамъ.

— Я съ тобою не согласенъ, имамъ, въ томъ, что зятья твои ведутъ себя дурно, неприлично. Они аккуратно исполняютъ пять установленныхъ кораномъ «фарсъ-намазовъ», не ѣдятъ и не пьютъ запрещеннаго, держатъ исправно великій постъ, но, признавая правила вашего «Суннета» тяжелыми, необязательными, и полагая, что только подобные тебѣ старцы могутъ имъ слѣдовать, рѣшились вообще жить такъ, какъ живутъ всѣ дагестанцы, то есть: по «адату», а не по «шаріату».

— Если они не хотятъ быть послушными, жить такъ, какъ я живу, то самое лучшее удалить ихъ изъ моего дома,—отвѣчалъ Шамиль. Хотятъ ѣхать въ Дагестанъ—пусть ѣдутъ; я имъ пожалуй дамъ нѣсколько денегъ на дорогу.

— А женъ отдашь имъ? спросилъ я.

— Конечно, и женъ отдадимъ,—вмѣшался сынъ-суфлеръ.

— Конечно, и женъ отдадимъ! повторилъ отецъ и, помолчавъ, прибавилъ: «но» отдадимъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ не будутъ плакать, и сами согласятся покинуть старика-отца...

— Это «но» все равно, что сказать прямо: не отдамъ!... жены не поѣдутъ за мужьями, мужья не поѣдутъ безъ женъ! Повтореніе старой пѣсни,—сказалъ я.—Мое мнѣніе, пусть Абдурагимъ поступаетъ на службу въ Россіи, его же жена, а твоя дочь, можетъ до времени оставаться при твоемъ семействѣ.

— Я согласенъ; пускай зятья служатъ въ Россіи,—отвѣчалъ старикъ,—«но» я не хочу, чтобы ихъ жены оставались при мнѣ; они должны взять ихъ съ собою. Довольно мнѣ заботъ и съ женою Шафи; ты не знаешь какъ дорого мнѣ стоитъ жить въ Калугѣ!......

— На первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, имъ взять съ собою женъ невозможно! Впрочемъ,—продолжалъ я,—у насъ должно идти совѣщаніе только объ одномъ Абдурагимѣ. Абдурахманъ, въ послѣднее время, не заявлялъ мнѣ желанія оставить твой домъ.....

— Нѣтъ, дѣло лучше покончить заразъ,—отозвался въ сердцахъ Кази-Магометъ. Вышлите вонъ изъ нашей семьи и того и другаго, а въ особенности этого кляузника, интригана.

негодяя Абдурахмана! Пока онъ будетъ здѣсь, у насъ никогда не будетъ покою!..

— Да, это правда,—отозвался спокойно перебиравшій свои чотки старикъ; ихъ нужно («тайдырмага») вырвать изъ моего дома!..

— Мнѣ очень непріятно,—сказалъ я Абдурахману, сидѣвшему какъ на иголкахъ,—что ты, чрезъ свой хитрый, злобный характеръ, вооружилъ противу себя имама и его сыновей! Третьяго дня Кази-Магометъ жаловался мнѣ, что ты ослушался его порученія написать письмо къ полковнику Богуславскому. На замѣчаніе мое, ты отвѣчалъ, что Кази-Магометъ лжетъ, клевещетъ, и что о письмѣ никто тебѣ ничего не говорилъ; вотъ теперь вы оба на лицо, разъясните кто изъ васъ въ данномъ случаѣ правъ, кто виноватъ?.....

— Развѣ я не поручалъ тебѣ написать письмо къ Богуславскому? спросилъ Кази-Магометъ Абдурахмана.

— Нѣтъ! я не помню! отвѣчалъ послѣдній.

— Ложь! чистая ложь! ты еще сказалъ: «очень мнѣ нужно писать гяуру!» —вскричалъ блѣднѣвшій отъ злости сынъ Шамиля.

— У тебя ложь! отвѣчалъ въ свою очередь поблѣднѣвшій какъ полотно Абдурахманъ; ты радъ кляузничать и на каждомъ шагу обижать меня безъ причины!...

— Безъ причины? а, безъ причины?—закричалъ антагонистъ, подбѣгая къ противнику и кивая ему подъ самый носъ пальцемъ.—А не ты ли, «собака», оказываешь мнѣ на каждомъ шагу неуваженіе? не ты ли дѣлалъ мнѣ непріятности тогда, какъ умерла моя жена, Каримата? не ты ли дерзко приказалъ лакею отобрать отъ меня графинъ? не ты ли выхватилъ изъ рукъ своей жены, а моей сестры, Написатъ, рубашку, которую она мнѣ шила, и топталъ эту рубашку ногами?..

Перебранка принимала все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ...... Ставъ между двумя разсвирѣпѣвшими и державшимися за кинжальныя ручки родственниками, и отводя Кази-Магомета на прежнее мѣсто, я замѣтилъ имъ, что они въ присутствіи моемъ и имама ведутъ себя неприлично; вслѣдъ за симъ, спокойствіе возстановилось. Шамиль во все время ссоры и брани сидѣлъ спокойно, перебиралъ чотки, и шепталъ молитву, предоставляя противникамъ полную свободу подраться....

Если бы Кази-Магометъ ударилъ Абдурахмана, то, вѣроятно, обнажились бы кинжалы, и въ маленькой гостиной разыгралась бы трагедія. Въ одно мгновеніе ока закипѣло бы: «Канлу» (Vendetta). Абдурахманъ могъ убить Кази-Магомета, Шамиль—Абдурахмана, Абдурагимъ—Шамиля, и, наконецъ, кто нибудь изъ нихъ, болѣе раненый, собираясь отправиться ad patres, ради заслуги для поступленія въ обѣщанный пророкомъ рай, воткнулъ бы кинжалъ въ мою грудь—въ грудь ненавистнаго «гяура!..» Привыкшій на Кавказѣ быть близкимъ свидѣтелемъ сценъ убійства или пораненій изъ-за ничтожныхъ предлоговъ, я нисколько не испугался, но съискоса поглядывалъ на кинжалы моихъ сосѣдей, съ цѣлью завладѣть однимъ изъ нихъ, въ случаѣ надобности...

Въ гостиной возстановилось однако спокойствіе. Абдурагимъ, все время стоявшій скромно прислонясь къ стѣнѣ, выступилъ три шага впередъ, и сказалъ:

— Если вы собрались на совѣщаніе по моему дѣлу, то спрашивайте меня и я буду отвѣчать; если же я не нуженъ, то позвольте мнѣ удалиться!... Порѣшите мою просьбу. Положеніе, въ которомъ я нахожусь, вгонитъ меня въ чахотку! Я измучился отъ постоянныхъ сценъ и непріятностей!..

— Самъ вижу,—сказалъ хладнокровно Шамиль,—что нуженъ конецъ, но я не имѣю права ни отпускать, ни удерживать тебя; дѣлай какъ хочешь, и уѣзжай хоть сію минуту!...

— Куда же мнѣ ѣхать? отвѣчалъ Абдурагимъ,—въ Петербургъ-ли, въ Сибирь, на Кавказъ, или въ Мекку!.. Укажите мнѣ дорогу, и я поѣду!.......

— Сынъ навсегда состоитъ во власти отца,—сказалъ имамъ; на всѣ свои дѣла вы должны испрашивать разрѣшенія ефендія Джамалъ-Эддина, а я тутъ сторона: ни запрещаю, ни позволяю!...

— Да это вовсе не логично, имамъ,—замѣтилъ я.—Джамалъ-Эддинъ, переселившись въ Турцію, сталъ подданнымъ султана, а Абдурагимъ—подданный нашего Императора! Какое же право можетъ имѣть турецко-подданный надъ русско-подданнымъ? Развѣ въ Чечнѣ и Дагестанѣ сыновья-мунафики спрашивали разрѣшенія отцовъ-мюридовъ и обратно?..

— Въ нашихъ книгахъ написано, что сынъ всегда остается подчиненнымъ волѣ отца,—отвѣчалъ старикъ докторально.

— А мнѣ кажется, что въ вашихъ же постановленіяхъ гдѣ-

то сказано, что отецъ обязанъ: научить сына грамотѣ, правиламъ религіи, и женить на первой женѣ, а въ 16 лѣтъ сынъ уже выходитъ изъ безусловной власти отца, и дѣлается человѣкомъ самостоятельнымъ,—замѣтилъ я.

— Сынъ навсегда подчиненъ волѣ отца,—твердилъ ех-имамъ; онъ безъ его воли не можетъ идти на «газаватъ!» (священную войну противу христіанъ).

Этою ссылкою, въ смыслѣ толкованія постановленій Суннета, старикъ высказалъ мысль, что если сынъ безъ разрѣшенія отца не можетъ затѣвать такого добраго, Аллаху-угоднаго дѣла, какъ война противу гяуровъ, то какъ-же ему не быть подчиненнымъ отцу въ другихъ житейскихъ помыслахъ, а въ особенности въ помыслахъ вступить въ ряды гяуровъ!.....

— Положимъ, что это есть въ вашихъ книгахъ; но вѣдь зятья твои не хотятъ идти на газаватъ, но хотятъ поступить къ намъ на службу,—отвѣчалъ я. Развѣ ты, имамъ, собирая скопища, насильно выводя въ строй малаго и великаго, способнаго владѣть оружіемъ—спрашивалъ разрѣшенія отцовъ отпустить сыновей?..

— Откуда тебѣ знать, что̀ написано въ нашихъ книгахъ,—сказалъ съ досадою Шамиль.—Ты вотъ, пожалуйста, сдѣлай представленіе «визирю» (военному министру), чтобы намъ избавиться отъ этихъ людей.......

— Только сдѣлай представленіе не обвиняя насъ въ чемъ либо, потому что ты какъ-будто бы держишь ихъ сторону,—прибавилъ Кази-Магометъ.

— Я не держу ничьей стороны, но дѣйствую и сужу по совѣсти!—отвѣчалъ я, взглянувъ на сына ех-имама.—Абдурахманъ и Абдурагимъ на лицо; пускай они скажутъ, не совѣтовалъ-ли я имъ быть почтительными, послушными имаму, не огорчать васъ разными дрязгами!... Не могу же я написать въ представленіи, что они негодяи, пьяницы, воры, изъ-за того, что они не хотятъ вести арестантской жизни, сидѣть день-деньской за книгами!..

— Какъ лицо, поставленное при насъ правительствомъ, ты долженъ написать визирю всю правду,—сказалъ Кази-Магометъ.

— Конечно, я не отступлю ни на шагъ отъ правды; но было бы гораздо лучше, если-бы вы, имамъ, отъ себя написали коротенькое письмо, прося визиря объ опредѣленіи зятьевъ вашихъ на службу...

— Нѣтъ,—отвѣчалъ рѣшительно Шамиль,—я о томъ не напишу ни одной строчки!...

Совѣщаніе тѣмъ и кончилось. Черезъ одну, нарочно пропущенную мною почту, переговоривъ съ Кази-Магометомъ и его двумя зятьями, я отправилъ къ начальнику управленія иррегулярныхъ войскъ, генералъ-лейтенанту Карлгофу, новое представленіе съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, выразивъ при этомъ, что, по моему мнѣнію, только удаленіе Абдурахмана и Абдурагима изъ Калуги для зачисленія на службу может возстановить въ семьѣ Шамиля спокойствіе, прекратить сплетни и интриги; а потому, если эта мѣра будетъ признана благоугодною, то я честь имѣю просить почтить меня предписаніемъ, а Шамиля письмомъ, о высылкѣ сыновей Джамалъ-Эддина Кази-кумухскаго въ С.-Петербургъ, для опредѣленія, согласно ихъ желанію, на службу и дальнѣйшаго отправленія, по назначенію (не указывая мѣстъ), и объ оставленіи на время женъ ихъ въ Калугѣ, при семействѣ Шамиля.

Наканунѣ отправленія этого письма я объяснялъ Шамилю, что, въ виду безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ, когда каждый вѣрноподданный престолу готовъ посильно принести пользу правительству, ему неловко удерживать при себѣ насильно молодыхъ, полныхъ энергіи зятьевъ, и совѣтовалъ лично написать письмо къ военному министру, съ просьбою объ опредѣленіи ихъ на службу; но совѣтъ этотъ не имѣлъ успѣха, какъ можно догадываться, изъ опасенія погрѣшить противу религіи, запрещающей отдавать мусульманъ на службу христіанамъ.....

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ.

1829—1868.

Отъ вниманія будущаго историка русскаго театра не укроется, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что нашъ театръ—основаніемъ, развитіемъ и успѣхами своими обязанъ двумъ сословіямъ, въ былыя времена обреченнымъ на коснѣніе въ невѣжествѣ и ничтожествѣ: именно, сословіямъ купеческому и крѣпостному. Основателемъ русскаго театра былъ Θедоръ Григорьевичъ Волковъ († 4-го апрѣля 1763 г.), сотрудникомъ его въ этомъ великомъ дѣлѣ—Иванъ Аѳанасьевичъ Нарыковъ (Дмитревскій, † 1821 г.)—оба купеческіе сыновья. Краса и слава русскаго театра, Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ († 1817 г.), Провъ Михайловичъ Садовскій († 1873 г.), Димитрій Тимофѣевичъ Ленскій († 1860 г.), принадлежали къ купеческому сословію. Замѣтимъ при этомъ, что купечество наше, вообще, издавна выказывало и донынѣ выказываетъ особенное сочувствіе сценическимъ талантамъ.

Иной взглядъ имѣла наша знать на театръ и на его дѣятелей. У многихъ вельможъ временъ Екатерины, Павла и Александра I были собственные театры съ оперными и балетными труппами, составленными изъ крѣпостныхъ обоего пола [1]. Эту причуду нашего барства Грибоѣдовъ

[1]) Изъ таковыхъ особенную знаменитость пріобрѣлъ театръ графа С. М. Каменскаго, въ Орлѣ (см. о немъ въ «Запискахъ» И. С. Жиркевича «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 565—569). Здѣсь-же, къ слову, не можемъ не вспомнить о любопытномъ документѣ, который намъ случилось видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Документъ этотъ былъ списокъ до тридцати лицъ обоего пола, составлявшихъ труппу Бахметьева—барина-любителя театра. Рядомъ съ именемъ актера или актрисы означено было и ихъ амплуа. И всѣ эти «благородные отцы», «резонеры», «первыя любовницы и любовники», «простяки и простушки» были проданы гуртомъ въ казну ихъ помѣщикомъ за 30,000 р. ассигнаціями. Это было въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

осмѣялъ въ своемъ «Горѣ отъ ума»; но была въ этомъ злѣ и своя хорошая сторона. Талантъ крѣпостнаго актера или актрисы иногда пролагалъ имъ путь къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ поступленію на сцену Императорскаго театра. Такова была судьба нашего незабвеннаго Щепкина [1]). Помимо таланта, который снималъ цѣпи рабства съ крѣпостныхъ артистовъ, имъ надобно было обладать огромными запасами силы воли, терпѣнія и неутомимой энергіи; до дебюта на сценѣ придворнаго театра несчастнымъ приходилось бороться со множествомъ препятствій и переносить много горя и испытаній. Побѣдителями изъ подобной борьбы выходили немногіе; большинство гибло, нерѣдко предаваясь тому медленному самоубійству, къ которому такъ склоненъ русскій человѣкъ, когда, думая потопить горе въ винѣ, топитъ въ немъ талантъ, разсудокъ и жизнь. Вникая въ неблагопріятнѣйшія условія, въ которыя въ давно минувшія и еще въ недавнія времена поставлены были артисты, по происхожденію принадлежавшіе къ сословію „крѣпостныхъ", нельзя не сказать, что сила воли тѣхъ изъ нихъ, которые прославились на сценическомъ поприщѣ, конечно, равнялась ихъ громадному дарованію. Тѣмъ болѣе чести и славы, если подобнымъ явленіемъ была женщина—и подобный примѣръ видимъ въ покойной Любови Павловнѣ Никулиной-Косицкой, «Записки» которой представляемъ нынѣ читателямъ „Русской Старины".

Л. П. Никулина-Косицкая родилась въ 1829 г., въ семействѣ крѣпостныхъ людей, принадлежавшихъ какому-то россійскому душе-владѣльцу. Проданная во вторыя руки, семья Косицкихъ попала изъ огня да въ полымя; выкупившаяся на волю—она обрекла малютку на тяжкій и непосильный трудъ. Дѣтство Косицкой проведено было на берегахъ Волги, подъ шумъ волнъ которой русскій человѣкъ сложилъ множество заунывныхъ и разудалыхъ пѣсенъ, завѣщанныхъ однимъ поколѣніемъ другому. Этимъ пѣснямъ вторила звонкимъ своимъ голоскомъ и малютка Любаша. Проблески поэзіи особенно замѣтны въ тѣхъ мѣстахъ ея «Записокъ», гдѣ она вспоминаетъ о Волгѣ. Въ отроческихъ лѣтахъ, отданная въ услуженіе къ одной барынѣ, Косицкая была взята ею однажды въ театръ и съ этой минуты почувствовала къ нему такую непреодолимую страсть, что, покинувъ родныхъ, поступила на провинціальную сцену и до четырнадцати лѣтъ скиталась въ разныхъ труппахъ по губернскимъ и ярмарочнымъ городамъ. Извѣстно, что антрепренеры провинціальныхъ театровъ, располагая самымъ незначительнымъ персоналомъ актеровъ и актрисъ, заставляютъ ихъ играть безразлично въ трагедіяхъ и фарсахъ, въ операхъ и даже въ балетахъ—безъ всякаго дѣленія

---

[1]) О выкупѣ М. С. Щепкина изъ крѣпостной зависимости была напечатана въ «Русской Старинѣ» статья М. А. Имберха, «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 152—154.

труппы по амплуа. Такимъ образомъ, на провинціальныхъ сценахъ, сплошь да рядомъ, Гамлетъ представляетъ Филатку, Чацкій пляшетъ въ дивертиссементѣ и Хлестаковъ поетъ въ оперѣ. Актриса въ одинъ и тотъ-же вечеръ является Офеліей и комической старухой. Эта масса разнохарактерныхъ ролей, исполняемыхъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ, даетъ талантливому актеру или актрисѣ возможность многогранно отшлифовать свое дарованіе, что было именно съ Косицкой. Въ 1844 году, по счастливой случайности, она поступила въ московское театральное училище, откуда черезъ три года была выпущена на сцену, и, года черезъ два, была уже любимицею публики. Она играла въ трагедіяхъ, комедіяхъ, драмахъ и водевиляхъ и въ большинствѣ ролей возбуждала восторгъ зрителей изяществомъ исполненія и искренностью чувства. Репертуаръ ролей, игранныхъ Косицкою, поражаетъ своимъ разнообразіемъ; изъ нихъ укажемъ лишь на роли, пользующіяся давней извѣстностью. Таковы: Регана (Король Лиръ), Дездемона (Отелло), Офелія (Гамлетъ), Юлія (Ромео и Юлія), Луиза (Коварство и Любовь), Мама (Недоросль), Параша-Сибирячка, Груня (Двумужница), Екатерина (Скопинъ-Шуйскій), Амалія (Жизнь Игрока), Марія (Материнское благословеніе—Nouvelle Fanchon) и др. Къ сожалѣнію, въ то же время, Косицкая играла во многихъ мелодрамахъ и пустыхъ водевиляхъ: въ первыхъ, талантливой актрисѣ приходилось тратить жаръ и чувства на безсмысленное фразерство; во вторыхъ—смѣяться самой и смѣшить публику. Наконецъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появились на сценѣ комедіи нашего высоко-даровитаго писателя А. Н. Островскаго—живьемъ выхваченныя изъ русскаго быта, написанныя языкомъ чуждымъ риторической мишуры, исполненнымъ истиннаго чувства, наконецъ, съ живыми людьми—дѣйствующими лицами, а не съ картонными куклами, выкроенными по французской мѣркѣ. Тогда-то представилась Косицкой возможность выказать въ полномъ блескѣ прекрасную свою способность входить въ роль—смѣяться непритворнымъ смѣхомъ и плакать неподдѣльными слезами.

И вотъ, Косицкая явилась выше всякой похвалы въ комедіяхъ А. Н. Островскаго, въ «Авдотьѣ Максимовнѣ» (Не въ свои сани не садись), «Катеринѣ» (Гроза), «Грушѣ» (Не такъ живи какъ хочется), «Аннѣ Ивановнѣ» (Бѣдность не порокъ).

При добромъ своемъ сердцѣ и уживчивомъ характерѣ, Никулина-Косицкая жила въ ладу съ закулиснымъ міромъ: сослуживцы обоего пола ее любили; но такъ называемыя театральныя «власти» относились къ ней далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго она заслуживала, и потому, въ послѣдніе два-три года, по милости, или лучше сказать—по немилости начальства, Косицкая какъ-то стушевалась, отодвинулась чуть не на послѣдній планъ. Къ тому-же, разстроенное здоровье артистки требовало отдыха и внимательнаго леченія. 15-го декабря 1867 года былъ ея прощальный бенефисъ, при которомъ публика

почтила ее оваціею и подарками. Любовь публики глубоко тронула ея любимицу, тогда больную, слабую, пораженную неизлечимымъ недугомъ, который менѣе нежели черезъ годъ — 5-го сентября 1868 года—свелъ ее въ могилу. Прахъ ея покоится на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Теперь, нѣсколько словъ о ея «Запискахъ».

При жизни покойной почти никто изъ ея знакомыхъ и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Онѣ сообщены были редакціи «Русской Старины» въ маѣ 1872 года, зятемъ покойной, А. Н. Матвѣевымъ (мужемъ ея дочери), который объяснилъ, что Л. П. Косицкая вела ихъ въ послѣдніе годы жизни, что дочь и зять привели ихъ въ порядокъ послѣ ея кончины. «Записки» эти посвящены воспоминаніямъ о дѣтствѣ и первой молодости артистки и главнѣйшее ихъ достоинство—простодушіе и искренность при совершенномъ отсутствіи какихъ либо притязаній на авторство. Съ первыхъ-же строкъ читатель увидитъ, что «Записки» писаны женщиною простою, учившеюся на мѣдные гроши, совершенно не знакомою съ требованіями печатнаго слова. Впрочемъ, покойная, безъ сомнѣнія, и не готовила къ печати ни своихъ «Записокъ», ни приложенныхъ къ нимъ стихотвореній [1]).

Во всякомъ случаѣ, по заключающимся въ нихъ бытовымъ картинамъ, по эпизодамъ провинціальной закулисной жизни, по подробностямъ біографическимъ «Записки» Л. П. Никулиной-Косицкой на столько любопытны, что мы даемъ имъ мѣсто на страницахъ «Русской Старины» — во исполненіе весьма давняго нашего обѣщанія читателямъ.

Ред.

---

[1]) Между «стихотвореніями» есть романсы изъ піесъ или изъ печатныхъ сборниковъ. Тѣ-же изъ нихъ, которыя, по видимому, принадлежатъ собственному перу покойной артистки, до того слабы, что мы не могли рѣшиться ихъ напечатать.

Ред.

«Милостивый государь и добрый другъ мой И. М. Вы не одинъ разъ просили меня разсказать вамъ повѣсть моей жизни. Я не мало противилась исполненію желанія вашего, боясь отдать на судъ публики правды моей жизни, не потому что эти правды горьки и не хороши, нѣтъ,—правда вездѣ и всегда хороша, какъ бы и гдѣ бы ни проявлялась она,—но мы всетаки боимся правды. Уступая вашему желанію, дѣлать нечего, надо сказать ее. Я отдаю всю жизнь на судъ лицъ достойныхъ и лицъ не стоющихъ быть судьями; но, пусть ихъ судятъ! Вотъ вамъ моя біографія и повѣсть моей жизни... назовите ее какъ хотите!

«Начинаю мой разсказъ съ самаго дѣтства, съ той минуты, какъ память моя запечатлѣла въ себѣ первые образы, а потомъ всѣ впечатлѣнія и случайности, которыя могла сохранить въ себѣ. Я помню хорошо мое дѣтство; но странно: я сохранила въ памяти болѣе горькія минуты или, въ самомъ дѣлѣ, ихъ было болѣе чѣмъ хорошихъ?»

Л. Косицкая.

I.

Семья крѣпостныхъ.—Типы помѣщиковъ и помѣщицъ стараго времени.—Первыя впечатлѣнія.—Семейныя дрязги.—Горемычное дѣтство.—П. А. Долгонова.

Мы были дворовые крѣпостные люди одного господина, котораго народъ звалъ собакою. Мы, бывши дѣтьми, боялись даже его имени, а онъ самъ былъ воплощенный страхъ. Я родилась въ домѣ этого барина, на землѣ, облитой кровью и слезами бѣдныхъ крестьянъ. Помню страшныя казни, помню стоны наказуемыхъ—они до сихъ поръ еще звучатъ въ моихъ ушахъ! Боже мой! Какой страхъ былъ имъ наведенъ на всѣхъ его подданныхъ. Когда онъ, бывало, выходилъ изъ дому гулять по имѣнію, дѣти прятались отъ страха подъ ворота, подъ лавки, а кто не успѣвалъ сдѣлать этого—тотъ непремѣнно бывалъ битъ. Онъ говорилъ, что онъ не сытъ, когда не измучитъ кого нибудь, и ему обѣдъ не въ обѣдъ! Жена его и дѣти не смѣли быть добрыми, еслибъ и хотѣли! Они были изнурены муками другихъ. У помѣщика этого были еще три брата и одинъ одного былъ лучше: перваго изъ нихъ крестьяне распяли, другаго убили; этотъ былъ еще всѣхъ добрѣе и умеръ своею смертью, въ Нижнемъ-Новгородѣ. И до сихъ поръ трудно мнѣ объяснить себѣ любовь этого господина и его семейства ко мнѣ; они всѣ любили и ласкали меня, по-

тому ли, что я была занимательный ребенокъ, или потому, что мать моя была первый человѣкъ въ домѣ и отецъ мой тоже,—не знаю право, мнѣ только извѣстно, что кара Божія постигла и наше семейство. У нашего господина бѣжали 6 человѣкъ отборныхъ дворовыхъ. У него каждый годъ бѣгали двое-трое, одинъ разъ убѣжали 12 человѣкъ—но побѣгъ этихъ шестерыхъ очень разсердилъ нашего господина, и отецъ мой, какъ старшій во дворѣ, былъ обвиненъ въ потворствѣ этому побѣгу. Его осудили, не слушая оправданій, и въ кандалахъ отправили въ Нижній. Я родилась близь Нижняго, въ селѣ Ждановкѣ, на берегу Волги. И такъ, осужденный мой отецъ отправился въ оковахъ прямо въ острогъ, а у матери все отняли, кромѣ шестерыхъ дѣтей; ее замертво оттащили отъ отца. Мы не долго оставались въ этомъ селѣ, и насъ, полунагихъ, въ однихъ рубашенкахъ и худыхъ шубахъ, подъ стражей отправили въ городъ. Вотъ первая минута горя, которую ощутила душа моя и которая крѣпко врѣзалась въ мою память. Рыданія матери сильно подѣйствовали на мою юную душу, мнѣ было тогда 6 лѣтъ. Это было въ 1835-мъ году. Мы пріѣхали въ Нижній. Дорогою добрые люди кормили насъ, подавали намъ рогожки, чтобы мы не замерзли! Нужда и печаль сокрушили мою мать; она захворала; отецъ сидѣлъ въ острогѣ; намъ было запрещено видѣться съ нимъ. Наконецъ онъ былъ оправданъ и выпущенъ на свободу. Когда онъ пришелъ къ намъ, мы не узнали его,—онъ былъ худъ, блѣденъ, съ впалыми глазами, обросшій бородой; послѣ минутнаго страха мы бросились обнимать его и плакали всѣ; онъ взялъ меня на руки и сказалъ: «слава Богу! Я опять васъ вижу!» И самъ заплакалъ. Его хотѣли вмѣстѣ съ нами возвратить въ село Ждановку, но онъ настоятельно воспротивился этому и сказалъ: «пусть меня сошлютъ въ Сибирь или отдадутъ въ солдаты, но я не пойду назадъ!» Долго его опять пытали. Наконецъ, рѣшились продать насъ знакомому господину, который занималъ тогда важное мѣсто въ Нижнемъ. Мы перешли тогда въ другія руки и, можно сказать, попали изъ ада въ рай. Прежняго нашего барина постигъ гнѣвъ Божій; на него всѣ возстали, и люди и судьба. Семейство его совсѣмъ почти стерлось съ лица земли, они всѣ кончили жизнь свою въ бѣдности и нуждахъ.—Новый баринъ, Г. П., былъ человѣкъ добрый, прекрасный, любимый и уважаемый всѣми. Намъ отвели комнату въ родѣ сарая, боль-

шую; въ ней стоялъ катокъ для бѣлья и много куръ сидѣло на жердочкахъ. У матушки родился еще сынъ. Новая госпожа моя была, нельзя сказать, чтобы очень добрая женщина. Она была высокаго роста, съ широкими плечами, съ гордой осанкой и ястребинымъ лицомъ. На головѣ носила двѣ букли; волосы у ней были черные съ просѣдью, а коса, высоко зачесанная, клалась на бокъ и очень большая гребенка тоже ее удерживала. Когда она, бывало, одѣнется и выйдетъ въ дѣвичью, то земля дрожитъ и все падаетъ ницъ. Чрезъ дѣвичью она проходила въ спальню своей старшей дочери, которая была истинно красавица и вѣрный портретъ своей матушки. Она сама занималась хозяйствомъ, ходила съ кнутомъ по двору, била слугъ за вину и безъ вины, отъ скуки что ли, не знаю—дралась кастрюлями и всѣмъ, что ни попадало ей подъ руку. У ней былъ заведенъ порядокъ такого рода: женщина, имѣющая грудныхъ дѣтей, отпускалась изъ горницы два раза въ день на полчаса, во время обѣда и ужина; въ это время она должна сама поѣсть и дитя покормить; на ночь всѣ отпускались по домамъ. Дѣти были не живучи въ этомъ домѣ: кто сгоритъ, кто обварится, кто убьется до смерти. Въ это время я была нянькой у маленькаго брата, да у меня былъ помощникъ четырехъ лѣтъ, тоже братъ, и я было утопила моего брата: не знаю что̀ привлекло наше вниманіе на дворѣ, мы оба съ помощникомъ вышли вонъ; маленькій братъ былъ посаженъ на постель матушки, я выдавила ему мѣстечко въ перинѣ; пока мы ходили гулять, перина выдавилась, и дитя полетѣло въ тазъ съ водою. Его насилу откачали. Матушка была ключницею, ей нельзя было отлучаться; отецъ, будучи дворецкимъ, тоже былъ занятъ, и когда мы съ воплемъ просили помощи, матушка заплакала и сказала: «умрите вы всѣ!» и ушла. Птичница намъ оказала помощь, но госпожа наша не дремала. Какъ-то отецъ мой пошелъ къ барынѣ съ докладомъ. Она была въ кладовой, что-то ей не понравилось, она хотѣла ударить отца кастрюлей, да промахнулась: кастрюля упала ей на ногу, ей сдѣлалось дурно, а отецъ ушелъ. За это она вскорѣ нашла средство отмстить ему: всѣ дѣвочки во дворѣ должны были, поочередно, съ шести часовъ утра приходить въ спальню къ ея дочери и дожидаться ея пробужденія; она же вставала въ 11 часовъ. Пришла моя очередь. Въ 6 часовъ я явилась, вхожу въ спальню и вижу на столахъ и этажер-

кахъ разложены конфеты, чудныя и во множествѣ. Я, на седьмомъ году, разумѣется, не отличалась ни благочестіемъ, ни умомъ: взяла двѣ конфеты, одну себѣ, а другую братьямъ, смотрю на ихъ картиночки и занялась ими такъ, что не видала, какъ отворилась дверь и предо мною явилась госпожа моя. Она на меня взглянула, улика была на лицо; я заплакала, упала на колѣни, созналась во всемъ, отдавая ей назадъ конфеты. Она усмѣхнулась, схватила меня обѣими руками за голову и вышвырнула въ дверь; я ударилась о стѣну головою. Она била меня до того, что я потеряла память и потому не знаю сколько и какъ долго наслаждалась она моими мученіями. Меня отнесли домой полумертвою и цѣлую недѣлю у меня изъ ушей текла кровь. Больше я не бывала въ горницѣ и оставалась, на прежнемъ основаніи, нянькою моего маленькаго брата; но съ этой минуты госпожа возненавидѣла насъ и чрезъ годъ мы были проданы въ Балахну, одному добрѣйшему человѣку, у котораго на воспитаніи была моя старшая сестра. Онъ купилъ сестру еще въ колыбели; любилъ отца и мать мою, и вырвалъ насъ изъ рукъ варварки. Она любила свою дочь, и передала ей все злое что̀ могла! Горничная барышни, когда шла чесать ей голову, всегда на колѣняхъ молилась Богу, чтобы Господь смягчилъ ея сердце, и возвращалась всегда съ руками исщипанными въ кровь и съ распухшими щеками! Господи, какъ эта барыня была зла! Она не могла пройти мимо дѣвочки, чтобъ не выдернуть у ней клочекъ волосъ или до крови ущипнуть. И такъ, мы пріѣхали въ Балахну на лодкѣ по Волгѣ; я спала всю ночь такъ крѣпко, что и не слыхала какъ мы проѣхали весь путь; высадились на берегу, покрытомъ кустарникомъ; онъ мнѣ очень понравился, мнѣ стало весело и я запѣла «Что на свѣтѣ прежестоко»; эту пѣсню тогда всѣ пѣли. Матушка ударила меня по затылку и сказала: «дура! Лучше-бы сотворила молитву!» Я перекрестилась, а отецъ сказалъ: «вотъ тебѣ и пѣсня, ишъ распѣлась пѣвица!» Мы пошли прямо въ богатый домъ, стоявшій на берегу залива, съ террасами и балконами, такой веселенькій. Волга изъ его оконъ была видна вся какъ на ладони, и кустарникъ покрывалъ весь песчаный берегъ. Балахна не представляла ничего хорошаго, стоя на плоскомъ берегу Волги. Когда мы пришли, всѣ еще спали; переодѣлись, умылись и пошли прямо въ дѣвичью, подлѣ которой была спальня моей сестры и

другой воспитанницы. Меня научили чтобы я кланялась въ ноги господину и госпожѣ, которымъ мы теперь принадлежали. Когда они встали, насъ позвали въ залу съ колоннами и съ паркетнымъ поломъ. Вся семья господъ и вся семья подданныхъ, состоящая изъ семи человѣкъ, заплакали. Всѣ, отецъ и мать и вся наша семья, бросились господамъ въ ноги. Я ревѣла, а не плакала, ухватилась за ноги моего добраго господина и цѣловала ихъ. Онъ взялъ меня на руки и сказалъ: «Не плачь, малютка, я не буду тебя бить, да и не смѣю, потому что ты вольная! вотъ тебѣ подруги моей дочери, играй съ ними». Тутъ опять послѣдовали слезы. Отцу тутъ же дали должность дворецкаго, а матушкѣ—ключницы. Сестра мнѣ въ этотъ день подарила сундучокъ съ лоскутками; я была очень счастлива, и въ этотъ же день по секрету играла въ саду въ лошадки съ одною изъ моихъ подругъ, которая меня очень полюбила. Она была поболѣе меня, лѣтъ 10-ти; она отняла меня у матушки, я и спала съ ней въ одной комнатѣ. Я помню, она разсказывала мнѣ сказку, какъ рыцарь поѣхалъ на войну и все ѣхалъ, ѣхалъ до другаго дня, такъ и ѣдетъ, а потомъ опять сначала; а я ей сочинила такую же сказку про старика со старухою: эти все шли и сидѣли. Она сердилась на меня и стращала, что отошлетъ въ Нижній, я и пріумолкну. Кормили меня съ барскаго стола, и я, въ короткое время, стала кругла какъ шаръ; бывало упаду и перевернусь раза три и съ трудомъ встану. Мы были въ большомъ почетѣ и любви. Меня никто не бранилъ, кричу ли я, смѣюсь ли, пою ли, мнѣ все съ рукъ сходило! И правда, если Господь создалъ рай такъ же прекраснымъ, какъ этотъ домъ, куда насъ бросила судьба, то ничего бы и желать не надо; духъ ободрился, сердечныя раны зажили—намъ было тепло и хорошо!

Мною забавлялись всѣ. Я была трусиха и бывало всѣ пугаютъ меня; къ тому же, я была глупа, разумѣется, и довѣрчива; ничего не было легче какъ обмануть меня. Вдругъ мнѣ скажутъ, что на небѣ два мѣсяца и начинается страшный судъ; я повѣрю! меня пошлютъ къ матушкѣ просить прощенія и чтобы я призналась ей въ своихъ грѣхахъ — я сдуру все ей и разскажу, а мѣсяцъ на небѣ окажется одинъ, а другой-то въ Волгѣ, а Волга была шагахъ въ пятидесяти отъ дому, гдѣ мы жили. Одинъ разъ я поплатилась жестоко! Меня напугали покойникомъ, нарядился

кто-то въ бѣлое и прошелъ по террасѣ; я, разумѣется, должна была увидать это. Я испугалась ужасно, и опять меня послали каяться. Я возьми да и разскажи матушкѣ, какъ я одинъ разъ украла у нея начинку изъ пирога для своихъ пироговъ изъ глины. Я очень любила глину и лѣтомъ, бывало, пекла по сотнѣ пирожковъ изъ нея и ѣла ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Тутъ меня порядкомъ высѣкли—я поняла въ чемъ штука-то, да и не стала ничего болѣе бояться. Я была очень забавна, говорили всѣ, и по глупости моей была въ особенномъ почетѣ у всѣхъ. Наши добрые господа любили меня и сестру какъ дѣтей своихъ и баловали насъ; ѣли мы съ ними съ одного стола, т. е. намъ высылали. Тутъ былъ еще киргизенокъ; меня нарекли его невѣстою, и онъ уже всегда тоже обѣдалъ со мною и мнѣ было очень весело. Поиграть мнѣ было не всегда пріятно: вообще я какъ-то не любила въ играхъ быть рабою, а непремѣнно хотѣла быть или барыней, или царицей, и когда выбирали барыню другую, а царицы по игрѣ не приходилось, то я очень обиженная удалялась мечтать на берегъ Волги. Тамъ меня находили не одинъ разъ уснувшей, съ опухшими отъ слезъ глазами. Бывши еще ребенкомъ, я любила мечтать, и сколько разъ оставалась безъ обѣда и безъ чаю замечтавшись на берегу Волги. Меня такъ и прозвали бродягою мечтательною. Бывало, на окнѣ засну любуясь на луну, да и просплю всю ночь; проснусь, только шеѣ больно. Жизнь эта была для меня раемъ! Какъ мнѣ было хорошо тогда, Господи! Но дѣйствительно эта жизнь пробудила во мнѣ преждевременную развитость, мечтательность и воспріимчивость. Тутъ я стала быстро осмысливаться. Игру въ куклы я не любила, и свободный, не связанный ничѣмъ ребенокъ, я любила расхаживать по горамъ, да по долинамъ, любя до страсти слушать какъ журчитъ Волга по камешкамъ. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ я стала себя любить, и никогда въ обиду не давалась; если, бывало, меня кто обидитъ, то я переплачу тутъ, а потомъ не попадайся мнѣ мой обидчикъ: я соберусь съ духомъ и отомщу! Такія бывали трепки, какъ теперь вспомнишь—совѣстно сдѣлается!

Такъ прошелъ годъ, прошелъ и другой, и была я все невѣста киргизенка. Чего, чего не дѣлали съ нами; одинъ разъ заперли насъ въ шкафъ, да и забыли; мы тамъ уснули и чуть-чуть не задохнулись; послали насъ отыскивать, а мы въ шкафѣ!

Когда насъ открыли, мы были чуть живы, и смѣялись надъ нами очень долго. Мнѣ пошелъ девятый годъ; въ это время мой отецъ сталъ проситься на волю. Ему предложили выкупиться. Онъ согласился заплатить за себя и за трехъ братьевъ двѣ тысячи рублей и былъ выпущенъ на горькую волю со всей семьей, а сестра осталась въ домѣ Н. Ф. М.

Не на радость намъ была эта воля: нужда, бѣдность и горе стали нашимъ удѣломъ. Старшій братъ въ кабалу долженъ былъ идти, отецъ тоже, мать, еще одинъ братъ 10-ти лѣтъ, да я должны были жить на квартирѣ. Отецъ употреблялъ всѣ силы, чтобы какъ нибудь кормить насъ, а мать боролась съ тяжелой нуждою, обшивала, обмывала насъ всѣхъ, и на девятомъ году я стала сотрудницею ея въ трудахъ и заботахъ. Стала помогать ей во всемъ: стала шить, стирать бѣлье въ корытѣ на полу и ходить на Волгу полоскать его. У меня были куклы, я любила шить на нихъ разные костюмы—и куклино бѣлье, бывало, тоже выстираю и мнѣ казалось, что этотъ тяжкій трудъ для меня былъ легче, оттого что я тутъ же припутывала свои забавы. Стоя по колѣно въ водѣ, вынимала куклино бѣлье изъ кармана и его мыла, и мнѣ было и тутъ весело. Поймаю бывало щепочку, поцѣлую ее и пошлю въ Балахну и долго гляжу украдкою куда она поплыветъ. Мать моя хотя и была окружена нуждой и заботами, но не забывала просвѣщать насъ и удѣляла хотя часъ времени на наше ученье и учила насъ русской грамотѣ; писать же окончательно выучилась я самоучкою, начиная списывать печатныя буквы. Учили мы псалтырь и евангеліе, вообще законъ Божій, всѣ святыя книги.—Братья стали понемногу помогать намъ. Я трудилась не по дѣтски, и девяти лѣтъ я почти кормила себя. Отецъ мой изнемогъ въ борьбѣ съ нуждою и, какъ простой человѣкъ, сталъ пить постоянно, рѣдкіе дни были трезвые. Все, что добывалось трудами нашими, все это уходило, частью на пропитаніе, а то— тяжело сказать, куда. Мнѣ минуло десять лѣтъ. Сознавая нашу бѣдность и нужды, я всѣми силами дитяти училась разнымъ рукодѣліямъ и Богъ помогалъ мнѣ: не было дѣла, котораго я не поняла бы. Въ десять лѣтъ, я была помогой матери и брала чужія работы, получала за нихъ деньги, иногда вдвое противъ того, что онѣ стоили, за хорошее исполненіе, и добрые люди помогали мнѣ, видя труды мои, и ласкали меня. Хозяйка дома, гдѣ жили

мы, поручила мнѣ учить дочь свою, которая была еще менѣе меня, и она работала со мною, съ десятилѣтней мастерицей. Домъ, въ которомъ мы жили, былъ по самой срединѣ горы, на которой помѣщается весь Нижній, и при домѣ былъ садъ во всю вышину той горы. Изъ этого сада были видны Ока и Волга верстъ на сорокъ кругомъ; и лѣтомъ мнѣ бывало такъ легко и привольно! Встану ранешенько и уйду въ садъ, возьму, разумѣется, работу. У насъ садъ былъ русскій, въ родѣ лѣса; насажали всякой всячины, росло это какъ Богъ велѣлъ — были яблони, малина разныхъ сортовъ, крыжевникъ, смородина тоже разная, тутъ и еще какія-то деревья, и дубъ въ этомъ числѣ подлѣ забора. Подъ нимъ была природная скамья и столъ зеленый, двумя гвоздями приколоченный къ столбу посрединѣ, вотъ тутъ-то я и помѣщусь бывало, работаю и пѣсенки попѣваю, а ручейки со всѣхъ сторонъ такъ и журчатъ-журчатъ по мелкимъ камушкамъ. И пѣлось, и слушалось, и работалось въ одно и тоже время время, а что я чувствовала въ то время—не помню, кажется, ничего не чувствовала, а просто было мнѣ хорошо и привольно! Наказанье бывало, идти домой обѣдать. Мать почти всегда бранится, она не долюбливала меня; а иногда станетъ ей меня жалко, ласкать начнетъ, скажетъ: «труженица ты моя! ребенокъ!» Я иногда, бывало, и домой не пойду обѣдать, а пообѣдаю у хозяйки, да и опять въ садъ, и опять пѣть—меня и прозвали пѣвучей-пташкой и еще лунатикомъ, за то, что я все хожу по горамъ да въ водѣ полощусь.—Тутъ домъ нашъ сталъ поправляться, отецъ пересталъ пить и цѣлый годъ не пилъ. Мы зажили порядочно. трудясь вкупѣ, и наша квартира стала намъ тѣсна. Отецъ нашелъ другую и мы переѣхали. Дѣйствительно, эта квартира была гораздо лучше; я ее очень хорошо помню: кухня съ большею печью и двумя окнами, потомъ чистая комната для спальной и еще чуланъ для меня съ братомъ.—Я отъ сильныхъ трудовъ стала терять зрѣніе и меня на отдыхъ отправили въ Арзамасъ; тамъ жила моя сестра у своей крестной матери въ деревнѣ. Я у нея пробыла почти годъ и тамъ-то я вздохнула какъ слѣдуетъ: ничего не дѣлала и баловали меня ужасно; я стала большая шалунья и хохотуша, кого угодно, бывало, разсмѣшу. Въ этотъ годъ со мною ничего не было. Не могу умолчать о людяхъ, у которыхъ я находилась. Крестная мать моей сестры была оли-

цетворенная добродѣтель и мужъ ея—тоже добрый, простой помѣщикъ, ничего рѣшительно не дѣлавшій, и только любившій за зайцами охотиться. У него была старуха мать, злая-презлая; съ этою старухою я не ладила и обижала ее очень часто за то. что она была жадна очень, а я не любила жадныхъ. Бывало ночью у нея на грядахъ огурцы оберу или макъ порву.— Разъ грѣхъ меня попуталъ: сестра моя, тогда уже невѣста, пошла за огурцами, а меня послала за макомъ. Я приложила свое усердіе и нарвала столько, что чуть унести могла. Меня увидѣлъ сторожъ; отъ него я побѣжала, да потеряй башмакъ, и не думала, что этотъ башмакъ будетъ мой обличитель. Поутру, только что встаю, «пожалуйте, говорятъ, башмакъ мѣрить къ старой барынѣ». Тутъ меня спасло отъ серьезнаго наказанія то, что я скоро уѣзжала; мнѣ только ухо очень нарвали.—Я черезъ два дня уѣхала въ Нижній. Житье наше нашла почти въ роскоши: обѣдъ бывалъ хорошій, и чай по два раза въ день, и гостей у насъ много бывало, и сами мы ходили въ гости.

Тутъ случилось съ нами величайшее несчастіе; дѣло было осенью, но дни стояли ясные, теплые; были у насъ гости, напились чаю, закусили, отправились домой, а мы съ матушкой пошли провожать ихъ; отецъ остался дома. Дошли до половины дороги, вдругъ путь нашъ освѣтился: надъ нами стояло зарево. Мы простились съ гостями, пошли домой. и только повернули въ нашу улицу, видимъ, что домъ, гдѣ мы жили, весь охваченъ пламенемъ. Мать покатилась за-мертво. Ее и меня уложили на наши узлы, которыхъ было очень мало, но мой маленькій сундучокъ съ лоскутками былъ цѣлъ, и я была покойна, даже мать уговаривала, чтобы она не плакала. Опять предстояли мнѣ горе, труды и нужды. Правда, мы не просили милостыню, но и не отказывались брать у тѣхъ, которые подавали намъ. Добрые люди пріютили насъ на время; потомъ мы переѣхали опять въ старое свое жилище и, съ Божіею помощью, скоро опять поправились, и я такъ была счастлива, опять увидѣвъ себя въ этомъ гнѣздышкѣ. Пришла зима и тутъ началась моя жизнь съ сознаніемъ и надеждами. Мечты, мечты мои дорогія, какъ сладко и какъ грустно вспоминать объ васъ, какъ вы дороги моему сердцу! Я пишу о томъ, что было такъ давно, но такъ живо воскресаетъ передо мною каждый день моей прожитой жизни, и теперь я

также снова переживаю и смѣюсь и плачу какъ тогда! Мнѣ минуло одиннадцать лѣтъ. Я работала всѣ работы, ничто не вываливалось изъ моихъ рукъ, кромѣ шитья золотомъ и шляпокъ: этого не могла понять, но по тюлю вышивала великолѣпно! Тогда была мода носить тюлевые платки, косынки и мантильи, вышитые синелью и разноцвѣтными шелками; эта-то работа мнѣ очень полюбилась, и я имѣла большіе и хорошіе заказы, одѣвала себя сама и маменькѣ помогала. Къ празднику Пасхи Христовой я получила заказъ на 30 руб.—вышить три косынки синелью. Измучилась я тогда—не отъ трудовъ, нѣтъ—мечты меня одолѣли! Съ какимъ восторгомъ ждала я дня, когда кончу работу и отнесу ее, получу деньги, и куда я ихъ дѣну. Потомъ вдругъ сердце точно оторвется и всю въ жаръ броситъ. Ну, какъ не кончу, захвораю, или перерѣжу ножницами косынку, или ее прорветъ кто нибудь? даже руки бывало задрожатъ... Тамъ опять мечты, какое сошью себѣ платье, и какой куплю платочекъ, а можетъ быть. и на чухоночку достанетъ? какъ маменька будетъ рада—я отдамъ ей половину. Работа кончилась, косынки. всѣ три, готовы. Ночь спать не могу, утра насилу дождалась—всю ночь мечтала. Что̀ же я думала? вотъ завтра встану пораньше и отнесу работу, получу тридцать рублей,—приду назадъ, сейчасъ маменькѣ вручу половину, тамъ въ ряды пойдемъ, куплю себѣ бѣлое кисейное платье съ красненькими и синенькими мушками и розовый газовый платочекъ съ бѣленькими пятнышками,—а на чухоночку не достанетъ; ну, думаю, на Троицу себѣ и чухоночку сдѣлаю, и въ Троицу такъ наряжусь, что меня и не узнаютъ! Встаю; не пивши чаю несу работу и получаю—вмѣсто тридцати рублей—сорокъ, говорятъ, очень хорошо вышито, за то и прибавка! Я чуть съума не сошла! Двѣ радости вдругъ, и чухоночка съ розовыми лентами, и работа понравилась. Вся Пасха стояла грязная и мнѣ ничего нельзя было надѣть, чему даже я была рада. Я очень Троицу любила — и все отложила до Троицы. Пришла она, желанная! Платьице хорошенькое я сама сшила; платочекъ чудесный, и чухоночка съ розовыми лентами, все на мнѣ очутилось, и я не знаю гдѣ я была: на небѣ или на землѣ? Но это еще не все, какъ счастье начнетъ баловать человѣка, такъ и не исчислишь его щедротъ. Одѣлась я совсѣмъ, букетъ готовъ, хочу идти къ обѣднѣ; вижу—идетъ старшій братъ съ

большимъ узломъ. Это, говоритъ, — тебѣ. Развязала узелъ и вижу—розоваго терно салопъ съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ. Этотъ день, конечно, никогда не изгладится изъ моей памяти и останется самымъ отраднымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. Я провела его съ родными и, какъ кончили вечерній чай, ушла въ садъ. Солнце начинало садиться, подруги мои были со мною, но я не могла играть: сердце мое такъ было полно радостью и счастьемъ, что мнѣ было жаль этого дня и я слѣдила за солнышкомъ, какъ оно опускалось въ Волгу. Хорошъ былъ этотъ день! Природа смолкла, стихла; только дыханье человѣка, да журчанье ручейка прерывали эту чудную тишину. Подруги мои ушли; я осталась въ саду и безъ нихъ мнѣ стало лучше—я вся углубилась въ природу и ничего не видѣла и не слыхала, кромѣ солнца Божьяго, да птички чирикали, прощаясь съ нимъ, да журчали ручейки и падали въ прудъ въ сосѣдній садъ. Какъ хороши эти дни и вечера въ Нижнемъ! Солнце опускаетъ свои золотые лучи въ Волгу-матушку, а она, родная моя, бѣжитъ; отъ захожденія солнца вся сдѣлается золотая. Мнѣ тогда думалось, что Волга съ Окою сестры, бѣжали, бѣжали обѣ да столкнулись въ Нижнемъ, обнялись, да и пошли своимъ вѣчнымъ путемъ вмѣстѣ. Я не могла спать и эту ночь, не хотѣла и не пошла ужинать, а осталась въ саду, сидѣла, ходила, опять сидѣла подъ дубомъ, проводила солнышко и стала дожидаться новаго солнышка. Всю ночь пѣсни бурлаковъ долетали до меня; я слышала какъ удары веселъ разрѣзывали воду на Окѣ и какъ въ сосѣднемъ пруду всплескивалась рыбка. Я припала головою на дубовые корни и уснула. Солнышко разбудило меня; было не рано, я пошла домой; у насъ уже и чай былъ готовъ.

Этою же весною былъ со мною еще одинъ случай, который былъ не такъ пріятенъ для меня. Всѣмъ извѣстно, что въ Нижній, по веснѣ, приносятъ, изъ Оранокъ, образъ Владимірской Оранской Божіей Матери. Ее перевозили на лодкахъ на другую сторону, т. е. въ ярмарку и Кунавино, на недѣлю или болѣе. Мы всей семьей пошли провожать ее до перевоза; народу была тьма, уставились всѣ, кому гдѣ пришлось; мы встали на плотахъ, далеко отъ берега. Былъ вѣтеръ, довольно сильный; мы цѣлою семьею заняли уголъ; я стояла на самомъ краю. Когда образъ былъ поставленъ на лодку, то садились въ лодки всѣ

кто успѣвалъ, лодки отходили отъ берега и какъ дождикъ сыпали по Окѣ. Стали отдавать лодку отъ плота, а на косныхъ лодкахъ, вмѣсто руля, имѣется очень длинное и широкое весло рулевое. Это самое весло задѣло по мнѣ и сшибло меня въ воду; я юркнула какъ камень, меня схватили за волосы и выхватили: я дохнуть не успѣла ни разу, какъ это все случилось, но испугалась очень и озябла; полежала денекъ въ постели, напилась тепленькаго и на другой день встала еще здоровѣе.

Л. Косицкая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ

1854—1855.

Доктора А. А. Генрици.

VI [1])

Трудно описать общіе восторгъ и радость, когда, послѣ полудня 13-го февраля 1855 г. завидѣли мы свою позицію. На радостяхъ казалось, что одни азовцы съумѣли бы выбить непріятеля изъ-подъ Севастополя, только-бъ имъ волю дали!

Трудно описать оживленіе, съ которымъ полкъ былъ встрѣченъ остальными частями дивизіи: все свободное бѣжало навстрѣчу, махало шапками, разспросамъ не было конца. За версту до позиціи, Павелъ Петровичъ Липранди самъ встрѣтилъ полкъ, пѣшкомъ, и благодарилъ азовцевъ за то, что они не уронили своего имени и славы дивизіи въ чужомъ отрядѣ. Эти добрыя слова высокочтимаго начальника хоть нѣсколько ихъ утѣшили и вознаградили за несправедливыя ихъ обвиненія въ томъ, будто-бы они сами, безъ приказанія, пошли на штурмъ. Полкъ занялъ свои норки, по подобію называвшіяся землянками, и я по прежнему вступилъ во владѣніе 16-ти лазаретныхъ землянокъ, обставленныхъ службами: кухнею о 3-хъ котлахъ, прачешною объ одномъ, навѣсами для перевязочныхъ фургоновъ и шалашомъ для конюшни. Не смотря на усталость полка, намъ тотчасъ велѣно было приступить къ починкѣ землянокъ, немало пострадавшихъ въ наше отсутствіе отъ непогоды: нѣкоторыя изъ нихъ размыло совсѣмъ и занесло грязью и водою; на другихъ крыши и трубы разнесло вѣтромъ, а быть можетъ, и человѣческая рука тутъ немало помогла исчезновенію строительнаго и горючаго матеріала.

Въ Крымскую войну положеніе нашихъ войскъ, защищавшихъ

---

[1]) Первыя пять главъ «Записокъ Генрици» напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 301—334; 427—470.

Севастополь, было двоякое. Одна ихъ часть, т. е., собственно говоря, гарнизонъ Севастополя, велъ оборону самаго города противъ осаждавшихъ его непріятельскихъ союзныхъ армій, избравшихъ базисомъ своихъ дѣйствій г. Балаклаву и имѣвшихъ свободный доступъ и выходъ съ моря. Другая часть нашихъ войскъ, находившаяся внѣ Севастополя, расположившись кругомъ непріятельскихъ позицій, на Инкерманскихъ, Мекензіевыхъ, Чоргунскихъ высотахъ и по Черной рѣчкѣ, не давала союзнымъ арміямъ выхода на сѣверъ, дальше въ край, и по возможности тѣснила ихъ къ югу и къ морю, или, другими словами, внѣ-севастопольскіе наши отряды осаждали самого непріятеля.

Эта-то заслуга внѣ-севастопольскихъ отрядовъ передъ отечествомъ и въ особенности передъ севастопольскимъ гарнизономъ не должна быть забыта соотчичами.

По такому различію въ роли, принимаемой нашими войсками подъ Севастополемъ, городской собственно гарнизонъ, на который устремлено было все попеченіе начальства, располагалъ гораздо бо́льшими средствами для врачебной и хирургической помощи, нежели внѣ-севастопольскіе отряды, болѣе предоставленные ихъ собственнымъ о себѣ заботамъ.

Севастопольскій гарнизонъ имѣлъ много казармъ и городскихъ зданій, какъ для своего помѣщенія, такъ и для перевязочныхъ пунктовъ, лазаретовъ; имѣлъ готовые госпитали и запасъ великолѣпныхъ госпитальныхъ шатровъ и палатокъ. Врачебная его часть не ограничивалась числомъ наличныхъ врачей въ его войскахъ, а онъ имѣлъ значительный персоналъ и прикомандированныхъ изъ нашихъ внѣ-севастопольскихъ отрядовъ, да, кромѣ того, госпитальныхъ медиковъ и знаменитыхъ представителей врачебной науки, во главѣ которыхъ стоялъ Н. И. Пироговъ съ Крестовоздвиженскою общиною сестеръ милосердія и съ цѣлою корпораціею дѣльныхъ хирурговъ, каковы были: Обермиллеръ, Тарасовъ, Каде, Беккерсъ, а затѣмъ Гюббенетъ со своими ассистентами.

Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о внѣ-севастопольскихъ отрядахъ, тѣснившихъ непріятеля съ поля. Часто высылая отдѣльныя свои части въ помощь гарнизону, постоянно мѣняясь въ составѣ и еще чаще мѣняя свои позиціи въ гористыхъ и безплодныхъ мѣстахъ, наши отряды должны бы были во всякую погоду оставаться подъ открытымъ небомъ, если бы, послѣ обозначившихся отношеній къ непріяелю, они не стали сами создавать себѣ жилищъ изъ двухъ подручныхъ матеріаловъ: земли и мелкаго лѣса.

Передовые ихъ перевязочные пункты, въ первое время войны, рас-

крывались подъ открытымъ небомъ, не имѣя позади себя никакого крова до ближайшихъ къ позиціямъ деревень, занятыхъ лазаретами. Такъ было въ Альминское и послѣдующія сраженія, до Балаклавскаго.

Только послѣ Балаклавскаго дѣла, бывшаго 13-го октября 1854 г., когда Чоргунскій отрядъ отнялъ у непріятеля 4 редута и деревню Комары и самъ на отнятыхъ мѣстахъ расположился въ виду деревни Кадыкіой, перевязочные его передовые пункты, оставаясь постоянно на-готовѣ у водопровода, по лѣвую сторону трактирнаго моста, стали, подъ руководствомъ моимъ и другихъ медиковъ, воздвигать шалаши изъ кустарника и рыть пещеры въ валу водопровода, первые для раненыхъ и больныхъ, а послѣднія для укрытія отъ непогоды врачебнаго персонала и прислуги.

Въ ноябрѣ, съ наступленіемъ дождей и холодовъ, и когда яснѣе обозначились раіоны непріятеля, наши войска стали для себя строить шалаши и землянки вблизи деревни Чоргунъ, на Мекензіевыхъ и Инкерманскихъ высотахъ,—и въ то же время полковые медики, при содѣйствіи своихъ частей, воздвигали различныя постройки по собственнымъ соображеніямъ для полевыхъ околодковъ и провизорныхъ перевязочныхъ пунктовъ. (Смотри рисунки №№ I—IV).

Поспѣшность и усердіе, съ которыми войска приступили тогда къ придуманнымъ ими постройкамъ, оправдались послѣдствіями, потому что продолжавшіеся въ ту осень дожди размыли и попортили пути сообщенія на Крымскомъ полуостровѣ, такъ что доставка строительнаго матеріала на наши блокадныя позиціи была совсѣмъ невозможна.

Всѣ постройки какъ для помѣщенія здоровыхъ солдатъ, такъ равно на перевязочныхъ пунктахъ и въ околодкахъ, сооружались изъ земли, камня и мелкаго лѣсу, рукою солдата, безъ всякаго участія со стороны строительнаго искусства; а потому, имѣя въ виду одну историческую истину, я старался ихъ описывать такимъ образомъ, чтобы всякій севастополецъ могъ по нимъ вспомнить грозное свое прошедшее,—и только!

Первоначальною постройкою былъ, конечно, шалашъ; но такъ какъ онъ, сравнительно съ прочими постройками, по доставляемой ими пользѣ раненымъ и больнымъ—уступалъ землянкѣ, потому я и описываю ее прежде.

Только въ исходѣ ноября 1854 года, при наступленіи холодовъ, полевыя войска принялись строить себѣ землянки на занятыхъ ими позиціяхъ, по правому берегу и вблизи теченія Черной рѣчки, на высотахъ Мекензіевыхъ, Инкерманскихъ и Чоргунскихъ.

Для устройства землянки вырывалась четырехъ-угольная яма, глубиною—приблизительно, на глазомѣръ—въ половину или въ три чет-

верти роста человѣка. Вмѣстимость землянки большею частью была такова, что-бы въ ней могли свободно лежать отъ 4-хъ до 6-ти человѣкъ. Надъ такою ямою ставились стропила изъ подручнаго мелкаго дубняка; на стропила клались плетни изъ хвороста, либо просто хворостъ, если можно, прикрываемый еще сверху листьями, а на все это насыпалась земля, и по возможности убивалась, или же утрамбовывалась, если только стропила были довольно крѣпки и могли выдержать значительное давленіе. Бока передней части землянки задѣлывались хворостомъ, либо обшивались широкими бревнами, составлявшими косяки для дверей, которыя состояли изъ плоско-связанныхъ фашинъ и навѣшивались на сучья, петлями изъ скрученныхъ прутьевъ.

Обыкновенно въ задней части землянки, противъ дверей, подъ стропилами оставлялось четырехъ-угольное отверстіе, задѣлываемое оконною рамою со стекломъ, либо натянутымъ на раму бычачьимъ пузыремъ, а иногда и просто насаленною, либо восчаною бумагою. На половинѣ протяженія одной изъ боковыхъ стѣнъ, въ уровень со дномъ ямы, вырывалась пещера въ глубину материка—на полъ, три четверти аршина и больше, въ горизонтальномъ направленіи, а отъ слѣпаго конца такой пещеры выводилась отвѣсно отдушина на поверхность самой мѣстности, означая, первая, т. е. пещера,—печку, а вторая, т. е. отвѣсная отдушина,—трубку печки. Въ отверстіе трубы, находившейся внѣ крыши, съ поверхности мѣстности вкладывался туръ, густо вымазанный внутри и снаружи глиною и пополнявшій понятіе о дымовой трубѣ. Такимъ образомъ, дымовая труба выводилась отъ трехъ четвертей до цѣлаго аршина внѣ крыши, такъ что, загорѣвшись, не представляла опасности стропиламъ. Если яма землянки достаточно была глубока, то дно печки дѣлали нѣсколько выше уровня дна самой земляночной ямы и переднюю часть дна печки опускали, образуя подобіе поддувала, для усиленія тяги. На разстояніи половины аршина, кругомъ такой землянки вырывался ровъ, для стока воды. Этотъ ровъ огибалъ трубу снаружи на разстояніи цѣлаго аршина. Въ свою очередь, рвы отъ землянокъ имѣли общій стокъ по естественному уклону мѣстности. Такимъ образомъ выстроенная землянка представляла четырехъ-угольную яму, покрытую двухъ-скатною крышею. Но нѣкоторые солдаты не желали срѣзывать стѣны своей ямы отвѣсно, а выводили ихъ къ низу покато, въ видѣ полукруглаго жолоба, увѣряя, что у покатой стѣнки легче согрѣться. (Рисунокъ № I).

Для перевязочныхъ пунктовъ мы строили такія же землянки, съ тою только разницею, что ямы дѣлали просторнѣе, вмѣсто одной, выводили двѣ печки съ дымовыми трубами, что въ заднюю часть ея въ уровень съ мѣстностію вдѣлывали окно о четырехъ стеклахъ, да

кромѣ того, по одному такому же окошку, укрѣпленному въ глубокой коробкѣ, вдѣлывали въ каждую боковую сторону крыши. (Рисунокъ № II).

Къ концу кампаніи, когда легче стало добывать покупные матеріалы, двѣ оконныя рамы, соединенныя между собой одной стороною, по длинѣ, шарнирами или петлями, вдѣлывались по хребту крыши, образуя двѣ отдѣльныхъ створки или половины окна, падавшихъ на бока крыши и, въ случаѣ нужды, удобно поднимавшихся колышками. Въ нѣкоторыхъ перевязочныхъ землянкахъ, самая яма вырывалась съ каждой боковой стороны уступомъ, такимъ образомъ, что раненые или больные лежали не на одномъ уровнѣ со дномъ ямы, а на пол-аршина выше его, на материкѣ, фигурою своею представлявшемъ кровать или диванъ. Мѣста для больныхъ въ перевязочной землянкѣ выстилались цыновками, на которыя клались сѣнники или подстилка. Когда цыновокъ бывало достаточно, то и вся внутренняя поверхность землянки выстилалась ими. Разумѣется, что въ каждую землянку отъ дверей вели отъ 4-хъ до 8-ми ступенекъ, вырытыхъ въ материкѣ или сложенныхъ изъ каменныхъ плитокъ, если таковыя находились подъ рукою.

Такія землянки, имѣя свѣтъ сверху и съ концовъ, были годны для производства операцій, для которыхъ оставлялось несрѣзаннымъ мѣсто посрединѣ самой землянки, замѣнявшее и напоминавшее своею фигурою столъ, который былъ обшитъ туго натянутой на немъ цыновкой.

Перевязочныя землянки имѣли еще и то преимущество передъ солдатскими, что въ ненастную погоду онѣ покрывались снаружи не выдѣланными воловьими кожами, взятыми прямо съ бойни, рѣже выдѣланными, всего чаще цыновками, а въ крайнихъ случаяхъ—брезентами съ полуфурокъ. Вообще говоря, мѣры для величины землянки не было, а она строилась по величинѣ дерева, какое можно было достать для стропилъ.

Такъ, находившійся на Инкерманскихъ высотахъ кустарникъ дозволялъ строить только малыя землянки, а на Мекензіевыхъ, на которыхъ, кромѣ кустарника, находился некрупный бревенчатый лѣсъ, землянки выводились довольно высокія и просторныя. Несмотря, однако-жъ, на такую разницу въ строительномъ матеріалѣ, лѣтомъ 1855 г., даже и на Инкерманскихъ высотахъ можно было встрѣчать землянки въ двѣ комнаты съ сѣнями; но сѣней мы къ перевязочнымъ землянкамъ никогда не пристраивали, чтобы ими не затруднять входа и выхода для раненыхъ.

Кромѣ перевязочныхъ землянокъ, каждая отдѣльная часть войскъ, расположившись на болѣе продолжительную стоянку на какой-либо

мѣстности и производя постройки для жилищъ, по числу наличныхъ солдатъ, одновременно выстраивала отдѣльную группу землянокъ подъ руководствомъ медиковъ и отдавала ихъ подъ околодокъ или полевой лазаретъ.

Такимъ образомъ, полковые околодки на позиціяхъ никогда не имѣли меньше восьми землянокъ, а во многихъ можно было ихъ насчитать отъ 16-ти до 20-ти, назначенныхъ собственно подъ помѣщеніе раненыхъ, больныхъ и лазаретной прислуги.

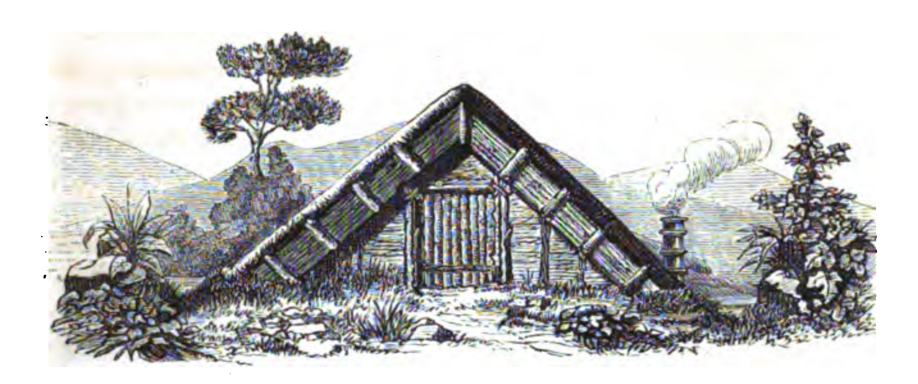
Кромѣ жилыхъ землянокъ, въ раіонѣ каждаго околодка выстраивались кухни, прачешная, навѣсы для лазаретныхъ фургоновъ и конюшни—изъ шалашей, облѣпленныхъ глиною съ пескомъ или съ рубленою соломою, для содержанія самаго необходимаго числа транспортныхъ лошадей.

Въ болѣе укрытыхъ и низкихъ мѣстахъ, по естественному склону мѣстности, подъ низкими навѣсами, защищенными густымъ заборомъ изъ плетня, устраивались ретирадники, которые часто закапывались и переносились на новое мѣсто.

Сравнительно говоря, изъ всѣхъ импровизированныхъ нами построекъ, землянки болѣе всѣхъ годились для всякаго времени года. За то, при неосторожности и безпечности нашихъ солдатъ, выходили иногда непоправимыя несчастія. Часто, особенно зимою, когда снѣгомъ подравнивало мѣстность, иной солдатъ, проходя, по невѣдѣнію попадалъ на болѣе плоскую крышу завѣянной землянки и, вмѣстѣ съ заломившимися подъ нимъ стропилами, обрывался въ чужую квартиру, ушибалъ ея хозяевъ и самого себя. Это особенно часто случалось съ такими землянками, которыя выстраивались внѣ общихъ ихъ группъ, отдѣльно, какъ, напримѣръ, лазаретныя и проч.

Такимъ образомъ, въ февралѣ, одинъ солдатикъ, ночью, въ мятель. провалился въ мою землянку и истребилъ все мое хозяйство. Въ томъ же мѣсяцѣ, однажды, въ 8-мъ часу утра, позвали меня въ одну солдатскую землянку, гдѣ я засталъ четырехъ ея обитателей мертвыми и уже холодными. Запахъ угара и необыкновенная жара въ землянкѣ заставили меня заглянуть въ печную пещерку, гдѣ я нашелъ еще не перегорѣвшіе угли; почему, выбѣжавши на поверхность мѣстности, я осмотрѣлъ трубу и нашелъ ее вплотную закрытою истоптанными сапогами, завернутыми въ портянки. Въ томъ-то и состояла бѣда, что одни солдаты, не опасаясь угара, старались раньше закрыть трубу, чтобы скорѣе нагрѣть землянку; а другіе въ печной трубѣ, либо надъ нею, старались на̀-скоро высушивать принадлежности платья и обуви, засыпая въ это время сами.

Кухни для больныхъ устраивались въ раіонѣ полковыхъ земля-



I. Землянка [фасадъ].

II. Перевязочный шалашъ [разрѣзъ].

Подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г.

Дозволено цензурою, 15 декабря 1877 г. Типографія В. Балашева.

ночныхъ околодковъ. При этомъ печи вырывались въ материкѣ, на подобіе того, какъ это дѣлалось въ землянкахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что землянóчная яма вырывалась глубже, а потому и хайло выводилось ниже, глубже и длиннѣе, чѣмъ въ жилыхъ землянкахъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы надъ нимъ можно было вдѣлывать котлы и усиливать тягу при топкѣ. Обыкновенно, при рытьѣ самой ямы для земляночной кухни, оставлялась часть материка нетронутою. Эта часть представляла фигуру длинной и толстой плиты, во всю длину которой снизу и вырывалось хайло, а надъ нимъ вмазывались одинъ или два котла для варки и для нагрѣванія воды.

Почти въ каждомъ околодкѣ, кромѣ земляночной, была и другая кухня подъ широкимъ, одно-скатнымъ либо двухъ-скатнымъ навѣсомъ. Въ первой варили пищу во всякое время, а въ послѣдней— только въ хорошую и болѣе теплую погоду. Двѣ кухни приходилось имѣть непремѣнно, потому что кухня требовала частыхъ починокъ. Кухонныя землянки бывали столько просторны, что весь контингентъ околодочныхъ больныхъ могъ одновременно въ нихъ обѣдать. Въ ненастное время пища разносилась только для болѣе трудныхъ.

VII.

20-го февраля 1855 г., къ намъ былъ назначенъ, вмѣсто контуженаго В. М. Крюднера, командиромъ полка генеральнаго штаба полковникъ Норденстремъ, участвовавшій и раненый въ Инкерманскомъ сраженіи. Мы о немъ прежде знали—и сколько я и баталіонеры радовались его назначенію, столько штабные и ротные попадали духомъ.

Извѣстно было, что Норденстремъ горячо относится къ быту солдатъ, не любитъ разгула, аккуратенъ и строгъ къ долгу службы. Словомъ, его назначеніе угрожало сдѣлкамъ штабныхъ съ ротными и полагало предѣлъ разгулу, которымъ облегчались такія сдѣлки. Въ первые дни командованія полкомъ, онъ успѣлъ ко всему присмотрѣться, мало пускаясь въ разговоры, какъ бы инстинктивно избѣгая чужаго вліянія.

28-го февраля, осматривая утромъ, на площадкѣ, человѣкъ 60 солдатъ, я крайне удивлялся разсѣянности солдатъ, поминутно озиравшихся по сторонамъ и снимавшихъ шапки. Вскорѣ я понялъ причину такой вѣжливости, когда замѣтилъ новаго командира, слѣдовавшаго сторонкой за мною и присматривавшагося къ моимъ занятіямъ.

Съ его приказанія, я продолжалъ осмотръ, въ очереди обошелъ съ нимъ труднѣйшихъ, въ землянкахъ, познакомилъ со всѣмъ порядкомъ на кухнѣ, въ цейхгаузѣ, пекарнѣ и въ лазаретномъ обозѣ. Уходя, онъ далъ мнѣ полное право—требовать отъ штаба для лазарета все, что сочту нужнымъ, а къ себѣ велѣлъ обращаться только въ случаяхъ неисполненія моихъ требованій.

Въ полдень 1-го марта, велѣно было всѣмъ частямъ 12-й пѣхотной дивизіи выстроиться на площади, недалеко отъ квартиры Павла Петровича Липранди. Приказаніе во всѣ полки передано было черезъ офицеровъ, нарочно для этого истребованныхъ въ дивизіонный штабъ.

Всѣ спѣшили стать на свое мѣсто и готовились услышать что-нибудь очень важное, потому что въ сраженія, даже и въ самыя горячія, всѣ было попривыкли ходить какъ бы за грибами, безъ особыхъ подготовокъ. Еще болѣе всѣ смутились, завидѣвъ священника въ облаченіи; наконецъ, пришелъ и Павелъ Петровичъ съ смущеннымъ, блѣднымъ и смиреннымъ лицомъ.

— „Ребята,—сказалъ онъ,—что ни дѣлается, то дѣлается по волѣ Божіей; а потому, какъ глубоко ни наносится намъ ударъ, но мы должны безропотно повиноваться волѣ Всевышняго и смиренно переносить всякое несчастіе какъ испытаніе"...

Дальше онъ не могъ говорить: глубокія рыданія вырывались изъ груди его.

— „Ребята! Государь, нашъ батюшка, умеръ!...—продолжалъ онъ съ воплемъ.—Передъ смертью велѣлъ насъ благодарить за вѣрность и храбрость, и завѣщалъ намъ любить и слушать его старшаго сына. Александра II-го. Докажемъ-те, ребятушки, новому Государю, что въ Бозѣ почившему его батюшкѣ было за что насъ любить и о насъ помнить. Помолимся же теперь Господу за усопшаго и принесемъ съ чистымъ сердцемъ присягу на вѣрность новому Государю нашему Александру II-му".

Массы воиновъ безмолвно стояли, какъ вкопаныя, минуты съ двѣ: казалось, что неожиданное роковое сообщеніе до того всѣхъ поразило, что остановило въ нихъ и мысль, и жизнь. Наконецъ, выдалось нѣсколько смущенныхъ голосовъ и послышался гулъ отъ говора и плача старослужащихъ. Затѣмъ, священникъ принялъ отъ насъ присягу и велѣно было разойтись по землянкамъ.

VIII.

По прибытіи азовцевъ къ Севастополю, дѣйствія непріятеля одно время были тише и менѣе прежняго опредѣленны. Ясно было, что, послѣ Евпаторійскаго дѣла, онъ развлекъ свои силы. Отъ времени до времени, и чаще по утрамъ и передъ вечеромъ, онъ посылалъ по нѣсколько снарядовъ, ракетъ и бомбъ на наши позиціи. Всего чаще онъ угощалъ Украинскій и Одесскій полки, которыхъ землянки тянулись по склону хребта, обращенному къ его сторонѣ; но снаряды, не долетая, зарывались въ балкѣ, либо попадали въ промежуточный оврагъ. Полагали, что непріятель обстрѣливалъ наши позиціи съ тою цѣлію, чтобы удержать полки наши отъ вылазокъ, для которыхъ поочередно ихъ брали въ Севастополь и въ которыхъ они отличались, особенно полкъ Днѣпровскій. Нельзя умолчать, что вылазками наносился значительный вредъ непріятелю, для нашихъ же войскъ онѣ составляли незамѣнимую школу.

3-го марта утромъ, прибыло въ околодокъ 28 человѣкъ азовцевъ, вымаранныхъ въ глину и известь, съ значительными ушибами и глубокими царапинами и занозами. Дѣло въ томъ, что, ради любопытства, они отправились на крайній къ непріятельской долинѣ утесъ, чтобы оттуда лучше высмотрѣть мѣста, на которыхъ непріятель расположилъ свои батареи и ракетные станки, съ которыхъ стрѣлялъ по нашей позиціи. Съ ними былъ одинъ морякъ, разыгрывавшій роль бывалаго и знатока и учившій ихъ, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы не сдѣлаться жертвой завидѣннаго снаряда. Такъ, онъ говорилъ:

— „Коли завидишь ракетку съ хвостомъ, или бомбушку, что она надъ тобою вспинается, то бѣги ты смѣло, что̀ силы есть, противъ нее самое, и завѣрься, что она всегда упадетъ далеко у тебя за спиной и тебѣ, небось, за шиворотъ не залѣзетъ. Только бѣги,—и разминешься!“

Запомнили это наши и, завидѣвъ двѣ ракеты, описывавшія надъ ними параболу, пустились противъ нихъ бѣжать, что̀ силы есть,—и забывъ или не разсмотрѣвъ заросшаго оврага, всѣ свалились съ обрыва; за ними посыпались оборвавшіеся при ихъ паденіи камни и, въ довершеніе несчастья, падая, они натыкались на шиповникъ, который хотя и сдерживалъ быстроту ихъ паденія, но безпощадно царапалъ и дѣлалъ занозы.

У одного была рваная рана отъ лба до затылка; въ нее засѣло нѣсколько иголъ шиповника и много глины. Когда, вынувъ занозы и обмывъ рану, я соединилъ слегка края ея липкимъ пластыремъ и спросилъ его, чувствуетъ-ли онъ теперь себя легче?

— „Да, легче-то легче,—отвѣтилъ онъ,—да не въ томъ суть дѣла!"

— А въ чемъ же суть?—переспросилъ я.

— „Да въ томъ,—продолжалъ онъ,—что пластунъ-то понабралъ отъ насъ табаку да другихъ угощеній, да и самъ-то не свалился съ нами, а удралъ въ городъ, да тамъ еще пуститъ нашего брата насмѣхъ, что мочи есть, и тамъ еще повыманитъ немалую толику порцій отъ своихъ, за то, что на-глумъ пустилъ насъ, пѣхотинцевъ".

По существовавшему тогда порядку, каждаго перевязывавшагося слѣдовало записать, смотря по степени поврежденія, въ околодочную, или въ лазаретную книгу. Стали записывать въ околодочную книгу и попавшихъ въ ровъ героевъ; сначала они, ради стыда, отпрашивались; но затѣмъ, казалось, продиктовали свои имена и роты.

24 изъ нихъ были записаны въ околодочную, а только 4, болѣе трудные, въ лазаретную, и приказано было почти половину ихъ задержать до слѣдующаго утра.

Каково же было мое удивленіе, когда на другое утро я не засталъ ни одного изъ нихъ въ лазаретныхъ землянкахъ. Всѣ бѣжали въ свои части, а продиктованныя ими имена оказались вымышленными, — до того они боялись оставить за собою память простофиль.

Командиръ полка, умѣвшій щадить стыдливость и чувство чести въ солдатѣ, дозволилъ мнѣ не обнаруживать обмана и фельдшеру велѣно было лечить ихъ, будто-бы, безъ моего вѣдома.

Въ бытность мою (съ 20-го по 25-е апрѣля) съ Азовскимъ полкомъ въ Севастополѣ, ген.-штабъ-докторъ Шрейберъ объявилъ мнѣ новое назначеніе—дивизіоннымъ докторомъ въ 17-ю пѣхотную дивизію, требуя отъ меня скорѣйшаго туда отправленія, для приведенія въ ней въ порядокъ санитарной части, пришедшей въ совершенный упадокъ послѣ Альминскаго дѣла. Когда я изъявилъ готовность тотчасъ отправиться къ мѣсту новаго назначенія, то это до того поразило его, что онъ поспѣшилъ спросить меня, знаю-ли я 17-ю дивизію и, получивъ отрицательный отвѣтъ, прибавилъ:

— „Нѣтъ розы безъ шипочка; но за то, какъ только вы успѣете привести все въ порядокъ, то я переведу васъ въ 12-ю, гдѣ желаютъ чтобы вы находились".

Только вышедъ отъ него, я впервые узналъ, что мѣсто дивизіоннаго доктора въ 17-й дивизіи оставалось вакантнымъ болѣе полугода; что сряду пять штабъ-лекарей отпросилось отъ повышенія, лишь бы избѣжать обѣщаемаго имъ мѣста; что послѣдній въ ней дивизіонный докторъ согласился занять низшую должность, лишь-бы не возвращаться изъ отпуска на прежнее мѣсто.

По всему видно было, что я, какъ куръ во щи, попался, но всего

больше раздражили меня изъявленія благодарности нѣсколькихъ севастопольскихъ медиковъ за то, что я, будто бы, своимъ согласіемъ выручилъ всѣхъ, а особенно ген.-штабъ-доктора, изъ затруднительнаго положенія и т. д. Съ чувствами осужденнаго, поѣхалъ я на Мекензіевъ хуторъ, гдѣ была тогда расположена 17-я дивизія; но не отъѣхалъ еще и версты, какъ былъ вторично потребованъ къ ген.-штабъ-доктору.

Когда я къ нему явился, то засталъ его сильно встревоженнымъ; онъ долго надумывался и наконецъ высказался:

— „Если вы встрѣтите тамъ большіе безпорядки, то устраните ихъ непремѣнно, но, сколько можно, негласно; потому что они завелись отъ недоразумѣній. Сами же не падайте духомъ и скажите мнѣ, когда все будетъ въ порядкѣ; тогда ваша миссія кончится и я васъ оттуда переведу. Прощайте!"

Проѣзжая черезъ Инкерманскія высоты, я доложилъ о происшедшей перемѣнѣ своему начальству, и, еще часъ спустя, явился на Мекензіевы высоты къ начальнику 17-й пѣхотной дивизіи, генералу Веселитскому, объявившему мнѣ на-отрѣзъ, что онъ меня не желалъ, вовсе меня не знаетъ, что онъ просилъ о назначеніи къ себѣ дивизіоннымъ докторомъ Шипулинскаго, а потому постарается поскорѣе отъ меня отдѣлаться и получить того, кого хочетъ.

Начало не совсѣмъ пріятное! но это еще не все: Веселитскій приказалъ мнѣ тотчасъ отправиться въ деревню Черкесъ-Керменъ, отстоявшую отъ блокадныхъ позицій въ 4-хъ верстахъ, а оттуда къ нему являться только по требованію. Я испрашивалъ, какъ школьникъ, позволенія оставаться на позиціяхъ и выстроить себѣ шалашъ какъ можно ближе къ избѣ его пр—ва, для того, чтобы, въ случаѣ непредвидѣнныхъ движеній дивизіи или частей ея, могъ своевременно направлять лазаретные обозы и удачно выбирать мѣсто для передоваго перевязочнаго пункта.

— „Это что̀ за новые порядки!... вамъ тутъ нечѣмъ распоряжаться; ваше дѣло слушать, слушать и слушать; ступайте куда вамъ велѣно!"

Настала минута безотраднаго молчанія; онъ меня осматривалъ съ головы до ногъ; сталъ разспрашивать: гдѣ я кончилъ курсъ, откуда родомъ, сколько служу и просился-ли я самъ въ его дивизію? Узнавъ, что я всегда надѣялся остаться въ 12-й,—нѣсколько смягчился и приказалъ явиться корпусному доктору въ дер. Керменъ.

Вышедъ смущеннымъ отъ новаго начальника, я инстинктивно присоединился къ своимъ непоеннымъ съ утра лошадямъ, вытягивавшимъ ко мнѣ оскаленныя морды, и въ раздумьи разсматривалъ позиціи, не

зная на что рѣшиться. Шагахъ въ 20-ти стояла группа офицеровъ, окружавшихъ веселаго разсказщика. Молодежь помирала со смѣху. Подошелъ и я къ нимъ; черезъ минуту мы были уже какъ старые знакомые и, спрошенный о причинѣ раздумья, я разсказалъ подробности явки начальнику и высказалъ, что намѣренъ возвратиться въ Севастополь и попросить отмѣны сбывшагося назначенія. Въ это время потребовали разсказщика къ начальнику дивизіи. Черезъ минуту онъ мнѣ сообщилъ, что ему же велѣно распорядиться постройкою къ завтрашнему утру шалашика для меня, шагахъ въ 20-ти отъ квартиры генерала, на самомъ обрывѣ, торчавшемъ къ долинѣ Черной, и вблизи вышки, съ которой наблюдали за дѣйствіями непріятеля. Конечно, я обрадовался и хотѣлъ было броситься къ генералу Веселитскому заявить ему искреннюю свою благодарность за его вниманіе, но былъ удержанъ новыми друзьями.

— Боже васъ упаси!—сказалъ одинъ,—не благодарите: у насъ все дѣлается „для пользы службы"; не благодарите, а то вамъ крѣпко достанется.

Оставалось мнѣ выполнить приказаніе ген. Веселитскаго и я поспѣшно отправился въ Черкесъ-Керменъ, явился тамъ военному начальству 6-го корпуса и въ 6 часовъ по полудни уже стоялъ передъ исправлявшимъ должность корпуснаго штабъ-доктора того же корпуса, Рукуйжею. Какъ только послѣдній узналъ, что я намѣренъ въ тотъ же день осмотрѣть лазареты, то поспѣшилъ посовѣтовать мнѣ лишь перезнакомиться съ сослуживцами-докторами, но не дѣлать, пока, никакихъ перемѣнъ, ни особыхъ распоряженій, такъ какъ послѣдними я бы могъ стать въ разрѣзъ съ волею и взглядами на этотъ предметъ военнаго начальства. Эта инструкція напоминала знакомый мнѣ катехизисъ уживчивости, которому дивизіонные и корпусные доктора слѣдовали въ мирное время, натягивая всѣ свои реляціи такъ, чтобы все было шито и крыто, а въ результатѣ выходило бы, что „все обстоитъ благополучно". Вскорѣ въ корпусномъ штабѣ я узналъ, что главная суть военно-медицинской администраціи въ 17-й дивизіи состояла въ буквальномъ примѣненіи и исполненіи приказанія корпуснаго командира, по которому всѣхъ заболѣвавшихъ въ 17-й дивизіи задерживали при войскахъ и лечили ихъ въ войсковыхъ лазаретахъ, расположенныхъ вблизи боевыхъ позицій. Больныхъ не отсылали въ госпитали съ тою цѣлію, чтобы избѣжать неминуемой траты людей изъ фронта—отсылкою ихъ въ госпитали, какъ въ учрежденія чужія, въ которыхъ нижніе воинскіе чины не скоро выздоравливали: выздоровѣвшіе же, будто бы, рѣдко оттуда возвращались въ свои части, чаще же получали назначеніе въ другія войска, либо еще больными

пересылались въ дальніе госпитали, внѣ границъ Крымскаго полуострова. Я старался въ канцеляріяхъ штабовъ открыть хоть малѣйшіе слѣды отданнаго корпуснымъ командиромъ приказанія о задерживаніи больныхъ въ боевомъ раіонѣ; но ничего подобнаго найти не могъ. Можно было думать, что какое нибудь невыгодное мнѣніе о леченіи въ госпиталяхъ, высказанное, при случаѣ, корпуснымъ командиромъ, превратно перетолкованное, получило форму приказанія, которому слѣдовали всѣ части, не заботясь о его источникѣ и не увѣрясь въ его дѣйствительности. Нельзя было даже узнать, къ какому времени слѣдовало отнести такое распоряженіе и съ котораго введена была система задерживанія въ лазаретахъ всего больничнаго контингента.

Главная масса больныхъ отъ 17-й пѣхотной дивизіи помѣщалась въ татарскихъ аулахъ: Теберти и Суюртажѣ, лежащихъ верстахъ въ трехъ отъ рѣки Бельбека и въ сторонѣ отъ проселочной дороги, ведущей изъ Бахчисарая въ Ялтинскій уѣздъ. Пробираясь къ нимъ съ боевыхъ позицій, приходилось проѣзжать рѣчку Бельбекъ у деревни Заланкой. По первому впечатлѣнію уже казалось страннымъ, что подъ лазаретъ не занята деревня изъ 28-ми дворовъ, стоящая особнякомъ, въ сторонѣ тракта, и расположенная на песчаномъ берегѣ чистой, хотя мелкой рѣки и укрывавшаяся съ трехъ сторонъ горами, а одной стороной обращенная въ здоровую, Бельбекскую долину. Съ крайнимъ сожалѣніемъ приходилось проѣзжать черезъ эти не занятыя, очаровательныя мѣста, украшенныя тополями и лугами, а верстахъ въ трехъ за Бельбекомъ, взбираться на довольно высокія, оголенныя мѣловыя горы, чтобы попасть въ аулы Теберти и Суюртажъ. Въ первомъ считалось 64, а во второмъ 87 дворовъ, и первый расположенъ при фонтанѣ, а другой при небольшомъ источникѣ. Число считавшихся тогда въ обоихъ аулахъ 151 двора не можетъ дать понятія о бывшей тогда тѣснотѣ помѣщеній, потому что значительная часть саклей была до тла разнесена, такъ что обѣ деревни издали имѣли скорѣе видъ исчезавшихъ древнихъ руинъ, или, проще—раззоренныхъ ласточкиныхъ гнѣздъ, чѣмъ настоящихъ человѣческихъ жилищъ. По невѣдомому мнѣ и по сіе время стеченію обстоятельствъ, въ раіонъ врачебнаго вѣдомства 17-й дивизіи вошли лазареты Суздальскаго и Владимірскаго полковъ (16-й дивизіи), расположившіеся рядомъ со своднымъ лазаретомъ для 17-й дивизіи и имѣвшіе въ Суюртажѣ одного своего медика, скончавшагося отъ тифа во время моего осмотра. Трудно повѣрить, что, не считая больныхъ отъ 16-й дивизіи, отъ одной 17-й число ихъ въ 2-хъ деревняхъ простиралось за 1,400 человѣкъ. Прислуга была самая недостаточная и на половину больная; фельдшеровъ совсѣмъ

мало, такъ что приходилось на 400 человѣкъ больныхъ по одному— и всѣ усталые, оглушенные окружающимъ ихъ хаосомъ и сбившіеся съ ногъ въ безконечныхъ занятіяхъ. Больные были кое-какъ разбросаны по уцѣлѣвшимъ, или не совсѣмъ еще разнесеннымъ саклямъ и въ ихъ сѣняхъ; въ послѣднихъ мѣста считались лучшими, по большему доступу къ нимъ воздуха и прислуги. О продовольственной части не стоитъ много говорить; довольно сказать, что даже и посуды было мало, а потому варилась пища постоянно, и въ теченіе сутокъ едва успѣвали накормить всѣхъ больныхъ. Однообразіе пищи было баснословное. Не легко было достать и свѣжей воды. Самая бо́льшая часть больныхъ носила собственное (не лазаретное) заношенное бѣлье и покрывалась шинелями; подстилку рѣдко гдѣ составляла солома; большею же частію для того употреблялись мягкія солдатскія вещи. Скрѣпя сердце я отправился на рѣку Качу, гдѣ въ 4-хъ верстахъ еще одинъ лазаретъ (отъ Бутырскаго полка) былъ помѣщенъ на хуторѣ Мордвиновомъ и по саклямъ сосѣдняго, тоже разворённаго, аула. Тамъ я засталъ слишкомъ 600 больныхъ. Изъ лазаретныхъ вещей было нѣсколько простынь и самое ничтожное число ложекъ. Пища варилась въ десяточныхъ котелкахъ днемъ и ночью. Изъ врачебнаго персонала для всѣхъ трехъ упомянутыхъ лазаретовъ, я засталъ только одного медика Смирнова, имѣвшаго квартиру въ лазаретной конюшнѣ, на антресоляхъ, составленныхъ изъ жердей, коекакъ набросанныхъ на балки. Во всѣхъ лазаретахъ я не нашелъ никакихъ инструментовъ, исключая изломаннаго ланцета, но и тотъ составлялъ собственность одного фельдшера. Инструменты, оставшіеся послѣ альминскаго и другихъ сраженій, держались на позиціяхъ, при войскахъ. Послѣ описаннаго, самымъ естественнымъ образомъ возбуждался вопросъ: кто же лечилъ больныхъ? не могъ же одинъ Смирновъ пользовать болѣе 2,000 больныхъ, разбросанныхъ на шестиверстномъ разстояніи.

Тогда существовалъ такой порядокъ: медики, оставшіеся на боевыхъ позиціяхъ, при своихъ частяхъ, обязаны были ежедневно посѣщать своихъ больныхъ за Бельбекомъ и на Качѣ. Всѣхъ же медиковъ было въ дивизіи 6. Изъ нихъ двое были съ Бородинскимъ полкомъ, въ Чоргунѣ, и имѣли свой отдѣльный лазаретъ. Изъ остальныхъ четырехъ, одинъ проживалъ въ раіонѣ лазаретовъ, а три оставались при трехъ полкахъ; при артиллеріи же медика не было. На этихъ-то трехъ медикахъ и лежала обязанность посѣщать ежедневно лазареты; но на сколько это было удобоисполнимо, можно усмотрѣть изъ тѣхъ обстоятельствъ, что отъ позицій до лазаретовъ было отъ

10-ти до 14-ти верстъ и что не всѣ медики имѣли лошадей, а части войскъ не всегда давали отъ себя перевозочныя средства.

Всѣхъ прилежнѣе посѣщалъ лазаретъ докторъ Эшъ, штабъ-лекарь Бутырскаго пѣхотнаго полка; но за то онъ потерялъ безвозвратно здоровье и едва ли еще остался въ живыхъ. Къ тому же, при расположеніи частей въ виду непріятеля, отлучки ихъ медиковъ въ лазареты не всегда были возможны. На повѣрку выходитъ, что свыше 2,000-ный контингентъ могъ расчитывать на помощь отъ одного Смирнова, жившаго въ конюшнѣ, на антресоляхъ, съ которыхъ не легко было слѣзать, а еще труднѣе на нихъ взбираться. Кстати необходимо напомнить, что медики въ войскахъ, прибывшихъ изъ Придунайскихъ княжествъ, пользовались тѣмъ преимуществомъ, что всѣ имѣли верховыхъ лошадей, и, свершивъ заграничный походъ, болѣе были привычны къ подвижности и не тяготились верховою ѣздой, какъ медики, прибывшіе прямо изъ Россіи. Послѣдніе нерѣдко провожали свои части въ цѣпь и въ различныя экспедиціи пѣшкомъ, изъ-за того только, чтобы избѣжать верховой ѣзды, или по неимѣнію верховой лошади. Послѣ этого понятно, что, примѣрно говоря, лекарь Московскаго полка Булгаковъ, возвратясь съ разсвѣтомъ, пѣшкомъ, изъ цѣпи, отстоявшей отъ позиціи въ 6-ти верстахъ, не могъ тотчасъ отправляться въ свой лазаретъ, находившійся отъ той же позиціи въ 13-ти верстахъ, и оттуда возвратиться къ закату солнца опять на позицію полка, для того только, чтобы съ послѣднимъ опять идти въ цѣпь. Именно этотъ-то случай я представлялъ усмотрѣнію генерала Веселитскаго, испрашивая отмѣны приказанія, чтобы медики сопровождали свои полки въ цѣпь и оставались тамъ цѣлую ночь, мотивируя мое ходатайство тѣмъ, что уставшій медикъ не можетъ внимательно осматривать больныхъ, а часто не въ состояніи даже дойти и до лазарета.

— Медики плохо лечатъ, безъ нихъ въ лазаретѣ скорѣе выздоравливаютъ,—былъ короткій отвѣтъ моего начальника.

Преобладающими болѣзнями въ лазаретѣ оказывались болотныя лихорадки, до крайности маскированныя. Ими особенно часто заболѣвали, въ туманныя ночи, войска, пребывавшія въ цѣпи. Затѣмъ, такъ называемый перемежающійся тифъ (возвратная горячка), появлявшійся между перенесшими перемежающуюся лихорадку. Болѣе или менѣе частое его появленіе обусловливалось сырою погодою и безсонницею. Пятнистый тифъ бывалъ безъ особыхъ концентрацій. Кромѣ того, было много одержимыхъ натужнымъ и кровавымъ поносомъ и, въ меньшемъ числѣ, изнурительнымъ. Острые ревматизмы встрѣчались не особенно часто, но всегда въ формѣ сочленовнаго, съ пораженіемъ сердца, либо около-сердечной сумки. Холерныхъ случаевъ въ то время не было.

Войска 17-й пѣхотной дивизіи были тогда расположены такъ: Бородинскій полкъ занималъ Чоргунъ, его дефилеи, и распространялся до Шули. Не выдвигаясь въ долину Черной, полкъ этотъ занималъ сравнительно болѣе здоровую мѣстность и давалъ больныхъ меньше прочихъ въ дивизіи. Остальныя войска занимали восточный гребень Мекензіевыхъ высотъ такимъ образомъ, что Московскій и Бутырскій полки стояли надъ самымъ обрывомъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги, ведущей съ обрыва длиннымъ спускомъ мимо такъ называемаго Волчьяго-Яра, въ долину Черной рѣчки, а Тарутинскій—былъ расположенъ сзади Московскаго, въ двухъ-верстномъ отъ обрыва разстояніи, и рядомъ съ нимъ артиллерія. Въ деревнѣ же Черкесъ-Керменъ, находящейся въ 4-хъ верстахъ отъ горы Мекензіевой, помѣщался корпусный штабъ 6-го корпуса съ небольшимъ числомъ казаковъ.

Такимъ образомъ, 17-я пѣхотная дивизія своими частями запирала непріятелю выходъ на Бахчисарай, препятствовала его пребыванію въ Вайдарской долинѣ и появленію въ долинахъ Инкерманской и рѣки Черной, на правомъ берегѣ послѣдней.

Московскій, Тарутинскій полки и артиллерія помѣщались тогда, съ зимы еще, въ землянкахъ, болѣе удобныхъ и бóльшаго размѣра, нежели землянки въ 12-й дивизіи, потому, во первыхъ, что самый грунтъ на Мекензіевой горѣ былъ плотнѣе, не имѣя примѣси глины; во вторыхъ, и по бóльшему обилію здѣсь крупнаго лѣсу.

Въ Бутырскомъ полку были въ употребленіи каменные бараки, представлявшіе самую своеобразную постройку. Они строились изъ четырехъугольныхъ камней разной величины, на-сухо кладенныхъ одинъ на другой, имѣвшихъ двойную длину противъ своей высоты и возможно плоскія и широкія верхнюю и нижнюю поверхности, которыми они складывались въ стѣну.

Такая постройка стоила большихъ трудовъ солдатамъ. Они первоначально отбивали большія массы камня отъ скалъ, кирками, тѣми же кирками разбивали отбитыя массы на меньшіе куски и затѣмъ завершали работу топорами, придавая каждому куску форму большаго кирпича. Мѣстный камень въ окрестностяхъ Севастополя, свѣже-отбитый отъ скалъ, довольно мягокъ, такъ что его легко можно разбивать, еще удобнѣе пилить; но, во всякомъ случаѣ, подобная работа въ военное время и для войска, занятаго содержаніемъ ночной цѣпи противъ непріятеля и постоянно доставлявшаго подкрѣпленія и помощь Севастопольскому гарнизону, составляла исполинскій и напрасно затрачиваемый трудъ. Эти работы тѣмъ болѣе оказывались вредными, что онѣ бóльшею частію производились въ короткій промежутокъ вре-

мени, назначенный солдату для необходимаго отдыха, и не прекращались даже при солнопекѣ. Конечно, такія постройки поражали своею красотою и симметріею; онѣ казались красивымъ городкомъ; но, всматриваясь въ эти постройки, можно было убѣдиться, что онѣ ни къ чему не вели, причиняя солдатамъ больше вреда, чѣмъ пользы. Въ солнопекъ камень сильно накалялся, такъ что въ баракахъ становилось жарко и душно; въ сырое и ненастное время, губчатый камень, состоя изъ ноздреватаго известняка, жадно всасывалъ въ себя сырость и влагу; при наступавшемъ холодѣ—быстро охлаждался, а при вѣтренной погодѣ каменный баракъ, состоя изъ на-сухо кладенныхъ, не совсѣмъ ровно пристававшихъ другъ къ другу камней, своими безконечными щелями образовывалъ сквозную тягу. Этого мало: случалось, что, во время сильнаго вѣтра или бури, какой нибудь одинъ или нѣсколько камней, неровно положенныхъ или слабѣе прочихъ державшихся въ своихъ сухихъ гнѣздахъ, вываливались, — и тогда стремительно разрушалась вся стѣнка, падая и ушибая обитателей.

Такъ какъ крыши на этихъ баракахъ насыпались на стропила и ихъ задѣлку, строившіяся изъ мѣстнаго криваго дубняка, не вездѣ ровно пристававшаго къ верху бараковъ, то при первомъ къ тому удобномъ случаѣ, какъ-то: при вѣтрѣ, бурѣ, или непредвидѣнномъ толчкѣ, крыша падала и влекла за собою разрушеніе части, либо всего барака.

Приспособляя такой баракъ для перевязочнаго пункта, его бòльшею частію пересыпали сызнова, связывая между собою камни размоченною глиною съ пескомъ; вставляли окна въ боковыя стѣны, либо и въ крышу; двери завѣшивали двойною цыновкою. [Смотри рисунки №№ III и IV]. Если баракъ выходилъ слишкомъ низкій, то, отступя на четверть аршина отъ внутренней поверхности стѣнъ, срѣзывали землю на аршинъ глубиною во всю величину барака, утрамбовывая полъ пескомъ и прибавляя иногда уголь, а въ извѣстномъ мѣстѣ боковой земляной стѣны вырывали горизонтальную пещеру съ отвѣсною отъ ея слѣпаго конца дырою, въ которую вдѣлывали (внѣ барака) туръ, вылѣпленный внутри толстымъ слоемъ глины, и такимъ образомъ, на подобіе того какъ дѣлалось въ землянкахъ, устраивали грунтовую печку.

Конечно, къ концу кампаніи тѣ же бараки строились лучше и прочнѣе; нѣкоторые изъ нихъ имѣли каменныя печи съ дымовыми трубами; но въ началѣ они представляли плохія жилища, располагавшія къ ревматизму.

Описанную постройку составляютъ тѣ же самые бараки, которые послѣ заключенія мира, въ день пріема союзныхъ главнокомандующихъ нашимъ генералъ-адъютантомъ Лидерсомъ, на вершинѣ Мекензіе-

вой горы, 1-го апрѣля 1856 г., поражали взоры иностранцевъ своею красотою; къ тому дню они были выбѣлены и украшены вѣтвями зеленаго можевельника и гирляндами повелики.

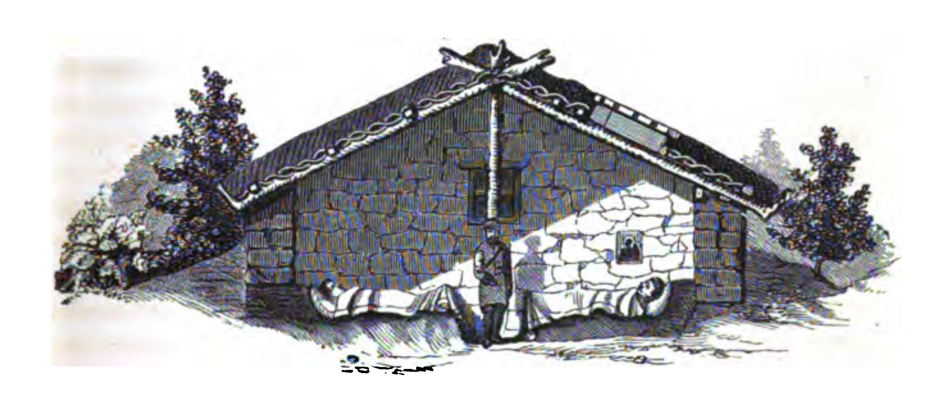
Въ тотъ день вблизи бараковъ былъ устроенъ шатеръ для́ обѣденнаго стола всѣхъ четырехъ главнокомандующихъ съ ихъ свитами. Этотъ шатеръ былъ устроенъ изъ двухъ нашихъ госпитальныхъ палатокъ съ пристройкою къ нимъ третьей, солдатской, въ видѣ ниши.

Бородинскій полкъ, квартировавшій въ Чоргунѣ и простиравшійся назадъ до Шули, часто мѣнялъ мѣсто, приспособляясь къ движеніямъ непріятеля отъ стороны Черной рѣчки. Смотря по своему, то разбросанному, то опять скученному положенію, отдѣльныя свои части полкъ размѣщалъ то въ сакляхъ Чоргуна и Шули, то въ землянкахъ въ Чоргунскихъ дефилеяхъ, то, наконецъ, выставлялъ палатки на скатахъ скалъ, окаймляющихъ Мокрую Луговину.

А. А. Генрици.

(Продолженіе слѣдуетъ).

III. Каменный баракъ [фасадъ].



IV. Каменный баракъ [разрѣзъ].

Подъ Севастополемъ въ 1854—1855 гг.

Приложение къ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г.

Дозволено цензурою, 15 декабря 1877 г. Типографія В. Балашева.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА И ВОЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ИХЪ СОСТОЯНІИ.

Замѣтки стараго офицера.

Во всѣ времена охраненіе безопасности государства было предметомъ особенной заботливости управлявшихъ его судьбами. Рѣшеніе вопроса: «вести-ли войну въ извѣстномъ положеніи государства»—всегда имѣло непосредственное вліяніе на ихъ будущность, и, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, служило основаніемъ внѣшней политики великихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, у римлянъ издревле соблюдалось правило: не вести одновременно двухъ большихъ войнъ. Если имъ доводилось враждовать съ нѣсколькими сильными сосѣдями, то они отлагали на время расчеты съ ними и вели войну сперва противъ одного изъ своихъ непріятелей, потомъ—противъ другаго, и т. д.

Настоящая солидарность всѣхъ европейскихъ государствъ требуетъ, при рѣшеніи поставленнаго нами вопроса, принимать во вниманіе ихъ взаимныя отношенія, обсуждая которыя, должно руководиться выводами, основанными не на династическихъ, преходящихъ интересахъ, а на урокахъ исторіи. Примѣняя этотъ теоретическій способъ къ практическому рѣшенію вопроса о боль-

шей или меньшей прочности союзовъ европейскихъ государствъ въ настоящее время, можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.

Союзы Россіи съ германскими державами, въ продолженіе болѣе ста лѣтъ, нарушались весьма рѣдко, именно мы вели войны: во 1-хъ, съ Пруссіею: Семилѣтнюю войну, предпринятую нами не для охраненія интересовъ Россіи, а вслѣдствіе личнаго неудовольствія императрицы Елисаветы Петровны противъ Фридриха Великаго. Затѣмъ, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, по проискамъ прусскаго министра Герцберга, возникло несогласіе между петербургскимъ и берлинскимъ дворами, но до явнаго разрыва не дошло. Начиная же съ 1806 года по настоящее время, между Россіею и Пруссіею существовало военное братство, скрѣпленное общими подвигами на поляхъ: Прейсишъ-Эйлау, Люцена, Бауцена, Кацбаха, Лейпцига и многихъ другихъ сраженій. Не упоминаю объ участіи Пруссіи въ нашествіи Наполеона 1812 года, какъ о дѣйствіи, вынужденномъ желѣзною рукою завоевателя и совершенно противномъ видамъ правительства и сочувствію народа. Во 2-хъ, точно такъ же участіе Австріи въ войнѣ 1812 года было единственнымъ событіемъ, въ теченіе вѣковъ прервавшимъ постоянныя мирныя и союзныя отношенія петербургскаго и вѣнскаго кабинетовъ. Нельзя однакоже не замѣтить, что общія военныя дѣйствія Россіи и Австріи (за исключеніемъ походовъ Суворова и принца Кобургскаго) не отличались единодушіемъ, и даже часто имѣли послѣдствіемъ охлажденіе дружбы между этими державами; но войны между ними не было. Причину тому должно искать въ относительномъ положеніи обоихъ государствъ и въ благоразуміи ихъ политическихъ дѣятелей, ясно видѣвшихъ обоюдный вредъ такой войны. Во всѣ времена, сочувствіе славянскихъ племенъ къ Россіи удерживало Австрію отъ войны, могшей имѣть для нея грозныя, выходящія изъ всякаго расчета, послѣдствія. Россія же не могла ожидать никакой выгоды отъ образованія конфедераціи славянъ, либо сильнаго славянскаго государства, которыя, не смотря на сочувствіе народа къ Россіи, руководились бы своими собственными интересами и примкнули бы къ западнымъ державамъ, опередившимъ насъ въ цивилизаціи и гражданскомъ развитіи. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, можно ска-

зать утвердительно, что едва-ли Австрія въ настоящее время рѣшится воевать съ Россіею. Даже враждебное къ намъ расположеніе мадьяровъ скорѣе можетъ повести къ новому Вилагошу, нежели къ разрыву Россіи съ Австріею. Впрочемъ, чтобы обуздать дикія вспышки венгерцевъ достаточно шестнадцати милліоновъ славянъ, подданныхъ Австріи, всегда остававшихся вѣрными Габсбургскому дому.

Совершенно въ исключительномъ положеніи находится Англія, прикрытая моремъ отъ враждебныхъ покушеній прочихъ державъ и могущая безнаказанно возмущать миръ и спокойствіе Европы. Выгоды Англіи требуютъ, чтобы мореплаваніе и торговля европейскихъ государствъ находились въ большей или меньшей зависимости отъ ея произвола, и потому никакая изъ первостепенныхъ европейскихъ державъ не должна полагаться на искренность союза съ англичанами. Въ особенности же Россія возбуждаетъ подозрительность и вражду Англіи, не только своимъ дѣйствительнымъ могуществомъ, но и тѣми видами и намѣреніями русскаго правительства, которые роятся въ воображеніи англійскихъ пессимистовъ. Ихъ совѣсть, справедливо укоряемая и угнетеніемъ многочисленныхъ индійскихъ племенъ, и отравою милліоновъ добрыхъ сосѣдей—китайцевъ, постоянно устрашаетъ ихъ грознымъ призракомъ появленія русскихъ въ Индіи. Ни обширныя безводныя степи, ни высящіяся къ небу Гималаи, не могутъ успокоить англичанъ и, волнуемые тревожными опасеніями, они всегда готовы, изъ мнимой возможности войны съ Россіею, возбудить общую европейскую войну.

Политическія отношенія Россіи къ Франціи, въ продолженіе болѣе ста лѣтъ, со временъ императрицы Екатерины II-й понынѣ, весьма часто были враждебны, не смотря на взаимную симпатію русскихъ и французовъ. Причиною тому было вмѣшательство французскаго правительства въ дѣла Польши, совершенно ему чуждыя, и въ восточной вопросъ, не нарушавшій интересовъ Франціи. Подобныя отношенія не говорятъ въ пользу тѣснаго союза Россіи съ Франціею и въ особенности при шаткости французскаго правительства, какъ неизбѣжномъ послѣдствіи внутреннихъ смутъ и потрясеній.

Послѣ всего сказаннаго, очевидно, что, сохраняя миръ и согласіе со всѣми европейскими державами, мы должны преимущественно дорожить союзами съ Германіей и Австріей, какъ такими союзами, которые одни лишь могутъ служить ручательствомъ прочнаго мира въ Европѣ.

Обратимся къ нашимъ военнымъ учрежденіямъ. Si vis pacem, para bellum (ежели желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ)—гласитъ правило народа, обязаннаго своимъ величіемъ оружію, и потому могущаго справедливо подвергнуться укору въ томъ, что всегдашняя готовность его къ войнѣ нерѣдко нарушала спокойствіе его сосѣдей. Дѣйствительно, можетъ случиться, что тотъ, кто увѣренъ въ своей силѣ, не устоитъ противъ искушенія ею воспользоваться для пріобрѣтенія какихъ либо выгодъ: такъ, Фридрихъ Великій, унаслѣдовавъ отъ отца своего благоустроенную армію и значительныя по тому времени денежныя средства, употребилъ ихъ для завоеванія Силезіи. Но, тѣмъ не менѣе, ошибочно поступилъ бы тотъ, кто разоружился бы въ удостовѣреніе своего миролюбія, и какъ ни похвально оно, съ филантропической точки зрѣнія, едва ли подобный образъ дѣйствій могъ бы достигнуть предположенной благой цѣли, а, напротивъ, скорѣе накликалъ бы нападеніе готовыхъ къ войнѣ сосѣдей. И потому, принимая во вниманіе несовершенство человѣчества, должно имѣть соразмѣрныя съ средствами вооруженныя силы и постоянно содержать ихъ въ готовности.

Основаніями вооруженныхъ силъ служатъ хорошія системы набора и комплектованія войскъ. Какъ прямою цѣлью содержанія постоянной арміи есть защита государства, то наилучшею системою набора, безъ сомнѣнія, должна считаться та, при которой въ воинской повинности участвуютъ всѣ, или почти всѣ, граждане, и чѣмъ менѣе допущено исключеній въ призывѣ новобранцевъ, тѣмъ совершеннѣе система набора. Что касается сроковъ службы, то они должны быть установлены сообразно со временемъ, требуемымъ для военнаго образованія людей, и по возможности согласованы съ образомъ жизни и мирными занятіями народа. На счетъ системы резервовъ, полагаю, что она зависитъ отъ раціональнаго рѣшенія задачи: «переходить съ наи-

меньшею тратою времени и денегъ съ мирнаго положенія на военную ногу и обратно».

Вооруженіе войскъ должно быть измѣняемо и улучшаемо, смотря потому, какія измѣненія и улучшенія вводятся въ государствахъ, отличающихся совершенствомъ техническихъ учрежденій. Но не слѣдуетъ гоняться за мелочнымъ подражаніемъ всему вводимому въ иностранныхъ арміяхъ, хотя бы оно и было нѣсколько лучше нашего, потому что всякое нововведеніе по части вооруженія войскъ требуетъ излишнія, не рѣдко напрасныя издержки и не всегда можетъ быть своевременно исполнено.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости военныхъ людей должно быть какъ можно большее облегченіе снаряженія войскъ: каждый лишній фунтъ солдатской ноши, при лишеніяхъ и трудахъ военной жизни, оказываетъ вредное вліяніе на здоровье и духъ войскъ, и потому желательно, чтобы въ снаряженіи ихъ не было ничего лишняго. Къ тому же, при нынѣшней скорострѣльной пальбѣ, весьма выгодно было бы увеличить число патроновъ на счетъ безполезнаго бремени пѣхотинцевъ. По моему мнѣнію, у насъ слѣдовало бы: во 1-хъ, замѣнить наши твердые и неуклюжіе ранцы холщевыми непромокаемыми (форменными) мѣшками, носимыми черезъ плечо, на широкой перевязи изъ мягкой кожи, и, во 2-хъ, отмѣнить каски. На случай усиленныхъ переходовъ и въ ожиданіи боя, полезно было бы складывать солдатскіе мѣшки на особыя повозки, заведенныя съ этою цѣлью при каждой ротѣ.

Одежда солдата, по необходимости, должна измѣняться сообразно времени года и климату страны, служащей театромъ военныхъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить, что хотя введеніе у насъ пальто вмѣсто шинелей послужило къ облегченію солдата на маршѣ, однакоже прежнія шинели, замѣняя на бивуакѣ одѣяла, были, въ этомъ отношеніи, удобнѣе нынѣшнихъ короткихъ пальто. Само собою разумѣется, что, предполагая вести войну осенью и тѣмъ паче зимою, слѣдуетъ заблаговременно запастись полушубками, въ которыхъ у насъ не можетъ быть недостатка.

Продовольствованіе войскъ, въ мирное время, при децентрализаціи военнаго управленія, не можетъ представить важныхъ затрудненій, и въ особенности при поставкѣ провіанта неболь-

шими количествами, что̀ служитъ къ избѣжанію монополіи и стачки подрядчиковъ. Весьма полезно также не заключать долгосрочныхъ подрядовъ: опытъ показываетъ, что подрядчики, пользуясь непомѣрными барышами при неожиданномъ удешевленіи запасовъ, нисколько не стѣсняются, при вздорожаніи ихъ, отказываться отъ исполненія условленныхъ обязательствъ и жертвуютъ внесенными залогами, если считаютъ неустойку для себя выгодною. Въ военное же время, при удаленіи войскъ отъ постоянныхъ магазиновъ и при безпрестанномъ, весьма часто неожиданномъ, передвиженіи частей арміи, продовольствованіе войскъ представляетъ такія затрудненія, что для преодолѣнія ихъ требуется отъ генералъ-интенданта необыкновенная даровитость. Какъ бы ни были смѣтливы подрядчики, они никогда не будутъ въ состояніи удовлетворить нуждамъ арміи во̀-время на каждомъ пунктѣ расположенія войскъ. Лучшій способъ продовольствованія, безъ сомнѣнія—коммисіонерскій; но при такомъ способѣ требуется, чтобы генералъ-интендантъ умѣлъ пріискать добросовѣстныхъ и талантливыхъ чиновниковъ, которые ограничивались бы болѣе скромнымъ вознагражденіемъ, нежели требуемое столь же алчными, сколько и неумѣлыми подрядчиками.

Въ военное время, продовольствованіе войскъ, по возможности, должно соображаться съ обычною пищею солдата, который у насъ предпочитаетъ черный хлѣбъ бѣлому и неохотно довольствуется усиленною дачею мяса при уменьшенной дачѣ сухарей или хлѣба. Необходимо имѣть постоянно въ виду, что разумная, сообразная съ климатомъ страны, гигіена, предупреждая болѣзни, содѣлываетъ излишнею медицинскую помощь. Увеличеніе винной либо чайной порціи, дача уксуса, перца, и проч. приносятъ несомнѣнную пользу; вообще же, въ отношеніи съѣстныхъ припасовъ, не слѣдуетъ много отступать отъ народныхъ привычекъ: гороховая колбаса, бульоны и прочіе консервы едва ли пригодны для русскаго желудка.

Обученіе войскъ въ мирное время должно имѣть цѣлью приготовленіе ихъ къ тому, что̀ потребуется отъ нихъ во время войны. Сообразно тому, въ настоящее время отмѣнены всѣ сложныя эволюціи и эфектные ружейные пріемы, а, при обученіи пѣхоты.

главное вниманіе обращено на мѣткость и живость стрѣльбы. Весьма полезно, чтобы солдаты были пріучены къ употребленію шанцоваго инструмента для сооруженія прикрытій, по возможности, въ кратчайшее время. Кратковременные, но усиленные переходы, не только лѣтомъ, но и зимою, и расположеніе на бивуакахъ въ мирное время служатъ хорошею школою для войскъ. Не менѣе полезны маневры на пересѣченной мѣстности, подобные тѣмъ, которые были произведены графомъ Радецкимъ въ окрестностяхъ Вероны, гдѣ въ послѣдствіи довелось ему дѣйствовать противъ піемонтской арміи; въ особенности же слѣдуетъ упражнять войска въ двухсторонниxъ маневрахъ небольшими частями.

При расположеніи войскъ въ мирное время, должно предпочитать стоянку въ казармахъ постою на квартирахъ у обывателей. Въ наше время, военное образованіе солдата несравненно многостороннѣе прежняго, и потому требуетъ, чтобы нижніе чины постоянно находились подъ наблюденіемъ своихъ начальниковъ. При устройствѣ же военныхъ госпиталей, слѣдуетъ избѣгать казарменнаго расположенія больныхъ, а размѣщать ихъ въ небольшихъ отдѣльныхъ строеніяхъ.

Обозы необходимо устраивать такъ, чтобы они могли двигаться безъ затрудненія по самымъ дурнымъ дорогамъ. Для этого должно принять за правило, чтобы вѣсъ повозки съ кладью не превосходилъ 80-ти пудовъ.

Крѣпости необходимы для увеличенія оборонительной силы государства; но выборъ для нихъ пунктовъ требуетъ большой осмотрительности, потому что, не говоря уже объ огромныхъ издержкахъ на постройку и вооруженіе крѣпостей, еще важнѣе то, что занятіе ихъ гарнизонами ослабляетъ армію, дѣйствующую въ полѣ, а, по взятіи непріятелемъ крѣпости, она доставитъ ему возможность утвердиться въ нашей странѣ. Россія, по обширности, суровому климату и малой населенности, представляетъ почти неодолимыя препятствія вторженію непріятеля: неудачи Карла XII и Наполеона, а равно бездѣйствіе англо-французовъ по занятіи ими Севастополя, убѣдительно доказываютъ, что оборонительная сила Россіи заключается не въ крѣпостяхъ, а въ огромномъ про-

странствѣ и свойствахъ нашей территоріи. Изъ этого не трудно сдѣлать выводъ, что, на западной нашей границѣ, мы должны ограничиваться сооруженіемъ немногихъ первоклассныхъ крѣпостей, съ устройствомъ при нихъ укрѣпленныхъ лагерей, чему способствуютъ отдѣльные форты на значительномъ разстояніи отъ главнаго вала, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужатъ къ охраненію собранныхъ въ крѣпости жизненныхъ и боевыхъ запасовъ отъ дѣйствія непріятельскихъ орудій дальняго бросанія.

М. И. Богдановичъ.

ОТЪ РУЩУКА ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ

1793.

Напечатанный ниже документъ имѣетъ не одинъ только археологическій интересъ. «Описаніе пути» видимо составлено компетентнымъ лицомъ. Дорога изъ Рущука въ Константинополь занимала составителя преимущественно со стратегической стороны. Извѣстно, что сообщеніе Рущука съ Адріанополемъ, такъ внимательно изученное нашимъ чрезвычайнымъ посольствомъ 1793 г., весьма мало измѣнилось съ тѣхъ поръ: остались тѣ же названія деревень, мѣстечекъ, между названными пунктами тотъ же первобытный способъ передвиженія. Правда, Турція цивилизировалась недавно нѣсколькими желѣзными путями, напримѣръ, Рущукъ соединенъ съ Варною, Татаръ-Базарджикъ черезъ Адріанополь съ Царьградомъ,—но линія отъ Рущука до Адріанополя осталась въ прежнемъ видѣ. Мы старались тщательно провѣрить названія мѣстъ, указанныхъ въ рукописи, по послѣднимъ подробнымъ картамъ Балканскаго полуострова, по первой главѣ новѣйшаго сочиненія Иречка о болгарахъ и др. и только въ двухъ—трехъ мѣстахъ замѣтили необходимость исправленій.

Но эта рукопись интересна, между прочимъ, съ исторической стороны. Она наводитъ на мысль, что императрица Екатерина II не покидала намѣренія возобновить войну съ Турціей и послѣ заключенія Ясскаго мира. Несомнѣнно, что вторая изъ Екатерининскихъ русско-турецкихъ войнъ стоила огромныхъ жертвъ и по своимъ результатамъ не могла удовлетворить ожиданіямъ и расчетамъ императрицы [1]). Во всякомъ случаѣ, условія

---

[1]) Кастера, по своему обыкновенію, нѣсколько преувеличиваетъ русскія потери за то время. Онъ опредѣляетъ ихъ приблизительно въ 200 т. человѣкъ и въ 200 милліоновъ рублей издержекъ; сверхъ того, во вторую Турецкую войну мы потеряли въ Черномъ морѣ большой линейный корабль и два фрегата, которыми командовали англійскіе капитаны (Castéra. Hist. de Catherine II. см. VIII, III, 105. И. О.

Ясскаго трактата. заключеннаго послѣ смерти Потемкина, не были особенно блестящи. Безбородко видимо торопился, и 20-го декабря 1791 г. подписали окончательный текстъ договора. Лѣтомъ 1792 года при петербургскомъ дворѣ были заняты выборомъ состава чрезвычайнаго посольства въ Царьградъ для возобновленія давно прерванныхъ дипломатическихъ сношеній съ Турціею. Указомъ отъ 10-го октября 1792 года, полномочнымъ министромъ въ Турцію былъ назначенъ камеръ-юнкеръ Викторъ Кочубей. Кромѣ него, въ чрезвычайные послы мѣтили сперва Павла Потемкина, потомъ Завадовскаго [1]), наконецъ, остановились на генералъ-поручикѣ Михаилѣ Илларіоновичѣ Кутузовѣ. Онъ и Кочубей со всѣмъ составомъ посольства должны были прибыть 1-го марта слѣдующаго 1793 года въ пограничное селеніе Дубоссары, гдѣ имѣли встрѣтиться съ турецкимъ посольствомъ, спѣшившимъ въ Россію [2]). Вѣроятно, нашему посольству было поручено изучить въ военномъ отношеніи дорогу отъ Дуная къ Царьграду на случай движенія 30-ти или 40-ка тысячнаго корпуса. Отвѣтомъ на это порученіе явился печатаемый нынѣ проектъ, составленный подъ руководствомъ Кутузова лицами его свиты. Надо полагать, что подлинникъ хранится въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Нашъ экземпляръ, любезно предоставленный намъ Д. И. Образцовымъ, а имъ самимъ пріобрѣтенный въ одной частной библіотекѣ, переписанъ въ концѣ прошлаго вѣка.

До послѣднихъ дней своихъ, Екатерина II, занятая преимущественно польскими и французскими дѣлами, крайне напуганная успѣхами революціи, не покидала осуществленія грандіознаго «греческаго прожекта». Самую персидскую войну считали началомъ новой турецкой борьбы; говорили, что петербургскій кабинетъ хочетъ принудить Персію къ союзу и втянуть ее въ войну съ Турціею. Въ публикѣ указывали на усиленіе нашего флота на Черномъ морѣ, толковали про передвиженіе войскъ изъ Польши къ Днѣстру, твердили, что Суворовъ съ 70-ти тысячной арміей готовъ кинуться на Дунай. Можетъ быть, Лефортъ правъ, объясняя эти приготовленія на югѣ мѣрами предосторожности [3]), можетъ быть, эти приготовленія дѣйствительно не имѣли наступательнаго характера, но, съ другой стороны, Порта сама давала много поводовъ къ войнѣ своимъ пренебреженіемъ къ условіямъ Ясскаго договора, особенно нарушеніемъ его 4-й и 7-й статей. Въ скоромъ времени «греческое» дѣло становится въ связь съ французскимъ, и восточный вопросъ связывается съ революціоннымъ. Въ февралѣ 1795 года Россія заключаетъ союзъ съ Англіей и Австріей противъ республиканской Франціи, но въ слѣдующемъ 1796 году, по словамъ Кастеры, императрица за свои будущія услуги

---

[1]) Московскія письма въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія къ князю Куракину. «Русскій Архивъ» 1876, № XI, стр. 279.

[2]) Тамъ же, стр. 284.

[3]) Исторія Екатерины II-й, томъ III, 309.

монархической Европѣ требуетъ гарантій противъ Турціи. Она обѣщаетъ союзникамъ 80-ти тысячную русскую армію за англійскія субсидіи, но однимъ изъ условій желаетъ поставить возможное содѣйствіе этихъ державъ, т. е. Англіи и Австріи, противъ Турціи [1]). Но прежде, чѣмъ успѣли оформить эти дипломатическія предположенія, Екатерина II скончалась.

Н. А. Оеокинъ.

Подробное описаніе пути чрезвычайнаго и полномочнаго россійскаго императорскаго посольства, послѣ Ясскаго мира, отъ Рущука чрезъ Шумлу въ Константинополь, въ 1793 году.

Съ военными замѣчаніями о землѣ, съ показаніемъ способа провесть и продовольствовать отъ 30-ти до 40-ка тысячъ войска.

1-й переходъ: отъ Рущука до Черноводъ.

15 верстъ.

Земля—будучи открыта, войско можетъ идти тремя или пятью колоннами, имѣя только одну переправу, чрезъ ручей Батмышъ; но для лучшаго продовольствія надобно оное раздѣлить на два корпуса: одинъ расположитъ свой станъ на высотахъ близь Черноводъ; другой, 5 верстъ далѣе, при Турлакской дорогѣ, между Бузина и ключей того-жъ имени. Въ сихъ двухъ станахъ войско можетъ сутки продовольствоваться; что-жъ касается до воды, оная есть только въ колодезяхъ и ключахъ, кои не такъ изобильны, и потому нужно будетъ наблюдать строгій порядокъ и большую умѣренность въ употребленіи оной. Земля изобилуетъ хлѣбомъ, въ окрестностяхъ довольно дровъ; въ оной двѣ трети жителей болгаръ, а прочіе турки.

2-й переходъ: отъ Черноводъ до Турлака [2]).

25 верстъ.

Оба корпуса выступаютъ въ одно время; стоявшій при Бузинѣ пойдетъ надъ Бизанчи въ деревню Турлакъ, лежащую въ 20-ти верстахъ отъ прежняго стана, а другой идетъ, по лѣвую сторону перваго, на деревню Синюгу, разстояніемъ 15 верстъ отъ

[1]) Castéra, III, 173.
[2]) Туртакъ или Дурлакъ.

оставленнаго лагеря,—лежащія обѣ на рѣкѣ Ломѣ. Земля, будучи перерѣзана буераками и покрыта тернами, не позволяетъ идти одною колонною; каждому корпусу, по сей самой причинѣ, и станы будутъ тѣсноваты; но воды, дровъ и фуража на 24 часа достаточно будетъ. На рѣкѣ Ломѣ мосты хороши, проходы хотя и круты, но не тѣсны. Окрестныя деревни населены болгарами, богатыми хлѣбомъ.

3-й переходъ: изъ Турлака въ Разградъ.

22 версты.

Корпусы опять идутъ порознь, каждый въ одну колонну; турлакскій проходитъ безъ дальняго затрудненія, кусты: покрывающіе горы, раздѣляющія Бѣлый Ломъ отъ Чернаго, направляетъ путь свой на деревню Іозинчу, проходитъ оную лощиною Бѣлаго Лома, приходитъ въ г. Разградъ, перейдя 22 версты. Другой же, оставя Синюгу, проходитъ разстоянія 30 верстъ почти по такой же дорогѣ, и при Разградѣ соединяется съ турлакскимъ. Станъ обоихъ сихъ корпусовъ будетъ предъ Разградомъ на высотахъ Кузчиларъ. Въ водѣ, лѣсѣ и фуражѣ недостатка не будетъ; земля изобилуетъ хлѣбомъ; городъ населенъ болгарами, греками и турками; въ ономъ считаютъ болѣе 1,000 домовъ, и много лавокъ. Въ Разградѣ соединяются всѣ большія дороги окрестныхъ городовъ; по его положенію и способности, онъ удобенъ для сохраненія всякихъ припасовъ, въ то время, когда войско пойдетъ въ Румелію и для обезпечиванія сообщенія онаго съ другими свободнымъ подвозомъ, какъ къ флангамъ, такъ и назадъ къ Дунаю.

4-й переходъ: отъ Разграда до Узуплара.

32 версты.

Войско, выступя изъ стана при Разградѣ, для занятія онаго при деревнѣ Узупларъ, пойдетъ двумя колоннами по широкой долинѣ Бѣлаго Лома, на деревню Натасчики и Козачикларъ; тутъ выходятъ изъ долины, достигаютъ верхи высотъ, ее окружающихъ, идутъ нѣсколько верстъ оными; потомъ спускаются въ долину Раппунара; по сему ручью, близъ Узуплара, на возвышенной и на нѣсколько верстъ открытой равнинѣ, войско мо-

жетъ имѣть наипрекраснѣйшій и всѣмъ изобилующій станъ. Окрестныя деревни богаты хлѣбомъ, изобильны скотомъ и хорошими для паствы лугами [1]).

5-Й ПЕРЕХОДЪ: ОТЪ УЗУПЛАРА ДО ШУМЛЫ.

16 верстъ.

Войско можетъ идти въ Шумлу многими колоннами, или по чистымъ и открытымъ возвышеніямъ, или между оными, всѣ 16 верстъ, до самаго стана, расположеннаго на возвышенной плоскости, окружающей городъ. Шумла лежитъ въ ущелинѣ, окружена высокими и крутыми горами; съ одной стороны къ полю, гдѣ высота отлога, есть ретраншаментъ, которымъ однакоже всѣ стороны командуютъ, да и поле въ такомъ же положеніи, слѣдовательно, для лагеря неудобно. Городъ обширенъ, мѣстоположеніе онаго красиво, въ немъ множество жителей довольно богатыхъ. Войско въ Шумлѣ найдетъ воды хорошія, фуража довольно, дрова хотя и въ 10-ти верстахъ, однакожъ, сады и виноградники, около города лежащіе, на короткое время могутъ замѣнить оныя.

6-Й ПЕРЕХОДЪ: ИЗЪ ШУМЛЫ ДО СМЕДОВА.

25 верстъ.

Изъ Шумлы войско пойдетъ по входу въ Балканъ, проходитъ открытыя мѣста, чрезъ кои протекаютъ малые ручьи, впадающіе въ Акали-Камчикъ; переходитъ оные многими колоннами вбродъ, сравняя немного берега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ колонны. Самъ Акали-Камчикъ неглубокъ, ширина его 4 или 5 сажень, дно имѣетъ изъ дресвы, смѣшанной съ пескомъ; не доходя до Смедова, колонны идутъ вверхъ круто береговаго ручья, и потомъ переправляются чрезъ оный, по портативнымъ мостамъ. Станъ при Смедовѣ какъ покоенъ, такъ и выгоденъ; окруженъ большими деревнями, населенными добрыми и весьма богатыми земледѣльцами, слѣдовательно, недостатка ни въ чемъ не будетъ.

---

[1]) Здѣсь водораздѣлъ системы Дуная и Черноморскихъ рѣкъ.

7-Й ПЕРЕХОДЪ: ИЗЪ СМЕДОВА ВЪ ЧЕЛЫКЪ-КАВАКЪ, МАЛЫМИ БАЛКАНАМИ.

21 верста.

Наканунѣ перехода войско пошлетъ сильный передовой отрядъ къ деревнѣ Баркамъ, и въ то время, какъ оное переходить будетъ Малый Балканъ, передовой отрядъ пойдетъ впередъ для занятія береговъ рѣчки Дели-Камчикъ и высотъ, идущихъ къ Добрали.

Между тѣмъ войско, выступя двумя колоннами, входитъ въ Малый Балканъ. 1-я колонна. составленная изъ пѣхоты и конницы, идетъ тою дорогою, гдѣ шелъ корпусъ россійской арміи въ 1774 году, прямо на Челыкъ-Кавакъ, чрезъ горы, покрытыя большимъ лѣсомъ. 2-я, составленная изъ остальной пѣхоты, артиллеріи и обозовъ, пойдетъ по рѣчкѣ, текущей въ лощинѣ Байрамъ деревни. Сію рѣчку, въ узкой и излучистой лощинѣ, гдѣ оная протекаетъ, переходятъ 18 разъ. остановки же никакой быть не можетъ, ибо вездѣ въѣзды и выѣзды на переходахъ не круты, сама она не глубока, а наносимые быстротою камни легко отбросить можно. Дождливое только время дѣлаетъ переходъ по сей рѣчкѣ весьма труднымъ. Опасно бы было пуститься большею частію войскъ чрезъ дефилею однимъ корпусомъ, и для того нужно раздѣлиться на многіе отряды и проходить сію тѣсную дорогу посредственно. Занявъ станъ при Челыкъ-Кавакѣ, займетъ большія и широкія возвышенія, окруженныя глубокими и крутыми буераками. Дрова, вода и фуражъ тутъ въ изобиліи. Въ деревнѣ считаютъ болѣе 300 домовъ и множество жителей, болгаръ.

8-Й ПЕРЕХОДЪ: ИЗЪ ЧЕЛЫКЪ-КАВАКА ДО ДОБРОЛИ БОЛЬШИМИ БАЛКАНАМИ.

18 верстъ.

Когда войско, переправясь чрезъ Бѣлу-рѣку, приближаться станетъ къ вершинѣ ручья Ери, передовой отрядъ, по занятіи выхода изъ дефилея, пойдетъ по сторонамъ отрядами пѣхоты, (чрезъ) всѣ высоты, на которыя только взойти можно, въ долину Доброли, откроетъ окрестности оной и обозритъ дорогу къ Карнабату.

У ручья Эри входитъ войско въ самое узкое и возвышенное мѣсто дефилея; идетъ симъ ручьемъ 10 верстъ, имѣя въ лѣвой рукѣ крутую и каменистую въ утесъ гору, а въ правой глубокій буеракъ съ стремленіемъ текущаго ручья Эри, не далеко отъ устья онаго въ Деликамчукъ; приближаясь къ Деликамчуку, ручей ея расширяется, войско сходитъ въ оную по крутому спуску и идетъ онымъ до берега рѣчки Деликамчукъ, которую за неимѣніемъ мостовъ переходить можно и вбродъ.

Рѣка Деликамчукъ отдѣляетъ Булгарію отъ Румеліи; ширина оной отъ 10-ти до 15-ти сажень, по большой дорогѣ сдѣланъ чрезъ оную деревянный мостъ. Ежели войско однимъ переходомъ не дойдетъ до Доброли, то оное найдетъ, въ маломъ разстояніи отъ сей рѣчки, въ лѣвой рукѣ, близь деревни Камчикъ-Магалеси, а въ правой—съ версту повыше, выгодныя мѣста для стану.

По переправѣ чрезъ рѣку, дорога идетъ нѣсколько верстъ въ гору, между рѣчки Камчикъ и Мурадеренъ; потомъ спускается на другую сторону отлогимъ скатомъ, гдѣ видно Доброли, небольшую деревню, имѣющую не болѣе 50-ти дворовъ. Войско входитъ въ долину, гдѣ извивается ручей Кереметли, впадающій въ Камчикъ близь деревни Камчикъ-Магалеси.

Противъ Доброли долина имѣетъ только нѣсколько верстъ ширины, но она болѣе расширяется къ Карнабату; станъ при Доброли покоенъ, выгоденъ и всѣмъ изобиленъ, выключая текучей воды, коей здѣсь нѣтъ, а должно будетъ довольствоваться водою изъ фонтановъ. Болгары и турки, довольно богатые хлѣбомъ, оную населяютъ.

9-й переходъ: изъ Доброли до Карнабата.

24 версты.

Войско, выступивъ изъ стана при Доброли, можетъ идти тремя колоннами; передовой же отрядъ наканунѣ пошелъ до Кумарова; первая изъ сихъ колоннъ, составленная изъ части пѣхоты, всей артиллеріи и обозовъ, пойдетъ большою дорогою къ Кумарокой, большой деревнѣ; чрезъ оную ручей того-жъ имени протекаетъ. Другія же двѣ колонны, составленныя изъ конницы и остальной части пѣхоты, идутъ правою стороною по открытымъ и гладкимъ

высотамъ, окружающимъ долину, по коей идетъ сія колонна, держась также на Кумарову. Войско, бывшее до сихъ мѣстъ раздѣлено на два корпуса, близь Кума́рова, на широкой и пространной высотѣ, гдѣ наивеличайшая армія помѣстится, и можетъ соединиться, и построя 5 колоннъ, продолжаетъ путь свой полемъ до деревни Сеймелькъ при рѣкѣ Дермакъ; берега оной и дно топки и болотисты. надобно переходить оную по портативнымъ мостамъ. Станъ войска будетъ между сей рѣчки и Карнабата. Вода, дрова и фуражъ находятся въ изобиліи и близко округа богаты хлѣбомъ; заселена частыми деревнями; въ Карнабатѣ считаютъ до 1,000 домовъ. Отъ онаго до Ахели, ближайшей гавани на Черномъ морѣ—40 верстъ.

10-й ПЕРЕХОДЪ: ОТЪ КАРНАБАТА ДО ГАФТАНА.

25 верстъ.

Отъ Карнабата до Гафтана войско можетъ идти тремя колоннами. Первая, оставя Карнабатъ въ лѣвой сторонѣ, подымется на крутой холмъ, покрытый виноградными садами, идетъ онымъ нѣсколько верстъ, потомъ спускается по такой же крутизнѣ въ лощину и приходитъ въ Каракугальскъ; другія же двѣ правой стороной обходятъ городъ, и, перейдя возвышеніе, имъ командуещее, идутъ на ту же деревню, куда и первая; проходятъ оную, оставляя ее въ правой рукѣ, откуда колонны по гладкой и пахатной землѣ продолжаютъ путь свой вмѣстѣ до возвышенія, гдѣ лежитъ деревня Эвренли; подлѣ оной протекаетъ ручей того же имени; черезъ оный ручей войско переправляется по портативнымъ мостамъ. Окрестности деревни Эвренли хорошо обработаны, войско будетъ имѣть хорошій и во всемъ изобильный станъ; отъ Эвренли колонны сближаются, продолжаютъ путь до самаго Гафтана, подымаясь и спускаясь по холмамъ, то обработаннымъ, то пустымъ. Окрестности Гафтана покрыты рѣдкими кустами.

Станъ на возвышеніи при Гафтанѣ хорошъ на 24 часа; фуражомъ недостаточенъ. Гафтанъ хотя небольшая деревня, но богата хлѣбомъ.

11-й переходъ: изъ Гафтана до деревни Папасъ.

33 версты.

Изъ Гафтана въ деревню Папасъ идетъ нѣсколько верстъ отдѣленнымъ возвышеніемъ, окруженнымъ лощиною, наполненною кустарникомъ. Перейдя оную и ручей, называемый Буга, надобно опять подыматься и тогда придешь въ пространное, негладкое и безводное, покрытое кустами поле, простирающееся до деревни Еникею. По сей дорогѣ, въ правой сторонѣ, видна только деревня Туркманаръ. Войско выступаетъ изъ лагеря при Гафтанѣ двумя колоннами, изъ коихъ одна идетъ на вышесказанную деревню, а другая прямо по большой дорогѣ на Еникею, близь деревни Еникею, между ручьемъ, проходящимъ въ оную, и ручьемъ Ешекли, текущимъ нѣсколько верстъ. Отъ перваго видна возвышенная равнина, весьма удобная для путеваго стана 20-ти или 30-ти тысячамъ войска; фуража мало, а видны только поля, засѣянныя хлѣбомъ.

Отъ Ешекли кустарники начинаются, а поле, подобное прежнему, негладкое и безводное. Въ правой рукѣ отъ дороги, въ 10-ти верстахъ отъ Еникею, видна деревня Базаште, которая отъ Дековею до Туркманара будетъ служить направленіемъ одной изъ колоннъ; за двѣ версты отъ деревни Папасъ-Кіой, переходитъ рѣчку Туншу, имѣющую недалеко оттуда свою вершину; ручей Папасъ-Кіой впадаетъ въ оную 2 версты пониже, при деревнѣ Добружѣ.

Войско при деревнѣ Папасъ-Кіой имѣетъ довольно мѣста для стана. Воды и дровъ достаточно, фуражъ найти можно внизъ по рѣчкѣ Туншѣ; въ правой сторонѣ отъ деревни Папасъ-Кіой, въ 40 верстахъ лежитъ г. Ямполь, а въ 20-ти верстахъ далѣе—Симмія, гдѣ есть оружейный заводъ, славный въ семъ краю.

12-й переходъ: отъ дер. Папасъ до Буюкъ-Дервента.

28 верстъ.

Войско, выступя изъ стана при деревнѣ Папасъ-Кіой, идетъ пятью колоннами около 14-ти верстъ, имѣя только на дорогѣ два ручья, Синердере и Муракдендере, кои безъ нужды переходятъ, сзади немного берега; не подходя къ горамъ близь Кучукъ-Дер-

бента, мѣстоположеніе перемѣняется: тутъ начнутся мѣста каменистыя, скрытыя и наполненныя тернами. Дорога съуживается, пересѣкается глубокими и крутыми лощинами и становится весьма затруднительна; близь Кучукъ-Дербента протекаетъ изобильный ручей, 2 каменные, большіе, хорошіе фонтана. Недалеко отъ сего мѣста можетъ быть выгодный станъ, болѣе нежели на 20 тысячъ войска; фуражъ достаточенъ въ лощинѣ, позади лагеря находящейся. Окрестности Буюкъ-Дербента подобныхъ выгодъ не имѣютъ; много войска помѣстить невозможно по причинѣ, что все сіе мѣсто многими лощинами и глубокими буераками пересѣчено, почему и нужно, чтобы одна часть войскъ осталася въ Кучукъ-Дербентѣ, а другая, взявъ артиллерію и обозы, пойдетъ тремя колоннами къ Буюкъ-Дербенту. Такимъ образомъ артиллерія и обозы съ пристойнымъ прикрытіемъ идти будутъ по большой дорогѣ; конница и пѣхота сдѣлаютъ нѣсколько верстъ обходъ влѣво и, слѣдуя по лощинѣ и по верху возвышеній, придутъ въ лагерь, занятый при Буюкъ-Дербентѣ. Корпусъ, оставшійся въ Кучукъ-Дербентѣ, будетъ слѣдовать на другой день порядкомъ слѣдующимъ.

Въ деревнѣ Кучукъ-Дербентѣ считаютъ болѣе 100 домовъ, а въ Буюкъ-Дербентѣ болѣе 200. Сіи деревни изобильны хлѣбомъ, но фуражомъ и лѣсомъ недостаточны; въ горахъ только растетъ самый мелкій кустарникъ и тернъ.

13-й ПЕРЕХОДЪ: ИЗЪ БУЮКЪ-ДЕРВЕНТА ВЪ АКБУНАРЪ.

17 верстъ.

Мѣсто—будучи пересѣчено маленькими лощинами, ничто не препятствуетъ идти въ Акбунаръ и многими колоннами; двѣ деревни, Хаили и Яныча, встрѣчающіяся войску, идущему по большой дорогѣ, лежатъ въ лощинахъ, имѣющихъ малыя пологости, въ коихъ небольшіе ключи легко могутъ быть обойдены, идучи окруженіями, ихъ возвышающими и окружающими; но какъ по сей дорогѣ до самаго Акбунара войско нужнаго продовольствія имѣть не можетъ, то оно принуждено будетъ неотмѣнно дойти до онаго, и потомъ корпусъ, стоящій при Кучукъ-Дербентѣ, принужденъ перейти 31 версту, отдохнувъ немного и напоя лошадей въ деревнѣ Хаили и Яныче.

Войско, придя къ Акбунару, распространится до деревни Фикель, лежащей въ правой сторонѣ, расположитъ свой станъ такимъ образомъ, чтобъ $^{2}/_{3}$, считая съ праваго фланга, брали воду въ ручьѣ и въ источникѣ деревни Фикеля; а прочіе—изъ фонтановъ Акбунара; для сего лагеря дровъ и фуража будетъ достаточно вдоль по рѣкѣ Туншѣ; жителей вышепомянутыхъ и окрестныхъ деревень добрыя нивы; но хлѣба въ запасѣ не держатъ, ибо городъ Адринополь весь оный скупаетъ.

14-й переходъ: изъ Акбунара до Адринополя.

21 верста.

Сей переходъ можно дѣлать многими колоннами. 5 верстъ не дойдя до Адринополя, дорога пересѣчена рѣчкой, проводя на ней хорошій каменный мостъ, которая бо̀льшую часть года бываетъ суха, а наполняется только въ большіе дожди, и, по причинѣ крутоватаго паденія, скоро стекаетъ въ Туншу; для переправы колоннъ нужно будетъ сравнять крутые берега.

Изъ деревни Фикеля есть дорога въ Адринополь, по коей можетъ идти одна тутъ колонна; она идетъ внизъ по долинѣ Тунши, вдоль берега болотистаго озера. Близъ Адринополя по берегамъ Тунши есть хорошіе и обширные луга, есть поле, гдѣ 50 тысячъ войска могутъ имѣть свободный станъ. Сіе поле обыкновенно служитъ сборнымъ мѣстомъ визирьской арміи.

Въ Адринополѣ болѣе 80 тысячъ жителей; построенъ на покатѣ холма между рѣкъ Марицы и Тунши; окрестности его заняты садами, виноградниками и огородами, въ оныхъ турецкая армія беретъ дрова, коихъ въ семъ мѣстѣ мало. За рѣчкой Марицей мѣста гористы, но плодородны; они доставляютъ бо̀льшую часть съѣстныхъ припасовъ Адринополю; дорога къ Видину и къ Бѣлграду идетъ вверхъ по берегу рѣчки чрезъ Филиппополь и Софію.

15-й переходъ: изъ Адринополя до Кауфсы.

26 верстъ.

Главная адринопольская улица, идущая отъ кладбища вдоль холма, на которомъ городъ построенъ, такъ что ежели во время прохода колоннъ изломается повозка, то оную оттащить некуда,

то, для избѣжанія остановокъ въ походѣ, войско, выступя изъ стана при Туншѣ, пойдетъ двумя колоннами внѣ города (3-я колонна развѣ съ нуждою могла бы пройти между загородками садовъ и виноградниковъ), направляя путь свой на большой выкладенный изъ камня фонтанъ, называемый Кадый-Чесме. Пройдя оный, будетъ ручей, имѣющій вершину свою близь холмовъ, въ лѣвой сторонѣ лежащихъ; отъ онаго идутъ двѣ дороги къ Кауфсѣ, разстояніемъ одна отъ другой не болѣе версты; сіи дороги въ такомъ положеніи продолжаются нѣсколько верстъ по высотамъ. бывшимъ въ лѣвой рукѣ; на оныхъ лежатъ деревни Пазакіой и Скандерскіой; отъ оныхъ склоняясь вправо къ Таянапѣ, за версту отъ Скандерскіой, переходятъ ручей, пересѣкающій обѣ дороги; на каждой изъ оныхъ черезъ ручей есть каменный мостъ.

Не далеко отъ Ампаши, близь Геделери, другой ручей пересѣкаетъ вышесказанныя дороги; чрезъ оный также на каждой есть каменный мостъ; но какъ всѣ сіи ручьи бо̀льшую часть года бываютъ сухи, то войску остановки въ пути причинить не могутъ, и отъ самаго фонтана Кадый-Чесме можно идти столькими колоннами, сколько угодно будетъ.

Пройдя Геделерскіе мосты, войско проходитъ глубокую лощину, называемую Каразатъ, сближаются въ 4-хъ верстахъ отъ Кауфсы, входятъ въ занятый подъ городомъ станъ. На рѣкѣ, протекающей черезъ оный, построенъ весьма хорошій каменный мостъ; грунтъ оной дресвянъ, слѣдовательно можно вездѣ переходить вбродъ.

Въ окрестностяхъ лагеря на сутки фуража довольно будетъ; но въ дровахъ недостатокъ, жители топятъ соломою и бурьяномъ.

16-й ПЕРЕХОДЪ: ИЗЪ КАУФСЫ ДО БАБА-ЕСКИ.

27 верстъ.

Мѣстоположеніе—будучи во всемъ подобно прежнему, войско можетъ идти столькими колоннами, сколько заблагоразсудятъ; войдя въ лощину, называемую Мура-Деренъ, въ лѣвой сторонѣ видна деревня Козомаръ, а въ правой деревня Геникіой; пройдя оную, входишь въ другую, глубже первой, гдѣ течетъ ручей Дери; чрезъ оный есть каменный мостъ; грунтъ его—будучи крѣпокъ,

можно оный переходить вбродъ; не далеко отъ мосту лежитъ деревня Дери-кіой, гдѣ передовой отрядъ можетъ имѣть свой станъ, когда еще все войско будетъ въ Кауфсѣ.

Перейдя р. Дери, войско пойдетъ между деревнями Гаснадаръ и Пуштели на Кауфшецъ; нѣкоторыя колонны пройдутъ оную.

Пройдя сію небольшую деревню, войско продолжаетъ путь свой по лощинамъ Акадикъ и Тшимени, оставляя въ лѣвой сторонѣ деревню Ритялу; пройдя нѣсколько верстъ, приходитъ къ маленькому хорошему городку, называемому Баба-ески, построенному на берегу рѣчки, черезъ которую есть хорошій каменный въ пять сводовъ мостъ; мѣсто подъ городомъ для стана пространно и покойно, воды изобильно, фуражомъ—не очень, дровъ совсѣмъ нѣтъ; окрестности онаго хорошо обработаны, но въ запасѣ-жъ у жителей ничего нѣтъ.

17-й переходъ: отъ Баба-ески до Арава-Бургасъ [1]).

21 верста.

Мѣсто предлежащаго перехода изобильное; хотя по дорогѣ и протекаютъ многіе ручьи, однакожъ пятью колоннами и больше идти можетъ войско, слѣдственно, у лощины Зилиндеръ и Штамболъ-дере; въ послѣдней есть каменный фонтанъ, называемый Алпули-Чесме, приходитъ къ рѣкѣ Алпули-дере; артиллерія и обозы переправятся чрезъ оную по мосту, а прочія по портативнымъ мостамъ, ибо грунтъ сей рѣки не твердъ. По правую сторону Алпули-дере, не далеко отъ деревни того же имени, передовой отрядъ арміи, стоявшій при Баба-ески, можетъ имѣть выгодный постъ. Войско, оставя Алпули-дере и идя лощиною Гари-Чесме-дере, гдѣ есть каменный мостъ, направитъ путь свой между деревни Кери-кіой и хорошимъ каменнымъ фонтаномъ, и продолжая путь между Саридсари и Пулы, переходитъ ручей, имѣющій такое малое теченіе, что вода мѣстами покрыта зеленью; чрезъ оный есть большой мостъ, а въ сухое время, сравняя берега, вездѣ вбродъ переходить можно; отъ сего болотистаго ручья дорога идетъ между деревень Айвалы и Сармуса-

[1]) На нынѣшнихъ картахъ Чаталъ-Бургасъ.

кли; гдѣ ручей Сармуса-кли извивается, войско частью оный переходитъ по деревянному мосту, тамъ находящемуся, частью, сравняя берега, вбродъ; отъ сего ручья до самаго Бургаса идетъ чистое и гладкое поле.

Войско, хотя бы изъ 100 тысячъ состояло, можетъ имѣть свой станъ какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу прекрасной рѣки, протекающей чрезъ Бургасъ; фуража достаточнѣе, нежели въ прочихъ мѣстахъ; по выходѣ изъ Балканъ сіе есть одно мѣсто, имѣющее дрова; въ Араба-Бургасѣ сходятся двѣ дороги двухъ балканскихъ дефилеевъ, одна изъ Праводовъ чрезъ Айдосъ, а другая изъ Медси, одной изъ лучшихъ гаваней Чернаго моря.

18-й переходъ: отъ Араба-Бургаса до Каристрана.

19 верстъ.

Положеніе мѣста не перемѣняется, холмы имѣютъ широкія поверхности, лощины ихъ сухи; войско, будучи принуждено переправляться черезъ три рѣчки, должно имѣть съ собой столько портативныхъ мостовъ, во сколько колоннъ идти будетъ до деревни. Войско, идучи на деревни: Муселимъ, Караталризманъ и Бедиръ, вправѣ переходитъ, оставляя лощины и ручьи Синовъ. Тшамурли-дере и Тшаули-дере и приходитъ на рѣку Алагасъ-дере; оная достойна примѣчанія по двумъ бо́льшимъ и обильнымъ фонтанамъ и по кургану, находящемуся въ двухъ верстахъ отъ оной, съ котораго всю сію страну осмотрѣть можно.

Рѣчка Алагасъ-дере, шириною въ двѣ сажени, весною имѣетъ много воды, а прочее время года посредственно; дно ея дресвяно, вездѣ есть броды; въ двухъ верстахъ отъ дороги, слѣдуя по сей рѣчкѣ, видна деревня Евренъ-Секюсъ; при оной передовой отрядъ войска, стоявшаго при Бургасѣ, можетъ имѣть выгодный станъ для открытія окрестностей до самаго Каристрана.

Оставя Алагасъ-дере, войско переходитъ чрезъ рѣчку Самуштакъ-дере по плотинѣ, сдѣланной во всю ширину лощины; къ оной плотинѣ пристроены два каменныхъ моста и одинъ деревянный, для пропуску прибылой весенней воды и дождевой воды, да также для истекающей изъ болотъ, находящихся вверхъ

по малому Буюндеру. Сіи двѣ рѣчки, легко наводняющіяся, въ двухъ верстахъ отъ дороги впадаютъ въ рѣку Ергину; въ сухое время, сравняя берега, оныя и съ артиллеріею легко переходить можно; чтобъ избѣжать топкихъ мѣстъ, переправляться надобно выше. Отъ сего мѣста войско гладкою степью идетъ къ лощинѣ Пасакіой, имѣющей во всю ширину каменный мостъ; ручей, въ оной текущій, въ сухое время переходятъ вбродъ между Паса-кіой-дере и рѣчки Каристранъ-дере. Въ нѣсколькихъ верстахъ, въ лѣвой сторонѣ отъ дороги, видѣнъ городъ Буюкъ-Каристранъ. Между сими двумя рѣками, какъ въ правую руку отъ Паса-кіой-дере, такъ и въ лѣвую отъ Карштрандеръ, большое войско станомъ расположиться можетъ. Лощины, въ коихъ протекаютъ сіи рѣчки, особливо долина Ергина, изобилуютъ фуражомъ, но въ дровахъ недостатокъ.

Городъ Каристранъ отдаленъ немного отъ рѣчки, имѣющей хорошій, о семи сводахъ, каменный мостъ; кромѣ весны всегда вбродъ ее переѣхать можно; нѣсколько верстъ повыше Каристрана, лежитъ старый городъ и крѣпость Месина; изъ 1,000 домовъ, въ оной бывшихъ, теперь видны только остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ, ее окружавшихъ, и около 80-ти греческихъ домовъ.

19-й переходъ: отъ Каристрана до деревни Чарло.

24 версты.

Отъ сего мѣста до рѣки Ергины, которою войско въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Каристрана безъ препятствія переходить можетъ фронтомъ, ибо земля пересѣкается только сухими небольшими лощинами; примѣчанія достойныя изъ оныхъ суть: Балу, Козлу и Куртъ-дере; рѣка Ергина имѣетъ нѣсколько саженъ ширины, дно ея твердо; выключая весны, всегда оную вбродъ переѣзжаютъ, оставляя въ сторонѣ прекрасный, на 7-ми сводахъ, чрезъ оную сдѣланный мостъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги, на правой сторонѣ лощины Ергины, видна деревня Свендуклы, а на лѣвой—деревни Демоза и Оглазъ; на семъ мѣстѣ не только передовой отрядъ, но цѣлое войско могло-бы имѣть выгодный станъ, если-бы недостатокъ дровъ тому не препятствовалъ.

Отъ Ергины до рѣки Чорлу идетъ чистая степь, пересѣкаемая двумя сухими, неглубокими. но крутосторонними лощинами; рѣка Чорлу, какъ и вышесказанныя, подвержена наводненіямъ; чрезъ оную есть въ 5 сводовъ мостъ, но по твердости грунта безпрепятственно вбродъ переѣзжать ее можно.

Берега рѣки Ергины къ сторонѣ города очень высоки и круты, пониже онаго уменьшаются; впрочемъ, войско тутъ можетъ имѣть хорошій станъ, всѣмъ изобильный, выключая дровъ.

Городъ Чорлу лежитъ на высокой горѣ, имѣющей чрезвычайную крутизну къ сторонѣ Каристрана, но сторона къ Киниглы на великое разстояніе обработана и покрыта виноградниками; кромѣ турокъ, въ ономъ городкѣ есть множество торгующихъ грековъ.

20-й переходъ: отъ города Чорлу до деревни Киниглы.

19 верстъ.

Дорога идетъ по гладкому и крутому мѣсту; войско, оставя станъ при Чорлѣ, можетъ идти многими колоннами; оно идти будетъ около города и виноградныхъ садовъ, оставляя ихъ въ лѣвой сторонѣ; потомъ, спустясь съ крутой горы, войдетъ въ лощину Балакизлы-дере; для удобнѣйшаго входа въ вышесказанную лощину можно спускъ немного сравнять, или отыскать въ сторонѣ по близости лучшихъ спусковъ. Оттуда, до самой деревни Киниглы, войско идетъ степью; на половинѣ дороги, въ нѣсколькихъ верстахъ въ правой сторонѣ, видна деревня Сейменъ, пройдя которую войдешь въ пространную долину, называемую Арапли-дере, гдѣ протекаетъ рѣчка того-же имени; хотя и есть на оной о трехъ сводахъ каменный мостъ, однакоже, исключая весны, всегда вбродъ оную переѣзжать можно. Вверхъ по рѣчкѣ Алпили-дере лежитъ деревня Кимень, а пятнадцать верстъ отъ оной, на берегу Мраморнаго моря, видны остатки города Гераклеи, бывшаго въ древнія времена большаго города; гавань его мала, купеческія суда только приставать могутъ. Въ городѣ теперь не болѣе 100 жителей, турокъ и грековъ. Мѣстоположеніе для стана на берегу рѣки Арапли-дере хотя и хорошо, но во всемъ недостатокъ будетъ, даже и въ соломѣ: тамъ нѣтъ ни жителей, ни скотоводства; въ началѣ весны можно еще на лугахъ косить траву, но лѣтомъ травы отъ солнца совсѣмъ выгораютъ.

21-й переходъ: отъ деревни Кинигли до города Силивріи.

10 верстъ.

Большая дорога отъ Кинигли до города Силивріи идетъ 10 верстъ степью до рѣчки Чоды, при которой передовой отрядъ войска, стоящаго при Кинигли, расположась станомъ, посылаетъ разъѣзды, для обозрѣнія мѣстъ, къ Силивріи. Войско въ пути своемъ къ городу Силивріи идетъ вдоль, подлѣ въ лѣвой сторонѣ лежащихъ возвышеній, гдѣ видѣнъ городъ Чода, при вершинѣ рѣчки того-жъ имени; близь моря на сей рѣчкѣ построены два каменные моста, недалеко одинъ отъ другаго; въ пространной лощинѣ, по коей она протекаетъ, есть другая рѣчка, называемая также Чода-дере; въ верстѣ отъ первой, недалеко отъ моря, имѣетъ также два каменные моста, какъ и первая. Сія общая онымъ двумъ рѣкамъ лощина, по окончаніи своемъ къ морю, имѣетъ низкія и болотистыя мѣста, кои часто потопляемы бываютъ; по сей причинѣ колонны принуждены будутъ приблизиться къ высотамъ для перехода тѣхъ рѣчекъ при ихъ вершинахъ по портативнымъ мостамъ, или, срывъ берега, вбродъ.

Войско, перейдя вышесказанныя рѣчки, идетъ возвышеніемъ, лежащимъ противу Силивріи, коего спускъ въ лощину къ морю весьма крутъ. Въ семъ мѣстѣ каменныя горы приближаются къ морю; не доходя до города, надобно перейти двѣ рѣчки: первая называется Тузлу-дере, на ней мостъ о 32-хъ сводахъ, простирающійся чрезъ всѣ острова и болота, отъ нея происходящіе; при ея небольшомъ устьѣ отъ морскаго волненія сдѣлалась пересыпь, довольно широкая для колонны, изъ двѣнадцати рядовъ состоящей. Другая рѣчка, именуемая Турлакъ-дере, течетъ подъ городомъ, и на ней есть каменный мостъ.

На возвышеніяхъ близь города можетъ расположиться станомъ великое войско. Фуражъ-же только весною имѣть можно, что-же касается до дровъ, то ихъ совсѣмъ нѣтъ, развѣ употребятъ на то сады, коихъ очень много въ окрестностяхъ.

Древній городъ Силиврія построенъ у моря на утесистомъ берегу вышиною до 10-ти сажень; по скату онаго къ полю находится предмѣстье, примыкающее къ самому городу, коего остатки стѣнъ, ... (?) онаго и башенъ еще видны; городъ сей производитъ большой торгъ съ Архипелагомъ.

22-й переходъ: отъ города Силиврiи до Буюкъ-Чекмедже. 29 верстъ.

Войско, идучи многими колоннами, не отдаляясь отъ морскаго берега, переходитъ три ручья, а именно: Муратъ-дере, Кунинъ-дере и третiй, текущiй чрезъ деревню Тепикiой, лежащую недалеко отъ города Карача. Возвышенiя, бывшiя у войска въ лѣвой сторонѣ, сближаются нечувствительно у горъ Камбургазъ—моремъ. Не доходя до сего города, войско переходитъ ручей Буадосъ, имѣющiй болотистое устье, гдѣ построенъ каменный мостъ длиною 200 саженъ; въ верстѣ отъ онаго ручья, на берегу моря, лежитъ мѣстечко Буадосъ или Плеватосъ, имѣющее около 300 домовъ; недалеко отсюда течетъ ручей Шаргеросъ; хотя оный и имѣетъ при устьѣ каменный мостъ, но колонны переходятъ, какъ и чрезъ прежнiе, по портативнымъ мостамъ. Не въ дальнемъ разстоянiи отъ города Камбургаза находится мѣстечко Галосъ. Всѣ сiи слободы неважны.

Окружности сихъ мѣстъ мало обработаны; большая дорога, шириною въ 2 сажени, вымощена, по образцу римскихъ, крупнымъ булыжнымъ камнемъ; но во многихъ мѣстахъ развалилась. Отъ Камбургаза вторично подыматься должно на большую гору, сторона оной къ морю весьма утесиста; пройдя нѣсколько верстъ по большой дорогѣ, оная круто спускается въ лощину Чапли-дере, гдѣ есть каменный фонтанъ; въ правой сторонѣ лежитъ деревня Боклиакiя или, по гречески, Паная; оттуда подымаясь опять и спустясь по не такъ крутому спуску, придешь къ заливу Буюкъ-Чекмедже; на берегу онаго, не доходя до города, есть деревня Каликпалiя. Заливъ входитъ въ землю версты на три, покрытъ многими малыми островами; чрезъ оный сдѣланъ каменный о 28-ми сводахъ мостъ. Близь деревни Бакчи-кiой въ заливъ впадаетъ небольшой ручей. По неимѣнiю прѣсной воды въ деревнѣ Каликпалiѣ, войско станомъ расположиться не можетъ; оно принуждено будетъ, взойдя на возвышенiя близь Камбургаза, идти влѣво и, оставя Буюкъ-Чекмедже 5 верстъ вправѣ, обойти заливъ и занять свой станъ при деревнѣ Бакчи-кiой. Войско, оставя большую дорогу, пошлетъ по оной съ пристойнымъ конвоемъ тяжелый обозъ, который вагенбургомъ расположится при деревнѣ Каликпалiя; еще наканунѣ сего перехода надобно будетъ послать передовой отрядъ и легкiя войска для занятiя высотъ, по ту сторону залива находящихся.

23-й переходъ: отъ Буюкъ-Чекмедже до Кучукъ-Чекмедже, или до деревни Св. Стефана.

24 версты.

Вышесказанный заливъ, входя въ землю, кончится у деревни Турумъ-Бургаза; по сей причинѣ войска должны идти на оную выступя изъ деревни Бакча-кіой, и занять станъ при ручьѣ, впадающемъ въ заливъ. Сей лагерь подобенъ прежнему, ибо дровъ нѣтъ, а фуражъ бываетъ только весной или прежде жатвы.

Передовой отрядъ и обозы идутъ узкою улицей между Буюкъ-Чекмедже, подымаются на гору и потомъ спускаются съ оной по крутой и каменистой дорогѣ въ лощину, называемую Харемъ-дере, гдѣ есть каменный фонтанъ и съ оградой садъ, именуемый Султанъ-харемъ; далѣе течетъ ручей, впадающій въ море между гор.: Ангаріе и Умбарли. Чрезъ оный есть хорошій каменный мостъ; оттуда подымаясь, видна деревня Чартанала—мѣсто, гдѣ передовой отрядъ расположиться можетъ, когда еще все войско будетъ въ Бакча-кіой, а обозы въ Буюкъ-Чекмедже. Между тѣмъ, какъ войско выступитъ къ Турумъ-Бургазу, въ то время передовой отрядъ чрезъ Кучукъ-Чекмедже—къ м. Святаго Стефана и съ нимъ обозы, ибо оные за колоннами полемъ слѣдовать не могутъ и должны идти по большой дорогѣ. Отъ гор. Харемъ-дере мѣсто возвышается; одна сторона покатость имѣетъ свою къ заливу, а другая къ морю и къ вышесказанной рѣчкѣ Харемъ-дере; подымаясь къ деревнѣ Бакча-кіой, въ лѣвой сторонѣ отъ оной при спускѣ лежитъ гор. Эkеносъ, а подъ горой къ Кучукъ-Чекмедже на большой дорогѣ есть фонтанъ; пройдя мостъ, сдѣланный чрезъ острова и заливъ, и прошедъ малый городокъ, надобно подыматься, откуда спуститься по отлогому скату, и, проходя, оставляемъ въ правой малый городокъ Плуріе, а въ лѣвой деревню Сакріоу, также городъ Калутаріе, проходимъ въ Святаго Стефана, деревню, лежащую на берегу Мраморнаго моря.

Передовой отрядъ въ расположенномъ станѣ довольствоваться будетъ водою изъ колодезей и ключей, тамъ находящихся. Войско въ сей землѣ осенью никакъ продовольствоваться не можетъ; ежели можно найти что нибудь, такъ это въ лучшее время года.

24-й переходъ: изъ Урумъ-Бургаза или Святаго Стефана до Константинополя.

10 верстъ.

Передовой отрядъ изъ Св. Стефана въ столицу идетъ пологими лощинами, имѣющими малые ручейки, впадающіе въ Мраморное море. Самая крутая изъ сихъ лощинъ находится при Даутъ-паше, загородномъ султанскомъ дворцѣ. Изъ Азіи всѣ большія дороги будучи вымощены камнемъ, а на лощинахъ, буеракахъ и на протекающихъ рѣчкахъ сдѣланы каменные мосты. Войско, идущее изъ Урумъ-Бургаза, можетъ идти 5-ю и 7-ю колоннами; артиллерія и обозы пойдутъ большой дорогой, а пѣхота, стороной, чрезъ ручьи перейдетъ по портативнымъ мостамъ, конница же переѣдетъ вбродъ, ибо ручьи не глубоки. Передовой отрядъ пойдетъ на возвышенія, лежащія противу Семи-башеннаго замка, а войско, придя къ холму, называемому Малтапе, склоняется влѣво, идетъ по лѣвой сторонѣ онаго къ Уюпу, держась высоты и примыкая правый флангъ къ холму Малтапе, а лѣвый буеракомъ Уюпа. На сихъ высотахъ, простирающихся до Семи-башеннаго замка, расположа свой станъ, запретъ городъ съ сей стороны. Сіе положеніе есть наивыгоднѣйшее, какое только можно найти въ натурѣ. Располежась такимъ образомъ, отрѣжетъ воды, при Бургазѣ и Даутъ-паше текущія, лѣвый его флангъ простираться будетъ до рѣчекъ, называемыхъ Сладкія-воды, впадающія подъ Уюпомъ въ гавань; на берегу оныхъ построекъ кіоскъ или увеселительный дворецъ; въ рощѣ на площади онаго учится по обыкновенію турецкая артиллерія. Изъ вышепомянутой части стана видна будетъ гавань, откуда можно оную бомбардировать чрезъ адмиралтейство и принадлежащія къ оному строеніи; середина и правый флангъ лагеря брать будутъ воду изъ рѣки Бургаза и Даутъ-паше; фуражъ имѣть можно въ лощинахъ, позади лагеря лежащихъ; лѣвый же флангъ найдетъ въ лощинѣ Сладкихъ-водъ. Лагерь командовать будетъ всѣмъ городомъ: мѣсто отъ середины и правой стороны имѣетъ покатость къ городу.

Городъ отъ Уюпа до Семи-башеннаго замка занимаетъ пространство около семи верстъ; онъ обнесенъ каменной древней стѣной съ башнями и закрытъ фосабреею, глубокимъ рвомъ; стѣна одѣта камнемъ, который, какъ башни и фасабрея, идетъ по всѣмъ излучинамъ мѣстоположенія, то подымаясь, то опускаясь. Все сіе укрѣпленіе разваливается, башни растреснулись сверху до низу, зубцовъ большей части нѣтъ, ровъ во многихъ мѣстахъ заваленъ отвалинами башенъ и фосабреи; онъ уже давно употребленъ подъ кладбище, а какъ каждая могила украшена по крайней мѣрѣ двумя кипарисами, отчего и сдѣлался такой густой лѣсъ, что совсѣмъ скрылъ городъ, который только видѣнъ съ поверхности холма Малтапе.

ДЕСПОТЫ ЗЕНОВИЧИ

ВЪ КОНЦѢ XVI И НАЧАЛѢ XVII ВѢКОВЪ.

Сообщаемые ниже документы, относясь въ частности къ роду Деспотовъ Братошинскихъ (изъ Братошина) Зеновичей, касаются вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи взаимныхъ отношеній Москвы и Польши въ концѣ XVI и началѣ XVII-го столѣтій. Кромѣ того, они интересны и для характеристики нравовъ того времени. Такъ какъ событія того времени намъ хорошо извѣстны, то тутъ мы считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ только о родѣ Деспотовъ Зеновичей.

Въ „Русской Старинѣ" о Деспотахъ Зеновичахъ упоминалось нѣсколько разъ [1]). Въ одной статьѣ было сказано „что Деспоты Зеновичи не коренные поляки. Предки ихъ, переселившіеся въ Литву около 300 лѣтъ тому назадъ, происходятъ отъ владѣтельнаго сербскаго дома" [2]). Мнѣніе о происхожденіи Зеновичей отъ сербскаго владѣтельнаго дома очень распространено. Оно повторяется всѣми гербовниками. Папроцкій [3]) говоритъ, что они происходятъ отъ сербскихъ князей, изъ рода которыхъ прибылъ въ Литву одинъ храбрый рыцарь и оказалъ этому новому своему отечеству великія услуги.

Чтобы выяснить себѣ хоть сколько нибудь этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ указать на самое значеніе титула „Деспотъ", который присвоенъ Зеновичамъ. Извѣстно, что въ Византійской имперіи этотъ титулъ принадлежалъ, по преимуществу, принцамъ крови [4]). Такъ, на-

---

[1]) «Русская Старина» 1874 г., кн. X, и 1876 г., кн. I.

[2]) «Русская Старина» изд. 1874 г., кн. X, стр. 316.

[3]) Paprocki. Herby rycerstwa polskiego 1584.

[4]) Сравн., напримѣръ, Bescherelle aîné: Dictionnaire National s. v. Despote: Titre honorifique que les empereurs grecs se réservèrent dans l'origine et qu'ils accordèrent ensuite à leurs fils, à leurs gendres, à leurs parents. D'après un décret d'Alexis III l'Ange, le Despote avait le premier rang après l'empereur; il était audessus du sébaste et du César.

примѣръ, вспомнимъ, что Михаилъ Ангелъ Комненъ Дука († 1214), племянникъ Исаака II, дѣлается въ 1204 г. родоначальникомъ Эпирскихъ деспотовъ [1]). Сербскій царь Стефанъ Душанъ († 1355), принявъ въ 1346 году титулъ императора греческаго, сталъ заводить у себя и греческіе порядки, въ числѣ которыхъ было и раздѣленіе государства на нѣсколько деспотій [2]). Съ этого времени Душаново царство распалось на столько-же отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княжествъ и уже первый его наслѣдникъ на царскомъ престолѣ очутился съ фиктивною властью. Да и само царское званіе недолго удержалось. Стефанъ Лазаревичъ (1389—1427) правитъ съ 1406 г. Сербіею уже съ титуломъ деспота, который и удерживается его преемниками до самаго паденія Сербіи, 1459 [3]).

Въ Литвѣ этотъ титулъ принадлежитъ Зеновичамъ. Папроцкій не говоритъ кто это былъ этотъ храбрый рыцарь предокъ Зеновичей, чей онъ былъ сынъ и изъ какой мѣстности въ Сербіи пришелъ онъ въ Литву. Это подало поводъ къ разнымъ догадкамъ. Болѣе всего распространено мнѣніе, что Деспоты Зеновичи происходятъ по прямой линіи отъ сербскихъ владѣтельныхъ князей. Въ подтвержденіе этого говорятъ, что сербскій деспотъ Юрій (Бранковичъ) удалился изъ Сербіи къ польскому, венгерскому и чешскому королю съ шестью стами человѣкъ конницы и передалъ его власти свое деспотство. Въ основѣ этого разсказа лежитъ передача венгерскому королю Бѣлграда Юріемъ въ 1434 году. Самый, значитъ, фактъ передается невѣрно, разсказъ-же заимствованъ у поздняго писателя (Tubero Dalmata comen. de suis tempor.). Кромѣ того, въ то время (1434) венгерская, польская и чешская короны не были въ однѣхъ рукахъ—Владиславъ Варненскій только въ 1440 г. сдѣлался королемъ венгерскимъ. Да и къ началу XV столѣтія Зеновичи уже были въ Литвѣ. Можно, конечно, съ большею правдоподобностью предположить, что Зеновичи происходятъ отъ одного изъ удѣльныхъ князей Сербіи—деспотовъ. Можно даже указать на городъ Зеново въ Этоліи, въ окрестностяхъ Янинѣ, въ которой прави-

---

[1]) Annales acropolitae. Бонн. изд., стр. 8.

[2]) Брату своему Симеону, напримѣръ, далъ Этолію съ титуломъ деспота; Вуку и Лазарю Бранковичамъ—придунайскія области.

[3]) Въ польскомъ словарѣ Линде приведены для объясненія слова деспотъ слѣдующія любопытныя цитаты изъ Пимина: Serbscy książęta despotami się nazywali, a słówko despota po polsku znaczy pan, po słowiansku władyka. (Сербскіе князья назывались деспотами, и слово «despota» по польски значитъ панъ, по славянски владыка). Или изъ Гваньини: Despot prawdziwy był wygnan od Wołochow, a na to miejsce przyjęli Alexandra za hospodaru swego. (Истинный деспотъ былъ волохами прогнанъ, а на мѣсто его приняли господаремъ Александра). (Linde s. v. Despota).

телемъ былъ въ XIV столѣтіи Ѳома Прилуповичъ [1]) (1367—1385), назначенный туда деспотомъ Влахіи и Этоліи Симеономъ, братомъ Стефана Душана. Но все это не объяснитъ намъ, почему Зеновичи называются Деспотами Братошинскими (изъ Братошина).

Братошина нѣтъ ни въ Литвѣ, ни на Руси, между тѣмъ какъ въ Молдавіи встрѣчаемъ не разъ такія названія какъ Ботушани, Ботошаны, Братушани, даже и фамилію Братушины. Извѣстно, что молдавское воеводство, основанное въ шестидесятыхъ годахъ XVI-го столѣтія сербскими выходцами (Драгошъ), было постоянно подъ польскимъ вліяніемъ. Вскорѣ послѣ основанія католическаго епископства въ Серетѣ (1371) [2]), былъ здѣсь епископомъ полякъ Андрей Василько, который въ 1383 г. переведенъ на Виленскую каѳедру [3]). Между тѣмъ по гербовникамъ (Каяловичъ, Яблоновскій, Окольскій), предокъ Зеновичей былъ братомъ молдавскаго воеводы и вмѣстѣ съ нимъ правилъ. Во время-же нашествія Тамерлана на Бессарабію (1395) онъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ и остался. Отсюда является вѣроятное предположеніе не былъ-ли предокъ Зеновичей деспотомъ въ Братушанахъ, во второй половинѣ XIV столѣтія [4]).

Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, хотя нельзя вполнѣ отвергать и перваго. На сторонѣ мнѣнія о происхожденіи Зеновичей изъ Сербіи, черезъ Молдавію, стоятъ и преданія гербовниковъ, которыхъ нельзя не принимать при этомъ въ расчетъ. Можетъ быть, открытіе новыхъ источниковъ и болѣе тщательная разработка старыхъ дадутъ новыя подтвержденія ихъ свидѣтельствъ. Вопросъ этотъ важенъ для исторіи взаимныхъ отношеній Литвы и Польши съ южными славянами [5]).

---

[1]) Его отцу по надѣлу Стефана Душана досталась Влахія. (Эпирская лѣтопись, § 2—17, цитата у Макушева—о славянахъ въ Албаніи, стр. 47).

[2]) Сравн. Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 389.

[3]) См. Niesiecki Herbarz, т. I, стр. 98, изд. Бобровича.

[4]) Это мнѣніе было высказано и въ «Львовской газетѣ» за 1874 г. № 221. Г-нъ Прозоровскій, описывая хранящуюся въ Императорской академіи художествъ. доску, на которой вырѣзаны гербы нѣкоторыхъ польскихъ фамилій, говоритъ, что въ ряду XX, на сторонѣ А, видимъ: «Крестъ, утвержденный на дугѣ, упирающейся въ края щита». Въ гербѣ Зеновичъ или Деспотъ (Zenowicz, Des pot)—«дуга на рисункѣ не упирается въ края щита, а крестъ находится надъ дугою, хотя въ описаніи и говорится, что крестъ на вершинѣ дуги (половина кольца); это гербъ молдавскаго деспота Зеновича, прибывшаго въ 1390 году къ Витовту» (Лакіеръ, стр. 429). (Прозоровскій. Коллекція хранящихся въ Импер. ак. худож. гравюръ на мѣди. Спб. 1872 г., стр. 107).

[5]) Намъ сообщали, что въ настоящее время надъ этимъ вопросомъ работаетъ заграницею Левъ Деспотъ Зеновичъ.

Какъ бы то, однако, ни было, переселились-ли предки Зеновичей въ Литву прямо изъ Сербіи, или побывали прежде въ Молдавіи, останется несомнѣннымъ одно—что княжескій титулъ Зеновичей „Деспотъ" имѣетъ свое начало еще въ Византійской имперіи [1]).

Въ Литвѣ Зеновичей встрѣчаемъ уже въ началѣ XV столѣтія. Папроцкій говоритъ, что Витовтъ, во вниманіе къ заслугамъ Зеновича, даритъ ему громадныя помѣстья, простирающіяся на протяженіи пятидесяти миль. Дарственная грамота въ подлинникѣ до насъ не дошла, но мы имѣемъ ея списки и свидѣтельства о ея существованіи въ началѣ XVII столѣтія. Брестскій воевода Христофоръ Зеновичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи (1611 г.) говоритъ, что въ числѣ оставляемыхъ имъ сыну грамотъ находится привиллегія Витовта на владѣніе сказанными имѣніями. Писана она на пергаментѣ, къ ней приложена княжеская печать, а на ея оборотѣ—частная Витовта [2]). Въ Ошмянскихъ земскихъ актахъ сохранилась запись, что эта привиллегія была предъявляема въ подлинникѣ въ 1626 года. Въ этой-же привиллегіи сказано, что всѣ перечисленныя тамъ помѣстья, занимающія громадное пространство между Припетью, Дисною и Мыссою, были прежде дарованы Ягеллою отцу Зеновича, а теперь только подтверждаются сыну права на эти имѣнія. Такимъ образомъ имѣемъ уже прямое свидѣтельство, что Зеновичи были въ Литвѣ по крайней мѣрѣ въ началѣ XV столѣтія, ежели даже не въ концѣ XIV-го.

Послѣ богатаго надѣла, сдѣланнаго Витовтомъ, Зеновичи владѣютъ такими помѣстьями, которыя дѣлаютъ ихъ одними изъ самыхъ вліятельныхъ вельможъ Литвы. Начиная съ XV столѣтія, не проходитъ ни одного болѣе важнаго событія, въ которомъ бы не участвовалъ кто нибудь изъ Зеновичей. Въ 1442 г. отряды Зеновича и Радзивилловъ составляютъ главный контингентъ литовскаго войска въ войнѣ съ Москвою. Здѣсь распорядительность гетмана Кишки и Зеновичевы отряды дали Польшѣ возможность преодолѣть непріятеля, превышающаго численностью [3]). Въ томъ-же столѣтіи мы встрѣчаемъ еще нѣсколько разъ Зеновичей въ сношеніяхъ съ Москвою. Такъ, въ 1495 г. Юрій Зеновичъ, намѣстникъ браславскій, вмѣстѣ съ виленскимъ воеводою, отправлены

---

[1]) Въ русской печати намъ не разъ приходилось встрѣчать фамилію Зеновичей, написанную «Деспотъ-Зеновичъ». Такое правописаніе неправильно и, вѣроятно, основано на предположеніи, что это двойная фамилія, или что «Деспотъ» это—прозвище въ родѣ, напримѣръ, Дунинъ-Борковскій и др.

[2]) Круповичъ. Собр. актовъ. Вильно. 1858, стр. 58.

[3]) Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska. Изд. 1846 г., т. II, стр. 211.

послами за Еленою, обрученною съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ [1]).

Въ 1499 г. Николай Зеновичъ былъ убитъ у Ведроши въ несчастномъ для четырехтысячнаго литовскаго войска сраженіи съ сорокатысячнымъ московскимъ войскомъ [2]).

Дѣятельность Зеновичей усиливается съ началомъ XVI столѣтія. Въ этомъ столѣтіи не встрѣчаемъ уже ни одного члена этого рода, который-бы не оказалъ услугъ отечеству. Многихъ изъ нихъ встрѣчаемъ въ числѣ сенаторовъ государства; въ болѣе трудные моменты Зеновичи являются необходимыми дѣятелями. Въ это время выдвигаются на первый планъ двѣ замѣчательныя личности—отецъ и сынъ, Юрій и Христофоръ Зеновичи. Мы приводимъ здѣсь духовное завѣщаніе перваго изъ нихъ, документъ еще не обнародованный до сихъ поръ, а между тѣмъ очень важный. Не говоря уже о томъ, что онъ является матеріаломъ для внутренней исторіи Литвы, благодаря ему мы можемъ исправить ошибку, сдѣланную извѣстнымъ историкомъ протестантства въ Литвѣ, Лукашевичемъ [3]).

По мнѣнію Лукашевича, только Христофоръ Зеновичъ присоединился къ протестантамъ. Между тѣмъ, изъ завѣщанія Юрія ясно видно, что уже и отецъ его былъ горячимъ поборникомъ ученія Кальвина. Это, въ свою очередь, указываетъ, что протестантство въ первой половинѣ XVI-го столѣтія въ Литвѣ было болѣе распространено, чѣмъ до сихъ поръ полагалось.

Но Юрій Зеновичъ не однимъ своимъ участіемъ въ протестантизмѣ отмѣтилъ свое существованіе. Въ 1559 году, во время извѣстныхъ замѣшательствъ съ Ливоніей, когда магистръ Ливонскій отдалъ Польшѣ шесть укрѣпленныхъ замковъ, Юрій Зеновичъ вмѣстѣ съ Яномъ Ходкевичемъ назначены начальниками надъ войскомъ, отправленнымъ для занятія замковъ. До насъ дошла инструкція, данная Ходкевичу и Зеновичу; она во многихъ отношеніяхъ весьма интересна и мы приводимъ ее подъ № I-мъ.

По исполненіи порученій въ Ливоніи, Зеновичъ участвовалъ въ битвѣ съ Москвою на р. Улѣ, которая случилась вскорѣ послѣ взятія Полоцка. Тутъ онъ выставилъ 200 человѣкъ кавалеріи. Такое-же число прислали и другіе знатнѣйшіе вельможи того времени—Ход-

---

[1]) Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska. Изд. 1846 г., т. II, стр. 497. С. М. Соловьевъ въ своей исторіи (т. V, стр. 139) не называетъ его фамиліи и прямо говоритъ панъ Юрій, намѣстникъ браславскій.

[2]) Ibid., стр. 310.

[3]) Lukaszewicz. Dzieje kościoła helweckiego w Litwie. т., II, стр. 78.

кевичъ, князь Вишневецкій, Збаражскій, Соколинскій и другіе [1]. Года четыре послѣ того, тотъ же Юрій, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, отразилъ нападеніе Москвы у Лепля. Кромѣ этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ дѣлъ, Юрій Зеновичъ отличался какъ одинъ изъ лучшихъ каштеляновъ; въ его рукахъ были каштеляніи Полоцкая и Смоленская, которыя долгое время оставались въ рукахъ его семейства. Дочь его была замужемъ за княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, дядею извѣстнаго князя Адама; король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій былъ ея правнукъ по прямой линіи.

Сынъ Юрія получаетъ послѣ отца староства Пропойское и Чечерское; кромѣ того онъ получаетъ и воеводское кресло въ Брестѣ. Высокое его положеніе въ государствѣ и родственныя связи его съ Вишневецкими выдвигаютъ Христофора Зеновича на первый планъ въ смутное время въ Россіи. По появленіи перваго самозванца, Сигизмундъ III-й не знаетъ самъ, что̀ дѣлать, и посылаетъ къ Брестскому воеводѣ письмо, прося его совѣта. Въ письмѣ этомъ много интересныхъ подробностей. На него въ свое время обратилъ вниманіе Н. И. Костомаровъ [2]). Въ немъ ясно рисуются тѣ идеи, которыя волновали тогдашнее польское правительство, равно какъ и сообщаются нѣкоторыя данныя, которыя знакомятъ насъ съ мнѣніями того времени о самозванцѣ. Въ виду большаго интереса, представляемаго этимъ письмомъ, мы приводимъ его подъ № II А.

Дошло до насъ и другое письмо того-же короля къ Христофору, въ которомъ король проситъ его совѣта на счетъ предполагаемаго имъ брака съ австрійскою принцессою. Каковы были отвѣты Зеновича на эти письма—мы не знаемъ.

Эта личность представляется намъ одною изъ самыхъ свѣтлыхъ того времени. Для характеристики его, а также нравовъ того времени, весьма любопытно духовное завѣщаніе воеводы, напечатанное въ пятидесятыхъ годахъ Круповичемъ въ Собраніи Актовъ (стр. 48—56). По этому завѣщанію мы можемъ хорошо возстановить образъ этого сенатора. Унаслѣдовавъ отъ отца обширныя имѣнія, онъ обращалъ свое состояніе на дѣла общественныя и государственныя. Онъ является не только однимъ изъ ярыхъ поборниковъ протестантизма, но и покровителемъ и любителемъ наукъ. Какъ протестантъ, онъ не знаетъ примиренія съ другими исповѣданіями, онъ умоляетъ своихъ дѣтей оставаться вѣрными истинному ученію. „Прошу,—говоритъ онъ,—

[1]) Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska. Изд. 1846 г. Варшава, т. II-й, стр. 416.

[2]) Смутное время. Т. І-й, стр. 81, 83, 109, и «Русск. Стар.» 1876 г., № 1-й, стр. 5-я.

моихъ любезныхъ дѣтей, во имя Бога живаго, подъ страхомъ вѣчной погибели, и приказываю, и увѣщеваю никогда не отступать отъ истиннаго слова Божія". Въ другомъ мѣстѣ, сдѣлавъ исповѣданіе вѣры въ кальвинистскомъ духѣ, прибавляетъ: „Исповѣдуя эту вѣру, высказанную въ собственноручномъ завѣщаніи, прошу покорно мою любезную супругу, сына моего Николая и слугъ моихъ, дабы — когда Іегова, отеческій Богъ мой, соблаговолитъ позвать духъ мой въ царствіе свое святое,—грѣшное тѣло мое было похоронено въ склепѣ новой каменной церкви, безъ всякихъ торжественностей и издержекъ, запросто, по христіански. Притомъ, пусть пригласятъ много почтенныхъ особъ и братьевъ, равно какъ нищихъ и калѣкъ". Особенно его озабочивала Сморгонская церковь, построенная его отцомъ. Перечисливъ всѣ свои пожертвованія для нея, онъ такъ гарантируетъ её отъ закрытія или передачи другому исповѣданію. „Кто-бы изъ моихъ потомковъ,—отъ чего упаси Боже,—или кто нибудь другой, не смотря на это мое завѣщаніе, задумалъ посягнуть на Сморгонскую церковь (во имя Іеговы отеческаго Бога нашего посвященную), отнять ее (отъ кальвинистовъ) и взять подъ свою власть, дабы отдать въ пользованіе иной религіи, того призываю на справедливый и суровый судъ Бога; съ нимъ, надѣюсь въ Божеское милосердіе, меня разсудитъ самъ нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, и защититъ въ этомъ мірѣ свою пресвятую славу" [1]).

Церковь эта, какъ содержащая въ своихъ склепахъ останки цѣлаго рода, пользовалась особеннымъ вниманіемъ воеводы. Не смотря на это, онъ не забывалъ и другой, построенной имъ самимъ, въ мѣст. Глубокомъ, нынѣ принадлежащемъ князю Витгенштейну, расположенномъ въ Минской губерніи. Лукашевичъ [2]) только слыхалъ, что въ какомъ-то Глубокомъ, въ Литвѣ, была церковь кальвинистскаго толка, но кѣмъ и когда основана—не знаетъ. Изъ завѣщанія-же видно, что она основана въ концѣ XVI-го столѣтія Христофоромъ Зеновичемъ. „Также,—говоритъ Зеновичъ,—прошу супругу и сына моего Николая и его потомковъ, во имя Бога живаго, дабы не только въ Сморгоняхъ, но и въ Глубокомъ, въ церкви, т. е. домѣ Божіемъ, домѣ молитвы, постоянно держали хорошаго, умнаго и образцоваго священника".

---

[1]) Сморгони—мѣстечко Виленской губерніи. Въ упомянутой церкви помѣщались фамильные гробы Зеновичей. Въ настоящее время отъ нихъ остался одинъ только надгробный камень отъ 1606 года. Надпись на немъ латинская: Jehova In te domine speravi et non confundar in aeternum Chr. Zenow. Церковь изъ диссидентской была обращена въ католическую, а нынѣ въ православную. Сморгони-же, въ послѣдствіи, перешли къ Радзивилламъ, какъ приданое за Софіей Зеновичъ.

[2]) Łukaszewicz. Dzieje kościoła Helweckiego w Litwie. т. II-й, стр. 16-я.

Кромѣ церквей, Христофоръ заботился во время жизни и о школахъ. Поэтому, не желая оставить ихъ безъ попеченія послѣ смерти онъ приказываетъ сыну, „дабы баккалавры in artibus liberalibu были хорошо свѣдущи, какъ въ Сморгоняхъ, такъ и въ Глубокомъ и это для упражненія дѣточекъ, о которыхъ должны серьезно заботиться и воспитывать".

Какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ съ особенною любовью собиралъ книги, особенно богословскаго содержанія. Въ своемъ завѣщаніи онъ особенному попеченію сына предоставляетъ этотъ свой „клейнодъ". „Библіотеку, какую мнѣ при жизни удалось собрать,—пишетъ Христофоръ,—оставляю тебѣ, Николай, сынъ любезный, и твоимъ потомкамъ, какъ величайшую драгоцѣнность. Прошу тебя не разбрасывать ея, но, дастъ Богъ, и увеличивать и всегда держать въ одномъ мѣстѣ, въ Сморгоняхъ, при каменной церкви, гдѣ я устроилъ библіотеку". Кромѣ того, онъ увѣщевалъ сына не раздавать книгъ и даже не давать для чтенія. Это довольно любопытная черта, рисующая намъ тогдашніе порядки на счетъ книгъ.

Помня преданія своего рода о любви къ отечеству, зная о подвигахъ своихъ предковъ и самъ участвуя въ защитѣ отечества, онъ говоритъ своему сыну: „Сынъ мой любезный, Николай, мнѣ кажется, что не достаточно того, что я оставлю тебѣ мою вотчину и имѣнія честно пріобрѣтенныя, слѣдуетъ мнѣ еще, какъ отцу, указать тебѣ и на то чтобы ты, послѣ Іеговы, отеческаго Бога нашего, живя честно въ этомъ мірѣ, любилъ республику—мать свою, pro qua mori et cui nos totos dare, et in qua omnia nostra ponere, et quasi consecrare debemus. Объ этомъ прошу тебя, сынъ мой, и потомковъ твоихъ во имя Бога живаго, ut vox vestra pii candoris in patriam index былъ, aeque enim virtutis est, et bona patriae auxisse et mala in se transferri voluisse. Въ этой республикѣ предки твои и я самъ, вмѣстѣ съ тобою, родились и какъ сыновья ей служили. Я прежде всего молился Іеговѣ за нее, прося, дабы соблаговолилъ въ милосердіи своемъ ее увеличивать, защищать и охранять".

Сынъ Христофора, Николай, не преминулъ послушаться этихъ совѣтовъ своего отца. Въ семь лѣтъ по смерти отца, онъ съ своими отрядами участвовалъ въ извѣстной Хотинской войнѣ. Во время битвы онъ стоялъ на лѣвомъ крылѣ, вмѣстѣ съ отрядами Опалинскаго и Сапѣги. Въ рѣшительный моментъ онъ не замедлилъ показать свое геройство и этимъ повліять на ходъ битвы. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Собѣсскій: „Николай Зеновичъ, каштелянъ Полоцкій, начальникъ одного отряда, мужъ славный по происхожденію и лично много заслужившій республикѣ, впалъ въ средину врага

въ то время, когда слабо завязанный шлемъ упалъ у него съ головы. Окруженный со всѣхъ сторонъ турками, которые наносили ему со всѣхъ сторонъ удары, онъ былъ изрытъ многочисленными ранами. Когда-же, по обращеніи турокъ въ бѣгство, онъ, израненный двадцатью ранами, чуть живой былъ привезенъ на телѣгѣ въ лагерь, то скончался на третій день, оставивъ великую славу своего имени" [1]).

Дочь Николая, Софія, уже послѣ смерти отца (1628 г.), вышла замужъ за Альберта Радзивилла, внеся ему, какъ приданое, Сморгони, Глубокое и Бѣлицу [2]).

Мы далеко-бы зашли за предѣлы объяснительной замѣтки къ сообщаемымъ нами документамъ, еслибы стали подробно разсматривать исторію этого рода до нашего времени. Наши документы относятся къ двумъ членамъ этой фамиліи; на нихъ-то мы и остановились, сдѣлавъ предварительно замѣтку объ ихъ предшественникахъ. Да при томъ мы имѣли въ виду только тѣхъ лицъ, о которыхъ уже упоминала „Русская Старина".

Въ заключеніе мы считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу благодарность Александру Ивановичу Деспоту Зеновичу, обязательно сообщившему намъ нѣкоторые документы, касающіеся исключительно описанныхъ нами лицъ.

С. Л. Пташицкій.

I.

Инструкція, данная Яну Ходкевичу и Юрію Зеновичу для занятія Ливонскихъ замковъ.

(Acta Mag. Duc. Litv., въ Метр. Лит. № 37, листъ с҃чд).

Вся отъправа с которою стольникъ панъ Янъ Ходкевичъ а державца чечерскій и пропойскій, панъ Юрей Зеновъевичъ до Инфлянтъ отправлены. То естъ наука тайная.

Наперъвей абы они, такъ в тягненъ и яко и на местъцы, во всихъ служъбахъ Его Королевъское Милости зголливе служыли порозумеваючысѧ зъ собою, а вкаждыхъ справахъ поступовали и заховалися, однакимъ зволенъемъ справуючисѧ.

А отъ попису Панове гетманове маютьсѧ стягнути до Друи и естълибы ведомость ихъ зашла отъ посланцовъ Его Королевское Милости же нехотятъ замковъ поступовати Инфлянты безъ заплаты имъ, тогды на Друи, маютьсѧ положити, и ждати науки отъ Его Королевское Милости. Естъ-

---

[1]) Sobieski. Commentariorum Chotiniensis belli libri tres. Dantisci MDCXXXVI, стр. 94.

[2]) Портретъ ея помѣщенъ у Иверсена: Icones Familiae-Ducalis Radivilianae. Спб. 1875 г.

либы тежъ поступовали ино обеюмъ имъ тягнути до Дуномъборку, и тамъ Старосту оставившы самымъ тягнути на замъки назначоные — Пану стольнику на Люценъ, а пану Зеновъевичу на Розытенъ. А тамъ же в Бовску ездные и пешые розложатъ, где кому назначено лежати.

Еже и в замъцехъ порозну мешкаючы, у великихъ а важныхъ речахъ одинъ з другимъ панове гетманы, зъ собою порузумевати и справовати будуть, пильность у службахъ Его Королевское Милости чинечи. А замъковъ и волостей ку тымъ замъкомъ Его Королевское Милости поданыхъ и прыслухаючихъ, стеречи, и боронити за Божоею Помочъю мають водле набольшого преможеньѧ, а не допустити непрыятелю ничимъ ушкожати.

А естьлибы отъ Инфлянтовъ, напоминаны были ку якой потребе з ними стягнутисѧ зъехавшы зъ замъку. Ино паномъ гетманомъ, старостамъ и ротмистромъ нельзѧ в небеспечности замъковъ, злаща такъ неоправеныхъ отъеждчати кромъ науки господарское, и тую прычыну же спустошалые замъки оставили взявшы передъ себе имъ озноимѧть. А до господара его милости по науку писати будуть, которая имъ отъ господара его милости в борзде дойдеть. А того арътыкулу панове гетманове никому не мають открывати, только сами одны уведомости мають.

Сторожу часу небеспечности отъ непрыятеля на границахъ держати, а за границу в землю непрыятельскую, ани сторожъ, ани пицовникъ, ани тежъ войною, жадинъ з людей Его Королевское Милости, абы вторгнути не смелъ, подъ послушенствемъ повинности подданства, а хотябь: на сторожу люди непрыятельские приходили, а стискати сторожу у границахъ Его Королевское Милости хотели, тогды уеждчати и входити мають, до замъковъ Его Королевское Милости. И алижъ за гвалтомъ боронитисѧ, бо много на томъ где непрыятель Сторожа можеть у везенье взяти; а звлаща початку ку нарушенью перемирья, абы люди Его Королевской Милости зъ себе недавали. Того панове гетманове, пильно стеречи, и росказывати мають стеречи всимъ Его Королевское Милости подданымъ.

А где бы малые люди непрыятельские в землю упали, хотечы шкоду чинити, тогды и таковыхъ только у границахъ Его Королевское Милости успирати и далей за границу безъ воли и науки Его Королевское Милости не мають ходити; але о томъ естьли непрыятель уторгненъемъ в панство перемиръе уздрушаетъ, мають панове гетманове Его Королевъское Милости ознаимити, а Его Милость Господаръ дати рачить науку яко имъ поступовати.

А гдыбы непрыятель подъ законъ прытягнулъ, або обогналъ и облегъ, тогды одинъ другому панове гетманове могутъ ли, мають посилокъ и ратунокъ вчинити людми, розумеючи часу и потребе, ведже такъ якобы свой замокъ, добре опатроный и осажоный зоставилъ. Такъ же и ротмистрове могутъ чинити за написаньемъ пановъ гетмановъ, подъ которого справою

хто єсть, а панове гетманове то опатровати будуть осторожне маючи бачность на подступную справу непрыятельскую. А яко гетманове, такъ старостове и ротмистрове мають боронити замъковъ, и всего што властне есть Его Королевское Милости до набольшого преложенья, гдыжъ то ихъ верезлецоно.

Часу гвалтовное налоги, або объляженья отъ непрыятеля где зъ замъку до пановъ гетмановъ менованыхъ не можетъ дати ведати, тогды ку Его Королевской Милости маетъ быти послано даючы ведомость, а самымъ старосте, ротмистру и всему рыцерству мужне а стале застановлятися, яко цнотливымъ и вернымъ подданымъ належить ожыдаючи науки и ратунку отъ Его Королевской Милости.

II.

Письма короля Сигизмунда III Брестскому воеводѣ Христофору Зеновичу.

(Рукоп. отд. Императорской публичн. библ. Коллекція автографовъ и грамотъ, № 63. Lettres et rescripts originaux de Sigismond III roi de Pologne. Т. II, стр. 22—23, 24—25).

(Подлинники на польскомъ языкѣ).

А. — Сигизмундъ III Божьей милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жмудскій, Мазовецкій, Инфляндскій и наслѣдственный король Шведскій, Готскій, Вандальскій.

[1]) Случилось немаловажное дѣло, о которомъ мы пожелали написать вашей милости [2]) и узнать мнѣніе в. м. на счетъ его.—Въ нашихъ владѣніяхъ появился человѣкъ московскаго народа, который сначала пребывалъ въ русскихъ монастыряхъ, а послѣ назвалъ себя сыномъ покойнаго великаго князя московскаго, Ивана Васильевича, Димитріемъ.

У Ивана, уже послѣ войнъ, которыя онъ велъ съ нашимъ предшественникомъ, королемъ Стефаномъ, родился сынъ Димитрій, котораго онъ оставилъ ребенкомъ (młodo). — Онъ умеръ при жизни брата своего Θеодора, покойнаго великаго князя московскаго.—Одни говорили, что онъ былъ убитъ, другіе отыскивали иныя причины смерти. — Вотъ онъ-то, называя себя сыномъ Ивана, говоритъ, что наставникъ его, человѣкъ разсудительный, смекнувъ, что идетъ о здоровіи ввѣреннаго его попеченію, когда стали приближаться убійцы, положилъ другаго мальчика, ничего объ этомъ незнающаго, на ложе ввѣреннаго ему на воспитаніе. Этого-то мальчика, не разсматривая, и убили въ постели. Его же наставникъ скрылъ и отдалъ на воспитаніе въ вѣрное мѣсто (pewne mieysce). Послѣ смерти наставника, когда выросъ, онъ тайно поступилъ въ монастырь и отправился въ наши края, а

---

[1]) Оба письма начинаются словами: «Wielmożny Uprzeimie nam miły».

[2]) Въ оригиналѣ сказано: «Uprzeimość Wasza».

открывшись и назвавшись сыномъ великаго князя, онъ обратился къ князю Вишневецкому [1]), который объ этомъ извѣстилъ насъ. 1) Мы приказали прислать его къ намъ, но до сихъ поръ онъ еще не присланъ, а между тѣмъ къ намъ доходятъ слухи будто онъ отправился къ казакамъ, чтобы тѣ поставили его на московское царство.—Это извѣстіе произвело немалую тревогу въ Москвѣ. Теперешній князь, Борисъ Годуновъ, видно безпокоится, смотря на этого князька и видя нерасположеніе своихъ подданныхъ, а потому и собираетъ людей на нашей границѣ. (Въ замкахъ) [2]) размѣщаетъ гарнизоны, состоящіе или изъ вѣрныхъ ему людей, или изъ связанныхъ съ нимъ родствомъ или благодѣяніями. Шпіоны (szpiegowie) изъ-заграницы, со стороны Смоленска, доносятъ, что тамъ большая тревога; тоже говоритъ и москвичъ, знатный перебѣжчикъ (zbieg) изъ Смоленска, что въ Москвѣ уже знаютъ объ этомъ Димитріѣ и народъ этимъ взволнованъ. Явился одинъ ливонецъ, который служилъ Димитрію Ивановичу въ его дѣтствѣ, и былъ при нападеніи на ребенка и его убіеніи.—Но онъ ничего не зналъ убитъ ли былъ истинный сынъ или подставленный мальчикъ, поэтому онъ ѣздилъ теперь къ тому, который находится у князя Вишневецкаго, и признаетъ его истиннымъ сыномъ Ивана, на основаніи знаковъ на тѣлѣ, о которыхъ онъ зналъ, а также и на основаніи воспоминаній Димитрія о многомъ, что въ то время происходило. 2). Нѣкоторые изъ членовъ нашего совѣта указываютъ намъ, что теперь представляется удобный случай (occasia vielka) къ добру, славѣ и увеличенію предѣловъ республики, потому что еслибы этотъ Димитрій былъ возведенъ на царство съ нашею помощью, то можно было бы отъ этого много выиграть: Швеція скорѣе могла бы быть освобождена, Ливонія успокоена и увеличилась бы сила (potężność) противъ каждаго врага. Съ другой стороны, идетъ вопросъ о нарушеніи мира, объ обрушеніи тяжестей на республику, а не на насъ. Въ этомъ дѣлѣ, за и противъ—много, на что надо обращать вниманіе. 3). Прося совѣта и спрашивая мнѣнія в. м., просимъ написать къ намъ объ этомъ, обдумавъ все хорошо.—Затѣмъ желаемъ в. м. добраго отъ Бога здоровья. Данъ въ Краковѣ XVIII дня февраля мѣсяца, лѣта Господня MDC четвертаго царствованія въ королевствахъ нашихъ Польскомъ XVII и Шведскомъ X.—Sigismundus Rex.

1) Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи «Смутное время» (т. I), пользуясь этимъ письмомъ, перефразируетъ его; поэтому любопытно сопоставить нѣкоторыя мѣста.

«Называвшій себя Димитріемъ разсказывалъ, что Борисъ, посягая завладѣть царствомъ, когда умретъ его зять, царь Өедоръ, тайно приказалъ убить

[1]) A otworzywszy się y ozwawszy być synem Kniazia Wielkiego, udał się do kniazia Wiszniowieckiego.

[2]) Въ рукописи изъ всего слова осталась одна буква Z : «Z—dufałemi... osadza».

царевича Димитрія. Но царевича спасъ его пѣстунъ; провѣдавъ, что ребенка хотятъ убить, онъ подмѣнилъ его другимъ мальчикомъ, который убитъ подосланными убійцами на постелѣ, ночью. Димитрія увезли къ одному сыну боярскому; тамъ онъ воспитывался въ неизвѣстности, а чтобъ лучше сохранить его отъ Бориса, удалили его въ монастырь. Димитрій ходилъ изъ монастыря въ монастырь, но потомъ Борисъ узналъ о его существованіи и сталъ сильно искать его и онъ ушелъ въ Украйну, во владѣніе польскаго короля» (стр. 81).

Это все сказано на основаніи приводимаго нами письма, какъ удостовѣряетъ въ этомъ сдѣланная авторомъ цитата.

2) Тому, что повѣрили разсказамъ самозванца, «помогло,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—одно обстоятельство: нашелся въ Польшѣ какой-то ливонецъ, который увѣрялъ, что служилъ царевичу Димитрію въ его дѣтствѣ и былъ тогда въ Угличѣ, когда случилось убійство. «Я не знаю,—говорилъ онъ,—настоящаго-ли тогда убили или подмѣненнаго. Но я помню царевича и узнаю его, если тотъ, кто называется его именемъ, дѣйствительно настоящій». Король приказалъ послать этого ливонца къ Вишневецкому. Ливонецъ, поговоривши съ претендентомъ, потомъ всѣмъ говорилъ: «это настоящій цесаревичъ Димитрій: я узналъ его по знакамъ на тѣлѣ; кромѣ того, я его разспрашивалъ; онъ помнитъ много такого, что случалось въ его дѣтствѣ и чего другой знать не могъ». «Проживая у Вишневецкаго, Димитрій завелъ сношенія съ казаками и побуждалъ ихъ помогать ему достигнуть московскаго престола» (стр. 83—ссылка на наше письмо).

3) Этимъ Н. И. Костомаровъ не воспользовался въ своей монографіи, но приводитъ слова Сигизмунда изъ его письма къ Замойскому. Сопоставленіе этихъ мѣстъ не лишено интереса.

«Сигизмундъ обратился, 23-го марта 1604 г., съ письмомъ къ старому Замойскому, еще находившемуся въ санѣ канцлера и гетмана со времени Баторія. Онъ открывалъ ему свою мысль, что очень выгодно было бы помочь Димитрію: московскій государь, посаженный поляками на тронъ, былъ бы слугою Польши; тогда, съ одной стороны, Турція не осмѣлится безпокоить польскихъ предѣловъ; тогда соединенными силами можно будетъ успокоить Крымъ, который уже издавна пользуется вѣчными раздорами русскихъ съ поляками, чтобъ разорять тѣхъ и другихъ; тогда можно будетъ удержать Ливонію и принудить Швецію къ уступкамъ; тѣсная связь двухъ государствъ повлекла бы къ развитію торговли Польши съ Востокомъ, не только въ Московіи, но чрезъ Московію съ Грузіей и Персіей; наконецъ, это предпріятіе въ настоящее время представляетъ ту ближайшую выгоду, что отдалитъ отъ Польши толпы молодцовъ-удальцовъ, которые дѣлаютъ безчинства и безпорядки во многихъ провинціяхъ» (стр. 109).

Б.—Сигизмундъ III Божьей милостью король Польскій и т. д.

Послѣ того какъ Господу Богу угодно было по волѣ своей, къ великому горю нашему, принять съ міра сего супругу нашу, нашлось не мало чужихъ и здѣшнихъ изъ нашего совѣта, которые, видя небольшое разрожденіе нашего дома и вѣкъ нашъ, не достигнувшій еще преклонныхъ лѣтъ [1]), старались склонить насъ къ тому, чтобы мы опять подумали о новомъ бракѣ.

---

[1]) Сигизмунду въ то время было за сорокъ лѣтъ (род. 1566 г).

По этому вопросу дошло до насъ и общее желаніе членовъ совѣта и указаніе гдѣ бы желали найти невѣсту. Скорбь по первой нашей супругѣ долго насъ отъ этого удерживала, наконецъ, однако, послѣ Краковскаго сейма, мы объявили совѣту, что мы обратились туда (umysł nasz obrocieli beli (sic!), куда они указывали, т. е. въ домъ покойнаго эрцгерцога Фердинанда, къ одной изъ его дочерей. Такъ какъ это одобрилъ совѣтъ (podobało się pp. Radom), то мы начали хлопотать по этому дѣлу и частнымъ образомъ посылали дважды нашего секретаря къ императору. Императоръ медлилъ съ отвѣтомъ, указывая на другихъ родственниковъ, и наконецъ далъ знать, что самъ ничего не могъ рѣшить на счетъ этого брака съ дочерью эрцгерцога Фердинанда, но указываетъ на другой (ale do inszego nam droge podaiąncz), какъ это ваша милость увидитъ изъ императорскаго письма, которое мы велѣли переписать и къ сему приложить. При такомъ положеніи дѣлъ, мы, раздумывая куда бы еще обратиться, не могли нигдѣ найти супруги (małżeństwa), соотвѣтствующей нашему королевскому достоинству и католическому призванію (powołaniu), на предложеніе же императора согласиться не могли по причинѣ родства [1]). Въ этомъ дѣлѣ мы спрашивали совѣта св. отца, какъ верховнаго пастыря церкви Божьей и къ намъ всегда благосклоннаго. Онъ, хотя всегда клонилъ насъ къ новому союзу съ Ракускимъ домомъ, однако, отвѣчая дважды къ намъ по этому дѣлу, не указывалъ со своей стороны ни на кого, но обѣщалъ свое отеческое благословеніе, каковъ бы ни былъ нашъ выборъ. Наконецъ, уже теперь, 19-го іюня, прислалъ къ намъ собственноручное письмо, въ которомъ совѣтуетъ и убѣждаетъ насъ искать жены въ томъ же домѣ, гдѣ и прежде—въ домѣ покойнаго эрцгерцога Карла, обѣщая свое пастырское благословеніе (przeżegnanie). Это тоже мы приказали переписать и посылаемъ вашей милости [2]).

Въ этомъ мы видимъ великое знаменіе воли Божіей, но однако предоставляемъ на рѣшеніе (wkładamy) какъ другихъ чл. совѣта нашего, такъ и в. м., прося (żądaiącz) сообщить намъ ваше мнѣніе какъ можно скорѣе и желая при этомъ в. м. добраго отъ Господа Бога здоровія. Данъ изъ Кракова XV дня іюля мѣсяца лѣта Господня MDCIV, царствованія въ королевствахъ нашихъ Польскомъ XVII и Шведскомъ XI. Sigismundus Rex.

Сообщ. С. Л. Пташицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Первая жена Сигизмунда была тоже дочерью эрцгерцога Карла.

[2]) Т. е. это письмо бросаетъ совсѣмъ иной свѣтъ на переговоры о вторичномъ бракѣ короля съ сестрою первой его жены. Изъ письма видно, что Сигизмундъ только вслѣдствіе отказа со стороны императора въ рукѣ дочери эрцгерцога Фердинанда и по совѣту папы рѣшился жениться на дочери Карла. Обыкновенно же говорятъ, что Сигизмундъ сталъ прямо въ разрѣзъ съ желаніемъ сената, указывавшаго на дочь Фердинанда, какъ на невѣсту, и не принимаютъ во вниманіе обстоятельствъ, мѣшавшихъ этому браку. (Сравни Немцевича—Исторія царств. Сигизмунда III).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА I.

Разсказы очевидцевъ, записанные княгинею Зинаидою Александровною Волконскою.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, рожденная княжна Бѣлосельская [1]), по ея уму, дарованіямъ и душевнымъ качествамъ, можетъ быть названа одною изъ достойнѣйшихъ представительницъ нашего высшаго круга первой четверти нынѣшняго столѣтія. Отецъ ея, страстный любитель словесности, авторъ французскихъ стиховъ, о которыхъ Вольтеръ и Делиль отзывались съ величайшими похвалами — былъ самъ литературнымъ наставникомъ дочери. Съ дѣтства княгиня Зинаида Александровна была окружена образцовыми произведеніями ума и искусства. Выйдя замужъ за егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844 г.), внука фельдмаршала князя Н. В. Репнина, Зинаида Александровна сдѣлалась украшеніемъ Двора, а гостиная ея—средоточіемъ всего изящнаго, талантливаго, геніальнаго. Императоръ Александръ любилъ посѣщать ея общество, въ Теплицѣ и Прагѣ, въ Парижѣ, на конгрессахъ Вѣнскомъ и Веронскомъ. Княгиня питала искреннюю пріязнь къ корифеямъ литературнаго міра: Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, И. А. Крыловъ, К. Н. Батюшковъ, Е. А. Баратынскій, А. С. Пушкинъ, А. В. Веневитиновъ — въ послѣдствіи Н. В. Гоголь и С. П. Шевыревъ находили въ домѣ княгини самый радушный привѣтъ, ласку, задушевную бесѣду, а произведенія ихъ—справедливую оцѣнку. Блестящимъ періодомъ жизни княгини З. А. Волконской были 1813—1831 гг., когда она находилась въ сношеніяхъ со всѣми литературными и политическими знаменитостями не только Россіи, но и всей Европы. Громкую славу пріобрѣла она своими успѣхами въ музыкѣ, сценическомъ искусствѣ, поэзіи и фило-

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (1752 † 1809 г.), оберъшенкъ Двора, родной племянникъ, по матери, графовъ Чернышевыхъ. Супруга его, Варвара Яковлевна Татищева († 1792 г.), была племянницею П. Д. Еропкина.

логіи; знала латинскій и греческій языки, обучившись имъ подъ руководствомъ академика Андрея Меріана. Съ 1825 по 1829 годъ, княгиня жила въ Москвѣ, въ домѣ брата своего, у Тверскихъ воротъ, и здѣсь гостиная ея была истиннымъ храмомъ наукъ и искусствъ. На ея музыкально-литературные вечера собирались всѣ таланты. Сама княгиня занялась прилежнымъ изученіемъ русской словесности и отечественныхъ древностей и намѣревалась составить особое русское общество для обнародованія памятниковъ старины и народности. Княгиня совмѣстила въ лицѣ своемъ дарованія артистки, писательницы, ученой—привлекая къ себѣ умъ и сердца всѣхъ удостоенныхъ ея вниманіемъ. Ей писали посланія Пушкинъ («Среди разсѣянной Москвы»), посвятившій ей своихъ «Цыганъ»; Баратынскій («Изъ царства виста и зимы») и И. В. Киреевскій; послѣдній—свои единственные стихи. Мицкевичъ, жившій въ Москвѣ, былъ всегда пріятнымъ гостемъ въ домѣ княгини, а Веневитиновъ питалъ къ ней безпредѣльную душевную привязанность. Напомнимъ читателямъ, что въ домѣ княгини Зинаиды Александровны провела свой прощальный вечеръ, 26-го декабря 1826 года, ея невѣстка княгиня Марія Николаевна Волконская—предъ отъѣздомъ ея въ ссылку вмѣстѣ съ мужемъ, княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ [1]). Описаніе этого вечера, составленное покойнымъ А. В. Веневитиновымъ, было напечатано въ «Русской Старинѣ» (изд. 1875 г. томъ XII, стр. 822—827).

Въ 1829 году, по причинамъ, донынѣ не извѣстнымъ, княгиня Зинаида Александровна уѣхала въ любимую ею Италію, и съ того времени не возвращалась на родину. Поселилась въ Римѣ, посвятивъ остатокъ дней дѣламъ милосердія, и здѣсь скончалась, въ 1862 году, исповѣдуя католицизмъ. Сердце ея однако же не охладѣло къ родинѣ. Н. В. Гоголь, жившій въ «вѣчномъ городѣ», и каждый русскій писатель или художникъ находили въ домѣ княгини—«уголокъ родины», дружескій привѣтъ и родственную ласку.

Княгиня Зинаида Александровна писала стихами и прозою на русскомъ, французскомъ и италіанскомъ языкахъ. Полное собраніе ея сочиненій было издано въ 1865 г., съ ея портретомъ, сыномъ княгини, княземъ А. Н. Волконскимъ, бывшимъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при испанскомъ дворѣ [2]). Съ 1825 года, княгиня была членомъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Изъ первыхъ ея стихотвореній на русскомъ языкѣ были напечатаны: «Александру I» и четырехстишіе «На кончину императрицы Елисаветы Алексѣевны» (въ 1826 году).

---

[1]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, одинъ изъ участниковъ «декабрьскаго дѣла», былъ роднымъ братомъ мужа княгини Зинаиды Александровны. Онъ былъ возвращенъ изъ ссылки въ 1856 г., скончался 25-го ноября 1865 г. Марія Николаевна, рожденная Раевская, умерла въ 1863 году.

[2]) Oeuvres choisis de la Princesse Zénaïde Volkonsky, née Princesse Beloselsky. Paris et Carlsrouhe. Typ. de W. Hasper. 1865. 8°. XV + 338 pp.

Печатаемые нынѣ разсказы о кончинѣ Александра I, записанные (на французскомъ языкѣ) княгинею Зинаидою Александровною Волконскою, весьма обязательно сообщены кн. А. Н. Волконскимъ чрезъ посредство В. П. Титова.

Они не обилуютъ особенно важными подробностями и, мѣстами, не совсѣмъ согласуются съ Воспоминаніями почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова [1]), но весьма любопытны сами по себѣ, во первыхъ—какъ написанные въ самую эпоху событія, со словъ очевидцевъ; во вторыхъ—какъ произведеніе женщины-писательницы вѣка Александра I. Такимъ образомъ, присоединяя ихъ къ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» Воспоминаніямъ А. П. Кернъ (томъ I, 1870 г., изданіе третье, стр. 230—243) и графини Шуазель-Гуфье (изд. 1877 г., томъ XX, стр. 579—632), мы воспроизводимъ обликъ Александра I, очерченный перомъ его современницъ, изъ которыхъ двѣ первыя описываютъ императора въ блестящую эпоху его жизни, третья—собираетъ разсказы о его послѣднихъ дняхъ и кончинѣ.

Къ переводу замѣтокъ княгини З. А. Волконской мы сочли не безполезнымъ приложить нѣкоторыя указанія на Воспоминанія Д. К. Тарасова и примѣчанія къ фактамъ, изложеннымъ не согласно съ его свидѣтельствомъ.

Ред.

Подробности, собранныя въ Таганрогѣ о предчувствіяхъ Е. В—ва Императора, его путешествіи въ Крымъ и его послѣднихъ минутахъ.

1825.

При отъѣздѣ императора изъ Петербурга, генералъ Дибичъ замѣтилъ, что, переѣзжая чрезъ Невскій (Троицкій) мостъ, государь, обыкновенно восхищавшійся красотою набережныхъ, на этотъ разъ всматривался въ нихъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, но съ видомъ сожалѣнія и унынія; что онъ долго оборачивался, оглядываясь на крѣпость, и заговорилъ съ Дибичемъ долгое время спустя, не сказавъ ни слова о красотѣ столицы [2]).

За нѣсколько дней до отъѣзда государя въ Крымъ, погода была прекрасная и императоръ занимался въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ нашла туча и стемнѣло такъ, что понадобились свѣчи. Императоръ звонитъ; входитъ Анисимовъ (камердинеръ); государь требуетъ свѣчей; черезъ минуту погода перемѣнилась, явилось солнце и Анисимовъ входитъ въ кабинетъ безъ свѣчъ. „Ты не несешь мнѣ свѣчей",—говоритъ ему императоръ,—„ты, вѣроятно, боялся, чтобы, увидя огонь

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 99—163.

[2]) Александръ I выѣхалъ изъ Петербурга 2-го сентября 1825 года.

при этомъ прекрасномъ солнцѣ, не подумали, что въ комнатѣ покойникъ. Эта самая мысль была и у меня" [1]).

По возвращеніи (въ Таганрогъ) изъ поѣздки своей въ Крымъ, которою государь остался доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ, входя въ комнату, онъ сказалъ Анисимову:

— „Помнишь-ли ты какъ не хотѣлъ подать мнѣ свѣчи и о моей по этому поводу догадкѣ? Знаешь-ли, что она, весьма вѣроятно, сбудется!"

Въ этой самой комнатѣ императоръ испустилъ послѣдній вздохъ 19-го ноября 1825 года въ 10 часовъ 50 минутъ утра.

За обѣдомъ въ Бахчисараѣ, императоръ, тогда впрочемъ еще не больной и приписывавшій легкое свое нездоровье лишь прокислому барбарисовому сиропу,—императоръ, не любившій принимать лекарства и говорить о нихъ, особенно за столомъ, сталъ разспрашивать Вилліе о лихорадкѣ; замѣтно было, что онъ со вниманіемъ выслушиваетъ его отвѣты и глубоко вникаетъ въ нихъ. Когда Вилліе кончилъ, государь спросилъ его: нѣтъ-ли у него отъ этой болѣзни самаго дѣйствительнаго лекарства? Вилліе отвѣчалъ утвердительно и назвалъ лекарство.

— „Здѣсь-ли оно?"—спросилъ государь съ видомъ поспѣшности.

— Точно такъ, государь!—сказалъ Вилліе.

— „Прикажите же принести".

Принесли коробку съ лекарствомъ и императоръ, которому были противны лекарства, особенно съ сильнымъ запахомъ, взялъ на палецъ и отвѣдалъ въ два пріема.

Обыкновенно, прибывая въ какой либо городъ. императоръ отправлялся въ соборъ, помолиться. По прибытіи ея величества (въ Таганрогъ) государь, вмѣсто того, чтобы везти ее въ соборъ, который былъ холодный, тотчасъ же отправился съ нею въ градской греческій монастырь, тотъ самый, въ которомъ было выставлено тѣло императора, 4-го декабря [2]).

По прибытіи своемъ, императоръ, казалось, весьма спѣшилъ видѣть Крымъ, но поспѣшность эта уменьшалась по мѣрѣ приближенія минуты отъѣзда; полагали даже отложить его до будущей весны, но пріѣздъ Воронцова измѣнилъ это распоряженіе. Императоръ однажды

---

[1]) Этотъ эпизодъ относится ко времени пребыванія государя еще въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Императоръ прибылъ въ Таганрогъ 14-го сентября. Молебенъ слушали въ Варваціевомъ монастырѣ.

повелѣлъ Дибичу составить маршрутъ и принести къ нему. Дибичъ составилъ въ одну ночь.

— „Онъ слишкомъ дологъ,—сказалъ государь,—составьте другой, покороче".

На другой день Дибичъ принесъ новый маршрутъ.

— „Какъ!—сказалъ государь,—20 дней? Вы ничего не перемѣнили... Сократите, сократите еще!"

Маршрутъ былъ окончательно ограниченъ 17-ю днями.

Во все время болѣзни императора замѣчали, что городскія собаки въ Таганрогѣ ужаснымъ образомъ выли; нѣкоторыя изъ нихъ забѣгали подъ окна государева кабинета и ихъ вой былъ какъ-то особенно мраченъ. Этотъ вой былъ предметомъ общихъ разговоровъ и князь Волконскій говорилъ мнѣ, что онъ былъ принужденъ приказать перебить до 150 собакъ въ три дня.

Съ котораго времени, по отзывамъ Вилліе, началась болѣзнь Императора.

Императоръ выѣхалъ 20-го числа (октября)[1]) и былъ очень веселъ и весьма доволенъ. Въ первые дни замѣчали, что онъ доволенъ и счастливъ 25-го, выѣзжая изъ Симферополя на южный берегъ, государь сѣлъ на коня и сдѣлалъ 35 верстъ до Юрзуфа. Экипажу приказано было черезъ два дня дожидаться въ Байдарской долинѣ.

Метръ д'отель былъ отправленъ вмѣстѣ съ экипажами и въ этомъ, по мнѣнію Вилліе, одна изъ главныхъ причинъ болѣзни государя, такъ какъ онъ, въ теченіе двухъ дней, кушалъ пищу нездоровую или дурно изготовленную. По прибытіи въ Юрзуфъ, 25-го числа, обѣдали поздно; на другой день отправились въ Алупку, точно также принадлежавшую Воронцову. Дорогою императоръ посѣтилъ Никитскій садъ и много ходилъ; затѣмъ, посѣтилъ Оріанду, купленную имъ у Безбородко; оттуда отправился одинъ къ княгинѣ Голицыной; Дибичъ говорилъ мнѣ, что, въ это время, во всемъ помѣстьи княгини свирѣпствовала лихорадка. Государь провелъ ночь у одного татарина; по прибытіи

---

[1]) Всѣ числа путешествія государя совершенно перепутаны и невѣрны. По Воспоминаніямъ Д. К. Тарасова, государь выѣхалъ 17-го октября; 23-го прибылъ на ночлегъ въ Симферополь. гдѣ пробылъ до 25-го; 27-го октября прибылъ въ Байдарскую долину; 28-го находился въ Севастополѣ; 29-го посѣтилъ Бахчисарай; 31-го октября—Чуфутъ-Кале; 2-го ноября выѣхалъ изъ Евпаторіи; 5-го ноября, въ 8-мъ часу вечера, прибылъ въ Таганрогъ. Ред.

его въ Алупку, обѣдали поздно; дорогою онъ кушалъ фрукты. На слѣдующее утро, до отъѣзда изъ Алупки, онъ много ходилъ, потомъ отправился верхомъ и сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, 40 верстъ. Во весь путь былъ въ дурномъ расположеніи духа и жаловался на свою лошадь, которою былъ, по видимому, очень недоволенъ. Былъ принужденъ подниматься на весьма крутую гору, чтобы достигнуть помѣстьевъ Мордвинова, внутри края. Прибывъ въ Байдарскую долину на-тощакъ, послѣ обильной испарины и очень усталый, государь сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ Севастополь. По пріѣздѣ на почтовый дворъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Балаклавы, государь опять, вмѣстѣ съ Дибичемъ, отправился верхомъ, на смотръ греческаго баталіона (легіона), подъ командою Бараилота у котораго завтракалъ и скушалъ довольно большую порцію очень жирной соленой рыбы. Пересѣлъ въ коляску у почтоваго двора, и, по прибытіи на послѣднюю станцію, опять сѣлъ на лошадь и отправился одинъ въ греческій монастырь св. Георгія, будучи безъ теплаго сюртука и безъ шинели, хотя солнце уже закатилось, былъ очень сильный вѣтеръ и воздухъ весьма похолодѣлъ. Здѣсь государь пробылъ около двухъ часовъ. По возвращеніи на станцію, онъ сѣлъ въ коляску и прибылъ въ Севастополь между 8-ю и 9-ю часами вечера. Ночью, при свѣтѣ факеловъ, отправился въ церковь; потомъ, пріѣхавъ въ коляскѣ къ своей квартирѣ, при факелахъ же, дѣлалъ смотръ морскимъ солдатамъ. При входѣ въ домъ, потребовалъ обѣдъ, но отказался, когда онъ былъ поданъ. Потомъ занимался съ Дибичемъ распоряженіями на слѣдующій день.

На-завтра, 23-го числа [1]), государь отправился на спускъ корабля, завтракалъ на немъ и поѣхалъ за 3 версты отъ города въ военный госпиталь. По возвращеніи домой, изволилъ принимать представлявшихся ему до $2^1/_2$ час.; затѣмъ гулялъ пѣшкомъ, дошелъ до морскаго берега, сѣлъ въ шлюпку—послѣ продолжительной ходьбы, осматривалъ линейный корабль, высадился въ деревнѣ на противоположномъ берегу и посѣтилъ морской госпиталь. Послѣ того зашелъ въ казармы, въ которыхъ температура была очень неровная, но вообще холодная и влажная. Оттуда, государь, сдѣлавъ четыре или пять верстъ, отправился на Александровскую батарею, гдѣ приказалъ произвести пальбу калеными ядрами. Возвратился домой къ обѣду поздно, со всѣми генералами, и занимался съ Дибичемъ долѣе обыкновеннаго. 29-го числа, приказавъ перевезти экипажи на противоположный бе-

---

[1]) Очевидная ошибка рукописи: 23-го—вмѣсто 28-го октября. Спущенъ былъ не корабль, но небольшое судно «Воробей». Осматривалъ же государь линейный 120-ти пушечный корабль «Францъ I». (Восп. Д. К. Тарасова, стр. 113—114).

Ред.

регъ, дошелъ пѣшкомъ до морскаго берега, сѣлъ въ катеръ, и, посѣтивъ Константиновскую батарею, поѣхалъ на дрожкахъ осматривать крѣпость и возвратился къ своимъ экипажамъ.

Когда государь прибылъ въ крѣпость, морской офицеръ, безъ шпаги, признаваясь, что онъ подъ арестомъ и подъ судомъ, упалъ къ ногамъ императора, требуя правосудія. Его мало располагающая наружность и его поступокъ произвели на государя непріятное впечатлѣніе, а такъ какъ нервы его были уже очень раздражительны, онъ очень дурно провелъ ночь. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой встрѣчи, государь сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Бахчисарай, который, на этотъ разъ, не столько ему понравился, какъ въ первую его поѣздку.

Вообще у государя уже не было вида того довольства и пріятности, которыя онъ показывалъ до того времени. Онъ казался удрученнымъ, озабоченнымъ, въ коляскѣ спалъ и обѣдалъ одинъ.

На другой день, 30-го октября, онъ поѣхалъ верхомъ въ Чуфутъ-Кале [1])—жидовскій городъ, и посѣтилъ многія синагоги; до возвращенія въ Бахчисарай, осматривалъ греческій монастырь; всходя по лѣстницѣ, государь почувствовалъ себя на столько слабымъ, что былъ принужденъ отдохнуть. Возвратясь въ Чуфутъ-Кале, обѣдалъ съ именитыми горожанами изъ магометанъ; вечеромъ осматривалъ нѣкоторыя мечети, потомъ посѣтилъ одного жителя города, чтобы видѣть у него въ домѣ религіозный обрядъ. Въ тотъ же вечеръ государь, пославъ за Вилліе, чтобы поговорить съ нимъ о здоровьи императрицы Елисаветы Алексѣевны, сказалъ ему, что онъ крайне огорченъ тѣмъ, что не былъ съ нею въ минуту полученія государынею извѣстія о кончинѣ короля баварскаго [2]), и спросилъ Виллiе, что̀ ему пишетъ Штоффрегенъ. Тогда-то государь сознался Виллiе, что онъ дурно спалъ нѣсколько ночей, прибавляя однако:

— „Не смотря на все это, не нуждаюсь въ вашихъ лекарствахъ. Я отлично умѣю лечиться и самъ“.

Виллiе отвѣчалъ государю, что онъ напрасно такъ довѣряетъ чаю, рому и хлѣбной водѣ; что хорошій пріемъ ревеню можетъ принести поболѣе всего этого пользы.

— „Оставьте меня въ покоѣ!—сказалъ ему разгнѣванный императоръ.—Не хочу лекарствъ, я уже вамъ сказалъ!“

Съ этого времени, ежедневно, до прибытія его въ Маріуполь, Виллiе,

---

[1]) Въ рукописи: Joussouf-kalé. Въ Чуфутъ-Кале государь прибылъ не 30-го, а 31-го октября. (Восп. Д. К. Тарасова, стр. 115).

[2]) Максиміліанъ-Іосифъ, царствовавшій съ 1806 года, скончался 30-го сентября 1825 года. Ред.

освѣдомляясь о здоровьи императора, не получалъ инаго отвѣта, кромѣ: „я здоровъ; не потчуйте меня лекарствами".

Изъ Бахчисарая государь, въ коляскѣ, отправился въ Козловъ, подверженный ужаснымъ испареніямъ отъ окрестныхъ болотъ. Въ Козловѣ онъ осматривалъ церкви, мечети, синагогу, казармы, карантинъ; призвалъ къ себѣ турецкаго капитана, не выдержавшаго карантина, и довольно долго разговаривалъ съ нимъ. Разсердился даже на Вилліе, сказавшаго ему, что это неосторожно.

Четвертаго числа (ноября), по прибытіи государя въ Маріуполь, онъ, дурно себя чувствуя, послалъ за Вилліе и впервые серьезно заговорилъ съ нимъ о своей болѣзни. Вилліе нашелъ государя въ сильномъ лихорадочномъ припадкѣ, съ посинѣлыми ногтями, оцѣпенѣлымъ отъ холода и дрожащаго всѣмъ тѣломъ. Лихорадка черезъ нѣсколько дней прошла, но, до пріѣзда своего въ Таганрогъ, государь почти ничего не кушалъ и все время чувствовалъ общее нездоровье.

Императоръ возвратился въ Таганрогъ. 5-го ноября, по его прибытіи, князь Волконскій спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— „У меня небольшая лихорадка,—отвѣчалъ государь,—не смотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ расхвалили. Увѣренъ, болѣе чѣмъ когда-либо, что мы хорошо сдѣлали, выбравъ Таганрогъ для моей жены". Къ этому онъ прибавилъ, что у него лихорадка съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ попросилъ пить, а Ѳедоровъ подалъ ему прокислаго барбарисоваго сиропу. „Я выпилъ цѣлый стаканъ и тотчасъ-же почувствовалъ жестокую рѣзь; на меня сильно подѣйствовало и тѣмъ все окончилось. Въ Перекопѣ, при выходѣ изъ госпиталя, я почувствовалъ усиленіе лихорадки".

Волконскій сказалъ ему, что онъ недостаточно бережетъ себя и что въ его годы нельзя себѣ позволять того, что̀ онъ дѣлалъ въ двадцать лѣтъ.

Императоръ отправился къ императрицѣ и оставался у нея весь вечеръ; ночь спалъ изрядно и лихорадки у него не было; но утромъ у него были мутны глаза и онъ, весьма замѣтно, хуже слышалъ, принужденъ былъ даже прекратить свои занятія съ Волконскимъ. Кушалъ съ императрицею въ три часа. Камердинеръ государя пришелъ доложить Волконскому, что государь въ необычайной испаринѣ. Волконскій немедленно послалъ за Вилліе и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ императору. Они нашли его сидящимъ на диванѣ, съ ногами покрытыми шерстянымъ одѣяломъ; онъ былъ въ лихорадкѣ и Вилліе предложилъ ему чистительныя пилюли, которыхъ государь принялъ восемь штукъ. Желалъ заниматься, но его отговорили. Въ семь часовъ вечера императоръ почувствовалъ облегченіе и благодарилъ Вилліе за

пилюли. Послѣ того, государь попросилъ пожаловать къ нему императрицу; она оставалась у него до 10 часовъ вечера.

7-го числа государь спалъ хорошо; въ $11^{1}/_{2}$ часовъ утра принялъ микстуру, которая его облегчила. 8-го онъ спалъ худо, чувствовалъ лихорадку и не могъ идти къ обѣднѣ. Прійдя къ нему, Вилліе нашелъ государя въ лихорадкѣ. Императоръ, по видимому, испугался при видѣ множества разложенныхъ передъ нимъ бумагъ. Волконскій предложилъ ему обождать и заняться ими лишь по совершенномъ его выздоровленіи. Императоръ позвалъ къ себѣ императрицу, которая оставалась у него до 10-ти часовъ вечера.

9-го ноября государь довольно хорошо провелъ ночь; дозволилъ Волконскому написать императрицѣ-матери и великому князю Константину Павловичу увѣдомленіе о его болѣзни. 10-го числа государь спалъ хорошо, но утромъ почувствовалъ себя хуже; въ 11 часовъ, когда онъ на одну минуту, по необходимости, всталъ съ постели, съ нимъ сдѣлался довольно сильный обморокъ; жаръ во весь день и сильная испарина вечеромъ. Государь почти ничего не говорилъ; онъ лишь спрашивалъ, что ему было нужно, а, впрочемъ, казалось, находился въ состояніи полнѣйшаго угнетенія. 11-го числа государь спалъ хорошо; позвалъ императрицу, остававшуюся при немъ до обѣда. Съ нимъ опять былъ обморокъ, когда онъ вставалъ на нѣсколько минутъ; къ ночи жаръ уменьшился, но возобновился подъ-утро и государь худо спалъ. 12-го приказалъ сдѣлать ему оранжаду и нашелъ его хорошимъ. Государыня оставалась при немъ цѣлый день. Вечеромъ ему было лучше. 13-го, государь спалъ хорошо, принялъ утромъ чистительное; жаръ утихъ, потомъ, усиленный, возобновился и продолжался всю ночь. Во весь день онъ ничего не говорилъ; пилъ довольно часто и такъ какъ лимонадъ былъ ему противенъ, то подали вишневаго сиропу. 14-го утромъ, жаръ былъ менѣе силенъ. Императоръ самъ выбрился; но къ обѣденному времени почувствовалъ сильный приступъ лихорадки. Ему предложили поставить піявицы, но онъ не желалъ о нихъ и слышать; изъ опасенія раздражить больнаго, ему о нихъ болѣе не говорили. Въ 8 часовъ вечера, онъ спустилъ ноги съ постели и съ нимъ опять сдѣлался сильный обморокъ. Тогда Вилліе сказалъ Волконскому, что императоръ находится въ крайней опасности. Волконскій тотчасъ же пошелъ къ императрицѣ и сказалъ ей, что не должно терять ни минуты, чтобы предложить государю исполнить христіанскій долгъ. Злополучная императрица, пораженная этимъ извѣстіемъ, имѣла мужество немедленно пойти къ государю—поговорить съ нимъ объ этомъ.

— „Развѣ мнѣ такъ худо?“ сказалъ ей императоръ.

— Нѣтъ,—отвѣчала ему императрица,—но вы отказались отъ всякихъ лекарствъ; обратитесь-же къ этой помощи.

— „Весьма охотно!" отвѣчалъ государь. И въ ту-же минуту приказавъ позвать Виллie, сказалъ ему: „развѣ я такъ плохъ?"

— Да, государь! отвѣчалъ Виллie, заливаясь слезами. Вы не желали слѣдовать моимъ совѣтамъ, теперь я обязанъ—не какъ врачъ вашъ, но какъ честный человѣкъ, какъ христіанинъ—сказать вамъ, что не должно терять ни минуты.

Императоръ пожалъ ему руки и долго держалъ ихъ въ своихъ. Виллie чувствовалъ, что онъ сильно потѣлъ. Сталъ очень задумчивъ, а испарина усиливалась. Тогда спросили у Виллie: „не возможно-ли отложить исповѣдь на завтра?" и Виллie отвѣчалъ утвердительно. Въ 11 часовъ вечера императоръ предложилъ императрицѣ идти почивать. 15-го числа жаръ былъ очень силенъ съ 4-хъ до 6-ти часовъ утра; государю сдѣлалось хуже, о чемъ доложили императрицѣ и она тотчасъ-же пришла къ нему. Духовникъ былъ призванъ; императоръ сказалъ императрицѣ: „насъ надобно оставить однихъ". Послѣ исповѣди онъ приказалъ позвать ее и пріобщился. Тогда духовникъ и императрица встали на колѣна, чтобы умолить его дозволить поставить ему піявицы. Государь обѣщалъ исполнить это; потомъ, обращаясь къ императрицѣ, сказалъ:

— „Никогда я еще не испытывалъ величайшей отрады и много благодаренъ вамъ за это".

Жаръ не унимался. Поставили 80 піявицъ, но онѣ худо принимались и потребовалось на то два часа слишкомъ. Съ этого времени императоръ ни отъ чего не отказывался и принималъ всѣ предлагаемыя ему лекарства.

Ночь 16-го числа была весьма безпокойна. Императоръ былъ какъ-бы въ безпамятствѣ; въ 2 часа попросилъ лимонаду и принялъ небольшую ложку. Чувствовалъ себя дурно весь день; ему положили горчичникъ, но жаръ не унимался и онъ ничего не говорилъ. 17-го императору было очень худо. Ночью, въ $6^1/_2$ часовъ, ему ставили на спину шпанскую мушку; въ 10 часовъ онъ пришелъ въ себя, немного говорилъ и узнавалъ всѣхъ. Попросилъ пить и сказалъ нѣсколько словъ Волконскому, который спросилъ: „Что, ваше величество?" Волконскій увидѣлъ, что государь не имѣлъ даже силы прополоскать себѣ горло. Всю ночь онъ находился въ большой опасности. 18-го числа утромъ государю было, по видимому, лучше, и такъ продолжалось до вечера, до того времени, когда жаръ усилился. Опасность была великая; жаръ возрасталъ; однако, каждый разъ, когда государь открывалъ глаза, видно было, что ищетъ ими императрицу. Онъ бралъ е

за руки, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ сердцу. Подошелъ Волконскій: государь улыбнулся ему и когда тотъ поцѣловалъ ему руку, императоръ какъ бы выразилъ укоръ, ибо не любилъ, чтобы это дѣлали. Въ 4 часа 40 минутъ не было болѣе никакой надежды и съ этой минуты императоръ оставался въ безпамятствѣ. 19-го числа, по прежнему не приходя въ себя, государь испустилъ послѣдній вздохъ въ 10 часовъ 50 минутъ утра. Императрица закрыла ему глаза, подвязала подбородокъ носовымъ платкомъ, и удалилась въ свои покои.

Священника, исповѣдывавшаго императора, зовутъ Алексѣемъ; онъ протоіерей Таганрогскаго собора [1]). Архіерей (епископъ), служившій здѣсь, когда тѣло было выставлено,—изъ Екатеринослава. Генералы, дежурившіе въ это время при тѣлѣ, были: генералъ-лейтенанты — Инзовъ и Пушкинъ; генералъ-маіоры — Арнольди, Павловъ, Богдановскій, Грековъ и Ягодинъ. Письма отъ 8-го числа помѣчены были 9-мъ, такъ какъ императоръ приказалъ помѣчать ихъ переднимъ числомъ, во избѣжаніе безпокойства императрицы-матери.

Тѣло императора въ теченіе девяти дней оставалось въ его кабинетѣ, гдѣ и было бальзамировано. На это время императрица заняла помѣщеніе въ другомъ домѣ.

Тѣло его величества усопшаго императора не было, по видимому, такъ хорошо набальзамировано, какъ это было желательно; ибо подъ низъ принуждены были поставить ледъ, или мочить непрерывно лицо его кислотою [2]): оно все почернѣло и было неузнаваемо. При вскрытіи найдены были ложныя перепонки въ той части головы, къ которой онъ обыкновенно подносилъ руку, жалуясь на боль; печень была поражена, а грудные хрящи найдены окостенѣвшими [3]). Императоръ,

---

[1]) Духовникомъ императора былъ протоіерей Ѳедоровъ (Восп. Д. К. Тарасова, стр. 126). Объ епископѣ Екатеринославскомъ см. стр. 120.

[2]) «Бальзамированіе, по отзыву Д. К. Тарасова—было вполнѣ удачно» (стр. 130). Тѣло и форма лица сохранились до 8-го марта 1826 года.

[3]) Свѣдѣнія, сообщенныя княгинѣ З. А. Волконской лицами, несвѣдущими въ анатоміи, были положительно невѣрны. Д. К. Тарасовъ говоритъ (стр. 129): «При вскрытіи найденъ въ мозгѣ воспалительный процессъ и значительное выпотѣніе сукровицы, коей въ боковыхъ желудкахъ мозга найдено до трехъ унцовъ». Въ переводѣ «Исторіи болѣзни и послѣднихъ минутъ императора Александра I» («Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 156) находимъ слѣдующія подробности вскрытія: «Въ задней части головы, какъ того и ожидали доктора, оказалось около полустакана воды; мозгъ съ лѣвой стороны почернѣлъ въ томъ мѣстѣ, которое государь указывалъ, жалуясь на мучительную головную боль, а артерія около лѣваго виска перепуталась съ другою жилою до того, что казалась связанной съ нею вмѣстѣ. Сердце, въ отно-

какъ кажется, много страдалъ въ послѣднія минуты. Дыханіе было частое и очень затрудненное. Онъ скончался на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, изголовьемъ къ камину. Особы, находившіяся въ сосѣдней комнатѣ, слышали затрудненное его дыханіе. Во время своей болѣзни онъ нѣсколько разъ проводилъ ночь въ маленькой комнатѣ предъ кабинетомъ. Воспользовались минутою, когда императрица удалилась, чтобы совершить надъ императоромъ обрядъ соборованія.

(Примѣчаніе, на русскомъ языкѣ). По назначенію императрицы Елисаветы Алексѣевны, при отправленіи тѣла командующій конвоемъ былъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ и при немъ свиты его величества генералъ-маіоръ князь Никита Григорьевичъ Волконскій [1]).

Княгиня З. Волконская.

шеніи другихъ органовъ, было мало, и его нашли окруженнымъ небольшимъ количествомъ воды, которая могла образоваться еще до болѣзни; предположеніе это оправдывается тѣмъ, что императоръ, еще до болѣзни, жаловался на біеніе сердца. Печень не представляла никакихъ особенностей; она была только слишкомъ открыта и испускала много желчи, не смотря на сильное изверженіе желчи въ продолженіе 15-го и 16-го ноября, послѣ пріема лекарствъ. Хрящи между крестцовыми позвонками окостенѣли такъ, что между этими позвонками не видно было хряща и позвоночный столбъ въ этомъ мѣстѣ, казалось, состоялъ изъ однѣхъ костей. Остальные внутренніе органы найдены были въ нормальномъ состояніи».

[1]) Супругъ княгини Зинаиды Александровны.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Очерки и замѣтки.

1859—1866 гг.

(Окончаніе).

1859.

27-го іюня 1859.

Ты спрашиваешь „что̀ я дѣлаю?“ [1])—много. Во первыхъ, сегодня хоронилъ великую княгиню Марію Павловну, которая скончалась послѣ очень короткой простудной болѣзни. Сойти со сцены въ 74 года—довольно пора, но всетаки это подѣйствовало очень поразительно на весь Веймаръ (и на Листа, въ томъ числѣ) и на меня, который такъ недавно представлялся великой княгинѣ и бесѣдовалъ съ ней, въ первый и послѣдній разъ въ жизни! Для меня это происшествіе очень досадно и тѣмъ еще, что лишило меня безподобной оперы, „Эвріанты“ Вебера, которая была назначена на вчера, и которою я насладился бы, кромѣ спектакля, еще и на пробѣ—какъ сдѣлалъ съ „Фиделіо“ во вторникъ и въ среду. Такимъ образомъ, что̀ я дѣлаю во вторыхъ?—слушалъ оперы (и изучалъ ихъ партитуры). „Фиделіо“—чудо изъ чудесъ и отлично шло на маленькой Веймарской сценѣ. Второй актъ Бетховенской оперы такъ сильно драматиченъ, что меня ставилъ въ слезы, и въ своемъ родѣ не хуже Вагнера, это—ты знаешь, по моимъ понятіямъ, необыкновенная похвала. „Фиделіо“ я готовъ бы слушать 30 разъ къ ряду. Что̀ я дѣлаю въ третьихъ?—пишу статейки и наработалъ уже въ „Вѣстникѣ“ рублей на 40 (годится въ послѣдствіи); съ Листомъ вмѣстѣ сочинилъ французскую статью для Journal de St Pétersb.—въ отвѣтъ на ругательства Ростислава (о которыхъ ты слышалъ отъ Дмитрія [2]) и которыя я буду имѣть честь прочитать тебѣ въ подлинникѣ).

---

[1]) Письмо къ М. П. Анастасьевой.

[2]) Дм. Вас. Стасовъ.—Эта статья не была напечатана. В. С.

Кромѣ статей, посылаю въ Питеръ кое-какіе проекты. Объ этомъ—лично. Что̀ я дѣлаю въ четвертыхъ?—слушаю бесѣды и игру первѣйшаго музикуса въ мірѣ въ настоящую минуту и, наконецъ, въ пятыхъ, съ нимъ-же собираюсь ѣхать 1-го іюля (т. е. въ нынѣшнюю пятницу) въ Галле (близъ Лейпцига) на праздникъ Генделя, гдѣ дадутъ тѣ же ораторіи Генделя, что̀ давали и въ Лондонѣ (конечно, не такъ великолѣпно, бѣдненько, потому что „Halle" маленькій городокъ, мѣсторожденіе великаго Генделя,—но дадутъ хорошо, исправно, ибо: нѣмцы! Узнай отъ кого-нибудь исправнаго изъ дрезденскихъ музикусовъ о подробностяхъ музыкальнаго юбилея въ Галле и напиши мнѣ тотчасъ же; не можешь ли сама пріѣхать туда (отъ Дрездена это два шага на сѣверъ)? Тогда, по окончаніи ораторій (дня два или три, всего вмѣстѣ), мы уже вмѣстѣ поѣхали бы къ тебѣ, въ Дрезденъ где ничто не помѣшаетъ мнѣ пробыть мѣсяца полтора или два. (Дальше, мнѣ необходимо будетъ качнуть въ Луцернъ. Это одна изъ главныхъ точекъ моего вояжа въ нынѣшнемъ году. Хочу узнать Вагнера, какъ человѣка, а кстати и швейцарскую природу въ полной красотѣ! Подробно разскажу на словахъ. Съ деньгами сладимъ, ты увидишь).

Касательно твоего замѣчанія на счетъ слишкомъ долгаго гощенія моего въ домѣ Листа и княгини [1]) скажу тебѣ, что ты не права Я очень знаю, что въ практическихъ дѣлахъ я часто глупъ до невѣроятности, но въ этомъ случаѣ никакой глупости съ моей стороны нѣтъ. Я хотѣлъ уѣхать еще въ прошлое воскресеніе, 19-го, но остановили меня Листъ и княгиня, объявивъ интереснѣйшій для меня репертуаръ оперныхъ спектаклей („Фиделіо", „Эвріанта"), и потомъ хотѣли дать одну изъ Шекспировыхъ піесъ. Затѣмъ Листъ самъ предложилъ мнѣ поработать вмѣстѣ со мною надъ отвѣтомъ Ростиславу Тутъ смерть великой княгини. Какъ русскій, я долженъ былъ сдѣлать кое-какіе визиты de condoléance и быть на похоронахъ. Теперь 1) французская статья еще не совсѣмъ выполирована; этимъ займемся опять съ Листомъ и княгиней. (Вотъ-то дока!! на эти вещи это умнѣйшая женщина!). 2) Праздникъ въ Галле. Время, которое я провожу съ Листомъ, est pour quelque chose dans ma vie. Cela compte comme vous le pensez bien [2]). Что̀ это за симпатическая натура! Непостижимо! Я рѣшительно горжусь тѣмъ, что онъ отличилъ меня и такъ со мною сблизился. 500 лѣтъ пройдетъ, можетъ быть, пока ро

---

[1]) Княгиня Витгенштейнъ, обожательница Листа, жившая тогда въ Веймарѣ.
[2]) Что нибудь да значитъ въ моей жизни, какъ ты хорошо понимаешь.

дится другой такой индивидуумъ (т. е. соединеніе такихъ разнородныхъ совершенствъ).

Въ домашнихъ занятіяхъ у Листа, en petit comité, въ его музыкальномъ залѣ на верху, я просвѣщаю его и его кружокъ на счетъ „Жизни за Царя“ и „Руслана“. Листъ многое чрезвычайно высоко ставитъ въ Глинкиной музыкѣ.

„Ріэнцзи“, должно быть, во многомъ еще смахиваетъ на Мейербера. Но, вѣроятно, есть славныя штуки. Wagner est un grand diable ou plutôt un dieu [1]).

1860.

19-го марта 1860 года.

Дѣла матеріально-артистическія складываются теперь такъ, что я не могу двинуться изъ Питера ни весною, ни лѣтомъ.

1) Начиная съ Пасхи, я открываю небольшой курсъ (8 лекцій) полу-публично, т. е. по подпискѣ (и, вѣроятно, въ залѣ князей Голицыныхъ, у Владимірской), собственно о Вагнерѣ (судьба оперы отъ Глука до нашего времени). Въ этомъ пройдетъ весь апрѣль (по двѣ лекціи въ недѣлю) и хлопотъ—полонъ ротъ (авось за то удастся сганашить копѣйку, а то совсѣмъ „обтрепался“, хуже нищаго! Платья нѣтъ! сапогъ нѣтъ! срамота, о которой говорить совѣстно!).

2) Я приглашенъ въ сотрудники по Энциклопедическому Словарю, затѣваемому въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ. (Во главѣ предпріятія, съ матеріальной его стороны,—Краевскій). Вся музыкальная часть (опредѣленіе терминовъ, исторія музыки, біографіи музыкантовъ и т. д.) отдана мнѣ одному. Плата хорошая будетъ (100 р. съ печатнаго листа, впрочемъ, очень мелкимъ шрифтомъ), но и работы бездна. Теперь, въ іюню и къ іюлю, заготовляются предварительно первые томы, т. е. на букву А и Б. Въ „А“ все мелочи больше, ряпушки (Адажіо, Анданте, Аллегро, Арпеджіо, Алябьевъ и т. д.). За то въ буквѣ Б порядочные сиги: Бахъ, Бетховенъ, Берліозъ, Бортнянскій и т. п. Источники для этой работы (книги справочныя) бо́льшею частію въ петербургской Императорской библіотекѣ и у меня дома. Конечно, многое я точно также нашелъ бы и въ Парижѣ, но дѣло въ томъ, что, въ настоящую минуту, чтобы двинуть въ ходъ колоссальное предпріятіе, необходимо личное мое участіе въ засѣданіяхъ отдѣльной редакціи по изящнымъ искусствамъ.

---

[1]) Вагнеръ большой чортъ, или скорѣе какой-то богъ.

Засѣданія эти собираются у главнаго редактора по части всѣхъ искусствъ, у Аполлона Майкова (извѣстнаго нашего поэта и милѣйшаго человѣка). Теперь составляется и обсуждается главное, т. е. алфавитъ, регистры статей, которыя войдутъ въ составъ словаря. Когда—лѣтомъ—статьи для первыхъ томовъ будутъ мною написаны и сданы въ редакцію, я буду въ этомъ дѣлѣ свободенъ до весны будущаго года и, привыкнувъ къ ходу всей машины этого словаря, буду въ состояніи работать на него хоть въ Камчаткѣ (запасшись матеріалами). Теперь, на первыхъ порахъ, необходимо здѣсь мое личное присутствіе, иначе я потеряю и самое сотрудничество. А дѣло, кромѣ матеріальной субсидіи, само по себѣ важно для пользы науки и искусства. Пора, наконецъ, дѣлать что-нибудь посерьезнѣе, нежели поденное кропанье журнальныхъ статей, этихъ эфемерныхъ мошекъ и комаровъ литературнаго міра (мои комары иногда кусаются очень больно, но всетаки остаются комарами!). Il faut faire un travail qui reste [1]). А то я, до 60-ти лѣтъ, все только „собираться" буду сдѣлать что-нибудь путное по искусству.

3) Я затѣялъ еще одно дѣльце — оперу, большую, серьезную, но сюжетъ получше „Мазепы" (который пойдетъ позже). Званцовъ уже мастеритъ слова. Женскій (или дѣтскій) хоръ мой [2]), по интригамъ, не былъ исполненъ въ жидовскомъ музикъ-ферейнѣ. Теперь его разучивать будутъ пѣвчіе Шереметева. Кстати, спросить бы надо у кн. Долгорукаго-Аргутинскаго, не захотятъ-ли они въ своемъ обществѣ исполнить это маленькое мое произведеніе. Если „захотятъ", то я пришлю копію съ партитуры на твое имя. Мнѣ очень больно, что я до сихъ поръ почти не слыхалъ этой вещи въ исполненіи! Публичная моя дѣятельность, между тѣмъ, летитъ на всѣхъ парусахъ. Мнѣ случилось писать къ Вагнеру въ Парижъ (просить отъ него партитуры его оперъ для театральной дирекціи). Онъ отвѣчалъ очень дружескимъ письмомъ, въ которомъ, излагая свою пенурію, послѣ огромныхъ издержекъ трехъ концертовъ его въ Парижѣ, просилъ меня найти ему протектора въ финансовомъ отношеніи (для кредита тысячъ на 10 франковъ). Я тотчасъ поѣхалъ къ директору театровъ, Сабурову (съ которымъ вовсе не былъ знакомъ лично; онъ зналъ меня только по статьямъ), и въ два сеанса „à bout portant", по десяти минутъ каждый, выхлопоталъ для Вагнера протекцію Сабурова навсегда и на первый случай матеріальную помощь въ 3,000 фран-

---

[1]) Надо дѣлать работу, которая осталась-бы.

[2]) Это былъ «Рождественскій гимнъ», исполненный въ послѣдствіи въ одномъ изъ концертовъ Русскаго Музыкальнаго общества. Онъ до сихъ поръ не изданъ.
В. С.

ковъ (750 р. сер.), которые Вагнеръ и получилъ уже черезъ Ротшильда. Жду письма отъ Вагнера интереснѣйшаго. Между тѣмъ, его дѣла въ Парижѣ приняли другой видъ. Императоръ Наполеонъ далъ приказъ: ставить „Тангейзера" (во французскомъ переводѣ) на сценѣ Grand Opéra. Это событіе совершится къ зимѣ нынѣшняго года. Вотъ когда намъ съ Викторомъ [1]) надо тамъ быть! Кстати услышимъ и „Орфея" Глукова съ Віардô, и новую колоссальную оперу Берліоза „Les Troyens", которая также теперь разучивается. Сабуровъ далъ мнѣ слово и у насъ скорехонько ставить „Тангейзера" (съ Сѣтовымъ [2]) и съ тѣмъ, чтобы я завѣдывалъ всею постановкою.

Покамѣстъ, вотъ программы концертовъ дирекціи, продиктованныя нѣкіимъ жильцомъ Озерного переулка. По порученію дирекціи, Шубертъ пріѣзжалъ ко мнѣ еще въ январѣ; я составилъ проекты, которые теперь и осуществились.

Въ концертахъ этихъ театры биткомъ и дирекція чрезвычайно довольна.

Сію минуту ѣду на репетицію 3-го концерта, гдѣ исполнятся три нумера изъ „Лоэнгрина" и восьмая симфонія Бетховена.

9-го ноября 1860 года.

Лѣто я провелъ безотлучно въ „гниломъ" Петербургѣ, но не жалѣю объ этомъ. Теперь я въ такомъ фазисѣ или „стадіумѣ" своей жизни, когда на первомъ планѣ — работа, работа и работа, хотя бы я жилъ въ Камчаткѣ! Я какъ-то свыкся съ мыслію смотрѣть на себя теперь какъ на сосудъ, черезъ который должны влиться въ человѣчество многія добрыя артистическія идеи. Лично для себя я ровно ни о чемъ не забочусь. Меньше чѣмъ когда-нибудь прежде, я имѣю право колебаться и сомнѣваться въ своемъ артистическомъ призваніи. Я доставилъ себѣ нѣкоторую извѣстность, составилъ себѣ имя—музыкальными критиками, писательствомъ о музыкѣ,—но главная задача моей жизни будетъ не въ этомъ, а въ творчествѣ музыкальномъ. Не прежняя пора! Лѣтъ десять назадъ, я только примѣривался; теперь я дѣлаю дѣло. Мысли „творческія" меня осаждаютъ, не даютъ мнѣ покоя, отдыха прежде, нежели улягутся на бумагу въ видѣ совсѣмъ готовыхъ оконченныхъ партитуръ. Такъ дѣло пошло съ прошлаго декабря — почти годъ назадъ. Въ самое короткое время тогда я сочи-

---

[1]) Викторъ, сынъ М. П. Анастасьевой, большой пріятель А. Н. Сѣрова не смотря на всю разницу лѣтъ,—въ то время воспитанникъ училища правовѣдѣнія.

[2]) Тогдашній теноръ на Маріинской сценѣ. В. С.

нилъ „Рождественскій гимнъ" (о которомъ, кажется, писалъ тебѣ)— хоръ и терцетъ для однихъ женскихъ или дѣтскихъ голосовъ, въ совершенно святомъ характерѣ. Я имъ былъ вполнѣ доволенъ (хотя до сихъ поръ еще не слыхалъ его въ исполненіи какъ слѣдуетъ, съ оркестромъ изъ флейты, кларнетовъ и гобоя только). Но я и предчувствовать не могъ, что это мое небольшое произведеніе, по своему стилю и религіозной задачѣ, будетъ только „прелюдіей" къ тому, что созидалось во мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, совсѣмъ нежданно для самого меня. Съ начала года, бесѣдуя съ нашимъ умнымъ и „понимающимъ дѣло", Званцовымъ, я сталъ вмѣстѣ съ нимъ и, такъ сказать, имъ наткнутый на одинъ сюжетъ—замышлять большую оперу, въ стилѣ, разумѣется, вагнеровскомъ, но вмѣстѣ и совершенно оригинальномъ [1]). Это—работа, которой одно обдумыванье со всѣхъ сторонъ займетъ много времени, годы. У меня есть только немного еще набросковъ, эскизовъ для оперы, которой одна мысль тебя очаруетъ. Между тѣмъ, перебирая какъ-то лѣтомъ, въ іюнѣ, разные свои старинные шпаргалы, я нашелъ въ одной тетрадкѣ мысли для піесы въ церковномъ чисто-католическомъ стилѣ, на латинскій текстъ высшей молитвы въ свѣтѣ „Отче нашъ". Мысли мнѣ понравились—отъ нихъ пошли рождаться другія. Въ нѣсколько дней сложился планъ весьма пространной разработки каждаго изъ отдѣловъ Господней молитвы, и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ выросла большая партитура, въ 75 страницъ тихаго темпа — чуть не ораторія или месса, которая на-дняхъ будетъ налитографирована и пошлется къ друзьямъ въ Парижъ, къ Вагнеру въ Веймаръ, къ Листу и еще къ нѣкоторымъ. Знаю напередъ совершенно твердо, что отовсюду получу только комплименты, такіе же, какіе уже слышалъ здѣсь отъ людей толкъ смыслящихъ. Словами разсказывать музыку не для чего, но, чтобы дать маленькую идею объ этой вещи, сообщаю здѣсь ея планъ:

I. Pater noster, qui es in coelis,	Отче нашъ,
Sanctificetur nomen tuum.	Да святится имя Твое.

Благоговѣйно-спокойное настроеніе духа

Кроткое обращеніе къ Творцу и обожаніе Его святости.

Сперва четыре голоса соло, безъ оркестра, потомъ хоръ и весь оркестръ, потомъ соло для контральта, опять четыре голоса — и опять хоръ съ оркестромъ.

II. Adveniat regnum tuum.	Да пріидетъ царствіе Твое!

Надежда на міръ лучшій! Обѣщаніе чего-то небеснаго. Свѣтло-

---

[1]) Это была опера «Ундина». В. С.

торжественные звуки спускаются съ высотъ; характеръ всей этой 2-й части очень свѣтлый, прозрачный.

III. Fiat voluntas tua, Sicut in coelis, et in terra.	Да будетъ воля Твоя, какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

Мы не знаемъ, какъ воля Его совершается на небѣ, слѣдовательно, главное настроеніе духа тутъ—мистицизмъ съ одной стороны, съ другой—„résignation". Мрачное величіе.

Соло баса. Тромбоны и литавры pp. Хоръ начинается p. до огромнаго ff, кончается повтореніемъ соло-баса.

IV. Panem nostrum quotidianum da nobis hodie.	Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ сегодня.

Простодушная просьба людей — будто въ сближеніи ихъ съ природою. Характеръ наивный, граціозный, идиллическій. Теноръ, альтъ и сопрано—терцетомъ. Потомъ хоръ.

V. Et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris.	И прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ.

Просьба о прощеніи долговъ (грѣховъ) есть покаяніе; общій характеръ этой части—мрачный аскетизмъ (въ оркестрѣ нѣтъ скрипокъ; одна віолончель на густѣйшихъ своихъ нотахъ). Соло баса, соло тенора, послѣ всѣ четыре вмѣстѣ и съ хоромъ.

VI. Et ne nos inducas in tentationem, sed libera nos a malo.	И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ всякаго зла.

Слово „зло" взято мной какъ общая идея всего злаго, что̀ бываетъ на свѣтѣ зла моральнаго и физическаго (ужасы войны, моровой язвы, тираніи)—всего, что̀ составляетъ воплощеніе адскихъ властей на землѣ. Передъ группою людей разверзлись адскія бездны, гибель зіяетъ на нихъ и они въ страшномъ испугѣ молятъ отца небеснаго объ избавленіи. Самый тревожный, драматически-волнующійся хоръ, гдѣ иные возгласы, „fortissimo", доходятъ до крика о пощадѣ всею массою и голосовъ и инструментовъ (Des cris d'épouvante et de détresse [1]). Все это „дьявольское навожденіе", тяжелое какъ кошмаръ, разрѣшается переходомъ къ кроткому, благоговѣйному настроенію начальной молитвы, и на слова „Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки. Аминь" повторяется почти безъ перемѣны, въ главномъ, музыка 1-й части (Да святится имя Твое).

---

[1]) Крики ужаса и отчаянія.

1861.

5-го февраля 1861 года.

Тебѣ (Виктору К. Анастасьеву) и Марьѣ Павловнѣ, безъ сомнѣнія, интересно знать о Ристори, „какъ и что она въ Петербургѣ и ѣдетъ ли къ вамъ, въ Одессу?“ Съ этого увѣдомленія я начну, съ тѣмъ, чтобы остальную часть письма наполнить исключительно моими дѣлами.

Ристори пользовалась у насъ успѣхомъ огромнымъ (на дняхъ уѣзжаетъ въ Москву), почти такимъ же, какъ въ 1853—1854 годахъ Рашель). Модный свѣтъ, модная публика только и заботились въ это время, что о спектакляхъ Ристори. Журналы и газеты наполнены разборами ея ролей. Я, съ своей стороны, видѣлъ ее разъ десять во всѣхъ лучшихъ роляхъ (кромѣ „Елисаветы Англійской“ и „Pia di Tolomei“). Нахожу ее очень хорошею актрисою, съ толкомъ, съ способностью къ драматической правдѣ, съ отличной мимикой (иногда, т. е. когда нѣтъ преувеличенія—charge), но сильнаго впечатлѣнія она собственно на меня не сдѣлала.

Поразительно дѣйствовать на меня можетъ только „первостатейное“ въ каждомъ искусствѣ, а Ристори на границѣ между очень хорошимъ и médiocre. Чувствуется, что громадная репутація ея выкована въ Парижѣ, по особымъ причинамъ (въ пику Рашели); чувствуется, что на италіанскихъ драматическихъ сценахъ есть артистки не хуже, если не лучше Аделаиды Ристори; а если брать не италіанокъ, то summa summarum [1]) — она ничуть не лучше, напримѣръ, Вольнисъ—далеко, далеко ей до Маріи Зеебахъ, напримѣръ! Въ роли Adrienne Lecouvreur не только что ее и сравнивать невозможно съ Рашелью, которая были—въ своемъ родѣ—первый сортъ, но талантливая французская актриса въ Петербургѣ для этой роли—m-lle Stella Colas (не довольно опытная, молодая артистка и вовсе не особенно талантливая) не въ примѣръ лучше, изящнѣе, граціознѣе Ристори. На русской сценѣ Александріи [2]) Ѳедорова или, прежде, Вѣра Самойлова — тоже иногда могутъ перешибить пресловутую игру италіанки. Главный недостатокъ въ ней, по моему, отсутствіе женственной граціи. Силы и страсти—довольно, порой — черезчуръ, потому что игра доходитъ до эффектовъ весьма грубыхъ (точно также, какъ и голосъ, чуть не мужской, для иныхъ ролей совсѣмъ некстати). Лучше прочихъ ролей—для меня—она была въ Маріи Стюартъ и въ Юдиѳи.

---

[1]) Въ общей сложности.

[2]) Т. е. Александринскій театръ. В. С.

Въ Юдиѳи, кромѣ отличной игры, было много и красоты внѣшней, и силы общаго впечатлѣнія. (Самая піеса „Giuditta del S-r Giacometli" лучше прочихъ италіанскихъ фабрикацій, которыми насъ угостила Ристори). „Юдиѳь" такъ на меня подѣйствовала, что я принялся писать италіанскую оперу на этотъ сюжетъ. Началъ съ послѣдняго акта, и финалъ оперы съ большимъ торжественнымъ гимномъ уже совсѣмъ готовъ, даже на оркестръ. Предложу его примадоннѣ Лагруа, авось согласится исполнить эту большую сцену въ своемъ бенефисѣ (черезъ мѣсяцъ отъ сего дня), а если это сбудется, то къ слѣдующему сезону примутъ и всю оперу, которую напишу отъ ноты до ноты, безъ помарокъ—мѣсяца въ два.

Ристори въ нынѣшнюю весну къ вамъ на югъ Россіи не поѣдетъ. Послѣ Москвы уѣзжаетъ во-свояси, гдѣ ждетъ ее ангажементъ, по контракту, кажется, въ Генуѣ. Свѣдѣніе это достовѣрно. Получивъ порученіе Марьи Павловны узнать объ этомъ, я справлялся у италіанцевъ, которые видаются съ Ристори каждый день. (По случаю италіанскаго текста на мою программу, я завелъ знакомство съ италіанцемъ-стиходѣемъ, Джустиніани, а у него видаюсь съ различно-калиберными сынами Авзоніи).

Коснувшись занятій своихъ композиторскихъ, я тѣмъ самымъ уже увѣдомляю тебя о главной долѣ моего житья-бытья. Наконецъ-то Богъ послалъ мнѣ время, когда могу не безъ гордости сказать— „anch'io sono pittore!"[1]). Пишу не о музыкѣ только, а пишу самую музыку, художничаю въ истинномъ смыслѣ, плыву на всѣхъ парусахъ, рождаю партитуру за партитурой, и съ этой стороны безмѣрно счастливъ и доволенъ судьбой. Больше чѣмъ когда-нибудь „витаю въ эмпиреяхъ" и по цѣлымъ днямъ ни о чемъ житейскомъ не думаю. Но, быть можетъ, условіе, необходимое для творчества, во мнѣ — внѣшнія обстоятельства, тяжкія, гнетущія безвыходностью! Прошлою осенью жизнь и въ матеріальномъ отношеніи стала мнѣ улыбаться. Затѣялся журналъ „Искусства", отъ котораго я имѣлъ трудовой копѣйки въ мѣсяцъ больше двухъ сотъ рублей. Но увы! эти радужныя депозитки были чѣмъ-то въ родѣ радужныхъ красокъ въ мыльномъ пузырѣ. Прошелъ мѣсяцъ, другой — журналъ лопнулъ недуманно-нежданно (какъ и начался!). И вотъ я опять на нищенскомъ положеніи—тридцати „канареекъ" (жалованья), которыя до гроша долженъ вручать матери, а у самого нѣтъ и на извощика, по двѣ, по три недѣли! Журналъ „Искусства" лопнулъ отнюдь не отъ того, что Писемскій отказался; напротивъ, Писемскій отказался, узнавъ, что журналъ не бу-

[1]) Тоже и я живописецъ—извѣстный возгласъ Корреджіо. В. С.

детъ выходить, такъ какъ издатель, нѣкто Герике, оборвался въ финансовыхъ средствахъ. Онъ надѣялся на помощь людей, которые вмѣстѣ съ нимъ начали это предпріятіе (съ денежной стороны). Помощь эта не явилась и все рухнулось. Мы съ Писемскимъ были приглашены этимъ Герике какъ редакторы отдѣльныхъ частей, каждый по спеціальности своей и за извѣстный гонораріи (75 р. въ мѣсяцъ, какъ редакторы, съ платою за статьи, на которыя я не лѣнился, — это и составляло больше двухъ сотенокъ въ мѣсяцъ). Теперь вся возня съ издателями, радакторами и т. д. мнѣ крайне опротивѣла. Спеціальнаго ȯргана для моихъ мыслей по музыкѣ рѣшительно нѣтъ, а въ журналахъ неспеціальныхъ музыкальныя статьи очень некстати всегда, и публика общихъ журналовъ крайне меня не жалуетъ. Критикъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" на мой вопросъ ему, по случаю умолчанія о моемъ курсѣ, отвѣтилъ мнѣ, что я—„Лазаревъ № 2-й". Чего-жъ отъ нихъ требовать! Въ „Русскомъ Мірѣ", среди желаній на новый годъ въ № 1-мъ 1861 года, стихами было напечатано:

«Пусть не наводятъ больше скуки на насъ Сѣровъ и Раппапортъ».

Что-же имъ докучать! въ самомъ дѣлѣ!!

Наконецъ, и это все ничего бы не значило—что̀ нужно высказать, то нужно, не смотря ни на какихъ кривотолковъ и болвановъ — въ поощреніи я вовсе не нуждаюсь, зная, что свое дѣло разумѣю получше другихъ, и судей надо мною въ Россіи вовсе и нѣтъ, но... самое ремесло музыкальной критики и неразлучныя съ этимъ ремесломъ перебранки наскучили надоѣли мнѣ до-нельзя. Хотѣлось бы забыть рѣшительно обо всемъ этомъ и писать только партитуры. Но тутъ опять бѣда! Откуда же пекунію взять! Я и то живу въ родѣ птицъ небесныхъ. Человѣку, однако, ни одна крошка даромъ въ ротъ не попадетъ. И писать статей—не могу, и не писать—нельзя! Вотъ въ чемъ безвыходность...

Если добрый мой министръ Прянишниковъ [1]) дастъ мнѣ, какъ въ прошломъ году, порядочную награду — поѣду на эти деньги за границу—послушать музыки, которой въ Россіи не услышать еще долго. Да надобно и съ Листомъ повидаться: хочу показать ему свои партитуры („Рождественская пѣснь", „Отче нашъ" и то, что готово изъ „Юдиѳи". Другая опера, о которой я прежде писалъ къ М. П., тоже заготовляется, но она должна дольше зрѣть, нежели италіанская „Юдиѳь", которой скороспѣлость отнюдь не помѣшаетъ). Хочется

[1]) Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, старинный пріятель Сѣрова-отца; онъ помѣстилъ А. Н. Сѣрова цензоромъ иностранныхъ газетъ и журналовъ при почтовомъ департаментѣ. В. С.

еще побывать и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ. Этихъ мѣстечекъ я до сихъ поръ еще не видалъ, а видѣть, узнать все это для полноты образованія не мѣшаетъ. Также и Италію. Если поѣду, то, въ нынѣшній разъ, долго въ Германіи, въ Веймарѣ, гостить не буду. Надобности не встрѣтится!

А. Н. Сѣровъ—М. П. Анастасьевой.

10-го сентября 1861 г.

Газеты, по обыкновенію, приврали. Моя опера „Юдиѳь", по ихъ увѣренію (что̀ перешло и въ иностранные музыкальные листки), уже ставится на сцену или около того! Между тѣмъ на дѣлѣ—партитура еще далеко не совсѣмъ готова. Изъ четырехъ актовъ совершенно оконченъ (хоть завтра ставить) только одинъ—послѣдній. Въ трехъ предъидущихъ заготовлено много, даже и въ оркестрѣ (т. е. полной партитурой), но много еще и вчернѣ. Работы, самой усидчивой (какъ я вообще работаю въ этомъ году), хватитъ мѣсяца на два, если не на три. При всемъ желаніи моемъ увидѣться съ тобою и познакомить тебя съ полуготовымъ большимъ, широкимъ произведеніемъ, я хотѣлъ бы, чтобъ ты пріѣхала въ Питеръ не раньше конца ноября, когда, Богъ дастъ, успѣю все окончить и заботиться только объ томъ, чтобъ вдвинуть оперу въ ея настоящее мѣсто, т. е. на сцену милаго моего Маріинскаго театра (чудо какъ отдѣланнаго теперь, послѣ пожара, и посвященнаго исключительно русскимъ операмъ).

Какова именно моя „Юдиѳь", объ этомъ можно будетъ рѣшительно сказать только послѣ представленія. Самъ я своимъ трудомъ весьма доволенъ и пишу свою музыку теперь шибко и твердою рукою. Но самъ въ своемъ дѣлѣ никто не судья. (Вѣдь былъ же я доволенъ и „Майскою ночью", хотя тамъ швахятины было несравненно больше, чѣмъ чего нибудь похожаго на дѣло). Знаю только то, что «Юдиѳь" несравненно лучше всего, что я до сихъ поръ писалъ, лучше и романсовъ, тебѣ извѣстныхъ (Полу-маска, Ангелъ, Сонъ), лучше и прошлогоднихъ произведеній, тебѣ еще незнакомыхъ, „Рождественской пѣсни" (которую теперь разучиваютъ придворные пѣвчіе) и небольшой ораторіи на текстъ латинскаго „Отче нашъ". Знаю также, что всѣмъ (кромѣ одного), кому случалось слышать отрывки изъ моей оперы, музыка моя нравится сильно; иныхъ прохватываетъ до слезъ, до восторга, а Вильбоа (въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей, къ чести его—jalousie de métier [1]) прохватила до нервнаго припадка. Но и это

[1]) Ревности товарища по ремеслу.

все еще не много значитъ. Въ публикѣ можетъ найтись бездна индивидуевъ, даже безпристрастныхъ, даже расположенныхъ въ мою пользу, которыхъ музыка моя нисколько не тронетъ, не расшевелитъ. Примѣръ этихъ „холодныхъ" къ моимъ звукамъ я неожиданно встрѣтилъ въ одномъ человѣкѣ, тебѣ очень близкомъ, въ твоемъ Викторѣ. Въ одно изъ двухъ его посѣщеній меня, я долго съ нимъ бесѣдовалъ о себѣ самомъ, о своемъ призваніи. Разсказывалъ ему, какъ теперь я въ себя вѣрю, какъ миновали во мнѣ всѣ прежнія колебанія и сомнѣнія, какъ никто на свѣтѣ теперь не въ состояніи сбить меня съ моей настоящей дороги, по которой иду и пойду все тверже и смѣлѣе, шире и глубже. Онъ слушалъ и глаза его блистали отъ радости. Потомъ, въ подкрѣпленіе моихъ словъ, я съигралъ и спѣлъ ему лучшее изъ моей нынѣшней оперы—хоръ народа, умирающаго отъ жажды въ осажденномъ городѣ, и торжественный побѣдный гимнъ „Юдиѳи", которымъ заключается опера. Викторъ прослушалъ молча; я видѣлъ, что онъ не удовлетворенъ и, какъ теперь оказывается изъ письма твоего, онъ больше чѣмъ прежде сомнѣвается во мнѣ, какъ въ музыкантѣ. Въ этомъ пособить ему ничѣмъ не могу и только сожалѣю, что въ этотъ разъ такъ много разглагольствовалъ о своемъ призваніи. Въ убѣжденіи Виктора, т. е. при отсутствіи во мнѣ настоящаго таланта творческаго—я игралъ роль какого-то Фердинанда VIII, который прогуливается по Невскому, не показывая вида, что онъ испанскій король. (Это изъ Гоголевыхъ „Записокъ сумашедшаго"). Повторяю, что вкусы различны. На всѣхъ не угодишь, да и думать объ этомъ угожденіи не слѣдуетъ. Между моими знакомыми есть такіе, которые не призадумываясь ставятъ мою оперу выше Глинкиныхъ („la portée est infiniment plus vaste" [1]), по выраженію нѣкоторыхъ). Но еслибъ случилось, что какой нибудь Балакиревъ судилъ объ „Юдиѳи", то она окажется ниже всякой посредственности и т. д. По личнымъ моимъ психологическимъ причинамъ, мнѣ хотѣлось бы покорить, плѣнить Виктора, какъ, напримѣръ, я завоевалъ себѣ уже сестру Соничку (всегда, какъ ты помнишь, недовѣрявшую моему авторству музыкальному).

Лѣтомъ, для того чтобы попробовать нѣкоторые новые эффекты инструментовки, я далъ съиграть одинъ „антрактъ" изъ своей оперы (именно: оргію Олоферна) въ оркестрѣ Штрауса, въ Павловскѣ, вечеромъ, поздно, когда публики въ вокзалѣ ни души. Результатъ вышелъ (несмотря на плохое исполненіе, въ первый разъ, музыки очень трудной) для меня самый пріятный. Я услышалъ то, что слышалось въ

[1]) Уровень ея гораздо обширнѣе.

воображенія. Музыканты, немножко ошеломленные дикостью звуковъ, однако апплодировали мнѣ смычками въ донышки скрипокъ. Въ публику, какъ сочинитель музыки, я въ этомъ же году высунулся всего одинъ разъ, именно въ концертѣ изъ малороссійскихъ пѣсенъ, въ память поэта Шевченки (въ залѣ Дворянскаго собранія, 27-го апрѣля). Моей работы были хоры мужскіе и женскіе съ оркестромъ (разработка народныхъ украинскихъ мотивовъ и одной военной пѣсни сербской). Оркестровка моя меня удовлетворила. Апплодировали этимъ нумерамъ жестоко-шумно, а подъ конецъ концерта, кружокъ молодыхъ людей, мнѣ вовсе не знакомыхъ—подняли меня на руки и меня подкачивали, въ знакъ полнаго удовольствія, полнаго тріумфа надъ публикою. Подробнѣе объ этомъ концертѣ прочти въ іюньской книжкѣ малороссійскаго журнала: „Основа". Все это я считаю кое-какими маленькими залогами и предзнаменованіями, что авось-либо и опера пройдетъ не совсѣмъ незамѣтною. Въ мои годы и при моей неглупой головѣ, я навѣрное никакъ бы не рискнулъ выступить на оперную сцену съ произведеніемъ слабымъ на такой сильный сюжетъ. Отъ того—положа руку на сердце и сдѣлавъ все для достиженія своего идеала оперы—я жду только двухъ шансовъ: или 1) succès d'estime [1]), въ томъ случаѣ, когда во мнѣ признаютъ и мастерство, и умъ, и вкусъ, и тьму разныхъ почтенныхъ качествъ, кромѣ... особенно живительной, зажигательной и сожигающей силы творчества (въ такомъ родѣ были: Мегюль, Керубини, Шпоръ, Маршнеръ, въ такомъ родѣ — „Русалка" Даргомыжскаго); или 2) чего нибудь побольше. Меньше—никакъ и никогда.

Я началъ свою „Юдифь" только въ январѣ нынѣшняго года. Мысль писать оперу на этотъ сюжетъ явилась во мнѣ вслѣдствіе италіанской драмы, гдѣ такъ великолѣпна Ристори (особенно наружностью). Въ прошломъ году я замышлялъ совсѣмъ другую оперу: „Ундину".

10-го сентября 1861 г.

Исторія моя съ Лазаревымъ должна казаться непонятною или противною только тѣмъ, кто не знаетъ моей чистой, святой преданности искусству. По моимъ понятіямъ, исполненіе увертюры Бетховена въ Лазаревскомъ концертѣ, для сравненія съ его музыкою—профанація дѣла и стыдъ для Петербурга. Я положилъ этому конецъ своею публичною рѣчью со стула [2]). Чуть-чуть не лишился мѣста въ почтамтѣ и просидѣлъ недѣлю на гауптвахтѣ, слѣдовательно, пожертвовалъ собою, но цѣли достигъ. Лазаревскихъ концертовъ больше не будетъ:

---

[1]) Успѣхъ уваженія.

[2]) Въ концертѣ Лазарева, залѣ Дворянскаго собранія. В. С.

полиціею запрещены. Высшая власть, когда было доложено о моей „рѣчи" какъ о публичномъ скандалѣ, отозвалась такъ: „Ничего въ этомъ дурнаго не вижу: артистическое увлеченіе, больше ничего; но чтобы умѣрить немножко экстазъ г. Сѣрова, пусть начальство его сдѣлаетъ ему маленькое внушеніе". Мой министръ и генералъ-губернаторъ придумали, что всетаки лучше посадить подъ арестъ. Вотъ я семь деньковъ и высидѣлъ въ караульной новаго адмиралтейства (сначала на сенатской гауптвахтѣ, но потомъ перепросился въ новое адмиралтейство, чтобы имѣть отдѣльную комнату для занятій). Работалъ я и на гауптвахтѣ много, а именно, хотя безъ фортепіано, арранжировалъ на оркестръ малороссійскіе хоры, которые и исполнялись въ концертѣ 27-го апрѣля. Арестъ мой помѣшалъ исполненію въ одномъ изъ концертовъ дирекціи театровъ финальнаго гимна изъ „Юдиѳи", о чемъ я сильно хлопоталъ въ то время, когда видѣлся съ Викторомъ, и музыка моя уже разучивалась хористами. Но эта помѣха исполненію пришлась кстати. Нѣтъ ничего хуже, какъ давать публикѣ знакомство съ новой для нея вещью по кускамъ. Это вредитъ общему впечатлѣнію отъ цѣлой вещи. Вотъ я и опять съѣхалъ на свою оперу! Врядъ ли о чемъ другомъ могу говорить въ настоящую минуту.

Послѣ короткаго, но превосходнѣйшаго лѣта (іюнь и іюль), у насъ теперь въ воздухѣ такое мерзопакостіе, что тошно въ окно взглянуть, а выходить на улицу!!.. Ахъ, если-бъ можно было мнѣ теперь жить такимъ затворникомъ, какъ въ Бурлукѣ!

Тебѣ собственно я хотѣлъ бы прежде всего подарить мелодію изъ моего восточнаго (Ассирійскаго) балета, во 2-мъ актѣ, одну тихую, нѣжную пѣсенку одалисокъ въ шатрѣ Олоферна. Какъ восточная женщина, ты лучше другихъ оцѣнишь на сколько мѣстнаго колорита я усадилъ въ эти немногія и, будто, простенькія нотки [1]). Меня увѣряютъ иные, что это больше „гаремно", нежели все восточное въ „Русланѣ". Самъ судить, повторяю, не берусь!

---

[1]) М. П. Анастасьева была родомъ гречанка, изъ фамиліи Мавромихали.
В. С.

1862.

25-го іюля 1862 г.

....Спѣшу перейти къ предмету, которымъ весь наполненъ и который для тебя не безъ интереса. „Юдиѳь" моя кончена. Осталось работы матеріальной (перебѣливанія и оркестровки нѣкоторыхъ частицъ)—на мѣсяцъ, не больше. Дома, за органомъ, я могу дать идею обо всемъ, отъ первыхъ нотъ 1-го акта до послѣднихъ аккордовъ 5-го. Громадина вышла страшная. Пять актовъ, изъ которыхъ каждый не меньше получаса занимаетъ. Работы было бездна, я самъ себѣ и либретто состряпалъ и, при моей медлительности въ артистическихъ трудахъ, написать все въ полтора года—подвигъ, право, невѣроятный. Но онъ уже совершенъ. Теперь дѣло зависитъ отъ дирекціи театральной. Такъ какъ я вообще въ жизни внѣшнимъ счастьемъ въ дѣлахъ не могу похвастать (какъ и все семейство наше), то не ожидаю, чтобы у меня взяли оперу прямо безъ хлопотъ, да прямо бы и давай ее ставить на сцену. Тутъ, вѣроятно, я долженъ буду пройти чрезъ бездны мытарствъ и страданій всякаго рода, но если преодолѣю, если опера пойдетъ на сцену, за ея дальнѣйшую судьбу я заранѣе совершенно спокоенъ. Упасть, сдѣлать „fiasco", она положительно не можетъ. Будетъ во всякомъ случаѣ успѣхъ, или порядочный (больше чѣмъ что̀ называется succès d'estime) или... какъ меня увѣряютъ многіе, разумѣющіе дѣло—громадный. На-дняхъ былъ у меня мой пріятель, знаменитый литературный критикъ Аполлонъ Григорьевъ, умнѣйшій и высоко-образованный малый, широкая, геніальная русская натура, одаренная глубокимъ чутьемъ и въ музыкальныхъ дѣлахъ (русакъ, цыганистъ, но безъ памяти влюбленъ въ Бетховена и въ Вагнера). Я не посмѣю тебѣ повторить его отзывы о тѣхъ частяхъ оперы моей, съ которыми я его познакомилъ. Скажу только, что я его прошибъ съ первой же сцены до слезъ, и онъ, послѣ, въ обществѣ литераторовъ (у Достоевскихъ) говорилъ такъ:

— „Герценъ вретъ, что искусство въ наше время умерло. Хороша смерть искусству, когда пишутся такія вещи, какъ драмы Островскаго и какъ „Юдиѳь".

Григорьевъ, нисколько не надѣявшійся найти во мнѣ художника творящаго, обѣщалъ мнѣ написать письмо о впечатлѣніяхъ своихъ отъ моей музыки (по его мнѣнію, я и Вагнера перешибъ), и копію съ этого письма я не замедлю отправить къ тебѣ. Я долгонько копилъ въ себѣ свои капиталы, но теперь пора грянуть, и первый мой залпъ, полагаю, будетъ не безъ результатовъ для искусства въ Россіи. Ты видишь, что я цѣлюсь высоко, и говорю о себѣ съ полною увѣренностью.

Что же дѣлать, когда для сомнѣнія и мѣста нѣтъ, послѣ очевиднаго дѣйствія моей музыки на другихъ. Въ прошломъ году я былъ удивленъ, что на Виктора не подѣйствовалъ заключительный гимнъ моей оперы. Теперь это „исключеніе изъ правила" было бы для меня страннѣе. Лоскутокъ изъ 4-го акта (оргія Олоферна), исполненный безъ пѣнія, безъ сценической иллюзіи, однимъ оркестромъ, въ концертѣ Кажинскаго (26-го февраля нынѣшняго года), вызвалъ дружныя рукоплесканія всей публики, тогда какъ я расчитывалъ вмѣстѣ съ Кажинскимъ, что, для большинства, эти звуки останутся чѣмъ-то дикимъ и непонятнымъ. Григорьевъ увѣряетъ, что съ первой же сцены 1-го акта за мною будетъ полнѣйшая побѣда надъ всѣми въ свѣтѣ публиками. „Есть, братецъ, вещи, которыя прошибаютъ сразу"—вотъ подлинныя его слова. Я объ этомъ распространяюсь съ аппетитомъ, потому что мнѣ еще весьма вновѣ подобные тріумфы. Какъ музыкантъ, пишущій музыку, я весьма не избалованъ еще похвалами. Въ ближайшемъ ко мнѣ (семейномъ) кругу, совершенное непониманіе или совершенная холодность. Въ существѣ, которое мнѣ очень родственно и по натурѣ, и по образу мыслей, и по пониманію искусства, въ сестрѣ Софьѣ Николаевнѣ, я — увы! нашелъ полную антагонистку моего авторства! А такъ какъ теперь я ни о чемъ другомъ не могу охотно разсуждать, бесѣдовать, какъ объ своемъ художническомъ дѣлѣ, то мы съ сестрою почти и не видаемся. Больно было бы мнѣ очень, если и тебѣ музыка „Юдиѳи" будетъ не симпатична, не прохватитъ тебя до глубины души! Только—нѣтъ! Это рѣшительно быть не можетъ. Я помню, что „романсики" мои производили на тебя сильное дѣйствіе, что даже кое-что изъ „Майской ночи" казалось тебѣ хорошей музыкой. А что̀ все это такое передъ моею нынѣшнею партитурою?! И толкъ, и блескъ, и драматизмъ, и нѣга, и страстность, и святые восторги, все это—скажу безъ „ложной скромности",—все это уже есть въ моей „Юдиѳи". За одно только могу побаиваться: мой стиль такъ оригиналенъ, что на первые раза публика будетъ черезчуръ озадачена цѣлостью оперы. Впрочемъ, объ этомъ трудно говорить „преждевременно". До дѣла съ публикой еще не совсѣмъ-то близко. Мегюль, ставя слово „fin" на послѣдней страницѣ партитуры, прибавлялъ: fin du plaisir, commencement des désagréments [1]). И это—вѣчная правда. Въ ужасъ должно придти, если живо представить себѣ все, что меня ожидаетъ въ мірѣ подлости, халуйства и пролазничества. Сокомъ выйдетъ мнѣ моя бѣдная партитура, доставившая уже мнѣ бездну минутъ высокаго артистическаго

---

[1]) Конецъ удовольствій, начало непріятностей.

счастія. Вотъ „оно-то“ и вознаграждаетъ насъ за все, что приходится терпѣть въ мірѣ существенномъ, не похожемъ на тотъ, гдѣ мы дома. Скоро опять напишу.

25-го іюля 1862 г.

Ты просила планъ и обстановку оперы. Исполняю твое желаніе, разумѣется, съ удовольствіемъ (о своемъ дѣтищѣ я не устану говорить, лишь бы не уставали слушать).

Въ оперѣ пять большихъ актовъ.

1-й. Народъ, въ осажденномъ еврейскомъ городкѣ, страдаетъ отъ жажды. Большіе хоры и довольно длинный разсказъ тенора. Это Ахіоръ, одинъ изъ военачальниковъ подъ командой Олоферна и имъ брошенный къ евреямъ за то, что осмѣлился взять ихъ сторону. Въ разсказѣ его картинно проходитъ вся судьба еврейскаго народа. (Лицо и разсказъ взяты мной прямо изъ «Библіи», въ италіанской драмѣ этого ничего нѣтъ). Все вмѣстѣ дѣлаетъ изъ 1-го акта нѣчто въ родѣ пролога.

2-й актъ—въ домѣ Юдиѳи. Сперва она одна (большой монологъ, гдѣ вся ея внутренняя душевная драма). Потомъ со служанкой, старухой; потомъ со старѣйшинами города и потомъ опять со старухой. Юдиѳь рѣшается идти въ лагерь Олоферна. Старуха (бывшая ея кормилица) упрашиваетъ ее на колѣняхъ, чтобъ не ходила (сцена опять моего изобрѣтенія).

3-й актъ— въ шатрѣ Олоферна. Пѣніе и пляски его одалисокъ; монологъ Олоферна, гнѣвнаго отъ долгаго сопротивленія евреевъ. Смотръ войскамъ (маршъ), хоръ ассиріянъ, плѣненныхъ красотою Юдиѳи, которую они видѣли на пути къ шатру Олоферна, большая сцена аудіенціи, т. е. перваго появленія Юдиѳи передъ Олоферномъ и влюбленія его (это также изъ Библіи прямо, у италіанца все искажено). Въ концѣ акта дуэтъ между Юдиѳью и ея служанкой, которая считаетъ Юдиѳь измѣнницей и проклинаетъ ее именемъ всего народа, et Judith l'inspirée ne daigne pas même se disculper [1]).

4-й актъ. Пиръ Олоферна. Оргія. Пьянство. Пѣсни и пляски въ полномъ разгарѣ, до появленія Юдиѳи на пирѣ. Потомъ длинная сцена между ней и Олоферномъ, влюбленнымъ и опьянѣвшимъ (какъ у италіанца).

Молитва Юдиѳи, когда она осталась одна, и катастрофа—отсѣченіе головы Олоферна, за завѣсой ложа.

5-й актъ. Опять какъ въ 1-мъ актѣ, только глубокою ночью. Страданія народа. Богохульство. Угрозы жреца. Возвращеніе Юдиѳи. Побѣда надъ ассиріянами. Благодарственный гимнъ Богу. Говорятъ, что этотъ гимнъ великолѣпнѣе всей оперы (Съ великолѣпнымъ спектаклемъ музыкальнымъ: двѣ арфы и т. д.). Разсвѣтъ. Въ минуту гимна—яркій солнечный день.

---

[1]) И вдохновенная Юдиѳь даже не удостоиваетъ оправдываться.

Планъ, кажется, не дуренъ. Иные, не зная музыки моей (въ томъ числѣ Ѳедоровъ [1]), опасаются за серьезность сюжета, не по вкусу нашей публики, но я полагаю, что это все вздоръ. Юдиѳь моя въ общемъ нимало не серьезнѣе (т. е. не скучнѣе) „Роберта" или „Гугенотовъ", ужъ не говоря о „Тангейзерѣ" и „Лоэнгринѣ", гдѣ нѣтъ танцевъ и много абстрактной превыспренности, для публики мало доступной; у меня все просто и пластично.

Вѣроятно, моимъ сюжетомъ интересуется самъ Іегова, по крайней мѣрѣ какъ разъ къ тому времени, что мнѣ кончить оперу, въ русскую труппу ангажирована нѣкая Валентина Біанки, молодая пѣвица съ громаднымъ голосомъ и съ энергіею даже черезчуръ большою (только отъ неопытности); она, какъ говорятъ технически, слишкомъ горячится; современемъ это пройдетъ. На этотъ субъектъ я сильно расчитываю. Она не русская, но въ пѣніи произноситъ слова добропорядочно; пѣвала уже на разныхъ мелкихъ европейскихъ сценахъ. Очень хорошая актриса, красивой наружности (для сцены высока), съ отличнымъ бюстомъ и руками, т. е. bras, чтò для Юдиѳи—какъ разъ необходимо. Для Олоферна нѣтъ никого кромѣ Петрова; онъ хоть и староватъ для такой роли, но вывезетъ. Въ немъ бездна огня и опытности. Роль будетъ сама за себя говорить. Служанка Юдиѳи, Авра, требуетъ низкаго контральта. Такого у насъ нѣтъ, но эту роль весьма порядочно исполнитъ полу-контральтъ — Леонова. Жрецъ (низкій басъ) совершенно по средствамъ Васильеву 1-му (помнишь, тому, что приходилъ къ намъ въ 1855 г., въ домъ Сильванскаго [2]). Онъ теперь сдѣлался порядочнымъ артистомъ, съ успѣхомъ игралъ даже Марселя въ „Гугенотахъ". Ахіоръ будетъ Сѣтовъ, остальныя роли въ моей операх—незначительны. Хоровъ много. Интересъ 1-го и 5-го акта почти весь на хорахъ. Но я на хористовъ и хористокъ русской оперы надѣюсь какъ на каменную гору. Также и за оркестръ — спокоенъ. Инструментовка моя эффектна, оттого мѣстами очень сложна, но надѣюсь, что все выйдетъ, ибо все вышло въ томъ отрывкѣ (оргія), который исполнялся у Кажинскаго въ февралѣ этого года. Заранѣе, съ аппетитомъ артистическимъ, помышляю, какъ моя „Юдиѳь" можетъ быть исполнена въ Вѣнѣ! Баритонъ Бекъ — превосходный голосъ и превосходный актеръ, которымъ Вагнеръ самъ восхитился. Какого же еще Олоферна? Дустманъ, Мейеръ или Чиллагъ для „Юдиѳи"! (хотя Чиллагъ въ настоящую минуту въ ссорѣ съ

---

[1]) Пав. Степ. Ѳедоровъ, начальникъ репертуарной части при театральной дирекціи.

[2]) На Знаменской, близь Басейной. В. С.

вѣнскою дирекціей). Для принятія моей оперы на германскія сцены мнѣ сильная подмога Листъ (съ которымъ я вовсе не думалъ расходиться, я только не въ перепискѣ съ нимъ, до времени. Онъ все въ Римѣ, по своему марьяжному дѣлу! [1]) Въ какомъ нибудь особенномъ случаѣ буду просить рекомендаціи и Вагнера, показавъ ему, конечно, прежде свою партитуру. Но всѣ эти люди, собственно говоря, интересуются только сами собой, своими произведеніями. Иначе и быть не можетъ; я начинаю это немножко и по себѣ чувствовать. Какое бы мнѣ дѣло было, еслибъ, напримѣръ, Балакиревъ написалъ теперь оперу, пожалуй и талантливую. Я все буду себѣ думать (in petto): „Хорошо — да вѣдь не то, что̀ моя“. Все это въ порядкѣ вещей. Артистъ — больше ничего, какъ проводникъ того, что̀ вложила въ него природа. Слѣдовательно, единственная, исключительная его забота: произвести свое дѣтище и пустить его гулять по свѣту. Въ остальномъ — хоть трава не рости. Ты можешь это отлично понять, примѣняя авторскую любовь къ материнской. Съ тѣми, кто моему произведенію (или будущимъ моимъ) не симпатизируетъ, или симпатизировать не можетъ, мнѣ и дѣлать нѐчего; провести съ такими людьми хоть часъ—для меня сущая пытка. Я долженъ насиловать себя, чтобъ не насказать грубостей въ глаза. И прежде уже я былъ спеціалистъ въ родѣ германскихъ Gelehrter'овъ. Теперь я мономанъ. Григорьевъ говоритъ, что я самъ—вовсе не самъ, а Юдиѳь и Олофернъ. И такимъ останусь, пока не начну писать вторую оперу.

Порученія твоего, къ сожалѣнію, исполнить не могу. Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не имѣю гроша на извощика,—гдѣ тутъ взять рубли для Misérables [2]). Мы прочтемъ эту вещь вмѣстѣ, Богъ дастъ. Романъ превосходный, я знаю по рецензіямъ и выпискамъ въ цензируемыхъ мною журналахъ. До скораго свиданія!

29-го августа 1862 г.

Письмо твое, милѣйшій другъ, отъ 12-го (какъ долго шло! отчего бы?!) пришло ко мнѣ наканунѣ моихъ имянинъ истиннымъ подаркомъ мнѣ, пока еще—бѣдному кабинетному труженику! Въ благодарность

---

[1]) А. Н. Сѣровъ очень ошибался на счетъ симпатій Листа къ его «Юдиѳи». Какъ теперь достовѣрно извѣстно, Листъ очень цѣнилъ артистическую, подвижную и оживленную натуру Сѣрова, любилъ проводить съ нимъ время какъ съ пріятнымъ и умнымъ собесѣдникомъ, образованнымъ музыкантомъ, но слишкомъ мало придавалъ всегда значенія его собственному художественному творчеству.

[2]) Новый въ то время романъ Виктора Гюго. В. С.

за безподобную секунду при чтеніи твоего письма (у меня слезы брызнули ручьемъ, а такія секунды для артиста дороже всего на свѣтѣ), въ благодарность, говорю, за это отраднѣйшее чувство истинной, благороднѣйшей симпатіи, я готовъ бы, кажется, пѣшкомъ выйти къ тебѣ на встрѣчу въ Крымъ, но, такъ и быть, ограничусь каракулями, довѣривъ ихъ почтѣ. Не странный ли случай (или что-то поболѣе?), что письмо твое пришло ко мнѣ въ тотъ день, въ тотъ самый часъ, въ ту самую минуту, когда я только что вывелъ перомъ: „конецъ оперы" на послѣдней страницѣ моего либретто, которое я вчера и сегодня переписалъ на-чисто, чтобы завтра отдать офиціальнымъ образомъ въ дирекцію. Ты видишь, что моя „Юдиѳь" не шутитъ, и что она въ самомъ дѣлѣ „не мечта". Препятствій въ постановкѣ рѣшительно никакихъ нѣтъ. Ѳедоровъ—qui fait la pluie et le beau temps [1]), во всемъ, что касается репертуара, нимало не противъ меня и моей оперы. Текстъ и музыка будутъ подлежать разсмотрѣнію комитета изъ драматурговъ и капельмейстеровъ (всѣхъ), но все это для меня—тѣмъ лучше. На случай же могущихъ встрѣтиться препятствій со стороны разныхъ „хамовъ"—у меня въ запасѣ есть личная протекція генералъ-адъютанта Огарева. Огаревъ, когда узналъ, недѣли двѣ назадъ, что я кончилъ оперу (а онъ и все его семейство любятъ въ ней каждый звукъ), далъ мнѣ слово похлопотать дѣятельно у графа Адлерберга. Слово Огарева уже и сдержано, потому что онъ на-дняхъ говорилъ министру двора о моемъ произведеніи и тотчасъ написалъ мнѣ изъ Москвы, что графъ Адлербергъ обѣщалъ взять мою „Юдиѳь" подъ свое покровительство. И такъ, дѣло, кажется, улажено. Одно, что можетъ случиться, что разные лѣнтяи, въ родѣ капельмейстера русской оперы, К. Лядова, и другихъ, увѣрятъ свое начальство, что за моей оперой много хлопотъ при разучиваніи, и вслѣдствіе того отложатъ ее до будущаго сезона (1863—1864). Это была бы не бѣда, но большая досада, такъ какъ въ подобномъ случаѣ ждать тяжеленько. Мы всѣ и безъ того уже довольно ждемъ. Принимая въ соображеніе мою „маленькую" протекцію, можно надѣяться, что даже и въ нынѣшній сезонъ—такъ, къ январю 1863 г., напримѣръ—„Юдиѳь" появится на сценѣ Маріинскаго театра, а въ 63-мъ лѣтомъ повеземъ ее въ Германію, въ Вѣну и въ Ганноверъ. Можно быть увѣрену заранѣе, что нѣмцамъ моя музыка еще больше понравится нежели въ Петербургѣ. Тамъ привыкли уже къ „Вагнеровскому" направленію, которому я не могу же не слѣдовать, хотя физіономія моей музыки рѣшительно особая, на Вагнера нимало не похожая. Касательно „оригинальности" я и

[1]) Отъ котораго все зависитъ.

самъ себѣ могу быть судья. Не могу же не видѣть, что моя опера нѣчто совсѣмъ самостоятельное, ни на какую другую въ свѣтѣ не похожее. Касательно красоты музыки и силы общаго ея впечатлѣнія, долженъ довольствоваться мнѣніемъ и приговоромъ другихъ, разумѣется, искреннихъ и одаренныхъ чутьемъ изящнаго (остальные не въ счетъ). Твоего мнѣнія жажду, хотя и увѣренъ, что не забракуешь. Физіономія моей музы (хотя она себя и показывала только однимъ глазкомъ, или кончикомъ подбородка) всегда была тебѣ симпатична. Авось тоже будетъ и касательно цѣлой физіономіи, умной, разумѣется, и серьезной (grave), но отнюдь не сухой, не схоластической. Если слушать энтузіаста Григорьева (приписавъ чуть не половину его похвалъ дѣйствію „алкоголя“), то выйдетъ, что и по трагизму, и по святости, и по прелести звука, я перещеголялъ и Вебера, и Вагнера, и Глинку, и всѣхъ. Но не могу не видѣть, что Григорьевъ вообще увлекается, а въ частности—не довольно силенъ но собственно-музыкальнымъ дѣламъ. Пункты сравненія у него случаются ложные. Такъ, напримѣръ, онъ безъ ума отъ Мейербера, а въ Вагнерѣ не видитъ и сотой доли того, что тамъ надобно видѣть человѣку чуткому, воспріимчивому (но вѣдь и Владиміръ Стасовъ въ отношеніи Вагнера не судья, а, кажется, вѣдь у него чутья-то не нѣтъ). Григорьевъ убѣжденъ былъ, что „Юдиѳи“ моей, какъ только она выйдетъ изъ-подъ пера во всемъ облаченіи, двери всюду, во всѣ лагери будутъ открыты настежъ. Поэты иногда бываютъ пророками. Хотѣлось бы, чтобъ такъ случилось и на сей разъ. Статей объ оперѣ, до появленія ея на сценѣ, не допущу. Мнѣ всякія рекламы противны до-нельзя. Дѣло само за себя должно стоять и, надѣюсь, постоитъ. Кромѣ сужденій Григорьева, меня порадовали мнѣнія Даргомыжскаго (который не нахвалится моей партитурой — быть можетъ, отчасти, и изъ дипломатики) и еще одного, котораго считаю компетентнымъ въ музыкѣ, Василья Павловича Энгельгардта. Онъ говоритъ сторонкой, а мнѣ пересказали, что онъ просто въ восторгѣ отъ того, что слышалъ (въ концертѣ Кажинскаго и у Даргомыжскаго) и никогда представить не могъ себѣ, чтобъ у Сѣрова оказалось творчество такое свѣжее, сочное и увлекательное красотою и силою.

1866.

11-го января и 1-го февраля 1866 г.

Въ этомъ году—ровно двадцать лѣтъ нашему знакомству (и ровно двадцать лѣтъ моей женѣ, которая, какъ нарочно, родилась въ апрѣлѣ 1846 г.). Много воды утекло съ тѣхъ поръ! Многое измѣнилось изъ темнаго въ свѣтлое, изъ свѣтлаго—въ темное. Очень незрѣлая весна моя превратилась въ зрѣлую и уже обильную плодами осень. Въ осени, конечно, вовсе не то „розовое чувство надеждъ" какъ въ веснѣ, но есть и свое, весьма хорошее, когда видишь, напримѣръ, что стремленія пришли къ кое-какой цѣли, что дѣятельность выступила сильно-рельефно и многими высоко цѣнится, помимо всякихъ протекцій и поддержекъ. Съ своей внутренней стороны, какъ художникъ, я еще недоволенъ ни „Юдиѳью", ни „Рогнѣдой", не смотря на невѣроятный успѣхъ второй оперы. Я знаю, что въ лѣтописяхъ русскаго искусства мнѣ уже отведена весьма важная роль; если-бъ я умеръ хоть завтра, я кое-что уже сдѣлалъ. Но въ отношеніи моихъ идеаловъ это все только „эксперименты"—пробы своего стиля, своихъ средствъ и артистическихъ способностей. Меня такъ и тянетъ—идти все дальше, по новымъ совсѣмъ дорогамъ и, къ счастью своему, я чувствую въ себѣ еще довольно свѣжести для подобныхъ колоссальныхъ затѣй. Быть можетъ и дальнѣйшія оперы останутся опять попытками передъ „моимъ" внутреннимъ судомъ, но не хотѣлось бы покончить свою дѣятельность только двумя опытами. Ихъ надо больше, больше, въ совсѣмъ разныхъ родахъ!

Текстъ „Рогнѣды" и 8 вышедшихъ въ печати №№ — пришлю. (Теперь не могу еще этимъ распорядиться. Порученія и заботы, какія бы то ни было, дѣлаются для меня тягостнѣе день отъ дня). Потолкуемъ объ успѣхѣ „Рогнѣды" (о чемъ ты только частію можешь судить по газетамъ). Опера эта послѣ 28-ми репетицій была дана въ первый разъ 27-го октября 1865 года и выдержала до 11-го января (включая въ это время двѣ недѣли декабря, потерянныя для оперы за болѣзнію Никольскаго) 17, теперь уже 20, и будетъ еще два такихъ представленія, съ полнымъ до-нельзя сборомъ; на ложи записывались впередъ за недѣлю, какъ на модную италіанскую оперу или на балеты: „Дочь Фараона" и „Конекъ-Горбунокъ". Постановка „Рогнѣды" стоила около 30-ти т. и теперь вся уже окупилась. Сборы будутъ, несомнѣнно, полными и въ слѣдующіе пять-шесть разъ этого (короткаго) сезона.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня

Александра Іосифовна были въ моей оперѣ пять разъ кряду почти. Государь Императоръ былъ два раза. Въ первый разъ, 10-го декабря, прійдя на сцену, велѣлъ позвать къ себѣ автора и говорилъ со мною очень любезно минутъ съ десять. Во второй разъ тоже приходилъ на сцену и, замѣтивъ меня въ толпѣ артистовъ театральныхъ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько милостивыхъ словъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ нѣсколько разъ, и прежде и послѣ Государя, вмѣстѣ съ Великою Княгинею Александрою Іосифовною и отдѣльно выражалъ мнѣ свой восторгъ по случаю „Рогнѣды". Говоритъ, что наслушаться не можетъ этой музыки и находитъ въ ней все новыя красоты. Также и Великая Княгиня Александра Іосифовна, которая къ самымъ лестнымъ выраженіямъ прибавила еще искреннія слезы, подъ впечатлѣніемъ III-го акта и финала V-го. Въ послѣдній разъ какъ была Царская Фамилія (безъ Государя, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, его супруга, Наслѣдникъ Цесаревичъ и его братъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ) я былъ приглашенъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ за-просто въ царскую ложу, выпить чашку чаю въ ихъ кругу. Былъ, разумѣется, представленъ молодымъ Князьямъ, которые (какъ и Великій Князь Константинъ Николаевичъ) жмутъ мнѣ руку и противъ всѣхъ этикетовъ, по желанію ихъ, я сидѣлъ за однимъ столомъ съ ними со всѣми; Великая Княгиня Александра Іосифовна сама разливала чай. (Театральное чиновничество, входя въ царскую ложу по дѣламъ службы, ont fait des grands yeux [1]) — но противъ факта спорить невозможно). Великая Княгиня Александра Іосифовна, говоря со мной много о стилѣ оперы моей, которую она считала лучше Вагнеровыхъ, сказала, что на-дняхъ писала къ слѣпому ганноверскому королю въ такихъ выраженіяхъ, что онъ въ отвѣтъ называетъ себя несчастнымъ, если ему не удастся услышать хоть что-нибудь изъ этой музыки — добрая рекомендація на случай «европейскихъ» попытокъ.

Сочувствіе публики къ „Рогнѣдѣ" выразилось полнѣйшими сборами, которые принесли мнѣ моихъ разовыхъ процентовъ уже больше 2,000.

Сочувствіе Государя Императора (Его Величеству опера — очень понравилась, что̀ мнѣ засвидѣтельствовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ) матеріально выразится въ ожидаемой мною на-дняхъ царской милости: двѣ тысячи единовременной награды и тысяча двѣсти рублей въ годъ пожизненнаго пенсіона, чтобы я могъ работать спокойно, не заботясь о кускѣ хлѣба; 100 рублей въ мѣсяцъ — это уже весьма порядочное обезпеченіе на случай недостатка

---

[1]) Вытаращило глаза.

другихъ доходовъ (на службѣ я никогда не доходилъ выше 60 рублей въ мѣсяцъ!).

При этомъ всемъ, такъ блистательно сложившемся со всѣхъ сторонъ, не могу не вспомнить безъ слезъ о комъ-то, кому именно вниманіе Царской Фамиліи ко мнѣ было бы высокимъ, искреннимъ счастіемъ. Я говорю о моей бѣдной мамѣ, которой мы лишились скоропостижно, неожиданно, 24-го января 1865 года.

Годъ прошелъ съ этого печальнаго событія, а я все еще не могу къ нему привыкнуть. Ты знаешь, что я маму любилъ искренно и глубоко. Отсутствіе ея при моей теперешней „prospérité" [1]) очень для меня замѣтно. Она много, много бы радовалась.......

Письмо это продолжаю черезъ много дней послѣ. Сегодня 1-е февраля 1866 г. Сію минуту получилъ бумагу отъ своего министра, министра почтъ и телеграфовъ, Ивана Матвѣевича Толстаго (брата Ростислава), съ приложеніемъ подлинной къ нему бумаги отъ министра двора, слѣдующаго содержанія:

«Государь Императоръ, во вниманіе къ отличному таланту и замѣчательнымъ музыкальнымъ произведеніямъ композитора, статскаго совѣтника Александра Сѣрова, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ производить ему въ пенсіонъ по тысячѣ руб. сер. въ годъ изъ Кабинета Его Величества». (Сообщено Ив. М. Толстому оттого, что я считаюсь на службѣ въ его вѣдомствѣ).

C'est impérial! [2]). Хотя говорено было о 1,200 р., но при производствѣ дѣла надо было приравнять мой случай къ какому-нибудь прежнему примѣру поощренія писателей. Нашелся одинъ примѣръ: Гоголь получалъ изъ Кабинета 1,000 рублей въ годъ. Меня къ тому и пріурочили. Сосѣдство не обидное. О единовременной наградѣ въ 2,000 рублей былъ только слухъ, оказавшійся, какъ видно, фантазіей. А, впрочемъ, не знаю еще. Великія Княгини Елена Павловна и Александра Іосифовна сильно хлопотали о бенефисѣ прямо въ мой карманъ.

Въ заключеніе письма сообщу тебѣ странность: когда меня по музыкѣ никто въ Питерѣ еще не зналъ, Владиміръ Стасовъ распластывался, какъ тебѣ извѣстно, передъ моимъ дарованіемъ, передъ каждой строкой моихъ полу-ребяческихъ попытокъ и (никуда не годныхъ) арранжировокъ. Теперь, когда меня знаютъ всѣ русскіе, слѣдящіе за музыкой, когда я уже больше гораздо, чѣмъ — извѣстность, Владиміръ Стасовъ окончательно отъ меня отвернулся, признавая во мнѣ не талантъ, а кое-какую способность къ оркестру и къ ловкому шарлатанскому воспользованію удачными обстоятельствами. Послѣ смерти мамы, въ самый тотъ день, я счи-

[1]) Благополучія.

[2]) Вотъ это по-императорски.

талъ своимъ долгомъ быть у Стасовыхъ; Дмитрія не было дома, съ Владиміромъ я много разговаривалъ—только не объ музикѣ. „Рогнѣды“ тогда еще не было на сценѣ, „Юдиѳь“ онъ не любитъ. Онъ не продолжалъ знакомства и я ограничился только тѣмъ разомъ. Послѣ опять ничего — кромѣ самыхъ враждебныхъ отзывовъ о „Рогнѣдѣ“. Взглядъ Стасова, Балакирева и К° на меня выражается въ статьяхъ Кюи (*** въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“). Тутъ постоянное глумленіе надъ всѣмъ, что̀ я дѣлаю, ругня противъ „Рогнѣды“ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Даже наиблистательнѣйшій успѣхъ этой оперы поставленъ ей въ укоръ. Хорошія оперы, какъ „Русланъ“, напримѣръ, публикѣ не нравятся, а если что̀ такъ нравится, какъ балетъ „Конекъ-Горбунокъ“, то, молъ, и достоинствомъ внутреннимъ не выше [1]). Я говорю обо всемъ этомъ совсѣмъ не съ той стороны, что это меня раздражаетъ. Хорошо понимаю, что всякій яркій фактъ долженъ имѣть свою оппозицію, какъ всякій свѣтъ—бросаетъ тѣнь. Но замѣчательно для меня, что эта оппозиція мнѣ выходитъ изъ гнѣзда именно Стасовской компаніи. Можно ли было думать о такомъ положеніи дѣлъ лѣтъ 20 назадъ! Натурально, что, при существованіи Дм. Стасова въ Русскомъ Музыкальномъ обществѣ [2]), мои успѣхи поставили еще бо̀льшую стѣну между мною и музикъ-ферейномъ (хотя я считаюсь тамъ почетнымъ членомъ, въ кои избранъ еще въ прошломъ году, но въ Москвѣ, во время моего тамъ пребыванія). Кстати о Москвѣ. Тамъ въ прошломъ 1865 году поставили „Юдиѳь“ съ Біанки, переведенною въ Москву, и „Юдиѳь“ бѣдная передъ москвичами провалилась! Въ оперѣ никто ничего не понялъ. Многіе приписываютъ это fiasco тому, что опера была поставлена безъ меня (осенью я былъ занятъ въ Петербургѣ постановкою „Рогнѣды“), а я приписываю прямо серьезности оперы и неразвитости Москвы въ этомъ отношеніи. Въ „Современной Лѣтописи“ московскія газеты не постыдились упрекнуть меня такъ: что̀ же это: русская опера, на русскомъ языкѣ, написана русскимъ—и ни одного русскаго мотивчика!! (Въ древне-еврейскомъ-то сюжетѣ!!). Нѣтъ, до Москвы я еще не доросъ! Надо подняться до „Громобоя“ Верстовскаго. Впрочемъ, вѣроятно, надо будетъ ставить „Рогнѣду“ въ Москвѣ, когда тамъ отыщется теноръ на роль Никольскаго. Либретто

---

[1]) Здѣсь приводятся мои мнѣнія, высказанныя въ моей статьѣ о «Рогнѣдѣ», напечатанной въ «С.-П. Вѣдомостяхъ» того года.

[2]) Д. В. Стасовъ былъ въ тò время однимъ изъ директоровъ Русскаго Музыкальнаго общества. В. С.

прилагаю (хотя въ посту предприму въ немъ нѣкоторыя перемѣны), фортепіанныхъ арранжировокъ не посылаю. Онѣ даютъ совсѣмъ ложное понятіе о вещи. Меня надо слушать только въ театрѣ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ давать оркестровые концерты Félicien David, „auteur“ du “Désert“, du „Colomb“ et de l'opéra „Herculanum“ [1]). Вчера былъ у меня съ почетнымъ визитомъ.

Фелисьенъ Давидъ, авторъ „Пустыни“, „Христофора Колумба“ и оперы „Геркуланумъ“.

А. Сѣровъ.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается обширное собраніе писемъ А. Н. Сѣрова, переданное въ распоряженіе «Русской Старины» В. В. Стасовымъ. Долгомъ считаемъ напомнить, что на страницахъ «Русской Старины» приведены лишь отрывки изъ этого матеріала для біографіи одного изъ даровитѣйшихъ отечественныхъ писателей въ области музыкальной критики и музыкальнаго творчества. Оперы А. Н. Сѣрова: «Юдиѳь», «Рогнѣда», «Вражья сила»—навсегда сохранятъ за собою почетное мѣсто въ лѣтописи русскаго музыкальнаго творчества.

Свидѣтельствуемъ признательность Владиміру Васильевичу Стасову за сообщеніе этого матеріала и за то вниманіе, съ какимъ онъ обставилъ его надлежащими примѣчаніями, представляя его читателямъ «Русской Старины».

Въ заключеніе не лишнее напомнить въ какихъ именно книгахъ «Русской Старины» помѣщены письма, очерки и замѣтки А. Н. Сѣрова: «Русская Старина» изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 581—602; т. XIV, стр. 326—338; 492—501; изд. 1876 г., т. XV., стр. 129—143; 348—369; 853—840; т. XVI, стр. 132—146; т. XVII, стр. 787—810; изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 145—158; 363—368; 513—530; 683—698; т. XIX, стр. 101—112; т. XX, стр. 335—346; 523—534, и «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 151—176 (окончаніе). Ред.

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ, МАТЕРІАЛЫ.

Сказка Ивана Юрьевича Сабурова.

1526 г.

Въ Актахъ Историческихъ (томъ I, стр. 192) помѣщена весьма интересная сказка (показаніе) Ивана Юрьевича Сабурова, изъ розыскнаго дѣла о неплодіи в. кн. Саломоніи Юрьевны, жены в. кн. Василія Ивановича (1526 г.).

Содержаніе сказки слѣдующее:

«Лѣта 7034 ноября 23 дня, сказывалъ Иванъ: говорила мнѣ великая княгиня: «есть деи жонка Стефанидою зовутъ Рязанка, а нынѣ на Москвѣ, и ты еѣ добуди и ко мнѣ пришли»; и язъ Стефаниды допытался да и къ себѣ есми еѣ во дворъ позвалъ да послалъ есми еѣ на дворъ къ великой княгинѣ съ своею жонкою съ Настею, и та Стефанида и была у великой княгинѣ и сказывала мнѣ Настя, что Стефанида воду наговаривала и смачивала ею великую княгиню да и смотрила еѣ на брюхѣ и сказывала, что у великой княгинѣ дѣтемъ не быти, а послѣ того пришелъ язъ къ великой княгинѣ и она мнѣ сказывала: «присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду и она у меня смотрила, и сказала, что у меня дѣтемъ не быти, а наговорила мнѣ воду Стефанида и смачиватися велѣла отъ того, чтобы князь великій меня любилъ, а наговаривала мнѣ Стефанида воду въ рукомойникѣ, а велѣла мнѣ тою водою смачиватися; а коли понесутъ къ великому князю сорочьку и порты и чехолъ и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою смочивъ руку да охватывати сорочьку и порты и чехолъ и иное которое платье бѣлое» и мы хаживали есмя къ великой княгинѣ по сорочьку и по чехолъ и по иное что платье великаго князя да изъ того рукомойника и смачивали то платье.

Да Иванъ же сказывалъ: говорила господине мнѣ, великая княгиня: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (а сама безноса), ты ту черницу добуди», и язъ тое черницы посылалъ добывати.... та черница наговаривала не помню на масло, не помню медъ простой.... и велѣла великой княгинѣ тѣмъ тертися отъ тогожъ, чтобы князь великій любилъ да и дѣ-

тей дѣля; а послѣ того и самъ язъ къ великой княгинѣ пришолъ и вели-кая княгиня мнѣ сказывала: «приносила ко мнѣ отъ черницы Настя, и язъ тѣмъ терлася». Къ сей памяти язъ Иванъ руку приложилъ.

На оборотѣ этого документа, писаннаго столбцомъ, находится слѣдую-щая приписка: «да Иванъ же говорилъ: а что ми, господине говорити? то-го мнѣ не испамятовати, сколько къ мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужи-ковъ прихаживало».

По поводу этого показанія Ивана Юрьевича, можно было бы привести довольно много и довольно интересныхъ примѣровъ, подоб-ныхъ только-что сообщенному нами; можно было бы представить до-казательства того, что многое изъ давно минувшаго прошлаго еще сохранилось до сихъ поръ, не только въ отдѣльныхъ семьяхъ, но и цѣлыхъ обществахъ; напримѣръ, сохранились многіе виды язычества у христіанъ, остались поклоненія внѣшности, фетишамъ, существуетъ вѣра въ гаданія и нравственный и физическій политеизмъ и пр., но это увлекло бы насъ за предѣлы нашего сообщенія; мы поз-волимъ себѣ только сказать, что и въ переживаемое нами время, не только у насъ, но и въ другихъ европейскихъ семьяхъ, у другихъ народовъ, сохранились остатки инстиктивныхъ побужденій, свойствен-ныхъ всему человѣчеству.

Ограничимся только нѣсколькими примѣрами, изъ числа которыхъ особенно выдѣляются обычаи, существовавшіе у евреевъ, гдѣ бездѣтныя женщины проглатывали тѣ обрѣзки, которые оставались во время обряда древней Милиттѣ; этотъ традиціонный способъ, помогавшій въ бездѣтствѣ, можетъ сравниться только развѣ съ тѣмъ обычаемъ, кото-рый былъ извѣстенъ въ западной Европѣ (въ XVI ст.), когда женщины, желая имѣть дѣтей, привѣшивали къ изображеніямъ своихъ святыхъ угодниковъ золотые фалюсы. Правда, духовенство преслѣдовало этотъ обычай, но золотыми фалюсами не брезгало. Послѣ этихъ спосо-бовъ, помогающихъ оплодотворенію, всѣ извѣстныя средства въ прош-лыхъ и настоящихъ вѣкахъ, какъ, напримѣръ, пояса и кушаки богинь Фреи и Фригги, амулеты, ладонки, наузы и т. п., заговоренныя и нашептанныя вещи, всякаго рода смачиванія и вспрыскиванія могутъ считаться не существенными, дѣтскими. Къ числу довольно вѣрныхъ средствъ, по понятіямъ китайцевъ, принадлежатъ жертвы и моленія, которыя они совершаютъ два раза въ мѣсяцъ, одному изъ своихъ идоловъ. Недалеко отъ Пекина находится кумирня, называюща-яся дун-э-мяо; въ этой кумирнѣ стоитъ баснословное животное, изо-бражающее созвѣздіе тэ, которое отличается особенно крупными нѣко-торыми частями тѣла. Въ эту кумирню на поклоненіе сбираются 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца мужчины, а 2-го и 16-го числа—женщины.

Чтобы заключить нѣсколькими словами нашу замѣтку, мы приведемъ безъ перевода слова Діодора Сицилійскаго, который описываетъ встрѣчу женщинами, въ древнемъ Египтѣ, ихъ оплодотворявшаго божества: „.....illos dies foeminae duntaxt, ipsum vident ante faciem eius constitutae, elevastisque peplis, inguina ostentant, coetero deinceps tempore in conspectum novi dei prodire illis interditume est".

Сооб. **А. И. Савельевъ.**

Рескриптъ Александра I о московской дорогѣ—гр. Н. П. Румянцеву

1-го сентября 1801 г.

„Графъ Николай Петровичъ. Извѣщаясь по слухамъ и удостовѣрясь по распросамъ на мѣстѣ учиненнымъ, нашелъ я къ крайнему огорченію, что Московская дорога не задолго до моего путешествія исправленная, не была для всѣхъ открыта но одну ея часть берегли только для меня а другую въ самомъ дурномъ состояніи бывшую оставляли для проѣзжающихъ, которые принуждены были терпѣть всю не выгоду безпокойства.—Конечно не подъ вашимъ еще начальствомъ таковое не сообразное и волѣ моей совершенно противное распоряженіе учинено было, а потому и отношусь къ вамъ съ тѣмъ единственно, чтобъ вы чиновникамъ дорожной Експедиціи дали почувствовать сколь не осмотрительно поступили они въ семъ случаѣ и совсемъ пренебрегли то правило, что когда сь одной стороны полѣзно и нужно содержать дороги въ порядкѣ и исправности то съ другой справедливо, чтобъ оными всѣ и каждой безъ различія состояній пользовались свободно. Я увѣренъ, что при начальствѣ вашемъ надъ сею частію ни чего по оной не случится такого, чтобы служило къ предосужденію, а наипаче къ стесненію путешественниковъ въ тѣхъ правахъ, которые должны быть общіе и для всѣхъ безь изъятія равные. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный Александръ".

Въ Новѣгородѣ.
Сентября 1-го 1801 года.

Примѣчанія: 1. Выписано изъ хранящагося въ архивѣ министерства путей сообщенія сборника (№ 1) подлинныхъ именныхъ высочайшихъ указовъ съ 1797 по 1809 годъ.

Первый по времени рескриптъ императора Александра I, данный въ Новгородѣ 1-го сентября 1801-го года на имя главнаго директора водяныхъ комуникацій, дѣйств. тайнаго совѣтника графа Николая Петровича Румянцева.

Подлинникъ писанъ на листѣ четвертнаго формата; въ лѣвомъ верхнемъ углу два раза выставленъ № 1-й, въ правомъ углу выставлена, по порядку,

49-я страница сборника, а между этими двумя отмѣтками подчеркнутая надпись: «получено сентября 7 дня 1801 года».

2. Употребленные въ подлинникѣ буквы и знаки препинанія соблюдены во всей точности.

3. Предмѣстникомъ графа Румянцева былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Яковъ Сиверсъ. Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ графа Сиверса, по сборнику, значится отъ 18-го февраля 1800 года, вслѣдъ за которымъ помѣщенъ настоящій рескриптъ.

4. Главный надзоръ за всѣми водяными сообщеніями, въ 1773 году, былъ порученъ исправлявшему должность намѣстника Новгородской, Тверской и Псковской губерній, генералъ-поручику графу Сиверсу, которому и велѣно именоваться главнымъ директоромъ водяныхъ комуникацій.

27-го октября 1782 года главнымъ директоромъ велѣно быть генералъ-аншефу, сенатору, генералъ-адъютанту, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковнику графу Брюсу. Въ концѣ 1784 г., графа Брюса замѣнилъ Тверской и Новгородскій губернаторъ генералъ-поручикъ Архаровъ, при которомъ (въ 1785 г.) происходило извѣстное путешествіе императрицы Екатерины II по Вышневолоцкой системѣ, въ сопровожденіи свѣтлѣйшаго князя Потемкина, французскаго посланника графа Сегюра и значительной свиты. Путешествіе собственно водою, отъ Потерпѣлицкой пристани на Мстѣ вплоть до Новой-Ладоги, было совершено въ 30-ти судахъ. Именнымъ указомъ 15-го іюня 1797 г., главнымъ директоромъ водяныхъ комуникацій, на мѣсто генералъ-отъ-инфантеріи Архарова, назначенъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ графъ Яковъ Сиверсъ. Послѣдній уволенъ 16-го марта 1800 года. Назначеніе графа Н. П. Румянцева послѣдовало только 21-го августа 1801 года. Въ теченіе этого семнадцати мѣсячнаго промежутка, департаментъ водяныхъ комуникацій былъ подчиненъ президенту адмиралтействъ-коллегіи графу Кушелеву. Графъ Румянцевъ оставался главнымъ директоромъ до 18-го апрѣля 1809 года. При преемникѣ его, герцогѣ Георгѣ Гольштейнъ-Ольденбургскомъ, послѣдовало (20-го ноября 1809 г.) первое учрежденіе управленія путей сообщенія.

Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ.

Аракчеевъ и Шумскій.

Въ послѣдніе годы много было писано объ Аракчеевѣ и Шумскомъ. Писали люди близко знавшіе Аракчеева, но какъ будто не досказывали чего-то; однажды Настасья Ѳедоровна Минкина названа даже Шумскою, какъ никогда не называлась, да и называться не могла, какъ увидимъ ниже. Неизвѣстно также, кто дѣйствительно былъ флигель-адъютантъ Шумскій, и по какой причинѣ лишился этого почетнаго званія.

Я не зналъ лично ни Аракчеева, ни Шумскаго. Скажу объ нихъ то, что̀ слышалъ отъ свидѣтелей самыхъ достовѣрныхъ: первый—адъютантъ Аракчеевскаго полка, въ отставкѣ подполковникъ Петръ Еф. Борушкевичъ; о второмъ—объясню подробнѣе.

Въ 1839 г. я поступилъ на службу къ графу Клейнмихелю столоначальникомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Помощникомъ моимъ оказался старичокъ Михаилъ Панфиловичъ Ефимовъ, чиномъ губернскій секретарь. На видъ ему было лѣтъ 70; но, по всѣмъ соображеніямъ, столько быть не могло, иначе онъ родился бы около 1770 г. и служилъ бы еще при Екатеринѣ II-й, о чемъ онъ никогда не говорилъ; значитъ, его измяли и состарили не годы, а обстоятельства жизни. Ефимовъ едва ноги таскалъ, но приходилъ на службу ранѣе другихъ; не смотря на старость, писалъ какъ чистописецъ; всѣ дѣла своего стола, одного изъ труднѣйшихъ, зналъ въ совершенствѣ; по всѣмъ дѣламъ составлялъ бумаги вполнѣ удовлетворительно.

Ознакомившись, я узналъ слѣдующее: Ефимовъ служилъ при лицѣ Аракчеева въ званіи писаря, но, къ несчастію его, былъ графскимъ докладчикомъ. Прошу припомнить, что̀ значилъ Аракчеевъ и что̀ предъ нимъ писарь. Несчастный писарь Ефимовъ, какъ докладчикъ, былъ при немъ день и ночь, всегда на тычку, всегда въ загонѣ, всегда въ опасеніи розогъ, разжалованья, ссылки. Въ то же время молодой поручикъ Клейнмихель былъ адъютантомъ Аракчеева; страдалъ онъ въ канцеляріи вмѣстѣ съ Ефимовыхъ, и часто, заваленный письменною работою, которая всегда была на срокъ, засыпалъ тамъ же. Въ такомъ случаѣ Ефимовъ приносилъ ему свою подушку. Ниже увидимъ, что эти услуги были спасеніемъ Ефимова.

Однажды я спросилъ Ефимова: „Какъ это, Михаилъ Панфиловичъ, вы, служа при лицѣ Аракчеева, не были произведены въ чинъ?"

— Въ чинъ?—отвѣтилъ онъ,—при Аракчеевѣ? Да объ этомъ нельзя было и думать, нельзя было и во снѣ грезить. За 10-ти-лѣтнюю вѣрную службу онъ разжаловалъ меня въ солдаты безъ выслуги.

Когда именно случилось это, теперь не припомню; но дѣло было такъ: на Аракчеева, какъ говорится, нашелъ худой стихъ; долгое время былъ не въ духѣ; на докладчика Ефимова, какъ ближайшее лицо, изливалась вся желчь. Приведенный въ отчаяніе, не видя возможности выйти изъ бѣды (ибо куда можно было уйти отъ Аракчеева?), Ефимовъ, по натурѣ русскаго простолюдина, запилъ. Аракчеевъ разжаловалъ его въ солдаты безъ выслуги, и сослалъ въ Новгородскія поселенія. Въ подобныхъ случаяхъ предварительно давалось сто лозановъ. Какъ ему жилось послѣ того—самъ онъ не говорилъ, а я совѣстился спросить; но, вѣроятно, онъ успокоился и обжился, потому что женился. Служилъ по писарьской части гдѣ-то въ 3-й гренадерской дивизіи. Пока Аракчеевъ властвовалъ, никто не смѣлъ вступиться за несчастнаго Ефимова, даже и самъ Клейнмихель, уже

бывшій начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Послѣ Клейнмихель распорядился произвесть Ефимова въ писаря. Въ польскую войну онъ былъ въ штабѣ 3-й гренадерской дивизіи; получилъ крестъ virtuti militari; а послѣ войны Клейнмихель не только произвелъ его за отличіе въ чинъ, но и взялъ въ инспекторскій департаментъ прямо помощникомъ столоначальника, тогда какъ и коллежскіе ассесоры служили чиновниками для усиленія. Это значитъ, что Ефимовъ изъ писарскаго оклада—10 или 12 руб. въ годъ, съ прибавкою аммуниціи и пайка,—шагнулъ на окладъ 1,700 руб. Дистанція огромнаго размѣра! По этому случаю пусть судятъ о Клейнмихелѣ—помнилъ ли онъ давнія услуги.

Если по тому, что́ я сказалъ о Ефимовѣ, онъ можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ объ Аракчеевѣ и Шумскомъ, то нужно дать вѣру и тому, что̀ онъ разсказывалъ мнѣ объ нихъ. Вотъ сущность его разсказа:

Настасья Ѳедоровна была жена грузинскаго крестьянина, кучера. Когда Аракчеевъ возвысилъ ее до своей интимности, то мужа она трактовала свысока: за каждую вину, за каждую выпивку, водила на конюшню, и приказывала при себѣ сѣчь.

Желая привязать Аракчеева къ себѣ неразрывными узами, старалась забеременѣть, но всѣ усилія были напрасны. Тогда она ударилась въ другую хитрость: узнавъ, что беременна крестьянка или солдатка—теперь не помню,—по фамиліи Лукьянова, Настасья, уже всесильная барыня въ Грузинѣ, приказала Лукьяновой, какъ только родится дитя, окрестить и принести къ себѣ; а сама стала носить подушку, увеличивая ее по времени. Аракчеевъ былъ очень радъ въ ожиданіи потомства. Лукьянова родила мальчика; окрестили его именемъ Михаила. Вслѣдъ за тѣмъ Настасья разрѣшилась отъ мнимой беременности сыномъ, а въ кормилицы взята Лукьянова.

У Аркачеева все дѣлалось по рапортамъ и предписаніямъ. Поэтому самъ же Ефимовъ, по приказанію Настасьи Ѳедоровны, написалъ рапортъ, куда слѣдовало, отъ имени Лукьянова, что „новорожденный сынъ мой Михаилъ Лукьяновъ волею Божіею помре“. Настасья Ѳедоровна приказала протоіерею похоронить никогда не умиравшаго младенца,—и похоронили гробикъ пустой. А у Настасьи Ѳедоровны явился сынъ, крещенный также именемъ Михаила, къ полному удовольствію Аракчеева.

Очень странно, что простая баба успѣла обмануть такого человѣка, какъ Аракчеевъ; но такъ было: когда Богъ захочетъ наказать, то отниметъ разумъ.

Мишенька росъ, какъ всѣ дѣти-баловни. Настасья Ѳедоровна съ нимъ соединяла всю свою судьбу, или, иначе, привязанность Аракчеева

Все это обходилось домашнимъ образомъ, пока не потребовалось Мишеньку вывести въ люди, какъ хотѣлось Аракчееву. Первое дѣло: нужно сдѣлать его пажомъ и камеръ-пажомъ. Для этого надобно быть дворяниномъ. Вотъ тутъ точка препинанія; однако нашли средство. Литва и Польша извѣстны дворянами, которыхъ отцы никогда дворянами не были, сами они нечего не заслужили, а большею частію и вовсе не служили. Для полученія дворянства безъ заслугъ были два пути: 1) король имѣлъ право въ промежутокъ сеймовъ жаловать нѣсколько человѣкъ дворянствомъ по своему усмотрѣнію. Они назывались Kieszenkowa szlachta—карманные дворяне. Но короля въ Польшѣ уже давно не существовало. 2) Въ Литвѣ была фабрикація фальшивыхъ дворянскихъ бумагъ. Въ Минской губ. въ г. Слуцкѣ адвокатъ Талишевскій за 40 или 50 рублей давалъ документы на дворянство, какіе угодно. Онъ весьма хорошо зналъ подписи и печати польскихъ королей, и пользовался своимъ искуствомъ для составленія документовъ, какіе были нужны; потомъ носилъ тѣ документы въ сапогѣ, пока пожелтѣютъ, для вида древности, и тогда уже пускалъ ихъ въ обращеніе. Графъ Ржевускій въ романѣ „Listopad" разсказываетъ, какимъ образомъ въ Литвѣ расплодились графы, которыхъ тамъ никогда не существовало, а были только князья изъ рода Гедимина и шляхта, т. е. дворяне. Въ Литвѣ было много цыганъ; надъ ними съ незапамятныхъ временъ былъ общій начальникъ, который носилъ титулъ цыганскаго короля, и жилъ въ городѣ Мирѣ (теперь мѣстечко). Въ цыганской администраціи онъ подписывался: Król, т. е. король. Послѣ это званіе и подпись запрещены. Послѣднимъ цыганскимъ королемъ былъ Янъ Марцинкевичъ. Имя Яна носилъ дѣйствительный король польскій, извѣстный герой Янъ Собѣсскій. Охотники до графскаго достоинства, чтобы имѣть какой нибудь документъ, покупали патентъ на графство у Марцинкевича, который подмахивалъ Круль Янъ.

Въ такую обѣтованную землю для полученія не только дворянства, но и графства, Аракчеевъ послалъ генерала Бухмейера добыть дворянство для Мишеньки. Бухмейеръ привезъ бумаги дворянства Михаила Шумскаго.

Ефимовъ говорилъ, разумѣется, со словъ другихъ, что это были бумаги, купленныя у кого-то изъ Шумскихъ на имя умершаго родственника Михаила; но я думаю иначе: Букмейеръ зналъ, куда ѣхалъ, и потому ему гораздо легче было купить какія угодно бумаги у Талишевскаго или подобнаго артиста. Купилъ—и концы въ воду; а входить въ сношеніе съ дѣйствительными Шумскими, которые суть настоящіе, богатые помѣщики въ Минской губерніи, не совсѣмъ

ловко, да и нельзя избѣжать огласки больше или меньше, хоть бы въ самомъ родѣ Шумскихъ; при томъ еще нужно, чтобы былъ недавно умершій Михаилъ. А пускать изъ-подъ руки молву такъ, какъ передавалъ Ефимовъ, было гораздо выгоднѣе: у Мишеньки были настоящія дворянскія бумаги, хоть и чужія, а не поддѣльныя.

Такъ или иначе, но въ Грузинѣ явился польскій дворянинъ Михаилъ Шумскій. Затѣмъ сдѣлать его пажомъ и произвесть въ свое время въ офицеры и даже пожаловать въ флигель-адъютанты—Аракчееву было не трудно.

Шумскій былъ человѣкъ счастливыхъ дарованій, но пьяница. Числился въ артиллеріи, но командовалъ ротою въ Аракчеевском полку. Часто былъ въ Петербургѣ, и сопровождалъ Аракчеева в Грузино. Въ одной коляскѣ обыкновенно ѣхалъ Аракчеевъ съ Клейнмихелемъ, а въ другой Шумскій съ Ефимовымъ. Послѣдняя выѣзжала со двора нѣсколькими минутами позже, для того, чтобы Шумскій успѣлъ захватить ящикъ съ виномъ. Въ первый разъ Ефимовъ испугался; но Шумскій сказалъ ему: „Чего боишься? Аракчеева? Не бойся: онъ дуракъ!“

Пьянство Шумскаго дошло до того, что однажды, когда онъ был въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ, Аракчеевъ заѣхалъ посмотрѣть все ли въ порядкѣ, и засталъ его совершенно пьянымъ и раздѣтым. Тотчасъ вытребовалъ офицера изъ 1-го Преображенскаго баталіона а Шумскаго, будто бы внезапно заболѣвшаго, увезъ съ собою.

Много проказъ сходило съ рукъ Шумскому. Погубилъ его вот какой случай: пьяный онъ пришелъ въ театръ, въ кресла; принес съ собою взрѣзанный арбузъ, рукою вырывалъ мякоть, и ѣлъ. Передъ нимъ сидѣлъ плѣшивый купецъ. Опорожнивши арбузъ отъ мякоти, Шумскій нахлобучилъ его на голову купца, и на весь театр сказалъ: „старичокъ! вотъ тебѣ паричокъ!“ Купецъ ошеломѣлъ; и когда освободился отъ паричка, и, обернувшись, увидѣлъ передъ собою смѣющагося пьянаго офицера, то также громко воскликнул: „Господи! Что же это? Надъ нами, купцами, ругаются публично“. В театрѣ произошла суматоха, Шумскаго арестовали; отъ государ утаить нельзя было,—и Шумскій посланъ на Кавказъ въ бывш тогда гарнизонный полкъ. По смерти Аракчеева онъ вышелъ въ отставку, поступилъ въ гражданскую службу, но за пьянство уволен затѣмъ бродилъ изъ монастыря въ монастырь въ качествѣ послушника, ради куска хлѣба, и умеръ, говорятъ, въ кабакѣ.

Вотъ, что слышалъ я отъ Ефимова, по своей печальной должности, въ теченіи многихъ лѣтъ бывшаго весьма близкимъ лицомъ к Аракчееву.

Сообщ. Вор—скій.

П. П. Панкратьевъ.

1807.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, на стр. 666 и 667, помѣщено письмо Ив. Никитича Инзова на имя Петра Прокофьевича, безъ обозначенія фамиліи того лица, кому оно адресовано.

Н. Н. Мурзакевичъ, сообщившій это письмо редакціи, объясняетъ въ примѣчаніи къ нему, что оно писано, кажется, брату Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.

Предположеніе это не вѣрно, такъ какъ письмо несомнѣнно адресовано было Петру Прокофьевичу Панкратьеву, бывшему въ 1807 году кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ—отцу извѣстнаго варшавскаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Никиты Петровича Панкратьева.

Въ самомъ письмѣ говорится мимоходомъ объ ученіи милиціи въ Кіевѣ. Въ концѣ письма Инзовъ посылаетъ привѣтствіе свое Елисаветѣ Ивановнѣ.

Привѣтствіе это относилось къ супругѣ Петра Прокофьевича—Елисаветѣ Ивановнѣ, рожденной Литке, къ родной сестрѣ Петра Ивановича Литке, отца нынѣшняго предсѣдателя академіи наукъ, графа Ѳ. П. Литке.

Подписчикъ «Русской Старины».

М. Ѳ. Орловъ.

† 1842 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 633—662, помѣщенъ разсказъ покойнаго отца моего, М. Ѳ. Орлова, о «Капитуляціи Парижа въ 1814 г.». Въ предпосланной къ этой статьѣ замѣткѣ сказано, что въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» имѣется «французскій переводъ, сдѣланный самимъ М. Ѳ. Орловымъ съ русскаго подлинника», съ котораго, т. е. французскаго перевода, и возстановляется первоначальная редакція разсказа, со включеніемъ пропусковъ, допущенныхъ въ первомъ изданіи онаго, въ «Утренней Зарѣ» В. А. Владиславлева.

Это ошибка. Основной текстъ разсказа—есть текстъ французскій и писанъ былъ съ намѣреніемъ когда либо издать его во Франціи. Русскій переводъ сдѣланъ В. А. Владиславлевымъ, и былъ, кажется, сообщенъ батюшкѣ для просмотра,—но изданъ послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1842 г. Пропущенныя въ русскомъ текстѣ «Утренней Зари» мѣста и всѣ три обширныя примѣчанія до настоящей минуты не существовали вовсе по русски. Въ бумагахъ М. Ѳ. Орлова не осталось никакого слѣда какой либо оригинальной русской редакціи разсказа,—французскихъ же рукописныхъ экземпляровъ было 3 или 4. Изъ нихъ одинъ былъ посланъ авторомъ племянницѣ Талейрана, герцогинѣ де-Дино, по ея желанію.

Н. М. Орловъ.

Инженеръ-генералъ К. Ѳ. Детловъ

[Приглашеніе о присылкѣ матеріаловъ къ его біографіи].

Господинъ Редакторъ. Нижеподписавшійся готовитъ къ печати біографическій очеркъ инженеръ-генералъ-маіора Карла Ѳедоровича Детлова, случайно погибшаго, въ 1840 году, въ Чугуевѣ. Покойный прослужилъ 8 лѣтъ, съ 1818 по 1826 годъ, на глазахъ у Аракчеева, состоя строителемъ штаба гренадерскаго имени его полка, въ Чудовѣ. Сохранилось нѣсколько подлинныхъ, весьма характерныхъ; бумагъ и собственноручное письмо Аракчеева къ покойному.

Позвольте мнѣ, черезъ посредство вашего журнала, обратиться къ тѣмъ не многимъ лицамъ, которыя близко знали покойнаго Карла Ѳедоровича и остались еще въ живыхъ,—съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ свои воспоминанія о немъ. Быть можетъ, сохранились и подлинныя письма или другіе документы, могущіе служить къ характеристикѣ этой выдающейся личности. Особенно интересно получить свѣдѣнія за время его службы въ новгородскихъ поселеніяхъ (1818—1826 гг.) и въ Ярославлѣ (1826—1829 гг.), хотя и всѣ позднѣйшія будутъ приняты мною съ живѣйшею благодарностью. Адресъ: Харьковъ, Екатеринославская ул., 33. К. К. Детлову.

Смѣю надѣяться, что вы, господинъ Редакторъ, не откажете въ помѣщеніи этого письма въ ближайшемъ № вашего уважаемаго журнала.

Константинъ Детловъ.

Янтарная комната.

По поводу «Янтарной комнаты» Царскосельскаго дворца, «Русскій Вѣстникъ» (ноябрь 1877 г.) задаетъ себѣ вопросъ: почему не отыскивается извѣщеніе короля прусскаго Фридриха Вильгельма I Петру Великому о принесеніи ему въ даръ этой комнаты? При этомъ «Русскій Вѣстникъ» дѣлаетъ догадку, что, «по всей вѣроятности, подарокъ этотъ былъ лично предложенъ Петру и что согласіе на принятіе его изъявлено самимъ Россійскимъ монархомъ въ проѣздъ его черезъ Берлинъ».

Дѣло въ томъ, что Петръ самъ, и довольно безцеремонно, выпросилъ себѣ «Янтарную комнату», находившуюся во дворцѣ Mon-bijou, въ которомъ и было отведено для него помѣщеніе въ 1717 году. Вотъ что пишетъ объ этомъ маркграфиня Байрейтская, дочь Фридриха Вильгельма I, въ своихъ Запискахъ:

«... Il demanda sans façons cette statue et plusieurs autres au roi qui ne put les lui refuser. Il en fit de même d'un cabinet dont toute la boiserie était d'ambre. Ce cabinet était unique dans son espèce et avait coûté des sommes immenses au roi Frédéric premier. Il eut le triste sort d'être conduit à Pétersbourg au grand regret de tout le monde».

(Mémoires de la Margrave de Bareith, nouvelle édition, Brunswick 1845, tome I, page 44).

Постоянный подписчикъ «Рус. Старины».

О масонской ложѣ „Соединенныхъ Славянъ".

Извѣстно, что въ 1820-хъ годахъ на югѣ Россіи существовало щество „соединенныхъ славянъ", примкнувшее въ послѣдствіи къ угимъ отдѣламъ тайнаго политическаго общества декабристовъ.

Есть нѣкоторое основаніе полагать, что идея общества „соединныхъ славянъ" имѣла уже до нѣкоторой степени свою историчеую почву. Заключеніе это само собой вытекаетъ изъ того обстоятльства, что гораздо ранѣе общества „соединенныхъ славянъ" суествовала, тоже на югѣ Россіи, масонская ложа „соединенныхъ авянъ", о которой въ масонскомъ календарѣ Великой ложи „Астреи" 20—21 г. (Tableau de la Grande loge Astrée, pour l'an 58, à l'O. St.-Pétersbourg et des loges de sa dépendance) мы находимъ слѣющія свѣдѣнія:

Въ 58-мъ году масонскаго лѣтосчисленія, т. е. въ 1820—21 году, Россіи, въ союзѣ Великой ложи „Астреи" считалось 24 масонихъ ложи, изъ коихъ ложа „соединенныхъ славянъ" обозначалась -мъ „17". Она находилась въ Кіевѣ, и терминомъ своего учрежденія казывала 12-е марта 1818 г. — годъ наибольшаго учрежденія Россіи масонскихъ ложъ. Всѣхъ членовъ, состоявшихъ въ этой жѣ, считалось 53, да кромѣ того 9 „отсутствующихъ членовъ" и „почетныхъ". „Дѣйствительные члены" подраздѣлялись на „чивниковъ", т. е. администрацію ложи, потомъ на „братьевъ" 3-й епени, 2-й и 1-й. Чиновниками въ этомъ году состояли: Францъ арлинскій, депутатъ главнаго суда, былъ „управляющимъ маеромъ"; извѣстный въ послѣдствіи своею служебною дѣятельностью эонтій Дубельтъ, въ то время еще подполковникъ, былъ замѣстникомъ мастера"; Максимъ Дрентельнъ, отставной капинъ, считался 1-мъ „надзирателемъ"; Карлъ Шварценбергъ, подлковникъ и кавалеръ — 2-мъ „надзирателемъ"; Иванъ Кнотъ, кторъ—„секретаремъ"; помѣщикъ Александръ Харлинскій былъ итія" ложи; медикъ Иванъ Сааръ — „казначей"; капитанъ и валеръ Антонъ Терлицкій — „обрядоначальникъ"; прапорщикъ иколай Павловскій — „милостыни собиратель"; уѣздный маршалъ редводитель) Іосифъ Проскура - „помощникъ 1-го надзирателя"; итель Иванъ Ландрожинъ—„помощникъ 2-го надзирателя"; книпродавецъ Иванъ Ленуардъ—„помощникъ секретаря". „Братьями й степени" были: губернскій маршалъ Вален. Росцишевскій, полков-

никъ князь Александръ Трубецкой, генералъ-маіоръ Гавріилъ Ремм уѣздные маршалы — Василій Лукашевичъ, Владим. Савицкій Фел. Росцишевскій, музыкантъ Ив. Реелингъ, отст. маіоръ Вил гельмъ Реммерсъ, помѣщикъ Викторъ Лазинскій, Ив. Мано и по ковникъ и кавалеръ князь Егоръ Кантакузинъ. „Братьевъ 2-й ст пени" было всего трое: хорунжій Едмондъ Росцишевскій, капитан Адамъ Сершпутовскій и маіоръ Юлій Лебедевъ. „Братьями 1-й ст пени" были большею частію помѣщики: баронъ Карлъ Таубе, Ник лай Пашковскій, Алекс. Чарковскій, Антонъ Проскура, Петръ Свиде скій, Ер. Гилярій Бнипскій, Изидоръ Радлинскій, Онуф. Нидецкі Ант. Новотный, Ант. Чарковскій, князь Губертъ Воронецкій, Ник лай Наковскій, Фабіанъ Луневскій, Ѳома Чарковскій, Степанъ З польскій, Францъ Элонзовскій, Ант. Туровскій (большею частью пол скія фамиліи); кромѣ того—конфетчикъ Готлибъ Финке, прапорщи Мейеръ, музыкантъ Карлъ Леманъ, поручикъ Владим. Зеленка, пр порщикъ Павелъ Фрейгангъ, аудиторъ Петръ Афанасьевъ, учите Игнатъ Мюнчинскій, музыкантъ Карлъ Крыгеръ, учитель Людви Делетръ. „Отсутствующіе члены" были: учитель Казим. Шаполи скій, поруч. Дан. Девель, 9-го клас. Алекс. Девель, учитель Ива Штицынгъ, подполк. Бенед. Девель, помѣщ. Фридр. Гиршфельд прапор. Эдуардъ Трейсонъ, маіоръ Іосифъ Ульчицкій и помѣщ. Б недиктъ Рогозинскій. Наконецъ, „почетными членами" значилис Бенед. Девель, полк. кн. Петръ Трубецкой, тайный совѣтникъ кав. графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, по ковникъ и кав. князь Александръ Яковлевичъ Лобановъ-Росто скій, князь Сергѣй Волхонскій, гр. Николай Гудовичъ, Фран Геншъ, дѣйств. ст. сов. Шубертъ, пасторъ Фридрихъ Фольборт купцы Карлъ Вейеръ и Іоганъ Розенштраухъ, гр. Лубинскій, Густа Олизаръ, капитанъ Францъ Маіевскій, Карлъ Солеманъ, титул. с и кав. Егоръ Рейнеке, подполк. и кав. Алекс. Бофисъ, полков. Р нальеръ, Дрентель и купецъ Ив. Бликсъ, изъ коихъ многіе считались то же время и „великими магистрами", „намѣстниками" и члена Великой ложи „Астреи".

Мы съ намѣреніемъ перечислили здѣсь всѣхъ членовъ ложи „со диненныхъ славянъ". Изъ этого перечисленія видно, что въ спис декабристовъ „соединенныхъ славянъ", которые названы въ донесен Верховнаго Уголовнаго суда 1826 года, нѣтъ ни одного имени, кот рое упоминалось бы въ числѣ членовъ ложи „соединенныхъ славянъ Но это, мы полагаемъ, не опровергаетъ нисколько высказаннаго на выше предположенія, что идея общества „соединенныхъ славян могла вырости на почвѣ масонства, и именно въ кружкѣ членов

Знакъ Масонской ложи „Соединенныхъ Славянъ"

1818—1822.

День учрежденія 12-го марта 1818 г.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г.

Дозволено цензурою, 15 декабря 1877 г. Типографія В. Балашева.

ложи „соединенныхъ славянъ“. Г. Пыпинъ, въ своихъ историческихъ очеркахъ („Общественное движеніе при Александрѣ I“, стр. 349), говоря о масонахъ въ Россіи, замѣчаетъ: „Мы не знаемъ ничего о кіевской ложѣ „соединенныхъ славянъ“, но ея названіе напоминаетъ о тайномъ обществѣ этого имени. (По словамъ „Донесенія слѣдственной коммисіи, 30-го мая 1826 года“, общество „соединенныхъ славянъ“, съ которымъ въ 1825 г. вступили въ сношенія члены тайнаго „южнаго общества“, существовало не болѣе двухъ лѣтъ, а ложа упоминается гораздо раньше. Но подробности, сообщенныя въ „Донесеніи“ объ этомъ обществѣ, очень напоминаютъ масонскіе пріемы и формулы). Это послѣднее имѣло политическій характеръ и впервые задавалось панславистскими идеалами; свою форму оно, по видимому, заимствовало изъ масонскихъ ложъ. Съ другой стороны, ложа „соединенныхъ славянъ“, по всей вѣроятности, также выбрала свое имя не случайно, и могла имѣть первыя неясныя тенденціи панславистскаго свойства“.

Что польскій элементъ преобладалъ въ ложѣ „соединенныхъ славянъ“, можно заключить по самому знаку этой ложи, хранящемуся въ Музеѣ Императорскаго Археологическаго общества и воспроизведенному на приложеніи къ настоящей книгѣ „Русской Старины“. Девизъ этого знака по польски гласитъ: „Jedność słowianska“.

Все это говоритъ въ пользу того мнѣнія, что славянская идея— и именно, въ формѣ взаимнаго поданія руки на вѣчный союзъ,—что эта идея, разъ зародившись въ славянскихъ умахъ, словно въ воздухѣ, никогда не умирала и никогда не забывалась, хотя и переживала иногда долгую летаргію, укрываясь, подобно личинкѣ живаго существа, по темнымъ угламъ книжныхъ полокъ въ скромныхъ кабинетахъ тружениковъ слова.

Д. М.

Черта изъ жизни Филарета, митрополита московскаго.

Изъ числа многихъ другихъ разсказовъ изъ жизни Филарета передаю здѣсь слышанное мною отъ одного изъ московскихъ священниковъ. Когда Филаретъ былъ назначенъ на московскую каѳедру, онъ, обозрѣвая по обычаю приходы епархіи, въ одномъ изъ таковыхъ, какъ-бы намѣренно, искалъ повода къ замѣчанію и, указавъ на примѣченную въ храмѣ пыль, спросилъ настоятеля: „прорцы ми, отче, почто у ти пыль здѣ?“ Пораженный такимъ вопросомъ, священникъ палъ на колѣна и въ страхѣ промолвилъ: прости, владыко. Тогда Фила-

ретъ, взглянувъ проницательнымъ своимъ взоромъ на виновнаго, снова спросилъ: „ты понялъ?“ Священникъ отвѣчалъ: понялъ, владыко, все понялъ, прости великодушно. „А когда понялъ,—сказалъ тихо Филаретъ,—то Богъ проститъ“.... Но что-же все это значило? А вотъ что: Василій Дроздовъ, находясь еще на ученической скамьѣ, прослылъ въ средѣ нѣкоторыхъ изъ соучениковъ за доносчика, хотя таковымъ отнюдь не могъ назваться. Съ ранняго своего дѣтства онъ твердо слѣдовалъ разъ навсегда усвоенному правилу—быть правдивымъ, и при спросахъ у него родителей, а потомъ наставниковъ о чемъ-бы то ни было, отвѣчалъ чистосердечно: чего не зналъ—не знаю, а о чемъ вѣдалъ, о томъ и отвѣтъ давалъ открытый. За это-то и невзлюбили Василія нѣкоторые и задумали проучить по своему. Случай преслѣдовавшимъ представился. Разъ, подстерегши Дроздова въ темномъ корридорѣ, побили его тамъ, а одинъ, измѣненнымъ въ басъ голосомъ, еще и спрашиваетъ: прорцы, Василіе, кто тя ударяяй? Но Василію было не до того; онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и ни слова не говорилъ о случившемся до описанной встрѣчи съ личностію, которая чрезъ голосъ же свой, не смотря на измѣненіе его, впечатлѣлась въ памяти пострадавшаго,—о чемъ и далъ теперь почувствовать, что знаетъ его—виновника давно минувшаго съ собою происшествія; но мстительность Филарета противъ стоявшаго передъ нимъ на колѣнахъ съ покорною сознательностію нѣкогда бывшаго врага тѣмъ и закончилась. Въ послѣдующіе годы исправное пастырское служеніе священника одобрялось и награждалось одинаково съ прочими сверстниками.

Сергіевъ Посадъ. Сообщ. **Павелъ Семеновъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1876 г.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три больше тома**, изъ которы[х] каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рису[н]ками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санк[т]петербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ —в **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Өед[о]ровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ мага[зи]зинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** в Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имен[и], отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣз[да] (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно пр[ям]о адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;- 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контор[у], открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 ко[п.], а иногородняго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербург[ѣ], Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.**

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ", отно[]сятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдо[]ванія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эп[о]хахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XI[X] вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ с[о]браній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ досто[]памятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, воен[]ныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерк[и] изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: не[]изданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ оте[]чественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, за[]мѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе ра[з]сказы, анекдоты и мелочи; эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукопис[]ной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, до[]машніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времен[и] и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины".—VII. На[]родная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическ[ія] пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.— Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русска[го] народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимуществен[но] историческихъ книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ люде[й].

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ посто[]янное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. ФЕВРАЛЬ. **1878 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ приложенъ портретъ Императора **Александра Павловича.** Рисовалъ, съ портрета, писаннаго Жаномъ **Воалемъ** въ 1802 г.,—художникъ **К. О. Брожъ.** Гравировалъ въ Парижѣ Академикъ **Л. А. Сѣряновъ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля.

Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи. С. М. Шпилевскаго. 1877 г. X+585+XVI. Ц. 3 р.

Обращаемъ вниманіе любителей старины на этотъ весьма почтенный трудъ въ нашей историко-археологической литературѣ, принадлежащій профессору Казанскаго университета, г. Шпилевскому. Первый отдѣлъ его посвященъ обозрѣнію мусульманскихъ источниковъ (арабскихъ и татарскихъ), касающихся древнихъ булгарскихъ городовъ. Впрочемъ, разсмотрѣвъ ихъ, авторъ приходитъ къ заключенію о бѣдности свѣдѣній, сообщаемыхъ ими. Поэтому гораздо болѣе значенія могутъ имѣть нумизматическія данныя, которыя авторъ также разсматриваетъ весьма подробно. Затѣмъ авторъ касается данныхъ о мѣстоположеніи древнихъ, извѣстныхъ и неопредѣленныхъ, городовъ булгарской земли, о старой и новой Казани, и устанавливаетъ хронологію похода Тимура (разумѣя Менгу-Тимура) на булгаръ. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ разборъ извѣстій о булгарахъ, находящихся въ русскихъ лѣтописяхъ, причемъ опредѣляется и топографія нѣкоторыхъ городовъ и урочищъ, упоминаемыхъ ими. Третій, самый обширный, отдѣлъ книги занятъ обозрѣніемъ укрѣпленій, кладбищъ, кургановъ и мѣстъ нахожденія древнихъ вещей и монетъ; причемъ авторъ сообщаетъ обстоятельный сводъ русскихъ и иностранныхъ извѣстій о нихъ, составляющихъ иногда библіографическую рѣдкость и потому мало доступныхъ для большинства читателей. Кромѣ того, авторъ внесъ въ свой трудъ и выписки изъ неизданной свіяжской писцовой книги, принадлежащей Казанскому университету, и много новыхъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему мѣстными жителями. Наконецъ, въ приложеніяхъ, онъ помѣстилъ выписки изъ дневника и рапортъ адъютанта Кондырева объ археологической экскурсіи его въ Билярскъ (1812) и его окрестности, находящіеся въ архивѣ Казанскаго университета; свѣдѣнія объ археологической картѣ (рукописной) конца XVIII вѣка; описаніе булгарскаго городища (изъ библ. главнаго арх. мин. ин. дѣлъ); собственныя замѣтки о поѣ[здкѣ] въ село Болгары и свое изслѣдова[ніе] о казанской исторіи неизвѣстнаго со[чи]нителя, представляющее нѣсколько ве[сь]ма интересныхъ соображеній о соста[вѣ] этого повѣствованія (552—567 стр.).

Сочиненіе г. Шпилевскаго посвяще[но] IV-му археол. съѣзду, состоявшемуся [въ] августѣ 1877-го года въ Казани. Б[ла]годаря тому же обстоятельству, появил[ись] и нѣсколько другихъ изданій, имѣющи[хъ] непосредственное отношеніе къ исто[ріи] Казани. Таковъ трудъ протоіерея П[пла]тона Заринскаго: «Очерки древн[ей] Казани преимущественно XVI в[ѣ]ка» (218 стр., съ планомъ Казани, [ц.] 1 р.), служащій отвѣтомъ на вопросы [по] топографіи города, предложенные въ п[ро]граммѣ IV-го съѣзда. Главнымъ матер[іа]ломъ для установленія топографіи Каза[ни] автору служила писцовая книга города [съ] его уѣздомъ 1566—1568 годовъ. Но вмѣ[стѣ] съ тѣмъ авторъ весьма добросовѣст[но] изучилъ массу историческаго матеріа[ла,] на основаніи котораго и даетъ ря[дъ] очерковъ, представляющихъ описа[ніе] мѣстности, администраціи, внутренн[яго] устройства, состояніе русскаго и инор[од]ческаго населенія, духовенства, войс[ка] города и его посадовъ въ XVI вѣкѣ, о[са]ды и взятія Казани въ 1552 го[ду.] Особенно интересно, по своимъ подр[об]ностямъ, описаніе быта того време[ни.] Кстати упомянемъ также, что «списо[къ] съ писцовыхъ книгъ по г. Каза[ни] съ уѣздомъ 1566—1568 гг.», сдѣлан[ный] покойнымъ проф. Моск. дух. семин. К. Невоструевымъ, былъ изданъ ко в[ре]мени съѣзда Казанскою духовною а[ка]деміею (1877. 88 стр. Ц. 75 к.).

Antiquités du Nord Finno-Ougri[en] publiées à l'aide d'une subvent[ion] de l'Etat, par J. R. Aspelin. Helsi[ng]fors. I Livraison. Ages de la pierre [et] du bronze. 1877. 94. Ц. 7 р.

Въ первой книжкѣ этого, основате[ль]но задуманнаго, изданія разсма[три]ваются памятники древности финск[аго] міра двухъ первыхъ періодовъ: 1) [ка]меннаго вѣка, раздѣленнаго по опи[]санію на группы—балтійско-литовск[ую,] финляндскую и сѣверно-русскую; 2) б р[онзоваго]

ИННОКЕНТІЙ

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

Архіепископъ Иннокентій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ іерарховъ нашей церкви, жизнь и труды которыхъ требуютъ глубокаго изученія. При этомъ, біографъ долженъ располагать возможно полными матеріалами, рисующими дѣятельность описываемаго лица всесторонне, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. О преосвященномъ Иннокентіи слѣдуетъ сказать, что до сихъ поръ далеко еще не собраны всѣ его біографическіе матеріалы, и, въ этомъ отношеніи, знаменитый архипастырь ожидаетъ своего достойнаго жизнеописателя.—«Русская Старина» съ полною готовностію открываетъ свои страницы для всѣхъ желающихъ подѣлиться свѣдѣніями и документами о жизни преосвященнаго Иннокентія.

Между тѣмъ, въ настоящее время имѣется уже довольно значительное количество матеріаловъ, какъ печатныхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ, такъ и рукописныхъ, находящихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», которыми мы воспользовались въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ. Собраніе въ одно цѣлое первыхъ, приведеніе въ надлежащій порядокъ и опубликованіе послѣднихъ—намъ кажется не излишнимъ, потому что будущій біографъ архіепископа Иннокентія воспользуется всѣмъ этимъ матеріаломъ, укажетъ ему надлежащее мѣсто и значеніе въ жизнеописаніи великаго святителя.

Источники, въ которыхъ содержатся біографическія свѣдѣнія, письма, записки, воспоминанія, проповѣди и разныя другія данныя, бывшія у насъ подъ руками, слѣдующіе:

только совоспитанниковъ, но и наставниковъ»[1]. Въ 1819 г. Б
рисовъ окончилъ семинарскій курсъ ученія лучшимъ воспита
никомъ.

Что могла дать тогдашняя семинарія даровитому молодо
человѣку? Какой запасъ свѣдѣній и умственнаго развитія выноси
онъ изъ этого духовно-воспитательнаго заведенія? Съ какимъ н
правленіемъ выходилъ, съ какимъ призваніемъ въ жизни? Гово
вообще, на эти и имъ подобные вопросы отвѣтить не трудно. И
вѣстно, что въ первой четверти настоящаго столѣтія духовн
учебныя заведенія наши находились въ самомъ жалкомъ ви
ни учебно-воспитательная часть, ни ихъ экономическія усло
не могли удовлетворить весьма простымъ и невзыскательны
требованіямъ, такъ что правительство признало необходимы
усовершенствовать духовныя училища; ибо училища эти, по с
вамъ высочайше утвержденнаго 29-го ноября 1807 г. Комитета
преобразованіи ихъ, не имѣли «ни общаго систематическаго об
зованія, ни полнаго устава, ни точной связи ихъ управленія
академіями. Введеніе въ училищахъ латинской словесности, х
въ нѣкоторомъ отношеніи принесло имъ великую пользу, но
ключительное въ ней упражненіе было причиною того, что
многихъ изъ нихъ изученіе греческой и славянской литерату
столько необходимой для нашей церкви, мало-по-малу ослаб
вало... Въ самомъ распредѣленіи училищъ и расположеніи пр
метовъ обученія нѣтъ надлежащей удобности: для епархіи, п
стирающейся часто на большое разстояніе и объемлющей бо
цѣлой губерніи, учреждена одна семинарія и въ ней вмѣще
всѣ предметы ученія такъ, что кругъ ихъ, будучи стѣсненъ
одномъ мѣстѣ и простираясь отъ первоначальныхъ познаній
самыхъ высшихъ наукъ, не оставляетъ симъ послѣднимъ ни
длежащаго времени, ни нужнаго пространства». Затѣмъ,
митетъ нашелъ, что «невозможно содержать училищный до
учителей, библіотеку, учебныя пособія и до 1,000 учениковъ
8,000 руб.—что̀ составляло высшій окладъ семинарій». Въ д
ствительности учебно-воспитательная часть духовныхъ учили

[1] См.: «Ученыя Записки II-го отд. Имп. Академіи наукъ», 1859 г., кн
стр. XXXVIII; «Вѣнокъ на могилу Иннокентія», М. П. Погодина, стр.
«Кіевскія епарх. вѣд.», 1868 г., № 14.

была гораздо хуже, чѣмъ она представляется по взгляду Комитета. Орловская семинарія, въ которой воспитывался Иванъ Борисовъ, не могла считаться счастливымъ исключеніемъ. Положимъ что въ ней не были «вмѣщены всѣ предметы обученія», но при отсутствіи этого недостатка неминуемо господствовалъ другой—крайняя ограниченность предметовъ семинарскаго курса какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, почти при совершенномъ отсутствіи учебныхъ пособій. Разумѣется, столь неблагопріятныя условія для развитія въ бо́льшей или меньшей степени должны были отразиться и на Иванѣ Борисовѣ. Правда, уже въ 1809 г. выработанъ былъ новый, болѣе цѣлесообразный планъ, на основаніи котораго производилась реформа духовно-учебныхъ заведеній; но въ Кіевскомъ округѣ, а въ томъ числѣ и въ Орловской семинаріи, реформа эта наступила послѣ того, какъ Борисовъ окончилъ семинарскій курсъ. Слѣдовательно, онъ развивался при прежнихъ порядкахъ: мало свѣдѣній, мало пищи для ума и другихъ душевныхъ способностей, особенно такихъ недюжинныхъ, какими надѣленъ былъ отъ природы Иванъ Борисовъ. Въ продолженіи семинарскаго курса Борисовъ свободно писалъ прекрасныя, образцовыя «сочиненія», «разсужденія» и «проповѣди». Конечно, и здѣсь приходится пожалѣть, что мы не имѣемъ ни одного экземпляра изъ этихъ сочиненій; они не малое объяснили бы намъ изъ умственнаго міросозерцанія ихъ автора, особенно проповѣди, въ которыхъ, быть можетъ, уже проявлялись искры того могучаго таланта, который въ послѣдствіи такъ блистательно обнаружился у Иннокентія-проповѣдника. Какъ-бы то, впрочемъ, ни было, но семинарія немногимъ надѣлила Ивана Борисова изъ имѣющихся наличныхъ средствъ духовнаго образованія. По окончаніи курса Борисову предстояла скромная доля сдѣлаться священникомъ или поступить въ монахи. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ возложенныя на него обязанности исполнялъ бы онъ добросовѣстно, умѣло, лучше чѣмъ многіе; и—кто знаетъ?—не представься молодому человѣку какого нибудь внѣшняго обстоятельства, дававшаго иное, болѣе широкое поле для приложенія его душевныхъ дарованій, быть можетъ, былъ бы извѣстенъ чѣмъ-нибудь Иванъ Борисовъ, но Россія не знала бы Иннокентія. Такое обстоятельство представилось—и какъ нельзя болѣе своевременно.

Въ іюлѣ 1819 г. Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ семинар-

скаго ученія, а 28-го сентября того же года послѣдовало пр
образованіе Кіевской духовной академіи, на основаніи нова
устава духовно-учебныхъ заведеній, при чемъ положено было в
звать въ нее лучшихъ воспитанниковъ изъ нѣсколькихъ семинарі
для высшаго духовнаго образованія. Въ числѣ шести орловски
воспитанниковъ отправленъ въ Кіевъ и Борисовъ. Здѣсь, въ академ
организованной, при трудности и новизнѣ дѣла, довольно удачн
даровитому юношѣ предстояло употребить много энергіи, ус
чиваго труда для пріобрѣтенія серьезныхъ знаній, для развит
своихъ природныхъ дарованій. Дѣйствительно, четырехъ-лѣтн
пребываніе Ивана Борисова въ академіи было для него сколь
трудно, столько и богато благими послѣдствіями.

Въ теченіи перваго академическаго курса (1819—1823 гг.)
время пребыванія Борисова въ академіи—наука не могла проч
установиться, представить стройную общую систему знаній
всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые требовались уставомъ академ
Это зависѣло, конечно, отъ разныхъ причинъ, и въ числѣ их
едва ли не одною изъ важныхъ, была та, что, за исключеніе
только главныхъ наукъ, по всѣмъ другимъ довольно часто измѣнял
составъ преподавателей: одинъ почему либо оставлялъ каѳедру,
его замѣщалъ новый; если же таковаго не имѣлось въ виду,
чтеніе лекцій принималъ на себя другой преподаватель, имѣюп
и безъ того на своихъ рукахъ двѣ или три спеціальныхъ нау
переходы съ одной каѳедры на другую тоже бывали. Во всѣ
этихъ случаяхъ, почти все приходилось дѣлать заново, огра
чиваться изложеніемъ общихъ чертъ научныхъ системъ и т.
Такое положеніе дѣла, конечно, вело къ ущербу въ пріобрѣте
студентами весьма полезныхъ знаній, такъ какъ тутъ рѣчь иде
напримѣръ, о всеобщей гражданской исторіи, о классѣ словесны
наукъ, о языкахъ и др.

За то преподаваніе богословскихъ и философскихъ наукъ
ходилось въ твердыхъ рукахъ: достойными представителями п
выхъ—были ректоръ и профессоръ Моисей, инспекторъ и п
фессоръ Мелетій (Леонтовичъ) и Смарагдъ (преемникъ Мелеті
а вторыхъ—основатель философской науки въ академіи—протоіе
Ив. М. Скворцовъ. Ректоръ Моисей, «поведенія пречестнѣ
шаго, въ должности своей преисправный и благонадежный», эн
гическій, но вмѣстѣ привѣтливый начальникъ, дружелюбный

служивецъ, уважаемый кіевскими митрополитами Серапіономъ и Евгеніемъ,—положилъ истинное начало богословской наукѣ, поставивъ во главу ея глубокое изученіе св. писанія. За лекціи, «по классу чтенія св. писанія», читанныя имъ на рускомъ языкѣ (когда царила латынь), онъ получилъ въ 1822 г. степень доктора богословія [1]).

Ив. М. Скворцовъ былъ замѣчательный ученый своего времени и образцовый профессоръ, имѣвшій своими лекціями огромное вліяніе на студентовъ. Онъ читалъ «Исторію философіи», курсъ которой обнималъ у него древнюю философію, средневѣковую и новую до Шеллинга включительно. Затѣмъ, въ одинъ и тотъ же курсъ, читалъ логику, психологію, метафизику и нравственную философію. «Возможность прочтенія въ одинъ курсъ столькихъ системъ, — говоритъ профессоръ Кіевской академіи И. Малышевскій,—объясняется, съ одной стороны, строжайшею аккуратностію, съ какою Скворцовъ выдерживалъ длинные часы своихъ лекцій, убавить или пропустить которые не могли заставить его никакія случайности, съ другой—особенною, ему свойственною, сжатостію и опредѣленностію изложенія, чуждаго всякихъ прикрасъ и уклоненій. Самый тонъ преподаванія его отличался догматическою твердостію и докторальностію, требовавшею и отъ слушателей отчетливаго и твердаго уразумѣнія его уроковъ, которое не допускало ни выучки безъ яснаго сознанія, ни замѣны мыслей и свѣдѣній бойкими фразами» [2]). Такія лекціи заставляли студентовъ не только серьезно относиться къ изученію наукъ, читанныхъ профессоромъ, но и вообще пробуждали ихъ самодѣятельность. «Лучшій наставникъ не тотъ, кто блистательно самъ говоритъ и изъясняетъ, но тотъ, кто заставляетъ учащихся размышлять и изъяснять».

---

[1]) Моисей Богдановъ-Платоновъ (Антиповъ) род. въ 1783 г.; въ 1814 г.—баккалавръ С.-Петербургской духов. академіи; съ 1817 г.—ректоръ Кіевской академіи; въ 1824 г.—викарій Новгородскій, епиек. Старорусскій; въ 1827 г. переведенъ епархіальнымъ архіереемъ въ Вологду; черезъ три года назначенъ епископомъ Саратовскимъ; въ 1832 г. пожалованъ экзархомъ Грузіи; † 13-го іюля 1834 г. въ Тифлисѣ, на 52-мъ году своей многотрудной и полезной жизни.

[2]) «Историческая записка о состояніи Кіевской академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе». «Труды Кіевской духовной академіи», 1869 г., ноябрь—декабрь.

Н. В—овъ.

Изъ другихъ наукъ перваго академическаго курса слѣдует упомянуть еще о церковной исторіи, ветхозавѣтной и новозавѣ ной, о церковномъ краснорѣчіи, которое заключалось собствен въ исторіи проповѣдничества, объ эстетикѣ и высшей матем тикѣ съ физикой и механикой. Три послѣднія науки предоста лены были свободному избранію студентовъ.

Изъ этого бѣглаго перечня наукъ, преподававшихся въ ак деміи во время перваго курса, нельзя не видѣть, что студента необходимо было употреблять много усилій и труда на и усвоеніе. Правда, эти студенты были цвѣтомъ семинарской наук юноши самые способные; но не слѣдуетъ забывать, что эти юн ши обладали скуднымъ запасомъ свѣдѣній, малою, сравнитель подготовкою къ слушанію многихъ и обширныхъ курсовъ. Так черезъ мѣсяцъ послѣ открытія академіи одинъ изъ воспитанн ковъ писалъ своему отцу:

«Уже я вступилъ въ училищный подвигъ и, при помощи Вышня сколько могу, подвизаюсь симъ добрымъ подвигомъ. Признаться, тепе намъ не возможно не только что-либо постороннее сдѣлать, но и подума о томъ. Всякій день должно списать не менѣе трехъ листовъ, а выучи ихъ когда? Словомъ сказать: труды таковы, *ихже око не видѣ, ухо слыша и на сердце мое не всходило*» [1]).

Вотъ въ какую среду вступилъ воспитанникъ Орловской семин ріи Иванъ Борисовъ: новые товарищи, все лучшіе и способные, новые профессора, все ученые,—множество наукъ, да въ обширны размѣрахъ,—тутъ надобно было потрудиться воистинну! Тогда ка семинарская премудрость давалась ему очень легко, безъ всяки усилій, такъ сказать, спустя рукава, здѣсь, въ древнѣйшемъ ру скомъ всеучилищѣ, должна пробудиться вся его энергія, любо къ знанію, которая только и питаетъ и усовершаетъ врожде ные таланты. Борисовъ принялся за дѣло. «Здѣсь (т. е. въ ак деміи),—говорится въ вышеупомянутой біографической запис объ Иннокентіи,—въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юноше при сравненіи себя съ ними, онъ яснѣе началъ понимать себ цѣнить свои необыкновенные таланты, дорожить ими, почувств

---

[1]) «Историческая записка» П. Малышевскаго.

валъ жажду благороднаго соревнованія, и—со страстію, съ увлеченіемъ предавался наукамъ, такъ что иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгою. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ академіи Борисовъ болѣе самъ образовывалъ себя чрезъ чтеніе, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели чрезъ лекціи наставниковъ, которые, вообще, далеко не удовлетворяли его». Очень можетъ быть, что къ лекціямъ по нѣкоторымъ второстепеннымъ, и притомъ, пожалуй, неблагопріятно поставленнымъ наукамъ, Борисовъ относился критически, находилъ ихъ неудовлетворительными; но чтобы лекціи «вообще далеко не удовлетворяли его»—это сомнительно, особенно по отношенію къ философствованію. Между тѣмъ, въ той же біографической запискѣ далѣе говорится: «Читая многія книги отъ начала до конца, даже цѣлыя системы философовъ, онъ (Борисовъ) обыкновенно дѣлалъ экстракты изъ прочитаннаго, и такіе экстракты нерѣдко набрасывалъ въ концѣ самыхъ книгъ. Отъ этого происходило, что иногда, по просьбѣ товарищей, онъ раскрывалъ передъ ними ученіе того или другаго философа съ такою ясностію, легкостью и подробностью, что изумлялъ всѣхъ и совершенно затмѣвалъ лекціи профессорскія». Тутъ дѣло идетъ объ извѣстномъ ученомъ профессорѣ Ив. М. Скворцовѣ и пока еще о простомъ студентѣ академіи Иванѣ Борисовѣ, который блестящимъ изложеніемъ философскихъ системъ передъ слушателями-товарищами «совершенно затмѣвалъ» лекціи знатока философіи, образцоваго преподавателя. Такое мнѣніе высказано нашимъ знаменитѣйшимъ современнымъ ученымъ іерархомъ церкви, и, вѣроятно, оно опирается на какія-нибудь прочныя данныя; но намъ эти данныя неизвѣстны. Знаемъ, что въ 1822 г. Борисовъ написалъ сочиненіе: «Взглядъ на греческую философію». Отзывъ объ этомъ трудѣ профессора былъ слѣдующій: «За исключеніемъ немногихъ мѣстъ, и слогъ, и остроуміе, и основательность—вездѣ достойны одобренія» [1]). И только. Затѣмъ, Иннокентій, будучи уже профессоромъ, въ одной изъ своихъ академическихъ лекцій, именно «о человѣкѣ», не соглашается съ мнѣніемъ профессора Скворцова о тройственности человѣческаго естества (тѣло, душа и духъ) [2]). Но тутъ дѣло идетъ не о сту-

---

[1]) См. «Сочиненія Иннокентія», т. X, стр. 372. [2]) Тамъ же, стр. 75

дентѣ Иванѣ Борисовѣ, а о профессорѣ и ректорѣ Кіевской академіи Иннокентіи. Поэтому, мы позволяемъ себѣ думать, что если кто и имѣлъ вліяніе не только на философское, но и вообще на умственное развитіе Борисова, то преимущественно Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Ergo, suum cuique.

Затѣмъ, нашимъ знаменитымъ іерархомъ приведены слѣдующія замѣчанія, характеризующія студента академіи Борисова: «Собственныя сочиненія онъ предварительно обдумывалъ вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ прямо писалъ на-бѣло. Чрезъ два-три дня пересматривалъ написанное и, если оно почему либо не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобы представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ бѣгло прочитывалъ классическіе уроки, которыми мало до того занимался, и на экзаменахъ отвѣчалъ такъ, какъ рѣдко кто могъ отвѣчать и изъ прилежнѣйшихъ студентовъ [1]). При началѣ академическаго курса, были еще совмѣстники у Борисова, и одинъ изъ нихъ, отлично приготовленный, хотя и менѣе даровитый, студентъ Воронежской семинаріи Ставровъ, занималъ даже въ спискѣ первое мѣсто. Но въ послѣдствіи, особенно съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе академіи, всѣ единогласно, и профессора и студенты, отдавали пальму первенства Борисову и никто не дерзалъ съ нимъ равняться; самъ бывшій его совмѣстникъ обыкновенно говаривалъ, что надобно въ спискѣ на первомъ мѣстѣ писать Борисова, а затѣмъ, оставивъ незанятыми нѣсколько слѣдующихъ мѣстъ, уже на седьмомъ или осьмомъ—Ставрова [2]). Въ высшемъ отдѣленіи Борисовъ, конечно, повинуясь внутреннему призванію, болѣе всего занимался составленіемъ и обработкою проповѣдей: четыре изъ нихъ, напечатанныя въ числѣ 11-ти Словъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи перваго курса, свидѣтельству-

---

[1]) Выше мы упомянули, какихъ усиленныхъ занятій стоило студентамъ усвоеніе однѣхъ профессорскихъ лекцій, не говоря о постороннемъ чтеніи. Поэтому, нельзя не удивляться отличнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ Борисова, при бѣгломъ прочтеніи лекцій, особенно такихъ, какъ Ив. М. Скворцова.

[2]) Ставровъ, Платонъ Ивановичъ, по окончаніи курса, оставленъ былъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ церковной словесности (проповѣдничества), которую оставилъ въ 1827 г. **Н. В—овъ.**

ютъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго французскаго оратора Массильона и отчасти находился подъ его вліяніемъ, а, съ другой стороны—обнаруживаютъ уже въ авторѣ высокое самобытное дарованіе и предвѣщаютъ въ немъ великаго церковнаго витію» [1]). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что на публичномъ испытаніи Иванъ Борисовъ читалъ часть своего разсужденія «О нравственномъ характерѣ Іисуса Христа», которое было, такъ сказать, предтечею «Послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Іисуса Христа»—сочиненія, доставившаго автору громкую, неувядаемую славу. Въ 1823 г. Борисовъ окончилъ курсъ первымъ магистромъ изъ числа 15-ти; всѣхъ же окончившихъ курсъ было 39.

Такимъ образомъ, Иванъ Борисовъ закончилъ свое академическое образованіе блистательно. Въ немъ теперь уже обнаруживался серьезный ученый, глубокій богословъ, знаменитый проповѣдникъ церкви. Но обязанъ-ли онъ чѣмъ нибудь академіи, или только собственному труду и дарованіямъ? Намъ кажется, что отвергать въ этомъ случаѣ благотворное вліяніе академіи на развитіе Борисова было бы несправедливо. Посѣеваемое профессорскимъ словомъ сѣмя науки упадало на плодотворную почву воспріимчивости Борисова и приносило плодъ сторицею; въ академической средѣ пробудилась у него любовь къ знанію, энергія къ труду, къ самодѣятельности, къ самоусовершенствованію,—словомъ сказать, здѣсь Борисовъ получилъ великій запасъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, пригодныхъ для воздѣлыванія широкой нивы. Казалось бы, всего ближе и естественнѣе приложить эти силы къ тому учрежденію, въ которомъ онѣ развивались, т. е. оставить Борисова при Кіев-

---

[1]) Четыре проповѣди Борисова, о которыхъ идетъ рѣчь, помѣщены въ сборникѣ, подъ заглавіемъ: «Собраніе опытовъ студентовъ академіи перваго курса», изд. 1825 г. Проповѣди эти слѣдующія: Слово въ недѣлю Вайй, Слово въ день Воздвиженія Креста Господня, Слово надгробное при погребеніи одного студента и Слово въ день Рождества Христова. Кромѣ того, въ «Собраніи» помѣщены его же три небольшія разсужденія: «О признакахъ поврежденія человѣческаго въ самой природѣ человѣка», «О совѣсти въ поврежденномъ ея состояніи» и «Особенно замѣчательныя черты путешествія израильтянъ въ землю обѣтованную».

Н. В—овъ.

ской академіи; но пока еще не суждено было этому исполниться: черезъ два мѣсяца по окончаніи курса, т. е. въ августѣ 1823 г., Борисовъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка. Съ этого времени открывается новое поприще для Борисова—поприще наставника и воспитателя другихъ.

Н. В—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ.

XXXIII [1]).

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

1860 г.

На другой день по возвращеніи моемъ изъ Версаля въ Парижъ, Александръ рано утромъ пріѣхалъ къ намъ совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа; онъ тихо, ласково взялъ меня за обѣ руки и просилъ простить его за вчерашній вечеръ, за вырвавшіеся у него упреки, и позабыть, что̀ онъ тогда наговорилъ; сваливалъ вину на шампанское и на свой неисправимый характеръ. Я была тронута, но, не смотря на наружное сближеніе, въ глубинѣ души чувствовала еще какую-то чуждость, чувствовала, что намъ надобно ознакомиться снова для возстановленія прежнихъ отношеній, всмотрѣться другъ въ друга, чтобы найти точки соприкосновенія. На это необходимо было время.

Такъ оно и сдѣлалось.

Осмотрѣвшись, мы увидали, что внутренно не измѣнились, но близки только въ прошедшемъ; на этомъ и остановились, отклонивши всякое требованіе, все постороннее нашему прошедшему.

Дня черезъ два по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ, Александръ пригласилъ насъ и другое родственное ему семейство на обѣдъ, который заказалъ въ ресторанѣ Petit moulin rouge. Обѣдъ былъ роскошенъ, всѣмъ хотѣлось одушевить его, но, не смотря на всевозможныя усилія, чувствовалось, что чего-то недостаетъ—недоставало общей гар-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131, 309—350, 511—544, 649—670; томъ XVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682; томъ XIX, стр. 431—474; томъ XX, стр. 277—300.

моніи: за внѣшнимъ весельемъ таилось въ душѣ что-то чуждое веселости, таилась даже грусть.

Около вечера мы отправились въ Булонскій лѣсъ. Я ѣхала въ коляскѣ съ Сашей. Тихая, лунная ночь, лѣсъ — возбуждали въ немъ воспоминаніе объ ароматныхъ, быстронаступающихъ ночахъ Италіи; о Васильевскомъ, съ нашей вечерней зарей, сливающейся съ зарею утренней, съ ночными соловьями, съ мелькающей зарницей. Почти на такія-же темы шелъ разговоръ во все время этой прогулки.

Въ продолженіе мѣсяца, прожитаго Александромъ въ Парижѣ, мы видались часто, вмѣстѣ бывали за-городомъ, въ театрѣ, въ Jardin des plantes. Однажды онъ пригласилъ насъ въ картинную галлерею Лувра; тамъ, останавливаясь передъ картинами, обращавшими на себя его особенное вниманіе, громко дѣлалъ такія оригинально-острыя замѣчанія, что, мало-по-малу, около насъ стала собираться толпа, среди которой слышались то восклицанія одобренія, то мелькали улыбки; толпа эта постепенно росла, слѣдомъ ходила за нами съ видимымъ ожиданіемъ еще бо́льшаго удовольствія и, наконецъ, такъ увеличилась, что мы принуждены были удалиться изъ Лувра.

Когда мнѣ случалось идти съ нимъ по Парижу и мы попадали на мѣсто, замѣчательное какимъ-нибудь событіемъ изъ революціи 1848 года, онъ останавливался и съ жаромъ разсказывалъ, что́ тутъ происходило.

Однимъ яснымъ утромъ, проходя вмѣстѣ съ Александромъ по Пале-Роялю, увидала я впереди насъ медленно идущаго старика, просто, но хорошо одѣтаго. Его велъ подъ-руку слуга. Онъ шелъ слабыми шагами и какъ-то разстерянно-любопытно смотрѣлъ на представлявшіеся ему предметы. Его благородная наружность и что-то печально-задумчивое въ лицѣ остановило на немъ мое вниманіе.

— Знаешь-ли ты кто это? спросилъ меня Саша.

— Не знаю,—отвѣчала я,—скажи кто?

— Одинъ изъ участниковъ 14-го декабря, князь Сергѣй Григорьевичъ **Волконскій**, возвращенный изъ ссылки.

Въ памяти моей освѣтился трогательный рядъ женщинъ-аристократокъ—онѣ бросаютъ родныхъ, роскошь, блескъ общественнаго положенія, и идутъ за мужьями въ глубину Сибири; представился грустно-поэтическій вечеръ, который княгиня М. Н. Волконская, отъѣзжая въ ссылку къ мужу, проводитъ у своей невѣстки—умной, талантливой писательницы, княгини З. А. Волконской,—окруженной самыми замѣчательными личностями литературнаго міра того періода времени [1]).

[1]) Описаніе этого вечера, составленное А. В. Веневитиновымъ, напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 822—827.

Печально смотрѣла я на шедшаго впереди насъ, слабыми шагами, старика.

— Хочешь познакомиться съ княземъ? сказалъ Саша.

— Конечно, хочу,—отвѣчала я.

Мы ускорили шаги и нагнали князя. Онъ быстро обернулся къ намъ. Узнавши Александра, съ которымъ былъ знакомъ, привѣтливо улыбнулся и подалъ ему руку. Саша, почтительно кланяясь, сказалъ:

— Здравствуйте, князь, какъ ваше здоровье?—прогуливаетесь, и прекрасно, утро великолѣпное.

Затѣмъ онъ представилъ насъ другъ другу и мы всѣ вмѣстѣ отправились дальше. Разговаривая, князь Сергѣй Григорьевичъ нѣсколько разъ жаловался на свои ноги. Обойдя часть Пале-Рояля, мы зашли отдохнуть на квартиру къ Александру.

Знакомство наше съ княземъ Волконскимъ продолжалось—и онъ нерѣдко посѣщалъ насъ въ Парижѣ.

У Александра я познакомилась еще съ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Д—мъ; онъ какъ-то хорошо расположился къ намъ, бывалъ у насъ вечерами, и иногда вмѣстѣ съ Сашей, который всегда осыпалъ его остротами, особливо когда князь читалъ отрывки изъ своихъ Записокъ.

Кромѣ упомятутыхъ личностей, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, прожитыхъ нами въ Парижѣ, мы часто видались съ княжной Натальей Петровной Шаликовой, съ семействомъ нашего уважаемаго протоіерея Васильева, молодыми княземъ и княжной Кудашевыми—и съ авторомъ писемъ изъ Испаніи Василіемъ Петровичемъ Боткинымъ. Раза три въ недѣлю проводила у насъ цѣлые дни десятилѣтняя дочь Александра—Олинька, прелестный, рѣзвый ребенокъ. Она жила большей частію въ Парижѣ съ своей гувернанткой, воздухъ Франціи находили необходимымъ для ея здоровья. Мы очень любили и баловали ее,—меньшой сынъ мой училъ ее русской грамотѣ, которой она не знала, не смотря на то, что не дурно говорила по русски.

Незамѣтно наступило время отъѣзда Александра изъ Парижа. Однимъ раннимъ утромъ провожали мы его на желѣзную дорогу. Старшая дочь его съ гувернанткой, сыномъ моимъ и однимъ родственникомъ ѣхали въ каретѣ; я съ Сашей въ коляскѣ; меньшую дочь свою онъ посадилъ у насъ къ кучеру на козлы. Грустно шелъ между нами разговоръ о близкихъ намъ предметахъ и мало-помалу принялъ такое болѣзненное направленіе, что онъ раздражился, и я расплакалась; въ такомъ состояніи духа мы и разстались.

Спустя нѣсколько дней, я получила отъ него изъ Лондона письмо и только что вышедшую книгу его сочиненія, надъ которой онъ над-

писалъ: „Ну, полноте сердиться"; вмѣстѣ съ книгой онъ прислалъ мнѣ фотографическую карточку, на которой онъ былъ изображенъ сидящимъ, а подлѣ него Никъ въ стоячемъ положеніи; на оборотѣ была надпись: „съ подлинникомъ вѣрно". И точно, на этой карточкѣ они оба очень похожи. Вскорѣ вслѣдъ за Александромъ оставили Парижъ и Толстые. Съ ихъ отъѣздомъ прекратились и опредѣленные вечера, въ которые мы собирались то у нихъ, то у насъ, то у С. Л. Львицкаго и Кологривовыхъ. Вечера эти оставили по себѣ самое хорошее воспоминаніе, особенно тѣ, которые мы проводили у графа Ѳедора Петровича Толстаго. Тамъ собирались не только близкіе знакомые, но и многіе изъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ и любителей искусствъ. Молодые люди танцовали, а между нетанцующими шли разговоры, исполненные интереса, по преимуществу касавшіеся искусствъ. Вечера эти оживлялъ своимъ оригинальнымъ остроуміемъ Н. Ѳ. Щербина, пріѣхавшій весною въ Парижъ. Сверхъ того онъ привезъ съ собой толстую тетрадь русскихъ пѣсенъ, для фортепьянъ, которыя знающіе музыку и пѣніе играли и пѣли; родные напѣвы отзывались сочувственно въ душѣ каждаго и не разъ погружали въ безотчетныя думы. Одна французская пѣвица выучила лучшія изъ этихъ пѣсенъ, пѣла ихъ въ нѣкоторыхъ домахъ Парижа и многіе изъ парижанъ находили ихъ чрезвычайно музыкальными.

Еще лучшее воспоминаніе оставило во мнѣ то время, которое я проводила съ Толстыми одна, въ задушевной бесѣдѣ или слушая разсказы графа Ѳедора Петровича о его прошедшей жизни и чтеніе изъ его воспоминаній, исполненныхъ чрезвычайной занимательности. Онъ писалъ ихъ постоянно, и въ Петербургѣ и за границей, и продолжалъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Чтобы познакомить съ фактами, болѣе очерчивающими нашего знаменитаго русскаго и можно сказать, европейскаго художника-медальера графа Ѳ. П. Толстаго, я удержала въ моихъ Воспоминаніяхъ нѣкоторые изъ его разсказовъ и сдѣлала извлеченія изъ Записокъ его [1]).

---

[1]) Съ разрѣшенія супруги покойнаго графа, графини Анастасіи Ивановны Толстой, и его дочери, Екатерины Ѳедоровны, супруги нашего извѣстнаго окулиста профессора Эдуарда Андреевича Юнге. Разсказы гр. Ѳедора Петровича и отрывки изъ его Записокъ, мною представляемые здѣсь, служатъ продолженіемъ нѣсколькихъ главъ, напечатанныхъ самимъ гр. Ѳ. П. Толстымъ на страницахъ «Русской Старины» не задолго до своей кончины. [«Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 24—51; 123—145; 517—532].

Масонскія ложи.

Когда открылась французская революція, то масонскія ложи, проникнувшія въ Россію еще въ прошедшемъ столѣтіи, были закрыты,—говорилъ намъ графъ,—и только около 1812 года, мало-по-малу, снова стали проявляться, какъ предполагали, изъ Германіи, и сосредоточивались, по преимуществу, въ Петербургѣ. Духъ братства, содержавшійся въ масонствѣ, сильно привлекалъ въ ложи множество членовъ,—изъ лицъ, занимавшихъ значительныя должности въ государствѣ, много молодыхъ людей лучшаго круга общества, получившихъ блестящее образованіе, и изъ личностей, извѣстныхъ умомъ и талантами, въ числѣ которыхъ находилось и нѣсколько декабристовъ. Правительство смотрѣло на масонство не только что снисходительно, но даже утвердило главную директоріальную ложу „Св. Владиміра къ Порядку" и дало ей правила, которыхъ какъ она, такъ и зависящія отъ нея ложи должны были держаться.

Директоріальная ложа, по возникшимъ въ ней несогласіямъ, распалась на двѣ главныя ложи: „Астрею" и „Провинціальную". Отъ каждой изъ нихъ, какъ бы лучи, отбрасывались ложи второстепенныя, которымъ онѣ служили образцами, и обязаны были исполнять съ величайшею точностію установленные въ нихъ правила и обряды.

По словамъ графа, въ „Астреѣ" было гораздо больше порядка, стройности и идеи, нежели въ „Провинціальной"; то же настроеніе проявлялось и въ подвѣдомственныхъ имъ ложахъ.

Когда въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ тайныхъ обществахъ, вмѣсто благотворительности и улучшенія нравовъ—цѣли масонства, стали заниматься политикой, вслѣдствіе чего произошли тамъ безпорядки, то, въ предупрежденіе подобныхъ-же печальныхъ явленій, вышелъ высочайшій приказъ—всѣ тайныя общества въ Россіи, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, закрыть и впредь не допускать.

Такимъ образомъ, въ 1822 году масонство, безъ всякихъ демонстрацій, прекратилось, и со всѣхъ членовъ взяты были подписки впередъ ни въ какихъ тайныхъ обществахъ не участвовать [1]). Многочисленные братья-каменщики разсыпались, но продолжали распространять свое ученіе.

[1]) Дѣйствительныя причины и весь ходъ закрытія масонскихъ ложъ въ Россіи весьма обстоятельно изложены въ документахъ, впервые явившихся на свѣтъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г. томъ XVIII, стр. 455—479; 641—654.

Въ ложѣ „Петракъ Истинѣ", Peter zur Wahrheit, подвѣдомственно „Астреѣ", къ которой принадлежалъ и графъ Ѳ. П. Толстой, главным мастеромъ былъ директоръ Обуховской больницы, докторъ медицины стат скій совѣтникъ Еллизенъ, безкорыстный, добродѣтельнѣйшій учены помогавшій многочисленнымъ семействамъ, находившимся въ крайности

„Я вступилъ"—сказано въ Запискахъ графа Ѳ. П. Толстаго,—как и всѣ посвящавшіеся въ масоны—ученикомъ; а черезъ два мѣся былъ возведенъ въ званіе мастера и избранъ въ церемоніймейстеры лож затѣмъ, вскорѣ, былъ сдѣланъ первымъ надзирателемъ этой лож далѣе, послѣдовательно, получалъ всѣ высшія степени масонства то есть: обѣ степени шотландскихъ ложъ, ложи тампліеровъ, Ro croix, и другихъ.

Въ нашей ложѣ работы производились на нѣмецкомъ языкѣ, такж какъ и въ ложѣ „Елисаветы къ добродѣтели", въ которой мастером стула былъ камеръ-юнкеръ Ланской, человѣкъ обыкновеннаго ума. В ложѣ подъ названіемъ „Меча" работы шли на языкѣ французскомъ; въ не мастеромъ стула былъ тоже молодой придворный человѣкъ, лѣтъ 28-м графъ Вьельгорскій 2-й. Вьельгорскихъ было два брата, оба камер юнкеры; они были очень хорошо приняты при дворѣ, но, кромѣ к меръ-юнкерства, не занимали никакихъ должностей. Старшій из нихъ, мастеръ ложи „Меча", занимался музыкой и пѣлъ на домаш нихъ вечерахъ во дворцѣ. Меньшой, также при дворѣ, игралъ н віолончелѣ.

Обѣ эти ложи были наполнены людьми знатными и богатыми.

Главная ложа россійскаго масонства, подъ названіемъ „Главна ложа Астрея", находилась въ Петербургѣ; первымъ мастеромъ это ложи былъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, а я состоялъ намѣстнымъ ма стеромъ. Въ другія должности по масонскимъ работамъ и управленіям этой ложи выбирались мастерами стульевъ и должностными членам личности изъ всѣхъ существующихъ здѣшнихъ ложъ. Въ должно стные члены „Астреи"—избрано было больше всего изъ ложи „Pet zur Wahrheit", такъ какъ она изобиловала, болѣе всѣхъ других серьезными, образованными, дѣльными людьми. Всѣ русскіе, получи шіе хорошее образованіе, предпочтительно вступали въ эту ложу.

Исполнялись-ли у насъ, и во всѣхъ другихъ ложахъ, съ равным рвеніемъ и дѣятельностію, главнѣйшія работы масоновъ—„распро страненіе всеобщаго, истиннаго образованія души и ума"—это под большимъ сомнѣніемъ. Развѣ въ Швеціи, гдѣ масонство держитс еще въ томъ же положеніи, въ какомъ оно составилось и дѣйство вало, къ истинному благу человѣчества, но въ нашихъ ложахъ так можно поручиться, что, кромѣ ложи „Peter zur Wahrheit", въ других

ложахъ многіе изъ собратій даже не знали въ чемъ и состоятъ настоящія работы масоновъ,—и думали, что все таинство масонства заключается въ аллегорическихъ дѣйствіяхъ, производимыхъ въ засѣданіяхъ ложъ.

Въ нашей ложѣ находилось почти на половину русскихъ, изъ которыхъ многіе плохо говорили по нѣмецки, а работы производились въ ней на этомъ языкѣ, почему и положено было нами, съ разрѣшенія Великой ложи „Астреи“, отдѣлиться отъ ложи „Peter zur Wahrheit“ и составить особую ложу, подъ названіемъ: „Избраннаго Михаила“, въ которой масонскія работы должны были происходить по ритуаламъ ложи „Peter zur Wahrheit“, только на русскомъ языкѣ. Получивъ дипломъ отъ Великой ложи „Астреи“ на организованіе сказанной ложи „Избраннаго Михаила“, въ 1815 году, приступлено было къ избранію мастера стула этой ложи, которымъ и былъ избранъ я; затѣмъ выбраны были всѣ должностные братіи. Намѣстнымъ мастеромъ выбранъ былъ полковникъ главнаго штаба Данилевскій; ораторомъ — полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, адъютантъ военнаго генералъ-губернатора Милорадовича. Секретаремъ—Николай Ивановичъ Гречъ, издатель журнала „Сынъ Отечества“. Казначеемъ—Николай Ивановичъ Кусовъ, первой гильдіи купецъ. Церемоніймейстеромъ—Александръ Ивановичъ Уваровъ. Первымъ надзирателемъ Алексѣй Ивановичъ Кусовъ; вторымъ надзирателемъ купецъ Толченовъ.

Немедленно по избраніи должностныхъ членовъ, приступлено было къ отысканію квартиры для ложи, и нанятъ былъ бель-этажъ въ угловомъ домѣ на углу Адмиралтейской площади и Невскаго проспекта, противъ трактира Лондонъ.

Все внутреннее устройство ложи было принято на себя мною. Я сочинилъ планъ, нарисовалъ внутренній видъ со всѣми принадлежностями и украшеніями и далъ всему шаблоны. По контракту, сдѣланному нами съ хозяиномъ дома, мы обязаны были при сдачѣ квартиры возвратить ее точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ ее получили. По сдѣланному мною плану и принятому братьями, огромная зала, назначаемая для ложи, изображала со всѣхъ сторонъ открытую, безъ потолка, Іоническаго ордена колоннаду въ саду съ антаблементомъ; колоннада и антаблементъ по стѣнамъ залы были деревянныя, а стѣны между столбовъ расписаны садомъ и воздухомъ, такъ же какъ и потолокъ, сдѣланный плоскимъ фальшивымъ сводомъ, изображавшимъ небо. Я пригласилъ для исполненія этого плана театральнаго машиниста г-на Тибо, чтó онъ и устроилъ, нисколько не повредя ни стѣнъ, ни потолка. На столбахъ, гораздо выше ихъ половины,

кругомъ всей залы, спускалась до самаго пола голубаго цвѣта дра-
пировка изъ тонкой шерстяной матеріи, обшитой золотымъ галуномъ
и бахрамой; она была прикрѣплена къ столбамъ небольшими золо-
чеными розасами, черезъ которые повѣшенъ былъ, также по всей залѣ,
по драпировкѣ, толстый золотой шнурокъ, фестонами, съ кафинскимъ
узломъ по срединѣ. На полу между столбовъ, на возвышеніи одной
ступеньки, стояли скамейки съ подушками, покрытыя также голубой
матеріей и также обшитыя золотымъ галуномъ и бахрамой; на этихъ
скамейкахъ, во время работы ложъ, сидѣли братья.

Потолокъ залы, сдѣланный плоскимъ сводомъ, долженствовавшій
изображать небо, выкрашенъ былъ голубымъ колеромъ, сливавшимся
съ воздухомъ, написаннымъ по стѣнамъ залы; на немъ изображались
всѣ созвѣздія сѣвернаго небеснаго полушарія, видимыя въ ночи надъ
Петербургомъ въ „Ивановъ день“, большой праздникъ масоновъ.
Они изображены были на небесномъ сводѣ стеклянными, золотыми
пятиугольными звѣздами первыхъ пяти величинъ и размѣщались
вѣрно проэкціи, сдѣланной мною съ созвѣздія очень хорошаго
сферическаго глобуса сѣвернаго полушарія.

На поперечной стѣнѣ, противъ входной двери въ ложу, между
двухъ среднихъ столбовъ, которыхъ на этой и противоположной стѣнѣ
находилось по четыре, выступала впередъ отъ стѣны параллелограм-
ная площадка, на которую входили тремя ступенями; на ней, у са-
мой стѣны, стояли большія, рѣзныя, позолоченныя кресла, для мастера
стула ложи, обшитыя, какъ подушка, такъ и задокъ креселъ, голу-
бымъ бархатомъ; надъ довольно высокой спинкою креселъ изображалось
солнце стекляннымъ шаромъ, вершковъ шесть въ діаметрѣ; солнце
ярко освѣщалось извнутри, а отъ него, по голубой драпировкѣ, во всѣ
стороны шли деревянные, хорошо рѣзанные, позолоченные лучи.

Передъ креслами мастера стула стоялъ правильной формы, парал-
лелограмный столъ, на трехъ углахъ котораго, въ высокихъ брон-
зовыхъ красивыхъ шандалахъ, горѣли по три восковыя свѣчи. Столъ
кругомъ былъ обтянутъ голубымъ бархатомъ, въ родѣ налоя, и обитъ
по всѣмъ сторонамъ золотымъ галуномъ и бахрамой.

На серединѣ стола, противъ креселъ, лежали въ богатомъ пере-
плетѣ большое евангеліе и мечъ ложи, съ богатой золоченой рукоят-
кой, въ голубыхъ бархатныхъ ножнахъ, съ богатыми бронзовыми золо-
чеными украшеніями.

На столѣ, передъ самыми креслами, лежали молотокъ управлені[я]
мастера ложи, бѣлой слоновой кости съ рукояткой изъ чернаго де-
рева; также бѣлая бумага и стояла бронзовая чернильница.

Между двухъ крайнихъ столбовъ, по правой сторонѣ креселъ

мастера стула, на возвышеніи одной ступени, стояли кресла намѣстнаго мастера, тоже рѣзныя и золоченыя, только поменьше и не такой богатой рѣзьбы, и не бархатныя, а той матеріи, изъ которой драпировки на колоннахъ, и безъ изображенія солнца. Полъ и всѣ ступени были обиты зеленымъ сукномъ.

У трехъ ступеней переднихъ угловъ, ведшихъ на площадку, на которой находились кресло и столъ, стояли, на небольшихъ пьедесталахъ, два мужскіе скелета, державшіе бронзовые небольшіе канделябры о трехъ восковыхъ свѣчахъ. Передъ столомъ мастера, отступя впередъ аршина два, лежалъ на полу, по длинѣ комнаты, параллелограмной формы, масонскій небольшой коверъ, на которомъ масляными красками изображались кленоды или аллегоріи масонскаго ритуала. За ковромъ, по угламъ его, стояли, также на возвышеніи одной ступени, на правой сторонѣ, стулъ перваго надзирателя, а на лѣвой—втораго надзирателя, лицомъ къ стулу мастера. На стульяхъ подушки покрыты были тойже матеріей, изъ которой сдѣланы драпировки на столбахъ. На скамейкахъ, по стѣнамъ, справа, противъ стола мастера, было мѣсто секретаря ложи; передъ нимъ небольшой четырехъ-угольный столъ, обтянутый голубой, какъ и драпировки, матеріей, обитый внизу золотой бахрамой. На лѣвой сторонѣ, противъ секретаря, было точно такое же мѣсто для казначея. По лѣвой сторонѣ секретаря сидѣлъ, просто на скамейкѣ, ораторъ ложи, а налѣво церемоніймейстеръ.

Наша ложа была гораздо красивѣе другихъ ложъ и приличнѣе сооружена для масонской ложи; она отличалась также и дѣйствіями своими въ пользу ближнихъ.

Наружные обряды во время работъ масоновъ въ ложахъ основаны были на аллегоріи сооруженія Соломонова храма. Храмъ этотъ изображаетъ чистую нравственность всего человѣчества, стало-быть, и совершеннаго счастія, для достиженія чего братство масоновъ должно непрерывно трудиться надъ обогащеніемъ себя всѣми нравственными добродѣтелями, возвышающими душу и сердце; а умъ—познаніемъ наукъ, какъ необходимыхъ средствъ для того, чтобъ помочь человѣчеству соорудить въ мірѣ Соломоновъ храмъ.

Ложа наша, съ малыми своими финансовыми средствами, устроила изъ своихъ членовъ комитетъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы помогать нуждающимся, которые по своему положенію не могутъ протягивать руки за милостынею, а терпятъ крайнюю нужду. Члены обязаны были отыскивать таковыхъ и, освѣдомясь подробно о ихъ нравственности, положеніи и нуждахъ, представлять объ нихъ ложѣ, которая, подъ предсѣдательствомъ мастера, распоряжалась

кому какое дѣлать пособіе: кто получалъ квартиру, кто небольшо
мѣсячное содержаніе, кто единовременное пособіе дровами, съѣстным
припасами и т. п.

Ланкастерскія школы.

Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, я и Гречъ вознамѣрились со
ставить общество распространенія ланкастерскихъ школъ въ Росс
многіе изъ братій нашей ложи изъявили желаніе вступить въ этот
союзъ. Написавъ уставъ статута общества, представили, чрезъ ми
нистра народнаго просвѣщенія, его величеству на утвержденіе.

Гречъ составилъ для этого легкаго способа ученія грамоты не
обходимыя ланкастерскія таблицы; онѣ представлены были въ мини
стерство народнаго просвѣщенія; министромъ-же тогда былъ княз
Александръ Николаевичъ Голицынъ, глубокій мистикъ.

По полученіи высочайшаго разрѣшенія на составленіе обществ
распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, немедленно при
ступлено было къ избранію предсѣдателя общества, которымъ и из
бранъ былъ я; въ помощники мнѣ избраны были: Гречъ и Глинк
а казначеемъ общества Николай Кусовъ.

Первую примѣрную школу положено было нами устроить въ Пе
тербургѣ, на виду всѣхъ. По нашимъ средствамъ мы должны был
устроить эту школу въ очень скромномъ видѣ, въ Коломнѣ, въ одно
изъ отдаленныхъ улицъ, въ деревянномъ простомъ домѣ, въ кото
ромъ весьма удобно могло учиться до ста и болѣе учениковъ. Эт
невзрачная по наружности, школа вполнѣ согласовалась съ ученикам
которые должны были въ ней учиться, потому что эти школы устраи
ваются, по правиламъ общества, только для крестьянскихъ дѣте
бѣдныхъ мѣщанъ и мастеровыхъ. Я слышалъ, что насъ многіе обви
няли и говорили, что лучше-бы было, если-бы мы не набирали в
нашу школу такую ватагу босоногихъ мальчишекъ, а взяли-бы тре
или четверть ихъ, да устроили-бы школу въ болѣе видномъ мѣстѣ
съ болѣе приличнымъ для порядочной школы помѣщеніемъ, а не в
старомъ некрасивомъ деревянномъ домѣ. Господа обвинители наш
забывали о цѣли, для какой общество наше собралось, забывали, ч
наша главнѣйшая цѣль состояла въ томъ, чтобы стараться о быс
рѣйшемъ распространеніи грамотности въ простомъ народѣ: „отеч
ству нужны учащіеся грамотѣи, а не зданія, въ которыхъ они учатся

Министерство народнаго просвѣщенія вздумало было учредит
нѣсколько времени предъ тѣмъ, ланкастерскую школу въ Петербу
гѣ; выписанъ былъ изъ Америки учитель, знающій эту методу, и пріо

рѣтенъ для помѣщенія большой каменный домъ на канавѣ, противъ церкви Николы Морскаго. Не знаю по какой причинѣ, эта школа не состоялась и американскій учитель уѣхалъ.

У насъ каждый членъ платилъ 30 рублей въ годъ; на эти деньги была устроена и содержалась школа. Учителемъ школы былъ избранъ дѣятельный и добрый человѣкъ, умѣвшій хорошо обращаться съ мальчиками простаго быта. Общество снабдило его полной инструкціей какъ преподавать грамоту по этой методѣ.

Такъ какъ въ школу приходила каждый день почти сотня уличныхъ мальчиковъ, то для соблюденія необходимаго порядка при ученіи, положено было обществомъ, чтобы члены, которымъ положеніе ихъ позволяетъ, каждый день по четыре человѣка дежурили въ школѣ, поочередно, наблюдая за поведеніемъ и прилежаніемъ учащихся.

Вступавшіе въ школу, въ первый разъ, должны были быть приводимы родителями, а если ихъ нѣтъ, то тѣми, у кого они живутъ; въ школѣ они принимались дежурными членами и записывались въ алфавитную книгу ихъ имена и фамиліи, также имена ихъ родителей и мѣстожительства, и назначалось каждому свое мѣсто на скамейкѣ въ классѣ.

Въ назначенные часы для классовъ, ученики приходили въ переднюю комнату школы, гдѣ встрѣчали ихъ дежурные и отводили въ классы на ихъ мѣста; по окончаніи классовъ, дежурные члены выводили учениковъ попарно на улицу, по которой и вели ихъ до перваго перекрестка, гдѣ ученики расходились по своимъ мѣстожительствамъ. По временамъ посылались члены въ квартиры учениковъ узнавать отъ родителей, сосѣдей и чрезъ дворниковъ хорошо-ли они себя ведутъ, послушны-ли родителямъ и учтивы-ли со старшими. Хорошо себя ведущіе и хорошо учащіеся получали награды, состоявшія изъ обуви и, по возможности общества и по степени прилежанія, фуражками и нѣкоторыми частями одежды. За большія шалости, дурное поведеніе и непокорность родителямъ, наказывались стыдомъ, что въ нашей школѣ было въ большой силѣ; быть поставленнымъ у дверей класса со щеткою въ рукахъ считалось большимъ наказаніемъ, и къ счастію, сдѣлалось для ребятишекъ такъ страшно, что послѣ очень рѣдко встрѣчались наказанные. Вредныхъ большихъ шалуновъ, на исправленіе которыхъ не предвидѣлось надежды, отсылали, чтобъ не заражали своими шалостями другихъ.

Мы были счастливы, видя, что школа наша удавалася и шла очень успѣшно впередъ. Когда общество наше сформировалось и школа вошла въ свое дѣйствіе, мы, въ первомъ собраніи нашемъ, избрали въ почетные члены графа Кочубея, графа Разумовскаго и пол-

наго генерала Аракчеева; написали къ нимъ письма отъ обще-ства, приглашая ихъ принять званіе почетныхъ членовъ, и я поѣхал самъ отвозить къ нимъ эти письма. Два первые, извѣстные своею на менностію, отговариваясь недосугомъ, меня не приняли, а просили от меня письма, которыя я и отдалъ. Не можетъ быть, чтобъ недосуг былъ причиной того, что отказались принять меня; вѣроятно, мо 24 года и чинъ отставнаго лейтенанта флота, избраннаго обществом въ предсѣдатели, былъ этому виною. Отъ нихъ поѣхалъ я къ Ара чееву, отъ котораго ожидалъ себѣ той же участи—и обманулся; правд трудно было мнѣ добиться, чтобъ обо мнѣ доложили его высокопр восходительству. Пріѣхавъ къ деревянному, одноэтажному, на Литей ной, дому, въ которомъ жилъ Аракчеевъ, я отворилъ дверь, вых дившую на небольшую деревянную лѣстницу, ведущую въ комнат передъ дверью встрѣтилъ меня унтеръ-офицеръ, въ сюртукѣ, съ гал нами на воротникѣ и обшлагахъ, съ вопросомъ: „кого вамъ нужно

— Мнѣ нужно графа Аракчеева, и потому покажите, какъ м пройти въ пріемную, а тамъ я найду кого нибудь, кто-бы доложил его сіятельству о моемъ пріѣздѣ.

Со многими вопросами и подробностями впустилъ меня унтер офицеръ на лѣстницу, по которой я вошелъ въ небольшую передню гдѣ меня встрѣтилъ писарь унтеръ-офицерскаго чина, съ такимъ ж вопросомъ какъ и внизу: „кого вамъ надо?"—и получилъ тотъ ж отвѣтъ, что мнѣ нужно видѣть графа Аракчеева и передать пись

— „Этого нельзя, пожалуйте ваше письмо, я передамъ его дежу ному адъютанту, а онъ передастъ дежурному штабъ-офицеру".

— Письма моего я ни вамъ, ни адъютанту, ни дежурному штаб офицеру и никому кромѣ самого графа не дамъ, а проводите ме въ канцелярію, гдѣ бы я могъ найти человѣка, который бы мо доложить о моемъ пріѣздѣ.

Меня ввели въ канцелярію. Это была большая комната, разд ленная, въ длину, пополамъ перегородкой: первая половина,—въ ро пріемной, а вторая—канцелярія. Проводившій меня въ пріемную п сарь исчезъ отъ меня въ канцеляріи. Черезъ нѣсколько времени пр шелъ ко мнѣ дежурный адъютантъ и довольно надменно спросил

— „Что̀ вамъ надо отъ графа?"

— Что̀ мнѣ надо отъ графа, это я скажу самому графу, ког буду имѣть честь говорить съ его сіятельствомъ; а теперь я ва прошу доложить ему о моемъ пріѣздѣ.

— „Графу я не могу докладывать, а скажу дежурному штаб офицеру".

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ господинъ въ полко

ничьихъ эполетахъ, съ крайне удивленной физіономіей,—увидѣвъ передъ собой молодаго флотскаго лейтенанта, ищущаго видѣть графа, и обратился ко мнѣ съ тѣми же допросами, какъ и адъютантъ:—кто я и что мнѣ отъ графа нужно?—требуя, чтобъ я отдалъ ему мое письмо, а онъ отдастъ Клейнмихелю; Клейнмихель уже доложитъ графу. Онъ получилъ отъ меня тотъ-же отвѣтъ. Два раза этотъ господинъ уходилъ отъ меня и возвращался опять ко мнѣ, убѣждая меня отдать ему письмо и увѣряя, что Клейнмихель передастъ мое письмо графу непремѣнно. Я видѣлъ черезъ канцелярію, какъ онъ два раза хватался за ручку замка послѣдней двери, вѣроятно, ведшей въ присутственную комнату Клейнмихеля, и наконецъ исчезъ въ этой комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явился съ гнѣвнымъ видомъ Клейнмихель и, подошедъ ко мнѣ, довольно высокомѣрно спросилъ меня:

— „Что вамъ надо отъ графа?“ Я отвѣчалъ, что имѣю письмо къ его сіятельству, которое хочу передать лично графу и прошу васъ, генералъ, доложить его сіятельству, что предсѣдатель общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, графъ Толстой, желаетъ имѣть честь лично вручить графу просьбу общества—о благосклонномъ принятіи его превосходительствомъ званія почетнаго члена общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, въ которое въ первомъ общемъ собраніи онъ былъ избранъ. Г-нъ Клейнмихель очень неохотно долженъ былъ идти доложить графу о моемъ пріѣздѣ, такъ какъ я рѣшительно ему сказалъ, что только въ собственныя руки графа отдамъ это письмо. Не прошло и четверти часа какъ генералъ Клейнмихель вернулся ко мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, очень учтиво подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— „Графъ проситъ васъ войти въ гостиную, онъ сейчасъ къ вамъ выйдетъ“—и, проведя меня туда, ушелъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ вышелъ изъ дверей противоположныхъ тѣмъ, въ которыя я вошелъ, Аракчеевъ; онъ подошелъ ко мнѣ, и, весьма ласково со мной поздоровавшись, сказалъ, что очень радъ меня видѣть, притомъ прибавилъ нѣсколько весьма лестныхъ словъ на счетъ моихъ занятій. Объяснивъ причину моего явленія, я вручилъ графу письмо отъ общества, которое онъ, прочтя, поручилъ мнѣ благодарить общество за сдѣланную ему честь н передать ему, что онъ будетъ благодарить письменно. Потомъ повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ, посадивъ возлѣ себя на диванъ, весьма подробно сталъ разспрашивать о составѣ, цѣли и средствахъ общества. Весьма подробно, по его желанію, я объяснилъ какъ производится ученіе грамотѣ по методѣ Ланкастера и премущество ея передъ обыкновеннымъ ученіемъ; я былъ чрезвычайно удивленъ—съ какимъ вниманіемъ онъ входилъ въ малѣйшія по-

дробности ланкастерской методы и, выслушавши все, обѣщался непре мѣнно быть въ нашу школу до отъѣзда своего въ Грузино, чтоб видѣть эту методу ученія грамотѣ въ дѣйствіи; при этомъ графъ за велъ рѣчь о Грузинѣ, очень хвалилъ его мнѣ и, узнавъ, что я ни когда тамъ не былъ, приглашалъ меня непремѣнно быть тамъ нынѣш нимъ лѣтомъ, какъ въ самомъ замѣчательномъ мѣстѣ около Петер бурга въ отношеніи священной исторіи, ибо полагаютъ, что въ Грузин былъ распятъ святой Андрей Первозванный. „Пріѣзжайте, я вам покажу это замѣчательное мѣсто и военное поселеніе", о пользѣ кото раго онъ мнѣ много говорилъ.—Три раза подымался я уходить, н графъ меня удерживалъ, и я болѣе трехъ четвертей часа пробылъ него, восхищаясь и удивляясь его умнымъ и ласковымъ пріемомъ, мн сдѣланнымъ; что—умнымъ не мудрено, такъ какъ извѣстно всѣмъ, ч графъ былъ умен и свѣдущъ; а что—ласковымъ, то я бы не повѣрил если бы это не случилось со мной: извѣстно также всѣмъ, что граф Аракчеевъ не отличался мягкостію сердца. Раскланявшись съ графом выйдя въ гостиную, я хотѣлъ затворить за собой дверь, но не мог графъ былъ въ дверяхъ и шелъ за мной въ гостиную и изъ нея вы шелъ, провожая меня, въ пріемную, которую прошелъ всю, весьм ласково разговаривая, со мною вмѣстѣ вошелъ въ переднюю, гдѣ ост вался и смотрѣлъ какъ я, отдавъ ему послѣдній поклонъ, сталъ сх дить съ лѣстницы. Встрѣча и проводы, сдѣланныя мнѣ графомъ, пр вели въ совершенное изумленіе всю его канцелярію.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ я былъ у графа, онъ прі халъ въ нашу школу въ утренніе часы, когда ученики сидѣли у на скамейкахъ. Я встрѣтилъ графа въ первой комнатѣ съ дежу ными членами, изъ которыхъ онъ съ каждымъ весьма ласково подробно поговорилъ о его обязанностяхъ; когда-же началось дѣйств школы, то съ большимъ любопытствомъ на все смотрѣлъ и обо все разспрашивалъ. Видно было, какъ его сильно занимала эта мето обученія грамотѣ. Прослушавши преподаваніе, онъ очень хвалилъ э методу. Когда Аракчеевъ вошелъ въ классы и увидалъ одного ма чика, стоящаго въ углу съ метлой въ рукахъ, то спросилъ мен „что̀ это значитъ?"—я отвѣчалъ, что мальчикъ тутъ поставленъ наказаніе за непослушаніе и грубость, сдѣланную родителямъ. Я объя нилъ графу, что въ правилахъ общества, вмѣстѣ съ ученіемъ грамо дѣтей бѣдныхъ крестьянъ и другихъ простолюдиновъ, положено н блюдать за ихъ нравственностію и исправлять ее сколько позволяю наши средства. Объяснилъ, что и внѣ школы, въ ихъ домашнемъ жить отпустивъ нашихъ учениковъ домой, мы стараемся узнавать, посре ствомъ дежурныхъ членовъ, какъ учащіеся у насъ, до появленія свое

на другой день въ школу, вели себя. По собраніи всѣхъ учениковъ, учитель и дежурные члены вызываютъ мальчиковъ, сдѣлавшихъ какой нибудь проступокъ или серьезную шалость, заслуживающую наказанія, и, по мѣрѣ проступка, каждому дѣлаются—кому просто увѣщанія или наставленіе, кому наказаніе, основанное на стыдѣ. Этотъ мальчикъ не хотѣлъ слушаться родителей и въ добавокъ нагрубилъ имъ. Графъ, съ весьма серьезной физіономіей выслушавъ меня, прямо пошелъ въ уголъ къ мальчику; я послѣдовалъ за нимъ; подойдя къ виноватому, графъ сталъ объяснять ему всѣ пагубныя слѣдствія неуваженія и непослушанія къ родителямъ и старшимъ. Наставленіе его мальчику продолжалось довольно долго и было такъ убѣдительно, что мальчикъ горько расплакался, прося прощенія и обѣщаясь совсѣмъ исправиться, никогда не грубить и слушаться; и на дѣлѣ исполнилъ это: въ послѣдствіи онъ вышелъ изъ школы однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

Увидавъ на практикѣ методу ланкастерскаго ученія грамоты, графъ Аракчеевъ нашелъ ее лучшею для дѣтей простаго народа и очень хвалилъ весь порядокъ, заведенный въ нашей школѣ, особенно же ученіе и нравственность учениковъ. Прощаясь, онъ сказалъ намъ много лестныхъ привѣтствій на счетъ состава общества.

Въ послѣдствіи Аракчеевъ не разъ бывалъ въ нашей школѣ.

Говоря о существованіи въ Петербургѣ масонскихъ ложъ, должно сказать и о бывшей здѣсь одной тайной мартинистской ложѣ подъ управленіемъ Алекс. Өед. Лабзина, конфер.-секретаря академіи художествъ.

Точно-ли это была такая мартинистская ложа и такого-же направленія, какъ появившіяся въ восемнадцатомъ столѣтіи на западѣ Европы мартинистскія ложи, вышедшія изъ мистическихъ и иллюминатскихъ сектъ, въ то время во множествѣ существовавшихъ въ Европѣ—я не знаю, потому что масоны ни съ мартинистами, ни съ иллюминатами, ни съ мистиками не сходились.

Графъ Өедоръ Петровичъ разсказывалъ, что въ этотъ періодъ времени въ Россіи былъ очень распространенъ мистицизмъ, и находилось множество мистиковъ обоего пола, особенно между знатными фамиліями. Изъ нихъ самыми отчаянными мистиками онъ называлъ: министра народнаго просвѣщенія Александра Николаевича Голицына, одного изъ близкихъ сановниковъ къ государю, Магницкаго, Попова, Лабзина, Александра Ивановича Тургенева и другихъ.

Послѣ трехъ-лѣтняго существованія школы по методѣ Ланкастера, устроенной обществомъ распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, утвержденнаго императоромъ Александромъ Павлови-

чемъ въ 1819 году, неожиданно успѣшно шедшей такъ, что каж-дые полгода выпускалось изъ нея болѣе 50-ти молодыхъ людей, дѣ-тей самыхъ бѣдныхъ крестьянъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, такъ хо-рошо приготовленныхъ, что по выпускѣ ихъ охотно принимали писа-рями въ главный штабъ, — общество это, не смотря на то, что могло-бы принести большую пользу распространяя грамотность между крестьянами и вообще между всѣмъ такъ называемымъ низшим классомъ людей — рушилось. Графъ говорилъ, что князь Голицынъ министръ народнаго образованія, будучи мистикомъ, опасался всѣхъ не подчинявшихся вліянію мистицизма. Съ самаго начала существо-ванія ланкастерской школы, Голицынъ часто дѣлалъ запросы и замѣ-чанія обществу распространенія грамотности, незаслуженные выговор и даже обвиненія, которые всегда отражались правдою. Наконец заподозрилъ, что въ этомъ обществѣ участвуютъ западные либерал и донесъ государю. Ѳедоръ Петровичъ предполагалъ, что, вѣроятн Голицынъ дѣйствовалъ такъ не столько по своему убѣжденію, скольк подъ вліяніемъ мистиковъ и мартинистовъ: имъ казалось непонятным какимъ образомъ общество распространенія ланкастерскихъ школъ в Россіи, начиная съ предсѣдателя, состоящее почти все изъ бѣдных людей, существующихъ своими трудами или жалованьемъ за служб отечеству, одними своими ничтожными средствами содержитъ таку большую школу, выпускающую ежегодно стольких дѣтей, самых бѣдныхъ родителей, изъ простаго класса людей. Несправедливое обви-неніе оскорбило и огорчило все общество, особенно же графа Ѳ. П Толстаго, какъ предсѣдателя, и даже обратило на него вниманіе по-лиціи, но сколько ни слѣдила за нимъ полиція, ничего не нашла в его образѣ жизни кромѣ того, что онъ рисуетъ, лѣпитъ изъ воск рѣжетъ штемпеля или занимается своимъ образованіемъ, да съ жено и съ своими пріятелями толкуетъ о театрѣ, литературѣ и городских новостяхъ.

— „Мнѣніе князя Голицына объ нашемъ обществѣ, — говорилъ нам графъ Ѳ. П. Толстой, — не могло меня безпокоить, но не могло н оскорблять. Хотя мы ничего оффиціальнаго ни отъ кого не получали но намъ достовѣрно было извѣстно, что князь Голицынъ составленно имъ, Богъ знаетъ съ чего, мнѣніе о нашемъ обществѣ доводилъ д свѣдѣнія государя; какъ же оно было принято государемъ — не извѣстно но я всетаки тотчасъ въ полномъ составѣ общества, отдавъ отчет въ моихъ дѣйствіяхъ за все время существованія нашего общества поблагодаривъ сердечно за честь, сдѣланную мнѣ избраніемъ мен въ предсѣдатели, и за постоянную ко мнѣ довѣренность, объявил что, къ крайнему моему сожалѣнію, побуждаемъ честію просить обще

ство уволить меня отъ предсѣдательства и, по статуту нашему, утвержденному его величествомъ, немедленно избрать изъ среды себя новаго предсѣдателя. На другой день по отреченіи моемъ отъ предсѣдательства, на мое мѣсто назначенъ былъ предсѣдателемъ флигель-адъютантъ, мистикъ, князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, воображавшій, что онъ открылъ тайну вѣчнаго движенія.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ новаго предсѣдателя, члены общества распространенія въ Россіи ланкастерскихъ школъ, всѣ до одного, отказались быть членами этого общества. Что стало съ предсѣдателемъ несуществующаго общества—никто изъ нихъ не интересовался и знать. „Такимъ образомъ,—продолжалъ графъ Ѳ. П.,—наше общество распространенія грамотности въ простомъ народѣ рушилось. Князь А. Н. Голицынъ былъ человѣкъ умный и благонамѣренный, но не приготовленный съ пользою занимать то мѣсто, на которое былъ поставленъ; сверхъ всего онъ былъ еще отуманенъ наплывшею въ Петербургъ съ Запада мистикою. Испугавшись либеральныхъ идей, явившихся и носившихся во Франціи, Швейцаріи и Италіи, онъ во всемъ видѣлъ опасность; вслѣдствіе чего такимъ образомъ отнесся и къ нашему обществу. А стоило только князю Голицыну разъузнать о способѣ, какимъ мы содержали, нашими малыми средствами, школу, выпускавшую каждые шесть мѣсяцевъ по 50-ти мальчиковъ, дѣтей простаго класса, хорошо обученныхъ грамотѣ,—онъ бы узналъ, что какъ ни малы были наши денежныя средства, намъ ихъ достаточно было для содержанія нашей школы по методѣ Ланкастера, самой дешевѣйшей изъ всѣхъ школъ, и убѣдился бы, что мы не нуждаемся ни въ чьей помощи, не только отъ всегдашнихъ враговъ нашихъ, но и отъ дорогаго намъ отечества. Князь А. Н. Голицынъ, рожденный въ роскоши, воспитанный при дворѣ Екатерины Великой, жившій въ полномъ довольствѣ и почести, не зналъ и не подозрѣвалъ, что кромѣ денегъ есть средство почти такъ же сильное къ достиженію предпринятой цѣли—это рѣшительное, постоянное стремленіе ея добиться, не щадя личныхъ трудовъ своихъ.

„Деньги нужны были намъ на наемъ дома для школы, на жалованье постояннаго учителя по методѣ Ланкастера, получившаго отъ насъ всѣ нужныя для того свѣдѣнія, на наемъ двухъ сторожей, наблюдавшихъ за порядкомъ и чистотою въ классахъ, и одного сторожа при входныхъ дверяхъ въ школу; на это мы имѣли достаточно денегъ отъ ежегодныхъ взносовъ членами общества на содержаніе школы, по тридцати рублей въ годъ.

„Заводя и устраивая эту школу не для показу, а для настоящей пользы, которую грамотность простаго класса людей должна прине-

сти государству, мы, соображаясь съ нашими средствами, въ отда-ленной улицѣ Коломны нашли домъ деревянный, снаружи весьма невзрачный, но просторный и весьма удобный для устройства въ немъ школы и квартиры учителя. Этимъ оканчивались наши де-нежные расходы на содержаніе школы; остальное все исполняли мы сами; какъ-то: должность помощниковъ постояннаго учителя, блюсти-телей тишины и порядка во время классныхъ часовъ, надзоръ за прилежаніемъ учениковъ, ученіе первыхъ четырехъ частей ариөме-тики, краткое свѣдѣніе о географіи и русской исторіи, наблюденіе за нравственностію мальчиковъ,—для чего ежедневно, во все время классовъ и пребыванія въ школѣ учениковъ, дежурили каждый день поочереди, по четыре члена.

„Если-бы князь Голицынъ обратилъ на все это вниманіе какъ ми-нистръ народнаго образованія, то не былъ бы виною паденія неоспо-римо полезнаго отечеству общества, но, вѣроятно, и самъ сдѣлался бы дѣятельнымъ участникомъ распространенія ланкастерскихъ школъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи“.

Тайныя общества.

Въ 1814 году императоръ Александръ Павловичъ, возвратившись изъ Парижа, сдѣлалъ парадъ гвардейскимъ полкамъ, на которомъ были розданы медали за взятіе Парижа, одинакія какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ, равномѣрно назначенныя и для всѣхъ войскъ, бывшихъ въ Парижѣ. Эта медаль была сочинена и рѣзана графомъ Өедоромъ Петровичемъ Толстымъ, также какъ и медали 1812 года, сдѣ-ланныя имъ въ началѣ войны съ французами. Послѣ парада государь разрѣшилъ офицерамъ гвардейскимъ, для облегченія ихъ внѣ служ-бы, носить гражданское платье.

„Разрѣшеніе это, — говорилъ графъ Өедоръ Петровичъ, — было употреблено ими во зло. Многіе изъ офицеровъ, надѣвши статскіе фраки и сюртуки, стали дѣлать такія ужасныя шалости на буль-варахъ и по улицамъ, что отъ нихъ не было прохода даже тѣмъ женщинамъ, которыя шли въ сопровожденіи слугъ или съ своими мужьями; они приставали къ нимъ съ разговорами и оскорбительными предложеніями, заводили скандалы съ мужьями, которые нерѣдко кон-чались ссорами и драками; когда же въ это вступалась полиція, то объявляли себя офицерами гвардіи, а такъ какъ гвардейскихъ офи-церовъ полиція не имѣла права брать, то они и уходили безнака-занно. Эти, безпрестанно повторявшіяся, сцены на бульварахъ, ули-

цахъ и публичныхъ гуляніяхъ были виною того, что государь, въ самомъ непродолжительномъ времени, запретилъ гвардейскимъ офицерамъ носить статское платье; мѣра эта не уничтожила возмутительныя выходки. Фраки были офицерами сняты, но дерзости продолжались.

Не смотря на то, что образованность и нравственныя понятія начинали довольно сильно развиваться въ средѣ дворянскаго сословія, особенно между молодыми людьми, масса общества еще чуждалась серьезной дѣятельности и интересовалась больше забавами, празднествами, сплетнями и скандалами. Роскошные наряды, остроты, блескъ положенія и свѣтскость нерѣдко прикрывали внутреннюю испорченность, какъ это выразилось и между многими офицерами. Низшее же сословіе отъ высшаго и средняго отдѣляла пропасть.

Напоръ новыхъ идей съ Запада, распространяясь, будилъ стремленіе къ улучшенію нравственной и политической жизни. Стремленіе это проникало и въ общество, и въ кабинеты государственныхъ людей.

Новая жизнь возникала повсюду.

Понятіе о самодостоинствѣ, равенствѣ правъ и справедливости ярче всего проявлялось тамъ, гдѣ представлялось больше обезпеченія, больше досуга, стало быть, и возможности получить правильное развитіе; тамъ оно и пробудилось сильнѣе нежели гдѣ нибудь, и изъ знатныхъ, богатыхъ домовъ, изъ пышныхъ гостиныхъ, выступили блестящіе юноши съ протестомъ противъ невѣжества и неправды.

Многіе изъ этихъ молодыхъ людей, видя безчинства, злоупотребленія и невѣжество народныхъ массъ, вздумали образовать тайное общество, посредствомъ котораго создалось бы карающее общественное мнѣніе, которое обнаруживало бы всѣ низкія, порочныя и несправедливыя дѣйствія какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ во всѣхъ сословіяхъ, и, такимъ образомъ раскрывая ихъ передъ правительствомъ и обществомъ, способствовало къ ихъ уничтоженію.

Это центральное общество образовалось подъ названіемъ „Зеленой книги“; оно состояло изъ небольшаго числа членовъ, изъ которыхъ избирался одинъ первенствующій, и назывался „главою“. Чтобы имѣть возможность образовать общественное мнѣніе, общество „Зеленой книги“ установило слѣдующую организацію: каждый изъ центральныхъ членовъ обязанъ былъ, отдѣльно отъ своего общества, составить особый кругъ, на томъ же основаніи какъ и центральное, члены котораго знали бы только своихъ членовъ и своего главу, и не знали бы ничего объ обществѣ основномъ. Члены этихъ новыхъ обществъ обязаны были, въ свою очередь, составить такіе же круги,

какъ и первые, и на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, и также основат
изъ себя точно такія же общества, какъ и предшествовавшія, и такж
не знать никакихъ другихъ членовъ кромѣ своего круга. Выбиралис
люди съ осмотрительностію, извѣстные развитіемъ, умомъ, честності
и благородными понятіями.

Такимъ образомъ думали составить, современемъ, огромное прав
исправительное общество, двигателемъ котораго было бы центрально

Такъ какъ главная цѣль первенствующаго общества состояла
обязанности узнавать вездѣ происходившія несправедливости, вредны
дѣйствія чиновниковъ, даже управляющихъ высшими должностями, и в
обще противонравственные поступки, то всѣ члены его отдѣлені
узнавши о какомъ нибудь безнравственномъ или беззаконномъ дѣйств
или поступкѣ, должны были объявить объ этомъ своему главѣ; т
кимъ образомъ, сообщенное, переходя отъ одного центра къ другом
доходило до первенствующаго, которое, убѣдившись въ истинѣ доста
ленныхъ свѣдѣній, поручало всѣмъ членамъ, черезъ ихъ главных
сообщенное распространять между всѣми своими знакомыми, и по
всюду, гдѣ возможно, говорить о совершенномъ дурномъ или вредном
поступкѣ, — о немъ начинали тотчасъ толковать во всемъ городѣ, осуж
дали его, и мало-по-малу онъ доходилъ до правительства, которо
могло принять мѣры для его уничтоженія."

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой былъ приглашенъ въ числ
членовъ общества „Зеленой книги". Оно состояло тогда изъ княз
Долгорукова, трехъ братьевъ Муравьевыхъ, двухъ братьев
Игнатьевыхъ — офицеровъ гвардіи, и Ѳедора Николае
вича Глинки. Графъ принялъ предложеніе и вскорѣ по всту
пленіи своемъ въ центральное общество былъ выбранъ главою. Дѣй
ствія графа нѣсколько времени продолжались съ большимъ успѣ
хомъ; когда же онъ замѣтилъ, что въ ихъ обществѣ стали заниматьс
политикой больше чѣмъ исправленіемъ нравовъ, что̀ составляло пр
мую цѣль этого, хотя и тайнаго, но полезнаго правительству обще
ства, то и предложилъ его членамъ — ихъ общество лучше закрыт
нежели вводить въ него идеи, несоотвѣтствующія его уставу. Всѣ с
этимъ согласились. Графъ сжегъ находившіяся у него книги и бума
общества и съ этихъ поръ рѣдко видался съ бывшими его членами

Отдалившись отъ общества „Зеленой книги", графъ вступилъ в
лучшую масонскую ложу, извѣстную подъ названіемъ „Петра к
Истинѣ".

Бывшіе же товарищи его по „Зеленой книгѣ" увлеклись дѣятел
ностію политической.

Перевороты, происходившіе въ Европѣ, образованіе конституц

ь нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ—мало-по-малу сдѣлались редметомъ всеобщихъ разговоровъ; даже на балахъ образовывались руппы, въ которыхъ слышались толки о преобразованіяхъ.

Всѣ болѣе или менѣе считали себя какъ бы обязанными судить о эоріяхъ государственнаго строя, уничтоженіи злоупотребленій, просвѣ- ценіи народныхъ массъ и возбужденіи въ нихъ чувства самодостоинства. сѣми овладѣвало стремленіе къ политическому вліянію и желаніе іужить общественному благу.

Движеніе это имѣло особенную силу между образованными моло- ыми людьми изъ среды аристократовъ, преимущественно—военнаго эсловія. Конечно, въ тотъ періодъ времени, по своей юности, я е могла дѣлать оцѣнки совершавшагося передо мною, хотя нѣ- оторыя болѣе рельефныя стороны той жизни и обращали на себя ое еще незрѣлое вниманіе. Когда же декораціи измѣнились и дѣя- ели того времени сошли со сцены, то картина той протекшей жизни, свѣтившись разсказами и историческими результатами, опредѣленнѣе редставилась въ моей памяти. Подъ вліяніемъ духа времени и нравовъ Европы, лучшіе изъ офицеровъ гвардейскаго корпуса, возвратившись зъ Франціи, вознамѣрились ввести въ Россіи установленія Запада, о незнанію Россіи, не соразмѣряя глубину бездны, отдѣлявшей степень усской образованности отъ западной. Зная, что самъ императоръ лександръ Павловичъ думалъ о введеніи новой формы правленія въ Россіи, вначалѣ они полагали, дѣйствуя для достиженія этой цѣли ріуготовительными мѣрами, совпадать съ духомъ правительства.

Между тѣмъ либеральныя движенія въ Европѣ остановили госу- аря въ развитіи своей идеи, — и молодые реформаторы оказа- ись въ прямомъ противорѣчіи съ господствовавшей системой. Они гали дѣйствовать тайно. Реакція росла и раскинулась по Россіи— бширнымъ заговоромъ противъ существовавшаго порядка вещей. Со ступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, 14-го де- абря 1825 года, заговоръ разразился возстаніемъ.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, по близкимъ отношеніямъ сво- мъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, былъ призываемъ передъ вер- овный судъ. Вотъ что сказано объ этомъ въ его Запискахъ:

„Въ Петербургѣ носились слухи, что въ 1823 году государемъ лександромъ Павловичемъ былъ отданъ архіепископу Филарету на охраненіе пакетъ, запечатанный печатью его величества, съ тѣмъ, тобы онъ открытъ былъ по кончинѣ государя. Въ городѣ говорили о секрету, что во врученномъ Филарету на сохраненіе пакетѣ на- одился актъ отреченія великаго князя Константина Павловича отъ

наслѣдія россійскаго престола въ пользу его высочества велика[го] князя Николая Павловича.

„Въ 1825 году, 1-го декабря, по смерти Шилова я былъ опред[ѣ]ленъ учителемъ медальернаго класса академіи художествъ, хотя, [с] разрѣшенія совѣта академіи художествъ, я уже пятый годъ завѣд[ы]валъ этимъ классомъ и училъ безвозмездно, замѣняя учителя м[е]дальернаго класса для того, чтобы правленіе академіи художествъ [не] лишало его, больнаго, обремененнаго семействомъ, содержанія, пол[у]чаемаго имъ — по занимаемому имъ этому мѣсту.

„Въ томъ же 1825 году, по назначенію врачей, положено было, чтоб[ы] императрица Елисавета Алексѣевна для поправленія своего здоров[ья] провела конецъ зимы въ Таганрогѣ. Государь отправился для осмот[ра] этого мѣста, туда уѣхала и императрица. Въ Таганрогѣ императо[ръ] Александръ Павловичъ занемогъ и 19-го ноября—скончался. О ко[н]чинѣ его величества пришло въ Петербургъ письмо Елисаветы Ал[е]ксѣевны, начинавшееся словами: „Нашъ ангелъ въ небесахъ". Вскор[ѣ] послѣ кончины Александра Павловича (на смерть котораго поруче[но] было мнѣ сочинить и вырѣзать медаль), скончалась и кроткая, благ[о]дѣтельная наша царица Елисавета Алексѣевна, въ городѣ Бѣлев[ѣ] 1826 года 4-го мая.

„1825 года 14-го декабря собраны были въ академической церкв[и] правленіе академіи, совѣтъ и всѣ профессора, академики, ученик[и], чиновники конторы, и всѣ служившіе при академіи, для принесен[ія] присяги восшедшему на всероссійскій престолъ императору Никола[ю] Павловичу; по окончаніи присяги разнесся слухъ, что передъ сен[а]томъ на Исаакіевской площади стоитъ баталіонъ Московскаго полк[а], требуютъ Костантина Павловича и кричатъ о конституціи. Гулъ это[го] крика былъ слышенъ и у насъ. Любопытствуя узнать, въ чемъ состоитъ э[то] явное возмущеніе, поспѣшилъ я на Исаакіевскую площадь (тогда я н[о]силъ еще военный мундиръ); самымъ скорымъ шагомъ перешелъ [я] Неву, на которой стояло любопытствующихъ, навѣрное, до тысяч[и] разнаго званія мужчинъ и женщинъ. Я вошелъ на Исаакіевскую пл[о]щадь у сената. Гауптвахта стояла во фронтѣ съ ружьями на плеч[о], между ними и монументомъ Петра Великаго стояли солдаты Моско[в]скаго полка, не болѣе баталіона, составя правильное каре, внут[ри] котораго я видѣлъ нѣсколько фигуръ, которыхъ разсмотрѣть не мог[ъ], проходя очень скоро по лѣвой сторонѣ этого каре,—кричавшихъ [в]одинъ голосъ — кто имя Константина Павловича, кто констит[у]цію и еще какія-то слова, которыхъ въ этой массѣ слившихся голосо[въ] разслышать было невозможно. За монументомъ, проходя къ забо[ру] строившейся Исаакіевской церкви, гдѣ было меньше народа, я увидѣлъ

ояящаго на Адмиралтейскомъ бульварѣ, лицомъ къ сенату, молодаго, олько что вступившаго на тронъ императора, окруженнаго главнымъ табомъ, генералъ и флигель-адъютантами, а возлѣ него Карамзина. осударь былъ очень блѣденъ.

„Дошедъ до забора, я избралъ себѣ мѣсто, откуда могъ видѣть государя и каре солдатъ. Влѣво отъ сената, у манежа, видѣнъ былъ кадронъ или взводъ конной-гвардіи.

„Неужели это въ самомъ дѣлѣ бунтъ,—думалъ я,—возмущеніе провъ царя и правительства? Зачѣмъ пришла эта крошечная горсточка йска къ сенату, построилась въ карен, стоя сложа руки, забавляется лушающими криками, требуя того, о чемъ сама навѣрное не имѣетъ какого понятія? неужели зачинщики этого явнаго возстанія могли мать объ успѣхѣ, не будучи увѣрены, что имѣютъ на своей стонѣ, при подобномъ предпріятіи, главную силу: массу простаго нада и сочувствіе большей части всѣхъ другихъ сословій?“

„Но этого, по видимому, не было—судя по собравшейся огромной толпѣ рода всѣхъ сословій, спокойно стоявшей и, какъ видно, привлеченной да безъ всякой особой цѣли, а просто изъ любопытства, чтобы узнать, я чего собравшіеся у сената солдаты такъ ужасно орутъ; ясно ло, что народъ собрался безъ всякой цѣли, а какъ всегда собиется при всякомъ необыкновенномъ дѣйствіи. Этимъ крикомъ—въ торомъ ничего нельзя было разобрать—одного баталіона Московскаго лка, собравшагося передъ сенатомъ, они хотѣли привлечь на стону своего предпріятія толпу любопытствующихъ, большею частію и подозрѣвавшихъ, что это возмущеніе противъ правительства—поѣдствіе гораздо прежде затѣяннаго заговора, о существованіи котора не было никакихъ положительныхъ слуховъ.

„Съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, я видѣлъ, что какая-то фигура, торую по дальности разстоянія я разсмотрѣть не могъ, отдѣлясь ъ каре, какъ мнѣ казалось, подходила къ государю и черезъ нѣолько минутъ возвратилась къ солдатамъ; что̀ это значитъ—я не алъ, и думалъ, что, вѣроятно, вскорѣ все объяснится.

„Мимо меня проскакала конная батарея—я не могъ замѣтить, изъ олькихъ пушекъ состоявшая, и пронеслась къ сенату; это дало мнѣ нять, что участь несчастнаго баталіона рѣшена; ясно было, что зъ стрѣльбы не обойдется и, разумѣется, солдаты разбѣгутся, бо̀льая часть побѣжитъ черезъ Неву на Островъ... Такъ какъ въ то емя я жилъ въ низкомъ, одно-этажномъ домѣ академіи по 3-ей ніи, то, опасаясь, чтобы бѣглецы съ отчаянія не надѣлали какихъ будь проказъ и не перепугали моихъ домашнихъ, я поспѣшилъ къ бѣ. Отъ дома Лава̀ля скоро перебѣжалъ Неву, прямо къ зданію ака-

деміи, и, пришедъ домой, приказалъ запирать ставни. Никто изъ ст рожей не рѣшался идти запирать ихъ, и я самъ былъ принужде это сдѣлать, послѣ чего тотчасъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пушекъ. Двѣ картечи попали къ намъ въ ворота и заборъ. Дома нашелъ всѣхъ спокойными, и разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ, сл шалъ, и о событіи передъ сенатомъ. Едва мы сѣли обѣдать, какъ ме вызвали въ кухню, куда два солдата привели третьяго, какъ бы р неннаго, и просили меня оставить ихъ у себя. Когда по осмотрѣ ок залось, что никто изъ нихъ не раненъ, то я и отправилъ ихъ ворота. Тотчасъ послѣ обѣда, какъ стало уже смеркаться, пришли сѣни нашей кухни два унтеръ-офицера, одинъ еще молодой, прив шій другаго, уже въ лѣтахъ, съ тремя нашивками на рукавѣ, ран наго картечью въ ляжку, облитаго кровью; я велѣлъ отвести его смежную съ кухней комнату, гдѣ мы, положивъ на стулья доски постланнымъ на нихъ тюфякомъ, положили раненаго. Я послалъ нашимъ академическимъ лекаремъ, котораго не нашли; тогда я п слалъ къ частному приставу, чтобы онъ немедленно прислалъ къ на частнаго лекаря, а между тѣмъ велѣлъ раздѣть больнаго, чтобы осм трѣть рану; частный лекарь скоро пришелъ, но до того пьяный, ч я принужденъ былъ его прогнать, и велѣлъ къ ранѣ несчастнаго пр кладывать мокрые салфеточные компрессы. На предложеніе мое ран ному и его товарищу—не хотятъ ли они закусить или выпить гор чаго чаю, они отказались. Весьма печальную картину представляли э два существа,—одно пожилое, съ полупосѣдѣвшею головою на служ отечеству, страждущее отъ тяжелой раны; другой—здоровый, сильн и въ лучшихъ годахъ, чтобы жить для пользы отечества. Онъ стоя неподвижно какъ статуя у изголовья больнаго товарища, облокотя на свое ружье, погруженный, углубленный въ думу объ ожидающ ихъ горестной участи. Когда я сидѣлъ у больнаго, онъ со слеза на глазахъ сказалъ мнѣ:

— „Въ 15-ти сраженіяхъ былъ я противъ непріятелей, въ ра ныхъ войнахъ, нигдѣ не былъ раненъ, а теперь, можетъ, отъ карте своихъ—придется умереть. Богъ судья офицерамъ, которые насъ этого довели".

„Часу въ шестомъ пришли мнѣ сказать, что графъ Бенкендорф съ частью войска и пушками расположился на Румянцевской площад между памятникомъ и кадетскимъ корпусомъ; я тотчасъ написалъ е что у меня находится тяжело раненый унтеръ-офицеръ Московска полка. Не болѣе какъ черезъ полчаса пріѣхалъ ко мнѣ адъютан Бенкендорфа. Онъ осмотрѣлъ больнаго и сказалъ, что сейчасъ пр шлютъ сани, чтобы отвезти его въ лазаретъ Финляндскаго полка.

лаю пришелъ къ намъ братъ моей жены, офицеръ волонтернаго корпуса, и разсказалъ, что изъ стоявшихъ на Невѣ, противъ Исаакіевской площади, разнаго званія и возраста людей, привлеченныхъ любопытствомъ, которыхъ было, какъ полагали, не менѣе семисотъ, очень много убитыхъ и раненыхъ.

„Сухозанетъ, начальникъ гвардейской артиллеріи, отдалъ приказъ пустить изъ орудій картечью по Невѣ по нѣсколькимъ десяткамъ возмутившихся солдатъ, бросившихся бѣжать прямо на Васильевскій Островъ, и пустить рикошетомъ ядро въ длину Галерной улицы, наполненной не одною сотней разнаго званія и пола зрителей, между тѣмъ, какъ преступниковъ побѣжало туда не болѣе десятка, и пущенное Сухозанетомъ ядро, не задѣвъ ни одного изъ преступныхъ, было виною смерти не одного невиннаго и многіе пострадали отъ ранъ [1]).

„Часу въ восьмомъ, пришли мнѣ сказать, что у насъ на дворѣ собралось около четырнадцати человѣкъ солдатъ; мы, съ братомъ моей жены, пошли къ нимъ, чтобы принудить ихъ оставить нашъ дворъ. Когда мы пришли къ нимъ, они стали просить меня оставить ихъ у себя, что они ничего не сдѣлаютъ, а если выйдутъ отсюда, то на улицѣ ихъ всѣхъ перебьютъ; говоря это, они отдавали мнѣ свои ружья и сумки съ патронами; я ихъ не взялъ, а сказалъ, что такъ какъ я живу въ казенномъ домѣ, то и не могу ихъ оставить, а ежели они не уйдутъ сейчасъ же, то принужденъ буду дать знать графу Бенкендорфу, который стоитъ съ своимъ отрядомъ на Румянцевской площади, и ихъ придутъ немедленно взять; этотъ доводъ подѣйствовалъ и они рѣшились оставить нашъ дворъ. Изъ предосторожности мы съ Дудинымъ вывинтили кремни изъ всѣхъ ихъ ружей. Я совѣтовалъ имъ идти прямо къ графу Бенкендорфу: можетъ быть, это послужитъ къ облегченію ихъ наказанія. Мы пропускали каждаго черезъ калитку, въ которую они, поочередно, крестясь, проходили, но ни одинъ не пошелъ направо къ площади, а всѣ поворотили налѣво. Приказавъ запереть калитку запоромъ, я вернулся въ комнату, а Дудинъ отправился къ себѣ.

„Часу въ 11-мъ утра, за нашимъ раненымъ страдальцемъ и его спутникомъ пришелъ офицеръ, съ нѣсколькими солдатами и ломовымъ извощикомъ съ его санями, безъ всякой постилки, какъ они возятъ дрова и всякую тяжесть; даже клочка сѣна на нихъ не было; господинъ офицеръ распоряжался положить раненаго на эти голые сани, и такъ везти его почти съ версту, до лазарета. За кого такіе на-

---

[1]) Записки И. О. Сухозанета о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 361 и слѣд.

чальники принимаютъ своихъ солдатъ? Если бы это было въ како нибудь глуши, послѣ сраженія, могло бы быть допущено по невозмож ности добыть удобнѣйшаго экипажа, но въ столицѣ, среди город прислать за раненымъ человѣкомъ дровни безъ всего, на которых возятъ только кули съ мукой, бочки, дрова и подобныя тяжести Я приказалъ своимъ людямъ положить на эти голыя дровни два т фяка, одинъ на другой, и подушку, чему г. офицеръ не препятство валъ. Какъ этотъ несчастный ни просилъ меня съ горькими слеза оставить его у себя и какъ ни жалко было мнѣ этого заслуженна унтеръ-офицера,—положивъ его на тюфяки, окутавъ тулупомъ и од яломъ и отъ души пожелавъ ему выздоровленія, я съ нимъ простил и его увезли.

„На другой день въ городѣ все было тихо, спокойно; на улицах все шло своимъ обычнымъ чередомъ, какъ будто ничего и не случи лось, а въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ Исаакіевской и Дворцовой пл щади, бо́льшая часть жителей вовсе и не знали о случившемся 14-г декабря. Въ центральныхъ же частяхъ города только и рѣчей был что объ этомъ событіи, хотя никто ничего основательно знать н могъ. Я былъ ужасно пораженъ, когда узналъ, что въ числѣ глав ныхъ вождей этого заговора были молодые люди, съ которыми я был очень коротко знакомъ, и уважалъ ихъ за прекрасную нравственност благородныя чувства, умъ и блестящее образованіе, какъ-то: обоих братьевъ Александра и Никиту Муравьевыхъ, Сергѣя Му равьева-Апостола, Долгорукаго и многихъ другихъ молодыхъ лю дей.

„Какая жестокая участь ждетъ теперь ихъ,—думалъ я,—особенно есе ли это правда, что они посягали на жизнь государя! безъ этого несчаст наго заговора они могли бы замѣнить собою многихъ безполезных людей, какъ самыми дѣльными, просвѣщенными сынами отечества"

„Недѣли двѣ съ половиною или болѣе послѣ послѣдняго событі передъ сенатомъ, не помню числа, я былъ въ одно утро предувѣдом ленъ Ѳ. Н. Глинкою, что, въ тотъ же день вечеромъ, пріѣдутъ з мной изъ крѣпости. Въ первомъ часу ночи пріѣхалъ къ намъ во енный полковникъ, вѣроятно, плацъ-маіоръ крѣпости, съ бумагой въ которой повелѣвалось мнѣ явиться въ коммисію суда. (Когд докладывали государю отъ коммисіи о необходимости сдѣлать мнѣ до просъ, государь разрѣшилъ пригласить меня къ допросу, сдѣлавъ соб ственною рукою слѣдующую приписку: „какъ можно осторожнѣе чтобы не огорчить его"). Надѣвъ вицъ-мундиръ, я немедленно отпра вился съ плацъ-маіоромъ въ его каретѣ въ крѣпость. Остановясь у комен дантскаго дома, плацъ-маіоръ ввелъ меня въ пустую комнату, предло жилъ сѣсть и дожидаться пока меня позовутъ, а самъ ушелъ, затво

рывъ за собою дверь. Оставшись одинъ, такъ какъ я не былъ замѣшанъ ни въ какомъ возмутительномъ обществѣ, то былъ совершенно спокоенъ и не тревожился никакими мыслями; одно любопытство занимало меня: какіе это вопросы мнѣ будетъ дѣлать коммисія? Прождалъ я болѣе получаса, наконецъ, повели меня въ комнату присутствія членовъ суда, идучи въ которую, я видѣлъ только одного человѣка—то былъ флигель-адъютантъ графъ В. Θ. Адлербергъ. Впустивъ меня въ присутствіе, дверь за мною затворили и я увидѣлъ себя въ большой, обитой черной матеріей комнатѣ, въ которой посрединѣ стоялъ столъ, покрытый темнымъ сукномъ. За этимъ столомъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, противъ двери, въ которую я вошелъ, предсѣдатель коммисіи суда, почтенный воинъ 1812, 1813 и 1814 гг., военный министръ Татищевъ; полѣвѣе его—князь А. Голицынъ, министръ народнаго просвѣщенія, за нимъ генералъ Чернышевъ, налѣво возлѣ него генералъ Левашевъ, а по правую сторону предсѣдателя суда. сидѣлъ его высочество Михаилъ Павловичъ, съ лицомъ совершенно закрытымъ листомъ бумаги, которую онъ держалъ передъ собою все время. Возлѣ его высочества сидѣлъ И. И. Дибичъ, за нимъ слѣдовалъ генералъ-адъютантъ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, путешествовавшій съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ чужихъ краяхъ, а за Дибичемъ стояли пустыя кресла, вѣроятно, генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, котораго тутъ не было, хотя онъ и состоялъ членомъ этой коммиссіи.

„Изъ членовъ, составлявшихъ коммисію, мнѣ хорошо былъ извѣстенъ князь А. Н. Голицынъ по дому графа П. А. Толстаго, гдѣ я жилъ, когда онъ былъ еще оберъ-прокуроромъ св. синода, а потомъ, когда былъ сдѣланъ министромъ народнаго образованія, и, какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ плохихъ, за то отчаяннымъ поборникомъ и покровителемъ мистицизма. Я, будучи предсѣдателемъ утвержденнаго государемъ Александромъ Павловичемъ общества распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи, имѣлъ частыя сношенія съ Голицынымъ по устроенной нашимъ обществомъ въ Петербургѣ большой ланкастерской школѣ, выпускавшей ежегодно хорошо обученныхъ русской грамотѣ, четыремъ правиламъ ариѳметики и катехизису, до 50 мальчиковъ совершенно бѣдныхъ родителей, изъ крестьянъ и другихъ низшихъ сословій. Съ Дибичемъ я былъ хорошо знакомъ, когда онъ былъ еще прапорщикомъ Семеновскаго полка въ ротѣ моего старшаго брата; Кутузовъ зналъ меня по дому дяди, графа Петра Александровича. Вошедъ въ залу, я подошелъ къ столу и остановился противъ почтеннаго предсѣдателя, весьма извѣстнаго по своимъ заслугамъ отечеству, котораго я видѣлъ въ первый разъ, тогда какъ другихъ всѣхъ я хорошо зналъ и въ лицо, и ихъ качества по общему

мнѣнію публики объ ихъ достоинстахъ и свойствахъ. Послѣ нѣсколь-кихъ секундъ глубокаго молчанія, генералъ Чернышевъ, принявши, какъ видно, пріятную для него обязанность допрашивать, обратился к мнѣ и грозно началъ говорить:

— Какъ могли вы быть такъ дерзки, чтобъ бунтовать противъ царя

„Удивленный, а не испуганный, какъ того, по видимому, хотѣлос Чернышеву, этимъ прямымъ обвиненіемъ въ ужасномъ преступлені безъ всякаго предварительнаго со мною объясненія, я преравнодушн отвѣчалъ ему, что справедливость требуетъ прежде доказать вину че ловѣка, а тамъ ужъ обвинять; а я никогда не только не былъ бун товщикомъ, но никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ на мысл

— Но вы были членомъ тайнаго общества „Зеленой книги".

— Да, но оно не было возмутительнымъ актомъ противъ прави тельства, а еще менѣе противъ государя.

„Тутъ стали меня спрашивать, кто были членами этого общества,— и я назвалъ которыхъ зналъ, а именно: князя Долгорукаго, офицер главнаго штаба полковника Пестеля, Александра и Никит братьевъ Муравьевыхъ — офицеровъ тоже главнаго штаба, пору чика или капитана Семеновскаго полка Сергѣя Муравьева-Апо стола, гвардіи офицера—князя Трубецкаго, полковника Глинк и двухъ братьевъ, офицеровъ Измайловскаго полка, которыхъ фа миліи никакъ не могъ вспомнить. Тогда великій князь Михаил Павловичъ, положивъ бумагу, которую держалъ передъ своимъ ли цомъ, обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Графъ, это два брата Кавелины.

„Такое вниманіе его высочества меня чрезвычайно тронуло, и поблагодарилъ его самымъ сердечнымъ поклономъ. Тогда потребовал отъ меня, чтобы я назвалъ имена другихъ членовъ этого общества я отвѣчалъ, что, кромѣ тѣхъ, кого я назвалъ, я не знаю никого. Тут князь Голицынъ придрался ко мнѣ и возразилъ:

— Быть не можетъ, чтобы вы, принадлежа къ какому бы то н было обществу, не знали всѣхъ его членовъ!

— Ваше сіятельство,—отвѣчалъ я, — вы сами принадлежали к нѣкоторымъ мистическимъ обществамъ, а еще менѣе меня знаете чле новъ этихъ обществъ.

„Князь замолчалъ, а Чернышевъ началъ, съ слишкомъ неделикат ною манерою, дѣлать свои допросы о названныхъ мною членахъ, моихъ съ ними сношеніяхъ и какъ, и когда я съ ними познакомился и съ кѣмъ былъ въ болѣе близкихъ сношеніяхъ; я отвѣчалъ, что с Ө. Н. Глинкою, съ которымъ познакомился, тотчасъ по выпускѣ из корпуса, по литературѣ, что съ тѣхъ поръ мы самые короткіе прія тели и рѣдкій день не видимся. Изъ другихъ короче всего я был

знакомъ съ Муравьевыми, которыхъ всегда уважалъ за ихъ нравственность, умъ и отличную образованность, и съ княземъ Трубецкимъ; съ другими былъ знакомъ только по обществу „Зеленой книги", а Пестеля только видалъ, нисколько не симпатизировалъ ему и ни разу съ нимъ не говорилъ.

„Такъ какъ я ничего не зналъ, даже никогда и не слыхалъ о существованіи заговора противъ царя, открывшагося 14-го декабря, то на этомъ только и кончились всѣ допросы. Если Чернышевъ такимъ образомъ дѣлалъ допросъ человѣку, о невинности котораго онъ не могъ не знать, то какъ же онъ допрашивалъ тѣхъ, которыхъ вина ему была извѣстна: говорятъ, онъ готовъ бы былъ употреблять пытку, если бы былъ властенъ, неужели это правда?

Наконецъ, предсѣдатель коммисіи сказалъ мнѣ:

— Допросъ вашъ конченъ, и вы можете отправиться къ себѣ, только должны напередъ, здѣсь же, дать письменные отвѣты на письменные вопросы, которые будутъ вамъ предложены.

„Поклонясь предсѣдателю и его высочеству в. к. Михаилу Павловичу, я пошелъ къ двери, въ которую провелъ меня флигель-адъютантъ графъ Адлербергъ; пришедъ во вторую комнату, онъ передалъ меня какому-то чиновнику, который вручилъ мнѣ письменные вопросы, посадилъ за письменный столъ, снабженный всѣмъ необходимымъ чтобъ отвѣчать, и ушелъ изъ комнаты, затворивъ за собою дверь. Вопросы эти были повтореніе того, о чемъ меня допрашивали въ коммисіи.

„Минутъ черезъ 45 я былъ готовъ, подписалъ свое имя и фамилію; тутъ пришелъ чиновникъ, вручившій мнѣ вопросы, взялъ ихъ обратно съ моими отвѣтами; меня вывели изъ комнаты и вмѣстѣ съ плацъ-маіоромъ проводили до кареты, посадили въ нее и преучтиво со мною распростились.

„Я пріѣхалъ домой въ исходѣ третьяго часа; жена не ложилась спать и дожидалась меня; я разсказалъ ей все, что видѣлъ и слышалъ, о чемъ меня спрашивали, и что́ я отвѣчалъ, не смотря на то, что совѣтомъ коммиссіи чрезвычайно строго запрещалось говорить не только-что о томъ, что́ я видѣлъ и слышалъ, но даже и о томъ, что я былъ призванъ къ допросу. Но, возвратясь домой, я нашелъ жену такъ сильно разстроенною, что долженъ былъ разсказать все, чтобы успокоить ее. Разумѣется, мы съ нею не стали никому ничего разсказывать, хотя въ моемъ допросѣ ничего тайнаго не было.

„На другой день пріѣхалъ къ намъ Ѳ. Н. Глинка и сказалъ, что вчера же послѣ меня допрашивали и его.—Въ послѣдствіи я не только что не былъ тревожимъ, но мало и слышалъ о судѣ до его окончанія, совершившагося спустя долгое время послѣ моего допроса.

„Боже мой, сколько молодыхъ людей, начиная съ знатныхъ фа-

милій, средняго дворянства и другихъ сословій, умныхъ, даровитыхъ, превосходно образованныхъ, истинно любившихъ свое отечество, готовыхъ для него жертвовать жизнью, которые могли бы въ послѣдствіи по своимъ благороднымъ качествамъ души и сердца, по уму и образованности, быть усердными дѣятелями на пользу роднаго края, поборниками правды и защитниками угнетенныхъ, — несчастнымъ, необдуманнымъ, несбыточнымъ заговоромъ, и явнымъ возстаніемъ погубили навсегда себя и лишили отечество полезныхъ ему слугъ!"

Жизнь и служба въ Академіи художествъ.

„Я по прежнему продолжалъ заниматься художествами по медальерной части, лѣпить изъ воску, глины и рисовать, посѣщать публичныя лекціи разныхъ наукъ, литературныя и ученыя общества, въ которыхъ былъ членомъ, а по воскреснымъ вечерамъ пріятно проводилъ время въ кругу обычныхъ посѣтителей нашихъ вечеровъ, между которыми находились почти всѣ наши молодые знаменитые, замѣчательные поэты и литераторы, какъ-то: Крыловъ, Пушкинъ, Гнѣдичъ, Батюшковъ, Плетневъ, Дельвигъ, Баратынскій и другіе молодые образованные люди. Но не было уже ни Ѳ. Н. Глинки, ни Муравьева-Апостола, ни князя Трубецкаго, ни обоихъ братьевъ Бестужевыхъ, ни братьевъ Муравьевыхъ и многихъ другихъ.

„Домашніе наши спектакли, которые многіе находили недурными, рушились по милости наводненія, истребившаго все устройство сцены, какъ и все устройство механизма и электрическихъ аппаратовъ моего электро-механическаго увеселительнаго кабинета, стоившаго мнѣ большихъ трудовъ, порядочныхъ издержекъ, а особенно очень долгихъ размышленій для пріисканія и изобрѣтенія разныхъ механическихъ силъ, разныхъ стальныхъ пружинъ, которыя принужденъ былъ выпиливать и закаливать самъ, такъ какъ онѣ мнѣ нужны были для приведенія въ дѣйствіе выдуманныхъ мною различныхъ вещей и статуй, удивлявшихъ своими движеніями посѣщавшихъ мой кабинетъ. Еще труднѣе было устраивать гальваническій, акустическій и оптическій аппараты, которые мнѣ необходимы были для приведенія въ дѣйствіе нѣкоторыхъ предметовъ моего увеселительнаго кабинета, сила гальваническаго тока, или отраженія звуковъ посредствомъ пластинокъ внутреннихъ сторонъ цилиндровъ и конусовъ разной пропорціи, а также и впалыхъ и выпуклыхъ зеркалъ для отраженія предметовъ. Истребленіе наводненіемъ всего устройства этого кабинета, надъ которымъ въ первую зиму по пріѣздѣ нашемъ на занимаемую мною тогда квартиру, по длиннымъ вечерамъ я съ любовью трудился и которое кромѣ трудовъ и соображеній стоило большихъ издержекъ, — меня очень

огорчило. У меня въ комнатахъ вода была почти на аршинъ выше половъ и все перепортила.

„Государь Николай Павловичъ, бывши въ Москвѣ — въ свою коронацію, разсматривая послужные списки служащихъ при Эрмитажѣ, увидѣлъ, что я служу въ трехъ мѣстахъ, при Эрмитажѣ, монетномъ департаментѣ и Академіи художествъ, слишкомъ 20 лѣтъ; аттестуясь все достойнымъ и получая часто награды перстнями отъ императрицъ Елисаветы Алексѣевны и Маріи Ѳедоровны и отъ самого государя, оставался при одномъ и томъ же чинѣ; тогда онъ приказалъ государственному секретарю Александру Семеновичу Шишкову сдѣлать запросъ къ вѣдомствамъ, въ которыхъ служу, по какимъ причинамъ я не былъ жалованъ въ чины, закономъ поставленные за выслугу лѣтъ. Изъ вѣдомствъ отвѣчали: потому, что я того не просилъ. Тогда государь приказалъ сдѣлать тотъ же запросъ и мнѣ; я отвѣчалъ Александру Семеновичу, что полагаю, что жалованіе въ чины производится начальствами, по мѣрѣ заслугъ подчиненныхъ. Я исполнялъ возлагаемыя на меня должности съ должнымъ раченіемъ и дѣятельностію честнаго человѣка, терпѣливо дожидаясь, пока труды мои удостоятся награды, но выпрашивать награды считаю для себя унизительнымъ.

„Не знаю какъ Александръ Семеновичъ доложилъ государю о моемъ письмѣ, только 2-го августа 1826 года я былъ пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ, указомъ, написаннымъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ для меня, изъ которыхъ я увидалъ, что я слишкомъ двадцать лѣтъ служилъ хорошо, какъ при Эрмитажѣ, такъ и при монетномъ департаментѣ и Академіи художествъ, и имѣю право на чинъ, закономъ опредѣленный за двадцатилѣтнюю службу. Я написалъ письмо къ Александру Семеновичу, въ которомъ выразилъ мою глубокую благодарность за милость его величества ко мнѣ, и потребовалъ чина, по закону мнѣ принадлежащаго. Вскорѣ по отправленіи этого письма Шишкову, я получилъ письмо отъ Д. Н. Блудова, который меня извѣстилъ, что государь императоръ всемилостивѣйше изволилъ даровать мнѣ старшинство со дня вступленія моего на службу при Эрмитажѣ его величества, съ 1806 года, по которому я получу заслуженный мною чинъ, отъ сената.

„Въ 1828 году, государь императоръ, высочайшимъ указомъ, повелѣлъ мнѣ быть вице-президентомъ академіи художествъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, кромѣ монетнаго двора и учителя медальернаго класса Академіи художествъ, съ чѣмъ вмѣстѣ получилъ я и чинъ статскаго совѣтника. Это было сдѣлано государемъ противъ желанія А. Н. Оленина, который очень хлопоталъ у министра народнаго просвѣщенія, къ вѣдомству котораго принадлежала

тогда академія художествъ, чтобы не назначали вице-президента въ академію, такъ какъ по академіи всѣмъ распоряжается онъ самъ, то ему никакой помощникъ и ненадобенъ. А. Н. Оленинъ слегка далъ это почувствовать и мнѣ, представляя меня какъ вице-президента правленію академіи и совѣту. Зная самолюбіе нашего президента,— его поступокъ не сдѣлалъ на меня никакого впечатлѣнія. Очень скоро Алексѣй Николаевичъ сталъ заставлять меня занимать его мѣсто въ правленіи, совѣтѣ и на экзаменахъ учебныхъ классовъ, которые вскорѣ и совсѣмъ поручилъ мнѣ. По моему предложенію, былъ сдѣланъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ Василій Ивановичъ Григоровичъ, на мѣсто Лабзина".

Дни графа Ѳ. П. Толстаго на службѣ вице-президента академіи художествъ текли тихо, между занятіями, своимъ образованіемъ и трудами по художеству. Назначенные, по воскреснымъ днямъ, вечера не прерывались, по прежнему бывали у него домашніе спектакли, игрались піесы русскія и французскія. Любители сценическаго искусства объ исполненіи ихъ отзывались съ большою похвалой.

Небольшая сцена театра прежде была устроена въ его большой залѣ, извѣстнымъ декораторомъ Большаго театра Роллеромъ, въ послѣдствіи въ одной огромной кладовой, гдѣ хранились нѣкоторыя формы античныхъ статуй, которыя перенесены были въ другія кладовыя.

Зимой, по воскресеньямъ, бывали у него танцы, маскарады и разныя забавы [1]).

Изъ Записокъ графа Ѳ. П. Толстаго видно, и въ семействѣ его я слыхала, что кромѣ воскресныхъ дней, въ которые у него собирались обычные посѣтители, въ 1850-хъ годахъ назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю, въ который, по вечерамъ, собирались у него молодые художники, отличавшіеся талантами, чтобы вмѣстѣ рисовать альбомные и другіе рисунки, каждый въ своемъ родѣ [2]). На эти же вечера бывали приглашаемы знакомые литераторы, музыканты и хорошо образованные люди; всѣ они, какъ и художники, украшали эти вечера своими талантами, одни—чтеніями лучшихъ произведеній русской литературы и поэзіи, другіе—музыкой и исполненными интереса разговорами. Такимъ образомъ, молодые художники, знакомясь съ литературой и музыкой, пріобрѣтали понятія, тонъ и манеры хорошаго общества. Всѣ присутствовавшіе на этихъ художественныхъ вечерахъ, продолжавшихся много лѣтъ, сближаясь между собою, образовывали самое пріятное и самое полезное общество.

Т. П. Пассекъ.

---

[1]) Такой образъ жизни продолжался въ домѣ графа Ѳ. П. Толстаго, какъ во время его перваго, такъ и во время втораго его брака.

[2]) Альбомъ съ собраніемъ этихъ рисунковъ хранится въ семействѣ покойнаго графа.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

1779—1831.

XXIV [1]).

Въ то время, когда великій князь Константинъ Павловичъ, въ ночной мглѣ, усиливаемой дождемъ и туманною изморозью, стоялъ на дворцовой площади передъ Бельведеромъ, во главѣ эскадрона кирасиръ, надъ Варшавою ярко пылало зарево двухъ пожаровъ и со стороны города доносился къ Бельведеру глухой, зловѣщій шумъ и слышалась ружейная перестрѣлка. Между тѣмъ, къ цесаревичу изъ Варшавы и ея окрестностей стали подходить и другія войска. Первымъ прискакалъ 4-й эскадронъ уланскаго имени его высочества полка. Казармы этого полка находились въ зданіяхъ лазенковскаго дворца и, пока эскадронъ несся къ Бельведеру, въ него было сдѣлано мятежниками нѣсколько выстрѣловъ, ранившихъ легко двухъ рядовыхъ. Слѣдомъ за уланами подоспѣли къ цесаревичу гродненскіе гусары и польскіе конные егеря, приведенные польскимъ генераломъ Курнатовскимъ, вмѣстѣ съ пѣхотными польско-егерскими ротами. Изъ брошюры г. М. Максимовича, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о польскомъ возстаніи 1830 года», видно, что въ моментъ возстанія русская артиллерія, какъ пѣшая, такъ и конная, а также учебный сводный баталіонъ были расположены въ окрестностяхъ Варшавы по квартирамъ: въ Блони, въ 20-ти верстахъ, въ Гурѣ въ 50-ти и въ Скерневицахъ въ 60-ти, и ничего не знали ни о революціи въ Варшавѣ, ни объ опасномъ положеніи цесаревича, ни о гибельной участи, на которую они сами были обречены заговорщиками.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388; 539—557. Томъ XX, стр. 77—100; 367—392. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 1—28.

По приходѣ упомянутыхъ войскъ, положеніе великаго князя, сравнительно съ первыми минутами тревоги, значительно улучшилось, но ему лично грозила новая опасность. Когда онъ подъѣхалъ къ польско-егерскимъ ротамъ, увѣщевая, на польскомъ языкѣ, солдатъ не забывать долга воинской присяги, егерскій подпоручикъ Волосчанскій схватилъ у одного солдата ружье и прицѣлился въ великаго князя. Ружье однако осѣклось три раза и раздосадованный этою неудачею Волосчанскій бросилъ его на землю и самъ, выйдя изъ рядовъ егерей, никѣмъ неудержанный, скрылся среди темноты ночи въ лазенковской рощѣ. Кромѣ войскъ, прибывшихъ къ Бельведеру въ болѣе или менѣе полномъ составѣ, туда же черезъ толпы мятежниковъ пробирались къ великому князю русскіе офицеры, застигнутые врасплохъ неожиданно вспыхнувшимъ возстаніемъ.

Нѣкто г. Ульяновъ, находившійся въ Варшавѣ при самомъ началѣ возстанія, разсказываетъ слѣдующія подробности, подтверждающія до какой степени—послѣ принимавшихся за нѣсколько дней предосторожностей—неожиданно захватило и самого цесаревича происшедшее, (17-го) 29-го ноября, возстаніе. Желая знать, что̀ происходитъ въ городѣ, Константинъ Павловичъ послалъ туда для развѣдки фельдъегеря Рейзера, который возвратился съ донесеніемъ, что въ Варшавѣ начались на улицахъ безпорядки и что самый любимый цесаревичемъ 4-й егерскій полкъ, такъ называвшіеся „чвартаки",—бывшій въ этотъ день въ караулѣ—дѣйствуетъ заодно съ буйною толпою и раздаетъ народу оружіе. Цесаревичъ не повѣрилъ этому донесенію и, сказавъ Рейзеру, что онъ, вѣроятно, побоявшись подъѣхать поближе, не разсмотрѣлъ хорошенько, а потому и ошибся, приказалъ ему снова отправиться въ Варшаву, но Рейзеръ уже не вернулся оттуда, такъ какъ онъ былъ взятъ поляками въ плѣнъ. Вскорѣ такая же участь постигла и одного изъ адъютантовъ великаго князя, капитана Грессера. Онъ поѣхалъ по приказанію Константина Павловича въ Варшаву, и, возвратившись оттуда, донесъ, что въ бунтѣ участвуетъ 4-й полкъ. При этомъ извѣстіи, казалось, великій князь не вѣрилъ своимъ ушамъ и, обратившись къ другому своему адъютанту, полковнику Турно, спросилъ: „ты слышалъ что̀ сказалъ Грессеръ?" Турно отвѣчалъ утвердительно, но великій князь какъ будто не хотѣлъ вѣрить словамъ Грессера и приказалъ ему ѣхать къ городскому арсеналу, чтобъ разузнать съ точностію, что̀ происходитъ въ Варшавѣ. При этой, второй, поѣздкѣ Грессеръ былъ израненъ и взятъ въ плѣнъ. Такой же участи и при такихъ же обстоятельствахъ подвергся и другой адъютантъ великаго князя, Гогель, а посланный цесаревичемъ въ Варшаву для развѣдокъ полковникъ Зассъ былъ изрубленъ въ куски.

Въ 10 часовъ вечера пронеслась молва, что поляки идутъ изъ города, чтобъ напасть на войска великаго князя. Всѣ сѣли на коней, нѣкоторые выстроились въ боевой порядокъ, но вдругъ ударили отступленіе: великій князь, послѣдовавъ совѣту П. А. Колзакова, приказалъ собравшимся около Бельведера войскамъ начать отступленіе къ Вержбѣ, а егерскимъ ротамъ и конно-егерскому полку, оставаясь въ аллеѣ, шедшей отъ дворца, прикрывать начавшееся отступленіе. Уланы пошли въ авангардѣ, за ними въ каретѣ ѣхала княгиня Ловичъ, великій князь со своею свитою сопровождалъ ее верхомъ, а за нимъ пошли кирасиры. Отступая отъ Варшавы, цесаревичъ громко сказалъ окружающимъ: „прощай, Варшава! Брестъ протягиваетъ къ намъ руки". Пройдя версту, великій князь со своимъ войскомъ благополучно достигъ мызы Вержба, гдѣ жилъ тогда извѣстный всей Варшавѣ сыроваръ Шанель. Въ его домикѣ великій князь нашелъ убѣжище отъ холода и ненастья, а въ большомъ домѣ, на мызѣ француза Миттона, расположился штабъ великаго князя; въ свою очередь, поляки заняли аванпосты, оставленные русскими и доходившіе до церкви св. Александра.

„Была темная ночь и накрапывалъ дождь,—разсказываетъ г. Колзаковъ,—когда подъѣхала къ этому домику карета съ княгинею и великій князь верхомъ со свитою. Въ домикѣ всѣ спали и можно себѣ представить испугъ и изумленіе сыровара, когда на стукъ въ двери всталъ онъ, сонный и полуодѣтый, и, съ ворчаніемъ отпирая дверь, увидѣлъ передъ собою великаго князя съ княгинею, а за ними генераловъ, входящихъ въ его скромные покои". Великій князь и его супруга помѣстились въ двухъ комнатахъ; затопили каминъ, поставили самоваръ, и при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей они отогрѣвались и пили чай.

Узнавъ объ отступленіи великаго князя къ Вержбѣ, русскія семейства, успѣвшія выбраться изъ Варшавы, подъѣзжали къ фермѣ Шанеля подъ защиту войска. Карета ѣхала за каретой, всѣ помѣщенія фермы наполнились дамами и дѣтьми, всюду раздавались говоръ, плачъ, оханье, крики и брань прислуги. Между тѣмъ, войска стали бивуаками на Мокотовомъ полѣ, и отдѣльными отъ нихъ отрядами великій князь приказалъ занять всѣ выѣзды до мокотовской заставы и калишскаго шоссе.

Принятыя цесаревичемъ предосторожности оказались на этотъ разъ напрасными; поляки вовсе не думали нападать пока на его войско, да и подумать объ этомъ имъ было некогда, такъ какъ въ Варшавѣ царила полнѣйшая смута. Тамъ по улицамъ двигались пѣхота, конница и артиллерія, скакали всадники съ крикомъ „do broni!"—раздавались

набатный звонъ колоколовъ, конскій топотъ, стукъ экипажей, крик пѣсни, угрозы. Чернь грабила арсеналъ, въ которомъ было 80,000 р жей, и разбивала кабаки; расходившіеся повстанцы отыскивали и уб вали тѣхъ поляковъ, которые считались сторонниками русскаго пр вительства. Неучаствовавшіе въ буйствахъ запирали ворота и став всѣ были въ тревогѣ и въ теченіе цѣлой ночи никто не ложил спать. Русскія деньги тотчасъ упали въ цѣнѣ. На другой день р волюціи, за сторублевую бумажку,—разсказываетъ К. Ѳ. Опочининъ, давали только 9 рублей; даже серебряный рубль и тотъ чрезвычай понизился въ курсѣ.

Наступило утро 18-го ноября. Послѣ вчерашней слякоти, моро дошелъ до 10-ти градусовъ. Находившіяся съ великимъ княземъ во ска стояли въ открытомъ полѣ безъ пищи, лошади оставались бе корму; не было дровъ, чтобъ развести костры.

Солдаты, находившіеся въ отрядѣ цесаревича, мучимые холодо и голодомъ, принялись мародерствовать. Они, по разсказу К. Ѳ. Оп чинина, грабили окрестныя деревни, разбирали крыши на домахъ въ какую нибудь четверть часа растащили прекрасный загородн домикъ г-жи Вонсовичъ, стоявшій на Мокотовомъ полѣ. Цесареви прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости: были схвачены два или три с дата на мѣстѣ преступленія, ихъ судили полевымъ военнымъ судо и приговорили къ смертной казни, которую, однако, великій кн отмѣнилъ.

Константинъ Павловичъ въ это время тревожился особенно о участи двухъ гвардейскихъ полковъ, Литовскаго и Волынскаго, ко рые въ моментъ возстанія находились въ Варшавѣ и о которыхъ тѣмъ въ русскомъ лагерѣ не было ни слуха-ни духа. Спустя нѣ торое время, и эти полки пришли на Мокотово поле, но безъ с ихъ полковыхъ командировъ, которые были взяты въ плѣнъ въ Ва шавѣ. Поздній приходъ этихъ полковъ объяснился тѣмъ, что они, д избѣжанія столкновенія съ мятежниками въ улицахъ Варша сдѣлали обходъ около города. За ними пришли: конная артилле изъ Скерневицъ и пѣшая—изъ Гуры.

Когда около Константина Павловича сосредоточились воен силы, простиравшіяся въ общей сложности до 7,000, то генералы Д ненбергъ и Герштенцвейгъ убѣждали великаго князя употреби оружіе противъ повстанцевъ, при чемъ Герштенцвейгъ заявлялъ, что о берется усмирить Варшаву не долѣе какъ въ продолженіе четыре часовъ. Великій князь не хотѣлъ даже и слушать о подобномъ пр ложеніи, чтобъ не подтвердить распускаемаго въ Варшавѣ злоум шленниками слуха, будто бы русскіе рѣжутъ поляковъ. Онъ повторя

что такъ какъ все внутреннее управленіе царствомъ находится въ рукахъ польскихъ властей, и онъ въ это дѣло не вмѣшивался, то и надѣется, что поляки будутъ на столько благоразумны, что съумѣютъ унять бунтовщиковъ. Возраженія свои противъ предложенія Герштенцвейга цесаревичъ окончилъ изъявленіемъ своего нежеланія, чтобы русскіе вмѣшивались въ польскую ссору—„kłótnia polska", какъ онъ называлъ начавшееся возстаніе. Разсказывали впрочемъ, въ русскихъ кружкахъ, что одинъ изъ адъютантовъ великаго князя, графъ Владиславъ Замойскій, и нѣкоторые другіе поляки, окружавшіе Константина Павловича, представляли ему, что весь безпорядокъ произошелъ только отъ ошибочнаго въ Варшавѣ мнѣнія, будто русскіе напали на поляковъ, и что, поэтому, всего лучше невмѣшательствомъ русскихъ доказать всю неосновательность этой клеветы, и что такимъ толкованіемъ были отклонены предложенія генераловъ Даненберга и Герштенцвейга, но г. Ульяновъ отвергаетъ всякое внушеніе въ такомъ смыслѣ со стороны Замойскаго, и говоритъ, что отказъ упомянутаго предложенія былъ прямымъ расчетомъ великаго князя на то, что поляки усмирятъ самихъ себя.

Не переходя въ наступленіе, великій князь стоялъ на Мокотовомъ полѣ, а между тѣмъ такъ называемая имъ „польска клутня" разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, какъ пожаръ, раздуваемый вѣтромъ.

Въ это время Бельведерскій дворецъ — жилище великаго князя, только что имъ оставленное—представлялъ, по уходѣ подпрапорщиковъ и ихъ соучастниковъ, ужасную картину: въ сѣняхъ были перебиты всѣ стекла, на парадной лѣстницѣ стояли лужи крови, которою былъ покрытъ полъ и забрызганы стѣны въ камердинерской комнатѣ. Оставшійся во дворцѣ придворный штатъ цесаревича былъ въ страшной тревогѣ; всѣ выносились и укладывались, какъ будто былъ пожаръ, забирая при этомъ бездѣлки и оставляя необходимое. Во дворѣ стояло нѣсколько заложенныхъ каретъ, а въ дежурной адъютантской комнатѣ лежали раненые: президентъ города Варшавы, Любовидзкій, и поручикъ Дерфельденъ.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ образовалось временное народное правительство, сообщившее великому князю прокламацію административнаго совѣта, въ которой было сказано, что совѣтъ, сожалѣя о случившихся безпорядкахъ, убѣждаетъ народъ быть спокойнымъ, извѣщая его объ отступленіи отъ Варшавы русскаго отряда и надѣясь, что виновники возстанія не захотятъ предать свою родину въ жертву междоусобной войны, и потому сами отступятся отъ своихъ гибельныхъ предпріятій.

19-е ноября великій князь и бывшія съ нимъ войска провели

опять на бивуакѣ. Стоянка цесаревича была бѣдственна. „Голы; по тревогѣ на бивуакъ. Кромѣ того, что на себѣ у многихъ ничего нѣтъ"— писалъ цесаревичъ къ корпусному командиру барону Розену,—добавляя: „милость помилованія болѣе подѣйствуютъ нежели сила". Въ этотъ день, около полудня, явился къ цесаревичу начальникъ польской дивизіи генералъ Шембекъ (Спембекъ). Великій князь обрадовался ему какъ давнишнему сослуживцу и принялъ его съ распростертыми объятіями. Болѣе часу бесѣдовали они наединѣ и Константинъ Павловичъ казался гораздо спокойнѣе прежняго, такъ какъ Шембекъ ручался ему, что уговоритъ польскія войска остаться вѣрными данной ими присягѣ. Но этотъ генералъ, изъ издавна ополячившихся нѣмцевъ, жестоко обманулъ великаго князя. Подъѣхавъ къ мокотовской заставѣ, онъ нашелъ тамъ стоявшія еще на прежней позиціи егерскія роты и, вмѣсто того, чтобы сдѣлать имъ внушенія о вѣрности, скомандовалъ имъ идти въ Варшаву, а самъ, заломивъ набокъ уланскую шапку, бойко запѣлъ:

Iescze Polska nie zgienela
Pȯki my źyjejmy...

21-го ноября пріѣхала на Мокотово поле депутація, отряженная временнымъ революціоннымъ правительствомъ. Ее составляли лица, пользовавшіяся у поляковъ чрезвычайнымъ значеніемъ, а именно: князь Адамъ Чарторижскій, графъ Островскій, князь Любецкій и Лелевель. Имъ поручено было вступить въ непосредственные переговоры съ великимъ княземъ. Болѣе пяти часовъ безъ перерыва длились эти переговоры и присутствовавшая при нихъ княгиня Ловичъ то словами, то взглядомъ умѣряла и сдерживала, съ одной стороны, запальчивость своего супруга, а съ другой—заносчивость революціонныхъ депутатовъ.

Принявъ варшавскихъ депутатовъ вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодно и сурово, цесаревичъ сталъ выслушивать ихъ предложенія. Они начали свои объясненія заявленіемъ, что возставшая Польша считаетъ себя въ правѣ не покориться безусловно русскому государю и что она согласна остаться подъ его покровительствомъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ возстановлена конституція, данная ей императоромъ Александромъ, въ первоначальномъ ея видѣ, безъ всякихъ, какъ прибавленій, такъ и сокращеній; если къ Царству Польскому будутъ присоединены области, принадлежавшія прежде Польшѣ, и, наконецъ, если императоръ Николай издастъ полную и безусловную амнистію для тѣхъ, кто принималъ участіе въ происшедшемъ возстаніи.

Сдерживаемый княгинею Ловичъ, цесаревичъ выслушалъ все это съ терпѣніемъ изумительнымъ и совершенно не соотвѣтствовавшимъ

на этотъ разъ его обычной вспыльчивости. Но когда заговорилъ Лелевель, то княгиня, въ сильномъ порывѣ негодованія, вскочила съ креселъ и закричала великому князю:

— „Не слушайте этого человѣка, онъ нашъ предатель!"

Цесаревичъ дозволилъ однако Лелевелю, какъ профессору исторіи, обсуждать предъявленныя депутатами предложенія съ исторической точки зрѣнія и политической экономіи. Выслушавъ профессора, цесаревичъ равнодушно отвѣтилъ:

— Императоръ — вашъ государь; а я здѣсь только первый его подданный и всѣ эти вопросы можетъ разрѣшить лишь его величество по своему высочайшему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ былъ положенъ рѣшительный конецъ общему вопросу о будущей судьбѣ Польши и затѣмъ начались переговоры относительно настоящаго положенія дѣлъ, и здѣсь уже обѣ стороны начали горячиться все сильнѣе и сильнѣе. Когда же, во время этихъ переговоровъ, Лелевель возвратился опять къ заявленнымъ прежде предложеніямъ о замиреніи Польши, то Константинъ Павловичъ рѣзко отвѣтилъ ему:

— Я могъ бы, милостивый государь, раздѣлять еще, такъ или иначе, ваше мнѣніе до настоящихъ событій; но теперь я желаю остаться непричастнымъ къ вашимъ дѣламъ и могу только ходатайствовать предъ императоромъ о помилованіи виновныхъ...

— Мы не просимъ о помилованіи! — дерзко возразилъ Лелевель.

— Между нами нѣтъ виновныхъ! — громко крикнулъ Островскій, и съ этими словами надѣлъ на голову свою конфедератку.

Только вмѣшательство княгини Ловичъ отвратило ту страшную бурю, которая готова была разразиться въ эту минуту. Чарторижскій поспѣшилъ повернуть разговоръ на частные вопросы и пытался развѣдать у великаго князя о' дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Онъ освѣдомился также не было ли отдано цесаревичемъ приказаніе о вступленіи Литовскаго корпуса въ предѣлы Царства Польскаго? Великій князь отвѣчалъ, что онъ не только не отдавалъ такого приказанія, но даже просилъ государя воздержаться отъ подобнаго распоряженія, по тѣмъ соображеніямъ, какія онъ представилъ съ своей стороны его величеству. Къ этому великій князь присовокупилъ, что онъ не думаетъ нападать на Варшаву, что онъ готовъ отпустить отъ себя оставшіеся ему вѣрными польскіе полки и что онъ желаетъ только выступить спокойно за предѣлы Царства съ русскими войсками. Услыхавъ это, князь Любецкій поспѣшилъ заявить, что главнокомандующій польскою арміею обяжется честнымъ словомъ не тревожить его высочество во время отступленія къ границамъ имперіи.

Результатомъ этихъ переговоровъ было слѣдующее, подписанное Константиномъ Павловичемъ, объявленіе:

Его императорское высочество объявляетъ: 1) что не имѣетъ намѣренія атаковать городъ войсками, находящимися подъ его начальствомъ; 2) что принимаетъ на себя ходатайство передъ престоломъ его величества императора и царя о милосердномъ забвеніи всего прошлаго; 3) объявляетъ, что не давалъ Литовскому корпусу повелѣнія вступить въ Царство Польское, и 4) плѣнные будутъ освобождены.

Въ „Воспоминаніяхъ" Колзакова объ этомъ объявленіи не упоминается, что депутаты взяли съ великаго князя слово, что если бы онъ вынужденъ былъ въ послѣдствіи произвести нападеніе на Варшаву, то долженъ былъ предупредить временное правительство объ этомъ за 48 часовъ. „Разсказываютъ нѣкоторые очевидцы,— передается далѣе въ этихъ „Воспоминаніяхъ",—будто бы великому князю предложена была депутатами польская корона, но что княгиня въ энергическихъ выраженіяхъ отвергла это, высказавъ депутатамъ всю дерзость такого предложенія".

Одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ великаго князя (Колзаковъ) разсказывалъ, что депутаты пріѣхали изъ Варшавы въ четырехмѣстной каретѣ, въ родѣ стараго рыдвана, запряженной парою измученныхъ клячъ. На козлахъ, возлѣ кучера, былъ огромный узелъ и когда адъютантъ спросилъ кучера, что̀ находится въ этомъ узлѣ? то получилъ отъ полупьянаго возницы отвѣтъ, что въ узлѣ лежатъ польскія національныя кокарды, назначенныя для свиты цесаревича, въ случаѣ если бы онъ согласился принять титулъ короля польскаго, дабы съ такимъ убранствомъ онъ и окружающія его лица могли торжественно въѣхать въ Варшаву.

Кромѣ того молва, распущенная поляками, прибавляла, будто великій князь обязывался ходатайствовать у государя о присоединеніи къ Царству Польскому областей, отошедшихъ къ имперіи.

Такую добавку К. Ѳ. Опочининъ считаетъ апокрифическою. Что же касается другихъ условій, то онъ говоритъ: „что́ же намъ оставалось дѣлать! Благопріятный моментъ былъ упущенъ: нападеніе на возмутившійся городъ сдѣлалось невозможнымъ, да и не повело бы ни къ чему, какъ только къ истребленію нашего 7,000-го отряда. Въ особенности же было важно, чтобъ сохранить особу великаго князя".

Между тѣмъ положеніе русскихъ на мокотовскихъ бивуакахъ было крайне бѣдственно; кромѣ того, польскій гвардейскій гренадерскій полкъ началъ колебаться, пѣшіе егеря тоже, и только конные гренадеры выражали непоколебимую преданность цесаревичу. Въ доба-

вокъ къ этому, надобно было ожидать, что къ Варшавѣ подойдутъ польскія войска со стороны Мазовіи и Кракова.

Когда, вскорѣ послѣ отъѣзда депутаціи, до великаго князя дошло извѣстіе, что войска Гелгуда, вслѣдствіе даннаго имъ изъ Варшавы повелѣнія, стали двигаться на Радомъ, къ столицѣ Царства, а войска Круковецкаго пошли туда же на Раву, такъ что движеніе это начало угрожать единственному пути отступленія русскихъ войскъ на Гуры и Пулавы, то Константинъ Павловичъ оставилъ лѣвый берегъ Вислы и направилъ свой путь къ границамъ имперіи, пославъ временному правительству слѣдующее объявленіе:

„Дозволяю польскимъ войскамъ, до сего времени остававшимся мнѣ вѣрными, присоединиться къ своимъ.

„Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время ихъ движенія тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и жизнь особъ“.

Объявленію этому революціонеры и ихъ историкъ Шпациръ придавали тотъ смыслъ, что цесаревичъ ставилъ себя подъ защиту польской націи.

Константинъ Павловичъ началъ отступленіе 21-го ноября (3-го декабря), въ пятницу, въ 10 часовъ утра, отославъ въ Варшаву бывшихъ при его отрядѣ плѣнныхъ поляковъ, а между тѣмъ многіе изъ поляковъ, и въ числѣ ихъ генералъ графъ Красинскій и полковникъ Турно, просили у него позволенія проводить его до границы, на что цесаревичъ изъявилъ свое согласіе.

Разставаніе польскихъ конныхъ гренадеръ съ русскими было, по словамъ К. Ѳ. Опочинина, „раздиравшее душу зрѣлище“. Красинскій и Курнатовскій заливались слезами. Плакалъ и великій князь, выражая, какъ имъ, такъ и солдатамъ, благодарность за ихъ вѣрность.

При условіяхъ того положенія, въ какомъ тогда находился цесаревичъ, отступленіе отъ Варшавы представлялось настоятельною потребностью. Онъ не могъ надѣяться войти черезъ посредство административнаго совѣта въ болѣе почетную сдѣлку съ вожаками возстанія; не могъ предпринять ни нападенія на столицу Царства, ни какихъ либо стратегическихъ движеній противъ безпрестанно увеличивавшейся польской арміи и противъ городскаго населенія, которое только и желало того, чтобъ поскорѣе схватиться съ русскими.

Между тѣмъ въ ту пору многіе на словахъ, а въ послѣдствіи нѣкоторые—и между ними извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ—и письменно укоряли Константина Павловича за то, что онъ, вмѣсто отступ-

ленія въ Вержбу, не двинулся тотчасъ на взволновавшуюся Варшаву, гдѣ онъ могъ легко подавить возстаніе, такъ какъ тамъ въ ту пору было не болѣе 4,500 человѣкъ польскаго войска. Ему ставили въ упрекъ еще и то, что онъ официальнымъ своимъ сношеніемъ съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, что онъ добровольно отпустилъ отъ себя польскія войска, остававшіяся ему вѣрными, и что онъ не захватилъ Модлинскую и Замосцьскую крѣпости, которыя онъ могъ бы удержать за собою до прихода русскихъ войскъ.

Извѣстно, что, послѣ каждаго дѣйствія одного лица, критическій разборъ его другимъ лицомъ бываетъ дѣломъ, сравнительно довольно легкимъ. Такимъ образомъ, не трудно осуждать и дѣйствія Константина Павловича послѣ роковыхъ событій, поставившихъ его съ русскою арміею въ то затруднительное положеніе, на которое мы уже указали. Могло однако случиться и то, что великій князь, вступивъ въ борьбу съ поляками, подвергъ бы небольшой русскій отрядъ совершенному истребленію и тѣмъ усилилъ бы еще болѣе самонадѣянность поляковъ и тогда противъ него возникли бы обвиненія въ противномъ смыслѣ: его укоряли бы за то, что онъ неосмотрительно рѣшился на крайнія мѣры. Съ неумѣстностію рѣшительныхъ мѣръ противъ польскихъ революціонеровъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находился тогда Константинъ Павловичъ, соглашается и г. Максимовичъ, авторъ упомянутой уже нами брошюры, служившій въ Польшѣ въ составѣ русскихъ войскъ и смотрящій на польское возстаніе, какъ русскій, исключительно съ патріотической точки зрѣнія. Онъ пишетъ: „его высочество цесаревичъ, видя кругомъ себя одну польскую измѣну, избіеніе главныхъ своихъ помощниковъ, не могъ повести въ бой 7,000 русскихъ противъ 60,000-го польскаго войска, изъ котораго въ одной Варшавѣ было болѣе 10,000 человѣкъ, и противъ возставшихъ и вооруженныхъ студентовъ и народа, составлявшихъ массу, вмѣстѣ съ войсками, болѣе 100,000 человѣкъ, могущихъ во всякое время усиливать варшавскую революцію цѣлыми дивизіями польскихъ мятежныхъ войскъ изъ окрестностей".

„Въ таковыхъ, безпримѣрно исключительныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ,—продолжаетъ г. Максимовичъ,—начать небольшому русскому отряду подавленіе вспыхнувшаго вооруженнаго возстанія значило-бы: позволить окружить себя со всѣхъ сторонъ, поставить себя въ безвыходное положеніе, лишиться всякаго сообщенія съ отечествомъ, быть, такъ сказать, въ залогѣ у непріятеля и тѣмъ придать еще болѣе бодрости революціонерамъ".

Прибавимъ ко всему этому, что—какъ разсказываетъ Давыдовъ—

Хлопицкій, явившись къ цесаревичу, вызвался занять арсеналъ и тѣмъ предупредить развитіе безпорядковъ, но великій князь не согласился на это, не полагаясь, быть можетъ,—добавимъ мы,—на искренность Хлопицкаго.

XXV.

Хлопицкій, вступивъ 23-го ноября (5-го декабря) въ права диктатора, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго со всеподданнѣйшею просьбою возстановить въ Царствѣ Польскомъ конституцію 1815 года, распространивъ ее и на области, принадлежавшія прежде Польшѣ. При этомъ Хлопицкій выразилъ чувства личной преданности, имъ питаемыя къ особѣ его величества. Онъ, подъ смертною казнью, воспретилъ нападать на войска, отступавшія подъ начальствомъ великаго князя; закрылъ революціонные клубы и сталъ строго наблюдать за сборищами и сходками. Онъ говорилъ всѣмъ, и говорилъ смѣло и громко, что дѣйствуетъ какъ вѣрный подданный своего государя, и, согласно съ этимъ заявленіемъ, онъ дѣлалъ распоряженія отъ имени цесаревича, и во время диктаторства Хлопицкаго имя императора Николая, какъ и прежде, поминалось при богослуженіи во всѣхъ католическихъ храмахъ. Оставаясь вѣрнымъ русскому правительству, диктаторъ не согласился на предложеніе нѣкоторыхъ запальчивыхъ революціонеровъ распространить возстаніе въ польско-русскихъ губерніяхъ, тогда какъ на принятіи этой мѣры настаивалъ въ особенности Романъ Солтыкъ. Онъ отвергъ также предложеніе о нападеніи на отступавшаго цесаревича и о захватѣ его въ плѣнъ въ видѣ заложника. Чтобъ принудить Хлопицкаго къ такой мѣрѣ, въ народѣ распустили слухъ, что великій князь при отступленіи своемъ отъ Бельведера захватилъ съ собою двадцать государственныхъ преступниковъ, томившихся уже много лѣтъ въ подземельяхъ Бельведерскаго дворца. На освобожденіе этихъ мнимыхъ плѣнниковъ враги великаго князя указывали какъ на первую обязанность каждаго патріота.

Между тѣмъ великій князь продолжалъ отступленіе на Гуры и Пулавы. Въ Пулавахъ онъ посѣтилъ княгиню Чарторижскую, отъ посѣщенія которой отказалась его супруга и которую онъ не могъ терпѣть, называя ее бабой-ягой. При Пулавахъ Константинъ Павловичъ переправился на паромахъ съ большимъ затрудненіемъ, полагая, что поляки гонятся за нимъ. Походъ изъ Вержбы продолжался двѣнадцать дней и по своимъ трудностямъ и неудобствамъ напоминалъ

цесаревичу походъ въ Швейцаріи. У войска не было ни вьюковъ, ни обоза, ни продовольствія, ни лазаретовъ. Не мало нижнихъ чиновъ умерло отъ болѣзней и изнуренія и еще болѣе значительное ихъ число пришлось оставить на дорогѣ. Лошади падали безпрестанно. Въ перемежку съ войсками тянулось множество разнаго рода экипажей, наполненныхъ женщинами, дѣтьми, стариками и больными.

Около Пулавъ, 5-го декабря н. ст., къ нему явился коммисаръ временнаго правительства Валицкій. Подробности этого, въ высшей степени интереснаго свиданія уже извѣстны читателямъ „Русской Старины“ изъ разсказа Валицкаго, напечатанаго въ XXI-мъ томѣ этого изданія, на стр. 29—40.

Изъ Пулавъ цесаревичъ пошелъ на Куровъ, Маркушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. До самаго Любартова отряду цесаревича приходилось идти по проселочнымъ дорогамъ, и во всякое время крайне плохимъ, а теперь совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной осенней непогоды. Изъ Любартова, гдѣ онъ провелъ полсутокъ у графини Мостовской, рожденной княжны Сангушко, встрѣтившей его гостепріимно, онъ хотѣлъ двинуться чрезъ Коцкъ на брестское шоссе, около Бьялы, но такъ какъ, по слухамъ, Бьяла была занята польскими войсками, пришедшими туда изъ Варшавы, то онъ предпочелъ, повернувъ вправо на Влодаву, переправиться черезъ замершій уже Бугъ. Здѣсь онъ вступилъ въ предѣлы имперіи. Оставляя границу Польши—онъ, какъ разсказываетъ Смитъ, – обращаясь къ окружавшимъ его, сказалъ: „карьера моя навсегда кончена; на свѣтѣ не существуетъ благодарности!“

Генералъ баронъ Розенъ, командовавшій Литовскимъ корпусомъ, расположеннымъ по рѣкѣ Бугу, будучи извѣщенъ объ опасномъ положеніи, въ которомъ находился цесаревичъ съ его отрядомъ, испрашивалъ разрѣшенія Константина Павловича двинуться къ нему на помощь, но великій князь положительно воспретилъ Розену переходить границу Царства, не желая никоимъ образомъ нарушить обѣщаніе, данное имъ депутатамъ, пріѣзжавшимъ къ нему изъ Варшавы на Мокотово поле.

Константинъ Павловичъ отступилъ мирно изъ предѣловъ Польши, быть можетъ, столько же изъ опасенія неравнаго боя съ поляками, сколько и для того, чтобъ, избѣжавъ кровопролитнаго столкновенія, имѣть возможность прекратить возстаніе миролюбивымъ способомъ. Мысль о примиреніи съ поляками руководила его и въ продолженіе войны. Но такая система дѣйствія повела къ тому, что большинство

го подчиненныхъ стало роптать. Этотъ ропотъ нашелъ отголосокъ и ъ рядахъ русской арміи.

Войдя въ предѣлы имперіи, цесаревичъ расположилъ свой отрядъ ъ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, и такимъ образомъ сталъ позади Литовскаго корпуса.

4-го декабря ст. стиля, русскій отрядъ пришелъ въ Брестъ, и есаревичъ расположился на мызѣ Адамовкѣ, въ двухъ верстахъ отъ реста. 8-го декабря главная квартира выступила изъ Адамовки и ришла въ Высоколитовскъ, куда, 17-го декабря, пріѣхалъ къ велиому князю Θ. П. Опочининъ. Отсюда отрядъ выступилъ 24-го деабря и 29-го пришелъ въ Брестовицы, куда, 30-го декабря, пріѣхалъ къ есаревичу изъ Гродно фельдмаршалъ Дибичъ и, отобѣдавъ у него, поѣхалъ братно. 2-го января 1831 г. пріѣхалъ изъ Гродно генералъ Толь, а 3-го нваря уѣхалъ Θ. П. Опочининъ. 22-го января выступили изъ Бреовицъ, а 23-го пришли въ Бѣлостокъ, гдѣ нашли главную квартиру эльдмаршала Дибича.

Между тѣмъ Хлопицкій, въ качествѣ диктатора, продолжалъ дѣйвовать въ Варшавѣ прямо и смѣло въ видахъ возстановленія доыхъ отношеній между государемъ и его польскими подданными. одъ благовиднымъ предлогомъ онъ удалилъ изъ столицы двухъ главыхъ зачинщиковъ возстанія, Высоцкаго и Заливскаго, а тѣхъ, котое покушались въ Бельведерѣ на жизнь цесаревича, хотѣлъ отдать дъ военный судъ, обвиняя ихъ въ вѣроломномъ убійствѣ, недостоймъ честныхъ воиновъ.

Такой образъ дѣйствій Хлопицкаго въ пользу Россіи тѣмъ болѣе возбужлъ удивленіе революціонеровъ, что онъ, во дни могущества русскаго равительства въ Варшавѣ, не былъ вовсе его сторонникомъ. Прослуживъ честью почти двадцать лѣтъ подъ побѣдоносными знаменами французой республики и имперіи, онъ, переселясь въ столицу Польши, воздервался отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла, не искалъ чего у русскаго правительства, и даже отказался отъ предложенія ликаго князя вступить опять въ военную службу, хотя предложеніе о было ему сдѣлано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и при томъ условіяхъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ его долголѣтней службѣ и о боевымъ отличіямъ. Когда князь Любецкій и графъ Езерскій, правленные временнымъ правительствомъ въ качествѣ его депутавъ къ императору Николаю, свидѣлись на пути изъ Варшавы въ этербургъ съ великимъ княземъ, то онъ, говоря о Хлопицкомъ, съ жалѣніемъ сказалъ: „если бы Хлопицкій пожелалъ прежде содѣйвовать намъ своимъ вліяніемъ и своею опытностію, то не было бы чего, что̀ происходитъ теперь“.

Диктатура Хлопицкаго должна была продолжиться до 18-го декабря н. ст., то есть—до срока созванія новаго сейма.

Передъ представителями сейма Хлопицкій говорилъ съ тою же прямотою, какою отличался и прежде. Онъ укорялъ поляковъ за нарушеніе присяги государю и признавалъ себя вѣрнымъ подданнымъ „короля“ Николая. Крайніе революціонеры возмущались этимъ и готовили диктатору паденіе, но онъ не допустилъ ихъ до этого торжества, сложивъ съ себя добровольно ввѣренную ему власть, которой пользовался въ продолженіе сорока двухъ дней. Революціонное правительство предложило ему начальство надъ всею арміею, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, заявивъ, что будетъ служить отечеству въ рядахъ простыхъ воиновъ.

Извѣстивъ императора о возстаніи въ Варшавѣ, цесаревичъ до самаго прихода во Влодаву не писалъ ничего государю и только отсюда отправилъ къ нему письмо, которое пришло въ Петербургъ лишь 30-го декабря. Тѣмъ не менѣе, государь имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ изъ другихъ источниковъ и, сообразно съ ними, дѣлалъ разнаго рода распоряженія. Наканунѣ дня своихъ имянинъ, онъ, собравъ около себя присутствовавшихъ на разводѣ генераловъ и офицеровъ, объявилъ имъ, что въ случаѣ, если придется ему двинуть противъ взбунтовавшихся поляковъ гвардію, то онъ надѣется на ея мужество и преданность. Тѣ, къ кому относились эти слова, отвѣчали на нихъ восторженными криками, къ которымъ примѣшались безпощадныя угрозы полякамъ. Императоръ, услышавъ эти угрозы, подалъ рукою знакъ молчанія и, среди глубокой тишины, напомнилъ разгорячившимся воинамъ, что они не должны забывать, что поляки ихъ братья, что всюду есть злые люди и что только такіе люди должны нести заслуженную ими кару.

Смотря съ этой точки зрѣнія на поднявшійся въ Варшавѣ мятежъ и видя въ то же время печальную необходимость прекратить его силою оружія, государь, еще 1-го декабря 1830 года, издалъ указъ о сформированіи особой дѣйствующей арміи подъ начальствомъ фельдмаршала графа Дибича. Посольство въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго не имѣло—какъ это, впрочемъ, и можно было предвидѣть—никакого успѣха по неумѣстности требованій, заявленныхъ временнымъ польскимъ правительствомъ, и въ декабрѣ начались приготовленія, которыя имѣли видъ не мѣръ къ подавленію мятежа, но мѣръ для борьбы съ сильнымъ внѣшнимъ непріятелемъ.

25-го января 1831 г. русскія войска перешли границу имперіи черезъ Бугъ и вступили въ предѣлы Царства. Мы, конечно, не будемъ слѣдить за общимъ ходомъ войны противъ поляковъ и остановимся

только на участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ цесаревича и на личномъ его положеніи въ это слишкомъ тягостное для него время. При этомъ чрезвычайно драгоцѣннымъ матеріаломъ могутъ служить подлинныя письма цесаревича къ одному изъ самыхъ близкихъ его друзей, Ѳ. П. Опочинину, а также и дневникъ П. А. Колзакова [1]).

XXVI.

При открытіи военныхъ дѣйствій противъ поляковъ, великій князь жилъ въ мѣстѣ расположенія русскаго отряда, выведеннаго имъ изъ Царства Польскаго, а больная княгиня Ловичъ находилась въ Бѣлостокѣ. Цесаревичъ просилъ у императора дозволенія остаться совершенно непричастнымъ въ вопросахъ по дѣламъ Польши, ссылаясь на то, что воспоминанія о времени, проведенномъ имъ въ этой несчастной теперь странѣ, не позволяютъ ему быть вполнѣ справедливымъ и безпристрастнымъ. Когда же былъ объявленъ противъ поляковъ походъ, то онъ, по его заявленію, не счелъ удобнымъ удалиться изъ арміи, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что такой поступокъ могъ бы казаться протестомъ противъ мѣръ, принятыхъ для укрощенія польскаго возстанія.

Онъ написалъ императору письмо въ томъ смыслѣ, что онъ, цесаревичъ, состоя собственно королевскимъ намѣстникомъ въ Польшѣ и главнокомандующимъ бывшей польской арміи, не считаетъ себя въ правѣ уклониться отъ открывающихся теперь военныхъ дѣйствій; что онъ сперва полагалъ, что дѣло до войны не дойдетъ, и надѣялся, что, если предоставить поляковъ себѣ самимъ, то, вѣроятно, они изъявили бы безусловную покорность государю, но такъ какъ война дѣло рѣшенное, то онъ не можетъ оставаться празднымъ, почему и проситъ, чтобы ему было предоставлено начальство надъ какимъ либо корпусомъ, присовокупляя, что въ такомъ случаѣ онъ подчинится – если это окажется нужнымъ—главнокомандующему всею арміею.

Такое заявленіе со стороны цесаревича должно было до нѣкоторой степени противорѣчить видамъ императора Николая Павловича, такъ какъ онъ назначилъ уже главнокомандующимъ дѣйствующею арміею фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, съ которымъ великій князь былъ не въ ладахъ. Разсказывали, что первымъ поводомъ къ неудо-

---

[1]) Матеріалы эти предоставлены въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» внукомъ Ѳедора Петровича, Ѳ. К. Опочининымъ и К. П. Колзаковымъ, которымъ редакція и приноситъ глубочайшую свою признательность. Какъ эти матеріалы, такъ и другіе, принадлежащіе ред. «Русской Старины» и послужившіе источниками Е. П. Карновичу къ составленію этого историко-біографическаго очерка, будутъ постепенно и въ свое время напечатаны въ послѣдующихъ томахъ нашего изданія. Ред.

вольствію со стороны фельдмаршала противъ Константина Павловича были тѣ насмѣшки надъ маленькимъ ростомъ, толстымъ брюшкомъ, лохматой прической и вообще слишкомъ невзрачною наружностію Дибича, какія позволялъ себѣ цесаревичъ. Мало-по-малу дѣло отъ такихъ мелочей дошло между ними до сильной вражды, и теперь, когда Константинъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ резервовъ фельдмаршалъ вознамѣрился не давать ему рѣшительно никакого хода и до послѣдней крайности обходиться безъ его содѣйствія.

26-го января 1831 года цесаревичъ выѣхалъ въ армію изъ Бѣлостока, гдѣ осталась княгиня Ловичъ.

Русская армія, состоявшая изъ 100,000 человѣкъ, при 320 орудіяхъ вступила въ предѣлы Царства въ пяти различныхъ пунктахъ. При этомъ ея движеніи, за 6-мъ корпусомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ барона Розена, слѣдовала главная квартира и резервы, которыми командовалъ цесаревичъ. Первоначально отрядъ его состоялъ только изъ двухъ полковъ пѣхоты, Волынскаго и Литовскаго, трехъ кавалерійскихъ: Подольскаго кирасирскаго, уланскаго его высочества и Гродненскаго гусарскаго, при двухъ батареяхъ; всего же было въ отрядѣ 4 баталіона, 12 эскадроновъ и 20 орудій или, круглымъ числомъ, 3,600 человѣкъ и 2,000 коней.

27-го января 1831 года Дибичъ доносилъ императору, изъ Высоко-мазовецка, что русская армія расположена имъ, фельдмаршаломъ, такъ, чтобы 80,000 человѣкъ могли соединиться между собой въ теченіе 20-ти часовъ и нанести мятежникамъ рѣшительный ударъ, еслибы они отважились принять сраженіе. Къ этому Дибичъ прибавлялъ, что резервъ арміи, находившійся подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича и состоявшій теперь изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 12-ти эскадроновъ кавалеріи и 36-ти орудій, перешелъ границу въ Суражѣ 25-го и 26-го января и направился на Соколово. Отъ 1-го февраля Дибичъ въ своемъ рапортѣ писалъ государю, что въ виду наступившей оттепели слѣдовало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ Буга, что переправа совершилась еще по льду, но съ большими предосторожностями, и что весь резервъ, подъ командою великаго князя Константина Павловича, перешелъ вслѣдъ за первымъ корпусомъ при Соколовѣ, посылая свои авангарды къ Сѣдльцу, куда и пришелъ 2-го февраля.

6-го февраля польская армія сосредоточилась у мѣстечка Грохова.

Изъ Сѣдльца цесаревичъ шелъ слѣдомъ за арміею Дибича и отъ 8-го (20-го) февраля 1831 г. писалъ изъ Милосны Ѳ. П. Опочинину: „мы все двигаемся по путямъ-дорогамъ, по распоряженіямъ начальства. Много плѣнныхъ; нижніе чины со мною говорятъ, какъ ни въ чемъ

е бывало, со слезами на глазахъ. Что же до молодыхъ офицеровъ, ни всѣ какъ бы къ горячкѣ и вздоръ мелютъ".

При движеніи къ Прагѣ русскіе встрѣтили отрядъ польской арміи, анявшій Калушинъ, и великій князь, который очутился лицомъ къ ицу съ этимъ отрядомъ, получилъ отъ фельдмаршала приказаніе вы-ить непріятеля изъ Калушина и отбросить его къ Минску. Такимъ бразомъ, цесаревичу съ его резервомъ пришлось схватиться съ аван-ардомъ польской арміи, столь долго состоявшей подъ его началь-твомъ. Лакруа, въ сочиненіи своемъ „Histoire de la vie et du règne e l'Empereur Nicolas", разсказываетъ, что Константинъ Павловичъ ылъ крайне изумленъ приказаніемъ Дибича—нанести первый ударъ олякамъ и что генералъ Толь, сообщившій цесаревичу это прика-аніе фельдмаршала и замѣтившій изумленіе великаго князя, сказалъ, то такое порученіе служитъ со стороны главнокомандующаго знакомъ собаго вниманія къ его императорскому высочеству. Далѣе, Лакруа ишетъ, что цесаревичъ нахмурилъ брови и, напѣвая въ полголоса: escze Polska nie zginieła", приказалъ начать нападеніе. Ударъ былъ акъ быстръ и силенъ, что поляки не могли устоять; они были опро-инуты, смяты и въ безпорядкѣ попятились къ Минску. Послѣ этого еликій князь занялъ Калушинъ и, расположившись тамъ, послалъ ска-ать фельдмаршалу, что, по существующему на войнѣ порядку, резервъ не ожетъ идти впереди авангарда. Въ письмѣ же своемъ къ Опочинину ве-икій князь, не сообщая никакихъ подробностей объ этой битвѣ, замѣ-аетъ только, что онъ „былъ en amateur въ сраженіи подъ Калушиномъ".

13-го февраля произошелъ бой подъ Гроховомъ. Когда сраженіе кон-илось, было уже темно. Дибичъ не пошелъ къ Варшавѣ. Онъ прекратилъ альнѣйшее движеніе, желая избѣгнуть повторенія суворовскаго штурма. ромѣ того, онъ полагалъ, что польская армія уничтожена на половину что капитуляція Варшавы послѣдуетъ завтра безъ всякаго боя. Онъ асположилъ свою главную квартиру въ деревнѣ Ваверъ, между Ми-осною и Гроховомъ.

Около этого времени, въ арміи сталъ распространяться нелѣпый ухъ, будто великій князь упорно отказывается дѣйствовать со своимъ рядомъ противъ поляковъ. Разсказывали также, будто онъ, находясь езучастнымъ зрителемъ въ сраженіи при Гроховѣ, увидѣлъ какъ поль-ій уланскій полкъ понесся въ атаку противъ русской кавалеріи. При оспоминаніи о томъ, какъ онъ обучалъ этотъ полкъ, цесаревичъ влекся его маневромъ до того, что, начавъ хлопать въ ладоши, кри-алъ: „славно, славно, ребята!" И за тѣмъ, обратившись къ окружав-имъ его офицерамъ, сказалъ такъ часто повторяемую имъ фразу: польскіе солдаты—лучшіе солдаты въ цѣломъ свѣтѣ!"

Все это не болѣе какъ розсказни, которыя, однако, біографы н
въ правѣ обойти, чтобы указать въ какомъ отношеніи находилось в
описываемое время общественное мнѣніе въ Россіи—къ Константин
Павловичу.

Но нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору должны были часто приходит
на память цесаревичу стихи, которые, еще въ 1821 году, ко дню ег
имянинъ, скропалъ польскій піита Мольскій, отставной полковник
войскъ бывшаго герцогства Варшавскаго.

Въ своихъ виршахъ Мольскій заявлялъ о томъ, что между стол
цею Польши и Петербургомъ нѣтъ никакой разницы въ тѣхъ чу
ствахъ, которыя питаютъ жители обоихъ этихъ городовъ къ великом
князю; что празднованіе его имянинъ связываетъ одною цѣпью серд
обоихъ народовъ и что они воодушевлены одною мыслью.

Стихотвореніе это оканчивалось слѣдующею замѣчательною стр
фою о польскомъ войскѣ:

Szyk, Obròt wojska Zagranicznych dziwi,
Dziwią się znawcy, iż podobne dzieło
Jnnym mocarstwom pòl wieku zajęło
Ty! przez lat siedem oddawszy się prały,
Dowiodłes czem są i będą Polacy!

т. е., построеніе и движеніе войска удивляютъ иностранцевъ; уди
ляются и знатоки, что подобное дѣло, потребовавшее въ иныхъ г
сударствахъ полвѣка, ты, отдававшись труду, совершилъ въ продолжен
семи лѣтъ, и показалъ, чѣмъ стали теперь и чѣмъ будутъ поляки!

Послѣднія пророческія слова Мольскаго оправдывались тепер
когда русскимъ войскамъ приходилось сражаться съ превосходн
сформированными и отлично обученными польскими войсками.

Не смотря однако на мужество, дѣйствительно выказанное польски
войсками въ сраженіи подъ Гроховомъ, бой кончился для поляко
крайне неудачно, но ожиданіе Дибича о капитуляціи Варшавы не сбыло
и притомъ оттепель мѣшала ему перейти черезъ Вислу, покрыту
ненадежнымъ льдомъ. Русскіе остановились передъ Прагою и въ вид
ея произошелъ кровавый бой, въ которомъ получилъ сильную конт
зію ядромъ бывшій диктаторъ Хлопицкій. Поляки, будучи не въ с
стояніи выдержать натиска русскихъ, вошли въ Прагу. Дибичъ
преслѣдовалъ ихъ, положившись, какъ разсказывали, на увѣреніе н
которыхъ приближенныхъ, что Варшава сдастся безъ боя.

Послѣ нѣкоторыхъ частныхъ неудачъ и ослабленія главной арм
отдѣленіемъ отъ нея особыхъ отрядовъ, Дибичъ отошелъ отъ Висл
переправа чрезъ которую, какъ выразился цесаревичъ, была нево
можна „по худобѣ льда“, и рѣшился не предпринимать наступател
ныхъ дѣйствій до болѣе благопріятныхъ условій. Въ виду предсто

щаго затишья, фельдмаршалъ — какъ писалъ великій князь Ѳ. П. Опочинину—„дозволилъ“ ему съѣздить къ женѣ, остававшейся въ Бѣлостокѣ, куда онъ и прибылъ 18-го февраля 1831 г. Кромѣ желанія свидѣться съ нею, Константину Павловичу были необходимы нѣкоторый отдыхъ и спокойствіе. Со времени перехода черезъ Бугъ при Нурѣ, т. е. при отступленіи изъ Царства Польскаго, онъ почувствовалъ „геморроидальную колику“, но пренебрегъ этимъ и отправился со своимъ отрядомъ въ мѣстечко Соколово, гдѣ его схватила сильная лихорадка, заставившая его пробыть на мѣстѣ цѣлыя сутки. Въ добавокъ къ лихорадкѣ у него открылось сильное разстройство желудка. Перемогая себя, онъ отправился со всѣми войсками въ походъ и послѣ сраженія подъ Калушиномъ лицо его обметала лихорадка, а геморрой ослабилъ его до такой степени, что онъ едва стоялъ на ногахъ. Въ такомъ состояніи онъ пріѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ нашелъ княгиню Ловичъ довольно здоровою, но спустя два дня она жестоко расхворалась: у нея сдѣлался кашель, сопровождавшійся сильнымъ жаромъ. Великій князь заботливо ухаживалъ за своею женою и писалъ Ѳ. П. Опочинину, что болѣзнь ея—послѣдствія испытанныхъ ими несчастій, въ которыхъ винилъ болѣе всѣхъ Лелевеля. Въ Бѣлостокѣ посѣтилъ его великій князь Михаилъ Павловичъ два раза, 10-го и 15-го марта 1831 г.

До какой степени подъ ударами постигшаго несчастія Константинъ Павловичъ былъ огорченъ и разстроенъ, о томъ можно судить изъ письма его къ Опочинину, помѣченнаго изъ Бѣлостока отъ 13-го (25-го) марта. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ: „живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль и желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю; безъ того есть съ чего съума сойти“. О княгинѣ онъ сообщалъ: „жена столь слаба, что лежитъ въ постелѣ другую уже недѣлю“.

Изъ писемъ цесаревича къ Опочинину видно, между прочимъ, что до него доходили въ Бѣлостокъ изъ Варшавы разныя вѣсти, изъ которыхъ, по однѣмъ, поляки хотѣли сдаться, а по другимъ—готовились къ отчаянному бою; между тѣмъ, о переправѣ черезъ Вислу и въ половинѣ марта не было еще никакого слуха. Изнуренный походомъ и душевными волненіями, тревожимый боязнью за здоровье страстно-любимой жены, цесаревичъ томился въ Бѣлостокѣ и оттуда, 1-го (13-го) мая, писалъ Опочинину, между прочимъ, слѣдующее: „я здоровъ, но до крайности скученъ, и признаюсь, что надобно много духу и твердости, чтобъ перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее“. Въ особенности онъ безпокоился объ участи русскихъ, оставшихся плѣнными въ Варшавѣ. Душевная скорбь цесаревича выражалась и въ другихъ его письмахъ къ Опочинину.

Такъ, въ письмѣ отъ 5-го (17-го) мая, благодаря своего стараго друга за поздравленіе съ днемъ рожденія, Константинъ Павловичъ писалъ ему: „какая для меня разница въ окончаніи моихъ 52-хъ лѣтъ отъ роду и начатія 53-го года съ предъидущими; признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ всѣ тѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе $16^1/_2$ лѣтъ!"

Коснувшись поѣздки великаго князя въ Бѣлостокъ, мы—употребивъ его собственное выраженіе—сказали, что ему „дозволилъ" ѣхать туда фельдмаршалъ Дибичъ. Выраженіе это, употребленное въ письмѣ едва ли не къ самому близкому человѣку, и переписка съ которымъ носитъ характеръ полной дружеской откровенности какъ будто показываетъ готовность великаго князя подчиняться волѣ главнокомандующаго и опровергаетъ тѣ слухи объ его упорной оппозиціи, которые въ разное время являлись въ польской и въ иностранной печати вообще и которыя въ подробностяхъ повторяются въ книгѣ, г. Лакруа [1]).

Въ этой книгѣ разсказывается о нелишенной, по видимому,—сообразно съ общими чертами характера великаго князя—его выходкѣ противъ Дибича въ то время, когда фельдмаршалъ держалъ въ заверской корчмѣ военный совѣтъ. Лакруа разсказываетъ, что подъѣхавшій верхомъ къ окнамъ корчмы великій князь запѣлъ польскую революціонную пѣсню: „jescze Polska nie zginieła"; что Дибичъ, чрезвычайно оскорбленный такою странною выходкою, принесъ государю жалобу, изъявляя въ ней свое желаніе—сложить званіе главнокомандующаго; что государь, получивъ эту жалобу, въ дружескихъ выраженіяхъ и во имя покойнаго императора Александра Павловича, просилъ цесаревича примириться съ Дибичемъ и воздержаться отъ такихъ поступковъ, которые могутъ подать мятежникамъ поводъ думать, что образъ ихъ дѣйствій поддерживаетъ и одобряетъ родной братъ государя.

Въ отвѣтъ на это, великій князь,—какъ разсказываетъ г. Лакруа,—

[1]) Извѣстно, что сочиненіе Лакруа составлено по матеріаламъ, сообщеннымъ изъ Россіи между прочимъ покойнымъ графомъ М. А. Корфомъ, и самый трудъ составленія «Исторіи жизни и царствованія Императора Николая» предоставленъ г. Лакруа, если не ошибаемся, покойнымъ русскимъ посломъ въ Парижѣ графомъ Киселевымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не допустить, что нѣкоторыя подробности въ соч. Лакруа почерпнуты имъ изъ сомнительныхъ польско-французскихъ источниковъ или даже принадлежатъ его собственному измышленію. Таково, между прочимъ, почти все, что относится до Константина Павловича въ тяжкую для него годину польскаго возстанія.

просилъ императора, чтобы его величество не препятствовалъ ему уклониться отъ участія въ войнѣ, избѣжать которую онъ старался всѣми силами; что онъ, цесаревичъ, надѣялся, что, съ принятіемъ имъ начальства надъ частью дѣйствующей арміи, поляки начнутъ стекаться подъ его бѣлое примирительное знамя, но что, къ сожалѣнію, ихъ раздражили и тѣмъ испортили все дѣло. Въ заключеніе письма, цесаревичъ ссылался на свое разстроенное здоровье и выражалъ нетерпѣніе возвратиться поскорѣе въ Литву, къ своей больной женѣ. Къ этому Лакруа прибавляетъ, что, послѣ отправки этого письма, цесаревичъ оставался въ полномъ бездѣйствіи при главной квартирѣ фельдмаршала до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ императора формальное разрѣшеніе оставить ввѣренную ему часть и возвратиться въ Бѣлостокъ.

Въ достовѣрности всѣхъ этихъ разсказовъ приходится, однако, сомнѣваться, такъ какъ трудно и—скажемъ—даже невозможно предположить, чтобы всѣ эти подробности цесаревичъ скрылъ въ своихъ письмахъ къ Опочинину, тѣмъ болѣе, что Опочининъ удостоивался частыхъ бесѣдъ съ государемъ, который и съ своей стороны могъ, разговорившись съ нимъ, высказать тѣ затрудненія, въ какія ставитъ великій князь фельдмаршала, а о такомъ слишкомъ важномъ разговорѣ Опочининъ не преминулъ бы сообщить или хоть-бы намекнуть въ своихъ письмахъ къ цесаревичу.

Событія, происшедшія въ Варшавѣ, а затѣмъ и въ Польшѣ, вообще сильно во всѣхъ отношеніяхъ надломили Константина Павловича. Для него наступило горькое разочарованіе на счетъ польской арміи, на преданность которой онъ расчитывалъ съ такою непоколебимою увѣренностію. При оставленіи имъ Варшавы, весь прежній образъ его жизни, вся его обстановка, всѣ его привычки должны были вдругъ измѣниться и притомъ въ такіе уже поздніе годы, когда слишкомъ трудно бываетъ осваиваться съ новымъ, и притомъ, совершенно неожиданнымъ положеніемъ. Кромѣ того, проживъ слишкомъ шестнадцать лѣтъ съ поляками, онъ свыкся съ ними и не могъ не отдавать справедливости многимъ ихъ прекраснымъ качествамъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ очень друженъ, многихъ изъ нихъ любилъ, и очень естественно, что эту любовь переносилъ и на всю націю. Въ добавокъ ко всему, его самая нѣжная привязанность къ женѣ—родомъ полькѣ—ставила его еще въ бо́льшее затрудненіе, когда ему приходилось направлять выстрѣлы и штыки противъ ея соотечественниковъ. Все это не могло не мучить его и онъ съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на начавшуюся братоубійственную войну, которую онъ называлъ уже не

„польскою ссорою", а „чумною войною". Онъ постоянно былъ на сто
ронѣ примирительныхъ мѣръ и писалъ Опочинину, что „ласковыя и милостивыя мѣры болѣе и болѣе принесли бы пользы, нежели мѣры строгія и мстительныя", и добавлялъ, что „не намъ, а полякамъ слѣдовало бы начать войну".

Изъ писемъ, на которыя мы теперь такъ часто ссылаемся, видно что цесаревичъ, помимо общаго вопроса о мѣрахъ противъ Польши былъ недоволенъ и самымъ способомъ веденія войны, неуспѣшный ходъ которой онъ объяснялъ „послѣдствіями всѣхъ распоряженій во первыхъ, военныхъ, и, во вторыхъ, управительныхъ", находя, что „всѣ распоряженія были сдѣланы легко и неосмотрительно". Первую и главную ошибку цесаревичъ видѣлъ въ томъ, что „цѣлое народное возстаніе смѣшали съ простымъ бунтомъ", что „всѣ потеряли голову и не хотятъ или не умѣютъ видѣть разницу между обыкновенною войною и народнымъ возстаніемъ въ краѣ, къ намъ никогда хорошо не расположенномъ и въ теперешнихъ обстоятельствахъ нами весьма неполитично озлобленномъ всѣми требованіями и реквизиціонною системою". Съ особеннымъ негодованіемъ возставалъ Константинъ Павловичъ какъ противъ этой системы, такъ и главнаго ея представителя, генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, сенатора Абакумова. Дѣлая замѣчанія по статьямъ „управительнымъ", онъ писалъ: „сенаторъ Абакумовъ объявилъ, что надо саранчой пройтись" для чего онъ и прибѣгнулъ къ реквизиціямъ, взбунтовавшимъ сельское населеніе. Вслѣдствіе реквизиціонной системы, по словамъ Константина Павловича, армія была затруднена обозами, и какъ на рѣзкую несообразность мѣръ, принятыхъ генералъ-интендантомъ, цесаревичъ указывалъ на то, что съ одного только повѣта или уѣзда забирали въ теченіе 48-ми часовъ по 2,000 подводъ. „Въ эту войну,— писалъ Константинъ Павловичъ,—надобно было платить за все деньгами, ибо люди на нихъ падки, а не истреблять послѣднее у нихъ. Несчастная система Абакумова надѣлала много бѣдъ".

Что касается собственно военной части, то цесаревичъ, порицая ее вообще, указывалъ въ частности „на ужасный некомплектъ войскъ": такъ, напримѣръ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ по списочному составу считалось 1,600 человѣкъ, на лицо ихъ оказывалось только 1,100. Указывалъ онъ и на неудачи генерала барона Гейсмара и находилъ, что „глупостей надѣлали кучу" и что онъ, цесаревичъ, „съ Аустерлица не видалъ арміи въ такомъ безпорядкѣ". О фельдмаршалѣ Дибичѣ онъ дѣлалъ слѣдующій отзывъ: „Дибича люблю, уважаю и почитаю отъ души и сердечно, но надо тѣмъ не менѣе признаться, что всѣ мѣры, не знаю—имъ или кѣмъ другимъ, весьма необдуманно взяты".

Если принять ту полную откровенность или, вѣрнѣе сказать, ту задушевность, какою отличалась переписка Константина Павловича съ Опочининымъ, то нельзя не признать, что такой отзывъ, сдѣланный цесаревичемъ о Дибичѣ, слишкомъ противорѣчитъ слухамъ о той непримиримой враждѣ, какая будто бы существовала между имъ и фельдмаршаломъ. Изъ этого письма видно, что цесаревичъ даже заочно относился къ Дибичу слишкомъ сочувственно и не позволялъ себѣ положительно обвинять его въ тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ, цесаревичъ, такъ рѣзко порицалъ. Быть можетъ, такое разнорѣчіе въ отзывахъ о Дибичѣ происходило отъ неровности характера Константина Павловича.

По совѣту графа Паскевича, находившагося въ это время въ Петербургѣ, была сформирована новая резервная армія, предназначенная собственно для того, чтобы сдерживать въ повиновеніи литовскія губерніи, гдѣ также слѣдовало ожидать вооруженнаго возстанія. Императоръ Николай Павловичъ,—какъ разсказываетъ г. Лакруа,—хотѣлъ отдать эту армію подъ начальство великаго князя Константина. Она должна была дѣйствовать совершенно самостоятельно, внѣ всякой зависимости отъ фельдмаршала Дибича.—„Но цесаревичъ,—говоритъ Лакруа,—отказался отъ этого предложенія, будучи чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что, въ распрѣ его съ Дибичемъ, государь принялъ сторону этого послѣдняго". „По поводу этого отказа, императоръ,—говоритъ г. Лакруа,—писалъ цесаревичу, что онъ до сихъ поръ считается главнокомандующимъ польскою арміею и намѣстникомъ Царства Польскаго, что онъ не можетъ отказаться отъ своихъ обязанностей въ виду тѣхъ дѣйствій, въ бездну которыхъ ввергла себя Польша по собственной волѣ. Императоръ находилъ, что Константину Павловичу нельзя отказаться отъ участія въ войнѣ съ поляками, не подавъ повода къ громкому осужденію мятежниками образа дѣйствій русскаго правительства; что ему слѣдуетъ оставаться на границахъ Царства, дабы тотчасъ прибыть туда по возстановленіи порядка, и что тогда обязанности его не будутъ такъ тяжки, потому что ему отъ имени императора придется объявлять о милосердіи и прощеніи".

Приводя содержаніе этого письма, Лакруа замѣчаетъ, что цесаревичъ изъ ненависти и отвращенія къ фельдмаршалу Дибичу настаивалъ на своемъ отказѣ и старался представить какъ его стратегическія способности, такъ и настоящій образъ его дѣйствій въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ.

Мы не знаемъ до какой степени справедливъ весь этотъ разсказъ, но для критической повѣрки мы сопоставимъ его съ собственною перепиской великаго князя, которому впрочемъ не долго привелось быть въ какихъ либо сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ. 29-го мая, въ чет-

верть двѣнадцатаго по утру, Дибичъ скончался скоропостижно въ Витебскѣ, а между тѣмъ еще 5-го мая на смѣну ему отправился моремъ, на пароходѣ „Ижора", графъ Паскевичъ, съ тѣмъ, чтобы выйти на берегъ въ Пруссіи и оттуда ѣхать къ дѣйствующей арміи въ званіи ея главнокомандующаго, для смѣны Дибича. Дибича всего болѣе поразило такое неожиданное увольненіе. Умирая на рукахъ одного изъ любимѣйшихъ своихъ адъютантовъ Константина Владиміровича Чевкина, Дибичъ открылъ глаза, и, дѣлая на постелѣ движеніе, какъ будто куда-то удаляется, громко крикнулъ: „вотъ вамъ и моя отставка!" Съ этими словами не стало Забалканскаго. По поводу смерти Дибича Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину; „полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1-е, или отъ холеры, 2-е, или отъ отравленія въ ядѣ, 3-е или отъ отравленія своевольнаго, или, 4-е, отъ удара". Въ другомъ письмѣ, тоже изъ Витебска, отъ 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ сообщалъ, что смерть фельдмаршала занимаетъ всѣхъ, что каждый изыскиваетъ ея причины, отвергая настоящую, т. е. холеру. При этомъ цесаревичъ разсуждалъ о скоротечности человѣческой жизни, не предчувствуя, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы....

XXVII.

На основаніи книги Лакруа, мы упомянули о намѣреніи императора Николая Павловича предоставить цесаревичу командованіе отдѣльнымъ резервнымъ корпусомъ и объ отказѣ, послѣдовавшемъ на это предложеніе съ его стороны. Между тѣмъ переписка его съ Опочининымъ наводитъ на другія мысли, а именно на то, что цесаревичу, не смотря на его желаніе командовать какою либо частью самостоятельно, не предоставлялось такое право. По поводу такого положенія онъ въ письмахъ своихъ къ Опочинину выражалъ безусловное новиновеніе волѣ государя, „которая—по его словамъ—для него была, есть и будетъ святая"; въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „хотя мое положеніе вовсе незавидно многимъ покажется, но я преступникомъ противу высочайшей воли никогда надѣюсь не быть; блеску нѣтъ, а совѣсть чиста, а потомъ—какъ государю угодно"; нѣсколько позднѣе онъ писалъ: „мнѣ нечего другаго дѣлать какъ однимъ терпѣніемъ и повиновеніемъ противоборствовать", а въ послѣдствіи выражался такъ: „не угодилъ въ арміи, повелѣно скитаться по бѣлу свѣту, скитаюсь и исполняю".

Положеніе Константина Павловича при арміи было очень тяжело. ъ маю 1831 года было уже нѣсколько успѣховъ, пріобрѣтенныхъ ибичемъ надъ поляками, Литва волновалась уже не такъ бурно, акъ прежде, резервная армія была усилена. Но въ началѣ мая дѣла ь той мѣстности, гдѣ находился великій князь, приняли другой, не овсѣмъ благопріятный для насъ оборотъ.

Непріятель успѣлъ прорваться черезъ нашу границу и двумя трядами подвигался на Вильну и Жмудь. Однимъ изъ этихъ отряовъ командовалъ польскій генералъ Гелгудъ, а другимъ—шуринъ веикаго князя, тоже революціонно-польскій генералъ, Хлаповскій. Поіки заняли Брянскъ и Бѣльскъ и были уже въ 39-ти верстахъ отъ ѣлостока, гдѣ тогда находился цесаревичъ. При извѣстіи объ этомъ, ъ выѣхалъ 9-го мая, въ 2 часа по полудни, изъ Бѣлостока подъ оикрытіемъ жандармовъ и черкесовъ, и спустя четыре дня пріѣхалъ ь Слонимъ. Сюда, 14-го мая, пріѣзжалъ къ нему генералъ-адъютантъ афъ А. Ѳ. Орловъ, проѣздомъ въ главную армію. Тревога, принуившая цесаревича покинуть Бѣлостокъ, была однако напрасна, такъ акъ 11-го мая поляки отступили отъ этого города и черезъ мѣечко Орлы обратились въ Бѣловѣжскую пущу, въ числѣ двухъ баліоновъ и четырехъ эскадроновъ. Отрядъ этотъ состоялъ подъ началььвомъ Хлаповскаго и шелъ на соединеніе съ повстанцами, укрывшимися ь дебряхъ Бѣловѣжской пущи подъ предводительствомъ Урсина Нѣмевича. Тогда въ русской арміи возникло опасеніе, что Хлаповскій, силившись присоединившимися къ нему отрядами, займетъ Пружаны отрѣжетъ великаго князя отъ Бреста-Литовскаго, гдѣ были въ то ремя сосредоточены значительныя русскія силы. Разсказывали, что, правляясь въ этотъ походъ, Хлаповскій обѣщалъ сейму доставить ь Варшаву Константина Павловича въ видѣ заложника.

При нашествіи Хлаповскаго на Бѣлостокъ, великій князь, нахоісь—по его выраженію—„безъ команды и безъ патрона", намѣреился отступить къ Несвижу, что̀ было ему крайне прискорбно. Хлаовскій между тѣмъ усилился, присоединивъ множество разнаго рода юдей къ своему отряду, состоявшему первоначально изъ однаго уланкаго полка, четырехъ орудій конной артиллеріи, шестисотъ человѣкъ ѣхоты, и охотниковъ отъ всѣхъ полковъ. Толпы шляхты валили къ ему, а въ Кейданахъ Гавріилъ Огинскій привелъ разомъ къ нему 200 человѣкъ. Хлаповскій хотѣлъ стать во главѣ народнаго движеія въ Литвѣ и образовать такъ называемую „рухавку", т. е. народное ополченіе. Хлаповскій съ собравшимися около него силами направился резъ Свислочь на Вильну и такое движеніе заставило великаго князя окинуть Слонимъ и—какъ онъ выразился—„притащиться" въ Минскъ.

Ходили однако слухи, что Хлаповскій не только не думалъ угрожать великому князю, но даже, напротивъ, желалъ спасти цесаревича отъ опасности, угрожавшей ему со стороны отряда, бывшаго подъ начальствомъ Гелгуда. Съ такою собственно цѣлью онъ, какъ разсказывали, опередилъ отрядъ Гелгуда, который, собразивъ, что позади его останется Хлаповскій, и, слѣдовательно, тылъ его будетъ прикрытъ, поспѣшилъ. оставивъ въ покоѣ цесаревича, идти форсированнымъ маршемъ на Вильну, но въ окрестностяхъ этого города, на Понарскихъ высотахъ, былъ разбитъ генераломъ Курутою, начальникомъ штаба цесаревича.

Въ подтвержденіе доброжелательныхъ отношеній Хлаповскаго къ великому князю указываютъ на то, что Хлаповскій, которому, по образу его дѣйствій, нельзя было отказать въ быстротѣ, смѣлости и рѣшительности, приблизившись къ Бѣлостоку съ отрядомъ, превосходившимъ слишкомъ въ три раза отрядъ, бывшій подъ начальствомъ великаго князя, не сдѣлалъ на него нападенія, но отступилъ отъ Бѣлостока добровольно. Затѣмъ, когда великій князь перебрался въ Слонимъ, Хлаповскій хотя и явился въ виду этого города, но тоже не сдѣлалъ никакой попытки противъ своего деверя. Разсказываютъ также, что приближаясь сперва къ Бѣлостоку, а потомъ къ Слониму, онъ посылалъ къ великому князю офицера съ увѣдомленіемъ, что онъ, Хлаповскій, долженъ будетъ взять въ плѣнъ его высочество, и, сообщивъ ему чрезъ своего посланца о превосходствѣ своихъ силъ, приглашалъ цесаревича уходить далѣе. Приглашеніе такого рода, сдѣланное въ бытность великаго князя въ Слонимѣ, оказалось однако излишнимъ, такъ какъ туда пришелъ къ нему на помощь четырехтысячный отрядъ присланный Курутою изъ-подъ Вильны послѣ отраженія Гелгуда и тогда Хлаповскій, видя, что съ такимъ подкрѣпленіемъ великій князь и его супруга вполнѣ обезпечены отъ нападеній мятежническихъ отрядовъ, отступилъ отъ Слонима, такъ что, въ сущности онъ не только не угрожалъ цесаревичу, но, напротивъ, какъ бы прикрывалъ его отъ нападенія со стороны Гелгуда, который, если бы не полагался на Хлаповскаго, легко могъ разбить незначительныя силы великаго князя, а самого его захватить въ плѣнъ.

Въ перепискѣ цесаревича съ Опочининымъ встрѣчается, между прочимъ, о нападеніи Хлаповскаго слѣдующее извѣстіе. Цесаревичъ пишетъ, что Хлаповскому попался офицеръ, посланный имъ, великимъ княземъ, въ Бѣлостокъ. Съ этимъ посланцемъ Хлаповскій обошелся вѣжливо и отправилъ его съ письмомъ къ своей невѣсткѣ. Ему попались также въ руки и русскіе чиновники, посланные изъ

Гродно для разрушенія мостовъ, но и ихъ онъ отпустилъ на свободу, обойдясь съ ними чрезвычайно предупредительно.

Въ Слонимѣ Константину Павловичу начала впрочемъ угрожать новая опасность—тамъ появилась. холера Страшась за свою супругу, да и за самого себя, онъ поспѣшилъ выйти изъ этого города 16-го мая и, начавъ отступать по бѣлорусскому тракту, 21-го мая онъ пріѣхалъ въ Минскъ и оттуда 23-го мая дневками отправился къ Витебску. 27-го мая (8-го іюня), онъ прибылъ въ мѣстечко Молочинъ. Переѣздъ этотъ былъ чрезвычайно труденъ, больная княгиня ѣхала въ каретѣ на своихъ лошадяхъ, дѣлая по двѣ станціи въ день, такъ какъ почты были въ такомъ безпорядкѣ, что невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей. Княгиня Ловичъ была чрезвычайно слаба, но—какъ писалъ великій князь Опочинину—„переносила путешествіе, труды, скуку и весь нашъ событъ съ величайшимъ терпѣніемъ и, кажется,—добавлялъ цесаревичъ,—здоровье ея начинаетъ поправляться". Самъ великій князь ѣхалъ постоянно верхомъ, „для испытанія—по словамъ его—всего, даже должности фурштатскаго офицера". Настроеніе его было по прежнему чрезвычайно мрачно. Въ одномъ письмѣ къ Опочинину онъ писалъ: „я скучаю и грустенъ до крайности", а въ другомъ, отправленномъ изъ Молочина: „физически и морально я усталъ до крайности. и терпѣнія надо много, чтобъ переносить все со мною сбывающееся".

Цесаревича не могло не разстраивать, какъ его бѣдственное положеніе, такъ и слухи, распускаемые его недоброжелателями. Онъ сильно скорбѣлъ, когда до него дошла молва, что неудачу военныхъ дѣйствій сваливали на измѣну Литовскаго корпуса, „дабы,—замѣчалъ цесаревичъ,—отдалить нашихъ отъ арміи. Но ежели бы это,—продолжаетъ онъ,—и была правда, то куда умно и разсудительно отправить гвардію въ партизаны противъ своихъ братьевъ и отцовъ ея". Здѣсь подъ гвардіею великій князь разумѣлъ тѣ гвардейскіе полки Литовскаго корпуса, которые почти исключительно были составлены изъ уроженцевъ западнаго края. Вообще надобно предположить, что направленная противъ великаго князя злобная молва сильно возмущала его, а она, между тѣмъ, шла широко и громко, особенно вслѣдствіе того, что одновременно исходила изъ двухъ противоположныхъ источниковъ. Поляки, не смотря на расположеніе, оказываемое имъ Константиномъ Павловичемъ, были однако недовольны имъ во время его управленія Царствомъ и негодовали на него за то, что онъ отвергъ и польскую корону, и предложеніе революціоннаго правительства стать въ главѣ польскаго войска, тогда какъ исполненіе этихъ предложеній повлекло бы для Россіи безвыходныя затрудненія. Русскіе, съ своей

стороны, винили его въ слабости и снисхожденіи къ полякамъ и въ потворствѣ (!?), оказываемомъ мятежникамъ, противъ которыхъ у насъ, при появленіи холеры, начало проявляться общее озлобленіе. Цесаревичъ понималъ всю затруднительность своего положенія, онъ видѣлъ направляемыя противъ него „интриги и интриги", но „надѣялся, что ему будетъ дозволено сказать слово", замѣчая при этомъ, что „имѣетъ въ рукахъ документы для оправданія себя въ общемъ мнѣніи". „Отъ скуки,—писалъ онъ въ это время Опочинину,—ѣхалъ верхомъ, чтобъ устать, послѣ чего сплю спокойно, чему помогаетъ и чистая совѣсть". Онъ чувствовалъ себя совершенно изнуреннымъ и просилъ Опочинина, чтобъ онъ не забывалъ своего стараго друга, „который, по видимому, ни на что уже не годенъ какъ скитаться по бѣлу свѣту". Въ эту пору онъ былъ до такой степени въ сторонѣ отъ общаго хода дѣлъ, что даже о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ дѣйствующею арміею узналъ не офиціальнымъ путемъ, но только изъ письма Опочинина.

Е. П. Карновичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

VII [1]).

Послѣ передачи корреспонденціи на почту, пришелъ ко мнѣ ꙋбдурахманъ.

— Представленіе по вашему дѣлу уже отправлено,—сказалъ ему.

— Чтò же вы написали обо мнѣ? спросилъ онъ пасмурно.

— Я написалъ о твоихъ трехъ желаніяхъ: ѣхать въ Дагетанъ, если нельзя туда—то въ Тифлисъ, или остаться въ Калугѣ, и наконецъ сообщилъ, что въ Россіи ты служить не хочешь.

— Я не просился ѣхать въ Дагестанъ,—отозвался нагло Абдуахманъ, вспомнившій, вѣроятно, что я наканунѣ совѣтовалъ ему е настаивать такъ упорно о выѣздѣ туда, и сообразившій, что го настаиваніе можетъ навлечь на него подозрѣніе.

— Полюбуйтесь изворотливостью этого человѣка! сказалъ я, ставая съ кресла, и обращаясь къ переводчику Турминскому. динъ только Абдурагимъ стоитъ на своемъ словѣ, и не отказывается отъ своихъ желаній!...

— Я точно просился на родину (какъ будто-бы проситься му на родину и въ Дагестанъ—не все равно),—отозвался блѣдый, блудливый какъ кошка и трусливый какъ заяцъ потомокъ ророка,—отпустили же туда Гаджіова-Каратинскаго, Таушь-Ма-

---

[1]) Первыя четыре главы напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., омъ XX, стр. 253—276; 471—506. Тамъ же смотр. гравирован. портретъ Шамиля, томъ XVIII. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 41—64.

гомета и другихъ, отчего же не отпустить меня? Я вовсе не плѣнный, но прибылъ добровольно въ Калугу. Имамъ самъ говорилъ мнѣ вчера, что мнѣ уже лучше проситься на родину, или въ Мекку къ отцу.....

— Такому «мюриду», какъ ты, не годится жить въ Дагестанѣ между «мунафиками»,—сказалъ я. Они живутъ по адату, а ты, пожалуй, будешь продолжать жить по шаріату и ни за что не снимешь съ лица жены покрывала.

— Конечно, жена моя будетъ подъ покрываломъ, но я ей прикажу сидѣть постоянно дома, не показываться на улицѣ. Я, пожалуй, и самъ буду дѣлать намазы только внутри своего дома,—отвѣчалъ онъ.

— Намазовъ — фарсъ-намазовъ, установленныхъ кораномъ, никто не запрещаетъ вамъ дѣлать,—сказалъ я, пожавъ плечами,—но кто соблюдаетъ вводныя правила «суннета», тотъ уже фанатикъ, а фанатикъ въ Дагестанѣ—вредное зелье!... Примѣры заразительны: явись въ Кази-Кумухъ твоя жена — жена сына извѣстнаго, проповѣдывавшаго «тарикатъ» ефендія, потомка пророка, дочь имама Чечни и Дагестана, съ покрываломъ на лицѣ, и тотчасъ найдутся дуры, которыя послѣдуютъ ея примѣру! Нѣтъ, любезный другъ, повѣрь мнѣ, что твоей благовѣрной супругѣ съ мюридскимъ покрываломъ не будетъ ловко тамъ, гдѣ всѣ женщины или не знали, или съ радостью бросили украшеніе, установленное вашимъ ревнивымъ пророкомъ — твоимъ предкомъ!... Впрочемъ, что̀ толковать!... Поѣдешь-ли ты на Кавказъ, въ Петербургъ, или въ другое мѣсто—я не знаю, на это есть воля правительства,—заключилъ я.

— Но я въ Россіи служить не хочу, — отозвался Абдурахманъ, — и лучше уже останусь въ Калугѣ. Спрошу имама, что̀ онъ скажетъ?

— Имамъ десять разъ говорилъ при тебѣ же, что васъ нужно выслать куда бы то ни было изъ дома,—замѣтилъ я.

— Я этого не слышалъ,—нагло солгалъ Абдурахманъ,—и потому пойду спросить имама. Если онъ дѣйствительно не желаетъ, чтобы я жилъ при немъ, то пусть самъ напишетъ письмо къ визирю объ отправленіи меня на родину...

— Теперь уже поздно, представленіе мое въ дорогѣ! Совѣтую тебѣ смирно ожидать рѣшенія и напрасно не безпокоить

старика, который по вашему дѣлу не хочетъ взять пера въ руки,— сказалъ я Абдурахману.

— «Тамаша!» (удивительно!),—отозвался онъ съ желчью.—Вы всѣ притѣсняете меня; я очень хорошо вижу, что и вы противу меня и, конечно, напишете обо мнѣ что̀ захотите!...

— Я напишу истину! это мой долгъ—долгъ каждаго честно служащаго!—отвѣчалъ я.—Третьяго дня Кази-Магометъ сказалъ же при тебѣ, что я держу вашу сторону, а теперь ты говоришь, что я держу сторону твоихъ противниковъ? Если ужъ вы можете быть недовольны мною, то именно за то, что я, съѣвъ съ подобными вамъ горцами четверикъ соли, раскусилъ васъ, и не позволяю надувать себя!...

Послѣ ухода Абдурахмана, спустя полчаса, пришелъ ко мнѣ Кази-Магометъ.

— Представленіе объ Абдурахманѣ ты отправилъ уже, или нѣтъ?—спросилъ онъ между прочимъ.

— Отправилъ, — отвѣчалъ я.

— Ради Бога, избавь насъ отъ этого человѣка, потому что мы можемъ нажить «балахъ» (т. е. срамъ) на свою голову!... Абдурагимъ еще будетъ человѣкомъ, у него хорошій характеръ, но съ того никогда никакого толку не будетъ!...

Провожая Кази-Магомета, переводчикъ Мустафа шепнулъ мнѣ:

— Кази-Магометъ говоритъ, что онъ душевно былъ бы радъ, если бы вы постарались, чтобы Абдурахманъ былъ зачисленъ въ полкъ рядовымъ, но не юнкеромъ!...

Вотъ это примѣрное родственное желаніе въ азіатскомъ вкусѣ человѣка, исповѣдующаго религію Божію... [1]).

Принимаю на себя трудъ познакомить читателей съ порядкомъ исполненія мусульманами намазовъ: передъ совершеніемъ каждаго намаза, молящійся долженъ обмыть лицо, руки, ноги, и такъ далѣе; впрочемъ, однажды исполнивъ это омовеніе, онъ можетъ сохранить «достомазъ», т. е. чистоту для будущихъ молитвъ, избѣгая прикосновенія женщинъ и нечистыхъ животныхъ, то-есть: свиньи и собаки. Платье молящагося равномѣрно должно сохранить чистоту: облитое виномъ, оскверненное вышепоясненнымъ прикосновеніемъ, вымывается семь разъ. Во время молитвы подъ ноги кладется коверъ, называемый «намазлыкъ». Въ дорогѣ, въ случаѣ неимѣнія воды, совершается «теемумъ»—примѣрный намазъ, безъ воды.

Просчитаемъ послѣдовательно всѣ намазы и при нихъ земные поклоны «ракаятъ». Суннетъ-намазы отстаиваютъ только мусульмане-фанатики.

---

[1]) Религія Божья—есть исламъ. Гл. III-й стихъ 17-й корана.

1. Фарсъ-намазы:

(обязательные для всѣхъ мусульманъ по корану).

	Число намазовъ.	Число поклоновъ.
1) **Сабахъ-намазъ**,—утренній, передъ разсвѣтомъ	1	2
2) **Тушь-намазъ**,—въ полдень	1	4
3) **Экимджи-намазъ**,—послѣ полудня	1	4
4) **Ахшамъ-намазъ**,—при закатѣ солнца	1	3
5) **Яссы-намазъ**,—въ глубокія сумерки	1	4
Итого обязательныхъ. .	5	17

2. Суннетъ-намазы:

(необязательные: исполняющій дѣлаетъ богоугодное дѣло, «Зуабъ», а неисполняющій не грѣшитъ передъ своею религіею).

1) **Ишрахъ-намазъ**,—передъ зарею	1	4
2) **Зуха-намазъ**,—между разсвѣтомъ и полднемъ.	6	12
3) **Суннетъ-намазы**, или **Ратибатъ**. — передъ полднемъ.	2	4
— послѣ полудня.	2	4
— передъ **Сабахъ-намазомъ**. . . .	1	2
— передъ **Экимджи**	2	4
— послѣ **Ахшамъ**	1	2
— передъ **Яссы**.	2	4
4) **Авабинъ-намазъ**,—между **Ахшамъ** и **Яссы**.	3	6
5) **Витру-намазъ**,—передъ сномъ . . . . (Можно дѣлать 1, 3, 5 и т. д. несчетное число).	$5\frac{1}{2}$	11
6) **Тагаджютъ-намазъ**,—въ полночь.	3	6
7) **Тахіятъ-намазъ**,—при первомъ входѣ въ мечеть . . .	1	2
Итого необязательныхъ. .	$29\frac{1}{2}$	61
А всего въ сутки	$34\frac{1}{2}$	78

3. Годовые намазы:

(обязательные).

1) **Джумма-намазъ**,—по пятницамъ.	1	2
2) **Ыдъ-намазъ** или **Рамазанъ-байрамъ-намазъ**,—послѣ окончанія поста	1	2
3) **Ыдъ-намазъ**, или **Курбанъ-байрамъ-намазъ**, — въ праздникъ жертвоприношенія.	1	2

(случайные).

4) Салатуль-кусубъ-шамсъ-намазъ,—при затмѣніи солнца.	1	2
5) Салатуль-хусупуль-камаръ-намазъ, — при затмѣніи луны	1	2
6) Таварихъ,—въ мѣсяцѣ Рамазанѣ, во время «Уразы» или поста, послѣ Яссы и передъ Витру-намазами. . . (можно дѣлать 4, можно и 8 поклоновъ).	10	20
Итого	15	30

Если положить для каждаго намаза съ омовеніемъ полчаса, то для 34-хъ ъ сутки потребуется 17 часовъ и только 7 часовъ останется для ѣды, сна и угихъ житейскихъ процедуръ.

Намазъ состоитъ изъ чтенія двухъ молитвъ, называемыхъ: «Альхамъ» «Атахъ-ятуль»,—первой, стоя на ногахъ, второй—на колѣняхъ послѣ поюновъ. Усердные мусульмане передъ «Альхамомъ» читаютъ молитву: Ваджахту», которая необязательна, но богоугодна.

Первая: Альхамъ.

(Первая глава корана).

«Во имя Всевышняго Бога!
«Хвала будь Богу, Господу всѣхъ тварей,
«Царю въ день судный, дѣлающему добро на землѣ всѣмъ и на томъ свѣтѣ воздающему достойное по заслугамъ каждаго.
«Тебѣ мы служимъ, отъ Тебя помощи просимъ;
«Настави насъ на путь истинный—
«На путь благоугодный передъ Тобою,
«Отклони отъ насъ путь, навлекающій на насъ гнѣвъ Твой! Аминь».

Вторая: Атахъ-ятуль.

(Молитва эта есть цитированіе разговора, который будто бы пророкъ Мамеtъ велъ съ Богомъ, въ бытность на седьмомъ небѣ у престола Всевышго Творца):

Магометъ: Почетъ, благодать, богочестіе, благополучіе Богу!

Богъ: Привѣтствую! это пророкъ, благодать тебѣ и почетъ!

Магометъ: Привѣтъ намъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ!

Ангелы: Заявляемъ, что нѣтъ Бога — кромѣ Бога, еще заявляемъ, что агометъ его посолъ!

Прибавленіе молящагося: Просимъ Бога милости для Магомета его потомства!

Окончивъ молитву, молившійся поворачиваетъ голову къ правому и лѣму плечу и говоритъ сидящимъ тамъ ангеламъ, записывающимъ всѣ его ла въ книги добра и зла, которыя будутъ заявлены на страшномъ судѣ ыйметъ-гюнь).

«А салямъ алѣйкюмъ ва рахматулла!
«Привѣтъ и благодать вамъ Божья!»

Арабскіе богословы толкуютъ первую главу корана, называемую: «Предувѣдомленіе», такъ:

Предувѣдомленіе — на арабскомъ языкѣ: «Фатнхатъ». Глава эта есть молитва наиболѣе почитаемая у магометанъ, которые даютъ ей многія другія названія. Называютъ ее главою молитвы, хвалы, благодаренія, сокровища и проч. и почитаютъ ее самою сущностью всего корана. Читаютъ ее какъ въ собраніяхъ, такъ и наединѣ, точно какъ христіане молитву Господню.

«Господу всѣхъ тварей»—въ арабскомъ: «Раббиль-Алла-мина» дословно значить: «Господь міровъ», но Алла-мина, въ этой главѣ корана и въ другихъ, собственно означаетъ разумныхъ тварей, какъ-то: людей, духовъ и ангеловъ.

«Настави насъ на путь истинный»—подразумѣвается просьба о томъ, чтобы Богъ молящихся обратилъ въ магометанскую вѣру, которая въ коранѣ часто называется путемъ истиннымъ. Въ 1-й главѣ—исключительно значитъ путь тѣхъ, къ которымъ Богъ былъ благъ, то-есть путь пророковъ и вѣрныхъ, которые предшествовали Магомету, включительно съ христіанами и евреями. Такъ вообще толкуютъ 1-ю главу, хотя Замашхари и нѣкоторые другіе толкователи, прилагая къ тексту отрицательныя частицы разными образами, относятъ все къ правовѣрнымъ; — при такой процедурѣ рождается смыслъ: «путь тѣхъ, къ которымъ Ты былъ благъ, на которыхъ не прогнѣвался, и которые не заблудились».

Обыкновенно такъ было заведено, что мѣстный губернаторъ, желая частно или по дѣламъ посѣтить Шамиля, давалъ о томъ предварительно знать приставу при военно-плѣнныхъ для того, чтобы онъ, предваривъ Шамиля о посѣщеніи, могъ самъ встрѣтить почетнаго посѣтителя, или послать къ нему переводчика.

14-го декабря 1863 года, въ 3 часа по полудни, вовсе неожиданно пріѣхалъ къ Шамилю губернаторъ, г. Лерхе, удалилъ изъ залы переводчика, и около часа велъ съ Шамилемъ и его сыномъ Кази-Магометомъ секретные переговоры. Такое небывалое, тайное отъ пристава и переводчика, посѣщеніе, взволновало умы всей семьи имама, заставляя ихъ теряться въ догадкахъ - въ чемъ именно состоялъ «хальфетъ» (секретъ). Одни говорили, что губернаторъ спрашивалъ имама: доволенъ-ли онъ мною, другіе— доволенъ-ли переводчикомъ, третьи, что рѣчь шла о взятіи на службу зятьевъ имама, и такъ далѣе.

— Какъ же губернаторъ могъ разговориться безъ переводчика?—спросилъ я Мустафу.

— Вѣроятно, Кази-Магометъ занялъ мѣсто переводчика, — отвѣчалъ съ улыбкою спрошенный.

— Много же они другъ друга понимали! — замѣтилъ я, засмѣявшись,—да и можно-ли полагаться на показаніе людей, ко-

торые едва-едва понимаютъ, и говорятъ лишь по русски: моя — твоя!... Человѣку, незнающему ни языка, ни изворотливости въ отвѣтахъ, трудно вести секретные переговоры съ мусульманами!...

— Послѣ отъѣзда губернатора, Кази-Магометъ сказалъ мнѣ,— отозвался переводчикъ,—что отъ губернаторскихъ секретовъ ни «хейръ», ни «зереръ іохтуръ!» то-есть: нѣтъ ни пользы, ни вреда!... больше я ничего узнать не могъ.

— Прошу васъ ничего не разспрашивать,—приказалъ я переводчику;—черезъ нѣсколько дней я буду знать, зачѣмъ пріѣзжалъ губернаторъ. Горцы не мастера сохранять секреты, хотя пророкъ и завѣщалъ имъ быть воздержными на языкъ!...

Дѣйствительно, черезъ два дня я уже зналъ о цѣли посѣщенія губернатора. Онъ разспрашивалъ Шамиля: сколько именно онъ отпускаетъ сыну, корнету Магомету-Шафи, денежнаго въ годъ содержанія и доволенъ-ли тѣмъ, что Шафи состоитъ на службѣ? Свѣдѣнія эти я могъ бы доставить его превосходительству и безъ всякихъ секретовъ, которые лишь встревожили семейство военноплѣннаго, возбуждая подозрѣніе, что корнетъ Шафи, вѣроятно, жаловался на отца военному министру.

Съ трудомъ я могъ убѣдить подозрительныхъ поклонниковъ Магомета, что Магометъ-Шафи не способенъ на такой поступокъ.

До сихъ поръ не могу понять, почему и на какомъ основаніи г. Лерхе старался вмѣшиваться въ дѣла Шамиля, тогда какъ ни я, ни военно-плѣнные не были ему подчинены, и другіе губернаторы не заявляли ничѣмъ подобнаго притязанія.

По дѣлу зятьевъ Шамиля я получилъ отъ начальника управленія иррегулярныхъ войскъ слѣдующее конфиденціальное сообщеніе:

«Вполнѣ соглашаюсь съ вами, что, при томъ положеніи, до котораго дошла ссора въ семействѣ Шамиля, скорое отдѣленіе обоихъ зятей отъ семейства тестя сдѣлалось настоятельною необходимостью. Такъ какъ Абдурагимъ самъ пожелалъ поступить на службу и соглашается служить въ какомъ-либо кавалерійскомъ полку, находящемся внутри Россіи, то съ этой стороны представляется затрудненіе только въ желаніи его — взять съ собою жену

свою. Но я полагаю, что если ему объяснить всѣ неудобства этого предположенія и обѣщать, что будутъ его отпускать въ Калугу для свиданія съ женою, то онъ и самъ отступится отъ своего намѣренія, по крайней мѣрѣ, на первое время, пока онъ не освоится съ новою для него жизнію военнослужащаго. Для окончательнаго рѣшенія этого дѣла, я прошу васъ сообщить мнѣ, въ какой именно изъ кавалерійскихъ полковъ пожелалъ бы Абдурагимъ поступить на службу, нужно-ли ему назначить какое-либо содержаніе отъ казны, или Шамиль удѣлитъ ему часть изъ своего содержанія, и согласенъ-ли Абдурагимъ, хотя на первое время, отправиться въ полкъ безъ жены? Можно объявить ему, что ему будетъ дозволено носить на службѣ азіатскую одежду и вооруженіе, если онъ самъ не пожелаетъ обмундироваться по формѣ полка, въ который поступитъ.

«Что же касается до Абдурахмана, то желаніе его служить только въ Дагестанѣ, или въ г. Тифлисѣ, не можетъ быть исполнено, такъ какъ кавказское начальство не соглашается на возвращеніе на Кавказъ ни одного изъ зятьевъ Шамиля. Затѣмъ, для отвращенія печальныхъ послѣдствій, могущихъ произойти изъ взаимной ненависти между Кази-Магомою и Абдурахманомъ, можетъ быть, понадобится удалить послѣдняго изъ Калуги на постоянное жительство подъ надзоръ полиціи въ одинъ изъ ближайшихъ къ Калугѣ городовъ, дозволивъ ему взять съ собою и жену его, если она сама пожелаетъ за нимъ послѣдовать и если Шамиль не приметъ за чувствительное и тяжкое оскорбленіе для себя удаленіе отъ него дочери. Отправленію Абдурахмана изъ Калуги можно дать видъ или наказанія за неуваженіе главы семейства и за смуты, производимыя въ его домѣ, или снисхожденія къ собственной его просьбѣ—отдѣлить его отъ семейства его тестя. Изъ этихъ двухъ способовъ надобно предпочесть послѣдній, но если по несговорчивости Абдурахмана или по другимъ уважительнымъ причинамъ, способъ этотъ окажется неудобоисполнимымъ, то придется по необходимости прибѣжать и къ первому. Здѣсь опять встрѣчается вопросъ о содержаніи: согласится ли Шамиль назначить ему содержаніе отъ себя, или надобно ему опредѣлить особое отъ казны и, въ послѣднемъ случаѣ, въ какомъ размѣрѣ? Прошу васъ увѣдомить меня объ этомъ, а также и о томъ не нужно ли будетъ, въ случаѣ удаленія Абдурахмана въ другой городъ назначить для надзора за нимъ особое лицо, и какое потребуется тогда назначить ему содержаніе?

«Я не упомянулъ еще объ одномъ способѣ, на который указалъ самъ Абдурахманъ: оставить его въ Калугѣ, но перевести въ другой домъ. Если можно положиться, что Абдурахманъ, живя въ одномъ городѣ съ своимъ тестемъ и старшимъ сыномъ его, будетъ самъ избѣгать всякихъ случаевъ къ опаснымъ столкновеніямъ съ послѣдними, и не подвергнется и съ ихъ стороны преслѣдованіямъ, то, конечно, этотъ способъ былъ бы самымъ лучшимъ для

водворенія спокойствія въ семействѣ Шамиля и избавилъ бы насъ отъ многихъ лишнихъ хлопотъ; но и въ этомъ случаѣ нужно также озаботиться о одержаніи Абдурахмана, то-есть: въ случаѣ, если Шамиль не приметъ его одержанія на свое попеченіе, опредѣлить какое необходимо ему содержаніе тъ казны, а также, при принятіи Шамилемъ всѣхъ издержекъ на себя, не ужно ли будетъ отнести на счетъ казны наемъ квартиры для Абдурахмана, акъ какъ и для самого Шамиля квартира нанимается независимо отъ выдаваемаго ему содержанія. Вообще, прошу васъ написать полное соображеніе денежныхъ издержкахъ отъ казны на содержаніе обоихъ зятьевъ Шамиля верхъ того, что согласится удѣлить имъ тесть на содержаніе, если только нъ согласится.

«Если я что нибудь упустилъ изъ вида въ этихъ соображеніяхъ, то прошу пополнить ихъ вашими замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отъ васъ овѣта, можно было, не теряя времени на переписку, сдѣлать окончательныя распоряженія. При этомъ, кстати, я желалъ бы получить отъ васъ свѣдѣе, въ какомъ положеніи находятся денежныя дѣла Шамиля, и какъ онъ едетъ свое хозяйство».

Послѣ новыхъ совѣтовъ, переговоровъ, увѣщеваній, секреовъ и увертокъ, ни къ чему ровно меня не приведшихъ, я отѣчалъ генералу Карлгофу письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Начиная съ матеріальной стороны этого дѣла, я долженъ сказать, что денежное участіе въ немъ Шамиля расчитывать нечего! Прилагаемыя при имъ выдержки изъ моего «Частнаго дневника» послужатъ тому ручательвомъ, объяснятъ вамъ денежное положеніе дѣлъ Шамиля и методу его хойственныхъ соображеній.

«Въ отношеніи опредѣленія на службу Абдурагима, всѣ почти затрудненя устранены: онъ желаетъ быть зачисленнымъ юнкеромъ въ лейбъ-гвари гусарскій полкъ, или, въ случаѣ невозможности исполнить это желаніе, одинъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, вблизи С.-Петербурга и Калуги расположенныхъ. Жена его, Фатимать, на первое время остатся при семействѣ Шамиля. Назначеніе Абдурагиму отъ казны содержая, до производства въ офицеры, по 240 руб. сер. въ годъ я считаю сьма достаточнымъ. Право ношенія на службѣ азіатскаго костюма и воуженія должно быть Абдурагиму предоставлено, хотя вѣроятнѣе всего, онъ мъ въ послѣдствіи пожелаетъ надѣть полковую форму.

«Причина увеличенія Шамилю первоначально отпускаемаго содержанія мнѣ извѣстна, но если прибавка 5 тысячъ руб. въ годъ состоялась вслѣдствіе рибытія къ нему изъ Дагестана зятей Абдурахмана и Абдурагима, то, по оему мнѣнію, выбытіе тѣхъ же зятей не должно бы вводить правительство лишніе расходы и необходимая на ихъ отдѣльное содержаніе сумма, по

всей справедливости, могла бы быть отнесена на счетъ получаемыхъ Шами-
лемъ 15 тысячъ руб. въ годъ; между тѣмъ, я обязанъ доложить вамъ, что малѣй-
шее ограниченіе денежнаго содержанія будетъ для Шамиля весьма непріятно.

«Затѣмъ, мнѣ остается просить васъ ускорить рѣшеніемъ опредѣленія н
службу Абдурагима, послѣ чего легче будетъ покончить дѣло его старшаг
брата Абдурахмана, выказывающаго упорную несговорчивость. Высылка Абду
рагима по назначенію не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и онъ, по полу
ченіи подорожной и прогоновъ, можетъ совершить переѣздъ безъ провожа
таго, что будетъ экономнѣе.

«Вслѣдствіе странныхъ притязаній, устройство положенія Абдурахман
болѣе затруднительно: онъ, какъ бы не понимая объявленнаго ему мно
отказа, сперва упорно настаивалъ на выѣздѣ съ женою на родину, а по
томъ рѣшился на перемѣщеніе изъ дома Шамиля на особую, по отводу от
казны квартиру, съ отпускомъ ему отъ казны же на содержаніе семейства
состоящаго изъ трехъ душъ, по 1,500 р. въ годъ, съ выдачею единовре
менно на покупку лошадей, экипажа и обзаведеніе хозяйствомъ 500 р.,
тому подобное.

«Столь странное домогательство Абдурахмана не заслуживаетъ ни малѣй
шаго вниманія, но какъ отдѣленіе его отъ семейства Шамиля сдѣлалось не
стоятельною необходимостью, то я, основываясь на заявленномъ мнѣ Кази
Магометомъ желаніи, въ отстраненіе опасныхъ столкновеній, полагаю луч
шимъ по крайней мѣрѣ на годъ, перевести Абдурахмана изъ Калуги въ дру
гой городъ, подчинить его надзору мѣстной полиціи, отвести квартиру с
отопленіемъ, и отпускать отъ казны содержанія: если онъ будетъ отправлен
одинъ—240 р., а съ женою 340 р. въ годъ. Для отвоза Абдурахмана к
мѣсту новаго назначенія, можетъ быть командированъ переводчикъ Ту
минскій, или рядовой мѣстной жандармской команды.

«Разрѣшая высылку Абдурагима на службу, я прошу васъ снабдить мен
предложеніемъ, относящимся собственно до Абдурахмана, одною почто
позже. Быть можетъ, въ промежутокъ этого времени, я успѣю прими
рить Кази-Магомета съ Абдурахманомъ, и Шамиль позволитъ послѣдне
по прежнему жить въ Калугѣ, что избавитъ казну отъ совершенно лишни
расходовъ».

VIII.

Имѣя основаніе быть недовольнымъ несговорчивостью и дру
гими выходками Абдурахмана, но при всемъ томъ сознавая, ч
высылка его изъ Калуги въ качествѣ преступника была бы д
вольно крутою мѣрою—мѣрою даже отчасти несправедливою в
отношеніи человѣка, добровольно прибывшаго къ Шамилю из

Дагестана и не считавшагося ни плѣннымъ, ни ссылочнымъ, я всѣми силами сталъ хлопотать дать дѣлу такой оборотъ, который избавилъ бы правительство отъ лишнихъ издержекъ. Зная, что причиною происходившихъ въ домѣ военно-плѣннаго дрязгъ былъ не одинъ только Абдурахманъ, но вся почти семья Шамиля, я принялъ намѣреніе примирить враждующихъ, хотя, по запутанности дѣла, исполненіе этого становилось весьма труднымъ; такъ, напримѣръ:

Опредѣленіе Абдурахмана на службу въ Россіи — было невозможнымъ, по нежеланію его служить въ Россіи.

Желаніе его быть отправленнымъ на Кавказъ — не было въ видахъ правительства.

Желаніе его быть перемѣщеннымъ изъ дома имама на особую въ Калугѣ квартиру — не могло быть удовлетворено вслѣдствіе отзыва Кази-Магомета, что если Абдурахманъ останется въ Калугѣ, то онъ самъ будетъ просить о переселеніи въ другой городъ.

И, наконецъ, противу перемѣщенія въ другой городъ, Абдурахманъ поднялъ ужасный ропотъ, считая эту мѣру вопіющею несправедливостью.

Глава семейства, Шамиль, хотя держалъ себя далеко отъ дѣла, повторяя просьбу: чтобы его не вмѣшивали въ ссоры, не безпокоили ни жалобами, ни вопросами, но, по чувству фанатизма, желалъ, чтобы зятья не оставляли его дома для служенія невѣрнымъ!...

Катастрофа, о которой я намѣренъ разсказать, помогла сбить спѣсь съ потомка пророка и сдѣлать его сговорчивѣе.

Наканунѣ новаго года, временно проживавшій въ г. Калугѣ оптикъ Зальцфишъ пригласилъ къ себѣ Абдурахмана съ цѣлью провести время за билліардомъ. Игра началась съ четвертака и кончилась огромнымъ кушемъ. Не отрываясь отъ билліарда ровно цѣлыя сутки, Абдурахманъ забастовалъ только тогда, когда выигралъ отъ амфитріона 500 руб., въ число которыхъ получилъ бинокль въ 25 руб. и 25 руб. деньгами. Зальцфишъ обѣщался расчитаться съ Абдурахманомъ на слѣдующій затѣмъ день.

Пораздумавъ хорошенько, что разстаться съ 500 руб. очень непріятно, Зальцфишъ, при требованіи Абдурахманомъ уплаты достальныхъ 450 рублей, отозвался, что весь проигрышъ, состав-

лявшій 50 руб., и именно за проигранныя 500 ставокъ или партій по 5 копѣекъ, онъ заплатилъ, а потомъ, спохватившись, что 500 ставокъ по 5 коп. составляетъ только 25 руб., сталъ увѣрять, что они играли каждую партію по гривеннику. Возникла жалоба, оставленная мною безъ послѣдствій, на томъ основаніи что какъ игра истца и отвѣтчика происходила глазъ-на-глазъ безъ свидѣтелей, то показанія обоихъ были юридически бездоказательными. Не подлежало, впрочемъ, сомнѣнію, что оптикъ проигралъ Абдурахману не 50, но 500 рублей.

— Знаетъ-ли Шамиль о твоемъ выигрышѣ?—спросилъ я вторично пришедшаго ко мнѣ съ жалобою на Зальцфиша Абдурахмана.

— Знаетъ; я ему разсказывалъ объ этомъ.

— Какого же онъ мнѣнія о твоемъ дѣлѣ?

— Онъ сказалъ, что если я уже выигралъ отъ жида (яхуди) 500 руб., то и долженъ ихъ получить, потому что неполученіе денегъ будетъ со стороны невѣрнаго «яхуди» (еврея) насмѣшкою надъ правовѣрнымъ магометаниномъ!... Помоги мнѣ, — присовокупилъ Абдурахманъ, — взыскать выигрышъ, или позволь жаловаться полиціймейстеру.

— Если Зальцфишъ, по совѣсти, не расчитается съ тобою то принудить его въ уплатѣ проигрыша нельзя; поэтому я совѣтую тебѣ оставить это дѣло, и довольствоваться полученнымъ. Впрочемъ, я попробую уговорить Зальцфиша, чтобы онъ далъ тебѣ еще нѣсколько вещицъ или денегъ.

— Нѣтъ! я хочу получить всѣ деньги, я хочу, чтобы дѣло мое рѣшилось по закону, — сказалъ Абдурахманъ.

— Безъ доказательствъ, безъ свидѣтелей, ты ничего не выиграешь по закону.

— Ну, такъ разсудите насъ по «шаріату».

— И по шаріату ты проиграешь,—отвѣчалъ я, засмѣявшись,—потому что коранъ запретилъ азартныя игры!... о чемъ говорится въ 92-мъ стихѣ 5-й главы этой книги.

— При Магометѣ, мусульмане не играли въ билліардъ!—сказалъ Абдурахманъ изворачиваясь.

— За то отлично играли въ кости, — отвѣчалъ я.

Абдурахманъ замолчалъ, понявъ, что дѣло его проиграно и по шаріату.

Убѣдившись, что вмѣшательство полиціймейстера не принесло бы ему пользы, и что Зальцфишъ рѣшился положительно отказаться отъ проигрыша, Абдурахманъ составилъ планъ самостоятельнаго дѣйствія по обычаю мюридовъ Дагестана! Спустя три дня, онъ, отправившись съ братомъ къ Зальцфишу, пригласилъ его въ билліардную на мировую и, заставивъ послѣдняго съиграть партію съ гостемъ, самъ, улучивъ удобную минуту, спустился внизъ въ магазинъ. Въ присутствіи находившихся тамъ приказчиковъ, не ожидавшихъ набѣга, Абдурахманъ, въ качествѣ покупателя, открылъ ящики, выбралъ золотые часы, нѣсколько биноклей, лорнетокъ (всего на сумму до 300 рублей) и, все это завернувъ въ платокъ, не расплатясь, сталъ ретироваться къ дверямъ. Такое безцеремонное дѣйствіе показалось приказчикамъ подозрительнымъ, они подняли шумъ, и, стараясь задержать самоуправца, надѣлявшаго ихъ толчками, призвали на помощь хозяина. При крикѣ: «Шамили грабятъ! караулъ! помогите!», Абдурахманъ выскочилъ на улицу, сѣлъ въ санки и помчался въ полицію, гдѣ, какъ человѣкъ предусмотрительный, представилъ частному приставу всѣ взятыя изъ магазина вещи, позволилъ себя осмотрѣть въ доказательство, что ничего не утаилъ, и просилъ снять допросъ съ извощика, что онъ, по дорогѣ въ полицію, нигдѣ не останавливался и никуда не заѣзжалъ. Когда потребованный въ часть оптикъ объявилъ, что взятыя Абдурахманомъ вещи на лицо, то онѣ были опечатаны и оставлены въ полиціи до расправы.

Вѣсть о произведенномъ скандалѣ, преувеличенная и украшенная розсказнями, заставила меня поспѣшить на мѣсто происшествія, гдѣ я и узналъ о его подробностяхъ. Зальцфишъ, разсказывая мнѣ «о разбоѣ, грабежѣ и чуть не убійствѣ», о томъ, что его соблазнилъ, завлекъ въ игру Абдурахманъ, заключилъ свой разсказъ обѣщаніемъ написать длинную-длинную жалобу. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла не стоитъ труда разсказывать, — оно кончилось тѣмъ, что Зальцфишъ получилъ обратно вещи, и былъ очень радъ дешевой съ носящимъ кинжалъ черкесомъ раздѣлкѣ; а Абдурахманъ получилъ отъ меня порядочный выговоръ и приказаніе оставить оптика въ покоѣ, и не возобновлять требованія по-пустому. Желая по своему дѣлу попробовать счастія въ другой инстанціи, безпокойный потомокъ пророка се-

кретно отправился къ мѣстному губернатору съ просьбой о взысканіи съ Зальцфиша выигранныхъ въ билліардъ денегъ, но и тутъ успѣха не было.

— Зачѣмъ ты ѣздилъ къ губернатору?—спросилъ я его.

— Развѣ мнѣ нельзя ѣздить къ губернатору?—отвѣчалъ онъ вопросомъ.

— Если съ цѣлью жаловаться на меня, то можешь ѣздить сколько тебѣ угодно, но, по дѣламъ другаго рода, отъ меня секретовъ быть не должно! Прими къ свѣдѣнію, что за нарушеніе этого правила, за малѣйшій неприличный поступокъ, я безъ церемоній посажу тебя на гауптвахту!... Въ то время, когда я не знаю какъ покончить твои дрязги съ Кази-Магометомъ, ты еще прибавляешь къ нимъ скандалы, порочишь имя старика имама, заставляешь по городу кричать, что «Шамили грабятъ лавки!...» Теперь пеняй на себя, потому что ты будешь переведенъ изъ Калуги въ другой городъ!—заключилъ я.

Абдурахманъ совершенно сконфузился и сталъ оправдываться тѣмъ, что сдѣлать, по кавказскому выраженію, «чапкунъ» (набѣгъ) на лавку Зальцфиша присовѣтовалъ ему какой-то незнакомый, встрѣтившійся съ нимъ въ театрѣ, офицеръ.

— Такому «алиму», какимъ ты себя считаешь, стыдно слушаться каждаго встрѣчнаго,—сказалъ я Абдурахману.—Если бы ты слушался моихъ совѣтовъ, то въ домѣ Шамиля было бы спокойно и я былъ бы избавленъ отъ необходимости безпокоить правительство переписками.

— Чтò же вы мнѣ теперь совѣтуете дѣлать?—спросилъ зять Шамиля, послѣ раздумья.

— То же, чтò совѣтовалъ прежде: отбросить пустую гордость въ сторону, и попросить Кази-Магомета, чтобы онъ забылъ всѣ неудовольствія, которыя ты причинялъ ему своими выходками. Протяни ему руку, скажи нѣсколько мягкихъ, сладкихъ словъ и онъ помирится съ тобою; съ своей стороны, и я ему скажу, что пророкъ Магометъ приказалъ прощать братьямъ...

Вслѣдствіе этого разговора, на другой день, въ присутствіи моемъ и старика имама, Абдурахманъ просилъ у Кази-Магомета извиненія, и оба противника протянули руки для примиренія.

— Ты всегда говоришь мнѣ правду,—обратился ко мнѣ Шамиль,—отвѣтишь-ли и теперь по-истиннѣ на мой вопросъ?

— Конечно, отвѣчу.

— Если Абдурахманъ будетъ перемѣщенъ изъ моего дома, казна найметъ для него на свой счетъ квартиру и назначитъ денежное содержаніе,—не будетъ-ли это для меня стыдно, не осудятъ-ли меня въ городѣ знакомые?...

— Безъ всякаго сомнѣнія, осудятъ; получая отъ правительства такое огромное содержаніе, неловко вводить его въ лишніе расходы!—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, я очень радъ,—сказалъ старикъ,—что ты съумѣлъ потушить наши семейныя дрязги! За нихъ я вчера сдѣлалъ порядочный выговоръ Кази-Магомету, и надѣюсь, что ссора его съ Абдурахманомъ кончена.

По лицу Кази-Магомета видно было, что онъ очень недоволенъ откровенною рѣчью отца, но, имѣя довольно воли и сдержанности, онъ старался казаться спокойнымъ. Мнѣ стало жаль его; выговоръ, вѣроятно, былъ дѣломъ вмѣшательства Заидатъ.

— Откровенно скажу вамъ въ глаза,—замѣтилъ я,—что виною всѣхъ непріятностей былъ болѣе Абдурахманъ, чѣмъ Кази-Магометъ. Зять твой надменными выходками, явно выказываемымъ неуваженіемъ, постоянно тревожилъ, разражалъ его. Намъ остается отъ души благодарить Кази-Магомета, что онъ съ готовностью принялъ предложенное ему примиреніе.

— Я сдѣлалъ это ради спокойствія имама, изъ уваженія къ твоей, полковникъ, просьбѣ. Если уже правительству было угодно назначить на твое мѣсто другаго пристава, то я не хочу, чтобы ты уѣхалъ отъ насъ съ дурнымъ обо мнѣ воспоминаніемъ,—сказалъ Кази-Магометъ.

Шамиль всталъ съ дивана, взялъ мою руку, нѣсколько разъ пожалъ ее, и съ лицомъ, выражающимъ полное спокойствіе и доброту, сказалъ: «Баракяла! менъ сенденъ копъ разыменъ», то-есть: «спасибо, я тобою очень доволенъ», вышелъ изъ гостиной въ залу, прошелъ около двухъ зеркалъ, погладилъ бороду, и, напѣвая зикру, отправился наверхъ въ свой кабинетъ читать книги, дѣлать намазы и бесѣдовать съ женами [1]).

— Простите, полковникъ, за все безпокойство, которое я причинялъ своими дѣлами,—сказалъ мнѣ Абдурахманъ.

---

[1]) Въ книгахъ преданій говорится, что пророкъ Магометъ имѣлъ привычку при каждомъ случаѣ смотрѣться въ зеркало.

— Разбирать ваши дѣла, мирить васъ, давать вамъ добрые совѣты—это моя обязанность,—отвѣчалъ я.

Возвратясь домой, я написалъ генералу Карлгофу коротенькое письмо, въ которомъ увѣдомилъ о послѣдовавшемъ примиреніи.

Наканунѣ примиренія враждовавшихъ, какъ снѣгъ на голову прилетѣло ко мнѣ письмо отъ капитана **Смирнова**, моего прежняго кавказскаго сослуживца, съ увѣдомленіемъ, что онъ изъ Москвы поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы явиться военному министру, въ качествѣ офицера, поступающаго на мое мѣсто приставомъ при военно-плѣнномъ Шамилѣ. Не видя надобности скрывать это событіе, я передалъ содержаніе письма переводчику.

На другой день, утромъ, пришла ко мнѣ вся семья Шамиля мужскаго пола, изъявляя сожалѣніе, что имъ приходится разстаться со мною, и передавая, что имамъ не менѣе огорченъ неожиданно выпавшею на мою долю отставкою. Пошли догадки о причинѣ предстоящей мнѣ служебной перемѣны; все калужское общество, удостоивавшее меня своимъ расположеніемъ, заявило мнѣ свое сочувствіе. Замѣна меня другимъ офицеромъ — замѣна, произведенная отъ меня секретно, по обыкновенію губернскихъ городовъ, послужила основаніемъ различныхъ толковъ: одни говорили, что я удаленъ отъ должности по представленію губернатора, другіе—по жалобѣ на меня Шамиля, третьи—по жалобѣ женъ Шамиля, и проч. и проч.;—были даже догадки нелѣпыя — догадки, не дѣлающія чести соображеніямъ догадывающихся и отзывавшіяся клеветою!...

— По-истиннѣ удивляюсь, что тебя берутъ отъ насъ, — сказалъ мнѣ Шамиль при свиданіи,—ты къ намъ привыкъ, мы къ тебѣ привыкли, а теперь пріѣдетъ новый человѣкъ!.. Если ужъ тебѣ нельзя при насъ оставаться, то я просилъ бы визиря прислать къ намъ опять капитана Руновскаго!... Скажи пожалуйста, по какой причинѣ тебя не оставляютъ на мѣстѣ?...

— Право, самъ путаюсь въ догадкахъ,—отвѣчалъ я,—а впрочемъ что̀ будетъ—то будетъ!... Одно могу сказать, что я съ совершенно спокойною честью и совѣстью ожидаю моего преемника.

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ [1]).

1829—1868.

II.

Первый выѣздъ въ театръ.—Призваніе.—Домашній совѣтъ.—Согласіе матери.—Отъѣздъ въ Нижній.

Минуло мнѣ двѣнадцать лѣтъ.

Зима для меня была невыносима, я не видѣла свѣта Божьяго. Лѣтомъ я забывала свои труды: день большой, успѣешь и набѣгаться, и наиграться, и наработаться, и лѣтомъ мать менѣе бранила меня; она была такая воркунья; огорчала меня тѣмъ, что я не могла ничѣмъ угодить ей; она сердилась даже на то, что я начала терять здоровье. Все говорила, что я лѣнюсь, что я нерадивая и очень рѣдко ласка выпадала мнѣ на долю. Одинъ разъ мать бранила меня, что я не хорошо выгладила какіе-то брюки; я сказала, что не могу лучше; она хотѣла меня бить и упрекнула даже, что я дармоѣдка. Этотъ упрекъ такъ былъ горекъ для меня, что я не могла даже плакать, и не долго думая пошла да и нанялась въ горничныя, изъ-за хлѣба и платья. Дама, съ которой я поступила, была купчиха. Я могу сказать и имя ея и фамилію: добрыхъ людей скрывать нечего. Звали ее Прасковья Аксеновна Долгонова. Она оказалась очень доброю и прекрасною женщиною; была первою красавицею въ городѣ. Она взяла меня къ себѣ и полюбила, и ласкала какъ дитя свое; я хотѣла

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 65—80.

оправдать вполнѣ ея любовь ко мнѣ и дѣлала все и въ силу и не въ силу. Она понимала это и привязалась ко мнѣ. Я не вынесла такихъ трудовъ и захворала, простудилась; захворала я крѣпко, и была опять взята въ отчій домъ. Хворала я недолго но во время моей болѣзни, я вся обратилась къ Богу и просила его, чтобы онъ возвратилъ мнѣ здоровье и чтобы я увидѣла опять доброе личико П. А. Я была очень религіозна и все свободное время посвящала на чтеніе священныхъ книгъ. Выздоровѣла я и, разумѣется, прежде всего пошла къ обѣднѣ, и потомъ опять отправилась къ моей дорогой П. А. Она, увидавъ меня, обрадовалась, зацѣловала меня и потащила къ мужу, оставивъ меня у себя, но уже не для работъ, а для своей забавы. «Хорошо мнѣ», думала я, «но чего же я хочу еще-то?» и сколько разъ безотчетна тоска овладѣвала мною, сколько разъ я хотѣла бѣжать далеко далеко—а куда, сама не знаю. Грудь мнѣ сожметъ, слезы хлынутъ и я, изнеможенная, упаду на подушку и выплачу свое тайное горе. Иногда страшныя видѣнія тревожатъ меня, подъ ногами пропасть, а мнѣ идти надо, я кричу и просыпаюсь. страхъ нападетъ на меня; или вдругъ рай небесный откроется передо мною, и я наслаждаюсь райскою жизнію и цѣлая ночь пройдетъ и вставать не хочется. Я такъ часто видѣла такіе сн и дни эти такъ глубоко-грустны для меня. А иногда безотчетная бѣшеная радость овладѣвала мною, я пѣла, прыгала, плясала, какъ будто горе никогда не касалось до меня. Забывал всѣ горести и до сей минуты цѣлую руку моей доброй П. А она оживила мою душу, она отняла меня у матери, она утѣшалась мною какъ собственнымъ ребенкомъ. Мнѣ было тепло у ней и отрадно. Мужъ ея, простой русскій купецъ, былъ очень добрый человѣкъ и любилъ ее. Я вездѣ была съ ними, они брали меня съ собою кататься на гулянья.

Пошелъ мнѣ уже четырнадцатый годъ, я не знала какъ летѣло время. Была зима и первая зима, въ которую я не работала. Пришли святки, мы много веселились, гадали, и, въ один прекрасный день, мнѣ утромъ объявили, что вечеромъ мы ѣдем въ театръ. Не знаю почему, у меня сердце замерло, я поблѣднѣла; надо мною стали смѣяться, что я боюсь, и увѣряли меня что тамъ нѣтъ чертей, и что они меня не отдадутъ имъ, и чтобы я крестъ надѣла. Я сказала, что крестъ и образокъ на мнѣ

прибавила потомъ, что я не боюсь, но что мнѣ давно уже хочется въ театръ, что я никогда не видала его.

Было это 29-го декабря 1843 года.

Пришелъ вечеръ, я была уже одѣта, подали лошадей; меня била лихорадка отъ ожиданія. Подъѣхали къ театру, вошли въ ложу; народу такъ много и свѣтло такъ; меня бросило въ жаръ. Успокоилась я немного, мы сѣли. Заигралъ оркестръ, я испугалась и ахнула. Оркестръ кончилъ, занавѣсъ взвился. Давали драму «Красное покрывало», играли: Вышеславцева, Трусовъ и многіе другіе. Тутъ я вся превратилась въ слухъ и зрѣніе, смѣялась и плакала: все и всѣхъ забыла! Вся жизнь моя перешла въ актеровъ и я ужасно тосковала, когда опускали занавѣсъ, и все спрашивала, зачѣмъ все закрыли и скоро ли опять откроютъ? Мнѣ велѣли замолчать и сказали, что я надоѣла. Занавѣсъ опять поднялся, а къ концу піесы у меня сдѣлалась опять лихорадка. Я сама не знала и не понимала, что̀ со мною сдѣлалось, и теперь даже не могу объяснить этого чувства.

Пріѣхали мы домой, я цѣловала руки и ноги моему другу, я дрожала всѣмъ тѣломъ. Она смѣялась надо мною, думала, что я простудилась, положила меня съ собою спать, и тѣмъ успокоила меня. Я все твердила, что очень хорошо въ театрѣ. Ночью просыпалась, часто и тяжело вздыхала. Утромъ, когда всѣ поднялись и все опять пришло въ свой порядокъ, я взяла мою скамеечку и сѣла, по обыкновенію, у ногъ моей благодѣтельницы. Стала ее разспрашивать о томъ, что вчера было такое за представленіе, и какъ это они говорятъ, и такіе ли это люди какъ и мы? Она разсказала все подробно. Я слушала ее и сердце мое сжималось, я такъ поблѣднѣла, что когда она взглянула мнѣ въ лицо, то испугалась и спросила меня, что̀ со мною? Я сказала: «ничего, я здорова»; я не смѣла сказать ей ничего больше, что такъ волновало мнѣ душу мою, а въ тайнѣ и глубоко въ сердцѣ моемъ я видѣла себя на этой сценѣ. Мнѣ еще не было знакомо чувство любви, но, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, мнѣ казалось, что я могу также сильно любить, но только что я непремѣнно умру, коли такъ полюблю какъ Вышеславцева; уже на тринадцатомъ году, я была почти совсѣмъ развита физически. Я очень боялась чувства любви и съ того дня пропала моя веселость. Я

поѣхала къ матушкѣ, чтобъ подѣлиться съ нею моими чувства и разсказать ей, что я была вчера въ театрѣ и чтò я тамъ в дѣла. Матушка слушала мена со вниманіемъ и заключила та что въ театръ ѣздить грѣхъ и что она не желала бы, чтобъ туда ѣздила. Но это уже было поздно, я и не задумалась на приказаніемъ матери. Душа моя рвалась, летѣла въ театръ. воротилась домой, мой домъ былъ уже у Прасковьи Аксеновны. О встрѣтила меня словами: «ну, что, разсказала матери, чтò ты вче видѣла?» Я передала ей слова матушки; она засмѣялась и с зала, что она опять поѣдетъ скоро въ театръ. Прошла недѣля, я каждое утро спрашиваю: что, мы сегодня поѣдемъ? П. А. с жетъ: «нѣтъ, ты мнѣ надоѣла». Я даже похудѣла дожидаясь это дня, но вотъ онъ насталъ—даютъ «Майко» [1]). Афишу я выучи наизусть. Ѣдемъ въ театръ, занавѣсъ поднялся—является Ма любящею дѣвушкою, опять играетъ Вышеславцева; пото Майко сходитъ съ ума и поетъ несвязныя пѣсни; я не плак и не смѣялась, а превратилась вся въ слухъ и зрѣніе; ду моя отдѣлилась отъ тѣла и перешла туда, на сцену; для ме пропалъ міръ земной, я ничего не видала и не слыхала, ка будто все умерло для меня; когда падалъ занавѣсъ, я уже спрашивала зачѣмъ и для чего это? Тутъ уже я все поня даже поняла и то, что тамъ моя жизнь, а здѣсь ея нѣтъ у ме Я дрожала вся. П. А. взяла меня за руку, она была какъ л холодная. «Что съ тобою?» спросила она меня, я ничего ей не вѣтила и просила ее идти на сцену и говорила, что тамъ оче хорошо должно быть. Она мнѣ сказала, что тамъ ужасная дость, и что туда она не пойдетъ; мнѣ было это очень горы Но открылось послѣднее дѣйствіе и я тутъ очень плакала. Пі кончилась, мы поѣхали домой. Я занемогла душою и два лежала въ постели. Какія думы, какія желанія, какія надеж тѣснились въ головѣ моей! Жаръ и холодъ ежеминутно смѣ лись, бредъ срывался съ языка—какъ я страдала! Но я уже жила болѣе этою жизнію, а уже вся перешла на сцену и вид себя играющею Майко. Мало-по-малу я пришла въ себя съ таки

[1]) Плачевная драма П. П. Каменскаго, изъ грузинскихъ нравовъ.

ыводомъ: театръ—моя жизнь, а слова матери, какъ живой образъ, вились передо мною: «театръ — грѣхъ»; я такъ и порѣшила, то хоть ты, театръ, и грѣхъ, но я буду твоя, и встала съ потели какъ ни въ чемъ не бывало. Все происходящее со мною передала П. А. и рѣшеніе мое также, и со слезами на колѣахъ просила ее помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Она сказала, что еще дитя, что занятіе это очень трудно и очень серьезно. Но сказала ей, что у меня нѣтъ больше жизни безъ театра. Она оцѣловала меня и велѣла мнѣ успокоиться, дала мнѣ слово, что на будетъ хлопотать за меня и велѣла мнѣ быть веселѣе. Я, азумѣется, исполнила ея желаніе. Дня черезъ два у насъ было чень много гостей и директоръ театра, И. А. Никольскій, тоже ылъ у насъ. Меня позвали въ залъ и приказали мнѣ спѣть что ибудь. Я спѣла русскую пѣсню очень грустную, а именно: Сяду я на лавочку, погляжу въ окошечко». Эта пѣсня всѣмъ онравилась и меня заставили повторить ее уже съ акомпаниентомъ фортепіано; кто-то, не знаю, мнѣ акомпанировалъ. Всѣ ѣловали и ласкали меня; П. А. взяла меня за руку и подвела ь директору, да и говоритъ ему:—«Не хотите ли, И. А., я вамъ ымъ пѣвицу и актрису? она съума сошла отъ театра, вылечите , она вамъ будетъ полезна». Онъ спросилъ, который мнѣ годъ; сказала: четырнадцатый. Онъ засмѣялся и сказалъ, что я еще ень молода. Я огорчилась этимъ и слезы потекли по лицу. Они али говорить что-то по французски, а я потихоньку отерла сле-. Потомъ опять спросилъ меня: «ты хочешь быть актрисою?» отвѣчала, что жить не буду безъ театра. «Ну, хорошо, я тебя зьму, приходи ко мнѣ, я поговорю съ тобою, вѣдь ты еще ренокъ». Я ничего не могла сказать, духъ занялся, я схватила о руку и цѣловала ее съ рыданіями; тутъ многіе тоже запла-ли и просили Никольскаго, чтобъ онъ взялъ меня. Онъ скалъ, что онъ возьметъ меня непремѣнно. Тутъ я совсѣмъ обемѣла и разразилась рыданіями; все, что накипѣло на душѣ ей, вылилося въ этихъ слезахъ; я побѣжала наверхъ и молась, долго молилась, покуда высохли всѣ слезы на глазахъ. А. на другой день велѣла ѣхать къ матушкѣ и сказать имъ премѣнно, какъ она скажетъ. Тутъ вся радость моя исчезла, забыла, что она надо мною имѣетъ власть. Но я утѣшилась

тѣмъ, что, во что бы то ни стало, буду актрисою и что назадъ не пойду—и поѣхала къ матушкѣ.

Явилась я къ матушкѣ тише воды—ниже травы, но очень трудно мнѣ было начать говорить съ нею. Много нужно было имѣть силы воли, чтобы сказать такой строгой матери, что дочь ея хочетъ быть актрисою. Она и большихъ-то дѣтей била своими руками, убьетъ она меня, думаю; ну, будь что будетъ, Господи, не оставь меня! Какъ только хочу ей сказать зачѣмъ я пріѣхала, такъ духъ и замретъ. И ходить-то въ театръ грѣхъ, сказала она, такъ тутъ и думать нечего, чтобы она согласилась на мое желаніе; но надо же было рѣшиться, да и я измучилась. Три недѣли прошло въ такой тяжкой пыткѣ. Вотъ я говорю ей: «Мамаша, я за дѣломъ пріѣхала къ вамъ». Она говоритъ: «вижу, что за дѣломъ, вѣрно лоскутковъ просить,—такъ у меня нѣтъ!» Нѣтъ, говорю, не за лоскутками мнѣ лоскутковъ не надо, а благослови меня, я хочу на сцену поступить. Она остолбенѣла, да и говоритъ: «въ актрисы, что ли?» Да, я говорю, въ актрисы. Глаза у нея загорѣлись такимъ гнѣвомъ, что мнѣ стало страшно, я упала на колѣни и заплакала. Говорю: не отказывайте мнѣ, не губите меня. Не забуду я ея гнѣвъ, она молчала долго, наконецъ, разрѣшился ея гнѣвъ. «Хорошо, говоритъ, ты придумала! Какъ бы я это знала да вѣдала, задушила бы я тебя при рожденіи твоемъ; коли ты не хочешь знать матери, такъ пойди, утопись лучше, а въ театръ не ходи, а если ты ослушаешься меня, то я прокляну тебя, ты это попомни». А если умру, маменька, коли вы не пустите меня въ театръ —«Умри; я съ радостью схороню тебя, но объ этомъ и думать не моги».

Тутъ она стала бранить П. А., что она довела меня до такого позора, что она развратила меня. Мать моя думала тогда, что театръ есть дѣйствительно мѣсто позора. Горько мнѣ было слушать все это и просьбы мои были бы тутъ напрасны. Я посидѣла немного, простилась, и уѣхала домой. Разсказала все что было П. А. и впала окончательно въ отчаяніе. Тутъ страсть къ театру просто поглотила меня всю! Поговори матушка со мною не такъ, я, быть можетъ и уступила бы ей, но тутъ я еще упорнѣе рѣшилась защищать себя. Прошла ночь. Утромъ мать явилась къ П. А. и взяла меня къ себѣ; только этого и недоставало, чтобы убить меня оконча

тельно. Осталась я съ глазу на глазъ съ любовью къ театру и пред-разсудкомъ, закоренѣлымъ предразсудкомъ. Былъ праздникъ, вся семья собралась къ обѣду; мать объявила всѣмъ мое намѣреніе; тутъ пошли толки какъ и что и, зачѣмъ, и рѣшили всѣ, что этого допускать нельзя; а я уже рѣшилась стоять въ одномъ, да и сказала: «допускайте, или не допускайте меня, но всетаки я не жилица съ вами; работать я не могу больше; только смотрите, чтобы вамъ не пришлось Богу отвѣчать за меня, коли я погибну; а театръ не помѣшаетъ мнѣ быть честною и доброю дѣвушкою», и что въ театрѣ есть очень честные люди.

Мать стала меня уговаривать: что когда я буду большая, то она выдастъ меня за богатаго жениха замужъ. Я сказала, чтобы они обо мнѣ не заботились, мнѣ ничего не надо. Стала я такъ тосковать, что нигдѣ бывало мѣста не найду. Каждый день видѣла П. А., вотъ и радость моя была, потомъ мнѣ и это запретили, боялись, что она учитъ меня. Не взмилился мнѣ свѣтъ Божій, родные точно чужіе стали, и пойдти-то некуда было. Стояла зима. Всѣ веселятся, а я похоронила себя въ горе, да горе! а земля спала подъ бѣлымъ покрываломъ, спала тихо. Но вотъ и мартъ мѣсяцъ, солнышко начало пригрѣвать; надѣну бывало шубку, да и посижу на солнышкѣ; стала я худѣть и просто, кажется, грудь бы свою разорвала на части, такая нападетъ тоска. Я еще разъ попыталась попросить матушку о томъ же; она прогнала меня и не велѣла напоминать ей объ этомъ. Я ушла въ монастырь; тамъ были у насъ знакомыя монахини. Сказала имъ, что не хочу жить больше въ мірѣ и хочу остаться въ монастырѣ. Онѣ стали, разумѣется, спрашивать—зачѣмъ, да почему. Я сказала имъ, что матушка не пускаетъ меня въ актрисы. Онѣ пришли въ ужасъ отъ такихъ словъ, начали меня уговаривать и я стала молиться, читать святыя книги, хотѣла найти нѣтъ ли гдѣ проклятія театру—и что же! открываю первую книгу и читаю: «на всякомъ мѣстѣ владычество Его». Не одинъ монастырь открываетъ намъ райскія двери, но и добрыя дѣла наши! Я спросила себя, кто же запретитъ мнѣ дѣлать ихъ, когда я буду въ театрѣ, и еще стало грустнѣе мнѣ. Покуда я была въ монастырѣ, меня вездѣ искали и потеряли всякую надежду найти меня. Матушка стала тужить и думала, что я утопилась; пришла въ монастырь, чтобы подать молитву обо

мнѣ. Ей сказали, что я тутъ. Я видѣла какъ она обрадовалась этой вѣсти, но грустная, со слезами, матушка пришла къ монашенкамъ и просила ихъ молиться обо мнѣ. Я все это слышала и видѣла, жаль мнѣ стало мою старушку, я упала ей въ ноги, просила прощенія и просила ее еще разъ, чтобы она не губила меня и отпустила бы меня въ театръ съ благословеніемъ. Но она рѣшилась оставить меня въ монастырѣ. Я ушла изъ монастыря прямо къ П. А. и пробыла у нея три дня. Тутъ я узнала какъ этотъ ангелъ любитъ меня. Я разсказала все, что случилось со мною. «Что же ты теперь будешь дѣлать?» спросила она. Я сказала, что теперь-то я непремѣнно буду въ театрѣ, и ничего не боюсь. Я разсталась съ П. А., но тутъ уже могла видѣться съ нею. Мнѣ стало немного полегче, но здоровье мое сильно потряслось.

Воротясь къ матушкѣ, я сказала ей, что напрасно она боится театра, что и монастырь не спасетъ, коли захочешь сдѣлать дурное дѣло, и сказала матушкѣ, что меня тоже удержать трудно и что если она не захочетъ сдѣлать меня дурнымъ человѣкомъ, то чтобы болѣе не мучила меня. Собралась вся семья—произнести мой приговоръ. Откуда взялись у меня смѣлость и сила, не знаю, а сказала имъ всѣмъ, «что если вы не исполните моего желанія, то я могу исполнить свое и, все равно, мнѣ не жить безъ театра, я не пожалѣю себя — Волга велика и для меня найдется въ ней мѣсто». Долго они совѣтовались, долго мучили мою душу, я сидѣла какъ мраморная; меня братъ спросилъ, отчего я не говорю. Нечего, говорю я, нечего мнѣ сказать вамъ, дѣлайте со мною что хотите, но мнѣ не жить съ вами, не ваша я теперь, и Господь васъ накажетъ за то, что такъ меня мучаете. Подошла къ отцу, упала ему на руки и залилась слезами. «Тятя! заступись хоть ты за меня! я умру скоро, у меня грудь болитъ отъ тоски и слезъ». Онъ былъ добръ, уменъ и гордъ, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «удерживать ее мы не имѣемъ права и отнимать у нея, можетъ быть, счастіе всей жизни. Пусть ее съ Богомъ идетъ на всѣ четыре стороны; еще ее, можетъ быть, и не примутъ».

— «Ну, Богъ съ тобою,—сказала матушка,—только ты знай, что я тебя брошу, живи, какъ хочешь, одна». Горько мнѣ было слушать ее, но камень спалъ съ сердца, я поцѣловала

ней руку и говорю: «милая, не сердись на меня, я не сдѣлаю ничего дурнаго». Разцѣловалась съ тятей и я ушла на отдыхъ къ П. А., пробыла у ней два дня и отправилась къ директору. Онъ не узналъ меня: я очень измѣнилась, похудѣла и все дѣтское исчезло съ моего лица. Онъ принялъ меня очень ласково. Я стала просить, чтобъ онъ принялъ меня на службу. Онъ написалъ контрактъ, я подписала по церковно-славянски и взяла копію. Простилась съ нимъ и прямо къ матушкѣ. Былъ великій четвергъ, всѣ были дома, и отецъ причащался. Я упала въ ноги матушкѣ. «Дѣлайте,—говорю,—со мною что хотите, а дѣло сдѣлано: вотъ и бумага, контрактъ». Мать всплеснула руками, такъ и ахнула. Батюшка ласкалъ меня и цѣловалъ. «Полно, говоритъ, дура, плакать-то, молодецъ дочка, такъ ихъ и надо, вся въ меня, право молодецъ, только одно, что маловата еще больно, не сладишь; только веди себя хорошенько, не позорь отца, и такъ ужъ я позору-то натерпѣлся досыта; да не забывай отца съ матерью». Тутъ ужъ всѣ помирились со мною и разговору не стало. Началось мое торжество, праздникъ великій, выстраданный моимъ дѣтскимъ сердцемъ, выплаканный горькими слезами. «Вотъ сегодня, мама, я буду много ѣсть и высплюсь досыта», говорю я мамѣ, а она такъ тяжело вздохнула.

Настала Пасха. Какъ я веселилась, бѣгала, играла! на качеляхъ качалась и слетѣла съ нихъ съ самаго верха, думали всѣ, что до смерти убилась, часа два лежала безъ памяти, но однако опомнилась. Эту Пасху я также праздновала торжественно душою-то моею, какъ здѣсь она празднуется, въ Москвѣ, въ Кремлѣ. Вѣдь не шутка тоже, я актриса, я буду играть роли и меня, быть можетъ, будутъ также любить какъ Вышеславцеву, и восторгъ необъяснимый разливался по всему моему существу. На другой день я пошла поздравить директора съ праздникомъ, и онъ поздравилъ меня, и объявилъ, что на первый разъ онъ дастъ мнѣ жалованья пятнадцать рублей ассигнаціями и квартиру въ театральномъ домѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и даже съ мебелью. Я поцѣловала у него руку. Онъ велѣлъ мнѣ послѣ праздника переѣхать, что онъ дастъ мнѣ дѣло, такой былъ ласковый со мною. На третій день я отправилась къ Прасковьѣ Аксеновнѣ и пробыла у нея всю Пасху. Боже мой, сколько разговору, сколько радости, а горести всѣ были поза-

быты! Помню, что она говорила мнѣ: «Слушай, Люба, когда т будешь большая, ты поймешь свое назначеніе и чего ты так тяжело добивалась; ты узнаешь всю трудность въ достижені того, что такъ плѣнило тебя; дай Богъ, чтобы счастье тебя н оставляло». Я простилась съ нею самымъ теплымъ, задушевны прощаніемъ и отправилась домой. Сказала матушкѣ, что мнѣ да жалованье, квартиру, отопленіе и освѣщеніе, съ чѣмъ она ме и поздравила. Я говорю, что послѣ завтра мнѣ надо будетъ ѣха въ театръ и тамъ остаться. «Что же, поѣзжай, сказала матушк живи тамъ», а слезы такъ и потекли по лицу. Долго плакала старуш моя, жаловалась на непочтеніе дѣтей своихъ. Я не понимала этог потому что любила ее, и стало мнѣ опять ее жаль. Я просил ее, чтобъ она не отпускала меня одну, а переѣхала бы со мно а куда я звала ее—и сама не знала, можетъ быть, и одной-то н лечь, ни сѣсть. «Не поѣду я съ тобою, и одна съ толку собьешь такъ хоть глаза не увидятъ; коли хорошо жить будешь, такъ послѣ пріѣду, коли станешь хорошо держать себя». Не ожида я, что она пуститъ меня одну, страшно мнѣ сдѣлалось. Соб рать мнѣ было нечего, въ мой походъ: связали мнѣ узелочек благословили образочкомъ. Батюшка былъ выпивши, перекрести меня, да и говоритъ мнѣ: «Не приходи сюда больше, заѣдимъ т тебя», и тутъ только сознала я, что мнѣ нѣтъ уже возврата прошедшему. Сердце мое облилось кровью, поплакала немног да и въ путь, взяла образокъ, которымъ благословили меня, взя узелокъ. Распустила птичка крылышки да и полетѣла на нов гнѣздышко—въ ветхое зданіе нижегородскихъ театровъ, и Го подь тебѣ по пути.

III.

Нижегородскій театръ.—Труппа.—Первый дебютъ.—Картины Волгѣ.—Богомолье въ Саровской пустыни.—Признанія крѣпостн актрисы.—Петербургскіе артисты.—Отъѣздъ въ Ярославль.

Я съ большимъ трудомъ пришла къ моему новому жилищ Дворъ широкій, зеленый и длинный, и на томъ дворѣ много множество разныхъ домовъ, и большихъ, и малыхъ, и въ этих то домахъ помѣщалась вся труппа Нижегородскаго театра. постояла у воротъ немного—отдохнуть ли хотѣла, или съ д хомъ собраться, не знаю; потомъ пошла отъискивать дворни

шла его. Личность эта была страхъ наводящая. Большой, лицо асное, волосы на головѣ всклокоченные, голосъ грубый. Такъ захрипѣлъ: «тебѣ что̀ надо?»

— Я новая актриса,—говорю,—покажи мнѣ мою квартиру.

— «Изволь, ступай на верхъ; я сейчасъ приду, только ключъ зьму».

Я, было, въ первый домъ сунулась, а онъ на меня зарычалъ: Іе въ этотъ! вонъ въ большой-то, на второе крыльцо, да нархъ и иди!»

Иду на верхъ—и куда ни взгляну, такъ сердце и сожмется. ыльцо, къ которому я подошла, поразило меня своею грязью, лѣстница, ведущая на верхъ, тоже. Вошла наверхъ, стою и у дворника. — Тутъ старушка Аксакова, оказавшаяся тоже трисой, подошла ко мнѣ и спросила: «Тебѣ,—говоритъ,—кого добно, милая?» Я ей сказала, что опредѣлилась актрисой, и у дворника съ ключомъ отъ моей квартиры. «Да что же ты на, развѣ ты сиротинка?»

— Нѣтъ, у меня есть и отецъ и мать, да они послѣ придутъ,— тутъ я заплакала.

Старушка меня обласкала и велѣла зайти къ ней послѣ. ишелъ дворникъ, отперъ мое новое жилище, ключъ и замокъ далъ мнѣ: «Смотри же, запирай за собой какъ выбѣжишь куда».

— Спасибо, дѣдушка!—Я вошла въ мою роскошную палату: выкая, свѣтленькая угольная комната въ три окна; одно въ шину, да два въ длину; и это окошечко выходило на широкую женую луговину, и вся Волга изъ него была видна, что̀ мнѣ ень понравилось. — Вошла я, перекрестилась и, постоявъ у ого окошечка, вынула образокъ, поставила его тутъ же — и думала: это окно будетъ мое любимое! Два другія окна выхоли на дворъ не совсѣмъ-то чистый. Вдоль всего двора, по заору, были натянуты веревки для развѣски бѣлья.

Не могу умолчать объ убранствѣ моей комнаты. Столъ, когда-то ный, теперь дымчатый отъ грязи и пыли; три стула, изъ нихъ одинъ льный, другой красный съ переплетомъ изъ толстой и широкой сьмы, третій—черный съ соломкой, которая была продавлена одной стороны; онъ же былъ на трехъ ножкахъ и потому ялъ въ углу; скамейка большая, широкая, между двумя окнами, надъ ней висячій поставецъ для чайной и всякой посуды; у

двери еще другой шкафъ, потомъ по стѣнѣ кровать съ матра сомъ, набитымъ не то сѣномъ, не то соломой, но очень грязным и угольникъ для образа. Я отошла отъ окна, положила узелок на столъ, помолилась Богу, и заглянула въ шкафъ: онъ былъ д платья, но грязный-прегрязный. Вотъ и вся бѣдная картина жи лища богатой надеждами актрисы—ребенка, обреченной на вы ходы сначала, и на разныя безсловесныя театральныя потре ности.

Разобравъ принесенныя съ собою въ узелкѣ мои платья, п шла я по длинному корридору въ Аксаковой. Добрая старуш приласкала меня, напоила чайкомъ и все разспрашивала, отку я и какъ къ нимъ попала. Я посовѣстилась сказать ей прав и отвѣчала, что я отъ бѣдности пошла на театръ; Аксако спросила, за жалованье или такъ? Я отвѣчала: за жаловань и она предложила харчеваться у ней, т. е., что я могу у ней пи и ѣсть, но чтобы я за это ей платила десять рублей въ мѣсяц Я очень обрадовалась этому, и, разумѣется, сейчасъ же согласила Напилась я чайку, и попросила ее дать мнѣ горячей воды, для то чтобы все вымыть и вычистить въ моемъ жилищѣ. Она позва кухарху и велѣла все сдѣлать и дать мнѣ что̀ нужно. Я преж всего принялась за окна, вытащила зимнія рамы, отворила лѣ нія; потомъ выпотрошила матрасъ, наволочку выстирала, в мыла, повѣсила ее къ русской печкѣ сушить, а сама вымы окна, столы, стулья, полъ и шкафъ. Все заблестѣло у меня ч стотой и порядкомъ! Матрасъ опять былъ набитъ свѣжимъ с номъ и соломой. Я очень устала и обѣдала съ большимъ ап титомъ, съѣла почти все, что изъ дому принесла, и Аксако дала мнѣ щецъ горяченькихъ. Къ вечеру батюшка привезъ м постельку и сундучекъ съ полнымъ домомъ и сундучекъ съ л кутками. Я такъ ему обрадовалась, точно годъ я его не вида и оставила ночевать у себя, а то одной очень страшно было первый-то разъ. Тятя ушелъ купить чаю съ сахаромъ, а я ста разбирать мои пожитки и хозяйство. Были у меня четыре т релки, чашка для горячаго, одинъ ножикъ, двѣ вилки, солоноч глиняная чайная чашка, одинъ чайникъ бѣлый и чайная ложка п лусеребряная, которую тятя купилъ потихоньку отъ матуш столовая, деревенская, малиновая скатерть для стола и двѣ са фетки: вотъ и все мое хозяйство! Что же касается до гардероб

нъ былъ богаче: нарядное платье, шелковое бухарское, желтеньюе съ черными полосками, потомъ кисейное съ мушками, два платьица холстинковыхъ, одно розовое, а другое сѣренькое; салопъ розовый съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ, и шубка бѣличья синяя, очень коротенькая; было еще два шейныхъ платка, динъ теплый, другой газовый, шарфъ тоже газовый, два чепчика юлевыхъ: одинъ съ розовыми ленточками, другой съ голубыми; аленькая перинка, двѣ подушки, двѣ простыни коленкоровыя ъ кружевомъ своего плетенія и одѣяло изъ разныхъ очень мелихъ лоскутковъ, тоже своей работы. Вотъ и все богатство юе! Я описываю до мелочей все касающееся до меня, для того, тобы была видна вся жизнь моя во всѣхъ началахъ ея, и какъ съ чѣмъ я пошла въ этотъ трудный путь житейскій.

Юности у меня не было, положительно! Было дѣтство, т. е. ладенчество, а потомъ младенчество смѣнилось жизнью дѣйствиельной трудовой, бурливой, слишкомъ серьезной для моихъ лѣтъ, — что странно: никто изъ моихъ близкихъ не умѣлъ такъ адостно радоваться и такъ печально горевать какъ я; непережиая юность и до сей поры осталась во мнѣ, я и теперь иногда быаю ребенкомъ, да не нынѣшнимъ, а былыхъ временъ. Дѣти наюящаго времени мало бываютъ дѣтьми и скоро пресыщаются изнью, и ничему не радуются, и ничто ихъ не печалитъ, вообще тживаютъ скоро.

На третій день пріѣхалъ нашъ директоръ, позвалъ меня къ ебѣ; я явилась и онъ велѣлъ мнѣ ходить учиться пѣть и танювать. Началась моя сценическая дѣятельность; директоръ веѣлъ еще ставить на выходы. На другой день меня позвали въ лассъ пѣнія; оказалось, что я не одна учусь пѣть, а тамъ учатся другія дѣвицы, подобныя мнѣ неумѣйки, и старше меня, и моюже; мы познакомились. Онѣ, конечно, начали насмѣшками надо ной, такъ что учитель велѣлъ имъ замолчать, а я—чуть не въ лезы. Училъ насъ тогда по скрипкѣ музыкантъ Михаилъ Іаіоровъ; для перваго раза я стала тянуть какую-ту гамму, у меня оказался голосъ лучше всѣхъ. Насмѣшки надо мной рекратились. Послѣ класса мы познакомились; тутъ были: Іаіорова, Семенова и Стрѣлкова Сашенька, такая толстушъ и маленькая ростомъ. Уроки пѣнія потомъ были превеселые. али мнѣ бумажку съ линеечками и на каждой линеечкѣ кру-

гленькій оникъ, и подъ каждымъ оникомъ поставлена буква; ве
лѣли мнѣ ее выучить наизусть. «Мудреная это исторія,—поду
мала я,—ни за что не выучу!» а учитель нашъ строгій бы
такой, сдвинетъ бывало брови, такъ страшно. Классы пѣнія бы
два раза въ недѣлю. Я свои оники заучила наизусть, и оказ
лась исправною ученицею. Прежде мы пѣли всѣ хоромъ; потом
учитель сталъ заниматься со мной иногда особенно, потому чт
голосъ мой былъ положительно лучше другихъ.

На слѣдующій день я пошла въ танцовальный класс
тамъ опять мы всѣ были; не упомню, кто тогда училъ та
цовать, но не забыла, что я начала прямо съ па-де-баск
тогда ставили балетъ «Волшебную Флейту», и начинали учи
тѣ самыя па, какія нужны были для балета; я училась очен
прилежно и хорошо и тому и другому предмету, но балет
мнѣ плохо давался, а пѣніе шло очень хорошо, Маіоров
мной былъ очень доволенъ. Потомъ, долго не откладывая, пр
слали мнѣ роли, не одну — двѣ разомъ: крестьянки и
«Женевской Сироты», и горничной изъ «Комедіи съ д
дюшкой». Что со мной было при полученіи этихъ двух
ролей! Я не знала куда дѣваться съ ними отъ радости, показ
вала ихъ всѣмъ. Мнѣ сказали, чтобы я пошла къ Стрѣлково
(Фіонѣ Ивановнѣ) и попросила ее показать мнѣ какъ игра
эти роли. Я выучила «Женевскую Сироту» наизусть, съ бол
шимъ трудомъ, потому что письменное я разбирала плохо и очен
трудно, и пошла къ Фіонѣ Ивановнѣ. Говорю: я такая-то, п
цѣловала у ней ручку и просила ее поучить меня, какъ н
играть на сценѣ. Она заставила меня вслухъ читать. Мнѣ ста
и стыдно и страшно; она поучила меня какъ надо играть и по
шучивала надо мной! Она занимала тогда лучшую квартиру
всемъ домѣ; квартира была вся въ коврахъ, диваны, стулья т
кіе славные, что я заглядѣлась на нихъ. Стулъ, на которо
она сидѣла, былъ на возвышеніи; я тогда подумала, что она ц
рица какая! Она тогда играла важную роль при театрѣ. Я опя
поцѣловала у ней руку, поблагодарила ее и ушла, въ полно
увѣренности, что я теперь ученая актриса и съиграю отлично.—
а меня къ ней послали на смѣхъ, чтобъ позабавить ее; посл
долго смѣялись надо мною.

Тутъ я было простудилась: было холодно еще, а у мен

были выставлены рамы; Волга сломала ледъ въ концѣ Святой недѣли. Пасха была теплая очень, но, когда Волга ломаетъ ледъ, дѣлается очень холодно. Любовь моя къ театру спасла меня.

Назначили репетицію «Женевской Сироты». Сироту эту играла Вышеславцева, мой кумиръ тогда и понынѣ, прекрасная, умная, талантливая актриса. Когда я увидала ее на репетиціи такъ близко и какъ подумала, что играю въ одной съ нею піесѣ—такъ и растаяла! Думаю: «не встать ли мнѣ передъ ней на колѣни, да не сказать ли ей, что я ее очень люблю?» и я сдѣлала бы это, кабы не пришла мысль, что она будетъ надо мной смѣяться. Началась репетиція: я вышла на сцену, мнѣ велѣли выбѣжать; я выбѣжала, начинаю говорить мою роль. Мнѣ кричатъ: «постой! постой! дай намъ-то прежде сказать! вѣдь тутъ и мы должны говорить». Начали учить меня какъ мнѣ нужно выжидать другихъ и слушать мои реплики; я все сдѣлала. Три раза прорепетировали мою сцену. Дѣло пошло очень хорошо. По моей роли я объясняла, что бесѣдка горитъ, въ этой бесѣдкѣ спитъ госпожа, которая для всѣхъ благодѣтельница, а бесѣдку зажгли какіе-то люди. На репетиціи это дѣло какъ осмыслилось, такъ и стало хорошо.

Вышеславцева меня похвалила. Этой радости было съ меня довольно, чтобъ сдѣлать меня вполнѣ счастливой. На другой день былъ назначенъ спектакль. Всю ночь я не могла заснуть, а утромъ опять была репетиція. Насталъ и вечеръ. Сердце у меня съ утра было не на мѣстѣ, и страшно-то мнѣ и весело было. Вечеромъ одѣли меня въ коротенькое красненькое платьице, въ черный лифчикъ съ коротенькими рукавами, бѣлый кисейный фартучекъ; на голову надѣли черную круглую шляпу, которая мнѣ была очень велика. Начался спектакль, и мнѣ надо было бѣжать на сцену: «бѣги», говорятъ мнѣ, а у меня ноги приросли къ полу; кто-то сзади вытолкнулъ меня на сцену, такъ сильно, что я невольно должна была побѣжать, да всю свою роль проговорила съ начала до конца безъ остановокъ, съ такимъ жаромъ и одушевленіемъ, что никому не дала сказать ни одного слова, заплакала и убѣжала со сцены; заплакать надо было по піесѣ, а я и въ самомъ дѣлѣ заплакала! Публикѣ это понравилось, меня вызвали и аплодировали мнѣ очень долго, а за кулисами смѣхъ такой пошелъ, что я никому не дала сказать

слова. У меня закружилась голова отъ радости, что меня вызвали и что мечта моя осуществилась. Вышеславцева меня обласкала, велѣла къ ней придти. «У меня, говоритъ, такая же есть актриса Маша, моя племянница». Мы познакомились, потомъ были съ Машею подругами.

Какъ я была довольна, какъ я молилась въ этотъ вечеръ, и не умѣла благодарить Царя небеснаго! Воротясь домой, дала себѣ слово не спать всю ночь. Ночь была лунная, теплая, ледъ уже прошелъ на Волгѣ, я погуляла по лугу; воротясь домой, поужинала и сѣла къ окну глядѣть на луну и Волгу. Какъ мнѣ было хорошо въ этотъ вечеръ. Я и теперь не могу дать отчета, что̀ я чувствовала, а такъ просто — было хорошо! и глядѣла я на луну и на Волгу, и на Волгѣ слышались пѣсни бурлаковъ, то полныя грусти, то полныя радости; такъ покойна была эта ночь и все я пѣла пѣсни, у открытаго окошка, и не было человѣка счастливѣе меня въ цѣломъ мірѣ. Стала заниматься заря: свѣжо сдѣлалось въ воздухѣ, и сквозь легкій туманъ, точно сквозь кисейное покрывало, на Волгѣ стали показываться караваны. На Волгѣ какъ только сойдетъ ледъ, иногда еще и не совсѣмъ, идутъ цѣлыми стадами суда разной величины и красоты. Волга съ Окой подъ Нижнимъ разливаются верстъ на сорокъ шириною, по отлогому берегу; затопитъ всю ярмарку, всѣ луга, всѣ селенья, всѣ лѣса вокругъ себя; у лѣсовъ, въ иномъ мѣстѣ, только и видны однѣ макушки, а селенія словно на ладошкѣ стоятъ на бѣломъ пескѣ и такая-то красота, что глядишь, глядишь, и не насмотришься, только вздохнешь, да сотворишь молитву. Вотъ, по широкой Волгѣ идутъ караваны; далеко, далеко видна рѣка въ разливѣ; изъ Нижняго съ откоса при солнышкѣ, даже Балахну видно. Стало уже свѣтло, вотъ показалось одно суденушко какъ точка, а потомъ сдѣлается чайкой... Чайка растетъ, растетъ, и летитъ на своихъ бѣлыхъ крылышкахъ—парусахъ внизъ по Волгѣ-матушкѣ, а за нею точно въ погоню гонятся, и еще и еще съ бѣлыми какъ снѣгъ парусами въ три и даже въ четыре яруса, по три, по четыре, по пяти судовъ въ рядъ, а изъ-за горы имъ на встрѣчу встанетъ солнышко и прямо такъ и глянетъ имъ въ лицо. Какая эта картина бываетъ чудная! Туманъ на парусахъ отливаетъ радугой; радуга идетъ все выше и выше, очистится весь воздухъ и освѣтится

весь караванъ и глазъ не можетъ видѣть конца ему! Сдѣлается и грустно и радостно, и такая тишина кругомъ тебя, точно самъ Господь сошелъ на землю, чтобъ водворить эту тишину и чтобы поставить каждое дѣло своей рукой великой на свою святую землю. Въ это утро случилось несчастье на Волгѣ, на самой стрѣлкѣ. Было уже часовъ шесть утра, быстро шло одно суденышко, полное грузомъ, потому что глубоко сидѣло въ водѣ, и въ одну минуту перевернулось носомъ внизъ. Вся прислуга бросилась спасаться, начался крикъ о помощи, косныя лодки роемъ полетѣли къ нимъ на помощь, и, какъ узналось послѣ, почти всѣ были спасены. У разшивы же прорѣзало льдиной самый носъ и разшива пошла ко дну со всѣмъ грузомъ. Да, Волга, какъ холодная красавица, любитъ жертвы; ни одна рѣка не поглощаетъ столько человѣчества какъ Волга, потому ли, что она людна очень, или потому что быстра—Богъ ее знаетъ.

А какъ хороши были прежде суда на Волгѣ, покуда пароходы не вырубили лѣсовъ по берегамъ и не избороздили всей Волги; разшива, напримѣръ, что̀ это за прелесть! Большая, широкая, съ крутымъ, расписнымъ носомъ! Вся, начиная съ бортовъ, упизана рѣзной работой, разрисована яркими красками изображеніями венеръ и сиренъ, которыя глядятся въ воду. Мачта высокая, оснащенная канатами разной толщины. съ разными украшеніями; да какъ поднимутъ паруса — ну, точно царица водяная, роскошная, богатая! Стоитъ на якорѣ— такъ къ ней и подъѣхать-то страшно, а на ходу того гляди раздавитъ....

Не знаю ужъ когда я уснула, на томъ окнѣ, и видѣла во снѣ, что я играю большія роли, какъ-то «Майко», «Красное покрывало», и др. и такъ мнѣ стало страшно и холодно. Аксакова разбудила меня и выдрала за ухо, зачѣмъ я отворила окно.

— «Опять,—говоритъ,—тебѣ простудиться захотѣлось! иди чай пить!»

Добрая старушка, я такъ полюбила ее. Было девять часовъ, а мнѣ такъ шею было больно, повернуть не могла, а она еще тутъ за ухо деретъ! Надулась я и пошла чай пить, а Аксакова была истинно добрая женщина.

Второй мой дебютъ не замедлилъ представиться; второй

спектакль былъ на Ѳоминой — балетъ «Волшебная Флейта» и «Комедія съ дядюшкой». Я участвовала въ балетѣ, и танцовала съ помеломъ въ рукахъ; играла Лизу горничную въ «Комедіи съ дядюшкой». Этотъ спектакль прошелъ благополучно. Потомъ стали ставить еще «Роберта»; я участвовала въ хорѣ. Голосъ мой всѣ признали очень хорошимъ; директоръ велѣлъ мнѣ разучивать двѣ партіи: въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ»—Агаты и въ «Аскольдовой могилѣ»—Надежды. Обѣ эти піесы велѣно было готовить къ ярмаркѣ. Какъ у меня въ головѣ закипѣло и зашумѣло: такія двѣ роли дали, что лучше ихъ во всемъ театрѣ нѣтъ; принялась я ихъ учить съ такой радостью, съ такимъ рвеніемъ и дала себѣ обѣщаніе—какъ только выучу ихъ, то поѣду молиться Богу, и поклониться отцу Серафиму въ Саровскую пустынь. Въ теченіе одного мѣсяца я почти приготовила совсѣмъ мои двѣ оперы; сдѣлали мнѣ репитиціи и велѣли отдохнуть. Я попросилась у директора ѣхать въ Саровъ, чтобы исполнить данное обѣщаніе; онъ пустилъ меня и далъ цѣлковый на дорогу; тутъ Вышеславцева тоже дала цѣлковый и велѣла привезти просвирочку. Родныхъ моихъ я стала видать рѣдко, Прасковью Арсеновну тоже, но я сходила и простилась съ ними. Моя благодѣтельница дала мнѣ три рубля на дорогу. Поѣхала я не одна, со мною поѣхала еще Семенова, молоденькая хорошенькая актриса, и актеръ Николаевъ, женихъ ея. Наняли мы телѣгу парой до Арзамаса; въ Арзамасѣ я хотѣла пробыть нѣсколько дней у сестры моей. Снарядились и отправились въ путь.

До Арзамаса доѣхали очень скоро. Нечего и говорить о встрѣчѣ съ сестрой моей: она любила меня и мы обѣ поплакали отъ радости; разсказамъ конца не было. Привѣтъ сестры моей навсегда останется у меня въ памяти, теплый, радостный. У нея уже у самой были дѣти, но, чтобы не разставаться со мною скоро, она рѣшилась сама ѣхать въ Саровъ, даже съ груднымъ ребенкомъ. Лошадей намъ тутъ дали даромъ—крестная мать моей сестры. Мы отправились въ Саровъ рано утромъ, съ тѣмъ чтобы заѣхать въ гости на обѣдъ къ одному помѣщику, у котораго былъ свой театръ и оркестръ.

Пріѣхали мы и къ помѣщику, приняли насъ со всѣмъ парадомъ и обѣдъ былъ чудный. Помѣщикъ этотъ былъ больше звѣрь, чѣмъ человѣкъ. Показали намъ театръ; дѣвушекъ

у него было двѣнадцать, всѣ въ ситцевыхъ платьяхъ и черненькихъ фартучкахъ. Это, — говоритъ, — все актрисы. Онѣ были всѣ такія изнуренныя, не многія изъ нихъ были похожи на живыхъ людей; жили онѣ всѣ на верху, то есть во второмъ этажѣ. Въ домѣ было чистенько, но ничего особеннаго, и все вмѣстѣ принимало такой унылый видъ. Мнѣ стало какъ-то нехорошо у помѣщика, и я просила, чтобы уѣхать поскорѣй. Видъ этихъ дѣвушекъ такъ нехорошо на меня подѣйствовалъ. После обѣда мы стали собираться въ путь; ѣхать въ Саровъ съ нами здѣсь оказалось много желающихъ, и на этомъ основаніи мы должны были своихъ лошадей оставить здѣсь, а намъ снарядили тройку хорошихъ лошадей и линейку. Поѣхало насъ двѣнадцать человѣкъ. Лошади летѣли и чрезъ два часа мы были въ Саровской пустыни. Дорога къ Сарову шла густымъ высокимъ Муромскимъ лѣсомъ, верстъ на двадцать шириною, и что это за лѣсъ! чудо,—ровный, густой! дорогой было весело, всѣ говорили, смѣялись много.

Только что миновали лѣсъ, вся пустынь намъ открылась, со всѣми церквами и какъ снѣгъ бѣлыми зданіями; красива она, очень красива! Стоитъ на высокой горѣ, окруженная дремучимъ лѣсомъ, и какъ поясомъ опоясалась своей маленькой рыбной рѣчкой Саровкой.... какъ теперь я вижу всю ее! Какой это прекрасный, Богомъ благословенный уголокъ! Проѣхали мы мостикъ и поднялись на гору, такъ быстро, что я вздохнуть не успѣла. У крыльца пріютъ для странниковъ; вышли изъ линейки, я перекрестилась и помолилась на соборъ; сейчасъ же всѣ мы отправились къ собору поклониться гробницѣ отца Серафима; гробница его была подлѣ самаго алтаря. Вечерня уже отошла, мы помолились и приложились къ чудотворному образу Божіей Матери. Потомъ пошли гулять и осмотрѣли всю обитель; какая вездѣ бѣлизна, чистота, точно она сейчасъ выстроена и человѣкъ еще не жилъ въ ней, пылинки нѣтъ, вѣтру поиграть не съ чѣмъ. Церквей много, у келій у всѣхъ садики фруктовые и покрытые сѣтками, а большой садъ идетъ по всей горѣ, идетъ до самой рѣчки. Соборъ большой прекрасный. Какъ мнѣ понравилось тогда тамъ, въ этой пустыни: такое благочестіе, такая святость покоилась на ней! Всѣ монахи—да, всѣ до единаго, внушали уваженіе своей скромной одеждой, своими истощенными лицами; ни одного мо-

наха не встрѣтите въ этой пустыни толстаго съ краснымъ носомъ и съ наглыми глазами. Саровская пустынь окружена густымъ темнымъ лѣсомъ, и конца этому лѣсу глазъ не видитъ! Только свѣтлыя главы церквей мелькаютъ кой-гдѣ сквозь вѣтви, да еще видна обитель женская, Дѣвій монастырь, какъ ее называютъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Сарова, тоже въ лѣсу. Погулявши достаточно, напились чайку вмѣстѣ съ ужиномъ и полеглись спать.

Я встала къ заутрени съ одной старушкой, была и у обѣдни, отслужила молебенъ чудотворному образу и панафиду отцу Серафиму. Потомъ пошла прямо въ трапезну; тамъ былъ общій столъ, особенно никому не подавали и говорили, что здѣсь всѣ равны, у насъ одинъ общій столъ, и дѣйствительно вся толпа вошла въ трапезну, а инымъ, кому недостало мѣста, накрыли столъ на дворѣ. Трапеза была отличная: прежде были поданы блины; потомъ уха, потомъ грибное блюдо и жареная рыба, потомъ аладьи съ медомъ и ягоды съ молокомъ. Монахи говорили, что у нихъ бываетъ постоянно такая трапеза для богомольцевъ, но болѣе трехъ дней тамъ оставаться никто не можетъ. Молящіеся тамъ бываютъ все больше народъ простой, русскій, но обитель богатая; всѣ монахи сами обрабатываютъ землю, остаются въ монастырѣ только старый и немощный, но, кто бы ни былъ посвятившій себя въ эту обитель, долженъ былъ нести самъ всѣ тягости трудной работы. Послѣ обѣда мы еще разъ поклонились святому угоднику, и отправились въ путь.

Было воскресенье. Только что мы проѣхали лѣсъ, отъ котораго дорога шла волокомъ къ какому-то большому селенію, помѣщавшемуся на двухъ горахъ. Посрединѣ былъ глубокій ровъ опушенный мелкимъ кустарникомъ; при въѣздѣ въ село шла крутая гора, отъ самыхъ воротъ до мостика чрезъ ровъ. Лошади наши заиграли, кучеръ сдерживалъ, но онѣ заупрямились; кучеръ собралъ силы, чтобъ остановить ихъ, и вдругъ у коренной лопнула возжа, и онѣ понесли насъ, да не попали въ ворота, а однимъ бокомъ наѣхали на воротный столбъ, экипажъ нашъ опрокинулся набокъ! Кто какъ могъ, тотъ такъ и повалился; меня и старуху тащило по селу, но мужики, увидавъ это событіе, на всемъ бѣгу остановили лошадей нашихъ. Не будь праздникъ,

отслужили бы по насъ тутъ же панафиды. Подняли насъ; кучеръ былъ ушибленъ сильно, и умеръ чрезъ мѣсяцъ, старуха ногу сломала, а я оставила всю кожу со спины на дорогѣ, да не чувствовала ничего, вскочила и побѣжала къ сестрѣ; она сидѣла посреди дороги съ ребенкомъ на рукахъ. Изъ господскаго дома вышли къ намъ на помощь гувернантка, горничная и лакей съ водой и виномъ, и стали они мнѣ размывать спину; тутъ уже не помню ничего, но знаю, что какъ они налили мнѣ на спину воды съ виномъ, я такъ и покатилась замертво. Не помню какъ мы пріѣхали къ знакомому помѣщику, и какъ меня положили наверху въ постель. Долго я не могла спать ни на боку, ни на спинѣ, а спала положа голову на руки, да къ стѣнкѣ прижмусь—такъ и усну. Помѣщикъ вечеромъ пришелъ навѣстить меня, и такъ посмотрѣлъ на меня, что сталъ онъ мнѣ гадокъ, я попросила его уйти; онъ прислалъ мнѣ дѣвушку, которая должна была и ночевать со мной. Дѣвушка пришла съ красными отъ слезъ глазами. Я ничего не могла спросить у ней, о чемъ она плачетъ, потому что сама страдала ужасно. Я объ себѣ заговорила: — дай — говорю—мнѣ, милая, водицы выпить, тебя какъ зовутъ?

— «Парашей». Дала воды.

— Вотъ,—говорю,—милая Параша, какъ я изранена; вотъ—пожалуй, кожа у меня другая не выростетъ!

— «Нѣтъ, барышня, выростетъ, а вотъ у насъ такъ знать радостей-то не выростетъ!» и опять заплакала.

— Развѣ тебѣ, Параша, не хорошо здѣсь жить? Милая, чтò это ты такъ плачешь, полно!

— «Ахъ, барышня! Богъ отъ насъ отступился, вотъ что!»

— Ахъ, Параша, грѣхъ такъ говорить, Богъ ни отъ кого не отступается. Коли тебѣ скучно, ты лучше помолись; это на тебя искушеніе нашло!

— «Нѣтъ, барышня-матушка! такъ тяжело, иной разъ руки бы на себя наложила, да тоже Бога боишься! Вотъ мы мученицы просто! Вѣдь баринъ-то нашъ хуже пса какого! злодѣй онъ, ему и на каторгѣ нѣтъ мѣста, развратникъ! Теперь насъ у него десять дѣвокъ; возьметъ отъ отца и матери, станетъ грамотѣ учить, чтобы, вишь ты, на кіятрѣ играть разныя штуки, а самъ

изъ дѣвки-то всю кровь выпьетъ, а потомъ замужъ отдастъ за ка-кого постылаго мужика. Теперь и дѣвокъ-то, почитай, ни одной нѣтъ во всей деревнѣ, кромѣ маленькихъ. Намедни пришла На-стасья съ женихомъ, чтобъ повѣнчать велѣлъ, просится; нельзя теперь, говоритъ; Настасья хорошенькая; ей, говоритъ, надо еще поучиться, а ты, говоритъ мужику-то, и не думай объ ней; такъ тотъ и пошелъ, а она хочетъ въ рѣку броситься. Не буду, го-воритъ, учиться у него, вотъ что. Вотъ, Липку прогналъ, и по-мучилась она, не хочу, говоритъ, я у васъ, баринъ, жить, хоть живую въ землю закопайте. Побился, побился, да и прогналъ: иди, говоритъ, куда знаешь, только не смѣть у меня въ деревнѣ жить! Пропала куда-то, ни слуху ни духу нѣтъ! Отцы-то съ матерями плачутъ, плачутъ, просятъ, чтобъ онъ не бралъ насъ, а онъ еще нарочно поскорѣй возьметъ, подержитъ, подержитъ, да за какого ни на есть мужика и отдастъ. Аксюшку мужъ-то въ гробъ заколотилъ, ты, говоритъ, барская наложница, такъ и жила бы съ нимъ! да такъ-то многихъ. Мужики жаловаться на него ходили, такъ онъ имъ же сказалъ: не велите дѣвкамъ сво-имъ виснуть ко мнѣ на шею! да мужиковъ-то всѣхъ передралъ, чтобы впередъ не жаловались! Да, матушка-барышня, я хоть и сиротинка, да жаль очень себя-то, сколько разъ утопиться хотѣла, да нешто легче будетъ? И душу то-загубишь, а ужъ какъ не-выносно, что и сказать нельзя».

Опять Параша заплакала. Мнѣ стало такъ жаль ее, что и я заплакала тоже.

— «И мужики-то и дворовые всѣ измучены, — продолжала она,—и на охоту, и въ кіатръ играть; всѣ, какія есть, молимся Богу-то, чтобъ скорѣй издохъ, да не издыхаетъ!»

Мы поплакали порядкомъ, я положила голову на руки, обло-котилась на локотки; дѣвушка мнѣ положила подушку на ко-лѣни, и я облокотилась на нее; спина моя болѣла очень сильно, и мнѣ предстояло такъ ночевать очень долго.

Такъ меня эта дѣвушка опечалила разсказомъ о своемъ ба-ринѣ, что и земля-то мнѣ показалась кровяною въ этой деревнѣ. О, Господи! какъ подумаешь, что̀ было тогда, и что̀ теперь стало. Тяжело вздохнешь и печально о томъ, что̀ было даже двадцать лѣтъ тому назадъ, и какою радостью наполнится сердце каждаго

человѣка, сочувствующаго народному благу настоящаго времени, и подумаешь, какими молитвами должны мы молиться за нашего Государя!

Когда я возвратилась изъ своего путешествія, отецъ приказалъ матушкѣ жить со мною, «а то бросили,—говоритъ,—дѣвчонку на вѣтеръ». Матушка и сама стала скучать; она осталась одна, батюшка поступилъ въ должность управляющаго, братья всѣ были по мѣстамъ. Она переѣхала ко мнѣ. Тутъ-то жизнь моя пошла иначе. Матушка больше не сердилась на меня, и увидѣла сама, что она очень ошибалась на счетъ театра, думая, что онъ самое позорное мѣсто, и даже сама плакала, слушая какъ я распѣвала мои двѣ оперы. Спина моя стала подживать, я продолжала играть маленькія рольки и иногда пѣла въ дивертисементахъ; публика меня ласкала за мой голосъ, всякій разъ я должна была повторять, что̀ бы я ни пѣла. Мнѣ стали завидовать, и даже одна важная особа просила директора, чтобы онъ рекомендовалъ меня на какой нибудь другой театръ, потому что у важной особы были свои сестрицы—пѣвицы на сценѣ: ну, она стала не любить меня. Тутъ подоспѣла ярмарка, все закипѣло словно въ аду. Театръ переѣхалъ на ярмарку, пошли каждый день спектакли, дѣла и у меня стало много. Артистовъ столичныхъ къ намъ наѣхало много Изъ Питера пріѣхала Ю. Н. Линская, изъ Москвы А. А. Бантышевъ и много другихъ. Вотъ съ Бантышевымъ и стала я играть оперы, прежде «Стрѣлка», а потомъ «Аскольдову могилу», и была принята публикой не хуже его. Онъ мнѣ одинъ разъ и сказалъ, чтобы я пріѣзжала въ Москву; а мнѣ это показалось какъ смѣшно. Ю. Н. Линская мнѣ очень понравилась и она полюбила меня. Я была ея пажомъ: гдѣ она—тутъ и я ужъ непремѣнно! пробралась и въ номера, гдѣ она стояла, и очень часто наслаждалась ея бесѣдою. Съ какимъ наслажденіемъ и недовѣріемъ слушала я ея разсказы о Питерѣ, какъ они служатъ, и какъ часто видятъ Царя, и сказала сколько она получаетъ жалованья, такъ я и обмерла и, признаться сказать, не повѣрила ей; счастію моему просто конца нѣтъ. Мы съ ней и до сей минуты любимъ другъ друга самою теплою любовью. Здѣсь же ярославскій антрепренеръ высмотрѣлъ меня и ангажировалъ на свой театръ; далъ мнѣ пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ. Какъ

кончилась ярмарка, я и снарядилась въ Ярославль, простилась съ дорогими моему сердцу, отцомъ, братьями, съ П. А. Д. и А. А. В., и отправилась въ путь съ матушкой. Грустно мнѣ было оставить Нижній, мою родину, но дѣлать было нечего, сама избрала свою дорогу.

Пріѣхала я въ Ярославль благополучно. Ѣхало насъ много въ одной крытой телѣгѣ. Ярославль мнѣ очень понравился; городокъ чистенькій, театръ каменный, прекрасный, и Волга, моя задушевная Волга! Я скоро привыкла къ моему новому жилищу. Остановились мы въ гостинницѣ при постояломъ дворѣ, близь театра; квартира опрятная, хорошенькая; одна комната большая, потомъ маленькая, безъ окна, и кухня, окнами въ свѣтлый коридоръ, и мебель хорошенькая: столы, комоды, двѣ кровати, одна съ ширмами. Здѣсь, въ Ярославлѣ, началась моя полная жизнь. На пятнадцатомъ году у дѣвицъ не безъ разныхъ приключеній, а я была такой еще ребенокъ, что многаго не понимала самаго простаго и обыкновеннаго въ жизни. Въ Ярославлѣ меня полюбили окончательно всѣ, и артисты, и публика. Тутъ я нашла Ленскихъ, мужа и жену, людей талантливыхъ и добрыхъ. Ленская меня такъ полюбила какъ сестру родную, и я ей отвѣтила тѣмъ же. Тутъ было еще семейство Бѣшенцевыхъ, людей очень почтенныхъ. Бѣшенцевъ былъ оперный пѣвецъ, онъ принялъ во мнѣ живое и самое теплое участіе и даже сталъ учить меня пѣть, тоже со скрипкой. Я привязалась къ Бѣшенцеву душой и даже звала его папашей. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, и говорили, что онъ изъ петербургскихъ.

Въ Ярославлѣ не замедлили моимъ дебютомъ...

Любовь Косицкая.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ПОПОВА

О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ КРЫМСКОЙ АРМІИ

съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.

Начало «Записокъ» А. Е. Попова помѣщено въ «Русской Старинѣ» изданія 1877 г., томъ XIX, стр. 326—329. Такъ какъ нѣкоторымъ изъ читателей «Русской Старины» настоящаго года можетъ быть неизвѣстенъ этотъ начальный отрывокъ изъ «Записокъ» Александра Ефимовича Попова, и притомъ разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ безъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ имъ, представлялъ бы характеръ неполноты и, въ настоящемъ случаѣ, даже неясности,—то мы находимъ необходимымъ передать, въ краткихъ словахъ, содержаніе напечатаннаго въ нашемъ изданіи отрывка.

19-го сентября 1854 г. посѣтилъ А. Е. Попова флигель-адъютантъ Альбединскій, только что прибывшій изъ Крыма, и, по порученію князя Меншикова, сообщилъ ему, что вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ особымъ письмомъ просилъ Государя Императора о командировкѣ его въ Крымскую армію.

Въ это время совершилось уже вторженіе въ Крымъ союзниковъ: Альминское сраженіе было проиграно нами и Севастополь обложенъ непріятелемъ. А. Е. Поповъ состоялъ въ должности начальника штаба резервныхъ гвардейскихъ корпусовъ, назначавшихся для обороны Петербурга и его окрестностей и формировавшихся подъ начальствомъ генералъ-адъютанта А. Ѳ. Арбузова.

23-го сентября 1854 г. А. Е. Поповъ, по своей должности, находился въ Царскомъ Селѣ, при распредѣленіи Императоромъ Николаемъ Павловичемъ рекрутъ. По окончаніи распредѣленія, Поповъ позванъ былъ къ Государю. Его Величество сѣлъ уже въ коляску съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и, обратясь къ г. Попову, изволилъ выразить:

— «Я посылаю тебя въ Крымъ. Когда прибудешь туда, передай мой по клонъ князю Меншикову, а онъ—чтобы передалъ войскамъ, всѣмъ и каж дому—мое спасибо. Корнилову тоже передай поклонъ мой и скажи, чт я увѣренъ, что онъ употребитъ все для спасенія Севастополя, а въ случа неизбѣжности потери его, не оставитъ въ немъ камня на камнѣ и из батарей Сѣверной стороны будетъ громить его остатки и бухту. Если уви дишь Хомутова, и ему передай поклонъ мой».

Послѣ минутной остановки, Государь продолжалъ:

— «Затѣмъ, желаю тебѣ благополучнаго пути и желаю, чтобы т засталъ въ Крыму все благополучно: но если бы и не такъ случилос то я на тебя надѣюсь; ты мнѣ изъ чернаго—сдѣлаешь свѣтлый и радос ный день».

При громадной нравственной отвѣтственности, налагаемой этими словам Государя, г. Поповъ, для выясненія себѣ мысли Государя, обратился къ Е Величеству съ вопросомъ:

— Преимущество вооруженія союзныхъ войскъ въ Крыму,—сказа г. Поповъ,—во многихъ случаяхъ можетъ ставить войска наши въ невыгод ное положеніе, но правило великаго Суворова—пуля дура, штык молодецъ—съ прежнею вѣрностію можетъ прилагаться и нынѣ, и уни тожить выгоды вооруженія, но для этого необходимы неожиданныя и но ныя нападенія. Поэтому, чтò прикажете доложить князю Меншикову, пр возбужденіи вопроса о способѣ дѣйствій?

— «Я одобряю и смѣлыя дѣйствія, и все, что ты найдешь нужны сдѣлать. Счастливаго пути»,—отвѣчалъ Государь.

«Приведенныя мною слова Государя Императора,—говоритъ А. Е. П повъ,—звонко и внятно высказанныя, были слышаны всѣми присутств вавшими на смотру лицами, окружавшими коляску Его Величества».

«25-го сентября,—разсказываетъ далѣе А. Е. Поповъ,—я выѣхалъ из Петербурга. На Любанской станціи ко мнѣ подошелъ князь Радзивилъ высказавъ, что онъ, по высочайшему повелѣнію, ѣдетъ въ Крымъ, настоятел но убѣждалъ меня ѣхать отъ Москвы съ нимъ вмѣстѣ, въ его экипаж предоставляя мнѣ останавливаться только тамъ, гдѣ я хочу.

«Только десять лѣтъ спустя послѣ Крымской войны полковникъ Линде неръ передалъ мнѣ, что, въ бытность его въ Евпаторійскомъ отрядѣ, княз Радзивилъ разсказывалъ, что, при представленіи его Императору передъ от

ѣздомъ въ Крымъ, Его Величество спросилъ его: въ какомъ экипажѣ онъ ѣдетъ отъ Москвы? Зная, какъ Государь не любилъ, чтобы свита Его Величества, при экстренныхъ командировкахъ, ѣздила въ своихъ экипажахъ, онъ отвѣчалъ: «на перекладныхъ». На это Государь замѣтилъ:

— «У тебя въ Москвѣ есть экипажи; возьми полегче, и, кстати, теперь же ѣдетъ полковникъ Поповъ; возьми его съ собою и позаботься о благополучномъ его пріѣздѣ».

«Только тогда мнѣ сдѣлалась ясна причина настойчивости Радзивила, съ которымъ прежде я не былъ знакомъ»...

1-го октября, вечеромъ, 1854 г., А. Е. Поповъ съ княземъ Радзивиломъ прибыли въ штабъ-квартиру арміи, на р. Бельбекѣ. Князь Меншиковъ выразилъ удовольствіе по случаю пріѣзда А. Е. Попова.

На другой день, около 7-ми часовъ утра, князь Меншиковъ встрѣтилъ А. Е. Попова слѣдующими словами:

— «Такъ какъ вы мнѣ не нужны, то я назначаю васъ къ князю П. Д. Горчакову».

Полковникъ Поповъ былъ взволнованъ и возмущенъ словами князя: «такъ какъ вы мнѣ не нужны». Устраненіе отъ дѣлъ и все будущее обрисовалось ему ясно. Притомъ же назначеніе къ князю П. Д. Горчакову не имѣло, по глубокому убѣжденію полковника Попова, никакого смысла.

Съ своей стороны, П. Д. Горчаковъ назначалъ г. Попова въ распоряженіе начальника своего штаба. Этотъ начальникъ былъ его моложе въ чинѣ и притомъ А. Е. Поповъ очень хорошо зналъ, что состоялась командировка его, Попова, въ Крымскую армію вслѣдствіе настоятельной просьбы о томъ самого главнокомандующаго.

Такъ какъ въ этотъ день никакого опредѣленнаго назначенія А. Е. Попову не состоялось, то князь Меншиковъ, по просьбѣ Александра Ефимовича, назначилъ его обозрѣть мѣстность и расположеніе какъ нашихъ, такъ, по возможности, и непріятельскихъ войскъ. Полковникъ Поповъ исполнилъ это порученіе, и главнокомандующій остался видимо тѣмъ доволенъ. Тутъ же князь Меншиковъ позволилъ ему съѣздить и въ Севастополь, прибавивъ:—«Цѣль непріятеля—овладѣть Севастополемъ, и я думаю назначить васъ туда».

Осмотрѣвъ севастопольскія укрѣпленія, а равно и непріятельскія работы, А. Е. Поповъ, 4-го октября (1854 г.), утромъ, увидѣвшись съ княземъ Меншиковымъ, передалъ ему свои впечатлѣнія въ томъ смыслѣ, что осадныя

батареи непріятеля близки къ окончанію и что огонь можетъ быть открыт даже завтра.

— «Если вы такъ увѣрены,—сказалъ князь полковнику Попову,—то я прикажу сегодня же приготовить предписаніе о вашемъ назначеніи».

Неопредѣленность положенія А. Е. Попова при арміи, при неблагосклон ной встрѣчѣ его главнокомандующимъ, сковывала его совершенно.

Въ 4 часа пополудни, того же 4-го октября, полковникъ Поповъ полу чилъ предписаніе, которымъ назначался начальникомъ штаба къ командую щему войсками въ Севастополѣ.

Между тѣмъ, еще 30-го сентября (1854 г.), послѣдовалъ Высочайшій приказ о назначеніи князя Меншикова главнокомандующимъ, а полковника Попова— исправляющимъ должность начальника штаба военно сухопутныхъ и морскихъ силъ, находящихся въ Крыму По отношенію однако къ А. Е. Попову, этотъ Высочайшій приказъ остался мертвою буквою, такъ какъ о его назначеніи князь Меншиковъ не объявилъ по арміи, и даже ему самому не сообщилъ объ этомъ...

Далѣе обращаемся къ Запискамъ А. Е. Попова. Ред.

I.

Начало бомбардированія Севастополя.

Въ 6 часовъ вечера 4-го октября, я былъ уже въ Севасто полѣ, и, явившись къ начальнику гарнизона, генералъ-лейтенант Моллеру, отправился къ генералъ-адъютанту Корнилову. Он еще не возвратился съ оборонительной линіи, когда я пришел къ нему, но прибылъ вскорѣ, и послѣ общаго чая, за которым участвовало человѣкъ 10 его штаба, Корниловъ со мною уда лился въ кабинетъ, гдѣ я передалъ ему поклонъ и относившіяс къ нему слова Государя Императора, а затѣмъ разговоръ наш шелъ о состояніи обороны и осадныхъ работъ. Корниловъ изла галъ все просто, съ благородною твердостію, дышащею увѣрен ностью. Около 10-ти часовъ вечера мы разстались, условившис на слѣдующій день осмотрѣть вмѣстѣ оборонительную линію, затѣмъ дѣлать все сообща.

Всѣмъ извѣстно, что съ утра 5-го октября началось первое бом бардированіе Севастополя. Я ночевалъ въ какой-то гостинницѣ н

ѣкатерининской улицѣ, и, проснувшись отъ грохота непріятельскихъ и нашихъ батарей, поспѣшилъ въ домъ, занимаемый Корниловымъ, но уже не засталъ его,—съ первыми выстрѣлами онъ отправился на оборонительную линію. Около $8^{1}/_{2}$ часовъ утра Корниловъ возвратился домой, чтобы напиться чаю, но не успѣлъ еще окончить оный, какъ былъ позванъ къ князю Меншикову, который, при усиленномъ огнѣ въ Севастополѣ, нашелъ нужнымъ лично въ немъ присутствовать. На улицѣ, близь самаго дома, мы встрѣтились съ княземъ, который былъ видимо задумчивъ—и было отчего: хотя по оборонѣ было сдѣлано все возможное, но ни предвидѣть, ни расчитать развитія и исхода предпринятаго непріятелемъ дѣйствія—было невозможно. Проводивъ князя Меншикова по Екатерининской улицѣ до Графской пристани, мы повернули назадъ, и чрезъ Театральную площадь прибыли на й бастіонъ. Я ѣхалъ рядомъ съ Корниловымъ; онъ разсылалъ безпрерывно штабныхъ своихъ съ различными приказаніями, относящимися къ матеріальнымъ нуждамъ дѣйствующихъ батарей. о тревогѣ, боевыя линіи и резервы заняли уже назначенныя ъ диспозиціею мѣста, и войскамъ приказано, оставаясь въ полй готовности, сколько возможно прикрываться мѣстными предметами отъ огня непріятеля. 4-й бастіонъ мы нашли въ полномъ йствіи и на немъ не было никакихъ проявленій разрушенія; тѣмъ мы повернули, по продолженію его лѣваго фаса, къ батарейкѣ Грибокъ, о которой еще наканунѣ Корниловъ говорилъ нѣ. Показавъ мнѣ эту лѣвую оконечность нашихъ укрѣпленій родской стороны, Корниловъ сказалъ мнѣ: «теперь я поѣду Корабельную сторону, я васъ попрошу остаться здѣсь» высказалъ ему, что нахожу его поѣздку на Корабельную—своевременною, потому что всѣ донесенія съ оборонительй линіи естественно посылаются въ домъ, имъ занимаемый, если какія-либо изъ нихъ потребуютъ безотлагательныхъ распоряженій, то отсутствіе его можетъ сдѣлаться гибельнымъ, и едложилъ ему, вмѣсто его, осмотрѣть оборонительную линію рабельной стороны. Кромѣ меня, и другіе изъ состоявшихъ и немъ лицъ упрашивали его не ѣздить на Корабельную, предавляя, что полученныя оттуда донесенія совершенно успокоиьны. Но Корниловъ остался твердъ въ своемъ намѣреніи, въ отъ тяжелый для обороны день, видѣть войска всей боевой линіи.

Оставшись на Городской сторонѣ, я осмотрѣлъ положеніе на шихъ резервовъ и подходы отъ нихъ къ 4-му и 5-му бастіонамъ Въ это время началъ рѣдѣть огонь французскихъ батарей, но англійскія продолжали дѣйствовать съ прежнею силою, и въ тоже время получены извѣстія: съ Корабельной стороны—о смертель ной ранѣ Корнилова, а съ береговыхъ батарей — что весь флот союзниковъ приближается къ городу. Около полудня, флотъ на чалъ занимать противъ береговыхъ батарей боевую позицію, въ часъ по полудни открылъ усиленный огонь, дѣйствуя боль шею частію залпами, что̀ продолжалось почти до сумерекъ.

Я переѣхалъ къ дому штаба, занимавшаго самую возвышен ность Городской стороны, гдѣ, съ террасы надъ крышею онаго можно было видѣть всѣ части нашей оборонительной позиціи но густой дымъ, особенно съ открытіемъ дѣйствій флота, лежал надъ городомъ и препятствовалъ различать предметы даже в близкомъ разстояніи.

Въ 6 часовъ вечера непріятельскій флотъ вышелъ изъ-под выстрѣловъ нашихъ береговыхъ батарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ пре кратилось сухопутное бомбардированіе. Къ начальнику гарни зона начали поступать подробныя донесенія отъ всѣхъ часте оборонительной линіи, многіе изъ частныхъ начальниковъ д этого явились лично, и результаты дня очертились фактически.

Въ борьбѣ съ сухопутными батареями, мы имѣли рѣшител ный успѣхъ—на Городской сторонѣ, гдѣ дѣйствовавшія проти нея французскія батареи къ полудню были приведены къ молча нію; напротивъ того, англійскія батареи, дѣйствовавшія проти Корабельной стороны, имѣли перевѣсъ надъ нашими батарея особенно сильно страдалъ отъ нихъ 3-й бастіонъ; послѣдовавш же на немъ, въ 3-мъ часу, взрывъ пороховаго погреба—привел его въ окончательное разстройство.

Въ бомбардированіи съ моря, непріятель, дѣйствуя съ 33-х кораблей въ продолженіе пяти часовъ, причинилъ нашимъ бер говымъ батареямъ, кромѣ Константиновской, лишь самыя незн чительныя поврежденія; въ союзномъ же флотѣ замѣтны бы немаловажныя поврежденія, принудившія многіе изъ корабле удалиться отъ боевыхъ линій.

И такъ, 5-е октября было днемъ торжества осажденнаг что̀ ясно выразилось уже тѣмъ, что осаждающій, соединивъ в

этому дню громадныя средства для бомбардированія и введя въ дѣло весь флотъ свой, не рѣшился штурмовать городъ, когда разстройство нашего 3-го бастіона доставляло къ тому легкую возможность.

Но этотъ успѣхъ не приносилъ еще собою ничего успокоительнаго. Въ теченіе дня, мы потеряли 1,250 человѣкъ выбывшими изъ строя, имѣли до 100 подбитыхъ и поврежденныхъ орудій и израсходовали 5 т. пудовъ пороха. Выдерживать такія потери продолжительно было, очевидно, не возможно.

Конечно, полная неудача морскаго бомбардированія, казалось, обезпечивала насъ отъ повторенія таковаго въ будущемъ, что̀ немало сберегало наши средства обороны; но блистательный успѣхъ нашъ надъ французскими батареями имѣлъ только переходящее значеніе, ибо исправленіе расположенія батарей и усиленіе на нихъ калибра орудій, какъ указывалъ на то опытъ минувшаго дня, находились въ полной возможности осаждающаго; мы же никакъ не могли выйти изъ очертаннаго обстоятельствами пассивнаго круга дѣйствій. Поэтому, съ окончаніемъ бомбардированія приступлено было къ приведенію оборонительной линіи въ возможность противодѣйствовать огню осадныхъ батарей на слѣдующій день. Сущность этихъ работъ состояла: въ исправленіи поврежденій нашихъ батарей, утолщеніи насыпей оныхъ, упроченіи пороховыхъ погребовъ, возведеніи траверзовъ, углубленіи прежнихъ и проведеніи новыхъ траншей сообщенія, замѣнѣ подбитыхъ орудій, станковъ и лафетовъ, и въ доставкѣ снарядовъ на батареи. Для исполненія этихъ работъ, какъ рабочая сила, служили войска, по оборонительнымъ дистанціямъ распредѣленныя, а въ помощь имъ нерѣдко назначались значительныя части и отъ главныхъ резервовъ. Для сбереженія пороха, начальникомъ гарнизона предписано всѣмъ начальникамъ батарей имѣть крайнюю бережливость въ расходованіи снарядовъ.

Къ утру 6-го числа, всѣ предпринятыя работы были окончены и оборонительная линія была въ готовности и даже въ болѣе твердомъ состояніи чѣмъ наканунѣ. Въ 6 часовъ утра англійскія батареи открыли жестокій огонь и непрерывно поддерживали его до самой ночи, но въ этотъ день не успѣли достигнуть никакого важнаго результата. Французскія батареи молчали весь день и на нихъ производились исправленія и возво-

дились новыя работы. Не смотря на одностороннее бомбардирование Севастополя въ теченіе 6-го числа, у насъ выбыло изъ строя въ этотъ день 543 человѣка, и израсходовано свыше 1½ т. пудовъ пороха. Въ ночь на 7-е число у насъ производились работы для исправленія поврежденій и усиленія оборонительной линіи.

7-го октября бомбардированіе открылось, какъ съ англійскихъ, такъ и съ французскихъ батарей, и поддерживалось весьма настойчиво. Но французскія батареи и въ этотъ день не выдержали боя: постепенно умолкая, къ тремъ часамъ онѣ прекратили дѣйствіе; англійскія батареи продолжали огонь свой до ночи. Въ теченіе этого дня у насъ выбыло изъ строя 516 человѣкъ, и нами израсходовано до 2 т. пудовъ пороха. Всю ночь у насъ производились обычныя работы, и сверхъ того предприняты новыя для усиленія обороны 4-го бастіона, противъ котораго осаждающій подвигался впередъ.

Вслѣдствіе прибытія въ Севастополь подкрѣпленій и обозначившейся необходимости ежедневнаго назначенія войскъ на работы, начальникъ гарнизона сдѣлалъ новое распредѣленіе оныхъ по оборонительной линіи, предоставивъ начальникамъ дистанцій располагать ими и для работъ.

8-го, 9-го, 10-го и 11-го октября бомбардированіе Севастополя продолжалось обычнымъ порядкомъ съ утра до ночи, какъ съ англійскихъ, такъ и съ французскихъ батарей; особенно сильно страдали отъ онаго 3-й и 4-й бастіоны. Съ каждымъ днемъ замѣчалось усиленіе осадныхъ батарей, и французскія подступы, по капители 4-го бастіона, въ эти дни приблизились къ нему на 200 сажень, обнаруживая намѣреніе непріятеля овладѣть городомъ на этомъ пунктѣ правильною осадою. Въ эти дни, мы имѣли ежедневно до 250-ти человѣкъ выбывшихъ изъ строя; это уменьшеніе потерь происходило отъ возведенія охранительныхъ работъ, а главное—отъ навыка людей къ полету снарядовъ.

Утолщеніе брустверовъ и увеличеніе числа траверзовъ уменьшили также вредъ, наносимый нашимъ орудіямъ.

Для противодѣйствія усиленіямъ непріятеля, кромѣ еженочныхъ исправленій поврежденій отъ бомбардированія истекшаго дня, у насъ возводились новыя батареи, которыя, съ увеличеніемъ калибровъ нашей артиллеріи, привели въ равновѣсіе огонь на

шихъ батарей съ англійскими, и вообще къ 13-му числу, сравнительно, мы сдѣлались сильнѣе чѣмъ были въ первый день бомбардированія; расходъ пороха тоже уменьшился, и составлялъ отъ 1,000 до 1,200 пудовъ ежедневно.

II.

Дѣло подъ Балаклавою.

11-го числа утромъ, я получилъ отъ князя Меншикова приглашеніе прибыть къ нему на Бельбекъ. Окончивъ необходимыя текущія распоряженія по гарнизону, я, часу во второмъ дня, прибылъ въ штабъ-квартиру арміи и нашелъ князя на томъ же мѣстѣ и въ той же самой палаткѣ, гдѣ онъ принялъ насъ съ княземъ Радзивиломъ, по пріѣздѣ нашемъ изъ Петербурга.

— «Я получилъ письмо отъ Государя Императора,—сказалъ князь, когда я вошелъ къ нему,—въ которомъ его величество выражаетъ желаніе—вы понимаете, что такое желаніе равномѣрно приказанію—чтобы съ прибытіемъ дивизіи Липранди я сдѣлалъ что либо въ пользу Севастополя. Я вызвалъ васъ теперь, чтобы узнать въ точности положеніе города, нужна ли ему непосредственная помощь и если нужна, то какимъ дѣйствіемъ она можетъ быть наиболѣе существенно достигнута?»

— «Въ первый день бомбардированія,—отвѣчалъ я,—мы израсходовали до 5-ти тыс. пудовъ пороха, во 2-й день 2 т., въ 3-й день столько же, и только вслѣдствіе настоятельныхъ повтореній достигли того, что въ послѣдніе дни расходуется нами отъ 1,000 до 1,200 пудовъ. Уменьшить этотъ расходъ едва ли возможно, потому что, отвѣчая канонадѣ, мы огнемъ же должны дѣйствовать на подступы непріятеля, которые явственно обозначились противъ 4-го бастіона. Генералъ-адъютантъ Корниловъ, вечеромъ 4-го числа, когда я имѣлъ честь ему представиться, говорилъ мнѣ, что мы имѣемъ 40 тыс. пудовъ пороха въ запасѣ, но, при отъѣздѣ моемъ къ вашей свѣтлости, у насъ оставалось въ запасѣ только 8 тысячъ пудовъ. Еще два-три дня, подобныхъ первому дню бомбардированія, и мы израсходуемъ весь запасъ нашъ. Поэтому, Севастополю необходима существенная помощь такого свойства, чтобы уменьшить необходимость въ расходованіи пороха.

«Во вторыхъ,—продолжалъ я,—въ первый день бомбардирова-нія, мы потеряли свыше 1,200 человѣкъ выбывшими изъ строя на другой и на третій день по 600 человѣкъ, а съ тѣхъ пор теряемъ по 250 человѣкъ ежедневно. Избѣжать этихъ потерь м не можемъ, находясь подъ перекрестнымъ огнемъ осадныхъ ба тарей; даже резервы наши не могутъ быть укрыты отъ непрія теля. Очевидно, что непріятель, находясь въ положеніи охваты вающемъ насъ, несетъ потери вчетверо меньше нашего. Это ука зываетъ на необходимость вывести городъ изъ охваченнаго осад ными батареями положенія.

«Наконецъ,—продолжалъ я,—самая главная причина, требую щая безотлагательной помощи Севастополю, состоитъ въ томъ что городъ доступенъ атакѣ открытою силою по всей оборони тельной линіи отъ праваго ея фланга и до лѣваго. Обрывиста южная бухта раздѣляетъ гарнизонъ города на двѣ части, кото рыя не могутъ одна другой подать помощи, и при 30-ти тысячах гарнизона, какъ мы имѣемъ въ настоящее время, болѣе 7-м тысячъ штыковъ мы не можемъ соединить ни на одномъ пунктѣ а потеря одного изъ командующихъ пунктовъ оборонительно позиціи дѣлаетъ дальнѣйшую оборону невозможною».

— «Что же полагаете вы необходимымъ предпринять нынѣ?»— спросилъ князь Меншиковъ.

— «Непосредственное усиленіе гарнизона, — отвѣчалъ я, — в обезпечитъ насъ отъ возможности удачнаго штурма, а съ этимъ мы ра зомъ потеряемъ все. Поэтому я полагалъ бы, съ прибытіемъ ди визіи Липранди, перевести ее на Корабельную сторону, скол возможно скрытно, ночью, изъ резервовъ гарнизона образоват еще одну сводную дивизію; эти войска ночью же собрать бли Малахова кургана и съ разсвѣтомъ занять ими англійскую ба тарею на Воронцовской высотѣ, съ твердымъ намѣреніемъ н ней утвердиться.

«Всѣ осадныя батареи союзниковъ,—продолжалъ я,—какъ м убѣдились ночными вылазками, на ночь занимаются войскам слабо; поэтому овладѣніе Воронцовскою батареею должно совер шиться почти безъ борьбы, удержаніе же ея за нами требует предварительно обдуманныхъ и приготовленныхъ мѣръ. Я нах дилъ бы необходимымъ имѣть при выдвигающихся войскахъ. дв или три батарейныя батареи, которыми и занять, немедленно. п

овладѣніи высотою, ея покатость, обращенную къ непріятелю, обративъ часть орудій нашихъ на Зеленую гору; при войскахъ имѣть саперный баталіонъ и рабочую команду съ должнымъ инструментомъ для возведенія на занятой высотѣ прочнаго опорнаго пункта. Слабость англійской арміи и значительная отдаленность французскихъ резервовъ дадутъ намъ возможность окопаться и укрѣпиться на новой позиціи; а съ возведеніемъ на обращенной къ непріятелю покатости достаточныхъ насыпей—вооружить ихъ орудіями большаго калибра.

«Этимъ предпріятіемъ,—продолжалъ я,—мы уничтожаемъ самую сильную англійскую батарею, поражающую нашу оборонительную линію съ фланга, и, затѣмъ, съ занятой нами высоты беремъ не только во флангъ, но даже съ тылу, англійскія же батареи на Зеленой горѣ, на разстояніи картечнаго выстрѣла отъ нея находящіяся, чтò уничтожитъ всякую возможность дѣйствовать съ нихъ. Останутся противъ насъ только французскія батареи, надъ которыми съ первыхъ дней бомбардированія мы имѣли замѣтный перевѣсъ, а съ лишеніемъ ихъ помощи съ батарей Зеленой горы, этотъ перевѣсъ долженъ сдѣлаться рѣшительнымъ. Такимъ образомъ мы достигаемъ: во-первыхъ, значительнаго уменьшенія въ расходованіи пороха; во-вторыхъ, уменьшенія втрое или вчетверо нашихъ потерь въ войскахъ, и въ третьихъ, имѣя возможность съ Воронцовской высоты дѣйствовать въ тылу осадныхъ батарей, мы сдѣлаемъ рѣшимость къ штурму—невозможною».

— «Я совершенно согласенъ, и вполнѣ одобряю изложенный вами планъ дѣйствій,—сказалъ князь Меншиковъ,—тѣмъ болѣе, что онъ совпадаетъ съ желаніемъ Государя Императора».

— «Когда главнокомандующій одобряетъ предположеніе и когда это предположеніе соотвѣтствуетъ желанію Государя, — сказалъ я,—то исполненіе онаго должно разсматривать окончательно рѣшеннымъ».

Князь позвонилъ, и приказалъ вошедшему человѣку попросить къ себѣ генерала Липранди. Когда человѣкъ вышелъ, я выразилъ князю поздравленіе съ назначеніемъ главнокомандующимъ (до сихъ поръ онъ былъ командующимъ), чтò придавало его распоряженіямъ силу высочайшихъ повелѣній. «Благодарю,—отвѣчалъ мнѣ князь Меншиковъ,—да вмѣстѣ съ тѣмъ и вы назначены ко мнѣ начальникомъ штаба; но я писалъ уже Государю,

что нахожу ваше присутствіе въ Севастополѣ необходимымъ, и просилъ на это соизволенія его величества. Поэтому, до полученія мною отвѣта я васъ прошу оставаться въ Севастополѣ».

На этомъ генералъ Липранди вошелъ въ палатку, и князь Меншиковъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «передайте генералу планъ дѣйствій, въ которомъ мы сейчасъ условились».

Тогда я изложилъ генералу Липранди причины, по которымъ непосредственная помощь Севастополю безотлагательно необходима, и затѣмъ—самый планъ дѣйствій и послѣдствія, отъ успѣшнаго выполненія онаго проистекающія.

Выслушавъ все, генералъ Липранди отвѣчалъ: «я не могу оспаривать достоинства плана, сейчасъ изложеннаго полковникомъ, но могу замѣтить только, что планъ этотъ трудно исполнимъ въ практикѣ; я знаю по собственному опыту штурма Воли подъ Варшавою, что̀ значитъ брать укрѣпленіе въ лобъ. Чтобы имѣть успѣхъ въ такомъ предпріятіи, начальникъ долженъ быть впереди, а при этомъ—всѣ шансы къ тому, что онъ выбудетъ изъ строя; безъ начальника нѣтъ порядка, а гдѣ нѣтъ порядка, тамъ успѣхъ невозможенъ».

На эту аргументацію, разумную въ сущности, я возразилъ:

— «Мы еженочно высылаемъ партію охотниковъ въ 50, много во 100 человѣкъ, и не было примѣра, чтобы такая партія не всходила на батареи осаждающаго и не заклепала на нихъ нѣсколько орудій. Естественно, что затѣмъ являются дежурныя части войскъ, наши охотники отходятъ назадъ, орудія расклепываются и на другой день мы ихъ видимъ снова въ дѣйствіи. Но въ ночь назначенную для исполненія предположеннаго плана, мы образуемъ партію въ 500, въ 1,000 человѣкъ—въ Севастополѣ недостатка въ охотникахъ нѣтъ—и эта партія, передъ началомъ наступленія, по расчету времени, заклепаетъ всѣ орудія избранной нами батареи и войска не встрѣтятъ противъ себя ни одного пушечнаго выстрѣла. Поэтому, личный опытъ вашего превосходительства при штурмѣ Воли нисколько не примѣнимъ въ настоящемъ случаѣ».

— «Хотя-бъ и такъ,—отвѣчалъ Липранди,—но я уже составилъ свое предположеніе, болѣе удобоисполнимое, состоящее въ движеніи на Балаклаву. Этимъ мы станемъ, такъ сказать, на

хвостъ непріятеля, и стѣснимъ его столько, что положеніе Севастополя облегчится».

— «Позвольте спросить,—сказалъ я,—при этомъ движеніи имѣете ли вы въ виду овладѣть Балаклавою?»

— «Нѣтъ,—отвѣчалъ Липранди,—на это у меня не достанетъ силъ».

— «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—вы не наступите даже на кончикъ хвоста непріятеля, ибо сообщенія его на Камышевую бухту и Балаклаву останутся неприкосновенны. Положеніе Севастополя не улучшится ни на одинъ волосъ, а вы найдетесь въ положеніи весьма рискованномъ, даже при удачѣ вашего предпріятія».

Въ это время вошелъ князь Горчаковъ, и при немъ уже я продолжалъ:

«Воронцовская высота находится въ 600 саженяхъ отъ нашихъ укрѣпленій и, чрезъ четверть часа послѣ всхода нашихъ охотниковъ на батарею, головныя части нашихъ наступающихъ войскъ будутъ тамъ же. Но въ четверть часа непріятель не можетъ ни расклепать орудій, ни собрать значительныхъ силъ для борьбы съ двумя наступающими дивизіями, и первоначальный успѣхъ нашъ вполнѣ обезпеченъ. Предположимъ даже, что намъ не удастся окончательно удержать за собою занятую позицію: мы отступимъ въ наши укрѣпленія, понесемъ потерю, но тѣмъ и ограничится вредъ нашей неудачи: непріятель не можетъ извлечь изъ нея рѣшительныхъ послѣдствій. Но и при такой неудачѣ мы извлечемъ значительныя для насъ выгоды, тѣмъ, что разрушимъ до основанія занятую нами батарею и нанесемъ сильныя поврежденія батареямъ Зеленой горы,—Севастополь вздохнетъ отъ тяжестей бомбардированія. Въ случаѣ же успѣха, на что намъ даетъ полную надежду удобное положеніе наше на Воронцовской высотѣ, при сильной поддержкѣ ея батареями 3-го бастіона и Малахова кургана, мы совершенно обезпечиваемъ Севастополь отъ сильныхъ потерь гарнизона и расходованія пороха, и отъ возможности штурма; съ прибытіемъ же нашихъ подкрѣпленій, мы будемъ имѣть удобную опору для возстановленія сухопутнаго сообщенія города съ Сѣверною стороною и съ дѣйствующею нашею арміею».

— «Я не оспариваю достоинствъ этого плана,—сказалъ Липранди,—но не приму на себя исполненіе онаго».

— «А я головою отвѣчаю,—сказалъ князь Горчаковъ,—что этотъ планъ не можетъ удасться».

При этихъ словахъ, князь Меншиковъ, хранившій все время ненарушимое молчаніе, всталъ съ своего мѣста и, подойдя ко мнѣ, съ гнѣвомъ произнесъ: «что же вы отъ меня хотите? Вы видите какіе у меня генералы!» и затѣмъ, обратясь къ Липранди, продолжалъ спокойно и даже иронически: «извольте, генералъ, дѣлать, что вы найдете нужнымъ».

Князь Горчаковъ и генералъ Липранди удалились безмолвно.

— «Ваша свѣтлость,—сказалъ я, оставшись одинъ съ княземъ,— ежели вы находите, что предположеніе генерала Липранди хотя нѣсколько уменьшитъ опасность положенія Севастополя, то исполненіе онаго будетъ лучше бездѣйствія; но я вижу, даже въ такомъ успѣхѣ, одинъ только вредъ—въ томъ, что дѣйствующая часть нашей арміи, вдаваясь къ Балаклавѣ, потеряетъ прямую связь съ Севастополемъ, и будучи недостаточно сильна, чтобы самостоятельно дѣйствовать на занимаемыя непріятелемъ позиціи, поставитъ себя въ опасность быть подавленною союзниками, причемъ легко можетъ быть отрѣзана отъ пути своихъ сообщеній съ Бахчисараемъ и откинута въ Байдарскую долину».

— «Что же я могу дѣлать съ такими генералами?» сказалъ князь.

— «Во первыхъ,—отвѣчалъ я,—передать командованіе 12-й дивизіею старшему по Липранди генералу; во вторыхъ, исполненіе одобреннаго вашей свѣтлостью плана поручить начальнику сводной въ Севастополѣ дивизіи — генералу Жабокрицкому. Я хотя не знаю военныхъ качествъ этого генерала, но знаю однако же, что онъ не суетливъ и имѣетъ опытность въ командованіи войсками; но, кромѣ того, я буду находиться при выдвигающихся войскахъ, и ваша свѣтлость можете быть увѣрены, что, въ качествѣ начальника штаба арміи, я не допущу нарушенія утвержденнаго вами плана, а, можетъ быть, ваша свѣтлость найдете нужнымъ и лично наблюсти за исполненіемъ онаго».

— «Я не могу устранить генерала Липранди отъ командованія,— сказалъ князь, — а безъ его дивизіи нечѣмъ дѣйствовать; но я желалъ бы убѣдить его и склонить къ принятію на себя командованія въ этомъ дѣлѣ. Онъ здѣсь недалеко, въ д. Бельбекъ, попытайтесь это устроить».

Я отправился къ Липранди, съ которымъ былъ нѣсколько знакомъ по гвардейской службѣ, потому разговоръ нашъ не былъ особенно натянутъ. Послѣ двухъ часовъ расчетовъ и переложеній на всѣ лады одного и другаго предположенія, Липранди сказалъ:

— «Я согласенъ, такъ и доложите главнокомандующему».

Уже было темно, когда я возвратился къ князю Меншикову и передалъ ему о согласіи генерала Липранди принять на себя исполненіе плана вылазки изъ Севастополя. «Останьтесь ночевать здѣсь,—сказалъ мнѣ князь,—а завтра утромъ я позову къ себѣ Липранди для окончательныхъ расчетовъ».

Но утромъ, Липранди снова отказался принять на себя командованіе выдвиженіемъ изъ Севастополя. «Что же вы думаете дѣлать?» сказалъ Меншиковъ.—«Я привезъ съ собою диспозицію»—отвѣчалъ Липранди.

Князь передалъ мнѣ поданную ему диспозицію и просилъ прочитать ее. Въ ней цѣлію дѣйствій назначалось овладѣніе турецкими редутами, въ 4-хъ верстахъ передъ Балаклавою расположенными, исполненіе же этого предположенія назначалось на слѣдующій день, 13-е октября.

Прочитавъ вслухъ данную мнѣ диспозицію, я сказалъ князю.

— «Относительно избранной цѣли, распредѣленіе войскъ и всѣ расчеты сдѣланы основательно и вѣрно; но самая цѣль дѣйствія ошибочна». Тогда князь передалъ диспозицію обратно генералу Липранди и окончательно разрѣшилъ ему исполненіе оной.

Оставшись затѣмъ вдвоемъ съ княземъ Меншиковымъ, я доложилъ ему, что у начальника гарнизона, генералъ-лейтенанта Моллера, нѣтъ никакого штаба; что, собственно для переписки ежедневныхъ донесеній его свѣтлости, къ нему является часа на три вечеромъ писарь его дивизіи, и что затѣмъ всѣ текущія распоряженія дѣлаются мною собственноручно. Почему и просилъ князя дозволить мнѣ взять изъ бывшаго при Корниловѣ штаба необходимый составъ для исполненія текущихъ дѣлъ и тѣмъ развязать мнѣ руки и дать возможность располагать собою.

— «Да,—сказалъ на это князь,—я передалъ уже штабъ этотъ вице-адмиралу Станюковичу, и пока идетъ все хорошо; повремените немного, а потомъ я распоряжусь».

12-го и 13-го октября бомбардированіе Севастополя продолжалось, какъ и въ предъидущіе дни. По гарнизону отданы были

строжайшія приказанія не тратить безъ необходимости ни одного выстрѣла, а князь Меншиковъ разослалъ во всѣ мѣста, гдѣ имѣлись склады пороха, требованія о самоскорѣйшей присылкѣ онаго.

13-го октября генералъ Липранди совершилъ предположенное имъ наступленіе къ Балаклавѣ. Отрядъ, ему ввѣренный, состоявшій: изъ 17-ти баталіоновъ, 20-ти эскадроновъ и 10-ти сотенъ казаковъ при 64-хъ орудіяхъ, утромъ 13-го числа атаковалъ четыре редута, расположенные на небольшихъ возвышенностяхъ, пересѣкающихъ Балаклавскую долину, верстахъ въ 4-хъ не доходя до оной. Эти редуты были слабо заняты турецкою пѣхотою, и, при первомъ же натискѣ, ближайшій къ намъ редутъ былъ занятъ нашими войсками; изъ остальныхъ турки бѣжали, не выждавъ атаки, и въ 7½ часовъ утра цѣль нашего наступленія достигнута. Но генералъ Липранди выдвинулъ впередъ гусарскую бригаду и 9 сотень казаковъ съ двумя конными батареями, приказавъ имъ уничтожить непріятельскій паркъ, верстахъ въ двухъ впереди нашего праваго фланга расположенный.

Между тѣмъ, по обнаруженіи нашего наступленія, англійскій гарнизонъ Балаклавы, въ числѣ до 2 т. пѣхоты и 1½ т. кавалеріи, выдвинулся впередъ и занялъ позицію по обѣимъ сторонамъ своего парка, почему кавалерія наша была встрѣчена ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, и хотя, не смотря на то, она достигла до парка, но нашла оный окопаннымъ канавами. При такомъ неожиданномъ препятствіи, она принуждена была отступить, понеся значительныя потери.

Одновременно съ отступленіемъ нашей кавалеріи прибылъ генералъ Жабокрицкій, съ отрядомъ изъ 7¾ баталіоновъ, 2-хъ эскадроновъ, 2-хъ сотень и 14-ти орудій, направленный для поддержанія генерала Липранди, и занялъ Федюхины высоты, составляя правый флангъ общаго расположенія.

Въ полдень часть непріятельской кавалеріи, неожиданно для насъ, выдвинулась впередъ и быстро пронеслась въ промежутокъ между отрядами Липранди и Жабокрицкаго; она опрокинула устраивавшуюся бригаду гусаръ и даже миновала резервы нашей позиціи, но тутъ, атакованная уланскимъ полкомъ съ фланга, она кинулась назадъ и, подъ перекрестнымъ огнемъ нашихъ батарей и штуцерныхъ, усыпала трупами путь своего отступленія. Потери, понесенныя англійскою кавалеріею, придали блескъ успѣху нашему 13-го октября.

III.

Продолженіе бомбардированія Севастополя.

Въ тотъ же день, 13-го октября, въ Севастополѣ получено
приказаніе князя Меншикова, для облегченія положенія гене-
рала Липранди, сдѣлать изъ города сильную вылазку на Сапунъ-
гору. Я поѣхалъ къ начальнику 4-й дистанціи, контръ-адміралу
Истомину, чтобы опредѣлить составъ выдвигающагося отряда и
способъ содѣйствія ему артиллеріею оборонительной линіи. Въ пер-
вомъ часу дня 14-го числа, 6 баталіоновъ съ 4-мя орудіями, подъ
начальствомъ полковника Ѳедорова, перешли Киленъ-балку и на-
правились на высоты англійскаго лагеря. Они подвинулись до
Каменноломнаго оврага, когда англичане успѣли соединить
тройныя противъ нихъ силы, что̀ принудило отрядъ нашъ отсту-
пить обратно; непріятель преслѣдовалъ насъ только огнемъ сво-
ихъ батарей и штуцеровъ. Мы потеряли въ этомъ выдвиженіи
270 человѣкъ, въ томъ числѣ 25 офицеровъ; командовавшій
отрядомъ полковникъ Ѳедоровъ былъ тяжело раненъ.

14-го, 15-го, 16-го, 17-го, 18-го и 19-го октября бомбар-
дированіе Севастополя продолжалось съ прежнею силою и ни
потери въ людяхъ, ни расходованіе пороха у насъ не умень-
шились. Напротивъ того, тягостное положеніе Севастополя очерты-
валось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Французскіе подступы по капитали 4-го бастіона быстро под-
вигались впередъ и противъ него возводились новыя осадныя ба-
тареи. Противъ 3-го бастіона англичане тоже, хотя и не съ
такою настоятельностію, возводили новыя батареи и подавались
впередъ. Чтобы не дать перевѣса въ огнѣ противнику, мы съ
своей стороны должны были тоже усиливать прежнія и возво-
дить новыя батареи, а для задержанія подступныхъ работъ устраи-
вали впереди нашихъ укрѣпленій ложементы, которые на ночь
занимали стрѣлками; производили болѣе сильныя ночныя вылазки,
и ночью дѣйствовали сильнымъ картечнымъ огнемъ по работамъ
непріятеля. Въ эти дни выстрѣлы осадныхъ батарей начали по-
ражать дома внутри города съ такою силою, что мы должны

были перемѣстить передовые госпитали наши въ самыя отдаленныя отъ оборонительной линіи убѣжища. Между тѣмъ, у насъ продолжались ежедневныя исправительныя работы поврежденій, причиняемыхъ намъ бомбардированіемъ. Утомленіе гарнизона дѣлалось замѣтнымъ.

Не смотря на энергическія усилія гарнизона, не смотря на безупречность распоряженій оборонительными работами, мѣстныя выгоды доставляли осаждающему слишкомъ важныя преимущества, и съ открытіемъ новыхъ французскихъ батарей, съ утра 20-го октября, началась столь убійственная канонада, сосредоточенная по преимуществу на 4-й бастіонъ, что артиллерійская борьба на этомъ пунктѣ оказалась невозможною. Къ вечеру, почти вся артиллерія бастіона была сбита, амбразуры завалены, мерлоны и траверзы разрушены; почти въ такое же положеніе приведены и нѣкоторыя изъ прилежащихъ къ нему батарей. Столь же труднымъ представлялась и возможность оспаривать овладѣніе этимъ пунктомъ холоднымъ оружіемъ. При открытіи убійственнаго огня на 4-й бастіонъ, мы должны были уменьшить по возможности число войскъ на ономъ, чтобы не подвергать ихъ огромнымъ потерямъ; поэтому, по сбитіи нашей артиллеріи, мы могли встрѣтить штурмующія колонны лишь слабыми частями войскъ. Съ занятіемъ же высоты 4-го бастіона непріятелемъ, всѣ выгоды боя переходили на его сторону; числительный перевѣсъ, естественно, былъ на его сторонѣ, и сверхъ того его положеніе поддерживалось бы сильною артиллеріею осадныхъ батарей, тогда какъ наши соприлежащія батареи имѣли направленіе на осадныя работы и не могли дѣйствовать по внутренности 4-го бастіона. При такихъ условіяхъ, обратное овладѣніе высотою дѣлалось невѣроятнымъ.

Съ утвержденіемъ же непріятеля на высотѣ 4-го бастіона, союзникамъ не предстояло надобности даже продолжать тяжелую атаку города, ибо, прорвавъ оборонительную линію нашу и воздвигнувъ батареи на боковыхъ покатостяхъ высоты 4-го бастіона, онъ поражалъ бы съ тыла 3-й, 5-й и 7-й бастіоны, всю южную бухту и окончательно прерывалъ сообщеніе города съ Корабельною стороною, почему дальнѣйшая оборона Севастополя дѣлалась и невозможною и безцѣльною.

При такомъ положеніи дѣлъ въ Севастополѣ, 20-го числа по-

лучено отъ главнокомандующаго извѣщеніе, что союзники готовятся безотлагательно штурмовать 4-й бастіонъ; поэтому необходимо было устроить за нимъ вторую оборонительную линію. Въ ночь на 21-е число въ Севастополѣ были употреблены всѣ усилія, и только напряженіемъ всѣхъ силъ, къ утру, 4-й бастіонъ приведенъ въ порядокъ, возстановлены прилегавшія къ нему батареи, и оконечность городскихъ строеній, обращенныхъ къ высотѣ 4-го бастіона, приведена въ оборонительное положеніе.

Къ разсвѣту, я съ командиромъ полевыхъ батарей, бывшихъ при главномъ резервѣ Городской стороны, выѣхали на 4-й бастіонъ, чтобы, на случай надобности, опредѣлить съ точностію пути выдвиженія артиллеріи къ угрожаемому пункту; но штурма не было, а съ разсвѣтомъ снова загремѣла канонада. Впрочемъ и не слѣдовало ожидать штурма съ ранняго утра, а вѣроятно это могло быть предпринято тогда, когда наша артиллерія была бы приведена къ молчанію дѣйствіемъ осадныхъ батарей и не могла бы встрѣтить штурмующихъ колоннъ своимъ огнемъ. Французы воспользовались обезоруженіемъ нашего 4-го бастіона лишь въ томъ, что съ наступленіемъ вечера, когда онъ не могъ еще дѣйствовать артиллеріею, устроили 3-ю параллель въ 65-ти саженяхъ отъ исходящаго угла бастіона.

21-го октября французы, какъ и наканунѣ, соединили огонь свой на 4-й бастіонъ, и къ вечеру мерлоны и лѣвый фасъ его были почти срыты, всѣ амбразуры засыпаны, и прилегающая къ нему батарея № 38 сильно повреждена.

Въ ночь на 22-е число, къ разсвѣту, успѣли мы исправить поврежденія 4-го бастіона и частію усилить помогающія ему батареи. Французскіе подступы столь близко находились отъ насъ, что ночью слышенъ былъ стукъ работъ въ его траншеяхъ. Это родило въ войскахъ опасеніе, что непріятель подводитъ подъ 4-й бастіонъ мины, чтобы взорвать его.

22-го и 23-го октября французы по прежнему соединили свои усилія на 4-й бастіонъ и наносили ему сильныя поврежденія; но въ эти дни имъ не удалось привести бастіонъ въ полное молчаніе. Особенно батареи 5-го бастіона содѣйствовали такому результату, производя ежедневно сильныя поврежденія въ осадныхъ батареяхъ.

Между тѣмъ, послѣдствія наступленія къ Балаклавѣ выяснились

фактически; сознавъ опасность своего положенія на высотахъ, занятыхъ 13-го числа, генералъ Липранди на другой же день отступилъ къ Чоргуну, гдѣ онъ не могъ уже быть застигнутымъ врасплохъ и откинутымъ отъ пути дѣйствій на Бахчисарай. Съ тѣхъ поръ всѣ подкрѣпленія, прибывающія къ арміи, направлялись къ Чоргуну, куда и главнокомандующій перенесъ свою штабъ-квартиру; но въ этомъ положеніи арміи, она была слишкомъ отдалена отъ Севастополя (20 верстъ), чтобы имѣть возможность, въ случаѣ нужды, чѣмъ либо помочь гарнизону. А въ это именно время Севастополь приведенъ въ высшей степени опасное положеніе, въ которомъ непомѣрное напряженіе трудовъ гарнизона и сознаніе безпомощности и собственной немощи отвратить угрожавшую опасность—породили въ войскахъ равнодушіе и безпечность. Къ счастію, непріятель опять таки не рѣшился воспользоваться представлявшимся ему случаемъ—однимъ ударомъ достигнуть цѣли своего предпріятія.

А. Е. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА И ЕЯ СОВРЕМЕННИКИ.

Поясненія и примѣчанія къ „Письмамъ леди Рондо".

Переводъ съ нѣмецкой рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ ряду иностранныхъ источниковъ о Россіи въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, объ этой государынѣ, ея дворѣ и вообще о достопамятныхъ русскихъ дѣятеляхъ той эпохи, безспорно, первое мѣсто занимаютъ Записки генерала Манштейна; полный переводъ подлинной рукописи этихъ драгоцѣнныхъ Записокъ, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу—представленъ, съ разрѣшенія Его Высочества, читателямъ «Русской Старины» въ приложеніи къ изданію 1875-го года.

Въ ряду второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ источниковъ къ той же эпохѣ—относятся письма жены англійскаго резидента при петербургскомъ дворѣ того времени, леди Рондо.

Обзоръ этихъ писемъ съ біографическими замѣтками о леди Рондо былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 28—50). Имѣя въ виду готовившійся тогда къ изданію въ свѣтъ полный переводъ «Писемъ леди Рондо», сдѣланный Е. П. Карновичемъ, мы ограничились лишь обозрѣніемъ этихъ писемъ и возстановленіемъ цензурныхъ пропусковъ въ первомъ переводѣ, М. И. Касторскаго, напечатанномъ въ 1836 году. Мы замѣтили тогда-же, что «Письма леди Рондо» (род. 1699†1783), заключая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, довольно интересныя для исторіи царствованія Анны Іоанновны, вмѣстѣ съ тѣмъ переполнены разсказами о нарядахъ, не любопытными семейными подробностями, пустыми анекдотами, отступленіями и риторическими возгласами. Нынѣ, мы напоминаемъ читателямъ о

«Письмахъ леди Рондо» по поводу печатаемаго перевода вполнѣ любопытныхъ къ нимъ критическихъ примѣчанiй, написанныхъ неизвѣстнымъ лицомъ во второй половинѣ прошлаго столѣтiя, около 1776-го или 1777 г. Подлинная рукопись этихъ примѣчанiй состоитъ изъ золотообрѣзной тетради въ 100 страницъ, въ 8-ю долю листа писчей бумаги, переплетенной въ красный сафьянъ, съ оттиснутымъ на верхней части двуглавымъ орломъ. на груди котораго соединенiе гербовъ россiйскаго и виртембергскаго; нѣмецкiй почеркъ четкiй и довольно крупный; подпись автора—J. J.—остается загадочною, при всемъ нашемъ старанiи доискаться — кто онъ именно. Эти весьма любопытныя примѣчанiя служатъ существеннѣйшимъ дополненiемъ «Писемъ», придавая нѣкоторымъ изъ нихъ колоритъ и значенiе бóльшее нежели имъ, собственно, принадлежитъ.

Печатая, съ благосклоннаго разрѣшенiя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, эти примѣчанiя, мы сдѣлали, въ выноскахъ, ссылки на страницы нашего изданiя, въ которомъ помѣщено обозрѣнiе «Писемъ леди Рондо», а также сдѣлали нѣкоторыя бiографическiя дополненiя.

Печатанiемъ вышеупомянутой рукописи мы начинаемъ новый рядъ историческихъ документовъ и матерiаловъ, хранящихся въ прекрасной библiотекѣ дворца въ городѣ Павловскѣ; донынѣ, изъ рукописей этой библiотеки въ «Русской Старинѣ» были напечатаны:

I. Записки о Россiи генерала Манштейна (1727—1744 гг.), двѣ части съ дополненiями и приложенiями, V+378+XVI стр. in 8° (особое приложенiе къ «Русской Старинѣ» изданiя 1875 г.).

II. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ—учебныя тетради и разныя его разсужденiя, 1772—1776 гг. (Изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 649—690; 853—884; изд. 1874 г., томъ IX, стр. 37—56; 277—300; 473—512).

III. Выписки великаго князя Павла Петровича изъ Записокъ кардинала Ретца. 1778—1779 гг. («Рус. Стар». изд. 1874 г., томъ X, стр. 309—320; 549—560).

IV. Выдержки великаго князя Павла Петровича изъ Записокъ герцога Сюлли («Рус. Стар.» изд. 1874 г., томъ X, стр. 735—742).

V. Собственноручный проектъ в. к. Павла Петровича войны съ Австрiей и примѣрное исчисленiе государственнаго бюджета 1780—1786 гг. («Рус. Стар.» изд. 1874 г., томъ X, стр. 60—70).

VI. Разговоръ императрицы Екатерины II съ великимъ княземъ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, 12-го мая 1783 г., о политикѣ Россіи по отношенію къ Польшѣ («Рус. Стар.» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 651—653).

VII. Письма императрицы Екатерины II къ великому князю и его супругѣ, 1783—1792 гг. («Рус. Стар.» 1873 г., томъ VIII, стр. 653—690; 853—884).

VIII. Торжество бракосочетанія в. к. Александра Павловича (1793 г.) («Рус. Стар.» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 513—531; 685—696).

IX. Переписка императрицы Екатерины II съ в. к. цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и его супругою Маріею Ѳеодоровною, 1792—1795 гг. («Рус. Стар.» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 37—56).

X. Переписка по дѣлу сватовства шведскаго короля Густава IV Адольфа, 1796 г. («Рус. Стар.» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 277—300; 473—512).

XI. Рѣчь императора Александра I въ Москвѣ, 16-го августа 1816 г. («Рус. Стар.» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 704—705).

XII. Причины наводненія въ С.-Петербургѣ, 1824 г., статья астронома Шуберта («Рус. Стар.» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 708—714).

Ред.

Свѣдѣнія о книгѣ: «Письма о Россіи одной дамы, пребывавшей въ ней нѣкоторое время, къ пріятельницѣ своей въ Англію, съ историческими примѣчаніями. Переводъ съ англійскаго. Лейпцигъ. 1775, въ 12 д. л. 186 страницъ, съ приложеніемъ родословной таблицы» [1].

Вы желаете знать мое мнѣніе о новой книгѣ, въ которой рѣчь идетъ о Россіи? Эта книга вамъ нравится, потому что она написана женщиною; васъ забавляетъ въ ней остроумный слогъ автора; вамъ кажется, что сочинительница знала многія обстоятельства двора въ ея время лучше, нежели знаемъ мы ихъ теперь, а главное для васъ то, что она писала не для публики, а просто къ отсутствующей пріятельницѣ, въ видѣ довѣренной бесѣды. Вы заключаете изъ этого, что хотя въ книгѣ мало такого, что̀ возбуждаетъ серьезный интересъ, однако стоило-бы труда изслѣдовать, на сколько правды въ этихъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ анекдотахъ. И вы полагаете, что я въ состояніи

[1]) Nachricht von einem Buche.—Briefe über Russland, von einem Frauenzimmer, das sich einige Zeit daselbst aufgehalten, an ihre Freundin in England, mit historischen Anmerkungen. Aus dem Englichen. Leipzig. 1775. 12° 186 Seiten u. eine Stammtafel.

это сдѣлать, такъ какъ мнѣ памятны многія современныя писательницѣ событія. Посмотрю, съумѣю-ли я исполнить ваше желаніе. Правда, что у автора встрѣчаются многія неточности, но и переводчикъ въ примѣчаніяхъ своихъ впадаетъ мѣстами въ ошибки.

Предварительно скажу нѣсколько словъ о самой писательницѣ, которую я очень хорошо помню. Родомъ англичанка, она была молодая, красивая, живая, обходительная и умная женщина. Въ первое замужство она была за голландскимъ резидентомъ при русскомъ дворѣ, г. де-Вильде, о смерти котораго она упоминаетъ въ своихъ письмахъ; въ послѣдствіи она вышла замужъ за великобританскаго резидента при томъ же дворѣ, г. Рондо. И этотъ умеръ въ Петербургѣ 5-го октября 1739 г., послѣ чего г-жа Рондо возвратилась въ Англію. На мѣсто ея покойнаго мужа назначенъ въ Петербургъ г. Финчъ, въ 1740 г. Теперь для васъ ясно, что̀ значатъ встрѣчающіяся въ письмахъ заглавныя буквы В. и Р.

Другое замѣчаніе, которое необходимо касается тѣхъ чиселъ, которыя обозначены на письмахъ: по содержанію видно, что въ бо̀льшей части этихъ писемъ числа поставлены цѣлымъ годомъ назадъ. Это промахъ не автора, а издателя, которому, можетъ быть, попали въ руки письма безъ обозначенія числа. На нѣкоторыхъ письмахъ, а именно: на 1-мъ и 5-мъ, показаны даже два года. Это не удивительно для того, кто знаетъ, что въ Англіи, по причинѣ различнаго лѣтосчисленія, первые три мѣсяца года причитываются иногда къ прошедшему, а иногда къ текущему году. Но дѣло переводчика—или обозначить точное число, или пояснить то, которое показано въ подлинникѣ [1]).

---

[1]) Въ Россіи, со временъ Петра Великаго (съ 1700 г.), гражданскій годъ, какъ всѣмъ извѣстно, начинается съ января, при чемъ принято исчисленіе времени по старому стилю.

Въ 1751 году только три государства въ Европѣ придерживались еще стараго стиля, а именно Великобританія, Швеція и Россія. Въ означенномъ году, благодаря стараніямъ графа Честерфильда, Великобританія приняла новый стиль для своего календаря.

Приготовивъ статьями въ журналахъ общественное мнѣніе къ измѣненію счисленія времени, графъ Честерфильдъ, при содѣйствіи графа Макклесфильда, доктора Брадлея и другихъ ученыхъ, объяснилъ правила предложеннаго имъ перехода къ новому стилю въ биллѣ, который и былъ принятъ въ обѣихъ камерахъ парламента.

Этимъ биллемъ назначено считать годъ не съ 25-го марта, какъ дѣлалось-

Письмо первое[1]). С.-Петербургъ, февраль 1729—1730 г. Согласно съ англійскимъ лѣтосчисленіемъ и съ содержаніемъ письма, это должно быть февраль 1728—1729 г., или, по нашему, февраль 1729 г. Авторъ описываетъ Петербургъ и впадаетъ въ ошибки. Никто и не станетъ требовать отъ нея точности. Можетъ быть, во многомъ виноватъ и переводчикъ. Трудно понять, какъ могла г-жа Рондо сказать, будто городъ получилъ названіе свое отъ адмиралтейства. Она назвала крѣпостную церковь прекрасною, но она могла судить о ней только по наружному виду. Въ то время церковь была еще далеко не достроена. Во внутренности новаго храма еще стояла маленькая деревянная церковь, заслонявшая собою внутреннюю постройку храма. Справедливо сказано, что въ церкви погребены вторая супруга Петра І-го и нѣкоторыя ихъ дѣти. Однако, переводчикъ ошибочно замѣчаетъ, будто съ тѣхъ поръ тамъ стали погребать всѣхъ преемниковъ Петра І-го, кромѣ Петра III-го: извѣстно, что Петръ II-й погребенъ въ Москвѣ. Также невѣрно замѣчаніе переводчика, касательно зимняго дворца Петра І-го, будто императрица Елисавета перестроила его. Напротивъ, онъ и теперь (1776 г.?) стоитъ въ томъ видѣ, въ какомъ строилъ его Петръ І-й. Елисавета же приказала перестроить дворецъ императрицы Анны, состоявшій изъ нѣсколькихъ соединенныхъ вмѣстѣ бывшихъ частныхъ строеній. Также приписать-ли автору слова, что Нева течетъ вплоть у садовъ Александровскаго монастыря и извивами идетъ туда изъ города? Самое зданіе монастыря расположено на берегу Невы. Большая рѣка не течетъ извивами. Авторъ не могъ не знать, что Нева течетъ мимо монастыря по направленію въ городъ, а не наоборотъ. Потомъ слѣдуетъ разсказъ о восьмидневной прогулкѣ (очевидно—поѣздкѣ, и на англійскомъ, вѣроятно, сказано: excursion) на бумажную фабрику, въ 20-ти англ. миляхъ

до того, а съ 1-го января, и въ слѣдующемъ 1752 году уничтожить 11 дней въ сентябрѣ, такъ чтобы число послѣ 2-го дня этого мѣсяца было 14-е. Всѣ затрудненія, которыя могли возникнуть отъ такого измѣненія въ отношеніи наймовъ, срочныхъ обязательствъ, платежей и т. п., были тщательно предусмотрѣны и отвращены. (Lord Mahon, History of England, глава XXXI).

Пр. Ред.

[1]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 42.

отъ Петербурга (въ Дудергофѣ, чтò нынѣ Красное Село), а оттуда въ Петергофъ. Тутъ переводчикъ въ примѣчаніи распространяется о зимнемъ дворцѣ въ Петергофѣ, тогда какъ Петергофъ есть исключительно лѣтній загородный дворецъ, и зимою въ немъ никогда не живутъ. Выстроенный Екатериною II эрмитажъ нельзя переводить словомъ пустыня, потому что оно даетъ совершенно неправильное понятіе о предметѣ. Впрочемъ, о такихъ мелочахъ я потому только упомянулъ, что въ означенномъ письмѣ нѣтъ ничего болѣе важнаго. Авторъ собирается въ Москву.

Письмо второе [1]). Москва, апрѣль 1730 г.

Долженъ быть означенъ 1729 г., судя по тому, чтò въ это время происходило въ Москвѣ. Авторъ выѣхалъ изъ Петербурга 5-го марта, и пріѣхалъ въ Москву 9-го. Проѣздомъ черезъ Новгородъ, г-жа Рондо вспоминаетъ о св. Антоніи Падуанскомъ какъ будто ужъ и не существовалъ другой. Переводчикъ не поправляетъ этой ошибки, хотя и приводитъ годъ смерти римскаго Антонія. У императора Петра II не было аудіенцъ-залы: это тоже промахъ переводчика. Петръ II жилъ во дворцѣ Лефорта, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ было довольно большихъ залъ для аудіенцій. Тутъ-же были принимаемы и иностранные послы, и давались большіе праздники. Упоминаемый любимецъ князь Долгорукій былъ оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. Говорится еще: «что молодой государь шесть мѣсяцевъ какъ лишился единственной сестры». Княжна Наталья Алексѣевна скончалась въ Москвѣ 22-го ноября 1728 г. Это совпадаетъ съ мѣсяцемъ апрѣля 1729 г., а не 1730 г., который обозначенъ на письмѣ. Слѣдуютъ не вполнѣ вѣрные разсказы о первой фавориткѣ Петра I. Ее звали не Мунцъ, а Анна Монсъ, и отецъ ея былъ не офицеръ, а мѣщанинъ и виноторговецъ. Корбъ въ своемъ Diar. itin. in Moscoviam (стр. 106) говоритъ, что Монсъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ. Это та самая domicella Mons, о которой Корбъ часто упоминаетъ. Государь былъ очарованъ ея необыкновенною красотою. Во время осады Шлиссельбурга (въ 1702 г.) онъ узналъ о ея невѣрности и о перепискѣ съ сак-

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 42—43.

сонскимъ посланникомъ фонъ-Кенигсекъ. Открылось это такимъ образомъ. Посланникъ сопровождалъ царя въ походѣ, и переходя разъ поздно вечеромъ по узкому мостику, черезъ неглубокій ручей, оступился и утонулъ. Когда царь о томъ узналъ, первою заботою его было устранить отъ постороннихъ глазъ находившіяся въ карманахъ посланника бумаги, въ которыхъ могли содержаться государственныя тайны относительно тѣснаго его союза съ королемъ Августомъ. Каково-же было его изумленіе, когда открылись при этомъ случаѣ тайны его фаворитки Анны Монсъ! Она такъ обнаружила себя передъ Кенигсекомъ, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея невѣрности. О портретѣ ничего не говорится въ тайной исторіи, но упоминается о другомъ знакѣ ея любви, посланномъ ею на память г. Кенигсеку. Съ этихъ поръ царь совершенно отступился отъ нея. Нѣсколько лѣтъ она содержалась подъ арестомъ, хотя и сноснымъ, отъ котораго прусскій посолъ, г. Кейзерлингъ, старался ее освободить, ходатайствуя за нее, по поводу чего онъ имѣлъ даже непріятности съ княземъ Меншиковымъ въ 1707 г., въ Варшавѣ [1]). Наконецъ государь смягчился. Ей дали свободу и она вышла замужъ за Кейзерлинга; на пути съ нею изъ Москвы въ Берлинъ онъ умеръ. Потомъ она вышла замужъ за шведскаго маіора Мюлерса, изъ плѣненныхъ подъ Полтавою. Наконецъ, Анна Монсъ умерла въ 1714 г. Эта женщина могла-бы достигнуть несравненно бòльшаго счастія, если-бъ она была въ состояніи превозмочь свою неосторожную склонность къ Кенигсеку.

Письмо третье [2]). Москва, 4-го ноября 1730 г. Слѣдовалъ бы 1729 г. Говорится о супругѣ польскаго министра. Но въ то время въ Москвѣ не было польскаго министра, а былъ саксонскій, г. Лефортъ; объ немъ-то и о супругѣ его, очень живаго характера, идетъ здѣсь рѣчь.—Авторъ разсказываетъ о княжнѣ Долгорукой, сестрѣ оберъ-камергера, такія подробности, какихъ

---

[1]) Подробное донесеніе Кейзерлинга объ этихъ «непріятностяхъ», состоявшихъ—ни больше, ни меньше—въ томъ, что прусскій посолъ былъ избитъ гайдуками князя Меншикова, напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., томъ V, стр. 803—844, въ переводѣ съ нѣмецкой копіи съ подлинника, хранящагося въ берлинскомъ секретномъ государственномъ архивѣ. Ред.

[2]) «Русская Старина», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 43—44.

въ Россіи никто не слыхалъ, да онѣ, очевидно, и вымышлены. Все, что говорится о ея превосходныхъ качествахъ, вполнѣ справедливо. Она воспитывалась въ домѣ дѣда, князя Григорія Θедоровича Долгорукаго, который долго былъ посломъ въ Польшѣ, и дѣтство свое провела въ обществѣ молоденькихъ полекъ высшаго сословія. Можетъ быть, какой нибудь молодой иностранный графъ и влюбился въ нее, но чтобы она отвѣчала ему взаимностью и желала вступить съ нимъ въ бракъ—этому противорѣчатъ обычаи страны, семейныя и вообще всѣ обстоятельства, касающіяся самой княжны. У графа Вратислава, имперскаго посланника при дворѣ Петра II, не было брата; но при посольствѣ его находились два кавалера, и одного изъ нихъ звали графомъ Миллезимо. Это былъ красивый и любезный молодой человѣкъ. Онъ иногда сопровождалъ посланника во время его посѣщеній отца княжны, или оберъ-камергера, его брата, при чемъ княжна, бывъ воспитана по иностранному, всегда участвовала въ бесѣдѣ. Графъ Миллезимо напрасно принялъ отвѣты княжны за выраженіе горячихъ чувствъ ея къ нему, потому что эти отвѣты надобно было отнести къ одной вѣжливости и любезности ея. Онъ только вообразилъ то, чего самъ желалъ. Еще одно обстоятельство, доказывающее противное: княжна уже нѣсколько лѣтъ была назначена въ невѣсты другому князю Долгорукому Юрію Юрьевичу, капитану гвардіи, молодому человѣку прекраснѣйшихъ качествъ; онъ былъ ей родственникомъ, но дальнымъ, такъ что могъ вступить съ ней въ бракъ. Она нѣжно его любила и если что̀ могло быть причиною ея нерасположенія сочетаться бракомъ съ императоромъ (а что оно существовало—того нельзя совершенно отрицать), то это вкоренившаяся уже любовь ея къ князю Юрію. Но какъ въ этомъ бракѣ были замѣшаны интересы, то княжна такъ съумѣла владѣть собою, что ни во время обрученія съ императоромъ, ни послѣ, не показала признаковъ склонности къ другому. Какъ-же могла она поступить такъ неосторожно въ отношеніи графа Миллезимо, какъ это разсказано въ четвертомъ письмѣ? Къ тому-же надобно замѣтить число этого письма. Княжна жила у отца на дачѣ, за Нѣмецкою слободою, на берегу рѣчки Яузы; эта дача была нанята княземъ у доктора Бидлоу, съ цѣлью быть поближе ко двору. По ту сторону Яузы, противъ самой усадьбы, простирается обширный лугъ; и вотъ, страстно

влюбленный графъ Миллезимо, не имѣя возможности видѣть княжну такъ часто какъ онъ желалъ, сталъ надѣяться видѣть ее хотя издалека или быть ею замѣченнымъ. Съ этою цѣлію затѣваетъ онъ частыя прогулки по лугу взадъ и впередъ, и не спускаетъ глазъ съ дома своей возлюбленной. — Прогулки совершаются только въ хорошую лѣтнюю погоду, слѣдовательно, онѣ происходили нѣсколькими мѣсяцами ранѣе того времени, въ которое писалъ авторъ. Уже въ то время императоръ, когда не выѣзжалъ изъ Москвы на охоту, почти ежедневно каждое утро бывалъ въ домѣ князя; о будущемъ бракѣ его съ княжною уже ходили слухи. Однако Миллезимо продолжалъ свои прогулки, такъ что императоръ однажды послалъ къ нему спросить, чего онъ тамъ ищетъ? На неудовлетворительный отвѣтъ ему приказано немедленно отправиться домой и впредь не показываться тутъ. Графъ Вратиславъ, узнавъ объ этомъ, понялъ, что послѣ этого при русскомъ дворѣ графъ Миллезимо будетъ играть непріятную роль, и устроилъ такъ, что дерзкій влюбленный долженъ былъ оставить Москву, и, подъ предлогомъ важнаго дѣла, отправилъ его въ Вѣну.

Письмо четвертое [1]). Москва, 20-го декабря 1730 г. Тоже слѣдуетъ 1729 г.; и число и мѣсяцъ невѣрные, потому что въ письмѣ сказано: «два дни тому назадъ происходила церемонія публичнаго объявленія, или, какъ здѣсь выражаются, обрученія». Торжественное обрученіе императора съ княжною Екатериною Алексѣевною Долгорукою происходило 1-го декабря 1729 г. Пропустимъ неточности описываемаго церемоніала; но откуда снова взялся покинутый обожатель? Пріятели несчастнаго будтобы вывели на улицу, посадили въ сани и во весь духъ поскакали съ нимъ за городъ. Слѣдовательно, онъ раньше не уѣзжалъ, можетъ быть, въ ожиданіи удобнаго саннаго пути? Обрученная невѣста стала уже жить отдѣльно отъ родителей, въ нарочно для нея устроенномъ домѣ, напротивъ Лефортова дворца, по другую сторону Яузы, и имѣла свой собственный дворъ. Домъ былъ каменный съ садомъ, и принадлежалъ нѣкогда фельдмаршалу, адмиралу и первому министру иностранныхъ дѣлъ графу Ѳедору

[1]) «Русская Старина», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 43—44.

Алексѣевичу Головину; въ послѣдствіи на этомъ мѣстѣ императрица Анна выстроила свой Анненгофъ.

Письмо пятое [1]). Москва, февраль 1730—1731 г. По англійскому лѣтосчисленію, это было въ февралѣ 1729—1730, но никакъ не 1731 г., потому что описанная здѣсь кончина государя послѣдовала въ ночь съ 18-го на 19-е число января 1730; иначе, еслибъ государь былъ здоровъ, свадьба состоялась бы уже 19-го. Авторъ ошибочно называетъ императорскую невѣсту императрицею. Относительно образа ея мыслей и ея словъ, которыя какой-то господинъ будто-бы передалъ автору, нельзя ничего вывести; письмо-же, очевидно, написано еще до торжественнаго въѣзда императрицы Анны въ Москву, бывшаго 13-го февраля. До тѣхъ поръ, и даже до возстановленія самодержавія, семейству Долгорукихъ нечего было опасаться. Но, какъ женщинѣ, понимающей чувство любви, писательницѣ простительно было выразиться о царской невѣстѣ, по поводу романической любви къ ней графа Миллезимо, что она была «жертвою закланія».

Письмо шестое [2]). Москва, 1731 г. Изъ этого письма нельзя вывести ничего опредѣлительнаго касательно времени, къ которому оно относится: къ означенному-ли году, или къ предъидущему. Писательница снова совершила прогулку на дачу, принадлежавшую нѣкогда князю Меншикову. При этомъ случаѣ переводчикъ повторяетъ пошлую сказку о мальчикѣ-пирожникѣ. Не излишне сказать—откуда она возникла. Не будучи знатнаго происхожденія, Меншиковъ былъ всетаки сыномъ конюха въ «офицерскомъ» чинѣ, если судить по нашему времени. Когда Петръ I, будучи отрокомъ, въ 1687 году завелъ у себя потѣшную роту, для упражненія въ военной службѣ, тогда Меншиковъ былъ однимъ изъ первыхъ, которыхъ онъ выбралъ между сыновьями служителей своего двора. Въ числѣ ихъ были многіе изъ дѣтей конюховъ; къ нимъ вскорѣ присоединились и молодые люди хорошихъ фамилій. Въ послѣдствіи, эти «потѣшные»

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 44.

[2]) «Русская Старина», изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 44.

вошли въ составъ перваго гвардейскаго полка, и въ бытность этого полка, въ 1695—1696 гг., въ Азовскомъ походѣ, Меншиковъ былъ унтеръ-офицеромъ. Онъ же сопровождалъ царя въ его заграничное путешествіе въ 1697 году, въ качествѣ волонтера; работалъ съ нимъ на Саардамской верфи и, подобно царю, занимался усердно наукою мореплаванія. По возвращеніи царя изъ путешествія (1698 г.), о Меншиковѣ упоминаетъ имперскій секретарь Корбъ въ своемъ описаніи посольства, при которомъ онъ состоялъ, называя его однимъ изъ первыхъ царскихъ любимцевъ, но только уменьшительнымъ именемъ—«Алексашка», доказательство, что въ то время этотъ любимецъ не имѣлъ никакой должности, по которой можно бы его назвать. Въ спискахъ исхода 1700 г., онъ значится поручикомъ гвардіи, и при взятіи Шлиссельбурга (1702) поручикомъ бомбардирской роты Преображенскаго гвардейскаго полка, въ которомъ самъ царь числился капитаномъ. Послѣ взятія крѣпости, государь назначилъ его тамъ губернаторомъ, а потомъ поставилъ надъ всей Ингерманландіей, предоставивъ ему и доходы съ этой области. Въ 1703 г. царь наградилъ его орденомъ св. Андрея, который въ то же время возложилъ и на себя. Затѣмъ повышенія слѣдовали одно за другимъ. Императоръ Іосифъ возвелъ его въ князья своей имперіи 21-го января 1706 г., а Петръ утвердилъ его и русскимъ княземъ, съ титуломъ Ингерманландскаго (Ижорскаго), потому что ингерманландскіе города (за исключеніемъ С.-Петербурга, какъ русской столицы), а еще болѣе жители внутренняго края, признали его своимъ наслѣдственнымъ владѣтельнымъ господиномъ. Однако въ отношеніи послѣдняго достоянія вскорѣ потомъ произошла перемѣна. Царь пожаловалъ князю помѣстья въ другихъ губерніяхъ, и чрезъ это получилъ возможность награждать и другихъ заслуженныхъ сановниковъ помѣстьями и крестьянами по-близости столицы. Въ такомъ счастливомъ положеніи находился Меншиковъ, когда какой-то французскій офицеръ, по имени Жозефъ Гаспаръ Ламберъ (Lambert), выдававшій себя за инженернаго офицера и въ 1706 г. бѣжавшій въ Гроднѣ изъ русской службы, вздумалъ издать наполненную лживыми извѣстіями книжонку подъ заглавіемъ: «Исторія князя Ковшимена» (Парижъ, 1710, in 12). Если прочесть фамилію Ков-ши-мен по слогамъ наоборотъ, то обнаружится, о комъ идетъ рѣчь. Въ означенной кни-

жонкѣ не только въ первый разъ упоминается о мальчикѣ-пирожникѣ, говорится о какихъ-то заговорахъ и объ открытіи ихъ; о какомъ-то князѣ Амилькѣ и его дочери; о томъ, что Меншиковъ по поводу какой-то любовной интриги спасъ царю жизнь. и проч., словомъ — такія выдумки, о которыхъ въ Россіи никогда ничего не слыхали и даже нельзя въ настоящей исторіи Петра Великаго и его любимцевъ пріискать основанія или повода къ подобнымъ вымысламъ. Въ Россіи заслуги Ламбера существовали болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ, поэтому охотно уступили бы его всякой націи, которая захотѣла пріобрѣсть его; но дѣло въ томъ, что онъ самовластно украсилъ себя орденомъ св. апостола Андрея и носилъ его публично для приданія себѣ важности внѣ Россіи; о русской службѣ отзывался съ пренебреженіемъ, чтобъ оправдать свой выходъ изъ нея. Ни то ни другое не могло пройти безнаказанно. Такъ миновало нѣсколько лѣтъ, во время которыхъ онъ скитался по Франціи, Голландіи, Англіи, но нигдѣ не успѣлъ пристроиться, потому что, выдавая себя за инженернаго генерала и нося важный орденъ, котораго достоинство было извѣстно, онъ не могъ получить несоотвѣтственной имъ многозначительной должности. Когда же онъ, въ 1711 г., пріѣхалъ въ Берлинъ, и тамъ не побоялся щеголять въ русскомъ орденѣ, его, 5-го апрѣля, по заявленію русскаго посла Альбрехта фонъ-деръ-Лита, арестовали и орденъ съ него сняли на улицѣ. Но 16-го апрѣля Ламберъ бѣжалъ изъ-подъ ареста въ Лейпцигъ. Фонъ-деръ-Литъ и туда писалъ, чтобъ его схватили, но Ламберъ успѣлъ еще ранѣе бѣжать въ Прагу, а потомъ ужъ и слѣды его пропали. Вотъ, чтò писалъ изъ Лейпцига фонъ-деръ-Литъ: «Ламберъ дезертировалъ изъ Гродно, когда шведскій король подошелъ къ этому городу; писалъ разные пасквили на лица двора его царскаго величества, въ особенности на князя Меншикова, и обманомъ присвоилъ себѣ кавалерскій орденъ», и т. д. Эти слова подтверждаютъ то, чтò сказано выше.

Авторъ заключаетъ 6-е письмо свѣдѣніемъ о первой супругѣ Петра Великаго, заключенной въ то время въ монастырѣ, а переводчикъ прибавляетъ къ нимъ примѣчанія, но оба ошибаются. Такъ какъ содержаніе этого письма продолжается въ седьмомъ письмѣ, то до него мы отложимъ все, чтò можно сказать по этому предмету.

Письмо седьмое [1]). Москва, 1731. Если сравнить послѣднее извѣстіе въ предъидущемъ письмѣ и все это письмо съ шестою частью «Loisirs du Chevalier d'Eon», то по сходству ихъ между собою надобно заключить, что д'Эонъ воспользовался этими письмами. Только онъ еще сильнѣе, нежели авторъ писемъ, витійствуетъ съ цѣлію сдѣлать еще болѣе интересною ту, которая была предметомъ его состраданія, и всю вину слагаетъ на Петра Великаго. Если женщина лестно отзывается о несчастной особѣ ея пола, то это извинительно. Здѣсь можно бы найти доказательство того—къ какому полу принадлежалъ кавалеръ д'Эонъ, но имъ скорѣе руководила злоба и желаніе въ исторіи великаго государя отыскать пятна. Онъ говоритъ, будто развратный любимецъ Петра, оказавшій впрочемъ Россіи безсмертныя услуги, Лефортъ увлекалъ царя къ порочнымъ удовольствіямъ, тогда какъ царь уже нѣсколько лѣтъ (съ 27-го января 1689 г.) жилъ въ совершенномъ согласіи съ своею супругою Евдокіею Өедоровною, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Алексѣя Петровича (род. 19-го февраля 1690 г.) и Александра Петровича (род. 30-го октября 1691 г. и умершаго въ томъ же году). 25-го января 1694 г. царь лишился своей матери, царицы Натальи Кирилловны, которая строго наблюдала за его поступками. Его путешествія въ Переяславль-Залѣсскій и Архангельскъ, оба его Азовскіе походы, его частыя отлучки для постройки судовъ въ Воронежѣ и, наконецъ, его продолжительное путешествіе съ пышнымъ посольствомъ въ Голландію, Англію и Вѣну—отучили его отъ супружеской любви и обратили его привязанность къ той особѣ, о которой мы уже говорили. Со стороны супруги, конечно, не обошлось безъ ревности и упрековъ. Но нельзя утверждать, будто царь подозрѣвалъ свою супругу, или когда либо приказывалъ сказать о ней съ намѣреніемъ что-либо предосудительное. Евдокія жила спокойно въ Московскомъ дворцѣ до самаго возвращенія Петра изъ его большаго путешествія съ посольствомъ. Нисколько не обнаруживается также изъ современныхъ Записокъ, чтобы мятежные стрѣльцы имѣли относительно ея преступные замыслы, также какъ и прежде въ разсужденіи царевны Софіи (!?). Петръ, вѣроятно, хотѣлъ избавиться отъ ревнивой

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 44—45.

жены, часто осыпавшей его слишкомъ рѣзкими упреками, и потому рѣшился отдѣлаться отъ докучливой обличительницы его поведенія такъ, чтобы она потеряла всякую надежду пользоваться когда либо прежнимъ величіемъ, т. е. заставилъ ее принять монашество. Корбъ (на стр. 80) говоритъ, что это случилось въ половинѣ сентября мѣсяца 1698 г.; а именно царица была отправлена въ суздальскій Покровскій монастырь, въ который и прежде бывало удалялись царицы и царевны. Въ монашествѣ Евдокія приняла имя Елены, и затѣмъ ее оставили въ покоѣ. Цѣлыя двадцать лѣтъ объ ней ничего не было слышно, пока судьба ея сына, царевича Алексѣя Петровича, не отозвалась и на ней. Въ эту эпоху, въ 1718 г., ее перевезли изъ Суздаля въ Шлиссельбургъ. Не смотря на суровый судъ, которому подверглись виновные, саму царицу всячески щадили. Ея переписка съ офицеромъ Степаномъ Глѣбовымъ, находившимся въ Суздалѣ въ 1710 и 1711 годахъ, по случаю набора рекрутовъ, была тогда напечатана и возбудила тогда сильное подозрѣніе, которое оба они при допросѣ подтвердили. Слѣдовательно, напрасно авторъ и еще болѣе г. д'Донъ расточали свое остроуміе и краснорѣчіе для оправданія царицы и Глѣбова. И кто-же не признаетъ вымышленными включенныя въ разсказъ рѣчи? Относительно этого случая, въ разсказахъ Вебера о «Преобразованной Россіи» болѣе правды; во первыхъ, этотъ авторъ въ то время самъ живалъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ; во вторыхъ, въ качествѣ иностраннаго министра, собиралъ обо всемъ точныя свѣдѣнія и имѣлъ въ рукахъ печатное слѣдствіе и судопроизводство, какъ о царицѣ, такъ и о царевичѣ; въ третьихъ, если-бъ было извѣстно, что-либо кромѣ того, что̀ тамъ заключается, онъ, конечно, упомянулъ бы о томъ. Такимъ образомъ, самые достойные монархи попадаются иногда, по несчастію, въ руки составителей анекдотовъ, людей, показывающихъ видъ, будто они присутствовали при самыхъ секретныхъ бесѣдахъ, или открыли какія-то особенно тайныя бумаги. Если допустить, что чрезъ изустныя преданія они узнали что нибудь, то и тутъ оказывается, какъ произвольно они поступаютъ съ этими свѣдѣніями, и какъ подъ ихъ перомъ исторія обращается въ романъ; въ концѣ концовъ выходитъ такъ, что и самая правда дѣлается черезъ нихъ неправдоподобною.—По вступ-

ленія на престолъ Петра II, въ маѣ 1727 г., для царицы Евдокіи настали лучшія времена. Ей было разрѣшено поселиться въ Москвѣ, тоже въ монастырѣ; но ей не дозволили посѣтить императора и его сестру въ Петербургѣ, какъ было она желала. Такъ устроилъ Меншиковъ, опасавшійся, чтобы царица не пріобрѣла на юнаго монарха, своего внука, того вліянія, которое онъ самъ хотѣлъ имѣть безраздѣльно. По видимому, Меншиковъ не желалъ даже везти такъ скоро императора въ Москву для коронаціи, по причинѣ его несовершеннолѣтія. Послѣ паденія Меншикова царица почти съ каждою почтою писала императору и его сестрѣ, чего она прежде не осмѣлилась бы дѣлать. Въ этихъ письмахъ (сохранившихся до сихъ поръ) она выражаетъ сильное желаніе повидать своихъ внуковъ, и проговаривается даже, что ее не затруднитъ поѣздка въ Петербургъ. Она успокоилась, когда императоръ отвѣчалъ ей, что онъ самъ скоро будетъ въ Москву. Тѣмъ не менѣе, она продолжала переписку, покуда внукъ ея дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву. Въ каждомъ письмѣ есть приписка ея собственной руки, но безъ подписи имени, вѣроятно потому, что царица недоумѣвала, какъ ей подписываться: Евдокіей-ли или Еленой? Она жила въ Москвѣ, въ такъ называемомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, получала богатое содержаніе, и иногда пріѣзжала ко двору, но не имѣла ни малѣйшаго вліянія на правленіе. Она скончалась 27-го августа 1731, а не 1737 года, какъ сказано у д'Эона, чтò и переводчикъ писемъ напрасно повторилъ, такъ какъ это можетъ быть не болѣе какъ опечатка въ подлинникѣ.

Въ восьмомъ, девятомъ и десятомъ письмахъ изъ Москвы, 1731 г., нѣтъ ничего любопытнаго для публики.

Письмо одиннадцатое. Москва, 1732 г. Здѣсь разсказывается исторія съ молодымъ человѣкомъ, котораго позорно наказали за то, что онъ дурно отозвался о нѣкоторыхъ женщинахъ. Случай этотъ дѣйствительно происходилъ, но несправедливо, будто упомянутый господинъ до того путешествовалъ по Франціи. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ Ингерманландіи. Въ то время онъ хлопоталъ о полученіи отцовской должности смотрителя пе-

тергофскаго дворца, такъ какъ отецъ его передъ тѣмъ умеръ. Упомянутыя женщины принадлежали къ среднему сословію. Хотя время, когда это случилось, составляетъ не важную подробность, однако въ письмѣ есть ошибка: слѣдуетъ означить 1731-й годъ, такъ какъ императрица переѣхала въ Петербургъ въ 1732 году.

Письмо двѣнадцатое. Москва, 1732 г. Слѣдовало бы означить тоже 1731 г., потому что авторъ говоритъ о путешествіи двора въ Петербургъ, какъ о предстоящемъ еще событіи. Вскорѣ послѣ того, какъ Анна объявила себя самодержавною императрицею, семейство Долгорукихъ впало въ немилость. А переворотъ этотъ совершился 25-го февраля 1730 г. Царская невѣста и ея семейство были сосланы въ Березовъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ, 22-го октября 1729 г., скончался князь Меншиковъ. Въ томъ, что было сдѣлано завѣщаніе въ пользу царской невѣсты, нѣтъ сомнѣнія. Не извѣстно только навѣрное, утверждено-ли оно было подписью императора. Напротивъ того, извѣстно, что это завѣщаніе самимъ отцомъ невѣсты, княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ, было брошено въ огонь, послѣ того какъ онъ увидѣлъ, что, при обсужденіи кого назначить преемникомъ царю, остальные члены совѣта не входили въ сооображеніе объ означенномъ документѣ; слѣдовательно, это завѣщаніе не могло никогда произвести какой-либо вредъ. Очень не кстати замѣчаетъ авторъ, будто судьба обѣихъ княженъ, бывшихъ одна послѣ другой невѣстами юнаго императора, если бы онѣ встрѣтились въ ссылкѣ, могла бы послужить прекраснымъ сюжетомъ для трагедіи. Развѣ только для разговора въ мѣстѣ ссылки? Но, на самомъ дѣлѣ, княжна Меншикова, также какъ и отецъ ея, скончалась раньше, также какъ мать ея, рожденная Арсеньева, и тетка по отцу, Варвара Даниловна. Поэтому императрица Анна могла оказать милость только двумъ дѣтямъ князя Меншикова, сыну и дочери, вызвавъ ихъ изъ ссылки. Сына она пожаловала въ поручики гвардіи, и онъ въ послѣдствіи умеръ въ чинѣ генералъ-поручика; дочь она выдала замужъ за генералъ-поручика Густава Бирона, брата оберъ-камергера, въ послѣдствіи герцога курляндскаго Бирона. Со стороны императрицы Анны это было, безъ сомнѣнія, великодушіе, потому что Меншиковъ, въ 1726 году, желая самъ быть

герцогомъ Курляндіи, оскорблялъ императрицу, бывшую тогда герцогинею Курляндскою. Отъ этого, конечно, онъ не былъ еще ея заклятымъ врагомъ, и о какихъ-либо личныхъ оскорбленіяхъ никогда и помина не было.

Письмо тринадцатое. Москва, 1733 г. Здѣсь не встрѣчается ничего любопытнаго; можно только сказать, ради связи съ остальнымъ, что письмо должно относиться къ декабрю 1731 г. Авторъ уже носитъ фамилію Рондо, и дней черезъ десять предполагаетъ отправиться въ Петербургъ.

Письмо четырнадцатое. Петербургъ, 1733 г., т. е., по настоящему, 1732 г. Описывается въѣздъ императрицы въ Петербургъ, но не вполнѣ точно. «Въ двухъ (англійскихъ) миляхъ отъ города,—говоритъ авторъ,—ея величество встрѣтили всѣ члены юстицъ-коллегіи, сухопутные и морскіе офицеры, иностранные купцы, члены академіи и иноземные министры. Она проѣхала черезъ пять, нарочно для сего случая выстроенныхъ, тріумфальныхъ воротъ», и т. д. Вмѣсто юстицъ-коллегіи, слѣдовало сказать сенатъ; вмѣсто сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ—генералитетъ и адмиралтейство; объ иностранныхъ купцахъ упомянуть въ концѣ, такъ какъ они, иноземные министры и члены академіи наукъ представлялись уже во дворцѣ. Было построено не пять, а только двое тріумфальныхъ воротъ, и въ послѣдствіи въ подобныхъ случаяхъ ихъ никогда болѣе не бывало. Торжественный въѣздъ происходилъ 16-го января 1732 г. Личности высокихъ особъ изображены вѣрно и списаны съ натуры. Незамужняя (?) сестра императрицы именовалась Прасковья; она скончалась, въ Москвѣ, 8-го октября 1731 г. Герцогиня Мекленбургская скончалась въ Петербургѣ 14-го января 1733 г. [1]).

Письмо пятнадцатое. Петербургъ, 1733 г.—не содержитъ въ себѣ ничего любопытнаго.

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 45—46.

Письмо шестнадцатое. Петербургъ, 1733 г. Распространяясь здѣсь о посольствахъ турецкомъ, татарскомъ и китайскомъ. авторъ относительно перваго ошибается: въ это время турецкаго посланника въ Петербургѣ не было. При русскомъ дворѣ очень обыкновенны татарскія посольства, къ которымъ причисляютъ черкасское, бухарское и калмыцкое; но китайское посольство было нѣчто необыкновенное. По поводу его гораздо основательнѣе было бы выбить медаль, нежели какъ сдѣлали это французы по поводу сіамскаго посольства и, въ другой разъ, русскаго, въ бытность ихъ въ Парижѣ. Уже въ 1731 г., въ Москву пріѣзжало китайское посольство; въѣздъ его состоялся 2-го января; но оно относилось болѣе до волжскихъ калмыковъ, чѣмъ до русскаго двора. Второе посольство прибыло въ Петербургъ 26-го апрѣля 1732 г.; торжественный въѣздъ его въ столицу происходилъ на другой день; затѣмъ, 28-го, въ день коронованія императрицы, имѣло публичную аудіенцію, а 9-го іюля оно на такой же аудіенціи откланялось государынѣ передъ возвращеніемъ въ Китай. А такъ какъ все это происходило въ 1732, а не въ 1733 году, то это доказываетъ, что и настоящее письмо обозначено годомъ впередъ.

Письмо семнадцатое [1]. Петербургъ, 1734 г. То, что́ здѣсь говорится о рукодѣльи графини Биронъ, въ послѣдствіи герцогини курляндской, и о ласковомъ обращеніи императрицы Анны, вполнѣ вѣрно. Весьма вѣроятно, что г-жа Рондо нерѣдко работала съ графинею, и при этомъ имѣла не одинъ разъ случай видѣть императрицу и говорить съ нею. Заключительныя слова въ письмѣ: «не испугайтесь, если придется вамъ получить письмо изъ лагеря»,—поясняемыя переводчикомъ предположеніемъ императрицы идти въ главѣ своего войска въ походъ (именно въ Польшу)—не имѣли серьезнаго основанія. Войска ушли въ Польшу еще въ 1733 г., слѣдовательно, и письмо написано въ томъ же году. Въ слѣдующемъ письмѣ авторъ нѣкоторымъ образомъ отрицаетъ свое предположеніе.

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 46—47.

Письмо восемнадцатое. Петербургъ, 1734 г. Это число, кажется, вѣрно. Авторъ описываетъ великолѣпное празднованіе дня рожденія императрицы, и прелестное, по неожиданности и изяществу, убранство дворцовой залы; по обѣимъ стѣнамъ ея разставлены были померанцевыя и миртовыя деревья въ цвѣту, распространявшія пріятное благоуханіе, между тѣмъ, какъ изъ оконъ видны были только снѣгъ, да ледъ. 28-го января, день рожденія Анны, праздновался обыкновенно съ большимъ торжествомъ, и убранство залы живыми растеніями было еще новинкою, которая потомъ неоднократно повторялась. Изъ словъ автора: «мы недавно праздновали день рожденія», можно заключить, что она писала о томъ зимою, а, между тѣмъ, она упоминаетъ о пребываніи на дачѣ, вѣроятно, на петергофской дорогѣ; эти дачи заняты бываютъ только въ лѣтнее время.

Письмо девятнадцатое. Петербургъ, 1734 г. Вѣрное и занимательное описаніе празднества по случаю взятія Данцига. Переводчикъ ошибся, относя это событіе къ 15-му іюня; Данцигъ сдался 27-го числа по старому стилю. Взятые при этомъ въ плѣнъ французы прибыли въ Петербургъ 6-го іюля.

Письмо двадцатое [1]). Петербургъ, 1735 г. Характеръ цесаревны Елисаветы и принцессы Мекленбургской Анны описанъ вѣрно. Исторія одной шведки, пробывшей 18 лѣтъ въ плѣну у татаръ (калмыковъ). Въ 1716 г. построена крѣпость Ямышева, на берегу Иртыша. Шедшій изъ Тобольска и Сары караванъ намѣревался подвезти гарнизону припасы. При караванѣ находился плѣненный подъ Полтавою шведскій штыкъ-юнкеръ, по имени Ренатъ. Не доходя шестидесяти верстъ до Ямышевой, караванъ подвергся нападенію войскъ калмыцкаго владѣтеля Контайши, и начальствующій офицеръ былъ убитъ. Жена его и штыкъ-юнкеръ были взяты калмыками въ плѣнъ. Они женились, а Ренатъ разбогатѣлъ въ калмыцкомъ плѣну, научивъ калмыковъ лить пушки изъ тамошней желѣзной руды, о которой калмыки ничего не знали; съ помощью этихъ орудій Ренатъ доста-

[1]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 47—48.

вилъ калмыцкому войску большой успѣхъ въ войнѣ противъ китайцевъ. За эту важную услугу, калмыцкій князь Галданъ-Церинъ даровалъ Ренату и женѣ его свободу, и въ слѣдующій затѣмъ годъ они возвратились на родину черезъ Сибирь, привезя съ собою значительныя сокровища золота въ слиткахъ. Поэтому, авторъ писемъ могъ видѣть эту шведку. Но это могло случиться только въ 1734 г. Авторъ говоритъ: «Они здѣсь (въ Петербургѣ) женились», т. е. обвѣнчались. Разумѣется, у калмыковъ не было возможности совершить этотъ обрядъ.

Письмо двадцать первое. Петербургъ, 1735 г. О религіозныхъ обрядахъ здѣсь не мѣсто говорить. Но надобно опровергнуть обвиненія автора касательно русскаго обряда крещенія надъ взрослыми лицами. Г-жа Рондо замѣчаетъ, что слѣдовало бы хотя лицамъ женскаго пола имѣть на себѣ во время обряда, въ присутствіи большаго собранія людей, не одно только крестинное платье. Но что̀ ей мѣшало удостовѣриться въ томъ, что это такъ и дѣлается, и всѣ взрослые люди, обоего пола, при крещеніи надѣваютъ длинную мантію или сорочку не изъ очень тонкаго полотна. Въ цѣломъ письмѣ только одна историческая подробность, именно возвращеніе изъ ссылки сына и младшей дочери князя Меншикова; бракъ послѣдней съ братомъ Бирона и смерть ея. Можетъ быть, письмо относится къ 1734 г. Ссыльные возвратились въ 1732 г.; свадьба была весною 1733 г., а кончина, вѣроятно, послѣдовала въ 1734 г., но не могу въ томъ ручаться, такъ какъ въ то время меня не было въ Петербургѣ [1]).

Письмо двадцать второе [2]). Петербургъ, 1735 г. Говорится о фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ. Въ прежнее время этого замѣчательнаго человѣка считали старше, нежели онъ былъ, и самъ онъ не считалъ нужнымъ исправлять это заблужденіе. Въ 1730 г. въ петербургской академіи наукъ было напечатано по-

---

[1]) Княжна Александра Александровна Меншикова, бывшая замужемъ за Густавомъ Бирономъ († 1742 г.), род. 17-го декабря 1712, † 13-го октября 1736 г. (См. родословіе фамиліи Бирона, «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 62).

[2]) «Русская Старина» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 48.

Ред.

здравительное стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ, по случаю дня рожденія Миниха, 9-го мая, и на заглавномъ листѣ было сказано, что графъ благополучно смѣнилъ роковой климактлическій 49-й годъ жизни 50-мъ. Столько же лѣтъ даетъ ему и авторъ писемъ, и то же подтверждаетъ издатель въ примѣчаніи. Но я знаю навѣрное, и Бюшингъ, въ 3-й части своего изданія «Магазина», подтверждаетъ это, на основаніи сообщеній самого графа, что онъ родился въ 1683 году, и такъ какъ онъ умеръ 16-го октября 1767 г., 84-хъ лѣтъ, 5-ти мѣсяцевъ и 7-ми дней отъ рожденія, то, согласно сему, и слѣдуетъ исправить замѣчаніе издателя; то же самое приводитъ въ своемъ замѣчаніи издатель переписки. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій не былъ соперникомъ Миниха, а подначальнымъ ему служащимъ. Манштейнъ оставилъ намъ другое изображеніе этого принца, и сверхъ того напечатано и оправданіе сего послѣдняго [1]).

Письмо двадцать третье. Петербургъ, 1735 г. Здѣсь описывается ссора двухъ барынь, но имена ихъ не сказаны. Одна изъ нихъ должна быть госпожа Лефортъ, супруга саксонскаго посланника, судя по характеристикѣ ея отца, по имени Монбель. Объ этомъ Монбелѣ говорится въ Запискахъ де-Бразе (томъ II, стр. 135). Другая дама была, какъ полагаютъ, жена голштейнскаго министра, графиня Бонде. Я не зналъ ея, потому что въ то время находился въ дальнемъ путешествіи. О причинѣ ссоры мнѣ ничего неизвѣстно.

Письма двадцать четвертое и двадцать пятое—не содержатъ въ себѣ ничего о Россіи; только въ послѣднемъ говорится о мызѣ Стрѣльнѣ, которая нынѣ (1776 г.?) находится въ томъ же состояніи, какъ и прежде. Описаніе катанья съ ледяныхъ горъ на маленькихъ санкахъ, помѣщенное въ 27-мъ письмѣ, не представляетъ ничего особенно интереснаго. Въ послѣдующихъ письмахъ изображены высокія особы: дѣло не совсѣмъ легкое, при которомъ не трудно впасть въ заблужденіе. Касательно свѣдѣній о семействѣ Черкасскихъ я сошлюсь на болѣе вѣрныя из-

---

[1]) См. «Записки о Россіи Манштейна», изд. «Русской Старины» 1875 г., стр. 46—47, 95—96, 246—247. Ред.

вѣстія, содержащіяся въ исторіи фельдмаршала Шереметева. Имя третьяго кабинетъ-министра слѣдуетъ писать Ягужинскій. Гофмейстерину принцессы Анны Мекленбургской звали Адеркасъ. По неизвѣстнымъ причинамъ ей велѣно возвратиться на родину [1]). Вмѣсто оберъ-гофмаршала Лёвенвольде, сказано Лёвенвальдъ. Упоминаемый въ 35-мъ письмѣ мужъ благородной венеціанки назывался вообще, по своему мѣсторожденію, Рагузинскій, но дѣйствительная фамилія его была графъ Савва Владиславичъ. Такъ какъ въ двухъ послѣднихъ письмахъ говорится о бракѣ принцессы Анны съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ Браунштейгскимъ—событіи, не нуждающемся въ поясненіяхъ, то я, за тѣмъ, надѣюсь, удовлетворилъ ваше желаніе; а васъ, милостивый государь, прошу принять мою готовность въ сообщеніи вамъ моихъ замѣчаній по этому небольшому собранію писемъ, какъ слабое доказательство высокопочитанія и проч., и проч.

---

[1]) Эти причины изложены въ «Запискахъ Манштейна», изданіе «Русской Старины» 1875 г., стр. 63. Ред.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

и

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ ВЪ 1839 Г.

Письмо гр. Ѳ. П. Толстаго къ В. И. Григоровичу.

Римъ.—1839 г.

Почтеннѣйшій другъ Василій Ивановичъ, простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо, полученное мною въ Неаполѣ. Тамъ мнѣ некогда было; причину, которую вы узнаете изъ письма моего къ А. И. Крутону, а, возвращаясь въ Римъ, остановился къ вамъ писать до результата посѣщенія Государя Императора Николая Павловича, пріѣхавшаго въ Римъ 1-го (13-го) декабря, въ 4 часа пополуночи.

Въ этотъ же день, въ 11 часовъ, Его Величество отправился съ визитомъ къ папѣ; въ казацкомъ мундирѣ, а оттуда, переодѣвшись у себя, поѣхалъ, въ Ватиканъ, въ самую церковь Петра. Мнѣ дали объ этомъ знать. Я тотчасъ-же туда поѣхалъ, предварительно сказавъ пенсіонерамъ быть непремѣнно тамъ-же. Такъ какъ господинъ Киль совсѣмъ нисколько не заботился объ нихъ, то я и взялъ на себя право представить ихъ Императору. Пріѣхалъ я туда, когда Государь былъ уже тамъ, въ сопровожденіи антикварія Висконти, приставленнаго ему въ чичероне, и всей свиты, пріѣхавшей съ нимъ изъ Палермо. Онъ былъ въ это время у гробницы св. Петра, внизу. Я сталъ передъ самымъ выходомъ, чтобъ непремѣнно попасться ему на глаза, поставивъ всѣхъ пенсіоперовъ вмѣстѣ къ сторонѣ. Тѣмъ удобнѣе было мнѣ тамъ распредѣлиться, что народу было очень мало и почти никто изъ присутствующихъ италіанцевъ не подозрѣвалъ въ немъ

---

[1]) Письмо это, представляющее весьма интересный матеріалъ какъ для біографіи незабвеннаго вице-президента Императорской Академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстаго, такъ и для исторіи самой Академіи, сохранено Н. Д. Быковымъ и имъ сообщено на страницы «Русской Старины» чрезъ весьма обязательное посредство Т. П. Пассекъ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ «Воспоминаній» Татьяны Петровны читатели найдутъ объясненія и дополнительныя подробности къ представляемому нынѣ документу вполнѣ важному для исторіи русскаго искусства. Ред.

сильнаго монарха Россіи. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Государь, только что вышелъ наверхъ, обратилъ свой взоръ на меня, остановился и, протянувъ руки впередъ, сказалъ:

— „Что я вижу! и ты здѣсь; какими судьбами?“ Потомъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и крѣпко пожалъ.—„Какъ я радъ, — продолжалъ онъ,—что съ тобою здѣсь встрѣтился“.

Я, поблагодаря Государя за милостивое ко мнѣ вниманіе, спросилъ у него позволеніе представить ему нашихъ пенсіонеровъ.

Онъ, обратясь къ нимъ, сказалъ:—„А, это наши? радъ васъ видѣть. Что—не лѣнятся?“ и на мой отвѣтъ, что—нѣтъ, сказалъ: „Мы это увидимъ и опредѣлимъ“. Потомъ взялъ меня черезъ плечо и продолжалъ говорить:

— „Я радъ, что тебя вижу, очень радъ; у меня много тебѣ будетъ работы; пойдемъ со мною“.

Дорогою спрашивалъ меня былъ ли я въ Палермо, и на отрицательный мой отвѣтъ сказалъ: „Такъ ты, стало быть, ничего не видѣлъ. Поѣзжай въ Палермо, да поѣзжай непремѣнно; ты увидишь чудо“.

Сказалъ мнѣ, что въ Неаполѣ ему лучше всего понравилось, это въ монастырѣ St. Ignazio образъ снятія со креста Спасителя, работы Espagnioletta Ribera. Ее копируетъ одинъ изъ вашихъ пенсіонеровъ. Я сказалъ, что это порученіе сдѣлала ему Академія.

— „Я радъ, что угадали мою мысль, я ее беру себѣ“.

Тутъ продолжалъ разсматривать церковь; поручилъ мнѣ сдѣлать копію съ нѣкоторыхъ картинъ, заказать мозаикъ и сдѣлать рисунки съ мозаичныхъ украшеній.

Съ этихъ поръ, я долженъ былъ быть при всѣхъ его поѣздкахъ по всѣмъ мѣстамъ, посѣщаемымъ имъ, и быть возлѣ него при осмотрѣ имъ достопримѣчательностей какъ по Ватикану, такъ и по церквамъ и мастерскимъ, и вездѣ Его Величество адресовался ко мнѣ и мнѣ поручалъ всѣ заказы, которые угодно было ему дѣлать; не смотря на то, что директоръ здѣшнихъ пенсіонеровъ былъ тутъ же, съ нимъ онъ вовсе не говорилъ ни слова во всѣхъ его поѣздкахъ. Государь во все время своего здѣсь пребыванія былъ ко мнѣ очень милостивъ и ласковъ.

Его Величество посѣтилъ церковь Петра и не одинъ разъ посѣщалъ [1]) всѣ галлереи Ватикана, всѣ главныя капеллы, библіотеку, музеумы и садъ папы. Въ разные дни выѣзжалъ всякое утро въ 11 ча-

[1]) Я пропустилъ сказать, что Государь былъ на куполѣ въ верху, въ фонарикѣ, и даже въ самомъ яблокѣ подъ крестомъ, гдѣ изволилъ написать свое имя. Гр. Ѳ. Т.

совъ и возвращался къ себѣ въ 4 часа, а иногда и позже. Государь былъ просто неутомимъ разсматривая Римъ, и видѣлъ и разсмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ въ пять дней то, чего не разсмотрѣть и въ двѣ недѣли. Осмотрѣвъ совершенно весь Ватиканъ, онъ былъ въ церкви St. Pietro in Vincoli; въ экспозиціи иностранныхъ художниковъ, въ базиликѣ St. Maria Majiori; въ Теонѣ; Maria di Angelo, что въ термахъ Діоклетіана; St. Giovani Salerano; St. Pauli, за городомъ; Пантеонѣ; термахъ Каракалы; palazzo di Cosari; villa Albani; Колизеѣ; въ ателье иностранныхъ художниковъ-скульпторовъ: Wolf, Imhof, Bien-aimé, Fincli, Tanerani, Fabris—и вездѣ были заказы.

Сказавъ о пріѣздѣ Государя въ Римъ, о его здѣсь пребываніи и дѣйствіи въ отношеніи къ иностранному, буду теперь говорить о томъ, что касается Академіи, а стало быть, и всѣмъ намъ такъ близко къ сердцу: о нашихъ пенсіонерахъ. Начну съ того, что ужасные слухи на счетъ поведенія нашихъ пенсіонеровъ распространены въ Петербургѣ, и—какъ здѣсь получены нѣкоторыя извѣстія—будто бы есть и донесеніе г. Киля о ихъ лѣни и распутствѣ — совершенно несправедливы, о чемъ съ подробнымъ отчетомъ занятій, работъ и поведенія при семъ имѣю честь препроводить рапортъ къ его высочеству нашему президенту (герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому).

Ежели господа пенсіонеры, пріѣзжая въ Римъ, не вдругъ принимаются за работы, такъ это потому, что первые мѣсяцы они должны осмотрѣться и принаровиться къ новому своему положенію, а особливо, когда здѣшнее теперь ихъ начальство ни малѣйше не заботилось объ нихъ, и не только не искало облегчить имъ тяжелый переходъ ихъ изъ отечества въ совершенно чужую имъ страну, а напротивъ, какъ вы увидите въ послѣдствіи, вовсе не хотѣло знать ихъ. А что они во-время начали свои работы и не лѣнились—вы увидите также ниже. На счетъ-же дурнаго ихъ поведенія и безнравственности ихъ,—донесенія, ежели они есть, такъ-же какъ и слухи,—тоже ложны, что вы тоже увидите въ послѣдствіи моего письма.

Я, во время моего пребыванія въ Римѣ, какъ прежде, такъ и теперь, дѣлалъ строгія на счетъ этого розысканія и убѣдился совершенно въ несправедливости дурныхъ толковъ, распущенныхъ объ нихъ. Ежели и случается иногда, что въ праздникъ они соберутся и немного попируютъ, то дѣлаетъ-ли это ихъ уже пьяницами? — Посмотрѣли бы какъ пируютъ иногда художники нѣмцы и французы, а объ нихъ не говорятъ ни слова; какъ здѣсь теперь пируютъ наши путешественники — не художники, которыхъ собралось здѣсь теперь премножество, и всѣ изъ значущихъ фамилій! какъ эти поигрываютъ и пируютъ—а про нихъ тоже ничего не говорятъ, да еще относится все на художниковъ. Дня четыре тому назадъ была здѣсь пирушка

у русскихъ, въ трактирѣ или ресторацiи Au bon goût—а тамъ не было ни одного изъ нихъ (изъ художниковъ русскихъ), но это въ сторону.

Всѣмъ роспускамъ худыхъ слуховъ объ пенсiонерахъ и донесенiямъ есть причина, и она заключается въ самомъ директорѣ здѣшнихъ пенсiонеровъ, въ г-нѣ Килѣ, и его секретарѣ Сомовѣ. Ни тотъ, ни другой не умѣли взяться за свое дѣло. Сомовъ, по ограниченности своей и вѣтренности, не умѣлъ понять, что́ такое выпущенный изъ Академiи пенсiонеръ; не умѣлъ понять, что они не школьники, не ребята, и надѣлалъ нѣкоторымъ изъ нихъ большiя непрiятности и тѣмъ вооружилъ противъ себя всѣхъ такъ, что они рѣшились и доказали очень ясно, что они уже не дѣти и что онъ въ дѣлѣ искусствъ ничего не понимаетъ и не умѣетъ себя приличнымъ образомъ съ ними вести. Разумѣется, что это сдѣлало его ихъ врагомъ. Когда Киль прiѣхалъ въ Римъ, началъ тѣмъ, что, пробывъ въ немъ три мѣсяца, не только не пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобъ познакомиться, какъ бы должно было, не посѣтилъ ни одной мастерской, но являвшихся къ нему даже за нуждами во все это время не допускалъ къ себѣ. Сомовъ, вѣроятно, въ это время описалъ нашихъ пенсiонеровъ ему своими красками. А этотъ, и безъ того ненавидя все русское, сталъ съ ними послѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ обращаться съ надменностью и даже пренебреженiемъ и, когда они съ нимъ встрѣчались, ему кланялись, то онъ не снималъ даже шляпы и не платилъ учтивостью за учтивость. Вы знаете послѣднихъ нашихъ воспитанниковъ, они у насъ не привыкли къ такому обращенiю и каждый изъ нихъ съ душой и чувствуетъ себя. Это ихъ оскорбляло. Г-нъ Киль, не входя совершенно въ ихъ положенiе, ни въ ихъ занятiя, ибо и по сiе время былъ только у какихъ нибудь трехъ или четырехъ человѣкъ въ студiяхъ и то предъ прiѣздомъ Государя, и не зная болѣе половины ихъ въ лицо и теперь, а дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ можетъ имъ повредить, роспуская объ нихъ слухи во всѣхъ домахъ, гдѣ вхожъ, какъ объ самыхъ ничтожныхъ и распутныхъ людяхъ. Такiе поступки г-на директора, очень натурально, что не могли ихъ привязать къ нему и они не только что потеряли къ нему уваженiе и не любятъ, но даже презираютъ и каждый изъ нихъ готовъ это сказать ему въ глаза. Роспуская скверные слухи о пенсiонерахъ, дѣлая худыя объ нихъ донесенiя съ помощью Сомова (съ которымъ они теперь ужасно перессорились и чернятъ теперь другъ друга), хотятъ прикрыть свое совершенное незнанiе своего дѣла, невѣжество въ дѣлѣ искусствъ, невнимательность къ пенсiонерамъ, однимъ словомъ—совершенную бездѣйственность, поручивъ все неопытному и незнающему молодому человѣку Сомову. Когда ждали сюда Государя, г-нъ Киль не только не старался, чтобъ пенсiонеровъ выставить, но дѣлалъ все, чтобъ ихъ

уронить. Онъ затѣялъ выставку изъ послѣднихъ оборышей, оставшихся у нашихъ живописцевъ отъ посланныхъ вещей въ Петербургъ, взялъ у нихъ неоконченныя даже работы, ихъ этюды, и выставилъ въ Palazzo Farnesino, въ комнатѣ, гдѣ на стѣнахъ нарисованы фрески—пригласивъ въ то же время письменно всѣхъ иностранныхъ и италіанскихъ художниковъ сдѣлать тоже выставку и не изъ пріѣхавшихъ сюда, какъ наши, учители, а всѣхъ здѣшнихъ мастеровъ и профессоровъ, которыхъ здѣсь слишкомъ триста человѣкъ; изъ работъ этихъ трехсотъ человѣкъ художниковъ выбрано было съ сотню самыхъ лучшихъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ художниковъ было по двѣ картины, и выставили въ локалѣ обыкновенныхъ выставокъ, гдѣ и стѣны и свѣтъ приспособлены къ тому. Не явно ли, что это—желаніе унизить нашихъ художниковъ? Я употреблялъ всѣ силы, чтобъ уничтожить это предпріатіе, объяснялъ князю (Волконскому?), который совершенно былъ согласенъ со мной, но на мою просьбу запретить дѣлать эту выставку сказалъ:

— „Мы съ вами оба посторонніе здѣсь. Начальникомъ Киль; пусть онъ дѣлаетъ выставку; ему-же достанется“.

Оно такъ и было. Онъ употребилъ также всѣ интриги, чтобъ не допустить Государя по мастерскимъ нашихъ художниковъ, а особливо Иванова не терпитъ и выставляетъ съумасшедшимъ мистикомъ и успѣлъ уже надуть это въ уши Орлова, Адлерберга и нашего посланника, съ которымъ онъ до гадости подличаетъ, какъ вездѣ и у всѣхъ. Пріѣхавъ, я вамъ разскажу много его продѣлокъ.

Слава Богу, что здѣсь случился князь Петр. Мих. Волконскій, который еще до моего возвращенія въ Римъ имѣлъ случай узнать нѣкоторыхъ нашихъ пенсіонеровъ и уже немного перемѣнилъ объ нихъ свое мнѣніе, тогда какъ онъ, какъ самъ изъяснялся, до того времени, не хотѣлъ и боялся видѣть нашихъ художниковъ, о чемъ мнѣ самъ тогда говорилъ. Я, по пріѣздѣ въ Римъ, на другой день къ нему явился и, когда, между прочимъ, дошла рѣчь до нашихъ пенсіонеровъ и я сталъ говорить въ защиту ихъ:

— „Я не знаю,—сказалъ онъ,—съ чего взяли говорить такъ худо объ нихъ; я зналъ многихъ изъ нихъ и нахожу ихъ образованными, благовоспитанными молодыми людьми, и радъ, что съ ними познакомился“.

Вотъ его собственныя слова, которыя я хорошо затвердилъ, чтобъ передать въ доказательство нелѣпости худыхъ слуховъ, роспускаемыхъ злобными людьми.

Увидѣвъ худое положеніе дѣлъ нашихъ пенсіонеровъ и притѣсненія Киля, я вознамѣрился, по пріѣздѣ Царя, дѣйствовать прямо и рѣшительно, что̀ мнѣ и удалось съ помощію благосклоннаго и ласковаго пріема, сдѣланнаго мнѣ Его Величествомъ, и того, что онъ во

всемъ, что касалось нашимъ и другимъ заказовъ, адресовался единственно ко мнѣ. Государь былъ во всѣхъ мастерскихъ нашихъ художниковъ, куда только можно было его вести. Не смотря на ухищренія Киля и посланника, который, совершенно не зная нашихъ здѣсь пенсіонеровъ; а только по однимъ наущеніямъ Киля, явно дѣйствовалъ противъ. Кажется, мы съ ними разстанемся не большими пріятелями.

Государь былъ, во первыхъ, у живописца Иванова. Нашелъ его картину прекрасною, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія; удивлялся его труду, разсматривая его этюды, и на слова одного изъ присутствующихъ, что столько тутъ надѣлано рисунковъ и, кажется, было сказано: для чего?—Государь изволилъ сказать:

— „Чтобъ сдѣлать картину; иначе и нельзя".

Очень расхвалилъ картину и велѣлъ Иванову оканчивать, съ Богомъ.

Въ мастерской у Ставасера Императоръ былъ восхищенъ статуею, вылѣпленною изъ глины, но не совсѣмъ еще въ биздѣлицахъ конченною, представляющею Нимфу, разуваемую молодымъ Сатиромъ. Хвалилъ сочиненіе, граціозность и отдѣлку этой группы и велѣлъ произвести ее въ мраморѣ. Очень хвалилъ начатую въ мраморѣ и уже приходящую къ концу статую Русалки; разсматривалъ его эскизы и сказалъ:

— „Не лѣнитесь только, а то у меня будетъ вамъ много работы!"

Былъ у Илимченъ, который вылѣпилъ Нарциза и готовится рубить его изъ мрамора, и спросилъ „есть-ли мраморъ?" онъ показалъ. Спросилъ—„довольно-ли? окончательно-ли сдѣлана модель, чтобъ рубить ее изъ мрамора?"—и когда художникъ отвѣчалъ, что—да, онъ сказалъ:

— „Вещь будетъ, кажется, хорошая; оканчивай".

Государь былъ у Иванова, разсматривалъ оконченную имъ въ мраморѣ статую Ломоносова въ юности, былъ доволенъ и очень хвалилъ. Видѣлъ начатую имъ статую, изображающую молодаго человѣка-простолюдина, замахнувшагося, чтобъ убить камнемъ змѣю; это академическая фигура и еще не совершенно приведенная въ порядокъ. Государь отнесся, что „нельзя много объ ней судить, потому что она не кончена, но надо ожидать, что будетъ хороша; оканчивай".

Къ Рамазанову Государя совсѣмъ не хотѣли было вести, по усталости Его Величества и потому, что надо еще ему смотрѣть мастерскія иностранныхъ художниковъ, а что къ Рамазанову, ежели можно будетъ, то вечеромъ поѣдутъ. Это было мнѣ очень больно. Когда я адресовался къ князю Петру Михайловичу Волконскому, онъ мнѣ сказалъ: „я такъ усталъ, что не могу оставаться, дѣлай какъ хочешь" и тутъ же уѣхалъ. Ни Адлербергъ, ни посланникъ, которому очень хотѣлось Государя вести къ иностраннымъ скульпторамъ, не хотѣли доложить. Я говорилъ посланнику, что это значитъ обидѣть одного, когда были у всѣхъ, а вечеромъ совсѣмъ не-

удобно видѣть статую въ глинѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что Государь изволилъ устать и торопится къ иностраннымъ скульпторамъ и онъ на смѣетъ объ этомъ доложить. „Ну, такъ я возьму эту смѣлость", сказалъ я разсердясь и, подошедъ къ Государю, остановилъ его и объяснилъ ему, что нужно посмотрѣть работы еще одного изъ нашихъ скульпторовъ, и молодаго человѣка съ дарованіемъ, Рамазанова. Государь спросилъ меня, что „не далеко-ли его мастерская?"—на мой отвѣтъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ:—„Ну, такъ поѣдемъ къ нему".

Въ мастерской Рамазанова Государь былъ чрезвычайно доволенъ его статуею „Нимфа, ловящая у себя на плечѣ бабочку"; хвалилъ очень постановку, граціозность и отдѣлку; разсматривалъ его эскизъ, сдѣланный для статуи въ панданъ къ Ставасеровой группѣ, тоже Нимфа, у которой Сатиръ проситъ поцѣлуя. Эскизъ этотъ очень понравился Государю, онъ только сказалъ:

— „Это уже очень выразительно; смягчи ее, а не то мнѣ нельзя будетъ поставить ее въ моимъ комнатахъ". Приказалъ ее сдѣлать и произвести въ мраморѣ.

Его Величество видѣлъ рисунки архитекторовъ и доски граверовъ у себя въ кабинетѣ. Потомъ призвалъ ихъ къ себѣ, расхвалилъ ихъ чрезвычайно, насказалъ имъ столько лестнаго, что они внѣ себя отъ радости. Его Величество кончилъ свои похвалы сими словами:

— „Молодцы, вы и скульпторы меня порадовали".

Въ отчетѣ моемъ къ президенту я помѣстилъ совершенно слова Государя, тогда же мною записанныя.

По отъѣздѣ Государя, наканунѣ его имянинъ, въ 12 часовъ, я пріѣхалъ со всѣми пенсіонерами къ герцогу Ольденбургскому, поздравилъ его съ общимъ праздникомъ для всѣхъ русскихъ. Онъ насъ принялъ очень ласково и, кажется, былъ очень доволенъ этимъ нашимъ привѣтствіемъ; отъ него поѣхали мы также всѣ къ князю Петру Михайловичу Волконскому поздравить его, какъ начальника и главнаго, съ тезоименитствомъ Государя. Ему это чрезвычайно понравилось и было пріятно, благодарилъ за поздравленіе, былъ очень милъ и ласковъ, говорилъ нѣсколько съ пенсіонерами и кончилъ свою рѣчь такимъ образомъ:

— „Мнѣ очень пріятно вамъ сказать, что Государь былъ совершенно доволенъ вами. Благодарю васъ за это, — благодарю васъ за ваше хорошее поведеніе!"

Вотъ, Василій Ивановичъ, лучшее оправданіе нашихъ пенсіонеровъ противу клеветы и доносовъ. И если-бы они въ самомъ дѣлѣ были такіе мерзавцы, какъ объ нихъ распускаютъ слухи, то стала-ли бы ихъ принимать къ себѣ въ домъ Прасковья Николаевна Жеребцова,

гдѣ они бываютъ и встрѣчаются съ княземъ П. М. Волконскимъ, какъ равно бываютъ и въ другихъ русскихъ домахъ, на заразившихся еще клеветами Киля! Не хочу васъ увѣрять, что они ведутъ монашескую жизнь. Нѣтъ, они въ свободные дни иногда сойдутся между собою попраздничать, какъ это случается со всѣми молодыми людьми, но разврата, пьянства, какъ говорятъ, между ними нисколько нѣтъ; ведутъ они себя благородно, какъ слѣдуетъ. Хозяева, у кого они живутъ, объ нихъ относятся съ уваженіемъ, и потому донесенія г. Киля, какъ здѣсь слухи носятся, будто-бы посланныя въ Академію, о ихъ распутствѣ и лѣности — совершенно ложныя, какъ вы видите изъ моего письма и донесенія къ его высочеству, нашему президенту. Не хочу вѣрить слухамъ, также здѣсь пронесшимся, будто-бы Н. И. Уткинъ подтвердилъ донесенія г. Киля; это было-бы ужасно несправедливо съ его стороны и поступлено очень легкомысленно. Николай Ивановичъ Уткинъ былъ здѣсь такое короткое время, что не могъ сдѣлать никакихъ за ними наблюденій и не дѣлалъ ихъ. Видалъ ихъ, такъ сказать, мимоходомъ въ прогулкахъ, которыя они съ нимъ дѣлали. Могъ-ли онъ ихъ узнать тутъ? Ежели онъ точно это сдѣлалъ, чему я никакъ не могу вѣрить, то сдѣлалъ единственно только по словамъ Киля, который такъ вертѣлся около него во все его тамъ пребываніе. Ежели сдѣланный Н. И. прощальный обѣдъ нашими пенсіонерами, — гдѣ, можетъ быть, за бокаломъ шампанскаго выпили, пошумѣли пѣснями и повеселились, — подалъ ему случай сдѣлать объ нихъ худое заключеніе, то ужъ я не знаю какъ это понять и какъ назвать. Но я повторяю, что этому не вѣрю, какъ не вѣрю и тому, чтобы Н. И. Уткину,—какъ объявилъ здѣсь Киль— тогда какъ я ѣхалъ въ Римъ въ самое то же время—было дано порученіе здѣшнему директору, на основаніи опредѣленія Академіи, устроить здѣсь натуральный классъ и заставить пенсіонеровъ непремѣнно ходить въ него въ извѣстные часы дня, тогда какъ мнѣ объ этомъ положеніи ничего неизвѣстно. Это, должно быть, тоже выдумка Киля. О неудобствѣ такого положенія нечего и говорить.

На счетъ скульптора Иванова скажу, что онъ, точно, отъ скуки и тоски по отчизнѣ началъ попивать, но теперь онъ гораздо воздержнѣе и надо полагать, что это и совсѣмъ пройдетъ послѣ посѣщенія Государя. О Ломтевѣ скажу, что онъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ копѣйки денегъ и въ долгахъ, и безъ всякой возможности учиться, а имѣетъ большія способности, не выноситъ своего положенія и тоже вдается въ гульбу, чтобы забыть его. Я увѣренъ, что его отвратить отъ этого удобно можно, давъ ему возможность учиться, съ тѣмъ, что первое его нетрезвое поведеніе и праздность лишатъ его навсегда пособій. Поручить же надъ нимъ надзоръ

особый живописцу Иванову; онъ, кажется, добросовѣстный человѣкъ, или кому другому. У насъ такъ мало историческихъ живописцевъ; изъ него (Ломтева) можетъ выйти хорошій; у него много къ тому данныхъ.

Здѣсь получены извѣстія о смерти Довичели; у меня просятъ узнать объ кондиціяхъ, на которыхъ онъ былъ при Академіи, почему и прошу васъ, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ, прислать мнѣ ихъ, ежели Академія найдетъ для себя полезнымъ имѣть человѣка на мѣсто Довичели, такъ же способнаго какъ тотъ; кажется, братъ Довичели просится на это мѣсто. Онъ считается здѣсь лучшимъ по приготовленію красокъ, холстовъ и нужныхъ для художниковъ вещей.

Пріѣхавъ сюда въ первый разъ, нашелъ Макритскаго въ самомъ жалкомъ положеніи и, зная его прилежаніе и стараніе учиться, я далъ ему изъ ввѣренныхъ мнѣ денегъ тысячу франковъ. Теперь не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ Ломтевымъ; онъ тоже въ самомъ крайнемъ положеніи.

Наговоривъ вамъ такъ много о нашихъ пенсіонерахъ, что̀ вамъ, какъ и мнѣ, такъ близко къ сердцу и такъ интересно, начну говорить и о себѣ. Вездѣ, гдѣ я былъ, и все, что я видѣлъ по сіе время, хорошо и даже очень хорошо; занимало меня, приносило большое удовольствіе. Я восхищался всѣмъ, а всетаки скучно здѣсь. Я нахожу у насъ во многомъ лучше совсѣмъ не по одной только привычкѣ къ своему, но, тщательно вникая во все (климатъ и памятники откладывая въ сторону: это другое дѣло), взвѣшивая вездѣ, гдѣ я былъ, хорошее и дурное съ нашимъ дурнымъ и хорошимъ, скажу, что, по моему уразумѣнію и совѣсти, у насъ въ Россіи въ нѣсколько кратъ лучше. Не мѣсто и нѣтъ времени, чтобъ входить въ подробности объясненія для подтвержденія моего мнѣнія, а повторяю, что наша святая Русь лучше и много лучше другихъ. Я не дождусь времени, когда буду имѣть радость вернуться въ отчизну.

Теперь, оканчивая мое письмо, прибѣгаю къ вамъ съ просьбою. Изъ писемъ моихъ, ежели вы ихъ получили, вы видѣли, что болѣзнь моя и дороговизна дороги разстроили мои финансы чрезвычайно, хотя я сколько могъ лишалъ себя, не думая объ удобствахъ, даже самыхъ необходимыхъ для моего здоровья,—какъ въ дорогѣ, такъ и въ жизни на мѣстахъ,—и со всѣмъ тѣмъ у меня вышли всѣ деньги и даже принужденъ былъ задолжать. Во время присутствія здѣсь Государя мнѣ присовѣтовали просить Его Величество чрезъ генералъ-адъютанта Адлерберга, что̀ я (хотя мнѣ это очень дорого стоило) и сдѣлалъ. Въ письмѣ моемъ, объяснивъ мое положеніе, просилъ вспомоществованія двухъ тысячъ рублей серебромъ, совершенно мнѣ необходимыхъ и безъ которыхъ я не только что не могу кончить моего вояжа и увидѣть, что̀ мнѣ еще осталось досмотрѣть, но не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать. Многіе, которые несравненно менѣе меня служили и не отдаютъ сами отчета, что̀ они сдѣлали, получали отъ щедротъ Мо-

нарха и больше гораздо вспомоществованія для поѣздки въ чужіе края, не имѣя ни почему такъ необходимости вояжа какъ я. А они получали пособіе на поѣздки и по два раза, какъ, напримѣръ, какой нибудь Алединскій, который мнѣ сказывалъ, что получилъ въ первый разъ до четырехъ тысячъ рублей и нынче получилъ опять порядочную сумму, да еще въ Неаполѣ написалъ въ Палермо, когда Государь былъ тамъ, что у него украли изъ кармана деньги, и ему прислали еще тысячу франковъ. А сколько и богатыхъ получали и получаютъ на дорогу вспомоществованія! Просьба моя къ вамъ состоитъ вотъ въ чемъ: такъ какъ г. Адлербергъ не будетъ докладывать обо мнѣ Государю прежде пріѣзда въ Петербургъ, то чтобы герцогъ сдѣлалъ милость—замолвилъ словечко за меня г. Адлербергу или далѣе, ежели онъ вздумаетъ, а ежели тамъ откажутъ, то чтобы сдѣлали мнѣ милость прислать эти деньги,—коли невозможно будетъ такъ,—хоть заимообразно. Я безъ нихъ никакъ не могу отсюда двинуться, какъ и оставаться здѣсь. Доложите, пожалуйста, о моей просьбѣ его высочеству, къ которому прибѣгать заставляетъ меня одна только крайность. Прошу васъ не откладывать моей просьбы. Положеніе мое меня ужасно мучаетъ; ужасно тяжело мнѣ это все говорить, да нечего дѣлать. Я бы готовъ Богъ знаетъ что́ перетерпѣть, чтобы не имѣть только униженія прибѣгать къ просьбамъ о деньгахъ.

Благодарю васъ отъ всей души и Софію Ивановну за ваше вниманіе къ моей малюткѣ Катѣ. Мнѣ должно было бы начать мое письмо этою благодарностью, но дѣла нашихъ художниковъ такъ заинтересовали меня, что я весь предался имъ и поспѣшилъ оправдать ихъ предъ Академіею и нашимъ президентомъ. Да и кому же было, какъ не мнѣ, вступиться за нихъ?

Прощайте, почтеннѣйшій другъ Василій Ивановичъ, спѣшу кончить мое письмо, чтобы успѣть отправить его съ курьеромъ. Жена моя вамъ и супругѣ вашей свидѣтельствуетъ почтеніе, какъ и я, вамъ душевно преданный Графъ Ѳедоръ Толстой.

P. S. Такъ какъ рапортъ мой къ его высочеству еще не переписанъ, а дожидать его—было бы отложить услышать вамъ пріятныя вѣсти, я отправляю это письмо и прошу васъ хоть по немъ довести до свѣдѣнія герцога и Академіи объ здѣшнихъ дѣлахъ, разумѣется, исключивъ подробности объ Килѣ, которыя были писаны только для вашего свѣдѣнія; рапортъ я пришлю съ слѣдующимъ курьеромъ.

Сейчасъ у меня былъ одинъ камергеръ здѣшняго двора, имѣвшій счастіе сопровождать Государя Императора въ его обзорахъ. Въ Римѣ Императоръ Николай Павловичъ оставилъ о себѣ воспоминаніе, какъ и въ Неаполѣ и Сициліи: онъ удивилъ всѣхъ своею снисходительностью, ласкою и своею внимательностью, съ которой разсматривалъ все, что обозрѣвалъ, а еще болѣе — точнымъ и вѣрнымъ взглядомъ на всѣ вещи, чему удивлялись и мы всѣ. Съ какою гордостью должны мы слышать общее объ немъ удивленіе! Графъ Ѳедоръ Толстой.

Сообщ. Н. Д. Быковъ.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ НЕКРАСОВЪ

† 27-го декабря 1877 г.

27-го декабря 1877 года Россія понесла великую потерю: умеръ Н. А. Некрасовъ; навѣки умолкъ ея народный поэтъ и одинъ изъ тружениковъ въ великомъ дѣлѣ преуспѣянія обновленной Россіи, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Видное мѣсто занималъ покойный въ ряду даровитыхъ дѣятелей, потрудившихся къ подготовкѣ русскаго общества къ воспринятію великихъ реформъ нашего времени и указавшихъ народу его высокій жребій въ близкомъ будущемъ. И если потомство съ благодарностью произнесетъ имена Н. А. Милютина, Н. И. Бахтина, К. В. Чевкина, Ю. Ѳ. Самарина, С. М. Жуковскаго и нѣкоторыя другія, неразрывно связанныя съ незабвеннымъ событіемъ уничтоженія крѣпостнаго ига — оно, безъ сомнѣнія, благоговѣйно сохранитъ въ своей памяти имена Гоголя, Бѣлинскаго, К. С. Аксакова, Хомякова, Некрасова..... Кто изъ русскихъ забудетъ, что Некрасовъ воспѣлъ русскаго крестьянина; что пѣсни Некрасова ознакомили русское общество съ бытомъ русскаго человѣка, труженика крестьянина, отъ зыбки до досчатаго гроба и на всѣхъ путяхъ его жизни. И если сограждане Роберта Гуда начертали на его гробницѣ: „Онъ спѣлъ пѣсню о рубашкѣ“, то Россія можетъ, въ свою очередь, съ чувствомъ глубочайшей признательности начертать на гробницѣ Некрасова: „онъ воспѣлъ рубище русскаго пахаря“— кормильца Россіи; онъ написалъ рядъ живыхъ, неизгладимыхъ картинъ его печальнаго быта.

Покойный поэтъ родился и провелъ первые годы отрочества въ сферѣ полнѣйшаго крѣпостничества...... Всѣ тяжелыя явленія прежняго крестьянскаго быта неизгладимыми чертами врѣзались въ впечатли-

тельное сердце ребенка и эти впечатлѣнія пополнялись картинами произвольной расправы, облеченной въ юридическую форму (отецъ Некрасова одно время былъ исправникомъ)...... Всѣ виды людскихъ страданій и самыя мрачныя стороны семейнаго быта были знакомы Некрасову чуть ни съ колыбели и вотъ почему онъ самъ сказалъ о своей музѣ:

.....Шелъ одинъ вѣнецъ—терновый
Къ твоей угрюмой красотѣ!

Юношею 17-ти лѣтъ Некрасовъ прибылъ въ Петербургъ съ цѣлію посвятить себя подготовкѣ для поступленія въ военную службу; но вскорѣ перемѣнилъ свой образъ мыслей и избралъ ученую карьеру: поступилъ въ университетъ и посѣщалъ его два года—живя уроками, корректурами и литературными трудами, печатая ихъ за самую грошовую плату въ періодическихъ изданіяхъ, сочиняя куплеты для переводныхъ водевилей Александринскаго театра. Въ деревнѣ молодой Некрасовъ былъ только зрителемъ тяжелыхъ условій сельскаго быта; въ столицѣ онъ самъ извѣдалъ нищету и боролся до изнеможенія съ этою столичною нищетою, которая, въ своемъ родѣ, еще мучительнѣе нищеты деревенской. И изучилъ Некрасовъ тяжелый бытъ петербургскихъ тружениковъ—отъ водоноса до мелкаго чиновника, отъ мастероваго — до поденьщика. Рядомъ съ этой нищетой — надъ подвалами или подъ чердаками, гдѣ она гнѣздится, — видѣлъ поэтъ праздность и сытый эгоизмъ,—и уже не слезы, а желчь кипѣла въ сердцѣ юноши и въ немъ развивались зачатки будущихъ сатиръ.

Университетскаго курса Некрасовъ не кончилъ: какъ истинный самородокъ, онъ миновалъ горнило науки, и на всю жизнь остался — такъ сказать — стихійною силою, подобно талантливымъ своимъ предшественнику—Кольцову и послѣдователю—Никитину. Талантъ Некрасова, не обработанный наукою, спасся тѣмъ самымъ отъ иноземнаго вліянія; никогда не подражая иностраннымъ образцамъ, Некрасовъ не былъ ни русскимъ Беранже, ни русскимъ Гейне, ни русскимъ Гудомъ... онъ былъ и остался Некрасовымъ. И слава Богу!

«Клянусь, я честно ненавидѣлъ!
«Клянусь, я искренно любилъ!»

— сказалъ онъ самъ о себѣ и въ этихъ двухъ строкахъ—правдивый кличъ Некрасовской музы.

Первая пора вступленія и, затѣмъ, дѣятельности Некрасова на литературномъ поприщѣ относится къ 1838—1846 гг., та тяжелая пора нашей словесности, когда писатели могли думать—какъ хотятъ, но писать—какъ имъ дозволялось. Писатели, сочувствовавшіе „младшей братіи", могли писать идилліи, въ которыхъ главную роль играли благодѣтельные помѣщики, благодушные становые и добродѣтельные сотскіе. Дозволялось описывать великосвѣтскія гостиныя и бытъ мелкаго чиновничества до титулярнаго совѣтника включительно, но признавалось неудобнымъ касаться крѣпостнаго быта. При всемъ томъ, даже въ узкихъ своихъ рамкахъ, „натуральная школа", съ Гоголемъ во главѣ, признана была Булгаринымъ и К° чуть не республиканскою пропагандою. Не мало пришлось вытерпѣть Некрасову во второй періодъ его дѣятельности, именно въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ изданія „Современника" (1847—1856 гг.): сатиры его оставались въ рукописи и лишь изрѣдка печатались изъ нихъ отрывки, т. е. что-то недосказанное, недомолвленное; унылые аккорды, выхваченные изъ полной мелодіи, два, три такта. Некрасовъ молчалъ, а годы, „лучшіе годы", уходили. Поэту исполнилось тридцать пять лѣтъ, а онъ еще не сказалъ своего слова, онъ еще не спѣлъ ни одной изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя съ самой юности залегли у него въ сердцѣ.

Въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ русское живое слово получило, до нѣкоторой степени, право гражданственности, и тогда-то зазвучала пѣснь Некрасова, нашедшая отголосокъ въ сердцахъ большинства преобразующагося русскаго общества.......

На поэтическомъ поприщѣ Некрасовъ отмежевалъ себѣ двѣ обширныя области; въ теченіе двадцати лѣтъ широкою рукою почерпалъ онъ въ нихъ предметы для своихъ прекраснѣйшихъ произведеній. Въ первой области онъ являлся неумолимымъ гонителемъ невѣжества, своеволія, близорукаго бюрократизма, поклоненія златому тельцу; во второй своей области, Некрасовъ—искренній сострадалецъ и печальникъ нищеты, и угнетенности, пѣвецъ народа, любимаго имъ горячею сыновнею любовью. Пѣсни Некрасова, выхваченныя изъ крестьянскаго быта, исторгали слезы даже изъ тѣхъ глазъ, которые до того времени слезились только надъ иностранными романами да мелодрамами. Некрасовъ вполнѣ открылъ „настоящаго русскаго крестьянина". Муза Некрасова повела своихъ читателей на пашню, орошаемую потомъ труженика, на жатву, на которой младенцы помогаютъ отцамъ и матерямъ, на берега Волги, гдѣ бурлаки, впрягшіеся въ лямки, выбиваются изъ послѣднихъ силъ, на смиренный погостъ, гдѣ заледенѣлая земля-матушка принимаетъ въ свои объятія труженика-сына.... „Это человѣкъ!" сказалъ Некрасовъ.....

Каждый изъ насъ, свидѣтелей всеобщаго слиянія всѣхъ сословій земли русской подъ знаменами Царя-Освободителя христіанъ отъ мусульманскаго ига, каждый изъ насъ признаетъ, что этой любви, этому братству, объединившему всю Россію, вполнѣ способствовали пѣсни Николая Алексѣевича Некрасова.

Въ благородныхъ сердцахъ дѣятелей при осуществленіи великаго дѣла уничтоженія крѣпостнаго ига и упроченія земскихъ учрежденій Некрасовъ своими пѣснями вселялъ чувства пріязни, любви, сострадапія и уваженія къ народу и тѣмъ мощно содѣйствовалъ великому преобразованію Россіи; не принадлежа къ сферѣ „служебной", онъ несъ свою великую службу народу русскому.

И будущій историкъ нашихъ временъ, и ваятель, которымъ суждено будетъ перомъ или рѣзцомъ, въ бронзѣ или мраморѣ, увѣковѣчить великія имена и событія послѣднихъ двадцати лѣтъ, безъ сомнѣнія, не забудутъ имени Некрасова, какъ одного изъ великихъ дѣятелей на пользу, нравственное преуспѣяніе и благоденствіе Россіи.....

Вѣчная память даровитому поэту-печальнику народа Русскаго.

Жизнь Некрасова, какъ человѣка, не обилуетъ особенно важными фактами. Онъ родился 22-го ноября 1821 года, въ Каменецъ-Подольской губерніи; росъ въ отцовской усадьбѣ деревни Грешнево, Ярославской губ.; въ 1832 году былъ отданъ въ Ярославскую гимназію; въ 1839 году отправился въ Петербургъ; съ 1839 по 1841 годъ слушалъ лекціи университета; съ 1841 по 1847 годъ подвизался на скорбномъ, тернистомъ поприщѣ русскаго писателя; съ 1847 по 1866 г. былъ издателемъ-редакторомъ „Современника"; съ 1868-го по 1877-й годъ былъ не офиціальнымъ, но дѣйствительнымъ редакторомъ (вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ и Г. З. Елисѣевымъ) одного изъ лучшихъ въ Россіи журналовъ „Отечественныя Записки" и во всѣ тридцать лѣтъ (1846—1877 гг.), по самый день кончины, 27-го декабря 1877 года, въ 8 часовъ 50 минутъ пополудни, Николай Алексѣевичъ Некрасовъ былъ въ высшей степени даровитымъ, неподражаемымъ народнымъ поэтомъ и сатирикомъ.

Н. А. Некрасовъ погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря—30-го декабря 1877 года.

Мысль о жизни въ потомствѣ проявляется во многихъ стихотвореніяхъ покойнаго, но съ нею весьма часто неразлучно какое-то

скромное сомнѣніе въ величіи своего дарованія; въ „послѣднихъ“ пѣсняхъ покойный выразилъ даже сокрушеніе о томъ, что онъ будетъ забытъ Россіею... Напрасно подобныя мысли тревожили страдальца на смертномъ одрѣ: память о немъ „въ родъ и родъ“ будетъ возрастать въ русскомъ народѣ, по мѣрѣ распространенія грамотности и образованія... Изъ всѣхъ стихотвореній Некрасова, въ день его погребенія, ни одно не могло быть такъ примѣнимо къ усопшему, какъ три слѣдующіе стиха:

И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Замѣтки.

I.

Е. П. Карновичъ, въ своемъ историко-біографическомъ очеркѣ «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», между прочимъ, говоритъ («Русская Старина» изд. 1877 года, томъ XX, стр. 88), что польскіе солдаты, какъ добродушно, такъ и злобно, прозвали Константина «nasz staruszek», т. е. нашъ старичекъ, еще въ ту пору, когда цесаревичъ былъ въ самой бодрой порѣ своей жизни. Это не такъ. Низшій классъ польскаго народа слово «stary»—старый—весьма часто употребляетъ въ смыслѣ слова «старшій», замѣняющаго слова: хозяинъ, господинъ, начальникъ. Мастеровой, работникъ или служанка называютъ своего хозяина, конечно за глаза, «starym» (stary приказалъ, stary остался недоволенъ и т. п.), хотя бы хозяинъ былъ вдвое моложе ихъ. Такимъ образомъ, въ устахъ польскихъ солдатъ слова «nasz staruszek» въ отношеніи цесаревича вовсе не были какимъ либо особеннымъ прозвищемъ, а тѣмъ болѣе злобнымъ, но просто ласкательнымъ и любовнымъ наименованіемъ своего начальника. Иначе и быть не могло. Польскіе солдаты дѣйствительно любили цесаревича. Его вспыльчивость и рѣзкость, глубоко иногда оскорблявшія людей высшаго класса, не могли оставлять особой горечи въ душѣ простыхъ солдатъ, при его всегда добрыхъ и ласковыхъ отношеніяхъ къ нимъ внѣ службы. Не надо забывать и того, что въ то время военная дисциплина вездѣ отличалась крайнею суровостію и грубостію; грубость эта для польскихъ солдатъ, выходившихъ изъ низшаго класса народа, который и простой шляхтичъ третировалъ какъ «bydło»,—не могла быть особенно чувствительна. Вообще, въ простомъ польскомъ народѣ, какъ мнѣ нерѣдко случалось слышать, Константинъ Павловичъ оставилъ по себѣ пріятныя воспоминанія и о самыхъ его недостаткахъ (вспыльчивости и рѣзкости) простой людъ разсказываетъ весьма добродушно. Конечно, женитьба цесаревича на простой шляхтянкѣ сильно подкупила народъ въ его пользу.

Въ очеркѣ своемъ г. Карновичъ разсказываетъ объ остроумной выходкѣ артиста Варшавскаго театра Жулковскаго по случаю его дуэли. Я слышалъ другой разсказъ о томъ же артистѣ:

Во время одного представленія, Жулковскій, ударившись въ импровизацію и поддержанный своими товарищами, сдѣлалъ кое-какіе политическіе намеки и сказалъ каламбуръ въ родѣ того, что поляки не могутъ существовать безъ познаній (Познани). Объ этой выходкѣ узналъ Константинъ Павловичъ и, потребовавъ къ себѣ во дворецъ Жулковскаго, порядкомъ его пожурилъ. Товарищи Жулковскаго съ нетерпѣніемъ ожидали исхода этого опаснаго визита и, по возвращеніи Жулковскаго, набросились на него съ разспросами. Жулковскій, не смотря на полученную имъ головомойку, спокойно и съ большою важностію отвѣчалъ:

— «Конференція моя съ цесаревичемъ окончилась очень успѣшно и мы можемъ получить гораздо болѣе, чѣмъ желали. Великій князь обѣщалъ дать намъ за Познань—«kijow (палокъ) po dole (по нижней части)»...

Товарищи Жулковскаго, конечно, тотчасъ же смекнули, что рѣчь идетъ вовсе не объ уступкѣ Кіева и Подоліи.

Сообщ. **Николай Хупотскій.**

Варшава, 15-го января 1878 г.

II.

Н. П. Барышниковъ въ интересной статьѣ «Пріѣздъ польскаго депутата къ цесаревичу Константину Павловичу», слѣдуя, безъ сомнѣнія, французскому тексту имъ переведеннаго разсказа Валицкаго, повторилъ ошибки неисправной копіи съ подлинника въ правописаніи именъ двухъ польскихъ генераловъ. Такъ, Валицкій, въ сообщеніи г. Барышникова, упоминаетъ о двухъ лицахъ: Сцембекъ и Босницкій (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 36 и 38). Это ошибка.

Должно читать: Шéмбекъ и Рожнéцкій.

Ни Сцембека, ни Босницкаго польскихъ генераловъ не было. Что разумѣется Шембекъ—доказательство на стр. 36, гдѣ цесаревичъ говоритъ, что этотъ генералъ клялся привести свою бригаду, но не исполнилъ обѣщанія. Это было именно съ Шембекомъ, и только съ нимъ однимъ, какъ можно видѣть изъ біографіи Константина Павловича («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 242).

Что разумѣется Рожнéцкій—видно какъ изъ того, что онъ — польскій генералъ—былъ при цесаревичѣ, на пути въ Россію, такъ и по ненависти къ нему депутата польскаго. Все это относится къ Рожнецкому, который предъ мятежомъ завѣдывалъ тайною полиціею. Его поляки такъ ненавидѣли, что онъ остался и жить въ Петербургѣ. Ошибка произошла отъ того, что первая буква R прочитана за B: вся разница въ поворотѣ хвостика, вмѣсто вправо—налѣво.

Еще замѣтка: на стр. 27, когда убійцы ворвались въ Бельведеръ, Любовицкій говоритъ цесаревичу: Zle, mośćie xięże. Здѣсь въ послѣднемъ словѣ одна буква ę попортила все дѣло: xięże значитъ звательный падежъ слова xiądż (ксендзъ); а слово князь въ именительномъ и звательномъ падежѣ: xiążeą,

С.-Петербургъ.

Сообщ. Н. Боричевскій.

III.

Замѣтки къ статьѣ: „Послѣдніе дни жизни Александра I".

«Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 141—149.

Достовѣрность свѣдѣній, сообщенныхъ на страницахъ «Русской Старины» въ запискахъ княгини З. А. Волконской, близко стоявшей къ Императорскому двору, несомнѣнна, но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ требуются нѣкоторыя поправки, какія и предлагаются.

На стр. 142-й, упомянутъ въ Таганрогѣ «Варваціевъ монастырь». Правда, что построеніе его сдѣлано разбогатѣвшимъ хлѣбною торговлею грекомъ, надворнымъ совѣтникомъ Варваціемъ, который посвятилъ его Святому Гробу, въ 1814 году, но наименованіе его такое: Іерусалимскій Александро-Невскій монастырь [1]).

---

[1]) См. X-й томъ Записокъ Одесскаго Общества Древностей, стр. 435.

На стр. 144-й, начальникомъ «Балаклавскаго греческаго легіона» поименованъ какой-то «Бараилотъ». Такого имени въ Крыму никогда не бывало, а состоялъ командиромъ Балаклавцевъ (державшихъ карантинную цѣпь по южному берегу Крыма) генералъ-маіоръ Ѳеодосій Ревеліоти, съ 20-го октября 1809 по 3-е февраля 1831 года [1]).

На стр. 145-й, государь императоръ Александръ I, «возвратясь въ Чуфутъ-Кале, обѣдалъ съ именитыми горожанами изъ магометанъ». Никогда и никакъ этого не могло произойти. — Со временъ предпослѣднихъ крымскихъ хановъ, эта горная крѣпостца—неизвѣстно, когда оставленная мусульманами, здѣсь обитавшими (гробница Ненскеджанъ-Ханымъ 1437 года), стала принадлежать караимамъ, гдѣ богатые откупщики изъ нихъ брали у хановъ на откупъ перечеканку крымско-татарской монеты, и которую изъ серебряной выпускали плохую, мѣдную: «гурушъ», т. е. гнилую. Подземелья этой крѣпостцы служили для этой цѣли, куда иновѣрцевъ не допускали, тѣмъ болѣе мусульманъ, называвшихъ караимовъ «чуфутами», т. е. жидами. Ѣсть же совмѣстно—обоюдно воспрещалось ихъ закономъ. Греческій монастырь, осмотрѣнный Александромъ I, былъ «Успенскій», изсѣченный, по древнему обычаю, въ каменной скалѣ, при первыхъ крымскихъ ханахъ, въ XV вѣкѣ. Вѣроятно, государь обѣдалъ въ Бахчисарайскомъ ханскомъ дворцѣ, гдѣ и теперь указываютъ его покои [2]).

На стр. 149-й, не поименованъ вызванный княземъ Волконскимъ изъ Екатеринослава епископъ Ѳеофилъ.—Участниками въ печальной процессіи, сверхъ упомянутыхъ княгинею Волконскою, были: графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, генер.-лейт. Денисовъ, Иловайскій, ген.-маіоръ Сысоевъ, полк. Солонка.

Тамъ же, на 149-й стр., въ примѣчаніи, показанъ «духовникъ государевъ соборный Таганрогскій протоіерей Ѳедоровъ»: не Ѳедоровъ, а Ѳедотовъ [3]).

По волѣ вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны, комната, гдѣ скончался Александръ I, обращена въ церковь. Домъ купленъ у статск. сов. Сиверса въ придворное вѣдомство, и настоятелемъ церкви назначенъ послѣдній духовникъ императора, протоіерей о. Алексѣй Ѳедотовъ.

Одесса, 12-го января 1878 г.

Сообщ. **Н. Н. Мурзакевичъ.**

---

[1]) I-й томъ Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и Древностей стр. 238. [2]) По сооженіи въ 1736 году фельдмаршаломъ Минихомъ ханскаго дворца, оный былъ возобновленъ въ 1786 году княземъ Потемкинымъ къ пріѣзду императрицы Екатерины II. Въ 1837 году обновленъ княземъ М. С. Воронцовымъ. [3]) IX-й томъ Записокъ, стр. 334, см. «Церемоніалъ выноса тѣла императора Александра I-го».

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

1802 г.

Портретовъ Александра I-го издано и въ его время, и въ последующіе годы, и, наконецъ, въ настоящее время,—когда отпразднована Россіей столѣтняя годовщина дня его рожденія, весьма много. Довольно сказать, что однихъ гравированныхъ на мѣди и на стали портретовъ этого государя,—слѣдуя «Словарю» Д. А. Ровинскаго,—до 1872 г., т. е. до времени выпуска въ свѣтъ этого «Словаря» [1]), насчитывается 250; если же прибавить тѣ гравированные портреты на металлѣ, которые почему либо ускользнули отъ вниманія уважаемаго составителя «Словаря», а также множество портретовъ Александра I-го гравированныхъ на деревѣ и литографированныхъ (тѣ и другіе въ «Словарь». г. Ровинскаго не внесены), то изданій портретовъ Александра I-го дойдетъ близко до тысячи.

Въ виду общеизвѣстности изображеній Александра I-го, Редакція «Русской Старины» рѣшилась остановиться на одномъ изъ такихъ его портретовъ, который еще не былъ изданъ и который, между тѣмъ, относится къ самой интересной эпохѣ въ его жизни—именно когда Государь, по восшествіи своемъ на престолъ, подъ вліяніемъ самыхъ либеральныхъ идей и искреннихъ пожеланій всего добраго его государству и народу, предпринялъ рядъ замѣчательныхъ реформъ. Къ началу таковой эпохи, именно къ 1802-му году, относится очень хорошій живописный портретъ

---

[1]) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Состав. Д. Ровинскій. Спб. 1872 г., въ 8 д., стр. LXI+236.

Александра I-го, исполненный знаменитымъ въ свое время портретистомъ Жаномъ-Воалемъ; подлинникъ его кисти, съ обозначеніемъ на немъ имени художника и года написанія портрета, принадлежитъ небольшому, но весьма замѣчательному собранію живописныхъ портретовъ русскихъ государей, императрицъ и достопамятныхъ людей, князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, имъ весьма обязательно сообщенъ для воспроизведенія въ приложеніи къ «Русской Старинѣ».

Портретъ Александра I-го писанъ Воалемъ на доскѣ 5-ти вершковъ высоты, 4¼ вершковъ ширины. Государь изображенъ по поясъ, въ легко напудренномъ парикѣ, въ темнозеленомъ съ краснымъ, шитымъ золотомъ воротникомъ, мундирѣ, съ золотымъ эксельбантомъ на правомъ плечѣ; препоясанъ шарфомъ. Внизу портрета подпись: «Voile peinx 1802» [1]).

Рисунокъ съ этого подлинника исполненъ для «Русской Старины» художникомъ К. О. Брожемъ, а гравюра принадлежитъ талантливому рѣзцу академика Л. А. Сѣрякова, съ 1876 года поселившагося въ Парижѣ и украшающаго нынѣ произведеніями своего рѣзца многія иностранныя изданія.

Ред.

---

[1]) Кисти Воаля принадлежитъ нѣсколько портретовъ, исполненныхъ имъ въ Россіи, между прочимъ: князя Александра Борисовича Куракина; Ивана Перфильевича Елагина (въ 1773 г.); другой портретъ того же Елагина; портретъ великаго князя Павла Петровича (въ 1773, 1784 и 1789 гг.), и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ эти портреты, какъ видно изъ «Словаря» Д. А. Ровинскаго, послужили подлинниками для гравюръ, при чемъ иные воспроизведены нѣсколько разъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ **третьемъ** изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго.**— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки творца русской оперы Михаила Иван. **Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч. и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Карабанова.** — Письма. стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ **третьему** изданію „Русской Старины“ **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ **Акад. Сѣряковымъ** рисунками и виньетами.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

«Русская Родословная книга», изданная редакціей «РУССКОЙ СТАРИНЫ». Спб., два тома, цѣна 5 руб. съ пересылкою.

12 книгъ „Русской Старины“ 1877 г.

съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, а именно:

Княгиня Екатерина **Дашкова**, графъ **А. Мамоновъ**, кн. **Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій**, московскій митрополитъ **Филаретъ**, **М. Ѳ. Орловъ**, **княгиня Жаннета Ловичъ**—супруга цесаревича Константина Павловича; кавказскій имамъ **Шамиль**, **Н. Н. Муравьевъ** (Карскій), **К. В. Чевкинъ**, **И. А. Яковлевъ**.—Рисунки: галера императрицы **Екатерины II** и памятникъ **Архипу Осипову**. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: **Турецкая неволя**—историческій очеркъ;—**Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II**;—**Сельскій священникъ** въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка; — **Россія сто лѣтъ назадъ** — путешествіе англійскаго историка Кокса;—записки берлинскаго профес. академика **Тьебо** о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными Русскими людьми въ 1765—1785 гг.;—герцогиня **Кингстонъ** въ Россіи;—бракоразводное дѣло **Евдокіи Ганнибалъ**. — **Екатерина II и Густавъ III**;—**Невѣсты** цесаревича **Павла Петровича**; — **Русское войско** въ царствованіе Павла Петровича;—Цесаревичъ **Константинъ Павловичъ** — историко-біографическій очеркъ; — **Отечественная война 1812 года** — историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ; **Посольство Ермолова** въ Персію въ 1817 году;—Записки **Шуазель Гуфье**—объ императорѣ Александрѣ I и его времени;—Уничтоженіе **масонскихъ ложъ въ Россіи**,—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.;—Записки **П. А. Каратыгина**;—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Дневникъ барона **Л. П. Николаи**—война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.;—**Кн. Меншиковъ** въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта **А. А. Панаева**; — Воспоминаніе о **Т. Н. Грановскомъ**—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—**Россія и Турція** въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ; — **Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ**, біографическій очеркъ и переписка;—**Воспоминанія о Восточной войнѣ**, 1853—1855 гг., доктора **А. Генрици**;—**Шамиль и его семья въ Калугѣ**, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго;—**К. В. Чевкинъ**: первыя главы его біографіи и проч. Вообще въ вышедшихъ, перваго числа каждаго мѣсяца, книгахъ «Русской Старины» 1877 г., между другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. **Н. И. Барсова**, **Ад. П. Берже**, **М. И. Богдановича**, проф. **М. И. Горчакова**, акад. **Я. К. Грота**, **И. Е. Забѣлина**, профес. **В. С. Иконникова**, **Д. И. Иловайскаго**, **Е. П. Карновича**, **Н. И. Костомарова**, **П. А. Кулиша**, **П. С. Лебедева**, **И. И. Ореуса**, **А. Н. Попова**, **Д. Д. Рябинина**, **В. И. Семевскаго**, проф. **В. И. Сергѣевича**, акад. **С. М. Соловьева**, **В. В. Стасова**, **А. Н. Сѣрова**, **И. И. Шамшева**, **Н. К. Шильдера**, и многихъ другихъ.

Кромѣ упомянутыхъ Записокъ, Воспоминаній, историческихъ изслѣдованій, очерковъ и біографій, въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ изд. 1877 г., помѣщено болѣе 70 не большихъ историческихъ разсказовъ, замѣтокъ и отдѣльныхъ документовъ.

Подписчики „Русской Старины“ получатъ при Апрѣльской .. „Русской Старины“ 1878 года хромолитографированный, отпечата[нный] въ Парижѣ красками, портретъ **Николая Васильевича ГОГОЛЯ**, писа[нный] съ него въ 1841 году въ Римѣ, для В. А. Жуковскаго знамен[итымъ] художникомъ А. А. Ивановымъ [† 1858 г.].

Изданіе втораго тома перешло уже въ вѣденіе Церковно-археологическаго общества, состоящаго при Кіевской духовной академіи (отчего же не Историческаго, состоящаго при университетѣ св. Владиміра, въ которомъ покойный Максимовичъ былъ профессоромъ?).

Бо̀льшая половина втораго тома посвящена Кіеву и его окрестностямъ; остальная часть кіевскому княжеству, переяславскому княженію, землѣ Волынской, статьямъ археологическимъ и этнографическимъ. Въ первый отдѣлъ этого тома вошли статьи, спеціально посвященныя топографіи древняго Кіева, его урочищъ, церквей и монастырей; но рядомъ съ ними находимъ и статьи болѣе общаго характера (какъ записки о первыхъ временахъ кіевскаго Богоявленскаго братства, Выдубицкій монастырь, сказаніе о Межигорскомъ монастырѣ). Другія историко-топографическія статьи, вошедшія въ этотъ томъ, касаются Звенигорода, Переяславля и городовъ этого княжества, Степаня, Пересопницы и Дубровицъ — въ Волынской землѣ. Въ отдѣлѣ археологическомъ помѣщены статьи объ украинскихъ стрѣлахъ древнѣйшихъ временъ, собранныхъ надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы (т. е. на мѣстѣ жительства Максимовича), съ приложеніемъ ихъ рисунковъ; замѣтки о значеніи имени Троянъ, упоминаемомъ въ Словѣ о полку Игоревѣ; о предметахъ древности, сообщенныхъ авторомъ въ музей Моск. археол. общества (стрѣлы, монеты, каменные молотки и т. п.). Отдѣлъ этнографическій занятъ тремя статьями, посвященными малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ, и статьею о дняхъ и мѣсяцахъ украинскаго селянина.

Въ составъ третьяго тома войдутъ статьи, относящіяся къ исторіи русскаго языка и словесности, беллетристическія, рѣчи, біографіи ученыхъ и т. п., а также здѣсь будетъ помѣщена и біографія Максимовича, составленіе которой принялъ на себя г. Пономаревъ. Но можно пожелать также, чтобы къ этому тому былъ приложенъ портретъ автора и алфавитный указатель именъ и предметовъ, какъ необходимая принадлежность каждаго ученаго изданія. Къ сожалѣнію, самое изданіе не сопровождается примѣчаніями, отчего иногда удерживаются анахронизмы и повторяются цѣлыя страницы въ разныхъ статьяхъ, или иногда печатаются статьи не въ окончательной редакціи, а въ первоначальномъ видѣ, какъ это было уже указано относительно записки о Богоявленскомъ братствѣ, перепечатанной изъ Епарх. Вѣд., а не изъ Трудовъ Кіев. дух. академіи (1869, № 9).

Перепечатка статей Максимовича, извлеченныхъ изъ массы періодическихъ изданій старыхъ и новыхъ годовъ, нерѣдко малодоступныхъ, а иногда и вовсе недоступныхъ, показываетъ какой важный вкладъ дѣлаетъ каждый разъ въ нашу литературу подобное предпріятіе. Вотъ почему можно снова пожелать, чтобы наши ученыя общества, учрежденія и издатели почаще вспоминали о прежнихъ дѣятеляхъ нашей литературы и дарили бы ее собраніями ихъ сочиненій.

Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи. Соч. М. Симашкевича. Вып. I и II. 1875—1876 гг. 182 стр. Ц. 1 р.

Распространившись выше объ изданіи, посвященномъ исторіи юго-западной Руси, укажемъ и на этотъ новый трудъ, относящійся къ исторіи того же края, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ только отдѣльный оттискъ изъ Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей—изданія мало извѣстнаго и еще менѣе распространеннаго. Авторъ означеннаго очерка воспользовался весьма значительнымъ количествомъ матеріаловъ, изданныхъ какъ у насъ, такъ и въ польской литературѣ, хотя его трудъ и не удовлетворяетъ вполнѣ научнымъ требованіямъ. Въ этотъ очеркъ вошли слѣдующія статьи: названіе страны; древнія и новыя границы Подоліи; физико-географическія условія страны; естественныя произведенія страны; гигіеническія условія и особенности; поэтическая сторона подольской природы; древнѣйшіе обитатели Подоліи; бытъ древнѣйшихъ обитателей Подоліи, преимущественно славянъ; современные обитатели Подоліи; міръ внѣшній (народная космографія). **В. И.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. **МАРТЪ.** 1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ приложены: 1. Портретъ (силуэтъ) пастора **Зейдера**, и 2. Рисунокъ памятника на могилѣ пастора Зейдера, въ Колпинѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XX. Спб. 1877 г. 584. Ц. 3 р.

Этотъ томъ Сборника открывается дипломатическою перепискою, сообщенною изъ Дрезденскаго главнаго государственнаго архива, профес. Марбургскаго унив. Эрнстомъ Германомъ, напечатавшимъ уже часть тѣхъ же матеріаловъ въ III, V и VI томахъ Сборника за время 1721—1734 и 1742—1744 гг. Серія бумагъ въ настоящемъ томѣ обнимаетъ время съ 1697 г. по 1740 г. Это—донесенія Бозе, Фицтума, Лооса, Линара, Лефорта, Пецольда, Зума и Вальтера королю Августу II и графу Брюлю, переписка барона Мантейфеля съ гр. Флеммингомъ, барона Кейзерлинга съ Брюлемъ и разныя письма, касающіяся путешествій Петра Великаго за границею, Сѣверной войны, царевича Алексѣя, переворотовъ, наступившихъ въ Россіи по смерти Петра Вел., дѣло Синклера, участи Голицыныхъ, Волынскаго и т. п. (1—149 стр.). Извѣстія о первомъ путешествіи Петра за границею свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о его замѣчательной любознательности, съ другой—о постоянномъ удаленіи отъ докучливыхъ взоровъ постороннихъ лицъ и празднаго любопытства (23—30); такъ и въ послѣдствіи онъ избѣгалъ за границею всякаго представительства и обычной торжественности, предпочитая выѣзжать въ частныхъ экипажахъ и ходить во дворцахъ по заднимъ лѣстницамъ (51; 57—60). Приведемъ слѣдующее интересное мѣсто изъ переписки Мантейфеля съ Флеммингомъ о пребываніи Петра въ Берлинѣ въ 1712 году: «Онъ былъ на столько вѣжливъ, что подалъ королевѣ руку (идя къ ужину), надѣвъ предварительно довольно грязную перчатку. Король и вся королевская фамилія обоего пола ужинали съ нимъ... Царь превзошелъ себя въ продолженіе всего вечера: не рыгалъ и не... (въ подлинникѣ слишкомъ грубо), не ковырялъ въ зубахъ, по крайней мѣрѣ я этого не слыхалъ и не видалъ, разговаривалъ совершенно непринужденно съ королевою и другими принцессами. Число зрителей и зрительницъ было чрезвычайно велико» (60). По словамъ же Лооса, когда царь былъ на обѣдѣ у короля датскаго (1716), на которомъ пили болѣе обыкновеннаго, послѣдній, желая пошутить, сказалъ: «А, братецъ, я слышалъ, что у васъ также есть любовница?» Царь, находя подобную шутку далеко не въ своемъ вкусѣ, возразилъ: «Братецъ, мои фаворитки мнѣ стоятъ не дорого, ваши же публичныя женщины стоятъ вамъ тысячи талеровъ, которые вы могли бы употребить гораздо лучше» (62)—разсказъ вполнѣ вѣрный характеру Петра. Чтобы понять все отвращеніе Петра къ открытымъ пріемамъ европейскихъ дворовъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, какимъ стѣснительнымъ этикетомъ старались окружить его пребываніе при каждомъ дворѣ. Такъ, когда однажды онъ и его свита были приглашены на обѣдъ къ датскому королю, то возникъ длинный споръ — могутъ ли русскіе министры въѣхать во внутренній дворъ замка въ своихъ каретахъ, по примѣру пословъ; датчане никакъ не хотѣли согласиться на это. Тогда придумали слѣдующее: великій канцлеръ долженъ былъ сѣсть въ одну карету съ царемъ, а два другіе министра въ карету посла и такимъ образомъ могли въѣхать во дворъ (стр. 63).

Донесенія графа Линара сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о характерѣ управленія въ царствованіе Анны Ивановны. «Душа здѣшняго министерства,—пишетъ онъ отъ 16-го марта 1734 г.,—графъ Остерманъ, который, чтобъ сдѣлать себя необходимымъ, слѣдуетъ своему постоянному правилу, чтобы никто кромѣ него не зналъ и не вѣдалъ бы о связи между внутренними и внѣшними дѣлами, для чего онъ, безъ всякой помощи и почти безъ устали, шифруетъ, пишетъ и работаетъ одинъ въ своемъ кабинетѣ; для этого онъ съумѣлъ отстранить и Ягужинскаго, который имѣлъ обо всемъ много свѣдѣній» (стр. 81). «Деньги составляютъ здѣсь начало всѣхъ переговоровъ», пишетъ далѣе Линаръ, и выставляетъ цифры необходимыхъ подарковъ по канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, раздаваемыхъ при заключеніи трактатовъ, подарка женѣ Бирона (въ 12,000 рублей)

Прилож. къ «Рус. Стар.» 1878 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

въ 1802 году.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

1779—1831.

[Окончаніе].

XXVIII [1]).

Продолжая отступленіе по бѣлорусскому тракту, цесаревичъ прибылъ въ Витебскъ 3-го іюня (1831 г.), въ среду, въ 7 часовъ пополудни, и остановился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Сюда—какъ пишетъ г. Лакруа—пріѣхалъ къ нему генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, объвившій сперва Дибичу объ его увольненіи отъ званія главнокомандующаго, а потомъ проѣхавшій въ Пруссію, гдѣ онъ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока на прусской границѣ не были окончательно устроены запасные магазины для нашей арміи. Орловъ долженъ былъ переговорить съ Константиномъ Павловичемъ о тѣхъ мѣрахъ, какія нужно будетъ принять въ Царствѣ Польскомъ по окончаніи войны, и зная, что цесаревичъ желаетъ отправиться въ Петербургъ, замѣтилъ ему, что государю будетъ непріятно удаленіе его высочества отъ польской границы въ такое время, когда каждую минуту можетъ представиться необходимость его пребыванія въ Царствѣ какъ намѣстника. Цесаревичъ сказалъ Орлову, что уѣзжаетъ въ Петербургъ отъ холеры, боясь, впрочемъ, не за самого себя, а за свою супругу. Графъ Орловъ попытался представить великому князю возраженія противъ этой поѣздки, но Константинъ Павловичъ, всегда отличавшійся крайнею вспыльчивостію, а теперь больной и раздраженный, вступилъ съ Орловымъ въ горячій споръ и вскорѣ окончательно вышелъ изъ себя. На шумъ прибѣжала кня-

[1]) «Русская Старина» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388; 539—557; томъ XX, стр. 77—100; 367—392; изд. 1878 г., т. XXI, стр. 1—40; 237—264.

гиня Ловичъ и старалась успокоить великаго князя, у котораго обнаружились припадки жестокой холеры; спустя нѣсколько часовъ, онъ скончался въ ужасныхъ страданіяхъ. Послѣднія слова его, обращенныя имъ къ женѣ, были:

— „Скажи государю, что я, умирая, молю его простить полякамъ"....

Все это—какъ мы замѣтили выше—разсказываетъ въ своей книгѣ г. Лакруа, пріурочивая пребываніе графа (въ послѣдствіи князя) Алексѣя Ѳедоровича Орлова въ Витебскѣ къ моменту смерти Константина Павловича и тѣмъ какъ бы поддерживаетъ вздорныя бредни объ обстоятельствахъ смерти цесаревича. Событія, предшествовавшія кончинѣ Константина Павловича, происходили совершенно иначе, нежели какъ изложилъ ихъ г. Лакруа.

Внезапная кончина цесаревича, котораго всѣ считали человѣкомъ совершенно здоровымъ, но здоровье котораго было, однако, давно уже надорвано, возбудила нелѣпые толки, не только въ иностранной, непріязненной намъ печати, но и въ русскомъ войскѣ и въ нашемъ народѣ. Одинаковость обстоятельствъ какъ его смерти, такъ и смерти фельдмаршала Дибича, послѣдовавшей—какъ болтали и тогда и потомъ — тотчасъ послѣ ужина съ графомъ Орловымъ, породила такую молву, въ достовѣрности которой могли тогда не сомнѣваться и поддерживать ее или люди слишкомъ легковѣрные или желавшіе произвести новыя замѣшательства. Невозможно, конечно, выслѣдить, гдѣ первоначально возникла эта молва; извѣстно, однако, что она была сильно распространена и среди русскихъ и кому изъ насъ не приходилось слышать таинственныя розсказни о загадочной кончинѣ великаго князя Константина Павловича? За границей шла прежде, да и доселѣ еще удержалась тамъ объ этомъ вздорная выдумка; о ней упоминаетъ графиня А. Д. Блудова въ своихъ интересныхъ „Воспоминаніяхъ" (см. „Рус. Арх." 1874 г.): „берлинцы были увѣрены, что Орловъ ѣздилъ отравить великаго князя и фельдмаршала Дибича". Такая болтовня берлинцевъ дошла наконецъ и до того, кого считали виновникомъ столь страшныхъ преступленій.

— „Наплевать на нихъ", — сказалъ равнодушно графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, когда ему сообщили однажды, что объ немъ говорятъ въ Берлинѣ какъ о таинственномъ убійцѣ фельдмаршала Дибича и цесаревича Константина Павловича.

Едва ли какой либо другой отвѣтъ или какое либо другое возраженіе онъ могъ противопоставить этой чудовищной клеветѣ, такъ какъ пуститься по поводу такого обвиненія въ публичное оправданіе было бы и неумѣстно и безполезно: ни офиціальное, ни офиціозное, ни личное опроверженіе, въ данномъ случаѣ, не повело бы ровно ни къ

чему, но, напротивъ, только усилило бы возникшее подозрѣніе. Пора однако уничтожить сказаніе о небываломъ преступленіи.

Начнемъ съ того, что въ ускоренной кончинѣ цесаревича не было рѣшительно никому никакой надобности ни по личнымъ, ни по политическимъ расчетамъ, а между тѣмъ весьма понятно было, что неожиданная смерть его, среди тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, должна была вызвать новое волненіе умовъ въ Россіи, а полякамъ подать поводъ вопіять, что они, въ лицѣ великаго князя, путемъ ужаснаго злодѣйства, лишились ихъ единственнаго заступника передъ престоломъ императора Николая. Допустимъ впрочемъ, что цесаревичъ въ политическомъ отношеніи представлялся опасною личностью, такъ какъ онъ, будучи расположенъ къ полякамъ, могъ держать ихъ сторону и тѣмъ самымъ вредить успѣхамъ нашего оружія въ борьбѣ съ разгорѣвшимся возстаніемъ. Но мы уже видѣли, какое невліятельное положеніе занималъ онъ при арміи, да и кромѣ того онъ самъ желалъ поскорѣе удалиться съ мѣста военныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, достаточно было исполнить только собственное его желаніе, чтобъ сдѣлать личность его совершенно безвредной, если бы даже онъ и дѣйствительно своимъ потворствомъ полякамъ уничтожалъ или затруднялъ успѣхи нашей арміи. Въ такомъ случаѣ онъ могъ быть отозванъ или даже просто удаленъ безъ всякой необходимости прибѣгать къ злодѣянію. Мы видѣли однако, что императоръ Николай Павловичъ имѣлъ въ виду совершенно иное: онъ намѣренъ былъ воспользоваться личностію цесаревича и желалъ, чтобъ онъ оставался на границахъ Польши съ тѣмъ, чтобы, по занятіи Варшавы русскими, принялъ на себя обязанности главной власти по управленію Царствомъ Польскимъ. Сохранилось также извѣстіе, что и самъ цесаревичъ расчитывалъ прежде на такой способъ вторичнаго своего водворенія въ Царствѣ, но что противъ этого расчета сильно возставала княгиня Ловичъ, не желая жить снова въ Польшѣ, гдѣ ея мужу привелось испытать столько опасностей и столько горя.

Разумѣется, что всѣ эти соображенія не могли бы имѣть сами по себѣ значенія вполнѣ убѣдительнаго довода противъ вымысла, хотя и нелѣпаго, но получившаго въ заграничной печати и въ народной молвѣ достовѣрность историческаго факта, если бы не было возможности опереться на источникъ, подрѣзывающій, такъ сказать, въ корнѣ гнусную выдумку.

Въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ находится журналъ адмирала П. А. Колзакова. Въ журналѣ этомъ день за день упоминается о пребываніи цесаревича Константина Павловича въ Витебскѣ и разсказываются всѣ обстоятельства его скоропостижной кончины въ та-

кихъ подробностяхъ, о которыхъ можетъ говорить только самый ближайшій очевидецъ. Положимъ, что, подъ вліяніемъ осторожности, Колзаковъ могъ не ввести въ свой журналъ не только подтвержденія, но даже и намека на слухъ, распространившійся о причинѣ смерти цесаревича. Сущность дѣла заключается, однако, въ томъ, что Колзаковъ, перечисляя всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Витебскъ къ цесаревичу, не упоминаетъ вовсе о бытности тамъ передъ кончиною цесаревича графа Орлова,—лица̀ слишкомъ замѣтнаго, чтобы можно было пройти молчаніемъ его посѣщеніе Константина Павловича, а между тѣмъ на этомъ вымышленномъ посѣщеніи и основывалась вся дальнѣйшая выдумка.

Адмиралъ Колзаковъ о кончинѣ цесаревича Константина Павловича сообщаетъ въ „Дневникѣ“ своемъ слѣдующія подробности.

Во время своего пребыванія въ Витебскѣ, великій князь былъ печаленъ, раздражителенъ и горевалъ о томъ, что не получалъ никакихъ извѣстій изъ арміи отъ начальника своего штаба графа Куруты. 13-го іюня онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и послалъ за докторомъ Калишемъ, который посадилъ его на діэту, и къ вечеру этого дня ему стало лучше. 14-го іюня, въ воскресенье, ему было такъ хорошо, что онъ былъ у обѣдни и, возвратившись изъ церкви, былъ веселъ и разсказывалъ окружавшимъ его лицамъ много подробностей о возстаніи въ Варшавѣ. Обѣдалъ онъ въ этотъ день у генералъ-губернатора, князя Хованскаго, и, пріѣхавъ отъ него домой, немного отдохнулъ, а послѣ отправился съ княгинею кататься по городу въ городскихъ дрожкахъ. Возвратясь домой, онъ встрѣтился у подъѣзда съ Колзаковымъ, генераломъ Феньшау и адъютантомъ Трембицкимъ. Закуривъ сигару, онъ началъ разговаривать съ ними на улицѣ. Вечеръ былъ свѣжій и потому княгиня, боясь, что онъ можетъ простудиться, звала его въ комнаты, но онъ не пошелъ и, закуривъ другую сигару, продолжалъ разговаривать у подъѣзда. Колзаковъ замѣтилъ ему, что становится холодно и пора домой.

— „Вотъ какой вздоръ!“—возразилъ цесаревичъ и снова завелъ весело свои разсказы. Въ 11 часовъ онъ легъ спать въ комнатѣ съ отворенным окномъ, закрывшись только простыней. Лежа въ постелѣ, онъ читалъ, и въ 12 часовъ ночи, позвавъ камердинера, приказалъ ему закрыть окно. Около 4-хъ часовъ утра съ нимъ сдѣлалась холерина. Позвали доктора Калиша, который съ своей стороны поспѣшилъ пригласить доктора Гюменталя, выписаннаго въ Витебскъ для княгини Ловичъ. Врачебныя средства однако не помогали и вскорѣ холерина перешла въ холеру: у Константина Павловича начали проявляться легкія судороги и тошнота; судороги постепенно усили-

лись, до такой степени, что онъ уже кричалъ отъ боли. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась часто повторявшаяся рвота и онъ такъ ослабѣлъ, что съ нимъ сдѣлался обморокъ. Въ 7 часовъ вечера княгиня послала за священникомъ; при приходѣ его у цесаревича сдѣлалась сильная рвота изо рта и изъ носу. Священникъ сталъ читать молитвы и цесаревичъ, тяжело вздохнувъ раза два, скончался въ $7^1/_4$ часовъ вечера 15-го іюня 1831 г.

„Когда цесаревича не стало,—пишетъ Колзаковъ,—то княгиня, въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпенѣніи, опустилась на колѣна у его постели; черезъ четверть часа, я упросилъ ее отойти въ свои комнаты и отдохнуть. Я приказалъ обкуривать всю комнату и занялся съ г. Феньшау и г. Филипеусомъ опечатываніемъ всѣхъ бумагъ и денегъ покойнаго. Мы нашли у него 35,000 рублей, которые я передалъ Филипеусу, какъ управляющему гофмейстерскою частью. Въ 9 часовъ,—продолжаетъ Колзаковъ,—пошелъ я къ княгинѣ и нашелъ ее въ спокойной грусти. Она, какъ истинная христіанка, съ твердостію переносила свою потерю".

Генералъ Феньшау сперва послалъ къ генералу (въ послѣдствіи графу) А. Х. Бенкендорфу, въ Петербургъ, письмо о болѣзни великаго князя, а по кончинѣ его отправилъ туда эстафету. Княгиня Ловичъ увѣдомила объ этомъ государя особымъ письмомъ. Императрица Александра Ѳедоровна написала княгинѣ письмо, выражавшее самое теплое участіе къ ея печальной судьбѣ. Тѣмъ же чувствомъ было проникнуто и письмо къ ней императора Николая Павловича, который приглашалъ ее пріѣхать въ Царское Село и жить тамъ на правахъ вдовствующей великой княгини.

О кончинѣ цесаревича было возвѣщено слѣдующимъ, подписаннымъ 27-го іюня, на дачѣ Александрія, близъ Петергофа, манифестомъ: „Среди печальныхъ сердцу нашему событій, Всевышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ, цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнью, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій, скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали. Данъ", и проч.

Трауръ по случаю кончины цесаревича былъ наложенъ съ 15-го іюня на три мѣсяца, съ обычными подраздѣленіями.

Въ $8^1/_2$ часовъ утра на слѣдующій день послѣ кончины цесаревича, т. е. 16-го іюня, доктора окончили составленіе журнала объ его болѣзни, а затѣмъ, когда былъ приготовленъ деревянный гробъ, оби-

тый листовою мѣдью, приступили къ бальзамированію. Тѣло было положено въ этотъ гробъ, а сердце и внутренности въ особые ящики, залитые воскомъ. Покойный былъ одѣтъ въ генералъ-адъютантскій мундиръ. Прощаясь на вѣки съ супругомъ, княгиня Ловичъ обрѣзала свои роскошные свѣтло-русые волосы, и положила ихъ въ гробъ подъ голову усопшаго.....

Когда стали выносить цесаревича въ соборъ, „княгиня,—пишетъ Колзаковъ,—стояла въ это время на колѣняхъ въ растворенныхъ дверяхъ своей спальни и молилась, сложивъ на груди руки накрестъ. Она была блѣдна и прекрасна какъ ангелъ. Мимо ея пронесли тѣло, послѣ чего ее подняли и подвели къ окну, изъ котораго она смотрѣла на печальную церемонію“.

Гробъ былъ поставленъ въ соборѣ и запечатанъ двумя печатями: великаго князя и генералъ-губернатора. 22-го іюня пріѣхалъ въ Витебскъ Ѳ. П. Опочининъ, а 24-го пріѣхали туда же графъ Курута и нѣкоторые высшіе чины арміи. Только 16-го іюля тѣло было вынесено изъ собора и отправлено съ подобающею церемоніей въ Петербургъ. Княгиня шла за погребальною колесницею не только черезъ городъ, но еще двѣ версты за городомъ.

31-го іюля тѣло цесаревича было привезено въ Гатчину, куда пріѣхалъ императоръ и, поклонившись гробу цесаревича, поѣхалъ навѣстить княгиню и пробылъ у нея около двухъ часовъ.

13-го августа, въ 9 часовъ утра, вывезли тѣло цесаревича изъ Гатчины безъ церемоніальной обстановки, по случаю бывшаго въ то время проливнаго дождя. Погребальный поѣздъ двинулся въ Красное Село, а оттуда, черезъ деревню Ульяновку, въ столицу. Изъ Ульяновки княгиня Ловичъ поѣхала прямо въ Петербургъ, въ Елагинскій дворецъ. 14-го августа, въ 8 часовъ утра, тѣло великаго князя было привезено къ московской заставѣ. Здѣсь ожидала прибытія тѣла рота гвардейскихъ егерей со знаменемъ, а находившіеся въ Петербургѣ пѣхотные и конные полки, а также артиллерія и воспитанники военныхъ учебныхъ заведеній, не участвовавшіе въ погребальной церемоніи, были выстроены двойною шпалерою на всемъ протяженіи отъ московской заставы до Петропавловской крѣпости. Въ 11 часовъ утра, началось церемоніальное шествіе отъ московской заставы; процессія двигалась медленно и только въ 2 часа по полудни пришла къ Петропавловскому собору.

Печальную процессію, сопровождавшую теперь тѣло цесаревича, открывалъ отрядъ казаковъ. За этимъ отрядомъ ѣхалъ церемоній-мейстеръ верхомъ, а за нимъ шла гренадерская рота Дворянскаго полка. Послѣ этой роты ѣхалъ верхомъ конюшенный офицеръ, за

которымъ шли лакеи, камеръ-лакеи и официанты двора великаго князя. За тѣмъ несли его флагъ и гербъ и вели его верховую лошадь. Далѣе шли: голова его вотчинъ съ крестьянами, чиновники его канцелярій, военные генералы, статсъ-секретари, сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта. Слѣдующій за тѣмъ отдѣлъ похоронной процессіи составлялъ эскадронъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. За этимъ эскадрономъ несли иностранные и русскіе ордена цесаревича и слѣдовало духовенство, за которымъ шесть лошадей въ траурныхъ попонахъ везли погребальную колесницу, окруженную гренадерскою ротою 1-го кадетскаго корпуса. За колесницею ѣхалъ верхомъ съ своею свитою императоръ. Шествіе замыкали: рота дворцовыхъ гренадеръ, придворные служители цесаревича, рота Павловскаго и эскадронъ Коннаго полковъ.

Когда процессія вступила на Троицкій мостъ, то съ крѣпости и со стоявшихъ на Невѣ судовъ началась разстановочная пушечная пальба.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, среди траурнаго убранства, гробъ цесаревича былъ поставленъ на высокомъ катафалкѣ, окруженномъ дежурными лицами отъ двора и войска. Княгиня не отходила отъ гроба своего мужа. „Душевныя ея страданія,—замѣчаетъ Колзаковъ,—были теперь такъ ужасны, что, казалось, она лишилась и разсудка и сознанія о томъ, чтó около нея дѣлалось“. Такъ какъ въ то время въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, да и цесаревичъ скончался отъ этой болѣзни, считавшейся тогда безусловно заразительною, то, въ виду санитарныхъ предосторожностей, публика, противъ существующаго обыкновенія, не была допускаема въ соборъ для поклоненія усопшему великому князю и Императорская фамилія не присутствовала на совершавшихся по немъ панихидахъ. Предосторожности въ этомъ случаѣ были доведены до того, что тѣло цесаревича было провезено мимо Царскаго Села окольною дорогою, а эскадронъ лейбъ-гвардейскихъ казаковъ, сопровождавшій тѣло цесаревича изъ Витебска, былъ, по прибытіи въ Петербургъ, подвергнутъ очищенію по всѣмъ строгимъ правиламъ карантиннаго устава.

17-го августа происходило погребеніе цесаревича. Объ исполненіи этого обряда не было помѣщено въ тогдашнихъ петербурскихъ газетахъ ни церемоніала, и никакого описанія и только въ „Русскомъ Инвалидѣ“ встрѣчается коротенькое извѣстіе о томъ, какіе въ этотъ день находились въ крѣпости строевыя войска.

Когда опускали гробъ цесаревича въ могилу, съ валовъ крѣпости загремѣли прощальные пушечные выстрѣлы; они смолкли и все было кончено...

29-го августа 1831 года изданъ былъ высочайшій манифестъ о присвоеніи тогдашнему Наслѣднику престола, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, титула цесаревича, на основаніи закона, постановленнаго въ „Учрежденіи объ Императорской фамиліи".

Обстоятельства, при которыхъ послѣдовала кончина цесаревича, подали поводъ еще къ другой нелѣпой молвѣ. Толковали, разумѣется шопотомъ, что Константинъ Павловичъ живъ, но заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а одна изъ французскихъ газетъ напечатала довольно подробный разсказъ о таинственномъ узникѣ, засаженномъ въ эту крѣпость, который будто-бы и былъ никто иной какъ цесаревичъ Константинъ. Эта выдумка внушила мысль одному смѣльчаку-пройдохѣ выдать себя въ Тамбовской губерніи за покойнаго великаго князя Константина Павловича.

Послѣ погребенія цесаревича вдовствующая княгиня Ловичъ уѣхала въ Гатчину и оставалась тамъ до 19-го сентября, когда она, по приглашенію государя, переселилась въ Царское Село. Здоровье ея, подъ гнетомъ испытанныхъ ею потрясеній и несчастій, разстраивалось все болѣе и болѣе. Она угасала съ замѣтною быстротою и 17-го ноября 1831 года, въ первую годовщину варшавскаго возстанія, ея не стало. Въ этотъ день, въ 2 часа утра, она тихо скончалась... [1]).

Княгиня Ловичъ погребена въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, противъ Александровскаго парка, между Московской и Колпинской улицами, стоитъ католическая церковь во имя св. Іоанна Крестителя. Въ склепѣ подъ этою церковью находится нѣсколько могилъ, а между ними и могила супруги цесаревича. Надъ ея могилой, помѣщающейся подъ главнымъ алтаремъ, поставлена простая гробница въ видѣ саркофага, сложеннаго изъ кирпича, и на узкой сторонѣ саркофага, т. е. въ ногахъ покойницы, вдѣлана подъ крестомъ бронзовая доска съ слѣдующею надписью:

Ci git Son Altesse la Princesse Jeaune de Lowitsch, épouse de Son Altesse Imperiale le Césarewitsch Grand Duc Constantin Pawlowitsch.

Née á Posen le $^{17}/_{29}$ Mai MDCCXCV, décédée à Tzarskoe Selo le $^{17}/_{29}$ Nowembre MDCCCXXXI [2]).

---

[1]) Подъ именемъ супруги Константина Павловича пыталась также появиться самозванка. Въ семействѣ составителя настоящей статьи сохраняется разсказъ, что въ исходѣ тридцатыхъ годовъ, въ имѣніи Гав. Ст. Карновича, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, селѣ Кривякинѣ, появилась красивая и статная, одѣтая въ черномъ, женщина среднихъ лѣтъ. Женщина эта открылась находившемуся при домовой кривякинской церкви монаху Пимену, что она жена покойнаго великаго князя Константина Павловича. Но прежде чѣмъ успѣли разспросить ее, она скрылась. По всей вѣроятности, эта самозванка появлялась и въ другихъ мѣстахъ. Е. К.

[2]) Здѣсь почиваетъ ея высочество (свѣтлость) княгиня Іоанна Ловичъ, су-

Въ самой церкви о мѣстѣ погребенія княгини гласитъ такая, вдѣланная на одномъ изъ столбовъ храма, надпись:

Dans le caveau de cette Eglise est deposé le corps de Son Altesse [1].

и затѣмъ въ этой надписи буквально продолжается то же самое, что̀ значится въ надписи, находящейся надъ гробницею.

Личность княгини Іоанны Ловичъ не выступаетъ замѣтно въ исторіи, хотя она получила особое значеніе въ жизни цесаревича Константина Павловича. По отзывамъ всѣхъ знавшихъ эту чету, княгиня имѣла чрезвычайное вліяніе на кипучій характеръ и неудержимую порывистость своего мужа. Она однако не злоупотребляла этимъ вліяніемъ и когда цесаревичъ слѣдовалъ ея разумнымъ и кроткимъ внушеніямъ, то онъ становился какъ будто инымъ человѣкомъ. Замѣчательно, что всѣ русскіе, жившіе въ Варшавѣ, отзывались о княгинѣ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, а поляки, даже въ самомъ сильномъ разгарѣ политическихъ страстей, когда обыкновенно вражда доходитъ до крайняго ослѣпленія, не коснулись Іоанны Ловичъ ни клеветою, ни порицаніемъ, хотя она настойчиво противодѣйствовала ихъ намѣренію склонить цесаревича, чтобы онъ сталъ во главѣ возмутившейся противъ Россіи Польши. Императоръ Александръ Павловичъ, знавшій, конечно, лучше всѣхъ тяжелый нравъ своего брата Константина, въ немногихъ словахъ очертилъ достоинства этой женщины. Разговорясь однажды о ней съ графинею Шуазель-Гуфье, онъ выразился:

— „Княгиня Ловичъ—ангелъ по ея характеру".

Отъ брака цесаревича Константина Павловича съ княгинею Іоанною Ловичъ дѣтей не было.

XXIX.

На основаніи тѣхъ фактовъ и тѣхъ отзывовъ, которые относятся къ великому князю Константину Павловичу и которые были приведены въ нашемъ біографическо-историческомъ очеркѣ, мы постараемся теперь представить въ общихъ чертахъ характеристику этой своеобразной личности.

Рожденіе поставило Константина на одну изъ самыхъ видныхъ царственныхъ вершинъ въ Европѣ, а бездѣтная кончина его старшаго брата, императора Александра Павловича, должна была открыть ему прямую дорогу къ русскому престолу. Но и помимо этого ему пред-

пруга его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича. Родилась въ Познани 17/29 мая 1795 года, скончалась въ Царскомъ Селѣ 17/29 ноября 1831 года.

[1]) Въ склепѣ этой церкви положено тѣло ея высочества и т. д....

назначались и другія еще короны: одна императорская—византійская, и двѣ королевскія—шведская и польская. Въ добавокъ къ нимъ, заготовлялись ему его бабушкою еще двѣ новыя, несуществовавшія прежде царскія короны—дакійская и албанская. Такой блестящій жребій, такое изобиліе коронъ рѣдко выпадаетъ, да едвали и выпадало когда нибудь, на долю кого либо изъ представителей царствующихъ семействъ.

Константину Павловичу не суждено было, однако, воспользоваться предстоявшимъ ему державнымъ величіемъ. Онъ провелъ свою жизнь въ обстановкѣ весьма скромной относительно къ готовившейся ему будущности. Онъ пользовался только титуломъ великаго князя, принадлежавшимъ ему по праву рожденія, и титуломъ цесаревича, пожалованнымъ ему его отцомъ за военныя отличія, и промелькнулъ лишь на нѣсколько дней въ санѣ русскаго самодержца — въ санѣ, властью котораго онъ вовсе не пользовался, отъ котораго онъ самъ отказывался и право на который доставалось ему какъ-будто для того единственно, чтобы вызвать небывалую еще у насъ кровавую смуту [1]). При этомъ представляется еще особая, замѣчательная странность: онъ находился въ званіи главнокомандующаго такою отлично подготовленною имъ арміею, которою не только не привелось ему предводительствовать на поляхъ битвъ, но съ которой, напротивъ, пришлось ему сражаться какъ съ непріятельскою. Вообще противоположность между готовившемся ему прежде высокимъ жребіемъ и скромнымъ, пройденнымъ имъ жизненнымъ поприщемъ была чрезвычайно поразительна. Передъ своею кончиною цесаревичъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго положенія даже въ арміи и онъ, предназначавшійся нѣкогда какъ рожденіемъ, такъ и политическими планами Екатерины, и въ императоры, и въ короли, и въ цари, готовъ былъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ незамѣтно окончить свой вѣкъ въ званіи тверскаго генералъ-губернатора, т. е. на должности чиновника III-го класса по росписи гражданскихъ чиновъ въ табели о рангахъ.

Такая превратность въ судьбѣ Константина Павловича наводитъ его біографа на размышленія, не возникающія при жизнеописаніи самыхъ прославленныхъ земныхъ владыкъ, и заставляетъ присмотрѣться къ такимъ чертамъ его характера, которыя, по всей вѣроятности, ускользнули бы отъ вниманія историка, если бы Константинъ

---

[1]) Извѣстно, что въ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Константинъ Павловичъ былъ называемъ во всей Россіи ея императоромъ,—появилось нѣсколько его портретовъ съ подписью: «Императоръ Константинъ I-й». Одинъ изъ таковыхъ портретовъ, довольно хорошая литографія, подаренъ редакціи «Русской Старины»—артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ.

Павловичъ, въ существующемъ у насъ порядкѣ престолонаслѣдія, принялъ санъ императора и самодержца всероссійскаго.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ его жизни представляется, безъ всякаго сомнѣнія, отреченіе его отъ короны. Поступокъ этотъ выставлялся прежде, да и доселѣ выставляется у насъ безпримѣрнымъ въ исторіи великодушіемъ. Необходимо однако остановиться на вопросѣ о томъ, на сколько отреченіе Константина Павловича было добровольно въ сущности и на сколько оно было подготовлено заранѣе внѣшними вліяніями, а также и событіями въ его жизни. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого отдѣльнаго вопроса, замѣтимъ, что, собственно въ данномъ случаѣ, великодушія со стороны старшаго брата, уступавшаго корону младшему, не могло быть никакого. Здѣсь со стороны перваго изъ нихъ могло быть одно лишь побужденіе, а именно: Константинъ Павловичъ, считая, по какимъ бы то ни было причинамъ и соображеніямъ, верховную власть неудобоносимымъ для себя бременемъ, для собственнаго своего спокойствія, слѣдовательно, съ хладнокровнымъ расчетомъ, а не въ порывѣ охватившаго его великодушія, возлагалъ это бремя на другаго. Такимъ образомъ, здѣсь скорѣе всего проявляется своего рода эгоизмъ, то-есть желаніе уклониться отъ предстоявшихъ трудныхъ обязанностей и стремленіе обставить свою жизнь такъ, чтобъ избавиться отъ положенія, которое не соотвѣтствовало ни врожденнымъ наклонностямъ, ни усвоеннымъ привычкамъ. Можно, пожалуй, въ отреченіи Константина Павловича отыскать и порывъ великодушія, но только совершенно въ иномъ направленіи, такъ какъ можно предполагать, что онъ промѣнялъ блескъ Императорской короны на тихую супружескую жизнь съ страстно-любимою имъ женщиной. Съ внѣшней стороны это, пожалуй, такъ и представляется, но въ сущности выходитъ нѣсколько иначе.

Мы уже замѣтили, что бракъ съ княгинею Ловичъ не лишалъ Константина Павловича наслѣдственныхъ правъ на русскую корону, но только исключалъ дѣтей цесаревича, рожденныхъ отъ этого брака, а также и все его потомство, происшедшее отъ княгини Ловичъ, изъ состава императорской фамиліи. Такъ смотрѣлъ на это ограничительное условіе и самъ императоръ Николай Павловичъ, не считавшій достаточнымъ сдѣланнаго цесаревичемъ по поводу его брака заявленія объ отреченіи отъ престола, да и у самого Константина Павловича проявлялось какое-то загадочное, неразъясненное доселѣ колебаніе, которое принимали тогда за нежеланіе подтвердить свой прежній отказъ. Кто, впрочемъ, знаетъ, чѣмъ бы разрѣшился вопросъ объ окончательномъ отреченіи Константина, если бы въ ту пору супругою его была не Іоанна, а другая—высокомѣрная и честолюбивая жен-

щина, побуждавшая его своими внушеніями, мольбами, вкрадчивымъ нашептываніемъ и раздражающими рыданіями принять русскую корону, которую, безъ всякихъ съ своей стороны притязаній, предоставлялъ ему Николай Павловичъ, не смотря на выраженный уже однажды отказъ Константина. Быть можетъ, нужно было только, чтобъ голосъ очаровавшей цесаревича женщины подсказалъ Константину, что тотъ, кому онъ уступилъ прежде корону, самъ передаетъ ее ему теперь; что такимъ образомъ прежнее отреченіе уничтожается новою добровольною сдѣлкою; что онъ, Константинъ, съ спокойною совѣстью можетъ принять свое державное наслѣдство; что для нея, его жены, невыносимо быть преградою его величія и славы; что она виновница его отреченія и т. д., и т. д. Но такихъ внушеній не пришлось услышать цесаревичу и отсутствіе ихъ могло сильнѣе всего подѣйствовать на рѣшительный его отказъ отъ верховной власти.

Переходя къ разсмотрѣнію внѣшнихъ на цесаревича вліяній, и тѣхъ событій въ его жизни, которыя могли содѣйствовать его намѣренію отречься отъ престола, слѣдуетъ прежде всего вспомнить, что онъ, какъ мы уже говорили, въ ту ночь, когда скончался императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ этого горестнаго, поразившаго его событія, высказалъ своему старшему брату намѣреніе отказаться отъ русской короны, если бы право на нее дошло до него въ порядкѣ престолонаслѣдія. Это нравственное обязательство, по всей вѣроятности, и было главною основою послѣдующаго отреченія: онъ какъ будто былъ связанъ навсегда своимъ, быть можетъ, даже невольнымъ зарокомъ. Не могъ остаться безъ вліянія на него и образъ мыслей и взглядъ на тягость правленія самого императора Александра Павловича, мечтавшаго еще въ молодыхъ годахъ удалиться отъ государственныхъ дѣлъ и поселиться въ Швейцаріи частнымъ человѣкомъ. Въ послѣдствіи окончательно разочаровавшійся во всемъ и во всѣхъ, императоръ—какъ передавалъ покойный графъ П. Д. Киселевъ—заговаривалъ съ Константиномъ Павловичемъ о своемъ „абдикированіи", а графиня Шуазель-Гуфье въ Запискахъ своихъ („Рус. Стар." изд. 1877 г., т. XX) передаетъ, что однажды Александръ Павловичъ въ разговорѣ съ нею сказалъ: „нѣтъ, престолъ—не мое призваніе" и, по словамъ его, онъ готовъ былъ во всякое время отречься отъ верховной власти, если бы только онъ могъ съ честью измѣнить обязательное для него положеніе. И другимъ близкимъ къ нему лицамъ государь часто говорилъ, что онъ усталъ царствовать и что онъ только желаетъ окончить жизнь въ уединеніи и спокойствіи. Безъ всякаго сомнѣнія, если Александръ I, далеко превосходившій Константина способностями, образованіемъ, ровностію характера и умѣніемъ привязывать къ себѣ людей, такъ сильно тяготился

державными трудами и своей царственной обстановкой, то, подъ вліяніемъ грусти и недовольства Александра своимъ высокимъ жребіемъ, и Константинъ Павловичъ едва ли могъ смотрѣть спокойно и радостно на ожидавшую его участь, въ особенности если еще онъ зналъ и о господствовавшемъ противъ него предубѣжденіи среди русскихъ и о тѣхъ замыслахъ, которые существовали тогда въ Россіи противъ верховной власти.

Озаренный необыкновенною славою и извѣдавшій все земное величіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ грустившій и томившійся жизнью, державный старшій братъ Константина Павловича былъ для него примѣромъ, дѣлавшимъ для него незаманчивымъ блескъ императорской короны, и вслѣдствіе этого—не въ порывѣ великодушія уступалъ ее цесаревичъ Константинъ другому, ближайшему наслѣднику....

Сообразивъ все это, мы, съ своей стороны, подмѣчаемъ черту великодушія не въ отреченіи Константина отъ престола, но собственно въ заявленіи его о тѣхъ причинахъ, которыя побудили его къ отреченію. Если, согласно манифесту, предшествовавшему его второму супружеству, онъ не могъ бы ограничиться однимъ только заявленіемъ, что неравный его бракъ съ княгинею Ловичъ препятствуетъ ему принять корону, то во всякомъ случаѣ ничто не мѣшало ему выразить просто свое нежеланіе удержать за собою переходившую къ нему верховную власть, не приводя никакихъ поводовъ, ни объясненій. Кромѣ того, онъ могъ сослаться на свои пожилые годы и на разстройство своего здоровья: этого было бы вполнѣ достаточно и затѣмъ вступленіе на престолъ Николая Павловича оказалось бы совершенно послѣдовательнымъ, такъ какъ послѣ такого отреченія корона переходила бы къ государю, цвѣтущему молодостію и здоровьемъ. Но Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ подобной ссылки, а прямо заявилъ, что „не чувствуетъ въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобъ быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію его можетъ имѣть право“. Отъ этого слишкомъ смиреннаго сознанія своихъ недостатковъ не удержала его мысль, что такой его отзывъ о самомъ себѣ сдѣлается извѣстнымъ русскому народу и всей Европѣ еще при его жизни и что потомъ строки эти перейдутъ на страницы исторіи. Въ своемъ отреченіи онъ не коснулся вопроса о своемъ желаніи или нежеланіи царствовать, но прямо заявилъ такую уважительную причину, которая, по собственному его сознанію, не смотря даже на его желаніе, должна была лишить его короны, въ какую бы пору жизни она ни досталась ему въ наслѣдіе. Вотъ въ этомъ-то именно сознаніи умственныхъ и нравственныхъ недостатковъ — приходится видѣть без-

примѣрный подвигъ и почтить въ Константинѣ Павловичѣ честнаго и прямодушнаго человѣка. До сихъ поръ, однако, никто не обратилъ на это вниманіе и обыкновенно прославляли только великодушіе Константина Павловича, выказанное имъ тамъ, гдѣ, въ сущности, какъ мы объяснили, никакого великодушія съ его стороны не могло быть.

XXX.

Безпристрастному историку приходится произносить только правдивые приговоры надъ историческими личностями и потому онъ, тщательно разобравъ и сопоставивъ между собою всѣ отличительныя черты въ характерѣ цесаревича Константина Павловича, не можетъ не признать правильность той прямодушной оцѣнки, которую онъ сдѣлалъ самому себѣ. Дѣйствительно, по своимъ качествамъ онъ не былъ призванъ на ту высоту, которую приготовляло ему рожденіе. Константинъ Павловичъ не былъ одаренъ тѣмъ—такъ сказать—государственнымъ умомъ, который способенъ если и не обнимать всесторонне обширные планы внѣшней политики и всѣ разнообразныя отрасли внутренняго управленія, то, по крайней мѣрѣ, можетъ, не вникая въ частности тѣхъ и другихъ, сознавать болѣе или менѣе отчетливо общую руководящую при этотъ идею. У него не было также ни того такта, ни той сдержанности и даже той необходимой податливости чужому разумному и осмотрительному мнѣнію, которые очень часто такъ удачно замѣняютъ собою въ высшихъ государственныхъ дѣятеляхъ недостатокъ ихъ собственныхъ способностей. Безошибочно можно сказать, что онъ, находясь на престолѣ, никогда не согласился бы слѣдовать ни принятому однажды образу дѣйствій, ни твердо исполнять постановленныя имъ самимъ рѣшенія, ни внимать полезнымъ и правдивымъ внушеніямъ, если бы они хоть сколько нибудь противорѣчили не только ясно сознаннымъ имъ намѣреніямъ, но даже его прихоти, порывамъ и гнѣвнымъ вспышкамъ, которымъ онъ всегда давалъ такой широкій просторъ. Своими быстрыми увлеченіями и необдуманностію своихъ поступковъ, онъ подавлялъ врожденную ему доброту, и княгиня Ловичъ прекрасно охарактеризовала этотъ главный недостатокъ своего мужа, нерѣдко съ укоромъ повторяя ему, что онъ прежде сдѣлаетъ что нибудь, а потомъ уже подумаетъ.

При такихъ свойствахъ цесаревича, со стороны императора Александра Павловича было чрезвычайно большою ошибкою то назначеніе, которое онъ далъ первоначально цесаревичу въ Царствѣ Поль-

скомъ, и въ особенности то, которое онъ придалъ ему въ послѣдствіи. Александръ I, подъ вліяніемъ различныхъ, какъ прежнихъ, такъ и послѣдующихъ вліяній, благоволя на Вѣнскомъ конгрессѣ къ полякамъ, создалъ для нихъ государство съ либеральными конституціонными учрежденіями и путемъ династическаго соединенія Польши съ Россіею думалъ примирить обѣ издавна враждовавшія между собою національности. Мы не будемъ говорить здѣсь на сколько была осуществима подобная задача вообще, но скажемъ только, что, въ виду такой благотворной цѣли и при такой обстановкѣ королевства или Царства Польскаго, во главѣ его управленія должно было бы стать лицо, одаренное чрезвычайною прозорливостью, стойкостію характера и тѣмъ умѣніемъ обращаться съ людьми, которое исподоволь, незамѣтно и безъ напраснаго раздраженія заставляетъ подчиняться ихъ сперва чужому вліянію, а потомъ и чужой волѣ. Необходимо было, чтобы лицо, бывшее тогда правителемъ Царства Польскаго, дѣйствовало „suaviter in modo, fortiter in re, т. е., чтобъ оно, при мягкихъ пріемахъ, поступало съ твердостію, но Константинъ Павловичъ держался системы совершенно противоположной этому старинному афоризму. Онъ снисходительно смотрѣлъ на существо дѣла, поднимая бурю изъ-за мелочей и пуская при этомъ въ ходъ крутыя мѣры, добавляемыя съ его стороны еще и личными, слишкомъ рѣзкими выходками.

Природа не щедро надѣлила Константина Павловича тою дальновидною прозорливостію, которая была такъ необходима на занимаемомъ имъ посту. Мы видѣли, какъ онъ заблуждался на счетъ настроенія умовъ въ Польшѣ, будучи твердо увѣренъ, что тамъ не произойдетъ никакихъ волненій. Обманывался онъ и относительно волненій, обнаружившихся въ Западной Европѣ, подсмѣиваясь, что тамъ торжествуютъ „принципіумы“ его гофъ-фурьера Бѣляева. Между тѣмъ нарушенія мелочныхъ какихъ нибудь порядковъ въ Варшавѣ сильно волновали его и вызывали съ его стороны строгости, внушаемыя не постоянною предусмотрительностію, но только временными порывами личнаго раздраженія. Тамъ же, гдѣ нужно было быть дѣйствительно осмотрительнымъ и твердымъ, онъ оказывался недальнозоркимъ, податливымъ и, не сознавая самъ отчетливо своего образа дѣйствій, далъ полякамъ возможность приготовиться къ вооруженному возстанію на ихъ же собственную гибель.

Надобно впрочемъ полагать, что при самомъ учрежденіи Царства Польскаго императоръ Александръ Павловичъ не имѣлъ въ виду ввѣрить цесаревичу главное управленіе надъ этимъ краемъ. Тамъ явился особый представитель государя въ лицѣ намѣстника Царства Польскаго князя Зайончека, а Константинъ Павловичъ принялъ только званіе главно-

командующаго польской арміи. Мы видѣли однако, что, въ сущности, вся власть въ Царствѣ принадлежала великому князю, такъ что намѣстникъ былъ не болѣе какъ только подставное лицо. Мы видѣли также, что власть цесаревича распространялась даже и по гражданскимъ дѣламъ на западныя губерніи имперіи, входившія нѣкогда въ составъ бывшаго королевства Польскаго. Въ своемъ мѣстѣ мы указали на неудобство и на вредныя послѣдствія такого административнаго соединенія. Что же касается собственно великаго князя Константина Павловича, то онъ, при этихъ условіяхъ, былъ поставленъ въ самое ложное положеніе. Вмѣсто того, чтобъ сдержать въ опредѣленныхъ прежде границахъ административную его дѣятельность и даже положительно ограничить ее только военнымъ вѣдомствомъ въ Царствѣ Польскомъ, Константину Павловичу, по его собственному выраженію, была предоставлена тамъ „диктаторская“ власть, такъ что онъ явился верховнымъ администраторомъ и верховнымъ судьею и при томъ не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ имперіи. Между тѣмъ, къ дѣятельности такого рода, да еще въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, у него не было ни склонности, ни навыка, и онъ всего болѣе любилъ

.... воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость....

Обученіе и организація войскъ были любимымъ и, можно сказать, даже единственнымъ занятіемъ цесаревича. Занятіе этими предметами составляло въ немъ господствующую страсть и надобно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ, по избранной имъ части, былъ не только знатокомъ, но чрезвычайно добросовѣстнымъ и неутомимымъ дѣятелемъ. Но и здѣсь проявлялась у него странная односторонность взгляда: онъ признавалъ идеаломъ войска не боевую силу, но строго дисциплинированную и отлично-обученную плацпарадную машину. Онъ находилъ, что война только портитъ, но никакъ не улучшаетъ армію, т. е., въ сущности, отвергалъ практическую пригодность войска для той цѣли, для которой оно собственно содержится, дисциплинируется и обучается. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ, какъ мы уже говорили, воспротивился благому намѣренію императора Николая Павловича—двинуть польскую армію въ Турцію и тѣмъ самымъ едва-ли не болѣе всего способствовалъ вооруженному возстанію Польши.

Въ кругу постоянной и любимой дѣятельности цесаревича проявлялись съ особенною рѣзкостію недостатки его характера. Хотя въ немъ не было ни надменности, ни жестокости, ни мстительности, и

хотя въ обыкновенномъ настроеніи духа онъ отличался чрезвычайнымъ добродушіемъ и привѣтливой простотою обращенія, но за то слишкомъ тяжело было подчиненнымъ цесаревича переносить частыя, почти безпрерывныя вспышки необузданнаго его гнѣва по самымъ даже ничтожнымъ мелочамъ службы. Въ минуты этихъ вспышекъ, онъ, казалось, забывалъ всѣхъ и все, и давалъ полную волю своему раздраженію, не щадя ничьего самолюбія. Поэтому много приходилось глотать отъ него оскорбленій и униженій тѣмъ, которые состояли какъ подъ прямымъ, такъ и подъ посредственнымъ его начальствомъ. Тутъ уже не было никому пощады и крутая расправа производилась безъ всякаго разбора, безъ всякихъ справокъ о степени виновности того или другаго. Въ припадкахъ гнѣва Константинъ Павловичъ отдавался весь первому произведенному на него впечатлѣнію и хотя, въ послѣдствіи, онъ, сознавая свою опрометчивость и несправедливость, старался исправить свои ошибки и загладить свои неумѣстныя выходки, но не всегда это оказывалось возможнымъ и онъ своею крайнею запальчивостію нажилъ себѣ много недруговъ какъ среди поляковъ, такъ и среди русскихъ.

Если неосмотрительные поступки великаго князя въ отношеніи къ военно-служащимъ, имѣвшіе характеръ крайней и притомъ произвольной взыскательности, возбуждали сами по себѣ среди его подчиненныхъ неудовольствіе и даже явный ропотъ, то они представлялись еще возмутительнѣе вслѣдствіе сравненія съ поведеніемъ нѣкоторыхъ другихъ военныхъ начальниковъ. По возвращеніи, въ 1814 и 1815 годахъ, русскихъ войскъ изъ заграничнаго похода, не только въ гвардейскихъ, но и во многихъ армейскихъ полкахъ началъ господствовать иной духъ. Съ этой поры, въ замѣнъ прежней крутости, начальники стали обходиться съ своими подчиненными кротко и вѣжливо, но такое обращеніе вовсе не допускалось въ русско-польской арміи, бывшей подъ главнымъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича, который своимъ личнымъ примѣромъ какъ будто хотѣлъ показать, что порядокъ въ военномъ управленіи долженъ поддерживаться только безусловною строгостію и подавляющими отношеніями старшаго къ младшему.

Не мало терялъ также цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ общественномъ мнѣніи и при сравненіи его съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Еще съ первыхъ лѣтъ жизни и того и другаго была замѣтна большая разница въ характерахъ обоихъ братьевъ, изъ которыхъ каждый и въ зрѣломъ возрастѣ остался вѣренъ, въ главныхъ чертахъ, проявившимся въ немъ свойствамъ. Государь былъ постоянно сдержанъ, осмотрителенъ, скрытенъ; онъ не

допускалъ никогда наружныхъ проявленій своего гнѣва и строго соблюдалъ всѣ приличія въ обращеніи съ кѣмъ бы то ни было. Между тѣмъ, Константинъ Павловичъ, кипучій, раздражительный и откровенный болѣе, нежели сколько бы слѣдовало ему быть такимъ при его исключительномъ положеніи, составлялъ прямую противоположность съ своимъ старшимъ братомъ, и своею запальчивостію и рѣзкостію заставлялъ забывать и тѣ хорошія качества, которыя были свойственны его, въ сущности всетаки доброму, сердцу.

Всѣ служившіе подъ начальствомъ цесаревича въ одинъ голосъ хвалятъ въ немъ щедрость, отвращеніе ко всякой лжи, уверткамъ и лести, а также отсутствіе притворства и лицемѣрія: у него что̀ было на душѣ, то было и на языкѣ. Мы говорили уже о личной храбрости цесаревича, переходившей въ юные его годы въ неосмотрительную отвагу, и если въ послѣдствіи, онъ—суворовскій сподвижникъ,—не любилъ войны, то это происходило не отъ недостатка въ немъ храбрости, но только отъ того, что онъ слишкомъ пристрастился къ фронтовымъ занятіямъ и къ военно-хозяйственной части, а между тѣмъ все это должно было прекратиться и разстроиться въ военное время. Занимаясь военнымъ хозяйствомъ, цесаревичъ постоянно и прежде всего имѣлъ въ виду улучшить, на сколько было возможно, условія солдатскаго быта, и въ этомъ отношеніи онъ являлся примѣрно-заботливымъ и чрезвычайно попечительнымъ начальникомъ.

Не смотря на свой кипучій нравъ, цесаревичъ подчинялся, однако, вліянію двухъ лицъ, а именно своего стараго, неизмѣннаго и испытаннаго друга, Ѳедора Петровича Опочинина, и своей второй супруги. Опочининъ и княгиня Ловичъ умѣли дѣйствовать на него успокоительно и, быть можетъ, если бы первый изъ нихъ находился безотлучно при цесаревичѣ, а вторая сдѣлалась бы спутницею его жизни въ молодые его годы, то Константинъ Павловичъ измѣнился бы къ лучшему во многихъ отношеніяхъ.

Е. П. Карновичъ.

О КАЗАКАХЪ.

(По поводу статьи П. А. Кулиша, напечатанной въ 3-й и 6-й тетрадяхъ «Русскаго Архива» изд. 1877 года).

Въ первыхъ годахъ текущаго царствованія въ умственной жизни русскаго общества совершались большія перемѣны. Между прочимъ, тогда намъ надоѣла давно усвоенная въ Россіи и на всѣ лады расхваленная система устраивать все подъ одинъ уровень, изглаживающій всякія частныя особенности; намъ, напротивъ, захотѣлось жизни самобытной. Начали у насъ и словесно и печатно прославлять децентрализацію; создавался въ нашихъ головахъ такой идеалъ общественнаго бытія, чтобы, съ сохраненіемъ единства и неразрывности государственнаго цѣлаго, части его имѣли бы всѣми признаваемое право на своеобразную физіономію, сообразно историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ условіямъ. Тогда южнорусскій или малорусскій край представилъ для такихъ стремленій наиболѣе подходящія условія: здѣсь народъ, съ своимъ особымъ славянскимъ нарѣчіемъ, съ своею народною поэзіею и съ своеобразными пріемами домашняго и семейнаго быта; здѣсь и прошедшее историческое съ Гетманщиною и съ Запорожскою Сѣчью; здѣсь и экономическія особенности, вытекающія изъ свойствъ почвы и климата. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, возникло у малоруссовъ стремленіе выказать свою дѣятельность въ собственныхъ, отъ многаго другаго отличныхъ, пріемахъ; отсюда попытки собирать памятники народнаго пѣсеннаго творчества, изучать мѣстную исторію и современный бытъ народа, наконецъ, поднять уровень народнаго образованія и дать мѣстной рѣчи края права гражданства въ литературной семьѣ. Все это въ описываемый нами періодъ не было новинкою; начало всему положено было уже прежде. Теперь, послѣ

наступившаго на всей Руси пробужденія, опять раздался умолкнувшій было голосъ прежнихъ дѣятелей малорусской умственной жизни; защебетали и молодые птенцы вслѣдъ за старыми птицами.

Тогда, въ числѣ умственныхъ дѣятелей между малоруссами, видное и почетное мѣсто занималъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, какъ мѣстный малорусскій историкъ, мыслитель, этнографъ, беллетристъ. Онъ пользовался по достоинству уваженіемъ не только въ средѣ земляковъ, но и во всей читающей русской публикѣ.

Цвѣтущая пора малорусской умственной дѣятельности не дотянула даже десятилѣтія. Сперва она встрѣчала вездѣ только сочувствіе, но съ 1863 г. стали возникать на ея счетъ подозрѣнія и недовѣріе. Стали замѣчать или, правильнѣе сказать, выдумывать соотношеніе между польскими (дѣйствительно враждебными къ Россіи) тенденціями и занятіями малоруссовъ своею исторіею и этнографіею. Такіе толки, пущенные сначала въ самой Малороссіи злонамѣренными людьми, нашли себѣ отголосокъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ другихъ московскихъ повременныхъ органахъ, а черезъ ихъ вліяніе стали усвоиваться многими и расширились до того, что всякій научный и литературный трудъ, касавшійся малорусскаго народа, сталъ навлекать на пишущихъ подозрѣніе въ неблагонамѣренности. Въ сущности дѣла, это показывало только скудность свѣдѣній о русскомъ народѣ въ образованномъ классѣ, который могъ легко всему повѣрить, что̀ подставляли ему за правду газеты. За невозможностью никакъ пришпилить дѣятельности малоруссовъ къ польскимъ замысламъ, чего сначала хотѣлось, стали догадываться—не имѣетъ ли такая дѣятельность сродства и связи съ вредными соціальными ученіями, бродившими въ хаотическомъ видѣ между незрѣлою молодежью? Тогда подвергался подозрѣніямъ и П. А. Кулишъ: его считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ казаччины, имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украинофильству. И правду сказать, если обвиненія, какія дѣлались противъ Кулиша и украинофиловъ, были вполнѣ нелѣпы и ни г. Кулишъ, ни другіе не имѣли такихъ тенденцій, въ какихъ ихъ подозрѣвали,—за то едва ли кто болѣе г. Кулиша подавалъ повода къ несправедливымъ противъ себя подозрѣніямъ. По своему увлекающемуся характеру, П. А. Кулишъ менѣе всякаго другаго былъ способенъ къ увертливому благоразумію; его сужденія и отзывы отличались перехватомъ черезъ край, какъ бываетъ съ людьми, которые и любить и ненавидѣть могутъ только всецѣло и притомъ одарены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ.

Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изуче-

ніемъ исторіи своего края и увидалъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе расцвѣченномъ видѣ, въ болѣе плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою историческою истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатіямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни. Это желаніе г. Кулиша видно изъ собственныхъ его отзывовъ въ послѣднихъ его сочиненіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видно изъ духа, какимъ проникнуты его сочиненія, явившіяся послѣ десятилѣтняго молчанія въ литературѣ. Г. Кулишъ совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на все малорусское, и протекшее и современное. Можно ли обвинять его за это одно, какъ нѣкоторые думаютъ? Конечно, нѣтъ. Измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ.

Но, видно, справедлива старая поговорка: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. Г. Кулишъ могъ измѣнить свои взгляды на прошедшее и настоящее Малороссіи, а своей природы измѣнить не могъ. Въ произведеніяхъ съ направленіемъ, діаметрально противоположнымъ прежнему, онъ остался тѣмъ же г. Кулишемъ, какимъ являлся за нѣсколько лѣтъ, когда навлекалъ на себя упреки въ излишнемъ пристрастіи къ казачеству. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженія къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастія. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша, въ послѣднихъ его произведеніяхъ, много стремленій къ безпристрастію, а безпристрастія нѣтъ ни на волосъ.

Послѣ своего перерожденія П. А. Кулишъ явился съ тремя томами „Исторіи возсоединенія Руси“, а въ двухъ тетрадяхъ „Русскаго Архива“ за прошедшій 1877 годъ (№№ 3 и 6) напечаталъ статью: „Казаки въ отношеніи къ государству и обществу“— статью, которая, заключая въ болѣе сжатомъ объемѣ тѣ же воззрѣнія на казачество, какія въ подробности развиваются въ трехъ томахъ его исторіи, можетъ назваться, такъ сказать, катехизисомъ ученія г. Кулиша. Мы обратимъ вниманіе на эту статью и попытаемся представить нѣсколько нашихъ замѣчаній по поводу вопросовъ, которыхъ касается эта статья.

Цѣль г. Кулиша—убѣдить своихъ читателей, что казаки были не болѣе какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣяніямъ, вовсе недостойные той идеализаціи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ г. Кулишъ—паче всѣхъ), а, напротивъ, достойные всяческаго порицанія и презрѣнія.

Дѣйствительно, всякое неумѣренное восхваленіе, всякое поклоне-

ніе передъ историческимъ явленіемъ прошедшей жизни заключаетъ въ себѣ всегда неправду, но то же самое заключаетъ въ себѣ и безусловное порицаніе и ругательство. Самая статья г. Кулиша написана не спокойнымъ тономъ историческаго изслѣдователя давно минувшихъ временъ, когда горячиться неумѣстно уже потому, что люди, о которыхъ идетъ рѣчь, давно не существуютъ; г. Кулишъ является задорнымъ, горячимъ обвинителемъ на судѣ, со всѣхъ силъ старающимся о томъ, чтобъ обвиняемые были осуждены; поэтому, возражая г. Кулишу, невольно принимаешь роль защитника на судѣ, а не излагателя мнѣнія о такомъ предметѣ, котораго значеніе для насъ уже безразлично кромѣ научной правды.

Чтó собственно вытекаетъ изъ всѣхъ доводовъ и многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ въ статьѣ г. Кулиша? Только то, что въ казачествѣ были темныя стороны, что у казаковъ были пороки. Неужели кто нибудь прежде въ этомъ сомнѣвался, и неужели П. А. Кулишъ открылъ здѣсь для насъ какую-то Америку? Во всѣхъ явленіяхъ жизни человѣческихъ обществъ бывали, есть и будутъ свѣтлыя и темныя стороны, добродѣтели и пороки. Казаки были люди—и у нихъ было то же. Да и не было до того умышленно скрываемо то, на что г. Кулишъ теперь указываетъ какъ на порочное и худое. Г. Кулишъ приводитъ въ подтвержденіе слова пѣсенъ изъ печатныхъ пѣсенныхъ сборниковъ. Но вѣдь эти пѣсни были извѣстны той публикѣ, которая интересуется такого рода литературою. Собиратели (въ числѣ ихъ немаловажное мѣсто занималъ П. А. Кулишъ) не прятали словъ изъ пѣсенъ, не замѣняли ихъ мѣсто другими, болѣе благопріятными для казаковъ. То же сказать слѣдуетъ и объ историческихъ матеріалахъ и объ историческихъ изслѣдованіяхъ: то, чѣмъ можетъ г. Кулишъ очернить казаковъ, представляя на показъ ихъ порочныя свойства, почерпается имъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые большею частію напечатаны, и едва ли въ правѣ будетъ г. Кулишъ гордиться тѣмъ, что онъ первый указалъ на темныя стороны казачества, и другіе, прежде него писавшіе, не скрывали этихъ темныхъ сторонъ, только давали имъ надлежащее положеніе, не выдвигая впередъ затѣмъ, чтобъ казалось, будто у казаковъ, кромѣ дурнаго, ничего уже хорошаго отыскать нельзя. Вообще, говоря о томъ, что прошло и былью поросло, не слѣдуетъ ставить вопросовъ о хорошемъ и дурномъ съ нашей точки зрѣнія, но имѣть въ виду: какъ въ прежнія времена смотрѣли на совершившіеся факты и чтó считали хорошимъ и дурнымъ по тогдашнимъ понятіямъ? Если бы г. Кулишъ держался этого правила, обязательнаго для всякаго историка, то его статья, съ которою онъ явился въ „Русскомъ Архивѣ“, не походила бы на обвинительную рѣчь прокурора передъ судомъ.

Г. Кулишъ начинаетъ съ того, что силится сказать (не выразимся: доказать, потому что г. Кулишу нечѣмъ этого доказать), что казаки—народъ чужой въ Украинѣ: авторъ производитъ ихъ отъ черкесовъ. Названія—Черкасы на Днѣпрѣ, Черкасскъ на Дону, имя черкасъ, которымъ долгое время въ Московскомъ государствѣ звали вообще малороссіянъ, — все приводится въ доводъ происхожденія казаковъ отъ черкесовъ. Старыя погудки на новый ладъ! Это мы слышали уже очень давно, лѣтъ назадъ тому сорокъ, слышали съ каѳедры, изъ устъ плохихъ професоровъ. Затѣмъ указываются признаки, подмѣченные авторомъ у жителей Чигиринщины и Черкасчины: черный цвѣтъ одежды, черные волосы, горбатые носы, продолговатыя лица, небольшія головы на широкихъ плечахъ и проч. Все это намъ давно знакомо, все это приводилось для той же цѣли и такъ же бездоказательно, какъ и теперь приводится г. Кулишемъ. Никто не показалъ намъ: когда же эти черкесы пришли и поселились въ Украинѣ; указывали на берендѣевъ, торковъ, половцевъ, но какія доказательства, чтобъ эти народы были черкесы, и какіе историческіе слѣды, чтобъ остатки этихъ народовъ, нѣкогда временно проживавшіе въ Украинѣ, удержались надолго до такой степени, чтобы повліять на строй тѣла всего народонаселенія? Притомъ признаки, замѣченные въ Чигиринщинѣ и Черкасчинѣ, не чужды народонаселенію и другихъ краевъ южной Руси. Самъ г. Кулишъ очень хорошо знаетъ, что если казачество сформировалось въ Черкасчинѣ и Чигиринщинѣ, то далеко не ограничилось этими полосами Поднѣпровья, а охватило собою несравненно большее пространство. Неужели все это пространство, въ свое время населенное казаками, слѣдуетъ считать по народонаселенію черкесскимъ краемъ? Типы черкесскіе, персидскіе, греческіе, случайно мы встрѣчали въ средѣ малорусскаго населенія; но это одно не можетъ подавать повода къ какимъ нибудь смѣлымъ предположеніямъ, безъ всякихъ фактическихъ доводовъ. Хотя ничего не бываетъ безъ причинъ, но едва ли кто въ состояніи уловить причины такихъ сходствъ, которыя можно найти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Впрочемъ, происхожденіе не можетъ служить пунктомъ для обвиненія вовсе, а г. Кулишъ задался именно обвиненіями противъ казачества.

«Казакъ,—говоритъ авторъ,—былъ бездомнымъ промышленникомъ и добычникомъ. Хотя и были у казаковъ хаты въ такихъ мѣстностяхъ какъ Черкасчина и Чигиринщина, но, по словамъ кобзарской думы, казацкую хату можно было отличить среди десяти не казацкихъ: «она соломой не покрыта, приспою не обсыпана, на дворѣ дровъ ни полѣна, сидитъ въ ней казацкая жена—околѣла!» Такъ и казацкая жена была замѣтна среди ея сосѣдокъ: «она всю зиму босая ходитъ, горшкомъ воду носитъ, дѣтей поитъ изъ по-

ловника». Казакъ уподоблялся птицѣ, кладущей яйца въ чужія гнѣзда или зарывающей въ песокъ. Его нравственность уже опредѣлялась его бытомъ. При его бездомовности и нерадѣньи о семьѣ, мнѣніе свѣта для него не существовало. Куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ—говорится въ извѣстной надписи подъ изображеніемъ запорожца. Казакъ вообще отвергалъ семейное начало и выразилъ это тѣмъ, что даже въ пѣсняхъ называлъ своею матерью Запорожскую Сѣчь, а батькомъ—великій лугъ. Что касается до женщины, подруги жизни, то входу ей не было въ казачье кочевье на Низу ни подъ какимъ видомъ». («Рус. Арх.», № 3, стр. 353).

На какомъ основаніи авторъ считаетъ приведенную имъ изъ думы картину какъ бы типическимъ изображеніемъ казацкаго быта во всѣхъ краяхъ казацкой земли и притомъ общимъ казацкому обществу во всѣ времена? Отчего именно эту думу относить ко всѣмъ казакамъ вообще? не скорѣе ли въ этой думѣ усматривать можно изображеніе казацкой бѣдности, и если она могла служить типомъ быта большинства казаковъ, то развѣ въ такія невзгоды, когда край постигали общественныя бѣдствія, напримѣръ, татарскіе набѣги, разорительныя войны, выводившія множество казаковъ изъ своихъ домовъ на продолжительное время, неурожаи и послѣдующій за ними голодъ! Въ такія печальныя эпохи дѣйствительно можно было встрѣтить описываемую въ этой думѣ казацкую хату съ осиротѣлою и обнищавшею хозяйкою. Малороссія нерѣдко подвергалась бѣдствіямъ, и потому не рѣдки были въ ней такія явленія: ихъ-то изображаетъ дума. Но черезчуръ произвольно и несправедливо, не принимая во вниманіе указанныхъ историческихъ явленій, брать ее за доказательство бездомовности, нерадѣнія и отверженія семейнаго начала въ цѣлой массѣ казацкаго сословія. Слова: „куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ" не должны быть примѣняемы только къ такимъ, что̀ отвергаютъ семейное начало. Это удобно произнести о всякомъ молодцѣ, несвязанномъ семейными узами, но вовсе не отвергающемъ въ принципѣ семейнаго начала. Приведенныя г. Кулишемъ слова находятся въ надписи подъ изображеніемъ запорожца, слѣдовательно, тамъ—откуда добылъ ихъ авторъ, онѣ положительно говорятъ о запорожцѣ, хотя могутъ быть отнесены и не къ запорожцу. О самыхъ запорожцахъ составилось понятіе преувеличенное, будто бы они пренебрегали бракомъ и допускали къ себѣ только безсемейныхъ. Запорожское общество дѣйствительно наполнялось холостыми, но молодцы, повоевавши нѣсколько времени на сушѣ и на морѣ, уходили въ города, обзаводились семьями, вписывались въ городовые казаки и были домовитыми хозяевами. Впрочемъ, не существовало правила, чтобъ запорожское товарищество состояло только изъ холостыхъ: бывали и женатые, отцы се-

мействъ: запорожцы ими не брезговали; намъ, да, безъ сомнѣнія, самому г. Кулишу, извѣстно, что знаменитый Сирко, этотъ Ахиллесъ Запорожья, имѣлъ жену, двухъ сыновей и двухъ дочерей, только семья его не жила въ Сѣчи: тамъ, точно, не допускали женщинъ, такъ какъ по понятіямъ вѣка, это запрещалось, потому что Сѣчь была военнымъ укрѣпленіемъ, всегда готовымъ къ защитѣ противъ непріятельскаго нападенія. Это не служитъ доказательствомъ какого нибудь отверженія семейнаго начала. У насъ во время военныхъ походовъ не дозволяется въ лагеряхъ и на военномъ кораблѣ пребывать женщинамъ, однако никто не скажетъ на такомъ основаніи, чтобы наши сухопутные воины и моряки отвергали семейное начало. Равнымъ образомъ, не могутъ доказывать тоже отверженіе семейнаго начала у казаковъ выраженія, что для казака (запорожца) Запорожская Сѣчь была мать, а великій лугъ батько. И нашъ теперешній солдатъ назоветъ Россію матушкой, а изъ этого едва ли кто станетъ выводить, что нашъ солдатъ не хочетъ знать родной матери и не уважаетъ никакихъ семейныхъ и родственныхъ узъ. Равнымъ образомъ, не можетъ г. Кулишъ подтвердить своего взгляда и приведеніемъ изъ пѣсенъ и думъ такихъ мѣстъ, гдѣ показывается неуваженіе къ женщинѣ, въ родѣ, напримѣръ: „послушайте, паны-молодцы, какъ женское проклятіе ничтожно: жена проклинаетъ—это все равно, что вѣтеръ шумитъ мимо сухаго дерева, а женскія глупыя слезы текутъ какъ вода“ („Рус. Арх.“, ibid.). Въ народныхъ пѣсняхъ всѣхъ племенъ и народовъ найдется достаточно такихъ пѣсенъ, гдѣ презрительно отзываются о женщинѣ. Ихъ можно считать чертами варварскаго вѣка, когда выше всего цѣнилась тѣлесная сила и потому проскакивало презрѣніе къ той половинѣ человѣческаго рода, которая не отличалась этимъ достоинствомъ. Въ среднихъ вѣкахъ было обиліе такихъ сатирическихъ пѣснопѣній о женщинахъ, а между тѣмъ они складывались въ тѣ времена, когда рыцарь преклонялъ колѣна предъ дамой своего сердца, когда Тоггенбургъ обрекалъ себя на созерцаніе стѣнъ и оконъ монастыря, въ которомъ укрылась красавица, плѣнившая его сердце. Развѣ изъ такихъ пѣснопѣній слѣдуетъ заключить объ отверженіи семейнаго начала? а перешедшая къ намъ изъ Византіи притча о женской злобѣ—развѣ не хуже еще рисуетъ женскія слабости и пороки? Можно видѣть въ ней вліяніе монашескаго взгляда, но никакъ не всеобщее отверженіе семейнаго начала, тѣмъ болѣе когда и самое монашество, предписывая безбрачіе тому, кто „вмѣстити можетъ“, въ принципѣ не отвергало однако ни брака, ни семьи. Наконецъ, и то мало помогаетъ г. Кулишу, что „въ Кіевѣ казаки—по словамъ документа 1499 года—дѣлали непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами“ (ibid.). Мало-ли и теперь

дѣлаютъ непочестныхъ рѣчей военные люди,—нельзя ихъ оправдывать, но нельзя также по поступкамъ единичнымъ дѣлать заключеніе о всемъ военномъ сословіи вообще.

Отвергая семейное начало,—говоритъ г. Кулишъ,—казакъ отвергалъ и начало общественное (ibid.). Вслѣдъ за тѣмъ авторъ распространяется о казацкихъ возстаніяхъ противъ Польши и о совершавшихся казаками жестокостяхъ и грабежахъ. Конечно, по поводу каждаго факта, взятаго отдѣльно, можно разбирать насколько совершавшіе его были справедливы или несправедливы, но нельзя по такимъ фактамъ дѣлать обобщеній, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ заклятая вражда, существовавшая между Польшею и казаками. Г. Кулишъ воленъ имѣть сочувствіе къ той или другой сторонѣ, но не можетъ отрицать, что казаки считали поляковъ своими врагами, и потому обращались съ ними такъ, какъ по духу вѣка слѣдовало или какъ было дозволительно; нельзя въ этомъ видѣть отверженіе ими общественнаго начала. Иначе придется смотрѣть такимъ же образомъ на всякое возстаніе народной массы противъ существующей власти. Съ точки зрѣнія власти, которая борется съ возставшими, оно, конечно, такъ будетъ; но историкъ такъ судить не можетъ. Съ точки зрѣнія турецкихъ властей, возставшіе противъ Турціи сербы, герцеговинцы, болгары—не болѣе какъ нарушители порядка, отвергающіе общественное начало; однако не всѣ другіе признаютъ ихъ такими, когда Россія изъ-за нихъ вступила въ войну съ Турціею. Понятно, когда точка зрѣнія власти, находящейся во враждѣ съ своими возставшими подданными, не всегда усваивается, даже въ самое время возстаній, другими властями, то какъ же не быть осторожнымъ историку въ сужденіяхъ о возстаніяхъ прошедшихъ временъ? Но г. Кулишъ указываетъ на то, что казаки также бунтовали противъ русской власти, и очень негодуетъ на одного историка, который сказалъ, что „имя царя было священнымъ для самой крайней вольницы". Въ опроверженіе такого мнѣнія, г. Кулишъ указываетъ на Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Дорошенко, Мазепу. А что же, спросимъ мы г. Кулиша: пошла развѣ масса казачества за этими господами, когда они являлись противниками и врагами царя? Да и сами эти господа, отступавшіе отъ Россіи, и всѣ, что къ нимъ приставали, руководились въ своихъ поступкахъ болѣе всего опасеніемъ, чтобъ ихъ край съ народомъ, обитающимъ въ этомъ краѣ, не былъ уступленъ и отданъ полякамъ: тутъ дѣйствовала не столько досада на Московское государство и нежеланіе быть съ нимъ въ единствѣ, сколько старая закоренѣлая вражда къ ляхамъ. Въ итогѣ, однако, всѣ попытки возмутить Малороссію противъ царской власти оставались всегда безуспѣшны, а это происходило оттого единственно, что

казаки массою не приставали къ измѣнническимъ замысламъ. Это все очень хорошо извѣстно г. Кулишу и онъ, положа руку на сердце, долженъ сознаться, что исторія говоритъ больше въ пользу того непріятнаго г. Кулишу историка, который сказалъ, что имя царя было священнымъ для самой крайней вольницы, чѣмъ въ пользу г. Кулиша. указывающаго на примѣры такихъ измѣнническихъ начинаній, за которыми не пошла казацкая масса.

Г. Кулишъ обвиняетъ казаковъ за то, что „казакъ жилъ добычею и для добычи. Добыча и слава на языкѣ у него были неразлучны и воспѣты въ казацкихъ пѣсняхъ какъ одинаково нравственныя" (№ 3, стр. 354). Въ другомъ мѣстѣ своей статьи („Рус. Арх.", № 6, стр. 114), говоря объ отличіи великоруссвихъ казацкихъ пѣсенъ, авторъ замѣчаетъ, что „пѣсни эти не смѣшиваютъ нравственнаго понятія славы съ безнравственнымъ понятіемъ добычи, какъ это дѣлается въ нашихъ (малорусскихъ) казацкихъ пѣсняхъ безпрестанно".

Отчего это г. Кулишу понятіе о славѣ кажется нравственнымъ, а понятіе о добычѣ безнравственнымъ? Развѣ потому, что громкое слово: слава болѣе пригодно для краснорѣчія, чѣмъ слово добыча? Но какъ бы то ни было, нельзя ставить въ вину казакамъ и признавать за ними какъ бы исключительно имъ однимъ принадлежащій порокъ—склонность къ пріобрѣтенію добычи: это свойство всѣхъ военныхъ людей во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, начиная отъ полудикихъ шаекъ до армій цивилизованныхъ народовъ. Развѣ въ наше время на войнахъ не берутъ у непріятелей добычи, и развѣ не поставляютъ себѣ въ особую доблесть отнятіе добычи? когда разгромятъ непріятельскій лагерь или возьмутъ приступомъ крѣпость, развѣ не забираютъ себѣ всѣ непріятельскіе боевые и съѣстные запасы? а когда окончательно побѣждаютъ враждебную державу, развѣ не налагаютъ на побѣжденную контрибуціи? Что̀ это, въ сущности, какъ не та же добыча, которая такъ не нравится г. Кулишу въ рукахъ казаковъ? Только въ формахъ собранія и въ способахъ разница, а суть все та же!

Г. Кулишъ признаетъ казаковъ — элементомъ безусловно вреднымъ для государства и вооружается противъ тѣхъ историческихъ писателей, которые признавали казаковъ вообще—народомъ, въ противоположность классамъ высшимъ, отрѣзавшимся отъ народа. Но гдѣ же правду спрятать, когда такъ было на самомъ дѣлѣ? Въ южной Руси высшіе классы ополячились и окатоличились и, отклонившись отъ русскаго народа, стали его притѣснять. Народъ, теряя терпѣніе, возставалъ, и число казаковъ внезапно увеличивалось, потому что возставшіе противъ пановъ назывались казаками: во всемъ

южнорусскомъ народѣ возникло стремленіе оказачиться, то есть сдѣлаться свободнымъ; свобода понималась не иначе, какъ въ видѣ казачества. Названіе казакъ, по народному понятію, значило вольный человѣкъ. Нѣсколько повторенныхъ одно за другимъ народныхъ возстаній были усмирены, но потомъ разразилась эпоха Хмельницкаго, поднялся весь народъ разомъ и обратился въ казаковъ. Но когда возстаніе улеглось и водворяться сталъ общественный порядокъ, явилось стремленіе образовать изъ казаковъ особое, въ извѣстномъ смыслѣ привиллегированное сословіе, а простонародіе продолжало питать желаніе обратиться всѣмъ въ казаки. Вотъ суть всей общественной исторіи Малороссіи. Казаки въ юридическомъ смыслѣ означали сословіе военное, владѣвшее землями, свободное отъ податей и повинностей, падавшихъ на прочихъ—не казаковъ, а мужиковъ или посполитыхъ, но въ смыслѣ народнаго воззрѣнія слово казакъ значило свободнаго человѣка, какимъ хотѣлось быть всякому. Казаки, какъ сословіе, было однако не малочисленнымъ и всегда играло роль орудія, двигавшаго механизмомъ политическихъ интересовъ страны. Оттого Малороссія считалась и называлась казацкою землею, а ея народъ—казацкимъ народомъ. Поэтому нельзя обвинять тѣхъ, которые признавали казаковъ за народъ въ противоположность высшимъ классамъ, потерявшимъ и народность и живую связь духовную съ простонародною массою.

Впрочемъ, П. А. Кулишъ до того увлекается, что самъ себѣ противорѣчитъ. То онъ изображаетъ казаковъ врагами монархической власти—какъ и всякой власти вообще („Рус. Арх.", № 3-й, стр. 355—357), то сознается, что низшая среда казачества взирала на царя по простонародному, какъ на олицетвореніе правды (стр. 357, ibid.). Но вѣдь низшая среда и составляла большинство и оттого-то, что эта среда уважала царя, трудно было произвести возмущеніе, и попытки многихъ произвести отложеніе Малороссіи отъ Россіи оказывались рѣшительно неудачными.

Касаясь возстаній казацкихъ противъ ополяченныхъ пановъ южной Руси, г. Кулишъ беретъ панство и шляхетство подъ свою защиту и хочетъ увѣрить насъ, что господство пановъ надъ украинскимъ простонародіемъ было великое благодѣяніе для края въ культурномъ отношеніи:

«Спокойно возвратилъ (Петръ Великій) мономаховщину олатиненнымъ Руссамъ, которые со временъ Тарновскихъ и Остророговъ отдавали, подобно ему самому, лучшія силы свои на отбой азіатской дичи отъ русской земли, и не ошибся въ своемъ не по нашему сдѣланномъ дѣлѣ. Начались новые подвиги культуры съ новою колонизаціей края. Полудикихъ его охранителей

(казаковъ), не умѣвшихъ даже пороховыхъ роговъ замѣнить лядунками, смѣнили теперь такіе охранители, которые заботились не объ своей добычѣ, а о томъ, чтобы плодоносная украинская почва, источникъ добычи благородной, не оставалась порожнею залежью. Спустя два-три десятка лѣтъ послѣ Петра, устроенныя въ этомъ краѣ имѣнія стали приносить доходы, изумлявшіе самихъ владѣльцевъ; совершиться это хозяйственное чудо могло только при отсутствіи казаковъ, ради оправданія которыхъ мы представляемъ польскихъ пановъ или окатоличенныхъ руссовъ землевладѣльцами-тиранами. Это одна изъ нашихъ литературныхъ маній, внушенныхъ дешевою гуманностію, безъ пособія всесторонняго изученія предмета. На памяти живыхъ еще въ мое время людей, крестьянскія повинности въ западной Украинѣ были такъ незначительны, что эти люди увѣряли меня, будто панщины въ Украинѣ не было вовсе и показанія ихъ совпадаютъ съ польскими извѣстіями объ украинскомъ хозяйствѣ въ эпоху Екатерины II. Что̀ говоритъ казакъ самовидецъ о положеніи крестьянъ передъ хмельнищиною, то самое можно сказать о нихъ въ эпоху, предшествовавшую коліивщинѣ: «во всемъ жили обфито, въ збожахъ, бидлахъ, пасѣкахъ» (стр. 365, ibid.).

Но отчего же вспыхнула страшная коліивщина, возмутившая благосостояніе такого элизіума? Г. Кулишъ приписываетъ всю бѣду казакамъ-запорожцамъ: они-то, воротившись изъ татарщины, куда загналъ ихъ Петръ Великій, «различными путями привели этотъ вновь расцвѣтшій край къ новой катастрофѣ». Къ нимъ, казакамъ-запорожцамъ, явившимся въ западной Украинѣ, однако, какъ всѣмъ извѣстно, пристала масса народная. Г. Кулишъ объясняетъ это такъ: пристала тогда къ казакамъ-возмутителямъ собственно не вся народная масса, а

«вся пьяная голь, все глупое, лѣнивое и безнравственное въ западной Украинѣ было поднято на ноги, во имя вѣры и свободы противъ колонизаторовъ опустошенной ихъ предками страны» (ibid.).

Можно подумать, что такой способъ воззрѣнія заимствовалъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ у какого нибудь поляка-рабовладѣльца, а взгляды этихъ господъ совершенно совпадаютъ со взглядами нашихъ русскихъ баръ-крѣпостниковъ, когда вопросъ касается до возстанія крестьянъ противъ владѣльцевъ. Виноваты у нихъ одни мужики: пьяницы, лѣнтяи, работать не хотятъ, а господа ихъ— черезчуръ мягки, милостивы: вотъ мужики зазнаются и своевольствуютъ! Такой односторонній взглядъ вполнѣ свойственъ господамъ-крѣпостникамъ, но едва ли умѣстенъ для историка, который долженъ взвѣшивать безпристрастно все, что̀ можно сказать въ ту или другую сторону. Притомъ г. Кулишъ сообщаетъ намъ положительную невѣрность, будто показанія, слышанныя имъ о благополучномъ со-

стояніи крестьянъ подъ польскимъ владычествомъ, совпадаютъ съ польскими извѣстіями времени Екатерины II. Пусть развернетъ г. Кулишъ книгу г. Сташица «Przestrogi dla Polski», изданную въ 1790 году; тамъ найдетъ онъ совсѣмъ не такое описаніе польскихъ крестьянъ того времени, а между тѣмъ Сташицъ былъ человѣкъ вполнѣ уважаемый своими соотечественниками. Да и кромѣ того, можно найти не мало въ современныхъ свидѣтельствахъ такихъ чертъ, которыя никакъ не соотвѣтствуютъ тому блаженному состоянію рабовъ, какое намъ рисуетъ г. Кулишъ. Также мало подтверждаетъ взглядъ г. Кулиша на благотворное для южнорусскаго народа господство пановъ приведенная имъ пословица (№ 3, стр. 364), «регулирующая», по словамъ автора, «нашу исторіографію»: „пока шлялись по Украинѣ казаки съ пороховыми рогами—лежали широкія поля не вспаханными, а когда явились въ Украинѣ паны съ лядунками,—у мужиковъ на полкахъ явились пироги». Въ противовѣсъ такой благопріятной панству пословицѣ (быть можетъ, въ панскихъ дворахъ и сложенной), укажемъ на народную пѣсню, которая была уже приведена въ нашемъ сочиненіи: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», на стр. 868-й. Г. Кулишъ не станетъ оспаривать подлинности этой пѣсни, такъ какъ кромѣ варіанта, нами записаннаго на Волыни, другой видѣли мы въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ П. А. Кулиша. Такими же глазами смотритъ авторъ и на эпоху Хмельницкаго. «Простонародье украинское,—говоритъ онъ,—вошло въ свои естественные берега, понятые казацкимъ разливомъ при Хмельницкомъ, къ ужасу и ко вреду всѣхъ порядочныхъ людей“ (ibid., стр. 367). Такъ смотрѣли на эпоху Хмельницкаго поляки и г. Кулишъ послѣдуетъ имъ въ своихъ сужденіяхъ, хотя ссылается на свидѣтельство не поляковъ, а на лѣтопись Самовидца, писанную малороссомъ и притомъ казакомъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи Самовидца встрѣчается изображеніе подробностей возстанія, представляющее непривлекательныя черты; но это—неизбѣжныя черты, какими всегда сопровождаются всякія народныя возстанія, и такія черты неизбѣжно явятся въ описаніи, если станутъ изображать ходъ возстаній въ подробностяхъ. Эти черты, сообщаемыя Самовидцемъ, драгоцѣнны для узнанія быта и пріемовъ жизни въ то время, которое передается имъ, но можетъ ли историкъ, руководствуясь только такими единичными явленіями, изрекать приговоръ надъ всей эпохой и ея историческимъ значеніемъ? Это было бы черезчуръ ненаучно. Выходки г. Кулиша противъ эпохи Хмельницкаго подтверждаются у него чертами народнаго возстанія, найденными имъ въ лѣтописи Самовидца; это невольно напомнило намъ мысль г. Микѣшина изобразить на памятникѣ Хмельницкому горельефы убитыхъ

поляковъ и жидовъ; художникъ не принялъ во вниманіе, что памятникъ, воздвигаемый великому человѣку, долженъ сразу указывать на его всемірно-историческое значеніе, а не на частныя событія, сопровождавшія дѣло, имъ совершенное. Точно также и ученый историкъ долженъ произносить приговоръ надъ извѣстною эпохою по ея общеисторическому значенію, а не по мелкимъ подробностямъ, которыя могутъ однимъ нравиться, другимъ возбуждать отвращеніе.

Г. Кулишъ говоритъ (стр. 366, ibid.):

«Ни хмельнищина, ни колiивщина не оставили по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что нибудь ко благу общества въ религіозномъ, просвѣтительномъ и экономическомъ отношеніи. Кромѣ дикаго отрицанія того, что дѣлали люди болѣе порядочные, ничего не проявило своими дѣяніями на родной почвѣ казачество».

Будто такъ? спросимъ г. Кулиша: какъ, хмельнищина не оставила по себѣ никакого общественнаго учрежденія? А гетманщина, существовавшая послѣ Хмельницкаго слишкомъ двѣсти лѣтъ, развѣ это не общественное учрежденіе? Можетъ быть, оно не нравится г. Кулишу, но оно нравилось очень многимъ въ свое время и многіе думали устроить его ко благу общества по своимъ воззрѣніямъ. Можно отыскать много темныхъ сторонъ въ этихъ учрежденіяхъ, но многое очевидно теперь для насъ, а не замѣтно было для прошлыхъ поколѣній. Надобно помнить, что совершенства на землѣ нѣтъ: мы находимъ дурнымъ то, что предки наши считали хорошимъ; вѣдь и многимъ изъ того, что̀ мы теперь признаемъ хорошимъ, другіе послѣ насъ будутъ недовольны. Нельзя же всѣхъ, не только живущихъ теперь, но и прежде отжившихъ, заставить глядѣть глазами г. Кулиша! И въ самомъ-ли дѣлѣ эта гетманщина ничего не сдѣлала даже въ религіозномъ отношеніи? А развѣ это малая ея заслуга, что тамъ, гдѣ была власть гетмановъ, утвердилось православіе, тогда какъ въ краѣ, оставшемся за Польшею и внѣ гетманской власти, народъ южнорусскій, лишенный удобства исповѣдывать вѣру отцовъ своихъ, принималъ унію и даже католичество? Казалось бы, точно, въ экономическомъ отношеніи эпоха Хмельницкаго, вся протекшая въ раззорительныхъ войнахъ, не могла ничего сдѣлать хорошаго; но сопровождавшій патріарха Макарія арабскій монахъ Павелъ, оставившій потомству свое дорогое сочиненіе, изображаетъ видѣнную имъ Украину страною благоустроенною въ хозяйственномъ отношеніи и самъ Богданъ является хорошимъ хозяиномъ, попечительнымъ и заботливымъ, а не забулдыжнымъ пьяницею, какимъ рисуютъ его поляки. Вполнѣ-ли вѣрны изображенія араба—это еще вопросъ, но во всякомъ случаѣ нельзя презирать его и оставить безъ критическаго вниманія.

Защищая съ любовію ополяченныхъ южно-русскихъ пановъ отъ тѣхъ обвиненій, какія дѣлались противъ нихъ по поводу утѣсненій народа, вызывавшихъ послѣдній къ возстанію, г. Кулишъ беретъ ихъ подъ свое покровительство и за принятіе католичества, вмѣстѣ съ архіереями, принявшими унію въ концѣ XVI вѣка. „Они,—говоритъ намъ авторъ,—имѣли право избирать то, что для общества было полезнѣе", и замѣчаетъ, что вообще господствовавшая въ Польшѣ католическая религія боролась гораздо энергичнѣе съ уклонившимися въ реформацію католиками, нежели съ чуждавшимися латинства и уніи православными. Въ подтвержденіе этой мысли г. Кулишъ приводитъ много примѣровъ гуманныхъ отношеній пановъ католической вѣры къ православнымъ (№ 3, стр. 362). Противъ этого спорить не станемъ и охотно признаемъ, что пановъ, отступившихъ отъ православія въ католичество, можно извинить духомъ, понятіями и предразсудками вѣка, какъ равно и собственною пошлостію многихъ такихъ господъ, свойствомъ, съ которымъ большинство всегда, болѣе по чужому примѣру, чѣмъ по собственному убѣжденію, пристаетъ къ тому, что въ данное время считается «лучшимъ или полезнѣйшимъ для общества», какъ выражается г. Кулишъ. Но намъ показалось дико и необычно услышать отъ г. Кулиша такое убѣжденіе:

«Всякое государство должно было покровительствовать извѣстное вѣроисповѣданіе не на столько, сколько оно истинно, а на столько, на сколько оно полезно. Для сохраненія своей цѣлости, польское государство не должно было потворствовать водворенію въ немъ лютеранства, кальвинства, аріанства и другихъ сектъ, на которыя раскололась лукаво построенная римская церковь. Для сохраненія достоинства религіи вообще, оно было обязано поощрять готовность служить его цѣлямъ такихъ образованныхъ архіереевъ, какъ Терлецкій, Поцѣй, Смотрицкій, Рутскій, вмѣсто того, чтобъ сообразоваться съ неизвѣстными ему ревностными, но вообще невѣжественными иноками» (стр. 359, ibid.).

Здѣсь авторъ раскрываетъ предъ нами свое внутреннее убѣжденіе, по отношенію къ вопросу о вѣрѣ. Что же выходитъ? Вѣра, по взгляду автора, не имѣетъ священнаго достоинства внутренняго сокровища души человѣческой, неприкосновеннаго для другихъ и, по справедливости, требующаго къ себѣ отъ другихъ уваженія: это одна изъ полицейскихъ формъ общественнаго порядка, которую можно всѣмъ навязывать сообразно постороннимъ видоизмѣняющимся цѣлямъ. Къ сожалѣнію, на свѣтѣ часто и во многихъ краяхъ такъ бывало и теперь еще бываетъ, но люди истинно развитые и истинно честные не могутъ сочувствовать такому взгляду: можно оказывать къ нему только терпимость, во-первыхъ, по снисходительности къ порокамъ и недостат-

камъ людскимъ, во-вторыхъ, потому, что такой взглядъ имѣетъ за собою матеріальную силу большинства толпы; но вмѣстѣ съ тѣмъ люди развитые и честные считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ, сколько ихъ силъ и возможности станетъ, распространять—въ такихъ общественныхъ органахъ, какъ печать—болѣе здравыя идеи, болѣе способствующія дальнѣйшему движенію впередъ человѣческой мысли.

Г. Кулишъ во всемъ ходѣ своей статьи силится увѣрить своихъ читателей, что казаки были не болѣе какъ разбойники, ставившіе только благовиднымъ предлогомъ своихъ дѣйствій вѣру, а на самомъ дѣлѣ руководившіеся только страстію къ наживѣ чрезъ отнятіе чужаго достоянія. Для подтвержденія такой мысли, г. Кулишу кажется достаточнымъ привести такія черты изъ казацкой исторіи, которыя схожи съ чертами разбойническихъ скопищъ. Но г. Кулишъ долженъ былъ бы сообразить, что всякое гражданское общество, прежде чѣмъ образовалось въ стройное государственное тѣло, носитъ на себѣ, то болѣе, то менѣе, отпечатокъ хаоса, въ которомъ розыскать легко черты, свойственныя, по нашимъ наблюденіямъ, разбойникамъ, то есть людямъ, ищущимъ возможности водворить въ обществѣ хаосъ. Такія черты найдутся въ первый періодъ нашей исторіи, въ эпоху язычниковъ Олега, Игоря, Святослава, и болѣе позднюю эпоху удѣловъ. Казачество было новымъ фазисомъ исторической жизни, и оно, по неизмѣнному закону возникновенія, разцвѣта и упадка человѣческихъ обществъ, должно было имѣть и свой періодъ варварства, періодъ хаоса и періодъ установки. Все творится на свѣтѣ постепенно; ни одно историческое общество не выходило готовымъ, какъ Аѳина изъ головы Зевса, а должно было слагаться, развиваться, укрѣпляться болѣе или менѣе продолжительное время. Иныя общества достигали полнаго разцвѣта, другія, недоразвившись, рановременно ломались. Но всѣ одинаково подчинялись общему закону и въ исторіи всякаго политическаго общества непремѣнно можно отыскать періодъ варварства, хаоса, и тутъ-то многіе жизненные пріемы покажутся подобными разбойничеству. Естественно, и въ исторіи казачества—то же. Но не видѣть въ казакахъ ровно ничего, кромѣ разбойническаго скопища, можно только или черезчуръ умственно-близорукому или ослѣпленному страстію. Какъ это г. Кулишъ, которому нельзя отказать въ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ исторіи казачества, рѣшился произнесть, будто „казачество на народной почвѣ не проявило ничего, кромѣ дикаго отрицанія того, что̀ дѣлали люди порядочные", и будто хмельнищина не оставила по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что либо ко благу общества! Развѣ гетманщина съ гетманомъ во главѣ, съ генеральной старшиною, составлявшею около него совѣтъ, съ генеральнымъ судомъ, генеральною

канцеляріею, съ раздѣленіемъ страны на полки, а полковъ на сотни, съ выборными мѣстными властями, съ законодательствомъ, основанномъ на принятомъ литовскомъ статутѣ съ добавленіемъ гетманскихъ универсаловъ и приговоровъ радъ, часто собираемыхъ по важнымъ дѣламъ, съ поземельными вопросами, разрѣшаемыми судомъ, наконецъ, зъ мѣщанствомъ, съ его цехами разнообразныхъ мастеровъ и торговцевъ,—все это развѣ не произведеніе хмельнищины, и если многое существовало еще прежде, то всетаки возымѣло свое право на существованіе именно потому, что эпоха Хмельницкаго его оставила. Если г. Кулишу не угодно теперь признавать всего этого за общественное учрежденіе, то и русское правительство, и Россія, и весь міръ, знавшій что нибудь объ Украинѣ, нимало не сомнѣвались въ теченіи двухсотъ лѣтъ въ томъ, что все это—общественное учрежденіе. Не нравится это г. Кулишу, находитъ онъ въ немъ темныя стороны; въ существованіи такихъ темныхъ сторонъ и нельзя было никогда сомнѣваться, сознавая, что все человѣческое—съ недостатками; но окончательно лишать права общественнаго учрежденія строй, присонававшійся такимъ цѣлыхъ два вѣка—это хуже чѣмъ научная ошибка! Казаки,—говоритъ г. Кулишъ,—были разбойники, не болѣе. И такъ, выходитъ, что когда писались царскія грамоты, посылались къ гетману и старшинѣ и казакамъ дары, присылались бояре для собранія радъ, по случаю избранія новаго гетмана,—все это дѣлалось для разбойниковъ! И малороссійскій приказъ, бывшій въ Москвѣ, устроенъ былъ для завѣдыванія разбойниками! И цари, утверждая избраннаго гетмана, утверждали разбойничьяго атамана! Такъ выходитъ по рѣшенію г. Кулиша.

Въ этомъ сравненіи казачества съ разбойниками, г. Кулишъ взялъ себѣ въ помощь смѣшеніе казачества городоваго съ запорожцами; у послѣднихъ, дѣйствительно, случались событія не только похожія на разбои, но и признаваемыя такими въ свое время; однако при этомъ не надобно упускать изъ вида, во первыхъ, того, что такія событія были единичными и обыкновенно преслѣдовались самимъ же запорожскимъ кошевымъ начальствомъ; во вторыхъ, что Запорожье хотя состояло подъ властію гетмана, но постоянно между запорожцами существовала партія, стремившаяся къ неповиновенію и какъ бы къ обособленію Запорожской Сѣчи отъ гетманщины. Да и въ нравахъ и обычаяхъ у запорожцевъ образовались различія отъ гетманщины дотого замѣтныя, что, говоря о казакахъ, смѣшивать гетманскихъ казаковъ съ запорожцами не всегда умѣстно въ видахъ историческо-научной истины.

Г. Кулишъ до такихъ парадоксовъ доходитъ, что пѣсни историческо-казацкія называютъ разбойническими. Это, впрочемъ, дѣло его вкуса. Это значитъ только, что эти пѣсни, которыми онъ восхищался прежде, потеряли для него свою цѣну и поэтическое достоинство.

По нашему мнѣнію, въ пѣсенности малорусской чрезвычайно мало собственно разбойничьихъ пѣсенъ въ сравненіи съ великорусскою. Г. Кулишъ недоволенъ мнѣніемъ тѣхъ, которые заявляютъ, что „русскій народъ въ пѣсняхъ поминаетъ разбойниковъ не съ отвращеніемъ, а съ сочувствіемъ“ (№ 6, стр. 124). Что же дѣлать, когда именно такъ и есть? Отчего это такъ—объ этомъ могли бы мы наговорить много, но думаемъ, что этотъ вопросъ сюда не идетъ, такъ какъ мы толкуемъ съ г. Кулишемъ о казакахъ, а не о разбойникахъ; мы же ни въ какомъ случаѣ разбойниковъ и казаковъ, какъ сословіе, не смѣшиваемъ.

Какъ на верхъ несообразностей у г. Кулиша мы укажемъ на такіе отзывы: „Казаки были самые вредные для общества соціалисты, коммунисты и нигилисты“—и та же мысль повторяется въ иныхъ выраженіяхъ въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ: „Они (польскіе баниты) дали казачеству его коммунистическій и нигилистическій закалъ (№ 3, стр. 357). Усиливалась казацко-нигилистическая пропаганда отрицанія всего того, чѣмъ государство держится (ibid., стр. 358). Днѣпровцы начали свои бунты съ того, чтобы на мѣсто королевскаго присуда поставить свой собственный коммунистическій, нигилистическій присудъ“ (№ 6, стр. 113). Но выраженія „коммунисты и нигилисты“ относятся къ явленіямъ нашего времени, совершенно чуждымъ тому періоду исторіи, когда дѣйствовали казаки: это продуктъ общества, имѣющаго литературу, движимаго разными ученіями и теоріями объ общественномъ строѣ, распространяющимися въ публикѣ и опровергаемыми путемъ печати, чего вовсе не было во времена казачества. Смѣшивать названія двухъ различныхъ обществъ—значитъ путать понятія и искушать читателей къ составленію неправильныхъ взглядовъ и на то и на другое общество разомъ. Г. Кулишъ, какъ видно, не взлюбилъ равно и казаковъ XVII и XVIII вѣковъ и нашего вѣка мечтателей, обзываемыхъ коммунистами, соціалистами, нигилистами, радикалами; онъ воленъ громить и тѣхъ и другихъ, только не долженъ смѣшивать однихъ съ другими. Есть охота г. Кулишу явиться въ видѣ обличителя нашихъ составителей теорій, признаваемыхъ вредными,—тогда пусть не трогаетъ казаковъ; а если желаетъ изслѣдовать исторически судьбу и бытъ казаковъ, то пусть на ту пору оставитъ въ покоѣ коммунистовъ, соціалистовъ, нигилистовъ и всякихъ теористовъ современнаго намъ вѣка.

Разражаясь злобой противъ казаковъ прошлаго времени, г. Кулишъ изливаетъ ту же злобу и на близкихъ къ нашему времени, даже на тѣхъ, къ кругу которыхъ принадлежалъ самъ. Онъ не оставилъ безъ глумленія Шевченка („Рус. Арх.“, № 3, стр. 365. № 6, стр. 151), того самаго Шевченка, предъ которымъ когда-то поклонялся въ „Основѣ“; тогда уже многіе, уважавшіе талантъ Шевченка, находили восторги г. Кулиша чрезмѣрными,—этого же самаго Шевченка музу уже въ своей „Исто-

ріи возсоединенія“ г. Кулишъ заклеймилъ эпитетомъ „пьяной“. Если г. Кулишъ измѣнилъ свои прежнія убѣжденія и симпатіи, то всетаки было бы желательно, чтобъ онъ теперь обращался съ бо̀льшею снисходительностію къ памяти лицъ, которымъ прежде оказывалъ любовь и уваженіе. Теперь же онъ невольно напоминаетъ тѣхъ средневѣковыхъ монаховъ-фанатиковъ, которые, подъ вліяніемъ христіанскаго благочестія, истребляли произведенія искусствъ, поэзіи и наукъ, созданныя въ языческія времена, и дѣлали это потому только, что видѣли въ нихъ почитаніе ложныхъ божествъ.

Почтенный издатель „Русскаго Архива“, напечатавши въ своемъ журналѣ статью г. Кулиша, въ томъ же № 6, гдѣ эта статья окончена, помѣстилъ выписку изъ дневника Ю. Ѳ. Самарина, составляющую отзывъ послѣдняго о книгѣ П. А. Кулиша—„Повѣсть объ украинскомъ народѣ“,—книгѣ, названной Ю. Ѳ. Самаринымъ мастерскимъ, прекрасно написаннымъ очеркомъ исторіи Украины. Достойно замѣчанія, что Самаринъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, положившихъ вкладъ въ умственную жизнь русскаго общества, вовсе далекъ былъ отъ возникшаго стремленія во что бы то ни стало сдѣлать всѣхъ русскихъ похожими какъ двѣ капли воды на одинъ типъ москвича: Самаринъ, какъ оказывается, не склоненъ былъ подозрѣвать въ любви малоруссовъ къ своему родному тайныя тенденціи къ сепаратизму, какъ и не клеймилъ напрасно прошлаго Малороссіи и не считалъ гетманщины разбойничьею шайкою. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ:

«Пусть же народъ украинскій сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремленій; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ. Но въ то же время пусть онъ помнитъ, что историческая роль его—въ предѣлахъ Россіи, а не внѣ ея, въ общемъ составѣ государства Московскаго, для созданія и возвеличенія котораго такъ долго и упорно трудилось великорусское племя, для котораго принесено имъ было такъ много кровавыхъ жертвъ и понесено страданій, невѣдомыхъ украинцамъ; пусть помнитъ, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, однимъ словомъ, хранитъ, не искажая его, завѣтъ своей исторіи и изучаетъ нашу» (стр. 232).

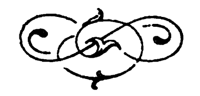
Какія золотыя слова, какъ много въ нихъ выражено правды и гуманности! Не въ примѣръ больше, чѣмъ въ злобныхъ филиппикахъ противъ казачества бывшаго патріарха украинофиловъ!

Декабрь 1877 г. **Н. И. Костомаровъ.**

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ

ПОЭМА

ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.



АКША.

1840—1842.

Посвящаю Вельтману.

Милостивый государь! Лично ни вы меня, ни я васъ не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Но столько вы мнѣ извѣстны, какъ человѣкъ и оригинальный писатель, что я счелъ бы просто глупостью, если бы передъ словами: Милостивый Государь (за которыми даже нѣтъ вашего святаго имени и отчества, потому что я ихъ никогда не слыхалъ) я написалъ господину Вельтману. Вы также мало господинъ, какъ Апулей или Лукіанъ, какъ Сервантесъ или Гофманъ, какъ между нашими земляками, хотя и въ другомъ совершенно родѣ, Державинъ, Жуковскій, Пушкинъ. Вы этого, можетъ быть, по своей скромности, еще не хотите знать: такъ позвольте же, чтобъ человѣкъ, который вамъ ни другъ, ни братъ, ни сватъ, вамъ объ этомъ объявилъ. Вмѣстѣ примите, милостивый государь, мои отрывки: я вамъ ихъ посвящаю, потому что не знаю чѣмъ инымъ отблагодарить васъ за удовольствіе высокое и живое, какое доставили мнѣ ваши сочиненія. Въ нихъ мысли, а мысли нашей многославной литературы—дѣло не послѣднее. Вашъ покорный слуга Неизвѣстный [В. К. Кюхельбекеръ].

1842 г.

Примѣчаніе. Вильгельмъ Кюхельбекеръ род. въ 1797 г. воспитывался вмѣстѣ съ А. С. Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицеѣ (1811—1817); по выходѣ изъ лицея, посвятилъ себя литературѣ и педагогикѣ. Въ 1826 г., за участіе въ смутѣ 14-го декабря 1825 г. заточенъ въ крѣпость, а въ 1835 г. отправленъ въ Сибирь на поселеніе. Умеръ въ Тобольскѣ 11-го августа 1846 г. Біографія Кюхельбекера, переписка, выдержки изъ дневника и нѣкоторыя стихотворенія напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875, томы XIII и XIV.

Ред.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ

ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Напечатанные здѣсь [1]) вмѣстѣ отрывки поэмы Агасверъ собственно не иное что, какъ разрозненныя звѣнья безконечной цѣпи, которую можно протянуть черезъ всю область исторіи Римской имперіи, среднихъ вѣковъ и новыхъ до нашихъ дней. Это собственно не поэма, а планъ, рама и вмѣстѣ образчикъ для поэмы всемірной; авторъ представленныхъ здѣсь отрывковъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ быть просто редакторомъ, по крайней мѣрѣ, между своими соотечественниками, хоть малой части столь огромнаго созданія. Агасверъ путешествуетъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ Байроновъ Чайльдъ Гарольдъ изъ одного государства въ другое; передъ нимъ рисуются событія, и неумирающій странникъ на нихъ смотритъ, не безпристрастно, не съ упованіемъ на радостную развязку чудесной драмы, которую видитъ, но какъ близорукій сынъ земли, ибо онъ съ того началъ свое поприще, что предпочелъ земное—небесному. Небо, разумѣется, всегда и вездѣ право; Промыслу нечего передъ нами оправдываться; но не забудемъ же и мы, что если не простремъ взора объ онъ полъ гроба въ область свѣта, истины, духа,—мы никогда лучше Агасвера не постигнемъ святую правду Божію и жребій нашъ при послѣднемъ часѣ нашей жизни—непремѣнно отчаяніе, какъ скорбный жребій послѣдняго человѣка, умирающаго въ окончательномъ отрывкѣ нашей поэмы въ объятіяхъ нетлѣннаго, страшнаго странника.

В. К. Кюхельбекеръ.

---

[1]) Кюхельбекеръ полагалъ видѣть свою поэму напечатанною, но лишь 32 года спустя по его кончинѣ она является въ печати на судъ уже не современниковъ его а, потомства. **Ред.**

I.

Видалъ-ли ты, какъ вѣтеръ предъ собою
По небу гонитъ стадо легкихъ тучъ?
Одна несется быстро за другою
И солнечный перенимаетъ лучъ,
И кроетъ поле мимолетной тѣнью;
За тѣнью тѣнь найдетъ на горы вдругъ,—
Вдругъ нѣтъ ея, вновь ясно все вокругъ,
Свѣтило дня, послушное велѣнью
Создателя, надъ облачной грядой
Паритъ, на землю жаръ свой благодатной
Льетъ съ высоты лазури необъятной
И, блеща, продолжаетъ подвигъ свой.
За племенемъ такъ точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за вѣкомъ вѣкъ:
Не тѣнь-ли та же гордый человѣкъ?
Людей съ лица земли стираетъ время,
Вотъ какъ ладонь бы стерла со стекла
Паръ отъ дыханья; годы ихъ дѣла
Уносятъ, какъ струя тотъ слѣдъ уноситъ,
Который рябитъ воду, если броситъ
Дитя, рѣзвясь, съ размаху всей руки
Скользящій, гладкій камень въ токъ рѣки.

Взгляни: стоитъ хозяйка молодая
И вотъ, любимцевъ съ кровель созывая,
Имъ сыплетъ щедрой горстью кормъ она;
На зовъ ея, на шумный дождь пшена,
Подъемлются, другъ друга упреждая,
Спѣшатъ, и въ мигъ къ владычицѣ своей
Зеленыхъ, бѣлыхъ, сизыхъ голубей
Слетается воркующая стая....
Подобны имъ мечты слетаютъ въ умъ,
Подобны имъ толпятся въ немъ картины,
Когда склоню пугливый слухъ на шумъ
Огромныхъ крыльевъ Ангела кончины.

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ:
Они сокрылись,—я одинъ въ пустынѣ.
И вдругъ мою печаль смѣняетъ страхъ,

Вступаетъ въ мозгъ костей студеный трепетъ,
Дрожащихъ устъ невнятный, слабый лепетъ
Едва промолвить можетъ: «тотъ же прахъ,
Такой же гость ничтожный и мгновенный
За трапезой земнаго бытія,
Такой же червь, какъ всѣ окрестъ, и я.
Часы несутся: вскорѣ во вселенной
Не обрѣтутъ и слѣда моего;
И я исчезну въ лонѣ Ничего,
Изъ коего для бѣдъ и на истлѣнье
Я вызванъ Рокомъ на одно мгновенье».
Увы, единой Вѣрѣ власть дана
Въ виду глухаго, гробоваго сна
Спокоить, укрѣпить, утѣшить душу:
Блаженъ, чей вождь въ селеньѣ звѣздъ она!
«Нѣтъ! Своего подобья не разрушу,—
Такъ страху нашихъ трепетныхъ сердецъ
Ея устами говоритъ Творецъ,—
Потухнутъ солнца, сонмы рати звѣздной,
Какъ листья съ древа, такъ падутъ съ небесъ
И бѣгъ прервется міровыхъ колесъ,
Земля поглотится, какъ капля, бездной
И, будто риза, обветшаетъ твердь.
Но мысль—Мой образъ: мысли ли нетлѣнной
Млѣть и дрожать? Ей что̀ такое смерть?
Надъ пепломъ догорающей вселенной,
Надъ прахомъ всѣхъ распавшихся міровъ,
Она полетъ направитъ дерзновенный
Въ Мой домъ, въ страну родимыхъ ей духовъ».

Безсмертья свѣтлаго наслѣдникъ,—я ли
Пребуду сердцемъ прилѣпленъ къ землѣ?
Къ ея обманамъ, призракамъ и мглѣ,
Къ утѣхамъ лживымъ, къ суетной печали
И къ той ничтожной, горестной мечтѣ,
Напитанной убійственной отравой,
Которую въ безумной слѣпотѣ
Мы называемъ счастьемъ или славой?
Смежу ли очи я, когда прозрѣлъ?
Надеждъ моихъ, желаній всѣхъ предѣлъ
Ужель и нынѣ только то, что̀ можетъ
Мнѣ дать юдоль страданья и суетъ?
Или души плѣненной не тревожитъ
Тоска по томъ, чего подъ солнцемъ нѣтъ?

Не пышенъ, но пространенъ и спокоенъ,
Домъ Агасвера при пути построенъ,
Который вьется, будто длинный змѣй,
Изъ стѣнъ Сіонскихъ на тотъ холмъ Костей [1],

Куда, толпою звѣрской окруженный,
Въ послѣдній день своихъ несчастныхъ дней,
Идетъ, бывало,—казни обреченный.
Съ писаній Маккавеевъ Агасверъ
Подъемлетъ взоры: вечеръ; дня свѣтило
Свой рдяный ликъ на мигъ опять явило;
Но черный облакъ быстрый ходъ простеръ
И преждевременною тьмою нощи
Грозитъ задернуть холмъ, и долъ, и рощи,
И градъ, то погасающій, то вдругъ
Златимый бѣглымъ блескомъ. Мраченъ югъ,
Востокъ и сѣверъ мракомъ покровенны,
И нити мрака, вѣтромъ окрыленны,
По тверди тянутся; вотъ и закатъ,
Мгновенье каждое затканный болѣ,
Темнѣетъ, тускнетъ; потемнѣло поле;
Весь міръ безцвѣтной ризой мглы объятъ.
Вдругъ молнія;—протяжный громъ грохочетъ,
Отзывомъ повторился перекатъ;
Иной сказалъ бы: это бѣсъ хохочетъ
Надъ ужасомъ трепещущей земли.
Не умираетъ гулъ въ глухой дали:
Имъ, возрожденнымъ безпрестанно снова,
Трясется безпрестанно горъ основа.
Склонилъ чело на жилистую длань
И, молча, смотритъ Іудей на брань
И внемлетъ крику бѣшенства мятежныхъ
Стихій, бойцовъ въ поляхъ небесъ безбрежныхъ.
Съ какой-то томной радостію слухъ
Печальнаго впиваетъ рѣчи грома:
Изъ персей рвется жизнь его, влекома
Призывомъ ихъ; ненасытимый духъ
Дрожитъ и алчетъ сочетаться съ ними
И въ даль стремится, въ безпредѣльный путь,
И крыльями разверстыми своими
Тѣснитъ его стонающую грудь.
Но онъ не понялъ, чадо ослѣпленья,
Души своей святаго вожделенья,
На всѣ вопросы сердца тамъ отвѣтъ,
Единственный, отрадный, непреложный.
Его зоветъ и манитъ вѣчный свѣтъ,
А взоры онъ вперяетъ въ прахъ ничтожный.
Къ землѣ уныніе гнететъ его;
Онъ такъ вѣщаетъ: «Солнце дня сего!
Подобье ты минувшей нашей славы:
Какъ ночь простерлась надъ лицомъ твоимъ,
Такъ на лицо Давидовой державы
Всепожирающій, ужасный Римъ
Набросилъ ночь орловъ своихъ крылами!

Взойдешь и заблестишь заутра ты,
Сразишь побѣдоносными лучами,
Разгонишь свѣтомъ рати темноты.....
Но мы, мы позабыты Небесами!
Намъ дня не будетъ..... Строгій Іоаннъ
Лишь обличалъ неправды жизни нашей,
Лишь громъ металъ на злобу, на обманъ,
Намъ лишь грозилъ Господня гнѣва чашей;
Вотще мы вопрошали: «или ты
Обѣтованный царствія наслѣдникъ?»
Отъ имени пророка проповѣдникъ
Отрекся даже.—Тутъ изъ темноты,
Изъ Галилеи, области презрѣнной,
Смѣшеньемъ съ кровью чуждой помраченной [2]),
Великій громъ за молніей своей,
За Іоанномъ, Онъ, непостижимый,
Превознесенный, славимый—гонимый,
Исшелъ—и поразилъ сердца людей!
И нынѣ третій годъ,—и вотъ нѣмые
Пріемлютъ рѣчь, пріемлютъ свѣтъ слѣпые,
Глухіе паки обрѣтаютъ слухъ,
И удержать заклепы гробовые
Не могутъ мертвыхъ, и нечистый духъ
Неодолимымъ словомъ изгоняемъ...
Сомнѣніемъ я долго былъ смущаемъ,
Но наконецъ, благоговѣя, рекъ:
«Нѣтъ! Онъ не намъ подобный человѣкъ;
Онъ Тотъ, Кого отъ Бога ожидаемъ!»
—«Почто же медлитъ? Скоро-ль, скоро-ль Онъ
Вѣнецъ Давида на себя возложитъ,
Шагнетъ—и власть языковъ уничтожитъ
И свободитъ поруганный Сіонъ?»

И всталъ и предъ усиленной грозою
Отходитъ въ храмину, но не къ покою,
А да питаетъ въ лонѣ тишины
Обманчивые, дерзостные сны.

Кто тамъ, путемъ потопленнымъ и позднымъ
Точа съ развитыхъ кудрей и брады,
Напитанной дождемъ, ручьи воды,
Идетъ, спѣшитъ подъ завываньемъ грознымъ
Свистящихъ вѣтровъ, яростныхъ громовъ?
Подъ Агасверовъ непріютный кровъ,
До возрожденья сладостной лазури,
Кто уклониться пожелалъ отъ бури?
Его увидѣлъ съ прага Агасверъ,
Стоитъ и смотритъ; руку тотъ простеръ,
Рукою машетъ, и, сдается, крылья

Ногамъ хотятъ придать его усилья.
Въ туманъ ненастья мещетъ Іудей
Пришельца испытующія очи,
И вотъ, среди взволнованныхъ зыбей
Борьбой стихій усугубленной ночи,
Нечуждыя одежду, поступь, станъ
Распознаетъ: такъ точно! то Наѳанъ—
Всѣхъ тайнъ его участникъ, всѣхъ совѣтовъ,
Клевретъ ему дражайшій всѣхъ клевретовъ,—
И къ страннику на встрѣчу Іудей
Бросается, заботою подвинутъ,
И нудитъ съ лаской подъ навѣсъ дверей;
Изъ ризы влагу, отъ которой стынутъ
Трепещущіе члены пришлеца,
Желаетъ выжать; но, не отраженный
Защитой дома, льяся безъ конца,
Ему смѣется дождь.
За прагъ священный
Шагнули; съ гостя плащъ тяжелый снятъ,
И вотъ они за трапезой сидятъ.
Ужъ чашу трижды, не прервавъ молчанья,
Другъ другу передали; наконецъ,
Вперивъ на брата быстрый взоръ, пришлецъ
Простеръ къ нему крылатыя вѣщанья:
— «Ужели не речешь мнѣ ничего?
Ты что безмолвствуешь въ нѣмой кручинѣ
И какъ не вопрошаешь о причинѣ
Прихода въ домъ твой друга своего?»
Отъ губъ отъемля кубокъ позлащенный,
Тотъ молвить хочетъ, но узрѣлъ въ очахъ
Наперсника восторгъ неизреченный,—
Слова въ отверстыхъ замерли устахъ.
—«Да смолкнутъ,—гость воскликнулъ,— наши пени!
«Другъ, братъ мой! склонимъ передъ Святымъ колѣни!
Я зрѣлъ Его въ Виѳаніи: всѣхъ насъ,
Свидѣтелей неслыханному чуду,
Объялъ священный трепетъ... Длить не буду
Повѣствованья—знай: Мессіинъ гласъ
Воззвалъ отъ мертвыхъ Лазарево тѣло;
Оно четвертый день въ гробницѣ тлѣло,
Оно уже распространяло смрадъ;
Но душу выдалъ побѣжденный Адъ:
Живъ Лазарь!—Господомъ благословенный,
Грядетъ, народа тьмами окруженный,
Грядетъ Давидовъ сынъ въ Давидовъ градъ!
О, Агасверъ! ты жаждалъ дня избавы—
Насталъ! насталъ!—раздайтесь, пѣсни славы!»

Когда до матери дойдетъ молва
Такая: «Мать, твой сынъ погибъ во брани!»

Какъ цвѣтъ подкошенный, ея глава
Падетъ на перси; длань, прильнувъ ко длани,
Оледенѣетъ; скорбью сражена,
Лежитъ безъ чувства на одрѣ она,
А лишь откроетъ свѣту солнца вѣжды
Снѣдается воскресшею тоской—
Но вдругъ отъ брата слышитъ: «лучъ надежды!
«Невѣрны вѣсти»; жадною душой,
Несытымъ сердцемъ сладость упованья
Въ себя вбираетъ горестная мать;
Межъ тѣмъ ее колеблютъ содроганья:
Недужная не въ силахъ не рыдать.
Подобно въ бурныхъ персяхъ Агасвера
Сражаются сомнѣніе и вѣра.
Но напослѣдокъ побѣдилъ Наѳанъ,
И вотъ ихъ умъ мечтами обуянъ!—
Одна другую въ бѣгѣ упреждая,
При легкомъ, свѣжемъ, быстромъ вѣтеркѣ,
Струи бѣгутъ и мчатся по рѣкѣ;
Такъ точно и слова, не изсякая,
Спѣшатъ безъ отдыха изъ устъ друзей,
И ихъ надежда дерзкая, слѣпая
Несется по потоку ихъ рѣчей.
Съ мечтами ихъ сравнятся лишь созданья
Главы, жегомой яростнымъ огнемъ,
Неистовствомъ свирѣпаго страданья:
Больной, безсильный утопаетъ въ немъ;
А между тѣмъ предъ нимъ поетъ и пляшетъ
Фантазія, сестра нѣмаго сна,
Порхаетъ и жезломъ волшебнымъ машетъ
И, вымысловъ безчисленныхъ полна,
За мигъ одинъ, быть можетъ, до кончины
Чертитъ предъ нимъ грядущаго картины!

Но вотъ зажглась веселая заря
На искупавшейся дождемъ лазури;
Минула ночь и, вмѣстѣ съ ночью, бури...
Встаютъ и, да привѣтствуютъ Царя,
Нетерпѣливымъ рвеньемъ пламенѣя,
Изъ дома вышли оба Іудея;
Идутъ—и стали вдругъ: стоустный гулъ
Летящихъ къ небу кликовъ ликованья
По быстрымъ хлябямъ вѣтрова дыханья
Ихъ алчущаго слуха досягнулъ.
Взошли на холмъ,—и сонмъ необозримый
Явился взорамъ ихъ съ того холма:
Волнуется народу тьма и тьма—
И се—грядетъ Онъ Самъ, превозносимый,
Благословляемый восторгомъ тѣхъ,

Которымъ будетъ Онъ въ соблазнъ и смъ,
Которыхъ нынѣ радостные лики
Поютъ: «осанна!»—но настанутъ дни,
И близки,—ихъ же яростные крики
Возопіютъ: «распни Его! распни!»—

Уже они вступили въ стѣны града,
И Агасверъ мечтаетъ: «нынѣ чада
Израиля провозгласятъ Его;
Онъ сниметъ плѣнъ съ народа Своего!»
Но, узъ инаго плѣна разрѣшитель,
Христосъ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ:
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Предъ коимъ въ страхѣ обращаютъ тылъ
Полки враговъ,—нѣтъ, скорбныхъ утѣшитель,
Безсмертныхъ истинъ кроткій возвѣститель,
Недужныхъ другъ и врачъ больныхъ сердецъ.

И что же? соблазняется слѣпецъ;
Еврей тупой, строптивый и безумный
Едва удерживаетъ ропотъ шумный;
Но ждетъ еще и молвилъ: «Онъ въ ночи
Велитъ избранникамъ и приближеннымъ
На супостатовъ обнажить мечи,
Или друзьямъ, быть можетъ, отдаленнымъ
Даруетъ время къ подвигу поспѣть,
И съ ними на противниковъ безпечныхъ
Нечаянно и вдругъ накинетъ сѣть».
Въ надеждѣ, въ страхѣ, въ мятежахъ сердечныхъ
Проходитъ для него другая ночь:
«Онъ скоро-ли рѣшится намъ помочь?»
Нѣтъ, и не мыслитъ возвратить свободу
Спаситель всѣхъ Адамовыхъ сыновъ
Нетерпящему временныхъ оковъ,
Но къ вѣчнымъ равнодушному народу!
Тутъ сыну праха Божій Сынъ постылъ:
И вотъ, угрюмъ и гнѣвенъ и уныль,
Лишась надежды, суетный и лживый,
Христа покинулъ Агасверъ кичливый.—
Въ самомъ Христѣ одну свою мечту
Онъ обожалъ; онъ плакалъ отъ утраты,
Его восторгъ былъ только блескъ крылатый,
Который, разрывая темноту,
Средь черныхъ тучъ ненастной, грозной ночи
Мелькнетъ, сверкнетъ въ испуганныя очи—
Вдругъ нѣтъ его, исчезъ пустой призракъ
И вслѣдъ надъ потрясенными горами
Ревутъ, грохочутъ громы за громами,
И сталъ еще мрачнѣе прежній мракъ.

И вотъ, смущаемъ адскими духами,
Отступникъ въ сердцѣ обращаетъ грѣхъ,
И на устахъ его безчеловѣчный,
Въ самомъ безмолвіи ужасный, смѣхъ—
Изобличитель ярости сердечной.

Пришелъ Наѳанъ на третій день къ нему
И молвилъ:—«въ Каіафиномъ дому
Сбираются и умышляютъ ковы
Жрецы и книжники, враги Христовы».
А онъ—ни слова, мрачный и суровый;
Его уста язвительно молчатъ;
Онъ, мнится, мразомъ мертвеннымъ объятъ.
Не удивленъ наперсникъ: вѣдь къ печали
Тяжелой Агасверовой привыкъ
И вѣдаетъ, страданья налагали
Всегда оковы на его языкъ.
Но что-бы было, ежели бы ясно
И вдругъ разоблачилося предъ нимъ,
Что давитъ такъ безгласно, такъ ужасно
Того, кто сердцемъ породнился съ нимъ?

Въ четвертый день, весь искаженъ испугомъ,
Ногами слабыми едва несомъ,
Какъ человѣкъ, предъ коимъ съ неба громъ
Ударилъ въ землю, другъ предсталъ предъ другомъ,
Упалъ на ложе и, лишенный силъ,
Въ слезахъ, трепеща, съ воплемъ возопилъ:
— «Сбылось! сбылось! увы! на смерть, на муки,
Влекутъ Его злодѣи: преданъ! взятъ!
Его Іуда предалъ! Лицемѣры
Въ безбожной радости не знаютъ мѣры:
Ему за срамъ свой нынѣ отомстятъ,
Ему за слово каждое отплатятъ!
И времени свирѣпые не тратятъ:
Я видѣлъ, Онъ ужъ ими приведенъ
Къ намѣстнику на судъ; а наущенъ
Коварными, злохитрыми жрецами,
Народъ реветъ, стекаяся толпами:
«Смерть, смерть Ему! Онъ смерти обреченъ!»

Какъ столпъ огня, который, рдянъ и страшенъ,
Средь темноты, средь тишины ночной,
Когда надъ градомъ гибельный покой,
Поднимется и взыдетъ выше башенъ,—
Такъ грѣшникъ вспрянулъ, блѣденъ, мраченъ, дикъ,
И вотъ издалъ, трясяся, звѣрскій крикъ
(Въ томъ, крикѣ хохотъ, визгъ, и стонъ, и скрежетъ,
И, словно вопль казнимыхъ, душу рѣжетъ).
Потомъ подходитъ къ другу своему

И смотритъ на него, какъ житель ада,
И съ смѣхомъ повторяетъ: «смерть Ему
И да не явится Ему пощада!»—
Дрожа, отпрянулъ отъ него Наѳанъ,
И мыслитъ: «сонъ ли безобразный вижу?»
Но, лютымъ бѣснованьемъ обуянъ
«Безумца»,—тотъ лепечетъ,—«ненавижу!
Онъ могъ—но разгадать Онъ не умѣлъ
Сердецъ народа.... Смерть и поношенье
Да будетъ вѣчно всякому удѣлъ,
Кто насъ введетъ въ безплодное прельщенье!»

И бѣшенный не кончилъ буйныхъ словъ,
Какъ вдругъ отъ стука, топота и гула,
Отъ грохота брящающихъ щитовъ,
Потрясся воздухъ и земля дрогнула:
Идетъ, поникнувъ божескимъ челомъ,
Поруганный народомъ легковѣрнымъ,
Растерзанный, согбенный подъ крестомъ,
Подъ бременемъ страданій непомѣрнымъ,
Идетъ Податель жизни къ торжествамъ,
Къ пріятью чистой, невечерней славы,
Туда, гдѣ гордымъ, буйственнымъ очамъ
Единый видится конецъ кровавый,
Гдѣ имъ понятны только смерть и срамъ.
«Увы! ведутъ!»—воскликнулъ посѣтитель,
И замеръ на устахъ дрожащій гласъ.
Но сердце Агасвера духъ губитель
Окаменилъ въ ужасный оный часъ:
Онъ въ двери дома своего исходитъ
И шепчетъ: «покиваю же главой,
Унижу, посрамлю Его хулой!»
И сталъ, и взоръ неистовый возводитъ,
И, жадный, ищетъ жертвы средь толпы.
Въ пути коснѣютъ тяжкія стопы
Спасителя: подъ кровомъ Агасвера
Остановился Онъ. Тогда грѣховъ
Отступника исполнилася мѣра:
Хотѣлъ вѣщать—не можетъ; но безъ словъ
Отъ прага оттолкнулъ, немилосердый,
Того, Кто бы смягчилъ и камень твердый,
Кто шелъ на муку за своихъ враговъ! [3])

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Холмъ или гора Костей, череповъ, въ Славянскомъ текстѣ: краніево мѣсто, у Лютера: Schädelstätte, Κρανιυ τόπος, Γολγοθα—мѣсто казни, нѣсколько стадій или поприщъ отъ Іерусалима.

2. Галилея была населена евреями, но между ними жило множество и самаритянъ, и язычниковъ, между прочимъ, и галлатовъ или азіатскихъ галловъ—остатокъ отъ нашествія галловъ при второмъ Бреннѣ.

3. Если поэтъ не довольно ясно высказалъ то, что̀ хотѣлъ сказать этимъ отрывкомъ, такъ пусть это замѣчаніе въ прозѣ доскажетъ его мысль. Въ такомъ: пусть, можетъ быть, болѣе самоотверженія, чѣмъ бы то иной думалъ.—Замѣчаніе въ прозѣ, разъясняющее цѣлую поэму или, по крайней мѣрѣ, довольно пространный отрывокъ, въ которомъ есть же нѣчто цѣлое, почти ничто иное, какъ явное признаніе, что мысль въ поэмѣ, въ отрывкѣ, развернута неудовлетворительно; а легко ли для самолюбія стихотворца признаться въ подобномъ промахѣ? Конечно, тутъ можно бы было и сказать кое-что въ защиту этой неясности, этой неудовлетворительности, но—оставимъ: авторъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, болѣе дорожитъ своею мыслію, чѣмъ стихотвореніемъ, въ которомъ она—хорошо ли, худо ли—изложена. «Воздадите Кесарева—Кесареви, а Божія Богови». Отъ святыни, отъ человѣковъ Божіихъ не требуйте никогда и ничего, что не до нихъ касается: пусть религія не будетъ для васъ никогда средствомъ для достиженія мірскихъ цѣлей, какъ бы, впрочемъ, эти цѣли ни были благородны и высоки. Даже тѣ, которые, напримѣръ, какъ испанское духовенство въ войну съ Наполеономъ, употребляли вѣру для воспламененія любви къ Отечеству и ненависти къ чужеземному владычеству, всетаки унижали ея чистую святость—и въ своихъ понятіяхъ не слишкомъ разнствовали отъ утилитарнаго богохульства нѣкоторыхъ философовъ XVIII-го вѣка, говорившихъ, что религія—очень недурная выдумка для обузданія глупой черни.

В. К.

II.

Сіонъ лежалъ въ осадѣ; оскверненный
Убійствомъ и нечестьемъ, градъ священный
Подъ пыткою кровавой умиралъ.
Евреевъ буйныхъ дикій гладъ снѣдалъ
И вызвалъ въ жизнь чудовищное дѣло
(Злодѣи даже вздрогли отъ него):
Зарѣзала младенца своего,
Сожрать рѣшилась трепетное тѣло
Роднаго сына мерзостная мать [1]).

Былъ третій годъ въ исходѣ. Ночь нѣмая
Едва могла расторгнуть съ ратью рать:
Ногами груды труповъ попирая,
Вторгаясь въ стѣны, пламени предать
Святыню порывалися трикраты
Когорты римскія; едва самъ Титъ [2])
Ихъ удержалъ. Заутра запретитъ,
Но глухи будутъ: шлемы ихъ и латы
Не красная денница озлатитъ,—
Ужасная неслыханная кара
Ихъ въ кровь одѣнетъ свѣточемъ пожара.
И было ужъ за полночь: освѣщалъ
Зловѣщій лучъ кометы темя скалъ,
Дремавшихъ полукругомъ въ темной дали;
Катилъ унылыя струи Кедронъ,
И, мнилось, былъ въ струяхъ тѣхъ слышенъ стонъ,
Онѣ, казалось, въ пасмурной печали
О гибели Израиля рыдали.
Въ послѣдній разъ предъ смертью тяжкій сонъ
Смежилъ народу страждущія вѣжды,
Лишенному и силы и надежды.

Близъ храма, на развалинахъ забралъ
Твердыни рухнувшей, которой далъ
Антоній имя [3]),—въ думы погруженный,
На стражѣ юный іудей стоялъ,
Сухой, какъ остовъ, блѣдный, изнуренный
И бдѣньемъ, и неистовой нуждой,
И битвой; а когда-то красотой
И мощью и породою высокой
Былъ знаменитъ Іосифъ черноокій.
И съ нимъ бесѣдовалъ другой Еврей—
Не воинъ, жрецъ ли или фарисей,
А только безъ меча и сбруи бранной,
Средь тьмы всеобщей, въ грозной тишинѣ,
Въ кидарѣ [4]), въ ризѣ бѣлой и пространной,

Пришелъ онъ по изъязвленной стѣнѣ,
Мелькая, словно призракъ полуночи.
И вдругъ изъ мрака огненныя очи,
Угрюмъ, таинственъ, въ юношу вперилъ
И ставъ: «о чемъ мечтаешь?» вопросилъ.
«Увы!»—воскликнулъ витязь черноокій,
Тебя не знаю; мнѣ твои черты
Невѣдомы; однако молвлю: ты
Быть долженъ мужъ безжалостно жестокій....
Скажи мнѣ: бѣдныя мои мечты
Что сдѣлали тебѣ? Зачѣмъ ихъ чары
Разрушить было? Я такъ счастливъ былъ!
Забыты были ужасы и кары;
Грустя безъ боли, сладостно уныль,
Былъ ими унесенъ я въ глубь былаго!
Я былъ въ Саронѣ: чуждый битвъ и грозъ,
Въ наслѣдьи моего отца сѣдаго
Бродилъ я тихо вдоль ручья живаго,
Подъ сѣнью нашихъ пальмъ и нашихъ лозъ;
Не видя труповъ и не слыша стона,
Внималъ я трелямъ соловья Сарона
И душу обонялъ Саронскихъ розъ,
Родныхъ мнѣ, славныхъ въ пѣсняхъ Соломона [5])
Любовь забудешь тамъ, гдѣ стынетъ кровь,
Гдѣ брань и гладъ, мятежъ и моръ пируютъ;
Но пусть меня безумцемъ именуютъ
(Повѣришь ли?), я вспомнилъ и любовь!
Сдавалось, будто мечъ принявъ впервыя,
Готовлюсь стѣны защищать святыя
И разстаюсь, сдавалось, съ милой я...
Клянусь, пришелецъ! предо мной стояла
Моя Деввора, свѣтъ мой, жизнь моя,
Такъ точно, какъ когда, замлѣвъ, упала
На грудь мою и простонала: «другъ,
«Прости на вѣки: нѣтъ тебѣ возврата!»
Ахъ! знать, была предвѣдѣньемъ объята
Душа любезной: въ мой родимый кругъ,
Въ ея объятья, мнѣ изъ бойни ратной
На вѣки отнять, запертъ путь обратный;
Заутра черви ждутъ насъ, мракъ и тлѣнъ,
Всѣ мы умремъ заутра».—«Тотъ блаженъ,
Кто умираетъ»,—рекъ пришелецъ; «всѣ вы
Умрете, счастливыя дѣти Еввы,
А тотъ, кто не умретъ,—увы ему!»—
И замолчалъ.

Тогда нѣмую тьму
Разрѣзалъ вопль протяжный: «гласъ совсюду,
«Отколѣ вѣтры дышатъ, гласъ грѣха
«На градъ сей и на храмъ, на жениха

«И на невѣсту, на всего Іуду!»
Былъ ужасомъ напитанъ томный вой,
Весь болію проникнутъ, дикъ и страненъ,
Но, нѣкой мощной думой отуманенъ,
Внялъ безъ движенья, хладною душой
Его рыданью мужъ въ одеждѣ бѣлой.
Не такъ Іосифъ; хоть и воинъ смѣлый
И среди сѣчъ, и глада, и заразъ
Взиралъ въ лицо погибели не разъ,
Но весь затрясся,—блѣдный, охладѣлый.
Или впервые бѣдственный привѣтъ
Въ ту роковую ночь услышалъ?—Нѣтъ!
Вотъ даже и вопроса отъ пришельца
Не выждалъ же, а молвилъ: «странникъ, знай:
Не песъ то плачетъ, позабывшій лай,
Безъ пищи, безъ пріюта и владѣльца;
Не стонетъ то и буря нараспѣвъ:
Къ Іудѣ то исходитъ Божій гнѣвъ
Изъ темныхъ устъ простаго земледѣльца.
Его всѣ знаютъ: домъ его стоялъ
На южномъ склонѣ Элеонскихъ скалъ.....
Четыре года до разгара брани
(Въ то время мы еще платили дани,
А только тайно на ночной совѣтъ
Клеврета началъ зазывать клевретъ),
Однажды онъ сказалъ: «Пойду я въ поле»,
И ужъ въ свой домъ не возвращался болѣ,
Исчезъ безъ слѣда.—Вотъ потомъ насталъ
Веселый первый день Седьмицы Кущей [6]),
И на равнинѣ, радостью цвѣтущей,
Народъ внѣ града шумно пировалъ,
Безпечный, подъ роскошными древами.
Вдругъ,—съ чудно искривленными чертами,
Явился онъ средь смѣховъ и забавъ,
Въ очахъ съ огнемъ зловѣщимъ изступленья,
Безгласный, страшный, мнилось, обуявъ
Отъ несказанно тяжкаго видѣнья.
Престали пляски: трепета полны,
Вдругъ поблѣднѣли всѣ средь тишины,
Упавшей будто съ неба—столь мгновенной;
Всѣ взоры на него устремлены:
А онъ стоитъ, движенія лишенный,
Стоитъ и смотритъ, словно ликъ луны,
Живой мертвецъ, безчувственный и хладный;
Въ сердца всѣхъ льется ужасъ безотрадный!
Но вотъ уже усталый день погасъ,
По мановенію десницы ночи,
Безмолвныхъ звѣздъ безчисленныя очи
Проглянули: тогда, въ священный часъ,

Когда земля подъ сѣнью покрывала,
Сотканнаго изъ сна и темноты,
Усталая протяжнѣй задышала,
И смолкли шумъ и рокотъ суеты,—
Въ тотъ часъ онъ ожилъ и на стѣны града
Взошелъ, посланникъ Бога или Ада,
И сталъ ходить и: «васъ Владыка силъ
Отринулъ! горе, горе!»—возопилъ.
Былъ взятъ ночною стражей изступленный,
Съ зарей его къ префекту привели;
Но, вопрошенъ правителемъ земли,
Онъ, какъ кумиръ изъ древа сотворенный,
Какъ трупъ, въ которомъ жизни лучъ потухъ,
Какъ камень, оставался нѣмъ и глухъ.
Предать его свирѣпымъ истязаньямъ
Велѣлъ намѣстникъ.—Что же? мертвъ къ страданьямъ,
Онъ ихъ и не примѣтилъ; утомилъ
Мучителей провидѣцъ. «Ты безумный»,
Рѣшилъ префектъ и вѣдца отпустилъ.
И снова день и суетный и шумный
Предъ матерью таинственныхъ свѣтилъ,
Предъ влажной ночью скрылся за горами,
И снова надъ Израиля сынами
Глашатай бѣдъ и горя возопилъ;
И съ той поры, чудесно постоянный,
Не уступая ни тревогѣ бранной,
Ни ужасу неистовыхъ крамолъ,
На стѣны еженочно онъ восходитъ
И еженочно бѣдственный глаголъ
И на безстрашныхъ страхъ и дрожь наводитъ.
Когда же день займется,—нѣмота
Смыкаетъ блѣдныя его уста,
И онъ ужъ не живетъ, а только дышетъ:
Клянутъ его—стоитъ, молчитъ, не слышитъ;
Ударятъ—даже взоромъ не сверкнетъ;
Предложатъ брашно, скажутъ: «ѣшь во здравье!»
Онъ жретъ, какъ звѣрь, и, не взглянувъ, уйдетъ.
Ему равны и слава, и безславье,
И жизнь, и смерть, и злоба, и любовь,—
И, мнится, въ жилахъ у него не кровь» [7]).

Тутъ воинъ смолкъ, а тихими шагами
Тотъ приближался. Сѣрыми волнами
Трепещущей, невѣрной темноты
Смывались мутныя его черты.
Вдругъ замахалъ засохшими руками,
Сталъ прядать и, дрожа, завбпилъ онъ:
«Увы народу, граду и святынѣ!»
И въ тотъ же мигъ расторгся чуткій сонъ

По всѣмъ холмамъ окрестнымъ и въ равнинѣ,
Покрытой тяготою римскихъ силъ.
И снова онъ и громче возгласилъ:
«Увы народу, граду и святынѣ!»—
И, дня не выждавъ, грозный легіонъ
На новый приступъ ринулся къ твердынѣ:
Вотъ и другой, вотъ третій грозный стонъ,
Ревъ оглушительный со всѣхъ сторонъ—
Глаголъ войны, какъ громъ небесный, грянулъ
И съ скрежетомъ слился.—Весь станъ воспрянулъ.
Насталъ Израилевъ послѣдній бой;
Послѣдній часъ Сіона тьму нѣмую
Вдругъ превратилъ въ денницу роковую,
Въ единый, общій, нераздѣльный вой.
Стрѣламъ на встрѣчу стрѣлы, камню камень
Несутся съ визгомъ; щитъ разбитъ о щитъ,
Мечъ ломится о мечъ; смола кипитъ;
Клокоча, лижетъ домы жадный пламень....
И ужъ въ стѣнахъ Сіона смерть и Титъ
Іосифъ доблестный примкнулъ къ дружинѣ [8])
Сыновъ Исава; бьются; онъ глядитъ—
И чтоже? Книжникъ тотъ или левитъ,
Съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ, утесъ въ пучинѣ,
Безъ брони, безъ щита, предъ нимъ стоитъ.
«Прочь! ты не воинъ: удались, пришелецъ!
«Безъ пользы гибнешь!» юноша вскричалъ;
Но тотъ главою, молча, покачалъ.
А между тѣмъ зловѣщій земледѣлецъ
На нихъ и битву съ высоты забралъ
Смотрѣлъ и не безчувственъ, какъ бывало:
Ужъ нынѣ истребленье не въ зерцало,
Не въ мутный призракъ свой кровавый ликъ
Предъ нимъ изъ-за дрожащей мглы бросало;
Онъ видитъ, явно Самъ Господь приникъ
Съ десницей гнѣвной, грозно вознесенной,
На градъ Свой, запустѣнью обреченный!
Подъ стонъ и громъ, средь дыму и огня,
Подъ дождь багровыхъ искръ, при крикахъ звѣрскихъ,
Слила въ одинъ ужасный комъ рѣзня
Отважныхъ Римлянъ и Евреевъ дерзкихъ.
Борьба стрѣльбу смѣнила,—ножъ, кинжалъ
Смѣнили лукъ и дротикъ. Тотъ, кто палъ,
Еще пяту врага грызетъ зубами;
Другой пронзенъ и на копье подъятъ,
Но гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ и супостатъ:
Вверхъ мечъ вознесъ обѣими руками,
Напрягъ страдалецъ весь остатокъ силъ,
Скрежеща, бьется, вьется, леденѣя,
И.... свистнулъ въ темя своего злодѣя

И шлемъ его и черепъ раздвоилъ.
Вотще!—Сіяніе твоихъ свѣтилъ
Погасло: издыхаешь, Іудея!
Въ твоей крови купаетъ ноги врагъ
И все впередъ, впередъ за шагомъ шагъ,
И вотъ твой храмъ вспылалъ, и вотъ въ твердынѣ
Орелъ,—и сорванъ твой послѣдній стягъ.
«Увы народу, граду и святынѣ!»
Тутъ въ третій разъ загадочный левитъ
Услышалъ; смотритъ: тамъ предъ нимъ лежитъ
Растоптанный Іосифъ черноокій;
Вдругъ, весь въ огнѣ, съ зубца стѣны высокой:
«Увы и мнѣ!»—глашатай бѣдъ завылъ
И въ бездну рухнулъ съ рухнувшей стѣною.
Но цѣлъ левитъ: не сѣнь-ли дивныхъ крылъ
Простеръ Безплотный надъ его главою?
Онъ жаждалъ смерти. Чтожъ? гдѣ пали тьмы,
Гдѣ съ матерями издыхали чада,
Гдѣ взгромоздились мертвыхъ тѣлъ холмы,
Тамъ только одному ему пощада—
Жестокая пощада!—«Спите вы,
«Вы всѣ, потопшіе въ кровавомъ морѣ!»
Такъ онъ промолвилъ: «Горе! горе, горе
«Мнѣ одному! ахъ! живъ я: мнѣ увы!»—

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Объ этомъ ужасномъ дѣлѣ разсказываетъ подробно въ своей исторіи Флавій Іосифъ (котораго, скажемъ мимоходомъ, несправедливо называютъ Іосифомъ Флавіемъ).

2. Титъ, по свидѣтельству того-же историка, не желалъ, чтобы взяли его воины Іерусалимъ приступомъ, потому что хотѣлъ сохранить храмъ, какъ примѣчательный памятникъ зодчества.

3. Цитадель, построенная по приказанію Антонія и носившая его имя.

4. Кидаръ—родъ чалмы.

5. См. книгу: Пѣснь пѣсней, гл. 2, стихъ 1 и слѣдующіе.

6. Седьмица кущей—извѣстный лѣтній праздникъ у іудеевъ.

7. Лицо, которое здѣсь выводится на сцену, не вымышленное. О немъ упоминаетъ Іосифъ, а Евсевій подробно разсказываетъ его исторію: былъ онъ сынъ земледѣльца, по имени Ананія, а самъ звался Іисусомъ. Въ послѣднія 50 лѣтъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторую знаменитость по извѣстному пророчеству Казота.

8. Сыны Исава, т. е. Едомляне или Идумеи, составили дружину и прислали на помощь осажденному Іерусалиму. Эта дружина отличалась не только храбростью, но и благоразуміемъ и повиновеніемъ своимъ вождямъ и первосвященникамъ Іерусалимскимъ: на нее одну почти только и могла положиться, среди всеобщихъ смутъ, раздоровъ и буйствъ, партія еврейскихъ умѣренныхъ, доктринеровъ, къ которой принадлежалъ и самъ Іосифъ.

В. К.

III.

НѢКТО.

Все это только значитъ, что солгали
Пророки ваши; или, подожди:
Еще, быть можетъ, слава впереди,
Которую они вамъ обѣщали!
А что, по моему, къ земному сынъ земли
Стремиться долженъ. Призраки, туманы,
Поэтовъ и софистовъ—бредъ, обманы
И ложь жрецовъ въ надоблачной дали.
Взгляни на Римлянъ—властелины міра!
Другъ, отчего? безъ грезъ пустыхъ они
Для міра, не для синихъ странъ эѳира,
Не сложа рукъ, проводятъ въ мірѣ дни.
Ты скажешь: «не было у нихъ Гомера,
Платона не было».—Что нужды въ томъ?
Звучнѣе лиры бронаносный громъ;
Платонъ же... Богъ съ нимъ! Безъ его примѣра,
Безъ книгъ, въ которыхъ много словъ и сновъ,
А толку мало, темныхъ болтуновъ
И между Грековъ было бы поменѣ.
Всѣ пѣсни, всѣ искусства, всѣ дары
Харитъ и Музъ—подобны пѣнѣ,
Похожи на шары
Изъ воздуха и мыла: пышны, блещутъ,
Но дунь: мгновенно затрепещутъ
И—лопнутъ. То-ли дѣло власть
И страхъ, который навожу на ближнихъ,
Готовыхъ въ прахъ передо мною пасть?
Богатство, сила, блескъ почище вздоровъ книжныхъ.

АГАСВЕРЪ.

Не вѣруешь ты въ чудеса;
Тебя послушать: пусты небеса,
Нѣтъ никого, кто бы оттолѣ,
Господь и Судія, радѣлъ о нашей долѣ
И извѣщалъ бы о себѣ
Въ видѣньяхъ прозорливцевъ вдохновенныхъ
И грозныхъ знаменьяхъ.—Но о судьбѣ
Моихъ согражданъ, тьмами побіенныхъ,
Въ убогихъ же остаткахъ расточенныхъ
По всей поверхности земной,
О страшной гибели страны моей родной,
О запустѣніи святаго града
Отъ мятежа, враговъ, огня, заразъ и глада,

Чтò скажешь?—На людей, на градъ и храмъ
Сошелъ же Рокъ и—по Его словамъ:
За смерть Его намъ, нечестивымъ, въ кару,
Богъ повелѣлъ мечу, и язвѣ, и пожару,
И чтожъ? пожрала насъ неслыханная казнь!
Не спорить мнѣ съ тобой; не хитрый я витія;
Но.... исповѣдую души моей боязнь:
Онъ, можетъ быть, и впрямъ Мессія,
И согрѣшили мы,
Что отъ сошедшаго съ небесъ въ юдоль печали —
Да будетъ свѣтомъ среди тьмы,
Владычества земнаго ожидали.

НѢКТО.

Пріятель, это все мечты
Больнаго воображенья:
На страхи произвольной слѣпоты
Отвѣтъ—улыбка сожалѣнья.

АГАСВЕРЪ.

Онъ рекъ мнѣ: «будешь жить», чтожъ? скорбиую главу
Подъ градъ я подставлялъ каменьевъ раскаленныхъ,
Бросался на враговъ, побѣдой разъяренныхъ,
Грудь открывалъ мечамъ и копьямъ.... Но—живу!

НѢКТО.

И поздравляю, потому что въ гробѣ
Едва-ли веселѣе, чѣмъ у насъ:
Хотя порою, подъ сердитый часъ,
О глупости, о злобѣ,
О мерзости людской,
И много говоритъ иной,
Но даже Персій злорѣчивый
И гнѣвный Ювеналъ
Не поспѣшатъ запрятаться въ подвалъ,
Гдѣ умный и дуракъ, ханжа и нечестивый,
Средь непробудной тишины,
Средь мрака вѣчнаго—равны.
Что живъ ты—случай, и притомъ счастливый.

АГАСВЕРЪ.

Я не старѣю; измѣненью лѣтъ,
Такъ мнѣ сдается, не подверженъ,
Не чувствую упадка силы....

НѢКТО.

Нѣтъ?—
Ты, вѣрно, въ молодости былъ воздерженъ.

Такъ Нѣкто, издѣваясь, возражалъ
Казнимому безсмертьемъ Агасверу,
Когда уже былъ путь его не малъ,
Но не шагнулъ еще за роковую мѣру,
За грань послѣднюю, какую указалъ
Отецъ временъ и вѣковъ
Тревожной жизни человѣковъ:
Въ тѣ дни вѣнчанный славою Траянъ
Сидѣлъ надъ той громадой царствъ и странъ,
Которую, тщеславьемъ ослѣпленный,
То гнусный рабъ, то мерзостный тиранъ,
Потомокъ Брута называлъ вселенной [1]).
Но съ кѣмъ же скорбный Іудей
Велъ разговоръ средь плачущей пустыни,
На пеплѣ Соломоновой святыни,
Въ глухую ночь, подъ вой звѣрей,
Которые, ногами землю роя,
Искали труповъ, жертвъ отчаяннаго боя? [2])
Что отвѣчать мнѣ вамъ,
Питомцы мудрости высокомѣрной?
Вашъ родъ строптивый—родъ невѣрный:
На посмѣянье-ли вамъ свой разсказъ я дамъ?
Вы, праха легкомысленныя чада,
За чашей искрометнаго вина
Поете: «Смертнымъ жизнь на мигъ подарена,
«А тамъ нѣтъ ничего, нѣтъ рая, нѣтъ и ада!»
Вы на водѣ, на прозѣ взрощены:
Для васъ поэзія и міръ безъ глубины....
Для васъ ученія Садокова [3]) наслѣдникъ
Такой же, какъ и тотъ, еврей,
Или, пожалуй, грекъ-эпикурей,
Скитальца просвѣщенный собесѣдникъ.
Великій Мильтонъ.... «Мильтонъ здѣсь къ чему?
«Тебѣ-ль равняться съ нимъ?»—Съ титаномъ—мнѣ, пигмею?
Не оскорбленье ли тому,
Предъ кѣмъ благоговѣю,
И отвѣчать-то вамъ?—Но выпалъ вѣкъ ему,
Который не чета же моему:
Пылалъ еще въ то время вѣры пламень
И, какъ въ напитанный огнемъ священнымъ камень,
Такъ ударялъ въ сердца пѣвецъ—
И вылетали искры изъ сердецъ!
Онъ Бога возвѣщалъ: что жъ? и дышать не смѣя,
Ему внимали; славилъ красоту:
Влюблялся міръ въ его волшебную мечту;
Перуномъ поражалъ злодѣя:
Злодѣй дрожалъ; или, проникнутъ самъ
Испугомъ вѣщимъ, духа отрицанья
Являлъ испуганнымъ очамъ—

И въ души проливалъ потоки содроганья.
Да! не въ метафору въ тѣ дни и смерть и грѣхъ [4]),
А въ зримое лицо, въ чудовищное тѣло
Поэта вдохновеніе одѣло.
Что-жъ? объ закладъ: теперь и онъ бы встрѣтилъ смѣхъ!
Какъ напримѣръ, предъ вами молвить смѣло:
Блестящихъ Ангеловъ въ златыхъ поляхъ небесъ
Привыкъ я видѣть, да и бѣсъ
Не мертвенное зло, безъ бытія живаго,
Не отвлеченіе, а точно падшій духъ
И врагъ свирѣпый племени людскаго.
Не такъ ли? хохотъ вашъ тутъ поразитъ мой слухъ:
«Ступай и бреднями пугай старухъ;
«Кажи не намъ, а ребятишкамъ буку!»
Ужъ такъ и быть! Навесть и страшно скуку,
Но кончу исповѣдь свою:
За Фауста я себя не выдаю,
А попадался мнѣ и видимо лукавый;
Не окруженъ, конечно, адской славой,
Не гадкая та харя, съ коей насъ
Знакомятъ сказки, Дантъ и Тассъ [5])—
Въ пристойномъ видѣ, для стиховъ негодномъ,
То въ расѣ, то во фракѣ модномъ,
То въ эполетахъ (въ нашъ любезный вѣкъ
И онъ премилый человѣкъ!).
Я узнавалъ не по наряду,
Не по улыбкѣ, не по взгляду,—
По языку я узнавалъ его;
Его холодный, благозвучный лепетъ
Рвалъ струны сердца моего;
Я ужасъ ощущалъ, и обморокъ, и трепетъ,
А онъ учтиво продолжалъ:
«И такъ, я, кажется, вамъ доказалъ:
«Богъ, красота, добро, безсмертье—предразсудокъ
«И глупость, стало быть, единственный порокъ;
«Вселенной правитъ Случай или Рокъ,
«Людьми же—похоть и желудокъ».
Довольно!—Напослѣдокъ, не тая
И не робѣя, объявлю же я:
На пеплѣ и костяхъ Давидовой столицы,
Такъ къ Агасверу Нѣкто приступилъ,
Извѣстный нѣкогда подъ именемъ Денницы,
И сатаны, и князя темныхъ силъ,
Но эти прозвища онъ въ старину носилъ.

Въ то время властвовалъ,—я вамъ сказалъ, Траянъ:
При немъ народные злодѣи,
Наушники, не растравляли ранъ
Республики; патриціевъ со львами

Онъ въ циркъ не выводилъ [6]); не думалъ созывать
Сената, чтобъ съ почтенными отцами
О соусѣ къ осетринѣ разсуждать [7]);
А не безъ слабостей былъ царственный воитель.
Остатка странъ свободныхъ притѣснитель,
Онъ превратилъ свои народы въ рать
И мѣтилъ въ Бахусы и Сезострисы.
Да, къ слову: въ Бахусы! Не потрясались тисы
Предъ нимъ толпою бѣшенныхъ Менадъ
(Не слишкомъ это было бы впопадъ
Въ столѣтье Тацита и Ювенала),
Однако лѣтопись не умолчала:
Герой бывалъ хмѣленъ отъ Вакховыхъ отрадъ.
Онъ, правда, зналъ себя, спасибо! Разъ, не пьяный,
Указъ похвальный, хоть немножечко и странный,
Послалъ въ сенатъ: «обязываю васъ
«Не исполнять, что̀ подъ веселый часъ
«Траяну приказать случится....» Дѣло!
А лучше было бы не пить....
Все выскажу ли смѣло?
Діона Кассія вы можете купить.....
Я исчисленья прерываю нить.

Траяномъ, можетъ быть, за панегирикъ звучный [8])
Въ намѣстники назначенъ Плиній былъ
Страны Азійской, Римлянамъ подручной,
Какой же именно,—я позабылъ [9]).
Вельможа, Плиній, во всей силѣ слова:
Любезность, величавость, умъ и вкусъ —
Поступковъ и рѣчей его основа;
Онъ вмѣстѣ и питомецъ музъ,
Философъ и ораторъ
Однако и въ святилищѣ наукъ
Все баринъ: царедворецъ и сенаторъ.
Кто волею судебъ безъ рукъ
Языкъ того всегда бывалъ проворенъ:
Въ Траяновъ вѣкъ
Безъ рукъ былъ и давно вертлявый грекъ,
И потому не такъ, какъ прежде, вздоренъ,
Строптивъ и вспыльчивъ, нѣтъ! смиренъ и терпѣливъ,
Искателенъ и вкрадчивъ, а болтливъ,
И тотъ же вѣстовщикъ, какимъ бывалъ и прежде;
Тайкомъ онъ варваромъ и дикаремъ честилъ
Потомка Ромула, но грозному невѣждѣ
Безстыдно изо всѣхъ способностей и силъ,
Какъ песъ ручной, похлебствовалъ и льстилъ.
Въ дворцы Лукулловъ, Нероновъ и Силлъ,
На пиръ безпутныхъ нѣгъ и грубаго разврата,
Кривляясь, скаля зубы, приходилъ

Безславный внукъ Алкида и Сократа,
И судорожный смѣхъ (увы! какая плата!)
Ему за срамъ его платилъ.
Гречатами [10]) ихъ въ Римѣ называли;
Зѣвая, слушали ихъ пѣсни, ихъ скрижали,
Подъ ихъ разсказы забывали
Свои державныя печали,
Кормили ихъ и—презирали.

Такихъ-то дорогихъ пріятелей кружокъ
Къ себѣ и Плиній вызвалъ изъ столицы.
И вотъ, однажды въ зимній вечерокъ,
И ложь и правду, быль и небылицу
Гречата лепетали передъ нимъ.
Внимая купленнымъ друзьямъ своимъ,
Лежалъ на торѣ [11]) пресыщенный Плиній
И взоромъ мѣрилъ воздухъ синій,
И былъ хандрою одержимъ.
Не ихъ вина: ихъ языки не праздны;
Но сплетни Рима истощивъ,
Пересказавъ всѣ скверны, всѣ соблазны,
Они съ прискорбьемъ видятъ: все лѣнивъ,
Угрюмъ и холоденъ философъ-воевода.
Вотъ кто-то, наконецъ же, вспомнилъ, что природа
И чудеса ея—конёкъ
Семейства Плиніевъ..... Для свѣтскихъ разговоровъ
Легокъ скачокъ
Отъ Антиноевъ, Мессалинъ и Споровъ [12]),
Отъ преторьянцевъ и—шутовъ
До изверженья горъ и странныхъ свойствъ слоновъ,
Затмѣній солнца и подобныхъ вздоровъ;
О долгоденствѣ рѣчь: примѣровъ привели
Сомнительныхъ не менѣ полдесятка
Счастливцевъ, вышедшихъ изъ общаго порядка,
Такихъ, что за столѣтье перешли.
И молвилъ Плиніевъ отпущенникъ: «властитель,
Мнѣ пишетъ братъ, домоправитель
Сирійскаго проконсула, и чтожъ?
Есть жидъ у нихъ, зовется Агасверомъ:
Ему за двѣсти лѣтъ».

ПЛИНІЙ.

Твой братецъ пишетъ ложь
И кстати, вѣдь поэтъ: прикащикомъ-Гомеромъ
Сирійскій мой сосѣдъ зоветъ его давно.

ОТПУЩЕННИКЪ.

Ты ѣдокъ, Плиній!—Правда, что смѣшно!
Я радъ божиться: брата жидъ морочитъ;
Тѣмъ болѣ, что съ лица ему

Подъ пятьдесятъ. Въ добавокъ, плутъ пророчитъ
(Ну, сообразно-ли уму?),
Что вовсе не умретъ.

ПЛИНІЙ.

Я Плиній: это счастье.
А то совѣтъ сосѣду своему,
Быть можетъ, далъ бы я, принять участье
Въ рѣшеніи задачи.

ГОСТЬ РИМЛЯНИНЪ.

Чтобъ, напримѣръ, хоть утопилъ жида
Или повѣсилъ?

Это предложенье
Не принято, спасибо, въ уваженье.
Но Плиній шлетъ въ Дамаскъ гонца съ письмомъ:
«Здоровъ я»,—пишетъ,—«будь здоровъ и ты»; потомъ
Пеняетъ за молчанье; тутъ извѣстья
Изъ Рима, изъ Аѳинъ, изъ своего намѣстья,
А мимоходомъ, предъ концомъ,
И просьба: «Если нѣтъ, Сервилій, затрудненья,
«Для пользъ наукъ и просвѣщенья,
«Такого-то жидка пришли съ моимъ гонцомъ».
И вотъ, по прихоти вельможной,
Безъ дальныхъ справокъ (вѣдь онъ жидъ ничтожный),
Необычайный тотъ старикъ
Былъ взятъ и въ Пліниевъ отправленъ пашаликъ.
Пріѣхалъ онъ и былъ намѣстнику представленъ.
Съ улыбкой Плиній сталъ разспрашивать его
И не добился ничего;
Однако жидъ при немъ оставленъ.

И наглядѣлся Агасверъ всего:
Всего величья міровой державы,
Всей суеты земной, ничтожной славы;
Ее когда-то онъ небесной предпочелъ,
И вотъ вблизи ее увидѣлъ и нашелъ,
Что медъ ея смертельной полнъ отравы.
А тутъ же могъ бы онъ узнать
И оную божественную славу,
Которую даруетъ Благодать....
Но гордымъ ли Святую постигать?
Она землѣ въ потѣху и забаву.

Извѣстно всѣмъ, что̀ отвѣчалъ Траянъ,
Когда, повѣривъ клеветамъ безумья,
Пугаясь хлопотъ лишняго раздумья,
Чернить и Плиній вздумалъ христіанъ:
«Ты ихъ не трогай»,—пишетъ повелитель,

«А развѣ сами явятся они;
«Но наглыхъ исповѣдниковъ казни!!»...
И былъ Траянъ не Неронъ, не мучитель! [13])

Былъ въ градѣ Плинія великій храмъ [14])
Астарты, полуварварской Юноны.
Служенье въ немъ преданья и законы
Присвоили издавна двумъ родамъ:
Придетъ чреда,—и выбираютъ жрицу
Въ одномъ изъ нихъ, въ другомъ берутъ жреца.
Имъ право то—безцѣнно: багряницу
Отвергли бы, не взяли-бъ и вѣнца
Ему въ замѣну.—Вотъ настало время,
И Калліадовъ радостное племя
Готовится кумиру дѣву дать;
И жребій палъ на Зою, дочь Перикла.
Но въ душу Зои свыше Благодать
Живая пролилася и проникла;
Не хочетъ дѣва идолу предстать.
Сначала, подавляя пламень гнѣва,
Отецъ ей молвилъ: «насъ покинешь, дѣва,
Обѣщана ты юному жрецу,
Аминту, сыну Клита Герміада».—
Она же отвѣчала такъ отцу:
«Аминтъ несчастный жрецъ и жертва ада!
«Увы! скорбитъ о немъ душа моя...
«Родитель, не ему невѣста я:
«Христосъ женихъ мой».—И красой чудесной,
Святымъ смиреньемъ, кротостью небесной
Не умягчила дикихъ душъ она;
Кровава предъ отцомъ ея вина,
Не врагъ-завистникъ право вѣковое,
Наслѣдіе колѣна ихъ подрылъ;
Нѣтъ, дочь его, дитя его родное,—
И вотъ старикъ предъ Пииніемъ завылъ,
Весь обезумленъ бѣшенствомъ Эрева:
«Достойна казни дерзостная дѣва;
Ужъ мнѣ не дочь, злодѣйка мнѣ она.
Презрѣвъ преданья предковъ и законы,
Рекла: «не буду жрицею Юноны;
«Бредъ—ваши боги; въ мракѣ вся страна,
«И свѣтъ и правду вижу я одна».—
Но Плиній самъ считалъ мечтою тщетной
И ужъ отцвѣтшей баснею пѣвцовъ
Эллады, Рима, Азіи боговъ;
Вотъ почему съ улыбкою привѣтной
Съ курульскихъ креселъ [15]) онъ взглянулъ на ту,
Которая въ такихъ лѣтахъ незрѣлыхъ
Народную постигла слѣпоту,

Быть можетъ, изъ его-жъ писаній смѣлыхъ.
«Тебя,—сказалъ,—не укоряю я;
Прекрасна смѣлость юная твоя,
Но увлеклась ты ревностію ложной:
Другъ, назову тебя—неосторожной.
Безумецъ только броситъ головню
Въ солому дома своего сухую,
Чтобъ уподобить золотому дню
До времени, до срока, ночь сѣдую.
Примѣръ Сократа мудрому законъ;
Чтожъ?—предразсудкамъ потакалъ и онъ,
Да! пѣтуха на жертву богу здравья
Онъ завѣщалъ же.—Цицеронъ
Не видѣлъ ни малѣйшаго безславья,
Что правилъ должностью авгура самъ,
А между тѣмъ авгурамъ и жрецамъ
Въ кругу своихъ смѣялся тихомолкомъ [16]).
Съ волками жить, кто-жъ не завоетъ волкомъ».

Все это онъ въ полголоса шепнулъ,
Затѣмъ осклабился, на чернь взглянулъ
И громко молвилъ: «вотъ мои доводы!
Теперь, надѣюсь, дороги тебѣ
Священныя права твоей породы:
Разсудку ты покорна и судьбѣ.
А впрочемъ область думъ и словъ и мнѣній»,
(Тутъ онъ понизилъ голосъ)—«дочь моя,
Свободна, и тебѣ противъ гоненій
Тупыхъ глупцовъ покровомъ буду я».

«Благодарю; меня по крайней мѣрѣ
«Не нудишь къ лицемѣрству, властелинъ;
«А знаешь ли, чтó рекъ о лицемѣрѣ
«Тотъ, Кто съ созданія земли одинъ
«И правъ и чистъ и безъ грѣха предъ Богомъ?»
Такъ отвѣчала дѣва.
Грозный мракъ
Простерся на лицѣ незапно строгомъ
Проконсула; онъ ясно понялъ: такъ
Не говорятъ питомцы мудрованій,
Которыя сѣкирой отрицаній
Все разрушаютъ, но въ которыхъ нѣтъ
Ни пламени, ни жизни для созданій,
Которыхъ тусклый и невѣрный свѣтъ,
Лишенный теплоты лучей и силы,
Дрожитъ надъ зѣвомъ міровой могилы.
«О комъ вѣщаешь?»—Плиній возразилъ.
Она же: «вопрошаешь, повелитель?
«Онъ Дѣвы сынъ, но и владыко силъ;
«Былъ узникомъ, но узъ же разрѣшитель;
«Онъ умерщвленъ, а мертвымъ жизнь даетъ».—

ПЛИНІЙ (*съ усмѣшкой*).

Нѣтъ, Зоя!—Слишкомъ дерзокъ твой полетъ:
Я антитезъ твоихъ не понимаю.

ЗОЯ.

Онъ Свѣтъ и Слово, Богъ и человѣкъ;
Онъ мой наставникъ: я иныхъ не знаю;
И вѣдай, Онъ о лицемѣрѣ рекъ:
«Кто, рабъ тщеславья или мзды и страха,
«Здѣсь отречется предъ сынами праха,
«Предъ смертными отвергнется Меня,
«Того и я за вашимъ міромъ тѣснымъ
«Въ томъ мірѣ предъ Отцомъ моимъ небеснымъ
«Отвергнусь».—Предъ лицомъ меча, огня
И срама не содрогнусь; всѣ внемлите:
И скорбь и слава ваша—суета;
Предъ вами исповѣдую Христа!
Терзайте тѣло,—духъ въ Его защитѣ!»

Не ожидалъ намѣстникъ; дѣвѣ онъ
Дивится; но уже со всѣхъ сторонъ
Раздался звѣрскій вопль остервенѣнья,
И, если бы не ликторы, каменья
Въ нее бы полетѣли.—Плиній былъ
Философъ свѣтскій: благородный пылъ
Смѣшилъ его, смѣшило вдохновенье,
Онъ бредомъ называлъ восторгъ; но тутъ
Свое взяла природа: изумленье
Его объяло, душу—сожалѣнье,
Стыдъ, скорбь, досада борятъ и мятутъ.
И вотъ онъ началъ: «мнѣ ученье ваше
Не понутру... Ты выбрать бы могла
Иное, попривѣтливѣй и краше
И болѣ ясное. Довольно зла
И гнусностей злорѣчье вашимъ братьямъ
Приписываетъ; врагъ я ихъ понятьямъ, [16])
Ихъ суевѣрью. Но, вождей губя,
Отъ нихъ умѣю отличить тебя;
Мнѣ тягостно предать тебя на муки.
Но я подвластенъ,—связаны мнѣ руки...
Какъ хочешь, думай: я твоимъ мечтамъ
Предѣловъ никакихъ не полагаю,
Но лютой черни буйственную стаю,
Хотя бы и притворствомъ, должно намъ
Смирить, спокоить.... Вѣришь ли богамъ,
Не вѣришь-ли,—безъ алтаря, безъ храма
Не обойдется; горстку ѳиміама
Имъ бросить, кажется, не тяжело».

—«Тяжелѣ горъ вселенной грѣхъ и зло,
«Въ нихъ болѣ вѣсу, чѣмъ земли основа»,—
Такъ отвѣчаетъ ратница Христова.
«Души моей я не продамъ врагу,
«Святому Духу правды не солгу».

Настаивалъ проконсулъ—трудъ безплодный!
Ужъ и отца давно былъ залитъ гнѣвъ
Опасностью кровавой и холодной:
Онъ молитъ, плача, руки къ ней воздѣвъ;
Но, токамъ слезъ слезами отвѣчая,
Безсильная, страшливая, младая,
И тутъ не пошатнулась ни на мигъ.
И часъ ужасный, роковой настигъ:
Завопила, какъ тигръ, толпа слѣпая;
Блѣднѣетъ Плиній,—уступилъ мудрецъ
И... дѣву предалъ. Тутъ верховный жрецъ
Астартина кумира первый камень,
Скрежеща, бросилъ въ Божію рабу.
Но дѣву преисполнилъ дивный пламень:
«Благословляю я свою судьбу!»
Она превозгласила. «Торжествую!
«Свидѣтельствовать истину святую
«Меня сподобилъ Ты, Владыко силъ!
«И се! горѣ надъ воинствомъ свѣтилъ,
«Средь херувимовъ (вы Его не зрите-ль?),
«Стоитъ и машетъ пальмой мой Спаситель.
«Туда, туда! тамъ радость безъ конца,
«За мной, Аминтъ! За мною въ домъ Отца!
«Я жду, не медли!—презри прахъ и тлѣнье,
«За мной! за мной!»
А онъ?—его мученье
Въ тотъ страшный часъ чей выскажетъ языкъ?
Онъ смѣетъ мыслить, что не равнодушна
Къ его исканьямъ чистымъ и она.
И что-же? Богу своему послушна,
Могилы смрадной, гробоваго сна,
Всѣхъ ужасовъ свирѣпой, грозной казни
Питомица дѣвической боязни
Не убоялась, только бы его
Не ставить выше Бога своего!
И Богъ ея Аминту не противенъ:
Изъ устъ любезной знаетъ онъ Христа;
Въ ея устахъ сколь благъ, великъ и дивенъ
Спаситель міра! «Но ея уста
Чего-же не украсятъ?»—Такъ понынѣ
Говаривалъ Аминтъ: «мечта! мечта!
О замогильной сумрачной пустынѣ,
О мірѣ томъ не знаемъ ничего».—

И вотъ же часъ насталъ: съ очей его,
Какъ чешуя, упало ослѣпленье;
Грудь и его объяло изступленье
И, жреческій сорвавъ съ себя вѣнецъ,
«Я,—онъ воскликнулъ,—идоламъ не жрецъ!
Умру за Бога Зои, съ нею вмѣстѣ!» —
Тогда взревѣлъ неистовый народъ:
«Смерть жениху—злодѣю, смерть невѣстѣ!»
И, какъ бурунъ неукротимыхъ водъ,
На нихъ нахлынулъ.—Изъ страны изгнанья,
Изъ мрака и скорбей и скверны земли,
Туда, въ отечество, въ страну сіянья,
Ихъ души серафимы унесли.

Стоялъ же у подножья трибунала
Во все то время мрачный Іудей,
И будто въ темной глубинѣ зерцала
Предъ взорами души его всплывала
Картина прежнихъ дней.
Ему знакомый образъ отражала
Священный, дивный, юная чета:
Предъ нимъ воскресъ Христосъ въ нихъ, избранныхъ Христа;
Такъ съ тверди солнце сходитъ въ грудь кристалла,
Такъ въ лучезарныя, златыя небеса
Имъ превращается смиренная роса.
Но гдѣ гордыня, тамъ не созрѣваетъ вѣра;
Надменныхъ чуждо Божество:
Сразило то святое торжество,
Но не восторгомъ сердце Агасвера.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Римляне свою имперію называли Orbis Romanus, т. е. Римскимъ міромъ: этотъ Orbis они противоставляли городу (urbi), міръ—Риму. И по сію пору папа, преемникъ не только—Апостола, какъ называютъ его католики, но и древняго первосвященника (Pontifex Maximus) языческаго Рима, въ первый день Пасхи съ балкона св. Петра произноситъ сначала благословеніе urbi—Риму, потомъ orbi—міру.

2. Критики очень справедливо замѣтятъ, что въ царствованіе Траяна звѣрямъ ужъ нѣсколько поздно былъ искать въ землѣ труповъ тѣхъ, которыхъ убили при взятіи Іерусалима Титомъ.

3. Саддукеи отвергали, какъ видно изъ Евангелія, безсмертіе души: они между жидами были вольнодумцами, философами, esprits forts.

4. Эта исполинская просопопея въ Мильтоновомъ «Потерянномъ Раѣ» пришла очень не по-нутру Аддисону и чопорнымъ Аристархамъ XVIII-го сто-

лѣтія. Между тѣмъ въ ней все такъ живо и ужасно, что, право, кажется, читаешь не просто продолжительное олицетвореніе двухъ отвлеченныхъ понятій, а изображеніе двухъ настоящихъ чудовищныхъ лицъ: грѣхъ и смерть Мильтона вовсе не съ родни скучнымъ и вялымъ аллегоріямъ, которыми Вольтеръ вздумалъ, было, въ своей Henriade замѣнить миѳологическія лица Гомера и Виргилія.

5. Данте и Тассо, первый—Эсхилъ, другой—Еврепидъ между романтиками, оба въ томъ сходны между собою, что діаволу вполнѣ сохранили ту страшную маску безобразія, которую надѣли на него средніе вѣка и народное вѣрованіе. Мильтона, протестанта и поэта-метафизика, почти невозможно считать романтикомъ: но, безъ сомнѣнія, онъ между новыми величайшій, точно такъ, какъ, землякъ его и почти современникъ, Шекспиръ—послѣдній и величайшій между романтиками. Какъ несчастный Спинелло Аретинскій первый между живописцами, такъ Мильтонъ прежде всѣхъ поэтовъ дерзнулъ отступить отъ всѣми принятаго преданія и представить князя темныхъ силъ не отвратительнымъ чудовищемъ, но, по наружности, все же ангеломъ, хотя и падшимъ, сохранившимъ и въ самомъ паденіи красоту и величавость.—Но у Мильтона, какъ и у Спинелло, сатана ужасенъ самою красотою:—онъ ею не можетъ обмануть духовъ свѣта, съ которыми встрѣчается.—Только философскому безвкусію первой половины XVIII-го вѣка была предоставлена честь выдумать сантиментальнаго діавола плаксу—Аббадону, равно отвергаемаго и небомъ и адомъ. Пери персидской миѳологіи совсѣмъ другое дѣло: разъ, существа среднія, падшія, но не отверженныя, чающія примиренія, онѣ, во вторыхъ, духи—дѣвы, обитательницы не ада, но міра вещественнаго; наконецъ, въ нихъ сильно преобладаетъ начало добра: послѣ своего перваго и единственнаго паденія, онѣ только и думаютъ, какъ-бы благотворить человѣку, утѣшать страждущихъ, лелѣять сиротъ и пр. Имъ не только красота, но и скорбь о минувшемъ и тоска по прекрасной утраченной отчизнѣ—въ высокой степени приличны.

6. Хотя не патриціевъ, однако все же джентльменовъ, кавалеровъ, всадниковъ (equites), выводилъ въ циркъ не Неронъ, не Калигула, а лучшій, можетъ быть, изо всѣхъ цезарей—Юлій.

7. Объ этомъ соусѣ заставилъ разсуждать отцовъ римскаго народа императоръ Домиціанъ.

8. Панегирикъ Траяну извѣстенъ всѣмъ—нѣсколько знакомымъ съ классическою литературою.

9. Въ стихахъ позволено забыть, какая это была страна; въ прозѣ скажемъ, что Плиній былъ проконсуломъ въ Виѳиніи.

10. Graeculi—уже Горацій ихъ такъ величаетъ.

11. Торъ (torus)—возвышенное ложе въ родѣ нашихъ канапеевъ, но не

низменныхъ турецкихъ дивановъ: «Ac toro pater Aeneas sic orsus ab alto» (Verg. Aen. Lib. 11. Ver. 2).

12. Антиной и Мессалина слишкомъ извѣстны. Споръ (Sporus)—гнусный любимецъ императора Нерона.

13. О запросѣ Плинія касательно христіанъ и объ отвѣтѣ ему Траяна смотри Діона Кассія. Довольно любопытно, что въ XVIII вѣкѣ (и не въ школѣ энциклопедистовъ) сыскался писатель Cuvier, ученикъ Ролена, который находитъ,—что vu les circonstances—Optimus Maximus Траянъ не могъ дать лучшаго отвѣта.

14. Астаротъ (Astaroth) и Астартэ, идолы ханаанитскаго, финикійскаго происхожденія, вѣроятно, олицетвореніе силъ природы оплодотворяющей и рождающей. — Римляне охотно принимали въ свой пандемоніумъ боговъ племенъ, которыхъ покоряли; но съ новыми именами обыкновенно сопрягали свои понятія: Белъ или Ваалъ становился у нихъ Аполлономъ, Астаротъ—Юпитеромъ, Астартэ—Юноною.

15. Съ курульскихъ креселъ преторы разбирали дѣла своей куріи. Потомъ подобныя кресла были присвоены всѣмъ мужамъ консуларскимъ, и наконецъ, и остальнымъ сенаторамъ.

16. Пѣтухъ Сократа довольно извѣстенъ; положимъ, что тутъ скрывалась какая-то аллегорія. Но Цицеронъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ авгуромъ, а между тѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (не помню—къ сыну ли, къ Аттику-ли) говоритъ, что невозможно, чтобъ авгуръ глазъ-на-глазъ встрѣтился съ авгуромъ, не захохотавъ во все горло.

В. К.

IV.

Блестятъ надменныя палаты
Съ чела присолнечной скалы:
Бароны, рыцари, прелаты
Текутъ въ Каноссу [1]) какъ валы....
И чтоже ихъ въ Каноссу манитъ?
Или спѣшатъ на свѣтлый пиръ
И арфа трубадура грянетъ,
И бурный закипитъ турниръ?

Нѣтъ;—въ честь Маріи, въ честь Амура [2])
Съ дрожащихъ, сладкозвучныхъ струнъ,
При чистой пѣснѣ трубадура,
Не побѣжитъ живой перунъ;
Девизы не сорвутъ улыбки [3])
Съ румяныхъ губокъ нѣжныхъ дѣвъ,
И треска дерзновенной сшибки
Не сопровдитъ трубный ревъ.

Прелестныхъ женъ, мужей суровыхъ
Иной туда позоръ влечетъ:
Тамъ предъ рабомъ рабовъ Христовыхъ [4])
Властитель міра въ прахъ падетъ,
Падетъ, смиренный и покорный,
Предъ дряхлымъ старцемъ грозный царь:
По битвѣ страшной и упорной
Порфиру побѣдилъ алтарь.

И вотъ стоитъ съ свѣчой въ десницѣ,
Нѣмымъ отчаяньемъ объятъ,
Босъ, полунагъ, въ одной срачицѣ,
У запертыхъ дворцовыхъ вратъ
Злосчастный Г е й н р и х ъ; жрецъ угрюмый
Глядитъ съ балкона на него;
Съ чела жреца тяжелой думы
Не сниметъ даже торжество.

А кругомъ дворца толпа,
И жестока и тупа,
Звѣрь свирѣпый, зрѣлищъ жадный,
Смотритъ, будто камень хладный,
На безмѣрный срамъ того,
Чьихъ бы взоровъ трепетали,
Чей бы слѣдъ они лобзали
Въ день величія его.

И чуждый толпы и въ толпѣ одинокъ,
На кесаря, папу и волны народа,
Какъ бѣлый кумиръ, недвижимъ и высокъ
(Въ немъ точно ли бренная наша природа?),
Стремитъ кто-то съ башни таинственный взоръ
Пылающій, словно ночной метеоръ....

Онъ, по одеждѣ странной и безславной [5]),
Однако и богатой,—Іудей:
Ихъ въ оный вѣкъ слѣпой и своенравной
Едва-ли и считали за людей,
Жгли, рѣзали; а между тѣмъ въ нхъ руки
Попали и отцвѣтшія науки
И золото.—Во всѣхъ земляхъ пришлецъ,
Всѣмъ ненавистный, нужный всѣмъ дѣлецъ,
Растерзанный, а все несокрушимый,
Израиль странствовалъ.—Бывалъ врачомъ
И папъ и кесарей еврей гонимый,
Бывалъ заимодавцемъ, толмачомъ
Арабскихъ книгъ не разъ служилъ монаху [6])
Монахъ же выводилъ потомъ на плаху
Учителя или въ огонь ввергалъ.
Еврей и папскій врачъ тотъ мужъ, который
Внизъ на народъ бросаетъ съ башни взоры,—
И вотъ онъ прошепталъ:

«И царство твое не есть сего міра?
А ряса намѣстника Господа силъ,
Отвѣтствуй,—ужели не та же порфира?
А инокъ на выю царямъ наступилъ?»

Какъ нѣкогда изъ клева врана,
Ведомый Богомъ на востокъ,
Въ горахъ питаемъ былъ пророкъ,
Такъ въ царствѣ Роберта Нормана [7]),
Въ странѣ разительныхъ судебъ,
Смягченный бременемъ изгнанья,
Ѣстъ горестный и черствый хлѣбъ
Изъ рукъ суровыхъ подаянья
Безсильный и больной старикъ,
А былъ онъ паче всѣхъ великъ:
Предъ нимъ народы трепетали,
Дрожали властели предъ нимъ;
И чтожъ? настали дни печали,
Возсталъ неблагодарный Римъ [8]),
И онъ изъ узъ освобожденный
Пришельцевъ хищною толпой [9]),
На одръ скорбей, въ землѣ чужой,
Палъ, славы и вѣнца лишенный.

Десницей Господа разбитъ,
Свинцовой блѣдностью покрытый,
Полуразрушенный, забытый,
Въ Салернѣ Гильдебрандъ лежитъ
И, мрачный, у его возглавья
Его суровый врачъ стоитъ.
Искусенъ Агасверъ, но здравья
Отдать и онъ тому не могъ,
Кого на судъ зоветъ Самъ Богъ.
Какое зрѣлище—кончина,
Исходъ въ могилу исполина,
Вѣщавшаго: «я на землѣ
Намѣстникъ вѣчнаго Владыки;
Мнѣ покоряйтеся, языки,
Цари,—смиряйтесь!»—На челѣ,
Съ котораго перуны власти
Когда-то падали,—всѣ страсти
Потухли въ передсмертной мглѣ,
И только нѣкій лучъ чудесный
Дробится изъ-за тяжкихъ тучъ
Изнеможенья,—вѣры лучъ
Святый, таинственный, небесный.
И врачъ увидѣлъ, какъ старикъ
Подъялъ къ распятью взоръ смиренный;
Тутъ обвинитель раздраженный
Сначала головой поникъ
И, мнилось, собираетъ мысли;
Потомъ сказалъ: «монахъ, исчисли,
Раздумай все, что повелѣлъ
Тотъ, чьимъ зовешься ты слугою,
Что нарушалъ ты, гордъ и смѣлъ,
Что передъ чернію слѣпою
Неправдой наглой искажалъ....
«Да будешь кротокъ, тихъ и малъ!
«Благословеньемъ за проклятья,
«Любовью за вражду плати,
«Господь—Отецъ вашъ, всѣ вы братья,
«Отъ Бога власти,—власти чти;
«И, если даже кто въ ланиту
«Тебя ударитъ,—ты въ защиту
«И тутъ руки не поднимай,
«Ему другую подставляй»...
Ты?—презрѣлъ ты Его глаголы:
Шаталъ ты и громилъ престолы,
Смущалъ вселенну, на отца
Злодѣя, жаднаго вѣнца,
Роднаго сына ты воздвигнулъ [10]);
Ты, наконецъ, мѣты достигнулъ:
Съ челомъ, израненнымъ отъ стрѣлъ

Ужасныхъ клятвъ, тяжелыхъ слуху,
У ногъ своихъ царя узрѣлъ....
Ужель Христу служилъ ты?—духу
Владыкѣ мрака ты служилъ.—
И чтожъ?—ужель и ты возмнилъ:
«Причисленъ буду къ чадамъ свѣта?»
Молчишь, Григорій?—жду отвѣта!»

Григорій на него взглянулъ:
«Меня твой голосъ досягнулъ,
Какъ будто мукъ нездѣшнихъ гулъ,
Къ которымъ кличетъ преисподня!.
Такъ! спалъ съ очей моихъ покровъ....
Посолъ ли ты суда Господня?
Увы мнѣ! къ ближнему суровъ,
Къ себѣ еще жесточе, строже,
Я и на тронѣ былъ монахъ,
Былъ сухъ мой хлѣбъ и жестко ложе,
И чтожъ?—соцарствовалъ мнѣ страхъ:
Поправъ законъ любви смиренной,
Я гордыхъ попиралъ во прахъ,
Я, судія царей надменный!—
Кругомъ меня лежала мгла,
И слѣпъ я былъ.... Пусть не была
Та слѣпота моимъ созданьемъ
Но,—спалъ покровъ съ моихъ очей,—
Увы! ты правъ: я былъ злодѣй!
Не торжествуй еще, Еврей!
Все жъ я проникнутъ упованьемъ:
Христосъ отвергнетъ ли меня?
Не палъ же въ алчный зѣвъ огня,
Живымъ раскаяньемъ объятый,
И тотъ разбойникъ, съ Нимъ распятый,
Котораго въ послѣдній часъ
Христосъ, мой Богъ, простилъ и спасъ!»

Онъ умеръ—и что же? уста Агасвера
Пятнать не дерзнули клеймомъ лицемѣра
Сѣдаго чела
Огромнаго старца, его же была
Начертана въ мірѣ десницею Бога
На пользу вѣковъ роковая дорога [11])!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Каносса—замокъ знаменитой маркграфини Матильды, въ которомъ, подвергшись самой унизительной эпитимьѣ, императоръ Гейнрихъ наконецъ вымолилъ себѣ прощеніе папы Григорія VII-го. О Матильдѣ скажемъ, что она была постояннымъ въ счастіи и несчастіи другомъ Гильдебранда;

напрасно протестантскіе писатели силились очернить ихъ отношенія; по недавно [1]) напечатаннымъ письмамъ къ ней Гильдебранда видно, что эти отношенія были чистыя и высокія. Она была ему предана искренно, какъ отцу—по понятіямъ католиковъ—христіанскаго міра и какъ человѣку истинно необыкновенному.

2. Языческій міръ въ пѣсняхъ трубадуровъ и въ разсказахъ троверовъ долго еще жилъ, какъ народное, темное преданіе, хотя церковь и отвергла его вѣрованія; въ добавокъ, жилъ не просто какъ реторическая фигура, а съ нѣкоторою склонностью—въ душѣ пѣвцовъ и разсказщиковъ съ одной стороны, а слушателей, съ другой—предполагать, что боги прекрасной Греціи не одна выдумка, а, можетъ быть, существа настоящія, живыя, среднія между человѣкомъ и жителями духовнаго міра, нѣчто въ родѣ арабскихъ фей или иранскихъ—пери. Вотъ почему такъ часто встрѣчаешь въ романсахъ и канцонахъ среднихъ вѣковъ возлѣ именъ Пречистой Дѣвы и святыхъ имена Амура, Венеры, Юпитера (Jupiro). Послѣдніе слѣды этого очень примѣчательнаго явленія находимъ въ Камоэнсѣ и въ нѣмецкой прелестной народной сказкѣ: Der Schwanenschleier (Лебяжье покрывало), передѣланной Музеусомъ.—Греческая миѳологія перестала быть преданіемъ и стала пустою реторическою фигурою безъ жизни и таинственности уже по такъ называемомъ возрожденіи наукъ въ XVI столѣтіи.

3. Девизы и эмблемы, это чисто восточное обыкновеніе, какъ извѣстно, играли большую роль въ живописномъ языкѣ и нравахъ рыцарскихъ вѣковъ.

4. Папы называли себя рабами рабовъ Христовыхъ (Servi servorum Christi), желая пощеголять своимъ смиреніемъ передъ цареградскими патріархами, которымъ вздумалось, было, принять титло: «патріархи патріарховъ и епископы епископовъ».

5. Жиды въ среднихъ вѣкахъ, сколь-бы богаты ни были, вездѣ должны были носить на одеждѣ своей какую нибудь отлику, напримѣръ, желтый лоскутъ на правомъ плечѣ, чтобъ ихъ тотчасъ можно было узнать. См. «Ивангоэ» (Айвенго) Вальтера Скотта.

6. Посредниками между учеными арабами и варварами-франками (и почти единственными) были—жиды. И сами они, не смотря на оковы, налагаемыя на ихъ умъ вмѣстѣ и гоненіями и талмудомъ, превосходили тогдашнихъ христіанъ и просвѣщеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Имена, каковы: Веньяминъ Тудельскій, Авиценна, Авероэсъ, останутся незабвенными; всѣ трое были испанскіе жиды.

7. Робертъ, по прозванію Гвискардъ, т. е. мудрый, вѣщій, полуземлякъ нашему вѣщему Олегу, выходецъ изъ Нормандіи, гдѣ его

---

[1]) Писано въ 1840—1842 гг.

родовичи въ то время едва ли еще успѣли стать французами, съ своими братьями отнялъ Неаполь и Сицилію у арабовъ и грековъ и основалъ королевство Обѣихъ Сицилій. Онъ былъ другомъ папы Григорія VII-го и противникомъ Гейнриха IV-го.

8. Бунтъ римлянъ противъ папы, имъ облагодѣтельствованныхъ и возвеличенныхъ, во время осады города ихъ Гейнрихомъ можетъ назваться истинною неблагодарностію, да—въ добавокъ,—измѣною отечеству, потому что тедескъ Энрико, хотя бы онъ былъ и правъ въ своемъ спорѣ съ первосвященникомъ, во всякомъ случаѣ былъ врагомъ и утѣснителемъ Италіи.

9. Папа принужденъ былъ заключиться въ замокъ San Angelo и, вѣроятно, не миновалъ бы плѣна, если бы его врасплохъ не освободили сицилійскіе норманы.

10. Извѣстно, что наконецъ, вслѣдствіе раздоровъ кесаря Гейнриха и папы, отложился отъ императора собственный сынъ его, который потомъ царствовалъ подъ именемъ Гейнриха V-го.

11. Называйте, какъ угодно, Гильдебранда: честолюбцемъ, жестокимъ, пронырливымъ,—но лицемѣромъ онъ едва-ли былъ: жизнь онъ велъ самую строгую, истинно постническую; сверхъ того, по мѣсту, которое занималъ, и по духу времени, самъ глубоко убѣжденъ былъ въ святости своихъ правъ.

В. К.

V.

Идетъ, идетъ впередъ безъ отдыха гонимый,
Таинственный ходокъ, ничѣмъ не сокрушимый,
Идетъ на сѣверъ онъ: за Альпы путь простеръ
Изъ Рима вѣчнаго безсмертный Агасверъ.
Онъ день и ночь шагалъ, какъ будто крылья бури
Унесть его хотятъ за крайній край лазури;
Онъ несся мимо горъ, и деревень, и скалъ
И, будто призракъ, онъ предъ встрѣчными мелькалъ....
И вотъ предъ нимъ стоитъ громада башенъ острыхъ
И шестиярусныхъ подоблачныхъ домовъ:
Изъ самыхъ старшихъ то тевтонскихъ городовъ,
Богатый, вольный Вормсъ; и въ Вормсѣ сеймъ имперскій,
И долженъ быть судимъ на сеймѣ инокъ дерзкій,
Который, тамъ въ углу, въ Саксоніи, возсталъ
На страшнаго жреца семи латинскихъ скалъ.
Самъ кесарь судія; съ нимъ вмѣстѣ кардиналъ
И семь электоровъ: не убоится-ль инокъ?
Онъ дастъ ли имъ отвѣтъ безъ страха, безъ запинокъ?
И въ думѣ городской сошелся весь соборъ:
Князья, епископы; шляпъ, шлемовъ, перьевъ боръ,
Все рыцарство; сидятъ. Донъ Карлосъ мрачный взоръ
Съ престола на вождей племенъ германскихъ мещетъ;
Надежда гордая въ груди его трепещетъ,
Онъ шепчетъ:
«Этихъ всѣхъ сломлю полуцарей,
Имъ рухнуть подъ рукой желѣзною моей!
Я—имъ товарищъ, имъ! Вѣдь и на нихъ порфира!
Я—имъ товарищъ, я, властитель полуміра,
Аббату Фульдскому товарищъ, да князькамъ,
Которымъ нѣтъ числа, Саксонскимъ! нѣтъ, не дамъ,
Имъ дольше чваниться! Слугой или вельможей
Пускай любой изъ нихъ торчитъ въ моей прихожей,
Но отъ державства васъ, друзья и сватовья,
Примусь я отучать, и отучу-же я!»
Но въ Думѣ, внѣ ея, на стогнахъ ждутъ монаха;
Его же самого костеръ ждетъ или плаха,
Когда бы вздумалъ Карлъ, смѣясь, нарушить листъ,
Гдѣ сказано: «хотя-бъ и не былъ правъ и чистъ,
Ты, инокъ ордена святаго Августина,
А слово ты прими царя и дворянина,
Что возворотишься и невредимъ и цѣлъ».
Не точно-ли такимъ и Гусъ листомъ владѣлъ?
И что-же? на кострѣ отважный чехъ истлѣлъ!

Вдругъ раздалось: «идетъ!» Безмолвье вмѣсто шума
Настало. Смотритъ чернь. Засуетилась Дума.
Тутъ дивнаго Жида, какъ древле Аввакума,
Схватило за власы, бросаетъ за толпу
И ставитъ на ноги къ стрѣльчатому столпу,
У самаго крыльца, за сотникомъ отважнымъ
Трабантовъ кесаря, сѣдымъ, суровымъ, важнымъ,
Угрюмымъ воиномъ, изрубленнымъ въ бояхъ...
И долженъ проходить предъ сотникомъ монахъ,
Взбираясь вверхъ, туда, гдѣ, темный и презрѣнной,
Онъ станетъ отвѣчать предъ сильными вселенной.
Вотъ онъ! Не скоръ, но чуждъ боязни твердый шагъ,
Съ него не сводитъ глазъ тотъ самый строгій врагъ,
Который, потому что Благодать порочилъ,
Великому изъ папъ при смерти адъ пророчилъ;
Который лишь кивалъ надменной головой,
Когда толпа, поднявъ свирѣпый, звѣрскій вой,
Скрежеща, тѣшилась надъ Зоею святой.
Безстрашенъ Агасверъ. Но силы непонятной
Вдругъ что-то вздрогнуло подъ чешуей булатной
Сѣдаго рыцаря: ударивъ по плечу
Героя-инока, онъ молвилъ: «въ бой лечу—
И бой мнѣ нипочемъ; но твой походъ тяжелѣ:
Попъ, нынѣ я въ твоемъ быть не желалъ бы тѣлѣ!»
Но очи Лютера заискрились, зажглись,
И устремились вверхъ въ лазуревую высь
Съ той дивной вѣрою, всесильно-чудотворной,
Которая безъ думъ рѣчетъ горѣ покорной—
И ввергнется гора въ пучину волнъ морскихъ;
Потомъ, на сотника понизивъ съ неба ихъ,
Отвѣтилъ: «въ Божьей я защитѣ, въ Божьей волѣ!
Ихъ не боюся я, хотя-бъ ихъ было болѣ
Сплошь дьяволовъ, чѣмъ вотъ на крышѣ черепицъ!
Безъ Бога не падетъ малѣйшая изъ птицъ,
Безъ Бога (съ нами Богъ!) не сгинетъ мой и волосъ!
Зоветъ меня мой Богъ, я Божій слышу голосъ!»

И въ залѣ очутился Жидъ,
Никѣмъ невидимъ, словно въ томъ туманѣ,
Который защищалъ въ сухомъ Аравистанѣ
Отъ зноя нѣкогда Евреевъ. Пышный видъ
Собранія его не озадачилъ:
Онъ видѣлъ кесарей восточныхъ свѣтлый дворъ;
Онъ что-то при дворѣ Бабера-шаха значилъ,—
Но на монахѣ онъ остановилъ свой взоръ.
Насмѣшникъ пагубный и ѣдкій,
Философъ, филологъ и діалектикъ рѣдкій,
Самъ кардиналъ вступилъ съ суровымъ нѣмцемъ въ споръ,

А кромѣ вѣчнаго божественнаго Слова
Не знаетъ Лютеръ ровно ничего:
Всѣхъ знаній и всѣхъ чувствъ и мыслей всѣхъ основа—
Единое оно наука для него.
Бой начался. И кардиналъ лукавый
Сначала, будто тигръ, жестокій и кровавый
Въ самомъ медленіи, свирѣпо-терпѣливъ,
Прилегъ и дремлетъ когти притаивъ;
Стремитъ на жертву масляные взгляды
И льетъ рѣками медъ обильной звучной свады;
Потомъ безъ принужденья перешелъ
Къ ироніи; вотъ легкія угрозы;
Вотъ снова на глазахъ явились чуть не слезы....
Но наконецъ его зарокоталъ глаголъ,
И засверкалъ сарказмъ, и громы Ватикана
Въ персть, кажется, сотрутъ германца-великана.
Спокоенъ Лютеръ; изворотливъ врагъ,
Блестящъ, язвителенъ, краснорѣчивъ и тонокъ;
Полудикарь-тедескъ все тотъ же: безъ уклонокъ
За рѣчію его идетъ за шагомъ шагъ,
Не опирается на разумъ ломкій,
Но произноситъ текстъ рѣшительный и громкій—
И разлетѣлись врознь, какъ стаи дикихъ птахъ,
Софизмы мудреца. И смотритъ вверхъ монахъ
И самого себя смиряетъ онъ и малитъ,
И молча молится, и молча Бога хвалитъ.
Неистовый доминиканецъ Экъ
Смѣняетъ кардинала-дипломата;
Но этого невѣжду-супостата
Уничтожаетъ вмигъ великій человѣкъ.
И за учителемъ подъемлется учитель,
И много доблестныхъ; но всѣхъ ихъ правота
Сражаетъ именемъ и помощью Христа;
Отважный Лютеръ всѣхъ ихъ побѣдитель.
Тогда въ сердитыхъ ихъ рядахъ возникъ
Глухой, опасный шопотъ,
Онъ вскорѣ превратился въ громкій ропотъ,
И вскорѣ—въ бѣшенный, неукротимый крикъ:
«Пусть отречется еретикъ
Безъ дальнаго, пустаго объясненья
Отъ своего проклятаго ученья!
Или въ него перунъ анаѳемы метнемъ,
И въ адъ онъ ринется въ нечестіи своемъ!»
Такъ нѣмцы голосятъ и топаютъ ногами
И сжатыми грозятъ противнику руками;
А итальянецъ обнажилъ кинжалъ,
Или прицѣлился тишкомъ изъ пистолета.
Экъ, грязный симонистъ, вскочилъ и вопіялъ:
«Костеръ, костеръ ему, онъ хульникъ параклета!»

Кто могъ бы тутъ узнать святителей синклитъ,
Честь церкви Божіей, цвѣтъ лучшій христіанства?
Со смѣхомъ Жидъ шепнулъ: «безумная отъ пьянства,
Предъ блуднымъ домомъ чернь, бѣснуяся, кричитъ!»
Нахмурилъ брови Карлосъ величавый
И скипетромъ махнулъ и бросилъ гнѣвный взоръ:
Затрепеталъ и смолкъ ихъ яростный соборъ.
Властитель Лютеру сказалъ: «они не правы,
Но слишкомъ дерзокъ ты, свой голосъ ты понизь;
Ступай, отъ своего ученья отрекись».
И Лютеръ тутъ къ готовому налою
Безтрепетно идетъ
И руку на Евангеліе кладетъ,
И, воспаривъ горѣ восторженной душою,
Воскликнулъ:
«Духу правды не солгу!
Отречься, видитъ Богъ, никакъ я не могу!»

Да, онъ погибнетъ: слабъ отпоръ баронскій—
Анаѳема и дерзкихъ леденитъ.
Да! онъ погибнетъ: есть ли Божій щитъ
Его незримо не прикроетъ. Князь Саксонскій,
Что медлишь, благородный Іоаннъ?
Ты-ль Гессенскій Вильгельмъ, всегда доселѣ смѣлый,
Испугомъ блѣднымъ обуянъ?
И что же? сыну Изабеллы,
Властителю столь многихъ царствъ и странъ,
Которыхъ и ему невѣдомы предѣлы,
Такъ молвилъ темный инокъ: «Государь!
Ты защитишь меня отъ кровопійцъ свирѣпыхъ:
Къ числу ли сказокъ отнести нелѣпыхъ
И честь и честность царскую? Есть царь
И надъ царями: листъ твой у меня,—
И листъ твой вынесу я изъ того огня,
Которымъ мнѣ грозятъ, и къ Господу представлю!»
—«Молчи! тебя избавлю»,
Донъ Карлосъ отвѣчалъ, съ досады поблѣднѣвъ,
Но не на Лютера онъ изліялъ свой гнѣвъ:
«Мятежники, садитесь! не забудьте,
Что здѣсь верховный судія—
Германскій императоръ, я!
Въ моемъ присутствіи смиреннѣе вы будьте!
Я вамъ не Сигизмундъ»,—сказалъ
Могущимъ голосомъ прелатамъ императоръ.
Краснорѣчивый, вкрадчивый ораторъ,
Хотѣлъ промолвить что-то кардиналъ,
Но Карлосъ головой кудрявой покачалъ
И подозвалъ саксонца Іоанна:
«Электоръ, проводи изъ города, изъ стана.

Схизматика: онъ твой вассалъ....
Ему данъ листъ охранный;
Но пусть не попадется мнѣ:
На колесѣ склюютъ его орлы и враны,
Или истлѣетъ онъ въ огнѣ!»
И вывелъ ратника за истину и Бога
Саксонецъ изъ опаснаго чертога,
И императоръ сеймъ мятежный распустилъ.

Что-жъ Жидъ предъ мужемъ вѣры, мужемъ силъ,
Почувствовалъ? «Фанатикъ! много ихъ,—
Онъ молвилъ,—въ стадѣ Іисуса!
Жаль, не сожгли его, какъ Іоанна Гуса!»
Но нечестивецъ вдругъ притихъ:
Ему явился рядъ такихъ воспоминаній,
Которыя излили токъ страданій
Въ окаменѣлую отъ долгой муки грудь,—
И Агасверъ былъ принужденъ вздохнуть.

Примѣчаніе. Эта глава въ подлинной рукописи автора носитъ такое заглавіе: «Пятый отрывокъ Вѣчнаго Жида: Лютеръ».

Ред.

VI.

Безвѣрье, легкомысліе, развратъ
Избрали Францію любимицей своею:
Маркизъ и откупщикъ, философъ и аббатъ
Равно готовили для гильотины шею;
Затѣмъ, что, позабывъ, что есть Господь и Богъ,
Тамъ всякій дѣлалъ то, что только смѣлъ и могъ,
И что глупцы слѣпые безъ печали,
Рѣзвясь, переворотъ ужасный вызывали,
Который пролилъ кровь, какъ водопадъ съ горы,
Который, какъ и все, что шлетъ намъ Провидѣнье,
Ниспосланъ былъ землѣ во благо и спасенье;
Но звать, выкликивать безъ мысли, до поры,
Безъ вѣры, съ хохотомъ, столь страшные дары—
Не богоборное ли дерзновенье?
И какъ же было въ эти дни
Все такъ изящно, гладко, мило,
И вмѣстѣ все такъ страшно перегнило!
Играли, прыгали, рѣзвилися они,
Какъ будто обезумѣвъ отъ дурмана
Надъ яростнымъ жерломъ разверстаго волкана.
Разврата грубаго Регентовскихъ временъ,
Временъ Людовика, Людовикова дѣда,
Конечно, не было въ Версалѣ даже слѣда,
И слѣду не было и средь Парижскихъ стѣнъ,
Гдѣ богачи порой безъ вкуса подражали
Всѣмъ выдумкамъ и прихотямъ Версали.
На тронѣ юноша задумчивый сидѣлъ,
Съ душой, исполненной любви и состраданья
Къ народу своему и чистаго желанья
Помочь его бѣдамъ. За всякій же предѣлъ
Бѣды тѣ перешли: придавленъ тяжкой дланью
Откупщика къ землѣ, обремененный данью
Правительству, дворянству, алтарю,
Крестьянинъ раннюю въ трудахъ встрѣчалъ зарю
И отдыха не зналъ до самой поздней ночи,
А дома—дѣти, голодъ, плачъ и стонъ!
Когда ему терпѣть не станетъ мочи,
Не въ тигра-ли переродится онъ?
А между тѣмъ, безпечная какъ птичка,
Порхала средь цвѣтовъ державная Австрійчка
И за милліономъ тратила милльонъ,
Чтобъ въ Паѳосъ превратить Марли и Тріанонъ.
А между тѣмъ Дора, Бернаръ и Сенламберъ

Безъ мысли и печали
Свои стишки водяные кропали....
Имъ всѣмъ въ провинціи жестоко подражали:
Въ Ланѣ (sic), напримѣръ,
Любезникъ деревянный Робеспьеръ;
Онъ... но тогда точилъ онъ мадригалы,
Которымъ удивлялись залы
Руанскія. А между тѣмъ ужасно,
Нося погибель, долгъ народный росъ:
Министры и системы ежечасно
Перемѣнялись. Но колоссъ
Весь трясся, перегнивъ до сердцевины.
Священство? Высшее? предчувствуя погромъ,
Казалось, только думало о томъ,
Какъ бы спасти свои доходы, десятины,
Помѣстья и помѣщичьи права.
Аббаты лучше ихъ: пуста ихъ голова,
Святые ихъ обѣты позабыты,
Сплошь будуарные шуты и волокиты;
Но кое въ комъ изъ нихъ душа еще жива,
Но кое-кто изъ нихъ перо бралъ для защиты
Народа скорбнаго, сравненнаго съ скотомъ.
Все это замѣчалося Жидомъ,
И радовался онъ глубокому упадку
Въ религіи, и былъ увѣренъ въ томъ,
Что эти лже-жрецы всѣ первому нападку
Уступятъ, и отступятъ отъ Христа.
Но гордаго ума догадки суета;
Но насылаетъ Богъ неистовыя бури,
Для очищенія померкнувшей лазури;
И чуднымъ образомъ, средь грозъ, и золъ, и бѣдъ,
Духъ просыпается и вотъ находитъ слѣдъ,
Находитъ вѣрную, надежную дорогу
Обратно къ своему Отцу и Богу.

Все рушилось; все пало; церкви нѣтъ;
Престолъ вдругъ рухнулъ въ зѣвъ бездонный;
Глухая ночь, померкъ послѣдній свѣтъ;
Король казненъ. Народъ кровавый, полусонный,
Жертвъ требуетъ еще, но жертвъ почти ужъ нѣтъ.
Въ то время палачу тяжка была работа:
Онъ чистилъ Францію, какъ чиститъ рощу палъ.
Сначала съ эшафота
Онъ буйной черни головы казалъ
Ей ненавистныхъ монархистовъ,
Различныхъ видовъ и цвѣтовъ,
Когда-то яростныхъ между собой враговъ:
Народъ ихъ не терпѣлъ; но молчаливъ, суровъ,

Встрѣчалъ и ихъ безъ хохота и свистовъ.
Но вотъ Жиронды часъ насталъ:
Сталъ чистить кумъ-палачъ и ихъ какъ тотъ же палъ.
Тогда великіе таланты пали:
Вернье и Барбару, Роланова жена
И дѣва дивная, чудесная, она,
Пронзившая огнемъ холодной стали
Урода гадкаго, который вопилъ: «кровь!»
И крови жаждалъ, какъ воды студеной;
Онъ, вѣчно бѣшеный, всегда остервененный,
Печаталъ и кричалъ: «къ отечеству любовь,
Къ свободѣ, человѣчеству и благу
Должна въ насъ укрѣплять свирѣпую отвагу
Срывать съ тѣхъ головы, сажать ихъ на копье,
По улицамъ рубить, кто мнѣніе свое
Въ Конвентѣ выскажетъ не справясь съ нашимъ мнѣньемъ!»
И далѣ, далѣ очередь дошла
До мужа грознаго: онъ чернымъ преступленьемъ
Себя ославилъ, много сдѣлалъ зла,
Но Францію онъ спасъ, когда ужъ погибала.
Онъ создалъ войско, создалъ генерала,
Онъ храбрость создалъ: ребятишекъ онъ,
Босыхъ мерзавцевъ, превратилъ въ героевъ.
И чтожъ! предъ ними дрогнулъ легіонъ,
Который цѣлой сотней боевъ
Стяжалъ въ Европѣ первенство. Дантонъ
Рукой гиганта,—геніемъ титана
Попятилъ пруссаковъ: свободенъ край родной,
Но кровь темничныхъ жертвъ подъемлетъ къ небу вой!
Готова кара великана.
Какъ левъ, погибъ онъ: судьи трепетали,
Какъ уличенные преступники, предъ нимъ.
Онъ шелъ на казнь неустрашимъ,
Но не безъ тягостной печали:
Жалѣлъ жены смиренной онъ своей,
Жалѣлъ птенцовъ—своихъ дѣтей.
Съ нимъ палъ и Демуленъ, витія превосходный,
Да съ милой легкостью, ужъ черезчуръ свободной,
Мѣнявшій мнѣнія, знамена и вождей.
Но чтобъ набросить тѣнь на яркій блескъ Дантона,
Съ нимъ вмѣстѣ гильотинѣ роковой
Предали взяточниковъ рой,
Воровъ публичныхъ, продавцовъ закона.
«Кто-жъ эти чудеса творилъ?
Не мужъ ли, недоступный страху
И полный демонскихъ неколебимыхъ силъ?
Потомка ста царей возвелъ на плаху,
Талантъ, науку, умъ, честь, красоту казнилъ,
Казнилъ порокъ и добродѣтель....

И наконецъ,
Презрѣвъ порфиру и вѣнецъ,
Сталъ страшной Франціи безжалостный владѣтель.
Злодѣй-то онъ, ужаснѣйшій злодѣй,
Но вмѣстѣ самый мощный изъ людей!»
Не безпокойтесь: это трусъ тщедушный,
Передъ грозой всегда дрожащій, малодушный,
Ораторъ слабый, но чудесный лицемѣръ,
Гіена-плакса, честный Робеспьеръ,
Когда-то сладенькихъ стишковъ плохой слагатель,
Теперь земли родной кровавый обладатель.

Все это замѣчалося Жидомъ
Но вмѣстѣ видѣлъ онъ, какъ двадцать, тридцать вѣрныхъ,
Свой домъ покинувъ ночію, тайкомъ,
Сбирались въ глубинахъ пещерныхъ,
И какъ приносъ безкровный іерей
Безъ страха приносилъ за Божіихъ друзей.

Свирѣпствуетъ Карье. Несчастный Нантъ трепещетъ.
Палачъ отъ казни изнемогъ;
Тутъ извергъ гильотиной пренебрегъ:
Картечь въ священниковъ, въ аристократовъ мещетъ.
Республиканскія, въ добавокъ, свадьбы шутъ
Изволилъ выдумать: аббата съ дамой вмѣстѣ
Велитъ связать: приданое невѣстѣ—
На шею камень въ пудъ,
Въ два пуда жениху,—и ихъ въ Луару бросятъ,—
И это все безъ всякаго суда!
Нѣтъ, пусть властей парижскихъ не поносятъ,
А въ захолустія заглянутъ, да сюда,
Въ провинцію: здѣсь во сто кратъ страшнѣе!
Здѣсь всякій коммисаръ—проконсулъ, и сильнѣе
Любаго римскаго.—Съ Карье сошелся Жидъ
И былъ тираномъ приглашенъ на ужинъ.
Карье былъ Агасверу нуженъ:
Онъ согласился. Званіе и видъ
Пришлецъ мѣнялъ какъ вздумаетъ, но чтобы
Вездѣ ему былъ доступъ, онъ врачомъ
Слылъ часто, твердо убѣжденный въ томъ,
Что людямъ ихъ безцѣнныя утробы
Всего любезнѣе подъ міровымъ шатромъ.

Карье. «Пей, докторъ: это мнѣ вино съ курьеромъ
Прислалъ гостинецъ изъ Бордо Тальэнъ».

Жидъ. Одобрится ли только Робеспьеромъ
Такая дружба?

Карье: «Не безъ ушей у стѣнъ»,
Вскочивъ, пролепеталъ Карье съ испугомъ.
«Откроюсь предъ тобой, какъ другомъ:
Я чистъ; шпіоны не найдутъ слѣда,
Чтобъ бралъ я взятки.... никогда!
Тальэнъ мнѣ другъ: но онъ иное дѣло;
Хватаетъ, грабитъ слишкомъ смѣло;
Въ Бордо составилсяископъ,
Чтобъ на него донесть.—А что мой гороскопъ?»

Жидъ. Тальэнъ переживетъ тебя.
Карье. «Ужели!
А сколько мнѣ прожить?»
Жидъ. Не знаю; только мнѣ
Пророческія звѣзды нынѣ пѣли,
И ты замѣть, въ добавокъ, не во снѣ:
«Въ страшной длани Робеспьера
Дни могущаго Карье....
Не было бы еще примѣра:
Но Вереса пощадитъ,
Злой, благою тьмой покрытъ,
Безсеребренникъ Катонъ
И сойдетъ со сцены онъ».

Карье. «Со сцены кто сойдетъ: Катонъ или Вересъ?»

Жидъ. Не знаю. Вѣщій духъ исчезъ
И не разслушалъ всѣхъ моихъ вопросовъ.

Карье. «Я чистъ. Не боюся я доносовъ:
Су ни съ кого я не бралъ. Былъ я строгъ,
Но твердо убѣжденъ, быть мягче я не могъ».

Жидъ. А завтра ты поповъ предашь картечи?—

Карье. «Да! завтра: рѣшено.... Не хочешь ли ты рѣчи
Изъ-подтишка со мною завести,
Чтобъ ихъ помиловать?»
Жидъ. Почти.
Карье. «Э, докторъ, берегись! тебѣ я благодаренъ,
По милости твоей здоровъ я, словно баринъ;
Пропалъ мой ревматизмъ. Но за такую рѣчь
Попасть и самъ ты можешь подъ картечь».

Жидъ. Я подъ нее прошусь.
Карье. «Ахъ докторъ ты мой бѣдный!
Не даромъ сталъ такой ты блѣдный:
Ты охмѣлѣлъ, ты совершенно пьянъ!»

Жидъ. Я выпилъ во всю ночь одинъ стаканъ.
Я не боюсь твоей картечи.
Я гость твой: неужели гостя рѣчи
Не хочешь выслушать? Позволь мнѣ имъ
На самомъ мѣстѣ именемъ твоимъ
Пощаду объявить, но только-бъ отступили
Отъ своего Христа.

Карье. «Изволь, изволь! Но ты не трать пустыхъ усилій:
Ихъ знаю; не отступятъ никогда».

Сіяетъ свѣтлый лугъ предъ городомъ прекраснымъ;
Какъ утро хорошо подъ этимъ небомъ яснымъ!
Какъ воздухъ чистъ и свѣжъ! Какъ сладокъ вѣтерокъ!
Привѣтливъ и пригожъ каштановый лѣсокъ;
Повсюду пышные сады, усадьбы, нивы....
И какъ же-ль люди не счастливы!
Взгляните: изъ темницъ и башенъ городскихъ
Не граждане-ль влекутъ сто сограждамъ своихъ,
Въ оковахъ, но свободныхъ отъ боязни,
Священниковъ, Христовыхъ вѣрныхъ слугъ,
На этотъ самый свѣтлый лугъ,
Чтобъ мученической предать ихъ казни.
Свободенъ, безъ оковъ, шагаетъ Жидъ средь нихъ;
Онъ нѣкоторыхъ зналъ въ Парижѣ прежде:
Вотъ почему онъ въ суетной надеждѣ,
Что увлечетъ хоть этихъ. Напримѣръ,
Онъ руку подалъ блѣдному аббату,
Лѣтъ тридцати.
«Лизету мнѣ и хату!»
«Я ваши пѣсенки, Лельеръ, не позабылъ.
Тогда—вы какъ же были милы,
Въ сарказмѣ вашемъ сколько было силы,
Какъ бредни поднимали вы на смѣхъ!
И что таить? да, и таить-то грѣхъ:
Вы поклонялись шалуну Вольтеру
И славили вездѣ естественную вѣру.
И васъ ли вижу здѣсь, любезный мой аббе,
Клянусь, къ живой моей печали?
Какъ въ сонмъ фанатиковъ безумныхъ вы попали?
И съ ними вы-ль одной обречены судьбѣ?
Ей-Богу, это странно, это ново!
Но полномочье отъ Карье
Есть у меня; скажите только слово:
«Я не христьянинъ!»—буду самъ безъ головы,
Когда не тотчасъ же свободны вы».

И вотъ закованныя руки
Съ усильемъ на небо Лельеръ,
Съ молитвой тихою, безмолвною простеръ.
«Я христіанинъ», онъ сказалъ. «Мнѣ муки
За Бога своего и Спаса и Христа
Принять такая честь, которой, окаянный,
Я бы не стоилъ никогда.
Но Онъ мой пѣстунъ постоянный,
Онъ, вѣрный Пастырь мой, бѣжавшую овцу,
Ужъ погибавшую, нашелъ въ степи ужасной,
На рамо возложилъ и, въ день святый и ясной,
Принесъ обратно къ Своему Отцу.
Молюся, докторъ, чтобъ и васъ нашелъ Спаситель».

«Sancta simplicitas», подумалъ соблазнитель,
«Вотъ молится, чтобъ Вѣчный Жидъ
Покаялся!» Но вмѣстѣ тайный стыдъ
Почувствовалъ и отошелъ смущенный.
Достигли мѣста. Тылъ къ рѣкѣ прижатъ
Глубокой и заранѣ раздраженной,
Что вновь ее тѣлами отягчатъ.
И собственную жизнь отъ выстрѣловъ спасая,
Тутъ разступилась стража городская,
И, глазъ съ страдальцевъ не спуская,
Построилась поодоль по бокамъ;
А тамъ, а тамъ—
Противу нихъ, по манію злодѣя,
Готова адомъ грянуть батарея........
Въ рукахъ солдатъ дымятся фители;
Но грохотомъ еще не дрогла грудь земли,
И молніи смертей еще не засверкали,
И медлитъ пасть на осужденныхъ рокъ.
Не миновалъ еще тираномъ данный срокъ
И могутъ всѣ еще, безъ горя, безъ печали,
Свободные, назадъ идти въ свой домъ,
А только бы разстались съ Христомъ
И увѣщеніямъ Жида усерднымъ вняли:
Къ тому, къ другому онъ съ разсудкомъ и съ умомъ,
Съ довѳдами и просьбами подходитъ,
Но только ужасъ онъ на всѣхъ наводитъ
И всѣ бѣгутъ его, огородясь крестомъ;
Иной же говоритъ: «отыди, мужъ жестокой!
Что такъ моей души ты ищешь одинокой?»
Тутъ блѣдный Агасверъ, отчаянный игрокъ,
Не испытавъ такого срама съ роду,
Сталъ тасовать свою послѣднюю колоду.
Онъ смотритъ: молится дрожащій старичёкъ:
Взглянулъ: епископъ, въ фіолетовой одеждѣ;
Припомнилъ: онъ знакомъ и съ нимъ былъ прежде;
Къ нему подходитъ въ суетной надеждѣ:

«Какъ? Васъ-ли, monseigneur, я вижу? Вы ли то?
Въ нотабляхъ были вы: встрѣчались мы въ Версали....
Однажды мнѣ съ улыбкой вы сказали:
«Здѣсь о религіи не думаетъ никто;
Но галликанской церкви быть
Быть долженъ сохраненъ: при немъ епископъ сытъ,
Да есть и лишекъ на собакъ сердитыхъ,
По всей окрестности проворствомъ знаменитыхъ,
На англійскаго добраго коня,
И—кое-что на что».... Оставивши меня
Вы въ бойкій разговоръ за «Фигаро» вступили....
И послѣ легонькихъ усилій
Зоиловъ автора вы въ пухъ, вы въ прахъ разбили...
И нынѣ—извините—ха! ха! ха!
Не побоясь ни срама, ни грѣха,
Насъ увѣряете, что гибнете за вѣру!
Оставьте пошлому все это лицемѣру:
Вы гибните за вашихъ псовъ,
За вашего коня породы чистой
И кое-что за что: вы человѣкъ рѣчистый,
Но то оставили безъ дальнихъ словъ.
Я къ вашей кстати подоспѣлъ защитѣ:
«Философъ я», скажите,
«Я не ханжа» и вамъ свободенъ путь—идите».

И старецъ покачалъ сѣдою головой:
«Тяжелый, страшный грузъ легъ надъ моей душой,
Но видитъ, знаетъ Онъ, мой Послухъ и Свидѣтель,
Что, скверны и мерзостей безчисленныхъ содѣтель,
Отъ Бога моего и Спаса и Христа
Не отступлюсь я никогда!»

И старецъ замолчалъ, и твердъ его былъ голосъ,
И солнцемъ озлащенъ кудрявый бѣлый волосъ,
И озлащенна борода,
Лучами облитъ весь.—Раздался конскій топотъ
И вершникъ закричалъ: «въ народѣ слышенъ ропотъ,
Немедленно къ себѣ
Васъ, докторъ, проситъ гражданинъ Карье,
А для преступниковъ настало время казни!» —

— «Я посрамленъ попами: безъ боязни
Всѣ на смерть просятся: я, братъ, останусь здѣсь
И выжду я, чѣмъ кончится ихъ спѣсь...»

Вершникъ: «Здѣсь? здѣсь васъ убьютъ, застрѣлятъ».

Жидъ. Какъ эти люди мелютъ,
А если я хочу застрѣленъ быть, убитъ?

Вершникъ. «У всякаго свой вкусъ», тотъ молвилъ и летитъ.

«Чтожъ—докторъ?» вершнику Карье кричитъ.

Вершникъ. Вашъ докторъ—докторъ вашъ сердитъ!
Или съума сошелъ, или онъ англичанинъ....
Твердитъ: «я, братъ, останусь здѣсь
И посмотрю, чѣмъ кончится ихъ спѣсь».

Карье. «Онъ англичанинъ! Ахъ, я въ сердце раненъ,
Агентъ онъ Іорка, Питтовъ онъ шпіонъ!
А былъ почти моимъ домашнимъ онъ!»
Такъ бормоталъ Карье: и гадокъ и смѣшонъ
Былъ изверга трусливый, жалкій стонъ;
Но вотъ пришелъ тиранъ въ остервененье:
«Пошлю я Робеспьеру донесенье,
А пусть теперь съ попами сгинетъ онъ,
Пали!»
И вотъ, по манію злодѣя,
Вдругъ смертью плюнула и адомъ батарея,
И съ болью дрогла грудь трепещущей земли,
И—половины нѣтъ. «Пали!»
И молніи смертей зміями засверкали,—
Всѣ, кромѣ двухъ, въ кровавый гробъ упали:
Епископъ молится, и Жидъ еще стоитъ.
«Твой англичанинъ не убитъ»,
Проконсулу сказали; канонеру
Подъѣхать ближе онъ велитъ
И выстрѣлъ прямо въ грудь направитъ Агасверу.
Раздался выстрѣлъ: выстрѣлъ—хоть куда!
Но только не попалъ въ Жида;
Епископа съ земли онъ поднялъ, какъ пророка
Илію великаго, и ринулъ въ глубь потока;
А на полетѣ, свысока,
Казалось, длани старика
Врозь распростертыя, всѣхъ тѣхъ благословляли,
Которые сегодня за Христа
Съ нимъ вмѣстѣ пострадали.......
Но взоры всѣхъ стремятся на Жида
Прямешенько къ Карье идетъ онъ, невредимый,
Но видимой тоской тягчимый.
Сошлись. Карье. «Ты англичанинъ?»

Жидъ. Ты... дуракъ:

Ты развѣ не взглянулъ въ мои бумаги?

Карье. «Куда же ты идешь такъ смѣлъ и полнъ отваги?»

Жидъ. Куда хочу.

Карье. «Тебя я задержу, чудакъ».

Жидъ. Нѣтъ, не задержишь.

Карье. «Это какъ?»

Жидъ. Нѣтъ власти.

Карье. «Власти нѣтъ!»

Жидъ. Да такъ.
Ужъ въ Нантъ тотъ въѣхалъ, кто сегодня-жъ, мужъ кровавый,
Тебя въ Парижъ отправитъ для расправы».

Сказалъ; но вдругъ поникъ тяжелой головой
И, будто призракъ, онъ сокрылся за горой.

Примѣчаніе. Вся глава, изъ эпохи французской революціи, въ рукописи автора озаглавлена такъ: «Седьмой (sic) отрывокъ Вѣчнаго Жида». Затѣмъ онъ разбитъ на слѣдующіе отдѣлы: «1 § Нантъ». «2 § Ужинъ у Карье». «3 § Мученики». — Вся глава переписана Кюхельбекеромъ на-бѣло, безъ помарокъ. Ред.

VII [1]).

Вотъ такъ-то Агасверъ
Переплывалъ моря и рѣки;
Прошелъ всѣ земли, всѣ страны и вѣки
И видѣлъ колыбель и гробъ племенъ и вѣръ,
Рожденье и кончину мнѣній.
Онъ длинную прошелъ аллею поколѣній
И былъ свидѣтелемъ холоднымъ много разъ,
Какъ человѣчества упадшій съ неба геній
Отъ смраднаго дыханія заразъ,
Отъ жаднаго ножа крамолы и смятеній,
Отъ труса и войны, грѣховъ и заблужденій,
Въ смертельныхъ корчахъ издыхалъ,
Какъ палъ ходилъ всемірныхъ превращеній
И всѣ его созданья поѣдалъ;—
Или-жъ, какъ онъ, побѣдоносный геній,
Торжествовалъ могуществомъ ума
И быстро таяла предъ блескомъ свѣта тьма.
Но наступала снова перемѣна
И повторялся роковой законъ:
Какъ нѣкогда слова: Мемфисъ и Вавилонъ,
Такъ звуки: Лиссабонъ, Неаполь, Вѣна,
Москва, Аѳины, Римъ—
Съ народной памятной скрижали
Одинъ стирались за другимъ
И темной притчею столѣтій дальныхъ стали.—
Британецъ гордый уступилъ волкамъ
Свой бѣлый островъ, торжище вселенной;
Развалинъ грудой сталъ Парижъ надменный;
Вновь океанъ шумитъ и воетъ тамъ,
Гдѣ полуночная Пальмира
Влекла къ себѣ и страхъ и взоры міра.
Иныя стали слышны имена:
Въ замѣну старыхъ, новыя державы
Блеснули подъ луной однимъ мгновеньемъ славы;
Но слѣдъ и ихъ исчезъ, какъ слѣдъ пустаго сна,
И вотъ послѣдняя настала перемѣна....
И вдругъ среди померкнувшихъ небесъ
Ужъ не было ни солнца, ни чудесъ,
И стала грязью радужная пѣна;

---

[1]) Въ рукописи автора озаглавлено такъ: «Окончательный отрывокъ».
Ред.

И пролетѣла жизнь земли, какъ мигъ:
Конца всѣхъ странствій Агасверъ достигъ.

Люди всѣ почти легли
Въ лоно матери-земли;
Даже человѣка голосъ
Раздается рѣдко гдѣ....
Какъ въ забытой бороздѣ
Иногда и въ зиму колосъ
Уцѣлѣетъ, одинокъ,—
Такъ, пойдетъ-ли на востокъ,
Путь простретъ-ли къ полуночи,
Могъ не часто въ оный вѣкъ
Человѣка встрѣтить очи
Одинокій человѣкъ

И брани умолкли и слышанія браней [1];
Мечи еще цѣлы, но нѣтъ уже дланей;
Нейдетъ ни откуда кровавая рать;
Ужъ не за что брату на брата возстать.
Послѣдняя вскорѣ зажжется денница:
Нашъ шаръ совершилъ свою жизнь и судьбу;
Простерлась Архангела съ неба десница,
И взять онъ готовъ роковую трубу....
Затрубитъ,—и мрачнаго, хладнаго гроба
Отверзнется съ трескомъ нѣмая утроба;
На грозный его, повелительный зовъ
Застонетъ земля—и родитъ мертвецовъ.

И Тотъ, Кто былъ распятъ, и проклятъ, и поруганъ,
Тогда появится средь свѣтлыхъ облаковъ,
Средь сонма Ангеловъ, Своихъ святыхъ рабовъ,—
И затрясется адъ—Его судомъ испуганъ.
И приближался часъ, когда пріидетъ Онъ:
    Безъ остановки, безъ препонъ,
На шумныхъ крыльяхъ къ неминучей цѣли
    Земля летѣла;—люди все рѣдѣли...

---

[1] «Услышати-же имати брани и слышанія бранемъ: зрите, не ужасайтеся подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, но не тогда есть кончина» и проч.
В. К.

И оставался наконецъ
Единственный изъ милліоновъ,
Не сынъ, не братъ онъ, не отецъ:
Онъ пережилъ паденье троновъ,
Наукъ, искусствъ и городовъ.
И видѣлъ онъ возобновленье
Болотъ и дебрей, и лѣсовъ,
Гдѣ блескъ и лоскъ и развращенье
Когда-то пировали пиръ....

Съ чего?—не все-ль равно? а міръ
Одряхшій, предъ своей кончиной
Весь сталъ пустынею единой;—
И въ той пустынѣ заползли,
Взвились и забродили снова,
Воскреснувъ, первенцы земли... [1])
Ихъ кости крыла горъ основа
И омывалъ безмолвный ходъ
Таинственныхъ бездонныхъ водъ,
Которыхъ глуби лотъ не знаетъ,
Которыхъ сна не возмущаетъ
Дыханье бурь и непогодъ.......
Но потряслись и глубь и горы [2]),
И выступаетъ во всѣ поры
Предъ смертію планеты потъ—
И съ нимъ чудовища,—и вотъ
Ихъ видятъ человѣка взоры.
Ожившій Машутъ зашагалъ;
Летягъ уродливое племя
Вдругъ зашныряло; въ то же время
Сто щупъ до облаковъ подъялъ
Полипъ, подобье Бріарея;
Подъ тяжестью морскаго змѣя
Кипитъ и стонетъ гнѣвный валъ.
Здѣсь птеродактиль, ящеръ-птаха,
Въ тяжеломъ воздухѣ кружитъ;
Тамъ движется огромный щитъ,—
То въ десять сажень черепаха.

---

[1]) Здѣсь дѣло идетъ о допотопныхъ животныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ еще не рѣшено, баснословныя ли они или нѣтъ.

[2]) Въ простомъ народѣ полагаютъ, что отъ поту нѣкоторыхъ больныхъ зарождаются вши.

В. К.

И безъ клеврета человѣкъ
Межъ нихъ, межъ тварей разрушенья,
И жаждетъ онъ успокоенья
И вопитъ: «безъ конца мой вѣкъ!»

Но между тѣмъ уже притекъ
Тотъ вечеръ, за которымъ дня свѣтилу
Надъ мертвымъ міромъ не всходить:
Допрядена подлунной жизни нить,
И канетъ трупъ земли въ бездонную могилу.

Жалокъ тотъ, кого сразилъ
Рокъ суровый смертью брата;
Тяжела того утрата,
Кто подругу схоронилъ;
Слезъ достоинъ тотъ и бѣденъ,
Кто стоитъ одинъ и блѣденъ
Средь чужихъ ему людей
Надъ доскою гробовою—
Всѣхъ родимыхъ, всѣхъ друзей,
Всѣхъ, съ кѣмъ связанъ былъ душою.
Но мучительнѣе часть
Пережившаго отчизну;
Тотъ-же, кто свершаетъ тризну
Надъ вселенной, долженъ пасть
Подъ судьбой невыносимой,
Хоть бы былъ титанскій духъ
Для движенья сердца глухъ
Каменный, несокрушимый.

Послѣдній человѣкъ былъ мужъ булатныхъ силъ:
Холодный, дерзостный, безчувственный, надменный;
Жены, дѣтей, друзей, страны родной лишенный,
Онъ зубы стиснулъ и—слезы не уронилъ;
Но предпослѣднему закрылъ слѣпыя очи,
И чтоже?—средь пустой и [illegible]едѣльной ночи,
Какъ волкъ неистовый въ [illegible]й епи завылъ:
А тотъ его врагомъ заклятымъ, горькимъ былъ.—

И сидитъ одинъ и страшенъ
Онъ, единый властелинъ
Міра труповъ и личинъ:
Были тамъ остатки башенъ.

Камни, слѣдъ какихъ-то стѣнъ,
Мѣдь, желѣзо, даже злато;
Городъ тамъ стоялъ когда-то,
Но теперь все прахъ и тлѣнъ:
Нѣтъ ему нигдѣ отвѣта;
Съ мужемъ-горя нѣтъ и пса;
Звѣзды безъ лучей и свѣта...
Нѣтъ луны, одна комета
Опаляетъ небеса.

«Адъ одиночества, адъ однозвучный!
Страшно мнѣ: вырвуся, выбѣгу вонъ!»
Такъ простоналъ и дрожитъ злополучный:
Гулъ повторилъ его бѣшенный стонъ;—
Вдругъ замолчалъ, посмотрѣлъ и хохочетъ:
Бѣлая бездна, сліяніе рѣкъ,
Въ пропасти черной реветъ и клокочетъ;
Вспрянулъ послѣдній живой человѣкъ,
Въ зѣвъ ея радостно ринуться хочетъ....

Но кто же за руку его остановилъ?
Какое вышло вдругъ изъ дебри привидѣнье?
Мечта-ли, или есть въ груди его біенье?
Еще ли есть одинъ не мертвый средь могилъ?
Походка тяжела, какъ будто истукана,
Который, отдѣлясь отъ мѣднаго коня,
Вдругъ сталъ шагать на зовъ безумца Донъ-Жуана [1]).

Въ лицѣ нѣтъ жизни, нѣтъ въ очахъ огня;
Но мышцы, ростъ и кости великана:
Не горестный, не воющій призракъ
Въ конечный день земли покинулъ гроба мракъ,
Нѣтъ, Агасверъ безсмертный ждетъ возврата
Изъ-за пучины солнцевъ и свѣтилъ

---

[1]) См. траги-комедію Мольера, оперу, передѣланную изъ этой комедіи, и геніальный отрывокъ нашего Пушкина: «Каменный Гость».

В. К.

Христа, распятаго велѣніемъ Пилата:
Онъ въ этотъ страшный часъ къ страдальцу приступилъ.—
И смертный узнаетъ, кого передъ собою
Увидѣлъ,—и смирился передъ тѣмъ,
Кто болѣ всѣхъ людей испытанъ былъ Судьбою:
«Утѣшься! . . . .
. . . .
. . . .
Тебѣ отдохновеніе настало».

Такъ сыну тлѣнія нетлѣнный странникъ рекъ;
Безъ жизни палъ въ его объятья человѣкъ;
Тотъ, молча, на землю слагаетъ трупъ недвижный.
На груду камней сѣлъ и взоръ подъялъ горѣ
На встрѣчу дивной и таинственной зарѣ,
Предвѣстницѣ, что сходитъ Непостижный.—

1842 г. **В. К. Кюхельбекеръ.**

Примѣчаніе. Подлинная рукопись, автографъ, этой поэмы, съ которой она здѣсь и напечатана,—сообщена въ 1870 г., въ числѣ прочихъ бумагъ Кюхельбекера, дѣтьми покойнаго поэта М. В. Кюхельбекеромъ и Ю. В. Косовой, рожденной Кюхельбекеръ. Рукопись въ листъ, 76 страницъ, переписана на бѣло самимъ авторомъ съ нѣкоторыми, мѣстами, поправками и измѣненіями. Ред.

ОБВИНЕНІЕ И ССЫЛКА ПАСТОРА ЗЕЙДЕРА

24-го мая—26 сентября 1800 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 589—593, былъ напечатанъ извлеченный изъ сочиненія А. Коцебу—Une année mémorable de ma vie—разсказъ о доносѣ Ѳ. О. Туманскаго [1]) на пастора Зейдера, вслѣдствіе этого доноса безвинно приговореннаго къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ Нерчинскъ, откуда, при восшествіи на престолъ Александра I, несчастный пасторъ былъ возвращенъ и, съ возстановленіемъ прежнихъ его правъ, взысканъ милостію Государя. Судъ и приговоръ надъ Зейдеромъ надѣлали много шуму въ столицѣ и произвели весьма тягостное впечатлѣніе на жителей. Покойный П. И. Гречъ въ своихъ Воспоминаніяхъ передаетъ этотъ грустный эпизодъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: ...«Тогдашняя ценсура была уродлива и сопровождалась жестокостью. Особенно отличался рижскій ценсоръ Туманскій. Одинъ сельскій пасторъ въ Лифляндіи, Зейдеръ, содержавшій лѣтъ за десять до того нѣмецкую библіотеку для чтенія, просилъ, чрезъ газеты, бывшихъ своихъ подписчиковъ, чтобъ они возвратили ему находящіяся у нихъ книги, и, между прочимъ, повѣсть Лафонтена: Die Gewalt der Liebe (Сила любви). Туманскій донесъ императору Павлу, что такой-то пасторъ, какъ явствуетъ изъ газетъ, содержитъ публичную библіотеку для чтенія, а о ней правительству неизвѣстно. Зейдера привезли въ Петербургъ и передали уголовному суду, какъ государственнаго преступника. Палатѣ оставалось только прибрать наказаніе, а именно

---

[1]) Біографическій очеркъ Ѳ. О. Туманскаго, составленный покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ, былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 334—336). Ред.

приговорить его къ кнуту и къ каторгѣ. Это и было исполнено. Только генералъ-губернаторъ графъ Паленъ приказалъ, привязавъ преступника къ столбу, бить кнутомъ не по спинѣ его, а по столбу. При Александрѣ Зейдеръ былъ возвращенъ изъ Сибири и получилъ пенсію. Императрица Марія Θедоровна опредѣлила его приходскимъ пасторомъ въ Гатчинѣ. Я зналъ его тамъ въ двадцатыхъ годахъ. Онъ былъ человѣкъ кроткій и тихій».... [1]).

Въ недавнее время, проживающая въ Гатчинѣ, престарѣлая дочь покойнаго Зейдера—Марія Θедоровна Зубахина, чрезъ родную свою племянницу, А. К. Зейдеръ, и чрезъ посредство М. П. Шаховой, доставила намъ копію съ нѣмецкихъ подлинныхъ Записокъ своего отца, пастора Зейдера, состоящую изъ двухъ тетрадей въ половину печатнаго листа, скрѣпленныхъ по страницамъ печатью. Эта рукопись озаглавлена:

«Die Leiden des Pastors Seider. Enthaltend seine Verhaftnehmung, seine Verurtheilung und seine Verbannung nach Sibirien». Von ihm selbst, geschrieben. Съ эпиграфомъ: «Le crime fait la honte et non pas l'echafaud». Voltaire [2]).

Записки пастора Зейдера занимаютъ 93 страницы довольно убористаго и не совсѣмъ четкаго письма.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изданію этой весьма любопытной рукописи, мы, пользуясь обязательнымъ указаніемъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго обратились къ весьма рѣдкой брошюрѣ, изданной въ 1803 г. въ Лейпцигѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, заключающей въ себѣ письмо Зейдера о его ссылкѣ въ 1800 г. Брошюры этой не оказалось ни въ Академической и ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ въ Петербургѣ, частныхъ библіотекъ, но она имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ, въ ея драгоцѣнномъ отдѣлѣ «Russica». Воспользовавшись этимъ крайне рѣдкимъ экземпляромъ, мы признали необходимымъ воспроизвести его здѣсь вполнѣ, въ переводѣ, прежде нежели напечатать рукопись Записокъ Зейдера, нѣсколько восполняющую и исправляющую брошюру, изданную въ 1803 году.

Упомянутая брошюра, изъ X+100 страницъ, въ 12-ю долю листа, напечатанная въ Гильдесгеймѣ и Лейпцигѣ, имѣетъ слѣдующее заглавіе:

Der Todeskampf am Hochgericht. Oder Geschichte des unglücklichen

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1873 г., № 5, стр. 684—685.

[2]) «Страданія пастора Зейдера, состоявшія въ его заточеніи, произнесеніи надъ нимъ приговора и ссылкѣ въ Сибирь. Имъ самимъ описанныя». Эпиграфъ: «Позорно преступленіе, а не эшафотъ» (Вольтеръ).

Dulders F. Seider, chemaligen Predigers zu Randen in Ehstland. Von ihm selbst erzählt. Ein Seitenstuck zum merkwürdigsten Jahre meines Lebens von August von Kotzebue. Hildesheim und Leipzig, 1803. 8°. [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗД. 1803 Г.

Ссылка г. Коцебу въ Сибирь составила эпоху въ новѣйшей исторіи и извѣстіе объ этомъ событіи, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи, было для всѣхъ потрясающей вѣстью. По возвращеніи своемъ изъ ссылки, порвавъ всѣ связи съ Россіей, онъ изложилъ подробности этого происшествія въ весьма интересномъ и чрезвычайно распространенномъ сочиненіи: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens [2]) von August von Kotzebue. Zwei Bände. Berlin. 1801). Изумленіе и ужасъ овладѣваютъ читателемъ, пробѣгая эти строки, и, вѣроятно, ни одинъ сколько нибудь чувствительный человѣкъ не закрылъ книги не проливъ надъ его участью нѣсколько слезъ. И между тѣмъ сколько подобныхъ невинныхъ жертвъ насчитываетъ Россія въ короткое царствованіе Павла Перваго! Сколько семействъ лишились за это время счастія и спокойствія—и лишились ихъ навсегда! Какъ многіе совершенно безвинно должны были влачить жалкую жизнь въ необъятныхъ лѣсахъ Сибири до тѣхъ поръ, покуда, милостью Александра Правосуднаго, они не были вызваны къ жизни изъ этой ужасной могилы и возвращены въ лоно ихъ семей!!

Однимъ изъ наиболѣе несчастныхъ и безвинныхъ страдальцевъ былъ нѣкто Ф. Зейдеръ, докторъ философіи и пасторъ г. Рандена въ Эстляндіи [3]). Во второй части вышеупомянутаго сочиненія, г. Коцебу упоминаетъ (стр. 255—266) о его страданіяхъ и тѣхъ адскихъ продѣлкахъ, которыя сотворили надъ нимъ Обольяниновъ и его палачъ-сообщникъ Туманскій,— двое злодѣевъ, имена коихъ потомство произнесетъ не иначе, какъ съ содроганіемъ; и, вѣроятно, всякій, читавшій эту интересную книгу, желалъ

---

[1]) Битва на смерть въ Верховномъ судѣ, или исторія несчастнаго страдальца Ф. Зейдера, бывшаго проповѣдника въ Ранденѣ въ Эстляндіи, разсказанная имъ самимъ. Прибавленіе къ «Достопамятному году моей жизни» Августа фонъ-Коцебу. Гольдесгеймъ и Лейпцигъ, 1803 г. въ 8 д. Другое изданіе въ томъ-же году въ Берлинѣ.

[2]) «Достопримѣчательный годъ моей жизни» А. Коцебу.

[3]) Это ошибка. Зейдеръ былъ пасторомъ въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ, въ Ранденскомъ пасторатѣ.

узнать обстоятельнѣе, какимъ гнуснымъ образомъ можно было приговорить столь полезнаго, дѣятельнаго и честнаго человѣка къ самому варварскому наказанію величайшихъ преступниковъ — къ кнуту! Одно воспоминаніе объ этомъ заставляетъ содрогнуться!

— Въ 30-мъ номерѣ «Гамбургской корреспонденціи» (1802 г.) пасторъ Зейдеръ обѣщаетъ многочисленнымъ друзьямъ, интересующимся его судьбою, опубликовать единственную въ своемъ родѣ исторію его бѣдствій, которая послужитъ дополненіемъ свѣдѣній, сообщенныхъ объ немъ г. Коцебу. Но онъ обѣщалъ это своимъ друзьямъ уже давно! Между тѣмъ, наше время такъ полно въ высшей степени интересныхъ событій, что происшествіе переживаемаго дня мало по малу ослабляетъ впечатлѣніе вчерашняго, и это послѣднее скоро совершенно позабылось-бы, если ничто не напомнило-бы его вновь. Въ надеждѣ, что несчастный пасторъ Зейдеръ еще подаритъ насъ подробнымъ разсказомъ о своемъ несчастіи, я думаю оказать ему и его заграничнымъ друзьямъ услугу, издавъ нижеслѣдующее весьма обстоятельное письмо, написанное Зейдеромъ на пути въ ссылку къ одному изъ его товарищей по несчастію; оно попало недавно въ мои руки и можетъ служить предисловіемъ къ подробной исторіи о его ссылкѣ [1]). Нѣсколько списковъ ходятъ по рукамъ въ С.-Петербургѣ и въ Лифляндіи, и въ подлинности ихъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ г. Зейдеръ ни разу не опровергалъ ихъ. Безъ сомнѣнія, друзья его, прочитавъ это письмо, еще болѣе пожелаютъ подробно ознакомиться съ его исторіей, такъ какъ въ немъ описаны, правда, главнѣйшіе моменты, но все же только начало его страданій. Филантропъ и естествоиспытатель ожидаютъ отъ него крайне любопытныхъ свѣдѣній о мѣстѣ его ссылки, судьбѣ прочихъ несчастныхъ, которые заживо были погребены въ Нерчинскихъ рудникахъ, наконецъ, о самыхъ этихъ рудникахъ, и о многомъ другомъ, что намъ вовсе неизвѣстно относительно этой части земли.

Издатель.

Лейпцигская ярмарка, 1802 г.

---

[1]) «Подробная исторія»—однако не явилась въ свѣтъ. Преданіе гласитъ, что императрица Марія Ѳеодоровна просила пастора Зейдера не издавать при ея жизни своихъ записокъ и онъ исполнилъ эту просьбу. Подлинная рукопись автора сохранилась на отдѣльныхъ лоскуткахъ и хранится какъ святыня у его престарѣлой дочери. Точная съ нея, копія, сообщена какъ, намъ сказано выше, дочерью пастора Зейдера, и будетъ нами напечатана вслѣдъ за переводомъ брошюры, изданной въ 1803 г. Ред.

Письмо пастора Зейдера, писанное въ ссылкѣ

коллежскому ассесору фонъ-Эрценъ-Клайронъ (Erzen Clayron), въ Казани.
Деревня Высокая Гора, 26-го сентября 1800 г.

Дорогой и достопочтеннѣйшій другъ! Осмѣливаясь назвать васъ этимъ именемъ, безъ опасенія подвергнуться за то вашему гнѣву, я — несчастный смертный, отринутый человѣческимъ обществомъ—хотя на эту минуту снова счастливъ. Знаю, что пишу благородному человѣку, который сочувствуетъ страждущему человѣчеству и съ участіемъ относится къ несчастію. Своею добротою и дружественнымъ отношеніемъ ко мнѣ вы внушили мнѣ искреннюю любовь и расположеніе къ вамъ. Вы пролили въ мою душу утѣшеніе, и поэтому я называю васъ своимъ другомъ. Ваши слова и поступки полны достоинства и откровенности; они пробудили во мнѣ глубокое уваженіе къ вамъ, и поэтому вы заслужили мое полное довѣріе. Не подумайте, что я не довѣрялъ вамъ въ то время, когда я передавалъ вамъ нѣкоторые факты изъ этой страшной катастрофы. Не разъ хотѣлось мнѣ все высказать вамъ; но я все откладывалъ это до слѣдующаго вашего посѣщенія; но каждый разъ, какъ я готовъ былъ высказаться, меня удерживалъ или неумѣстный, конечно, стыдъ, или опасеніе, что если все будетъ извѣстно, то меня станутъ избѣгать какъ человѣка обезчещеннаго и я буду предоставленъ самому себѣ; или же, наконецъ, присутствіе третьяго лица мѣшало мнѣ открыть вамъ свое сердце. Теперь я хочу разсказать вамъ все, о чемъ я вскользь упоминалъ въ послѣднія минуты нашего свиданія; я намѣренъ представить вамъ вполнѣ правдивый, но въ то же время ужасающій очеркъ того событія, которое поразило меня на 35-мъ году моей жизни. Описаніе моихъ страданій скорѣе найдетъ доступъ къ вашему сердцу, нежели къ сердцу кого-либо другаго, такъ какъ еще ранѣе оно отнеслось ко мнѣ съ участіемъ и состраданіемъ. Поэтому я открою вамъ все то, что я прежде старательно скрывалъ отъ моихъ благодѣтелей. Но хватитъ-ли у меня силъ воспроизвести картины ужаснаго прошлаго во всей ихъ безобразной наготѣ? Воспоминаніе пережитыхъ страданій не прибавитъ-ли еще горечи къ моему теперешнему тяжкому положенію? Я постараюсь не падать духомъ—и преодолѣть свою скорбь; необходимо дать свободу стѣсненному сердцу; чувство, которое долго было подавлено, подъ конецъ становится невыносимо и требуетъ исхода!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года (1800 г.) я одолжилъ одному изъ моихъ

сосѣдей нѣкоторыя книги. Когда онѣ были мнѣ возвращены, то въ посылкѣ, доставленной мнѣ почталіономъ въ довольно истрепанномъ видѣ, не оказалось первой части весьма интереснаго и распространеннаго сочиненія Лафонтена: «Сила любви». На мой письменный запросъ о томъ, была-ли эта книга задержана по ошибкѣ, я получилъ отъ моего корреспондента положительное удостовѣреніе, что онъ отослалъ мнѣ ее вмѣстѣ съ прочими книгами, въ тщательно запакованномъ пакетѣ. Поэтому не оставалось сомнѣнія, что посылка была кѣмъ нибудь вскрыта дорогою, и, такимъ образомъ, вышеупомянутая книга была вынута и затеряна. Такъ какъ мнѣ было жаль видѣть разрозненнымъ сочиненіе, три части котораго были у меня, и я очень желалъ его пополнить, то и напечаталъ въ Дерптскихъ вѣдомостяхъ объявленіе такого рода, что «въ пакетѣ съ книгами, высланномъ мнѣ на дняхъ изъ имѣнья А... и въ которомъ были такія-то и такія-то книги» (далѣе слѣдовалъ ихъ перечень) «пропала по пути изъ этого имѣнья въ Ранденскій пасторатъ первая часть «Силы любви» Лафонтена. Такъ какъ, имѣя прочія части, мнѣ было бы непріятно лишиться этой книги, то я прошу тѣхъ, въ чьи руки она попадетъ, возвратить мнѣ ее, причемъ издержки будутъ мною уплачены». Результатомъ этого объявленія было то, что я вскорѣ получилъ мою книгу, но оно же и сдѣлалось причиною моего несчастія. Я уже позабылъ всю эту исторію, какъ однажды (24-го мая 1800 г.), въ то время, какъ я прогуливался по саду, наслаждаясь ароматомъ моихъ плодовыхъ деревьевъ въ цвѣту, къ моему дому подъѣхалъ г. Рейненкампфъ, засѣдатель Дерптскаго суда (des dorpatshe Niederlandgericht). Такъ какъ это былъ хорошій нашъ знакомый и къ тому же помѣщикъ трехъ моихъ слугъ, то я нисколько не удивился его посѣщенію; однако онъ не замедлилъ объяснить мнѣ цѣль своего пріѣзда. Именно, онъ показалъ мнѣ предписаніе его превосходительства генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи, Нагеля, къ Дерптскому суду, въ которомъ говорилось, что «такъ какъ Рижская цензура усмотрѣла изъ объявленія, помѣщеннаго въ Дерптскихъ вѣдомостяхъ, что пасторъ Зейдеръ изъ Рандена имѣетъ не только подозрительныя, но даже и запрещенныя книги и раздаетъ ихъ для чтенія, то она сочла за долгъ донести объ этомъ его превосходительству, съ просьбою приказать суду отправить въ Ранденскій пасторатъ кого нибудь, чтобы описать и опечатать библіотеку пастора Зейдера, и представить опись ея для просмотра въ Рижскую цензуру; Дерптскому суду

было предписано исполнить требованіе Рижской цензуры». Меня нѣсколько изумило это предписаніе, однако я не былъ имъ смущенъ и, пройдя съ г. Ренненкампфомъ въ библіотеку, попросилъ его приступить къ исполненію даннаго ему предписанія. Этотъ добрый человѣкъ спросилъ меня съ участіемъ: «не нужно ли мнѣ чего нибудь припрятать?», но я увѣрялъ его, что такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, у меня не было ни одной запрещенной или вредной книги, и, слѣдовательно, нечего прятать, то я прошу его переписать все безъ исключенія. Онъ исполнилъ это и окончилъ опись къ полудню; мы сѣли за столъ. Послѣ обѣда надо было составить протоколъ всей этой процедуры: когда и это было окончено, то засѣдатель приступилъ къ исполненію послѣдняго пункта предписанія—къ опечатанію библіотеки. Только что онъ началъ протягивать шнуры, которые своими концами должны быть припечатаны къ полкамъ, какъ въ комнату совершенно неожиданно вошелъ рижскій ценсоръ, статскій совѣтникъ Туманскій, въ сопровожденіи окружнаго начальника, Брюмера. Они объявили, что пріѣхали освидѣтельствовать мою библіотеку, на что г. Ренненкампфъ возразилъ:

— «Это уже исполнено мною, и вотъ опись книгъ; развѣ вы имѣете другое предписаніе?» и т. д.

Отвѣта на это не воспослѣдовало, но секретарь ценсуры принялся составлять новую опись. Покуда все это происходило и статскій совѣтникъ принялся за поданную ему закуску, я, совершенно спокойный, отправился въ комнату жившаго у меня кандидата; у него я засталъ Брюмера, который при моемъ появленіи тотчасъ вышелъ. Г. Юнгна (Ioungna,—такъ звали кандидата) отвелъ меня въ сторону и, схвативъ мою руку, сказалъ:

— «Другъ мой, я имѣю къ вамъ порученіе отъ окружнаго начальника Брюмера; не пугайтесь».

— Что такое? спросилъ я,—я на все готовъ.

— «Вы должны ѣхать въ Петербургъ»,—отвѣчалъ онъ.

Я немного испугался, но тотчасъ же овладѣлъ собою и хотѣлъ разспросить его подробнѣе, когда въ комнату вошелъ Брюмеръ. Онъ показалъ мнѣ предписаніе изъ С.-Петербурга, отданное ему Туманскимъ. Предписаніе это было написано отъ имени его императорскаго величества, генералъ-прокурорнмъ [1]) къ рижскому ценсору Туманскому.

---

[1]) Ненавистная фамилія этого прокурора—Обольяниновъ; сообщникомъ его былъ вышеупомянутый рижскій ценсоръ Туманскій. Все то зло, которое

Въ немъ предписывалось Туманскому «отправиться въ Ранденъ, описать и опечатать тамошнюю библіотеку, и препроводить ее въ Петербургъ одновременно съ ея владѣльцемъ». Оказывалось, что Туманскій, кромѣ донесенія генералъ-губернатору Лифляндіи, послалъ еще рапортъ въ С.-Петербургъ. Я былъ очень взволнованъ; но, сознавая свою правоту, я полагалъ, что мнѣ нечего бояться, и только думалъ о томъ, какъ сообщить это извѣстіе моей женѣ. Я пошелъ къ ней и передалъ ей все. Въ слезахъ, она почти безъ чувствъ упала въ мои объятія, но такъ какъ, не смотря на ея чувствительность, она въ то же время женщина съ характеромъ, то она скоро овладѣла собою, и, подойдя къ Туманскому, схватила его за руку и съ самымъ трогательнымъ и умоляющимъ видомъ проговорила:

— «Господинъ совѣтникъ! не сдѣлайте моего мужа несчастнымъ!»

Онъ увѣрялъ ее въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, что ей нечего опасаться, что все это одна формальность и что я возвращусь не болѣе какъ черезъ 14 дней. Такъ какъ и Брюмеръ подтвердилъ эти увѣренія, то жена моя успокоилась и пошла укладывать нужное мнѣ бѣлье и платье. Я самъ, надобно сознаться, былъ совершенно спокоенъ на счетъ будущаго, да и могло ли быть иначе, когда совѣсть моя была чиста.—Я призвалъ кистера и сдѣлалъ необходимыя распоряженія относительно богослуженія въ мое отсутствіе. Между тѣмъ секретарь цензуры окончилъ опись моей библіотеки. (Всѣ мои научныя и богослужебныя книги также были переписаны). Пора было ужинать. Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, цензоръ прочелъ опись книгамъ и объявилъ запрещенными: «Силу любви» Лафон-

---

эти олицетворенные демоны совершили, подъ видомъ мнимой законности и подъ прикрытіемъ ихъ добраго отъ природы монарха, поддавшагося, къ несчастію, вліянію этихъ и многихъ другихъ злодѣевъ, всего этого не смыла бы ихъ кровь, пролитая рукою палача, и не загладятъ даже доброта, великодушіе и справедливость Александра Возлюбленнаго. Ни одинъ царь и никакое царство не можетъ возвратить счастіе и спокойствіе тѣмъ семьямъ, которыхъ эти злодѣи повергли въ скорбь, и ничего не можетъ дать забвеніе тѣхъ страданій, какія онѣ вынесли. Часто задаютъ вопросъ: «почему Александръ не предалъ этихъ людей, по закону, ихъ заслуженному наказанію?»—Когда вопросъ былъ сдѣланъ въ послѣдній разъ, то нѣкто г. Р. К..., ветеранъ, посѣдѣвшій на службѣ, отвѣчалъ на него слѣдующее: «Александръ знаетъ, что преступленіе караетъ само себя. Поэтому онъ предоставилъ этихъ вампировъ презрѣнію ихъ современниковъ и потомства. Клеймо ихъ преступленія запечатлѣно у нихъ на лбу; сознаніе ихъ безчисленныхъ проступковъ составляетъ пытку ихъ жалкой безотрадной жизни: такъ караетъ Богъ,—такъ караетъ и Александръ!»
Изд. (1802 г.)

тена, «О назначеніи человѣка» Шпальдинга, «Вѣчный миръ» Канта и сочиненія Зонтага (оберъ-священника въ Ригѣ). На мой вопросъ, когда и гдѣ книги эти были запрещены? ценсоръ ничего не отвѣчалъ мнѣ; а когда я сталъ увѣрять, что, по моему мнѣнію, въ этихъ книгахъ не было ничего вреднаго, то онъ на это возразилъ мнѣ: «что на этотъ счетъ не допускается никакихъ разсужденій». Моими книгами наполнили три ящика; изъ нихъ два были нагружены на мою карету, а третій препровожденъ въ Дерптъ на особой телѣгѣ, чтобы оттуда переслать его по почтѣ въ Петербургъ. Всѣ отправились отъ меня послѣ ужина въ Дерптъ. Я послѣдовалъ за ними туда же на слѣдующій день, въ сопровожденіи моей жены. Проѣзжая чрезъ мои поля, я окинулъ еще разъ привѣтливымъ взоромъ зеленѣвшій посѣвъ. Не думалъ я въ то время, что прощаюсь съ ними навсегда!—По дорогѣ въ Дерптъ жена часто прижимала меня къ своему сердцу и мы оба были преисполнены самыми тяжелыми чувствами. Обнявъ меня, она тысячу разъ увѣряла меня въ своей любви; горячія слезы лились у нея по щекамъ; глаза ея были устремлены къ небу!

— «Папочка,—сказала она,—не будемъ грустить! Я увѣрена, что всемилостивый государь возвратитъ тебя ко мнѣ; ты невиненъ, а Богъ справедливъ; я буду молиться за тебя».

Добрая, милая жена! ты не знала тогда какая страшная судьба меня ожидала; твой бѣдный мужъ не возвратился къ тебѣ, хотя онъ и былъ невиненъ!—Прибывъ въ Дерптъ, мы отправились на квартиру Туманскаго; у него были собравшись нѣсколько членовъ суда. Всѣ единогласно увѣряли, что мнѣ нечего бояться, и что они надѣятся скоро увидѣться со мною, ибо по описи книгъ (которую въ Дерптѣ многіе уже знали) можно было судить, что въ числѣ ихъ, на сколько это было извѣстно публикѣ, не было запрещенныхъ, и что почти всѣ эти книги были въ Дерптѣ и читались всѣми. Жена моя въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ снова просила Туманскаго не дѣлать меня несчастнымъ и хотѣла пасть передъ нимъ на колѣни. Онъ увѣрялъ ее, что она можетъ быть вполнѣ спокойна, такъ какъ донесеніе, только что имъ написанное, было изложено въ самомъ благопріятномъ для меня тонѣ, и присовокупилъ, что когда я буду освобожденъ, въ чемъ онъ ни мало не сомнѣвается, то я навѣрно получу отъ монарха вознагражденіе. Увольте меня отъ описанія моего прощанія съ любимою супругой. Вы человѣкъ съ чувствомъ и поэтому ваше собственное сердце

можетъ придти на помощь моему безсильному перу. И вы однажды такъ же точно разстались съ дорогою вамъ супругой.

Я сѣлъ въ карету; рядомъ со мною помѣстился курьеръ, дожидавшійся меня въ Дерптѣ, и присланный за мною генералъ-прокуроромъ. Я самъ заплатилъ прогоны до Петербурга, куда мы прибыли на третій день, и прямо пріѣхали къ генералъ-прокурору. Его превосходительство былъ на столько милостивъ, что принялъ меня самымъ дружескимъ и ласковымъ образомъ. Онъ сказалъ, чтобы я былъ совершенно спокоенъ, что мнѣ нечего бояться: мнѣ также позволили написать женѣ. Другое высокопоставленное лицо, служившее у него въ канцеляріи, сказалъ мнѣ:

— «Не опасайтесь ничего, вы въ хорошихъ рукахъ! Ваши книги будутъ пересмотрѣны и если между ними найдутся запрещенныя, то васъ спросятъ: ввезли ли вы ихъ въ Россію тайно, или открыто купили ихъ? пріобрѣтены ли онѣ вами до или послѣ запрещенія? и вообще было ли это запрещеніе извѣстно вамъ? и т. д. и если вы можете какъ слѣдуетъ оправдаться, то все наказаніе, какого вы можете ожидать, будетъ состоять въ томъ, что у васъ отберутъ книги».

Слушая подобныя увѣренія, я не могъ не успокоиться. По приказанію генералъ-прокурора, я написалъ объясненіе, въ которомъ изложилъ все, что могъ привести въ доказательство моей невинности. Объясненіе это было тотчасъ послано съ курьеромъ въ Павловскъ, гдѣ жилъ въ то время императоръ; затѣмъ его превосходительство снова пришелъ ко мнѣ, разговаривалъ со мною весьма любезно, и сказалъ, между прочимъ, что такъ какъ я не могу остаться у него въ домѣ, то онъ помѣститъ меня въ другой квартирѣ, гдѣ мнѣ будетъ «покойнѣе и удобнѣе, и гдѣ онъ самъ навѣститъ меня», и т. д. Затѣмъ меня посадили въ шлюпку и повезли довольно далеко вверхъ по Невѣ. Когда, наконецъ, мы пристали къ берегу, то я очутился— въ крѣпости. Я былъ очень перепуганъ. Курьеръ генералъ-прокурора, сопровождавшій меня, передалъ дежурному офицеру письмо, и тотъ провелъ меня въ очень чистенькую комнатку, гдѣ находилась кровать, столъ и два стула. Отъ меня отняли все, что только имѣло видъ опаснаго оружія: мои бритвы, ножницы, гребенки, пряжки изъ брюкъ, бумажникъ съ находившимися въ немъ деньгами и другими маловажными бумагами и, наконецъ, мою печать. Слугу моего также отдѣлили отъ меня; впрочемъ, со мною обращались хорошо, только строго слѣдили за мною. Нетерпѣливо ожидалъ я

появленія генералъ-прокурора. Онъ посѣтилъ меня въ тотъ же день и съ самымъ ласковымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— «Не тревожьтесь, г. пасторъ, на счетъ того, что я помѣстилъ васъ здѣсь; одно только названіе крѣпость звучитъ страшно. Во всякомъ случаѣ, вы арестованы покуда ваше дѣло не будетъ кончено, и такъ какъ въ это время при васъ все же долженъ находиться караулъ, то лучше чтобы вы находились здѣсь, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ въ городѣ».

Я спросилъ его—перевели-ли меня въ крѣпость по повелѣнію императора? Утвердительный отвѣтъ заставилъ меня содрогнуться. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ:

— «Не пугайтесь, надѣйтесь на хорошій исходъ! Безъ сомнѣнія, ваше дѣло окончится благополучно; такъ какъ вы обвиняетесь въ уголовномъ преступленіи, то должны покуда примириться съ неволей. Завтра, можетъ быть, будетъ получена резолюція изъ Павловска и тогда я тотчасъ же увѣдомлю васъ о вашемъ освобожденіи».

Онъ разрѣшилъ мнѣ прогуливаться въ крѣпостномъ саду и писать къ моей женѣ; однако этимъ послѣднимъ позволеніемъ я хотѣлъ воспользоваться не прежде, нежели буду снова на свободѣ. Когда онъ оставилъ меня одного, я бросился на кровать и, подавленный горестными чувствами, облегчилъ свое сердце въ потокѣ слезъ. Слезы составляютъ большое облегченіе для невиннаго страдальца: на сердцѣ становится легче, когда глаза принесутъ свою дань.

Четыре тревожныхъ дня пережилъ я въ крѣпости, то отчаяваясь, то надѣясь; я утѣшался сознаніемъ моей невинности и надеждою на справедливость монарха. На пятый день ко мнѣ вошелъ дежурный офицеръ съ курьеромъ отъ генералъ-прокурора и предложилъ мнѣ слѣдовать за этимъ послѣднимъ. Онъ передалъ ему въ то же время всѣ вещи, отнятыя у меня въ крѣпости. Сердце мое сильно билось. «Слава Богу,—думалъ я,—ты скоро услышишь вѣсть о твоемъ освобожденіи, возвратишься въ объятія твоей любимой жены, и опять будешь всецѣло принадлежать ей и твоему ребенку». Увы! приближался самый ужасный часъ моей жизни!—Я снова былъ посаженъ въ шлюпку, но ѣхалъ по Невѣ недолго. На набережной меня ожидала кибитка; курьеръ велѣлъ мнѣ сѣсть; меня закрыли рогожей такъ, что меня почти совсѣмъ не было видно; спутникъ мой сѣлъ возлѣ меня. Приблизительно минутъ черезъ десять, кибитка остановилась передъ высокимъ зданіемъ. Мой провожатый велѣлъ мнѣ выйти и повелъ меня вверхъ по

лѣстницѣ. Тутъ вышелъ ко мнѣ изъ одной комнаты какой-то господинъ и тревожно спросилъ: было ли со мною мое облаченіе? Я отвѣчалъ, что оно въ ящикѣ.

— «Ну,—сказалъ онъ, — вотъ плащъ и воротникъ, надѣньте ихъ».

Онъ помогъ мнѣ и при этомъ замѣтно дрожалъ. Тутъ мнѣ впервые пришли на умъ ужасныя вещи и дрожь пробѣжала по всему тѣлу. Незнакомый господинъ ввелъ меня въ большую комнату, гдѣ нѣсколько человѣкъ сидѣли за пюпитрами и писали.

— «Вы находитесь, — сказалъ онъ, — передъ императорской юстицъ-коллегіей».

Съ этими словами онъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и черезъ нѣсколько минутъ далъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Шатаясь я пошелъ на его зовъ; за большимъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Двое изъ нихъ, занимавшіе почетныя мѣста, имѣли орденскія ленты; далѣе сидѣли двое лицъ духовнаго званія. Глашатай вышелъ на средину комнаты и прочелъ бумагу, изъ которой я, при моемъ тогдашнемъ тревожномъ состояніи, удержалъ слѣдующее:

«Такъ какъ пасторъ Зейдеръ изъ Рандена былъ обвиненъ передъ его императорскимъ величествомъ Рижской цензурою, за то, что онъ имѣлъ у себя запрещенныя книги, его величество повелѣлъ генералъ-прокурору привезти пастора Зейдера, вмѣстѣ съ его библіотекой, въ Петербургъ; такъ какъ изъ описи книгъ оказалось, что пасторъ Зейдеръ имѣлъ запрещенныя и двусмысленныя книги, то онъ считается преступившимъ законъ, и, по повелѣнію его императорскаго величества, приговоренъ къ тѣлесному наказанію, именно долженъ получить двадцать ударовъ кнутомъ, и затѣмъ подлежитъ ссылкѣ на каторжныя работы въ Нерчинскъ [1]); но такъ какъ, по цер-

---

[1]) Нерчинскъ, построенный въ 1658 г. въ Сибири, на сѣверной границѣ Китая, служитъ мѣстомъ ссылки для самыхъ тяжкихъ преступниковъ, которые послѣ наказанія кнутомъ посылаются туда на всю жизнь и работаютъ въ его богатыхъ золотыхъ, серебряныхъ и свинцовыхъ рудникахъ. Городъ этотъ лежитъ въ Иркутской области, въ 6,784 верстахъ или 970 нѣмецкихъ миляхъ отъ Петербурга, и въ 961 верстѣ или 138 нѣмецкихъ миляхъ отъ губернскаго города Иркутска. Самое отдаленное мѣсто ссылки г. Коцебу былъ Тобольскъ, лежащій въ 2,885 вер. или 412 нѣм. мил. отъ Петербурга; слѣдовательно, пастору Зейдеру пришлось проѣхать еще 558 нѣмец. миль, и, безъ сомнѣнія, путь этотъ былъ сопряженъ съ гораздо бо̀льшими трудностями.

Издатель (1802 г.).

ковнымъ законамъ, священнослужитель не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, то прежде всего онъ долженъ быть лишенъ своего сана и посему присутствующій здѣсь пробстъ Рейнботъ сниметъ съ него духовное званіе».

При этихъ словахъ, пробстъ Рейнботъ всталъ и, обратившись ко мнѣ, произнесъ:

— «По повелѣнію его императорскаго величества, лишаю васъ вашего сана».

Почти безъ чувствъ прислонился я къ стѣнѣ. «Боже!—воскликнулъ я,—какое правосудіе! Я невиненъ! неужели я не могу ничего сказать въ свое оправданіе, въ свою защиту? Какія у меня были запрещенныя книги?»

На это я не получилъ отвѣта, но тотъ господинъ, который встрѣтилъ меня первый, закричалъ:

— «Это воля государя! это воля государя!»

Затѣмъ онъ сдѣлалъ знакъ служителю и тотъ сорвалъ съ меня плащъ и воротникъ. Я еще разъ воскликнулъ: «я невиненъ!» но меня вытолкнули изъ комнаты и почти безъ чувствъ потащили въ сѣни. Здѣсь меня приняли нѣсколько сыщиковъ. Они повергли меня на плаху, за которой находился столбъ; къ нему привязали меня спиною, за руки, такъ крѣпко, что кровь остановилась у меня въ жилахъ; затѣмъ надѣли мнѣ на ноги цѣпи. Я закричалъ:

— Милосердый Боже! Ты знаешь, что я невиненъ! Я не совершилъ никакого преступленія, не нарушалъ никакого закона!—Кто могъ внушить справедливому и милостивому монарху такой строгій приговоръ?

Вышеупомянутый господинъ вышелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Не кричите такъ! Васъ отведутъ теперь къ военному губернатору; тамъ вы услышите послѣднее слово; можетъ быть, вы будете еще помилованы».

Меня отвязали отъ столба. Тотъ же господинъ возвратилъ мнѣ изъ всѣхъ вещей, принятыхъ курьеромъ, одинъ только бумажникъ съ находившимися въ немъ деньгами; но счетовъ и квитанцій, лежавшихъ въ немъ, не оказалось. Курьеръ сошелъ со мною по лѣстницѣ къ кибиткѣ.—Боже мой, я былъ спокоенъ! какое чувство долженъ былъ испытать въ эту минуту честный и невинный человѣкъ! Мой слуга, добрый и вѣрный эстонецъ, стоялъ внизу, у кибитки. Увидавъ меня, онъ зарыдалъ. Его разлучили со мною; меня по-

садили одного въ кибитку и я не знаю куда онъ въ послѣдствіи дѣвался. Курьеръ повезъ меня къ военному губернатору, графу Палену. Я надѣялся лично переговорить съ его превосходительствомъ, но вмѣсто этого одинъ чиновникъ изъ его канцеляріи, обратившійся ко мнѣ по французски, сказалъ, что графъ въ Павловскѣ, и вернется оттуда не ранѣе какъ черезъ три часа. Заплакавъ, я высказалъ ему свою жалобу. Явился другой офицеръ, который велѣлъ отвести меня въ темную комнату, гдѣ ко мнѣ приставили солдата съ саблею на-голо. Пробывъ, неизвѣстно къ чему, два часа въ домѣ военнаго губернатора, я былъ препровожденъ къ оберъ-полиціймейстеру. Тащить за собою цѣпи по грязнымъ улицамъ было для меня чрезвычайно тяжело; я чуть не упалъ. Солдатъ, сопровождавшій меня, сжалился надо мною и подвязалъ цѣпи своимъ носовымъ платкомъ. Въ домѣ полиціймейстера я пробылъ около часа; тамъ было написано нѣсколько бумагъ. Оттуда меня повели въ полицію, гдѣ потребовали ключъ отъ моего ящика; но онъ былъ возвращенъ мнѣ черезъ нѣсколько минутъ. Затѣмъ по двору полиціи меня провели въ тюрьму, отвратительный притонъ, гдѣ помѣщались самые гнусные преступники—подонки человѣческаго общества. Я невольно отшатнулся, увидѣвъ это отвратительное общество, однако долженъ былъ къ нему присоединиться. Окутанный въ плащъ, я бросился на сырую землю, и каждую минуту ожидалъ еще худшаго. Приблизительно черезъ часъ, меня снова вывели на свѣтъ Божій. Солдатъ провелъ меня по двору въ комнату, гдѣ находился офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, получавшіе и передававшіе приказанія. Когда я вошелъ въ комнату, жалуясь и горюя, то офицеръ посмотрѣлъ на меня такъ внимательно, и въ то же время съ видомъ такого участія, какъ будто онъ понималъ каждое мое слово. Это заставило меня думать, что онъ нѣмецъ, поэтому я обратился къ нему по нѣмецки; онъ отвѣчалъ мнѣ по французски. Я продолжалъ говорить съ нимъ на этомъ языкѣ и въ короткихъ словахъ описалъ ему свое несчастіе и обстоятельства, вызвавшія его. Онъ не хотѣлъ и вѣрить, что меня присудили къ тѣлесному наказанію. Но такъ какъ я остался при своемъ убѣжденіи и предвидѣлъ неминуемую смерть, то попросилъ разрѣшить мнѣ свиданіе съ пасторомъ. Офицеръ позволилъ мнѣ это и я отъ души написалъ нѣсколько словъ пастору Вольфу, но онъ не явился [1]). Изъ этой комнаты меня по-

[1]) Этими словами Зейдеръ какъ будто обвиняетъ пастора Вольфа, но я считаю возможнымъ оправдать моего покойнаго друга. Могло быть много при-

вели по очень длинному корридору со сводами. Страшно звучали мои цѣпи о плиты. Въ концѣ корридора меня ввели въ другую комнату, мрачную и пустую; но, по крайней мѣрѣ, я былъ тутъ одинъ, не считая двухъ гренадеръ, стоявшихъ съ обнаженными саблями. Странствованія мои, по видимому, окончились, такъ какъ уже стемнѣло. Измученный, я бросился на деревянную кровать и далъ волю слезамъ; взглянувъ на мои цѣпи, я заплакалъ еще горьче. На душѣ у меня было такъ смутно, что я никакъ не могъ собраться съ мыслями. Что ты такое теперь? думалъ я; самый несчастный человѣкъ,—отвѣчалъ я самъ себѣ. Съ ужасомъ помышлялъ я о завтрашнемъ днѣ; я усердно молилъ Бога, чтобы онъ помогъ мнѣ вынести ужасное наказаніе, чтобы еще здѣсь, на землѣ, гдѣ бы то ни было, я увидалъ еще разъ мою любимую жену и ребенка и могъ пожить съ ними; затѣмъ я спрашивалъ себя, за что я такъ страдаю, какое преступленіе я совершилъ? отвѣтомъ на все это были однѣ слезы. Было уже около полуночи, когда явился вышеупомянутый офицеръ съ извѣстіемъ, что пришелъ пасторъ Рейнботъ и чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Меня отвели въ дежурную комнату, гдѣ ожидалъ пасторъ. Онъ старался ободрить и утѣшить меня, и я принялъ утѣшенія съ благодарностью. Онъ былъ очень взволнованъ и, по видимому, тронутъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ ушелъ. Остальную часть ночи я провелъ горюя на моемъ жесткомъ ложѣ; я желалъ себѣ смерти, такъ какъ мысль о моемъ ужасномъ положеніи была для меня невыносима.

Наконецъ, истомленный, я поддался сну и задремалъ.

Съ пасмурнымъ утромъ начались для меня новыя страданія. Боже! какое пробужденіе; какъ глубоко я былъ несчастенъ. Но въ то же время, какъ будто подкрѣпляемый невидимою силою, я почувствовалъ себя до того крѣпкимъ и мнѣ было такъ легко, что я ободрился и твердо рѣшилъ мужественно перенести ожидавшія меня страданія. Вышеупомянутый офицеръ

чинъ, почему онъ не исполнилъ просьбу пастора Зейдера. Могъ ли въ то время человѣкъ, занимавшій общественную должность, безнаказанно посѣтить несчастнаго, осужденнаго монархомъ какъ преступникъ? Не могло ли случиться, что онъ былъ въ отсутствіи по дѣламъ службы? Онъ былъ въ высшей степени впечатлителенъ, и развѣ не вѣроятно, что, убѣжденный, какъ и весь городъ, въ невинности этого человѣка, онъ боялся взять на себя приготовить своего сослуживца къ смерти? Словомъ, мнѣ кажется, что добраго пастора Вольфа нельзя обвинять въ такомъ жестокосердіи.

Издатель (1802 г.).

принесъ мнѣ чашку чая и нѣсколько сухарей; это было для меня настоящимъ подкрѣпленіемъ, такъ какъ я ничего не ѣлъ съ тѣхъ поръ какъ оставилъ крѣпость. Вскорѣ онъ явился самъ и сказалъ мнѣ, что пріѣхалъ офицеръ отъ губернатора, который желалъ говорить со мною. Я поднялся, съ помощью гренадеровъ, съ моей кровати. Въ корридорѣ съ меня сняли цѣпи. Радостное чувство охватило меня, но я былъ далекъ отъ мысли, что снятіе оковъ могло быть знакомъ помилованія. Въ дежурной комнатѣ, куда меня ввели, я увидѣлъ нѣсколько офицеровъ, стоявшихъ группами. Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Всѣ устремили на меня взоры. Прошло нѣсколько секундъ, и одинъ изъ офицеровъ, по видимому, старшій чиномъ, сдѣлалъ знакъ гренадеру; тотъ подошелъ ко мнѣ и велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою. Онъ повелъ меня во дворъ полиціи. Боже! какое потрясающее зрѣлище! Солдаты составили цѣпь; раздалась команда и цѣпь разомкнулась— чтобы принять меня. Двое солдатъ съ звѣрскимъ выраженіемъ схватили меня и ввели въ кругъ. Я замѣтилъ, что у одного изъ нихъ подъ мышкою былъ большой узелъ, и убѣдился въ страшной дѣйствительности: меня вели на лобное мѣсто, чтобы исполнить самое ужасное изъ наказаній; насталъ мой послѣдній часъ! Цѣпь уже замкнулась за мною, когда я поднялъ глаза и увидѣлъ, что всѣ лѣстницы и галлереи двора были переполнены людьми. Моему взгляду отвѣтили тысячи вздоховъ, тысячи стоновъ, вырвавшихся какъ бы изъ одной груди и наполнившихъ стономъ свѣжій утренній воздухъ. Мы двинулись на улицу. Отрядъ всадниковъ обступилъ окружавшихъ меня солдатъ. Медленно двигалось шествіе вдоль улицъ; я шелъ посрединѣ твердымъ шагомъ; глаза мои, полные слезъ, были обращены къ небу. Я не молился; но всевѣдущій Господь понималъ мои чувства! Когда я опустилъ глаза въ землю, то мои мрачныя мысли были прерваны однимъ изъ солдатъ, потребовавшимъ денегъ. Въ карманѣ у меня было всего нѣсколько мѣдныхъ денегъ, но въ бумажникѣ было еще 5 рублей. Доставать ихъ было бы неудобно, это могло обратить вниманіе, поэтому я снялъ часы и, отдавая ихъ, сказалъ какъ только могъ яснѣе по русски:

— Не бей крѣпко; бей такъ, чтобъ я остался живъ.

— «Гм! гм!» пробурчалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

Только что мы перешли какой-то мостъ, и мысли мои снова обратились къ небу, какъ вдругъ во весь опоръ прискакалъ офицеръ, крича „назадъ!“ Солдаты видимо были удивлены и даже мои конвойные переглянулись съ

удивленіемъ и съ минуту колебались; но такъ какъ солдаты уже повернули назадъ, то и они со мною послѣдовали ихъ примѣру. Шествіе двинулось обратно. Что же это такое означало? что за перемѣна? Я началъ истолковывать это приказаніе въ свою пользу и осмѣлился даже подумать, что былъ помилованъ. Я думаю, что каждый несчастный на моемъ мѣстѣ точно такъ же объяснилъ себѣ эту перемѣну. Но скоро мнѣ пришлось разочароваться! Меня вернули лишь для того, чтобы долѣе промучить. Тотъ же самый офицеръ снова прискакалъ и спросилъ меня:

— «Причащались ли вы?»

Я не успѣлъ дать отрицательный отвѣтъ, какъ онъ уже снова ускакалъ. Да, подумалось мнѣ, тебя позабыли приготовить къ смерти, и ужасъ снова обуялъ мною. Теперь я понялъ, что меня вернули для того, чтобы вторично провести меня тѣмъ же путемъ. Священнодѣйствіе, приносящее обыкновенно миръ и исцѣленіе, превращалось для меня въ новую муку и страданіе. О, душа моя уже давно тѣсно слилась съ ея Создателемъ, и въ этой обрядности не было необходимости, чтобы пробудить во мнѣ религіозныя мысли. Меня снова привели въ полицію; черезъ нѣсколько минутъ вошелъ пасторъ Рейнботъ.

— Не помилованъ? воскликнулъ я.

— «Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—все было испробовано: напрасно; мнѣ приказано дать вамъ св. Причастіе».

Я принялъ его съ благоговѣніемъ. Всѣ спѣшили снова двинуться въ путь; я увидѣлъ въ комнатѣ нѣсколько офицеровъ, говорившихъ по нѣмецки, и спросилъ ихъ:

— Переживу ли я наказаніе?

— «Я думаю, что да»,—отвѣчалъ пасторъ Рейнботъ.

И еще одинъ офицеръ сказалъ «да».

— «Палачу что-то хотѣли дать»,—сказалъ другой.

— Я далъ ему свои часы,—сказалъ я.

— «Это лишнее, вы бы этого не должны были дѣлать; васъ и такъ пощадятъ»,—сказалъ третій.

Вторично пришлось мнѣ идти по тѣмъ же самымъ улицамъ; у моста, гдѣ мы были остановлены первый разъ, страданіе и горе взяли верхъ и я чуть не упалъ; я прошелъ нѣсколько шаговъ болѣе медленно, но грубое «ступай!» и толчокъ, полученный отъ одного изъ солдатъ, заставили меня

ускорить шагъ. Наконецъ мы дошли до большой, пустой площади. Тамъ уже стоялъ другой отрядъ солдатъ, составлявшій тройную цѣпь, въ которую меня ввели. Посрединѣ стоялъ позорный столбъ; при видѣ его я содрогнулся и нѣтъ словъ, которыя бы могли выразить мое тогдашнее настроеніе духа. Одинъ офицеръ, верхомъ, котораго я считалъ за командующаго отрядомъ и котораго, какъ я услышалъ въ послѣдствіи, называли экзекуторомъ, подозвалъ къ себѣ палача и многозначительно сказалъ ему нѣсколько словъ, на что тотъ отвѣчалъ: хорошо! Затѣмъ онъ сталъ доставать свои инструменты. Между тѣмъ я выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и, поднявъ руки къ небу, произнесъ:

— Всевѣдущій Боже! Тебѣ извѣстно, что я невиненъ! я умираю честнымъ! Сжалься надъ моею женою и ребенкомъ, благослови Государя и прости моимъ доносчикамъ!

Потомъ я самъ раздѣлся, простоялъ нѣсколько минутъ голый и затѣмъ меня повели къ позорному столбу. Прежде всего мнѣ связали руки и ноги. Я перенесъ это довольно спокойно; когда же палачъ перекинулъ ремень черезъ шею, чтобы привязать мнѣ голову, то онъ затянулъ ее такъ крѣпко, что я громко вскрикнулъ. Наконецъ меня привязали къ машинѣ. Съ первымъ ударомъ я ожидалъ смерти; мнѣ казалось, что душа моя покинула свою смертную оболочку. Еще разъ вспомнилъ я о женѣ и ребенкѣ, и прощался уже съ землею, услыхавъ какъ страшное орудіе снова засвистѣло въ воздухѣ. Не касаясь моего тѣла, каждый ударъ скользилъ по кушаку моихъ брюкъ [1]).

---

[1]) Въ Германіи никто не имѣетъ понятія о страшномъ наказаніи кнутомъ, столь обыкновенномъ въ Россіи (писано въ 1802 г.); поэтому мы считаемъ, что описаніе его было бы здѣсь умѣстно.

Кнутъ состоитъ изъ заостренныхъ ремней, нарѣзанныхъ изъ недубленой коровьей или бычачьей шкуры и прикрѣпленныхъ къ короткой рукояткѣ. Чтобы придать концамъ ихъ бо̀льшую упругость, ихъ мочатъ въ молокѣ и затѣмъ сушатъ на солнцѣ; такимъ образомъ они становятся весьма эластичны и въ то же время тверды какъ пергаментъ или кость. На мѣстѣ казни стоитъ вкось вдѣланная въ раму толстая доска, называемая плахою (Keutpfahl). На ней находятся три отверстія, въ которыя при помощи ремней крѣпко утверждаются голова и руки; ноги также туго привязаны. Преступника, присужденнаго къ этому наказанію, обнажаютъ до бедръ, и привязываютъ къ доскѣ такъ, чтобы всѣ мускулы спины были совершенно натянуты. Палачъ, черезъ

Меня отвязали, я одѣлся. Когда я выходилъ изъ цѣпи, то одинъ изъ офицеровъ спросилъ палача: «гдѣ у тебя часы?» и тотъ немедленно вынулъ ихъ изъ-за пазухи и отдалъ офицеру, а тотъ передалъ ихъ мнѣ. Оставшись одинъ, я быстрыми шагами пошелъ впередъ; въ нѣсколькихъ шагахъ за мною слѣдовалъ безоружный солдатъ. Много народу попадалось мнѣ на встрѣчу, но никто не смотрѣлъ на меня и, конечно, никто не подозрѣвалъ что̀ со мною только что происходило, такъ какъ я шелъ по улицамъ какъ и всякій свободный человѣкъ. Я размышлялъ о моемъ наказаніи и старался разъяснить себѣ этотъ странный фактъ. Были ли эти мнимые удары слѣдствіемъ подарка, сдѣланнаго мною палачу, или результатомъ тѣхъ нѣсколькихъ словъ, которыя экзекуторъ сказалъ ему при моемъ входѣ въ кругъ? Первое казалось мнѣ невѣроятнымъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ не могъ дѣйствовать столь самовольно; слѣдовательно, ему было приказано поступить такъ, думалось мнѣ. Занятый этими мыслями, я былъ уже недалеко отъ полиціи; тутъ я увидѣлъ толпу народа, желавшаго, безъ сомнѣнія, увидѣть священника, только что наказаннаго кнутомъ. Подойдя ближе, я увидѣлъ молодаго человѣка, который, ударивъ себя рукою по лбу, шатаясь прислонился къ стѣнѣ. Проходя сквозь толпу, я узналъ въ этомъ юношѣ моего шурина, бывшаго аптекаремъ въ Петербургѣ.

— «Зейдеръ!» воскликнулъ онъ раздирающимъ голосомъ, въ ту минуту, какъ я входилъ въ зданіе полиціи.

извѣстные промежутки времени, подпрыгивая ударяетъ свою жертву такъ, чтобы концы кнута ложились по спинѣ вдоль, до тѣхъ поръ, покуда виновный не получитъ назначенное ему число ударовъ. Нерѣдко, если тѣло тучное и палачъ дѣйствуетъ усердно, то спина бываетъ разсѣчена съ перваго же удара. Если преступникъ совершилъ кражу, убійство или какой нибудь другой проступокъ, заслуживающій смертной казни, то ему назначаютъ самое меньшее 39 ударовъ кнутомъ, и наказаніе это, по усмотрѣнію, повторяется на второй, иногда и на третій день. Затѣмъ ему разрываютъ ушныя мочки; особыми щипцами вырываютъ ноздри и, наконецъ, клеймятъ. Послѣдняя операція производится проволочнымъ клеймомъ, которымъ выжигаютъ на правой скулѣ преступника букву В, на лбу другимъ клеймомъ О и на лѣвой скулѣ Р и затѣмъ мѣста эти натираютъ порохомъ. Клеймо это неизгладимо, если преступнику не удастся вскорѣ вырѣзать его бритвою, чему бывали иногда примѣры. Заклейменныхъ преступниковъ ссылаютъ обыкновенно пожизненно въ каторжную работу въ Нерчинскъ.

Изд. (1802 г.).

Я потерялъ его изъ виду, такъ какъ долженъ былъ спѣшить. Меня провели въ отдѣльную комнату, гдѣ я былъ нѣкоторое время одинъ, но вскорѣ туда вошло нѣсколько офицеровъ и высокопоставленныхъ лицъ. Всѣ высказывали свое сожалѣніе по поводу моего несчастнаго положенія. Я и не подумалъ, конечно, объяснять имъ настоящей причины. Между тѣмъ мнѣ пришлось испытать первое изъ тѣхъ оскорбленій, какія приходится выносить такимъ несчастнымъ, каковъ былъ я. Какой-то человѣкъ, съ блѣднымъ, желтоватымъ лицомъ, сѣлъ возлѣ меня и спросилъ меня презрительнымъ тономъ:

— «Не тотъ ли это Зейдеръ, который написалъ оду императрицѣ?»

Онъ говорилъ объ одѣ, написанной мною въ 1793 г., по случаю мира, заключеннаго съ турками блаженной памяти императрицею Екатериною.

— Тотъ самый,—отвѣчалъ я.

— «Не достойно ли сожалѣнія,—продолжалъ онъ, обращаясь къ окружающимъ,—что столь талантливый человѣкъ палъ такъ низко!» и онъ однимъ духомъ произнесъ противъ меня самыя сильныя ругательства, назвалъ меня якобинцемъ, революціонернымъ проповѣдникомъ, негодяемъ, заслуживающимъ еще разъ быть наказаннымъ кнутомъ. Я терпѣливо выслушалъ все и спросилъ только его фамилію и званіе.

— «Я баронъ фонъ-Унгернъ-Штернбергъ»,—отвѣчалъ онъ.

И такъ, предо мною стоялъ человѣкъ, который семь лѣтъ тому назадъ написалъ мнѣ изъ Петербурга письмо, наполненное преувеличенными, приторными похвалами. Онъ былъ въ то время адъютантомъ графа Салтыкова. Я знавалъ его еще въ Лифляндіи, гдѣ онъ хотѣлъ пріобрѣсти репутацію умнаго человѣка, но слылъ за развратника. Я попросилъ его избавить меня отъ его несправедливыхъ упрековъ. Наконецъ, онъ замолчалъ и ушелъ. Это было чрезвычайно пріятно для меня, такъ какъ въ эту минуту вошелъ мой шуринъ.

— «Несчастный Зейдеръ! бѣдная моя сестра!»—воскликнулъ онъ, весь въ слезахъ.

Я разсказалъ ему все; онъ сидѣлъ еще возлѣ меня, погруженный въ тяжелыя мысли, когда внесли мой чемоданъ и объявили мнѣ, что я долженъ отправиться завтра рано утромъ. Шуринъ оставилъ меня, обѣщавъ скоро вернуться. Между тѣмъ я написалъ моей женѣ длинное письмо, въ которомъ высказалъ ей все, что̀ человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ и долженъ

высказать своей супругѣ[1]). Я намѣревался переслать это письмо черезъ пастора Рейнбота и, окончивъ его, сталъ ожидать моего шурина, какъ вдругъ почувствовалъ въ правомъ боку сильную боль; сначала я не обратилъ на нее вниманія, но мало по малу я сталъ ослабѣвать и у меня открылся жаръ. Призванный врачъ объявилъ, что это былъ припадокъ паралича и донесъ о томъ начальству. Пришло распоряженіе, чтобы меня перевели въ пріемный покой полиціи. Слабость моя увеличивалась такъ быстро, что меня туда уже отнесли; положили меня на кровать и пустили кровь. Стемнѣло. Мой шуринъ снова былъ при мнѣ, но я почти не могъ говорить съ нимъ; однако я узналъ отъ него, что докторъ объявилъ, что меня нельзя отправить теперь не подвергая мою жизнь опасности. Я думалъ, что у меня открылась нервная горячка. Со мною дѣлались судороги и страшные спазмы, и я ожидалъ, что скоро умру. Вслѣдствіе моей слабости мой шуринъ не могъ много говорить со мною и потому ушелъ. Наступила ночь. Вокругъ меня царствовала страшная тишина; тутъ-то мое несчастіе представилось мнѣ во всѣхъ своихъ исполинскихъ размѣрахъ.

— «Что̀ ты былъ нѣсколько дней тому назадъ,—думалъ я,—и чѣмъ сталъ теперь, несчастный? Какая причина твоихъ страшныхъ страданій? Ты осужденъ и наказанъ какъ преступникъ; въ чемъ же состоитъ твое преступленіе? Гдѣ доказательства его? Величайшему злодѣю доказываютъ его проступокъ, чтобы онъ могъ убѣдиться, что не страдаетъ безъ вины: тебя же не выслушали, и, не доказавъ тебѣ ни малѣйшей вины, осудили тебя безъапелляціонно! какая жестокость!! Боже мой! Ты знаешь, что я невиненъ, и какъ могъ Ты, Праведный Судія, допустить столь вопіющую несправедливость?»

Такъ прогоревалъ я въ отчаяніи всю ночь, обливаясь слезами и мучаясь тѣлесными страданіями. И такъ, несчастный,—думалъ я,—ты будешь здѣсь лежать и страдать безъ помощи, до тѣхъ поръ пока не умрешь, или тебя отошлютъ куда нибудь далѣе. Всѣ будутъ избѣгать тебя, какъ человѣка обезчещеннаго и отвергнутаго обществомъ; однако, я ошибся. Меня навѣстили уже на слѣдующее утро. Первыми пришли ко мнѣ двое молодыхъ людей. Боже! я узналъ въ нихъ двухъ моихъ пансіонеровъ, которые шесть лѣтъ тому назадъ жили у меня въ домѣ и занимались теперь торговлею.

— Друзья мои,—воскликнулъ я,—тотъ человѣкъ, который нѣкогда ста-

---

[1]) Письмо это сохранилось въ той рукописи, которая передана намъ дочерью пастора Зейдера въ 1877 г. Ред.

рался наставить васъ на путь добродѣтели, лежитъ теперь здѣсь—преступникъ и злодѣй!

Слезы были единственнымъ ихъ отвѣтомъ и слезы эти сказали мнѣ болѣе, чѣмъ самыя краснорѣчивыя слова. Они первые снабдили меня деньгами и рыдая поспѣшили выйти.

Съ этой минуты вплоть до моего отъѣзда изъ Петербурга комната моя не оставалась пустою. Лица обоего пола, посѣщавшія меня, словомъ и дѣломъ высказывали мнѣ самое горячее участіе къ моей тяжкой судьбѣ. Многія изъ нихъ были мнѣ знакомы еще въ Лифляндіи, и всѣ единогласно увѣряли, что моя исторія произвела большое впечатлѣніе въ Петербургѣ и что за меня многіе ходатайствовали. Въ этомъ я никогда не сомнѣвался, но я вижу теперь, что все то, что̀ къ этому прибавляли, именно—будто за меня продолжали хлопотать, чтобы я не былъ сосланъ, или что, въ случаѣ ссылки, я навѣрно не поѣду далеко, а скоро буду возвращенъ—все это было не болѣе какъ утѣшенія, которыми старались успокоить и ободрить меня.

Врачъ, пользующій больныхъ въ полиціи, навѣстилъ меня на слѣдующее утро, далъ мнѣ лекарства и поставилъ мнѣ мушку. Меня навѣстилъ мой шуринъ и я попросилъ его тотчасъ поѣхать къ моей женѣ въ Лифляндію, сказать ей, что я сильно заболѣлъ въ Петербургѣ и желаю повидать ее; наконецъ, я просилъ немедля привезти ее покуда я еще въ Петербургѣ, но умолчать ей объ моей ужасной участи. Я намѣревался, по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, попросить пастора Рейнбота подготовить ее и тогда привести ко мнѣ, для того, чтобы, прежде нежели она раздѣлитъ мою несчастную долю, переговорить съ нею относительно домашнихъ дѣлъ. Шуринъ одобрилъ мой планъ и уѣхалъ въ тотъ же день. Увы! я не увидалъ въ Петербургѣ ни его, ни моей любимой супруги!

Во время его отсутствія меня посѣщали ежедневно люди всевозможныхъ сословій. Пасторъ Рейнботъ приходилъ иногда два раза въ день; русскіе священники также навѣщали меня. Докторъ, русскій, очень добрый человѣкъ, употреблялъ всѣ средства, чтобы предупредить дурной исходъ болѣзни. Онъ говорилъ со мною по латыни и по италіански. Фамилія его, если не ошибаюсь, была Ребасовъ [1]). Онъ ежедневно посылалъ отчетъ о моемъ здоровьѣ губернатору, и всегда доносилъ, что я еще очень боленъ и слабъ.

[1]) Губернскій докторъ Ремезовъ.

Изд., (1802 г.).

Этотъ достойный человѣкъ зналъ, что я ожидалъ жену, и хотѣлъ такимъ образомъ задержать меня въ столицѣ. Однако меня выслали ранѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я замѣтно поправлялся, такъ что съ аппетитомъ начиналъ ѣсть и пить, однако по причинѣ большой слабости не могъ вставать съ постели.

Около полуночи, на одиннадцатый день послѣ того какъ я захворалъ, погруженный въ мрачное раздумье о моемъ бѣдствіи, я вдругъ услышалъ въ комнатѣ шумъ; приподнявшись, я увидѣлъ свѣтъ и человѣка, стоявшаго передо мною. Всматриваясь въ него, я что-то пробормоталъ.

— «Вы меня не узнаете? я тотъ докторъ, который навѣщалъ васъ въ крѣпости, и присланъ освидѣтельствовать васъ».

Онъ пощупалъ мнѣ пульсъ, велѣлъ показать языкъ и сказалъ:

— «Вы еще очень слабы, я пришлю вамъ завтра лекарства».

Докторъ этотъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Гассе. На слѣдующее утро къ моей постели подошелъ офицеръ съ приказаніемъ явиться къ губернатору. Я извинился большою слабостью и спросилъ его, для чего меня требуютъ туда?

— „L'Empereur vous a pardonné!" [1]).

— „Ne trompez pas un malheureux par de vaines paroles",—возразилъ я,—„c'est en vain que vous me feriez d'esparance!" [2]).

Онъ далъ мнѣ однако честное слово въ томъ, что монархъ помиловалъ меня, и поспѣшно удалился. Офицеръ этотъ былъ русскій, и человѣкъ весьма хитрый.

Полчаса спустя, явились два гренадера, подняли меня съ кровати и вынесли меня въ очень грязную комнату, куда былъ принесенъ и мой ящикъ. Я не сомнѣвался, что меня готовились отправить; въ этомъ еще болѣе убѣдила меня бѣготня людей. Наконецъ, унесли мой чемоданъ, а нѣсколько минутъ спустя и меня самого, и положили на плохую, запряженную одною лошадью телѣгу, на которой уже стоялъ мой чемоданъ. Дворъ полиціи былъ биткомъ набитъ народомъ. Я видѣлъ какъ многіе плакали, ломали руки и вздыхали. Когда я выѣхалъ изъ воротъ, масса народа двинулась за мною и проводила меня вдоль нѣсколькихъ улицъ. Я лежалъ, окутанный въ плащъ, и

---

¹) Императоръ помиловалъ васъ!

²) Не обманывайте несчастнаго ложными увѣреніями; напрасно стараетесь вы возбудить во мнѣ надежду.

плакалъ на-взрыдъ. Телѣга проѣхала еще нѣсколько пустынныхъ улицъ, миновала городскія ворота и —Петербургъ остался позади меня. Я приподнялся:

— «Прощай, дорогая жена, прощай, милое мое дитя!»—воскликнулъ я, удрученный горемъ, и въ отчаяніи упалъ на сидѣнье.

Доѣхавъ до первой станціи, я былъ такъ слабъ, что не могъ двинуться съ мѣста. Тамошній тюремщикъ былъ на столько добръ, что далъ мнѣ отдохнуть четыре дня. Въ это время я опомнился отъ страшнаго потрясенія, причиненнаго неожиданнымъ отъѣздомъ. Но слабость моя не уменьшалась. Между тѣмъ я долженъ былъ отправиться далѣе; — и вотъ уже четвертый мѣсяцъ какъ я подвигаюсь къ мѣсту моей ссылки! — Съ каждымъ днемъ страшнѣе обрисовывается мое несчастіе. Я лишился всего—должности, куска хлѣба, чести, домашняго счастія и общественнаго положенія, друзей моихъ! Здоровье мое въ конецъ разстроено, даже жизнь моя виситъ на волоскѣ! Увы! я лишенъ всякой отрады какъ мужъ и отецъ! Во мнѣ осталось одно только сознаніе моей невинности и надежда на Бога; но и при этой нравственной поддержкѣ я все же не могу не страдать какъ человѣкъ. Я стараюсь преодолѣть свою скорбь, досадую на свои слезы, но какое утѣшеніе возможно, когда сердце разрывается отъ грусти? Почему неумолимая судьба должна была порвать глубокую связь, основанную на любви и привязанности, которая соединяла меня съ семьею? Вызывая въ своемъ воспоминаніи прошлое, думая о настоящемъ и стараясь разгадать будущее, я всегда чувствую себя самымъ несчастнымъ изъ смертныхъ!!

Какъ счастливо, спокойно и обезпечено жилось мнѣ въ моемъ пасторатѣ! Я вполнѣ наслаждался семейнымъ счастіемъ! Жена моя выше всякихъ похвалъ; она была украшеніемъ своего пола, образцомъ женскаго совершенства; свои обязанности, какъ супруга, мать и хозяйка—она исполняла такъ безупречно, что мнѣ не оставалось ничего желать. Какъ сильно любила она меня, какъ была привязана ко мнѣ всею душою! и меня такъ жестоко оторвали отъ такой прекрасной жены! Я не мечтатель и не имѣю преувеличеннаго идеала семейнаго счастія, но если бы я зналъ, что мнѣ суждено прожить столько же, сколько я прожилъ, то я охотно отдалъ бы всѣ эти года за одинъ, если бы я могъ прожить его съ моею женою. Судите по этому, достойный другъ мой, какъ сильно я любилъ мою жену, и пожалѣйте вмѣстѣ со мною о моей великой потерѣ. Она должна теперь оставить тотъ

домъ, въ которомъ прожила со мною пять лѣтъ, такъ какъ мужъ ея изгнанъ изъ его родины. Какъ часто прогуливался я съ нею по нашимъ лѣсамъ и полямъ, въ сопровожденіи нашихъ пансіонеровъ и нашего дитяти. Когда, съ благословеніемъ Божьимъ, жатва наша созрѣвала, то, обнявъ жену, я горячо благодарилъ ее за ея заботы и труды, ибо она взяла на себя и полевое хозяйство, и часто на разсвѣтѣ, когда я еще предавался сну, она была уже на полѣ, усердно подгоняя сѣятелей и работниковъ!

Всевѣдущій Боже!" Тебѣ извѣстно все, что я пишу, Ты взвѣшиваешь каждое мое слово и будешь судить меня по моимъ дѣламъ; Ты нелицепріятный судья и обнаружишь современемъ мою невинность! Передъ Тобою, Господи, я грѣшникъ и заслуживаю наказанія, но Ты, какъ Всевѣдущій, знаешь, что передъ свѣтомъ я невиненъ! Страданія мои несказанно велики, но Ты, пославшій мнѣ ихъ, дашь мнѣ силы, чтобы перенести ихъ. Ты хочешь испытать меня, Боже мой! о какъ тяжко это испытаніе! Почему, Ты, милосердый Боже, избралъ такое страданіе, которое, причиняя мнѣ столько муки, въ то же время такъ страшно унижаетъ меня въ глазахъ свѣта и людей?

О Боже, прости, прости мнѣ, ничтожному червю, прости мнѣ этотъ вопросъ! Я не буду роптать, я буду терпѣть и ожидать моего освобожденія. Придетъ время и Ты откроешь мнѣ, почему Ты послалъ мнѣ это испытаніе. Умилосердися надъ моею женою и ребенкомъ, будь отцомъ и покровителемъ сиротъ, и если намъ не суждено увидѣться на землѣ, то соедини насъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни разлуки, гдѣ нѣтъ слезъ и воздыханія, а радость безконечная, и гдѣ мы рука-объ-руку будемъ пѣть и восхвалять Господа, освободившаго насъ отъ всякаго зла и давшаго намъ царство небесное.

Зейдеръ.

Дорогой и многоуважаемый другъ!

Мнѣ кажется, что я нашелъ разгадку моего страшнаго несчастія. Проведя прошлую ночь безъ сна, я припомнилъ то, что̀ вы говорили мнѣ о мнимомъ возвращеніи цензора въ мой пасторатъ для осмотра моихъ бумагъ. Весьма возможно и даже весьма вѣроятно, что, возвращаясь изъ Дерпта въ Ригу, онъ вторично заѣхалъ туда. Всѣ мои бумаги лежали незамкнутыя въ моемъ кабинетѣ; онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ писемъ, изъ конспектовъ проповѣдей и рѣчей и нѣсколькихъ научныхъ статей. Но если цензоръ былъ въ моемъ кабинетѣ, то онъ долженъ былъ найти находившійся между про-

чими бумаги, списокъ книгъ Дерптской библіотеки, который я получилъ нѣсколько дней передъ тѣмъ отъ ея владѣльца для просмотра, и не успѣлъ еще возвратить. Надобно сознаться, что я самъ нашелъ въ этомъ спискѣ нѣсколько опасныхъ и даже запрещенныхъ книгъ, именно сочиненія Архенгольца, но которыя единственно были запрещены въ Лифляндіи. Можетъ быть, онъ принялъ этотъ каталогъ за мой собственный (ибо въ моей библіотекѣ были многія книги, помѣщенныя въ этомъ спискѣ), вернулся въ Дерптъ и переслалъ его въ Петербургъ вмѣстѣ съ оставшимися книгами. Такъ какъ жена моя оставалась еще въ Дерптѣ, когда онъ уѣхалъ оттуда, то, слѣдовательно, онъ не засталъ ея дома и поэтому она ничего не могла разъяснить ему. Теперь я объясняю себѣ до нѣкоторой степени слѣдующія слова въ моемъ приговорѣ: «Изъ описи оказалось, что Зейдеръ имѣлъ запрещенныя и подозрительныя книги»; однако я не знаю подразумѣвали-ли подъ этимъ опись моихъ книгъ, составленную секретаремъ цензуры и приложенную къ нимъ. Если это такъ, то я имѣлъ, по невѣдѣнію, запрещенныя книги; если же эти слова означаютъ что нибудь другое,—Боже! въ такомъ случаѣ я несу кару за другаго—и тогда страшная загадка разъясняется сама собою. Все это я желалъ сообщить вамъ, достойный другъ—можетъ быть, прочтя эти строки, вы почувствуете еще болѣе состраданія къ несчастному Зейдеру.

Отъ Издателя.

[1803 г.].

Въ вышеприведенномъ письмѣ пасторъ Зейдеръ высказывается человѣкомъ кроткимъ, въ высшей степени сдержанно повѣствующимъ о своемъ несчастіи; эта кротость и покорность, безъ сомнѣнія, еще болѣе возбуждаютъ участія къ его судьбѣ. Кто могъ прочесть это письмо, не почувствовавъ къ автору его искренняго состраданія!

О дальнѣйшей участи его на мѣстѣ ссылки извѣстно весьма немногое, и къ тому же эти скудныя свѣдѣнія не вполнѣ достовѣрны. Г. Коцебу первый сообщилъ его друзьямъ въ Германіи извѣстіе о томъ, что, тотчасъ же послѣ смерти Павла, онъ былъ возвращенъ Александромъ Правосуднымъ изъ ссылки, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими несчастными: Александръ, убѣжденный въ невинности Зейдера, далъ слѣдующій указъ, возстановлявшій его честь и достоинства:

— «Бывшаго Ранденскаго пастора Зейдера, Дерптскаго округа, который несчастнымъ образомъ былъ лишенъ сана и невинный подвергся наказанію, освобождая отъ всякаго упрека за понесенное имъ обвиненіе, всемилостивѣйше повелѣваемъ, согласно постановленіямъ протестантскаго церковнаго устава, глава XIX, § 21, посвятить снова въ прежній духовный санъ и, по протестантскому уставу о приходахъ, дать ему таковой, когда подходящее мѣсто окажется вакантнымъ. Сверхъ того мы повелѣли государственному казначею выдавать ему, Зейдеру, до полученія имъ мѣста, половину доходовъ, какими онъ пользовался въ Ранденскомъ пасторатѣ, именно 715 рублей въ годъ. Александръ».

Вслѣдъ за этимъ почетнымъ для пастора Зейдера заявленіемъ со стороны его правосуднаго монарха, которымъ онъ признавался невиннымъ и освобождался отъ всякаго упрека, произошло торжество, можетъ быть, единственное въ своемъ родѣ въ исторіи христіанской церкви.

2-го января 1802 г. въ Анненской церкви, въ Петербургѣ, тотъ же самый священникъ пробстъ Рейнботъ, который, по повелѣнію императора Павла, лишилъ Зейдера сана и всѣхъ правъ, теперь, при многочисленномъ стеченіи народа, вторично посвятилъ его въ духовный санъ. Прежнее мѣсто его было занято и Александръ не могъ возвратить его Зейдеру, не совершивъ несправедливости относительно пастора, занимавшаго его; но правосудный монархъ не оставилъ его безъ помощи и можно надѣяться, что добрый Зейдеръ вскорѣ снова примется за свою прежнюю дѣятельность проповѣдника. Можно также думать, что публика вскорѣ прочтетъ полное описаніе его страданій, написанное имъ собственноручно [1]).

Два человѣка, заслужившіе всеобщую ненависть въ тотъ тяжкій періодъ нашей исторіи, были: оберъ-прокуроръ Обольяниновъ и рижскій цензоръ Ѳедоръ Туманскій—олицетворенный духъ зла. Первый изъ нихъ, тотчасъ послѣ кончины императора Павла, 12-го марта въ 4 часа утра, былъ арестованъ, по повелѣнію Александра; но онъ испыталъ въ то же время еще большее униженіе. Офицеръ, получившій приказаніе арестовать

[1]) Это собственноручное описаніе—пасторомъ Зейдеромъ его страданій—осталось неизданнымъ у его дочери; манускриптъ этотъ, какъ объяснено выше, мы напечатаемъ въ переводѣ, въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Русской Старины». Ред.

его, невѣрно понялъ приказаніе и потащилъ Обольянинова, который еще наканунѣ муштровалъ Россію желѣзными розгами, пѣшкомъ по грязнымъ улицамъ Петербурга на гауптвахту; когда императору донесли, въ 6 часовъ утра, что Обольяниновъ находится на гауптвахтѣ, то онъ остался этимъ недоволенъ, сдѣлалъ выговоръ офицеру за его жестокое обращеніе, и приказалъ тотчасъ же отвезти Обольянинова домой. Тѣмъ не менѣе, фактъ былъ совершенъ, и публика была того мнѣнія, что вовсе не дурно если оберъ-прокуроръ испыталъ каково быть на гауптвахтѣ: онъ сдѣлалъ довольно несчастныхъ и поэтому не мѣшало и ему испытать каково они себя чувствуютъ, и т. п. Онъ былъ сосланъ въ одно изъ своихъ помѣстій, куда его сопровождало проклятіе всего народа.

Θедоръ Туманскій также внезапно лишился мѣста и о паденіи его съ высоты счастія не пожалѣлъ ни одинъ изъ его современниковъ. Онъ сдѣлалъ слишкомъ много зла, и вполнѣ заслуживалъ этой участи за одни дѣла съ книгопродавцами Гартнохомъ и Мюллеромъ, въ Ригѣ, и Фридрихомъ, въ Либавѣ; поэтому не могъ расчитывать и на малѣйшее сочувствіе со стороны современниковъ. Онъ живетъ (въ 1802—1803 гг.) съ тѣхъ поръ въ Ригѣ на подаянія отъ тѣхъ людей, которыхъ онъ, быть можетъ, незадолго передъ тѣмъ повергъ въ горе и несчастіе; всѣ презираютъ его и ни одинъ человѣкъ не питаетъ къ нему состраданія. Такимъ образомъ отомстила Россія этимъ злодѣямъ, такъ долго угнетавшимъ ея подданныхъ; они являются предметомъ всеобщей ненависти, между тѣмъ какъ Россія начинаетъ дышать свободнѣе подъ кроткою державою Александра.

Лейпцигъ, 1803 г. Изд. [1803 г.]

Примѣчаніе. Пасторъ Зейдеръ Θедоръ Николаевичъ, род. въ Пруссіи, въ Кенигсбергѣ, 8-го февраля 1766 г., умеръ въ Гатчинѣ 24-го іюля 1834 г., погребенъ въ Колпинѣ, близъ Гатчины.

Ред.

Пасторъ, докторъ философіи Ф. Зейдеръ

р. 1767+1834 г.

Памятникъ на могилѣ Зейдера въ Колпинѣ.

1834 г.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г.

Дозволено цензурою, 30 января 1878 г.

Типографія В. Балашева.

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ПОПОВА

О ПРЕБЫВАНІИ ЕГО ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ

съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.

IV [1]).

Инкерманское сраженіе.

Утромъ 22-го октября генералъ-отъ-инфантеріи Данненбергъ пріѣхалъ въ Севастополь, для совѣщанія о предстоящихъ дѣйствіяхъ, какъ сообщилъ о томъ начальнику гарнизона главнокомандующій въ присланной имъ запискѣ. Къ пріѣзду Данненберга собрались: Моллеръ, Станюковичъ, Тотлебенъ и я. Положеніе Севастополя, такъ сказать, вопіяло о безотлагательной ему помощи, поэтому, мы всѣ ожидали вполнѣ обстоятельнаго обсужденія столь важнаго дѣла, между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Данненбергъ сказалъ: «завтра же утромъ мы сдѣлаемъ наступленіе; генералъ Соймоновъ выйдетъ изъ Севастополя, а генералъ Павловъ перейдетъ Черную на соединеніе съ нимъ»,—тѣмъ совѣщаніе и кончилось.

Когда генералъ Данненбергъ уходилъ уже, я подошелъ къ нему и доложилъ, что, «при наступленіи съ содѣйствіемъ войскъ гарнизона, поле дѣйствій въ главныхъ чертахъ все видно изъ города; поэтому не будетъ ли полезнымъ вызвать начальниковъ выдвигающихся частей къ Малахову кургану, чтобы указать имъ цѣль наступленія и пути дѣйствій, что̀ наглядно уяснитъ имъ предстоящее дѣйствіе и устранитъ даже возможность недоразу-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXI, стр. 305—324.

мѣній». Генералъ Данненбергъ отвѣчалъ на это, что мѣстность окрестностей Севастополя ему основательно знакома, потому что на ней онъ маневрировалъ многократно, и что онъ отдастъ точныя приказанія, а по нимъ послѣдуетъ исполненіе. Я продолжалъ, что, «при выдвигающихся войскахъ, мы не имѣемъ достаточно артиллеріи и что поэтому намъ необходима возможно скорѣйшая помощь батарейными батареями». «У меня при колоннѣ Павлова 100 орудій,—отвѣчалъ Данненбергъ,—и я своевременно снабжу ими всѣ части войскъ».

Генерала Данненберга я видѣлъ въ первый разъ, и свойствъ его не зналъ нисколько; но меня смущала неопредѣленность высказаннаго имъ предположенія, равно какъ и исполненія онаго.

Часовъ въ 9 вечера, мы получили извѣщеніе отъ главнокомандующаго, что, по случаю поздняго прибытія послѣднихъ частей дивизіи Павлова, предположенное на завтра наступленіе откладывается на 24-е число. Не смотря на тягость положенія Севастополя, я обрадовался этому.

Въ 8 часовъ утра 23-го октября, я отправился къ главнокомандующему, штабъ-квартира котораго въ это время была перенесена на Сѣверную сторону, близь укрѣпленія № 4. Выйдя изъ лодки, я встрѣтилъ генерала Данненберга, который тоже прибылъ къ князю и ожидалъ его выхода. Увидя меня, Данненбергъ подошелъ ко мнѣ и просилъ прочитать привезенную имъ диспозицію и сказать откровенно свое о ней мнѣніе. Къ этому онъ прибавилъ, что предстоящее дѣло, не смотря на завидную честь быть во главѣ онаго, его смущаетъ.

Въ диспозиціи генерала Данненберга цѣлью дѣйствій назначалось занятіе высоты англійскаго лагеря у верховья Киленъ-балки; для исполненія же предписывалось: во первыхъ, колоннѣ Соймонова, выдвигавшейся изъ Севастополя, въ 5 часовъ утра начать наступленіе отъ Киленъ-балки (переходъ оной сдѣлавъ предварительно), направляясь по спускамъ Сапунъ-горы къ бухтѣ, чтобы очистить оные отъ непріятеля; миновавъ же Инкерманскій мостъ, этой колоннѣ выстроиться, имѣя головы дивизій на одной линіи; во вторыхъ, въ 7 часовъ утра дивизіи Павлова возстановить Инкерманскій мостъ и направиться за интервалъ дивизій Соймонова; въ третьихъ, по прибытіи дивизіи Павлова, выстроить общій крестообразный боевой порядокъ. Дальнѣйшія распоряже-

нія, сказано въ диспозиціи, отданы будутъ на мѣстѣ, назначены перевязочные пункты для обѣихъ колоннъ и, на случай необходимости, означены пути отступленія.

Въ это время вся союзная армія была расположена на обширной Сапунъ-горѣ, на западныхъ скатахъ которой лежитъ Севастополь. Одна часть ея, назначенная для осады, занимала траншеи и осадныя батареи, дугою охватившія городъ, за которыми, верстахъ въ трехъ отъ нашей оборонительной линіи, были расположены сильные резервы отъ спусковъ Сапунъ-горы къ р. Черной, у Каменоломнаго оврага, до Стрѣлецкой бухты. Правый флангъ этого корпуса составляли англичане, занимавшіе пространство отъ Каменоломнаго оврага до верховьевъ Сарандинакиной балки, на протяженіи шести верстъ; числительность этихъ войскъ мы считали около 18-ти т. человѣкъ. Лѣвый флангъ отъ Сарандинакиной балки до моря, на протяженіи семи верстъ, занимали французы,—ихъ силу мы полагали въ 30 т. человѣкъ. Другая часть союзной арміи, назначенная для охраненія тыла осаждающихъ войскъ, была расположена на восточныхъ оконечностяхъ Сапунъ-горы, между южно-бережскою и балаклавскою дорогами; эта часть, силою около 15-ти т., могла служить въ то же время и главнымъ резервомъ осадной арміи. Кромѣ того, турецкая дивизія и часть англичанъ занимали и охраняли Балаклаву, которая соприкасалась только южной оконечности Сапунъ-горы и не была прикрыта расположеніемъ прочихъ войскъ.

И такъ, Данненбергъ цѣлію дѣйствій избралъ правую оконечность осадной арміи. Эта часть, будучи удалена болѣе другихъ частей отъ расположенія резервовъ союзниковъ, давала бо́льшую надежду на первоначальный успѣхъ, но съ этимъ первоначальнымъ успѣхомъ мы пріобрѣтали позицію, командующую надъ всѣмъ остальнымъ расположеніемъ союзниковъ, позицію сильную тѣмъ, что она не могла быть атакована ни съ праваго, ни съ лѣваго фланга, сама же доставляла удобства раздѣлить осадную и обсерваціонную арміи и дѣйствовать на обѣ эти части съ тылу. Сверхъ того, оставаясь въ прямой связи съ Севастополемъ, мы входили въ прямую связь съ Чоргунскимъ отрядомъ, связывали до сихъ поръ разъединенныя части нашей арміи, прикрывали Инкерманскую переправу и тѣмъ обезпечивали сухопутное сообщеніе Севастополя съ основаніемъ дѣйствій. Эти выгоды, пріобрѣ-

таемыя однимъ первоначальнымъ успѣхомъ, столь громадны, что занятіе высотъ англійскаго лагеря составляло побѣду, рѣшающую участь кампаніи. Но распоряженія генерала Данненберга для достиженія избранной имъ цѣли далеко не соотвѣтствовали стратегическому достоинству руководившей имъ мысли.

Едва я успѣлъ дочитать данную мнѣ диспозицію, князь Меншиковъ вышелъ изъ занимаемаго имъ домика, и пригласилъ меня вмѣстѣ съ Данненбергомъ къ себѣ въ комнату.

Данненбергъ доложилъ князю, что привезъ диспозицію на завтрашній день; Меншиковъ просилъ прочитать ее, но Данненбергъ, не найдя съ собою очковъ, просилъ позволенія передать оную мнѣ для прочтенія.

Слушая диспозицію Данненберга, князь Меншиковъ неоднократно выражалъ свое одобреніе, словами: «хорошо, очень хорошо», и не сдѣлалъ ни одного замѣчанія.

По окончаніи диспозиціи, я передалъ ее князю Меншикову, а онъ—Данненбергу, прибавя: «согласно этому можете дѣлать окончательныя распоряженія», но когда Данненбергъ уже выходилъ изъ комнаты, князь Меншиковъ сказалъ ему: «я хочу еще разъ прочитать вашу диспозицію; оставьте ее мнѣ, а черезъ $^1/_4$ часа я пришлю ее вамъ съ моимъ адъютантомъ».

Затѣмъ князь Меншиковъ спросилъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ? Я отвѣчалъ, что, къ предстоящему выступленію части войскъ изъ Севастополя, начальникъ гарнизона имѣетъ надобность въ особенныхъ приказаніяхъ главнокомандующаго на завтрашній день, безъ которыхъ онъ не можетъ дать генералу Данненбергу даже войскъ его корпуса; что, кромѣ того, я желалъ передать его свѣтлости сущность вчерашняго свиданія съ генераломъ Данненбергомъ, и, разсказавъ ему изложенное уже выше посѣщеніе Данненбергомъ Севастополя, я продолжалъ: «такая неопредѣленность и неясность меня смущала и заставляла опасаться неточности въ распоряженіяхъ, что̀, къ несчастію, и начинаетъ уже оправдываться, какъ это видно изъ прочитанной мною диспозиціи». «Въ чемъ же?» спросилъ Меншиковъ. Я отвѣчалъ на это: «во первыхъ, начатіе дѣйствія нашихъ колоннъ назначено неодновременно, почему Соймоновъ долженъ будетъ, по обнаруженіи уже нашего наступленія, или выжидать,—и дать возможность про-

тивнику стянуться и приготовиться къ бою, или наступать—и дѣйствовать одному».—«Да»,—сказалъ князь.

— «Во вторыхъ, наступленіе колонны Соймонова указано по спускамъ Сапунъ-горы, но спуски эти, по крутизнѣ и пересѣченности своей, едва доступны движенію на нихъ разсыпнаго строя; какимъ же образомъ направить по нимъ семь полковъ съ артиллеріею? Если это только неточность выраженія, то все же она можетъ повлечь къ важнымъ послѣдствіямъ, тогда какъ движеніе по Киленъ-балочному плато сохранитъ въ войскахъ стройность и силу удара, и вполнѣ достигнетъ предположенной цѣли, ибо, съ движеніемъ войскъ нашихъ по высотамъ, непріятель не можетъ остаться на спускахъ оныхъ».—«Совершенно справедливо,—сказалъ князь.

— «Въ третьихъ, по соединеніи колонны Павлова съ войсками Соймонова, назначено имъ выстроить общій крестообразный боевой порядокъ, но таковаго боеваго порядка не существуетъ въ русской арміи; впрочемъ, вѣроятно, войска 4-го корпуса поймутъ распоряженіе своего командира—и это только мелочь; но въ боевомъ значеніи это распоряженіе выказываетъ отсутствіе всякаго пониманія военнаго дѣла. Соймоновъ, чтобы прикрыть переправу колонны Павлова, долженъ продвинуться впередъ на столько, чтобы стать между непріятелемъ и Инкерманскимъ мостомъ; для этого, вѣроятно, онъ долженъ будетъ оттѣснить передовыя войска его, и во всякомъ случаѣ артиллерійскій и ружейный бой будетъ начатъ прежде подхода Павлова. Затѣмъ, войска колонны Павлова, проходя узкимъ дефиле черезъ мостъ, будутъ подходить къ мѣсту боя частями, и, по мѣрѣ надобности, должны будутъ или усиливать артиллерію Соймонова, или поддерживать находящіяся въ схваткѣ съ непріятелемъ части, или смѣнять разстроенныя передовыя войска, или упрочивать пріобрѣтенные ими успѣхи, но никакъ не оставаться въ бездѣйствіи до подхода послѣднихъ частей колонны, а тѣмъ болѣе нельзя остановить въ бою находящіяся войска, для выстроенія какого бы то ни было боеваго порядка».—«Основательно»,—сказалъ князь.

— «Наконецъ,—продолжалъ я,—въ диспозиціи Данненберга указаны пути отступленія. Быть можетъ, это и не важно, но у насъ, предпринимая рѣшительное наступленіе, не принято указывать на мѣры отступленія, даже мысль объ этомъ не должна указы-

ваться ясно; а соображенія къ отступленію сообщаются главнымъ начальникомъ войскъ или словесно, или особыми инструкціями».

Выслушавъ все изложенное мною, князь Меншиковъ приказалъ мнѣ написать новую диспозицію. «Ваша свѣтлость имѣете ли въ виду возложить исполненіе оной на генерала Данненберга, съ двумя колоннами, какъ значится въ его диспозиціи, или ввести въ дѣло остающіяся свободными войска, для содѣйствія и обезпеченія успѣха? Въ послѣднемъ случаѣ, диспозиція должна быть отдана отъ вашего имени».

— «Я не прочь отъ этого»,—сказалъ князь, и, указавъ мнѣ на сосѣднюю комнату, прибавилъ: «здѣсь найдете вы письменныя принадлежности».

Задача, порученная мнѣ, была проста и легка. Цѣль дѣйствій, избранная Данненбергомъ, была совершенно вѣрна, пути дѣйствій всѣхъ частей арміи обусловливались ихъ относительнымъ положеніемъ; оставалось обезпечить сколько возможно неожиданность нападенія, чтобы застать непріятеля врасплохъ, и удержать его резервы сколь можно долѣе отъ поданія помощи атакованному нами пункту. Возможность неожиданности нашего нападенія могла быть достигнута только скрытнымъ подходомъ войскъ нашихъ къ расположенію непріятеля, и затѣмъ быстрымъ развитіемъ атаки. Для этого предварительный сборъ войскъ назначался ночью, и начало дѣйствій колоннъ указано одновременное, съ тѣмъ, чтобы, по начатіи атаки, имѣть возможность безостановочно подавить атакованнаго прежде чѣмъ онъ оправится и получитъ подкрѣпленія. Для задержанія же подхода резервовъ союзниковъ, я находилъ нужнымъ пѣхотою Чоргунскаго отряда произвести самую рѣшительную атаку обсерваціоннаго корпуса, какъ ближайшаго резерва атакованной нами части, и сдѣлать сильную вылазку съ праваго фланга нашей оборонительной линіи на французскія подступныя работы.

Войдя въ указанную мнѣ комнату, я нашелъ въ ней генеральнаго штаба полковника Герсеванова, котораго я не зналъ прежде. «Князь Меншиковъ,—сказалъ я ему,—приказалъ мнѣ написать диспозицію на завтрашній день; я буду писать диктуя ее самъ себѣ въ слухъ, а васъ прошу, ради общаго дѣла, внимательно слушать мое изложеніе, и ежели гдѣ либо вы замѣтите неточность выраженій, или сомнительность въ смыслѣ, сейчасъ

же остановить меня, чтобы предупредить не только дурное, но и всякое недоразумѣніе». Согласно этой просьбѣ, Герсевановъ внимательно слѣдилъ за излагаемымъ мною, но не сдѣлалъ ни одного возраженія. Черезъ полчаса, я вышелъ къ князю, съ приготовленнымъ проектомъ диспозиціи.

Цѣлію наступленія указывалось занятіе высотъ англійскаго лагеря, съ тѣмъ, чтобы на нихъ утвердиться. На это князь изъявилъ свое одобреніе. Для исполненія же назначалось:

1) Колоннѣ изъ Севастополя (около 19,000 человѣкъ), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, въ 6 часовъ утра начать наступленіе отъ Киленъ-балки, предварительно сдѣлавъ переходъ оной, имѣя въ виду обезпечить переправу колонны Павлова черезъ Инкерманскій мостъ. Князь снова изъявилъ полное согласіе.

2) Отряду съ Инкерманской высоты, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (около 20,000 человѣкъ), въ 6 же часовъ утра, возстановить Инкерманскій мостъ, и, имѣя въ головѣ одинъ пѣхотный полкъ, по переходѣ моста направить его прямо на высоты Сапунъ-горы; за этимъ полкомъ слѣдовать всей артиллеріи и за нею остальнымъ частямъ пѣхоты, которымъ, по переходѣ моста, быстро слѣдовать по саперной дорогѣ на соединеніе съ колонною Соймонова.

Въ этомъ пунктѣ, князь Меншиковъ не согласился на выдвиженіе головнаго полка прямо на высоты, находя, что этимъ труднымъ подъемомъ мы приведемъ его въ такое утомленіе, что онъ не въ состояніи будетъ принять участіе въ бою. Я доложилъ князю, что выдвиженіе головнаго полка прямо на высоты я разсматриваю только какъ мѣру предосторожности на случай, если Соймоновъ не успѣетъ достаточно оттѣснить непріятеля, что, впрочемъ, я самъ убѣжденъ, что надобность въ томъ будетъ устранена дѣйствіемъ колонны Соймонова. На это князь приказалъ направить прямо на высоты застрѣльщиковъ головнаго полка и утвердилъ остальное.

За вторымъ пунктомъ слѣдовало примѣчаніе, въ которомъ было сказано: по соединеніи упомянутыхъ двухъ колоннъ, общее начальство надъ ними принимаетъ генералъ-отъ-инфантеріи Данненбергъ. Когда я прочиталъ это примѣчаніе, князь Меншиковъ спросилъ у меня: «а если Данненбергъ захочетъ самъ двинуться

съ колонною Соймонова? вѣдь на это онъ, какъ командиръ корпуса входящихъ въ нее войскъ, имѣетъ право» Я отвѣчалъ: «конечно, да, но ваша свѣтлость, какъ главнокомандующій, имѣете свое право указать ему наблюсти за успѣшною переправою черезъ Инкерманскій мостъ; присутствія же Данненберга при колоннѣ Соймонова, по обнаружившейся уже его необстоятельности, я опасаюсь, ибо отъ успѣха выдвиженія головной нашей части зависитъ успѣхъ всего дѣла; затѣмъ же, ваша свѣтлость сами будете на мѣстѣ, и никакихъ фантазій въ дѣйствіяхъ войскъ послѣдовать не можетъ». Князь Меншиковъ съ улыбкою отвѣчалъ на это: «хорошо».

3) Отряду князя Горчакова (слишкомъ 22,000 человѣкъ), въ шесть же часовъ утра, пѣхотою произвести самую рѣшительную атаку Сапунъ-горы по южно-бережской дорогѣ, при чемъ имѣть драгунскую бригаду въ полной готовности къ выдвиженію на высоты, при первой къ тому возможности.

По прочтеніи этого пункта, князь Меншиковъ съ живостію возразилъ, что этого онъ уже никакъ допустить не можетъ, что трудная атака Сапунъ-горы не обѣщаетъ никакого успѣха и совершенно разстроитъ атакующія войска. Я отвѣчалъ на это, что, назначая самую рѣшительную атаку на обсерваціонный корпусъ союзниковъ, я останавливался, во первыхъ, на не успѣхѣ ея, но и въ такомъ случаѣ—начавъ наступленіе въ 6 часовъ утра и введя въ рукопашный бой послѣдовательно боевыя линіи и резервъ, пѣхота Чоргунскаго отряда до 8-ми и даже до 9-ти часовъ задержитъ собою главный резервъ союзной арміи отъ возможности подать помощь избранному для занятія нами пункту; до этого времени не можетъ подойти на помощь къ атакованному и резервъ французскаго осаднаго корпуса, по значительности удаленія онаго. Между тѣмъ, Соймоновъ, начавъ свое наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ, и въ то же время Павловъ отъ Инкерманскаго моста, къ 7-ми часамъ войдутъ въ связь, а въ $7^{1}/_{2}$ часовъ мы должны утвердиться на высотахъ у вершины Киленъ-балки, т. е. достигнуть цѣли предпріятія. Одна англійская армія не въ состояніи воспротивиться этому, потому что половина ея должна остаться при осадныхъ работахъ, а затѣмъ, 8 т. или наиболѣе 10 т. будутъ имѣть противъ себя до 40 т. штыковъ колоннъ Соймонова и Павлова. Перестрѣлкою намъ за-

ниматься не слѣдуетъ, и не терять времени, а дѣйствовать штыкомъ. Поэтому, самая неудача рѣшительной атаки обсервацiоннаго корпуса обезпечитъ намъ достиженiе главной цѣли нашего наступленiя. Между тѣмъ, разстроенная пѣхота генерала Липранди спустится съ горы и найдетъ тамъ 7 полковъ кавалерiи, готовыхъ къ бою, съ 5-ю конными батареями; поэтому преслѣдовать ее и воспользоваться ея разстройствомъ непрiятель не можетъ. Устроившись затѣмъ за нашею кавалерiею, пѣхота Чоргунскаго отряда будетъ снова въ распоряженiи главнокомандующаго для продолженiя дѣйствiй, какiя окажутся нужными по ходу боя на Сапунъ-горѣ.

— «Но, ваша свѣтлость,—продолжалъ я,—я убѣжденъ, что атака Липранди будетъ имѣть полный успѣхъ, потому что, пользуясь темнотою, онъ близко подойдетъ къ непрiятелю незамѣченнымъ, и затѣмъ, первую атакующую часть нашу могутъ встрѣтить только дежурныя части; непрiятель не будетъ готовъ къ бою даже съ подходомъ нашей 2-й линiи, а соберется только тогда, когда ему придется уже оспаривать занятое нами на высотахъ положенiе. Появленiе же нашихъ войскъ на высотахъ у южно-бережской дороги отрѣзываетъ отступленiе всей англiйской армiи, находящейся подъ ударомъ колоннъ Соймонова и Павлова, а дальнѣйшимъ движенiемъ впередъ мы врѣзываемся между осаднымъ и обсервацiоннымъ корпусами союзниковъ, съ тылу ихъ расположенiя, и можемъ извлечь результаты, окончательно уничтожающiе армiю союзниковъ».

Выслушавъ это и оставя приведенные мною расчеты безъ возраженiя, Меншиковъ сказалъ: «ни одинъ главнокомандующiй не возьметъ на себя такой отвѣтственности, чтобы подвергнуть цѣлый корпусъ совершенному разстройству или пораженiю». Я отвѣчалъ на это, что принялъ бы на себя такую отвѣтственность охотно и безъ колебанiя, потому именно, что въ этомъ случаѣ самое пораженiе на второстепенномъ пунктѣ обезпечиваетъ рѣшающiй успѣхъ на главномъ. «А я не могу принять на себя этой отвѣтственности»,—сказалъ князь.—«Въ такомъ случаѣ, что̀ прикажите указать отряду князя Горчакова?» спросилъ я. —«Содѣйствовать общему наступленiю, отвлекая собою силы непрiятеля и стараясь при томъ овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору»,—продиктовалъ князь.

4) Севастопольскому гарнизону содѣйствовать общему наступленію, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ, а, по обнаруженіи нашего наступленія, съ 6-го бастіона сдѣлать вылазку, чтобы привлечь на себя часть силъ непріятеля, и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить и уничтожить оныя.

5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю начальникамъ обозначенныхъ частей, и доставить мнѣ въ теченіе ночи на 24-е число ихъ диспозиціи.

Оба эти пункта князь Меншиковъ одобрилъ безъ измѣненія.

6) Главнокомандующій будетъ находиться....... Здѣсь я спросилъ князя, гдѣ ему угодно будетъ назначить мѣсто, куда присылать къ нему донесенія. Онъ продиктовалъ: «Первоначально у Инкерманскаго моста».

— «Ну, вотъ въ этомъ видѣ я и отдамъ диспозицію»,—сказалъ князь Меншиковъ, кланяясь, и тѣмъ давая мнѣ знать, что я могу удалиться.

Диспозиція эта, даже въ ослабленномъ, чрезъ измѣненіе 3-го пункта, видѣ, имѣла столь отчетливую стройность, что, казалось мнѣ, никакихъ недоразумѣній въ исполненіи оной быть не можетъ; но 5-й пунктъ, предписывая начальникамъ отдѣльныхъ частей представить исполнительныя ихъ диспозиціи, требовалъ отъ главнокомандующаго внимательнаго разсмотрѣнія оныхъ, чтобы видѣть, такъ-ли поняты частными начальниками возложенныя на нихъ общею диспозиціею дѣйствія.

Мысль объ этомъ бросилась мнѣ въ голову при поклонѣ Меншикова, но какъ было выразить ее? Въ какую форму ни одѣнь напоминаніе объ обязанностяхъ, требуемыхъ 5-мъ пунктомъ диспозиціи, оно все будетъ звучать тѣмъ же вопросомъ: кто же будетъ слѣдить за вѣрнымъ исполненіемъ всѣми частями данныхъ имъ приказаній? вопросъ — болѣе чѣмъ неделикатный по отношенію къ самому главнокомандующему.

Послѣ нѣкотораго колебанія, я спросилъ князя: «гдѣ же мнѣ прикажете находиться?» «Гдѣ хотите»,—отвѣчалъ онъ. «Я не въ правѣ располагать собою, а распоряженіемъ вашей свѣтлости я прикованъ къ Севастополю,—сказалъ я,—но завтрашній день дѣла въ Севастополѣ не будетъ, а мое присутствіе при войскахъ

можетъ быть полезнымъ».—«Выѣзжайте»,—сказалъ князь, какъ бы нехотя.—«Въ какомъ же качествѣ?» спросилъ я.

— «Тамъ, на мѣстѣ, я вамъ дамъ назначеніе», — сказалъ Меншиковъ.

Отдавъ распоряженія начальника гарнизона по Севастополю, которыми назначались полки и части, поступающіе въ командованіе генерала Соймонова и въ составъ войскъ для вылазки изъ города, возложенной на начальника первой оборонительной дистанціи генералъ-маіора Тимофѣева, я вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Баумгартеномъ, моимъ бывшимъ товарищемъ по гвардейскому генеральному штабу, отправился къ Соймонову, чтобы познакомиться съ нимъ.

Диспозиція главнокомандующаго уже была получена и разговоръ, естественно, вертѣлся на завтрашнемъ днѣ. Соймоновъ просилъ меня написать диспозицію для его отряда, и я началъ было писать, но послѣ одной строчки положилъ перо и сказалъ: «нѣтъ, я боюсь быть причиною недоразумѣній». Мы условились съ Соймоновымъ выѣхать вмѣстѣ.

Въ 2 часа по полуночи Соймоновъ заѣхалъ за мною, и мы вмѣстѣ поѣхали къ Ушаковой-балкѣ, гдѣ было назначено собраться войскамъ его отряда. Въ 4 часа войска начали вытягиваться ко 2-му бастіону и втягиваться въ дефиле для перехода, согласно диспозиціи, черезъ Киленъ-балку; было темно и сыро, войска двигались медленно. Къ 6-ти часамъ утра, три полка 10-й пѣхотной дивизіи съ двумя батарейными батареями были уже выстроены на противоположной, т. е. правой сторонѣ Киленъ-балки, сводная же дивизія съ двумя легкими батареями, подъ командою генералъ-маіора Жабокритскаго, только что начала вытягиваться на высоты.

Все это время я былъ неразлучно съ Соймоновымъ, и онъ не упоминалъ мнѣ о какомъ-либо контръ-ордрѣ въ отмѣну общей диспозиціи главнокомандующаго, и исполнялъ все согласно оной. Скажу болѣе: если бы онъ и получилъ какое-либо приказаніе отъ генерала Данненберга, противорѣчащее распоряженіямъ главнокомандующаго, то исполнить онаго онъ не имѣлъ права, потому что начальствованіе Данненберга начиналось только по соединеніи съ нимъ колонны Павлова. Такимъ образомъ падаютъ сами собою обвиненія, взводимыя на Соймонова въ томъ, что онъ былъ

причиною путанницы въ Инкерманскомъ движеніи, тѣмъ—по указанію однихъ, что онъ въ темнотѣ сбился съ пути, тѣмъ—по другимъ, что онъ ошибочно понялъ какой берегъ называется правымъ и какой лѣвымъ, и наконецъ, тѣмъ—по указанію третьихъ, что онъ не исполнилъ распоряженій генерала Данненберга. Очевидно, что такія обвиненія могли родиться только отъ незнанія, что основаніемъ дѣйствій въ Инкерманскомъ сраженіи была диспозиція главнокомандующаго, весьма точно означавшая пути и начало дѣйствій каждой части арміи.

Ровно въ 6 часовъ Соймоновъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ дѣлать?—такъ какъ половина войскъ его колонны была еще далека отъ готовности начать наступленіе, а время начинанія дѣйствій, указанное диспозиціею, уже наступило. Я отвѣчалъ на это, что своевременное начатіе наступленія его колонны болѣе необходимо, чѣмъ другихъ частей, потому что, по тревогѣ, произведенной наступленіемъ другихъ войскъ, непріятель придетъ въ готовность и можетъ преградить ему путь до того положенія, въ которомъ онъ обезпечиваетъ переправу чрезъ Инкерманскій мостъ; поэтому необходимо начать наступленіе съ тѣми войсками, которыя готовы, а выдвинувшись—до прикрытія собою переправы не увлекаться дальнѣйшимъ наступленіемъ, а остановиться до прихода Жабокритскаго.

Въ 6 часовъ и 10 минутъ головная дивизія двинулась впередъ, имѣя два полка въ одну линію, за ними батареи, а за ними одинъ полкъ въ резервѣ. Начинало свѣтать и непріятеля не было замѣтно; уже отойдя съ версту, послышались нѣсколько выстрѣловъ, отъ непріятельскаго секрета, на который наткнулись застрѣльщики; еще минутъ черезъ пять началась рѣдкая перестрѣлка, съ ночною цѣпью англичанъ. Густой туманъ закрывалъ собою всю окрестную мѣстность, но, по расчету времени движенія, мы могли предполагать, что находимся на высотѣ Инкерманскаго моста, когда передъ лѣвымъ флангомъ нашихъ обрисовалась замѣтная высота. Тогда я сказалъ Соймонову, что занятіемъ позиціи на этой возвышенности мы достигаемъ первоначальной цѣли, т. е. прикрытія переправы черезъ Инкерманскій мостъ.

Было около 7-ми часовъ, когда батареи расположились на высотѣ и открыли огонь; одинъ полкъ сталъ правѣе, другой лѣвѣе батареи, а третій въ резервѣ, за правымъ флангомъ. Туманъ

препятствовалъ намъ видѣть, что дѣлалось у Инкерманскаго моста, такъ же какъ разсмотрѣть расположеніе и силы непріятеля; только сильный артиллерійскій и штуцерный огонь показывалъ намъ, что передъ нами не однѣ передовыя части, а болѣе значительныя силы. Впрочемъ, съ занятіемъ высоты нашими войсками, передъ нами открылся Каменоломный оврагъ, опредѣлившій ясно, что мы совершенно прикрыли Инкерманскій мостъ, и что передъ нами, въ верстѣ разстоянія, находятся тѣ высоты, овладѣніе которыми составляло цѣль общаго наступленія.

Мы съ Соймоновымъ стояли у праваго фланга нашей батареи, стараясь разсмотрѣть положеніе непріятеля, когда на нашемъ лѣвомъ флангѣ раздались крики «ура!» и одинъ баталіонъ Колыванскаго полка бросился впередъ на лежавшее передъ нимъ укрѣпленіе, занятое нѣсколькими орудіями. Соймоновъ, видя въ этомъ порывѣ опасность преждевременнаго разстройства войскъ, кинулся на лѣвый флангъ, чтобы остановить войска, но въ это время былъ смертельно раненъ; принявшій вмѣсто него командованіе генералъ-маіоръ Дюбуа тоже вскорѣ выбылъ изъ строя, и полки 10-й дивизіи остались безъ общаго начальника. Между тѣмъ, за атаковавшимъ баталіономъ Колыванскаго полка двинулся впередъ близь стоявшій баталіонъ, а за ними устремились и головные баталіоны Томскаго полка; такимъ образомъ, борьба началась противъ праваго фланга англичанъ. Эта блистательная атака увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ: непріятель былъ сбитъ съ его позиціи; но удержать за собою занятыя мѣста атаковавшіе баталіоны не могли, и принуждены были отступить. Въ это время, около $7^1/_2$ часовъ, Бородинскій и Тарутинскій полки, составлявшіе головныя войска колонны Павлова, начали подниматься на высоты по Воловьей и Каменоломной балкамъ. Полки эти, не смотря на утомительность подъема и потери при этомъ, понесенныя отъ штуцерныхъ, не останавливаясь атаковали правую оконечность англійской позиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ двинулись впередъ и остальныя войска дивизіи Соймонова, частію на помощь отступавшимъ баталіонамъ, частію на лѣвый флангъ англійской позиціи, и бой закипѣлъ по всей линіи. Центръ и лѣвый флангъ англичанъ были оттѣснены и полки 10-й дивизіи вступили на высоты у верховьевъ Киленъ-балки; оставалось упрочить за собою этотъ важный успѣхъ, рѣшавшій все дѣло, но у

насъ не было подъ рукою ни одного свѣжаго полка, ни одной батареи.

Въ это самое время, въ 8 часовъ утра, сводная дивизія Жабокритскаго съ двумя легкими батареями приблизилась къ позиціи, занятой съ самаго начала боя нашими батареями; я поспѣшилъ къ Жабокритскому и передалъ ему, что Соймоновъ раненъ, поэтому онъ самъ долженъ рѣшать, что̀ ему дѣлать; что полки 10-й дивизіи, съ 7-ми часовъ находясь въ постоянныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, постоянно захватывали атакованные ими пункты, но не имѣли опоры, чтобы на нихъ утвердиться, и что теперь предстоитъ воспользоваться разстройствомъ и утомленіемъ противника, чтобы утвердиться на позиціи у верховья Киленъ-балки. Жабокритскій скомандовалъ «прямо», чтобы не останавливаясь вести свою дивизію на высоты англійскаго лагеря, когда къ нему подъѣхалъ Данненбергъ и приказалъ повернуть дивизію направо. Жабокритскій отъѣхалъ, чтобы исполнить полученное имъ приказаніе, а я доложилъ Данненбергу, что Жабокритскій направлялся на высоту, занятіе которой намъ совершенно необходимо; но Данненбергъ приказалъ мнѣ поскорѣе исполнить отданное уже имъ приказаніе и примкнуть дивизію Жабокритскаго флангомъ къ Киленъ-балкѣ.

Передавъ это распоряженіе Жабокритскому, я вернулся къ Данненбергу, медленно ѣхавшему въ глубину нашей позиціи, и доложилъ ему, что все настоящее наше расположеніе, находясь подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ батарей и штуцерныхъ, не позволяетъ нашимъ разстроеннымъ полкамъ устроиться и придти въ порядокъ, и что поэтому намъ необходимо не теряя времени занять высоту, въ верстѣ передъ нами лежащую; тогда только мы будемъ въ обезпеченномъ положеніи. Генералъ Данненбергъ, не отвѣчая ни слова, продолжалъ подаваться назадъ. Въ это время подъѣхалъ ко мнѣ полковникъ Тотлебенъ и высказалъ необходимость податься впередъ, чтобы можно было приступить къ заложенію нѣсколькихъ укрѣпленій, для упроченія нашего расположенія. Я отвѣчалъ ему, что Жабокритскій уже шелъ впередъ съ этою цѣлію, но Данненбергъ остановилъ его, не смотря на мое возраженіе; затѣмъ я повторилъ ему о необходимости продвинуться впередъ, но онъ ничего не отвѣчалъ, а потому мнѣ неловко уже снова возвращаться на этотъ предметъ, и про-

силъ Тотлебена съ своей стороны выразить ему необходимость для насъ продвинуться впередъ; но Тотлебенъ отъѣхавъ, не сказавъ Данненбергу ни слова. Тогда я снова приблизился къ нему и доложилъ, что у насъ недостаетъ артиллеріи, что наши батарейныя батареи столько понесли потерь, что не въ состояніи двигаться впередъ, а между тѣмъ и позиція наша требуетъ усиленія артиллеріи. Данненбергъ подозвалъ своего адъютанта, и спросилъ: «гдѣ-же наша артиллерія?» Адъютантъ отвѣчалъ: «она находится за Инкерманскимъ мостомъ, по распоряженію вашего высокопревосходительства, впредь до особаго приказанія». Данненбергъ приказалъ привести артиллерію скорѣе, а самъ медленно поѣхалъ къ мосту.

Тутъ только мнѣ сдѣлалось ясно, что въ колоннѣ Павлова сдѣланы капитальныя нарушенія диспозиціи главнокомандующаго: два полка подняты прямо на крутизны, когда князь Меншиковъ не согласился выслать такимъ путемъ даже одинъ головной полкъ колонны, и артиллерія оставлена за мостомъ какъ бы въ вагенбургѣ, когда войска идутъ въ бой, рѣшающій участь кампаніи, и когда ей указано слѣдовать за головнымъ полкомъ именно съ мыслію своевременно придать войскамъ силу и самостоятельность. Уходило дорогое время, гдѣ не часы, а минуты уносили у насъ десятки и сотни жертвъ, и эта кровь воинства, полнаго отваги и мужества, лилась безплодно, ослабляя насъ и давая противнику усилиться.

Я увѣрился, что съ Данненбергомъ не сдѣлаешь ничего толковаго; мысли его какъ бы оцѣпенѣли на комбинаціяхъ, наканунѣ уложившихся въ головѣ его, и, повинуясь имъ, онъ выстраивалъ сводную дивизію правѣе 10-й, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы 11-ю устроить въ промежуткѣ за ними, а артиллерію, на случай неудачнаго исхода дѣла—упряталъ за Черною рѣчкою. Я поѣхалъ искать главнокомандующаго, но его нигдѣ не было видно; я поѣхалъ опять къ сводной дивизіи, она стояла упершись фронтомъ въ крутую, трудно проходимую балку; шла общая канонада и сильный штуцерной огонь, съ явною выгодою противникамъ.

Прошелъ тяжелый часъ и даже болѣе въ такомъ положеніи, когда, около 10-ти часовъ, я увидѣлъ, въ верстѣ сзади, значительную свиту—это былъ главнокомандующій. Подъѣхавъ къ свитѣ, я былъ привѣтливо встрѣченъ Ихъ Императорскими Высочествами

Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, наканунѣ прибывшими къ Севастополю. Вслѣдъ затѣмъ, князь Меншиковъ подозвалъ меня и спросилъ: «въ какомъ положеніи находятся наши дѣла?» Я доложилъ ему о выдвиженіи Соймонова, началѣ боя, выдвиженіи части колонны Павлова впереди нашего лѣваго фланга прямо на высоты, обнаружившейся этими атаками слабости англичанъ, подходѣ сводной дивизіи, рѣшимости Жабокритскаго занять ею командующую высоту, о приказаніи, данномъ ему Данненбергомъ, отсутствіе до сего времени на полѣ сраженія артиллеріи Павлова, и гибельности отъ огня непріятеля нашего настоящаго расположенія. «Что же предстоитъ намъ сдѣлать?» спросилъ князь.

— «До занятія этой высоты,—сказалъ я, указывая на высоту въ вершинѣ Киленъ-балки,—мы будемъ въ невыгодномъ и опасномъ положеніи; съ занятіемъ же оной, всѣ выгоды перейдутъ къ намъ, поэтому намъ необходимо и теперь, какъ два часа назадъ, воспользоваться силами сводной дивизіи и немедля занять ею высоту. Тогда у насъ образуется прикрытый отъ огня непріятеля плацъ-дармъ, на которомъ мы устроимъ сильный резервъ, приведемъ въ порядокъ разстроенныя части войскъ и можемъ притянуть часть Чоргунскаго отряда». Князь послалъ за генераломъ Данненбергомъ.

Въ это время шелъ упорный бой на правомъ флангѣ англичанъ; полки дивизіи Павлова выдвинулись на плато, стремительно атаковали оное и, съ геройскимъ мужествомъ опрокидывая подходившія къ англичанамъ подкрѣпленія, подавались шагъ за шагомъ впередъ; батареи колонны Павлова тоже начали подходить и усиливать первоначальную нашу позицію. Черезъ полчаса пріѣхалъ Данненбергъ, и на вопросъ князя, въ какомъ положеніи находятся дѣла наши, доложилъ ему, что первоначально на лѣвомъ нашемъ флангѣ дѣло шло весьма успѣшно, но затѣмъ, возвратясь съ праваго фланга, онъ нашелъ уже войска утомленными и не могущими оспаривать пріобрѣтенныхъ ими успѣховъ, и что, окончательно, ему необходимы подкрѣпленія. Князь Меншиковъ отвѣчалъ на это, что у него нѣтъ подкрѣпленій, что объ отступленіи намъ и думать не слѣдуетъ, и поэтому приказалъ распорядиться объ укрѣпленіи опорныхъ пунктовъ настоящаго нашего положенія.

Данненбергъ уѣхалъ, а затѣмъ Меншиковъ снова подозвалъ

меня и спросилъ: нельзя ли изъ Севастополя отдѣлить что нибудь на подкрѣпленіе Данненберга? Я доложилъ на это, что для составленія колонны Соймонова мы до-нельзя ослабили Корабельную сторону, на Городской же части имѣемъ одинъ полкъ въ главномъ резервѣ, которымъ можемъ располагать въ крайнемъ случаѣ, но и то, въ настоящее время, когда не извѣстенъ еще исходъ вылазки генерала Тимофѣева, я не знаю можно ли вывести его изъ города. Князь приказалъ мнѣ ѣхать въ Севастополь и тамъ выдѣлить что̀ можно для усиленія нашего положенія на Киленъ-балочныхъ высотахъ;—было около 11-ти часовъ. Въ исходѣ 12-го я прибылъ въ штабъ-квартиру начальника гарнизона и передалъ ему приказаніе главнокомандующаго. Въ это время на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи шла сильнѣйшая кононада вмѣстѣ съ учащеннымъ ружейнымъ огнемъ. Генералъ Моллеръ послалъ одного изъ состоящихъ при немъ офицеровъ узнать обстоятельно, что̀ тамъ происходитъ. Черезъ полчаса посланный возвратился съ объясненіемъ, что этотъ усиленный огонь нашъ былъ вызванъ приближеніемъ подъ выстрѣлы картечи французскихъ колоннъ, тѣснившихъ отступающія войска генерала Тимофѣева; со входомъ же его въ укрѣпленія, стихла канонада и прекратился ружейный огонь. Въ это же время, т. е. въ половинѣ перваго часа, явственно обозначилось отступательное движеніе нашихъ войскъ по Киленъ-балочному плато,—непріятель не напиралъ. Подкрѣпленія изъ Севастополя сдѣлались излишними, къ тому же, съ отходомъ нашихъ войскъ съ прилежащей къ Севастополю позиціи, дальнѣйшее ослабленіе города было и не возможно.

Этимъ разсказомъ далеко не исчерпывается все, что̀ происходило въ Инкерманскомъ дѣлѣ, но имъ точно очертаны тѣ событія, въ которыхъ довелось мнѣ принимать прямое или косвенное участіе. Я и не имѣю въ виду описывать Инкерманское сраженіе, во всемъ его объемѣ, ни славословить истинно геройскіе, достойные лучшей участи, подвиги нашихъ войскъ; но для вѣрнаго пониманія этого событія долженъ очертить какъ постановку онаго, такъ и характеръ исполненія общихъ распоряженій.

Вотъ подлинная диспозиція, отданная главнокомандующимъ наканунѣ Инкерманскаго сраженія:

«Завтра, 24-го октября, назначается наступленіе на англійскую позицію, съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ высотами оной, на нихъ утвердиться. Для чего:

«1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ (тремъ полкамъ 10-й пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16-й пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку, съ 22-мя батарейными и 16-ю легкими орудіями), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

«2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки съ батарейною № 3 батареею 17-й артиллерійской бригады), въ 6 же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова.

«При семъ отрядѣ находиться командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство.

«3) Войскамъ, находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова, содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля и стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору. При чемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности.

«4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, прикрывая своими батареями правый флангъ наступающихъ войскъ, и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

«5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ, въ теченіе ночи на 24-е число, ихъ диспозиціи.

«Главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста».

Такъ напечатана эта диспозиція князя Меншикова въ «Описаніи обороны Севастополя», составленномъ подъ руководствомъ Тотлебена, ч. I, стр. 418, 419.

Въ представленномъ мною проектѣ диспозиціи, какъ подробно изложено мною выше, главнокомандующій сдѣлалъ только два измѣненія: одно, вполнѣ ничтожное—недопущеніе головнаго полка колонны Павлова подняться прямо на плато Киленъ-балки; другое, капитальное—замѣна рѣшительной атаки указаніемъ демонстраціи для отряда князя Горчакова.

— «Въ этомъ видѣ я и отдамъ диспозицію»,—сказалъ мнѣ князь Меншиковъ. Между тѣмъ, въ приведенной мною диспозиціи оказались снова измѣненія: 1) по отношенію къ колоннѣ Павлова, выпущено: указаніе саперной дороги какъ пути, по которому ей слѣдовать на соединеніе съ Соймоновымъ, и мѣсто слѣдованія артиллеріи - за головнымъ полкомъ; 2) по отношенію къ отряду князя Горчакова, выпущено начало дѣйствій, опредѣленное у меня словами «въ 6 же часовъ утра»; 3) по отношенію къ Севастопольскому гарнизону, только вскользь и весьма неясно указано на вылазку, имѣвшую, по моей мысли, весьма важное значеніе.

Такимъ образомъ князь Меншиковъ ослабилъ опредѣлительность отдаваемыхъ имъ распоряженій; но ослабленія эти и предоставляемый частнымъ начальникамъ бо́льшій просторъ не составляли еще собою ни малѣйшаго нарушенія въ принятомъ имъ планѣ; пунктъ 5-й диспозиціи, предписывавшій начальникамъ отдѣльныхъ частей представить ихъ диспозиціи, оставался въ рукахъ главнокомандующаго рулемъ для согласованія отдѣльныхъ дѣйствій и направленія оныхъ къ одной цѣли.

Между тѣмъ, диспозиціи, представленныя начальниками отдѣльныхъ частей, выказали уже зародышъ недоразумѣній; такъ:

Въ диспозиціи генералъ-лейтенанта Соймонова—цѣлію дѣйствій его отряду указывалось занятіе высотъ англійской позиціи и утвержденія на нихъ, тогда какъ это было задачею только совокупнаго дѣйствія; а ближайшею цѣлію колонны Соймонова было прикрытіе переправы колонны Павлова черезъ Инкерманскій мостъ, и тѣмъ обезпеченіе соединенія главной массы войскъ нашихъ, для твердаго занятія ими англійскихъ высотъ.

Въ диспозиціи генералъ-лейтенанта Павлова—не означено время перехода черезъ Инкерманскій мостъ; указанъ порядокъ слѣдованія войскъ, несогласный съ порядкомъ, одобреннымъ главнокомандующимъ; не обозначенъ дальнѣйшій путь слѣдованія войскъ,

по переходѣ ими моста. Такимъ образомъ, выпущены два важнѣйшія обстоятельства: время начатія дѣйствій и путь слѣдованія; а въ наименованіи войскъ выпущенъ одинъ полкъ 11-й дивизіи, который, какъ оказалось въ послѣдствіи, и совсѣмъ не участвовалъ въ сраженіи.

Въ диспозиціи князя Горчакова—указано движеніе, съ цѣлію отвлечь часть непріятельскихъ силъ, не дозволять отряду, собранному у дер. Кадыкіой, подать помощь своимъ войскамъ, расположеннымъ противъ Севастополя. Такимъ образомъ, мысль главнокомандующаго была совершенно не понята: цѣль указаннаго имъ содѣйствія относилась къ обсерваціонному корпусу, что и обозначалось выраженіемъ: стараясь овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору.

Всѣ указанныя здѣсь недоразумѣнія частныхъ начальниковъ, выказавшія уже несоотвѣтственность ихъ дѣйствій съ общею цѣлію, оставлены главнокомандующимъ безъ поправокъ и безъ разъясненія оныхъ кому слѣдуетъ.

Въ то же время генералъ Данненбергъ составилъ особую диспозицію для колоннъ Соймонова и Павлова, по которой: Соймоновъ долженъ былъ выступить изъ Севастополя въ 2 часа ночи и слѣдовать къ мѣсту, откуда удобно прикрыть переправу чрезъ Инкерманскій мостъ. По прикрытіи Соймоновымъ переправы, колонна Павлова должна была выдти къ нему въ резервъ по саперной дорогѣ, имѣя съ собою телѣги съ турами. Цѣлію движенія указано: откинуть правый флангъ англичанъ и укрѣпиться на занимаемой имъ мѣстности—между городомъ и берегомъ.

Въ этомъ распоряженіи нарушена мысль одновременнаго начатія дѣйствій отдѣльныхъ частей арміи, а самое главное, не понята мысль, чтобы выдвиженіемъ колоннъ Соймонова и Павлова вступить въ соединеніе съ Чоргунскимъ отрядомъ, для чего последнему и было приказано имѣть драгунъ въ готовности къ выдвиженію на высоты.

Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Данненбергъ донесъ главнокомандующему, что, находя необходимымъ дѣйствовать по обоимъ берегамъ Киленъ-балки, онъ приказалъ: Павлову привести войска своей колонны къ 5-ти часамъ утра, и, по переходѣ егерскихъ полковъ, направить головной полкъ вправо по саперной дорогѣ, второй, съ двумя стрѣлковыми ротами—прямо, а третій—влѣво по

почтовой дорогѣ; дойдя до высоты, полкамъ этимъ остановиться и прикрывать движеніе остальныхъ войскъ. Если бы егерскіе полки встрѣтили непріятеля въ превосходныхъ силахъ, то имъ спуститься къ бухтѣ. Соймонову же предложилъ начать наступленіе отъ Малахова кургана въ 5 часовъ утра.

Въ этомъ распоряженіи уже не было никакой опредѣленной цѣли, все предоставлялось случаю; направленіе, даваемое Соймонову, возлагало на него фронтальную атаку на осадныя англійскія батареи, а слабое выдвиженіе Павлова выставляло одну колонну Соймонова на борьбу со всею англійскою арміею.

Но князя Меншикова не смутила эта перестановка войскъ, нарушавшая основныя правила военнаго искусства. Да онъ, какъ должно думать, и не зналъ объ этомъ, иначе нельзя объяснить себѣ, какъ Меншиковъ, оспаривавшій выдвиженіе одного полка прямо на высоты Киленъ-балки, когда оныя предполагались уже занятыми войсками Соймонова, — могъ допустить такое выдвиженіе на нихъ двухъ егерскихъ полковъ, когда высоты находились во владѣніи непріятеля? не могъ онъ допустить и послѣдняго предположенія Данненберга — дѣйствовать по обоимъ берегамъ Киленъ-балки, потому что непроходимая поперегъ эта балка препятствовала войскамъ этихъ колоннъ соединиться или оказать одна другой пособіе; не могъ онъ не объяснить и выпускъ одного полка 11-й пѣхотной дивизіи, въ распредѣленіи войскъ колонны Павлова. Справедливость предположенія, что князь Меншиковъ не зналъ ничего, что̀ дѣлалось въ войскахъ съ отдачи имъ диспозиціи, подтверждается и собственными словами его, сказанными Данненбергу по окончаніи сраженія: «а я еще не прочиталъ присланную вами мнѣ диспозицію».

Но кромѣ изложенныхъ мною зачатковъ путанницы, шесть баталіоновъ съ 36-ю орудіями были помѣщены на Мекензіевыхъ высотахъ, для охраненія бахчисарайской дороги отъ покушенія непріятеля. Очевидно, что—при положеніи отряда князя Горчакова въ Чоргунѣ—это отдѣленіе силъ было излишне. Когда же Данненбергъ высказалъ князю о необходимости ему имѣть подкрѣпленія, то ни одинъ, ни другой не остановился на этомъ отрядѣ, безцѣльно остававшемся въ бездѣйствіи. Къ составленію этого отряда не было даже намека въ диспозиціи главнокомандующаго, на него не было также распоряженій ни генерала

Данненберга, ни князя Горчакова; какъ образовался этотъ отрядъ — остается неразъясненнымъ; но Данненбергъ долженъ же былъ видѣть, что недостаетъ одного полка въ дивизіи Павлова, главнокомандующій долженъ же былъ знать всѣ средства своей арміи, гдѣ и съ какою цѣлію они находятся!....

Безпечность, выражающаяся этимъ фактомъ, превосходитъ всякую мѣру. Мнѣ и Павлу Степановичу Нахимову — Меншиковъ говорилъ: «присутствіе Великихъ Князей — связало мнѣ въ этотъ день и руки и ноги», — жалкая вывертка.

По отношенію къ самому дѣйствію раздѣльныхъ частей арміи, Инкерманское сраженіе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Колонна Соймонова, дѣйствуя по пути, указанному общею диспозиціею, своевременно начала наступленіе, и занятіемъ позиціи на Казачьей горѣ, какъ нельзя болѣе удачно, обезпечила переправу чрезъ Инкерманскій мостъ. Къ сожалѣнію, сводная дивизія не могла къ началу наступленія вытянуться изъ Килень-балочнаго оврага, и лишила Соймонова самостоятельности въ дѣйствіяхъ на первое время. Эта ошибка въ расчетѣ времени произошла отъ неудобства дороги, по сильно растворившемуся грунту земли вслѣдствіе дождя.

Колонна Павлова начала переходить Инкерманскій мостъ въ 6½ часовъ вмѣсто 6-ти, указанныхъ диспозиціею. Это опозданіе произошло отъ морскаго вѣдомства, которому поручено было приготовить средства къ возстановленію моста. Затѣмъ, головнымъ двумъ полкамъ, Бородинскому и Тарутинскому, дано несчастное направленіе, черезъ что̀ они, подымаясь на высоты, занятыя непріятелемъ, преждевременно понесли большія потери, вступили въ бой утомленными и самая атака этихъ полковъ обусловилась мѣстомъ выхода ихъ на правую оконечность англійской позиціи, овладѣніе которой не имѣло особеннаго значенія, тогда какъ атака центра или лѣваго фланга оной могла принести рѣшительные результаты.

Прибывшая въ это время на поле битвы сводная дивизія генераломъ Данненбергомъ сдвинута съ пути наступленія и поставлена въ невозможное къ наступленію положеніе, а артиллерія колонны Павлова, долженствовавшая подготовлять успѣхъ нашимъ войскамъ и служить къ упроченію занимаемыхъ нами позицій, по его же приказанію, слишкомъ долго оставлена за Инкерманскимъ мостомъ въ бездѣйствіи.

Такимъ образомъ, генералъ Данненбергъ своими распоряженіями разрушалъ наше наступленіе; главнокомандующаго въ рѣшительную минуту не было на полѣ дѣйствій.

Однако же мы были слишкомъ сильны, чтобы разстройство головныхъ пяти полковъ могло уничтожить успѣхъ нашего предпріятія. Дивизія Павлова начинала подыматься на высоты, генералъ Данненбергъ послалъ за артиллеріею и готовилъ новую атаку. Атака эта, исполненная тремя полками, была направлена съ Казачьей горы на правый флангъ англійской позиціи и сильно поддержана съ позиціи Казачьей горы постепенно прибывавшими на нее батареями. Направленіе, данное этой атакѣ, было ошибочно, потому что, и при полномъ успѣхѣ, она не могла доставить намъ рѣшительныхъ результатовъ, да и по мѣстности была болѣе затруднительна, чѣмъ атака лѣваго фланга англичанъ у верховьевъ Киленъ-балки. Но важнѣйшая ошибка этого момента боя состояла въ томъ, что сводная дивизія Жабокритскаго снова оставлена въ бездѣйствіи во время упорной, болѣе двухъ часовъ продолжавшейся, борьбы за удержаніе занятой уже полками дивизіи Павлова мѣстности.

Такимъ образомъ упущена возможность успѣха и во второй моментъ боя.

Войска обсерваціоннаго французскаго корпуса начали подходить на поле битвы и своимъ участіемъ дали перевѣсъ въ силахъ надъ сражавшимися нашими полками; тогда генералъ Данненбергъ приказалъ начать общее отступленіе. Владимірскій и Суздальскій полки изъ сводной дивизіи были двинуты къ Казачьей горѣ, вѣроятно, для прикрытія общаго отступленія, но они перешли эту позицію и атаковали правый флангъ англичанъ, не имѣя подкрѣпленій, и эти войска не могли пріобрѣсти успѣха и принуждены были отступить по Каменоломному оврагу въ долину р. Черной. Такимъ образомъ, одно изъ труднѣйшихъ дѣйствій въ войнѣ—отступленіе, и въ самомъ затруднительнѣйшемъ положеніи, въ каковомъ мы были на Сапунъ-горѣ, совершилось безъ прикрытія онаго. Непріятель не напиралъ.

Въ то время, когда три полка дивизіи Соймонова, егерскіе: Бородинскій и Тарутинскій полки, три полка дивизіи Павлова и два полка сводной дивизіи истощались и приводились въ разстройство въ послѣдовательныхъ, безсвязныхъ одна съ другою,

атакахъ, и постепенно сходили съ поля битвы, генералъ-маіоръ Тимофѣевъ, согласно указанію общей диспозиціи, съ семью баталіонами при 12-ти орудіяхъ, выдвинулся отъ 6-го бастіона оборонительной Севастопольской линіи и энергическими и разумными дѣйствіями, въ продолженіе трехъ часовъ, приковалъ къ себѣ весь осадный французскій корпусъ и удержалъ тѣмъ резервы онаго отъ участія въ дѣлѣ на Киленъ-балочныхъ высотахъ.

Не то было съ Чоргунскимъ отрядомъ: остановившись на самомъ дальнемъ выстрѣлѣ отъ непріятеля, отрядъ этотъ завязалъ почти безвредную для обѣихъ сторонъ канонаду, которая вскорѣ была и прекращена, по безполезности ея, сначала французами, а затѣмъ и нами, что̀ дало полную возможность обсерваціонному французскому корпусу направлять свои силы туда, гдѣ въ нихъ представлялась надобность.

Отрядъ на Мекензіевой высотѣ оставался все время въ бездѣйствіи.

Потери, понесенныя разными отрядами нашей арміи, до очевидности указываютъ мѣру участія оныхъ въ совершившемся событіи:

На Киленъ-балочныхъ высотахъ мы потеряли выбывшими изъ строя. . . . . 10,729 чел.

Въ вылазкѣ генералъ-маіора Тимофѣева. . . . 1,094 »

Въ Севастопольскомъ гарнизонѣ . . . . 121 »

Въ Чоргунскомъ отрядѣ. . . . . 15 »

Въ отрядѣ на Мекензіевыхъ высотахъ . . . . 0 »

Такимъ образомъ, 22-хъ тысячный Чоргунскій и 4-хъ тысячный Мекензіевскій отряды вовсе не участвовали въ сраженіи, а 10-ти тысячная сводная дивизія не была введена въ бой, когда начальствующіе въ Инкерманскомъ сраженіи нашли невозможнымъ продолжать бой и начали отступленіе.

Чтобы прикрыть сколько нибудь вопіющую безсвязность дѣйствій нашихъ въ Инкерманскомъ дѣлѣ, князь Меншиковъ нашелъ нужнымъ въ донесеніяхъ своихъ утаить общую диспозицію, имъ для этого дѣла отданную, и чрезъ то, дѣйствительно, снималась отвѣтственность съ нарушителей его распоряженій, и нерадѣніе и бездѣйствіе его самого обрисовались не столь наглядно.

Неудачный исходъ Инкерманскаго сраженія и чувствительныя потери, нами въ немъ понесенныя, не уронили бодрости духа

въ войскахъ нашихъ. Не было человѣка въ арміи, который бы не сознавалъ, что неуспѣхъ нашъ произошелъ отъ дурнаго распоряженія войсками въ бою. Самыя же столкновенія на полѣ битвы, напротивъ, утвердили въ солдатахъ мнѣніе о превосходствѣ ихъ надъ противникомъ. Отдавая приказаніе генералу Жабокритскому объ отступленіи, генералъ Данненбергъ выразился такъ:

— «Не смотря на положительное приказаніе главнокомандующаго продолжать дѣйствія, не смотря на общее къ тому стремленіе, я приказываю вамъ начать отступленіе!»...

Такое настроеніе въ войскахъ оставалось и послѣ. На другой же день и въ послѣдовавшіе затѣмъ дни, вся армія ждала и желала новаго наступленія; къ сожалѣнію, князь Меншиковъ, удрученный неудачами и не имѣя въ себѣ самомъ зиждущей силы, старался развлечь себя однѣми лишь паліативами и мелочною игрою ума, возлагая затѣмъ упованіе на благой Промыслъ.

V.

Послѣдствія Инкерманскаго боя.

Точное выясненіе событій истекшаго дня составляло существенную необходимость, ибо оно служило бы фактическимъ указаніемъ того, что̀ мы можемъ и что̀ должны предпринять. Почему, на другой же день я отправился въ штабъ-квартиру арміи, но князь меня не принялъ подъ предлогомъ, что уѣхалъ на рекогносцировку; на слѣдующій день мнѣ сказано, что князь удалился на пароходъ и никого, кромѣ лицъ, вызванныхъ имъ, не принимаетъ. Но, въ дѣйствительности, Меншиковъ въ эти дни принималъ многихъ, нѣкоторыхъ вызывалъ къ себѣ на совѣщанія, и даже созвалъ военный совѣтъ; — потребность наступленія сознавалась всѣми, и главнокомандующій не могъ оставаться глухимъ къ такому настроенію арміи. Я не былъ приглашенъ на эти совѣщанія, и даже отъ меня намѣренно скрывалось все, что происходило въ нихъ. Однако же, такая тайна не могла остаться непроницаемою, и, съ окончаніемъ военнаго совѣта, я узналъ, что въ немъ разсматривалось предположеніе полковника Тотлебена, предварительно одобренное главнокомандующимъ,—произвести но-

вое наступленіе изъ Севастополя съ праваго фланга нашей оборонительной линіи, чтобы овладѣть Родольфовою высотою и выдвинуть на нее нашу оборонительную линію. Чѣмъ доказывалась польза этого предположенія — я не знаю, но генералъ Липранди, на котораго желали возложить исполненіе этого плана, выразилъ, что онъ «не только не принимаетъ на себя, но и не позволитъ взять у себя ни одного человѣка, для исполненія какихъ-то авантюристскихъ предположеній». Тѣмъ и окончилось совѣщаніе.

Такой исходъ военнаго совѣта, къ сожалѣнію, положилъ конецъ дальнѣйшимъ разговорамъ о наступленіи и мы погрузились въ тину бездѣйствія. Я не называю дѣйствіями—исправленіе поврежденій въ укрѣпленіяхъ, замѣну подбитыхъ и испорченныхъ орудій, доставку снарядовъ на батареи и проч. Такія дѣйствія какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ доставкою провіанта солдатамъ, одежды имъ, и проч.; все это совершенно необходимо, но если ограничиться такими дѣйствіями, то мы непремѣнно кончимъ тѣмъ, что поѣдимъ сами себя, если лѣнивый противникъ не найдетъ случая воспользоваться таковыми дѣйствіями въ свою пользу.

Что же до предположенія атаковать непріятеля съ городской стороны Севастополя, чтобы выдвинуть укрѣпленія наши на Родольфову высоту, то трудно изобрѣсть что-либо болѣе неосновательное. Въ стратегическомъ отношеніи, мы этимъ осуждали себя на ту раздробленность нашихъ силъ — на три группы: въ Севастополѣ, противъ Инкерманскаго моста и у Чоргуна,—въ которой мы находились, и которая собственно и составляла нашу слабость. Въ тактическомъ, — мы достигли бы болѣе обезпеченнаго отъ огня положенія нашего резерва на городской сторонѣ; но выдвигаясь съ наиболѣе низменной мѣстности, мы оставались бы постоянно въ командованіи у противника, наша новая позиція открыто подвергалась бы съ праваго своего фланга дѣйствію флота, мы отдалялись отъ всѣхъ запасовъ вооруженія и дѣйствія нашихъ батарей и дѣлали доставку оныхъ болѣе трудною; воздвигнувъ новую линію укрѣпленій на Родольфовой горѣ мы не могли оставить и прежнюю, особенно же бастіоны № 4-й и № 5-й, поэтому расходъ въ порохѣ и потеря въ людяхъ усилились бы, сообщенія новыхъ укрѣпленій съ прежнею оборонительною линіею находились бы подъ сильнымъ огнемъ, не только

французскихъ, но и англійскихъ батарей Зеленой горы, и самая борьба за овладѣніе Родольфовою высотою, противъ осадныхъ силъ главнаго корпуса, легко и удобно могла быть поддержана у союзниковъ всѣми остальными силами; у насъ же, наоборотъ, выдвиженіе на эти мѣста кавалеріи и сильныхъ полевыхъ батарей, водою, черезъ большую бухту, было сопряжено съ большими трудностями и крайне опасно; къ тому же, это предпріятіе вызывало за собою новыя громадныя, египетскія, работы подъ огнемъ непріятеля.

Между тѣмъ, бомбардированіе Севастополя продолжалось по прежнему. 24-го, 25-го, 26-го, 27-го, 28-го, 29-го и 30-го октября непріятель особенно дѣйствовалъ по 4-му бастіону, и мы едва успѣвали производить должныя на немъ исправленія и сохранять равновѣсіе съ осадными батареями; вмѣстѣ съ этими работами, мы сооружали вторую и даже третью оборонительную линіи на городской сторонѣ, приступили къ закрытію горжи 3-го бастіона и къ приведенію морскихъ казармъ въ оборонительное положеніе, долженствовавшихъ служить опорнымъ пунктомъ Корабельной стороны. Непріятель за эти дни не приблизился къ намъ своими подступами, но началъ самъ возводить охранительныя работы на Киленъ-балочной высотѣ. За эти дни, мы теряли ежедневно отъ 150 до 200 человѣкъ выбывшими изъ строя, и расходовали отъ 800 до 1,200 пудовъ пороху!

VI.

Севастополь въ ноябрѣ 1854 г.

31-го октября бомбардированіе было слабо. 1-го ноября пошелъ проливной дождь съ сильнымъ вѣтромъ, перешедшимъ 2-го числа въ страшную бурю, разведшую въ морѣ столь сильное волненіе, что даже у насъ было прервано сообщеніе и чрезъ рейдъ и чрезъ южную бухту. Наши рвы и траншеи были залиты водою; у непріятеля во флотѣ причинены большія потери, а въ лагерѣ произведено сильное смятеніе.

Эта буря прекратила настоятельное бомбардированіе Севастополя, и даже совершенно измѣнила характеръ дѣйствій атакующаго, и дала намъ возможность вздохнуть свободно и обдумать трезво наше положеніе.

Съ 1-го по 18-е ноября ежедневныя потери нашего гарнизона составляли отъ 4 до 40 человѣкъ, и то, большею частію, отъ штуцернаго огня; соразмѣрно тому уменьшился и расходъ нашихъ снарядовъ.

Непріятель, въ дни до 30-го октября, какъ бы дострѣливалъ только заготовленные имъ на осадныхъ батареяхъ снаряды, но въ то же время и въ послѣдующіе затѣмъ дни главное вниманіе свое обратилъ на усиленіе циркумъ и контръ-валяціонныхъ своихъ линій. Кромѣ возведенія укрѣпленій сильной профили на Казачьей горѣ, англичане окончили оборонительныя работы близъ Балаклавы, а французы значительно усилили позицію обсерваціоннаго корпуса, и возводили новыя батареи противъ 4-го бастіона.

Пользуясь ослабленіемъ огня осаждающаго, у насъ приступлено къ усиленію и усовершенствованію оборонительной линіи, а впереди оной, передъ 3-мъ бастіономъ, Малаховою башнею и на Киленъ-балочныхъ высотахъ, устроены завалы; вмѣстѣ съ тѣмъ приступлено къ возведенію батарей на Сѣверной сторонѣ для дѣйствія по работамъ англичанъ на Киленъ-балкѣ, къ устройству сомкнутыхъ съ горжи укрѣпленій на главныхъ пунктахъ оборонительной линіи, и внутренняго опорнаго пункта на Городской сторонѣ у береговой батареи № 8-го и № 7-го бастіона.

Указанными работами обозначался характеръ дѣйствій обѣихъ сторонъ втораго періода обороны Севастополя, начавшагося со 2-го ноября.

Сколь послѣдовательны, стройны и необходимы были всѣ дѣйствія обороны въ первый періодъ осады Севастополя,—со дня перехода союзниковъ на Южную сторону и до 2-го ноября, — такъ какъ, исполненныя съ необыкновенною дѣятельностію, они быстро содѣлали оборону Севастополя грозною,—столь же произвольными, нелогичными и даже вредными представляются дѣйствія обороны, предпринятыя со 2-го ноября.

Самою капитальною ошибкою въ предпринятыхъ нами работахъ было возведеніе съ горжи замкнутыхъ укрѣпленій на главныхъ пунктахъ оборонительной линіи. Хотя Тотлебенъ, въ изданномъ «Описаніи обороны Севастополя», и говоритъ: «предпринятое такимъ образомъ устройство сомкнутыхъ укрѣпленій соотвѣтствовало вполнѣ давно извѣстнымъ и освященнымъ опытами правиламъ тактики и фортификаціи»; но тактика, анализируя

устройство укрѣпленныхъ лагерей, къ которымъ должно отнести и Севастополь, указываетъ первую линію укрѣпленій оставлять открытою съ горжи, чтобы резервы безпрепятственно могли проникать въ оныя; этому же учитъ и логика. При защитѣ же крѣпостей, ежели кому угодно отнести Севастополь къ этому роду укрѣпленій, фортификація указываетъ на возведеніе за угрожаемымъ бастіономъ новой преграды, съ сильнымъ вооруженіемъ, направленнымъ внутрь атакованнаго бастіона, чтобы подъ огнемъ этимъ непріятель, занявшій его, не могъ ни устроиваться, ни оставаться. Предпринятыя же у насъ работы имѣли цѣлію оградить важнѣйшіе пункты позиціи отъ захвата ихъ непріятелемъ, прорвавшимся въ болѣе слабыхъ частяхъ оборонительной линіи, поэтому и слѣдовало за такими пунктами устроить отдѣльныя, сомкнутыя укрѣпленія, вооруженныя для пораженія внутренности бастіоновъ, но оставляющія къ нимъ свободный проходъ резервамъ—это соотвѣтствовало бы вполнѣ правиламъ тактики и согласовалось бы съ правилами фортификаціи.

Избраніе опорнаго пункта для городской стороны у береговой батареи № 8-й не могло доставить никакой пользы обороняющемуся, потому что при наступленіи непріятеля отъ бастіона № 4-й, какъ слѣдовало ожидать этого смотря по обнаруженнымъ уже намѣреніямъ осаждающаго, редюитъ у батареи № 8-й былъ слишкомъ удаленъ отъ пункта вторженія, а, при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, наступающій былъ бы прикрытъ совершенно городскими строеніями; къ тому же, гарнизонъ редюита, не прикрывая нисколько отступающія войска наши, самъ терялъ свое отступленіе какъ водою, такъ и сухопутно.

Выше было уже высказано мною, что, по овладѣніи непріятелемъ высотою 4-го бастіона, ему не представлялось надобности продолжать трудную атаку города открытою силою, ибо дальнѣйшая оборона онаго дѣлалась и невозможною и безцѣльною; то же можно сказать, и даже съ бо̀льшими основаніями, о послѣдствіяхъ занятія 3-го бастіона, или Малахова кургана; поэтому въ работахъ, предпринятыхъ для внутренней обороны города, было много и много излишняго, такъ: возведеніе внутреннихъ батарей и прегражденіе баррикадами улицъ; эти сооруженія только затрудняли бы выдвиженіе нашихъ резервовъ и особенно артиллеріи, въ случаѣ необходимости ихъ на оборонительной линіи.

Работы, предпринятыя на Сѣверной сторонѣ, кромѣ двухъ или трехъ литерныхъ батарей, назначенныхъ для дѣйствія по непріятельскимъ работамъ на Киленъ-балочныхъ высотахъ, были совершенно излишни. Между тѣмъ, во второй періодъ обороны, тамъ возведено 9 редутовъ, соединенныхъ траншеями, вооруженіе которыхъ вмѣстѣ съ литерными батареями состояло изъ 237-ми орудій. Непріятель, подойдя послѣ Альмы къ слабымъ сѣвернымъ укрѣпленіямъ, не хотѣлъ штурмовать ихъ, и, за неимѣніемъ стоянки для флота, не могъ приступить къ выгрузкѣ осадныхъ принадлежностей, почему и перешелъ на Южную сторону. Тѣ же причины, и сверхъ того огромныя осадныя сооруженія, сдѣланныя на Южной сторонѣ, не позволяли союзникамъ перенести ихъ усилія съ Южной на Сѣверную сторону; столько же неразумно было опасаться дѣйствій на Сѣверную сторону малымъ второстепеннымъ дессантомъ. Если же опасались, что непріятель дѣйствіями въ полѣ форсируетъ нашъ лѣвый флангъ, то все же наше вниманіе должно было сосредоточиться на р. Черной и Мекензіевыхъ высотахъ по пути нашихъ сообщеній, безъ которыхъ держаться около Севастополя было немыслимо. Зачѣмъ же было возводить эти работы? онѣ только напрасно утомляли наши войска и поглощали запасы на вооруженіе ихъ.

Дѣйствія всего этого періода я осужу не своимъ только мнѣніемъ, но собственными словами нашего знаменитаго дѣятеля и описателя «Обороны Севастополя»: «для усиленія 4-го бастіона были истощены почти всѣ средства, представляемыя искусствомъ, но все это было недостаточно для обезпеченія его отъ штурма, и для спасенія Севастополя оставалось только продолжать рѣшительныя наступательныя дѣйствія». Т. I, стр. 462 и 463.

Приведенная мною выписка выражаетъ, какъ нельзя болѣе вѣрно, наше положеніе послѣ Инкерманскаго сраженія, и не только въ отношеніи 4-го бастіона, но и всякаго другаго пункта нашей оборонительной линіи. Но оно идетъ въ разрѣзъ съ заслоненіемъ горжей нашихъ опорныхъ пунктовъ, оно же указываетъ безполезность работъ для внутренней обороны города, и тѣмъ болѣе—сооруженій на Сѣверной сторонѣ.

Въ это время положеніе мое въ Севастополѣ было совершенно безцѣльно. Все въ городѣ дѣлалось помимо какого либо вліянія начальника гарнизона; войска вводились въ городъ и вы-

водились изъ онаго помимо его заявленій; всѣ средства обороны направлялись морскимъ вѣдомствомъ, по требованію завѣдывавшаго оборонительными работами полковника Тотлебена; самыя работы назначались имъ же, по утвержденіи главнокомандующимъ. Если мое положеніе въ Севастополѣ было ничтожно, то положеніе начальника гарнизона, генералъ-лейтенанта Моллера—было по-истиннѣ жалкое. Разъ, это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ, при ночной тревогѣ, мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали къ оборонительной линіи и, пробираясь туда по Екатерининской улицѣ, въ темнотѣ наткнулись на неожиданное препятствіе: оказалось, что это баррикада. Она была устроена отъ домовъ до половины улицы и отступя нѣсколько—другая половина ея примыкала къ противоположной линіи домовъ; приловчившись, мы продвинулись сквозь это препятствіе, такъ же и пѣхота могла пройти ее, но дѣлать повороты съ артиллеріею, при длинной упряжкѣ ея,— было рѣшительно невозможно; и начальникъ гарнизона не могъ приказать уничтожить этотъ наростъ, а я принужденъ былъ обратиться объ этомъ къ главнокомандующему. Не касаясь личныхъ качествъ генерала Моллера, должно сказать однако же, если на него возложили званіе начальника гарнизона, то нельзя же было препятствовать ему въ исполненіи его обязанностей, нельзя было отнять у него соотвѣтственную тому власть, соотвѣтственные тому аттрибуты, и даже волю располагать собою, и потомъ осуждать его какъ дѣятеля въ данномъ ему положеніи.

Со смерти Корнилова, самостоятельнаго дѣятеля и распорядителя въ Севастополѣ не было; одинъ только полковникъ Тотлебенъ пользовался, въ извѣстной мѣрѣ, довѣріемъ главнокомандующаго и дѣйствовалъ по своей части независимо отъ вліянія лицъ, командовавшихъ въ городѣ. По полученіи, 20-го октября, отъ князя Меншикова сообщенія о предстоящемъ штурмѣ, я пошелъ къ Тотлебену, чтобы вмѣстѣ съ нимъ опредѣлить предстоявшія работы, расчитать время для ихъ исполненія и соотвѣтственно тому дать положеніе нашимъ резервамъ. У Тотлебена я нашелъ уже начертаннымъ какой-то бастіонъ между высотами городскою и бастіона № 5-го, по оконечности городскихъ строеній, окаймляющихъ Театральную площадь; это должно было войти въ составъ 2-й оборонительной линіи за 4-мъ бастіономъ. Именно эту оборонительную линію и слѣдовало устроить въ виду грозившаго

на 4-й бастіонъ штурма, но устроить въ нѣсколько часовъ времени. «Это сооруженіе,—сказалъ я,—потребуетъ много времени, а намъ, кажется, естественнѣе воспользоваться окаймляющими площадь строеніями и привести ихъ въ оборонительное положеніе, а всѣ ненужныя для подхода резервовъ улицы заградить баррикадами». Тотлебенъ отвѣчалъ мнѣ, что опредѣлять свойство укрѣпленій есть дѣло инженеровъ. Встрѣтя такую щекотливость въ Тотлебенѣ, я обратился къ А. К. Баумгартену, передалъ ему мои впечатлѣнія и просилъ его хотя косвенно принять участіе въ затѣваемыхъ Тотлебеномъ работахъ, которыя поведутъ насъ только къ потерѣ времени въ настоящей спѣшной нуждѣ, а впредь никогда не будутъ нужны. Баумгартенъ не уклонился отъ моей просьбы, и Тотлебенъ измѣнилъ свои предположенія. Этотъ случай очертилъ несовмѣстимость моихъ понятій съ идеями Тотлебена.

Только съ Баумгартеномъ я могъ позволить себѣ искреннее слово и здравый анализъ совершающагося кругомъ меня, не опасаясь, что эти сужденія будутъ перетолкованы въ пересуды, часто растлѣвающіе общую стройность дѣйствій. Со всѣми прочими лицами я былъ болѣе чѣмъ воздерженъ. Эта воздержность доходила даже до излишка, въ томъ, что, за все время моего пребыванія въ Крыму, я не позволилъ себѣ написать ни одного письма къ роднымъ и самымъ ближнимъ мнѣ лицамъ, только потому, что въ нихъ я не могъ не коснуться моего положенія и ожиданій, а они были горестны, неправда же — невозможна ни устамъ, ни перу моему, и я заставлялъ человѣка моего писать извѣщенія обо мнѣ, прописывая только внизу: «я здоровъ» или дѣлая моею рукою адресъ на письмѣ.

Возстановляя прошедш‹ е, я не могу миновать душевнаго воспоминанія о Павлѣ Степановичѣ Нахимовѣ, который съ Инкерманскаго сраженія рѣдкій день не посѣщалъ меня.

Нахимовъ сильно интересовался общимъ ходомъ обороны и всякимъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ, потому въ немъ естественно являлись воззрѣнія на наше положеніе и вѣроятность пользы того или другаго дѣйствія. Съ какимъ самоотверженіемъ желалъ онъ сохраненія Севастополя! Въ Севастополѣ для Нахимова сосредоточивалось все, что дорого человѣку:—и семья, и родина,. и флотъ, и отечество!

— «Правда ли, — спросилъ онъ меня однажды,—что хотятъ устроить мостъ черезъ рейдъ? если это такъ, то я своею рукою сожгу его; оставить Севастополь — это покрыть себя позоромъ».

Сближеніе съ такими лицами возвышаетъ духъ и вливаетъ свойственную имъ чистоту побужденій.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, какъ я высказалъ уже прежде, князь Меншиковъ уклонялся отъ свиданія со мною; онъ дѣйствительно поселился на пароходѣ «Херсонесъ», стоявшемъ у батареи № 4-й, на Сѣверной сторонѣ; но буря 2-го ноября заставила его оставить это убѣжище, и съ этихъ поръ я снова началъ видѣть его.

Въ первое же мое свиданіе съ главнокомандующимъ, очертивъ тягость и опасность нашего положенія вообще, я настаивалъ на необходимости воспользоваться нашимъ превосходствомъ въ силахъ, чтобы поставить себя въ выгодное положеніе. На это Меншиковъ выразилъ свою надежду и даже, по получаемымъ имъ свѣдѣніямъ, увѣренность, что непріятель не останется на зимовку въ Крыму, и потому дѣйствія наши, по его мнѣнію, должны быть только выжидательныя. Я возразилъ на это, что усиленныя оборонительныя работы союзниковъ обнаруживаютъ совсѣмъ другія у нихъ намѣренія, и что, кромѣ того, мы можемъ разомъ потерять все, если непріятель вздумаетъ штурмовать городъ, воспользовавшись однимъ изъ тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ уже столько представлялось ему со времени обложенія Севастополя. На это Меншиковъ разсказалъ мнѣ, какъ одна изъ крѣпостей Испаніи была взята штурмомъ, но осажденный, выйдя изъ другихъ воротъ, самъ взобрался на брешь по слѣдамъ атаковавшаго и полонилъ войска его, ворвавшіяся въ крѣпость. Было ли такое происшествіе?—не знаю, но очевидно, что оно ничего не доказывало, и было непримѣнимо въ обстоятельствахъ Севастополя.

Затѣмъ я доложилъ князю о вредѣ для гарнизона отъ частыхъ вылазокъ, состоявшемъ, во первыхъ, въ бо́льшей потерѣ нами людей сравнительно съ потерями непріятеля, и во вторыхъ, въ ослабленіи бдительности всего гарнизона, отъ безпрерывныхъ ночныхъ тревогъ. Князь Меншиковъ, задавшись мыслію, что Севастополь есть крѣпость, настаивалъ на усиленіи оныхъ.

Наконецъ, я указалъ на затрудненія въ выдвиженіи нашихъ

резервовъ отъ возведенія баррикадъ и батарей внутри самаго города. На это князь Меншиковъ прислалъ въ Севастополь, черезъ день или два, состоявшаго при немъ въ должности начальника штаба, генералъ-маіора Семякина, на совѣщаніе, на коемъ и было рѣшено часть этихъ сооруженій разгородить.

И такъ, я не достигъ у главнокомандующаго дѣйствій, необходимыхъ къ обезпеченію участи Севастополя, а какъ потерять его—по совершенно вѣрному выраженію Нахимова—значило «покрыть себя позоромъ», тѣмъ болѣе въ разсматриваемый нами періодъ времени, когда мы были сильнѣе нашихъ противниковъ на 40 тысячъ человѣкъ, то намъ наступленіе было дѣломъ жизни и смерти, дѣломъ чести.

Съ этимъ убѣжденіемъ, проникшимъ кровь и плоть мою, я находился въ тягостной пыткѣ, видя съ каждымъ днемъ дѣла наши все болѣе и болѣе углубляющимися въ колею гибели. Помочь этому мнѣ не дано было власти, оставаться равнодушнымъ—я не могъ.

Думая, что, можетъ быть, я съ недостаточнымъ умѣньемъ и недостаточною убѣдительностію излагалъ главнокомандующему сущность нашего положенія и истекающіе изъ него выводы, я снова обратился къ А. К. Баумгартену и, обсудивъ все, мы условились съ нимъ вмѣстѣ обратиться къ князю Меншикову. Я надѣялся, что мнѣнія Баумгартена, по ореолу его извѣстности въ войскахъ, будутъ имѣть нравственное значеніе въ глазахъ князя; расчетъ и доводы были на нашей сторонѣ; но мы нашли въ главнокомандующемъ непреоборимую рѣшимость ничего не дѣлать; при напорѣ же доводовъ, у него на лицѣ дѣлались судорожныя движенія и вырывались безсвязныя, ничего не выражающія слова.

Какъ бы то ни было, но, со смерти Корнилова, не явилось сильнаго дѣятеля, могущаго достойно стать во главѣ обороны Севастополя, въ тяжкій періодъ, имъ переживаемый,—и мнѣ опереться было не на кого.

Въ этотъ же промежутокъ времени, я былъ два или три раза у Великихъ Князей. Ихъ Императорскія Высочества удостоивали меня ласковымъ пріемомъ, но они не касались со мною ни однимъ словомъ положенія нашихъ дѣлъ. Затѣмъ, Ихъ Высочества

съ свойственною ихъ лѣтамъ дѣятельностію, принялись за возведеніе укрѣпленій и вооруженіе батарей на Сѣверной сторонѣ.

Въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній моихъ главнокомандующаго, выходя отъ него, я встрѣтилъ генерала Липранди, котораго не видѣлъ съ 12-го октября. «А вотъ, полковникъ,—сказалъ онъ, здороваясь со мною,—дѣльце-то мое вышло хорошо». При моемъ-то взглядѣ на это событіе, такая похвальба мнѣ казалась болѣе чѣмъ неприличною, къ тому же и самыя событія выказали уже всю ничтожность и вредъ онаго. „Съ чѣмъ и поздравляю ваше превосходительство,—отвѣчалъ я,—а также и съ высочайшею наградою, вами за оное полученною».

Такое небреженіе къ общей пользѣ и славѣ, и стремленіе къ удовлетворенію личнаго тщеславія у лицъ, могшихъ имѣть вліяніе на ходъ дѣла, было истинною причиною всѣхъ нашихъ потерь.

Истощивъ безплодно все отъ меня зависившее, я не зналъ уже что̀ дѣлать, кромѣ пассивнаго выжиданія; но одинъ разъ, послѣ обѣда у Великихъ Князей, около 10-го ноября, я узналъ, что флигель-адъютантъ Стюрлеръ, обѣдавшій тоже съ нами, ожидаетъ послѣднихъ бумагъ главнокомандующаго и отправляется въ Петербургъ. Отойдя съ нимъ въ сторону, я просилъ его передать Государю слѣдующее: «Полковникъ Поповъ просилъ меня передать вашему величеству, что всѣ дѣйствія наши управляются дурно, и направляются къ пассивной оборонѣ, которая неминуемо должна повести къ потерѣ Севастополя. Мы должны наступать и имѣемъ къ тому полную возможность». «Я полагаю,—продолжалъ я,—что, по званію флигель-адъютанта, вы можете и даже должны передать подобное заявленіе», и, по утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ мой, я повторилъ слова, долженствующія быть переданными государю, и закончилъ такъ: «Государь знаетъ кто я, и отъ его уже воли будетъ зависѣть, что̀ сдѣлать по моему заявленію, или оставить оное втунѣ».

VII.

Ожиданіе новаго дессанта союзниковъ для дѣйствій на сообщенія нашей арміи.

18-го ноября, я получилъ предписаніе главнокомандующаго, въ которомъ выражено, что, по полученнымъ имъ отъ государя императора свѣдѣніямъ, союзники готовятъ новый дессантъ въ 30 или 40 тысячъ для дѣйствій на сообщенія нашей арміи изъ Евпаторіи или Перекопа, почему предлагалось мнѣ неотлагательно осмотрѣть западные берега полуострова и, на случай таковой высадки, составить соображенія къ расположенію и дѣйствіямъ нашей арміи.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Севастополя и 20-го прибылъ въ нашъ наблюдательный Евпаторійскій отрядъ. Здѣсь я встрѣтился снова съ моимъ спутникомъ въ Крымъ, княземъ Радзивиломъ, и здѣсь же косвеннымъ образомъ узналъ, что я уже не значусь въ должности начальника штаба арміи, изъ заявленія, высказаннаго мнѣ: «Вы бы пріѣхали къ намъ начальникомъ штаба».—«Я творю волю пославшаго мя,—отвѣчалъ я,—не избирая гдѣ и въ какомъ значеніи быть мнѣ». Осмотрѣвъ положеніе Евпаторіи и расположеніе нашихъ аванпостовъ, я нашелъ нужнымъ не откладывая сообщить главнокомандующему мой взглядъ на значеніе новой высадки непріятеля въ окрестностяхъ Евпаторіи. Поэтому, въ частномъ письмѣ къ князю Меншикову, я выразилъ, что новая высадка у Евпаторіи можетъ послѣдовать только съ цѣлію угрожать Симферополю, но, находясь отъ него въ двухъ большихъ переходахъ, непріятелю не возможно предпринять это движеніе безъ обозовъ, что̀ усложняетъ дѣйствія дессанта, а, при открытой мѣстности этого пространства, такое наступленіе будетъ связано нашею кавалеріею и не можетъ быть исполнено менѣе какъ въ три или даже въ четыре дня съ окончанія высадки, т. е. мы можемъ всегда предупредить его въ Симферополѣ, даже войсками изъ-подъ Севастополя, и что потому предпріятіе отъ Евпаторіи на Симферополь—совершенно не вѣ-

роятно. Если же непріятель и сдѣлалъ бы такую высадку, то единственною цѣлію оной было-бы желаніе отвлечь часть силъ нашихъ отъ Севастополя, съ цѣлію или наступленія на насъ, или собственной обороны.

22-го ноября я переѣхалъ въ Акъ-мечеть, небольшую и единственную бухту на всемъ пространствѣ отъ Евпаторіи къ Перекопу. Въ окрестностяхъ Акъ-мечети можно сдѣлать высадку, хотя, по мелководію прибрежья, и не съ близкаго разстоянія отъ берега; далѣе же къ Перекопу, отмели все болѣе и болѣе отдаляютъ отъ береговъ возможность подхода морскихъ судовъ и выгрузка тяжестей дѣлается почти невозможною. Изъ Перекопа, уже 24-го ноября, я отправилъ князю Меншикову второе письмо, въ которомъ изложилъ, что высадка для угрожанія Перекопу можетъ, удобнѣе и ближе къ нему, совершиться на Сѣверномъ берегу Кириникскаго или Перекопскаго залива; въ Крыму же высадка съ этою цѣлію должна имѣть основаніемъ Акъ-мечеть, отъ которой наступательное движеніе къ Перекопу, на разстояніи 120 верстъ, по мѣстности совершенно открытой и не имѣющей нигдѣ проточной воды, будетъ сопряжено съ такими затрудненіями, что подобное предпріятіе нужно отнести къ разряду невозможныхъ, тѣмъ болѣе, что, даже съ овладѣніемъ Перекопомъ, еще не пресѣкается нами пути сообщенія съ государствомъ, а для того нужно сдѣлать еще три перехода со всѣми обозами, необходимыми арміи, теряющей связь съ моремъ, и овладѣть Чонгарскимъ путемъ нашимъ. «Поэтому,—заключилъ я письмо свое,—ни новая высадка у Евпаторіи, ни у Перекопа, не могутъ имѣть важнаго значенія, угрожающаго нашимъ сообщеніямъ; подобныя же попытки могли бы служить только новымъ изобличеніемъ слабости союзниковъ подъ Севастополемъ и желанія замаскировать это и, развлекая насъ — выиграть время. Поэтому намъ необходимо теперь же настойчиво вести дѣло къ повершенію расчетовъ съ непріятелемъ подъ Севастополемъ; если же на это у вашей свѣтлости не достанетъ рѣшимости, то при появленіи новой высадки у береговъ Евпаторіи, одну бригаду или дивизію нужно перевести къ Бахчисараю, а при угрожаніи Перекопу, необходимо эту дивизію помѣстить у Орта-Абламъ (на дорогѣ изъ Симферополя къ Перекопу). При такой опорѣ, кавалерія наша можетъ

продолжительно парализировать всякое покушеніе 30-ти и даже 40-ка тысячнаго отряда. Въ Перекопѣ необходимо имѣть бригаду пѣхоты, для охраненія продовольственныхъ складовъ нашихъ и проходящихъ транспортовъ, и приспособить нѣсколько укрѣпленій, для упроченія этого пункта противъ малыхъ покушеній непріятеля».

Утромъ 1-го декабря, я вернулся въ штабъ-квартиру арміи на Сѣверной сторонѣ и немедленно явился князю Меншикову. Я доложилъ ему, что съ дороги отправилъ къ нему два письма, а теперь буду имѣть честь представить полный отчетъ.

— «Ваши письма я получилъ уже,—сказалъ князь,—и они выражаютъ достаточно мысль вашу, а потому отчета не нужно; но я хотѣлъ переговорить съ вами о вашемъ теперешнемъ положеніи. Съ назначеніемъ мною васъ въ Севастополь, Государю угодно было назначить ко мнѣ начальникомъ штаба генералъ-маіора Семякина, а съ отъѣздомъ вашимъ изъ Севастополя прибылъ графъ Остенъ-Сакенъ, назначенный начальникомъ гарнизона, и пожелалъ имѣть у себя начальникомъ штаба князя Васильчикова. Такимъ образомъ оба эти мѣста заняты, и я хотѣлъ спросить у васъ—не желаете ли возвратиться въ Петербургъ, вѣдь вы имѣли тамъ какое-то назначеніе?»

— «А развѣ, ваша свѣтлость, я по моему желанію прибылъ въ Крымъ?—отвѣчалъ я,—а ежели нѣтъ, то зачѣмъ же теперь спрашивать меня о моемъ желаніи? Позвольте васъ спросить теперь, зачѣмъ вы такъ настоятельно вызывали меня къ себѣ? а если я не оправдалъ вашихъ ожиданій, то скажите не стѣсняясь въ чемъ?»

Князь не отвѣчалъ ни слова.

— «Вы говорите,—продолжалъ я,—что тамъ я имѣлъ какое-то назначеніе? Это была должность начальника штаба войскъ, для обороны Петербурга назначенныхъ; но, съ командированіемъ меня въ Крымъ, эта должность замѣщена другимъ лицомъ, и я не могу возвратиться на нее, да и никуда не могу возвратиться, кромѣ того мѣста, куда мнѣ прикажутъ, такъ какъ связь моя съ прошедшимъ порвана. Развѣ же въ высочайшемъ приказѣ, говоря о назначеніи на мое мѣсто генерала Семякина, обо мнѣ ничего не сказано?»

— «Вы назначены состоять въ моемъ распоряженіи»,—сказалъ князь.

— «Быть назначеннымъ въ распоряженіе главнокомандующаго есть тоже какое-то назначеніе,—сказалъ я;—данное же непосредственно Высочайшею волею и въ трудныхъ военныхъ обстоятельствахъ, оно имѣетъ особенное значеніе, которое я считаю для себя лестнымъ».

— «Да, но, видите-ли, я не могу дать вамъ ничего равнозначущаго съ прежнимъ вашимъ положеніемъ»,—сказалъ князь.

— «Вамъ, князь, лучше чѣмъ кому нибудь извѣстно,—отвѣчалъ я,—что къ вамъ я не просился, отъ васъ не уклонялся, назначенія, даннаго мнѣ Государемъ, не выпрашивалъ, почему же думаете вы, что теперь я буду заявлять согласіе или неудовольствіе въ данныхъ мнѣ назначеніяхъ?»

— «Да, — продолжалъ князь, — но бываютъ натянутыя и неловкія отношенія, быть можетъ, вамъ самимъ?»—Тутъ на лицѣ князя явились тѣ судорожныя движенія, о которыхъ я уже упоминалъ.

Я былъ совершенно спокоенъ, поэтому, ходъ разговора былъ въ моихъ рукахъ. Для меня выгоднѣе было остаться при арміи; назначеніе состоять при главнокомандующемъ выводило меня изъ того фальшиваго положенія, въ которомъ я постоянно находился до сего времени, и давало мнѣ безъотвѣтственное и пріятное положеніе; но для хода дѣлъ мнѣ необходимо было видѣть Государя, ибо время уходило и угрожало безвозвратною потерею. Видѣть мнѣ Государя Императора было необходимо и для себя самого, потому что заявленіе, посланное мною съ флигель-адъютантомъ Стюрлеромъ, требовало основательнаго выясненія. Поэтому, чтобы разомъ привести разговоръ нашъ къ окончательному рѣшенію, я отвѣчалъ князю:

— «Для меня неловкихъ отношеній ни къ кому въ арміи нѣтъ и быть не можетъ; но, можетъ быть, ваше положеніе въ отношеніи ко мнѣ, по всему что было—неловко; въ такомъ случаѣ, не мнѣ рѣшать вопросъ этотъ, а вамъ, какъ власть имѣющему».

— «Такъ вы получите отправленіе»,—отвѣчалъ князь.

Пока готовились бумаги къ моему отправленію, я намѣревался съѣздить къ Остенъ-Сакену, чтобы съ нимъ переговорить

объ дѣйствіяхъ, необходимыхъ къ сохраненію Севастополя; но при разспросахъ моихъ объ Остенъ-Сакенѣ мнѣ сообщили, что онъ представилъ уже цѣлый проектъ о необходимыхъ для того работахъ. Это указало мнѣ, что свиданіе съ нимъ было бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, опять работы и работы, т. е. дѣйствія, ведущія къ самоуничтоженію.

Въ 3 часа пополудни, я выѣхалъ изъ штабъ-квартиры арміи, ночевалъ въ Симферополѣ; здѣсь обогнали меня Великіе Князья, отправлявшіеся тоже въ Петербургъ.

г. Вильна. **А. Е. Поповъ.**

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-КАЗАКА.

(Окончаніе).

III [1]).

Донскіе казаки, какъ всѣмъ извѣстно, отличные наѣздники; каждый изъ нихъ сохраняетъ къ строевому коню своему замѣчательную привязанность, старательно заботится о немъ и холитъ его, можно сказать—съ нѣжностію. Эта связь казака съ его боевымъ конемъ присуща донцамъ съ самыхъ первыхъ временъ появленія ихъ на аренѣ войнъ нашего отечества со врагами, и всѣ историческія народныя пѣсни о военныхъ подвигахъ донцовъ соединяютъ съ геройскимъ именемъ всадника и его добраго, надежнаго товарища—коня. Для примѣра о молодецкомъ наѣздничествѣ донцовъ и о ихъ привязанности къ строевымъ конямъ своимъ, запишемъ здѣсь два случая, происшедшіе на нашихъ глазахъ.

Въ 1848 году, во время стоянки л.-гв. казачьяго полка въ Вилькомирѣ, полковая молодежь, среди усерднаго занятія службою, не лишала себя и удовольствія проводить свободные часы въ обществѣ особъ мѣстнаго прекраснаго пола. Устраивались гулянья, пикники съ пѣсенниками и танцы подъ звуки полковой музыки. Нечего и гово рить, что мѣстный прекрасный полъ смотрѣлъ на казачью молодежь съ особеннымъ расположеніемъ и иногда удостоивалъ ее знаками несомнѣнной привязанности. Во 2-мъ эскадронѣ полка служилъ тогда юный, прекрасной наружности, юнкеръ С. Онъ познакомился съ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 834—842; изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 374—377 и 569—572.

однимъ изъ мѣстныхъ семействъ, жившимъ на другомъ берегу Виліи. Разъ какъ-то, распущенные съ коннаго ученья, люди 2-го эскадрона возвращались на свои квартиры; въ числѣ ихъ ѣхалъ и С., на своемъ бойкомъ конѣ, берегомъ рѣки; вдругъ видитъ онъ, что на томъ берегу рѣки гуляетъ барыня знакомаго ему семейства и что она машетъ ему зонтикомъ, приглашая къ себѣ... Какъ быть? Паромъ на другой сторонѣ рѣки, да и переѣздъ на паромѣ медленъ и носитъ прозаическій характеръ переправы черезъ воду, а польки всегда не прочь увлекаться мужествомъ. Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ нашего юноши... онъ всаживаетъ шпоры въ бока своего лихаго коня и бросается въ быструю Вилію во всей боевой аммуниціи. Конечно, С. былъ награжденъ благодарною улыбкою прекрасной барыни, когда, собственно для этой улыбки, переплылъ чрезъ водныя пучины и явился передъ нею въ ореолѣ льющихся съ него струй Виліи...

Второй случай доказываетъ привязанность казаковъ къ ихъ строевымъ конямъ. Вотъ онъ: зимою 1855 года, л.-гв. казачій полкъ двинутъ изъ Литвы въ С.-Петербургъ. Походъ этотъ былъ очень труденъ по чрезвычайно большимъ снѣгамъ. Полкъ долженъ былъ тянуться справа рядами и даже справа по одному; съ дороги свернуть было нельзя, а при встрѣчѣ „ва́локъ" (обозовъ) всегда представлялись большія хлопоты. Въ полку много было лошадей молодыхъ, щекотливыхъ. У одного изъ лейбъ-казаковъ, Нестерова, была вороная лошадь; она, почти каждый день, при сборѣ эскадрона, предпринимала намѣреніе сбросить съ себя сѣдока, но Нестеровъ не падалъ: онъ былъ лихой наѣздникъ. Какъ только лошадь второй шеренги случайно толкнетъ головою своею коня Нестерова, онъ тотчасъ же понесетъ своего всадника впередъ эскадрона и начнетъ употреблять всѣ усилія сбросить своего сѣдока. Такія штуки составляли всякій день по нѣскольку разъ походныя развлеченія для казаковъ; но, конечно, не могли быть терпимы для сомкнутаго строя. Не унялся конь Нестерова и по приходѣ въ Петербургъ; поэтому, эскадронный командиръ приказалъ—сбыть его и замѣнить другимъ.

— „Дозвольте оставить, ваше выс—іе! лошадь добрая; ей съѣзду нѣтъ, а на войнѣ, ваше выс—іе, это конь, что̀ называется — убить да уйтить!" Такъ упрашивалъ Нестеровъ эскадроннаго командира. Между тѣмъ и вахмистръ доложилъ ему, что Нестеровъ не ѣстъ, не

пьетъ, тоскуя о разлукѣ съ своимъ конемъ. Эскадронный командиръ внялъ унынію Нестерова и не требовалъ уже перемѣны его коня.

Черезъ годъ послѣ того, тотъ-же эскадронный командиръ смотрѣлъ ѣзду ефрейторовъ, представлявшихся въ унтеръ-офицеры: въ числѣ ихъ былъ и Нестеровъ. Лошадь его усмирилась; ѣзда ея была отличная, легкая; карьеръ ея—молнія; осадка на уздечкѣ, какъ на мундштукѣ; скачокъ на барьеръ—сайгачій. При этомъ смотрѣ дѣло дошло, наконецъ, до стрѣльбы въ листъ: Нестеровъ, лихо нагнувшись, разбилъ листъ, но только тогда и видѣли его: знаменитый добрый конь понесъ своего всадника неудержимо и, въ двухъ стахъ шагахъ, вмѣстѣ со всадникомъ упалъ въ озерѣ, недалеко отъ берега, запутавшись ногами въ тинѣ и водоросляхъ. Когда товарищи Нестерова прибѣжали помочь ему, то Нестеровъ уже выводилъ своего добраго коня изъ озера; но былъ крайне сконфуженъ, потому что всетаки онъ упалъ, хотя и вмѣстѣ съ конемъ, хотя и въ водѣ. Однакожъ это былъ послѣдній случай строптивости коня Нестерова: съ тѣхъ поръ конь его, дѣйствительно, сталъ добрымъ, и Нестеровъ отбылъ на немъ два срока службы.

Теперь занесу сюда же, въ рядъ моихъ разсказовъ, два случая изъ воспоминаній о собственной моей службѣ. Эти два случая рѣзко отличаются одинъ отъ другаго: первый—чисто комическаго характера; второй, напротивъ—трагиченъ.

Первый изъ этихъ случаевъ относится къ 1854 году, когда на л.-гв. казачій полкъ возложена была обязанность содержать наблюдательные посты по южному берегу Финскаго залива, для предупрежденія попытокъ непріятельскихъ союзныхъ флотовъ къ высадкѣ гдѣ-либо десантныхъ войскъ.

Два мѣсяца, съ половины апрѣля до половины іюня, лейбъ-казаки видѣли передъ собою только русскіе пароходы, и изнывали въ непривычномъ для нихъ бездѣйствіи; но, грозная вражеская армада наконецъ показалась на горизонтѣ и остановилась на высотѣ Красной Горки. Авангардъ ея, изъ нѣсколькихъ судовъ, расположился верстахъ въ четырехъ отъ Толбухина маяка. Въ тихіе вечера, на Красной Горкѣ слышны были музыка и пѣсни съ непріятельскихъ кораблей... Служба лейбъ-казаковъ ожила. Днемъ, офицеры поочередно наблюдали въ зрительную трубу за движеніями непріятеля; ночью

ходили сильные разъѣзды по берегамъ, а на выдающихся въ море мыскахъ залегали наши „секреты". И у насъ, на Бронной горѣ, по вечерамъ, заливались пѣсенники, играла полковая музыка; сюда съѣзжались любопытствующіе изъ Ораніенбаума, Петергофа и даже изъ Петербурга, взглянуть на выросшій передъ Кронштадтомъ лѣсъ непріятельскихъ мачтъ. Но непріятель стоялъ въ раздумьи, въ бездѣйствіи... Это его бездѣйствіе томило лейбъ-казаковъ. Они каждый день ожидали высадки, чтобы молодецки встрѣтить незванныхъ гостей, но грозный флотъ стоялъ неподвижно и не обнаруживалъ никакого намѣренія что-либо предпринять.

Въ одну изъ ночей явилось, однакожъ, и для насъ развлеченіе: одинъ изъ секретовъ моего эскадрона замѣтилъ въ водѣ приближающагося человѣка, на какомъ-то пловучемъ снарядѣ, котораго люди секрета никакъ не могли понять. Волны швыряли этотъ снарядъ какъ щепку. На окликъ часовыхъ плывущій человѣкъ молчалъ; стрѣлять по немъ часовые секрета не рѣшались, чтобы не надѣлать тревоги изъ пустяковъ. Два казака секрета спустились верхомъ, на своихъ коняхъ, въ море, присмотрѣться и освидѣтельствовать этого морскаго путешественника. Шагахъ въ пятидесяти отъ берега, казаки ощупали пловца пиками... молчитъ.

— „Ну, братцы, гляди: вѣдь это мертвецъ!"

Тотчасъ же они накинули на „мертвеца" чумбуры и притарабанили его къ берегу; но здѣсь убѣдились, что это даже и не мертвецъ, а просто—чучело. Утромъ чучело это доставлено ко мнѣ: на двухъ доскахъ, крестообразно сплоченныхъ, былъ укрѣпленъ большой, опрокинутый дномъ вверхъ, ящикъ отъ известки, и на немъ посажено соломенное чучело солдата, въ мундирѣ, въ брюкахъ, сапогахъ и аммуниціи; полотняное лицо было порядочно гримировано: брови и усы изъ конскаго волоса, губы изъ краснаго сукна, глаза оловянные, съ пуговицею (№ 29) вмѣсто зрачка; въ правой рукѣ чучела укрѣплено весло, а въ лѣвую руку, пришпиленную къ груди, вложенъ былъ пакетъ, адресованный на имя главнокомандующаго союзнымъ флотомъ. Посланіе написано было и прозой и стихами. Ясно было, что чучело это—произведеніе нашихъ, скучавшихъ отъ бездѣйствія, солдатиковъ кронштадтскаго гарнизона. Они приглашали сэра Нэпира перестать гоняться за лайбами чухонцевъ и отнимать у бѣдняковъ наловленную ими салакушку, а если онъ такъ любитъ хорошую морскую рыбку, то подойти поближе къ кронштадтскимъ фортамъ: тамъ-де приготовлена для него отличная закуска, и пр. и пр. Вообще, все посланіе имѣло характеръ ругательный.—Понятно, что этотъ нарочный отправленъ былъ изъ Кронштадта при дувшемъ попутномъ къ

англійскому флоту вѣтрѣ, но какъ среди ночи вѣтеръ перемѣнился, то кронштадтскій посланный и занесенъ не туда, куда хотѣлось, а на казачьи пикеты.

Второй, трагическій случай, слѣдующій:

26-го апрѣля 1863 года, во время подавленія въ Литвѣ польскаго возстанія, одинъ полуэскадронъ л.-г. казачьяго полка находился при отрядѣ генерала Ганецкаго и содѣйствовалъ къ открытію и уничтоженію двухъ большихъ шаекъ у фольварка Гудзишки. Въ этомъ дѣлѣ захвачены въ плѣнъ и предводители этихъ шаекъ: Доленго (Сѣраковскій), Колышко и Богуславскій. Первый изъ нихъ, Сѣраковскій, легко раненый въ спину, спрятался у одного помѣщика, но былъ тамъ открытъ и пойманъ на побѣгѣ въ лѣсъ. Доставленный въ Вильну, онъ помѣщенъ былъ въ лазаретъ Св. Іакова. Слѣдственная коммисія присудила его къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе; но начальникъ Литовскаго края, Муравьевъ, написалъ на приговорѣ коммисіи слѣдующую конфирмацію: „такъ какъ Сѣраковскій повѣсилъ 7 человѣкъ русскихъ, то повѣсить и его".

Когда конвой экзекуціоннаго кортежа собрался у лазарета Св. Іакова, я, по приказанію начальства, вошелъ въ занимаемый Сѣраковскимъ номеръ лазарета и засталъ его сидѣвшимъ на табуретѣ и съ жаромъ разсказывавшимъ что-то коменданту города Вильны, генералу Вяткину. До слуха моего дошли слова генерала Вяткина:

— „Знаете что, Сѣраковскій, ни вамъ и ни мнѣ, вѣроятно, не придется управлять этимъ краемъ!" [1]).

Въ противоположномъ отъ генерала Вяткина и Сѣраковскаго углу сидѣлъ ксендзъ, нагнувшись надъ молитвенникомъ. Комната была просторная. Увидѣвши меня, генералъ Вяткинъ сказалъ Сѣраковскому:

— „Теперь попеченія мои о васъ кончены и вы переходите въ распоряженіе генерала Шамшева".

Не могу не сознаться, что для меня тогда настала тяжелая минута: я предсталъ вѣстникомъ смерти, хотя смерти преступника, но все же—человѣка. Въ такую тяжелую минуту чувствуешь, что вашъ голосъ теряетъ звучность, и слова: „такой-то, слѣдуйте за мною" произносятся невольно глухо и съ какою-то нарочитою торжественностію

---

[1]) Послѣ генералъ Вяткинъ передавалъ мнѣ, что Сѣраковскій тогда вздумалъ излагать ему свои мысли, какъ лучше и надежнѣе для Россіи управлять Литвою и вообще Польшею. И. Ш.

Сѣраковскій, увидѣвши меня въ походной формѣ, вѣроятно, понялъ все... поблѣднѣлъ и совершенно растерялся. Глаза его были устремлены на меня неподвижно, безжизненно. Это было полное проявленіе столбняка... Когда я выговорилъ: „слѣдуйте за мною", онъ всталъ; пошатываясь и потирая обѣими руками свой лобъ, подошелъ ко мнѣ; вперивши въ меня помутившіеся глаза, онъ безсвязно произнесъ:

— „Ваше пр—во, ваше пр—во! ваше пр—во! позвольте... пять минутъ... времени... позвольте... карандаша и бумаги"...

— Для чего вамъ это?—спросилъ я.

— „У меня явилась... явилась мысль... мысль, которую я... хочу изложить... стихами".

— Нашелъ время заниматься поэзіею,—подумалъ я, и отвѣтилъ: вы видите во мнѣ исполнителя долга и я не могу удовлетворить вашего желанія.

Въ это время Сѣраковскій нѣсколько оправился и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: „по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ надѣяться, что подъ покровительствомъ в. п—ва я не буду оскорбленъ русскими офицерами".

— За это я могу поручиться. Конечно, ни одному изъ русскихъ офицеровъ не придетъ и мысль оскорблять васъ въ такую страшную для васъ минуту.

Чтобы понять выраженное Сѣраковскимъ опасеніе о могущемъ быть для него оскорбленіи отъ русскихъ офицеровъ, надобно сказать, что все, что только было русскаго въ Вильнѣ, не говоря уже о нашихъ войскахъ, относилось съ непріязненными чувствами къ этому преступнику. Всѣ знали, что Сѣраковскій, въ ноябрѣ 1862 г., проѣзжая чрезъ Вильну за границу, съ научною цѣлью, какъ офицеръ генеральнаго штаба, по порученію правительства и снабженный русскими деньгами, обѣдалъ у начальника края и, послѣ обѣда, играя на билліардѣ, за чашкой кофе, при разговорѣ о смутахъ въ Польшѣ, сказалъ:

— „Я полагаю, чтобы успокоить край, надобно вырвать съ корнемъ польскій элементъ".

Между тѣмъ, тотъ-же Сѣраковскій, въ Генуѣ, читалъ молодымъ полякамъ лекціи тактики. Говорятъ, что и лѣсная партизанская война бандъ повстанцевъ была устроена по его иниціативѣ, дабы утомить наши войска мелкими схватками на разныхъ точкахъ мѣстности.

Въ виду всего этого, Сѣраковскій самъ чувствовалъ, что ему нельзя ожидать жалости; чувство это довело его до страха — быть оскорбляемымъ при самой казни.

Но, буду продолжать свой разсказъ о послѣднихъ его минутахъ.

Въ комнату вошелъ полиціймейстеръ Вильны, подполковникъ Сарычовъ. Я поручилъ ему взять Сѣраковскаго и привести къ конвою. На предложеніе Сарычова слѣдовать за нимъ, Сѣраковскій сказалъ, что „онъ не можетъ идти... раненъ".

— Начальникъ края, его высокопр—во Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, былъ на столько внимателенъ къ вамъ, что приказалъ приготовить для васъ рессорный экипажъ,—отвѣчалъ подполковникъ Сарычовъ.

Дѣйствительно, придя къ конвою, я увидѣлъ у подъѣзда просторныя дрожки, на которыя усѣлся Сарычовъ вмѣстѣ съ Сѣраковскимъ.

Экзекуціонный кортежъ двинулся на Лукишки (окраина города, на которой назначена была казнь). Проѣзжая въ десяти шагахъ отъ висѣлицы, Сѣраковскій спросилъ: „развѣ меня повѣсятъ?" При утвердительномъ отвѣтѣ, опустилъ онъ голову и передалъ Сарычову свой носовой платокъ, для доставленія женѣ его, на память. Во время чтенія приговора, Сѣраковскій, снявши шапку, поникъ головой и что-то произносилъ про себя. Въ эти минуты вокругъ господствовала полнѣйшая тишина, раздавался только голосъ аудитора... но, когда аудиторъ кончилъ, Сѣраковскій, поднявши руку, неожиданно началъ говорить:

— „Господа, протестую"...

Шесть барабанщиковъ своею дробью заглушили слова Сѣраковскаго. Онъ смолкъ... когда, затѣмъ, начали надѣвать на него смертную рубашку, онъ съ бранью отбивался отъ палачей, а когда они успѣли связать ему руки назади и надѣть рубашку, Сѣраковскій былъ уже безъ чувствъ и въ этомъ безсознательномъ состояніи его повлекли къ эшафоту.

Иванъ Ив. Шамшевъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Намъ довелось слышать отъ Петра Александровича Нащокина интересные разсказы о графѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Толстомъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Начнемъ съ ихъ первой встрѣчи.

Шла адская игра въ клубѣ. Наконецъ, всѣ разъѣхались, за исключеніемъ Толстаго и Нащокина, которые остались передъ ломбернымъ столомъ. Когда дѣло дошло до расчета, Толстой объявилъ, что противникъ долженъ ему заплатить двадцать тысячъ.

— „Нѣтъ, я ихъ не заплачу,—сказалъ Нащокинъ—вы ихъ записали, но я ихъ не проигралъ".

— „Можетъ быть, это и такъ, но я привыкъ руководиться тѣмъ, чт̀о записываю, и докажу это вамъ",—отвѣчалъ графъ. Онъ всталъ, заперъ дверь, положилъ на столъ пистолетъ и прибавилъ:

— „Онъ заряженъ: заплатите или нѣтъ?"

— „Нѣтъ".

— „Я вамъ даю десять минутъ на размышленіе".

Нащокинъ вынулъ изъ кармана часы, потомъ бумажникъ, и отвѣчалъ:

— „Часы могутъ стоить рублей пятьсотъ, а въ бумажникѣ двадцати-пяти рублевая ассигнація: вотъ все, чт̀о вамъ достанется, если вы меня убьете. А въ полицію вамъ придется заплатить не одну тысячу, чтобъ скрыть преступленіе. Какой же вамъ расчетъ меня убивать?"

— „Молодецъ",—крикнулъ Толстой, и протянулъ ему руку. „Наконецъ-то я нашелъ человѣка!"

Они обнялись и заключили съ этой минуты дружескій союзъ, которому остались одинаково вѣрны. Въ продолженіе многихъ лѣтъ они жили почти неразлучно, кутили вмѣстѣ, попадали вмѣстѣ въ тюрьму, и устраивали охоты, о которыхъ ихъ близкіе и дальніе сосѣди хранили долго воспоминаніе. Друзья, въ сопровожденіи сотни охотниковъ и огромной стаи собакъ, являлись къ незнакомымъ помѣщикамъ, разбивали палатки въ саду или среди двора, и начинался шумный, хмѣльной пиръ. Хозяева дома и ихъ прислуга молили Бога о помощи и не смѣли попасться на глаза непрошеннымъ гостямъ.

Разъ, собралось у Толстаго веселое общество на карточную игру и на попойку. Нащокинъ съ кѣмъ-то повздорилъ. Послѣ обмѣна оскорбительныхъ словъ, онъ вызвалъ противника на дуэль и выбралъ секундантомъ своего друга. Согласились драться слѣдующимъ утромъ.

На другой день, за часъ до назначеннаго времени, Нащокинъ вошелъ въ комнату графа, котораго засталъ еще въ постели. Передъ нимъ стояла полуопорожненная бутылка рома.

— „Что̀ ты это ни свѣтъ ни заря ромомъ-то пробавляешься!“ — замѣтилъ Петръ Александровичъ.

— „Вѣдь не чайкомъ же мнѣ пробавляться“.

— „И то! Такъ угости ужъ и меня“. Онъ выпилъ стаканъ и продолжалъ: „однако, вставай: не то—мы опоздаемъ“.

— „Да ужъ ты и такъ опоздалъ,—отвѣчалъ смѣясь Толстой.—Какъ! ты былъ оскорбленъ подъ моимъ кровомъ и вообразилъ, что я допущу тебя до дуэли! Я одинъ былъ въ правѣ за тебя отомстить: ты назначилъ этому молодцу встрѣчу въ восемь часовъ, а я дрался съ нимъ въ шесть: онъ убитъ“.

У Толстаго было несмѣтное число дуэлей: онъ былъ разжалованъ одиннадцать разъ. Чужой жизнью онъ дорожилъ такъ же мало, какъ и своей. Во время кругосвѣтнаго морскаго путешествія онъ поссорился съ командиромъ экипажа, Крузенштерномъ, и вздумалъ возмущать противъ него команду. Крузенштернъ позвалъ его.

— „Вы затѣяли опасную игру, графъ,—сказалъ онъ,—не забудьте, что мои права неограниченны: если вы не одумаетесь, я буду принужденъ бросить васъ въ море“.

— „Что за важность!—отвѣчалъ Толстой,—море такое же покойное кладбище, какъ и земля“.

И онъ продолжалъ свою революціонную пропаганду. Крузенштернъ былъ человѣкъ добрый и, рѣшившись прибѣгнуть къ послѣднимъ мѣрамъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, сдѣлалъ еще попытку къ примиренію.

— „Графъ,—сказалъ онъ виновному,—вы возмущаете экипажъ; отдайтесь на мою отвѣтственность, и если вы не дадите мнѣ слова держать себя иначе, я васъ высажу на необитаемый островъ: онъ уже въ виду“.

— „Какъ!—крикнулъ Толстой,—вы, кажется, думаете меня запугать! Въ море ли вы меня бросите, на необитаемый ли островъ, мнѣ все равно; но знайте, что я буду возмущать противъ васъ команду пока останусь на кораблѣ“.

Дѣлать было нечего: Крузенштернъ приказалъ причалить къ острову и высадилъ Толстаго, оставивъ ему, на всякій случай, немного про-

віанта. Когда корабль удалился, Толстой снялъ шляпу и поклонился командиру, стоявшему на палубѣ.

Островъ оказался, однако, населеннымъ дикарями, среди которыхъ графъ Ѳедоръ Ивановичъ прожилъ довольно долго. Но тоска по Европѣ начинала его разбирать, когда, бродя разъ по морскому берегу, онъ увидалъ, на свое счастіе, корабль, шедшій вблизи, и зажегъ немедленно костеръ. Экипажъ увидалъ сигналъ, причалилъ и принялъ Толстаго.

Въ самый день своего возвращенія въ Петербургъ, онъ узналъ, что Крузенштернъ даетъ балъ, и ему пришло въ голову сыграть довольно оригинальный фарсъ. Онъ переодѣлся и поѣхалъ къ врагу и сталъ въ дверяхъ залы. Увидя его, Крузенштернъ не скоро повѣрилъ глазамъ.

— „Графъ Толстой, вы ли это?"—спросилъ онъ наконецъ, подходя къ нему.

— „Какъ видите,—отвѣчалъ незванный гость. Мнѣ было такъ весело на островѣ, куда вы меня высадили, что я совершенно помирился съ вами и пріѣхалъ даже васъ поблагодарить".

Вслѣдствіе этого эпизода своей жизни, онъ былъ названъ **американцемъ**.

Сообщ. г-жа **Новосильцева**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Григорьевичъ Ильинскій

† 21-го декабря 1877 г.

Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе того, когда смерть похититъ человѣка среди самаго разгара его дѣятельности, человѣка, задумавшаго и на половину осуществившаго огромный и въ высшей степени важный научный трудъ. Хорошо еще, если хоть часть такого труда авторъ успѣлъ окончательно обработать, но если только собранъ матеріалъ, составленъ планъ и сдѣлано еще немного для окончательной обработки, то со смертію автора почти все потеряно. Правда, остается груда матеріаловъ, которые, если они до тѣхъ поръ были неизвѣстны другимъ ученымъ, могутъ быть напечатаны, но ключъ къ нимъ, мысли, которыя одушевляли автора при ихъ собираніи,—все пропало почти безслѣдно. Предъ вами не недодѣланная статуя, а груда глины, изъ которой только самъ художникъ могъ вылѣпить выношенное въ его головѣ созданіе.

Эти мысли пришли намъ въ голову при вѣсти, только что нами полученной, о смерти молодаго русскаго ученаго, много лѣтъ работавшаго надъ огромнымъ трудомъ по русской исторіи,—А. Г. Ильинскаго. Имя Александра Григорьевича осталось, можно сказать, неизвѣстнымъ публикѣ: единственный отрывокъ изъ его обширной работы былъ напечатанъ въ мало распространенномъ журналѣ; но среди спеціалистовъ его трудъ былъ встрѣченъ съ большимъ одобреніемъ, отъ автора ждали многаго для русской исторической науки.

А. Г. Ильинскій былъ уроженецъ Харьковской губерніи и первоначальное воспитаніе получилъ въ Бѣлгородской семинаріи. По окончаніи тамъ курса онъ вступилъ въ Петербургскую духовную академію и скоро обратилъ тамъ на себя вниманіе своими способностями. Однако Александра Григорьевича не удовлетворяла предстоявшая ему дорога: его тянуло къ строго научной дѣятельности, для которой надлежащую школу онъ надѣялся найти лишь въ университетѣ, и вотъ въ концѣ 1868 г. онъ переходитъ на филологическій факультетъ здѣшняго университета. Здѣсь Александръ Григорьевичъ скоро принялся за спеціальную работу по древней русской исторіи; онъ занимался изученіемъ исторіи Черниговскаго княжества, и если этотъ трудъ и не увидѣлъ печати, то онъ, по крайней мѣрѣ, далъ возможность автору основательно познакомиться съ лѣтописями и другими источниками для изученія удѣльно-вѣчеваго періода нашей исторіи. Въ Петербургскомъ университетѣ Александръ Григорьевичъ пробылъ только 2 года; затѣмъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ перейти въ Харьковскій университетъ. Нельзя было не пожалѣть объ этомъ: въ Петербургѣ Александръ Григорьевичъ могъ бы имѣть гораздо больше научныхъ пособій для своихъ работъ, тутъ легче онъ могъ найти необходимый

совѣтъ, тутъ, наконецъ, ему легче было бы работать и надъ пополненіемъ своихъ знаній по другимъ наукамъ, тѣсно связаннымъ съ его любимымъ предметомъ. Въ Харьковѣ Александръ Григорьевичъ не нашелъ даже профессора русской исторіи (если не считать непродолжительнаго пребыванія тамъ г. Карпова) и потому для кандидатской работы долженъ былъ взять тему не изъ русской, а изъ всеобщей исторіи (онъ писалъ о Константинѣ В.). Тѣмъ не менѣе, Александръ Григорьевичъ скоро обратилъ на себя вниманіе всего факультета и, по окончаніи имъ курса въ 1873 г., былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ каѳедрѣ русской исторіи.

Вслѣдъ за тѣмъ Александръ Григорьевичъ немедленно принялся за работу надъ темою, избранною имъ для своей магистерской диссертаціи; онъ задумалъ обширный трудъ: «О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи» (преимущественно въ XVI в.). Скоро убѣдившись въ недостаточности печатныхъ источниковъ для такого труда, онъ отправился въ Москву и принялся тамъ за изученіе писцовыхъ книгъ XVI вѣка,—важнѣйшихъ источниковъ для изслѣдованія экономическаго быта того времени. Всего болѣе приходилось ему трудиться въ архивѣ министерства юстиціи и архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ пересмотрѣлъ также матеріалы, пріобрѣтенные Румянцевскимъ музеемъ по смерти И. Д. Бѣляева; наконецъ, въ Петербургѣ изучилъ писцовыя книги, хранящіяся въ археографической коммисіи и библіотекѣ академіи наукъ. Онъ сдѣлалъ также много выписокъ изъ различныхъ грамотъ, но, повторяемъ, главною его заслугою было обстоятельное изученіе всѣхъ сохранившихся писцовыхъ книгъ XVI вѣка (если не ошибаемся, числомъ около 90). На такое подготовительное собираніе архивнаго матеріала было употреблено болѣе двухъ лѣтъ усидчиваго труда. Мы живо помнимъ, какъ Александръ Григорьевичъ одолѣвалъ въ московскихъ архивахъ одну писцовую книгу за другою, какъ радовался онъ, если находилъ, что въ нихъ уже сдѣланы необходимые для него итоги, и какъ, въ противномъ случаѣ, принимался подводить ихъ самъ со счетами въ рукахъ. Результатомъ этой египетской работы было множество данныхъ первостепенной важности, которыя группировались имъ всего чаще въ видѣ таблицъ.

Въ теченіе одной зимы архивныя работы Александра Григорьевича были прерваны необходимостію сдать магистерскій экзаменъ, что и было имъ исполнено съ успѣхомъ въ 1874 г. Въ концѣ 1875 г. онъ переселился въ Петербургъ и, продолжая изученіе матеріаловъ, принялся за обработку первой статьи. Усиленный трудъ въ теченіе зимы 1875—76 гг. впервые надломилъ силы Александра Григорьевича, прежде пользовавшагося замѣчательно хорошимъ здоровьемъ. Ему повредилъ, впрочемъ, не одинъ усиленный трудъ, ради котораго онъ иногда цѣлыми днями буквально не выходилъ изъ комнаты, но и неблагопріятная матеріальная обстановка: ма-

ленькая, вся заваленная книгами и рукописями комната, спертый, пропитанный папироснымъ дымомъ воздухъ и, притомъ, недостатокъ движенія на чистомъ воздухѣ—вотъ условія, среди которыхъ быстро разстроилось здоровье Александра Григорьевича. А между тѣмъ нужда заставляла спѣшить работою: срокъ полученія магистрантской стипендіи истекъ; чтобы добиться продолженія ея на нѣкоторое время, необходимо было представить хоть часть своей работы, и вотъ Александръ Григорьевичъ поспѣшилъ сдать въ редакцію «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» свое первое изслѣдованіе о «Городскомъ населеніи Новгородской области въ XVI вѣкѣ», посвященное неизслѣдованному до того времени вопросу о такъ называемыхъ рядахъ или рядкахъ, торговыхъ поселкахъ, составлявшихъ исключительную принадлежность Новгородской области. Изслѣдованіе это было напечатано въ іюньской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1876 г. Не смотря на то, что эта статья Александра Григорьевича сама по себѣ имѣетъ значительный объемъ (болѣе четырехъ печатныхъ листовъ), она представляетъ лишь ничтожную часть обширнаго труда, имъ задуманнаго. Уже изъ этой работы видна обширная начитанность автора въ источникахъ какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ, его громадное трудолюбіе, его умѣніе критически относиться къ источникамъ. Не смотря на то, самъ Александръ Григорьевичъ сильно скорбѣлъ, что обстоятельства заставили его поспѣшить напечатаніемъ этой статьи; онъ находилъ, что ее слѣдовало бы болѣе обработать. Но здоровье не позволяло ему долго оставаться въ Петербургѣ; по совѣту докторовъ, онъ провелъ лѣто 1876 г. въ Крыму, однако болѣзнь груди, которую онъ почувствовалъ въ Петербургѣ, не облегчилась, такъ какъ рѣзкіе переходы отъ дневнаго жара къ ночной прохладѣ неблагопріятно отзывались на его уже потрясенномъ организмѣ.

Осенью 1876 г. Александръ Григорьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы тутъ окончить свой трудъ, но скоро убѣдился, что о дальнѣйшемъ пребываніи въ нашемъ климатѣ не можетъ быть и рѣчи; одинъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по груднымъ болѣзнямъ опредѣлилъ, что у Александра Григорьевича хроническое воспаленіе верхушекъ легкихъ и что ему необходимо немедленно отправиться въ болѣе теплыя мѣстности. Ильинскій выбралъ для жизни Тифлисъ, гдѣ у него былъ близкій родственникъ, занимавшій высшее мѣсто въ тамошней духовной іерархіи. Въ Тифлисъ Александръ Григорьевичъ пріѣхалъ совершенно больной; крайне неблагопріятная обстановка здѣсь до тѣхъ поръ, пока родственникъ Александра Григорьевича пригласилъ его, наконецъ, переѣхать къ нему, окончательно подорвала его здоровье.

Въ началѣ апрѣля 1877 г. мы получили отъ А. Г. Ильинскаго письмо, написанное въ два пріема, съ перерывомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Начало было написано въ декабрѣ 1876 г. и содержало описаніе всѣхъ невзгодъ, испытанныхъ имъ на пути и по пріѣздѣ въ Тифлисъ; видно, что въ то время здо-

ровье Александра Григорьевича было весьма нехорошо, но онъ всетаки не падалъ духомъ. Совсѣмъ иное представляла вторая половина письма, написанная въ концѣ марта 1877 г. Тутъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «въ февралѣ началась дурная погода, и меня охватила ужаснѣйшая тоска. Чтобы избавиться отъ нея, я ухватился за сочиненіе и въ мѣсяцъ окончилъ вторую статью. Въ печать она, конечно, еще не годна, потому что изъ книгъ. здѣсь необрѣтающихся, нужно внести въ нее кое-какія доказательства. Въ мартѣ также продолжалась скверная погода, перемѣнчивая: съ+20 и 25° вдругъ падаетъ на 7°: это убійство! И я заболѣлъ: ходить почти не могу, писать тяжело, дышать тяжело и пр. Поэтому ты и извини, что я кратокъ. Не могу, голубчикъ, писать больше». Мысль о смерти, какъ видно, уже неотвязно преслѣдовала въ то время Александра Григорьевича: онъ оканчиваетъ это письмо словами: «Если поздоровѣю, буду писать, если нѣтъ, прощай навсегда!» Приписка къ письму, написанная совершенно нетвердою рукою и со слѣдами крови на бумагѣ, оканчивается словами: «Совсѣмъ ослабѣлъ. должно быть—скоро умру». Однако смерть отпустила на время Александра Григорьевича изъ своихъ объятій. Лѣтомъ ему сдѣлалось гораздо лучше: переѣздъ на дачу въ горы, леченіе виноградомъ, полное отдохновеніе отъ труда,—все это чрезвычайно поправило его здоровье, и въ августѣ и сентябрѣ онъ чувствовалъ себя превосходно. Но къ зимѣ ему опять стало хуже. Ухудшеніе шло на столько быстро, что въ декабрѣ доктора признали его положеніе безнадежнымъ,—и дѣйствительно, 21-го декабря 1877 г. Александра Григорьевича не стало. Онъ умеръ 28-ми лѣтъ отъ роду.

Въ теченіе десяти лѣтъ мы были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Александру Григорьевичу и можемъ засвидѣтельствовать, что если намъ и приходилось встрѣчать людей не менѣе способныхъ и интеллигентныхъ, чѣмъ Александръ Григорьевичъ, то положительно мы не знали другаго столь симпатичнаго человѣка. При большихъ знаніяхъ, это былъ человѣкъ въ высшей степени скромный, безъ малѣйшаго самомнѣнія, человѣкъ съ самою гуманною. мягкою душою, чрезвычайно склонный къ дружбѣ съ людьми, которымъ онъ симпатизировалъ. Это былъ человѣкъ, весь беззавѣтно отдавшійся любимой наукѣ и положившій жизнь свою за нее. Смерть Александра Григорьевича большая потеря для нашей науки, не богатой способными работниками, и еще бо́льшая утрата для Харьковскаго университета, на нѣсколько лѣтъ опять лишеннаго профессора русской исторіи, каѳедра которой предназначалась Александру Григорьевичу.

Наша замѣтка имѣетъ цѣлью не только почтить память дорогаго намъ друга, столь преждевременно умершаго, она имѣетъ цѣлью обратить вниманіе нашихъ ученыхъ учрежденій и особенно археографической коммисіи, на необходимость позаботиться о сохраненіи и изданіи въ свѣтъ оставшихся послѣ него неизданныхъ работъ и матеріаловъ. Намъ извѣстно, что къ ар-

хеологическому съѣзду въ Кіевѣ Александръ Григорьевичъ окончательно приготовилъ статью «Объ изгояхъ», но не успѣлъ отослать ее по назначенію. Затѣмъ изъ приведеннаго нами выше отрывка его письма видно, что вторая глава изъ его диссертаціи была у него почти совершенно готова къ печати; онъ желалъ пополнить ее ссылками на нѣкоторые печатные матеріалы, не бывшіе у него въ то время подъ рукою, но отсутствіе этихъ указаній не уменьшитъ важности и достоинства статьи, составленной по совершенно новымъ, никѣмъ еще неизслѣдованнымъ матеріаламъ. Этимъ еще не исчерпывается наслѣдство, оставленное Александромъ Григорьевичемъ русской исторической наукѣ: близкіе ему люди обязаны сохранить всѣ собранные имъ матеріалы, среди которыхъ, какъ мы упоминали выше, есть масса статистическихъ таблицъ, составленныхъ на основаніи писцовыхъ книгъ XVI в., и, кромѣ того, копіи со многихъ неизданныхъ грамотъ. Мы не сомнѣваемся, что его родственники, собравъ весь этотъ драгоцѣнный матеріалъ, предоставятъ его въ распоряженіе какого либо ученаго учрежденія, всего лучше—археографической коммисіи; мы, по крайней мѣрѣ, будемъ объ этомъ хлопотать. Если дѣло это устроится, мы желали бы только одного: чтобъ матеріалъ, собранный Александромъ Григорьевичемъ, и оставленныя имъ статьи не были разбросаны клочками по разнымъ томамъ изданій того или другаго ученаго общества, а были бы собраны въ одинъ томъ и такимъ образомъ служили нагляднымъ памятникомъ четырехлѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ покойнаго ученаго на пользу русской науки. Мы убѣждены, что, если это будетъ сдѣлано, имя Александра Григорьевича, не смотря на то, что смерть подкосила его при самомъ началѣ его дѣятельности, не смотря на то, что онъ не успѣлъ создать задуманнаго имъ труда, не будетъ забыто въ русской исторіографіи.

10-го февраля 1878 г.

В. И. Семевскій.

Поправка къ письму гр. Ѳ. П. Толстаго.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 347—356 и на оберткѣ книги, вслѣдствіе не четко написанной рукописи, съ которой набрана была статья, вкралась весьма крупная погрѣшность: пребываніе государя Николая Павловича въ Римѣ отнесено къ 1839 году, между тѣмъ императоръ Николай I посѣтилъ Римъ въ 1845 г., куда, какъ видно изъ письма гр. Ѳ. П. Толстаго, государь пріѣхалъ изъ Палермо. Въ Палермо проводила зиму 1845—1846 г. императрица Александра Ѳеодоровна.

А. С. Грибоѣдовъ.

Московскіе старожилы помнятъ, вѣроятно, англичанина Ѳому Яковлевича Эвансъ, который прожилъ лѣтъ сорокъ въ Россіи и оставилъ въ ней много друзей. Наше общество любило и уважало его. Онъ находился, между прочимъ, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Грибоѣдовымъ, и мы передаемъ съ его словъ слѣдующій разсказъ:

Разнесся вдругъ по Москвѣ слухъ, что Грибоѣдовъ сошелъ съ ума. Эвансъ, видѣвшій его не задолго предъ тѣмъ и не замѣтившій въ немъ никакихъ признаковъ помѣшательства, былъ сильно встревоженъ этими слухами и поспѣшилъ его навѣстить. При появленіи гостя, Грибоѣдовъ вскочилъ съ своего мѣста и встрѣтилъ его вопросомъ:

— „Зачѣмъ вы пріѣхали?"

Эвансъ, напуганный этими словами, въ которыхъ видѣлъ подтвержденіе извѣстія, дошедшаго до него, отвѣчалъ, стараясь скрыть свое смущеніе:

— „Я ожидалъ болѣе любезнаго пріема".

— „Нѣтъ, скажите правду,—настаивалъ Грибоѣдовъ,—зачѣмъ вы пріѣхали? Вы хотѣли посмотрѣть—точно ли я сошелъ съ ума? Не такъ ли? Вѣдь вы уже не первый".

— „Объясните мнѣ, ради Бога,—спросилъ англичанинъ,—что подало поводъ къ этой баснѣ?"

— „Стало быть, я угадалъ? Садитесь; я вамъ разскажу—съ чего Москва провозгласила меня безумнымъ".

И онъ разсказалъ, тревожно ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, что дня за два передъ тѣмъ былъ на вечерѣ, гдѣ его сильно возмутили дикія выходки тогдашняго общества, раболѣпное подражаніе всему иностранному и, наконецъ, подобострастное вниманіе, которымъ окружали какого-то француза, пустаго болтуна. Негодованіе Грибоѣдова постепенно возрастало, и наконецъ его нервная, желчная природа высказалась въ порывистой рѣчи, которой всѣ были оскорблены. У кого-то сорвалось съ языка, что „этотъ умникъ" сошелъ съ ума, слово подхватили, и тѣ же Загорѣцкіе, Хлестовы, гг. Н. и Д. разнесли его по всей Москвѣ.

— „Я имъ докажу, что я въ своемъ умѣ,—продолжалъ Гриб[illegible] окончивъ свой разсказъ,—я въ нихъ пущу комедіей, внесу [illegible] цѣликомъ этотъ вечеръ: имъ не поздоровится! Весь планъ уже въ головѣ, и я чувствую, что она будетъ хороша".

На другой же день онъ задумалъ писать „Горе отъ ума[illegible]

Сообщ. г-жа Новосильц[illegible]

зоваго вѣка, состоящаго изъ группъ: урало-алтайской, Пермской и Вятской губерній, южной Россіи и остатковъ бронзоваго въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ. Текстъ сочиненія написанъ на финскомъ и французскомъ языкахъ и сопровождается большимъ собраніемъ рисунковъ (числомъ 401), весьма отчетливо изображающихъ предметы, входящіе въ описаніе (какъ домашняя утварь, разнаго рода орудія, изображенія животныхъ, надписи, религіозные предметы и др.). Снимки этихъ предметовъ большею частью составлены на основаніи матеріала, хранящагося въ русскихъ музеяхъ, которые обстоятельно изучены авторомъ во время путешествія его по Россіи въ 1871—1874 гг.; остальные предметы находятся въ собраніяхъ Финляндіи; наконецъ, небольшая часть снята авторомъ съ вещей, найденныхъ во время его ученой экскурсіи по губерніямъ: Тверской, Ярославской, Казанской, Вятской и Пермской. При этомъ, подъ каждымъ предметомъ обозначается и мѣсто его нахожденія. Такимъ образомъ, настоящее изданіе наглядно свидѣтельствуетъ о богатствѣ памятниковъ, какимъ обладаетъ Россія по части археологіи, и на необходимость собранія которыхъ такъ настойчиво указывалъ въ свое время Беръ, въ предисловіи къ изданію труда Варео, сдѣлан. академіею наукъ.

Что же касается внѣшности изданія, не менѣе важной въ подобномъ предпріятіи, то настоящее изданіе можно назвать вполнѣ безукоризненнымъ. Вторая книжка этого труда (уже вышедшая) составляетъ начало описанія желѣзнаго вѣка (Пермскаго края), которому будутъ посвящены и остальные три выпуска, приготовленные авторомъ къ изданію.

Императоръ Александръ Первый.—Политико-дипломатія. Соч. Сергѣя **Соловьева.** Спб. 1877. 560. Ц. 2 р.

Настоящее сочиненіе издано въ память столѣтняго юбилея императора Александра I, праздновавшагося 12-го декабря. Какъ и самое заглавіе уже показываетъ, оно посвящено описанію политическихъ отношеній Россіи въ означенное время и исторіи современной европейской дипломатіи, проявившей свою дѣятельность въ конгрессахъ, на которыхъ императору Александру принадлежала первенствующая роль. Такимъ образомъ, первая половина исторіи «политики-дипломатіи» —охарактеризована названіемъ «эпохи коалицій» (до перваго Парижскаго мира), а вторая—«эпохи конгрессовъ», заканчивающейся смертью императора. Въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ автора составляетъ собраніе его статей, помѣщавшихся въ 1865—67 гг. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Вѣстникѣ Европы» (эпоха конгрессовъ), и въ 1877 г. въ «Вѣстникѣ Европы» (эпоха коалицій). Въ заключеніе авторъ даетъ общую характеристику личности и дѣятельности Александра I, и старается объяснить представляющіяся противорѣчія какъ въ этой послѣдней, такъ и въ воззрѣніяхъ на нее другихъ.

В. И.

Русская Библіотека. Томъ VII. **Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.** Типографія Стасюлевича. Спб. 1877 г., въ 8 д., стр. 258. Цѣна 75 коп.

Въ этомъ выпускѣ «Русской Библіотеки» помѣщены, цѣликомъ или въ отрывкахъ, избранныя стихотворенія **Некрасова.** Выборъ и изданіе ихъ состоялись при жизни покойнаго поэта, подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Въ настоящемъ выпускѣ «Русской Библіотеки», этого вполнѣ хорошаго и по справедливости оцѣненнаго нашимъ обществомъ изданія, помѣщено 41 стихотвореніе Некрасова, между прочимъ: «Памяти Бѣлинскаго», «Поэтъ и Гражданинъ», «Морозъ красный носъ», изъ поэмы «Русскія женщины» и др. При выпускѣ помѣщена краткая біографія Некрасова и приложенъ его портретъ, исполненный за границей, если не ошибаемся, у Брокгауза, къ сожалѣнію, впрочемъ довольно неудачно. Жаль, что издатели при заказахъ портретовъ столь первоклассныхъ писателей, какъ тѣ, сочиненія которыхъ вошли въ «Русскую Библіотеку», обходятъ отечественныхъ граверовъ, изъ коихъ академики **Пожалостинъ** (на мѣди) и **Сѣряковъ** (на деревѣ) признаны превосходнѣйшими художниками.

Настоящій выпускъ «Русской Библіотеки» изданъ изящно, съ тѣмъ вниманіемъ и добросовѣстностью, которыя читатели привыкли встрѣчать въ каждой книжкѣ этого вполнѣ полезнаго изданія.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина“ **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1877** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. АПРѢЛЬ. **1878 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Хромолитографическій портретъ Н. В. Гоголя печатается у Лемерсье, въ Парижѣ, и, какъ пишетъ намъ Акад. Л. А. Сѣряковъ, будетъ доставленъ въ концѣ апрѣля, т. е. разосланъ при майской книгѣ. Подписчики «Русской Старины» 1877 г., хотя бы и не возобновили подписку на 1878 г., также получатъ портретъ Н. В. Гоголя, если сообщатъ нынѣшніе свои адреса.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ XX. Спб. 7877 г. Стр. 584. Ц. 3 р.

Помѣстивъ въ мартовской книгѣ «Русской Старины» 1878 г. нѣсколько выписокъ изъ этого интереснаго тома—именно изъ переписки Екатерины II съ Фридрихомъ II (въ библіограф. листкъ), приводимъ еще нѣкоторыя выдержки. Выражая благодарность за любезную присылку арбузовъ, Фридрихъ прибавляетъ: «Правда, что между астраханскими арбузами и избирательнымъ сеймомъ въ Польшѣ безконечное разстояніе, но ваша предусмотрительность соединяетъ все въ сферѣ своей дѣятельности: та самая рука, которая раздаетъ арбузы въ одной сторонѣ, жалуетъ короны въ другой и поддерживаетъ въ Европѣ миръ» (784). Когда избраніе Станислава Понятовскаго состоялось, Екатерина пишетъ Фридриху: «Съ помощью вашего величества я увѣрена въ успѣхѣ всего, что буду предпринимать. Мои предшественники не имѣли союзникомъ короля Фридриха—и вотъ мое преимущество предъ ними» (206). Посылая Фридриху нѣмецкій переводъ своего Наказа, Екатерина скромно заявляетъ, что она поступила какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ. «Если бы вы собрали все, внесенное туда мною, я не думаю, что вышло бы свыше двухъ—трехъ листовъ. Большая часть извлечена изъ «Духа Законовъ» Монтескье и сочиненія Беккарія», но тутъ же прибавляетъ на счетъ недостатковъ перевода: «русскій языкъ гораздо сильнѣе и богаче нѣмецкаго, а французскаго—въ перестановкѣ словъ; доказательствомъ чего служитъ то, что при переводѣ часто должны были изъяснять многими словами то, что по русски было сказано однимъ словомъ, и отдѣлять то, что составляло одинъ штрихъ пера. Тѣ, кто упрекалъ русскій языкъ въ недостаткѣ выраженій, или ошибались, или не знали этого языка» (236—237). Но уже въ слѣдующемъ письмѣ Фридрихъ поспѣшилъ помѣстить Екатерину рядомъ съ Солономъ и Ликургомъ (а потомъ и Локкомъ) и расхвалить самый стиль написаннаго и обширныя познанія писавшаго (238—239). Понятно, что, приступая къ первой турецкой войнѣ, Екатерина считала нужнымъ смягчить впечатлѣніе, произведенное на короля этимъ извѣстіемъ, философскими размышленіями на тему объ истинномъ добрѣ. «Я старалась до сихъ поръ дѣлать добро, въ настоящее же время я принуждена дѣлать зло, ибо война есть одно изъ золъ, какъ говорятъ о томъ философы. Единственно извиняемымъ я считаю то, что начну дѣлать: на меня нападаютъ, я защищаюсь» (243). Съ другой стороны, какъ во время польскаго вопроса выраженіемъ дружбы должны были служить русскіе плоды, такъ теперь Екатерина шлетъ въ Берлинъ «чернобурыя лисицы и сибирскія куницы». «Если бы у нихъ былъ разумъ, пишетъ она, то онѣ поняли бы, что не могутъ лучше выполнить своихъ обязанностей ко мнѣ, какъ способствуя предохраненію здоровья вашего величества... Въ прошедшую зиму Мустафа намѣревался сдѣлать себѣ нарядъ изъ нихъ, но обстоятельства поставили преграды къ тому; дружба обязываетъ меня послать ихъ великому королю, моему союзнику; онѣ докажутъ между прочимъ, что Мустафа обманулся» (270). И вотъ Фридрихъ, разъ досадовавшій на то, что Екатерина слишкомъ увлекалась дѣлами на Востокѣ, отвлекаясь отъ болѣе близкихъ имъ обоимъ — польскихъ дѣлъ, привѣтствуетъ дѣйствія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ и заявляетъ надежду и желаніе видѣть «Константинополь трепещущимъ при видѣ русскаго флота и султана, вынужденнаго подписать миръ, какой предпишетъ умѣренность императрицы» (274); хотя въ то же время ему, какъ истинному политику, это не мѣшаетъ быть умѣреннымъ при заявленіи видовъ Россіи на завоеванія, и опираться, подъ фирмою другихъ, на сохраненіе равновѣсія на Востокѣ (290—295). Не менѣе интересенъ и взглядъ Екатерины на отдѣленіе Крыма отъ зависимости Порты. «Дѣло независимости татаръ,—пишетъ она Фридриху,—составляетъ право человѣчества, требуемое цѣлымъ народомъ, по-

ИННОКЕНТІЙ

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

II [1]).

Назначеніе профессоромъ семинаріи, хотя и столичной, едва-ли могло быть пріятно для Ивана Борисова. Не говоря уже о томъ, что онъ, такъ сказать, по праву первенства долженъ былъ остаться пр академіи, гдѣ впервые сознаіъ свои силы, ему могло казаться, что такое назначеніе не соотвѣтствовало этимъ силамъ, требующимъ болѣе широкаго приложенія. Его, перваго и лучшаго изъ магистровъ, лишили возможности посвятить свои познанія и таланты воспитавшей его академіи, своему родному краю, который онъ не переставалъ любить въ теченіе всей своей жизни. Но не въ характерѣ Ивана Борисова было унывать и падать духомъ. Какъ бы про себя, сказалъ онъ въ неизвѣстно когда написанномъ имъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ .

«Не унывай».

Когда для ревности усердной
Тебѣ назначенъ малый кругъ,
И въ рубежкахъ его стѣсненный
Кипитъ порывами твой духъ—
Себя въ дѣлахъ благихъ явить,
Ихъ блескомъ міръ сей озарить:
Смиреньемъ ревность укрощай,
Но никогда не унывай.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204.

И укрѣпившись благочестьемъ
Въ твоей страдальческой борьбѣ,
Не чти паденьемъ и безчестьемъ
Послѣдовать своей судьбѣ;
Но тщися въ маломъ вѣренъ быть,
Себя для долга позабыть,
Его съ любовью исполняй
И въ подвигахъ не унывай [1]).

И это можно приложить не только къ настоящему случаю, но почти ко всѣмъ послѣдующимъ обстоятельствамъ жизни Ивана Борисова.

Такъ, 23-хъ лѣтній Борисовъ сталъ профессоромъ и инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца, онъ занялъ вмѣстѣ и должность ректора с.-петербургскаго Александро-Невскаго училища, и здѣсь, въ декабрѣ того же 1823 г., принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія, при чемъ постриженъ былъ во іеродіакона, а черезъ три недѣли—въ іеромонаха. Черезъ годъ, духовное начальство, оцѣнивъ высокія дарованія молодаго инока, указало ему другое, достойнѣйшее назначеніе: 16-го декабря 1824 года, о. Иннокентій назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи; въ сентябрѣ 1825 г. опредѣленъ инспекторомъ той же академіи и членомъ «Внѣшняго академическаго правленія», а черезъ три недѣли утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ академической конференціи. 6-го января 1826 года «за отличное преподаваніе богословскихъ уроковъ» о. Иннокентій возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора богословскихъ наукъ; черезъ два мѣсяца съ небольшимъ посвященъ въ санъ архимандрита.

Уже одно такое быстрое повышеніе свидѣтельствовало о заслугахъ Иннокентія, а еще болѣе о тѣхъ надеждахъ, какія онъ могъ оправдать въ послѣдствіи. Дѣйствительно, Иннокентій не только оправдалъ, но превзошелъ всѣ ожиданія. «Съ необычайнымъ рвеніемъ,—говорится въ упомянутой нами выше біографической запискѣ,—принялся онъ за трудъ, и скоро, какъ профессоръ, рѣшительно затмилъ своими лекціями сотоварищей и увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть, съ жаромъ, съ воодушевленіемъ, голосомъ чистымъ и звучнымъ, рѣчью живою, сво-

[1]) «Сочиненія» Иннокентія, томъ X.

бодною, часто разговорною, но всегда изящною и въ высшей степени общепонятною. Ему выпалъ жребій объяснять воспитанникамъ сперва обличительное богословіе, потомъ богословіе основное—тѣ именно изъ богословскихъ наукъ, которыя наиболѣе позволяютъ простора человѣческому разуму, и гдѣ могъ молодой профессоръ обнаружить во всемъ объемѣ блестящія стороны своего таланта и образованія: свѣтлость и нерѣдко оригинальность взгляда на важнѣйшіе вопросы науки, быстроту и проницательность въ соображеніяхъ, непреоборимую діалектику разсудка и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ не только богословія, но и философіи на Западѣ» [1]). Иннокентій очень рѣдко излагалъ свои лекціи на бумагѣ; записывали ихъ, со словъ профессора, студенты и потомъ составлялись записки по тому или другому предмету. Исправлялъ ли ихъ Иннокентій—не извѣстно; только онѣ распространялись по семинаріямъ, гдѣ, конечно, подвергались болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ. Если бы такія лекціи и были напечатаны, то по нимъ всетаки трудно судить о дѣйствительныхъ лекціяхъ Иннокентія. Впрочемъ, несомнѣнно, что нѣкоторые учено-богословскіе трактаты его, помѣщенные въ X-мъ томѣ «Сочиненій», и особенно «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» (т. IX), составляли предметъ лекцій Иннокентія. Но кому не извѣстны эти «Послѣдніе дни», правда, всю жизнь исправляемые и усовершаемые авторомъ, какъ любимѣйшій предметъ его богословствованія, но за который (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изслѣдованіями), еще будучи профессоромъ въ С.-Петербургской академіи, онъ получилъ степень доктора богословія? Равнымъ образомъ, замѣчательны лекціи—«О религіи вообще», «О человѣкѣ», «Воскресеніе Лазаря», «О св. апостолѣ Павлѣ», «О неологизмѣ или раціонализмѣ», тогда же напечатанной, и др. [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что Иннокентій отлично зналъ древніе языки—еврейскій, греческій и латинскій, а изъ новыхъ—нѣмецкій, французскій и польскій. Н. В—овъ.

[2]) Въ послѣднемъ, сравнительно небольшомъ, трактатѣ Иннокентій опровергаетъ теоріи западныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, ученыхъ такъ называемой раціоналистической школы. Замѣчательно, что въ одно время самого Иннокентія, Г. П. Павскаго и нѣкоторыхъ другихъ обвиняли въ неологизмѣ (что случилось, какъ увидимъ ниже, и послѣ, именно въ бытность Иннокентія ректоромъ Кіевской академіи). По этому поводу сохранился такой

Будучи отличнымъ профессоромъ академіи, Иннокентій въ то же время пріобрѣлъ лестную извѣстность, какъ замѣчательный церковный проповѣдникъ. Тѣ проповѣди, какія произносилъ онъ, по назначенію, въ Александро-Невской лаврѣ и Казанскомъ соборѣ, всегда привлекали множество слушателей и производили на нихъ глубокое впечатлѣніе. Многія проповѣди тогда же помѣщались въ академическомъ изданіи «Христіанское Чтеніе».— Надобно замѣтить, что Иннокентій вообще оказалъ важныя услуги этому изданію, которое въ 1826 г., по обстоятельствамъ, совсѣмъ близко было къ паденію. Онъ, вмѣстѣ съ достойными товарищами своими Г. П. Павскимъ и В. Б. Бажановымъ, рѣшился поддержать журналъ и, кромѣ проповѣдей, началъ помѣщать въ немъ разныя статьи и изслѣдованія; напечаталъ мало-по-малу два обширныхъ сочиненія—«Жизнь апостола Павла» и помянутое выше: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа». Произведенія Иннокентія, особенно послѣднее, быстро подняли журналъ, такъ что экземпляры его раскупались всѣ. Въ 1827 г. Иннокентій опредѣленъ членомъ цензурнаго комитета при академіи; въ слѣдующемъ году—членомъ вновь образованнаго комитета для цензуры духовныхъ книгъ; въ 1829 г. за разныя сочиненія, преимущественно историко-богословскаго содержанія, утвержденъ докторомъ богословія; въ томъ же году за ученые труды и заслуги награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорской короною, и въ августѣ 1830 г. опредѣленъ въ Кіевскую духовную академію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать объ Иннокентіи какъ начальникѣ академіи, какъ о профессорѣ, проповѣдникѣ, и о нѣкоторыхъ другихъ занятіяхъ за время десятилѣтняго пребыванія его въ Кіевѣ.

Профессоръ Малышевскій такъ характеризуетъ время рек-

анекдотъ: «Сидѣли однажды въ академической залѣ Иннокентій съ Павскимъ особнякомъ, разговаривая о чемъ-то. Одинъ изъ сочленовъ, глядя на нихъ, сказалъ въ полголоса: «Вонъ сидятъ наши «неблоги».—«Да, братъ, не олухи!»— сказалъ Павскій нѣсколько громче. («Письма о Кіевѣ и воспоминанія о Тавридѣ», стр. 44). Н В—овъ.

торства Иннокентія и его самого:—«Съ 30-хъ годовъ, или со времени Иннокентія, въ академической наукѣ замѣчается новое, болѣе оживленное, свободное и широкое развитіе. Силъ въ академіи прибываетъ; онѣ крѣпче привязываются къ ней и дѣйствуютъ съ бòльшею дружностію и послѣдовательностію. Послѣ пяти ректоровъ перваго десятилѣтія, около 10-ти лѣтъ живетъ съ однимъ ректоромъ, ея воспитанникомъ, возвратившимся къ ней съ новымъ запасомъ развившихся рѣдкихъ дарованій, знаній, опытности, энергіи и уже нажитой блестящей извѣстности. Въ свойствахъ своей симпатической и широко-объемлющей души онъ почерпалъ искусство скрѣплять въ средѣ сослуживцевъ товарищескую общительность, вносить успокоеніе и отраду въ среду личной, домашней жизни ихъ, поддержать человѣческую слабость, утѣшить семейное горе, помочь молчаливой нуждѣ. А разнообразіе знаній, широта воззрѣній, даръ инниціативы, чуткой къ запросамъ современной науки и жизни, давали ему умѣнье открывать и постигать, а, когда нужно, оживлять и направлять сказавшіяся дарованія и научныя стремленія въ средѣ академической» [1]).

На первыхъ же порахъ своего ректорства Иннокентій замѣнилъ латинскій языкъ русскимъ въ преподаваніи богословскихъ и философскихъ наукъ. Это нововведеніе важно потому, что живое слово было болѣе доступно слушателямъ и предметъ науки принималъ болѣе жизненное направленіе, такъ какъ трудная обработка латинской рѣчи происходила нерѣдко въ ущербъ самаго дѣла. Вообще Иннокентій старался изгонять рутину, сухость, отвлеченность и въ преподаваніи профессоровъ, которыхъ онъ умѣлъ выбирать какъ нельзя лучше, и въ занятіяхъ студентовъ. Такъ, напримѣръ, прибывъ изъ Петербурга въ академію среди курса, когда почти всѣ старшіе студенты взяли уже темы для курсовыхъ сочиненій, а иные уже начали и писать ихъ, онъ значительную часть этихъ темъ, напоминавшихъ схоластическую отвлеченность, замѣнилъ другими, представлявшими бòльшій интересъ жизненный или историческій. Написанныя студентами проповѣди, послѣ профессора, Иннокентій всегда прочитывалъ самъ;

[1]) См. «Историческую записку», «Труды Кіевской дух. академіи», ноябрь—декабрь 1869 г.

нерѣдко призывалъ къ себѣ того или другаго студента и по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ объ искусствѣ проповѣдничества[1]). Для наблюденія за преподаваніемъ профессоровъ ректоръ имѣлъ обыкновеніе частенько посѣщать ихъ лекціи; послѣ чего, буде находилъ лекцію неудовлетворительною, призывалъ профессора къ себѣ, высказывалъ ему свои замѣчанія, по большей части мѣткія, основательныя и оригинальныя. Но главнымъ пробнымъ камнемъ для профессоровъ служили такъ называемые частные полугодичные экзамены. Экзамены считаются вообще скучными, утомительными для студентовъ, а тутъ выходило наоборотъ: это было время веселое, праздничное. О. Іоасафъ такъ разсказываетъ о первомъ послѣ поступленія въ академію экзаменѣ, котораго новички-студенты очень боялись и трусили:

«Экзаменъ начался, и что же? оказалось, что экзаменованы-то были не мы собственно, а гг. наставники. Мы только были зрителями да слушателями. Вотъ какъ это бывало: студентъ обыкновенно выходилъ къ столу, бралъ билетъ съ извѣстнымъ № и объявлялъ его содержаніе; по спросу наставника, начиналъ излагать самый предметъ, но не успѣвалъ онъ произнести еще двухъ-трехъ словъ, какъ вдругъ ректоръ прерывалъ его рѣчь. «Довольно, хорошо», бывало скажетъ онъ: «это ваше классическое дѣло. А вотъ лучше разрѣшите мнѣ, напримѣръ, этотъ вопросъ». Студентъ думаетъ, собирается съ мыслями, какъ бы отвѣтить получше. (Любилъ покойный преосвященный, если кто на вопросъ его отвѣчалъ скоро, хоть бы и не совсѣмъ удовлетворительно). Выходило, однакожъ, на повѣрку всего чаще

[1]) Конечно, случалось говорить объ этомъ и въ классѣ, хотя онъ и не читалъ церковнаго краснорѣчія. Такъ, однажды, объ условіяхъ хорошей проповѣди онъ высказалъ слѣдующее: «Чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ, для этого требуется немногое. Пишите, во 1-хъ, просто, безъ всякихъ умствованій: это не въ духѣ евангельскихъ истинъ. Видите, какъ онѣ просты и доступны для каждаго, и какъ обильны мыслями! Читаешь и не начитаешься. Пишите, во 2-хъ, не съ тѣмъ, чтобы показать себя, или, такъ сказать, блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе далеко уклонитесь отъ цѣли. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника. Но главное, вы сами должны быть прежде всего убѣжденными въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ, а для этого нужны твердая вѣра и доброе сердце. 3-е, касательно слушателей: принимайте ихъ, кто бы они ни были, не болѣе какъ за вашихъ учениковъ, и будете говорить смѣло и свободно; наконецъ, въ 4-хъ, что исходя на среду церкви для проповѣданія, выходите какъ бы на всемірную апостольскую проповѣдь, что вы то же, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возблагоговѣете предъ своимъ высокимъ назначеніемъ и произнесете проповѣдь прекрасно». («Вѣнокъ на могилу Иннокентія», стр. 84; «Воспоминанія» магистра Іоасафа). Н. В—овъ.

ни то, ни сё. Тогда ректоръ обращался къ наставнику; начинался споръ, возраженіе за возраженіемъ—любо бывало слушать! Мы въ восторгѣ. Но бывало и то, что какъ захочетъ покойный преосвященный, такъ на вопросъ, имъ предложенный, хотя, по видимому, и трудный, отвѣтятъ удовлетворительно и студентъ, и наставникъ. Какъ это дѣлалось у него, мы никакъ не могли себѣ растолковать. Въ противномъ же случаѣ ни тотъ, ни другой ничего не скажутъ. За то ужъ самъ, бывало, разрѣшитъ вопросъ ловко, умно, превосходно. И вотъ въ чемъ состояли наши, такъ называемые, частные экзамены. Продолжались они обыкновенно не болѣе трехъ часовъ. И чего, бывало, не наговоритъ въ столь короткое время незабвенный нашъ ректоръ! Какихъ истинъ не сообщитъ!... [1])

Вникая въ общій ходъ преподаванія, слѣдя за направленіемъ и развитіемъ академической науки въ ея совокупности, Иннокентій старался придать ей видъ стройной, возможно-полной и законченной системы. Съ этою цѣлію онъ распространилъ въ академіи преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ, какъ философіи, которую, во всемъ ея объемѣ, постоянно излагали три наставника; другимъ наукамъ старался дать лучшій видъ, какъ герменевтикѣ и обличительному богословію; третьи ввелъ вновь—именно экклезіастику и церковное законовѣдѣніе.—Выборъ и назначеніе профессоровъ для занятія каѳедръ были всегда удачны, такъ какъ назначеніе это соотвѣтствовало умственному складу и склонностямъ каждаго. Къ тому же о. ректоръ умѣлъ возбуждать къ труду своихъ сослуживцевъ, поддерживать въ нихъ энергію или своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, или поставленіемъ дѣятельности ихъ на видъ высшему начальству, наградами и проч. Поэтому, въ составѣ профессоровъ, кромѣ извѣстнаго Ив. М. **Скворцова**, мы видимъ достойныхъ сподвижниковъ Иннокентія: Я. К. **Амфитеатрова**, В. Н. **Карпова**, П. С. **Авсенева** (въ послѣдствіи епископа Ѳеофана), о. Димитрія **Муретова**, О. М. **Новицкаго**, I. Г. **Михневича** и др.

Съ студентами о. ректоръ обходился всегда ласково, вѣжливо; къ недостаткамъ и проступкамъ ихъ былъ снисходителенъ,—хотя, конечно, иногда приходилось и пожурить кого нибудь; вообще въ отношеніяхъ къ студентамъ онъ проявлялъ болѣе отеческой доброты и заботливости, нежели строгости и взысканія. Темы для сочи-

---

[1]) «Воспоминанія». См. «Вѣнокъ на могилу Иннокентія», стр. 78—79.

ненiй студентамъ большею частiю давалъ самъ, и при томъ съ строгою разборчивостiю, живыя и интересныя; за самыми сочиненiями слѣдилъ внимательно. Особенное же вниманiе обращалъ, какъ упомянуто выше, на усовершенствованiе студентовъ въ дѣлѣ проповѣдничества. Желая видѣть студентовъ всесторонне образованными, онъ совѣтывалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ академiи, а заниматься чтенiемъ и другихъ наукъ, напримѣръ, астрономiи, естественной исторiи [1]). Жилыя комнаты и аудиторiи любилъ содержать всегда въ отличной чистотѣ и опрятности, часто поновлялъ и исправлялъ оба академическiе корпуса, насадилъ на академическомъ дворѣ прекрасныя аллеи, усовершенствовалъ больницу, улучшилъ столъ и одежду студентовъ, украсилъ академическую залу портретами знаменитыхъ людей, воспитавшихся въ академiи и трудившихся для нея, обогатилъ физическiй кабинетъ и библiотеку. — Вникая во всѣ части академическаго управленiя самъ, совершенствуя все подъ непосредственнымъ своимъ контролемъ и наблюденiемъ, Иннокентiй ввелъ строгiй порядокъ во всемъ, точность и аккуратность въ исполненiи возложенныхъ на каждаго обязанностей. Словомъ сказать — онъ давалъ всему жизнь и движенiе. Не удивительно поэтому, что многiе изъ извѣстныхъ друзей и знакомыхъ Иннокентiя, какъ Погодинъ, Надеждинъ, Жуковскiй, Гоголь, Кирѣевскiй и др., при посѣщенiи Кiева, желали посмотрѣть духовную академiю, и о. ректоръ съ удовольствiемъ исполнялъ это ихъ желанiе. Равнымъ образомъ, высочайшiя награды и неоднократныя благодарности Иннокентiю отъ высшаго духовнаго начальства за управленiе ввѣренной ему академiи свидѣтельствовали о заслугахъ его въ этомъ отношенiи. Такъ, въ 1835 г. «за особенную попечительность объ успѣшномъ образованiи вос-

---

[1]) Надобно замѣтить, что самъ Иннокентiй очень любилъ естественныя науки. Такъ, въ одномъ письмѣ (1840 г.) къ М. А. Максимовичу, бывшему ректоромъ Кiевскаго университета, Иннокентiй писалъ: «Посылаю книгу: взгляните—можно ли по ней получить понятiе правильное о царствѣ минеральномъ? Если можно, то я куплю. Ибо страхъ какъ хочется познакомиться получше съ камнями и растенiями. А вы будете моимъ учителемъ. Въ такомъ разѣ я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ. — Нельзя ли даже возымѣть какую нибудь коллекцiю камней, разумѣется, самыхъ основныхъ; ибо царство каменное должно быть въ основѣ своей просто. Но камнями-ли занимать васъ?...» и проч. («Письма о Кiевѣ», стр. 105). Н. В—овъ.

питанниковъ Кіевской духовной академіи» Иннокентію пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-й ст.; въ 1839 г. (когда Иннокентій былъ уже викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ), «за служеніе, ознаменованное вообще отличнымъ достоинствомъ, и въ особенности пользою въ управленіи духовною академіею и за назидательное употребленіе дара слова» награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст.; въ то же время объявлена ему признательность св. синода «за отличное по всѣмъ частямъ благоустройство Кіевской академіи, найденное ревизовавшимъ ее преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ».

Научая другихъ, давая разумно-цѣлесообразное направленіе академической жизни и дѣятельности, Иннокентій не переставалъ усовершать и себя самого, особенно на поприщѣ церковнаго проповѣдничества. Правда, еще въ Петербургѣ онъ пріобрѣлъ себѣ славу и искуснаго профессора, и блестящаго проповѣдника. Но не таковъ былъ Иннокентій, чтобы останавливаться въ своемъ самообразованіи, саморазвитіи. Если когда—то это именно во время ректорства онъ предавался усиленнымъ, почти невѣроятно-обширнымъ занятіямъ. Такъ, однажды, какъ бы невольно, онъ признался передъ студентами: «я удивляюсь, какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ».

Существуетъ мнѣніе, что Иннокентій былъ выше въ проповѣдяхъ, чѣмъ въ лекціяхъ,—знаменитъ болѣе какъ проповѣдникъ, нежели какъ профессоръ. Конечно, это, можетъ быть, и такъ. Но извѣстно, что нельзя быть знаменитымъ церковнымъ ораторомъ, не будучи глубокимъ богословомъ, такъ какъ богословіе составляетъ всю почти основу проповѣди. Какъ бы-то ни было, только лица, слышавшія богословскія лекціи Иннокентія именно въ Кіевской академіи, передаютъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что эти лекціи всегда отличались обильными и глубокими мыслями, изяществомъ слова, увлекательностію изложенія. Такъ, одинъ изъ слушателей незабвеннаго кіевскаго ректора говоритъ по этому поводу слѣдующее [1]:

«Если гдѣ,—то особенно на каѳедрѣ профессорской Иннокентій былъ великимъ, неподражаемымъ, единственнымъ.... Необыкновенное гармоническое сочетаніе способностей душевныхъ, настроенныхъ на самые высокіе тоны, издавав-

[1]) «Вѣстникъ Западной Россіи», 1870 г., кн. 2-я, отд. III.

шихъ невыразимыя незабвенныя мелодіи, рѣдкая способность нахожденія и сближенія похожихъ и сопоставленія противоположныхъ предметовъ, неподражаемое искусство класть, какъ говорятъ, на ладони рѣшенія самыхъ трудныхъ вопросовъ, относящихся къ сферѣ богословія, психологіи, исторіи, физики, единственное умѣнье окаймлять мысль и чувство всѣмъ, что можетъ сдѣлать ихъ шире, выше, глубже, задушевнѣе,—симпатическая, восторженная, исходившая прямо изъ души дикція, — все это вмѣстѣ производило на студентовъ магическое, невыразимое, чудодѣйственное впечатлѣніе; они не слыхали словъ, фразъ; они видѣли воплощеніе мысли, жизнь чувства. Много уже прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я восторгался вдохновенной импровизаціей приснопамятнаго Иннокентія, а рѣчь его раздается въ моемъ духѣ, а самъ онъ будто живой предо мною. Вотъ онъ быстро вошелъ въ аудиторію, остановился передъ иконою, помолился вмѣстѣ со студентами «Царю небесному, жизни Подателю», вдохновлявшему пророковъ и апостоловъ, сдѣлалъ общій, приправленный невыразимо ласковою улыбкой, поклонъ слушателямъ и взошелъ на каѳедру. Все превратилось въ слухъ, всѣ глаза устремились на оратора; въ аудиторіи слышно жужжаніе мушинаго полета. Сперва рѣчь идетъ спокойно, говоритъ одному уму, потому что или кратко резюмируется сказанное въ прошлую лекцію, или кладутся въ фундаментъ настоящей прочныя основы, предъявляется планъ чтенія, производится анатомія общей темы на ея развѣтвленія. Но вотъ мысль дѣлается частнѣе, свѣтлѣе, чувство восторженнѣе, живѣе; съ ораторомъ происходитъ что-то въ родѣ преображенія: лицо изъ блѣдно-розоваго дѣлается прозрачно-матовымъ, глаза мечутъ молніи, кровь отъ оконечностей устремляется во внутрь организма, волосы, должно быть, поднимаются на головѣ его дыбомъ, потому что имъ становится тѣсно въ клобукѣ,—послѣдній очутился на каѳедрѣ,—и съ этой каѳедры хлынулъ на переиспытывающихъ тѣ же фазисы преображенія слушателей каскадъ умственнаго золота и брилліантовъ. Пронзительный звукъ колокольчика давно уже звучитъ подъ самыми дверями аудиторіи; ораторъ умолкъ, а его слушатели, словно пораженные эпилепсіей, все еще глядятъ на него, все еще слушаютъ кого-то... Да, лекціи Иннокентія не только преизбыточествовали небывалыми достоинствами краснорѣчія, всевластною силою слова, впечатлительностію чувства, но и обладали тѣмъ нравственнымъ стимуломъ, который находилъ и будилъ къ самодѣятельности засоренныя или дремавшія способности слушателей. Они, послѣ всякой лекціи Иннокентія, выходили не только съ новымъ запасомъ, прошедшихъ всѣ изгибы души, знаній, но и съ какимъ-то внутреннымъ озареніемъ, съ теплотою душевною, съ вѣрою въ силу своего творчества. Смѣло можно сказать, что имѣвшіе два-три таланта съ послѣдней лекціи Иннокентія возвращались уже обладателями пяти-десяти талантовъ, не оскудѣвавшихъ у нихъ и съ пользою для церкви и отечества «куплю дѣявшихъ» до конца жизни[1].

Положимъ, что тутъ дѣло нѣсколько прикрашено, представлено нѣсколько въ опоэтизированномъ видѣ, что въ человѣкѣ, благоговѣвшемъ передъ описываемымъ лицомъ, впрочемъ, естественно; но вѣдь отъ этого самое-то существо дѣла не измѣняется; при томъ же такое свидѣтельство не единственное. Слава о лекціяхъ Иннокентія проникла далеко за предѣлы академіи и нѣкоторыя свѣтскія лица изъ другихъ городовъ, какъ Харьковъ, изъявляли готовность побывать въ Кіевѣ съ цѣлію послушать знаменитаго ректора. При обширномъ знакомствѣ Иннокентія съ успѣхали и современнымъ состояніемъ свѣтскихъ наукъ, онъ хотя и искусно пользовался ими въ своихъ лекціяхъ, но при увлеченіи, столь ему свойственномъ, могъ уклониться отъ требованій строгой догмы; по крайней мѣрѣ, такъ могло показаться другимъ, которые, поэтому, не преминули бы упрекнуть смѣлаго богослова въ вольномысліи, своего рода «неологизмѣ» и т. п. Это и случилось въ первые четыре года ректорства Иннокентія, для котораго такіе упреки и подозрѣнія были крайне непріятны. А вся бѣда произошла, безъ сомнѣнія, отъ толковъ и говору увлеченной имъ молодежи, или отъ неточнаго записыванія лекцій. Иннокентій старался поправить дѣло. Призвавъ къ себѣ старшаго студента, онъ спросилъ:

— По чемъ вы будете готовиться къ экзамену? (полугодичному, къ празднику Рождества Христова).

— У насъ есть нѣсколько экземпляровъ записанныхъ въ классѣ лекцій по вашему предмету,—отвѣчалъ студентъ съ торжествомъ.

— Нѣсколько? любопытно посмотрѣть, какъ вы записали. Принесите мнѣ! Студентъ принесъ. Недолго разсматривая, Иннокентій бросилъ ихъ въ топившуюся печку, а къ экзамену далъ другія записки [1]).

Несомнѣнно, что уже въ первые годы своего ректорства Иннокентій, какъ профессоръ, пробудилъ академическую жизнь, создалъ благотворное движеніе...

На ряду съ трудными и обширными занятіями въ качествѣ ректора и профессора академіи, Иннокентій еще болѣе заботился о развитіи своего необыкновеннаго проповѣдническаго таланта

[1]) «Историческая записка» проф. И. Малышевскаго.

Слова, которыя онъ произносилъ обыкновенно безъ тетради въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Кіево-Печерской лаврѣ, а больше въ своемъ училищномъ, Кіево-Братскомъ монастырѣ, составлялись имъ съ особенною тщательностію и искусствомъ. Не только жители Кіева стремились слушать своего вдохновеннаго проповѣдника, но многіе съ этою цѣлію пріѣзжали въ Кіевъ изъ дальныхъ мѣстъ, и, изъ веси въ весь, изъ города въ городъ, разносили добрую славу объ Иннокентіи [1]).

Въ одной рукописи объ Иннокентіи, находящейся въ распоряженіи ред. «Русской Старины», разсказывается такой случай:

Однажды вечеромъ, Иннокентій заѣхалъ къ Максимовичу, съ которымъ онъ находился въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Началась, по обыкновенію, оживленная бесѣда и между прочимъ рѣчь коснулась одной изъ проповѣдей Иннокентія, особенно выдающейся и по содержанію, и по произношенію.

— Какая у васъ хорошая память, — замѣтилъ Иннокентій Максимовичу,—вы такъ знаете эту проповѣдь, какъ будто учили ее наизустъ, или прочли нѣсколько разъ.

— Да такъ и было, — отвѣчалъ Максимовичъ.

Иннокентій недоумѣвалъ.

— Къ сожалѣнію, — возразилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—вы ошибаетесь. Вы могли ее только слышать... Она была сказана мною, какъ обыкновенно, экспромтомъ; а затѣмъ, когда на другой день, на досугѣ, мнѣ вздумалось ее припомнить и переложить на бумагу, то она оказалась такъ неудачна, противъ произнесенной, что я передѣлывалъ ее нѣсколько разъ,—но все-таки не кончилъ и едвали не сжегъ. Это часто со мною бываетъ. Я былъ лично знакомъ съ однимъ импровизаторомъ. Импровизаціи его приводили меня въ восторгъ; но когда я попросилъ его написать ихъ,—онѣ оказались плохими виршами. А возьмите вы разсказчиковъ, анекдотистовъ! На словахъ — прелесть, а на бумагѣ—совсѣмъ не то. И, по большей части, въ этомъ играетъ роль не дикція и мимика, а просто извѣстное расположеніе духа съ присущею ему въ то время образностью выраженія... Въ последнее время я какъ-то особенно несчастливъ въ переложеніи

---

[1]) См. также «Прибавленія» къ Херсон. епарх. вѣд., 1862 г., ч. V., «Воспоминанія объ Иннокентіи».

по памяти своихъ проповѣдей. Я душевно бы желалъ имѣть ихъ у себя буквально, какими онѣ были произнесены.

— Ваше желаніе можетъ быть исполнено, даже сегодня,— предложилъ Максимовичъ.

— Какимъ образомъ?

— Здѣсь есть одинъ молодой человѣкъ,—отвѣчалъ Максимовичъ,—скромный учитель Кіево-Печерскаго дворянскаго училища Ш., величайшій вашъ почитатель [1]). Онъ узнаетъ, гдѣ вы служите, отправляется въ тотъ храмъ и стенографически записываетъ ваши проповѣди. Впрочемъ, онъ иногда жалуется на васъ, что вы постоянно мѣшаете его добровольному труду своимъ краснорѣчіемъ, которое заставляетъ его до того увлекаться, что онъ забываетъ записыванье. Ему помогаетъ громадная память. У него цѣлая серія вашихъ проповѣдей, и въ числѣ ихъ та, о которой мы сейчасъ съ вами говорили. Вотъ причина, почему я знаю эту вашу проповѣдь почти наизусть.

— Чрезвычайно любопытно взглянуть на эти проповѣди,— замѣтилъ Иннокентій,—и вы много обязали бы меня, познакомивъ съ молодымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я думаю издать сборникъ своихъ Словъ.

Максимовичъ тотчасъ же послалъ за молодымъ человѣкомъ Ш., который и поспѣшилъ явиться на это лестное приглашеніе. Иннокентій обошелся съ Ш. такъ привѣтливо, ласково, что приворожилъ его къ себѣ на всю жизнь; онъ подробно разспрашивалъ Ш. о службѣ, о семейныхъ обстоятельствахъ, которыя были весьма не завидны,—внимательно разсмотрѣлъ привезенную Ш. рукопись записанныхъ проповѣдей и не поскупился на похвалы и одобренія. Иннокентій попросилъ рукопись взять съ собою, пригласивъ Ш. бывать у него.

По мѣрѣ того, какъ писались и произносились проповѣди, Иннокентій не медлилъ издавать ихъ въ печати; проповѣди читались людьми всѣхъ сословій, и такимъ образомъ имя Иннокентія было извѣстно по всей Россіи. Это была если не самая лучшая, то, по крайней мѣрѣ, самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника. Такъ, появились въ послѣдовательномъ порядкѣ —

[1]) Ш—й часто бывалъ у Максимовича.

«Собраніе словъ и бесѣдъ», въ 2-хъ томахъ, — «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и «Первая седмица великаго поста».

Обратила-ли должное вниманіе на эти замѣчательныя духовно-литературныя произведенія современная печать? Принималась-ли ихъ цѣнить и какъ цѣнила тогдашняя критика? Тутъ взгляды расходятся, но, какъ намъ кажется, чисто по недоразумѣнію. Покойный М. П. Погодинъ въ своихъ «бѣдныхъ, стѣсненныхъ строкахъ» на «кончину Иннокентіеву» представляетъ дѣло въ такомъ видѣ:

«О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи,
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

«Эти стихи Пушкина невольно встали мнѣ на умъ,—говоритъ далѣе Погодинъ,—когда я писалъ о кончинѣ Иннокентія: именно не замѣченный, не признанный, не оцѣненный прошелъ онъ передъ нами! Близорукіе, мы думали, что Иннокентій только красно говоритъ, точно какъ мы думали о Пушкинѣ, что онъ только стихи бойко пишетъ.

«Впрочемъ, даже этимъ низшимъ очевиднымъ его достоинствамъ не воздали должной чести слѣпые, грубые и жесткіе современники! Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ нумерѣ по новому, пріничному своему генію, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія и примѣрами ораторскихъ движеній, новыхъ и сильныхъ, составляющія сокровище русской словесности и русской науки, сокровище христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій—драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія пройдены молчаніемъ отъ современной критики» [1]).

Но это не справедливо. Въ издаваемомъ самимъ же Погодинымъ «Москвитянинѣ» за 1842 г. [2]), помѣщена обстоятельная и сочувственная статья С. П. Шевырева о «Первой, Страстной и Свѣтлой седмицахъ» Иннокентія. Чрезъ нѣсколько времени, въ томъ же журналѣ, написалъ свой отзывъ объ этихъ «седмицахъ» и И. В. Кирѣевскій. Послѣдній, между прочимъ, говоритъ слѣдующее [3]):

---

[1]) См. «Вѣнокъ на могилу Иннокентія», стр. 69—70.

[2]) См. № 4-й.

[3]) «Полное собраніе сочиненій» И. В. Кирѣевскаго, 1861 г., т. II, стр. 205 и слѣд.

«Читая преосвященнаго Иннокентія, вы чувствуете, что ему небезъизвѣстны ваши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще не знакомаго его многотрудившейся мысли, еще не побѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внутренняго сознанія.

«Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не безсознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ нападенія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки».

Еще въ 1835 г. высказалъ свой взглядъ на проповѣди Иннокентія извѣстнѣйшій іерархъ нашей церкви—Филаретъ, митрополитъ московскій, впрочемъ только о бесѣдахъ на «Страстную седмицу». Въ числѣ этихъ бесѣдъ есть одна коротенькая проповѣдь, произнесенная въ пятницу страстной недѣли, гдѣ высказана мысль, что при распятіи Іисуса Христа на Голгоѳѣ не было никакой проповѣди,—что, слѣдовательно, и намъ, по словамъ одного старца, слѣдуетъ только плакать при гробѣ Господнемъ и проч.

Преосвященный Филаретъ относительно этого и вообще бесѣдъ на «Страстную седмицу» пишетъ одному своему знакомому (А. Н. Муравьеву):

«Бесѣды Страстной недѣли получилъ до вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочитать нѣкоторыя. Отлично много способности; но, какъ вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь: «Старецъ сказалъ монахамъ: будемъ плакать, и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ» — не знаю, понравится-ли разсудку, если не дать себѣ ослѣпиться поверхностными блестками. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, неполно и невѣрно пересказана проповѣдь св. Макарія! На Голгоѳѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: дщери іерусалимски, не плачитеся о Мнѣ и проч., не есть ли точно проповѣдь, и не могла-ли быть ближайшимъ образцомъ разбираемой теперь, нежели изреченіе св. Макарія? А—совершишася! Не есть-ли сіе величайшая изъ проповѣдей? И сотникъ сказалъ свою

проповѣдь: воистинну Божій Сынъ бѣ сей. Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ потому только не проповѣдь, что сотникъ не былъ докторъ богословія и произнесъ ее безъ аналоя и каѳедры» [1]).

Такое мнѣніе митрополита московскаго о проповѣдяхъ Иннокентія, очевидно, глубоко разнилось отъ взгляда на нихъ современниковъ. По видимому, преосвященный Филаретъ былъ не особенно расположенъ къ Иннокентію и при случаѣ высказывалъ рѣзкія о немъ сужденія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. Н. Муравьеву онъ писалъ:

— «Смотрите характеръ кіевскаго ректора. Онъ умѣетъ говорить, и печатать, и посылать къ знакомымъ и незнакомымъ краснословныя, протестантскія, какъ говорите, проповѣди; а порученіе св. синода смѣетъ исполнять небрежно и представлять въ безсмысленномъ видѣ» [2]).

О какомъ собственно порученіи св. синода тутъ идетъ рѣчь— намъ не извѣстно; но самый тонъ отзыва московскаго владыки о дѣйствіяхъ Иннокентія свидѣтельствуетъ не въ пользу ихъ добрыхъ отношеній. Вообще надобно замѣтить, что лица, окончившія курсъ въ Московской академіи, какъ-то недружелюбно относились къ Иннокентію, тогда какъ кіевляне—на оборотъ; первые старались умалять достоинства Иннокентія, а послѣдніе—умножать и возвышать ихъ. Это были два враждебные стана, которые никакъ не хотѣли согласиться во взглядахъ на знаменитаго ректора и проповѣдника. Впрочемъ, въ концѣ концовъ правыми оставались кіевляне. Такъ, одинъ изъ бывшихъ студентовъ Кіевской академіи, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», говоритъ о времени пребыванія его еще въ Кіевской семинаріи и о помянутыхъ разногласіяхъ на счетъ Иннокентія [3]):

«Въ кружкѣ семинарскомъ преосвященный Иннокентій былъ предметомъ самыхъ живыхъ бесѣдъ, а нерѣдко и горячихъ состязаній... Семинарскіе тогдашніе наставники были изъ воспитанниковъ частію Кіевской, а частію Московской академіи. Ректоръ, соединявшій съ тактомъ умнаго начальника рѣдкую дружескую съ наставниками общительность, былъ воспитанникъ

---

[1]) См. «Письма» митр. москов. Филарета къ А. Н. Муравьеву, 1869 г., стр. 21—22.

[2]) Тамъ же, стр. 13.

[3]) «Прибавленія» къ Херсон. епарх. вѣд., 1862 г., ч. V, стр. 32—33.

сковской академіи, и, также какъ и наши товарищи московской школы, становился противникомъ Иннокентія, когда рѣчь заходила о его ректорствѣ или проповѣдяхъ. Не извѣстно, почему кіевляне и москвичи раздѣлялись на два противныхъ стана не здѣсь только, а вездѣ, какъ видно было изъ переписки товарищей. Мы не могли только не замѣтить, что противники наши являлись къ намъ изъ академіи своей уже съ готовыми понятіями о преосвященномъ Иннокентіи. Не могу, по давности времени, точно указать пунктовъ нашихъ споровъ о немъ; скажу только, что они кончались ничѣмъ; спорящіе оставались при своихъ убѣжденіяхъ. Но вотъ нашъ дорогой о. ректоръ, всегда стоявшій во главѣ противниковъ, переводится въ другую семинарію, и путь ему—черезъ Харьковъ. Не видавъ дотолѣ преосвященнаго Иннокентія лично, не упустилъ онъ случая представиться преосвященному, служилъ съ нимъ, гостилъ у него. Что же? Очарованный умомъ его, пастырскимъ обращеніемъ, онъ съ дороги написалъ своимъ друзьямъ-сослуживцамъ, дабы какъ можно скорѣе отказаться отъ своихъ прежнихъ мыслей о святителѣ, и вмѣстѣ заявить, что такого архіерея онъ представлялъ себѣ только въ идеалѣ».

Такимъ образомъ ясно, что Иннокентій, подобно многимъ лицамъ, возвышающимся надъ уровнемъ обыкновенной среды, служилъ предметомъ споровъ и пререканій. Но при всемъ томъ несомнѣнно, что онъ, какъ церковный ораторъ, преимущественно предъ всѣми заставлялъ современное ему русское общество полюбить свою русскую проповѣдь и шире всѣхъ распространилъ просвѣтительное вліяніе ея на общество. Чтобы имѣть надлежащее понятіе о впечатлѣніи проповѣдей Иннокентія, надобно было слышать ихъ изъ устъ самого проповѣдника, а не читать въ печатномъ изложеніи. Тутъ естественно должно быть допущено различіе, аналогичное съ тѣмъ, какое бываетъ при обыкновенномъ чтеніи драматическаго произведенія и художественной игрой высоко-даровитаго артиста.

За труды по образованію въ академіи и вообще за дѣятельность Иннокентія, онъ награжденъ былъ небывалымъ до того отличіемъ. «Во вниманіе къ отличнымъ трудамъ, — сказано въ указѣ св. синода отъ 27-го января 1836 г., — оказаннымъ отъ него при прохожденіи возлагаемыхъ на него епаршескихъ и училищныхъ должностей, присвояется ему лично степень архимандрита первокласснаго съ первостояніемъ предъ всѣми прочими архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся въ

вѣдомствѣ кіевскаго учебнаго округа» [1]); а 3-го октября того же 1836 г. Иннокентію высочайше повелѣно быть викаріемъ Кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ отправился въ Петербургъ и здѣсь пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ это время Иннокентій избранъ былъ Императорскою Россійскою академіею въ ея дѣйствительные члены и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій замѣчательную рѣчь, напечатанную въ «Трудахъ» академіи [2]). Кромѣ того, его принимали очень хорошо и радушно, какъ въ чиновномъ мірѣ, такъ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Но Иннокентію всетаки хотѣлось поскорѣе вырваться изъ Петербурга въ любимый Кіевъ. Между тѣмъ здѣсь, въ Кіевѣ, начали возникать разные толки и предположенія на счетъ его долгаго отсутствія. Такъ, Иннокентій, 14-го декабря 1836 г., между прочимъ, писалъ изъ Петербурга М. А. Максимовичу [3]):

«Пересказывать ли вамъ, что̀ здѣсь со мною? Мало говорить— мало, а много—много: переговоримъ, свидѣвшись паки. Принятъ я какъ нельзя лучше; только это лучше повлекло за собою медленность въ моемъ возвратѣ. А мнѣ, признаюсь, ничего такъ не хочется, какъ поскорѣе изъ здѣшней суеты порхнуть въ прежнее уединеніе. Скоро ли сбудется это желаніе, не знаю. Хотя бы къ празднику Крещенія велѣлъ Господь узрѣть паки Кіевъ....

«Отсюда думаю ѣхать черезъ Москву. Но тамъ уже нѣтъ одного изъ знакомыхъ моихъ и вашихъ.... Жаль, истинно жаль [4]). Это наважденіе злаго духа. Кто могъ предвидѣть его?

«Въ Кіевѣ у васъ, слышу, носятся разные толки обо мнѣ, т. е. о моемъ здѣшнемъ пребываніи: изъ меня чуть не дѣлаютъ лица миѳическаго. Прошу вразумить кого можно, что я остаюсь здѣсь на нѣсколько дней просто для нѣкоторыхъ совѣщаній по нашей учебной части. Это истинная истина».

---

[1]) «Исторія Кіевской духовной академіи», стр. 152.

[2]) «Труды Россійской акад.» 1840 г., ч. I, стр. 105—107.

[3]) «Письма о Кіевѣ и воспоминанія о Тавридѣ», стр. 68—69.

[4]) Рѣчь идетъ о Н. И. Надеждинѣ, который за помѣщеніе въ своемъ «Телескопѣ» извѣстной статьи Чаадаева высланъ былъ изъ Москвы въ Вологодскую губернію, именно въ городъ Усть-Сысольскъ.

Н. В—овъ.

Желаніе Иннокентія—поскорѣе опять увидѣть Кіевъ—исполнилось: къ началу 1837 г. онъ былъ уже въ Кіевѣ. Теперь обязанности преосвященнаго Иннокентія увеличились, труды его умножились. Оставаясь ректоромъ и профессоромъ академіи, онъ въ то же время долженъ былъ заниматься дѣлами по званію викарнаго архіерея. (Безпримѣрный случай во всей исторіи Кіевской академіи, что ректоромъ ея былъ епископъ). Впрочемъ, вскорѣ, именно въ сентябрѣ 1837 г., Иннокентій, при новыхъ, епархіальныхъ занятіяхъ, сложилъ съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ и переселился изъ академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе.

Въ это время Иннокентій предавался еще новымъ ученолитературнымъ трудамъ и изысканіямъ весьма серьезнаго характера. Съ марта или апрѣля 1837 г., по его почину и дѣятельному участію, началъ издаваться при академіи еженедѣльный духовный журналъ — «Воскресное Чтеніе». Какъ ни тѣсны были предѣлы этого маленькаго журнала, но преосвященный своими проповѣдями, которыя не переставалъ писать, своею редакціею и искуснымъ подборомъ другихъ статей, скоро поставилъ свое изданіе на видное мѣсто въ духовной литературѣ и пріобрѣлъ ему многочисленныхъ читателей. Такъ, въ февралѣ 1838 года, Надеждинъ писалъ М. А. Максимовичу изъ Вологды [1]):

«Драгоцѣнно для меня лично, что я, во время изгнанія моего изъ предѣловъ Руси, наслаждался постояннымъ сношеніемъ съ Кіевомъ чрезъ «Воскресное Чтеніе». Конечно, я обязанъ тѣмъ памяти и участію преосвященнѣйшаго Иннокентія, котораго духъ ощутителенъ въ этихъ истинно превосходныхъ листкахъ, украшенія нашей духовной словесности. До сихъ поръ я не дозволялъ себѣ излить всю мою благодарность почтеннѣйшей редакціи, которая почтила меня приглашеніемъ участвовать въ ея достохвальныхъ трудахъ. Но это происходитъ отъ того, что я хочу выразить эту благодарность не словами, а дѣломъ. Въ Усть-Сысольскѣ я не могъ этого сдѣлать. «Како воспоемъ пѣснь Господню на землѣ чуждей? на рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ». Теперь, чувствуя себя покойнѣе и свѣжѣе, я поставлю себѣ священною обязанностію исполнить этотъ долгъ признательности. Уже собралъ и матеріалы для статьи»...

Вообще надобно сказать, что лучшими годами «Воскреснаго Чтенія» были первые его годы, когда имъ завѣдывалъ Иннокен-

[1]) См. «Письма о Кіевѣ», стр. 33.

тій и, слѣдовательно, за это время журналъ имѣлъ наиболѣе вліянія на современное общество.

Если не маловажны заслуги Иннокентія по изданію «Воскреснаго Чтенія», то предпринятый имъ въ то же время, вмѣстѣ съ профессорами академіи, трудъ по составленію «Догматическаго Сборника» заслуживаетъ полнаго вниманія. Трудъ этотъ, какъ увидимъ ниже, занималъ Иннокентія долго и въ послѣдствіи. Въ «Сборникъ» должны были войти всѣ исповѣданія православной вѣры и всѣхъ вѣковъ, отъ начала церкви до послѣдняго времени; при чемъ о писателяхъ или составителяхъ этихъ исповѣданій предполагалось помѣщать обстоятельныя біографическія свѣдѣнія. Цѣль этого изданія заключалась въ томъ, «чтобы представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, памятникъ православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны—дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой еще тогда у насъ науки—патристики». Изложенія исповѣданій отыскивались повсюду, во всѣхъ извѣстныхъ частныхъ и общественныхъ библіотекахъ; съ иностранныхъ языковъ переводились на русскій. Но при обширности такого труда, во время пребыванія Иннокентія въ Кіевѣ, сдѣлано было не много. Въ «извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1838 г.», сказано: «По распоряженію главнаго духовнаго управленія, приготовляется въ Кіевской академіи, подъ руководствомъ ректора оной преосвященнаго Иннокентія, „Догматическій Сборникъ", который, долженствуя заключать въ себѣ переводы всѣхъ важнѣйшихъ изложеній Вѣры, принятыхъ Церковію Вселенскою, нынѣ доведенъ до XII в. по Р. Хр.» [1]). Нѣкоторыя статьи, предназначавшіяся для «Сборника», печатались въ «Воскресномъ Чтеніи».

На ряду съ трудами по составленію «Догматическаго Сборника» Иннокентій много занимался источниками для написанія задуманной имъ исторіи русской церкви, а также польской и другихъ славянскихъ. Теперь преимущественное вниманіе обратилъ онъ на состояніе христіанской вѣры въ древней Польшѣ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ именно этихъ занятій возникла у Иннокентія

[1]) «Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1838 г.», стр. 35—36.

мысль объ изданіи «Исторической Библіотеки» юго-западнаго края. Осенью 1840 г. онъ писалъ М. А. Максимовичу [1]):

«У меня зарождается охота издать «Историческую Библіотеку» здѣшняго края. Не откажитесь послужить доставленіемъ или указаніемъ, гдѣ доставать старыя книги, въ коихъ содержатся свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Такой Corpus книгъ историческихъ послужитъ основаніемъ для будущихъ историковъ. Подъ книгами историческими я разумѣю тѣ, въ коихъ описывается какое либо событіе, или эпоха, хотя бы то не прямо, а съ примѣсью полемики, морали и тому под.; таковы, напримѣръ, произведенія Мелетія Смотрицкаго, Палидонія и проч.».

Но эта мысль преосвященнаго Иннокентія стала приводиться въ исполненіе только въ послѣднее время, когда современная наука признала всю важность и необходимость изданія древнихъ историческихъ памятниковъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Иннокентій вообще любилъ отечественную исторію, особенно своего края, — и потому принималъ живѣйшее участіе во всемъ, касающемся этого предмета. Не задолго до выѣзда его изъ Кіева, онъ, между прочимъ, писалъ одному изъ ученыхъ друзей своихъ, занимавшемуся исторіею славянскихъ племенъ, слѣдующее [2]): «Не знаю, какой вы системѣ будете слѣдовать въ изображеніи перваго, древняго періода славянщины: только тутъ не малое надобно перемѣнить изъ прежнихъ положеній славянскихъ археологовъ. Розысканія Шафарика и Венелина рѣшительно требуютъ углубить въ даль вѣковъ европейскую славянщину. Я въ главномъ совершенно съ ними согласенъ. Даже, можетъ быть, библейскіе Гоги и Магоги и Росы пойдутъ въ дѣло! Намекъ г. Погодина въ рѣчи, говоренной имъ въ Одессѣ, въ ученомъ тамошнемъ обществѣ, также стоитъ вниманія. Не мѣшаетъ заглянуть въ нее. Но что учить ученаго? Отъ васъ уже надобно ожидать приговоровъ порѣшительнѣе въ этомъ дѣлѣ. Развѣ не мѣшаетъ сказать то, что розысканія г. Шафарика о Польшѣ древней со стороны религіозной показались мнѣ не достаточны, даже ложны».

Около того же времени, т. е. передъ выѣздомъ Инно-

---

[1]) См. «Письма о Кіевѣ», стр. 106.
[2]) «Русская Правда» на 1860 г., стр. 66—70.

кентія изъ Кіева, въ одномъ изъ разговоровъ съ М. А. Максимовичемъ, они пришли къ тому убѣжденію, что пора бы въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда оно есть не только въ Москвѣ, но даже въ Одессѣ. Иннокентій очень сочувственно отнесся къ этой мысли. Скоро составился небольшой кружокъ любителей исторіи и собрался у попечителя Кіевскаго университета, князя С. И. Давыдова. Въ заглавіи протокола этого перваго собранія Иннокентій собственноручно написалъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Кіевское общество исторіи и древностей словено-русскихъ». Затѣмъ составлена была программа и списокъ членовъ-основателей, во главѣ которыхъ стоялъ Иннокентій. Черезъ нѣсколько времени написаны записка объ обществѣ и его уставъ. Но дѣло какъ-то затормозилось, и Иннокентію не пришлось дождаться исполненія своей мысли о «Кіевскомъ историческомъ обществѣ».

10-го октября 1839 г. состоялось высочайшее повелѣніе объ увольненіи преосвященнаго Иннокентія, по его прошенію, отъ должности ректора академіи. Съ этого времени ему открылась полная возможность предаваться епархіальнымъ дѣламъ и тѣмъ научно-литературнымъ занятіямъ, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. Но, понятное дѣло, Иннокентій не могъ совершенно оставить своими заботами и попеченіями Кіевской академіи, въ которой и для которой онъ столь много трудился съ честію и славою. Глубоко-благотворное вліяніе, произведенное на нее знаменитымъ ректоромъ, оказывало свое дѣйствіе даже долгое время послѣ того, какъ онъ отозванъ былъ изъ Кіева къ новому, высшему іерархическому служенію.

Теперь намъ остается указать на нѣкоторыя черты и обстоятельства частной жизни Иннокентія, за время пребыванія его въ Кіевѣ,—обстоятельства, по видимому, незначительныя, но въ которыхъ ярко выступаетъ свѣтлый и глубоко-симпатичный образъ этого великаго архипастыря.

Верстахъ въ десяти отъ Кіева находилась прекрасная монастырская дача Пирогово или Пироговка, на которой Иннокентій любилъ проводить время весною и лѣтомъ. Не вдалекѣ отъ этой дачи была другая; раздѣлялись онѣ небольшимъ лѣ-

сомъ, раскинувшимся по скату кіевскихъ горъ. Вся эта мѣстность привольная, живописная, — и Иннокентій, любитель природы, почти всякій разъ, при посѣщеніи своемъ Пирогова, одиноко прогуливался здѣсь по нѣскольку часовъ. Одно мѣсто особенно обратило на себя его вниманіе; оно извѣстно подъ именемъ «Гадючаго лога», названнаго такъ, вѣроятно, потому, что въ немъ водится множество змѣй. Въ одномъ изъ небольшихъ холмовъ этого урочища Иннокентію случайно удалось найти древнія пещеры, которыя, судя по ихъ расположенію, по низкимъ и узкимъ проходамъ, сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были во времена первыхъ кіевскихъ отшельниковъ. Иннокентій очень обрадовался своей находкѣ; никому не говоря о ней, онъ между тѣмъ придумывалъ, какимъ бы способомъ возстановить эти пещеры. На первый разъ, казалось за лучшее пріобрѣсти въ собственность Братскаго монастыря самое урочище. Но для этого у монастыря не было никакихъ юридическихъ основаній. Дѣло приняло благопріятный оборотъ въ 1832 г., когда состоялся указъ объ отводѣ монастырямъ, въ казенныхъ пущахъ, строеваго и дровянаго лѣсу. Иннокентій не преминулъ воспользоваться этимъ указомъ; снесся съ кѣмъ слѣдуетъ объ урочищѣ «Гадючаго лога», представляя на видъ, что оно близко къ такой-то монастырской дачѣ и проч. Урочище было отведено во владѣніе Братскаго монастыря, и пещеры стараніемъ Иннокентія были извлечены изъ ихъ запустѣнія.

О. Іоасафъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказываетъ объ одномъ своемъ посѣщеніи этихъ пещеръ, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ, слѣдующее:

«Зажегши восковыя свѣчи, мы вошли въ пещеры. Преосвященный пошелъ впередъ.

— «Какіе узкіе и низкіе проходы,—сказалъ я,—совсѣмъ не такіе, какъ въ лаврѣ».

— «Да,—замѣтилъ на это преосвященный,—тѣ, т. е. лаврскія пещеры много измѣнены чрезъ расширеніе и повышеніе, конечно, ради богомольцевъ; а вотъ эти настоящія, подлинныя, какъ были ископаны святыми отшельниками,—почему знать?—можетъ быть, самими преподобными Антоніемъ и Θеодосіемъ, или, по крайней мѣрѣ, близкими къ нимъ современниками. По узкости переходовъ можно судить, какіе постники были эти отшельники. Они, безъ сомнѣнія, были разнаго роста, большаго и средняго, и потому не иначе должны были ходить здѣсь, какъ изгибаючись, и все это для того, чтобы всячески изнурять свою плоть».

— «Вотъ церковь,—сказалъ преосвященный,—престолъ и жертвенникъ».

«То и другое было изъ грунта земли. Церковь очень маленькая: человѣкъ пять, не болѣе, могли бы стать. На престолѣ поставлена икона Успенія Пресвятыя Богородицы. Потомъ осмотрѣли трапезу; она немного болѣе церкви. Кельи чрезвычайно какъ малы; въ нѣкоторыхъ кельяхъ есть выжженные на стѣнѣ вглубь кресты, напримѣръ, такіе: † и что-то похожее на четки. Грунтъ земли въ пещерахъ былъ глинистый, крѣпкій. Обдѣлка пещеръ гладкая, довольно искусная. Воздухъ въ нихъ чистый, сухой.

«Осмотрѣвъ пещеры,—разсказываетъ далѣе о. Іоасафъ,—мы взошли потомъ на самый холмъ. Онъ не совсѣмъ высокъ, но видъ съ него чудо какъ хорошъ! Еще не успѣлъ я осмотрѣться и полюбоваться мѣстностью, какъ преосвященный, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Посмотри, какіе виды открываются отсель прямо на востокъ. Вотъ Днѣпръ съ его поемными лугами, а тамъ далѣе синѣется боръ... Нельзя не удивляться,—продолжалъ онъ,—какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества! Вода, лѣсъ, луга—все, что вамъ угодно, вотъ, подъ рукой. А какіе были лѣса, если представимъ и перенесемся къ тѣмъ временамъ, когда жили эти отшельники! И теперь ростутъ кое-гдѣ столѣтніе дубы и липы. Это потомки древнихъ, дремучихъ лѣсовъ. Невольно вспомнишь, что и нашимъ русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда египетскимъ пустынникамъ, служила одна и та же природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и, въ продолженіе всей своей жизни, никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой всеміpной книги»[1]. Преосвященный говорилъ это съ какою-то восторженностію, а я слушалъ съ благоговѣніемъ».

Иннокентій имѣлъ разумно-христіанскій взглядъ на природу и видимый міръ, который онъ разсматривалъ какъ дивное, цѣлесообразное твореніе Божіе. Взглядъ этотъ онъ старался высказывать при всякомъ, по видимому, ничтожномъ случаѣ,—но вполнѣ развилъ его въ своихъ прекрасныхъ «Бесѣдахъ о природѣ»[2].

Относительно этого о. Іоасафъ разсказываетъ, между прочимъ, что однажды онъ съ Иннокентіемъ возвращался изъ «Гадючаго лога» въ Пироговку, и въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ нѣсколько черепахъ, которыя, выползши изъ своихъ раковинъ, грѣлись на солнцѣ. Иннокентій же ихъ не замѣтилъ.

---

[1]) «Антоній Великій египетскій говоритъ: «Я во всю жизнь свою (а онъ прожилъ 105 лѣтъ) не могъ перевернуть и одного листа въ этой всеміpной книгѣ». Примѣч. о. Іоасафа.

[2]) «Собраніе сочиненій Иннокентія», т. VIII, стр. 157—187.

Н. В—овъ.

— «Ахъ, какія гадкія твари!» вскричалъ я почти невольно,—передаетъ о. Іоасафъ.

Преосвященный вдругъ оборотился ко мнѣ и спросилъ:

— «Что тамъ такое? какія это твари?»

— «Черепахи,—отвѣчалъ я,—вонъ, смотрите, сколько ихъ». — Онъ остановился, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ, обратясь ко мнѣ и принявъ какой-то серьезный видъ, спросилъ:

— «Да ты гдѣ учился?»—Что за странный вопросъ, подумалъ я.

— «Въ академіи»,— говорю.

— «Хорошъ же ты академикъ! Да развѣ у Бога, всепремудраго и всесовершеннаго существа, есть какія нибудь гадкія твари?»—Ну,—думаю себѣ,—попался же я! А то все было между нами хорошо.

— «Каждая тварь,—продолжалъ онъ,—выражаетъ собою мысль Божію. А мысль Божія совершенна, полна; слѣдовательно, и каждая изъ тварей, по своему виду и роду, заключаетъ въ себѣ все совершенство и всю полноту. Правда, мы называемъ нѣкоторыхъ изъ тварей гадкими—такъ, по привычкѣ. Но это очень глупо. Вникни, разсмотри организмъ этихъ, по видимому, гадкихъ тварей, и ты удивишься чудному ихъ устройству. Даже, можно сказать, чѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ едва замѣтнѣе для глазъ нашихъ что либо изъ рода пресмыкающихся или насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе оно имѣетъ въ себѣ совершенствъ. Мы мало знаемъ природу, оттого такъ поверхностно и судимъ о ней. Нѣтъ, когда говорится: дивенъ Ты, Господи, и дивны дѣла твои, такъ это потому именно сказано, что всякая тварь въ своемъ родѣ совершенна, что каждая изъ нихъ находится въ тѣсной связи съ прочими тварями, и создана для извѣстной, необходимой цѣли. Вотъ какъ надо смотрѣть на природу и на все, что есть въ ней».

При глубокомъ взглядѣ на природу и ея явленія, Иннокентій дѣлалъ иногда оригинальныя уподобленія или сближенія такихъ предметовъ, которые, по существу своему, совершенно противоположны, какъ принадлежащіе къ міру физическому и духовному. Иннокентій любилъ сады, разводилъ ихъ при монастырскихъ дачахъ, при академіи, при своемъ архіерейскомъ домѣ. Весною 1836 г. разбивался садъ въ Пироговѣ; деревья прививалъ о. Іоасафъ, такъ какъ ему это дѣло было хорошо знакомо. По обыкновенію, на дачу пріѣзжалъ Иннокентій и разъ заинтересовался прививкою дичковъ, на что прежде того ему не приводилось обращать вниманія. Тутъ же онъ выучился прививать дички самъ; привилъ нѣсколько и отмѣтилъ ихъ, какъ свои собственные труды. Недѣли черезъ три дички принялись.

«Я съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ оживленія,—разсказываетъ о. Іоасафъ,—да и самъ о. ректоръ постоянно спрашивалъ: скоро ли будутъ отпрыски или побѣги? Наконецъ, дождались: у черенковъ оказались отпрыски. Я увѣдомилъ объ этомъ преосвященнаго. Онъ въ тотъ же день пріѣхалъ на хуторъ. «Пойдемъ, пойдемъ,—сказалъ онъ,—посмотримъ, и первѣе всего мои прививки». Какъ же онъ обрадовался, когда увидѣлъ на своихъ прививкахъ образовавшіеся уже отростки съ свѣжими, прекрасными листочками!

«Осмотрѣвъ со вниманіемъ свои и мои прививки, преосвященный остановился, молчалъ и думалъ, какъ бы углубясь во что-то, и наконецъ сказалъ: «Удивительно, какъ природа въ этомъ явленіи разительно изображаетъ догматъ нашего возрожденія! Дикій корень, какъ и нашъ первородный грѣхъ. Къ дикому произрастенію прививается добрая маслина, и соки дикаго же корня должны сообщаться съ жизнью этой доброй маслины, дабы она возрасла и дала плодъ въ свое время. Такъ и съ нами: человѣкъ все тотъ же остается; но чрезъ таинство крещенія ему сообщается благодать св. Духа, и онъ тогда становится новою тварію; изъ младенца во Христѣ возрастаетъ потомъ, при естественныхъ и благодатныхъ средствахъ, въ мѣру возраста Христова для того, чтобы приносить плодъ въ святыню». Кончивъ свою рѣчь, преосвященный обратился ко мнѣ и сказалъ: «спасибо тебѣ за урокъ».

Преосвященный Иннокентій, будучи почетнымъ членомъ Кіевскаго университета, принималъ близко къ сердцу все касающееся до него. Онъ слѣдилъ за университетской наукой, присутствовалъ въ немъ на диспутахъ, старался сблизить профессоровъ съ своей академической семьей. Но особенно дѣятельное участіе Иннокентій проявилъ къ судьбѣ университета въ тяжелую для него годину (1838—1839 гг.), когда онъ былъ закрытъ. Иннокентій много хлопоталъ объ его открытіи, что̀ и состоялось въ 1839—1840 гг.

Скоро послѣ этого друзья и многочисленные почитатели Иннокентія должны были разстаться съ нимъ: 1-го марта 1841 г. онъ назначенъ былъ епархіальнымъ архіереемъ въ Вологду, куда и прибылъ въ концѣ мая того же года. Съ этого времени открывается новый періодъ жизни и дѣятельности Иннокентія.

Н. В—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ

1854—1855

доктора А. А. Генрици.

IX [1]).

Мокрая Луговина составляла, съ 4-го на 5-е число октября 1854 года, послѣдній ночлегъ для передовыхъ войскъ прежняго Маловалахскаго отряда, при вступленіи ихъ въ Чоргунъ. Это было единственное мѣсто появленія между нами шести случаевъ холеры. Тогда Азовскій полкъ расположился на самой площади Луговины. Зналъ ли Бородинскій полкъ гибельныя свойства низменной этой площади, или, просто, во избѣжаніе крайней сырости, только, занимая эту мѣстность, онъ выставлялъ палатки то на скатахъ окаймляющихъ Луговину скалъ, то въ дефилеѣ, впереди ея,—и отъ холеры, по видимому, не страдалъ.

Между прочимъ, помнится, въ концѣ мая 1855 г., состоявшій ординарцемъ при штабѣ 6-го корпуса гусарскаго Ея Высочества Ольги Николаевны полка, молодой офицеръ Коцебу, посланный въ Бородинскій полкъ и пробывшій полутора сутокъ въ Мокрой Луговинѣ, заболѣлъ альгидною холерою, отъ которой въ теченіе семи часовъ умеръ. Приглашенный докторомъ Эйхвальдомъ на совѣщаніе, я засталъ несчастнаго юношу безнадежнымъ.

Изъ описанія мѣстностей, занимаемыхъ 17-ю пѣхотною дивизіею, явствуетъ, что, кромѣ Бородинскаго пѣхотнаго полка, всѣ прочія ея части значительно терпѣли отъ безводья. Рѣка Бельбекъ протекаетъ верстахъ въ восьми отъ Мекензіевыхъ высотъ; ближе того есть еще источникъ въ

[1]) Предъидущія главы «Записокъ Генрици» напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 301—334; 427—470. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 79—96.

Черкесъ-Керменѣ, куда надо было пробираться четыре версты гористою дорогою; въ раіонѣ Мекензіевыхъ позицій былъ одинъ очень хорошій, но вмѣстѣ и очень глубокій колодезь, вблизи позиціи Бутырскаго полка и дивизіоннаго штаба, но добываніе изъ него воды было сопряжено съ затратою времени. Было еще три мелкихъ колодца, но тѣ давали жесткую и нѣсколько солоноватую воду. Съ послѣднимъ ея качествомъ можно бы и помириться, но, къ сожалѣнію, эти колодцы легко выбирались, а, кромѣ вычисленныхъ, нигдѣ по близости не удавалось наткнуться на обильный резервуаръ воды. Недостатокъ въ водѣ былъ тѣмъ ощутительнѣе, что 17-я дивизія, на одной оконечности Мекензіевыхъ высотъ, выдававшейся въ долину, имѣла свою земляную батарею, ниже которой на ночь ставилась въ цѣпь значительная часть войскъ, полкъ и болѣе. Надо было войскамъ ходить туда съ запасомъ воды, пріобрѣтавшей въ манеркахъ непріятный вкусъ ржавчины; и это бы еще не великая бѣда, но дѣло въ томъ, что ежели посылалась туда часть войскъ неожиданно, то у нея не оказывалось достаточнаго запаса воды, оттуда же до позиціи было не менѣе $2\frac{1}{2}$ верстъ. Понятно, что солдатъ, томимый жаждою, охотно пользовался водою изъ каждой встрѣченной имъ лужи и эти-то два обстоятельства, т. е. недостатокъ и употребленіе недоброкачественной воды, при частой безсонницѣ, всего болѣе способствовали развитію различныхъ формъ тифозныхъ и накожныхъ болѣзней.

На солдатахъ, остававшихся во фронтѣ, можно было нерѣдко наблюдать форму амбулаторнаго тифа, именно: между ними было много такихъ, которые сами ни на что не жаловались, а только явственно становились вялѣе прочихъ, хуже другихъ ѣли, оказывались ко всему апатичны, худо спали и тщательно избѣгали тѣни. При внимательномъ наблюденіи ихъ физіономіи, можно было у многихъ изъ нихъ замѣтить болѣе грязный и темный цвѣтъ лица и еще болѣе грязный и какъ-бы сизый цвѣтъ носа, болѣе сжатыя чѣмъ у другихъ и нѣсколько синеватыя губы и болѣе равнодушный и мало подвижный взглядъ; рѣчь у нихъ была медленная; спрошенные о чемъ нибудь, они опаздывали отвѣтомъ, нерѣдко требуя повтореній сдѣланнаго разъ вопроса. Языкъ казался болѣе острымъ и плоскимъ, на ощупь представлялъ меньшую противъ нормальной температуру, былъ мало покрытъ слизью, но часто дрожалъ; концы рукъ, большею частію, были холодные, у многихъ точно гусиная кожа на всемъ тѣлѣ, либо только на животѣ, на плечахъ и лядвеяхъ. Такіе солдаты, при всякомъ удобномъ случаѣ, охотно присѣдали, либо ложились и старательно держались на солнцѣ, выражаясь, что хотя оно ихъ и припекаетъ, но радуетъ. Пульсъ медленный, довольно полный, но крайне мягкій.

У подобныхъ больныхъ навѣрное можно было найти петехіи (пятна), на одномъ животѣ, или на всемъ тѣлѣ. Не жалуясь особенно ни на что, они несли службу наравнѣ съ прочими, но, представляясь болѣе лѣнивыми и невнимательными, поминутно натыкались на непріятности; спрошенные—хорошо-ли они спятъ? обыкновенно отвѣчали: „да такъ, что-то мерещится, будто и спишь". Селезенка у нихъ всегда оказывалась увеличенною. Затруднительное положеніе медика въ отношеніи къ такимъ солдатамъ состояло въ томъ, что, осмотрѣнные, они не могли быть взяты въ лазаретъ, какъ по неимѣнію явно изобличающихъ болѣзнь признаковъ, такъ еще болѣе потому, что сами паціенты позже всѣхъ окружающихъ сознавали болѣзненное свое положеніе. При благопріятной, сухой и умѣренно вѣтренной погодѣ, при изобиліи кислаго питья и мясной пищи, при соблюденіи ночнаго покоя и при умѣренныхъ дозахъ хиннаго вина (не водки), они, хотя медленно, но всетаки поправлялись; съ наступленіемъ же сырой, неясной погоды, при погрѣшностяхъ въ діэтѣ, недостаткѣ въ растительныхъ кислотахъ, частомъ ночномъ бдѣніи, при нападкахъ за неисправности, или съ прибытіемъ неблагопріятныхъ вѣстей изъ Севастополя, тифозная реакція у нихъ обнаруживалась быстро, съ значительными осложненіями. Это случалось замѣчать на довольно большихъ массахъ. Такимъ образомъ, наблюдая, легко было получать навыкъ, и по ходу событій и погодѣ предшествовавшихъ дней угадывать приблизительно число и характеръ заболѣвавшихъ тифомъ. Такъ, достовѣрно, что, при неудачахъ, амбулаторный тифъ давалъ больше случаевъ съ головною концентраціею, а туманная погода вызывала перемежающіяся формы пятнистаго тифа. Водка губительно дѣйствовала на пораженныхъ амбулаторнымъ тифомъ и возбуждала, или, правильнѣе, ускоряла появленіе головной концентраціи; но хинное, мѣстное, виноградное вино, какъ и нагрѣтое вино само по себѣ, или съ горячимъ чаемъ, либо горячимъ настоемъ ароматныхъ травъ, а въ иныхъ случаяхъ просто разбавленное горячею водою, согрѣвало ихъ быстро, не лишая силъ, возбуждало испарину, давало аппетитъ и хорошій сонъ. Частое питье горячихъ ароматныхъ настоевъ съ растительными кислотами дѣйствовало тоже благодѣтельно. Такимъ образомъ, вообще говоря, при болѣе досужномъ положеніи дивизіи и другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, бо̀льшая часть пораженныхъ амбулаторнымъ тифомъ выздоравливала, посѣщая околодки въ теченіи 2—5 недѣль; при болѣе же тревожномъ и изнуряющемъ положеніи, амбулаторный тифъ составлялъ резервуаръ для болѣе серьезныхъ формъ тифа, особенно такъ называемаго головнаго.

Собственно же случаевъ абдоминальнаго тифа на позиціяхъ встрѣ-

чалось не много. Цынги въ 1855 г. не было, но случаевъ Верльгофіевой, пятнистой болѣзни, сопровождаемой лихорадочными явленіями, оказывалось много и они часто представляли медику затрудненія въ заблаговременномъ отличіи ихъ отъ тифозныхъ болѣзней.

Скудный персоналъ медиковъ въ 17-й дивизіи жилъ между собою мирно и полагалъ предѣломъ своихъ занятій слѣдованіе приказаніямъ ближайшаго военнаго начальства и формальное выполненіе существовавшаго тогда, для полевыхъ медиковъ, регламента. Затѣмъ, между ними научной связи не существовало, а потому взаимныхъ сообщеній и совѣщательной дѣятельности не водилось, оттого животрепещущіе вопросы касательно содержанія лазаретовъ, постройки жилищъ для солдатъ, касательно выбора простѣйшаго, удобнѣйшаго и болѣе примѣнимаго метода леченія въ различномъ и перемѣнномъ положеніи войскъ, ни даже касательно ихъ собственнаго положенія и предѣловъ дѣятельности, выработаны не были. Медики давали посильный отвѣтъ, когда ихъ спрашивали, но сами избѣгали дѣлать починъ какому нибудь нововведенію. Съ другой стороны, въ 17-й дивизіи они пользовались еще гораздо меньшимъ вниманіемъ и покровительствомъ своего начальства и встрѣчали гораздо менѣе интереса и участія въ дѣлѣ примѣненія гигіены и врачебной науки къ жизни солдата со стороны всего ихъ окружающаго, чѣмъ въ 3-мъ и 4-мъ корпусахъ. Происходило-ли это оттого, что въ названныхъ корпусахъ, квартировавшихъ большею частію въ западныхъ губерніяхъ, безъ различія всѣ члены военнаго сословія, нуждаясь болѣе во взаимномъ сближеніи, раньше и лучше выработали всѣ вопросы, касающіеся всякихъ невзгодъ обыденной жизни, или оттого, что „медицинская полиція и гигіена Четыркина", ранѣе привившаяся къ нимъ, лучше выяснила положеніе медиковъ,—но вѣрно только то, что въ Крымскую войну существовала громадная разница въ административной, практической и даже юридической подготовкѣ между медиками названныхъ корпусовъ и нѣкоторыми другими, особенно между 6-мъ, квартировавшимъ у Москвы, на покоѣ, и менѣе прочихъ ощущавшемъ нужду въ правильномъ примѣненіи гигіены и медицинской полиціи въ войскахъ. Если между ними и встрѣчались искусные хирурги и раціональные медики, какъ, напримѣръ, Бутырскаго полка Эшъ и Тарутинскаго полка Лебедевъ, правильно и мѣтко наблюдавшіе и диференцировавшіе встрѣчавшіяся болѣзни, то, по недостатку совѣщательной дѣятельности и полному равнодушію всего окружающаго, они это дѣлали какъ жрецы науки, для темнаго, какого-то далекаго будущаго, но не могли свои наблюденія тотчасъ примѣнять къ дѣлу. Казалось, этой бѣдѣ помочь бы и не трудно, коль скоро, именно

для восполненія выше указанныхъ пробѣловъ въ медицинской администраціи, закономъ поставлена особая старшая инстанція въ лицѣ дивизіоннаго доктора. Но въ томъ-то и горе, что его въ 17-й дивизіи болѣе семи мѣсяцевъ недоставало. Кромѣ 17-й, можно было найти и другія, въ которыхъ эта должность оставалась вакантною. И не удивительно! Должность дивизіоннаго доктора, обставленная въ мирное время удобствами и покоемъ, допускавшая пассивность, уживчивость съ штабомъ и покорность своему начальнику дивизіи,—въ военное, перемѣнчивою сложностью и новизною положенія войскъ, превращалась въ самую безпокойную и отвѣтственную.

Обязанности дивизіоннаго доктора, въ мирное время, состояли въ группировкѣ и передачѣ свѣдѣній, въ контролѣ медицинской части и произвольной оцѣнкѣ подчиненнаго штата, въ умѣньи распредѣлять цифру болѣзни и смертности по графамъ и облекать каждую врачебную истину и свѣдѣнія въ болѣе ласкательныя и не шокирующія реляціи. Для военнаго времени онѣ оказались недостаточными.

Въ военное время, частою перемѣною мѣстности, мѣнявшимися группировкою и составомъ отрядовъ, возбуждалось столько непредвидѣнныхъ гигіеническихъ и врачебно-административныхъ вопросовъ, что дивизіонному доктору нельзя было отмалчиваться пока его не спрашиваютъ, и заслоняться волею ближайшаго начальства, а приходилось превратиться въ человѣка почина и на свой собственный страхъ рѣшать вопросы гигіены, врачебной полиціи и чисто врачебные,—и то не слишкомъ медля,—и рѣшать категорически. Въ военное время только одни послѣдствія оправдываютъ, либо осуждаютъ предпринятое, а послѣдствія отъ ошибокъ рельефнѣе выказываются.

Если возьмемъ, для примѣра, одинъ вопросъ: сколько и какихъ больныхъ въ данномъ положеніи войска могутъ оставить при себѣ, и сколько затѣмъ они должны отправить въ госпиталь, то увидимъ, что, кромѣ здраваго взгляда на вещи, рѣшеніе такого вопроса требуетъ знанія: 1) средствъ войскъ и ихъ врачебныхъ силъ; 2) мѣстъ ихъ расположенія; 3) отношеній и близости ихъ къ непріятелю; 4) перевозочныхъ средствъ; 5) господствующихъ болѣзней и ихъ хода; 6) сверхъ того, нѣкоторой рѣшимости и сознанія въ правильности и неуступчивости передъ давленіемъ со стороны меркатильныхъ стремленій разныхъ лицъ, и наконецъ 7) нѣкоторой неуступчивости передъ желаніемъ военачальниковъ—всегда выказываться и щеголять малымъ числомъ больныхъ.

X.

Я только два первыхъ дня жилъ въ дер. Черкесъ-Керменѣ, въ которой считалось тогда 50 дворовъ и въ которой помѣщался корпусный штабъ 6-го корпуса, нѣсколько больныхъ офицеровъ 17-й дивизіи, разные склады, паркъ и около сотни казаковъ. Положеніе этой деревни до того укрыто въ особомъ замкнутомъ и безвыходномъ ущеліи, что, шаговъ за триста не доѣзжая ея и спускаясь съ возвышеннаго плато отъ стороны Мекензіевыхъ высотъ, можно бы, пожалуй, ожидать, что придется съ трудомъ пробраться черезъ глубокую между двумя горами балку, но никогда и никому, по окружающей обстановкѣ, не удалось-бы отгадать, что на днѣ этой балки найдешь довольно большую и живописнѣйшую, въ своемъ родѣ, деревню.

На третій день моего служенія въ 17-й дивизіи, я уже переѣхалъ на Мекензіевы высоты, поселившись въ шалашѣ, выстроенномъ для меня, по приказанію генерала **Веселитскаго**, въ 20-ти шагахъ отъ его квартиры.

Я продолжалъ посѣщать дальніе лазареты и думалъ уменьшить притокъ въ нихъ больныхъ усиленіемъ околодковъ на позиціяхъ, которые держались въ порядкѣ; къ несчастью, число заболѣвающихъ никогда не падало ниже 86-ти въ сутки, такъ что околодки въ нѣсколько дней переполнились, а въ лазаретахъ, по случаю крайняго стѣсненія, выздоравливали плохо. Всматриваясь ближе въ дѣятельность наличныхъ трехъ медиковъ на позиціяхъ по Мекензіевой горѣ, я убѣдился, что они не имѣютъ физической возможности посѣщать дальніе лазареты, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ непредвидѣнныхъ дѣйствій или тревоги, я на нихъ только и расчитывалъ. Одинъ докторъ Эшъ чаще прочихъ посѣщалъ лазареты, но на немъ замѣтно было крайнее изнуреніе. Однажды я цѣлый день пробылъ въ лазаретахъ, обдумывалъ, совѣтовался какъ горю помочь, но не видѣлъ благопріятнаго выхода изъ такого бѣдственнаго положенія: только три фельдшера на ногахъ, прочіе больны, прислуга наполовину больна. Часовъ въ десять вечера поѣхалъ я домой и съ тяжкими думами приблизился къ квартирѣ генерала **Веселитскаго**.

Я проѣзжалъ мимо маленькаго навѣса, обращеннаго къ непріятельской позиціи и носившаго имя бесѣдки только потому, что въ немъ никто не жилъ и что по временамъ генералъ Веселитскій пилъ въ немъ чай. Услышавъ, что генералъ зоветъ меня по имени, я явился въ бесѣдку.

— „Откуда вы?“

— Изъ лазаретовъ, ваше пр—во!

— „Какъ вы нашли наши лазареты?"

— Какъ нельзя хуже.

— „Чѣмъ же?"

— Больныхъ до 2,000,—худо призрѣны, безъ прислуги, безъ воды и почти безъ врачебной помощи; трудныхъ необыкновенно много и много умираетъ.

— „Что-жъ вы намѣрены дѣлать?"

— Намѣренъ просить у вашего пр—ва приказанія: 1,500 легчайшихъ разослать по госпиталямъ, а остальныхъ, самыхъ трудныхъ, задержать.

— „Вы знаете приказаніе корпуснаго командира, чтобы лечить заболѣвшихъ при дивизіи?"

— Хорошо, если-бы у насъ было достаточно медиковъ, фельдшеровъ, прислуги, мягкихъ вещей, посуды, помѣщенія и бѣлья, а безъ этого невозможно содержать больныхъ свыше положенія, а тѣмъ болѣе, нельзя ждать успѣшнаго леченія при стѣсненіи и лишеніяхъ. Смертность очень велика, а прибыль больныхъ въ сутки не бываетъ менѣе 86-ти человѣкъ, не считая легкихъ. Въ самомъ лазаретѣ прислуга заражается тифомъ; не мудрено, что зараза сообщится войскамъ на позиціяхъ, при общемъ стѣсненіи; околодки переполнены...

— „Прощайте, завтра утромъ я съ вами поговорю".

Я ушелъ.

Наступило утро; позванный Веселитскимъ, я тотчасъ явился.

— „Вы очень ретиво взялись у меня распоряжаться; я вамъ совѣтую начать службу въ моей дивизіи, какъ подобаетъ порядочному человѣку, съ визитовъ начальникамъ частей; познакомьтесь со всѣми, поучитесь прежде быть хорошимъ товарищемъ, а потомъ приходите ко мнѣ, я скажу, что̀ дальше дѣлать".

Я обѣщалъ тотчасъ сбѣгать съ визитами, но усильно просилъ позволенія, по окончаніи ихъ, поспѣшить въ лазареты, чтобы оттуда выслать въ госпитали 1,500 человѣкъ.

— „Объ этомъ мнѣ больше не говорите".

— Если задерживаются больные въ лазаретахъ на основаніи приказанія корпуснаго командира, то смѣю доложить вашему пр—ву, что на бумагѣ такого приказанія никогда не бывало: я узнавалъ въ канцеляріи штаба.

— „Вы лучше сдѣлаете, если больше будете слушать и менѣе умничать; прощайте!"

Я отправился дѣлать визиты всѣмъ четыремъ полковымъ командирамъ, затѣмъ батарейнымъ и двумъ бригаднымъ генераламъ. У двухъ

послѣднихъ я разговаривалъ о постороннихъ предметахъ, но начальникамъ отдѣльныхъ частей я представилъ всѣ резоны необходимой и безотлагательной отсылки излишнихъ больныхъ изъ лазаретовъ въ госпитали, и для этого просилъ ихъ содѣйствія самоскорѣйшею высылкою обоза и подводъ въ Теберти и Суюртажъ.

Къ двумъ часамъ по полудни, кончивъ визиты, я возвратился въ свой шалашъ и тотчасъ былъ позванъ къ начальнику дивизіи, къ обѣденному столу.

Обѣдъ былъ вкусный и веселый; генералъ Веселитскій много шутилъ, смѣялся и острилъ; двѣ—три остроты пришлись и на мою долю. Послѣ обѣда я отправился въ канцелярію штаба, оставилъ тамъ рапортъ объ отъѣздѣ въ лазаретъ и тотчасъ отправился въ Теберти, обгоняя по дорогѣ много обозныхъ фургоновъ и подводъ.

Въ теченіе трехъ сутокъ я составлялъ списки больнымъ и, вручая ихъ болѣе грамотнымъ солдатамъ, отсылалъ транспортъ за транспортомъ въ Бахчисарайскій и Симферопольскій госпитали, попеременно. Ночью на третьи сутки, отправивши болѣе 1,500 человѣкъ въ госпитали и получивъ оттуда на часть транспортовъ чистыя квитанціи, я отправился въ свою позицію.

Опять пришлось ѣхать мимо бесѣдки, опять голосъ генерала Веселитскаго раздался звонче прежняго:

— „Это Генрици?"

— Точно такъ.

— „Сюда, идите сюда!"

Я явился.

— „Ну, я объ васъ донесъ, что вы бѣжали; гдѣ вы пропадали три дня?"

— Я былъ въ лазаретахъ.

— „А что дѣлали?"

— Отправлялъ больныхъ въ госпитали.

— „А много отправили?"

— Болѣе 1,500 человѣкъ.

— „Прощайте, я на васъ солдатскую лямку надѣну".

Съ такимъ любезнымъ напутствіемъ я ушелъ спать.

Между тѣмъ, лазареты, освобожденные отъ излишка больныхъ, приняли другой видъ. Оказалось, что, съ устраненіемъ стѣсненія и путаницы, самыя сложныя формы болѣзней стали принимать простѣйшій видъ и получали благопріятный исходъ, такъ что смертность уменьшилась до минимума.

На позиціяхъ самое ощутительное лишеніе состояло въ недостаткѣ, по близости, воды. Для открытія ея назначена была особая ком-

мисія. Я просилъ генерала Веселитскаго о назначеніи и меня участвующимъ въ этой коммисіи, но получилъ отказъ. Веселитскій полагалъ, что я и самъ, отдѣльно, могъ заняться этимъ дѣломъ, но дѣло-то въ томъ и состояло, что я не имѣлъ для поисковъ рабочихъ, бывшихъ всегда въ распоряженіи коммисіи. Отправясь однажды утромъ горою и поросшими травою овражками по направленію отъ штаба ко 2-й батареѣ, я наткнулся на крупный орѣшникъ и сочныя травы, между которыми нашелъ и щавель, что̀ меня немало обрадовало; но радость свою не могу описать, когда я нашелъ заячью капусту (Sedum telephium), растущую больше въ тѣни и на сырой почвѣ. Не даромъ же и въ народѣ эта травка носитъ названіе живой воды,—подумалъ я, и еще болѣе обрадовался, когда увидѣлъ лягушку, составлявшую рѣдкость въ окрестностяхъ Севастополя. Я оставилъ значки на всѣхъ отобранныхъ мною мѣстахъ, представлявшихъ на плоской возвышенности тарелкообразныя углубленія, густопоросшія широколистыми травами. Вечеромъ, осматривая вторично тѣ же мѣста, я не могъ не замѣтить надъ нѣкоторыми изъ нихъ довольно густаго тумана, уносимаго въ сторону движеніемъ воздуха. Взявъ рабочихъ, я вырылъ четыре колодезя, по одному въ каждомъ углубленіи и на утро, найдя въ трехъ изъ нихъ отличную, сладкую и мягкую воду, доложилъ о томъ генералу Веселитскому, который, лично осмотрѣвъ, велѣлъ ихъ больше углубить и обдѣлать. Такимъ образомъ 2-я батарея была обезпечена водою.

— „Не правъ ли я, что не назначилъ васъ въ коммисію?—возразилъ генералъ Веселитскій,—вы сами скорѣе нашли“.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство, но я долженъ заплатить рабочимъ, которыми не въ правѣ былъ распоряжаться.

— „Пришлите ихъ ко мнѣ, я ихъ награжу“.

Въ видахъ расширенія околодковъ на позиціяхъ, Веселитскій приказалъ отобрать въ пользу послѣднихъ побольше имѣющихся въ частяхъ построекъ, а вблизи дивизіоннаго штаба и недалеко отъ спуска, велѣлъ выстроить два громадныхъ шалаша для дивизіоннаго перевязочнаго пункта.

Въ это время и другія войска, передвигаемыя со своихъ зимнихъ стоянокъ на новыя позиціи, по случаю теплой и постоянной погоды, находили для себя болѣе удобнымъ строить, вмѣсто землянокъ, шалаши, почему умѣстнымъ считаю описать этотъ родъ постройки.

Малый, или пикетный, перевязочный шалашъ составлялъ легкую, лѣтнюю постройку изъ тонкихъ плетней съ односкатною крышею. Онъ устраивался не подалеку такихъ мѣстъ, на которыхъ постоянно ставились наша цѣпь и пикеты; для него выбирались укрытыя отъ глазъ

непріятеля мѣста, напримѣръ, роща, стушевывавшаяся въ гористой мѣстности, небольшая балка, либо онъ ставился съ нашей стороны за холмомъ, скалой, или вблизи нашей дороги и въ сторонѣ отъ нашихъ спусковъ [См. рисунокъ № V].

Онъ служилъ какъ для укрытія раненыхъ внѣ опасности, такъ и для подачи имъ первоначальной помощи, и вмѣстѣ служилъ складочнымъ мѣстомъ для предметовъ первой необходимости, какъ-то воды и проч. Дежурившіе въ этихъ шалашахъ фельдшера и цирюльники обыкновенно для себя сооружали землянки на самомъ близкомъ разстояніи отъ шалаша, но всетаки для своихъ землянокъ выбирали мѣстность, отдѣльно ихъ укрывавшую, такъ что можно было напасть на шалашъ и не найти въ немъ никакой прислуги.

Двухъ-скатный перевязочный шалашъ составлялъ одну изъ первоначальныхъ построекъ, какія стали наши войска выводить на перевязочныхъ пунктахъ послѣ 13-го октября 1854 г. До того времени, какъ по причинѣ стоявшей постоянной теплой погоды, такъ и по непредвидѣнности самыхъ сраженій и неопредѣленности нашихъ раіоновъ, перевязочные пункты заводились подъ открытымъ небомъ, либо имѣли нѣсколько солдатскихъ палатокъ. Въ этомъ году шалаши строились нà-скоро, незатѣйливо и потому непрочно. Даже и во время Балаклавскаго сраженія, на перевязочномъ пунктѣ, раскинутомъ для Чоргунскаго отряда, у трактирнаго моста, никакихъ построекъ еще не было.

Только со взятіемъ нашими войсками у непріятеля четырехъ Кадыкіойскихъ редутовъ и деревни Комары, и въ виду продолжительнаго пребыванія нашего отряда подъ непріятельскими выстрѣлами, на перевязочномъ пунктѣ было выстроено нѣсколько большихъ шалашей (съ одно-скатной крышей), такъ что прибывавшіе къ намъ 24-го октября, во время Инкерманскаго дѣла, раненые перевязывались уже въ шалашахъ, но всѣ такія постройки не выдержали случившейся 2-го ноября бури. Конечно, починка и возстановленіе ихъ были тоже не трудны.

Съ наступленіемъ зимы, землянки повсемѣстно замѣнили и вытѣснили всякія другія постройки,—такъ что перевязочные шалаши стали опять строиться только съ наступленіемъ весны 1855 года. Они строились въ раіонѣ одного изъ полевыхъ околодковъ, либо впереди ихъ, поближе къ непріятельской позиціи, составляя общую принадлежность извѣстнаго отряда, чаще дивизіи,—и потому носили названіе дивизіонныхъ перевязочныхъ пунктовъ. Стѣны такого шалаша строились на вкопанныхъ глубоко въ землю бревнахъ, густо заплетая остающіеся между ними промежутки болѣе толстымъ хво-

V. Пикетный перевязочный шалашъ.

Приложеніе къ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г.

Типографія В. Балашева. Дозволено цензурою, 30 января 1878 г.

ростомъ. Такія стѣны часто снутри удваивались болѣе тонкими плетнями изъ хвороста же, либо соломенными матами. Двухъ-скатная крыша выводилась на стропилахъ, заплетаемыхъ тоже хворостомъ, либо покрываемыхъ готовыми плетнями; на плетни устилались дубовые листья, а затѣмъ уже насыпалась земля.

Въ обѣ стороны крыши часто вдѣлывалось по окошку, укрѣпленному въ досчатой коробкѣ; такія же окна выводились и въ боковыхъ стѣнахъ шалаша; къ передней части его придѣлывалась большаго размѣра дверь, какъ у сараевъ, изъ плетня и съ петлями изъ хвороста, укрѣпленная на естественныхъ сучьяхъ зарытыхъ въ землю косяковъ.

По серединѣ такого шалаша устраивался неподвижный столъ изъ сдвоенныхъ фашинъ на трехъ или четырехъ въ землю врытыхъ пняхъ; либо же ставился простой столъ, въ родѣ кухоннаго, взятый изъ любаго околодка. Полъ былъ утромбованъ; отъ времени до времени онъ срѣзывался, покрывался свѣжею землею и снова утромбовывался [См. выше, томъ XXI, стр. 84, рисунокъ № II].

У задней и боковыхъ стѣнъ шалаша были нары, состоявшія изъ толстаго плетня, укрѣпленнаго на вбитыхъ въ землю кольяхъ, связанныхъ между собою поперечными досчатыми перекладинами, либо кольями же.

Снаружи онъ былъ окруженъ завалинкой, утромбованной щебнемъ и имѣющей покатость наружу, для того, чтобы въ ненастную погоду вода могла удобно стекать въ ровъ, вырытый кругомъ шалаша и внѣ завалинки.

При перевязочномъ пунктѣ часто устраивался и жилой шалашъ, въ видѣ большаго сарая, для того, чтобы трудные раненые послѣ операцій могли въ нихъ оставаться до первой возможности транспортировать ихъ въ полковые лазареты, расположенные въ ближайшихъ деревняхъ, либо въ госпитали. Болѣе легкіе оттуда отправлялись для пользованія въ полковые околодки, въ раіонѣ каждаго полка.

Жилой шалашъ для раненыхъ отличался отъ перевязочнаго только тѣмъ, что не имѣлъ оконъ въ крышѣ и что нары были устроены для каждаго отдѣльно, такъ что изголовьемъ каждая была обращена къ стѣнѣ, а ногами выходила къ серединѣ шалаша. Надъ нарою придѣлывалась полка изъ доски, либо куска плетня, поддерживаемая двумя колышками, которыхъ нижній конецъ былъ укрѣпленъ къ стѣнѣ, а верхній поддерживалъ свободный край полки.

По внутренней сторонѣ стѣны повѣшенъ былъ рядъ цыновокъ, которыя въ хорошую погоду подвязывались бичевками кверху, а въ худую опускались.

Къ концу кампаніи такіе шалаши часто вымазывались густымъ

слоемъ глины съ пескомъ, образуя родъ мазанокъ, которыя болѣе защищали отъ вѣтра и холода, но въ послѣднемъ отношеніи всетаки уступали землянкамъ.

Найденный мною недостатокъ въ хирургическихъ инструментахъ былъ вскорѣ пополненъ, на счетъ частей войскъ, высланными по моему требованію изъ С.-Петербургскаго инструментальнаго завода. Перевязочныхъ припасовъ, какъ въ лазаретахъ, такъ и на позиціяхъ, было довольно, потому что въ большія сраженія войска, занимавшія блокадныя позиціи, давно не вступали, требуемыя же отъ нихъ части для вылазокъ, въ Севастополь, своихъ раненыхъ оставляли на городскихъ перевязочныхъ пунктахъ. Всего чаще случались раненые въ Бородинскомъ пѣхотномъ полку, занимавшемъ Чоргунскія дефилеи и очищавшемъ отъ непріятеля долину до самой Черной рѣчки.

XI.

Тихимъ утромъ, на разсвѣтѣ, помнится, 25-го мая, я услышалъ отдаленные крики какъ бы задыхавшихся людей, тогда какъ выстрѣловъ не было слышно. Выскочивъ изъ своего шалаша, я наткнулся на двухъ москвичей, горячо между собою споривших и указывавшихъ руками къ сторонѣ „Цукерхута", или Сахарной головки, на которой ставился обыкновенно нашъ пикетъ.

Вскорѣ послышались и пушечные выстрѣлы съ нашей 2-й батареи. Проѣхавши около полверсты по направленію къ батареѣ, я встрѣтилъ нѣсколько фургоновъ съ ранеными солдатиками Московскаго полка; всѣхъ ихъ было 26 человѣкъ, два казака, да поручикъ Романенко.

Дѣло въ томъ, что три эскадрона, пользуясь темью и укрываясь за холмами, подкрались и, окруживъ Сахарную головку, по сигналу (свисткомъ), бросились со всѣхъ сторонъ на нашъ пикетъ и ударили въ сабли и пики; наши едва успѣли схватиться за ружья и пошли въ штыки; какъ разсказывали, убили человѣкъ 13 турокъ, но сами страшно пострадали, хотя ни одинъ не былъ убитъ. Ни у кого изъ нихъ я не нашелъ меньше восьми ранъ, у фельдфебеля было 18, а у поручика Романенко 21. Я проводилъ транспортъ на дивизіонный перевязочный пунктъ и размѣстилъ раненыхъ частію въ перевязочномъ, а частію въ жиломъ шалашахъ. Двумъ изъ нихъ пришлось вылущить размозженные пальцы на рукахъ, и одному произвести ампутацію плеча въ средней трети, по причинѣ разбитаго локтя и недостатка кожи на нижнемъ концѣ плеча; у одного была срѣзана щека съ

ухомъ, но связь ея съ здоровыми частями не была потеряна; у другаго—проницающая колотая рана груди и переломъ ключицы съ образованіемъ воздушной опухоли на соотвѣтствующей сторонѣ шеи. У прочихъ раны представляли длинные порѣзы на различныхъ мѣстахъ, а у одного былъ переломъ бедра въ срединѣ лядвеи, вѣроятно, произведенный копытомъ лошади. Наконецъ, у одного поручика Романенко всѣхъ ранъ описать невозможно: на головѣ были одна ушибенная и три рѣзанныхъ. Онъ обнаруживалъ припадки сотрясенія мозга, былъ безъ сознанія, не держалъ мочи и имѣлъ рѣдкій и медленный пульсъ,—а вечеромъ показалась рвота. Видно было, что, кромѣ острея меча и пики, въ общей схваткѣ дѣйствовалъ и эфесъ и лошадиное копыто.

Собравъ наличныхъ трехъ медиковъ, я скоро могъ управиться съ производствомъ безотлагательныхъ операцій и покончить перевязку. Затѣмъ представились немалыя затрудненія къ успокоенію раненыхъ, такъ какъ имѣвшіеся слѣды старой подстилки были незначительны, а соломы тогда нельзя было добыть, а сѣна едва доставало на наличныхъ лошадей. Я просилъ случившагося здѣсь квартермистра одного полка доставить пудовъ пять подстилки, но онъ принесъ мнѣ отвѣтъ отъ командира своего полка, что подстилки не имѣется. Завидѣвъ въ то время слѣдовавшихъ мимо четыре фуры сѣна, я просилъ одну изъ нихъ завернуть на перевязочный пунктъ, съ тѣмъ, чтобы взять съ нея сколько нужно, но отвѣтъ былъ тотъ, что это сѣно составляетъ собственность командира и потому имъ распорядиться никто не въ правѣ. Видя такое равнодушіе къ общимъ интересамъ, а, съ другой стороны, понуждаемый страданіями раненыхъ, я приказалъ казакамъ завернуть одну фуру—и когда съ нея взяли нѣсколько охабокъ, то я велѣлъ фурштату съ остальнымъ количествомъ слѣдовать по назначенію. Подстрекаемый неудовольствіемъ, высказаннымъ мнѣ при этомъ квартермистромъ, фурштатъ вывалилъ и остальную часть фуры у шалаша и самъ уѣхалъ порожнякомъ.

Между тѣмъ геройская храбрость пикетныхъ возбудила сочувствіе въ войскахъ дивизіи: сдѣлана была складчина, изъ которой каждому изъ 28-ми раненыхъ назначено было выдать денежное пособіе, при томъ же фельдфебелю вдвое противъ рядовыхъ, а поручику Романенкѣ обезпечивались всевозможныя удобства до выздоровленія; но денегъ на руки еще не выдавали никому. Погода была великолѣпная; отсылать же раненыхъ въ самый близкій, Бахчисарайскій, госпиталь (въ 20-ти слишкомъ верстахъ) въ первые дни—значило погубить ихъ, особенно принимая въ расчетъ тряскость лазаретныхъ фургоновъ и испорченную каменистую, съ выбоинами, дорогу. Въ лазаретахъ мѣста

не было, да и опасность предстояла отъ порчи ранъ, такъ какъ тифъ тамъ еще не совсѣмъ прекратился; почему я собирался испросить распоряженія у начальника дивизіи: задержать ихъ дней восемь въ шалашахъ. Я имѣлъ неосторожность громко высказать свое намѣреніе. Тотчасъ видно было, что нѣкоторымъ изъ присутствующихъ это не понравилось, но протеста не было.

Часовъ шесть спустя, генералъ Веселитскій посѣтилъ раненыхъ, а мнѣ далъ приказаніе: операцій раненымъ никакихъ не дѣлать, такъ какъ стоны и крикъ деморализуютъ войска!! раненыхъ же послѣ первой перевязки отослать въ Бахчисарай на лошадяхъ, чтобы скорѣе туда доставить. Я понялъ, что мнѣ въ эту минуту не удастся выпросить у его прев—ва ничего и потому промолчалъ. Выйдя изъ шалаша и проходя мимо кучи сѣна, его пр—во, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ: „а это фуражъ для вашего жеребчика? Это лучшее изъ всего того, что сегодня вы сдѣлали!"

— „У меня жеребцовъ нѣтъ, а моя кобылка чужаго не проситъ, ваше пр—во; не порочьте ее".—Провожая дальше, я попросилъ позволенія зайти къ его пр—ву черезъ часъ, чтобы сдѣлать подробный докладъ и испросить приказаній.

— „Вы можете и теперь говорить мнѣ что̀ хотите". Я объяснилъ съ какимъ трудомъ добылъ сѣно и какимъ образомъ, вмѣсто нѣсколькихъ охабокъ его, свалена вся фура; далѣе, что большія операціи дѣлаются съ хлороформомъ, а потому—безъ криковъ и стона; что если раненыхъ теперь провезти хоть пять верстъ, то четверыхъ уже не будетъ въ живыхъ; я-же ручаюсь, что въ шалашахъ они скоро поправятся, такъ что ихъ безъ вреда можно будетъ транспортировать на воловьихъ подводахъ, которыя удобнѣе, не трясутъ и не дергаютъ на ходу.

— „Хорошо, посмотримъ, какъ лучше будетъ сдѣлать; спасибо, что сказали".

При этомъ нельзя не пожалѣть, что на пространствѣ отъ нашихъ позицій до Бахчисарая не было нигдѣ открыто подвижнаго госпиталя, хотя-бы на Бельбекѣ, въ Залонкой, или на Качѣ, либо въ Черкесъ-Керменѣ. Нельзя было не посѣтовать и о томъ, что дивизіонный докторъ не имѣлъ подобнаго госпиталя или подвижнаго лазарета въ своемъ распоряженіи. Сколько умершихъ, въ подобныхъ случаяхъ, отъ несвоевременной транспортировки въ дальніе госпитали, осталось-бы въ живыхъ!

Черезъ пять дней Веселитскій нашелъ раненыхъ въ весьма хорошемъ положеніи и спросилъ моего мнѣнія на счетъ транспортировки ихъ въ Бахчисарайскій госпиталь.

— Если бы раненыхъ везли на воловьихъ подводахъ, хорошо выстланныхъ соломою, и до отправленія выдали бы имъ на руки причитающіяся деньги со складчины, то можно было-бы ихъ везти хоть сегодня,—объяснилъ я.

— „А какое отношеніе имѣютъ полуимперіалы къ отправленію раненыхъ, позвольте спросить васъ?“

— Обѣщаютъ деньги выдать въ госпиталѣ, а я полагаю, что въ дорогѣ деньги каждому нужнѣе чѣмъ на мѣстѣ. Къ тому же, настоящее мѣсто ихъ помѣщенія называется войсками перевязочнымъ пунктомъ дивизіоннаго доктора, такъ я бы желалъ, чтобы всякій отсюда увезъ свою собственность,—объяснилъ я.

— „Ваша откровенность—это ваша звѣзда! русское вамъ спасибо!“—закончилъ генералъ Веселитскій.

Черезъ часъ были выданы полуимперіалы каждому по принадлежности, а на слѣдующее утро транспортъ съ ранеными, на воловьихъ подводахъ, потянулся къ Бахчисараю, провожаемый густою толпою земляковъ.

XII.

Шагахъ въ 200-хъ отъ дивизіоннаго штаба, по направленію къ стоянкѣ Московскаго пѣхотнаго полка, была вышка, составлявшая общую обсерваторію, любимое мѣсто сходки солдатъ и арену разныхъ толковъ и споровъ о военномъ дѣлѣ. Съ этой вышки видна была какъ на ладони, вся долина рѣки Черной отъ Чоргунскихъ дефилеевъ до Инкерманской долины, и впередъ до горы Сапунъ и Кадыкіойскихъ высотъ. Днемъ съ этого мѣста не ускользало отъ нашихъ глазъ ни одно движеніе непріятельскихъ войскъ, часто пробиравшихся къ Чоргуну, или маневрировавшихъ между подножіемъ Сапуна и Кадыкіойскимъ лагеремъ. Кромѣ того, по берегу Черной рѣчки и по водопроводу росъ то сплошною стѣною, то отдѣльными и разбросанными группами, кустарный дубнякъ, который, при часто случавшихся миражахъ, принималъ видъ движущихся колоннъ войска. Только при самомъ внимательномъ наблюденіи можно было уловить, что такія ложныя колонны, надвигаясь впередъ, въ то же время дѣлаютъ колебанія назадъ и въ стороны, и что, не смотря на быстроту ихъ движенія по крайне неровной мѣстности, число группъ и промежутки между ними остаются все тѣ-же. Если считать отъ Мекензіевыхъ высотъ до наблюдаемыхъ мѣстъ не менѣе пяти до шести верстъ, то ясно, что при густой группировкѣ предметовъ, часто сливаемыхъ миражемъ въ

одну массу, не вооруженный глазъ безусловно подвергался обманамъ, а зрительная труба могла помогать только самому опытному наблюдателю.

Въ одно жаркое и ясное іюньское утро, долина Черной казалась какъ бы подернутою самымъ тончайшимъ флеромъ; отдѣльныя только группы кустарника выступали на синеватомъ фонѣ и тотчасъ терялись, уступая мѣсто другимъ. Трудно было уловить промежутокъ между исчезнувшей и появившейся группами, почему сообщенія съ вышки были самыя разнорѣчивыя. Офицеры провѣряли наблюденія солдатъ и легко уличали послѣднихъ въ ошибочныхъ сообщеніяхъ; не смотря на то, все утро прошло въ недоумѣніяхъ. Подъ вечеръ, когда миражей уже не было, одинъ казакъ указалъ мнѣ одно мѣсто вдали, на которомъ можно было легко замѣтить, какъ колонны непріятельскаго войска, удаляясь отъ кустарниковъ, тянулись подножьемъ горъ къ Чоргунскимъ дефилеямъ. Сообщивъ обо всемъ генералу Веселитскому, я испросилъ позволенія отправиться круговою дорогою на Шулю, въ Бородинскій полкъ, чтобы, на всякій случай, осмотрѣть въ немъ перевязочные матеріалы, а вмѣстѣ предупредить и полкъ.

Казакъ проводилъ меня отлично. Я засталъ главныя силы полка въ дефилеяхъ Мокрой Луговины; изъ частей же его, занимавшихъ Чоргунъ, не давали еще знать о приближеніи непріятеля, вѣроятно потому, что оттуда, за гористою мѣстностію, нельзя было его видѣть. Убѣдясь, что бывшій при томъ полку молодой медикъ имѣлъ достаточную обстановку для скораго образованія передоваго перевязочнаго пункта и запасъ телѣгъ для дальнѣйшаго транспорта раненыхъ, я, не смотря на увѣщанія сослуживцевъ—не ѣхать, къ ночи тронулся въ обратный путь. Сначала поѣхалъ я тою же объѣзжею дорогою, но полагаясь на темь, а еще болѣе, довѣряясь опытности казака, вскорѣ повернулъ на ближайшую дорогу, ведшую отъ Чоргуна черезъ долину, прямо на спускъ съ Мекензіевыхъ высотъ. Когда мы приближались къ кустамъ, то почуяли запахъ дыма; въ то же время казакъ, обгоняя меня, согнулся и, прильнувши туловищемъ къ лошади, повернулъ круто вправо, щипнувъ меня за рукавъ. Я повернулъ за нимъ и пустилъ поводья, чтобы лошадь не горячилась. Выбравшись изъ кустовъ и проѣхавъ рысцой съ четверть версты, въ гору, онъ, повернувшись назадъ, указалъ мнѣ на группу людей, сидѣвшихъ на маленькой полянѣ, окруженной кустами, и шопотомъ произнесъ:

— „Французъ это на-передяхъ!"

Послышались и съ той стороны сдержанныя восклицанія и все затихло.

—„ Не смѣютъ стрѣлять по ночи, чтобы себя не выдать, а то-бы намъ не выйти отсель!“—сказалъ громко казакъ, подгоняя лошадку.

— Спасибо, что вò-время ты спохватился,—сказалъ и я.

— „Да,—кабы не куда надо вѣтеръ, да дымкомъ бы не запахло, то мы бы сами дались ему въ руки: туда шла дорога“.

Только къ полуночи мы выбрались на свою позицію; я отправился на 2-ю батарею, гдѣ всегда ночевалъ Веселитскій, и обо всемъ замѣченномъ доложилъ. Его пр—во спустилъ два баталіона въ долину Черной. На другой день я узналъ, что на разсвѣтѣ французы нападали на Чоргунъ, но, вѣроятно, завидѣвъ два нашихъ баталіона во флангѣ, поспѣшно ушли къ Кадыкіой, захвативъ одну нашу ротную телѣгу съ провизіей и кашевара Бородинскаго полка.

Къ началу іюня 1855 г. положеніе войскъ 17-й дивизіи значительно измѣнилось къ лучшему. Пища солдатъ разнообразилась зеленью; тифозныхъ въ лазаретахъ было очень мало, а на позиціяхъ тифомъ и вовсе не заболѣвали; увеличилось лишь число заболѣвавшихъ лихорадкою. Постоянно хорошая погода давала возможность пользовать хининомъ въ околодкахъ, при чемъ въ нихъ задерживались лишь трудные больные; легкіе же, получая лекарство, не выбывали изъ фронта и выздоравливали безъ послѣдствій. Въ лазаретахъ число больныхъ не превышало 350-ти и они оставались въ вѣденіи отдѣльныхъ медиковъ, такъ что оставшіеся на позиціяхъ изрѣдка только посѣщали лазареты.

Въ это время прибылъ въ 6-й корпусъ нѣкто Копытовскій, назначенный туда корпуснымъ докторомъ.

Когда я къ нему явился, то съ первыхъ же его словъ замѣтилъ, что онъ не одобряетъ моихъ прежнихъ дѣйствій. Законченные мною вопросы: о содержаніи лазаретами лишь возможнаго числа больныхъ; о правильномъ распредѣленіи труда между медиками; о снабженіи войскъ водою, а медицинскаго персонала—инструментами; о своевременной выдачѣ жалованья и о возобновленіи залежавшихся представленій медиковъ къ наградамъ,—какъ равно вопросы о расширеніи амбулаторныхъ околодковъ и объ улучшеніи пищи въ лазаретахъ; въ особенности же вопросъ о предварительномъ леченіи раненыхъ вблизи позицій и о снабженіи аптекъ желѣзистыми препаратами,—г. корпусный докторъ назвалъ просто „глупостями“.

По его словамъ, не слѣдуетъ много умничать, мѣшаться не въ свое дѣло и вызывать на ссору кого-бы то ни было; а, вотъ на что̀, по его мнѣнію, надобно болѣе обращать вниманія:

1-е) Чтобы вольные маркитанты продавали товары только отборнаго сорта, особенно напитки, духъ возвышающіе, потому что они

выручають большія деньги и что у нихъ покупаютъ офицеры и особы чиновныя. 2-е) Чтобы срочныя вѣдомости были ему (корпусному доктору) доставляемы хоть сколько нибудь ранѣе положеннаго срока—иначе ему невозможно представить ихъ начальству въ срокъ. 3-е) Чтобы въ тѣхъ же срочныхъ вѣдомостяхъ соблюдалось самое правильное и ясное распредѣленіе больныхъ по графамъ; чтобы въ каждой послѣдующей вѣдомости число выздоровѣвшихъ прогрессивно увеличивалось, а число вновь заболѣвающихъ такъ же прогрессивно уменьшалось. О графѣ же умершихъ и о числѣ послѣднихъ рѣчи не было.. вѣроятно, потому, что умершіе своевременно и за разъ исключаются изъ списковъ, а потому они благовидности вѣдомостей надолго портить не могутъ.

Однажды (помнится—10-го іюня) возвращаясь изъ лазаретовъ, часовъ въ пять по полудни, я встрѣтилъ начальника штаба 3-го корпуса, генералъ-маіора Веймарна, и корпуснаго доктора того же корпуса Скрыпчинскаго. Когда они мнѣ объявили, что, по волѣ князя Горчакова 2-го, должны осмотрѣть лазареты 17-й дивизіи, то я просилъ позволенія быть ихъ проводникомъ

— „Ни за что,—возразилъ генералъ Веймарнъ,—вы намъ можете показать только хорошее, а мы отыскиваемъ дурное; ни за что! Вы поѣжайте домой, а мы и безъ васъ дорогу найдемъ“.

Обѣщая начать объѣздъ лазаретовъ съ самыхъ неисправныхъ помѣщеній и трудныхъ больныхъ, я съ трудомъ выпросилъ позволеніе остаться хоть въ качествѣ вожатаго. Осмотръ Теберти, Суюртажа и лазарета на Качѣ занялъ добрыхъ часа четыре; когда я предложилъ проводить ихъ на позиціи, чтобы показать устройство околодковъ, перевязочныхъ пунктовъ, и познакомить съ методомъ амбулаторнаго леченія, то генералъ Веймарнъ сказалъ:

— „Мы три дня съ разсвѣта и до поздней ночи смотрѣли лазареты; напослѣдокъ добрались и до вашихъ, въ полной увѣренности, что и у васъ найдемъ все то же неутѣшительное и гнусное, что находили до сихъ поръ. Вѣрю и убѣжденъ, что на позиціяхъ мы нашли бы такъ же хорошо, какъ и въ вашихъ лазаретахъ; но мы не имѣемъ возможности терять время на хорошее; мы преслѣдуемъ и ищемъ только худаго, а ваши лазареты смотрѣли такъ долго только потому, что надѣялись всетаки отыскать скрывающіеся безпорядки. Слава Богу,—продолжалъ онъ, обратившись къ доктору Скрыпчинскому,—что хоть послѣднимъ впечатлѣніемъ мы имѣемъ право утѣшить князя. Такъ я же теперь смѣло обопрусь на высказанное мною его сіятельству мнѣніе, что всѣ нами найденные безпорядки зависятъ только отъ лицъ, а не отъ безвыходнаго положенія войскъ, либо страны.

Есть подстилка подъ больными, чистое на нихъ бѣлье, уходъ, вкусная пища, чистая вода, квасъ и зелень въ котлахъ—здѣсь, въ раззоренныхъ, уединенныхъ и пустыхъ дальнихъ деревняхъ, отчего же всего этого нѣтъ тамъ, гдѣ легче подвозъ и гдѣ есть рынки подъ рукою? Давно-ли вы здѣсь?"—спросилъ онъ меня.

— Больше двухъ мѣсяцевъ.

— „А скажите, этотъ порядокъ нелегко вамъ досталось завести? Непріятности были?"

— Кто старое помянетъ—тому глазъ вонъ, говоритъ пословица

— „Да, военный медикъ, если хочетъ быть полезнымъ, долженъ жертвовать своимъ спокойствіемъ и положеніемъ;—прощайте!"

Пріѣхавши на позицію, я доложилъ обо всемъ генералу Веселитскому.

— „Я безъ нихъ и безъ васъ знаю, что мои лазареты были всегда хороши",—заключилъ генералъ Веселитскій.

На другой день, послѣ обѣда, я стоялъ въ группѣ офицеровъ и не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ Веселитскій, говоря:

— „Je suis habitué de parler toujours franchement avec qui que ce soit [1]); я не могу васъ попрекнуть ничѣмъ и тѣмъ больнѣе мнѣ объявить вамъ теперь, что я продолжаю просить, чтобы назначили въ мою дивизію Шипулинскаго".

— Понимаю!—отвѣтилъ я, взялъ лошадь и отправился въ Севастополь, гдѣ доложилъ генералъ-штабъ-доктору, что мнѣ нечего больше дѣлать въ 17-й дивизіи, и что генералъ Веселитскій не желаетъ меня держать.

— „Теперь вы хоть сейчасъ можете возвратиться въ 12-ю дивизію; сейчасъ дамъ вамъ письмо къ генералу Веселитскому; къ нему я назначаю Шипулинскаго".

Къ ночи того же числа я уже переселился въ 12-ю дивизію и тотчасъ явился по начальству.

Генералъ Веселитскій былъ безконечно храбръ, но черезчуръ строгъ и безучастенъ въ обращеніи съ солдатомъ, чѣмъ и составлялъ совершенную противоположность генерала Хрулева, увлекавшаго солдата вполнѣ задушевною рѣчью и вниманіемъ къ его быту. Веселитскій, во время занятія его войсками траншей, приказывалъ солдатамъ проходить по нимъ выпрямившись во весь ростъ, не сгибаясь и не моргая глазами, чему, правда, и самъ подавалъ примѣръ,—и вслѣдствіе этого непріятель всегда выхватывалъ лишніе ряды, а Хрулевъ, напротивъ, училъ солдата пользоваться каждымъ овражкомъ, кустикомъ и камышкомъ, чтобы вѣрнѣе сберечь себя и удобнѣе от-

---

[1]) Я привыкъ всегда откровенно говорить съ кѣмъ-бы то ни было.

бить и поразить врага; самъ же въ огнѣ не горячился, никого не оскорблялъ и не избѣгалъ опасности. Веселитскій выбивалъ изъ солдата всякую вѣру въ собственное достоинство и понукалъ его какъ животное. Хрулевъ же внушалъ солдату, что онъ себя не знаетъ, что онъ все можетъ сдѣлать гораздо лучше, чѣмъ самъ отъ себя ожидаетъ, а затѣмъ заслугъ его никогда не забывалъ. Веселитскаго солдаты уважали и въ душѣ прощали за все какъ храбреца, потому что русскій солдатъ выше храбрости ничего не ставитъ, а Хрулева любили, всегда за него, да почти что на него молились. Солдаты Веселитскаго были храбры и вѣрны дѣлу по долгу службы и по примѣру своего вождя, а солдаты Хрулева, увлекаясь дѣломъ, не сознавали опасности и сами изыскивали средства къ защитѣ и, затѣмъ, къ пораженію непріятеля.

XIII.

Въ половинѣ іюня 1855 г. въ 12-й дивизіи было много перемѣнъ: главная квартира заняла землянки Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, а послѣдній былъ расположенъ въ палаточномъ лагерѣ, на сѣверной сторонѣ города; прочіе ея полки оставались на прежнихъ мѣстахъ Инкерманскихъ высотъ, но всѣ 16 землянокъ, составлявшихъ лазаретный околодокъ Азовскаго пѣхотнаго полка, были взяты подъ топографовъ. Только при двухъ егерскихъ полкахъ, Одесскомъ и Украинскомъ, остались околодки въ прежнихъ предѣлахъ, составляя отдѣльныя части. Лазареты же для всей дивизіи помѣщались по прежнему въ дер. Дуванкой, на рѣкѣ Бельбекѣ. По вѣдомостямъ, больныхъ въ дивизіи было не болѣе 300, новыхъ заболѣваній мало; продовольствіе, какъ и въ прочихъ войскахъ, было хорошо, особенно въ сравненіи съ прежнимъ, т. е. до вступленія въ командованіе князя Горчакова 2-го.

На третій день по прибытіи въ 12-ю дивизію, меня потребовалъ къ себѣ генералъ-штабъ-докторъ и далъ строжайшій выговоръ за то, что я, будто-бы, своею небрежностію развелъ лихорадки въ Днѣпровскомъ пѣхотномъ полку. Напрасно я оправдывался тѣмъ, что не прошло еще и 36-ти часовъ съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ на службу въ 12-ю дивизію, и что по вѣдомостямъ въ томъ полку обстоитъ все благополучно, а лично провѣрить положеніе полковъ я еще не могъ. Осмотрѣвъ днѣпровцевъ, я дѣйствительно убѣдился, что болѣе 400 человѣкъ, не выбывая изъ фрота, страдаютъ перемежающеюся лихорадкою и что болѣе двухъ недѣль не были предпринимаемы противъ лихорадокъ цѣлесообразныя мѣры.

Доставленными мною двумя фунтами хинина, употребленіемъ хинной водки и болѣе питательною пищею положеніе полка въ нѣсколько дней измѣнилось къ лучшему. Полку на это время дали отдыхъ, не требуя его для вылазокъ, почему самое незначительное число трудныхъ больныхъ отбиралось въ околодки, или пересылалось въ лазаретъ (въ Дуванкой).

Осталось для меня неразгаданнымъ только то, почему генералъ-штабъ-докторъ, самъ квартируя вблизи того полка, не счелъ нужнымъ сдѣлать прежде меня замѣчаніе моему предмѣстнику, Н. . . . . . скому, ни штабъ-лекарю того полка, который до послѣдней минуты умалчивалъ объ эпидеміи и не требовалъ даже ни откуда хинина,—а выбралъ непремѣнно меня жертвою своего неудовольствія.

За день до полученнаго мною выговора, я зналъ, что главнокомандующій потребовалъ, чтобы всѣ лазареты и околодки въ войскахъ были приведены въ лучшій видъ, по примѣру таковыхъ въ 17-й дивизіи, откуда я былъ взятъ вскорѣ послѣ ихъ осмотра спеціальною коммисіею. Если, при такихъ данныхъ, генералъ-штабъ-докторъ счелъ необходимымъ дать мнѣ выговоръ съ тою цѣлію, чтобы, поощреннаго лестными похвалами, осадить и не дать мнѣ, ради молодыхъ лѣтъ, зазнаться, то онъ въ этомъ имѣлъ истинно христіанскую цѣль. Равно непонятнымъ для меня было то обстоятельство, что въ одномъ изъ полковъ 12-й дивизіи продовольствіе шло не въ примѣръ лучше чѣмъ въ прочихъ и больныхъ сравнительно было мало, а между тѣмъ я получалъ намеки отъ одного начальника на то, что я, будтобы, слабо контролирую содержаніе въ томъ полку. Убѣдившись повторенными инспекціями въ превосходствѣ содержанія въ томъ полку, я, пользуясь дружбою его командира, успѣлъ отъ него узнать слѣдующее.

Одно время, когда интендантство отказалось доставлять войскамъ порціи живымъ скотомъ, а предоставляло командирамъ частей самимъ заключать условія съ подрядчиками на поставку ими мяса, то командиръ этого полка заключилъ съ подрядчикомъ такое условіе, чтобы тотъ за установленную цѣну поставлялъ мясо въ полкъ въ полности и чтобы, кромѣ того, въ каждую роту ежемѣсячно давалъ 100 рублей, каковыя деньги шли гласно на улучшеніе пищи, закупку зелени и проч.

Начальникъ, высказывая свое неудовольствіе за худое въ томъ полку мясо, предложилъ командиру полка смѣнить подрядчика, обѣщая ему прислать лучшаго—своего, подкрѣпляя свое требованіе тѣмъ доводомъ, что и П. П. Липранди недоволенъ настоящимъ подрядчикомъ. Командиръ, не совсѣмъ довѣряясь словамъ недовольнаго, просилъ полковника Ѳеоктистова спросить генерала Липранди—

правда ли, что онъ требуетъ смѣны подрядчика, и на сколько онъ одобряетъ настоящее продовольствіе въ его полку?—и получаетъ тотъ отвѣтъ, что Павелъ Петровичъ считаетъ продовольствіе въ этомъ полку примѣрнымъ, и что пока оно таково, то ему нѣтъ никакого дѣла входить въ выборъ того или другаго подрядчика.

Не зная, что дѣло выяснилось такимъ образомъ, недовольный начальникъ продолжаетъ настаивать на смѣнѣ подрядчика и, наконецъ, присылаетъ къ командиру полка своего, для заключенія съ нимъ новыхъ условій.

— „Пожалуй, мнѣ все равно—кто подрядчикомъ, будьте и вы,— отвѣчалъ командиръ новому подрядчику,—но вотъ какія у меня условія: доставлять въ роты за установленныя цѣны отличную говядину и, кромѣ того, въ каждую роту въ мѣсяцъ платить по 100 рублей".

— „Этого я не могу,—отвѣтилъ присланный подрядчикъ,—если угодно, то я въ роты буду доставлять одну говядину, а деньгами ничего; за то я согласенъ съ каждой роты вамъ лично платить въ мѣсяцъ не 100, а 200 рублей".

— „Ну, такъ скажите приславшему васъ ко мнѣ, что такихъ подрядчиковъ мнѣ не надо",—заключилъ командиръ полка.

Жары были нестерпимыя, почему, найдя весьма удобный берегъ для купанья, противъ раззоренной деревни Учкуй, лежавшей у подножія сѣверной стороны города, наша дивизія поочередно посылала солдатъ, большими командами, купаться. На небольшомъ разстояніи отъ берега, два непріятельскихъ парохода постоянно стояли на одномъ мѣстѣ, на якорѣ; на ихъ палубахъ не было замѣтно никакого движенія и намъ они не мѣшали; почему и названы были солдатами, въ отличіе отъ другихъ, мѣнявшихъ мѣсто,—„сонными".

Противъ сонныхъ пароходовъ купанье не прекращалось въ теченіе цѣлыхъ дней, но часамъ къ пяти по полудни собиралось купающихся до двухъ и трехъ тысячъ. Однажды, въ 6-мъ часу по полудни, я засталъ весь берегъ унизаннымъ наполовину раздѣтыми солдатами, но никто не рѣшался идти первымъ: вѣтеръ съ моря былъ сильный, прибой страшный; отваливавшею волною уносило съ берега порядочные камни. Всѣ хотѣли купаться, но всякій боялся—не бушующаго моря, а послѣдней, береговой волны, разбивавшейся о берегъ въ мелкіе брызги и о тотъ же берегъ разбивавшей все, что на себѣ приносила. Была еще и другая причина упорнаго раздумья: на половинѣ разстоянія между берегомъ и соннымъ пароходомъ, что-то круглое, большое, въ видѣ бочки, то качалось на волнахъ, то въ нихъ пропадало. Наши боялись, что непріятель подготовилъ какую-нибудь штуку для купающихся. Но

время уходило, не возвращаться же всѣмъ не купавшись: нѣсколько человѣкъ азовцевъ, два офицера и я пустились плыть на бочку, но, не проплывъ и полуверсты, возвратились всѣ назадъ, отъ пронзительнаго запаха гніющаго животнаго. Легко было держаться на волнахъ въ морѣ; но у берега отливающія волны, сталкиваясь съ новымъ ихъ прибоемъ, производили такой омутъ, въ которомъ нетрудно было погибнуть: прибившихся къ берегу уносило тою же волною назадъ, сбивая съ ногъ. Остававшіеся на берегу вязали полотенцы, посылали конецъ купавшимся и только при такой помощи удалось всѣмъ выйти на берегъ—съ побитыми колѣнами, локтями и со ссаженными животами. Не успѣли мы еще одѣться, какъ сильная волна выбросила къ намъ безобразно раздутаго газами, полусгнившаго, безъ шерсти, барана, хуже всякой бомбы разогнавшаго всѣхъ насъ съ берега.

Слѣдствіемъ ли частыхъ купаній, или не дурнаго продовольствія, но только въ войскахъ 12-й дивизіи заболѣвали немногіе; изрѣдка, и то спорадически, встрѣчались случаи холерины и еще рѣже—случаи холеры. Сынъ начальника дивизіи, Рафаилъ Липранди, захворалъ ею, безъ видимыхъ погрѣшностей въ образѣ жизни, но скоро выпользовался.

Много было разговора о причинахъ появлявшихся изрѣдка случаевъ холеры. Сколько же мнѣ помнится, то этимъ случаямъ предшествовали сраженія въ болѣе глухихъ мѣстахъ, составлявшихъ неопредѣленную территорію, съ которой ни непріятель, ни наши войска не считали себя въ правѣ убирать мертвыя тѣла.

Также точно не мало способствовало холерѣ широко раскинувшееся кладбище на сѣверной сторонѣ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ пролетѣвшая надъ нашими позиціями саранча. Она показалась съ моря, пронеслась надъ деревнею Учкуй и Инкерманскими позиціями, направляясь между Севастополемъ и Балаклавою; но, не долетѣвъ до города, у Сапуна стала заворачиваться круто назадъ, при чемъ передняя масса сталкивалась съ массою, напиравшею сзади, и при такомъ столкновеніи множество ея попадало въ долинѣ Черной и на нашихъ позиціяхъ. Ее можно было тогда собирать шапками. Бо́льшая часть попадавшей саранчи имѣла поломанныя крылья и погибла, отчего, на третій день послѣ ея пролета, былъ замѣтенъ гнилой, пронзительный запахъ на нашихъ позиціяхъ. Ясное дѣло, что послѣ этого нѣкоторое время вода въ нашихъ колодезяхъ и ручьяхъ, а также въ обмелѣвшей Черной рѣчкѣ, содержала начала разложившихся организмовъ и возбуждала холеру.

Во второй половинѣ іюля, полковникъ генеральнаго штаба П. К. Меньковъ именемъ главнокомандующаго призвалъ меня къ больному начальнику штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералу Веймарну, съ которымъ

Меньковъ былъ связанъ давнею и тѣсною дружбой. Мнѣ пришлось къ нему ѣздить не разъ. Дальнія эти поѣздки въ какую-то деревню на р. Бельбекѣ, выше Залонкой, вознаграждались поучительною бесѣдою съ этимъ глубоко образованнымъ офицеромъ. Я зналъ и прежде Менькова; наша 12-я дивизія была вообще любима, такъ что много образованнѣйшихъ командировъ, офицеровъ генеральнаго штаба и севастопольскихъ храбрыхъ моряковъ любили съ нами раздѣлять досужее время, чѣмъ, конечно, мы не мало гордились.

Я засталъ больнаго въ крайнемъ изнеможеніи и съ тоскливымъ дыханіемъ, лежавшимъ въ углу тѣсной и тонко-стѣнной татарской сакли, порядочно пробираемой южнымъ солнцемъ и тогда особенно сильно издававшей затхлый запахъ кизяка и гари.

Мелкій, мягкій и частый пульсъ, ознобъ, перебиваемый часто летучимъ жаромъ, вздутый животъ, разстройство пищеваренія, ночной бредъ, сухой языкъ и сухость кожи, смѣняемая кратко-временнымъ, но частымъ потомъ, и летучія боли въ периферіи тѣла не давали возможности дифференцировать у него болѣзнь. Только сильно увеличенная селезенка и разсказы объ отдѣльныхъ, прежде когда-то бывшихъ пароксизмахъ наводили на сущность болѣзни, крывшуюся въ болотной крымской потной лихорадкѣ; но это мало еще представляло утѣшенія, такъ какъ порядочныя дозы противолихорадочныхъ средствъ не оказали ожидаемаго дѣйствія. Когда я ближе ознакомился съ обстановкою, мнѣ показалось, что самая сакля, оштукатуренная глинистымъ иломъ изъ грязной рѣчки, перемѣшаннымъ пополамъ съ лошадинымъ пометомъ, могла, при условіяхъ сырости, смѣняемой палящимъ жаромъ, издавать міазмы, поддерживавшіе и маскировавшіе болѣзнь. Поэтому я совѣтовалъ кровать съ больнымъ изъ угла передвинуть на средину сакли и послѣднюю оставлять съ постоянно открытыми днемъ и ночью дверьми и окнами, завѣшенными только рѣдкими холстинами.

Для вѣрнѣйшаго противодѣйствія подозрѣваемымъ міазмамъ, я разставилъ нѣсколько тарелокъ съ хлорною водою, а, чтобы правильнѣе наблюдать болѣзнь, на первое время освободилъ больнаго отъ всякихъ лекарствъ, рекомендуя только, для утоленія жажды, ключевую воду съ незначительною примѣсью соляной кислоты. Послѣ двухъ сутокъ такого содержанія, пульсъ поднялся, сталъ рѣже, стала уменьшаться слабость и показался аппетитъ; затѣмъ, послѣ частаго и продолжительнаго сна прошла потливость, а съ нею и нервныя летучія боли въ периферическихъ частяхъ, а селезенка значительно уменьшилась въ объемѣ.

Наконецъ онъ поправился до того, что одна слабость и малокро-

ніе напоминали о перенесенныхъ имъ глубокихъ страданіяхъ; но онѣ быстро исчезали при дробномъ, но настойчивомъ употребленіи ціанистаго желѣза, такъ что къ 30-му іюля больной хотя съ трудомъ, но оставилъ кровать, 1-го августа уже занимался дѣлами службы, а 4-го, полубольной, принялъ доблестное участіе въ сраженіи на р. Черной, и смертію героя палъ въ этомъ дѣлѣ.

Кромѣ генерала Веймарна, состоявшій при главнокомандующемъ М. Д. Горчаковѣ, генеральнаго штаба полковникъ Меньковъ, въ концѣ іюля, съ особенною настойчивостію, возилъ меня ко многимъ больнымъ офицерамъ высшаго ранга; я только послѣ догадался, что такое горячее участіе къ здоровію сослуживцевъ слѣдовало отнести къ благородному увлеченію, съ которымъ этотъ офицеръ старался обезпечить намъ побѣду въ дѣлѣ 4-го августа—возвращая въ ряды сражающихся изнемогавшихъ отъ болѣзней, такихъ лицъ, которыя своимъ опытомъ, храбростію и распорядительностію заслуживали общаго, а отъ главнокомандующаго особаго довѣрія.

Между тѣмъ П. П. Липранди назначенъ былъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса, а на мѣсто его назначенъ былъ къ намъ, начальникомъ въ 12-ю пѣхотную дивизію, генералъ Мартинау, и вскорѣ затѣмъ перевели всю дивизію на промежуточную позицію, между Инкерманскими и Мекензіевыми высотами.

Одна часть нашихъ войскъ заняла землянки, а другая шалаши, оставшіеся послѣ прежде стоявшихъ здѣсь войскъ. Шалаши эти были очень неудобны, всѣ почти безъ дверей, и нѣкоторые имѣли по два входа, чѣмъ увеличивалась, и безъ того сильная, сквозная тяга.

Къ тому времени прибыли уже къ намъ ополченія.

Къ полкамъ нашей дивизіи были прикомандированы дружины Курскаго ополченія. Пріятно было смотрѣть, когда онѣ вступали на позиціи свѣжими, красиво одѣтыми, веселыми и бодрыми. Какъ оказалось въ послѣдствіи, ополченцы худо переносили полевую жизнь, чему, конечно, не мало способствовалъ недостатокъ у нихъ въ хорошихъ офицерахъ, не имѣвшихъ понятія о порядкѣ и хорошемъ веденіи солдатскаго хозяйства. Можно было опасаться, что своими безпорядками они внесутъ деморализацію и въ наши войска, но, по счастью, наше начальство предупредило это зло своевременнымъ контролемъ.

1-го августа генералъ Мартинау поручилъ мнѣ вникнуть въ содержаніе дружинъ, состоявшихъ при полкахъ 12-й дивизіи. Въ одной дружинѣ я нашелъ въ ротныхъ котлахъ только воду и нѣсколько рубленаго картофеля, безъ соли, и затѣмъ горсти двѣ крупъ; въ другой разваривали сухари водой и заправляли все постнымъ масломъ;

не лучше было и въ остальныхъ. Когда я спрашивалъ артельщиковъ и кашеваровъ, гдѣ же порціонная говядина, они съ испугомъ отвѣчали:

— „Помилуй Богъ, какая тутъ говядина: намъ скоро слѣдуетъ идти въ сраженія, нашъ старшой приказалъ поститься, чтобы чистыми идти въ сраженія, а то Богъ не помилуетъ".

XIV.

Въ послѣднихъ числахъ іюля стали много поговаривать о предстоящемъ, съ нашихъ позицій, большомъ сраженіи. При предполагавшейся тайнѣ, только и было рѣчи объ этомъ предметѣ. Французскіе дезертиры, передававшіеся прежде въ большомъ числѣ на Мекензіевой горѣ, стали рѣже появляться, но и тѣ одногласно объявили, что непріятель знаетъ о готовящемся ему съ поля сраженіи, но сбивается только въ днѣ самой битвы; знали и кашевары въ дружинахъ, а чѣмъ запретъ пошелъ на говядину. 2-го числа августа, назначенное на 4-е число—сраженіе уже не составляло тайны, а 3-го числа съ утра мы знали изъ диспозиціи, что общій передовой перевязочный пунктъ назначенъ у Горчаковской батареи, что тамъ мы должны найти запасъ 18-ти бочекъ воды, что для проводовъ туда лазаретныхъ обозовъ назначены особые проводники, и что всѣ перевозочныя средства будутъ въ вѣденіи генерала Зурова.

Въ 6 часовъ пополудни войска, занимавшія позиціи на Мекензіевыхъ высотахъ, выступили со своихъ стоянокъ и стали спускаться въ долину Черной рѣчки. За пѣхотою слѣдовала артиллерія. На спускѣ одинъ патронный ящикъ, съ лошадьми и ѣздовымъ артиллеристомъ, оборвался въ оврагъ,—починка осунувшагося края дороги заняла нѣсколько минутъ и задержала лазаретные обозы. По отрывистымъ крикамъ, доходившимъ до насъ отъ стороны Чоргуна, можно было думать, что и съ той стороны войска выступали въ долину. Наконецъ, спустились и лазаретные обозы и, выбравъ холмикъ, расположились за нимъ, позади дивизіи, залегшей въ долинѣ, не переходя рѣки Черной.

Медикамъ съ ихъ обозами слѣдовало прямо со спуска отправиться къ Горчаковской батареѣ, но провожатыхъ не оказалось, а, кого ни спросишь, никто не знаетъ, какимъ путемъ на нее можно проводить обозъ, не нарушая покоя и не выдавая предполагавшейся тайны передъ покоющимся непріятелемъ.

Въ небольшой группѣ лежавшихъ офицеровъ шелъ тогда разго-

воръ о занятіи Кадыкіойскихъ высотъ еще въ прошломъ году, 13-го октября. Одинъ изъ нихъ закончилъ свой отзывъ такими словами:

— „А я хоть шопотомъ, а выскажу свое мнѣніе, что послѣ 13-го октября не слѣдовало Семякина брать въ начальники штаба въ Севастополь, когда онъ уже успѣлъ выказаться, какъ боевой генералъ;—не слѣдовало на 24-е октября генерала Липранди, самостоятельно и счастливо ведшаго дѣло 13-го октября, подчинять князю Петру Горчакову. Напротивъ, слѣдовало 24-го октября предоставить одному Липранди, не отбирая отъ него Семякина, распорядиться по своему, и Ѳедюхины горы были-бы давнымъ давно наши, и намъ не нужно было-бы сегодня сызнова начинать все то, съ чего счастливо началъ Липранди 13-го октября!“

— „А теперь, что вы думаете про предстоящее намъ сраженіе?“ спросилъ одинъ полковой командиръ другаго.

— „Я думаю,—отвѣтилъ тотъ,—что теперь намъ надо 25,000 штыковъ, чтобы взять Ѳедюхины горы, а затѣмъ еще 50,000, чтобы ихъ удержать за собою“.

— „Какъ пріятно принадлежать къ первымъ“,—отозвался собесѣдникъ и оба разсмѣялись.

— „Теперь,—продолжалъ первый,—вся суть состоитъ въ резервахъ; нѣтъ сомнѣнія, что Ѳедюхины горы возьмемъ, если наша дивизія будетъ брать ихъ; но въ томъ-то и дѣло—кто поведетъ резервы и подоспѣютъ ли они во время?“

Ночь была довольно темная и тихая, только повременамъ луна проглядывала изъ-за носившихся по небу облаковъ.

Часу въ 4-мъ утра проѣхалъ мимо насъ генералъ Веймарнъ, начальникъ штаба 3-го корпуса, съ нѣсколькими жандармами.

— „Здравствуйте, вамъ слѣдуетъ быть у Горчаковской батареи“,—сказалъ онъ мнѣ, и узнавъ, что я туда дороги не знаю, далъ мнѣ въ проводники жандарма.

— „Спасибо, что меня къ сраженію поставили на ноги; дай Богъ намъ послѣ него встрѣтиться веселыми“,—заключилъ Веймарнъ и, опережая лежавшія еще войска, направился къ Черной рѣчкѣ.

Прибывъ къ Горчаковской батареѣ съ обозами отъ трехъ полковъ 12-й пѣхотной дивизіи и ея артиллеріи, я не нашелъ тамъ обѣщанной (18 бочекъ) воды; почему, зная, что, кромѣ 12-й дивизіи, тутъ же назначенъ перевязочный пунктъ и для прочихъ войскъ, велѣлъ набрать воды въ имѣющуюся посуду изъ ближайшаго колодезя по предварительной его расчисткѣ и выкопать восемь земляныхъ ямъ (такъ называемыхъ стульевъ), съ упоромъ для спины и ногъ, не мало облегчающихъ производство большихъ операцій. За часъ до разсвѣта при-

были лазаретные обозы и отъ остальныхъ войскъ, съ медицинскимъ персоналомъ, и во главѣ ихъ корпусный штабъ-докторъ 6-го корпуса, Копытовскій. Всю подготовленную мною обстановку онъ приказалъ мнѣ передать въ 17-ю дивизію, а самому со своимъ обозомъ отойти дальше на край площади, отдѣленный отъ общаго пункта рядомъ кустовъ. На новомъ пунктѣ я сызнова вырылъ четыре земляныхъ стула, послалъ двухъ казаковъ и нѣсколько музыкантовъ по направленію къ Өедюхинымъ горамъ, для наблюденія, чтобы раненыхъ 12-й дивизіи не пропускали на чужіе перевязочные пункты. Такимъ образомъ, весь передовой перевязочный пунктъ расположился двумя только отдѣльными группами: первою завѣдывалъ докторъ Копытовскій, а второю я, не выходя изъ его распоряженій. Въ первой группѣ было не менѣе 30-ти, а въ моей, включительно со мною—шесть медиковъ.

Чуть только заря стала подниматься красною полоской и подулъ береговой вѣтеръ, какъ послышался отдѣльный пушечный выстрѣлъ въ сторонѣ моста, влѣво отъ насъ. Затѣмъ внятно послышались отвѣтные выстрѣлы, но не противъ тѣхъ мѣстъ, съ которыхъ наши стрѣляли. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы канонада была сильная; рѣдко слышались по два и по три выстрѣла вмѣстѣ, и то съ довольно замѣтными перерывами.

— Ага, ага!—значитъ не пущаютъ наши порохъ прахомъ, значитъ, пришибнсто; такъ-то, такъ-то, укладывай ихъ грядками, да рядками!—отозвался старый казакъ.

Вся прислуга до того была заинтересована начавшимся боемъ, что всякая работа пріостановилась, да и нельзя было не сочувствовать такому святому участію; къ тому же, сказать правду, мы съ жадностію вслушивались въ толки солдатъ, зачастую однимъ ухомъ опредѣлявшихъ ходъ боя.

Не прошло болѣе получаса канонады, какъ перерывы стали чаще повторяться — и вдругъ, совсѣмъ съ другой стороны, впереди и гораздо правѣе прежняго, раздались три, четыре ружейныхъ выстрѣла, а затѣмъ пошла трескотня, до того густая, что казалось, какъ будто бы надъ нами что-то стремительно разрывается въ самомъ небѣ.

— Съ Өедюхъ- назадъ палятъ, а наши нѣтъ, аль мало-мало, значитъ нашимъ нѣкогда-ть, навѣрное полѣзли на повалъ,—замѣтилъ музыкантъ-носильщикъ.

Раздалось наше ура! но слабо, — затѣмъ въ другой разъ, крѣпче прежняго и правѣе, и еще разъ—лѣвѣе, и затѣмъ на всѣхъ пунктахъ слились всѣ крики въ одно протяжное ура, подавившее трескотню ружейныхъ выстрѣловъ... Вдругъ все стихло!

— Перекрестись, ребята, коли наше взяло!—сказалъ я,—да и за работу; запасные носильщики иди на встрѣчу передовымъ; смѣняй ихъ, гдѣ тяжело; иди дальше, если смѣны не надо. Держись разставленныхъ отъ дивизіи къ Ѳедюхамъ номеровъ; да не сбивайся со своей линіи.

Затѣмъ я велѣлъ разставлять перевязочные столы.

На моемъ пунктѣ были: Одесскаго—штабъ-лекарь Шиллеръ и лекарь Вальтеръ, Украинскаго—штабъ-лекарь Ейсмонтъ и лекарь Синицынъ и Азовскаго пѣхотнаго полка штабъ-лекарь Скрябинъ [1]). Такъ какъ всѣ они, особенно четверо первые, сдѣлали со мною всѣ походы въ княжествахъ, а пятый хотя и позже поступилъ въ нашу 12-ю дивизію, но былъ мнѣ знакомъ изъ Евпаторійскаго дѣла, то, имѣя, включительно съ собою, шесть медиковъ въ своемъ распоряженіи и семь испытанныхъ фельдшеровъ, я могъ образовать полную группу, распредѣливъ въ ней занятія слѣдующимъ образомъ:

Три штабъ-лекаря работали каждый у своего стола и въ пользу своего полка; четвертый, лекарь Синицынъ, долженъ былъ заниматься у четвертаго стола—для артиллеристовъ и др. Затѣмъ на мнѣ и лекарѣ Вальтерѣ лежала обязанность предварительной классификаціи раненыхъ, при чемъ мы изъ подносимыхъ къ намъ отбирали:

1) Совершенно безнадежныхъ; такихъ передавали священнику и лазаретному офицеру, для тщательнаго за ними ухода. Священникъ и лазаретные офицеры, по данной имъ нами предварительной инструкціи, имѣли право, не отвлекая насъ отъ дѣла, сами распоряжаться виномъ, ароматными, теплыми и холодными напитками, успокоительными средствами и крѣпительною, легкою пищею; они имѣли при себѣ хорошаго фельдшера и четырехъ служителей.

2) Въ отдѣльную группу отбирали такихъ, которымъ нужна была значительная оперативная помощь на мѣстѣ: сюда относились размозженія членовъ, поврежденія большихъ сосудовъ, вообще значительныя кровотеченія, поврежденія костей, значительныя поврежденія головы и лица, съ обмороками и асфиксіями, съ явленіями сотрясенія мозга и т. д. Для этой группы назначались я съ Вальтеромъ, имѣя при себѣ одного фельдшера и четыре цирюльника втораго комплекта.

3) Особую группу составляли такіе, которымъ нужна была тщательная, простая или сложная, повязка и непродолжительныя, болѣе простыя операціи и сложныя перевязки. Сюда относились пулевыя раны съ засѣвшею въ тѣлѣ пулею, проницающія раны полостей, переломы

[1]) Шестой медикъ, Малютинъ, съ Днѣпровскимъ полкомъ ушелъ послѣ сраженія на боевую позицію, на которую ожидалось нападеніе непріятеля, и потому на нашемъ пунктѣ не могъ принимать участія. А. Г.

костей конечностей, рубленыя и колотыя раны съ ущемленіемъ тканей, и проч. Они тотчасъ перевязывались у стола своей части или полка, штабъ-лекаремъ. Онъ же и производилъ операціи, какъ-то: вырѣзываніе пули, если ее опасно было оставить въ тѣлѣ до другаго дня, накладывалъ лубки, или готовыя крахмальныя и гипсовыя повязки—въ переломахъ, отдѣлялъ размозженный малый членъ, какъ, напримѣръ, палецъ, дѣлалъ кожные разрѣзы, или расширялъ отверстія при ущемленіи тканей и проч. Каждый медикъ у стола имѣлъ, для исполненія его различныхъ указаній, одного фельдшера, двухъ цирюльниковъ втораго комплекта.

4) Четвертую группу составили легко-раненые и контуженные, у которыхъ не предстояло дѣлать никакой операціи и не было угрожающихъ припадковъ. Такихъ мы передавали особому фельдшеру, имѣвшему въ своемъ распоряженіи нѣсколько человѣкъ цирюльниковъ для перевязки.

У стола для каждой части было по два писаря изъ полковыхъ канцелярій, для записыванія раненыхъ, ихъ именъ и сдѣланныхъ имъ операцій или перевязокъ, подъ диктовку завѣдывающаго столомъ медика; при мнѣ же были два писаря дивизіоннаго штаба, для записи раненыхъ второй категоріи и еще два для записи раненыхъ офицеровъ.

Въ десятомъ часу утра, на нашемъ перевязочномъ пунктѣ было уже болѣе 400 раненыхъ, а до полудня доставили болѣе 1,000—принесли и полковника Скюдери (командира Одесскаго егерскаго полка), Ольтеницкаго героя, получившаго три штыковыхъ, четыре пулевыхъ и двѣ картечныхъ раны,—одно колѣно было размозжено, животъ справа налѣво былъ пронизанъ картечью же, но содержимое не показывалось наружу, почему нельзя было, по одному виду ранъ, заключить—былъ ли кишечникъ поврежденъ, а рѣшеніе этого вопроса составляло для него вопросъ жизни. Въ это время кто-то изъ окружающихъ настаивалъ, чтобы, для сокращенія страданій, дать сонныхъ капель; самъ Скюдери еще настойчивѣе выразилъ то же требованіе, но я этого не допустилъ сдѣлать и тѣмъ возбудилъ разногласіе, вслѣдствіе котораго генералъ-штабъ-докторъ потребовалъ отъ меня объясненія. Я сообщилъ свое убѣжденіе, что настоящій случай, по трудности изслѣдованія поврежденія, принадлежитъ къ весьма сомнительнымъ и критическимъ, въ которыхъ легко дѣлаются неисправимыя ошибки, и что, если кишечникъ порванъ, то жизнь очень скоро закончится; въ противномъ же случаѣ большая доза опіума будетъ преступленіемъ, и что, разъ позволивши себѣ сокращать жизнь въ сомнительныхъ случаяхъ, я долженъ разрѣшить то же дѣлать и подчиненнымъ мнѣ медикамъ, что все, при большомъ числѣ трудно-раненыхъ, послужитъ поводомъ къ

неминуемымъ ошибкамъ. Возвратясь къ Скюдери черезъ три минуты, я засталъ его умершимъ. Тутъ же я узналъ, что генералы Реадъ и Веймарнъ убиты, и вскорѣ встрѣтилъ кортежъ съ тѣломъ генерала Веймарна, лежавшаго на носилкахъ съ засунутою за бортъ застегнутаго пальто правою рукою, подъ которою лежали карта и планы сраженія; вся шея и лицо были синеваты и вздуты, тѣло еще теплое, глаза закрыты—что все ему давало видъ человѣка въ обморокѣ или въ спячкѣ, и было причиною тщетныхъ пробъ и стараній привести его въ чувство. Хотя пораненій, ни ссадинъ не найдено, но явленія смерти были очевидны.

Вслѣдъ затѣмъ объявилъ подошедшій ко мнѣ фельдшеръ, что одинъ раненый въ руку солдатъ самъ разсказывалъ, что когда онъ при отступленіи проходилъ вбродъ черезъ глубокій водопроводъ и уже одною ногою стоялъ на берегу, то, почувствовавъ, что кто-то его сильно тянетъ назадъ въ воду, отбился прикладомъ, полагая, что его преслѣдовалъ непріятель; но какъ только онъ убѣдился, что завязшій въ каналѣ былъ русскій, то онъ же ему помогъ выбраться на берегъ, и тогда только разсмотрѣлъ, что онъ ошибкою толкнулъ своего же генерала. Я искалъ этого солдата-разсказщика, но его не нашелъ, а вскорѣ я дѣйствительно былъ потребованъ къ двумъ генераламъ, Левуцкому и Огареву, лежавшимъ вблизи водопровода, изъ которыхъ одинъ былъ контуженъ въ животъ; но это поврежденіе важныхъ послѣдствій для его здоровья не имѣло, и, послѣ оказанной ему мною помощи, онъ отправился на свою позицію.

Нѣсколько человѣкъ раненыхъ были доставлены мокрыми. Они разсказывали, что, еще до начала атаки на Ѳедюхины горы, имъ не повезло, въ томъ смыслѣ, что мостикъ, перекинутый черезъ водопроводъ, однимъ концомъ оборвался въ воду и имъ приходилось идти вбродъ, черезъ что и ружья замочили.

Считая по происхожденію, изъ 144 офицеровъ, перевязавшихся на моемъ пунктѣ, три четверти цифры принадлежали именамъ бѣлорусскихъ, литовскихъ, волынскихъ и, наконецъ, польскихъ фамилій; въ этомъ числѣ засчитаны около 10-ти нѣмцевъ и четыре крещенныхъ еврея; нѣсколько болѣе четверти приходилось на долю фамилій великороссійскаго происхожденія и малороссовъ.

Въ числѣ нижнихъ чиновъ, преобладающій элементъ раненыхъ былъ великороссійскій, хотя рельефно выдавались также бѣлорусскій и волынскій. Изъ раненыхъ носильщиковъ было нѣсколько, особенно музыкантовъ, еврейскаго происхожденія; но и между ранеными въ строю не мало встрѣчалось лицъ еврейскаго типа.

Всѣ мы, шесть медиковъ, работавшіе на этомъ пунктѣ, принадлежали

Пироговской школѣ, и потому единство понятій намъ чрезвычайно помогало. Не было разногласій и противорѣчій въ нашихъ дѣйствіяхъ, и потому къ тремъ часамъ пополудни на нашемъ пунктѣ было слишкомъ 1,000 человѣкъ раненыхъ, тщательно уже осмотрѣнныхъ, перевязанныхъ и подготовленныхъ для сдачи на главный перевязочный пунктъ, раскинутый въ госпитальныхъ шатрахъ и солдатскихъ палаткахъ на плато Мекензіевой горы, рядомъ съ позиціею Бутырскаго пѣхотнаго полка. Съ другой стороны, необходимо было очистить площадь перевязочнаго пункта, до того заваленную, что съ трудомъ приходилось пробираться между ранеными; зная, что на полянахъ, ниже спуска, былъ расположенъ громадный перевозочный обозъ, состоявшій изъ лазаретныхъ полуфурокъ, полковыхъ фуръ и обывательскихъ, большею частію колонистскихъ подводъ, я послалъ одного лазаретнаго офицера просить отпуска мнѣ не менѣе 200 подводъ. Онъ возвратился съ пустыми руками, объясняя, что въ обозѣ полагаютъ нужнымъ держаться того порядка, чтобы производить отпускъ подводъ по порядку нисходящихъ нумеровъ дивизій, начиная съ 17-й. Тогда я самъ отправился и выпросилъ 200 подводъ на свой страхъ. Давка и смятеніе на перевязочной площади, не дававшія успѣшно продолжать перевязку, а тѣмъ болѣе производство большихъ операцій, лишали меня возможности входить въ значеніе и источникъ такого распоряженія, слѣдствіемъ котораго готовые къ отправленію должны были оставаться безъ нужды на солнцѣ. По мѣрѣ же того, какъ повторенными транспортами площадь наша очищалась отъ избытка раненыхъ, осмотръ остальныхъ дѣлался успѣшнѣе. Такимъ образомъ, къ семи часамъ удалось перевезти болѣе 1,000 человѣкъ на главный пунктъ, находившійся отъ насъ въ $2^1/_2$ верстахъ. Въ этомъ числѣ отправленныхъ было много и легко-раненыхъ. Послѣдніе слѣдовали при транспортѣ только до гребня Мекензіевой горы, откуда при цирюльникахъ отправлялись на позиціи своихъ частей, не заходя на главный перевязочный пунктъ.

Въ теченіе всего утра на нашъ пунктъ прибывали незнакомые намъ медики и спрашивали работы. Съ одной стороны, не имѣя права ими распоряжаться, а съ другой—не зная, на сколько они подготовлены для такихъ серьезныхъ занятій, я ихъ адресовалъ къ корпусному штабъ-доктору, задержавшему ихъ при себѣ.

Съ наступленіемъ сумерекъ, корпусный штабъ-докторъ, посѣтивъ мой пунктъ и упрекая меня медлительностію въ осмотрѣ, высказалъ свои опасенія, что мнѣ придется со своими ранеными остаться всю ночь въ виду непріятеля, такъ какъ скоро нельзя будетъ, по наступленіи ночи, ихъ перевозить. Онъ крайне удивился, когда я ему объ-

вилъ, что у меня въ полѣ остается раненыхъ менѣе чѣмъ на одинъ транспортъ, такъ какъ 1,600 изъ нихъ уже перевезены и сданы на Мекензіевы высоты.

— „Ну, значитъ вы не дѣлали большихъ операцій и не дѣлали перевязокъ, а попросту спровадили раненыхъ на Мекензіеву гору“,— сказалъ онъ тономъ вопроса и вмѣстѣ горькаго упрека, и, не слушая моихъ объясненій, возвратился на свой пунктъ.

Между тѣмъ солнце зашло, а луна изъ-за рѣдѣвшихъ тамъ и самъ на небосклонѣ тучекъ, плохо свѣтила. Работа на нашемъ перевязочномъ пунктѣ была уже закончена. Мои сотрудники — пять медиковъ, усталые и не ѣвшіе со вчерашняго вечера, сиплыми голосами доказывали свои распоряженія къ отъѣзду.

Опасаясь, что подводы, отправленныя съ послѣднимъ транспортомъ, не скоро или вовсе не возвратятся, я сходилъ на сборный пунктъ обозовъ; выпросилъ подводъ двадцать и велѣлъ на нихъ укладывать остальныхъ человѣкъ сорокъ раненыхъ.

Еще въ княжествахъ у меня установился обычай: передъ каждою экспедиціею заготовлять штукъ десять, или болѣе, пирожковъ съ мясомъ и баклагу съ мѣстнымъ виномъ, а чай съ сахаромъ и комфорка дополняли все походное хозяйство. Мой слуга этимъ очень аккуратно занимался и всегда былъ радъ, когда ему представлялся случай похвастаться своимъ хозяйствомъ; почему, видя наступившій досугъ, онъ разостлалъ цыновку, уставилъ на ней баклагу возлѣ торбы съ пирожками, а я пригласилъ сотрудниковъ подкрѣпить свои силы, а самъ пошелъ провожать послѣдній транспортъ до того мѣста, съ котораго вчера оборвался троечный ящикъ.

Изъ раненыхъ, на перевязочномъ пунктѣ оставался только одинъ артиллерійскій офицеръ, еще не успокоившійся послѣ операціи, сдѣланной ему мною, по случаю засѣвшей въ плюснѣ конической пули. Его очень облегчали холодныя примочки, почему и отправленіе его было отложено до послѣдней минуты. Каково же было мое удивленіе, когда, возвращаясь съ проводовъ транспорта и приближаясь къ мѣсту закуски, я услышалъ хриплый крикъ:

— „Ну же, поднимайтесь, не время балясничать, вставайте и ступайте за мной; я вамъ покажу службу“.

Луна уже всплыла высоко въ чистомъ небѣ, и мнѣ легко было разглядѣть тощую и узкую фигуру штабъ-офицера, стоявшаго при саблѣ и съ дубинкою въ рукахъ на разостланной цыновкѣ и распекавшаго моихъ сотрудниковъ, остававшихся лежмя у ногъ его. Всмотрѣвшись пристальнѣе въ ихъ лица, не трудно было въ нихъ замѣтить глубоко прочувствованное оскорбленіе и истощавшееся терпѣніе.

Опасаясь—не скандала, а кровавой сцены, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ одного изъ нихъ я замѣтилъ неубранный еще кателинъ, я поспѣшилъ разговориться съ непрошенным гостемъ, опросивши, кто онъ и чего желаетъ?

— „А ты кто, что шляешься безъ дѣла?"—переспросилъ меня штабъ-офицеръ.

Объяснивъ ему кто я и что управляю настоящимъ перевязочнымъ пунктомъ, я попросилъ его адресовать дальнѣйшую рѣчь свою ко мнѣ одному, такъ какъ я одинъ здѣсь за все отвѣчаю.

— „Не отвѣчаете, а отвѣтите, и сильно отвѣтите за всѣ безпорядки!! Ваши медики валяются пьяные, кутятъ какъ баши-бузуки и ничего не дѣлаютъ".

Чтобы избѣжать столкновенія съ медиками, изъ которыхъ одинъ уже вскочилъ, потерявъ всякое терпѣніе, я, отходя все дальше и дальше отъ мѣста скандала, сталъ объяснять этому господину, что дѣло всякое уже покончено, да и плохо бы теперь было работать, если бы мы въ теченіе дня не успѣли всего покончить; что по окончаніи работы я самъ предложилъ закуску медикамъ, не ѣвшимъ съ вечера вчерашняго дня.

— „Что вы мнѣ разсказываете турусы на колесахъ, я вамъ всѣмъ покажу, что̀ значитъ ослушиваться".

Завидѣвъ шагахъ въ 30-ти, на конѣ, дежурнаго генерала, я отправился къ его пр—ву и объяснилъ скандальную сцену, которую я засталъ на цыновкѣ, возвратившись съ проводовъ послѣдняго транспорта, и странность требованій дежурнаго штабъ-офицера, чтобы медики вставали передъ нимъ и взялись за какое-то дѣло, на которое указать онъ не умѣетъ.

— „Да у васъ ничего не дѣлалось!"—возразилъ дежурный генералъ.

Я старательно объяснилъ все случившееся и передѣланное съ ночи и до настоящей минуты, не забывши намекнуть и на то, что долгъ вѣжливости требовалъ, чтобы дежурный штабъ-офицеръ поблагодарилъ меня за доставленную мною раненымъ воду, и проч.

— „Воды было 18 бочекъ, вы не потрудились найти ее!"—перебилъ меня его пр—во.

Тутъ только я понялъ, что попалъ въ просакъ, и что имѣю дѣло не съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а съ дежурнымъ генераломъ и съ его задѣтымъ самолюбіемъ. Онъ повернулъ коня и поѣхалъ въ сторону корпуснаго фербанда.

На перевязочномъ пунктѣ оставались еще неубранными столы, боченки съ водою, баклаги и чотры съ уксусомъ, виномъ, и нѣсколь-

ко табуретовъ. Прислуга, разсѣвшись, закусывала сухарями, запивая водою, изъ баклажекъ.

Помѣстивши артиллерійскаго офицера на мою рессорную бричку, я только отдалъ приказаніе укладывать столы, какъ вдругъ, съ того же мѣста, на которомъ меня оставилъ дежурный генералъ, показалась группа всадниковъ, скакавшихъ прямо на мой перевязочный пунктъ. Я еще не успѣлъ застегнуть шинель, какъ услышалъ спросъ: кто дивизіонный докторъ? и тотчасъ предсталъ передъ главнокомандующимъ [1]).

— „Ты ничего не дѣлалъ? — изъ-за тебя раненые еще въ полѣ? Слѣдуетъ тебя наказать, слѣдуетъ... ррр"...

— Слѣдуетъ наказать того, кто обманываетъ ваше сія—во,—отвѣтилъ я съ поспѣшностію.—Я съ пятью медиками и семью фельдшерами перевязалъ всѣхъ 1,762 солдата и 144 раненыхъ офицера своей дивизіи и артиллеріи, снабдилъ и корпусный фербандъ и свой водою и вырытыми стульями съ ночи.

— „Ты не дѣлалъ операцій, не перевязывалъ, у тебя ничего нѣтъ!" [2]).

— И теперь все есть, но все укладывается.—Подбѣжавъ къ ближайшему столу, я поднялъ полу скатерти и указалъ на неубранные запасы уксусу, вина, водки, перевязочныхъ запасовъ и проч.—А если ваше сія—во видите чистый лугъ, то это потому, что ночью кровяныя пятна невидны на немъ и что отнятые члены зарыты за кустами, гдѣ выставленъ столбикъ. Большихъ операцій сдѣлано нѣсколько десятковъ, малыхъ больше, однѣхъ пуль извлечено цѣлыя сотни.

Видя, что его сія—во явно смягчился, я просилъ приглядѣться къ порваннымъ и облипшимъ кровію платьямъ на мнѣ, прочихъ медикахъ и на фельдшерахъ, и повѣрить, что обманываю не я, а кто-либо другой.

---

[1]) Главнокомандующій посѣтилъ корпусный перевязочный пунктъ во второмъ часу по полудни; но въ тотъ разъ на мой пунктъ не заѣзжалъ, а съ наступленіемъ ночи, узнавъ, что не всѣ раненые перевезены на главный перевязочный пунктъ, по чьему-то докладу, эту неисправность отнесъ къ моему пункту, куда и прибылъ, чтобы лично убѣдиться.

[2]) На моемъ перевязочномъ пунктѣ, вся хирургическая дѣятельность распредѣлялась согласно съ произведенною мною классификаціею поврежденіямъ и потому большія операціи производились только во второй группѣ, мною и Вальтеромъ, черезъ что перевязка и помощь въ прочихъ группахъ не задерживались.—На корпусномъ пунктѣ классификація не была производима; медики задались преимущественно большими операціями,—и черезъ это произошло замедленіе въ перевязкѣ большинства раненыхъ. А. Г.

Въ это время изъ свиты многіе сошли съ лошадей, пробовали вино, разсматривали запасы, разспрашивали прислугу и заспорили между собою въ полголоса.

— „А гдѣ брошенный тобою артиллеристъ, офицеръ?"—спросилъ князь.

— Не брошенный, а оставленный, ради покоя и примочекъ, на мѣстѣ операціи; онъ лежитъ на этой бричкѣ. Не могъ же я его отправить на тряской подводѣ,—отвѣтилъ я.

Его сія—во отыскалъ доктора Эйхвальда и приказалъ ему съ мѣста отправиться на главный перевязочный пунктъ съ однимъ офицеромъ и тамъ узнать, въ какомъ положеніи доставлены раненые съ фербанда 12-й дивизіи? Затѣмъ, повернулся къ ближайшимъ изъ своей свиты и сказалъ:

— „Я радъ, что самъ былъ здѣсь, а то, пожалуй, не кстати взыскалъ бы по барскому докладу",—а обратившись ко мнѣ, прибавилъ: „прощай, если ты окажешься правъ, то я буду радъ",—и направился на позицію [1]).

Грустно и безмолвно было шествіе перевязочнаго нашего обоза на свои позиціи. Однѣ лошади, зачуя стоянку, такъ и рвались бѣжать и часто ржали; медики молчали, потому что не знали съ чего начать, были озадачены интригой и ума приложить не могли, чѣмъ она кончится, да еще и потому, что не хотѣли быть подслушаны прислугой.

А. А. Генрици.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) За распорядительность и помощь раненымъ во время и послѣ дѣла 4-го августа, я былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами.
А. Г.

ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ.

1829—1868.

IV [1]).

Новые товарищи.—Жена антрепренера въ роли «Руффіаны».—Подвиги широкой натуры.—Актриса директорша.—Похищеніе.—Первая любовь.—Первые стихотворные опыты.

Дня черезъ три по пріѣздѣ моемъ въ Ярославль я дебютировала въ дивертисементѣ, пѣла русскую пѣсню «Вечеркомъ румяну зорю»; одѣли меня въ бархатный синій сарафанъ и повязку съ камешками. Когда я вышла на сцену, громкія рукоплесканія встрѣтили меня; я пропѣла мою пѣсенку, и меня заставили повторить ее; я пропѣла еще разъ, но публика требовала, чтобы я еще пропѣла. Я устала и хотѣла отдохнуть немного, но тутъ случился со мной смѣшной анекдотъ. Мой новый начальникъ любилъ иногда выпить. Вотъ тутъ-то онъ, будучи подъ-хмѣлькомъ и слыша, что публика очень волнуется и желаетъ, чтобы я еще пѣла, пришелъ въ неописанную радость, прибѣжалъ за кулисы и прямо ко мнѣ, схватилъ меня меня за руку и стремительно вывелъ на авансцену, сказавъ при всей публикѣ: «дѣвица Косицкая, пей!» Публика очень долго смѣялась надъ этимъ событіемъ и вызывала меня нѣсколько разъ.

Съ этого дебюта я стала любимицей публики въ Ярославлѣ. Тутъ-то я убѣдилась, что мое непослушаніе волѣ родительской было правымъ дѣломъ, и тутъ-то стала я кормить себя и матушку своимъ трудовымъ кускомъ и даже покоить ее по мѣрѣ воз-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 65—80; 281—304.

можности. Трудныя и черныя работы пошли въ чужія руки и мнѣ стало весело и радостно глядѣть на мою жизнь. Матушка, слыша мнѣ громкія похвалы, сама даже была въ театрѣ одинъ разъ, когда я играла Михаэлу въ «Дочери Карла Смѣлаго», и очень ей это представленіе понравилось; послѣ этого она все поглядывала на меня и улыбалась, но мнѣ ничего говорить не хотѣла. Да! полюбила меня ярославская публика, и тутъ начались ухаживанія, преслѣдованія, но я еще всетаки была ребенокъ, не понимала ничего, только смѣялась. Ухаживанія дѣлались серьезными и стало мнѣ не на шутку досадно. Занималась я дѣломъ своимъ на сценѣ серьезно, и никакому другому чувству не было мѣста во мнѣ. Дѣло шло очень хорошо, но тутъ какъ на грѣхъ влюбись въ меня одинъ купецъ, богатый, красивый собой, но женатый. Объ этой любви я не могу умолчать. Началъ онъ за мною ухаживать, ходить за кулисы, чтобы только видѣть меня, и каждый разъ бывало принесетъ что нибудь мнѣ, или фрукты, или конфекты. Я все брала и ѣла, стали надо мною шутить на его счетъ; я, бывало—плакать; шутить перестали, а онъ не на шутку сталъ ухаживать, а я, въ простотѣ сердечной, ношу къ себѣ домой конфекты. Мать замѣтила это и спросила гдѣ я беру ихъ; я говорю: «дарятъ!»—Кто?—«Такой-то господинъ». —«Ты у меня не смѣй брать конфекты, они (говоритъ) мошенники, такъ угостятъ, что и не опомнишься!» Въ первый же спектакль, я конфектъ не взяла отъ него, а онъ прислалъ цѣлый пудъ и велѣлъ раздѣлить всѣмъ барышнямъ поровну, и опять я была съ конфектами, и такъ онъ долго кормилъ насъ и сталъ мнѣ говорить, что онъ любитъ меня, а я бывало, засмѣюсь да и убѣгу отъ него. Матушка узнала, что онъ ухаживаетъ за мною, стала мнѣ говорить разныя непріятности; меня это очень обидѣло. Я стала удаляться отъ него, а онъ нарочно сталъ слѣдить за мною; гдѣ нибудь поймаетъ меня и непремѣнно скажетъ, что любитъ меня и зачѣмъ я такой ребенокъ; а я разсержусь, и прошу его, чтобъ онъ не говорилъ мнѣ этого, а то я его возненавижу; онъ смѣялся. И странно: этотъ человѣкъ рѣшительно зналъ каждый шагъ мой, и гдѣ и какъ бы я ни пошла, я его непремѣнно встрѣчу, и такъ какъ онъ зналъ, гдѣ я бываю, и потому я встрѣчала его у всѣхъ моихъ знакомыхъ. Директорша наша очень любила меня, я часто гащивала у ней, особенно въ от-

сутствіе ея мужа. Это обстоятельство, разумѣется, было извѣстно моему обожателю.

Одинъ разъ встрѣтилъ онъ меня у директора и сказалъ мнѣ опять, что онъ меня любитъ. Я очень обидѣлась и заплакала, но не сказала ему ни слова. Онъ сказалъ: «не сердитесь на меня, я не могу владѣть собою, а лучше пожалѣйте меня.» Я говорю ему: я не могу любить васъ, я боюсь васъ, я никого не могу любить. Послѣ этого онъ сталъ холоденъ со мною, и все, бывало, онъ смотритъ на меня своими большими глазами. Я стала покойнѣе, перестала бояться его и не понимала, чего тутъ именно я должна была бояться. И случилось со мной страшное событіе, которое показало мнѣ, что Господь любитъ и хранитъ меня.

Директоръ нашъ уѣхалъ куда-то на недѣлю; это было не задолго до Рождества. Я, разумѣется, была приглашена директоршей гостить къ ней, на это время; я охотно всегда исполняла такую честь и отправилась къ ней гостить. Ночью, ложась спать, она мнѣ много говорила хорошаго о моемъ обожателѣ; я сказала, что онъ мнѣ не нравится, и уснула преспокойно; и вижу сонъ, будто гуляю я въ прекрасномъ саду и такъ въ немъ много прекрасныхъ цвѣтовъ и фруктовъ. Стала мучить меня жажда, я хочу сорвать какой нибудь фруктъ, и только протяну руку къ которому нибудь и на немъ сдѣлается лицо моего обожателя, и стало мнѣ такъ страшно, такъ страшно, я бросилась бѣжать, бѣгу, бѣгу, прямо къ рѣкѣ, и на мостъ; добѣжала до половины моста и вдругъ ангелъ остановилъ меня и исчезъ; я взглянула подъ ноги, и предо мной нѣтъ моста, а однѣ только перекладины, и то изъ ножей, а внизу вода, и если я сдѣлаю еще шагъ, то упаду на ножи прямо. За мостомъ вижу ту самую комнату, въ которой я сплю, и въ ней сидятъ много гостей, мой преслѣдователь и директорша: ѣдятъ, пьютъ и зовутъ меня къ себѣ, я не могу съ мѣста двинуться; мой обожатель подаетъ мнѣ стаканъ вина; только я взяла его, и весь мостъ около меня провалился, и я осталась на одной дощечкѣ. Я бросила стаканъ и сама полетѣла на берегъ и опять ангелъ явился мнѣ и я проснулась; такой страхъ обуялъ меня, что дрожала какъ въ лихорадкѣ; осмотрѣлась кругомъ, и заснула опять, но очень измученная моимъ сномъ.

Проснувшись я никому не говорила о моемъ видѣніи; но за-

помнила его. Утромъ была репетиція, спектакля въ этотъ вечеръ у насъ не было.

Вечеромъ къ директоршѣ пріѣхали гости, разумѣется, и мой злодѣй былъ тутъ; они стали веселиться, пили и ѣли; я сидѣла въ спальнѣ и не хотѣла выходить къ гостямъ, но директорша меня просила выдти, и я исполнила ея просьбу; это было всѣмъ очень пріятно; я посидѣла немного и опять ушла. Наконецъ они всѣ пришли ко мнѣ и просили, чтобъ я побесѣдовала съ ними, и мой обожатель подалъ мнѣ стаканъ вина и просилъ, чтобъ я его выпила. Когда я взяла стаканъ, комната вся и положеніе лицъ стали такъ схожи съ моимъ сномъ, что у меня въ глазахъ потемнѣло; я попробовала вино и оно мнѣ не понравилось, сѣрой пахнетъ; я немного отпила, и улучила случай вылить это вино въ кружку съ квасомъ. Меня просили выпить еще, но я отказалась, сказавъ, что голова болитъ. Немного погодя, намъ предложили ѣхать кататься на тройкахъ. Когда мнѣ предложили это, сердце у меня замерло и я окончательно не знала, что мнѣ дѣлать. Вспомнила сонъ свой и схитрила: согласилась ѣхать, но просила, чтобъ меня проводили къ матушкѣ взять большіе теплые сапоги, и сказала, что я сейчасъ вернусь, накинула платокъ и шубку да и тягу. Мнѣ дали человѣка проводить меня; иду я черезъ площадь— точно меня кто хватаетъ сзади, я чуть не бѣгомъ! Человѣкъ говоритъ мнѣ: «вотъ молодой-то народъ, погулять хочется.»

Вошла въ комнату, матушка сидѣла читала; я взяла у ней десять копѣекъ, вынесла человѣку и говорю: «матушка не пускаетъ, она нездорова и хотѣла сейчасъ посылать за мной; кланяйся, молъ, и благодари!» Тутъ только я свободно вздохнула! Матушка спросила, что это значитъ, что я ушла оттуда? Голова (говорю) болитъ, а тамъ гостей много. То-то (говоритъ) на тебѣ лица нѣтъ, лягъ да усни,—и приласкала она меня, голубушка моя, сѣла ко мнѣ, погладила мою голову, поцѣловала меня, а мнѣ стало такъ грустно, такъ тяжело! И покататься-то хотѣлось очень, и стало мнѣ жаль этого человѣка. Думаю: должно быть эта любовь очень тяжелое чувство, потому что онъ такъ похудѣлъ, такой сталъ печальный, и вспомнила я, какъ полюбила театръ, какъ похудѣла тогда и чуть-чуть было не умерла! Пожалуй и онъ умретъ! и такъ мнѣ стало жаль его; слезы, слезы такъ и потекли на подушку.

Утромъ была репетиція, а вечеромъ спектакль, я играла. Одѣвалась я вмѣстѣ съ Ленской въ одной уборной; я была уже одѣта, онъ вошелъ ко мнѣ, Ленской тутъ не было; онъ взялъ меня за руку.

— Вы,—говоритъ,—очень хорошо понимаете, что все, что я дѣлаю, это все для васъ, для однѣхъ васъ; поймите также и то, что нѣтъ силы на свѣтѣ, которая отняла бы васъ у меня, гдѣ бы вы ни были; у меня безъ васъ нѣтъ жизни, вы всю разбили ее, прощайте!

Долго я не видала его послѣ этого разговора, недѣли двѣ; говорили, что онъ уѣхалъ въ Москву.

Передъ Рождествомъ, кто-то неизвѣстный прислалъ мнѣ подарокъ, лисій салопъ и бѣлую шляпку; обѣ эти вещи были очень хорошенькія. Матушка не велѣла мнѣ надѣвать ихъ, и даже хотѣла отослать обратно, да не знала кому и куда. Я, разумѣется, не смѣла надѣть этихъ вещей, хотя мнѣ и очень хотѣлось. Салопчикъ мой былъ очень плохенькій, заячій съ лисьими полами.

Прошло Рождество, прошли и святки; мой обожатель появился опять, но видѣла я его очень рѣдко, и онъ дѣйствительно измѣнился въ отношеніи ко мнѣ, сталъ сухо обращаться со мною. Я была покойна и думала, что онъ оставилъ меня, но не тутъ-то было!

Я уже говорила, что мы стояли въ гостинницѣ, при постояломъ дворѣ; сосѣдній номеръ съ нами былъ занятъ, а нашъ былъ угловой. Сосѣда нашего я никогда не видала, пріѣзжалъ онъ поздно, иногда и совсѣмъ не пріѣзжалъ. Дверь въ этотъ номеръ отъ насъ была заколочена на-глухо. Матушка моя, какъ женщина стараго покроя, любила Богу молиться, и часто, уходя къ утрени въ церковь, запирала меня кругомъ. По обыкновенію, въ какой-то праздникъ пошла въ церковь и заперла меня. Я сплю, не чую надъ собой бѣды, но какъ бы я сладко ни спала, ухо мое, всегда чуткое, услышитъ какъ мышь пробѣжитъ по комнатѣ. Только что ушла матушка, слышу—что-то шевельнулось у насъ въ комнатѣ. Я проснулась, оглядѣла кругомъ, вижу ничего нѣтъ, сотворила молитву, и опять забылась; но слухъ мой меня не обманулъ, я почуяла чье-то дыханіе подлѣ себя, открыла глаза и—Боже, что̀ со мною было! Какъ передать тотъ ужасъ, ужасъ дѣвочки, для которой лучше было умереть, чѣмъ лишиться

добраго имени: этотъ человѣкъ стоялъ передо мною, блѣдный какъ смерть, съ лицомъ, полнымъ страданія и ожесточенія противъ непреклонной дѣвчонки. Я хотѣла закричать, онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою.

— Хоть кричи, хоть не кричи, никто не услышитъ! весь домъ пустъ!

Я дрожала какъ листъ отъ вѣтра! Чтò я думала въ этотъ ужасный часъ, я не помню; встала на колѣни и просила не губить меня. Я говорила, что «я полюблю васъ, только теперь оставьте меня»... но все было напрасно! Онъ сжалъ меня въ рукахъ своихъ, борьба была невозможна, и въ это время опять чудо совершилось со мною: въ корридорѣ послышались чьи-то шаги, и такъ сильно ступавшіе, какъ будто шло нѣсколько человѣкъ; онъ выскочилъ изъ комнаты. Я забыла все, прямо въ кухню, и вмѣстѣ съ рамой вылетѣла въ корридоръ и подъ лѣстницу. Услыхала, что матушка идетъ. Я позвала ее къ себѣ и она вытащила меня изъ моего убѣжища. На утро все узналось, дверь была отперта изъ сосѣдняго номера, гвозди всѣ вытасканы и двери были свободны и въ это время не было ни единой души во всемъ домѣ.

Въ этотъ же день матушка жаловалась начальнику губерніи, и злодѣя моего обязали подпиской не преслѣдовать меня больше; но и тутъ я не ушла отъ него, видѣла каждый день! Опротивѣлъ онъ мнѣ до безобразія, и жалѣла я о немъ, а онъ еще теплѣе сталъ смотрѣть на меня. Потомъ онъ уѣхалъ изъ Ярославля на время, чтобы скандалъ этотъ, о которомъ всѣ узнали, затихъ хоть немного. Тутъ я стала свободна и ходила куда хотѣла, ничего не опасаясь. Дѣла мои по театру шли успѣшно.

На масляницѣ, Ленская дѣлала праздникъ, куда и я была приглашена послѣ спектакля. Кончила я спектакль, одѣлась, взяла сторожа и пошла къ Ленской; иду ничего не думая, кромѣ какъ объ удовольствіи, которое ждетъ меня, вдругъ снѣгъ за мною захрустѣлъ подъ иной поступью; я оглянулась, за мною шелъ не сторожъ; я ускорила шаги и только завернула за уголъ, чувствую кто-то схватилъ меня, я не успѣла крикнуть какъ была на чьихъ-то рукахъ, и эти руки такъ крѣпко держали меня, что только сердце мое билось свободно. Я увидала, что я въ рукахъ опять этого человѣка, и память мнѣ измѣнила!... Очну-

лась я въ какой-то бѣдной комнатѣ, свѣтъ былъ только отъ лампады; слышу кто-то плачетъ подлѣ меня, но не слезами разбойника, и такъ горячо цѣлуетъ руки мои, а слезы такъ и капаютъ.

— Не бойся меня, я ничего худаго не хочу тебѣ сдѣлать, я такъ люблю тебя!

Послѣ такихъ словъ камень спалъ у меня съ сердца: слова эти были сказаны человѣкомъ, глубоко любившимъ меня; я не видѣла больше въ этомъ человѣкѣ врага своего, но видѣла безконечную любовь и, что странно, я сама полюбила его—да! только тутъ онъ явился передо-мною человѣкомъ, а не звѣремъ! Я поглядѣла на него, я была совсѣмъ обезсилена.

— Зачѣмъ,—говорю,—вы привезли меня сюда?

— Везъ-то я тебя, чтобы ты полюбила меня, а теперь вижу, что ты не можешь и не хочешь любить меня, а насильно я ничего не хочу; я теперь нагляжусь на тебя досыта, да и отвезу назадъ! Богъ съ тобой, не любишь, такъ и не надо!

Такъ мнѣ стало жаль его, я хотѣла сказать, что не люблю его, да и сказала другое. Какъ прошелъ еще часъ времени или пролетѣлъ, писать объ этомъ трудно. Помню только то, что я рыдала какъ рыдаютъ дѣти, когда разобьютъ свою любимую игрушку. Поглядѣли еще другъ на друга, обнялъ онъ меня и поцѣловалъ, крѣпко, крѣпко, и отвезъ къ Ленской. Было два часа ночи, у ней шелъ пиръ горой.

Такъ тѣмъ и покончилась моя любовь къ этому человѣку.

На первой недѣлѣ поста онъ уѣхалъ въ Сибирь, отецъ его послалъ туда по дѣламъ. Не разцвѣло мое первое, любовью бившееся чувство—да, такъ и завяло. Матушка часто говорила: «бойся мужчинъ, они змѣи искусители»—я и боялась ихъ покуда молчало мое сердце, а заговорило оно и страхъ прошелъ! А потомъ стало еще страшнѣе; я и забыла прошедшее, а можетъ быть, и не поняла его всю важность, и всетаки оставалась чистою для всего что̀ окружало меня.

Послѣ поста къ намъ пріѣхалъ Павелъ Васильевичъ Самойловъ; я играла съ нимъ въ «Велизаріи» и пѣла романсъ «Малютка, шлемъ нося, просилъ». Самойловъ былъ славный драматическій актеръ, онъ тутъ игралъ много и я очень любовалась его игрой. Я таки долго тужила о случившемся со мной, но чего нельзя

воротить, о томъ нечего и тужить, но сердце мое просило, жаждало любви.

Играла я часто и очень счастливо; репертуаръ мой большею частью заключался изъ водевилей, публика меня очень любила и ласкала; въ бенефисъ Ленской я играла Агату въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ», а она Анету. Спектакль этотъ надѣлалъ много шуму. Въ заключеніе мы обѣ танцовали матлотъ. Я какъ вспомню теперь, отъ смѣха удержаться не могу, потѣха да и только: я танцовала матлотъ, не имѣя понятія что̀ такое значитъ танцовать, и въ короткомъ казацкомъ платьѣ: бѣлая кисейная юбка, сверху красный шерстяной камзолъ, опушенный ватой вмѣсто лебяжьяго пуха, на головѣ красная шапочка съ углами, тоже съ ватой. Мы танцовали, да еще какъ хорошо, заставляли повторять; театръ ярославскій былъ очень богатъ костюмами; въ немъ водились и бархатъ и шитые золотомъ наряды. Желаніе сильныхъ ощущеній и сильныя тревоги здѣсь, въ Ярославлѣ, развили окончательно мои поэтическія наклонности; они открылись съ весною вмѣстѣ. Постомъ мы ничего не дѣлали, и лѣтомъ шли спектакли очень рѣдко, и вотъ настало время, когда душа моя стала просить чего-то еще, какой-то нѣги, какого-то теплаго чувства необыкновеннаго. Я видѣла, что все вокругъ меня любитъ, все живетъ непонятною для меня жизнію, но я не могла еще найти для себя ни одного человѣка, на комъ бы остановилось мое вниманіе. Хотя ухаживателей было много, но сердце мое молчало, и я обратила мою душу на поэзію. У меня уцѣлѣли нѣкоторыя изъ моихъ первыхъ стихотвореній. Надо сказать откровенно, что я писала тогда печатными буквами, и чтобы посмѣшить читающихъ мои замѣтки, я помѣщу здѣсь вѣрный снимокъ моихъ первыхъ стихотворныхъ опытовъ:

Какъ все вокругъ меня живетъ и веселится,
Лишь я одна для всѣхъ чужда;
Съ тоской души моей здѣсь врядъ-ли что сравнится
И сокрушитъ она меня!
Зачѣмъ же я смотрю на все спокойными глазами?
И грусть мою лунѣ передаю,
Она бѣжитъ, а я зальюсь слезами
И съ жизнью опять я примирюсь.

Понравилась мнѣ моя поэзія, что стала частенько къ ней прибѣгать, и пишу, бывало, и плачу; тогда это было очень чувствительно—и Боже мой! какъ теперь смѣшно все это!

V.

Купчикъ съ разбойничьими замашками.—Новая любовь.—Москва.—Испытаніе.—А. Н. Верстовскій.—Поступленіе въ Московское театральное училище.

Театральныя мои занятія шли своимъ чередомъ. Къ намъ лѣтомъ, изъ Москвы, пріѣхалъ молодой актеръ Петръ Степановичъ С—въ. Онъ пріѣхалъ къ намъ для практики въ драматическомъ дѣлѣ. Теперь онъ въ Петербургѣ. Молодой, прекрасный собою, очень онъ мнѣ понравился. Не знаю какъ случилось, но мы очень скоро стали другъ на друга поглядывать! Сначала было какъ-то неловко намъ обоимъ, а потомъ познакомились: увидитъ, бывало, и бѣжитъ ко мнѣ, все со мною съ одною и говоритъ и шутитъ. Сталъ онъ провожать меня до дому; сталъ бывать у насъ часто, я очень привыкла къ нему и привязалась не на шутку; матушка угадала это все и начала слѣдить за мною, запретила мнѣ быть съ нимъ короткой, я должна была послушать. Я стала удаляться отъ него, но это было очень трудно и почти невозможно, какъ для меня, такъ и для него; онъ сталъ грустить, да и мнѣ стало невесело! Одинъ разъ онъ пришелъ къ намъ, и сталъ просить матушку, чтобъ она не запрещала намъ видать другъ друга. «Я (говоритъ) женюсь на Любови Павловнѣ, какъ только ей годы выйдутъ.» Такъ мы порѣшили, что я его невѣста, и стали мы любить другъ друга открыто, какъ братъ и сестра, и какая это была любовь, тихая, спокойная, отрадная. Я очень привязалась къ нему душою и сердцемъ! Тутъ стали мы собираться въ Рыбинскъ на ярмарку, со всѣмъ театромъ.

Въ Рыбинскѣ былъ со мною опять престранный и очень непріятный случай. Надо сказать, что на всѣ ярмарки собираются больше купеческіе сынки, прикащики; въ Рыбинскъ на ярмарку пріѣхалъ такой молодецъ, говорившій, что для него ничего нѣтъ невозможнаго, «что хочу, то и дѣлаю». Началъ онъ меня преслѣдовать, просто бывало проходу не даетъ, куда ни пойду, онъ уже тамъ; бѣда да и только! С—въ сталъ ревновать меня; купецъ предлагалъ мнѣ большія деньги за любовь мою, чѣмъ мнѣ до того опротивѣлъ, что я видѣть его не могла и рѣшилась сказать ему, что я честная дѣвушка, и себя продавать не намѣрена ни

за какія сокровища! Онъ отвѣчалъ: «что за честь у актрисы!» Меня такъ поразили эти слова, что я горько заплакала, и рѣшила, какъ только представится возможность, я уѣду изъ провинціи въ Москву. Купчикъ понялъ, что оскорбилъ меня и на другой же день, пріѣхавъ къ намъ, просилъ у матушки руки моей, говоря, что онъ готовъ жениться на мнѣ, лишь только бы загладить вину свою. Матушка сказала, что я уже невѣста другаго, а я сказала, что я не могу быть его женою, и что жениха моего ни на кого не промѣняю. Онъ уѣхалъ отъ насъ очень грустный, и съ того же вечера сталъ дѣлать намъ непріятности, и поклялся, что если онъ увидитъ меня когда нибудь вмѣстѣ съ С—вымъ, то онъ убьетъ меня, или его. Всѣ смѣялись надъ этимъ, но смѣхъ кончился очень нехорошо. Мы стали осторожнѣе; С—въ пересталъ провожать меня, а купчикъ нанялъ квартиру въ кофейной противъ самаго театра.

Ярмарка кончилась; одинъ разъ купчикъ приходитъ ко мнѣ во время спектакля за кулисы; я играла «Двумужницу»; подошелъ онъ ко мнѣ да и говоритъ:

— «Нѣтъ, не стерпѣть мнѣ этого, не достанься ты, моя ласточка, ни мнѣ, ни злодѣю моему, прощайте!» И ушелъ.

Я кончила мою роль, переодѣлась, пошла домой одна, покрылась платочкомъ, чтобъ онъ не узналъ меня. Ночь была свѣтлая, теплая, чудная. Иду по набережной и гляжу въ воду; такъ мнѣ было хорошо, играла я съ успѣхомъ и душой моей благодарила Бога за его милосердіе. Народу на набережной всегда много, я и не боялась и шла покойно; только я поровнялась съ кофейной,—она отъ набережной была отдѣлена широкой улицей,—вдругъ раздался выстрѣлъ и что-то такъ близко свистнуло отъ моего лба что меня назадъ отшибло, и булькнуло въ воду. Ноги у меня подкосились, я упала, но успѣла закричать. Народу сбѣжалось много, тутъ и полиція нашлась; мнѣ сдѣлалось дурно. Добрые люди меня подняли и проводили домой.

Что было съ матерью—передать трудно; она захворала, и тутъ же рѣшила оставить меня одну, на произволъ судьбы. Этого купца взяли подъ арестъ, но онъ откупился, должно быть, и скоро уѣхалъ изъ Рыбинска.

Въ ту же ярмарку мнѣ дали бенефисъ, и я взяла шестьсотъ рублей; дали мнѣ піесу «Дочь Карла Смѣлаго», я играла Ми-

каэлу [1]); хороша я была Микаэла, бывъ пятнадцати-лѣтней дѣвчонкой!

Получивъ эти шестьсотъ рублей, я чуть-чуть съ ума не сошла—думала, думала куда мнѣ ихъ дѣть, да и придумала ѣхать въ Москву, поискать тамъ счастья. Надо сказать, что мнѣ жизнь провинціальнаго актерства очень не нравилась, было мнѣ всегда грустно и за себя и за другихъ: какъ-то всѣ играютъ и ходятъ какъ будто въ гостяхъ, а не дома. Сказала матушкѣ, она махнула на меня рукой. «Богъ съ тобою», говоритъ, «поѣзжай куда хочешь, а меня ужъ ты отправь въ Нижній, мнѣ ужъ и такъ надоѣло таскаться съ тобою по бѣлу свѣту!»

Меня и это не удержало; я матушкѣ дала сто рублей, наняла ей лодку до Нижняго за 20 руб., и отправилась моя матушка домой съ большой непріятностью. С—въ тоже собирался послѣ ярмарки въ Москву, но тутъ онъ немного убавилъ своего пребыванія въ Рыбинскѣ и непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною. Вотъ мы съ нимъ снарядились, наняли тарантасъ, да еще тройкой, на половинныхъ издержкахъ.

На пути заѣхали мы къ Троицѣ-Сергію, поклониться угоднику Божію; и что странно, я ничего рѣшительно не помню какъ я была у Троицы и какъ молилась; мысль о Москвѣ отбила у меня всю память и всѣ желанія; такими радужными красками мнѣ представлялась Москва, я воображала въ ней найти и счастіе и радости и сдѣлаться женою П. С. С—ва. Ну, однимъ словомъ—все одни блаженства, а объ настоящей-то жизни, которая ожидала меня, у меня и мысли не было.

Вотъ и Москва; мы пріѣхали къ Мясницкимъ воротамъ, остановились у гостинницы; С—въ пошелъ узнать есть ли номеръ. Номеръ оказался и меня повели на самый верхній этажъ въ угольную комнату, одно окно на бульваръ, другое на улицу. Втащили сундукъ и постель, состоящую изъ маленькой перинки и двухъ подушекъ. С—въ простился со мною и ушелъ къ своимъ; у него было тогда очень большое семейство, отецъ его служилъ въ почтовомъ отдѣленіи дилижансовъ и транспортовъ. «Я,

---

[1]) Драма В. Р. Зотова. Роль Микаэлы (дурочки) главная; на петербургской сценѣ ее играла В. В. Самойлова.

говоритъ, спрошу мамашу, можетъ быть, тебѣ можно помѣститься у насъ.»

Я совершенно предалась тяжкой и безотчетной грусти, хотя и посѣщали меня свѣтлыя надежды, что я могу воротиться опять къ Алексѣеву: онъ мнѣ передъ отъѣздомъ обѣщалъ дать жалованья вдвое противъ того, что я получала; я знала, что онъ сдержитъ свое слово, но это не утѣшало меня; такъ Москва напугала меня своей величиной, и своимъ великолѣпіемъ, что я совсѣмъ упала духомъ. Подошла я къ окну, посмотрѣла на Москву, подошла и къ другому, тоже посмотрѣла и нѣтъ ей ни конца, ни края и представились мнѣ двѣ картины: одна недавно прошедшая, другая—настоящая. Прошедшая: какъ я уѣжала изъ Рыбинска, какъ я прощалась съ моими друзьями, какъ директоръ предложилъ мнѣ сто рублей жалованья и два полубенефиса, какъ неудержимо была полна какимъ-то восторгомъ, и какъ меня просили остаться; но уже что̀ задумала моя головушка—ничѣмъ ее съ этой точки не своротишь, такъ и до сихъ поръ! И стало мнѣ жаль всего этого! Рядомъ съ этой другая картина: одна въ Москвѣ, куда пойти и къ кому? выйдутъ деньги, нищая съ рукою пойдешь! И стало мнѣ страшно. Взяла свой кошелекъ и сейчасъ отложила шестьдесятъ рублей на обратную дорогу, и успокоилась.

Въ 9 часовъ пришелъ С—въ и сказалъ: «теперь къ намъ нельзя переѣхать, покуда поживи здѣсь.»

Я и живу, С—въ навѣщаетъ меня каждый день, о театрѣ ни слова, а если и заговоримъ, онъ скажетъ мнѣ: «подождать надо.» Самыя честныя отношенія продолжались между мною и этимъ человѣкомъ и до сихъ поръ и во вѣки моя глубокая благодарность и признательность моему другу и названному брату П. С. С—ву, за его чистую любовь ко мнѣ; онъ хотѣлъ многое сдѣлать для меня, но родители его не такъ повернули это дѣло; да и нельзя было иначе: бѣдная, безъ всякаго образованія дѣвушка, куда она годится, развѣ только прислуживать образованнымъ людямъ! Живу я тутъ въ гостинницѣ недѣлю, подали мнѣ счетъ; ну, ничего—думаю: можно еще прожить недѣлю,—поживу, а тамъ что̀ Богъ дастъ. Купила я себѣ шляпку, двѣ пары башмаковъ, перчатки, да на извощиковъ проѣздила смотрѣвши Москву. Живу еще недѣлю въ гостинницѣ, и время идетъ, а деньги, деньги такъ и льются! С—въ все твердитъ: «подожди да подожди!» Вижу, ждать

больше нельзя: денегъ остается немного—пожалуй, и назадъ не уѣдешь! Такъ и случилось: прожила половину третьей недѣли и не могла уже выѣхать изъ Москвы. Я стала говорить С—ву, просить его совѣта какъ мнѣ поступить. Онъ сказалъ, что вечеромъ скажетъ. Вечера я жду, не дождусь. Наконецъ онъ пришелъ и объявилъ, что я могу къ нимъ переѣхать, что мамаша его позволила. На другой день я переѣхала къ С—вымъ; у нихъ была казенная квартира, очень небольшая и довольно грязная, дѣтей множество: четыре дѣвочки одна меньше другой, да ребенокъ въ люлькѣ. Я кинулась къ госпожѣ С—вой и поцѣловала у ней руку какъ у матери; она подала мнѣ ее съ какимъ-то презрѣніемъ, тѣмъ и кончилось. У нихъ не было горничной, я замѣнила ея мѣсто вполнѣ, и спала на сундукѣ въ передней. Легко ли все это было мнѣ, написать трудно.

Вечеркомъ я украдкой вошла въ комнатку къ С—ву и говорю ему: что́ же мнѣ дѣлать? залилась горькими слезами. «Ты (говорю) не оставь меня, вѣдь я погибну».—«Ну (говоритъ), теперь нечего дѣлать, надо подождать, теперь постъ, не играютъ.» Это былъ Успенскій постъ. Дѣлать нечего, скрѣпила свои силы, живу служанкой у С—выхъ и полы мою и всякую домашнюю работу исправляю. Прошелъ постъ, открылся театръ; даютъ «Аскольдову могилу». Семейство С—выхъ стало собираться въ театръ; С—въ мнѣ далъ билетъ и вечеромъ мы поѣхали. Такъ была я угнетена и убита духомъ, что я не помню и не знаю, гдѣ я была и, увидѣвши этотъ театръ, еще болѣе уничтожилась. «Куда мнѣ, думаю, такой дряни, лѣзть такъ высоко! Поютъ такъ хорошо и играютъ», да и рѣшила тутъ же идти въ хоръ на московскую сцену: меня примутъ, голосъ у меня есть, но какъ и что дѣлать—не знаю и не вѣдаю.

Пріѣхала домой и такъ стало мнѣ тяжко, горю вся и зябну, ничего не могла дѣлать, даже плакать не могла. Утромъ ободрилась немного и прошу С—ва достать мнѣ адресъ начальника театра. Онъ мнѣ досталъ; инспекторъ репертуара былъ тогда Алексѣй Николаевичъ Верстовскій.

На другой день я поѣхала его отыскивать. Домъ нашла, но онъ еще не пріѣхалъ съ дачи, чрезъ недѣлю будетъ; жду недѣлю; недѣля прошла, со мною все лихорадочное состояніе. Ѣду опять къ Верстовскому, говорятъ—пріѣхалъ и въ театрѣ. Я—въ

театръ, спрашиваю сторожа у большаго подъѣзда; «только сейчасъ, говоритъ, уѣхалъ.» Я только молитву сотворила и опять поѣхала домой; на другой день ѣду опять въ театръ, опять къ сторожу, спрашиваю; «нѣтъ, говоритъ, не пріѣзжалъ;» я попросила у него позволенія посидѣть на приступочкѣ подлѣ двери,—я его подожду не много—да и залилась слезами и вслухъ проговорила: «Господи, пошли Ты мнѣ силу и терпѣніе»... тутъ и мать вспомнила. Старикъ спросилъ меня: что ты, матушка, такая молодая, а плачешь? Я и говорю: отъ горя! тѣмъ и кончился разговоръ. Потомъ онъ сказалъ, что Верстовскій не будетъ, а завтра въ 11 часовъ онъ пріѣдетъ. Вотъ жду завтра, совсѣмъ почти больная. С—въ увидитъ меня и скажетъ: «ничего ты не добьешься!» Утомилась я душой. Едва смогла подать ужинъ, потомъ свалилась спать и уснула крѣпко. Помню еще одинъ сонъ, который я видѣла въ эту ночь, и разсказомъ о немъ закончу вторую эпоху моей жизни. Вотъ этотъ чудный сонъ. Иду я по темной широкой улицѣ, вездѣ камень острый, ногамъ больно; иду я долго и стала уставать, сдѣлалось мнѣ очень тошно, вдругъ вижу я стѣну: стѣна эта такъ высока, что едва можно видѣть край ея, и изъ-за этой стѣны видѣнъ свѣтъ какъ радуга, и отъ земли на самую стѣну идетъ лѣстница крутая и много народу хочетъ войти по этой лѣстницѣ на стѣну, и кто войдетъ только до половины—свалится, кто менѣе — тоже самое; остановилась я и думаю, не пойти ли и мнѣ, и стало мнѣ страшно; я подошла къ лѣстницѣ, взялась за нее одною рукою и хочу лѣзть; мнѣ всѣ кричатъ: куда ты? куда? гдѣ тебѣ, вишь на тебѣ платьишко какое скверное! я поглядѣла на платье и дѣйствительно платьишко скверное, я взяла и сняла съ себя платье и полѣзла на лѣстницу въ одной сорочкѣ; лѣзла, лѣзла, сердце такъ бьется, такъ высоко, но вотъ еще двѣ ступеньки и я на стѣнѣ—собираю послѣднія силы, дѣлаю два шага и я на стѣнѣ! Гляжу внизъ и такой тамъ свѣтъ, такъ стало мнѣ тепло, и какой-то сѣденькій старичокъ далъ мнѣ воды напиться и говоритъ: «ступай вотъ туда», и указалъ мнѣ на широкую дорогу; «дорога славная, чистая, да терновнику много на ней.» Но я пошла по этой дорогѣ и—иду понынѣ. Утромъ я встала рано и все убрала какъ слѣдуетъ и отправилась въ театръ. Спрашиваю: пріѣхалъ Верстовскій? «Пріѣхалъ, говоритъ, поди, матушка, я тебя корридоромъ-то провожу.» И довелъ меня до са-

мой лѣстницы, которая вела на сцену; вотъ, говоритъ, на эту лѣсенку-то войди, а тамъ скажутъ. Я ему чуть въ ноги не поклонилась, отъ благодарности. Влѣзла по лѣсенкѣ на сцену, ноги и руки трясутся, спрашиваю у другаго сторожа, гдѣ пройти къ Верстовскому? Вотъ по лѣстницѣ, указалъ мнѣ еще лѣстницу, я дошла до половины, вдругъ растворилась дверь и Бантышевъ вышелъ изъ нея. Онъ видѣлъ меня въ Нижнемъ. Посмотрѣлъ онъ на меня да и говоритъ:

— Ты зачѣмъ и куда?

— Я, говорю, къ Алексѣю Николаевичу Верстовскому. - Матушки мои! вотъ какъ; да зачѣмъ же тебѣ его?

— Я говорю, хочу въ актрисы здѣсь поступить.

Бантышевъ засмѣялся и говоритъ: ахъ ты, пиголица, ну пойдемъ я тебя покажу ему! и привелъ меня къ Верстовскому. «Вотъ, говоритъ, въ актрисы поступить хочетъ.»

Верстовскій засмѣялся, и дѣйствительно я была очень смѣшна: на мнѣ было крепрашелевое платье, тѣневый платокъ и соломенная шляпка съ красными цвѣтами. Ну, говоритъ, что же ты, откуда? Я разсказала ему. Чтò ты играла? Я разсказала. А пѣть умѣешь? Я говорю: умѣю. Чтò же ты поешь? Я говорю: «Аскольдову могилу». Онъ такъ руками и всплеснулъ! Бантышева даже передернуло. Опять оба засмѣялись.

Верстовскій взялъ меня за руку, а я какъ въ лихорадкѣ. Ему, знать, стало жаль меня, онъ такъ ласково сказалъ: «полно, душа моя, не бойся, вотъ я послушаю какъ ты поешь, не бойся и смѣлѣе. Ну, чтò же ты поешь?» У меня слезы навернулись на глазахъ. Онъ самъ сѣлъ акомпанировать, сыгралъ ритурнель и спросилъ меня, изъ чего это? Я говорю: изъ «Аскольдовой могилы» первая арія Надежды. «Ну и пой ее!» Я начала пѣть, голосъ дрожалъ у меня. Я пропѣла одинъ разъ, онъ заставилъ повторить ее; потомъ, не говоря ни слова, одѣлся.

— Пойдемъ,—говоритъ,—со мною.

Господи, думаю, куда онъ меня повезетъ, ужъ не разсердился ли онъ на меня? Посадилъ меня съ собою въ колясочку и привезъ прямо въ школу къ Александру Михайловичу Гедеонову; онъ тогда былъ въ Москвѣ. Я опять пѣла то же самое. Гедеоновъ сказалъ, что допуститъ меня ходить учиться. Доброта лица этого человѣка точно бальзамомъ облила мою больную душу.

Я рѣшилась ему все сказать, да и сказала только: «я не имѣю пристанища, мнѣ ѣсть нечего,» а сама заплакала. Онъ взялъ меня за голову и поцѣловалъ. «Сколько тебѣ лѣтъ?»

Я говорю: только пятнадцать минуло вчера.

— Ну вотъ тебѣ на имянины подарокъ: ты остаешься здѣсь, но съ условіемъ не лѣниться и учиться хорошо.

Я дала ему слово, а сама плачу. Онъ говоритъ:

— Не плачь, о чемъ же ты плачешь?

— Отъ радости!

И дѣйствительно, горькая слеза, навернувшаяся за четверть часа, смѣнилась радостными слезами. Я поцѣловала руку у Гедеонова, онъ велѣлъ послать за всѣмъ, что у меня было, къ С—ву, а я такъ тутъ и осталась въ школѣ Московскихъ Императорскихъ театровъ, казенной воспитанницей; здѣсь уже (съ 1844-го года) начинается третій періодъ моей жизни и послѣдній, до настоящей минуты.

Любовь Косицкая.

Примѣчаніе. Здѣсь прерываются Записки знаменитой Московской артистки Л. П. Никулиной-Косицкой; продолженіе ихъ, и довольно значительное, было написано и переписано, но вырвано изъ общей тетради, на что указываютъ слѣды обрыва и о чемъ свидѣтельствуетъ зять покойной артистки, А. Н. Матвѣевъ.

«Записки моей тещи,—сообщаетъ намъ А. Н. Матвѣевъ,—были написаны на отдѣльныхъ листкахъ и весьма неразборчиво. Переписка ихъ произведена подъ наблюденіемъ моей покойной жены, дочери Л. П. Никулиной-Косицкой. Послѣдняя часть Записокъ была написана также на лоскуткахъ и далеко не кончена — она погибла: ее употребили на завертку различныхъ вещей послѣ смерти Любови Павловны, по распоряженію матери ея мужа; произошло это въ суматохѣ и безъ вѣдома жены, вѣроятно, по незнанію, что это Записки.—Цѣль печатанія Записокъ—исполнить желаніе покойной моей жены Вѣры Ивановны, дочери Л. П. Никулиной-Косицкой.

«Вотъ нѣсколько фактовъ изъ жизни Л. П. По выходѣ изъ Театральной школы Л. П. Косицкая, въ 1851 году, вышла замужъ за артиста москов. импер. театровъ, драматической труппы, Ивана Михайловича Никулина. Отъ этого брака въ 1852 году родилась дочь Вѣра. Въ концѣ 1850-хъ годовъ Л. П. овдовѣла. Выйдя замужъ, Косицкая пользовалась хорошими матеріальными средствами, такъ какъ мужъ ея будучи крестникомъ и воспитанникомъ князя Грузинскаго, получалъ отъ него хорошія средства; потому жили они открыто. Кружокъ, собиравшійся у нихъ, по преимуществу составляли артисты, какъ московскихъ театровъ, такъ и провинціальныхъ. Въ это же время Л. П. ѣздила въ Одессу, Нижній и другіе города, гдѣ была встрѣчаема съ восторгомъ и награждаема подарками. 15-го декабря 1867 года былъ послѣдній ея бенефисъ, на который она явилась совершенно больная. Были поставлены слѣдующія піесы: «Обозъ», «Въ Москвѣ и Нижнемъ» и «Воробушки». Не смотря на безцвѣтность содержанія этихъ піесъ и на всѣ интриги, не только закулисныя, но даже и дирекціи, бенефисъ былъ блистательный и публика съ восторгомъ встрѣтила любимую артистку. Аплодисменты продолжались не прерывно около получасу и въ это время бенефиціанткѣ былъ поднесенъ подарокъ, съ надписью: «Л. П. Никулиной-Косицкой — отъ почитателей ея таланта и любителей драматическаго искусства. Въ честь 20ти лѣтняго служенія русскому театру».

Л. П. скончалась въ Москвѣ 5-го сентября 1868 года и погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ,—а въ 1870 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, я имѣлъ несчастіе похоронить такъ-же и дочь ея Вѣру, мою жену.

А. Н. Матвѣевъ.

КНЯЗЬ КСАВЕРІЙ ДРУЦКОЙ-ЛЮБЕЦКІЙ

1777—1846.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.

Justum ac tenacem........ Horat.

Въ числѣ достопамятныхъ государственныхъ дѣятелей нашего столѣтія, заслуживающихъ полной біографіи, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ князю Любецкому. Служебная жизнь его, продолжавшаяся болѣе полувѣка, состоявшая изъ непрерывнаго ряда истинно-полезныхъ трудовъ въ высшихъ кругахъ дѣятельности, ознаменовалась вмѣстѣ съ этимъ исключительными положеніями, внезапными переходами и громаднымъ вліяніемъ. Представленіе этой жизни въ законченной картинѣ было бы столько же занимательнымъ, сколько въ высшей степени поучительнымъ. Такой важный трудъ предстоитъ будущему біографу.

Но для него не безполезнымъ будетъ настоящій, безпритязательный очеркъ. Фактическіе результаты дѣятельности и особенности положеній всѣмъ извѣстны изъ офиціальныхъ источниковъ, тогда какъ то, что здѣсь будетъ сказано, заключаетъ подробности, положенныя за предѣлами офиціальности, немногимъ, а быть можетъ, никому, кромѣ меня, неизвѣстныя, а также личные взгляды самого князя. Тѣ и другіе почерпнуты изъ интимныхъ съ нимъ бесѣдъ, изъ его разсказовъ и, наконецъ, изъ собственныхъ наблюденій пишущаго эти строки. Безъ такого толкованія, исключительныя особенности многихъ фазисовъ его поприща остались бы въ состояніи факта „совершившагося", но не объясненнаго побудительными причинами и внутреннимъ его значеніемъ.

Проживъ въ Петербургѣ почти безвыѣздно цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ (1822—1872), только по прибытіи князя Любецкаго въ эту столицу

на постоянное жительство, я имѣлъ случай войти съ нимъ въ близкія отношенія. Они продолжались во все время его пребыванія въ Петербургѣ (1831—1846) и сдѣлались почти каждодневными. Дабы объяснить такія отношенія при различіи положеній (я тогда былъ еще маленькимъ чиновникомъ), нужно сказать, что князь былъ нѣкогда особенно друженъ съ моимъ покойнымъ отцомъ и даже его вліянію на себя приписывалъ первый рѣшительный шагъ своей карьеры; поэтому, вѣроятно, князь ко мнѣ благоволилъ, оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и былъ со мною совершенно откровеннымъ. Увѣренный въ моей къ нему преданности и скромности, всякій разъ, когда признавалъ нужнымъ войти къ Государю съ особеннымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, или въ государственный совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ (послѣднее случалось нерѣдко), то редакцію того и другаго поручалъ мнѣ, находя, что мысли его я передаю вѣрно.

Для лучшей характеристики нашихъ съ княземъ отношеній, приведу здѣсь одинъ эпизодъ: онъ дастъ понятіе о ихъ сущности.

Разъ, среди какого-то разсужденія объ общемъ предметѣ, гдѣ я не соглашался съ княземъ, онъ вдругъ сказалъ: „я вижу, что вы имѣете собственныя убѣжденія, не поддаетесь подобострастно авторитетамъ. Это хорошо, но хорошо только до тѣхъ поръ, покуда самостоятельность мнѣнія не переходитъ въ самолюбивое упрямство, слѣпо отталкивающее всякое противное сужденіе, какъ бы оно убѣдительно ни было. Такого недостатка я въ васъ не предполагаю. Поэтому хочу подвергнуть вашей критикѣ одну финансовую мѣру, введенную мною лѣтъ за восемь въ Царствѣ, которую я признаю полезною, но противъ которой возставали многіе. Вопросъ этотъ довольно сложенъ и многосторонен. Я приведу мои мотивы и буду защищать мѣропріятіе, а вы составляйте оппозицію.“

На такой вызовъ я разсмѣялся и сказалъ: „вы, князь, обрекаете меня на неблагодарную роль „адвоката дьявола“ въ канонизаціонномъ процессѣ“ [1]).

— „Почему вы такъ думаете?“

— Потому, что в. с. будете, безъ сомнѣнія, отстаивать что нибудь основательное, то есть истину, а истина таже святая.

---

[1]) Извѣстно, что въ судебномъ процессѣ объ окончательной канонизаціи признаннаго уже католическою церковью блаженнымъ (beatus) назначается изъ духовныхъ оппонентъ, обязанный изыскивать и представлять суду возможныя возраженія противъ признанія подсудимаго святымъ. Такой оппонентъ, исполняющій роль вѣковаго Завистника, и называется поэтому Advocatus Diaboli. Онъ обыкновенно проигрываетъ дѣло, и тогда долженъ принести предъ канонизованнымъ повинную и первый воздать ему честь какъ святому.

О. П.

— „Вы хотите отдѣлаться комплиментомъ, а я серьезно желаю, чтобы вы выслушали мой тезисъ, такъ какъ увѣренъ, что если въ немъ замѣтите, то и укажете le défaut de la cuirasse“ [1]).

— Это я вамъ обѣщаю.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ вступленіе и выводы, даже записывалъ мѣста, которыя, казалось, могли представить матеріалъ для оппозиціи, обдумывалъ посильныя возраженія и дѣйствительно я сдѣлалъ ихъ по двумъ пунктамъ.—Я чувствовалъ несостоятельность ихъ въ сущности, но, при помощи звучной фразистики, они имѣли видъ благообразный. Князь отвѣчалъ серьезно, хотя и замѣтно было, что на его уста такъ и просится улыбка. Ему легко было въ двухъ словахъ уничтожить мои аргументы и мнѣ пришлось кончить тѣмъ же, чѣмъ въ канонизаціонныхъ процессахъ кончаетъ „чортовъ адвокатъ“.

Съ начала пребыванія своего въ Петербургѣ князь не имѣлъ довольно навыка въ русскомъ языкѣ; подобные диспуты со мною всегда происходили по русски. Они возобновлялись часто и я понялъ, что князь признаетъ ихъ полезными для пріобрѣтенія навыка, нужнаго ему для серьезныхъ состязаній въ предстоявшемъ званіи члена государственнаго совѣта. Это, впрочемъ, была игра въ діалектическій шахматъ, гдѣ я служилъ жертвою для „experimenta in anima vili“, постоянно получая шахъ и матъ. Но и для меня игра эта была не безъ пользы. Я все болѣе и болѣе изучалъ логическую складку ума князя, а, для поддержанія партіи, изощрялся много и кудревато говорить, большею частью противъ собственнаго убѣжденія.

Въ одномъ только случаѣ, по частному дѣлу, разбиравшемуся въ государственномъ совѣтѣ, я не призналъ себя побѣжденнымъ; князь и я остались каждый при своемъ мнѣніи.

Между тѣмъ, приведенныя обстоятельства доставили мнѣ, какъ я уже намекнулъ, случай подробно анализировать личный характеръ князя Любецкаго, изслѣдовать своеобразный складъ его ума и діалектическіе пріемы. Поэтому, при изложеніи въ настоящемъ очеркѣ фактовъ, я буду имѣть возможность пояснять различныя измѣненія карьеры князя побудительными къ тому причинами и обстановкою, а вмѣстѣ и опредѣлять каждый разъ—подъ вліяніемъ котораго изъ составныхъ качествъ его ума фазисы эти развивались, принимая такой, а не иной характеръ. Разумѣется, что изъ интимныхъ бесѣдъ я приведу лишь то, что можетъ быть высказано и что признаю необходимымъ въ интересѣ исторической правды.

---

[1]) Слабыя стороны.

Сдѣлавъ это необходимое вступленіе, перехожу къ самому разсказу.

У меня передъ глазами послужной списокъ князя Ксаверія Францовича Друцкаго-Любецкаго, этотъ офиціальный скелетъ дѣятельности государственнаго человѣка. Біографіи, писанныя по однимъ даннымъ формуляра, представляютъ такія же безжизненныя основы, какъ и ихъ источники. Мнѣ очень лестно, что, проходя хронологически жизнь и дѣятельность князя, я имѣю возможность представить такія подробности, которыя возстановятъ движеніе и колоритъ жизни.

I.

Князь Ксаверій Францовичъ происходилъ изъ древняго рода россійскихъ князей. Отрасль Друцкихъ-Любецкихъ съ давнихъ временъ поселилась въ Литвѣ; имъ принадлежали значительныя имѣнія въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской; гнѣздо фамиліи было въ послѣдней. У князя Ксаверія было два старшихъ брата и три сестры. самъ-же онъ былъ женатъ на родной своей племянницѣ Маріи, дочери одной изъ своихъ сестеръ, графини Терезіи дель-Кампо-Сципіонъ. Отъ этого брака, заключеннаго по спеціальному разрѣшенію папы Пія VII, князь имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

Первоначальное образованіе князь получилъ въ бывшемъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ немъ въ то время (1784—1797 гг.) не было недостатка въ хорошихъ учителяхъ. Математическія науки преподавалъ ученый европейской славы—Эйлеръ (Euler). Князь Любецкій былъ любимымъ его ученикомъ. Изученіе математики, которому молодой кадетъ страстно предавался, ввело въ складъ юнаго ума ту строгую точность, которая въ немъ навсегда уже осталась отличительною чертою.

Въ 1797 году, двадцатилѣтній князь былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Низовскій мушкатерскій полкъ и нашелся въ составѣ арміи, совершившей, подъ начальствомъ Суворова, славную италіанскую кампанію. Любецкій участвовалъ во всѣхъ почти сраженіяхъ, за храбрость награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й степени и произведенъ въ подпоручики, а возвратясь изъ похода, по болѣзни, въ этомъ же чинѣ уволенъ въ отставку въ 1800 году.

Изъ этой кампаніи князь вынесъ небольшой тѣлесный недостатокъ: это была едва замѣтная при маломъ его ростѣ кривизна спиннаго столба, вслѣдствіе чего онъ держалъ голову обращенною къ правому плечу. Во время перехода войскъ чрезъ горы, Любецкій поскользнулся на самомъ краю пропасти и спасся только тѣмъ, что

всею силою ухватился одною рукой за близь стоявшее дерево; усиліе это причинило вывихъ хребтовой кости.

Въ 1806 году князь назначенъ былъ членомъ гродненскаго комитета объ устройствѣ евреевъ, и, состоя въ этой должности, избранъ въ 1810 году гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Это скромное провинціальное званіе было первою ступенью, поведшей прямо къ блестящей карьерѣ.

Въ описываемое время тамошній край, недавно еще присоединенный къ имперіи, находился въ состояніи переходномъ отъ одной формы политическаго быта къ другой, рѣзко различествовавшихъ между собою. Хотя за Литвой и оставлены были ея законы (Литовскій Статутъ) и привиллегіи дворянства, но въ примѣненіи началъ новаго управленія къ мѣстности, при совершенномъ незнаніи ея новыми администраторами, на всякомъ шагу возникали недоразумѣнія и даже столкновенія. Чувствовалась необходимость устранить эти разнорѣчія и для этого исходатайствовать у верховной власти принятіе различныхъ мѣръ къ соглашенію новаго порядка съ обстоятельствами. Для такого ходатайства гродненское дворянство признало необходимымъ отправить въ столицу одного изъ своей среды, въ качествѣ уполномоченнаго выборнаго. Таковымъ былъ князь Любецкій, извѣстный по своему уму и усердію къ общей пользѣ.

При томъ-же онъ былъ однимъ изъ предводителей дворянства, владѣлъ русскимъ языкомъ, что тогда было большою рѣдкостью, а какъ происходящій изъ рода русскихъ князей и бывшій суворовскій воинъ, соединялъ въ себѣ всѣ условія „избраннаго лица“.

Князь колебался въ принятіи порученія, будучи занятъ устройствомъ своихъ фамильныхъ дѣлъ. Однакожъ уступилъ просьбамъ согражданъ, главнѣйше-же настояніямъ своего уважаемаго друга, моего покойнаго отца.

Антоній Пржецлавскій находилъ, что для такого человѣка, какъ Любецкій, нужна болѣе обширная сфера, гдѣ могли бы узнать и оцѣнить его достоинства. И такъ, снабженный подробными инструкціями, Любецкій отправился въ Петербургъ, куда прибылъ въ ноябрѣ 1810 г. Онъ тамъ пробылъ по упомянутому дѣлу не малое время. Вотъ въ сущности собственныя слова князя объ этомъ пребываніи и его послѣдствіяхъ:

— „Предметы ходатайства дворянства были вообще раціональны и справедливы. Они касались болѣе уравнительнаго распредѣленія повинностей, улучшенія средствъ сообщенія, развитія нѣкоторыхъ примѣненій выборнаго начала, болѣе точнаго опредѣленія круга дѣйствій и отношеній судебной части къ администраціи, и т. п. Всеподдан-

нѣйшую просьбу дворянства я имѣлъ счастіе представить лично на аудіенціи императору. Александръ Павловичъ принялъ меня очень милостиво. Разспросивъ подробно о моемъ участіи въ суворовской кампаніи, затѣмъ о положеніи представляемаго мною края, государь сказалъ, что просьба будетъ принята къ разсмотрѣнію и что по каждой изъ статей потребованы будутъ отъ меня подробныя объясненія.

„Въ продолженіе переговоровъ съ министрами, длившихся цѣлые мѣсяцы и потребовавшихъ сношеній съ мѣстными властями, у меня оставалось много свободнаго времени. Я употреблялъ его на заведеніе полезиыхъ знакомствъ, въ томъ числѣ съ всемогущимъ тогда Сперанскимъ, на ближайшее ознакомленіе съ правительственнымъ механизмомъ, главнѣйше-же на изученіе Россіи, которую я оставилъ при самомъ выходѣ изъ кадетскаго корпуса.

„Какъ разъ кстати я у одного букиниста нашелъ французское in-folio, именно къ тому подходящее. Это было чрезвычайно точное и подробное описаніе Россіи, составленное кѣмъ-то очень свѣдущимъ для императора Наполеона, по порученію его посланника въ Петербургѣ. По этой книгѣ, составляющей теперь библіографическую рѣдкость, я ознакомился съ Россіею во всѣхъ отношеніяхъ, быть можетъ, ближе. чѣмъ ее знали многіе изъ ея сановниковъ. По крайней мѣрѣ, въ разговорахъ съ ними, я возбуждалъ удивленіе знаніемъ мало извѣстныхъ имъ подробностей провинціальной жизни и народнаго быта.

„Въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянства, я бывалъ во дворцѣ на выходахъ и всякій разъ государь милостиво заговаривалъ со мною. Съ министромъ полиціи, генераломъ Балашовымъ, который (кажется, по собственной охотѣ) имѣлъ за мною ближайшій надзоръ, я коротко познакомился, и онъ мнѣ сообщилъ, что я государю „нравлюсь“.

„Между тѣмъ, дѣло подвигалось: объясненія по немъ признаны были удовлетворительными и, по докладу министровъ, до которыхъ это касалось, на всѣ статьи ходатайства гродненскаго дворянства послѣдовало монаршее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя касаются общихъ интересовъ края, распространены были и на всѣ другія отъ Польши присоединенныя губерніи.

„Прежде чѣмъ я объ этомъ былъ извѣщенъ официально, явился Балашовъ и сообщилъ, что за мои труды на пользу края государь желаетъ назначить мнѣ награду и предоставляетъ выбрать или званіе камергера, или генеральскій чинъ.

„Я просилъ доложить его величеству, что за награду себѣ я почту всемилостивѣйшее соизволеніе на всѣ просьбы губерніи.

„Вслѣдъ за этимъ было мнѣ объявлено, что всѣ статьи ходатайства

высочайше утверждены, я же, указомъ 4-го сентября 1811 года, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. На прощально-благодарственной аудіенціи, я былъ вполнѣ обласканъ государемъ.

„Сообщивъ моимъ довѣрителямъ объ успѣшномъ исполненіи порученія, я нѣкоторое еще время оставался въ Петербургѣ и, отправясь оттуда, заѣзжалъ по дорогѣ въ мои имѣнія, а въ апрѣлѣ 1812 г. пріѣхалъ въ Вильну.

„Въ этомъ городѣ находился генералъ Барклай-де-Толли, готовясь къ предстоящей кампаніи. Посѣтивъ его, я засталъ генерала очень озабоченнымъ. Онъ только что получилъ царскій указъ о произведеніи экстреннаго набора рекрутъ въ Литовскомъ краѣ и уже приступилъ-было къ распоряженіямъ. Мнѣ мѣра эта показалась не только нецѣлесообразною, но положительно вредною и я это главнокомандующему объяснилъ.

— „Въ здѣшнихъ губерніяхъ,—сказалъ я,—въ ожиданіи будущихъ событій, царствуетъ такой духъ, что новобранцы будутъ всѣ на сторонѣ непріятельскаго нашествія; къ каждому рекруту надо-бы приставить стражу, иначе побѣги въ массахъ и переходъ къ французамъ неминуемы".

„Барклай-де-Толли былъ пораженъ моими словами, но не смѣлъ не исполнить указа. Тогда я посовѣтовалъ отправить курьера съ представленіемъ о неудобствѣ набора и со ссылкою на мои о томъ замѣчанія. Онъ меня послушался и съ обратнымъ курьеромъ получены были изъ Петербурга: царское повелѣніе объ отмѣнѣ набора, а для меня знаки ордена св. Анны 1-й степени, при рескриптѣ отъ 21-го апрѣля 1812 года".

Въ послужномъ спискѣ объ этой наградѣ упоминается въ принятыхъ общихъ выраженіяхъ; только изъ разсказа самого князя мы узнаемъ истинный поводъ такой необыкновенной монаршей милости.

Такъ быстро, въ нѣсколько мѣсяцевъ, подвинулась карьера отставнаго армейскаго подпоручика.

Вотъ первый изъ тѣхъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ Любецкій, въ интересѣ правды и государственной пользы, не страшился высказывать и поддерживать свое убѣжденіе, идущее въ разрѣзъ объявленной высочайшей воли.

II.

Между тѣмъ гродненское дворянство, 14-го декабря 1812 года. избрало его заочно своимъ губернскимъ предводителемъ и по этому званію онъ считался членомъ губернскаго о военныхъ потребностяхъ комитета.

При нашествіи непріятеля, князь Любецкій, оставаясь вѣрноподданнымъ, удалился съ главною квартирой во внутрь Россіи и высочайшимъ указомъ причисленъ къ министерству полиціи. По изгнаніи же непріятеля, былъ назначенъ, 13-го января 1813 года, исправляющимъ должность гродненскаго гражданскаго губернатора. Отъ этой должности князь былъ отозванъ въ главную квартиру государя, въ городъ Калишъ, и 2-го марта того-же года назначенъ членомъ временнаго верховнаго совѣта герцогства Варшавскаго (теперешняго Царства Польскаго) и поручено ему было управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ январѣ 1815 года князь былъ вторично избранъ гродненскимъ предводителемъ дворянства, но, по службѣ въ Польшѣ, въ должность эту не вступалъ. По образованіи же Царства Польскаго—„изъ членовъ верховнаго совѣта облеченъ, между прочими, въ званіе царскаго намѣстника“ [1]).

По учрежденіи въ Царствѣ постояннаго правительства изъ тамошнихъ уроженцевъ, князь Любецкій отъ временной въ немъ службы былъ уволенъ. Въ январѣ 1816 года назначенъ гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ іюнѣ того же года опредѣленъ коммисаромъ отъ Имперіи и Царства въ ликвидаціонную коммисію, учрежденную въ Варшавѣ отъ трехъ союзныхъ дворовъ, вслѣдствіе Вѣнскаго трактата. Въ томъ же мѣсяцѣ Любецкій назначенъ былъ виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но въ должность эту не вступалъ, а продолжалъ заниматься въ Варшавѣ по упомянутому порученію. Въ августѣ 1817 года послѣдовало назначеніе его председателемъ, со стороны Россіи, комитета, для расчета между Имперіею и Царствомъ.

Назначеніе виленскимъ губернаторомъ составляетъ въ служебной карьерѣ князя Любецкаго безпримѣрную особенность. Въ управленіе губерніею онъ никогда не вступалъ, но въ званіи начальника ея оставался около семи лѣтъ, въ томъ числѣ болѣе двухъ лѣтъ даже и по назначеніи министромъ финансовъ Царства. Во все это время губернія ни разу не видала своего правителя; мѣсто его заступали, въ разное время, вице-губернаторы (председатели казенной палаты). Этой

---

[1]) Подлинныя слова послужнаго списка.

административной аномаліи была причиной особая царская милость. Государь желалъ, чтобы Любецкій продолжалъ считаться виленскимъ губернаторомъ для того, чтобы, исполняя болѣе важныя порученія, могъ пользоваться значительнымъ столовымъ доходомъ съ казеннаго имѣнія, присвоеннымъ этому званію [1]). Мѣстные жители этой комбинаціи не понимали. Въ издававшемся тогда въ Вильнѣ юмористическомъ листкѣ „Уличныя Вѣдомости" (Wiadomości Brukowe) являлись статейки о гувернерѣ, пользующемся хорошимъ содержаніемъ и прекраснымъ столомъ, но необязанномъ даже видѣть въ глаза своихъ воспитанниковъ. Впрочемъ, вильняне сѣтовали объ отсутствіи князя; зная его, всѣ были убѣждены, что еслибы онъ былъ на мѣстѣ, то положилъ-бы преграду невыносимому произволу, съ какимъ Литва была тогда управляема выжившимъ изъ ума старикомъ, военнымъ губернаторомъ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ, управляемымъ въ свою очередь, продажными чиновниками, а наиболѣе—женою одного изъ нихъ, Р**. Это описано мною подробно въ другомъ мѣстѣ.

Засимъ приводимъ точныя слова послужнаго списка: „По встрѣтившимся затрудненіямъ къ окончанію съ иностранными державами расчетовъ въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1818 года, его императорскимъ величествомъ вызванъ князь Любецкій въ г. Ахенъ, гдѣ былъ тогда съѣздъ союзныхъ государей, и уполномоченъ къ ликвидаціоннымъ расчетамъ [2]) съ прусскимъ правительствомъ, каковые расчеты Россіи и Царства Польскаго съ Пруссіею окончилъ заключенною въ Берлинѣ 10-го (22-го) мая 1819 года конвенціею".

Вотъ что гласитъ лаконически официальный документъ, формулированный съ замѣчательною скромностью, самимъ Любецкимъ. Не пояснено въ немъ какіе громадные результаты заключаются въ одномъ этомъ словѣ: конвенція. Такъ сухо записанный, мертвый фактъ я, къ счастью, могу оживить подробностями разсказа самого князя объ этомъ важномъ событіи его доблестнаго поприща. Онъ говорилъ мнѣ:

— „Кампаніи 1813, 1814, 1815 годовъ повлекли за собою весьма сложные счеты военныхъ расходовъ, понесенныхъ союзными державами, по мѣрѣ участія каждой въ общемъ дѣлѣ. Не знаю на какомъ основаніи, прежде окончательнаго расчета, Пруссія насчитывала значительныя суммы, яко-бы слѣдующія ей отъ Россіи; оба правительства были увѣрены въ правильности этой претензіи и дѣло шло только объ опредѣленіи цифры долга. Но, по нѣкоторымъ соображеніямъ и случайно полученнымъ даннымъ, я былъ убѣжденъ, что претензія Пруссіи есть иллюзія, возникшая отъ недоразумѣній, и что

[1]) Въ послужномъ спискѣ, разумѣется, мотивъ этотъ не объясненъ.

[2]) По кампаніямъ противъ Наполеона.

не Россія и Царство Польское—Пруссіи, а, напротивъ, эта держава имъ состоитъ должной. При всякомъ случаѣ я открыто высказывалъ эту увѣренность. Слухи объ этомъ дошли до государя и его величество велѣлъ вызвать меня въ Ахенъ.

„Принявъ меня на аудіенціи, Александръ Павловичъ спросилъ: „правда-ли, что вы заявили такое убѣжденіе, какъ мнѣ доносятъ изъ Варшавы?"

— Правда, ваше императорское величество.

— „Можете-ли это доказать?"

— Увѣренность моя основана хотя и на достовѣрныхъ, но слишкомъ общихъ данныхъ; за всѣмъ тѣмъ, я убѣжденъ, что точная, подробная провѣрка счетовъ подтвердила бы мое мнѣніе.

— „Для этого будутъ вамъ даны всѣ средства". Тутъ императоръ сказалъ нѣсколько очень для меня лестныхъ словъ на счетъ моего пребыванія въ Петербургѣ и дѣятельности въ Варшавѣ; потомъ прибавилъ: „повидайтесь завтра съ Капо д'Истріа [1]) для дальнѣйшихъ объясненій".

„Этотъ сановникъ, съ которымъ я не былъ знакомъ, принявъ меня сухо, даже съ оттѣнкомъ сарказма, сказалъ, что, по приказанію государя, будутъ мнѣ выданы полномочія для переговоровъ съ прусскимъ кабинетомъ, но прибавилъ, что его не мало удивитъ, если этотъ кабинетъ будетъ мною разувѣренъ въ томъ, въ чемъ онъ до сихъ поръ твердо убѣжденъ. По всему было видно, что министръ, въ данномъ случаѣ, неохотно исполняетъ волю монарха. Видя во мнѣ не офиціальнаго дипломата, а молодаго гражданскаго губернатора, онъ не довѣрялъ мнѣ и даже довольно безцеремонно сказалъ: „знаете, князь, я имѣю претензію быть хорошимъ физіономистомъ, и, по выраженію вашего лица, я почти увѣренъ, что вы насъ разсорите съ Пруссіей" [2]).

— „Я постараюсь, графъ, чтобы на этотъ разъ ваша физіогномика (лицегаданіе) оказалась ошибочною. Сколько мнѣ извѣстно, въ нашихъ взаимныхъ претензіяхъ съ Пруссіею, отъ чрезвычайной запутанности счетовъ, есть много неопредѣленностей и недоразумѣній. При добросовѣстномъ съ обѣихъ сторонъ содѣйствіи, затрудненія эти должны

---

[1]) Министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Лицо князя было очень замѣчательное: черты крупныя, глаза большіе, на выкатѣ, какъ у всѣхъ близорукихъ; голова большая, закинутая назадъ; лобъ широкій, съ выдающимися органами (по теоріи Галля) высшей интеллигенціи и необыкновенной памяти идей. На макушкѣ, когда я зналъ князя — совершенно уже обнаженной, выдающійся органъ доброжелательства (bienveillance). Итогъ органовъ и общее выраженіе: обширный умъ, энергія, львиная отвага и доброта. О. П.

быть сведены къ чисто-цифровой задачѣ, разрѣшимой простою ариѳметическою операціей. Въ такомъ положеніи дѣла я не предвижу повода къ разрыву между дружественными державами, такъ какъ не допускаю, чтобы одна или другая стала оспаривать ариѳметическую истину".

„И такъ, мы разстались болѣе чѣмъ холодно. Капо д'Истріа не преминулъ заявить предъ государемъ свое невыгодное обо мнѣ сужденіе, какъ о неопытномъ, самонадѣянномъ дѣятелѣ. Государь однакожъ не измѣнилъ своего рѣшенія и я отправился въ Берлинъ.

„Тамъ, къ счастью, довелось мнѣ имѣть дѣло съ людьми умными и добросовѣстными. Всѣмъ извѣстны результаты провѣрки счетовъ и переговоровъ, окончившихся конвенціею, заключенною 10-го (22-го) мая 1819 года. Пруссія, вмѣсто того, чтобы получить, согласилась уплатить Россіи нѣсколько милліоновъ талеровъ, и, кромѣ того, мнѣ удалось заключить особую конвенцію, очень выгодную для Царства Польскаго въ торговомъ отношеніи.

„Подлинные протоколы этихъ договоровъ я отправилъ съ курьеромъ прямо къ императору, проводившему лѣто на Каменномъ островѣ. Въ тотъ день, когда государь получилъ мои депеши, онъ ничего не сообщилъ объ нихъ Капо д'Истріи, дожидаясь его на другой день съ докладомъ. Когда министръ явился, Александръ Павловичъ спросилъ: „нѣтъ-ли какихъ вѣстей изъ Берлина?"

— „Никакихъ, ваше императорское величество, да и врядъ-ли можно ожидать чего хорошаго".

— „Я однакожъ вчера получилъ отъ Любецкаго донесеніе. Вы были правы: дѣло запутывается".

„Министръ-физіогномистъ восторжествовалъ и предлагалъ послать кого нибудь изъ официальныхъ дипломатовъ для поправленія дѣла. Тогда царь съ улыбкой подалъ ему полученныя отъ меня бумаги. По прочтеніи ихъ Капо д'Истріа остолбенѣлъ. Ему оставалось только признаться въ ошибкѣ; онъ это сдѣлалъ съ откровенностью и благородствомъ, и, не щадя для меня похвалъ, сказалъ:

— „Да, ваше величество лучше знаете людей чѣмъ я".

„Этимъ онъ даже не удовольствовался; находясь въ Варшавѣ во время коронаціи императора Александра I-го, графъ Капо д'Истріа далъ для меня большой обѣдъ и на немъ, предложивъ тостъ въ честь моихъ успѣховъ въ Берлинѣ, разсказалъ предъ многочисленнымъ собраніемъ обстоятельства нашего перваго знакомства и свои на мой счетъ сомнѣнія, такъ краснорѣчиво опровергнутыя исходомъ дѣла".

III.

Вскорѣ за этимъ Любецкому открытъ былъ кругъ дѣятельности по части, составлявшей его истинное призваніе. 19-го іюля 1821 года онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ Царства Польскаго.

Въ этомъ уже званіи, оставаясь и императорскимъ коммисаромъ по расчетамъ съ иностранными державами (и виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ), князь, въ февралѣ 1820 года, былъ посланъ въ Вѣну, для расчетовъ съ австрійскимъ правительствомъ. Онъ окончилъ ихъ съ такимъ же успѣхомъ какъ и ликвидацію съ Пруссіею. Заключенною княземъ 7-го (19-го) іюня 1820 года конвенціею Австрія признала себя должницей Россіи на значительную сумму. Въ томъ же характерѣ Любецкій, въ Варшавѣ уже, окончилъ продолжавшіеся съ давняго времени расчеты между Саксоніею и Царствомъ Польскимъ, съ значительной для послѣдняго выгодой. Представленный имъ проектъ конвенціи высочайше утвержденъ 20-го августа 1828 года.

Неожиданные успѣхи князя Любецкаго по ликвидаціямъ съ иностранными державами могли съ перваго взгляда казаться (да и показались министру иностранныхъ дѣлъ) невѣроятными; но для тѣхъ, которые близко его знали, это не имѣло ничего удивительнаго. Князь Любецкій ничего не говорилъ, чего зрѣло не обдумалъ; коль скоро же предсказывалъ такой, а не иной исходъ, то можно уже было быть увѣреннымъ въ его осуществленіи. Въ этомъ ручался составъ его умственнаго организма. Эта была счастливая совокупность эклектическихъ способностей, сосредоточенныхъ въ геніальной интеллигенціи съ присущимъ всегда чувствомъ безусловной правды.

Монархи трехъ державъ, которыхъ Любецкій разочаровалъ въ ихъ ариѳметическихъ иллюзіяхъ, взыскавъ съ нихъ въ пользу Россіи очень значительныя суммы, не остались неблагодарными за такую услугу. Онъ получилъ отъ нихъ ордена: австрійскій Леопольда 1 ст., прусскій Краснаго Орла 1 ст. съ бриллiантами, саксонскій фамильный—Зеленаго Вѣнца. Дабы сразу покончить съ категоріей служебныхъ наградъ, прибавимъ, что въ тотъ же періодъ (1815—1829), Россійскими Государями пожалованы князю Любецкому: чинъ тайнаго совѣтника и ордена: св. Владиміра 2 ст., Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1 ст. Засимъ, во время нахожденія въ Парижѣ, по особому порученію, пожалованъ ему, въ исходѣ 1835 года, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а по возвращеніи оттуда—бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго. Въ 1832 году пожалована пожизненная пенсія въ 36,000 злотыхъ изъ казны Цар-

ства Польскаго, а въ 1841 году—табакерка съ портретомъ Императора, съ брилліантами.

Для обстоятельнаго изображенія дѣятельности князя Любецкаго въ званіи министра финансовъ Царства Польскаго и полученныхъ имъ въ періодъ 1821—1831 годовъ блистательныхъ успѣховъ, потребовалось бы отдѣльное, объемистое сочиненіе. Эти успѣхи упрочили бы навсегда цвѣтущее состояніе края, если бы край этотъ, въ двѣ плачевныя эпохи (1830 и 1863 гг.), не былъ взволнованъ внутренними, самоубійственными смутами. Въ настоящемъ очеркѣ могутъ найти мѣсто лишь общія указанія на болѣе выдающіяся событія за время управленія князя Любецкаго.

Онъ, можно сказать, создалъ финансы въ Царствѣ, во всякомъ случаѣ привелъ ихъ въ наилучшее состояніе. Годъ отъ году увеличивалъ государственные доходы, не возвышая налоговъ. Напротивъ, упрочилъ благосостояніе края, открывъ возможность уплаты частныхъ долговъ, обременявшихъ всѣ имѣнія, безъ ихъ продажи. Это достигнуто основаніемъ на раціональныхъ началахъ и развитіемъ учрежденія земельнаго кредитнаго общества въ связи со введеніемъ всеобщей ипотечной системы и съ содѣйствіемъ банка. Въ такомъ положеніи дѣйствительная стоимость всѣхъ земельныхъ имѣній могла быть мобилизована и представляющія ее кредитныя бумаги, вполнѣ обезпеченныя, замѣнили наличныя деньги и сразу возымѣли постоянный курсъ, застрахованный отъ колебаній, во всякомъ случаѣ — отъ пониженія. Организованіе Любецкимъ на совершенно своеобразныхъ началахъ польскаго банка открыло этому учрежденію широкое поле дѣйствія, далеко простиравшееся за предѣлы обыкновенныхъ банковыхъ операцій, такъ что обороты его капиталовъ, находившихся въ постоянномъ движеніи и употребляемыхъ на разныя предпріятія общей пользы, имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе въ краѣ промышленности и торговли. Эти важнѣйшіе двигатели народнаго богатства, въ управленіе Любецкаго, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, достигли такихъ успѣховъ, о какихъ до него никто и помышлять не могъ.

Государственныя имущества и зависящія отъ нихъ части получили устройство, доведенное до возможнаго совершенства, и составили немаловажный источникъ дохода казны.

Кстати, о томъ, что̀ сказано относительно промышленности, особенно фабричной, приведу здѣсь одинъ эпизодъ; онъ въ этомъ уже мѣстѣ разсказа дастъ понятіе о методѣ Любецкаго, употребляемомъ въ преніяхъ, методѣ, котораго полное изображеніе ждетъ насъ на аренѣ государственнаго совѣта.

Помимо существовавшей между Имперіей и Царствомъ границы, Любецкій, основываясь на принятомъ и торжественно провозглашенномъ принципѣ нераздѣльности Имперіи, исходатайствовалъ дозволеніе безпошлиннаго ввоза въ Россію суконъ изъ фабрикъ Царства. Издѣлія эти, по своей доброкачественности почти не уступавшія англійскимъ и французскимъ, при умѣренныхъ цѣнахъ, составляли вредную для россійскихъ фабрикъ конкурренцію. Министръ финансовъ Имперіи, графъ Канкринъ, пожаловался на это императору Николаю, основывая свой протестъ на предположеніи, что такой маленькій край, какъ Царство, не можетъ собственными средствами производить так много сукна, какъ его ввозится въ Россію. Поэтому, заключая, что бо́льшая часть его выдѣлывается въ Пруссіи и Австріи и только выдается за польское, графъ ходатайствовалъ, чтобы привозимое изъ Царства сукно считалось иностраннымъ и, какъ такое, обложено было бы соотвѣтственною пошлиной.

Для объясненій по этому навѣту князь Любецкій былъ вызванъ въ Петербургъ, для рѣшенія же распри учрежденъ комитетъ, гдѣ два министра финансовъ выступали на арену: одинъ какъ истецъ, другой какъ отвѣтчикъ.

Но въ этомъ случаѣ графъ Канкринъ ошибся въ расчетѣ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, князь, по своему обыкновенію, началъ съ тщательнаго изученія почвы и всѣхъ элементовъ вопроса. Отъ компетентныхъ людей онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о состояніи суконныхъ фабрикъ въ Россіи, а свои зналъ наизусть. Въ первое же засѣданіе комитета, когда объясненъ былъ предметъ преній, князь Любецкій сказалъ:

— „Минуя на этотъ разъ вопросъ о тяжкомъ обвиненіи таможеннаго управленія въ Царствѣ въ допущеніи громадной контрабанды, каковое обвиненіе прежде всего слѣдовало бы доказать,—я обращусь прямо къ количественному вопросу и позволю себѣ спросить г. министра финансовъ: сколько въ Имперіи существуетъ суконныхъ фабрикъ и сколько на нихъ выдѣлывается сукна?"

Къ отвѣту на это Канкринъ не былъ приготовленъ и отдѣлывался общими мѣстами; князь возразилъ на это:

— „Для сравнительной оцѣнки производительныхъ силъ, свѣдѣнія эти необходимы, а какъ безъ нихъ нельзя продолжать разсмотрѣнія настоящаго дѣла, то я могу сообщить ихъ комитету".

И тутъ, къ общему удивленію и къ немалому смущенію противника, князь Любецкій сталъ исчислять существующія въ Россіи фабрики, съ поименованіемъ мѣстностей и съ показаніемъ сколько въ каждой дѣйствуетъ станковъ и сколько выдѣлывается аршинъ сукна. За

тѣмъ перешелъ къ такому же исчисленію по Царству Польскому. Изъ сопоставленія этихъ цифръ съ отнесеніемъ ихъ къ числу народонаселенія обѣихъ странъ, оказалось: а) что производимое въ Россіи количество хорошаго сукна на много недостаточно для удовлетворенія мѣстной потребности; б) что число станковъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ, на много болѣе, чѣмъ нужно для мѣстнаго потребленія, и достаточно для произведенія того излишка, который ввозится въ Имперію, такъ что польскимъ фабрикамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ контрабандѣ, и в) что если конкурренція польскихъ суконъ вредна для россійскихъ фабрикъ, то это происходитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества фабриката, и что вредъ этотъ самъ собою прекратится, если русское нроизводство усилится въ количествѣ и улучшится въ качествѣ.

Послѣ такихъ объясненій, требовавшихъ только провѣрки приведенныхъ княземъ данныхъ, и которыя оказались вполнѣ точными, комитету оставалось уже не много дѣла. По его заключенію, высочайше утвержденному, положеніе оставлено по прежнему безъ измѣненія.

По окончаніи этого дѣла, князь, по какимъ-то другимъ, оставался еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ свитѣ его пріѣхали въ первый разъ въ столицу два изящные представителя молодежи высшаго варшавскаго общества: князь Левъ Сапѣга и Адамъ Лэнскій. Княземъ Любецкимъ они представлены ихъ величествамъ и пожалованы въ камеръ-юнкеры польскаго царскаго двора [1]).

Въ это время часто при высочайшемъ дворѣ бывали балы и танцовальные вечера; оба молодые варшавяне удостоились быть кавалерами для танцевъ императрицы Александры Өедоровны, на смѣну съ постояннымъ кавалеромъ ея величества (нынѣ покойнымъ) Туркуломъ [2]).

---

[1]) Мундиръ ихъ и камергеровъ отличался отъ мундировъ кавалеровъ императорскаго двора тѣмъ, что былъ изъ синяго сукна, съ малиновымъ воротникомъ и серебрянымъ шитьемъ. Польскій дворъ упраздненъ въ 1831 году.

[2]) Лэнскій въ послѣдствіи былъ министромъ финансовъ Царства, а затѣмъ министромъ статсъ-секретаремъ въ Петербургѣ и членомъ государственнаго совѣта. Сапѣга, владѣтель большихъ помѣстій въ Галиціи, занималъ тамъ значительныя общественныя положенія, въ особенности же отличился дѣятельностью по распространенію въ тамошнемъ краѣ желѣзныхъ дорогъ.

О. П.

IV.

Съ самаго назначенія князя министромъ финансовъ по день оставленія этого поста, послужной его списокъ наполняется монаршими благоволеніями и похвалами, объявляемыми ему министромъ статсъ-секретаремъ Царства, намѣстниками и государственнымъ вице-канцлеромъ. Въ моемъ экземплярѣ послужнаго списка отзывы эти занимаютъ цѣлыхъ двадцать страницъ письма въ листъ и поэтому для настоящаго очерка я могу привести ихъ только въ итогахъ и въ возможно сжатомъ экстрактѣ, но съ сохраненіемъ собственныхъ государевыхъ словъ. Любецкій получилъ отъ императоровъ: Александра I (1821—1825) восемь, а отъ Николая I (1826—1830) одиннадцать—итого девятнадцать благоволеній. Это объявлялось ему именно: за приведеніе въ порядокъ крайне до того времени запутанныхъ счетовъ по доходамъ и расходамъ; за составленіе ежегодныхъ бюджетовъ съ значительными сбереженіями и благоразуміемъ; за постепенное, безпрерывное умноженіе доходовъ отъ неокладныхъ сборовъ и отъ казенныхъ имѣній безъ увеличиванія налоговъ (съ 1822 по 1826 годъ на 5,608,201 злотыхъ); за пополненіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ; за погашеніе казенныхъ долговъ въ 4,557,015 суммою 2,399,915 злот.; за постоянный излишекъ доходовъ противъ расходовъ; за предоставленіе въ 1827 году въ распоряженіе его величества новаго капитала въ 1,118,415 зл.; за участіе Царства Польскаго въ внѣшнемъ займѣ по случаю турецкой кампаніи въ 1828 году и т. п., и т. п. При томъ считаю не излишнимъ изъ упомянутыхъ документовъ, пропуская обыкновенныя стереотипныя, извлечь слѣдующія собственныя выраженія монарховъ: Александра I-го (1823 г.): „что князь Любецкій съ давняго времени пріобрѣлъ благосклонность его императорскаго величества и что настоящія новыя заслуги даютъ ему новое на это право". (1824 г.): „Государь, удостовѣрясь о постоянномъ улучшеніи казны Царства Польскаго, изволилъ найти.... новыя причины къ поздравленію себя, что управленіе сею частью поручилъ талантамъ и ревности князя Любецкаго". (1825 г., апрѣля 18-го): „Государь повторяетъ ему увѣреніе въ томъ монаршемъ благоволеніи, котораго въ многихъ дѣлахъ соизволилъ уже его удостоить".—Николая I-го (1826 г., января 26-го): „Государь.... усмотрѣвъ, что съ 1817 года доходы безпрестанно упадали, а съ начала 1822 года, подъ управленіемъ князя Любецкаго, постоянно возвышаются, изволилъ приписать сіе непрерывному усердію и благоразумію.... князя.... объявляя ему высоко-монаршее благоволеніе; его величество въ особенности повторяетъ таковое за новое возвышеніе.... неокладныхъ доходовъ".

(1826 г., мая 11-го): „Государь, усматривая, что казна Царства Польскаго поставлена на новой степени благосостоянія, находитъ удовольствіе сіи полезныя послѣдствія приписать дѣятельности князя Любецкаго, равно неистощимому усердію и стараніямъ его. Его величество чрезвычайно доволенъ означенными послѣдствіями и желаетъ, чтобы князь продолжалъ и на будущее время съ непоколебимостью тотъ же образъ управленія во всѣхъ отношеніяхъ", и т. п., и т. д.

По организаціи, учрежденной въ 1815 году, Царства Польскаго, административныя власти назывались не министерствами, а правительственными коммисіями, управляющимъ же этими частями присвоено было названіе главныхъ директоровъ, предсѣдательствующихъ въ коммисіяхъ. Титулъ министра не былъ офиціальный и употреблялся только приватно, для краткости. Эта коллегіальность управленія могла лишь замедлять ходъ дѣлъ и стѣснять такого дѣятеля какъ князь Любецкій. Пользуясь полнымъ довѣріемъ монарха и увѣренный въ собственныхъ силахъ, онъ вскорѣ высвободился изъ этихъ узъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ распоряжался самостоятельно; коллегіальность осталась только номинальною. Сужденію коммисіи предоставлялись одни рутинные предметы и вопросы, терпящіе время. Сначала это возбуждало нѣкоторый ропотъ, но вскорѣ, видя успѣхи министра и его твердое намѣреніе дѣйствовать по усмотрѣнію, члены коммисіи (подчиненные ему директоры департаментовъ) убѣдились въ безполезности общихъ присутствій и тѣмъ легче примирились съ новымъ положеніемъ, что оно давало имъ болѣе времени для занятій по ихъ частямъ.

Варшава и Царство не сразу отдали Любецкому полную справедливость. Надо знать, что, не смотря на историческій фактъ уніи Литвы съ Короной [1]) и на сантиментальныя разглагольствованія объ искреннемъ сляніи двухъ народовъ, всегда между ними чувствуется закваска легкой зависти и соперничества. Особенно трудно, чтобы короніяшъ призналъ равенство съ собой, а тѣмъ паче превосходство надъ собой литвина, какъ бы оно и ни было неоспоримо. Самый краснорѣчивый примѣръ такого племеннаго предразсудка — на Мицкевичѣ [2]). Тотъ же первородный грѣхъ тяготѣлъ и на князѣ Любецкомъ. Притомъ Варшава съ давнихъ временъ славится сплетничествомъ sui generis; оно съ вѣками усовершенствовалось до художественной утонченности. По исчерпаніи мѣстныхъ сюжетовъ, оно съ жадностью накидывается на всякія новыя явленія и тогда въ своихъ фикціяхъ возносится до поэтической легенды. О Любецкомъ

[1]) Такъ популярно называется край, составляющій древнюю Польшу.

[2]) Смотри мой «Калейдоскопъ Воспоминаній», Москва, изд. 1872. г. О. П.

сначала ходили въ городѣ и распространялись по провинціямъ самыя фантастическія сказки. Онъ, конечно, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но нужно было нѣсколько лѣтъ его управленія съ громадною осязательною пользою для края, чтобы тотъ простилъ ему наконецъ литовское происхожденіе [1]).

Князь Любецкій (грустно сказать), въ своемъ доблестномъ стремленіи къ общей пользѣ, не избѣгнулъ обычной участи людей добра и правды. На всякомъ шагу онъ встрѣчалъ подводные камни и одинъ изъ нихъ былъ такого рода, что угрожалъ ему крушеніемъ; никто на его мѣстѣ не дошелъ бы, быть можетъ, и до половины поприща. Одинъ Любецкій, со своимъ античнымъ характеромъ, съ своей неустрашимостью, могъ устоять и устоялъ до конца на опасномъ посту, не согнувшись ни на волосъ....

Я здѣсь не разумѣю преградъ, встрѣчаемыхъ отъ мѣстныхъ непониманій, отъ предубѣжденій устарѣвшей рутины; съ ними каждому благонамѣренному преобразователю приходится бороться и ломать все до основаній, прежде чѣмъ начать возводить зданіе новой системы. Съ этимъ Любецкій скоро покончилъ, не обращая вниманія на гусиные крики; но его ждалъ на пути опасный и весьма трудный къ одолѣнію рифъ: онъ заключался въ личности великаго князя Константина Павловича.

Въ странѣ, имѣющей свою хартію, свой парламентъ и всѣ конституціонныя учрежденія, поселился цесаревичъ на постоянное пребываніе въ качествѣ главнокомандующаго польскою арміей [2]).

Въ этомъ характерѣ, его высочество не имѣлъ прямаго отношенія ни къ какой, кромѣ военной, части управленія. Но тѣмъ, не менѣе. личное высокое его положеніе и какъ царскаго брата, и какъ пред-

---

[1]) Князь мнѣ разсказывалъ, что въ Варшавѣ, гдѣ его еще немногіе въ лицо знали, бывъ только что назначенъ министромъ и не успѣвъ обзавестись, онъ разъ зашелъ пообѣдать за общимъ столомъ въ извѣстномъ ресторанѣ. Не нашелъ тамъ никого знакомаго, но засталъ оживленный разговоръ на свой счетъ. Одинъ пріѣзжій изъ провинціи болѣе другихъ декламировалъ противъ назначенія князя, утверждая, что отъ литвина ничего хорошаго ожидать нельзя. Притомъ разсказалъ, что онъ арендуетъ одно казенное имѣніе и потому имѣетъ дѣло въ министерствѣ финансовъ. На другой же день онъ явился съ прошеніемъ къ новому министру и каково было его положеніе, когда узналъ въ немъ вчерашняго сотрапезника! Князь притворился, что не узнаетъ его, обласкалъ бѣднаго провинціала и удовлетворилъ его просьбу, которая оказалась основательною. Послѣ этого литвинофобъ сдѣлался пламеннымъ сторонникомъ Любецкаго.

[2]) Объ аномаліи такой комбинаціи, гдѣ армія въ 40,000 челов. поляковъ осуждена была на прозябаніе въ бездѣйствіи, смотри мои «Воспоминанія» въ «Русской Старинѣ» изданія 1874 года, томъ XI, стр. 665—693. О. П.

полагаемаго наслѣдника всероссійскаго престола, не могло не давать ему большаго, хотя косвеннаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Это вліяніе могло бы даже приносить важную пользу, если бы Константинъ Павловичъ, сочувствуя интересамъ страны, положилъ себѣ задачей содѣйствовать ея благосостоянію, не препятствуя, по крайней мѣрѣ, распоряженіямъ мѣстныхъ властей, стремящихся къ этой цѣли. Но обстоятельства сложились иначе. Цесаревичъ, къ несчастію, былъ окруженъ людьми иныхъ воззрѣній.

Самою вліятельною изъ таковыхъ личностей былъ сенаторъ Н. Н. Новосильцевъ. Онъ страстно ненавидѣлъ все польское, открыто осуждалъ учрежденіе Царства и въ особенности былъ личнымъ заклятымъ врагомъ и завистникомъ Любецкаго. Онъ не могъ простить ему монаршаго расположенія, занимаемаго сана, а болѣе всего—успѣховъ въ ликвидаціонномъ дѣлѣ, которое, какъ думалъ Новосильцевъ, по праву принадлежало ему, какъ офиціальному дипломату. Новосильцеву не трудно было предубѣдить великаго князя противъ прямодушнаго, гнушавшагося интригою Любецкаго, и введенный въ заблужденіе цесаревичъ сильно содѣйствовалъ къ тому, чтобы уронить князя въ мнѣніи государя и отдалить его отъ занимаемаго поста.

Козни Новосильцева были извѣстны Любецкому, но онъ мало объ нихъ заботился. Онѣ, какъ морскія волны объ скалу, разбивались объ его желѣзную натуру, и ни на шагъ не остановили его стремленія къ полезнымъ нововведеніямъ. Вмѣшательство „императорскаго коммисара“ въ дѣла его управленія онъ отклонялъ строгою законностью, и права своего положенія отстаивалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, которое никогда не измѣняло ему. Чтоже касается до махинацій къ повреждепію ему въ мнѣніи государя, то всякіе навѣты опровергались сами собою, то есть живыми фактами и цифрами.

Такое ненормальное положеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, не наступилъ въ немъ кризисъ, разрѣшившійся самымъ неожиданнымъ исходомъ. Вотъ какъ этотъ эпизодъ былъ мнѣ разсказанъ Любецкимъ:

— „Одно мое распоряженіе по министерству финансовъ было перетолковано великому князю въ превратномъ и для меня предосудительномъ видѣ. Цесаревичъ, по извѣтамъ Новосильцева, счелъ своей обязанностью въ такомъ же смыслѣ войти объ этомъ съ представленіемъ къ государю. Узнавъ объ отправленіи въ Петербургъ такого донесенія, я, не дожидаясь, чтобы отъ меня потребовали объясненія, поспѣшилъ противъ обвиненія представить всеподданнѣйшій докладъ съ подробнымъ изложеніемъ дѣла и побудительныхъ причинъ къ сдѣланному распоряженію. Я это призналъ необходимымъ изъ опасенія, чтобы

по одностороннему, неправильному донесенію не могло послѣдовать какого нибудь высочайшаго повелѣнія въ отмѣну мѣры, которая считалась мною очень нужною. Императоръ Александръ, получивъ оба доклада почти въ одно время, одобрилъ вполнѣ мое распоряженіе, а цесаревичу по этому случаю, вѣроятно, сдѣлано было замѣчаніе. Это его крайне противъ меня возстановило и онъ не скрывалъ своего озлобленія. Въ городѣ разнесся слухъ, что, вслѣдствіе ссоры съ великимъ княземъ, я буду немедленно удаленъ изъ Варшавы.

„Чрезъ два или три дня по полученіи изъ Петербурга рѣшенія распри, является ко мнѣ начальникъ штаба цесаревича, генералъ Курута. Съ величайшею покорностію и нескончаемыми извиненіями, онъ говоритъ, по французски, что присланъ съ самымъ тяжелымъ порученіемъ. Онъ имѣетъ приказаніе объявить мнѣ отъ имени цесаревича, que: „Son Altesse Jmperiale me tient pour un infame, parce que je fais tout pour le brouiller avec son auguste Frére [1])“.

„Такъ какъ я ничего не отвѣчалъ и только сдѣлалъ прощальный жестъ, то генералъ прибавилъ, что имѣетъ повелѣніе донести, какъ слова эти были мною приняты, и потому ждетъ моего отвѣта. Я сказалъ: „извольте доложить государю цесаревичу, что за мною нѣтъ той вины, которая мнѣ приписывается, что, слѣдовательно, объявленное вами мнѣніе цесаревича обо мнѣ—ошибочно, и что какъ по этому, такъ и потому, что моя репутація давно уже упрочена, слова его высочества могутъ лишь огорчать, но не въ состояніи оскорбить меня“. На вопросъ же Куруты: не имѣю-ли чего прибавить? я отвѣчалъ, что сказанное есть послѣднее мое слово.

„По возвращеніи во дворецъ, Курута было подробно допрошенъ и сказалъ, что исполнилъ приказаніе въ точности, но во мнѣ не замѣтилъ никакого волненія: во все время свиданія я продолжалъ спокойно курить трубку. Цесаревичъ только воскликнулъ: ah, quel homme, quel homme! Это мнѣ въ послѣдствіи разсказалъ генералъ.

„Дня чрезъ два, тотъ же Курута явился и сообщилъ, что великій князь зоветъ меня къ себѣ на такой-то часъ. Константинъ Павловичъ принялъ меня въ присутствіи того же генерала и двухъ или трехъ другихъ лицъ изъ своего штата. Новосильцева не было. Завязался слѣдующій разговоръ.

Великій князь. Ну, Любецкій, помиримся! (протягиваетъ руку).

Я (не подавая руки). Я не могу мириться, потому что въ моемъ

---

[1]) Что его императорское высочество считаетъ меня человѣкомъ безчестнымъ за то, что я всячески стараюсь разсорить его съ августѣйшимъ братомъ.

относительномъ къ вашему императорскому высочеству положеніи я и ссориться не могъ.

Великій князь (обращаясь къ присутствующимъ). Что, не говорилъ-ли я? Это такой человѣкъ, что, обидѣвши меня, заставитъ еще просить у него же прощенія!

„Помолчавъ съ минуту и глядя пристально на меня, великій князь вдругъ подбѣгаетъ, бросается мнѣ на шею и, крѣпко нѣсколько разъ цѣлуя, восклицаетъ:

— „Ну, Любецкій, все кончено, все забыто! Мы съ тобой старые суворовскіе солдаты, заживемъ же какъ добрые товарищи!" [1])

„Я тутъ же испросилъ себѣ на завтрашній день особую аудіенцію и на ней объяснилъ во всей подробности дѣло, которое было послѣднимъ между нами камнемъ преткновенія. Убѣдившись въ моей правотѣ, его высочество сказалъ, что дѣло было ему не такъ доложено и что, на будущее время, по всякому навѣту будетъ отъ меня требовать личнаго объясненія. Въ душѣ это былъ человѣкъ добрый и справедливый, но, къ сожалѣнію, очень дурно окруженный.

„Такою трогательною развязкой окончились неблагопріятныя отношенія къ великому князю; въ послѣдніе годы министерства я уже пользовался его довѣріемъ и, могу сказать — дружбою. Она укрѣпилась еще дружбой княгини Ловичъ съ княгиней Любецкою. Новосильцевъ усыхалъ отъ безсильной злобы".

Въ описываемое время, слава князя Любецкаго, какъ геніальнаго министра, перешла за предѣлы Царства, проникла во внутрь и въ самыя отдаленныя мѣста Россіи. Въ такомъ дальнемъ пути слава эта, какъ со всѣми вѣстями бываетъ, приняла фантастическіе размѣры и сказочный характеръ. Когда, въ 30-хъ годахъ, я бывалъ по дѣламъ въ Тверской и другихъ губерніяхъ, то меня, какъ жителя столицы, всѣ, съ кѣмъ пришлось имѣть дѣло, спрашивали: скоро-ли князь будетъ назначенъ министромъ финансовъ Имперіи, что̀, по ихъ мнѣнію, должно было послѣдовать непремѣнно. „Вѣдь онъ,—говорили наивные провинціалы,—выдумалъ такія мѣры, что всѣ долги можно заплатить безъ денегъ, и что не нужно будетъ никакихъ податей". Такъ на пути въ глубь Россіи переродились смутныя понятія о земельномъ кредитномъ товариществѣ въ Царствѣ, объ ипотекѣ, о развитіи промышленности и торговли, объ операціяхъ польскаго банка. Въ просвѣщенной же части русскаго общества Любецкій оцѣненъ былъ по достоинству и назначеніе его министромъ послѣ графа Гурьева и

---

[1]) Константинъ Павловичъ участвовалъ въ италіанской кампаніи 1799 г.

даже на мѣсто графа Канкрина было предметомъ всеобщаго желанія. Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующее. Въ одинъ изъ годовъ, при разсмотрѣніи финансоваго отчета въ государственномъ совѣтѣ, извѣстный, всѣми уважаемый, адмиралъ графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ высказалъ разные вредно вліяющіе недостатки по этой части управленія. Императоръ Николай велѣлъ спросить адмирала, не можетъ ли онъ указать средства къ улучшенію положенія? Мордвиновъ отвѣчалъ, что есть средство привести финансы Россіи въ цвѣтущее положеніе: оно состоитъ въ томъ, чтобы министромъ финансовъ назначить князя Ксаверія Францовича Друцкаго-Любецкаго.

О. А. Пржецлавскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Приводимъ выдержку изъ того письма знаменитаго государственнаго мужа, адмирала гр. Н. С. Мордвинова, къ государю Николаю Павловичу, о которомъ упоминаетъ біографъ князя Любецкаго. Письмо это написано Мордвиновымъ по тому случаю, когда на одномъ изъ мнѣній его, по новому законоположенію о чинахъ и проч., противу словъ: «не о томъ болитъ сердце русскаго народа», императоръ Николай собственноручно написалъ: «Весьма буду благодаренъ адмиралу Мордвинову, если сообщитъ мнѣ свои мысли и виды, какимъ образомъ вывести Россію изъ того положенія, въ которомъ ее нынѣ находитъ».

— «Вашему императорскому величеству,—отвѣтствовалъ Мордвиновъ,— благоугодно было повелѣть, дабы я изложилъ мысли мои и виды, какъ вывести Россію изъ страдательнаго ея положенія. По сему благоизволящему вашего величества ко мнѣ вниманію, я долженъ, со всею откровенностію, исполнить священную для меня высокомонаршую волю и сказать то, что въ другомъ случаѣ могло бы почтено быть дерзновеніемъ.

«Съ перваго году царствованія блаженныя памяти государя императора Александра I, до самой кончины его, и при царствованіи вашего императорскаго величества, я рачительно излагалъ, по управленію финансами, мысли мои, основанныя на тѣхъ истинныхъ началахъ, кои могъ я познать въ продолженіе 60-ти лѣтъ прилежнаго и всегда постояннаго изученія науки финансовой. По тому ревнію, какое я употреблялъ, она должна была созрѣть и твердо укорениться въ понятіи моемъ, тѣмъ болѣе, что неизмѣнныя истины ея прилагалъ я всегда къ состоянію и ходу дѣлъ въ Россіи. Не теоріи въ мнѣніяхъ моихъ я излагалъ, но описывалъ настоящую бо-

лѣзнь, причины оной и способы излеченія. Но то были совѣты, а совѣты сіи, сколь бы благополезны ни являлись, всегда будутъ тщетными, когда нѣтъ для нихъ исполнителя свѣдующаго и ревностнаго. При всѣхъ соревнованіяхъ и различныхъ видахъ, всѣ мои предложенія оставались недѣйствительными. Я испытывалъ гоненія и былъ удаляемъ; но никакая скорбь, никакія непріязненныя встрѣчи, не могли погасить ревности и непоколебимой любви моей къ августѣйшимъ монархамъ моимъ, и я продолжалъ писать. Во многочисліи бумагъ моихъ, въ продолженіе 30-ти лѣтъ подаваемыхъ, я истощилъ уже все мое знаніе. Теперь остается мнѣ заключить ихъ единою мыслію, но существенно полезнѣйшею, единою, могущею водворить въ Россіи спокойствіе и доставить всеобщее благоденствіе, съ удовлетвореніемъ и для отеческаго сердца вашего величества, пламеннѣющаго желаніемъ видѣть Богомъ дарованный вамъ народъ пользующимся въ полной мѣрѣ богатыми дарами, природою изобильно для того уготованными.

«Я осмѣливаюсь изложить сію мысль мою двумя простонародными пословицами, ибо въ нихъ заключается великая и благотворная истина.

«Первая: «Не купи село, купи прикащика».

«Вторая: «Ложка дегтю въ бочкѣ меду всю сладость испортитъ».

«Всевышній Творецъ одарилъ Россію необыкновеннымъ богатствомъ—и по пространному лицу ея, и въ нѣдрахъ, и въ небесахъ, распростертыхъ надъ оною, готовыхъ уплождать; но нѣтъ ока, видящаго, объемлющаго сіе изобиліе даровъ, могущаго съ успѣхомъ прикоснуться къ онымъ, и силою ума и радѣнія обратить ихъ на пользу.

«Но и сего для счастливой судьбы вашего императорскаго величества не недостаетъ. Вы, всеавгустѣйшій монархъ, имѣете человѣка—князя Ксаверія Францовича Друцкаго-Любецкаго,—одареннаго высокими познаніями, теплаго сердцемъ, дѣятельнаго, опытомъ извѣданнаго, каковыхъ вѣки токмо производятъ. Извѣстно, что въ три прошедшіе вѣка считаютъ только трехъ великихъ правителей финансовъ: Сюллія, Кольберта и Питта. Между рожденіемъ каждаго изъ нихъ протекли столѣтія.

«Сравните, всемилостивѣйшій государь, Царство ваше Польское съ Россіею. Первое, въ малое число лѣтъ, изъ изнеможеннаго, скуднаго въ доходахъ состоянія, стяжало во всемъ изобиліе, частное довольство, а государственное казначейство—въ значительномъ избыткѣ. Россія же, при естественномъ ея великомъ богатствѣ, за всѣми обольщеніями, и процвѣтаніи ея, страждетъ въ частныхъ и государственныхъ доходахъ.

«Тщетно будетъ дарованное природою богатство, тщетны будутъ совѣты, доколѣ не будетъ правителя, способнаго оными располагать и обращать ихъ на всеобщую пользу.

«Симъ откровеннымъ изложеніемъ чувствъ и мысли моей: «чѣмъ болитъ сердце русскаго народа», чѣмъ, конечно, болитъ и сердце вашего

императорскаго величества, я исполняю высочайшую вашу волю, когда удостоили снисходящимъ ко мнѣ обращеніемъ, ознаменовывающимъ величіе души вашей. Вѣрноподданный в. и. величества графъ Николай Мордвиновъ.

Письмо это напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» изд. 1863 г., въ книгѣ II-й, смѣсь, стр. 150—152. Тамъ-же, стр. 140 — 149, помѣщено одно изъ мнѣній князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, поданное имъ въ бытность членомъ государственнаго совѣта, именно: «объ оцѣнкѣ и продажѣ имѣній помѣщиковъ».

Гр. Мордвиновъ въ другомъ мнѣніи, поданномъ 22-го марта 1832 г., о вспомоществованіи должникамъ, соглашаясь съ мнѣніемъ кн. К. Ф. Друцкаго-Любецкаго, вновь хвалитъ его финансовыя познанія и управленіе Царствомъ Польскимъ за время съ 1821 по 1830-й годъ.

Друцкой-Любецкій, кромѣ дружбы и уваженія со стороны Мордвинова, снискалъ любовь и почтеніе къ своему обширному уму и дарованіямъ—со стороны Алексѣя Петровича Ермолова, который зналъ князя Друцкаго-Любецкаго съ молодыхъ лѣтъ, когда служилъ съ нимъ въ Низовскомъ полку. См. превосходный историко-біографическій трудъ профессора В. С. Иконникова: «Гр. Н. С. Мордвиновъ», Спб., 8 д. изд. 1873 г., стр. 479, 550—552, 555, 556 и 562.

Ред.

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его художественная XLII-хъ лѣтняя дѣятельность

1836—1878.

Много знаменитыхъ, высокоталантливыхъ живописцевъ, ваятелей и зодчихъ дала Россіи наша академія художествъ, въ теченіе ста двадцати лѣтъ своего существованія (съ 1-го ноября 1757 года); многіе изъ нихъ заняли видное мѣсто на страницахъ исторіи отечественныхъ художествъ; но завидный жребій снискать вполнѣ европейскую славу выпалъ на долю лишь немногихъ русскихъ художниковъ и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Многочисленныя его произведенія украшаютъ картинныя галлереи нашего отечества и чужихъ краевъ, пользуются громкою извѣстностью въ Италіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, въ Нидерландахъ и Великобританіи; высоко цѣнятся и въ Новомъ Свѣтѣ. Самые строгіе и взыскательные судьи художественнаго міра Европы, отдавая картинамъ Айвазовскаго должную справедливость, преклоняются предъ этимъ мощнымъ талантомъ, съ годами не только не увядающимъ, но усиливающимся; Айвазовскій не маринистъ—въ тѣсномъ значеніи этого слова: кисть его съ одинаковымъ совершенствомъ воспроизводитъ живую природу во всѣхъ проявленіяхъ творчества стихій—воздуха, огня, воды и земли; въ его талантѣ неистощимый запасъ наблюдательности; въ художественной его памяти неизсякаемый источникъ безчисленныхъ видоизмѣненій воздуха и воды, свѣта, тѣней и самаго сумрака.

Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что въ картинахъ своихъ Айвазовскій воспроизводитъ съ безукоризненною точностью не только четыре періода сутокъ—но каждый часъ дня и ночи, каждый мигъ кажущагося движенія солнца по тверди небесной...

Біографическихъ свѣдѣній объ И. К. Айвазовскомъ не мало, какъ въ нашихъ, такъ и въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ; но какъ тѣ, такъ и другія, отличаются—либо полнѣйшимъ отсутствіемъ подробностей о личности художника, либо примѣсью вымышленныхъ эпизодовъ и анекдотическихъ присказокъ, лишенныхъ всякаго основанія. Нѣкоторые иностранные біографы, желая возвысить талантъ художника, доставившій ему и славу, и значеніе въ обществѣ, и обезпеченное состояніе—унижаютъ его происхожденіе и обстанавливаютъ его дѣтство и отрочество небывалыми неблагопріятнѣйшими условіями—нищетою, неразвитостью семьи и т. д. Еще недавно, почти на дняхъ, одна нѣмецкая писательница, нѣкто г-жа Деттлофъ (Клара Бауеръ) въ романѣ своемъ «Въ Степяхъ» (Bis in die Steppe) помѣстила эпизодическій разсказъ объ И. К. Айвазовскомъ, въ которомъ дала полную волю своему цвѣтистому воображенію. Сочинительница ведетъ читателя на балъ княгини Сувановой, на которомъ, между секретаремъ французскаго посольства и знаменитымъ виртуозомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ, происходитъ слѣдующій разговоръ:

— «Кто это пришелъ? Какъ красивъ собою... Настоящая голова художника!»

— «Это и дѣйствительно художникъ—нашъ знаменитый живописецъ «Исаковъ», родомъ армянинъ, что замѣтно по его чернымъ, вьющимся волосамъ и греческому профилю. Вы, конечно, видѣли во дворцѣ Великаго Князя нѣкоторыя изъ его картинъ?—Императоръ Николай Павловичъ, найдя на улицахъ Симферополя мальчика, который рисовалъ на стѣнахъ домика своего отца, далъ ему воспитаніе и теперь Россія имѣетъ въ немъ перворазряднаго художника. Кисть его мастерски передаетъ огненную игру красокъ, которою отличается Черное море. Блѣдная, съ каштановыми локонами, красавица—жена его. Прекрасная пара! Злые языки большаго свѣта шепчутъ, будто-бы она ужасно его мучаетъ своею ревностью. Англичанка по происхожденію, она, разумѣется, одержима «своимъ сплиномъ»! Мнѣ чрезвычайно жаль Исакова, какъ художника, что жена его избрала себѣ сплиномъ—ревность. Вы легко можете замѣтить, что онъ подходитъ только къ пожилымъ дамамъ и лишь съ ними разговариваетъ; мимо молодыхъ-же обя-

заиъ проходить съ потупленнымъ взоромъ,—иначе, дома, его ожидаютъ сцены съ нервными судорогами и мстительная теща! Къ увеличенію семейнаго счастья у него есть и теща... Бѣдному приходится испытывать всѣ муки Тантала! Онъ замѣчателенъ какъ портретистъ и жанристъ, но вынужденъ отказаться отъ этихъ родовъ живописи. Кромѣ себя, супруга его не терпитъ натурщицъ; но не смотря на ея красоту, публикѣ прискучиваетъ любоваться madame Исаковой то въ образѣ нимфы, то Ревекки у колодца, то Элеоноры д'Эсте!... Понимаете: toujours perdrix!.. Уступчивый по характеру, Исаковъ принужденъ ограничиваться изображеніемъ ландшафтовъ: природа—единственная женщина, сношенія съ которой ему дозволены!..»

Такъ фантазируетъ нѣмецкая романистка... не любо—не слушай! но не правдивѣе ея и другіе иностранные біографы Айвазовскаго: имъ, во что-бы то ни стало, нужна драматическая подкраска мирнаго гражданскаго и домашняго быта геніальнаго художника. Изобрѣтательность ихъ, въ данномъ случаѣ, заходила весьма далеко. Такъ, въ 1847 году, въ одной нѣмецкой газетѣ, рецензентъ картинъ Айвазовскаго, отдавая должную справедливость его таланту, въ біографическомъ очеркѣ художника, глубокомысленно замѣтилъ, что необыкновеннымъ развитіемъ органа зрѣнія Айвазовскій обязанъ врожденному недостатку, будучи глухонѣмымъ, а развитіемъ самаго таланта — проживаніемъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ Помераніи, на берегахъ Балтійскаго моря. Эту новость сообщили художнику тогда-же (въ 1847 году) Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и много смѣялись этой сказкѣ, напечатанной въ одной изъ серьезныхъ Берлинскихъ газетъ.

Русскіе біографы Айвазовскаго донынѣ довольствовались почти одними извлеченіями изъ его формулярнаго списка и каталога его главнѣйшихъ, изъ двухъ слишкомъ тысячъ (2,100) картинъ, имъ написанныхъ въ теченіе сорока двухъ лѣтъ неутомимой художественной дѣятельности. Впрочемъ, нельзя строго судить нашихъ отечественныхъ біографовъ: отличительная черта русскаго таланта—скромность, доходящая до крайности, по милости которой у насъ, за весьма рѣдкими исключеніями, полнѣйшее отсутствіе Записокъ, дневниковъ, воспоминаній даровитыхъ русскихъ людей на всѣхъ прославленныхъ ими поприщахъ — отъ полководца до ученаго, отъ духовнаго іерарха до писателя, отъ художника до промышленника.. Какъ будто геніальные люди

русской земли сомнѣваются въ собственныхъ силахъ; какъ будто они сами не сознаютъ въ себѣ своего дарованія.

Личное знакомство съ нашимъ неподражаемымъ художникомъ дало возможность редакціи «Русской Старины» составить его біографическій очеркъ по собственнымъ изустнымъ разсказамъ самого И. К. Айвазовскаго. Разсказы эти, воспроизведенные стенографически и расположенные въ возможно строгомъ хронологическомъ порядкѣ, составляютъ какъ бы его автобіографію. Само собою, что при ея составленіи нами не были обойдены, какъ русскіе, такъ и иностранные печатные матеріалы, въ теченіе сорока двухъ лѣтъ разсѣянные въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ Россіи, Франціи, Бельгіи, Германіи и Италіи, на которые, въ своихъ мѣстахъ, сдѣланы необходимыя указанія.

I.

Фамилія Айвазовскихъ.—Дѣтство и отрочество Ивана Константиновича.—Первыя его занятія живописью и музыкою.—Архитекторъ Кохъ.—А. И. Казначеевъ.—Н. Ѳ. Нарышкина.

1817—1832.

Предки Ивана Константиновича Айвазовскаго были турецкими подданными, исповѣдниками корана. Покойный отецъ художника разсказывалъ ему, что дѣдъ его, при взятіи Азова (18-го іюля 1696 года), едва не сдѣлался жертвою ярости нашихъ войскъ, но былъ спасенъ однимъ изъ солдатъ отъ неминуемой смерти. То же подтвердила Ивану Константиновичу и графиня Антонина Дмитріевна Блудова, сказавъ, что она въ одной старинной книгѣ читала объ этомъ эпизодѣ изъ семейныхъ преданій Айвазовскихъ. Графиня, говоря о происхожденіи Айвазовскаго отъ турецкаго племени, замѣтила, что магометанскій востокъ, при всей своей ненависти къ Россіи, далъ ей двухъ поэтовъ: Жуковскаго, Пушкина, и одного художника—Айвазовскаго [1]).

Отецъ Ивана Константиновича, писавшій свою фамилію Гайвазовскій,—исповѣдывалъ вѣру армяно-грегоріанскую, равно

[1]) Мать Жуковскаго, какъ извѣстно, была плѣнная турчанка, принявшая христіанство (См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 623—624). Пушкинъ былъ правнукомъ африканца, перевезеннаго въ Константинополь.

какъ и все его семейство; старшій сынъ его Григорій— служилъ въ гражданской службѣ, былъ начальникомъ порта въ Θеодосіи и нынѣ живетъ тамъ-же, въ отставкѣ; другой сынъ Гайвазовскаго Гавріилъ — нынѣ епископъ имеретинскій и управляющій абхазскою епархіею, въ 1858 году отклонилъ отъ себя мѣсто и званіе главнаго начальника надъ всѣми армянскими учебными заведеніями, единогласно предложенныя ему константинопольскими армянами. Далѣе мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ знаменитомъ ученомъ іерархѣ армяно-грегоріанской церкви, имя котораго займетъ видное мѣсто, какъ въ ея лѣтописяхъ, такъ равно и въ исторіи восточной литературы.

Айвазовскіе въ прошломъ столѣтіи изъ Турціи переселились въ Галицію, гдѣ донынѣ, близь города Львова, есть землевладѣльцы Айвазовскіе, прадѣдъ которыхъ возведенъ императоромъ австрійскимъ въ дворянское достоинство. Согласно ихъ грамотѣ на дворянство, братья Гайвазовскіе, Гавріилъ и Иванъ, съ 1840 года перемѣнили ороографію «Гайвазовскій» на болѣе правильную, которой съ того времени и слѣдуютъ.

Айвазовскій-отецъ, вслѣдствіе семейныхъ несогласій съ своими братьями, въ молодости переселился изъ Галиціи и жилъ въ Валахіи и Молдавіи, занимаясь торговлею. Онъ зналъ въ совершенствѣ языки: турецкій, армянскій, венгерскій, нѣмецкій, еврейскій, цыганскій и почти всѣ нарѣчія нынѣшнихъ дунайскихъ княжествъ. Затѣмъ, переселясь въ Крымъ, Айвазовскій-отецъ лишился здѣсь большей части своего состоянія вслѣдствіе чумы, свирѣпствовавшей въ Θеодосіи, въ 1812 году. Въ эпоху рожденія младшаго своего сына Константинъ Айвазовскій былъ далеко не богатъ, поддерживая семейство хожденіемъ по тяжебнымъ дѣламъ и незначительными торговыми оборотами, имѣя однако-же собственный домикъ въ Θеодосіи.

Иванъ Константиновичъ родился въ этомъ городѣ 17-го іюля 1817 года. Какъ-бы предназначая художника къ его грядущей будущности, судьба дала ему жизнь на берегахъ Чернаго моря, лицомъ къ лицу со стихіею, которую въ послѣдствіи такъ часто онъ воспроизводилъ и до сихъ поръ воспроизводитъ своею волшебною кистью. Съ нѣжнѣйшаго дѣтства взглядъ Айвазовскаго привыкъ къ широкому раздолью моря, а слухъ его—къ неумолч-

ному шуму и плеску пѣнящихся волнъ. Припоминая свое дѣтство и отрочество, Иванъ Константиновичъ не можетъ съ точностью опредѣлить съ какого именно времени почувствовалъ онъ въ себѣ искру художническаго творчества; но любовь къ музыкѣ и къ живописи развилась въ немъ очень рано, и—можно сказать—возрастала съ нимъ вмѣстѣ. Ребенкомъ 10—12-ти лѣтъ Айвазовскій самоучкою игралъ на скрипкѣ и занимался рисованіемъ, копируя съ литографій и плохихъ гравюръ, изображавшихъ портреты героевъ возстанія Греціи и ея борьбы за независимость: Канариса, Міаули, Баболины; или виды взятія Варны, Силистріи и другихъ крѣпостей во время войны 1828—1829 годовъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на знаменательное совпаденіе трехъ эпохъ художественной дѣятельности Айвазовскаго съ тремя эпохами нашихъ войнъ съ Турціею:

Въ 1829 году—будущій художникъ, двѣнадцатилѣтній ребенокъ робкою рукою, еще неопытнымъ карандашомъ срисовываетъ виды турецкихъ крѣпостей, прославленныхъ подвигами нашего оружія.

Въ 1853—1855 годахъ—Айвазовскій, уже знаменитый, пишетъ эпизодическія картины бомбардировки Севастополя и талантливою своею кистью увѣковѣчиваетъ эту кровавую эпопею второй борьбы, въ нашу эпоху, Россіи съ Турціею и ея союзниками.

Въ 1877—1878 годахъ—кисть того же высокоталантливаго художника, со свойственными ей правдивостью, силой и быстротою, воспроизводитъ рядъ картинъ, цѣлую живописную хронику третьей войны (въ переживаемую имъ эпоху) Россіи съ Турціею. И какъ-бы въ отмщеніе художнику за пораженіе Турціи на сушѣ и на морѣ, бомбардируя беззащитный городъ восточнаго берега Крыма, Ѳеодосію—колыбель Айвазовскаго—турецкіе броненосцы бомбами разрушаютъ часть его дома [1]. Какъ

---

[1]) Приводимъ подлинникъ официальной телеграмы командующаго войсками одесскаго округа отъ 2-го января 1878 года изъ Одессы: «Въ дополненіе телеграммы № 5-й доношу, что послѣ $12^1/_2$ часовъ бомбардировка турками Ѳеодосіи не возобновлялась, а въ седьмомъ часу броненосцы отошли на западъ. Въ домѣ Айвазовскаго бомба пробила двѣ стѣны и разорвалась въ залѣ. Всего повреждено 12 домовъ, изъ нихъ два разрушены; начавшіеся пожары были немедленно прекращаемы».

бы въ доказательство личной ненависти турокъ къ русскому художнику, осколкомъ бомбы, лопнувшей въ залѣ его дома въ Θеодосіи, былъ разбитъ бюстъ Ивана Константиновича; другой же находившійся въ залѣ бюстъ—А. С. Пушкина уцѣлѣлъ: Айвазовскій—en effigie (въ изображеніи) палъ жертвою войны.

Не довольствуясь рисованіемъ карандашомъ на бумагѣ, отрокъ Айвазовскій однажды нарисовалъ на наружной стѣнѣ отцовскаго дома фигуру солдата въ натуральный ростъ. Этотъ солдатъ возбуждалъ живѣйшее любопытство въ проходившихъ мимо караимахъ и они, останавливаясь толпами, простодушно дивились искусству юнаго художника. Изъ знакомыхъ отца Айвазовскаго городской архитекторъ Кохъ обратилъ вниманіе на склонность мальчика къ живописи и, желая развить въ немъ зачатки несомнѣннаго дарованія, занялся преподаваніемъ ему первыхъ правилъ перспективы и черченія архитектурныхъ деталей. Эти первые уроки, по словамъ Ивана Константиновича, принесли ему большую пользу и признательный художникъ донынѣ сохраняетъ о покойномъ Кохѣ самое отрадное воспоминаніе.

Въ это время Айвазовскій посѣщалъ и Θеодосійское уѣздное училище, въ которомъ, кромѣ русскаго языка, прилежно занимался турецкимъ и армянскимъ. Досуги свои посвящалъ музыкѣ и рисованію. Обладая счастливымъ слухомъ, ребенокъ легко запоминалъ мотивы мѣстныхъ пѣсенъ и весьма вѣрно игралъ ихъ на скрипкѣ. Однажды градоправитель, Александръ Ивановичъ Казначеевъ [1]), проѣзжая берегомъ моря мимо дома Айвазовскаго, увидѣлъ сидящаго на окнѣ и играющаго на скрипкѣ молодаго виртуоза. Айвазовскій сконфузился и спряталъ скрипку за спину; но А. И. Казначеевъ ласково попросилъ его продолжать и похвалилъ за искусство. Такова была первая встрѣча Айвазовскаго съ человѣкомъ, имѣвшимъ вскорѣ весьма важное вліяніе на всю его будущность.

Недѣли черезъ двѣ, Кохъ, посѣтивъ А. И. Казначеева, показалъ ему рисунки Айвазовскаго. «Желалъ-бы я съ нимъ познакомиться», сказалъ будущій покровитель талантливаго отрока и на слѣдующій же день мальчикъ, сопровождаемый своимъ от-

---

[1]) Нынѣ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, маститый 90-то лѣтній старецъ—дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, въ Москвѣ.

цомъ и добрымъ Кохомъ, явился къ Александру Ивановичу. Обласкавъ молодаго Айвазовскаго, А. И. Казначеевъ подарилъ ему ящикъ водяныхъ красокъ и нѣсколько листовъ хорошей рисовальной бумаги. Лучшаго подарка невозможно было сдѣлать талантливому ребенку, до того времени рисовавшему лишь карандашомъ на попадавшихся подъ руку лоскуткахъ бумаги. Кромѣ того, А. И. Казначеевъ познакомилъ молодаго Айвазовскаго съ своимъ сыномъ, его ровестникомъ, и ввелъ бѣднаго мальчика въ свое семейство. Въ продолженіе года (1829—1830) И. К. Айвазовскій былъ частымъ гостемъ въ домѣ А. И. Казначеева. Въ 1830 году, назначенный таврическимъ губернаторомъ, Александръ Ивановичъ поселился въ Симферополѣ, куда взялъ съ собою и Айвазовскаго, поступившаго въ тамошнюю гимназію. Въ Симферополѣ обширный кругъ знакомства семейства Казначеевыхъ увеличился; въ числѣ особенно близкихъ имъ особъ была, проживавшая за городомъ—вдова Дмитрія Васильевича **Нарышкина**, Наталія Өедоровна (рожденная графиня **Ростопчина**). Молодой Казначеевъ и Айвазовскій посѣщали ея домъ каждое воскресенье и были сверстниками ея сына, Өедора Дмитріевича. Въ одно изъ своихъ посѣщеній Айвазовскій предложилъ Ө. Д. Нарышкину нарисовать ему «жидовъ» и тутъ-же нарисовалъ перомъ группу евреевъ въ синагогѣ. Молодой Нарышкинъ показалъ этотъ рисунокъ Наталіи Өедоровнѣ, на которую талантъ молодаго художника произвелъ столь сильное впечатлѣніе. что она рѣшилась позаботиться о его будущности. Не отлагая благороднаго своего намѣренія, Наталія Өедоровна отослала рисунки Айвазовскаго архитектору **Тончи**, въ Москву, прося его о предстательствѣ за талантливаго юношу у государя. Тончи передалъ рисунки князю Петру Михайловичу **Волконскому**, который, въ свою очередь, представилъ ихъ императору Николаю Павловичу.

Высокій покровитель отечественныхъ талантовъ [1]) съ полною

---

[1]) Здѣсь не можемъ не замѣтить, что въ большинствѣ художниковъ и артистовъ, пользовавшихся громкою извѣстностью въ царствованіе императора Николая Павловича, сохранились чувства глубокой признательности къ ихъ августѣйшему покровителю. Напоминаемъ читателю о напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1870—1877 гг. Запискахъ М. И. **Глинки**, П. А. **Каратыгина** Ө. Г. **Солнцева**, В. В. **Самойлова**, Л. А. **Сѣрякова**, гр. Ө. П. **Толстаго** и нѣк. друг., въ которыхъ многія страницы посвящены памяти покойнаго императора Николая Павловича.

благосклонностью отнесся къ первымъ опытамъ юнаго художника, и повелѣлъ князю Волконскому зачислить Айвазовскаго въ академію художествъ, пенсіонеромъ собственнаго Е. И. В—ва Кабинета. Распоряженіе о переводѣ Айвазовскаго изъ симферопольской гимназіи въ академію художествъ послѣдовало въ бытность его на пути въ Петербургъ, куда онъ прибылъ съ семействомъ Варвары Аркадіевны Башмаковой (рожденной княжны Италійской, графини Суворовой-Рымникской). Айвазовскій оставилъ гимназію на половинѣ курса.

II.

Пребываніе въ академіи художествъ.—Профессоръ Воробьевъ.—Французскій живописецъ Таннеръ.—А. Н. Оленинъ.—Первая выставка и ея печальныя послѣдствія.

1833—1835.

Ученикомъ академіи художествъ Айвазовскій былъ зачисленъ 23-го августа 1833 года. Классовъ исключительной «морской живописи» не было; этотъ родъ картинъ причислялся къ пейзажамъ вообще и юный художникъ поступилъ въ число учениковъ извѣстнаго въ то время пейзажиста, профессора Максима Никифоровича Воробьева. Но существеннѣйшую пользу Айвазовскому принесли произведенія великихъ мастеровъ старинныхъ иностранныхъ школъ, до того времени юному художнику невѣдомыя. По собственному его сознанію, развитію его дарованія много способствовала копировка пейзажей Клодъ-Лоррена (1600, †1682). Послѣ роскошнаго юга наша убогая сѣверная природа, съ ея блѣднымъ небомъ, пасмурными и туманными днями, не могла, конечно, произвести особенно благотворнаго впечатлѣнія на южанина—Айвазовскаго; но его не могли не поразить наши свѣтлыя лѣтнія ночи, воспѣтыя Пушкинымъ:

Люблю........
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я, въ комнатѣ моей,
Пишу, читаю безъ лампады
И ясны спящія громады

Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла!
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса!..

Припоминая существовавшіе тогда порядки и способы преподаванія въ академіи художествъ, И. К. Айвазовскій, въ устной бесѣдѣ изложилъ собственный на нихъ свой взглядъ и личное о нихъ мнѣніе, которые приводимъ здѣсь почти дословно.

— «Не раздѣляю мнѣніе лицъ, сочувствующихъ тогдашнимъ порядкамъ преподаванія изящныхъ искусствъ въ нашей академіи. Мнѣ кажется, что возложеніе на ученика цѣлой массы побочныхъ предметовъ ученія не совсѣмъ выгодно вліяетъ на развитіе его художественнаго дарованія. Будущему художнику необходимо дать предварительное образованіе до его приступа къ изученію какой-либо отрасли изящнаго искусства... проще сказать: науки должны предшествовать изученію искусствъ; заниматься-же одновременно и тѣмъ и другимъ—трудъ для учениковъ непосильный. У насъ, въ академіи, съ семи часовъ утра до полудня шли занятія классныя; съ 12-ти до 3-хъ ученики копировали красками; послѣ обѣда часа два, три—классы; вечеромъ—опять рисованіе. Такъ чередовались часы занятій науками и искусствомъ съ однообразною правильностью заведенной машины. Что-же оказывалось послѣдствіемъ этого смѣшенія? Ученики, имѣвшіе истинное призваніе къ искусству, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія часовъ художественныхъ классовъ, бывали всегда крайне нерадивы къ занятіямъ научнымъ... и кому изъ нихъ пойдетъ въ голову географія или алгебра, когда всѣ его мысли заняты пейзажемъ или бытовою картиною? Изъ ста двадцати товарищей моихъ по академіи—прилежнѣйшіе въ наукахъ оказались, какъ художники, самыми посредственными, и, разумѣется. наоборотъ: изъ такъ называемыхъ «лѣнтяевъ» выработались художники замѣчательные. Что-же это доказываетъ? То, что врожденное призваніе и страсть къ искусству невозможно подчинять опредѣленной порѣ дня и регламентировать ихъ по учебнымъ часамъ гимназій и учебныхъ заведеній; минута вдохновенія художника не можетъ быть подчинена бою часовъ или звонку колокольчика, зовущаго въ мастерскую какъ въ классъ.

«Академія художествъ, какъ высшее спеціальное учрежденіе, должна, по моему убѣжденію, быть посвящена исключительно преподаванію живописи, зодчества, ваянія и тѣхъ прикладныхъ знаній, которыя имъ необходимы. Изъ таковыхъ, первыя мѣста принадлежатъ теоріи архитектуры и исторіи живописи, но не болѣе одного раза въ недѣлю. Въ ученики академіи слѣдуетъ допускать лицъ не моложе 18-ти лѣтъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ (таковы условія поступленія студентовъ въ медико-хирургическую академію) и завершившихъ свое образованіе. Нашъ талантливый Семиродскій окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ; многіе даровитые художники начали обучаться живописи находясь даже и на государственной службѣ. Талантъ исторгаетъ человѣка изъ всякихъ классовъ общества.

«Мнѣ возразятъ вопросомъ: что же дѣлать съ талантливыми людьми изъ среды народной, необразованными, неграмотными, но отъ природы даровитыми? Развивать ихъ дарованіе, давая имъ въ то же время средства учиться грамотѣ и наукамъ приватно, удѣляя на эти занятія день—два въ недѣлю, внѣ академіи. Стипендіи, выдаваемыя студентамъ на предметъ ихъ образованія, во всякомъ случаѣ, не составятъ той крупной суммы, которая расходуется на содержаніе при академіи цѣлаго педагогическаго штата.

«Таковы воззрѣнія мои на прямую цѣль и назначеніе академіи художествъ».

И. К. Айвазовскій, будучи ученикомъ академіи, пользовался въ ней квартирою и столомъ, экипировкою, довольствуясь малымъ, чуждый и малѣйшихъ прихотей, свойственныхъ юношескому возрасту. Продажа акварельныхъ рисунковъ доставляла ему незначительныя карманныя деньги на мелкіе расходы. Въ праздничные и воскресные дни, онъ посѣщалъ дома свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича Суворова-Рымникскаго и Алексѣя Романовича Томилова, принявшихъ въ молодомъ художникѣ самое доброе, теплое участіе. А. Р. Томиловъ—человѣкъ добрѣйшей души, страстный любитель живописи—имѣлъ богатое собраніе картинъ и гравюръ Рембрандта и другихъ первоклассныхъ художниковъ. Кромѣ картинъ и гравюръ иностранныхъ художниковъ, у А. Р. Томилова—было богатѣйшее собраніе оригинальныхъ рисун-

ковъ Орловскаго [1]). Этотъ даровитый живописецъ былъ другомъ дома Томиловыхъ и частымъ ихъ гостемъ. Меткій его карандашъ отличался, какъ извѣстно, необыкновенною быстротою. Орловскій, безъ малѣйшей усталости, могъ въ одинъ вечеръ сдѣлать нѣсколько вполнѣ законченныхъ рисунковъ. По разсказамъ А. Р. Томилова Айвазовскому, Орловскій, бывая у Алексѣя Романовича на многолюдныхъ собраніяхъ любителей и любительницъ живописи, уступая ихъ просьбамъ, рисовалъ имъ своихъ наѣздниковъ и бытовыя сцены, безъ всякой ложной застѣнчивости взимая съ богатыхъ заказчиковъ по 10-ти и по 15-ти рублей за каждый рисунокъ. Намекая на быстроту своей работы, Орловскій называлъ ее «печеніемъ пирожковъ». Эти пирожки приходились по вкусу высшему столичному обществу и рисунки Орловскаго, въ исходѣ двадцатыхъ годовъ, были неизбѣжнымъ украшеніемъ петербургскихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ.

А. Р. Томиловъ давалъ Айвазовскому всѣ возможныя средства къ развитію и усовершенствованію его таланта и—по отзывамъ Ивана Константиновича—«сочувствію А. Р. Томилова онъ многимъ обязанъ и сохраняетъ о немъ самое сердечное воспоминаніе». Проводя лѣтніе мѣсяцы въ имѣніи А. Р. Томилова, селѣ Успенскомъ (близъ Старой Ладоги, на берегу Волхова), И. К. Айвазовскій занимался рисованіемъ съ натуры. Въ домѣ А. Р. Томилова молодой Айвазовскій познакомился, съ А. И. Философовымъ, гр. А. Н. Мордвиновымъ и нѣк. друг.

Съ товарищами своими по академіи Айвазовскій былъ вообще въ самыхъ добрыхъ и пріязненныхъ отношеніяхъ, особенно же любилъ Ставассера [2]) и Штернберга [3]). Первый изъ нихъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи громкую извѣстность какъ ваятель, второй—превосходный акварелистъ, прославился пейзажами и картинами изъ сельскаго малороссійскаго быта. Онъ былъ пенсіонеромъ и пользовался самымъ отеческимъ покровительствомъ лю-

---

[1]) Орловскій умеръ въ 1830 году. Біографическій очеркъ этого художника былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 353—358.

[2]) Петръ Андреевичъ Ставассеръ—одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ ваятелей. Изъ его произведеній особенно извѣстна находящаяся въ Петергофѣ «Русалка».

[3]) Штернбергъ († 1846 г.) написалъ много пейзажей и бытовыхъ картинъ преимущественно изъ сельской жизни на Украйнѣ. См. о немъ «Записки М. И. Глинки» («Русская Старина», томъ II, 1870 г., изд. третье, стр. 324—327).

бителя художествъ, весьма богатаго землевладѣльца Григорія Степановича Тарновскаго [1]). Айвазовскій и Штернбергъ были связаны узами тѣснѣйшей дружбы.

Замѣтимъ, при этомъ, что въ бытность Айвазовскаго въ академіи художествъ, она обиловала даровитыми учениками, изъ которыхъ въ послѣдствіи многіе снискали извѣстность какъ живописцы и ваятели. Таковыми, кромѣ Штернберга и Ставассера, были: Воробьевъ, Фрикке, Завьяловъ, Шамшинъ, Пименовъ, Логановскій, Кудиновъ, Рамазановъ и мн. др.

Талантъ Айвазовскаго быстро развивался; его успѣхи обратили на него вниманіе Алексѣя Николаевича Оленина [2]), тогдашняго президента академіи художествъ.

Въ 1835 году прибылъ въ Петербургъ французскій маринистъ Филиппъ Таннеръ, художникъ искусный, но человѣкъ довольно неуживчивый, строптивый и непомѣрно ослѣпленный чувствомъ собственнаго достоинства. Разладивъ у себя на родинѣ съ собратьями-живописцами и съ взыскательными своими критиками, Таннеръ отправился въ Россію попытать счастья. Изъ французовъ-живописцевъ славились тогда у насъ: Ладюрнеръ, Куртъ, Плюшаръ и др. Радѣя соотечественнику, петербургская французская колонія разнесла о Таннерѣ громкую молву по нашимъ аристократическимъ гостинымъ, которая, дальше и выше, дошла до императора Николая Павловича. Милостиво принятый и взысканный монаршимъ вниманіемъ, Таннеръ получилъ отъ государя нѣсколько заказовъ по части морской живописи. Эффектныя его картины понравились и въ любительскихъ кружкахъ были предметами громкихъ толковъ, весьма лестныхъ для заѣзжаго иностраннаго артиста. Однажды, говоря о картинахъ Таннера съ А. Н. Оленинымъ, государь спросилъ у него: нѣтъ-ли

---

[1]) Григорій Степановичъ Тарновскій (См. тамъ же, стр. 322—327), другъ М. И. Глинки, извѣстенъ въ кругу знававшихъ его лицъ какъ добрѣйшій человѣкъ и гостепріимный, радушный хозяинъ. Покойный Штернбергъ былъ обязанъ Г. С. Тарновскому какъ развитіемъ своего дарованія, такъ и самыми средствами къ обезпеченному существованію.

[2]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ († 1843 г.). Біографическій его очеркъ вмѣстѣ съ письмами Оленина ко многимъ лицамъ былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (см. томъ XIV, изд. 1875 г., стр. 280—296). Памяти Оленина посвящены многія страницы въ Запискахъ профессора Ѳ. Г. Солнцева, см. «Русскую Старину» изд. 1876 г, томъ XV, стр. 311—323 и многія другія.

въ числѣ учениковъ академіи талантливаго молодаго пейзажиста для поступленія въ качествѣ ученика — къ Таннеру? А. Н. Оленинъ указалъ на Айвазовскаго, который былъ представленъ французскому маринисту и принятъ имъ для усовершенствованія въ новомъ родѣ живописи. Механизмъ писанія Таннера Иванъ Константиновичъ усвоилъ безъ всякаго участія новаго своего учителя. Обходясь высокомѣрно со своимъ ученикомъ, и не думая дѣлиться съ нимъ своимъ умѣньемъ, Таннеръ, занятый заказами, поручалъ Айвазовскому приготовленіе красокъ, либо копированіе видовъ Петербурга, чтобы воспользоваться этими копіями для будущихъ своихъ картинъ. Подобныя отношенія иностраннаго художника къ русскому таланту, конечно, нисколько не содѣйствовали его самостоятельному развитію. Лѣтомъ 1835 г. отправляясь въ Кронштадтъ для писанія съ натуры тамошняго порта, Таннеръ поручилъ Айвазовскому списать для него видъ Петропавловской крѣпости съ Троицкаго моста, и Иванъ Константиновичъ былъ принужденъ заняться этою работою.

Между тѣмъ, А. Н. Оленинъ, желая содѣйствовать успѣхамъ Айвазовскаго, предложилъ ему написать морской видъ—«этюдъ воздуха надъ моремъ» къ предстоящей осенней выставкѣ. Съ удовольствіемъ повинуясь своему доброму покровителю, Айвазовскій сказался больнымъ возвратившемуся изъ поѣздки Таннеру и, удалясь въ академію, съ жаромъ принялся за работу. Картина ко времени выставки была готова; по приговору конференціи Айвазовскому присуждена первая серебряная медаль, а первое его произведеніе выставлено въ одной изъ академическихъ залъ. Эта картина привлекла къ себѣ многочисленныя толпы зрителей: русская публика съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась къ произведенію русскаго молодаго художника, запечатлѣнному яркими проблесками несомнѣннаго дарованія.

Слухъ о торжествѣ Айвазовскаго не замедлилъ достигнуть до Таннера; выискались, разумѣется, и услужливые пріятели французскаго художника, шепнувшіе ему при этомъ, что поступокъ Айвазовскаго чуть не государственное преступленіе, предательство, измѣна—его учителю. Взбѣшенный Таннеръ, со смѣлостью истаго сына Франціи, избалованнаго русскимъ радушіемъ, поспѣшилъ въ Царское Село, во дворецъ, и доложилъ императору Ни-

колаю Павловичу о своеволіи своего ученика, осмѣлившагося отдать свою картину на выставку безъ вѣдома учителя.

При всемъ своемъ сочувствіи изящнымъ искусствамъ, при всей заботливости о русскихъ талантахъ художникахъ, покойный государь всего прежде былъ строгимъ блюстителемъ уваженія подчиненныхъ къ ихъ начальникамъ. Нарушеніе субординаціи, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось, всегда возбуждало его гнѣвъ и негодованіе. Въ данномъ случаѣ однако вся вина Айвазовскаго заключалась именно въ повиновеніи своему высшему начальству въ лицѣ А. Н. Оленина, — что было скрыто отъ государя. Таннеръ затронутъ былъ за чувствительную струну своего самолюбія не мнимымъ своеволіемъ Айвазовскаго, а вѣрнѣе— внутреннимъ сознаніемъ истиннаго таланта въ этомъ ученикѣ-юношѣ... Какъ-бы то ни было, но государь немедленно повелѣлъ кн. Волконскому: «ѣхать въ академію и снять съ выставки картину Айвазовскаго». Повелѣніе было исполнено: картина Айвазовскаго, привлекавшая къ себѣ множество зрителей, немедленно снята въ виду громадной толпы посѣтителей выставки.

Это печальное событіе дало пищу сплетникамъ и клеветникамъ, а невзгода, постигшая Айвазовскаго, заставила враждебно отзываться о немъ даже многихъ изъ числа тѣхъ, которые наканунѣ восхищались его картиною. Нашлись малодушные, которые были готовы божиться, что они даже и понятія не имѣютъ объ этой злополучной картинѣ. Но былъ тутъ и отрадный фактъ: товарищи Айвазовскаго, возмущенные извѣтомъ Таннера, его очевиднымъ недоброжелательствомъ къ русскому таланту, — недѣли черезъ двѣ послѣ снятія картины съ выставки, отплатили виновнику этого событія по заслугамъ. Таннеръ, пріѣхавшій на выставку, былъ встрѣченъ воспитанниками академіи такимъ непріязненнымъ шиканьемъ и ропотомъ, что принужденъ былъ поскорѣе удалиться. На эту демонстрацію онъ однако-же не имѣлъ духу жаловаться высшему начальству.

III.

В. А. Жуковскій и И. А. Крыловъ.—Ходатайство Зауервейда.—Плаваніе по Финскому заливу.—Академическая выставка 1836 г.—Н. В. Кукольникъ и его «Художественная Газета».—Кружокъ «братіи».—Отъѣздъ въ Крымъ.—Экспедиція въ долину Субаши.—Приготовленія къ отъѣзду въ Италію.

1835—1840.

Трудно описать душевныя страданія Айвазовскаго, испытанныя имъ въ эти тяжкія минуты. Онъ убѣжалъ въ далекую свою комнатку въ академіи, съ трепетомъ ожидая новыхъ бѣдствій и конечнаго разрушенія всей своей будущности. Товарищи утѣшали страдальца какъ могли; сочувствовали его горю. Но первое слово утѣшенія и ободренія Айвазовскій услышалъ отъ посѣтившаго его скромный пріютъ Василія Андреевича Жуковскаго, который зналъ Айвазовскаго встрѣчая его у А. Н. Оленина. Кроткій, сострадательный Жуковскій убѣждалъ Айвазовскаго не унывать, не упадать духомъ и, по прежнему, заниматься живописью. Иванъ Андреевичъ Крыловъ—нашъ незабвенный баснописецъ, пріѣхавъ въ академію, пожелалъ видѣть Айвазовскаго. Товарищи Ивана Константиновича, вбѣжавъ шумною гурьбой къ нему въ комнату, передали желаніе Крылова. Айвазовскій вышелъ къ нему и маститый «дѣдушка» ласково подозвалъ къ себѣ опечаленнаго художника.

— «Поди, поди ко мнѣ, милый»,—произнесъ онъ добродушнымъ своимъ голосомъ и, поцѣловавъ молодаго человѣка въ лобъ, продолжалъ: «что, братецъ, французъ обижаетъ? Э-эхъ, какой же онъ... ну, Богъ съ нимъ! Не горюй...»

Участіе Жуковскаго и Крылова нѣсколько облегчило тяжкій гнетъ, лежавшій на сердцѣ Айвазовскаго, но царская немилость тяготѣла надъ нимъ по прежнему и ходатайствовать за него предъ государемъ не рѣшался никто, даже А. Н. Оленинъ, изъ боязни, чтобы напоминаніемъ объ Айвазовскомъ не навлечь на него пущей грозы. При такихъ безотрадныхъ предзнаменованіяхъ начался для Айвазовскаго новый, 1836 годъ, въ началѣ котораго судьба послала ему благороднаго ходатая въ лицѣ профессора академіи А. И. Зауервейда.

Зауервейдъ, въ свое время извѣстный баталическій художникъ, пользовался особеннымъ расположеніемъ императора Николая Павловича. Покойный государь, какъ извѣстно, занимался живописью акварелью и масляными красками, пользуясь совѣтами Зауервейда. Государь особенно любилъ картины баталическаго содержанія и военныя сцены. Иногда къ старинньмъ пейзажамъ, писаннымъ масляными красками и находившимся въ которомъ нибудь изъ загородныхъ дворцовъ, покойный императоръ пририсовывалъ фигуры и цѣлыя группы пѣхотинцевъ и кавалеристовъ, пользуясь при этомъ указаніями Зауервейда[1]). Этотъ же художникъ былъ учителемъ рисованія августѣйшихъ членовъ царской фамиліи, великихъ князей и великихъ княженъ. Посѣщая ихъ императорскія высочества, Зауервейдъ сообщилъ имъ о несчастномъ случаѣ съ картиною Айвазовскаго, испрашивая милостиваго участія къ судьбѣ молодаго художника. Ихъ высочества выразили свое сочувствіе къ ней, но, при всемъ томъ, не могли обѣщать Зауервейду ходатайства предъ августѣйшимъ родителемъ, изъ боязни прогнѣвить его.

Между тѣмъ, обстоятельства слагались въ пользу Айвазовскаго. Таннеръ успѣлъ зазнаться и, не умѣя пользоваться монаршими милостями съ должною скромностью, не умѣя цѣнить ихъ, простеръ свою дерзость до забвенія первыхъ правилъ общежитія и приличія. Разнаго рода выходки, причуды и частыя столкновенія французскаго живописца съ лицами близкими ко двору навлекли на него неудовольствіе императора. Таннеру было предложено удалиться за границу; воспоминаніемъ о немъ остались его «эффектныя» картины въ чертогахъ Зимняго дворца и Эрмитажа.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ 1836 года, Зауервейдъ, по окончаніи уроковъ рисованія на половинѣ великихъ княженъ, встрѣтилъ, въ одной изъ дворцовыхъ залъ, государя Николая Павловича, сопровождаемаго министромъ двора. Въ самой этой залѣ по стѣнамъ размѣщены были картины Таннера. Поздоровавшись съ Зауервейдомъ, императоръ, остановясь передъ одною изъ нихъ, неодобрительно отозвался объ изображенныхъ на ней

---

[1]) Въ одномъ изъ альбомовъ дворцовой библіотеки въ г. Павловскѣ есть довольно большое собраніе бойко набросанныхъ карандашомъ рисунковъ и карикатуръ работы императора Николая Павловича въ бытность его великимъ княземъ.

фигурахъ [1]), но похвалилъ другую картину, работы того же художника. Соглашаясь съ мнѣніемъ его величества, профессоръ Зауервейдъ замѣтилъ, что не хуже Таннера напишетъ «нашъ русскій художникъ Айвазовскій».

Мимолетное облако мелькнуло на лицѣ государя; въ голубыхъ его очахъ блеснула зарница гнѣва; но неустрашимый, честнѣйшій Зауервейдъ продолжалъ:

— Хотя Таннеръ и отзывался объ Айвазовскомъ, какъ о человѣкѣ неблагодарномъ, и вообще описывалъ его довольно черными красками, но мы, профессора академіи, справедливѣе относимся къ ея ученикамъ.

Милостивая улыбка императора придала смѣлости Зауервейду и онъ заключилъ свой отзывъ объ Айвазовскомъ самою лестною похвалою.

— Зачѣмъ же ты раньше мнѣ этого не сказалъ? замѣтилъ императоръ.

— Ваше величество,—простодушно отвѣчалъ Зауервейдъ,— во время бури, маленькимъ лодочкамъ не безопасно приближаться къ линейному кораблю, да еще и стопушечному... въ тихую погоду — можно!

— Ты вѣчно съ своими прибаутками! — засмѣясь замѣтилъ государь.—Гдѣ же Айвазовскій?

— Въ академіи, ваше величество.

— Завтра же ты представишь мнѣ его картину, снятую съ выставки,—заключилъ Николай Павловичъ, отпуская Зауервейда.

Обрадованный счастливымъ исходомъ заступничества своего за Айвазовскаго, Зауервейдъ, возвратясь на половину великихъ княженъ, доложилъ покойной великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ о милости императора къ Айвазовскому. Повинуясь голосу своего юнаго, добраго сердца, великая княжна поцѣловала въ лобъ своего почтеннаго учителя.

На слѣдующій день картина Айвазовскаго была препровождена въ Зимній дворецъ. Государь ее одобрилъ, повелѣлъ выдать художнику 1,000 р. асс , съ назначеніемъ Айвазовскаго сопро-

---

[1]) Замѣчаніе государя было тѣмъ справедливѣе, что Таннеръ рѣшительно не умѣлъ рисовать фигуръ: какъ эффектный декораторъ, онъ оживлялъ свои морскіе виды кораблями и фигурами, писанными его пріятелемъ Ладюрнеромъ.

вождать Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича, который лѣтомъ 1836 года долженъ былъ совершить первое практическое плаваніе по Финскому заливу.

Съ этой минуты, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ недавнихъ бурь и испытаній, Айвазовскій безмятежно — не скажемъ — пошелъ, но поплылъ по своему блестящему, какъ море, и, какъ оно же, обширному художественному поприщу.

Плаваніе по Финскому заливу принесло таланту его громадную пользу, близко ознакомивъ со всѣми эффектами свѣта и тѣни на влажной стихіи и на безпредѣльномъ небосклонѣ. Къ осенней академической выставкѣ 1836 года, молодымъ художникомъ написано было семь морскихъ видовъ, послужившихъ краеугольными камнями его будущей извѣстности и славѣ. Изъ профессоровъ академіи, кромѣ Зауервейда, живѣйшее сочувствіе Айвазовскому оказалъ въ это время творецъ «Послѣдняго дня Помпеи», Карлъ Павловичъ Брюлловъ. Чуждый всякаго чванства, несовмѣстнаго съ истиннымъ талантомъ, Брюлловъ приблизилъ къ себѣ молодаго Айвазовскаго и ввелъ его въ кружокъ «братіи», корифеями котораго были: М. И. Глинка, Платонъ и Несторъ Кукольники и ихъ безсмѣнный Фальстафъ—Яковъ Ѳедосѣевичъ Яненко [1]). Далѣе мы возвратимся къ воспоминаніямъ Ивана Константиновича объ этомъ замѣчательномъ кружкѣ, составленномъ изъ самыхъ разнородныхъ талантовъ.

28-го сентября 1836 года послѣдовало открытіе академической выставки, которая привлекла въ залы академіи художествъ многія тысячи обитателей столицы. Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться. Изъ скульптурныхъ произведеній обращали на себя особенное вниманіе композиціи Ставассера, Рамазанова, «статуя играющаго въ свайку»—Логановскаго, «статуя играющаго въ бабки»—Пименова [2]); «взятіе Божіей Матери на не-

---

[1]) О кружкѣ «братіи», собиравшемся у Брюллова и Кукольника, см. напечатанные въ «Русской Старинѣ» Записки М. И. Глинки, Воспоминанія Ѳ. М. Толстаго, П. А. Степанова, Л. А. Сѣрякова и др.

[2]) Обѣ эти статуи произвели на А. С. Пушкина столь сильное впечатлѣніе, что онъ написалъ къ нимъ слѣдующія антологическія стихотворенія, тогда же напечатанныя въ «Художественной Газетѣ»:

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ—тѣшится быстрой игрой!

бо»—Егорова; «парадъ на Царицыномъ лугу»—Ладюрнера, «парадъ 1831 года по усмиреніи польскаго мятежа»—Чернецова; «взятіе Варны»—Зауервейда; портреты работы: Кипренскаго, Крюгера, Нефа, Плюшара, г-жи Куртъ; пейзажи: Воробьева, Раева, Фрикке, Бориспольца, Штернберга; пейзажи Лебедева, «явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ»—Иванова, «Фортуна и Нищій»—Маркова, картоны «Мѣднаго змія»—Бруни, присланные изъ Италіи; наконецъ—«морскіе виды» Таннера и семь таковыхъ же видовъ Айвазовскаго.

Критическій обзоръ выставки былъ напечатанъ Кукольникомъ въ послѣднихъ нумерахъ его «Художественной Газеты» на 1836 годъ. Изъ его обширной рецензіи приводимъ отзывы о произведеніяхъ Таннера и Айвазовскаго.

Во 2-мъ нумерѣ своего изданія (стр. 34) Кукольникъ отстаивалъ французскаго художника противъ рѣзкихъ отзывовъ его соотечественниковъ. По ихъ словамъ, «воды г-на Таннера—неполированное стекло; зданія—дѣтскіе игрушечные домики; воздухъ—проточная бумага. Неужели вѣды г-на Таннера, въ самомъ дѣлѣ, вовсе уже не нравятся критику?» Черезъ семь мѣсяцевъ Кукольникъ, покорный собственному эстетическому чутью, произнесъ надъ произведеніями французскаго мариниста приговоръ, почти согласный съ мнѣніемъ его строгихъ соотечественниковъ.

„Виды морскіе — этотъ родъ пейзажной живописи у насъ еще весьма малочисленъ. Отдаленность отъ Петербурга южныхъ нашихъ морей, неживописныя качества Балтійскаго и, наконецъ, равнодушіе художниковъ къ морю, съ которымъ они имѣютъ такъ мало сношеній—тому, вѣроятно, причиною. Изъ выставленныхъ немногихъ картинъ двѣ принадлежатъ французскому художнику Таннеру. Буря его имѣетъ весьма замѣчательныя достоинства, вопреки французскимъ журналистамъ, столь невыгодно отзывавшимся о произведеніяхъ сего художника. Но французы имѣютъ знаменитаго Гюдена—

Вотъ и товарищъ тебѣ—дисководъ! [1]) онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость,
Вотъ ужъ прицѣлился... прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врознь разступись; не мѣшай русской удалой игрѣ!

---

[1]) Дискоболъ — античная статуя юноши, метущаго дискъ.

удивленіе всѣхъ знатоковъ и любителей! Имъ и книги въ руки! Вода въ картинѣ Таннера заключаетъ весьма много прозрачности и, скажемъ—влажности, текучести; пѣна, можетъ быть, нѣсколько поэтизированная, эффектна въ своемъ причудливомъ своенравіи; вообще видно, что пребываніе въ морѣ доставило художнику тѣсное знакомство со многими частными, случайными эффектами моря.

„Въ живописи художника видна манера, ему собственно принадлежащая, можетъ быть, невыгодная для разнообразія его произведеній; механизмъ художника долженъ быть доведенъ до гибкости и независимости въ возможной степени; по его двумъ этимъ произведеніямъ не смѣемъ заключать вообще о талантѣ сего художника. Что-же касается до видѣнныхъ нами работъ, то, по доброй совѣсти, не можемъ не сознаться, что воздухъ и земля намъ весьма не понравились; воздухъ какъ-то похожъ болѣе на дымъ; никакой вѣтеръ не въ состояніи заклубить такимъ образомъ тучъ и низвести съ предѣловъ, гдѣ недоступныя обитаютъ. Земля не имѣетъ сходства съ природною: она какъ-то пемзообразна, а этому съ трудомъ можно вѣрить. Впрочемъ, мы не знаемъ гдѣ происходитъ буря. Земля, какъ и всякая стихія, измѣняетъ наружный видъ по климату и составнымъ своимъ частямъ. Равно и огонь, брошенный вдали, неопредѣлительно изображаетъ идею художника. Мы слышали три догадки. Молнія, пожаръ, заря—говорили многіе. Въ другой картинѣ вода хотя и не заключаетъ тѣхъ же достоинствъ, какъ въ бурѣ, но и не лишена ихъ. Катера, въ коихъ находится его императорское величество государь императоръ и нѣкоторыя извѣстныя лица, исполнены французскимъ художникомъ Ладюрнеромъ съ свойственнымъ ему оптическимъ сходствомъ фигуръ и вѣрностью положеній».

«Художественная Газета» Кукольника пользовалась авторитетомъ въ публикѣ; сужденія даровитаго писателя о произведеніяхъ ваянія и живописи, при всей его восторженности, имѣли вѣсъ и значеніе. Онъ принималъ къ сердцу проблески дарованія въ русскихъ художникахъ и, горячо сочувствуя имъ, нерѣдко предрекалъ только что начинавшимъ талантамъ блестящую будущность. Эта прозорливость Кукольника особенно оправдалась на Айвазовскомъ.

Рядомъ съ отзывомъ, не совсѣмъ лестнымъ, о французскомъ художникѣ, Кукольникъ напечаталъ восторженную похвалу юному русскому художнику.

«Двѣ картины Гайвазовскаго (писалъ Кукольникъ), изображающія пароходъ, идущій въ Кронштадтъ, и голландскій корабль въ открытомъ морѣ, говорятъ безъ околичности, что талантъ художника поведетъ его далеко. Изученіе натуры откроетъ ему достальныя сокровища, о которыхъ теперь

талантъ только догадывается. Пѣна отъ колесъ не ложится сама собою, а уложена расчетомъ художника, все такъ; но живое подражаніе природѣ, часто пойманная съ блистательною удачею правда подробностей, гдѣ волны, гдѣ плавающаго сигнала, гдѣ воды спадающей съ наклоненнаго шеста, гдѣ воздуха (какъ, напримѣръ, въ картинѣ съ голландскимъ кораблемъ), да и самый корабль и даже фигуры... О! тутъ нечего ворожить.

«Еще нѣсколько лѣтъ опыта и труда, освѣщенныхъ размышленіемъ! До сихъ поръ Гайвазовскій—художникъ по памяти и наглядности на чужія творенія. Рожденный въ Крыму, на берегахъ Чернаго моря, какъ сонъ дѣтства онъ голубитъ темныя воспоминанія золотаго возраста, что̀ уже громко говоритъ о внутреннемъ поэтическомъ дарованіи въ картинѣ его: видъ Ѳеодосіи, писанный съ памяти. Разногранность его таланта видна въ быстротѣ, съ которою онъ перенялъ манеру Таннера, а пріобрѣтеніе этой манеры, замѣчательной, но однообразной, можетъ быть, дорого стоило французскому художнику. Что-же остается Гайвазовскому? много, очень много, какъ имѣетъ предметъ его кисти: изученіе дѣйствительной природы; надо у этого мастера перенять и воду, и землю, и небо, и вся и всѣхъ, т. е. людей, безъ чего природа теряетъ свою жизнь и размѣры (объ этомъ послѣ, на досугѣ, побесѣдуемъ весьма обширно); безъ присутствія человѣка великолѣпнѣйшій городъ будетъ пустыней, кучей намогильныхъ памятниковъ; прихотливое море, встрѣчаясь съ дерзкимъ пловцомъ, вызываетъ и самую душу къ безчисленнымъ впечатлѣніямъ, а живописцу даетъ возможность быть ихъ историкомъ; ни слово, ни музыка—одна кисть способна изобразить вѣрно страсти, такъ сказать, морскія.

«Мы распространились объ этомъ не безъ причины: Гайвазовскій не можетъ, не долженъ быть одностороннимъ. Его фигуры, земля, небо, доказываютъ—чѣмъ онъ быть можетъ и долженъ. Произведенія Гайвазовскаго теперь поражаютъ, кидаются въ глаза. Признаемся, мы ожидаемъ, что они вскорѣ не будутъ такъ рѣзко эффектны, но за то глубоко западутъ въ душу зрителя и надолго «заведутъ хозяйство» на днѣ ея. То есть, не одни глаза разбѣгутся, но призадумается и душа внутренняго зрителя. Дай намъ Господи многія лѣта, да узримъ исполненіе нашихъ надеждъ, которыми не обинуясь дѣлимся съ читателями!»

Пророчество Кукольника блестящимъ образомъ оправдалось: Айвазовскій за свои картины былъ награжденъ первою золотою медалью, приблизившею ему на два года срокъ отъѣзда въ чужіе края, назначеннаго, вмѣсто 1842 года, на 1840 годъ. Картины Ивана Константиновича были куплены для академіи императоромъ Николаемъ Павловичемъ за 3,000 руб. асс. Вообще зимній сезонъ 1836—1837 годовъ прошелъ для Айвазовскаго при самыхъ благопріят-

ныхъ для него условіяхъ. Къ несчастію, эта же самая эпоха была ознаменована нѣсколькими печальными событіями, неизгладимыми чертами врѣзавшимися въ лѣтописи отечественной исторіи художествъ и словесности:

5-го (17-го) октября 1836 года скончался, въ Римѣ, знаменитый нашъ портретистъ Орестъ Михайловичъ Кипренскій; въ слѣдующемъ январѣ 1837 года Россія оплакала—Пушкина; въ августѣ скончался, въ Неаполѣ, талантливый пейзажистъ Лебедевъ; 16-го декабря, въ Петербургѣ—нашъ знаменитый ваятель Б. И. Орловскій... на другой день кончины котораго (17-го декабря) сдѣлался добычею пламени Зимній дворецъ и той же участи едва не подвергся Эрмитажъ.

Отъ этого рода воспоминаній о минувшемъ перейдемъ къ веселому кружку талантливой «братіи», въ которомъ молодой Айвазовскій былъ новичкомъ радушно принятымъ.

Здѣсь, Брюлловъ (если «братія» собиралась у него) въ своемъ зеленомъ халатикѣ велъ остроумныя и поучительныя бесѣды о живописи и ея исторіи; Глинка—чаровалъ присутствующихъ игрою на фортепіано и пѣніемъ; весельчакъ Яненко («Пьяненко», какъ его величала «братія») смѣшилъ своимъ балагурствомъ; Платонъ Кукольникъ игралъ на скрипкѣ; Несторъ—проповѣдывалъ объ искусствѣ, импровизировалъ стихи; Чернышевъ (Ѳедоръ Сергѣевичъ) читалъ свою «солдатскую сказку»[1])... На одномъ изъ собраній «братіи», Айвазовскій предложилъ М. И. Глинкѣ сыграть ему на скрипкѣ нѣсколько (пять или шесть) мотивовъ восточныхъ пѣсенъ, слышанныхъ художникомъ въ Крыму, еще въ дѣтствѣ. Мотивы эти весьма понравились творцу «Жизни за Царя» и онъ въ послѣдствіи воспользовался ими при сочиненіи нѣкоторыхъ нумеровъ «Руслана и Людмилы»[2]). Такимъ образомъ, какъ-бы въ подтвержденіе миѳологическаго сказанія, что музы—сестры, въ дружескихъ собраніяхъ у Брюл-

[1]) Она была напечатана въ «Русской Старинѣ» изданія 1872 г. томъ V, стр. 967—980. Въ VI томѣ (стр. 223—224) была напечатана біографическая замѣтка о Ѳ. С. Чернышевѣ (1805†1869).

[2]) Вотъ что говоритъ о нихъ покойный М. И. Глинка въ своихъ «Запискахъ» («Русская Старина», изд. третье, 1870 г., томъ II, стр. 320): «Гайвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ мнѣ три татарскіе мотива; въ послѣдствіи два изъ нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для andante сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

лова и Кукольника представители изящныхъ искусствъ сливались въ одно единодушное братство, обмѣниваясь идеями и планами....

Но, такова лицевая сторона сходокъ «братіи»; изнанка и подкладка были не совсѣмъ приглядныя. Сліяніе жрецовъ искусствъ весьма часто сопровождалось обильными возліяніями и веселая, чисто атическая бесѣда переходила въ настоящую оргію. Скромный, воздержный Айвазовскій не принималъ въ подобныхъ пиршествахъ никакого участія, постоянно отклоняясь отъ дружескихъ потчиваній. Посѣщая Брюллова на другой день веселыхъ бесѣдъ, Айвазовскій выслушивалъ его сѣтованія на головную боль, нездоровье и т. д., которыя обыкновенно заключались словами:

— Какъ вы хорошо дѣлаете, Айвазовскій, что не пьете!

Къ сожалѣнію, раскаяніе Карла Павловича бывало не продолжительно: онъ былъ человѣкъ—незлопамятный.

Изъ круга прежней «братіи» въ теченіе сорока лѣтъ уцѣлѣю лишь два скромнѣйшихъ его представителя: И. К. Айвазовскій и Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ [1]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года, послѣ пятилѣтней разлуки съ своею родиною, Айвазовскій отправился въ Крымъ. Отсюда имъ были присланы пять картинъ, вполнѣ законченныхъ и написанныхъ въ самое непродолжительное время. Къ апрѣлю 1839 года Иваномъ Константиновичемъ написаны были: «Ясный день», «Лунная ночь» и «Буря»; затѣмъ «видъ Севастополя». Лѣтомъ того-же года, начальникъ боевой Кавказской линіи, Николай Николаевичъ Раевскій, предложилъ Айвазовскому сопутствовать ему въ предстоящей экспедиціи для высадки въ долинѣ Субаши (фортъ Лазаревъ). Иванъ Константиновичъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ предложеніе Н. Н. Раевскаго и сохранилъ объ этой экспедиціи много любопытныхъ воспоминаній. Герои нашего черноморскаго флота: Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, Павелъ Степановичъ Нахимовъ и Александръ Ивановичъ Панфиловъ радушно приняли художника въ свой кругъ, знакомили его съ техникою морскаго дѣла и вообще оказывали ему самое просвѣщенное вниманіе.

---

[1]) М. И. Глинка часто говоритъ о немъ въ своихъ Запискахъ (см. «Русскую Старину», томъ II, стр. 307, 336, 397—398. Воспоминаніе Л. А. Гейденрейха о М. И. Глинкѣ было напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 619—622.

Черноморскій флотъ былъ въ составѣ 15-ти судовъ. Айвазовскій находился сначала съ Н. Н. Раевскимъ на пароходѣ «Колхида», потомъ перешелъ къ М. П. Лазареву на линейный корабль «Силистрія», капитаномъ котораго былъ П. С. Нахимовъ. Дѣйствія открылись бомбардировкою прибрежья, послѣ которой десантныя войска, изъ 7,000 человѣкъ, высадились на берегъ; черкесы дрогнули и бѣжали въ лѣсъ. Иванъ Костантиновичъ высадился на берегъ въ рядахъ атакующихъ русскихъ воиновъ, и когда его пріятель, храбрый лейтенантъ баронъ Н. П. Фридериксъ [1]), былъ раненъ, то нашъ художникъ проводилъ его на корабль, а потомъ опять возвратился на берегъ.

«По удаленіи непріятеля (разсказываетъ И. К. Айвазовскій) на берегу осталось до 50-ти тѣлъ. Все мое вооруженіе состояло изъ пистолета и портфеля съ бумагою и рисовальными принадлежностями. Картина была чудная: берегъ, озаренный заходящимъ солнцемъ, лѣсъ, далекія горы, флотъ, стоящій на якорѣ, катера, снующіе по морю, поддерживающіе сообщеніе съ берегомъ. Миновавъ лѣсъ, я вышелъ на поляну; здѣсь—картина отдыха послѣ недавней боевой тревоги: группы солдатъ, сидящіе на барабанахъ офицеры, кое-гдѣ трупы убитыхъ и пріѣхавшія за ихъ уборкою черкесскія подводы. Развернувъ портфель, я вооружился карандашомъ и принялся срисовывать одну группу. Въ это время, какой-то черкесъ, безъ церемоніи взявъ у меня портфель изъ рукъ, понесъ показывать мой рисунокъ своимъ. Понравился-ли онъ горцамъ—не знаю; помню только, что черкесъ возвратилъ мнѣ рисунокъ выпачканнымъ въ крови... Этотъ «мѣстный колоритъ» такъ на немъ и оставался и я долгое время берегъ это осязательное воспоминаніе объ экспедиціи. Замѣчу, что горцы, дѣти природы, не слишкомъ-то сочувствуютъ живописи. Помню, какъ къ намъ на корабль пріѣхалъ съ берега черкесъ-лазутчикъ, говорившій немного по турецки, что̀ дало мнѣ возможность потолковать съ нимъ. Я рисовалъ, а онъ, ставъ съ боку, внимательно слѣдилъ за моей работой.

— Ты что-же это дѣлаешь? спросилъ онъ меня.

— Видишь: рисую. А что, если бы я къ вамъ въ плѣнъ

[1]) Нынѣ одинъ изъ уважаемыхъ общественныхъ дѣятелей по городскому управленію, гласный С.-Петербургской Думы, членъ разныхъ коммисій и проч.

попалъ, позволили-бы вы мнѣ рисовать? спросилъ я въ свою очередь.

— Нѣтъ... это пустяки! Вотъ, если-бы ты былъ портной, мы не запрещали-бы тебѣ работать... а это—пустяки!

«Коротко, ясно—и главное—практично.

«Помню еще, что въ дѣлѣ при Субаши принимали участіе разжалованные въ рядовые «декабристы»: Нарышкинъ (Михаилъ Михайловичъ), князь А. И. Одоевскій и Н. И. Лореръ. Они несли службу наравнѣ съ прочими солдатами, но пользовались нѣкоторыми удобствами въ ихъ частномъ быту. Я познакомился и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ этими высокообразованными людьми».

Плодомъ участія Айвазовскаго въ экспедиціи была превосходная картина, изображающая перестрѣлку въ моментъ дессанта. Помимо исторической правды, уловленной художникомъ на мѣстѣ, картина эта была украшена портретами нѣсколькихъ изъ начальствовавшихъ лицъ (Раевскаго, Ольшевскаго и др.). Какъ «высадка у Субаши», такъ и «видъ Севастополя», въ 1840 году были пріобрѣтены императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Насталъ, наконецъ, давно желанный срокъ отъѣзда въ Италію—обѣтованную землю нашихъ талантливыхъ художниковъ. Русская колонія въ Италіи, въ періодъ 1837 — 1845 гг., была весьма многочисленна: кромѣ Завьялова, Шамшина, Пименова Логановскаго, Кудинова и Тамаринскаго, въ Римѣ находились: Ставассеръ, Рамазановъ, Ивановъ, Климченко и мн. др. [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Поименованные нами художники были разныхъ выпусковъ—съ 1836 по 1845 годъ, но мы назвали ихъ единственно затѣмъ, чтобы напомнить, какъ обиловала тогда наша академія художествъ крупными талантами. О русскихъ художникахъ въ Римѣ, въ 1845 году, см. письмо гр. Ѳ. П. Толстаго, «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 347—356.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXI ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1878 г.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ).

А.

В.

Е.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Опечатки въ XXI-мъ томѣ «Русской Старины»:

Стр. 17	6-я строка съ верху:	на сей мѣготовится	читай	на сеймѣ готовится.
» 38	1-я » » »	Тюрно	»	Турно.
» »	4-я » » »	Босницкаго	»	Рожнецкаго.
» 305	5-я » » »	стр. 326—329	»	323—329.
» 353	16-я » » »	въ моимъ	»	въ моихъ.
» 354	2-я » » »	на заразившихся	»	не заразившихся.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1878 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ,

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

Историческія изслѣдованія и біографическіе очерки.

Указы, переписка, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX вѣка.

Художники и артисты.

Замѣтки и поправки.

Родословія.

Портреты, рисунки и снимки.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Собраніе сочиненій **М. А. Максимовича**. Т. I. Отдѣлъ историческій. Кіевъ, 1876 г. 847. Т. II. Отдѣлы историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Кіевъ, 1877 г. 524. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1878 года).
2. Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи. Соч. **М. Симашкевича**. Вып. I и II. 1875—1876 гг. 182 стр. (Тамъ-же).
3. Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губерніи С. **М. Шпилевскаго**. 1877 г. X+585+XVI. Казань. (На оберткѣ 2-й книги «Русской Старины» 1878 г.).
4. Очерки древней Казани преимущественно XVI вѣка. Соч. протоіерея **Платона Заринскаго**. 218 стр. Казань, 1877 г. (Тамъ-же).
5. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 1566—1568 гг. Состав. проф. Моск. духовн. семин. **К. И. Невоструевъ**. 1877 г. Казань. (Тамъ-же).
6. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, publiées à l'aide d'une subvention de l'Etat, par **J. R. Aspelin**. Helsingfors, I livraison. Ages de la pierre et du bronze. 1877. 94 стр. (Тамъ-же).
7. Императоръ Александръ Первый. — Политико-дипломатія. Соч. **Сергѣя Соловьева**. Спб. 1877 г. 560 стр. (Тамъ-же).
8. Русская Библіотека. Т. III. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Типографія Стасюлевича. Спб. 1877 г. 8°, 258 стр. (Тамъ-же).
9. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. XX. Спб. 1877 г. 584 стр. (На оберткѣ 3-й и 4-й книгъ «Русской Старины» 1878 г.).

---

12 книгъ „Русской Старины" 1877 г.

съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, а именно:

Княгиня Екатерина **Дашкова,** графъ **А. Мамоновъ**, кн. **Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій,** московскій митрополитъ **Филаретъ, М. Ѳ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ**—супруга цесаревича Константина Павловича; кавказскій имамъ **Шамиль, Н. Н. Муравьевъ** (Карскій), **К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.**—Рисунки: галера императрицы **Екатерины II** и памятникъ **Архипу Осипову**. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: **Турецкая неволя**—историческій очеркъ;—**Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II**;—**Сельскій священникъ** въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка;—**Россія сто лѣтъ назадъ**—путешествіе англійскаго историка Кокса;—записки берлинскаго профес. академика **Тьебо** о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными Русскими людьми въ 1765—1785 гг.;—герцогиня **Кингстонъ** въ Россіи;—бракоразводное дѣло **Евдокіи Ганнибалъ.**—**Екатерина II и Густавъ III**;—**Невѣсты** цесаревича **Павла Петровича**;—**Русское войско** въ царствованіе Павла Петровича;—Цесаревичъ **Константинъ Павловичъ**—историко-біографическій очеркъ;—**Отечественная война 1812 года**—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ; **Посольство Ермолова** въ Персію въ 1817 году;—Записки **Шуазель Гуфье**—объ императорѣ Александрѣ I и его времени;—Уничтоженіе **масонскихъ ложъ въ Россіи,**—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.;—Записки **П. А. Каратыгина**;—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ**;—Дневникъ барона **Л. П. Николаи**: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.;—**Кн. Меншиковъ** въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта **А. А. Панаева**;—Воспоминаніе о **Т. Н. Грановскомъ**—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—**Россія и Турція** въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ;—**Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ**, біографическій очеркъ и переписка;—**Воспоминанія о Восточной войнѣ**, 1853—1855 гг., доктора **А. Генрици**;—**Шамиль и его семья въ Калугѣ,** записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго;—**К. В. Чевкинъ**: первыя главы его біографіи и проч. Вообще въ вышедшихъ, перваго числа каждаго мѣсяца, книгахъ «Русской Старины» 1877 г., между другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. **Н. И. Барсова, Ад. П. Берже, М. И. Богдановича**, проф. **М. И. Горчакова**, акад. **Я. К. Грота, И. Е. Забѣлина**, профес. **В. С. Иконникова, Д. И. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рябинина, В. И. Семевскаго**, проф. **В. И. Сергѣевича**, акад. **С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Сѣрова, И. И. Шамшева, Н. К. Шильдера,** и многихъ другихъ.

Кромѣ упомянутыхъ Записокъ, Воспоминаній, историческихъ изслѣдованій, очерковъ и біографій, въ 12-ти книгахъ „Русской Старины" изд. 1877 г., помѣщено болѣе 70 не большихъ историческихъ разсказовъ, замѣтокъ и отдѣльныхъ документовъ.

Подписчики „Русской Старины" получатъ при Апрѣльской книгѣ „Русской Старины" 1878 года хромолитографированный, отпечатанный въ Парижѣ красками, портретъ Николая Васильевича ГОГОЛЯ, писанный съ него въ 1841 году въ Римѣ, для В. А. Жуковскаго знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ [† 1858 г.].

РОМАНОВЫ

ЦАРСТВУЮЩІЙ ДОМЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

съ 1613 г.

Приложеніе къ „Русской Старинѣ" изд. 1878 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1878.

РОМАНОВЫ

ЦАРСТВУЮЩІЙ ДОМЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

I.

1. ѲЕОДОРЪ, въ иноч. ФИЛАРЕТЪ, НИКИТИЧЪ РОМАНОВЪ, сынъ боярина, воеводы и дворецкаго при Іоаннѣ IV Грозномъ, Никиты Романовича Юрьева-Захарьина-Кошкина, въ монашествѣ Нифонта, † 23-го апр. 1586 г., и супруги его Варвары Ивановны Ховриной, † 18-го іюня 1552 года, род. около 1550 года. По разряднымъ книгамъ показанъ въ числѣ рындъ у большаго копья въ 1586 г.; бояринъ и намѣстникъ Нижегородскій въ томъ же году; дворовый воевода въ 1590 г.; воевода правой руки въ 1596 г. Въ іюнѣ 1601 г. лишенъ боярства и имѣнія, постриженъ въ монахи, съ именемъ Филарета, и сосланъ царемъ Борисомъ Годуновымъ въ Сійскую Антоніеву обитель; въ день коронованія Лжедимитрія I, 30-го іюля 1605 г., возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго; перевезъ мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, 3-го іюня 1606 г.; схваченный въ Ростовѣ приверженцами Тушинскаго царя, 11-го окт. 1608 г., жилъ въ Тушинѣ, а по освобожденіи отправленъ, 11-го сент. 1610 г., по распоряженію патріарха Гермогена и бояръ, посломъ въ Польшу—звать на царство королевича Владислава; арестованъ поляками 26-го марта 1611 г. и прожилъ въ плѣну до 1-го іюня 1619 г.; по возвращеніи въ Москву, посвященъ въ патріархи, 24-го іюня того же года. † 1-го окт. 1633 г.*, въ Москвѣ, имѣя отъ роду болѣе 80-ти лѣтъ; погребенъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Онъ былъ третьимъ патріархомъ отъ установленія патріаршаго достоинства въ Россіи.

* На надгробномъ камнѣ выставленъ 1634 г.

Супруга Θеодора Никитича Романова Ксенія, въ иноч. Марθа Ивановна Шестова, была дочь дворянина Ивана Васильевича Шестова и жены его Маріи N. N. Годъ рожд. Марθы Ивановны не извѣстенъ; вступила въ супружество около 1585 г. Въ іюнѣ 1601 г., вмѣстѣ съ мужемъ и другими родственниками, подверглась опалѣ царя Бориса Годунова, пострижена въ иночество съ именемъ Марθы и сослана въ Толвуйскій погостъ. При Лжедимитріѣ I участь ея облегчилась, и она жила до 1608 г. съ сыномъ своимъ Михаиломъ—будущимъ царемъ, въ Ростовѣ, гдѣ Филаретъ Никитичъ святительствовалъ. Договоръ 28-го окт. 1612 г. между русскими боярами и осажденными поляками нашелъ Марθу Ивановну и ея сына въ Кремлѣ, куда она удалилась изъ Ростова по захватѣ мужа. По сдачѣ Кремля, Марθа Ивановна отправилась съ сыномъ въ монастырь св. Ипатія, что близь Костромы; сюда прибыли послы Великаго Земскаго Собора звать сына ея на царство, котораго она и благословила, 14-го марта 1613 г. По прибытіи съ новоизбраннымъ царемъ въ Москву, 2-го мая 1613 г., Марθа Ивановна удалилась въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, коего она съ 1619 г. была игуменьей до самой кончины. † 28-го янв. 1631 г. Тѣло ея погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

II.

2. Борисъ Θеодоровичъ, † 29-го нояб. 1592 г.
3. Никита Θеодоровичъ, † 29-го нояб. 1592 г.
4. Левъ Θеодоровичъ, † 21-го сент. 1597 г.
5. Іоаннъ Θеодоровичъ, † 7-го іюня 1599 г.

(Погребены въ Новоспасскомъ м—рѣ въ Москвѣ.)

6. МИХАИЛЪ ΘЕОДОРОВИЧЪ, первый царь изъ дома Романовыхъ и седьмой отъ установленія въ Россіи царскаго 1
достоинства, род. въ Москвѣ 12-го іюля 1596 г. Вмѣстѣ съ родителями подвергся опалѣ Бориса Годунова и сосланъ съ тетками: княгинею Марθою Никитичною Черкасскою, Ульяною Семеновною и Анастасіею Никитичною Романовыми, княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ и дочерью его Ири-

ною Борисовною Черкасскими, и сестрою Татьяною Өеодоровною—на Бѣлоозеро, гдѣ и жилъ до конца 1602 г., когда переведенъ на жительство въ вотчину родителя своего въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ. При Лжедимитріѣ I жилъ съ матерью въ Ростовѣ, а съ 1608 г., въ званіи стольника, находился плѣнникомъ у поляковъ въ осажденномъ русскими московскомъ Кремлѣ. По освобожденіи изъ плѣна, Михаилъ Өеодоровичъ удалился съ матерью въ Ипатіевскій монастырь, близь Костромы. Между тѣмъ, созванный въ Москвѣ Великій Земскій Соборъ избралъ его царемъ 21-го февр. 1613 г. и отправилъ къ нему пословъ. 13-го марта послы прибыли въ Кострому. 14-го числа Михаилъ Өеодоровичъ, съ благословенія матери, согласился на желаніе выборныхъ земли Русской. 23-го марта извѣстилъ объ этомъ Соборъ. 2-го мая прибылъ въ Москву, 11-го іюля вѣнчался на царство. † въ Москвѣ, ночью на 13-е іюля 1645 г.; погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, что въ московскомъ Кремлѣ.

Первая супруга Михаила Өеодоровича, Марія Владиміровна Долгорукая, была дочь кн. Владиміра Тимофѣевича Долгорукаго. Годъ рожденія не извѣстенъ; обручена съ царемъ 12-го іюля, вступила въ супружество 19-го сент. 1624 г. и, не имѣя дѣтей, † 6-го янв. 1625 г.; погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, что въ Кремлѣ. 1

Второю супругою Михаила Өеодоровича была Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, дочь можайскаго дворянина Лукьяна Степановича Стрѣшнева. Годъ рожд. ея не извѣстенъ; обвѣнчана съ царемъ 5-го февр. 1626 г. † 18 авг. 1645 г., погребена 19-го числа въ Вознесенскомъ монастырѣ.

7. Татьяна Өеодоровна. Годъ рожденія не извѣстенъ; † 21-го іюля 1611 г.; погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ *.

---

* Она была замужемъ за бояриномъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ, † 1641 г.

№ отно-сскій.

8. **Ирина Михаиловна**, царевна. Род. въ Москвѣ 22-го апр. 1627 г.; вмѣстѣ съ царевичемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ принимала отъ купели Петра I-го 29-го іюня 1672 г.; † 8-го февр. 1679 г., погребена въ тотъ же день въ Новоспасскомъ монастырѣ.

9. **Пелагія Михаиловна**, царевна. Род. 17-го апр. 1628 г., † 25-го янв. 1629 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

10. **АЛЕКСѢЙ МИХАИЛОВИЧЪ**, второй царь изъ дома Романовыхъ и восьмой отъ установленія въ Россіи царскаго достоинства. Род. въ Москвѣ 10-го мар. 1629 г.; вступилъ на престолъ 13-го іюля 1645 г., короновался 28-го сентября 1646 г. † въ ночь съ 29-го на 30-е янв. 1676 г., погребенъ 30-го янв. въ Архангельскомъ соборѣ, что въ московскомъ Кремлѣ.

Первою супругою Алексѣя Михаиловича была Марія Ильинична Милославская, дочь стольника Ильи Даниловича Милославскаго. Годъ рожденія не извѣстенъ; объявлена царевною 14-го, вступила въ супружество 16 го янв. 1648 г. † 3-го мар. 1669 г., погребена 4-го числа въ Вознесенскомъ монастырѣ. 6

Второю супругою Алексѣя Михаиловича была Наталія Кирилловна Нарышкина, дочь рязанскаго дворянина Кирилла Поліевктовича Нарышкина. Род. 22-го авг. 1651 г.; повѣнчана съ царемъ 22-го янв. 1671 г.; † 25-го янв. 1694 г., погребена 26-го янв. въ Вознесенскомъ монастырѣ.

11. **Анна Михаиловна**, царевна. Род. въ Москвѣ 14-го іюля 1630 г., постриглась въ монахини Вознесенскаго монастыря съ именемъ Анфисы 18-го, приняла схиму 24-го; † 27-го, погребена 28-го окт. 1692 г. въ Вознесенскомъ монастырѣ.

12. **Марθа Михаиловна**, царевна. Род. 19-го авг. 1631 г.; † 21-го сент. 1632 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

13. **Іоаннъ Михаиловичъ**, царевичъ. Род. въ Москвѣ 1-го іюня 1633 г.; † тамъ же 10-го янв. 1639 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

№ отцов-скій.

14. **София Михаиловна**, царевна. Род. 30-го сент. 1634 г.; † 23-го іюня 1636 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

15. **Татьяна Михаиловна**, царевна. Род. 5-го янв. 1636 г.; † 24-го авг. 1706 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. 6

16. **Евдокія Михаиловна**, царевна. Род. въ Москвѣ 10-го февр. 1637 г., † тамъ же и того же дня погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

17. **Василій Михаиловичъ**, царевичъ. Род. въ Москвѣ 14-го, † 25-го марта 1639 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

IV.

Дѣти царя Алексѣя Михаиловича и Маріи Ильиничны Милославской.

18. **Димитрій Алексѣевичъ**, царевичъ. Род. въ Москвѣ 22-го окт. 1648 г.; † тамъ же 5-го октября 1649 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

19. **Евдокія Алексѣевна**, царевна. Род. въ Москвѣ 17-го февр. 1650 г.; † тамъ же 10-го марта 1712 г., погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

20. **Марѳа Алексѣевна**, царевна. Род. 26-го авг. 1652 г.; постриглась въ инокини, съ именемъ Маргариты, 29-го мая 1699 г. † 19-го іюля 1707 г., погребена въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, что въ Александровской слободѣ (Владимірской губерніи). 10

21. **Алексѣй Алексѣевичъ**, царевичъ. Род. въ Москвѣ 5-го февр. 1654 г.; объявленъ наслѣдникомъ престола 1-го сент. 1667 г. † въ Москвѣ 17-го янв. 1670 г., погребенъ 18-го числа въ Архангельскомъ соборѣ.

22. **Анна Алексѣевна**, царевна. Род. въ Вязьмѣ 23-го янв. 1655 г., † въ Москвѣ 9-го мая 1659 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

23. **СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА**, царевна. Род. въ Москвѣ 17-го сент. 1657 г. Соправительствовала братьямъ—Іоанну и

Петру Алексѣевичамъ съ 29-го мая 1682 г. по 12 сент. 1689 г. Потомъ находилась въ заключеніи въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и пострижена въ монашество, съ именемъ Сусанны, 21-го окт. 1698 года † схимонахинею, съ именемъ Софіи, 3-го іюля 1704 г., погребена 4-го числа въ томъ же монастырѣ.

24. **Екатерина Алексѣевна,** царевна. Род. въ Москвѣ 26-го нояб. 1658 г. Вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ была воспріемницею при мѵропомазаніи Марты Скавронской [Императрицы Екатерины I], въ 1703 г. † 1-го мая 1718 г., погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

25. **Марія Алексѣевна,** царевна. Род. 18-го янв. 1660 г. Въ Петропавловской крѣпости содержалась съ 25-го іюня по 2-е іюля 1718 г., въ Шлиссельбургской—до нояб. 1719 г., опять въ Петропавловской—съ 16-го нояб. 1719 г. до 13-го мая 1721 г. † въ Петербургѣ 9-го мар. 1723 г., погребена 12-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

26. **ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ,** третій царь изъ дома Романовыхъ и девятый по установленіи въ Россіи царскаго 10
достоинства. Род. въ Москвѣ 30-го мая 1661 г. 29-го іюня 1672 г., вмѣстѣ съ теткою, царевною Ириною Михаиловною, принималъ отъ купели Петра I. Объявленъ наслѣдникомъ престола 1-го сент. 1674 г.; вступилъ на престолъ 30-го янв. 1676 г., короновался 18-го іюня того же года. † въ Москвѣ 27-го апр. 1682 г., погребенъ 28-го числа въ Архангельскомъ соборѣ.

Первою супругою Ѳеодора Алексѣевича была Агафія Семеновна Грушецкая, дочь черкасскаго дворянина Семена Ѳедоровича Грушецкаго. Годъ рожд. не извѣстенъ. Она была повѣнчана съ царемъ 18-го іюля 1680 г. † 14-го іюля 1681 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Второю супругою Ѳеодора Алексѣевича была Марѳа Матвѣевна Апраксина. Род. въ Москвѣ въ 1667 г.; объявлена царевною и великою княжною 12-го февр.; вступила въ супружество съ царемъ 15-го февр. 1682 г. † 31-го дек. 1715 г., бездѣтною; погребена въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ 7-го янв. 1716 г.

27. **Θеодосія Алексѣевна**, царевна. Род. 28-го мая 1662 г., † 14-го дек. 1713 г., погребена въ Успенскомъ монастырѣ въ г. Александровѣ, Владимірской губерніи.

28. **Симеонъ Алексѣевичъ**, царевичъ. Род. 3-го апр. 1665 г., † 19-го іюня 1669 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

29. **ІОАННЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ**, четвертый царь изъ дома Романовыхъ и десятый по установленіи въ Россіи царскаго достоинства. Род. въ Москвѣ 27-го авг. 1666 г.; вступилъ на престолъ 26-го мая, короновался 25-го іюня 1682 г. † въ Москвѣ 29-го янв. 1696 г., погребенъ 30-го числа въ Архангельскомъ соборѣ.

Супругою Іоанна Алексѣевича была Прасковія Θеодоровна Салтыкова, дочь стольника и воеводы Θедора Петровича Салтыкова. Род. въ Нижнемъ-Новгородѣ 12-го окт. 1664 г.; повѣнчана съ царемъ 9-го янв. 1684 г. † въ Петербургѣ 13-го окт. 1723 г., погребена 22-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. 10

30. **Евдокія Алексѣевна**, царевна. Род. въ Москвѣ 26-го февр., † тамъ же 28-го февр. 1669 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Дѣти царя Алексѣя Михаиловича и Наталіи Кирилловны Нарышкиной.

31. **ПЕТРЪ I АЛЕКСѢЕВИЧЪ, ВЕЛИКІЙ**, пятый и послѣдній царь изъ дома Романовыхъ, одиннадцатый по установленіи въ Россіи царскаго достоинства и первый самодержавный ИМПЕРАТОРЪ всея Россіи. Род. въ Москвѣ 30-го мая, въ четвергъ, 1672 г.; крещенъ 29-го іюня, въ субботу, того же года въ Чудовомъ монастырѣ, у раки св. митрополита Алексія; воспріемниками были: будущій царь Θеодоръ Алексѣевичъ и тетка, царевна Ирина Михаиловна. Началъ учиться грамотѣ у дьяка Никиты Ивановича Зотова, 12-го марта 1677 г. Вступилъ на престолъ 27-го апр. 1682 г., короновался вмѣстѣ съ братомъ Іоанномъ Алексѣевичемъ 25-го іюня того же года. Единодержавствовалъ съ 27-го апр. по 26-ое мая 1682 г. и съ

29-го янв. 1696 г. по день кончины. 22-го окт. 1721 г. провозглашенъ сенатомъ вмѣстѣ съ св. синодомъ Императоромъ, Великимъ и Отцомъ Отечества. † въ Петербургѣ 28-го янв., въ четвергъ, 1725 г.; обрядъ погребенія совершенъ въ Петропавловскомъ соборѣ 10-го марта того же года. Тѣло стояло въ соборѣ на катафалкѣ и опущено въ землю 29-го мая 1731 года.

Первою супругою Императора Петра I была Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, дочь окольничаго Ѳедора Абрамовича Лопухина. Род. 30-го іюля 1669 г.; обвѣнчана съ царемъ 27-го янв. 1689 г., отвергнута имъ въ 1694 г. Съ 23-го сент. 1698 г. монахиня, съ именемъ Елены, въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ г. Суздалѣ; съ 19-го апр. 1718 г.— въ ладожскомъ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; съ весны 1725 г.—въ Шлиссельбургской крѣпости; съ 2-го сент. 1727 г.— въ московскихъ Новодѣвичьемъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. † 27-го авг. 1731 г. въ Москвѣ, погребена 31-го числа въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Второю супругою Императора Петра I была ЕКАТЕРИНА I 10
АЛЕКСѢЕВНА, первая самодержавная русская Императрица. Дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго [Марта Василевская, Михайлова, см. «Исторію Россіи» С. Соловьева, т. XVI, гл. I, стр 70—72], род. 5-го апр. 1684 г. 25-го авг. 1702 г. попала въ плѣнъ при взятіи Маріенбурга фельдмарш. Шереметевымъ. Въ 1703 г. она мѵропомазана; воспріемниками были: царевичъ Алексѣй Петровичъ и царевна Екатерина Алексѣевна. Объявлена царицею 6-го марта 1711 года; обвѣнчана съ царемъ 19-го февраля 1712 г. въ церкви Исаакія Далматскаго; объявлена императрицею, 23 дек. 1721 года, коронована въ Москвѣ 7-го мая 1724 г. Вступила на престолъ 28-го янв. 1725 года. † въ Петербургѣ 6-го мая 1727 г.; обрядъ погребенія совершенъ 16-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. Тѣло стояло въ соборѣ на катафалкѣ и опущено въ землю 29-го мая 1731 года.

32. Наталія Алексѣевна, царевна. Род. въ Москвѣ 22-го авг. 1673 г., † въ Петербургѣ 18-го іюня 1716 г., погребена 17-го нояб. [?] того же года въ Лазаревской церкви Але-

ксандро-Невской лавры. 24-го окт. 1723 г. тѣло ея перенесено въ Благовѣщенскую церковь.

33. **Θеодора Алексѣевна,** царевна. Род. 4-го сент. 1674 г., † 28-го нояб. 1677 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. 10

V.

34. **Илья Θеодоровичъ,** царевичъ, сынъ царя Θеодора Алексѣевича и Агафьи Семеновны Грушецкой, род. въ Москвѣ 11-го, † тамъ же 21-го іюля 1681 г., погребенъ 23-го числа въ Архангельскомъ соборѣ. 26

35. **Марія Іоанновна,** царевна. Род. 21-го марта 1689 г., † 13-го февр. 1692 г., погребена 14-го числа въ Вознесенскомъ монастырѣ.

36. **Θеодосія Іоанновна,** царевна. Род. 4-го іюня 1690 г., † 12-го мая 1691 г., погребена 13-го числа въ Вознесенскомъ монастырѣ.

37. **Екатерина Іоанновна,** царевна. Род. въ Москвѣ 29-го окт. 1691 г.; сочеталась бракомъ съ Карломъ-Леопольдомъ, герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ 8-го апр. 1716 г. † 14-го іюня 1733 г., погребена 24-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

38. **АННА ІОАННОВНА,** вторая самодержавная императрица. Род. въ Москвѣ 28-го янв. 1693 г.; вступила въ супружество съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ Курляндскимъ 31-го окт. 1710 г., овдовѣла 9-го янв. 1711 г. Вступила на престолъ 19-го янв. 1730 г., объявила себя самодержавною императрицею, 25 февр. того же года, короновалась 28-го апр. 1730 г. † въ Петербургѣ 17-го окт. 1740 г., погребена 23-го декабря въ Петропавловскомъ соборѣ. 29

39. **Прасковія Іоанновна,** царевна. Род. 24-го сент. 1694 г., † въ Москвѣ 8-го окт. 1731 г., погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ *.

---

* Была въ замужествѣ за сенаторомъ и генералъ-аншефомъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ [род. 1681 г., † въ Москвѣ, 24-го мая 1730 года.].

Дѣти Петра Великаго и Евдокіи Лопухиной.

40. **Алексѣй Петровичъ**, царевичъ. Род. въ Москвѣ 18-го февр. 1690 г. Сочетался бракомъ съ Шарлоттою-Христиною, принцессою Брауншвейгскою 14-го окт. 1711 г., овдовѣлъ 22-го окт. 1715 г. Скрывался за границею съ окт. 1716 до янв. 1718 г.; явился въ Москву 31-го янв. Объявленъ лишеннымъ престола 3-го февр. По доставленіи въ Петербургъ, въ видѣ арестанта, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость 14-го іюня. Приговоренъ Верховнымъ судомъ къ смерти 24-го іюня. † въ Трубецкомъ раскатѣ Петропавловской крѣпости 26-го іюня 1718 г. и 30-го числа погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Супруга царевича Алексѣя Петровича—Шарлотта-Христина-Софія, принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбютельская, род. въ Бланкенбургѣ въ 1694 г.; просватана 1-го іюня, вступила въ бракъ 14-го окт. 1711 г.; † въ Петербургѣ 22-го окт. 1715 г., погребена 27-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. Бывъ кронпринцессою, она оставалась лютеранкою. 31

41. **Александръ Петровичъ**, царевичъ. Род. въ Преображенскомъ селѣ 23-го окт. 1691 г. † 14-го мая 1692 г., погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

42. **Павелъ Петровичъ**, царевичъ. Род. и † въ 1693 г.

На существованіе у Петра Великаго сына Павла Петровича отъ Евдокіи Θеодоровны Лопухиной указываетъ Θ. Туманскій въ своей родословной дома Романовыхъ, помѣщенной во 2-й части «Собранія разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Государя Императора Петра Великаго». С.-Петербургъ, 1787 г. То же въ Родословномъ древѣ, изд. 1864 г.

№ отцовскій.

43. **Павелъ Петровичъ**, } царевичи. } Род. въ 1704 г., † до 1707 г.
44. **Петръ Петровичъ**, } Род. въ сен. 1705 г., † до 1707 г.

О рожденіи царевичей Павла и Петра упоминаетъ Устряловъ въ Исторіи царствованія Петра Великаго, томъ IV, часть I, стр. 142.

45. **Екатерина Петровна**, царевна. Род. 27-го янв. 1707 г. † 27-го іюля 1708 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ. [Описаніе собора, изд. 1857 г., стр. 66].

46. **Анна Петровна**, царевна. Род. въ Петербургѣ 27-го февр. 1708 г.; объявлена царевною 6 марта 1711 г. и цесаревною 23 дек. 1721 г.; обручена съ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ Карломъ-Фридрихомъ 24 нояб. 1724 г. повѣнчана съ нимъ 21-го мая 1725 г. † въ г. Килѣ 4-го мая 1728 г., погребена 12-го ноября въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ.

47. ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА, третья самодержавная императрица. Род. въ Москвѣ 18-го дек. 1709 г., объявлена царевною 6 марта 1711 и цесаревною 23 дек. 1721 г.; вступила на престолъ 25-го нояб. 1741 г., короновалась 25-го апр. 1742 г. † въ Петербургѣ 25-го декабря 1761 г.; погребена 5-го февр. 1762 г. въ Петропавловскомъ соборѣ *. } 31

* Многіе историки, на основаніи свидѣтельства современниковъ, указываютъ, что Елисавета Петровна находилась въ бракѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, повѣнчавшись съ нимъ въ подмосковномъ селѣ Перовѣ осенью 1742 г. (Вейдемейеръ, царствованіе Елисаветы Петровны изд. 1834 г., стр. 30; семейство Разумовскихъ, изслѣдованіе А. А. Васильчикова, стр. 394—395, въ сборникѣ «Осмнадцатый Вѣкъ» томъ IV).

А. Г. Разумовскій род. въ селѣ Лемешахъ, Черниговской губерніи, 17-го марта 1709 г. Пѣвчій въ царствованіе Анны Іоанновны; камеръ-юнкеръ въ правленіе Анны Леопольдовны; камергеръ въ день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25-го ноября 1741 г.; оберъ егермейстеръ и кавалеръ орд. Св. Андрея Первозваннаго въ коронацію ея — 25-го апрѣля 1742 г.; графъ съ 15-го іюня 1744 г.; генералъ фельдмаршалъ—5-го сент. 1756 г. † въ Петербургѣ 6-го іюня 1771 г., погребенъ 9-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

№ отцовскій.

48. **Наталія Петровна**, царевна. Род. 27-го марта 1713 г. † 27-го мая 1715 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ.

49. **Маргарита Петровна**, царевна. Род. 8-го сент. 1714 г.; † 27-го іюня 1715 г., погребена въ Петропавловскомъ соборѣ.

50. **Петръ Петровичъ**, царевичъ. Род. 27-го окт. 1715 г., объявленъ наслѣдникомъ престола въ 1718 г.; † 25-го апр. 1719 г., погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

51. **Павелъ Петровичъ**, царевичъ. Род. въ Везелѣ 2-го янв. 1717 г.; † 3-го янв. того же года, погребенъ 12-го марта, въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ. 31

52. **Наталія Петровна**, царевна. Род. 19-го авг. 1718 г., † 4-го мар. 1725 г., погребена 10-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

53. **Петръ Петровичъ**, царевичъ. Время рожд. не извѣстно; † въ окт. 1723-го года, погребенъ 24-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

VI.

54. **АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА** [Елисавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская]. Род. въ Ростокѣ 7-го дек. 1718 г.; прибыла въ Россію въ 1722 г.; мѵропомазана 12-го мая 1733 г.; 3-го іюля 1739 г. вступила въ бракъ съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ [род. въ Бевернѣ 17-го авг. 1714 г.; въ Россіи съ 12-го февр. 1733 г., получилъ титулъ высочества 23 окт. 1740 г., пожалованъ въ генералиссимусы 11 ноября того же года.—† 4-го мая 1774 г., погребенъ въ Холмогорахъ у церкви Успенія]. Правила государствомъ съ 9-го нояб. 1740 по 25-е нояб. 1741 г.; содержалась въ Ригѣ съ дек. 1741 г., въ Динаминдѣ со 2 янв. 1743 г. 37

потомъ — въ Раненбургѣ, и съ конца 1744 г. въ Холмогорахъ, гдѣ и † 7-го марта 1746 г.; погребена 21-го числа въ С.-Петербургѣ, въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. 37

55. **Наталія Алексѣевна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 21-го іюля 1714 г., † въ Москвѣ 22-го нояб. 1728 г.; погребена 22-го янв. 1729 г. въ Вознесенскомъ монастырѣ.

56. ПЕТРЪ II АЛЕКСѢЕВИЧЪ, второй императоръ. Род. въ Петербургѣ 12-го окт. 1715 г.; вступилъ на престолъ 7-го мая 1727 г., короновался 25-го февр. 1728 г. † въ Москвѣ въ ночи съ 18-го на 19-е янв. 1730 г., погребенъ тамъ же 11-го февраля, въ Архангельскомъ соборѣ. 40

57. ПЕТРЪ III ѲЕОДОРОВИЧЪ [Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій], четвертый императоръ. Род. въ городѣ Килѣ 10-го февр. 1728 г.; прибылъ въ Петербургъ 5-го февр. 1742 г. По присоединеніи къ православію, объявленъ, 7-го нояб. того же года, наслѣдникомъ престола, на который вступилъ 25-го дек. 1761 г.; отъ престола отрекся 28-го іюня 1762 г. † въ Ропшѣ [Петербургской губерніи] 6-го іюля 1762 г., погребенъ 10-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Прахъ его покоился здѣсь до 18-го декаб. 1796 г., а съ 18-го декабря того же года—въ Петропавловскомъ соборѣ.

Супруга императора Петра Ѳеодоровича ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢЕВНА, ВЕЛИКАЯ, четвертая и послѣдняя самодержавная императрица. До присоединенія къ православію — Софія-Августа-Фредерика, принцесса Ангальтъ-Цербстская. Род. въ Штетинѣ 21-го апр. 1729 г.; прибыла въ Петербургъ 3-го февр. 1744 г., мѵропомазана въ Москвѣ 28-го іюня и обручена наслѣднику престола 29-го іюня того же года; повѣнчана съ нимъ 21-го авг. 1745 г.; провозглашена императрицею 28-го іюня 1762 года, овдовѣла 6-го іюля, короновалась 22-го сент. того же года. 21-го авг. 1767 г. отказалась отъ поднесенныхъ ей членами Коммисіи Уложенія титуловъ: Великой, Премудрой и Матери отечества. † въ Петербургѣ 6-го нояб., въ четвергъ, 1796 г.; погребена вмѣстѣ съ супругомъ, 18-го дек. того же года, въ Петропавловскомъ соборѣ. 46

VII.

№ отцовскій.

58. IОАННЪ АНТОНОВИЧЪ, третій императоръ. Родился въ Петербургѣ 12-го авг. 1740 г.; 5-го окт. того же года объявленъ наслѣдникомъ престола, а 17-го окт. императоромъ. Государствомъ за него управляли: Биронъ съ 17-го окт. по 8-е нояб., и мать, принцесса Анна Леопольдовна, съ 9-го нояб. 1740 г. по 25-е нояб. 1741 г. Лишенъ престола 25-го нояб. 1741 г. и 2-го дек. того же года отправленъ съ родителями въ Ригу; въ тамошней цитадели находился съ 22-го апр. 1742 г., въ Динаминдѣ—со 2-го янв. 1743 г., съ весны до осени 1744 г. въ Раненбургѣ, съ конца 1744 по 1756 г. въ Холмогорахъ, съ янв. 1756 г. по 1764 г. въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ и убитъ во время мятежнаго замысла подпоручика Василія Мировича, въ ночи съ 4-го на 5-е іюля 1764 г. *; погребенъ въ тихвинскомъ Богородицкомъ Большомъ монастырѣ.

59. Екатерина Антоновна. Род. въ Петербургѣ 15-го 54
іюля 1741 г. Привезена вмѣстѣ съ родителями въ Холмогоры осенью 1744 г. Съ 13-го окт. 1780 г. жила въ Даніи. † 9-го апр. 1807 г., погребена въ датскомъ городѣ Горсензѣ.

60. Елисавета Антоновна. Род. въ Динаминдской цитадели въ дек. 1743-го г., потомъ жила въ Раненбургѣ и Холмогорахъ, а съ 13-го окт. 1780 г. въ Даніи, гдѣ и † 20-го окт. 1782 г.; погребена тамъ-же, въ г. Горсензѣ.

61. Петръ Антоновичъ. Род. въ Холмогорахъ 19-го марта 1745 г.; съ 13-го окт. 1780 г. жилъ въ Даніи, гдѣ и † 30-го янв. 1798 г.; погребенъ въ г. Горсензѣ.

62. Алексѣй Антоновичъ. Род. въ Холмогорахъ 7-го марта 1746 г.; съ 13-го окт. 1780 г. жилъ въ Даніи; † 22-го окт. 1787 г., погребенъ въ г. Горсензѣ.

---

* Полн. Собр. Зак., т. XVI, стр. 890—907; Исторія Россіи, С. Соловьева, томъ XXVI, стр. 16—25.

№ отцовскій.

63. ПАВЕЛЪ I ПЕТРОВИЧЪ, пятый императоръ. Род. въ Петербургѣ 20-го сент., во вторникъ, 1754 г.; 26-го дек. 1761 г. объявленъ наслѣдникомъ престола, на который вступилъ 6-го нояб. 1796 г.; короновался 5-го апр. 1797 г. Принялъ званіе Великаго Магистра державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго 29-го нояб. 1798 г. † въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ замкѣ, въ ночи съ 11-го на 12-е марта, съ понедѣльника на вторникъ, 1801 г.; погребенъ 23-го марта въ Петропавловскомъ соборѣ.

Первая супруга — великая княгиня Наталія Алексѣевна [Августа-Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская], род. въ гор. Дармштадтѣ 14-го іюня 1755 г.; мѵропомазана 15-го авг., обручена 16-го того же мѣсяца, повѣнчана 29-го сент. 1773 г. † въ Петербургѣ 15-го апр. 1776 г., погребена 22-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. 57

Вторая супруга — императрица Марія Θеодоровна [Доротея - Софія - Августа - Луиза, принцесса Виртембергская]. Род. въ Штутгартѣ 4-го окт. 1759 г. Сговорена въ Берлинѣ 12-го іюля, прибыла въ Петербургъ 31-го авг., мѵропомазана 14-го сент., обручена 15-го, повѣнчана 26-го сент. 1776 г. Коронована 5-го апр. 1797 г., овдовѣла 12-го марта 1801 г. † въ Петербургѣ, 24-го окт. 1828 г., погребена 13-го ноября въ Петропавловскомъ соборѣ.

64. Анна Петровна, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 9-го дек. 1757 г., † тамъ же 8-го мар. 1759 г., погребена 15-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

VIII.

№ отцовскій.

65. Александръ I Павловичъ, благословенный, шестой императоръ. Род. въ Петербургѣ 12-го дек., во вторникъ, 1777 г. Вступилъ на престолъ, въ вторникъ, 12-го марта, короновался 15-го сент. 1801 г.; отказался отъ поднесеннаго ему, въ Карлсруэ, 28-го іюня 1814 г., депутатами св. синода, государственнаго совѣта и сената титула Благословеннаго и предложенія поставить ему въ Петербургѣ памятникъ. † въ Таганрогѣ 19-го нояб., въ четвергъ, 1825 г.; погребенъ въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ, 13-го марта 1826 г.

Супруга Александра I — императрица Елисавета Алексѣевна [Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская]. Род. въ Карлсруэ 13-го янв. 1779 г.; мѵропомазана 9-го, обручена 10-го мая; повѣнчана 28-го сент. 1793 г., коронована 15-го сент. 1801 года; овдовѣла 19-го ноября 1825 г.; † въ Бѣлевѣ 4-го мая 1826 г.; погребена 21-го іюня въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ. 63

66. Константинъ Павловичъ, цесаревичъ. Род. въ Царскомъ Селѣ 27-го апр. 1779 г.; цесаревичъ съ 28-го окт. 1799 г.; отъ права наслѣдованія престола отрекся 14-го янв. 1822 г. По принесеніи ему, какъ императору, присяги, подтвердилъ отреченіе 26-го нояб. 1825 г. † въ Витебскѣ 15-го іюня 1831 года; погребенъ въ Петербургѣ, 17-го авг., въ Петропавловскомъ соборѣ.

Первая супруга—великая княгиня Анна Θеодоровна [Юлія-Генріэтта-Ульрика, принцесса Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская]. Род. въ Готѣ 23-го сент. 1781 г.; мѵропомазана 2-го февр., обручена 3-го, повѣнчана 15-го февраля 1796 г.; разведена отъ брачнаго сожитія 20-го марта 1820 г. † въ Швейцаріи 12-го авг. 1860 г., погребена въ Германіи, въ городѣ Готѣ.

№ отцовскій.

Вторая супруга — Жаннета Антоновна, графиня Грудзинская, получившая отъ императора Александра I титулъ княгини Ловичъ, при вступленіи въ бракъ. Род. въ Познани 17-го мая 1795 г.; повѣнчана 12-го мая 1820 г.; овдовѣла 15-го іюня 1831 г.; † въ г. Царскомъ Селѣ 17-го нояб. 1831 г., погребена въ тамошней католической церкви.

На памятникѣ въ склепѣ находится слѣдующая надпись на французскомъ языкѣ: «Здѣсь покоится ея высочество княгиня Іоанна (Жанна) Ловичъ, супруга его высочества цесаревича, великаго князя Константина Павловича. Род. въ Познани 17/28 мая 1795 г., † въ Царскомъ Селѣ 17/29 ноября 1831 г.». Доска съ такою же надписью есть и въ церкви.

67. Александра Павловна, великая княжна. Род. въ Павловскѣ 29-го іюля 1783 г.; обручена съ Іосифомъ, эрцгерцогомъ Австрійскимъ, палатиномъ Венгерскимъ, 2 февр. 1799 г., повѣнчана съ нимъ 19-го окт. того же года. † въ г. Офенѣ 4-го марта 1801 г., погребена въ мѣстечкѣ Уромъ, въ Венгріи.

68. Елена Павловна, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 13-го дек. 1784 г.; обручена съ Фридрихомъ-Людвигомъ, принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, 5-го мая, по- 63
вѣнчана съ нимъ 12-го окт. 1799 г. † въ г. Шверинѣ 12-го сент. 1803 года, гдѣ и погребена.

69. Марія Павловна, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 4-го февр. 1786 г.; обручена съ Карломъ-Фридрихомъ, принцемъ Саксенъ-Веймарскимъ и Эйзенахскимъ, 1-го янв., повѣнчана съ нимъ 22-го іюля 1804 г.; великая герцогиня со 2-го іюня 1828 г.; овдовѣла 28-го іюня 1853 года; † 11-го іюня 1859 года.

70. Екатерина Павловна, великая княжна. Род. въ Царскомъ Селѣ 21-го мая 1788 г.; обручена съ Петромъ-Фридрихомъ-Георгомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, 1-го янв., повѣнчана съ нимъ 18-го апр. 1809 г.; овдовѣла 15-го дек. 1812 г. [принцъ † въ Твери и погребенъ въ г. Ольденбургѣ]; обручена во второй разъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, 28-го дек. 1815 г., вступила съ нимъ въ бракъ 12-го янв. 1816 г.; королева Виртембергская съ 18-го окт. того же года. † въ Штутгартѣ 29-го дек. 1818 г., погребена близь этого города. [См. примѣчаніе I].

71. Ольга Павловна, великая княжна. Род. въ Гатчинѣ, 11-го іюля 1792 года, † въ Петербургѣ 15-го янв. 1795 г., погребена 20-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

72. Анна Павловна, великая княжна. Род. въ Гатчинѣ 7-го янв. 1795 г.; обручена съ Вильгельмомъ, наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ, 28-го янв., повѣнчана съ нимъ 9-го февр. 1816 г.; вступила на престолъ 7-го окт. 1840 г.; овдовѣла 17-го марта 1849 г. † 17-го февр. 1865 г., погребена въ Дельфтѣ, въ Голландіи.

73. НИКОЛАЙ I ПАВЛОВИЧЪ, седьмой императоръ. Род. въ Царскомъ Селѣ 25-го іюня, въ среду, 1796 г. Вступилъ на престолъ 19-го нояб., въ четвергъ, 1825 г., короновался въ Москвѣ 22-го авг., въ воскресенье, 1826 г. и въ Варшавѣ 12-го мая, въ воскресенье, 1829 г. † въ Петербургѣ 18-го февр., въ пятницу, 1855 г., погребенъ 5-го марта того же года въ Петропавловскомъ соборѣ.

Императрица Александра Өеодоровна [Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса Прусская], супруга императора Николая I, род. въ Берлинѣ 1-го іюля 1798 г.; мѵропомазана 24-го іюня, обручена 25-го іюня, повѣнчана 1-го іюля 1817 г., коронована въ Москвѣ 22-го авг. 1826 г. и въ Варшавѣ 12-го мая 1829 г.; овдовѣла 18-го февр. 1855 г. † въ Царскомъ Селѣ 20-го окт., въ четвергъ, 1860 г., погребена 5-го нояб. того же года въ Петропавловскомъ соборѣ. 63

74. Михаилъ Павловичъ, великій князь. Род. въ Петербургѣ 28-го янв. 1798 года. † 28-го авг. 1849 г. въ Варшавѣ, погребенъ 18-го сент. того же года въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

Супруга — великая княгиня Елена Павловна [Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса Виртембергская], род. въ Штутгартѣ 28-го дек. 1806 г.; мѵропомазана 5-го дек., обручена 6-го дек. 1823 г., повѣнчана 8-го февр. 1824 г.; овдовѣла 28-го августа 1849 г. † въ Петербургѣ 9-го янв. 1873 г., погребена 15-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

IX.

№ отцовскій.

75. Марія Александровна, великая княжна. Род. въ Павловскѣ 18-го мая 1799 года, † въ Царскомъ Селѣ 27-го іюля 1800 г., погребена 31-го числа въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

76. Елисавета Александровна, великая княжна. Род. въ С.-Пб. 3 нояб. 1806 г., † тамъ же 30 апр. 1808 г., погребена 5 мая въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. 65

77. АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ. Род. въ Москвѣ 17-го апр., въ среду, 1818 г.; объявленъ наслѣдникомъ престола 12-го дек. 1825 г. и цесаревичемъ 29-го авг. 1831 г. Вступилъ на престолъ 18-го февр., въ пятницу, 1855 г., короновался 26-го авг., въ воскресенье, 1856-го года.

МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Государыня Императрица [Максимиліана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія, принцесса Дармштадтская]. Род. въ Дармштадтѣ 27-го іюля 1824 г.; мѵропомазана 5-го дек., обручена 6-го дек. 1840 г., повѣнчана 16-го апрѣля 1841 года, коронована 26-го авг. 1856 г.

78. Марія Николаевна, великая княжна. Род. въ г. Павловскѣ 6-го авг. 1819 г.; обручена съ Максимиліаномъ-Евгеніемъ-Іосифомъ-Наполеономъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ и Эйхштедскимъ, 4-го дек. 1838 г., повѣнчана съ нимъ 2-го іюля 1839 г.; овдовѣла 20-го окт. 1852 г. [Герцогъ род. въ Мюнхенѣ въ 1817 г. † въ Петербургѣ, 20-го окт. 1852 г., погребенъ въ церкви св. Іоанна Іерусалимскаго, что въ Пажескомъ корпусѣ]. † въ С.-Петербургѣ 9-го февр. 1876 г., погребена 13-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. [См. примѣчаніе II]. 73

79. Ольга Николаевна, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 30-го авг. 1822 года; обручена съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Карломъ-Фридрихомъ-Александромъ 25-го іюня, повѣнчана съ нимъ 1-го іюля 1846 г.; королева—съ 25-го іюня 1864 г.

80. Александра Николаевна, великая княжна. Род. въ Царскомъ Селѣ 12-го іюня 1825 г.; обручена съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ

№ отцов-ствій.

26-го дек. 1843 г., обвѣнчана съ нимъ 16-го янв. 1844 г. † въ г. Царскомъ Селѣ 29-го іюля того же года, погребена 4-го авг. въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ *.

81. **Константинъ Николаевичъ**, великій князь. Род. въ С.-Пб. 9 сент. 1827 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст. съ 21-го іюля 1849 г.

Супруга — великая княгиня Александра Іосифовна [Фредерика-Генріэтта-Паулина-Маріанна-Елисавета, принцесса Саксенъ-Альтенбургская], род. въ Альтенбургѣ 26-го іюня 1830 г.; мѵропомазана 5-го, обручена 6-го февр., повѣнчана 30-го авг. 1848 года.

82. **Николай Николаевичъ** Старшій, великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 27-го іюля 1831 г.; кавалеръ ордена св. Георгія 1-й ст. съ 29-го ноября 1877 года. 73

Супруга—великая княгиня Александра Петровна [Фредерика-Вильгельмина, принцесса Ольденбургская], род. въ Петербургѣ 21-го мая 1838 г.; мѵропомазана 26-го дек., обручена 27-го дек. 1855 г., повѣнчана 25-го янв. 1856 г.

83. **Михаилъ Николаевичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 13-го октября 1832 г.; кавалеръ ордена св. Георгія 1-й ст. съ 9-го октября 1877 года.

Супруга — великая княгиня Ольга Θеодоровна [Цецилія-Августа, принцесса Баденская]. Род. въ Карлсруэ 8-го сент. 1839 г., мѵропомазана 3-го, обручена 4-го авг., повѣнчана 16-го авг. 1857 года.

84. **Марія Михаиловна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 25-го февр. 1825 года, † въ Вѣнѣ 7-го ноября 1846 г., погребена 13-го дек. того же года въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

85. **Елисавета Михаиловна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 14-го мая 1826 г.; обручена съ Адольфомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ Нассаускимъ, 1-го янв. 1844 г., обвѣнчана 19-го числа того же мѣсяца. † 16-го янв. 1845 г. въ Висбаденѣ, гдѣ и погребена въ склепѣ церкви св. Елисаветы. 74

* Сынъ ихъ, Вильгельмъ, принцъ Гессенъ-Кассельскій. Род. и † въ г. Царскомъ-Селѣ 29-го іюля 1844 года.

№ отцовскій.

86. **Екатерина Михайловна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 16-го авг. 1827 г., обручена съ Георгомъ-Августомъ, герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, 21-го янв., повѣнчана 4-го февр. 1851 г., овдовѣла 8-го іюня 1876 г. [Герцогъ умеръ въ Петербургѣ, погребенъ въ мѣстечкѣ Мирро, въ герцогствѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ]. [См. примѣчаніе III].

87. **Александра Михайловна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 16-го янв. 1831 г.; † тамъ же 15-го марта 1832 г., погребена 19-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. 74

88. **Анна Михайловна**, великая княжна. Род. въ Петербургѣ 15-го окт. 1834 г., † тамъ же 10-го марта 1836 г., погребена 15-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

X.

89. **Александра Александровна**, великая княжна. Род. въ Царскомъ Селѣ 18-го авг. 1842 г. † въ Петербургѣ 16-го іюня 1849 г., погребена 19-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ.

90. **Николай Александровичъ**, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 8-го сент. 1843 г., объявленъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ 18-го февр. 1855 г.; † 12-го апр. 1865 г. въ Ниццѣ, погребенъ 28-го мая въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

91. АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь. Род. въ Петербургѣ 26-го февр., въ понедѣльникъ, 1845 г.; объявленъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ 12-го апр. 1865 г.; кавалеръ ордена св. Георгія 2-й ст. съ 30-го ноября 1877 года. 77

Супруга—цесаревна и великая княгиня МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА [Марія-Софія-Фредерика-Дагмара, принцесса Датская]. Род. въ Копенгагенѣ 14-го нояб. 1847 г., мѵропомазана 12-го окт., обручена 13-го окт., повѣнчана 28-го окт. 1866 г.

92. **Владиміръ Александровичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 10-го апр. 1847 г.; кавалеръ ордена св. Георгія 3-й ст. съ 15-го ноября 1877 года.

Супруга великаго князя Владиміра Александровича—великая княгиня Марія Павловна [Марія-Александрина-Елисавета-Элеонора, принцесса Мекленбургъ-Шверинская]. Род. въ Людвигслюстѣ, близь Шверина, 14-го мая 1854 г. Обвѣнчана 16-го авг. 1874 г.; по вѣроисповѣданію лютеранка.

93. **Алексѣй Александровичъ**, великій князь. Род. въ Пб. 2 янв. 1850 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 9 янв. 1878 г.

94. **Марія Александровна**, великая княжна. Род. въ 77
Петербургѣ 5-го окт. 1853 г. Вступила въ бракъ съ Альфредомъ, принцемъ Великобританскимъ, герцогомъ Эдинбургскимъ 11-го янв. 1874 года. [См. примѣч. IV].

95. **Сергій Александровичъ**, великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 29-го апр. 1857 года.

96. **Павелъ Александровичъ**, великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 21-го сент. 1860 года.

97. **Николай Константиновичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 2-го февраля 1850 года.

98. **Ольга Константиновна**, великая княжна. Род. въ г. Павловскѣ 22-го авг. 1851 года, обручена съ королемъ Греціи Георгомъ I-мъ 26-го іюня, повѣнчана—15-го октября 1867 г. [См. примѣч. V].

99. **Вѣра Константиновна**, великая княжна. Род.
въ Петербургѣ 4-го февр. 1854 г., вступила въ супружество 81
съ Евгеніемъ, герцогомъ Виртембергскимъ, 26-го апр. 1874 г., овдовѣла 15-го янв. 1877 года.

100. **Константинъ Константиновичъ**, великій князь. Род. въ Стрѣльнѣ 10-го авг. 1858 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 16-го окт. 1877 года.

101. **Димитрій Константиновичъ**, великій князь. Род. въ Стрѣльнѣ 1-го іюня 1860 года.

102. **Вячеславъ Константиновичъ**, великій князь. Род. въ Варшавѣ 1-го іюля 1862 года.

103. **Николай Николаевичъ Младшій**, великій князь. 82
Род. въ Петербургѣ 6-го нояб. 1856 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 16-го іюня 1877 года.

№ отцовскій.

104. **Петръ Николаевичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 10-го янв. 1864 года.

105. **Николай Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Царскомъ Селѣ 14-го апр. 1859 года.

106. **Анастасія Михаиловна**, великая княжна. Род. въ Петергофѣ 16-го іюля 1860 года.

107. **Михаилъ Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 4-го окт. 1861 года. 83

108. **Георгій Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Тифлисѣ 11-го авг. 1863 года.

109. **Александръ Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Тифлисѣ 1-го апр. 1866 года.

110. **Сергій Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Тифлисѣ 25-го сент. 1869 года.

111. **Алексѣй Михаиловичъ**, великій князь. Род. въ Тифлисѣ 16-го декабря 1875 года.

XI.

112. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 6-го мая 1868 года.

113. **Александръ Александровичъ**, великій князь. Род. въ Царскомъ Селѣ 26-го мая 1869 г. † въ Петербургѣ 20-го апр. 1870 г., погребенъ 22-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. 91

114. **Георгій Александровичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 27-го апр. 1871 года.

115. **Ксенія Александровна**, великая княжна. Род. въ С.-Петербургѣ 25-го марта 1875 года.

116. **Александръ Владиміровичъ**, великій князь. Род. въ Царскомъ Селѣ 19-го авг. 1875 г. † въ Петербургѣ 4-го марта 1877 г., погребенъ 7-го числа въ Петропавловскомъ соборѣ. 92

117. **Кириллъ Владиміровичъ**, великій князь. Род. въ г. Царскомъ Селѣ 30-го сент. 1876 года.

118. **Борисъ Владиміровичъ**, великій князь. Род. въ Петербургѣ 12-го нояб. 1877 года.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I.

Дѣти великой княгини Екатерины Павловны и принца Ольденбургскаго:

Фридрихъ-Павелъ-Александръ, принцъ Ольденбургскій. Род. въ г. Павловскѣ 18-го авг. 1810 г., † холостымъ въ Ольденбургѣ 4-го нояб. 1829 г., погребенъ тамъ же.

Константинъ-Фридрихъ-Петръ Георгіевичъ, принцъ Ольденбургскій. Род. въ Ярославлѣ 14-го авг. 1812 г., пожалованъ титуломъ императорскаго высочества 17-го марта 1845 г. (Именной указъ о семъ пожаловании распубликованъ въ Сенатскихъ Вѣд. 23-го марта 1845, № 24).

Супруга — **Тереза-Вильгельмина-Фредерика-Изабелла-Шарлотта**, принцесса Нассау-Вейльбургская, Род. въ г. Вейльбургѣ 17-го апр. 1815 г., вступила въ бракъ 23-го апр. 1837 г. † въ Прагѣ 26-го нояб. 1871 г., погребена близъ С.-Петербурга, въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Дѣти принца Петра Георгіевича и принцессы Терезы Ольденбургскихъ:

Фредерика-Вильгельмина, великая княгиня Александра Петровна, род. въ Петербургѣ 21-го мая 1838 г., мѵропомазана 26-го дек., обручена съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ 27-го дек. 1855 г., повѣнчана 25-го янв. 1856 г. (См. выше № 82).

Николай (Фридрихъ-Августъ) **Петровичъ**, принцъ Ольденбургскій. Род. въ С.-Петербургѣ 27-го апрѣля 1840 года.

Супруга — **Марія Ильинична Булацель**, род. 26-го іюня 1845 г., вступила въ супружество 15-го мая 1863 года, при чемъ получила отъ великаго герцога Ольденбургскаго титулъ графини фонъ-Остернбургъ.

Марія Петровна, принцесса Ольденбургская. Род. въ Петербургѣ 15-го февр. 1842 г. † 29-го декабря того же года; погребена въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Александръ (Фридрихъ-Константинъ) **Петровичъ**, принцъ Ольденбургскій. Род. въ Пб. 21 мая 1844 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 1 янв. 1878 г.

Супруга — **Евгенія Максиміліановна** княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская. Род. въ Петербургѣ 20-го марта 1845 г., вступила въ бракъ 7-го янв. 1868 года.

Екатерина (Фредерика-Паулина) **Петровна**, принцесса Ольденбургская. Род. въ Петербургѣ 9-го сент. 1846 г. † въ Ремербадѣ, въ Штиріи, 11-го іюня 1866 г., погребена въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Георгій (Фридрихъ-Александръ) **Петровичъ**, принцъ Ольденбургскій. Род. въ Петербургѣ 5-го апр. 1848 г. † 5-го марта 1871 г. и погребенъ въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Константинъ (Фридрихъ-Петръ) **Петровичъ**, принцъ Ольденбургскій. Род. въ Петербургѣ 27-го апрѣля 1850 г.

Тереза (Фредерика-Ольга), принцесса Ольденбургская. Род. въ Петербургѣ 19-го марта 1852 года.

Дѣти принца Николая Петровича Ольденбургскаго и графини фонъ-Остернбургъ:

Александра, графиня Остернбургъ, род. въ Женевѣ, 26-го мая 1864 г.

Петръ, графъ Остернбургъ, род. въ Женевѣ, 3-го іюня 1866 г., † въ Люблинѣ, 25-го дек. 1867 г. и погребенъ въ Сергіевскомъ монастырѣ.

Ольга, графиня Остернбургъ, род. въ Бѣлостокѣ, 1-го мая 1868 г., † 14-го сент. 1869 г; погребена тамъ же.

Вѣра, графиня Остернбургъ, род. въ Петербургѣ, 23-го мая 1871 г.

Сынъ принца Александра Петровича и принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургскихъ:

Петръ (Фридрихъ-Георгъ), принцъ Ольденбургскій, род. въ Петербургѣ 9-го нояб. 1868 г.

II.

Дѣти великой княгини Маріи Николаевны и герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго:

Александра Максимиліановна, герцогиня Лейхтенбергская. Род. въ Петербургѣ 28-го марта 1840 г. † на Сергіевской дачѣ 31-го іюля 1843 г., погребена 5-го августа въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ.

Марія Максиміліановна, княжна Романовская *, герцогиня Лейхтенбергская. Род. въ Петербургѣ, 4-го октября 1841 г., вступила въ бракъ съ Вильгельмомъ, принцемъ Баденскимъ, 11-го февраля 1863 г.

Николай Максимиліановичъ, князь Романовскій*, герцогъ Лейхтенбергскій. Род. на Сергіевской дачѣ 23-го іюля 1843 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 28-го іюня 1877 г.

Евгенія Максимиліановна, княжна Романовская *, герцогиня Лейхтенбергская. Род. въ Петербургѣ 20-го марта 1845 г., вступила въ бракъ съ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ 7-го января 1868 года. **(См. выше, стр. XXIX).**

Евгеній Максимиліановичъ, князь Романовскій *, герцогъ Лейхтенбергскій. Род. въ Петербургѣ 27-го января 1847 г.; кавалеръ св. Георгія 4-й ст., съ 1873 г.

Супруга — Дарья Константиновна Опочинина. Род. 7-го марта 1845 г.; вступила въ супружество 8-го января 1869 г., причемъ отъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА II получила титулъ графини Богарне;**

---

* На основаніи Высочайшаго указа 6-го декабря 1852-го года.

** Именной указъ сенату 9-го января 1869 г.

† въ С.-Петербургѣ 7-го марта 1870 г., погребена въ Сергіевскомъ монастырѣ, близь С.-Петербурга.

Сергій Максимиліановичъ, князь Романовскій *, герцогъ Лейхтенбергскій. Род. въ Петербургѣ 8-го декабря 1849 г. Убитъ въ рекогносцировкѣ при Іованѣ-Чифтликѣ, въ Болгаріи, 12-го октября 1877 г. погребенъ въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ 24-го октября.

Георгій Максимиліановичъ, князь Романовскій *, герцогъ Лейхтенбергскій. Род. въ Петербургѣ 17-го февраля 1852 года.

Дочь Евгенія Максимиліановича, князя Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго и графини Богарне:

Дарья Евгеніевна, графиня Богарне, род. въ Петербургѣ, 28 февраля 1870 г.

III.

Дѣти великой княгини Екатерины Михаиловны и герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго:

Елена (Марія-Александра-Елисавета-Августа-Екатерина), принцесса Мекленбургъ-Стрелицкая, род. въ Петербургѣ 4-го января 1857 г.

Георгъ (Александръ-Михаилъ-Фридрихъ-Вильгельмъ-Францъ-Карлъ), принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Род. въ Ремплинѣ 25-го мая 1859 года.

Карлъ (Михаилъ-Вильгельмъ-Александръ-Августъ), принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, род. въ Ораніенбаумѣ 5-го іюня 1868 г.

IV.

Дѣти великой княгини Маріи Александровны и герцога Эдинбургскаго:

Альфредъ-Александръ-Вильямъ-Эрнстъ-Альбертъ, принцъ Великобританскій, род. 3-го окт. 1874 года.

Марія-Александра-Викторія, принцесса Великобританская, род. 17-го октября 1875 года.

Викторія-Мелита, принцесса Великобританская, род. 18-го нояб. 1876 г.

---

* На основаніи Высочайшаго указа 6-го декабря 1852 года.

V.

Дѣти королевы Греціи Ольги Константиновны и короля Георгія I:

Константинъ (Демосѳенъ-Генрихъ), наслѣдный принцъ Спартанскій, род. 21-го іюля 1868 года.

Георгъ, графъ Корфу, род. 13-го іюня 1869 г.

Александра, род. 18-го авг. 1870 г.

Николай, род. 9-го января 1872 года.

Марія, род. 21-го февраля 1876 года.

[Составилъ Г. И. Студенкинъ].

и вопросы, имѣющіе обще-археологическій интересъ: мѣстныя древности Кубанской и Терской областей, проф. Кондакова; историческое значеніе городищъ, проф. Самоквасова; языческое кладбище въ Добрышицахъ, проф. Павинскаго; объ обычаѣ вѣшать княжескія одежды въ храмахъ, проф. Терновскаго; Софія цареградская по опис. русскаго паломника XII в., проф. Срезневскаго; пещера Бычачьей скалы въ Моравіи, Ванкеля; дохристіанскіе могильники въ Моравіи, д-ра Дудика; о резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека I, проф. Бруна; русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, проф. Аристова; какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей, г. Износкова; что значитъ Россовлахія въ греческихъ документахъ, проф. Григоровича; опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о Скиѳіи, г. Бурачкова; о топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель, г. Колара; Янъ Ласицкій и его соч. «De diis Samogitarum», г. Мѣржинскаго; не было-ли въ Москвѣ опыта въ книгопечатаніи до первопечатнаго Апостола, г. Викторова; о памятникахъ, про[illegible]шихъ Куликовскую битву, г. Хру[illegible]не-переяславская епархія и опытъ изслѣдованія номенклатуры мѣстностей Переяславскаго уѣзда Владимірской губ., свящ. Свирѣлина; по вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху, прот. Прозоровскаго; о древней вислой свинцовой печати съ надписью отъ Ратибора, найденной около Еникале, г. Люценка; сообщенія о нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ письменности и между прочимъ г. Леже объ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской библіотекѣ; двa-три реферата, относящихся къ вопросамъ классической археологіи.

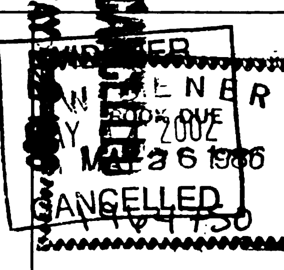
Таково содержаніе вышедшихъ двухъ томовъ «Трудовъ». Атласъ, приложенный къ этому изданію, составленъ изъ плановъ мѣстностей, снимковъ съ предметовъ древностей и образцовъ южно-русскаго орнамента (узоровъ, табл. XVI—XXV). Рисунки выполнены фото-литографическимъ способомъ проф. университета св. Владиміра В. А. Бецомъ, имѣющимъ собственный снарядъ для снимковъ анатомическихъ редметовъ. Атласъ выполненъ чисто и изящно; изданіе текста, печатавшагося въ университетской типографіи, также сдѣлано вполнѣ удовлетворительно, что не всегда можно сказать о кіевскихъ изданіяхъ, вообще не отличающихся въ типографическомъ отношеніи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ поблагодарить издателей, употребившихъ значительныя усилія для преодолѣнія всякихъ препятствій.

Труды Кіевскаго съѣзда появились въ свѣтъ благодаря средствамъ, назначеннымъ на изданіе г. министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству гр. А. С. Уварова, а также предоставленнымъ самимъ гр. Уваровымъ, «неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отчествѣ».

Древности. Труды Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціею В. Е. Румянцева. Т. VII, выпускъ I. Съ 14 политипажами въ текстѣ и 10 хромолитографическими рисунками въ приложеніи.

Настоящее изданіе, служащее органомъ Московскаго археологическаго общества, обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ тому-же неутомимому дѣятелю на поприщѣ археологіи въ Россіи—гр. А. С. Уварову. Въ послѣднее время оно выходитъ подъ ближайшимъ завѣдываніемъ секретаря общества, В. Е. Румянцева. Въ составъ настоящаго выпуска вошли слѣдующія статьи: I. Изслѣдованія: о лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ, В. Ѳ. Миллера; оріандовская пещера, гр. А. С. Уварова; описаніе тверскаго музея, А. К. Жизневскаго, съ примѣч. гр. Уварова; описаніе евангелія 1092 г., архим. Амфилохія. II. Археологическія извѣстія и замѣтки: по поводу возстановленія древнихъ библіотечныхъ палатъ московскаго печатнаго двора, В. Е. Румянцева; надгробныя надписи въ московской церкви св. Николая-въ-Башмачкахъ, В. Е. Румянцева. III. Библіографія: объ антиминсахъ русской церкви, св. Кн. Никольскаго; археологическое общество при чешскомъ музеѣ и его журналъ, Н. А. Попова; нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у словенцевъ, чеховъ, лужичанъ и поляковъ, А. А. Котляревскаго. IV. Протоколы засѣданій Московскаго археологическаго общества. **В. И.**

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**


WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED